

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНСОРЦИУМ
КЛУБ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Ежегодник

Выпуск 17

Часть 3

**Материалы XIII Международной научно-практической конференции
«Регионы России: стратегии развития и механизмы реализации приоритетных
национальных и региональных проектов и программ»**

Москва – 2022

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, генеральный директор Института экономических стратегий, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ГД ФС РФ, *В.Б. Бетелин* – академик РАН, член Президиума РАН, научный руководитель НИИ системных исследований РАН, вице-президент РНЦ «Курчатовский институт», *С.Д. Бодрунов* – д.э.н., профессор, президент Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, *Н.Н. Бордюжа* – председатель Исполкома Ассоциации «Аналитика», председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, *Ю.В. Гуляев* – академик РАН, член Президиума РАН, президент Российского Союза научных и инженерных общественных объединений, *В.В. Иванов* – д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, *С.А. Кудж* – д.т.н., ректор РТУ МИРЭА *А.В. Кузнецов* – член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН, *В.Л. Макаров* – академик РАН, директор ЦЭМИ РАН, *А.С. Сигов* – академик РАН, президент РТУ МИРЭА *А.Н. Худин* – д.п.н., профессор, ректор Курского государственного университета *М.А. Эскиндаров* – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Финансового университета.

Редакционная коллегия

Т.А. Агапова – д.э.н., профессор МГУ, *Л.А. Аносова* – д.э.н., ученый секретарь Отделения общественных наук РАН, *А.А. Белостоцкий* – к.э.н., доцент, *И.В. Гайдамашко* – д.п.н., профессор, директор Института технологий управления РТУ МИРЭА, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *Е.Г. Гребенищикова* – д.ф.н., руководитель центра, зам. директора ИНИОН РАН, *Е.С. Дарда* – к.э.н., зав. кафедрой статистики и математических методов в управлении РТУ МИРЭА, *С.П. Друкаренко* – к.т.н., вице-президент Российского Союза научных и инженерных общественных объединений, *О.А. Золотарева* – к.э.н., в.н.с. Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, доцент РТУ МИРЭА, *Е.А. Козгай* – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой Курского государственного университета, *С.И. Коданева* – к.ю.н., в.н.с. ИНИОН РАН, *Н.И. Комков* – д.э.н., профессор, зав. лабораторией ИМП РАН, *О.С. Крюкова* – д.ф.н., зав. кафедрой МГУ, *В.Н. Лексин* – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института системного анализа ФИЦ «Управление и информатика» РАН, *В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *Н.П. Молчанова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, *М.А. Положихина* – к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН, *Е.И. Пронина* – вице-президент Российского общества социологов, с.н.с. Института социологии РАН, *М.А. Ратникова* – доктор экономики и менеджмента, вице-президент, директор Вольного экономического общества России, *В.Б. Слатинов* – д.полит.н., доцент, зав. кафедрой Курского государственного университета, *И.В. Шацкая* – д.э.н., зам. директора Института технологий управления РТУ МИРЭА.

Р 76 **Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 17: Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных и региональных проектов и программ». Ч. 3 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2022. – Ч. 3. – 584 с. ISBN 978-5-248-01043-1**

Рассматриваются проблемы регионального и муниципального развития, качества власти и управления, демографии и здравоохранения, социокультурной памяти, национальной и региональной идентичности, экспертно-аналитического и информационного обеспечения социально-экономического развития.

Для специалистов в области россиеведения, государственного управления, инновационного, технологического и регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

БК 60.54
66.75 (2 Рос)

ISBN 978-5-248-01043-1

СОДЕРЖАНИЕ

Регионы и города

Артемов В.А. Проблемы финансового обеспечения развития социальной сферы региона	9
Бейдина Т.Е. Реализация регионального проекта «Формирование комфортной городской среды» в составе национального проекта «Жилье и городская среда» на территории Забайкальского края	13
Белкина В.А., Асеева И.А. Социально-экологические аспекты технологического развития регионов	16
Белостоцкий А.А. Дотации регионов в условиях бюджетной консолидации	19
Белоусова А.В. Структура производства и внешнеторговые взаимодействия Дальневосточных субъектов РФ	21
Борисоглебская Л.Н., Новакова С.Ю., Макарова С.Н. Инновационная экосистема как инструмент технологического развития региона	23
Василенко В.Н., Василенко Д.В. Природа экономических различий в межтерриториальном измерении (вопросы теории)	29
Великих П.К. Проблемы и перспективы консолидации городских сообществ в оценках экспертов	37
Винокуров А.И. Исследовательский проект «Коннектом человека» в стратегии инновационного и научно-технологического развития Смоленской области	40
Водомеров Н.К. Материальное производство как основа экономики региона	42
Вульфович Р.М. Проблема делимитации границ городских агломераций (на примере Санкт-Петербурга)	52
Гвоздева А.А. Перспективы развития наукоградов и инновационных кластеров на примере наукограда Кольцово и биофармацевтического кластера Новосибирской области	57
Гоголева Е.Н. Городское пространство в системе взаимодействия государства и гражданского общества в России: новый ресурс общественного развития	60
Жалелева Р.З., Пастернак А.А., Жалелева С.З. Сельские территории в развитии Казахстана	63
Жалелева Р.З., Пастернак А.А., Жалелева С.З. Оценка потенциала сельских территорий Казахстана	68
Жилина И.Ю. Роль туризма в развитии Арктической зоны Российской Федерации	72
Иванов В.А. Стратегическое планирование аграрного сектора регионов Европейского Севера	78
Когай Е.А. Проблемы развития человеческого потенциала в социокультурном портрете регионов Центрального Черноземья	84
Колечков Д.В. Оценка состояния жилищного строительства в Республике Коми	88
Латышев С.В. Системные инновации в стратегическом управлении региональным развитием	93
Липатова Л.Н., Рябовол Л.Г. Проблемы развития внутреннего туризма в России: региональный аспект	98
Лобикова О.М., Матвеев В.А. Оптимизация подходов к технико-экономическому обоснованию выбора ограждающих конструкций в жилищном строительстве	101
Лобикова О.М., Атращенко В.П. Обоснование энергоэффективного фундамента в малоэтажном домостроении	105

Лойко А.И.	
Регионы Беларуси в пространстве инклюзивной экономики	111
Малкина М.Ю.	
Реакция на шок и восстановление российских регионов в период пандемии 2020–2021	114
Матанцева О.Ю., Трякин К.В.	
О некоторых направлениях реформирования организации общественного пассажирского транспорта на федеральном и региональном уровнях	123
Матвеева Л.К.	
Промышленное развитие регионов в условиях трансформации промышленной политики России: от коронавируса до санкций	127
Машунин Ю.К., Машунин К.Ю.	
Стратегии и механизмы социально-экономического развития промышленного кластера в регионе в условиях цифровой экономики	132
Мещеряков Д.А.	
Приоритетный стратегический проект «Новая индустриализация региона» как инструмент, обеспечивающий импортозамещение в промышленном производстве Воронежской области	136
Нежданов В.А.	
Обнинско-Боровская агломерация на пересечении новых трендов расселения	138
Носков В.А.	
Методические особенности учета природного капитала лесов: зарубежный опыт с позиции общественного и корпоративного подходов	142
Осинов А.К.	
Проблемы формирования центров и полюсов роста Удмуртской Республики	145
Павлов К.В., Зенькова И.В., Сати Р.С.	
Системный подход к исследованию хозяйственного потенциала районов Витебской области Беларуси	149
Павлов К.В., Зенькова И.В., Никифоров С.А.	
Перспективы развития мясоперерабатывающей промышленности Витебской области Беларуси в условиях современного кризиса	157
Павлов Б.С., Пацула А.В., Пронина Е.И., Павлов Д.Б.	
«Трудные» подростки на Уральском Севере: особенности поведения и реабилитации (из практики социологического анализа в 90-е годы)	159
Павлов Б.С., Попов В.Г. Александрова Ж.П., Малыш Е.В., Разикова Н.В.	
Социальное партнёрство на региональных рынках труда Крайнего Севера: традиции и новации (по материалам исследований 1995–2021 гг.)	171
Парахонская Г.А.	
Малый город современной России: проблемы и перспективы	184
Погибаев Д.Ю., Тихий В.И.	
Орловская область: основные итоги социально-экономического развития и корректировка региональной экономической политики	186
Прокапало О.М., Алейникова А.В.	
Национальные проекты в Хабаровском крае: ожидания и факты	191
Пруель Н.А., Градусова В.Н.	
Вклад Республики Мордовия в обеспечение продовольственной безопасности России	194
Румянцева С.Т., Рябовол Л.Г.	
Повышение туристической привлекательности как фактор социально-экономического развития территории	197
Скворцова А.С., Воротников А.М.	
Стратегические приоритеты развития Архангельской области как Арктического региона	200
Сосунова И.А.	
Новое качество жизни и экоустойчивое развитие регионов в условиях модернизации	204
Тараканов О.В., Киселева Н.А., Утюгова Е.С.	
Перспективы и проблемы развития городских и сельских территорий Пензенского региона	210
Тарандо Е.Е., Градусова В.Н.	
Агротуризм как приоритетное направление социально-экономического развития сельских территорий	213
Терентьева М.А.	
Занятость в неформальном секторе в северных и южных регионах России	216
Тихомирова В.В.	
Реальный сектор экономики: обеспечение региональной конкурентоспособности на рынке жилищно-коммунальных услуг (на примере Республики Коми)	219
Трон Т.И.	
Влияние коронакризиса 2020–2021 гг. и внеэкономических шоков начала 2022 г. на социально-экономическое развитие регионов: на примере розничного кредитного сектора экономики ДФО	222

Чекалин В.С., Сахарова О.В.

Механизмы стратегического планирования капитального ремонта жилищного фонда крупного города (региона) в условиях цифровизации	231
---	-----

Качество власти и управления

Алимов Р.А., Султанова Л.Ш.

Визуализация больших баз данных как фактор демократизации в деятельности региональных органов власти и управления	234
---	-----

Аствацатурова М.А.

Проекция регионального публичного управления в этнокультурной и этнополитической сфере в условиях современных георисков (Северокавказский кейс)	239
---	-----

Бабинцев В.П.

Социальная консолидация как преждевременный политико-управленческий проект в дополненной реальности	244
---	-----

Ваганян Г.А.

Проблемы кадровой политики в науке управления (на примере Армении)	248
--	-----

Градусова В.Н., Карапетян Р.В.

К вопросу о качестве регионального управления в России	253
--	-----

Ибрагимова Р.С.

Антикризисная промышленная политика региона	256
---	-----

Искаков И.Ж.

Политические элиты и развитие региональной интеграции	260
---	-----

Каשתелян Т.В., Болобосова А.А., Шляжко Л.В.

Изменение институциональной управленческой парадигмы в отношении ресурсных платежей: на примере лесного сектора Беларуси	262
--	-----

Леньшин В.П.

Цифровые социальные технологии как инструмент реализации региональных стратегии социально-экономического развития и стратегии цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления	265
---	-----

Логвиненко В.П.

Принципы государственного строительства и управления в современных условиях	270
---	-----

Пронина Л.И.

Совершенствование межбюджетных отношений в контексте становления единой системы публичной власти в РФ	273
---	-----

Раевский С.В., Ромашин А.А.

Механизмы проектного управления в процессе координации деятельности бизнеса и органов власти в регионе	279
--	-----

Рисин И.Е., Чичерина А.С.

Задачи совершенствования кадрового, методического и организационного обеспечения разработки муниципальных стратегий	283
---	-----

Рожковская Е.А.

Структурная политика в контексте решения проблем регионального развития	285
---	-----

Семёнова Л.Н.

Трансформации публичного контура политики и государственного управления республики Беларусь	289
---	-----

Сиденко О.А.

Лидерские компетенции государственных и муниципальных служащих в контексте проблематики коллективного публичного лидерства	294
--	-----

Файгер А.А., Левандовский Н.Н., Черноморец С.С.

Криминалистическая характеристика преступлений в сфере кредитования (на основе законодательства и практики Республики Молдова)	300
--	-----

Филиппова Ю.А.

Концепция стратегического управления социально-экономическим развитием муниципальных районов Республики Саха (Якутия) на основе пространственных факторов	306
---	-----

Чекменев Д.С., Соловьева Е.А.

Модели реформирования территориальной организации местного самоуправления (опыт Ставропольского края)	310
---	-----

Черникова В.В.

Стратегия регионального развития в условиях санкционного давления: возможности мобилизации потенциала гражданского общества	313
---	-----

Шахбанова М.М.

Языковая политика в фокусе общественного мнения (по результатам социологического опроса)	318
--	-----

Демографические процессы и сбережение нации

Бабаев А.А.

О влиянии пандемии COVID-19 на миграционные процессы и положение мигрантов Республики Таджикистан	321
---	-----

Бакальская Е.В., Брыляева Е.В.	
Направления повышения эффективности медицинской организации	325
Волошенко К.Ю., Лялина А.В., Новикова А.А., Фарафонова Ю.Ю.	
Регулирование межрегиональной миграции для целей обеспечения экономической безопасности региона	331
Гайкин В.А.	
Управление корейскими гастарбайтерами в Японии в межвоенный период 1918–1937 гг.	337
Жилкин В.А.	
Анализ судебной практики назначения наказаний за совершение тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических или психотропных веществ в судах Финляндии	340
Куделина О.В., Суворова Т.А.	
Здоровьесбережение населения в условиях коронавирусной инфекции	345
Литовский В.В., Павлов Б.С., Пацула А.В., Сентюрина Л.Б., Павлов Д.Б.	
Благополучное эколого-валеологическое самочувствие северян, как залог воспроизводства дееспособного территориального социума (ретроспектива в 90-е годы)	350
Малинина Т.Б., Липатова Л.Н.	
О необходимости корректировки государственной миграционной политики	362
Мамонова О.Н.	
Профессиональная самоидентификация российских врачей в постковидной трансформации	365
Найден С.Н., Бравок П.С.	
Модернизация здравоохранения и здоровье населения Дальнего Востока	368
Павлов Б.С., Лоншакова Н.А., Бондарева Л.Н., Пронина Е.И.	
Институт семьи северян как основная социально-биологическая база процесса производства и воспроизводства человеческого потенциала региона (по материалам опросов 90-х годов XX в.)	373
Попова Л.А.	
Здоровье населения Республики Коми в условиях пандемии COVID-19	387
Пруель Н.А., Липатова Л.Н.	
Статистическая оценка демографических потерь в России в первый год пандемии COVID-19 в региональном разрезе	394
Пряжникова О.Н.	
Направления развития медицинского обслуживания в странах Азиатско-Тихоокеанского региона	396
Сафарова Г.Л., Кипяtkова В.А., Сафарова А.А.	
Смертность пожилого населения в регионах Северо-Западного Федерального округа и ее связь с социально-экономическими показателями	398
Снакин В.В.	
Воспроизводство народонаселения в различных регионах и возможности демографической политики	405
Тарандо Е.Е., Лазарева Е.Н.	
Питание россиян как государственная проблема	412
Тарандо Е.Е., Румянцева С.Т.	
Качество питания россиян: региональный аспект	414

Социокультурная память, национальная и региональная идентичность

Бегалинова К.К., Ашилова М.С., Бегалинов А.С.	
Культура Казахского народа: сущность и особенности	416
Берсенёв В.Л., Логинов В.Г., Павлов Б.С., Стожаров А.В., Трифонова П.С.	
Семья коренных народов: от традиционного чума до удобств городских квартир в нефтегазовых городах ХМАО и ЯНАО (1990–2020 гг.) 422	
Василенко И.В.	
Трансформация элитарной и массовой культуры в условиях медийной конвергенции	434
Гусейнова А.Б.	
Миниатюры к «Куллият» Амир Хосрова Дехлеви как источник традиционных танцевальных движений и атрибутики восточного танца	439
Гусейнова А.Б.	
Изобразительное искусство кадjarской эпохи как источник традиций Азербайджанского танцевального искусства и его атрибутики	443
Карнишина Н.Г.	
Институты социальной памяти в процессе формирования национальной и религиозной идентичности: опыт исторического моделирования	447
Коровникова Н.А.	
Виртуальный музей как фактор интеграции Российских регионов	450
Крюкова О.С.	
Региональные литературные центры России: история и современность	453

Ланина Е.Е.	Развитие евразийского туризма и сохранение социокультурной памяти	455
Лойко Л.Е.	Региональные центры исторической памяти о событиях Великой отечественной войны: Брестская крепость	457
Москалевич Г.Н.	Роль культурно-познавательных программ для семейного туризма в устойчивом развитии региона	459
Некрасов С.Н.	Диалектика и необходимость диалога элитарной и массовой культур	466
Овчинникова Т.М.	Конфликтный потенциал региональной идентичности	472
Павильч А.А.	Исторический опыт восприятия и изучения культурного разнообразия мира в России	475
Павлов Б.С., Стожаров А.В., Захарчук Е.А., Икингрин Е.Н.	«Российские северяне – это россияне наособицу»: так свидетельствуют соцопросы (на материалах Уральского Севера – 1992–2010 гг.).....	479
Попов М.Е.	Политика социокультурной интеграции на Северном Кавказе: конфликтологический анализ	491
Ребенко Е.П., Дьякова В.В., Каргаполова Е.В., Давыдова Ю.А.	Кансел-культура как социальный феномен современного общества (на примере студенческой молодежи регионов России)	494
Сгибнева О.И.	Культурная среда города как поле диалога массовой и элитарной культур: опыт социологического исследования ...	497
Спирина М.Ю.	Традиционные ценности в патриотическом воспитании детей и юношества	501
Suleymanov G.	Azerbaijani model of multiculturalism in Caucasus	504
Сун Цзисинь	Типы и субъекты городских субкультур Китая	506
Тулузакова М.В.	Социально-культурный потенциал провинциального города: проблемы и перспективы	513
Флиер А.Я.	Сравнительная социология типов современных культур	517

Экспертно-аналитическое и информационное обеспечение социально-экономического развития

Барбашова Е.В., Лясковская О.В.	Эконометрические модели развития общественных настроений россиян в условиях новой социальной реальности: особенности построения и социологический анализ.....	521
Бондарь Т.Е.	Теоретические основы анализа финансового обеспечения деятельности коммерческих организаций в Республике Беларусь	528
Бунь А.В., Емельяненко С.М., Самосюк А.С.	Организация и информационно-методическое обеспечение внутреннего аудита исполнения бюджетной сметы	531
Бунь А.В., Недведь Д.М., Шумик И.С.	Проблемы аудиторской выборки	533
Гулямов С.С., Шермухамедов А.Т., Хайитматов У.Т., Родионов А.А., Джуманиязов Ш.Р.	Анализ методов оценки эффективности цифровой экономики	536
Давиденко Л.М.	Проблемы экспертно-аналитического и информационного обеспечения стратегического управления технологическим развитием на региональном уровне	539
Домнич Е.Л.	Об адекватности российской статистики технологических инноваций	544
Дорошенко С.В., Санаева О.В.	Оценка взаимосвязи институциональных механизмов и адаптации населения регионов на основе тематического моделирования	547
Кутышкин А.В., Шульгин О.В., Сторчак Т.В.	Оценка эффективности потребления природных ресурсов при развитии региона методом анализа среды его функционирования	555
Сливицкий А.Б., Дьякова Т.А.	Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений	560

Черняков М.К., Чернякова М.М., Чернякова И.А.

Методология оценки эффективности цифровизации молочной отрасли.....570

Яковлева С.И.

Актуализация методов регионального стратегического анализа и планирования582

Артемов В.А.

к.э.н., доцент, и.о. директора Института экономики и управления Курского государственного университета
ava_fkn@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

Ключевые слова: финансирование, социальная сфера, регион, проблемы, приоритет.

Keywords: financing, social sphere, region, problems, priority.

В современных условиях развитие социальной сферы региона невозможно без учета целого ряда особенностей, влияющих на формирование адекватной сложившимся условиям системы ее финансирования. Это непосредственным образом влияет на применяемые финансовые механизмы развития социальной сферы, и, в первую очередь, на принципы организации финансово-экономических отношений по поводу применения методов формирования и использования финансовых ресурсов в процессе трансформации элементов социальной инфраструктуры и конструкций социальных отношений. В данном контексте особую актуальность приобретают вопросы исследования противоречий, формирующих проблематику финансового обеспечения развития социальной сферы региона.

Теоретико-методологические и прикладные аспекты финансового обеспечения развития социальной сферы региона, ориентированной на развитие человеческого капитала, нашли отражение во многих трудах отечественных и зарубежных ученых¹. В финансово-экономической литературе представлено значительное количество работ, посвященных исследованиям институциональных аспектов процесса трансформации системы финансирования социальной сферы, предоставляющих информационный базис для выявления проблем обоснования финансовой модели ее развития².

Тем не менее, до сих пор уделяется недостаточное внимание проблеме разработки финансовой модели развития социальной сферы региона, учитывающей необходимость как гармоничного сочетания приоритетных национальных целей, предполагающих изменения и в инфраструктурных элементах, и в конструкциях социальных отношений, так и ориентации на максимизацию социального эффекта. Данная проблема может быть решена посредством устранения противоречий, возникающих при трансформации системы финансирования социальной сферы региона.

Проблематика финансового обеспечения развития социальной сферы региона обусловлена целым рядом факторов. Первый фактор связан с принципиально разным подходом к построению финансовой модели развития элементов социальной инфраструктуры и конструкций социальных отношений, что определяет возможности применения тех или иных финансовых инструментов, адекватных парадигме финансового механизма. Второй фактор связан с государственной поддержкой развития социальной сферы, то есть с приоритетами социальной политики. Третий ключевой фактор отражает специфику причинно-следственной связи между инструментарием финансового механизма модели развития социальной сферы и достигаемым социальным эффектом. Важность исследования причинно-следственных связей в социально-экономических процессах подчеркивает присуждение в 2021 году Нобелевской премии по экономике ученым, продемонстрировавшим хорошие результаты в этом направлении. Помимо обозначенных факторов целесообразно учитывать глобальную цифровизацию общества в целом как одно из ключевых направлений социальных трансформаций, содержание которого заключается прежде всего в наблюдаемых изменениях и появлении абсолютно новых конструкций социальных отношений. В данном контексте цифровая экономика предполагает систему экономических отношений, сфокусированных на цифровых технологиях, являющихся неких катализатором происходящих трансформаций во всех сферах развития социально-экономической системы.

Преимущества цифровой трансформации системы финансирования социальной сферы представлены в концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы³, к основным из которых относят следующие:

¹ Кириллова С.А. Основные глобальные и национальные тренды социально-экономического развития как основа выработки стратегических приоритетов территориального развития / С.А. Кириллова, Е.С. Каширина // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: материалы XIII Международной научно-практической интернет-конференции. – Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2019. – С. 252–259; Намитулина А.З. Особенности финансирования социальной сферы в современной России // Самоуправление. 2021. – № 1(123). – С. 368–372.

² Едророва В.Н. Финансирование федеральных и ведомственных проектов цифрового развития экономики и социальной сферы России // Финансы и кредит. 2019. – Т. 25, № 8 (788). – С. 1889–1906; Машенко, Ю.А. Совершенствование механизма бюджетного финансирования социальной сферы в Российской Федерации / Ю.А. Машенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 1. – С. 137–145.

³ Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года».

- повышение адресности и эффективности предоставления мер социальной поддержки на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;
- повышение эффективности использования средств бюджетов различных уровней на предоставление мер социальной поддержки гражданам Российской Федерации;
- оптимизация процессов предоставления государственных услуг Пенсионного фонда Российской Федерации и Фонда социального страхования Российской Федерации;
- снижение административной нагрузки на страхователей (юридических лиц), оптимизация процессов их взаимодействия с Пенсионным фондом Российской Федерации и Фондом социального страхования Российской Федерации;
- снижение издержек на осуществление функций, оказание государственных услуг и повышение эффективности основных и обеспечивающих процессов, в том числе расходов в сфере информационных технологий, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления;
- снижение расходов бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на осуществление процессов предоставления мер социальной поддержки.

Обозначенные тенденции должны привести к переосмыслению механизма финансового обеспечения развития целого ряда элементов социальной инфраструктуры и конструкций социальных отношений. Например, развитие технологий удаленного предоставления финансовых услуг способствует сокращению потребности в определенных инфраструктурных логистических объектах.

Ключевую роль в финансовом обеспечении развития социальной сферы играют положения концепции нормативно-целевого финансирования, причем целесообразно отметить, что инструментарий концепций государственно-частного партнерства и социальной ответственности бизнеса весьма гармонично в нее интегрируется.

Приоритетность развития социальной сферы, а следовательно, и системы финансового обеспечения этого процесса, обозначена, во-первых, в конституции РФ – «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», а во-вторых, в национальных целях Развития РФ, большая часть из которых связана именно с социальной проблематикой.

Проведенное исследование особенностей финансового обеспечения развития социальной сферы региона позволяет обозначить четыре группы основных проблем в обозначенной предметной области: качества институтов, выбора адекватного сложившимся условиям финансового механизма, специфичности финансового контроля, низкого уровня использования потенциала государственно-частного партнерства.

Первая группа проблем обусловлена необходимостью повышения качества существующих институтов финансового обеспечения развития социальной сферы региона и формирования новых. Институты «социальной инфраструктуры» и «социальных отношений» в данном контексте являются основополагающими при формировании эффективных механизмов финансирования инвестиционных процессов в социальной сфере. Направления эволюции институционального пространства, обеспечивающего развитие системы финансирования социальной сферы представлены на рис. 1.

Рисунок 1.

Институциональная среда трансформации системы финансирования социальной сферы

Все обозначение группы социальных институтов подвержены трансформации и результаты мы можем наблюдать уже в настоящее время. Особенно четко это проявляется в контексте цифровизации системы финансирования социальной сферы. Так, например, целый ряд институтов развития системы финансирования социальной сферы уже основан на цифровых платформенных технологиях (национальный центр государственно-частного партнерства, Дом.РФ и т.д.).

Вторая группа проблем обусловлена многообразием инструментария финансового механизма развития социальной сферы. Несмотря на то, что современная парадигма финансового механизма основана на доминировании инструментария государственных программ в рамках нормативно-целевого финансирования, тем не менее, акцент постепенно смещается в сторону применения инструментария, предполагающего усиление роли частного капитала в этом процессе. С другой стороны, мы можем наблюдать обозначенные перспективы трансформации бюджетного и страхового (в части внебюджетных фондов) механизмов и формирования системы так называемого социального казначейства посредством реформирования социальных внебюджетных фондов.

Основные принципы и закономерности реализации финансового механизма обусловлены, во-первых, многообразием элементов социальной инфраструктуры и конструкций социальных отношений и, во-вторых, особенностями развития социальной сферы (рис. 2).

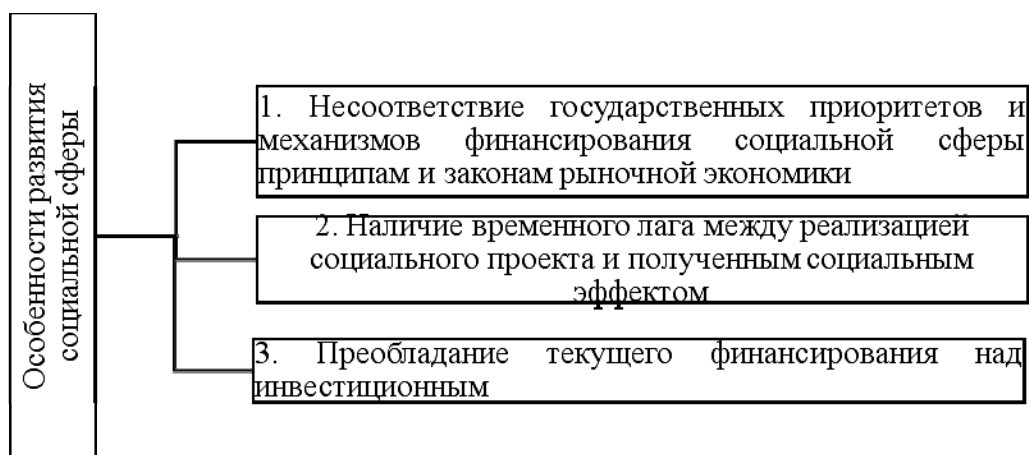

Рисунок 2.
Особенности развития социальной сферы

Таким образом, вектор трансформации направлений финансирования социальной сферы должен формироваться с учетом обозначенных особенностей.

Третья группа проблем связана со сложностью реализации процедуры финансового контроля в социальной сфере. Прежде всего, это связано с тем, что при реализации социальных проектов часто целевые ориентиры в виде показателей социального эффекта нельзя отразить в денежной форме. Соответственно, при процедуре финансового контроля в социальной сфере в данном случае методически сложно сопоставить формируемый социальный эффект и финансовые затраты.

В результате проведенных исследований можно сделать вывод о том, что конструирование системы финансового контроля в социальной сфере целесообразно выполнять на основе блоков, представленных на рис. 3.

Существенным противоречием, накладывающим отпечаток на специфику финансового контроля в социальной сфере, является отождествление категорий эффективности и результативности (особенно наглядно это просматривается при оценке эффективности государственных программ), что противоречит положениям экономической теории. Помимо этого целесообразно отметить, что даже показатели результативности программных мероприятий не выдерживают критики (ниже 80%).

Рисунок 3.
Блоки финансового контроля в социальной сфере

Еще одна группа противоречий, формирующая проблемное поле финансирования социальной сферы, связана с низкой степенью применения инструментария государственно-частного партнерства. Например, в Центральном федеральном округе уровень развития государственно-частного партнерства в большинстве регионов ниже среднего (меньше 20 баллов), что свидетельствует о недостаточной реализации потенциала частного партнера при финансировании инфраструктурных проектов социальной направленности.

При формировании оптимального финансового механизма развития социальной сферы региона целесообразно применять кластерный подход, для исследования которого можно использовать выборку, статистически представленную следующими частными параметрами: объемами бюджетных социальных расходов на душу населения, инвестиций социального характера на душу населения, уровнем развития государственно-частного партнерства. Поставленная задача может быть решена также с помощью кластерного анализа, алгоритм которого уже описан. Группировку регионов Центрального федерального округа можно представить следующим образом:

- первый кластер – Белгородская, Владимирская, Смоленская, Тульская области;
- второй кластер – Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Липецкая, Рязанская, Ярославская области;
- третий кластер – Брянская, Курская, Орловская, Тверская области;
- четвертый кластер – Тамбовская область.

На основе достигнутого социального эффекта в регионах, характеризуемого значениями индексов развития социальной сферы и социальной инфраструктуры¹, и результатов формирования кластеров по уровню развития механизма финансирования социальной сферы можно сделать выводы, представленные на рис. 4.

Липецкая, Орловская области	•Высокоэффективный, среднесбалансированный (результаты развития социальной сферы превышают уровень финансирования)
Белгородская, Курская области	•Эффективный, оптимально сбалансированный (соответствие уровня финансирования уровню развития социальной сферы)
Владимирская, Смоленская, Тульская, Воронежская, Калужская, Ярославская, Брянская, Тверская области	•Среднеэффективный, среднесбалансированный (достигнутый социальный эффект ниже уровня финансирования)
Ивановская, Костромская, Рязанская области	•Низкоэффективный, плохо сбалансированный (достигнутый социальный эффект значительно ниже уровня финансирования)
Тамбовская область	•Низкоэффективный, разбалансированный - аномальный (высокому уровню финансирования соответствует низкий уровень развития социальной сферы)

Рисунок 4.

Сбалансированность финансового механизма социального развития регионов

Полученные в результате анализа выводы свидетельствуют о том, что при формировании социальных кластеров специфику составляют принципы реализации сценариев развития региональной социальной инфраструктуры и конструкций социальных отношений. Можно выделить следующие варианты сценариев развития социальной сферы: базовый (гармоничное развитие основных составляющих), сценарий развития социальной инфраструктуры и сценарий развития социальных отношений.

Кластерный подход при исследовании механизма финансирования социальной сферы позволил выявить также ряд особенностей. Здесь первые два кластера формируют одиннадцать регионов, что свидетельствует о приоритетности социального развития. Очевидно, что инвестиционное финансирование несущественно влияет на развитие социальной сферы и вносит минимальный вклад в формируемый социальный эффект. Что же касается государственно-частного партнерства, то в настоящий момент именно оно является драйвером при разработке финансовой модели развития социальной сферы, потому что уровень бюджетного финансирования социальных расходов является достаточно идентичным в региональном разрезе. Предпочтительный для каждого региона сценарий развития социальной сферы должен учитывать возможности комплексного использования инструментария финансового механизма, соответствующего приоритетным принципам социального целеполагания.

Таким образом, представленный подход к интерпретации проблематики финансового обеспечения развития социальной сферы региона позволит нивелировать сложившиеся противоречия в целях гармонизации инструментария финансового механизма социального развития для максимального раскрытия регионального потенциала.

¹ Артемов, В. А. Финансы социальной сферы. – Курск: Курский государственный университет, 2020. – 75 с.

Бейдина Т.Е.

д.полит.н., профессор государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита
beydina@inbox.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ» В СОСТАВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЖИЛЬЕ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА» НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: национальные проекты, Забайкальский край, модернизация, субъекты РФ, городская среда, городской округ «Город Чита», региональные проекты, система управления, общегородское пространство.

Keywords: national projects, Trans-Baikal Territory, modernization, subjects of the Russian Federation, urban environment, Chita City urban district, regional projects, management system, citywide space.

С 2017 г. на территории Российской Федерации действует ряд федеральных проектов, на основе которых в 2018 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Указ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» (далее – Указ)¹.

Реализация социально и политически значимых для России национальных проектов создает основу как для повышения уровня жизни, так и для реализации законных интересов граждан.

Наша сфера интересов затрагивает правовые основы реализации национального проекта «Жилье и городская среда».

Паспортом регионального проекта «Формирование комфортной городской среды» установлены показатели качества городской среды, которые рассчитывается по 36 индикаторам и насчитывают 6 пространств:

1. Жилье и прилегающие пространства.
2. Озелененные пространства.
3. Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства.
4. Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства.
5. Улично-дорожная сеть.
6. Общегородское пространство.

Общегородское пространство имеет 6 критериев оценки: безопасность, комфортность, экологичность и здоровье, идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления.

Таким образом, 6 пространств х 6 критериев = 36 индикаторов со значением от 0 до 10 баллов.

360 баллов – максимально возможное значение индекса качества городской среды. Благоприятным индексом качества городской среды считается 180 баллов и выше².

Индекс качества городской среды по Забайкальскому краю в 2019 году составил 139 баллов, что ниже среднероссийского индекса качества городской среды на 28 баллов и благоприятного уровня на 41 балл.

Забайкальский край находится на 84 месте из 85 регионов по индексу качества городской среды. 85 место занимает Республика Саха (Якутия).

Показатели индекса качества городской среды на территории Забайкальского края имеют следующие значения:

1. г. Чита 181 балл;
2. г. Сретенск 149 баллов;
3. г. Шилка 146 баллов;
4. г. Могоча 147 баллов;
5. г. Краснокаменск 146 балла;
6. г. Петровск-Забайкальский 135 балл;
7. г. Борзя 124 балла;
8. г. Нерчинск 123 балла;
9. г. Хилок 122 баллов;
10. г. Балей 111 балла.

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ [от 07.05.2018 года № 204]. – <https://mvd.consultant.ru/documents/1056500?items=1&page=1>

² Приказ Минстроя России от 30.12.2021 № 1056/пр «О внесении изменения в приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 30 декабря 2020 г. № 914/пр» – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415079/32c3133d34e471295aa98fd21fc7850cb6454551/

С целью повышения качества городской среды Министерством жилищно-коммунального хозяйства, энергетики, цифровизации и связи Забайкальского края прорабатывается вопрос о реализации на территории Забайкальского края мероприятий по благоустройству дворовых пространств. Так, в 2022 году планируется благоустроить более 130 дворов на общую сумму более 900 млн рублей в рамках реализации проекта «1000 дворов на Дальнем Востоке».

Территория Забайкалья насчитывает 113 поселений, на территории которых расположено более 120 населенных пунктов с численностью жителей более 1000 человек, в рамках проведенных обследований удалось установить основные проблемные направления: примерно 80% всех дворовых территорий нуждаются в благоустройстве, а именно – освещение, урны, скамейки, озеленение, восстановление асфальтового покрытия.

Для общественных пространств были выявлены проблемы, касающиеся существенного износа, либо же полного отсутствия инженерных коммуникаций, недостаточно развитой инфраструктуры, необходимой для организации отдыха людей.

Основными мероприятиями явились:

- озеленение дворовых и общественных пространств (парков, скверов, прогулочных зон);
- новые детские и спортивные площадки;
- создание новых мест отдыха;
- парковки и велопарковки;
- дополнительное освещение и иллюминация общественных и дворовых пространств;
- обеспечение доступным жильем;
- повышение качества жилищного фонда и комфортности условий проживания;
- комфортная среда для маломобильных групп населения.

Приоритетным направлением для сельских поселений Забайкальского края явилось обеспечение централизованной системы холодного водоснабжения, а, следовательно, и работы по модернизации водопроводно-канализационного хозяйства. Благоустройство должно носить комплексный характер, выполнение обозначенных государственной программой мероприятий способствует формированию благоприятной жизненной среды и обеспечению комфортных условий для жителей Забайкальского края.

В ходе выполнения мероприятий, а также в процессе проектирования, формирования программ органы региональной власти столкнулись с такими проблемами как:

- слабая квалификация кадров;
- нехватка кадров;
- задержка в ходе формирования и подготовки соответствующей документации непосредственными исполнителями;
- некачественное выполнение работ по контракту подрядчиками;
- большой объем работ по благоустройству и обновлению инфраструктуры при недостаточном финансировании.

Так же среди проблем, препятствующих реализации мероприятий регионального проекта «Формирование комфортной городской среды», отмечались ЧС природного характера (например, наводнение 2018 г. и наводнение 2021 г.), еще одним негативным фактором явилось нецелевое расходование денежных средств, выделенных на реализацию программных работ в ряде населенных пунктов.

По данным портала государственной информационной системы ЖКХ по Забайкальскому краю предусмотрено благоустройство на территории 112 муниципалитетов до 2022 года. На сегодняшний день данных о выполненных обязательствах по региону на 100% не предоставлено, задержка сроков реализации проектов наблюдается по 58% территорий.

К имеющимся проблемам в рассматриваемой области следует отнести:

- недостаточную вовлеченность населения в реализацию программ, недостаточный уровень доверия населения власти;
- сжатые сроки подготовки и реализации программных мероприятий (невозможность полного охвата нуждающихся в благоустройстве территорий);
- отсутствие внимания к дальнейшему содержанию благоустроенных территорий.

Для проработки проблемных моментов и решения выявленных проблем при реализации мероприятий регионального проекта целесообразно наладить каналы обратной связи с населением в целях учета мнения населения. Для этой цели необходимо проведение социологических опросов, опросов мнений с привлечением СМИ, работа с учреждениями среднего и высшего образования по разработке предложений по благоустройству и поиску новых решений. Необходимо активное вовлечение граждан в мероприятия по озеленению территорий и в разработку проектов инициативного бюджетирования с целью благоустройства дворовых пространств.

Для решения вопросов взаимодействия на уровне муниципальной и региональной властей необходимы:

- разработка четкого регламента взаимодействия по вопросам разработки и подготовки документации;
- доступные формы консультирования по проблемным вопросам и возможность обмена опытом на региональном и муниципальном уровнях, а также на федеральном уровне;
- соблюдение требований антимонопольного и бюджетного законодательства при распределении дотаций и иных денежных средств, выделяемых на реализацию проектных мероприятий;
- более открытая работа с населением и большее освещение информации о работах по Проекту для граждан региона;

– работа по повышению уровня квалификации как кадрового состава на уровне власти, так и тщательный отбор исполнителей работ.

На основе проведенного исследования сделаны следующие выводы:

1. Проблема нехватки и недостаточной квалификации кадров может быть решена путем внедрения доступных форм консультирования по проблемным вопросам и обмена опытом на региональном, муниципальном уровнях и общефедеральном уровне.

2. Четкий регламент взаимодействия по вопросам разработки и подготовки документации поможет справиться с проблемой задержки в ходе формирования и подготовки соответствующей документации непосредственными исполнителями.

3. Более открытая работа с населением и широкое информирование граждан региона о работах по проекту позволит усилить вовлеченность населения в процесс его реализации.

Реализация на территории Забайкальского края регионального проекта «Формирование комфортной городской среды» требует особого внимания к координации деятельности органов власти и управления, ответственных за реализацию данного регионального проекта.

Белкина В.А.

преподаватель кафедры философии и социологии ЮЗГУ

Асеева И.А.

д. филос. н., профессор, профессор кафедры философии и социологии ЮЗГУ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ¹

Ключевые слова: технология, технологическое развитие, регион, социально-экологические аспекты, технологические риски, инновации, Индустрия 4.0.

Keywords: technology, technological development, region, socio-ecological aspects, technological risks, innovations, Industry 4.0.

За последние несколько десятилетий мир стал свидетелем крайнего ухудшения состояния окружающей среды. Быстрое технологическое развитие привело к серьезному загрязнению окружающей среды и экологическому разрушению. Важным подходом к достижению устойчивого развития регионов является разработка «зеленых инноваций». Предполагается, что «зеленые инновации» заложат основу для балансирования прибыли и экологической ответственности и в то же время обеспечат гармоничное социально-экономическое развитие в области экологии².

Технологическое развитие регионов в первую очередь связано с внедрением технологических инноваций, которые связаны не только с системой управления дорогами, системой управления зданиями и общественными объектами, но и с управлением твердыми коммунальными отходами. Проблемы обращения с твердыми коммунальными отходами включают в себя количество и состав образующихся отходов, быстрое расширение городских территорий, проблемы с финансированием, быстрый технологический прогресс и ограниченность энергии и сырья³.

Чтобы обеспечить успех технологических инноваций, требуется политика консолидации и политика устойчивого развития. Устойчивое технологическое региональное развитие означает развитие, которое отвечает потребностям настоящего, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности⁴.

При планировании устойчивого технологического регионального развития необходимо учитывать следующие четыре социально-экологических аспекта:

1. Экологический аспект связан с целями сохранения и охраны окружающей среды. Это включает в себя такие аспекты, как атмосфера, почва, вода, океаны и моря, биоразнообразие и санитария.

2. Социальное измерение связано с целью, которая включает в себя удовлетворение человеческих потребностей. Это измерение включает в себя численность населения, занятость и доходы, здравоохранение, образование, жилье и безопасность, которые призваны отражать уровень образования, распределение доходов и условия жизни.

3. Экономический аспект связан с эффективностью производственных процессов и изменениями в моделях потребления.

4. Институциональный аспект включает в себя способность и усилия, затрачиваемые правительствами и обществами на осуществление изменений, необходимых для эффективного осуществления устойчивого развития.

Регионы находятся на перекрестке внедрения системных изменений в интересах устойчивого развития. Необходимы изменения парадигмы во многих измерениях, чтобы переопределить отношения регионов с окружающей средой⁵. Устойчивое региональное развитие предполагает экологическую устойчивость, сохранение наследия, развитые технологии, эффективность инфраструктуры, социальный доступ, развитие, ориентированное на транзит, региональную интеграцию, человеческий масштаб и институциональную целостность.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социально-экологический мониторинг технической среды региона: социокультурный подход» (Грант РФФИ 20-311-90060, аспиранты).

² Харин А.Г. Методологические особенности управления стоимостью компании, осуществляющей «зеленые инновации» // Балтийский регион. 2012. – № 3. – С. 47–58.

³ Пляскина Н.И., Харитонов В.Н. Управление в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами: современное состояние // ЭКО. 2016. – № 12 (510). – С. 5–19.

⁴ Левина Е.И. Понятие «Устойчивое развитие». Основные положения концепции // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2009. – № 11. – С. 113–119.

⁵ Подгорный В.В. Устойчивое развитие: трансформация парадигмы в условиях глобальных изменений // Экономика и управление. 2016. – № 7 (129). – С. 10–19.

Аспект социального развития, направленный на построение более устойчивого региона, возникает, когда формальные и неформальные процессы, системы, структуры и отношения активно поддерживают способность нынешнего и будущих поколений создавать здоровые и пригодные для жизни сообщества¹.

Существует взаимосвязь между балансом экономических и технологических целей развития региона с социальными и экологическими. Если экологические и социальные потери в результате экономического роста оказываются выше экономических выгод, общий результат для благосостояния людей становится отрицательным. Сам экономический рост неизбежно зависит от его природных и социальных условий. Чтобы быть устойчивым, он должен опираться на определенное количество природных ресурсов и услуг, предоставляемых природой, таких как поглощение загрязнений и регенерация ресурсов². Экономический рост должен постоянно подпитываться плодами человеческого развития.

Очень важно понимать социально-экологические проблемы современных регионов. Эти проблемы связаны с их все более сложной природой и разнообразием. Современный регион в своем технологическом развитии должен сбалансировать экономическое развитие с энергоэффективностью и сохранением природных ресурсов, чтобы улучшить качество жизни населения³.

В целом, проблемы устойчивого развития влияют на государственную политику в отношении развития современных регионов⁴. Например, разрабатываются механизмы и инструменты по созданию инноваций для будущего технологического развития регионов, поскольку современный регион превращается из производственного центра в центр знаний, технологий и инноваций для нации, проводится политика регионального планирования для укрепления идентичности, глобальной конкурентоспособности, направления развития и инноваций в среде обитания, и, конечно же, внедряются технологические инновации, новые инновационные технологии, циклические процессы и бизнес-модели.

Таким образом, мы можем утверждать, что в настоящее время технологии стали неотъемлемой частью развития регионов. Перед урбанизмом и региональной политикой стоят новые задачи, которые являются более сложными, чем ранее. Будущие социальные и экологические последствия, которые непредсказуемы, обязательно должны быть объектом внимания для государственной региональной политики, потому что она должна решать сложные проблемы, часто столь отдаленные во времени.

Технологии обуславливают социальные изменения, а также региональное развитие, но социальные изменения также обуславливают технологическое развитие. Технологии неотделимы от более широких социальных контекстов, в которых они возникают.

Технологии – это инструменты для искусственного создания причинно-следственных связей, которые могут быть использованы для получения определенных желаемых результатов с достаточной надежностью и повторяемостью⁵. Таким образом, технологии обеспечивают процесс, который приводит к эффектам, которые иначе невозможны или достижимы только с большими усилиями.

В настоящее время технологии играют определяющую роль в управлении социальными и культурными изменениями в регионах⁶. Отметим также, что с 1980-х годов все промышленно развитые страны разработали технологическую политику, направленную на ускорение экономического роста за счет развития научно-технических ресурсов. Большинство инициатив в области технологической политики принимаются на национальном уровне и в основном касаются уровней финансирования, развитие высокотехнологичной промышленности носит региональный характер, однако национальная технологическая политика явно не преследует региональных целей. Различные явные и неявные технологические решения оказали значительное, хотя и непреднамеренное, влияние на развитие особого типа пространства – высокотехнологичных регионов, пространственные эффекты государственной технологической политики способствовали развитию высокотехнологичных регионов, хотя это влияние в основном имело неявный или непреднамеренный характер⁷.

Современный этап промышленно-технологического развития рассматривается как Четвертая промышленная революция⁸. Индустрия 4.0 – это обобщающий термин, используемый для описания широкого комплекса взаимосвязанных технологических достижений. Сегодня в рамках развития Индустрии 4.0. существуют многочисленные кон-

¹ Подпругин М.О. Устойчивое развитие региона: понятие, основные подходы и факторы // Российское предпринимательство. – М., 2012. – № 24. – С. 214–21.

² Магомадова Х.А. Принципы рационального использования природных ресурсов. Формирование идей устойчивого развития // Инженерный вестник Дона. 2012. – № 20 (2). – С. 92–94.

³ Чешев А.С., Алиева Н.В. Экологические проблемы окружающей природной среды в современных условиях // Экономика и экология территориальных образований. 2017. – № 1. – С. 6–10.

⁴ Зуденкова С.А., Карева А.В. Проблемы устойчивого развития регионов Российской Федерации // Сервис+. 2014. – № 8 (1). – С. 49–51.

⁵ Ефременко Д.В., Евсеева Я.В. Социология техники и проблема конвергенции технологий // Социологический ежегодник. 2011. – № 374–387.

⁶ Пронина Л.А. Культурные изменения в условиях информатизации общества // Аналитика культурологии. 2005. – № 3. – С. 20–31.

⁷ Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. – № 4 (514). – С. 61–77.

⁸ Белкина В.А. Окружающая среда и техническая среда в эпоху Четвертой промышленной революции: философский анализ соотношения понятий // Восьмой Российский философский конгресс – «Философия в полицентричном мире». Симпозиумы. Сборник научных статей. – М.: Российское философское общество; Институт философии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. – С. 515–517.

цепции инновационной системы на региональном уровне и инновационной политики, которая переименована в стратегию умной специализации. Широкое распространение получает концепция «умного города»¹. Умные города являются частью более широкой стратегии западных обществ по получению доступа к экономике знаний. Это пространства, которые помогают людям быть более творческими, изучать новое и внедрять инновации. Они формируются путем объединения цифровых сетей с местными инновационными системами, работающими в городах (технологические районы, технологические парки, инновационные центры и кластеры). Термин «умные города» используется для описания городов, в которых местная инновационная система поддерживается и модернизируется с помощью цифровых сетей и приложений².

Тем не менее, несмотря на все имеющиеся положительные стороны, разнообразные технологические изменения, являясь следствием глобализации производства, роста индустриализации, становятся все более опасными для людей и окружающей среды. Эти риски связаны с возможным влиянием на здоровье человека и окружающую среду. До недавнего времени оценка рисков, связанных с технологиями, рассматривалась как техническая проблема, а не политическая; эта проблема была отнесена к компетенции экспертов, а не к публичному обсуждению. Но споры политизировали проблему риска и привели к разработке процедур повышения общественной приемлемости спорных технических проектов³. Технологический риск возникает, когда использование какой-либо технологии может привести к неблагоприятным последствиям.

¹ Куценко Е., Исланкина Е., Киндрас А. Можно ли быть умным в одиночестве? Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте умной специализации // Форсайт. – М., 2018. – № 1. – С. 25–45.

² Видясова Л.А. Концептуализация понятия «умный город»: социотехнический подход // International Journal of Open Information Technologies. 2017. – № 5 (11). – С. 52–57.

³ Горохов В.Г. Проблема принятия решений в условиях технологических рисков в современном глобальном обществе // Пространство и Время. 2015. – № 9 (2). – С. 12.

Белостоцкий А.А.

к.э.н., доцент, Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ
a.a.belostotskiy@yandex.ru

ДОТАЦИИ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ БЮДЖЕТНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Ключевые слова: дотации регионов, бюджеты субъектов РФ, сбалансированность бюджета, бюджетная обеспеченность, межбюджетные трансферты.

В настоящее время особенно остро стоит вопрос бюджетной консолидации, так как в 2020 году в сфере здравоохранения были освоены достаточно большие объёмы бюджетных расходов (25% всех расходов), в том числе и перенаправленные из других бюджетных статей.

Бюджетная консолидация – это термин, который используется для описания стратегии, направленной на сведение к минимуму дефицита и на сокращение накопленных долгов.

Основная тенденция бюджетной политики России 2020–2021 годов – бюджетная консолидация после значительного повышения расходов в кризисный год, так как макроэкономические условия для консолидации благоприятны: дорогая нефть, слабый рубль, многообещающие налоговые сборы. Новый тренд в бюджетной политике – повышение уровня поддержки регионов за счет бюджетных инфраструктурных и «антикризисных» кредитов (последние – для регионов с уровнем нагрузки более 25%).

Федеральный и региональные бюджеты смогут эффективнее использовать свои ресурсы для преодоления последствий коронакризиса. Этому помогут временная приостановка бюджетного правила в 2021 году и расширение финансовых возможностей региональных бюджетов.

Бюджетное правило предлагается смягчить в части предельно допустимого уровня расходов федерального бюджета – планируется, что в 2021 году его структурный первичный дефицит увеличится почти в три раза, с 585 млрд до 1,46 трлн рублей. Потом он снова должен вернуться к 585 млрд рублей. Другие параметры бюджетного правила (цена отсечения нефти и правила использования Фонда национального благосостояния) не затрагиваются. Все это позволит адаптировать бюджет к новым макроэкономическим условиям и эффективнее восстанавливать экономику и реальные доходы граждан. С 2022 года уровень предельных расходов бюджета вновь будет определяться в соответствии с бюджетным правилом¹.

Структура распределения дотаций по федеральным округам представлена на рис. 1.

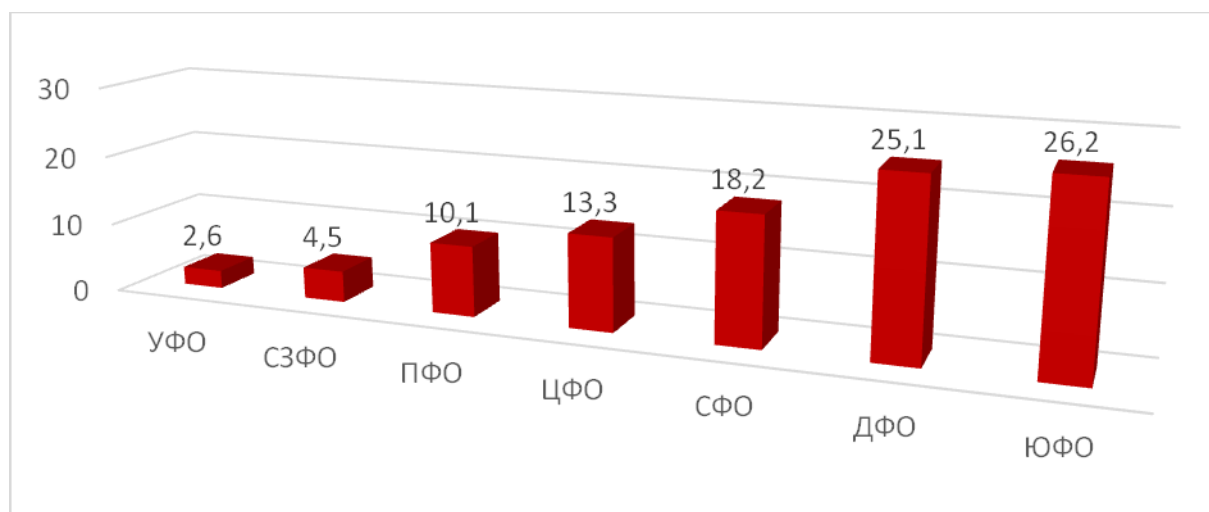

Рисунок 1.
Структура распределения дотаций по федеральным округам, %

Еще одно важное изменение заключается в расширении возможностей регионов по более оперативному использованию своих финансовых ресурсов и увеличении в два раза срока предоставления «казначейских» кредитов регионам – с 90 до 180 дней. Также расширено количество направлений расходования регионами средств, высвобож-

¹ Министерство финансов РФ. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. – <http://minfin.ru/>

даемых от реструктуризации бюджетных расходов. Они могут направляться на привлечение инвестиций и реализацию федеральных (региональных) проектов.

В целом потери по основным источникам собственных доходов из-за кризиса понесли практически все регионы. Однако несмотря на это, по итогам I полугодия практически все регионы смогли свести концы с концами в первую очередь благодаря существенно возросшей федеральной помощи. Подписанные же поправки заметно увеличивают возможности правительства в отношении маневра по наращиванию расходов на помощь нижестоящим бюджетам.

Но и расходы у всех регионов существенно выросли – особенно на здравоохранение, так совокупный рост расходов по системе составил 1,42 трлн рублей, в том числе на здравоохранение – 536 млрд рублей. Помощь центра регионы могут направить на здравоохранение, нацпроекты и борьбу с безработицей¹.

Дотации регионам на выравнивание бюджетной обеспеченности в 2021 году представлены на рис. 2.

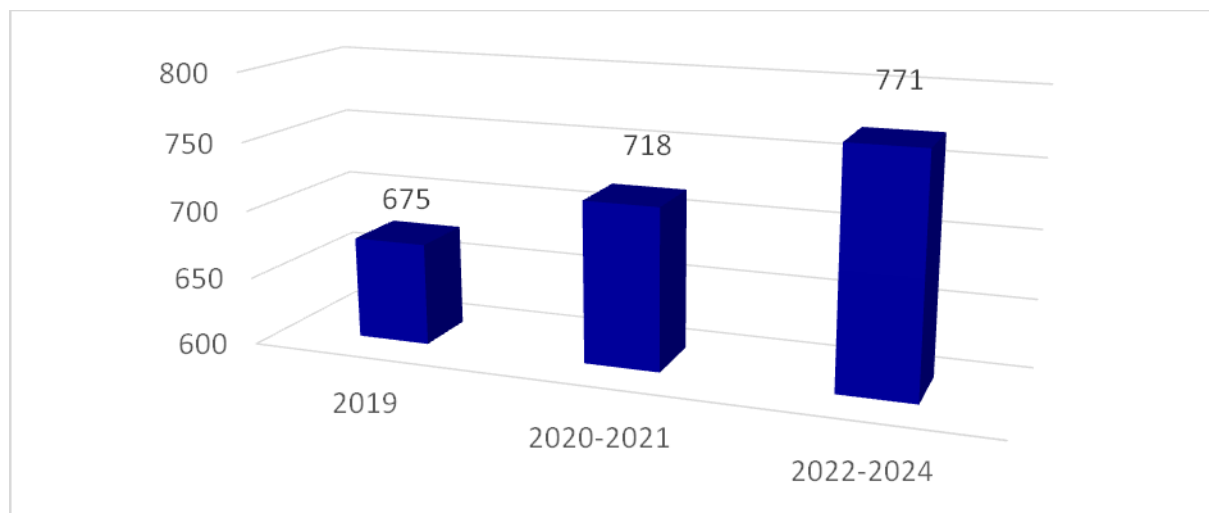

Рисунок 2.

Дотации регионам на выравнивание бюджетной обеспеченности в 2021 году, млрд руб.

Вероятно, главным источником компенсации потерь региональных бюджетов останутся все же трансферты из федерального бюджета, а иные меры в той или иной степени останутся страховочными. Так, те же «казначейские» кредиты выдаются регионам и некоторым муниципальным образованиям по ставке 0,1% годовых и в объеме не более 1/12 годовых собственных доходов. Изначально предполагалось, что эти кредиты будут использоваться на финансирование кассовых разрывов, когда доходы в бюджет еще не поступили, а расходные обязательства необходимо исполнить. С этой точки зрения они позволяют экономить на процентных расходах, то есть не привлекать кредитную линию в банке на кассовые разрывы. «На деле этим инструментом пользуются и те, кто не испытывает необходимости в финансировании кассового разрыва – просто перекредитовывают в течение года банковские кредиты, экономя процентные расходы. Удлинение вдвое срока кредита УФК позволяет не привлекать банковский кредит на 3–5 дней до того момента, пока не будет выдан новый кредит. Соответственно, положительное влияние удлинения срока кредита УФК равно процентным расходам на кредит за эти 3–5 дней»².

По мнению профессора Е.В. Балацкого, для федеративного устройства России характерно большое число дотационных регионов на фоне узкого круга субъектов-доноров. Эта диспропорция порождает массу внутренних экономических и социальных проблем, которые с течением времени только усугубляются. Предпринимаемые меры стимулирования развития территорий через особые экономические зоны (ОЭЗ), специальные федерально-целевые программы (ФЦП) и объединение регионов оказываются малоэффективными. И опять-таки убыточность целых федеральных округов страны не может считаться нормальным явлением³.

Приведенные факты позволяют говорить о невысокой результативности проводимой федеральной политики в области налогообложения и межбюджетных отношений, а, следовательно, о необходимости ее пересмотра.

Проблема оптимального построения модели межбюджетных отношений относится к числу самых актуальных. В настоящее время идет поиск динамичного равновесия между федеральными органами власти и органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления применительно к бюджетной сфере.

Качественное исполнение федерального бюджета позволит не только снизить объемы дотаций российским регионам, но и сократить количество дотационных регионов, повысив, тем самым их самостоятельность, а это, в свою очередь повлияет на повышение финансовой устойчивости государственного бюджета в целом.

¹ Счетная палата Российской Федерации. – <http://www.ach.gov.ru>

² <https://rg.ru/2020/10/18/kak-regionalnye-biudzhety-kompensiruiut-poteri-iz-za-koronakrizisa.html>

³ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Финансовая несостоятельность регионов и совершенствование межбюджетных отношений // Общество и экономика. 2010. – № 7–8. – С. 103–104.

Белусова А.В.

к.э.н., с.н.с. отдела регионального моделирования, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий
Института экономических исследований ДВО РАН
belousova@ecrin.ru

СТРУКТУРА ПРОИЗВОДСТВА И ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СУБЪЕКТОВ РФ

Ключевые слова: коэффициент локализации, структура производства, специализация экономики, субъект РФ, Дальневосточный федеральный округ.

Keywords: localization coefficient, structure of production, specialization of the economy, constituent entity of the Russian Federation, Far Eastern Federal District.

В качестве экономической основы осуществления регионами внешнеторговых взаимодействий выступает локализация в пределах их границ немобильных и ограниченно мобильных ресурсов. Уникальность последних и/или сравнительная эффективность (выгода) специализации на производстве тех или иных товаров с использованием имеющихся ресурсов обуславливают торговлю между регионами. Если последние имеют масштабы стран, то внешнеторговые взаимодействия определяются исключительно экспортно-импортными транзакциями. Если же регион является частью национального пространства (к примеру, единицей административно-территориального деления страны; в случае РФ – субъектом РФ), то указанные транзакции дополняются межрегиональным вывозом и межрегиональным ввозом.

Идентификация параметров внешнеторговых взаимодействий регионов является весьма трудоемкой задачей. Несмотря на то, что статистика экспортно-импортных транзакций достаточно детально представлена в официальном доступе (Федеральной службой государственной статистики, Федеральной таможенной службой), собрать полный массив данных о масштабах и товарной номенклатуре внешней торговли субъекта РФ зачастую не представляется возможным в силу отсутствия статистики межрегиональных потоков. Сказанное обуславливает необходимость применения оценочных методов. Один из последних основан на расчете коэффициентов локализации (1).

$$SLQ_i = \frac{(RE_i/TRE)}{(NE_i/TNE)} \quad (1).$$

RE_i – показатель i -того вида экономической деятельности в регионе; TRE – общий (суммарный) соответствующий показатель в регионе; NE_i – показатель i -того вида экономической деятельности в стране; TNE – общий (суммарный) соответствующий показатель в стране.

Ключевая идея вышеуказанного метода состоит в сравнении региональной структуры производства с национальной. Если доля какого-то вида экономической деятельности в регионе оказывается выше, чем в целом по стране, то соответствующее производство рассматривается в качестве специализированного (продукция которого считается ориентированной на внешний (межрегиональный и мировой) рынок). При этом очевидно, что данный метод имеет ряд недостатков. Во-первых, идентификация того или иного производства в качестве специализированного не предусматривает оценку объемов совокупного вывоза соответствующей продукции, и тем более не проводится разграничения между межрегиональными и экспортными транзакциями. Во-вторых, не учитывается эффективность сбыта товаров за пределы региона; иными словами, не объясняется вывоз за пределы региона продукции неспециализированных видов деятельности, фиксируемый статистикой. В-третьих, не осуществляется «фильтрация» специализированных производств с точки зрения анализа встречных торговых потоков: соотношения вывоза продукции и ее ввоза соответствующей в регион (согласно традиционным представлениям, специализация предполагает полное покрытие внутрирегиональных потребностей). В-четвертых, не принимаются во внимание особенности региональной структуры производства: включение вида деятельности в состав внешнего сектора региона (в виду наличия его относительно высокого удельного веса в структуре производства) не исключает случая «сжатости» номенклатуры региональных производств по сравнению с национальной экономикой.

В настоящей работе на примере дальневосточных субъектов РФ делается попытка оценки параметров их внешнеэкономических взаимодействий посредством развития метода коэффициентов локализации. Расчет значений последних осуществляется на основе данных о структуре объема отгруженной продукции в разрезе 12 видов экономической деятельности. Базовыми показателями выступают добывающие и обрабатывающие производства в целом. Период исследования составляет 16 лет (2005–2020 гг.). Результаты расчетов для границ периода приведены в табл. 1.

Специализированные виды экономической деятельности дальневосточных субъектов РФ

	1*	2*	3*	4*	5*	6*	7*	8*	9*	10*	11*
2005	2(6,64)	2 (4,88)	2 (7,33)	2 (6,63)	2 (7,85)	2 (7,95)	1 (1,11)	2 (6,24)		2(3,00)	2(4,13)
	3 (1,20)	3 (2,22)	3(1,40)	3(2,29)	3 (4,41)	3(3,34)	3(3,70)	4(7,77)	2 (6,24)	3(2,64)	4(1,23)
	4 (1,33)	4 (1,38)	5(1,56)	5 (1,56)	12(1,27)	9(1,33)	5(2,13)	5(10,06)	3(5,52)	5(1,69)	6(1,13)
	5 (2,56)	5 (2,31)	9(1,67)	9 (3,54)				9(6,10)		8(2,70)	12(3,22)
	9 (2,10)	9 (1,54)	12(1,30)							11(4,27)	
	12(1,82)										
2020	2(2,92)	2(3,22)	2(1,94)	2(6,66)	2(6,40)	10(4,38)	1(1,31)	4(2,25)		2(5,46)	2(3,74)
	3(1,64)	3(1,43)	5(2,20)	3(4,18)	3(5,22)		3(5,07)	5(9,00)	10(4,41)	5(1,20)	6(1,81)
	5(1,13)	5(2,87)	10(1,75)	9(2,78)				9(13,89)		8(3,80)	12(5,63)
	9(3,92)	9(1,95)	12(1,91)								
		12(3,32)									

Источник: расчеты автора на основе Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2006–2021 гг.

Примечание: 1) Обозначения субъектов РФ: 1* – Республика Саха (Якутия), 2* – Приморский край, 3* – Хабаровский край, 4* – Амурская область, 5* – Камчатский край, 6* – Магаданская область, 7* – Сахалинская область, 8* – Еврейская автономная область, 9* – Чукотский автономный округ, 10* – Забайкальский край, 11* – Республика Бурятия;

2) Обозначение видов экономической деятельности: 1 – добыча топливно-энергетических полезных ископаемых; 2 – добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических; 3 – производство пищевых продуктов; производство напитков, производство табачных изделий; 4 – производство текстильных изделий; производство одежды; производство кожи и изделий из кожи; 5 – обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения; 6 – производство бумаги и бумажных изделий; деятельность полиграфическая и копирование носителей информации; 7 – производство кокса и нефтепродуктов; производство резиновых и пластмассовых изделий; 8 – производство химических веществ и химических продуктов; производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; 9 – производство прочей неметаллической минеральной продукции; 10 – производство металлургическое; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; 11 – производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство электрического оборудования; 12 – производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования;

3) В скобках – значения коэффициентов локализации.

Данные табл. 1 демонстрируют уменьшение числа специализированных производств за 15-летний период практически для всех дальневосточных субъектов РФ. Состав внешнего сектора, а также сравнительно высокие значения коэффициентов локализации в северных регионах (Чукотском автономном округе, Магаданской области и Камчатском крае) обусловлены присутствием ограниченного числа видов экономической деятельности в структуре регионального производства. Так, согласно данным официальной статистики, в 2005 г. в Чукотском автономном округе доля производства пищевых продуктов, напитков и табачных изделий в структуре производства составляла 92,2%, а в 2019 г. – лишь 3,2%. Данное обстоятельство определялось перераспределением удельных весов видов деятельности в пользу металлургического производства, производства готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (его доля в 2019 г. оценивалась в 96,7%). Таким образом, сравнительно большой размах удельных весов того или иного производства, фиксируемый в динамике, может являться одним из возможных оснований для исключения соответствующего производства из состава внешнего сектора региона.

Учет встречных торговых потоков также обеспечивает «фильтрацию» специализированных производств. Так, согласно расчетам в 2020 г. производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования входило в состав внешнего сектора Хабаровского края (значение коэффициента локализации составляло 1,91). При этом доля продукции соответствующего вида деятельности в структуре импорта края оценивалась в 57,9%. Данное положение дел, а именно наличие встречных торговых потоков сравнительно большого объема свидетельствует о том, что производство машин и оборудования не является видом деятельности, характеризующимся экспортной специализацией с точки зрения ее классического представления (не обеспечивается полное покрытие внутрирегиональных потребностей в соответствующей продукции).

Для оценки объема совокупного вывоза продукции какого-либо из специализированных видов экономической деятельности предлагается рассчитать «разницу» значений удельных весов данного производства в национальной и региональной структурах. Соответствующая разница в «абсолютном» выражении и будет представлять собой оценку объема совокупного вывоза. Так, к примеру, в 2020 г. в национальной структуре производства доля обработки древесины и производства изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производства изделий из соломки и материалов для плетения составила 1,5%, в то время как в Хабаровском крае – 3,3%. Соответственно 1,8% объема отгруженной продукции регионального производства может рассматриваться в качестве оценки совокупного вывоза края.

Проведенное исследование расширяет представления об использовании коэффициентов локализации с точки зрения исследования специализации экономики. Вышеизложенное показывает, что достоверная идентификация внешнего сектора экономики на основе использования метода коэффициентов локализации предполагает одновременный анализ структуры производства.

Борисоглебская Л.Н.

д.э.н., к.т.н., профессор, проректор по научной и проектно-инновационной деятельности, Орловский государственный университет

Новакова С.Ю.

к.э.н., доцент, зав. Информационно-аналитическим сектором, Орловский государственный университет

Макарова С.Н.

к.э.н., директор Центра научных коммуникаций и междисциплинарных проектов, Орловский государственный университет

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОСИСТЕМА КАК ИНСТРУМЕНТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: инновационная экосистема; инновационное развитие; технологическое развитие региона; высокотехнологичный сектор; электронная промышленность и приборостроение.

Keywords: innovation ecosystem; innovation development; technological development of the region; high-tech sector; electronic industry and instrumentation.

Сегодня для повышения производительности за счет инноваций и стимулирования экономического роста необходимо эффективное взаимодействие между образовательными и научно-исследовательскими организациями, промышленностью и государственным сектором. Развитие разнообразных и богатых ресурсами инновационных экосистем с адекватной инфраструктурой и поддержкой – это действенный способ поощрять участие академических кругов в деятельности по коммерциализации и помогать университетам и другим организациям повышать продуктивность научных и технологических исследований. Создавая инновационные экосистемы с помощью структурных программ и адекватной поддержки, образовательные и научно-исследовательские организации могут повысить экономическую продуктивность своих научных и технологических исследований, тем самым повышая результаты и увеличивая шансы на успех новых предприятий.

Чтобы выйти на коммерческий рынок, технологии, разработанные университетами, должны пройти и преодолеть три проблемы: технологический разрыв, который разделяет передовые научные открытия и их коммерческую осуществимость; проблему коммерциализации, которая включает преобразование потенциально осуществимой коммерческой возможности в проверенную бизнес-модель, способную привлечь инвестиции, и проблему организации производства. Для стимулирования инноваций и роста предприятий необходимо создать экосистему, создающую условия для перевода научно-технических достижений в новый коммерчески привлекательный продукт.

Процессы разработки и внедрения инноваций бизнесом в настоящее время имеют высокий уровень актуальности. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. отмечалось усиление инновационной активности крупных и средних предприятий на 1,7%¹. Положительная динамика инновационной активности также наблюдается в следующих секторах: промышленность (+1,1%); услуги ИТ (+2,4%); здравоохранение (+3,3%); сельское хозяйство (2,4%); строительство (+0,2%)².

Основными стратегиями использования инновационных решений компаниями являются разработка и внедрение собственных инноваций или применение разработок других организаций. В большинстве случаев (около 70%) компании предпочитают разрабатывать и внедрять инновации самостоятельно, что в свою очередь затрудняет эффективное распределение ресурсов и влечёт за собой большие издержки по сравнению с результатами научно-производственной кооперации.

При совместной разработке научно-инновационных проектов, включающих исследования и разработки, предприятия реального сектора экономики привлекают следующие основные категории субъектов инновационной экосистемы:

- научные организации (49%);
- поставщики оборудования, материалов, комплектующих, программных средств (30,8%);
- вузы (29,8%).

Инновационная активность предприятий подтверждается ростом затрат на разработку инновационной и высокотехнологичной продукции. В 2020 г. предприятия крупного и среднего бизнеса инвестировали 2,1 трлн руб. в развитие данного направления, что на 8,2% больше по сравнению с предыдущим годом.

¹ Индикаторы инновационной деятельности: 2022 // Портал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – <https://issek.hse.ru/news/589979747.html>

² Там же.

Особенностью развития инновационной экосистемы в России является высокая доля собственных средств (около 55,3%), направляемых на разработку и выпуск инновационной и высокотехнологичной продукции. В свою очередь финансирование НИОКР за счет средств бюджета не превышает четверти совокупных затрат на инновации.

Целью внедрения инноваций является выпуск инновационной или высокотехнологичной продукции, в связи с чем значительная часть затрат предприятий связана с проведением исследований и разработок (44,3%), а также с обновлением материально-технической базы (33,4%).

Высокий уровень отечественных технологий, созданных с использованием результатов НИОКР, имеют наиболее промышленно развитые регионы РФ: Поволжский ФО (30%), Центральный ФО (27%) и Уральский ФО¹.

Именно эти регионы формируют основную часть показателя технологического развития по РФ.

Проблемы, сдерживающие инновационное развитие:

- недостаточная степень взаимосвязи между составляющими государственной политики: общеэкономической, промышленной и научно-технической, что вызвано несформированностью институтов, в частности, высокими барьерами и несовершенством законодательства, дублированием процессов и функций институтов развития;

- недостаточное финансирование исследований и разработок, включая региональный уровень;

- специфика сформировавшегося рынка венчурных инвестиций, связанная с удержанием государственными институтами лидирующих позиций по финансированию венчурных проектов;

- инфраструктурные барьеры в развитии регионов, основанные на несоответствии потенциала развития и региональных инфраструктурных возможностей;

- сложности при внедрении в производство инновационных технологий;

- международные санкции, сдерживающие импорт технологий.

Мировая практика доказывает важное значение наукоемких компаний для социально-экономического развития государства. Переход на качественно новый уровень общественного воспроизводства осуществляется именно посредством внедрения наукоемких технологий. Повышение конкурентоспособности отечественных предприятий в современных условиях базируется на объединении бизнеса и науки для решения задач, связанных с большими вызовами.

Таким образом возникает необходимость совершенствования процессов взаимодействия сектора генерации знаний и бизнеса, где обязательным условием является коммерциализация научных результатов, что позволяет открывать новые ниши и возможности на рынке для всех агентов инновационной экосистемы. Под инновационной экосистемой понимается совокупность агентов и условий, необходимых для эффективной научно-производственной кооперации, направленной на развитие инноваций и коммерциализацию научно-технических разработок.

Развитие инновационной экосистемы основывается на взаимодействии предпринимательского, научно-исследовательского и государственного секторов (рис. 1).

В настоящее время функционирование российской инновационной экосистемы связано с наличием значительного количества агентов, деятельность которых выполняет роль инновационного лифта. К наиболее значимым можно отнести: бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, технопарки и пр. Вместе с тем возникает вопрос об обеспечении согласованности деятельности данных субъектов. Разрозненность элементов инновационной экосистемы, дублирование их функций приводит к дисгармонии и, как следствие, к затрудненному выходу инновационной продукции на рынок.

Прорывное инновационное развитие России может быть обеспечено за счет совершенствования существующей инновационной системы, объединяющей не только предприятия, вузы и научные организации, но и создаваемые научно-образовательные центры, интегрирующие все уровни образования, региональной политики и бизнеса. Условия, создаваемые за счет эффективного взаимодействия субъектов экосистемы, позволяют интенсифицировать разработку и обеспечить потребность в инновационных и высокотехнологичных товарах, включая потребность в импортозамещении.

Структура региональной инновационной экосистемы состоит из следующих элементов:

- университеты и научно-исследовательские институты, выступающие в качестве генераторов идей, инноваций, новых разработок и источников интеллектуального капитала;

- малые инновационные предприятия, стартапы и спин-оффы;

- крупные и средние предприятия, производящие инновационную продукцию и готовые сотрудничать для достижения новых взаимовыгодных результатов;

- органы власти.

В региональных инновационных экосистемах создаются благоприятные условия для инновационного развития и трансфера технологий.

Региональные инновационные экосистемы в настоящее время находятся в процессе трансформации в связи с повышением потребности в импортозамещении инновационной и высокотехнологичной продукции в новых социально-политических условиях. Необходимость и уровень перестройки региональной инновационной экосистемы связаны с параметрами развития субъекта, а именно с текущим уровнем социально-экономического развития, специализации отраслей, исторических, географических и прочих особенностей.

¹ Индикаторы инновационной деятельности: 2022 // Портал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – <https://issek.hse.ru/news/589979747.html>

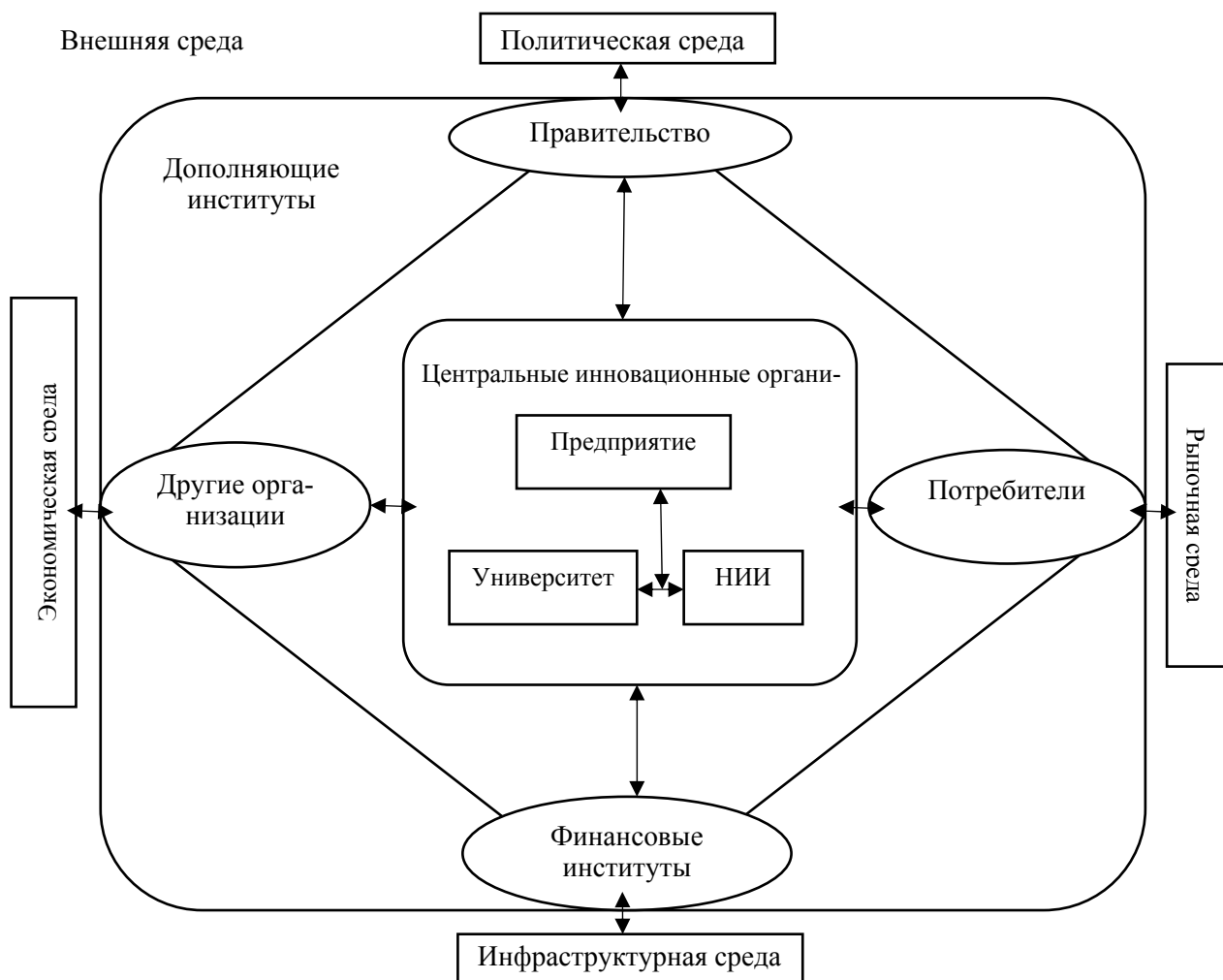

Рисунок 1.
Структура инновационной экосистемы

Орловская область вошла в число «прорывных» регионов» по итогам рейтинга инновационного развития субъектов РФ 2018-2019 гг., поднявшись на 16 позиций и заняв 46 место¹.

Это во многом связано с повышением качества инновационной политики. Усиление инновационной и экспортной активности способствовало подъему Орловской области в рейтинге.

Также Орловская область занимает 4 место в стране по развитию научной кооперации, интенсивности кооперационных связей в сфере исследований и разработок, обеспечивающих доступ к новым знаниям и технологиям².

Оценка инновационного развития региона включает в себя такие параметры как уровень инновационной и экспортной активности, научно-технический потенциал, качество региональной инновационной политики и др.

Высокотехнологичный сектор является инновационным ядром промышленного комплекса Орловской области. В высокотехнологичных отраслях сосредоточено наибольшее количество промышленных компаний, активно занимающихся инновационной деятельностью, и наибольшая доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных промышленностью товаров.

Основная часть инновационных разработок и технологий в промышленном комплексе Орловской области приходится на высокотехнологичную отрасль приборостроения, которая является наиболее значимой для региональной экономики³.

В целях использования научного потенциала Орловской области для обеспечения высоких темпов экономического роста приоритетным направлением совместной деятельности региональной исполнительной власти, науки и бизнеса должно стать формирование инновационной региональной экосистемы электронной и приборостроительной промышленности.

Для осуществления межрегионального сотрудничества необходимо обеспечить создание благоприятных условий для развития взаимодействия Орловской области с субъектами Российской Федерации, в том числе в части реализации совместных инвестиционных и инновационных проектов и программ.

¹ Рейтинг регионов по научно-технологическому развитию – итоги 2020 года // Портал РИА Рейтинг. – <https://riarating.ru/infografika/20211025/630210992.html>

² Орловская область вошла в число «прорывных» регионов в рейтинге инновационного развития субъектов РФ // Портал Правительства Орловской области. – <https://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=24440>

³ Стратегия социально-экономического развития Орловской области до 2035 года. – <https://docs.cntd.ru/document/550304579>

Инновационная инфраструктура региональной инновационной экосистемы должна способствовать достижению эволюционно-синергетического эффекта и системной модернизации экономики региона.

Поэтому на первом этапе инновационных преобразований основные усилия должны быть сосредоточены на создании условий для формирования новейших технологических укладов на территории высокотехнологичных производств¹. Целью развития региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения в Орловской области является формирование Центра развития цифровых компетенций и технологий.

Основные усилия предлагается сосредоточить на создании площадки цифровой трансформации промышленности: переходе к интеллектуальным устройствам и промышленному Интернету вещей, цифровым двойникам, системам обработки больших данных, искусственного интеллекта и машинного обучения, облачным технологиям и сервисам².

Формирование региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения обусловлено глобальным вызовом – проблемой технологического отставания России в области электронной промышленности. При этом в число основных целей Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации входят научно-техническое развитие (развитие технологий и элементной базы), кооперация (привлечение научных организаций и региональных промышленных кластеров) и подготовка кадров. В качестве механизмов реализации Стратегии рассматриваются новые структурные единицы, включая промышленные консорциумы и стратегические альянсы.

В настоящее время в сфере промышленности Орловской области реализуются мероприятия по восстановлению научно-промышленного кластера электроники и приборостроения, созданы кластеры предприятий IT-технологий (в составе кластера более 40 предприятий) и предприятий сферы телекоммуникаций – кластер «Глонасс К-57» – территориальный инновационный кластер навигационно-телематических и геоинформационных систем с использованием спутниковых технологий³.

Ядро региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения составят следующие предприятия региона: АО «Протон», АО «Протон-Электротекс», ООО «Завод Приборов»; ООО «Рубетек Рус»; НΠΑО «Научприбор», Филиал АО «Группа компаний «Таврида Электрик» – Орловский Электротехнический Завод, АО «Болховский завод полупроводниковых приборов», АО «Пумос», ООО «Научно-производственное предприятие «Астрон-Электроника».

ОГУ им. И.С. Тургенева является стратегическим партнером большинства названных предприятий. Планируется развивать взаимодействие в сфере научно-технического сотрудничества между промышленными предприятиями и вузом по направлениям организации производства новых приборно-микроэлектронных изделий общего и специального назначения и внедрения новых импортозамещающих технологий.

Университеты должны активно взаимодействовать и сотрудничать с другими субъектами, заинтересованными в региональном экономическом развитии. Они наиболее эффективно формируют местную экономику, когда являются частью более широкой региональной инновационной экосистемы.

Надежная и эффективная экосистема подготовки кадров требует упреждающих усилий на региональном уровне. Они могут быть осуществлены на уровне образовательных программ университетов в сотрудничестве с местными работодателями.

В ОГУ им. И.С. Тургенева примером ресурсной базы для развития высококвалифицированных кадров является Инжиниринговый центр технологий цифровой среды для обеспечения комплексной безопасности: телекоммуникации, связь и энергоэффективность, коммерческое подразделение вуза, специализирующееся на разработке и внедрении инновационных решений для производства. В рамках производства ИЦ ТЦС выпускает продукцию для систем «умный дом»: датчики, блоки управления, системы контроля доступа и др. для промышленных партнеров. Таким образом, на практике реализуется проект полного жизненного цикла создания высокотехнологичной продукции, включающий проектирование, подготовку высококвалифицированных кадров и производство.

Университеты призваны играть ключевую роль в экономическом развитии, формируя факторы современного конкурентного преимущества – знания, высокотехнологичные разработки и исследования. Одной из причин отсутствия эффективного трансфера науки в бизнес является отсутствие инновационной среды, сформированной таким образом, чтобы происходило взаимодействие и диалог между учеными и рынком.

Таким образом, с учетом сложившихся региональных предпосылок формирование региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения является актуальным, в значительной степени соответствует целям и задачам Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации, в том числе в контексте предлагаемых кооперационных решений по созданию профильного Консорциума «Микроэлектронная, электронная и информационная техника и технологии», в который войдут образовательные организации и предприятия реального сектора экономики.

Формирование региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения обусловлено двумя ключевыми направлениями.

¹ Голова И.М. Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах // Экономика региона. 2021. – Т. 17, вып. 4. – С. 1346–1360. – <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-21>

² Лидинфа Е.П., Баранова С.В., Тихонович М.И. Цифровые вызовы современности: изменение технологических укладов, особенности развития общественных отношений, трансформация образовательных трендов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. – № 1 (94). – С. 225. – https://oreluniver.ru/public/file/archive/notes_UZ_1.pdf

³ Богачев А.И. Методологические основы комплексной оценки инновационного развития региональной экономики // Вестник НГИЭИ. 2020. – № 4 (107). – С. 91–92. – <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42686512>

Первое направление связано с реализацией проектных мероприятий в ответ на технологический запрос стратегического индустриального партнера (ООО «Рубетек Рус») по созданию в регионе производства изделий микроэлектроники с освоением полного технологического цикла, включая операцию корпусирования интегральных микросхем (Соглашение между Правительством Орловской области и ООО «Рубетек Рус» от 02.06.2021 г. на сумму 6,1 млрд рублей инвестиций с созданием более 400 новых рабочих мест). Объект разработки – микроконтроллер RB32G031G6U6.

Второе направление работы региональной инновационной экосистемы – приборные интеллектуальные системы диагностирования, прогнозирования и управления в сложных технических системах, в т.ч. электрогенерирующего комплекса России. Это является технологическим запросом со стороны ключевых индустриальных партнеров – участников Консорциума (ЗАО «Элсиэл», АО «НПО ВЭИ Электроизоляция»).

Актуальность данного направления связана с тем, что безопасность важнейших элементов критической инфраструктуры Российской Федерации должна обеспечиваться за счет разработки и внедрения компонентной базы и изделий электроники российского производства с последующим импортозамещением на объекты нефтегазовой, транспортной и машиностроительной промышленности¹.

Формирование региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения включает в себя следующие направления:

1) Исследования и разработки в области создания отечественной микроэлектронной базы программно-аппаратных систем и комплексов.

2) Исследования и разработки в области создания методов и программно-аппаратных комплексов диагностирования и прогнозирования состояния технических объектов на основе достижений в области искусственного интеллекта, нейронных сетей и машинного обучения.

3) Исследования в области диагностического и прогностического математического моделирования состояния технических объектов.

4) Тиражирование результатов проектирования и создания программно-аппаратных комплексов мониторинга технических объектов на биологические объекты – разработка интеллектуальных систем поддержки принятия решений в диагностировании и прогнозировании клиничко-экспертных состояний человека.

5) Исследования и разработки в области интеллектуальной сенсорики для программно-аппаратных систем и комплексов.

6) Исследования в области методов визуального диагностирования технических объектов на основе искусственного интеллекта, нейронных сетей и машинного обучения, в т.ч. с применением беспилотных летательных аппаратов.

При реализации проектов региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения планируется разработка и освоение двух ключевых технологий:

– технология производства интегральных микросхем, включая операцию корпусирования полупроводниковых кристаллов;

– интеллектуальная технология диагностирования и прогнозирования состояния сложных технических систем и объектов, эксплуатируемых, преимущественно, в зоне критической инфраструктуры Российской Федерации, с применением отечественных программно-аппаратных комплексов и программного обеспечения.

В рамках формирования региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения будут получены научно-технические решения по построению программно-аппаратных комплексов для диагностирования различных технических объектов, отказ которых потенциально связан с большими экономическими потерями, с крупными авариями и катастрофами, с нарушением работы стратегически важных производств и отраслей:

1) экспериментальная установка для отработки режимов отдельных технологических операций процесса корпусирования, включая контрольно-измерительные операции. Разработка методического обеспечения проведения экспериментальных исследований;

2) комплект технологической документации процесса корпусирования полупроводниковых кристаллов, комплекты конструкторской документации на интегральные микросхемы, применяемые в производстве приборной продукции (для нужд стратегического партнера – участника Консорциума);

3) программно-аппаратный комплекс для автоматизированного сбора и интеллектуального анализа данных о состоянии технического объекта с возможностями прогнозирования состояния, остаточного ресурса, требуемых ремонтных операций и ведомостей покупных изделий (тендерных предложений);

4) техническая документация и технологическая линия для производства универсальных устройств автоматического контроля, управления и защиты. Конструкторская документация на экспериментальный образец устройства кластерной диагностики технического оборудования;

5) изготовление и испытания опытной партии универсальных устройств автоматического контроля, управления и защиты;

6) экспериментальные образцы, нейронные сети для распознавания поверхностных дефектов программно-аппаратных комплексов на базе систем технического зрения для проведения мониторинга и интеллектуальной диагностики поверхностей в режиме реального времени;

7) программно-аппаратный комплекс интеллектуальной поддержки принятия решений о клиничко-экспертных состояниях человека при проведении диагностических процедур и выборе стратегии реабилитации пациентов. Про-

¹ Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года // Портал Правительства Российской Федерации. – <http://government.ru/docs/38795/>

граммно-аппаратный комплекс для диагностики поражения нервной системы в условиях первичного (амбулаторно-поликлинического) звена здравоохранения (по направлению «Функциональная диагностика»).

Развитие региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения направлено на реализацию региональной и национальной повестки развития отрасли микроэлектроники и потенциально связано с достижением макроэффектов в форме создания новых производств, рабочих мест, увеличения доли рынка изделий микроэлектроники отечественного происхождения, трансформации региональной экономики с ростом доли высокотехнологичных промышленных производств.

Региональная инновационная экосистема электронной промышленности и приборостроения связана с инфраструктурным развитием университета, с созданием новых профильных структурных единиц как центров притяжения талантливых учёных, инженеров, молодёжи с учётом активного вхождения новых структур в мероприятия, программы и проекты, связанные с грантовой поддержкой и внебюджетным финансированием со стороны реального сектора экономики. Данная экосистема станет центром притяжения профильных компетенций при создании Консорциума «Микроэлектронная, электронная и информационная техника и технологии», в который войдут образовательные организации и предприятия реального сектора экономики, заинтересованные в развитии отрасли микроэлектронной и электронной техники, информационных технологий, цифровых сервисов и современных интеллектуальных информационных и управляющих систем.

Приоритетными задачами развития региональной инновационной экосистемы электронной промышленности и приборостроения являются ее организационное развитие, усиление связей между предприятиями-участниками инновационной экосистемы, а также развитие сектора разработок и исследований и наращивание инновационного потенциала.

Немаловажную роль играет развитие потенциалов производства региональной инновационной экосистемы и увеличение на рынке электронной промышленности и приборостроения доли продукции и услуг, производимых и осуществляемых участниками экосистемы.

Василенко В.Н.

д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры банковского дела;
Донецкий национальный университет экономики и торговли
bulava1953@mail.ru,

Василенко Д.В.

к.э.н., доцент кафедры теории управления и государственного администрирования, Донецкая академия
управления и государственной службы при Главе ДНР
dima_vasilenko@list.ru

ПРИРОДА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ В МЕЖТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ)

Ключевые слова: дифференциация, поляризация, асимметрия, экономические неравенства, территориальное развитие, межтерриториальные измерения.

Keywords: differentiation, polarization, asymmetry, economic inequalities, territorial development, inter-territorial dimensions.

Введение

Достаточно продолжительное время в среде практических специалистов и научных работников артикулируются вопросы относительно поиска возможностей сглаживания (выравнивания) усиливающихся различий в экономическом развитии разных по своим масштабам территориальных образований: начиная с макрорезон, федеральных округов, регионов и заканчивая муниципальными образованиями. Такие различия многими специалистами квалифицируются как неравномерности территориального развития. «Неравномерность развития территорий – одна из ключевых проблем многих стран, специфические черты которой во многом определяются размерами территории, природно-климатическими особенностями, национальным составом, культурно-историческими факторами, неоднородностью экономического пространства, распределением ресурсов и степенью их освоенности»¹.

Для возможной оценки межтерриториальных различий в экономическом развитии на практике и в научных исследованиях чаще всего используют многочисленные качественные статистические показатели, посредством сравнения которых стараются показать «мозаику местности» в существующих границах территориальных образований. Наиболее часто в качестве знаменателя используют такие показатели, как площадь территории, численность населения, среднегодовая численность занятых в экономике, стоимость основных фондов в экономике, валовой региональный продукт, продукция сельского хозяйства, инвестиции в основной капитал, объемы налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему и др.

Существующий понятийный аппарат для описания экономических различий в межтерриториальном измерении

В большинстве своем существующие территориальные различия в экономическом развитии классифицируются как дифференциация и поляризация территориального развития, асимметрия (диспропорции) и экономические неравенства в развитии территорий и т.п. При этом встречаются и другие термины, используемые как синонимы, например, такие как: размежевание, разграничение, расслоение, обособление – взамен слова «дифференциация»; неоднородность и неравномерность – взамен слова «поляризация»; диспропорции и перекосы – взамен слова «асимметрия»; различия, расхождения, диспаритет – взамен слова «неравенство». Обусловлено это тем обстоятельством, что в экономической науке, в том числе и в региональной экономике для описания экономических процессов и явлений очень часто используют термины и понятия, заимствованные из других областей знания. В виду чего используемый научный язык в экономической науке квалифицируется как полифункциональный.

Так, под дифференциацией территориального развития предлагается понимать «уровень неоднородности территориальных единиц страны или региона, сложившийся в результате неравномерности социально-экономического развития данных территориальных единиц»². Одновременно с этим «под дифференциацией как неотъемлемым свойством экономического пространства понимается объективное состояние неоднородности пространства, проявляющее-

¹ Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. – Т. 10, № 1. – С. 59.

² Булкина А.М. Статистический анализ дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований // Вестник НГУЭУ. 2016. – № 1. – С. 342.

ся в различиях по определенным социальным и экономическим параметрам»¹. Если в первом случае речь идет о членении по определенным признакам большой территории на отдельные участки, то во втором – о некоторых характеристиках состояния экономического пространства. Причинами высокой дифференциации социально-экономического развития являются наличие или отсутствие природных ресурсов, выгодное или проблемное геополитическое положение, благоприятность природно-климатических условий, уровень конкурентоспособности экономики районов и т.д.²

В то же время «поляризация представляет собой пространственную неравномерность состояния и развития регионально-отраслевых подсистем экономики территорий, дающую качественную характеристику изучаемых объектов при помощи косвенных количественных показателей»³. В качестве основных причин высокой поляризации территориального развития одни специалисты⁴ видят переход к рыночному типу экономики; разделение функций, полномочий и предметов ведения в социально-экономической сфере между уровнями власти; снижение объемов производства, сокращение притока инвестиций, увеличение безработицы и инфляции, непосредственное уменьшение реальных доходов, расслоение общества; другие⁵ – природно-климатические, природно-ресурсные, инфраструктурные, социально-демографические, политико-правовые, экономические, этнические, национальные, исторические факторы.

Под асимметрией в экономическом развитии территорий одни авторы⁶ понимают увеличение различий между территориями, другие⁷ – отклонения в условиях и результатах развития социальной и экономической сфер региона, связывая асимметрию с разрывами (отклонениями) в результатах деятельности; третьи⁸ – наличие устойчивых во времени и пространстве разрывов (отклонений) относительно системы установленных стандартов и среднего уровня показателей социально-экономического развития муниципальных образований. При этом асимметрия в экономическом развитии территорий ассоциируется с диспропорциями социально-экономического состояния отдельных территориальных образований⁹. То есть эти два термина являются своеобразными синонимами. Основными причинами асимметрии (диспропорций) в экономическом развитии территорий могут быть «1) разные природно-климатические условия, обуславливающие различия в издержках производства одной и той же продукции; 2) большие расстояния и неоднородность распределения инфраструктуры, сдерживающие развитие экономики на определенных территориях; 3) исторически сложившаяся асимметрия, обусловленная различиями регионов по наличию факторов производства (труда, капитала, ресурсов) и эффективностью его использования; 4) неэффективная региональная политика со стороны государственных органов власти; 5) усиливающаяся экономическая специализация регионов в условиях глобальной конкуренции»¹⁰.

Что касается экономических неравенств в развитии территорий, «то социально-экономическое неравенство рассматривается как неравенство уровня развития общества между регионами в силу различных социально-экономических, природных или политических причин, когда регионы развиваются разнонаправлено и полицентрично. Территориальное неравенство возникает как следствие конкурентного производства и специализированного разделения труда между регионами»¹¹. Причинами экономических неравенств в развитии территорий видятся «факторы «первой природы», такие как обеспеченность природными ресурсами, выгодное географическое положение, изменить которые довольно трудно, а зачастую практически невозможно. К факторам «второй природы» относят так называемые

¹ Победин А.А. Политика регулирования внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05. – Екатеринбург, 2008. – С. 10.

² Зандер Е.В., Лобкова Е.В., Смирнова Т.А. Оценка диспропорций территориального развития России как инструмент формирования региональной политики // Проблемы современной экономики. 2014. – № 4. – С. 190-103.

³ Чебунина Н.М. Сущность поляризации развития регионов и направления ее сглаживания в современной экономике // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. – № 10 (14). – С.112–113.

⁴ Седых Н.В., Корпош Е.М., Гончарова Е.С. Причины социально-экономической поляризации регионов России // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2015. – № 10-11(53). – С. 136-140.

⁵ Егорова С.В. Пространственная поляризация в региональном развитии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2010. – № 6 (112). – <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-polyarizatsiya-v-regionalnom-razvitiy>

⁶ Воробьев Д.Н. Регулирование асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований региона: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / Д.Н. Воробьев. – Екатеринбург, 2005. – 26 с.

⁷ Галдин М.В. Методические подходы к выявлению асимметрии социально-экономического развития региона (на примере Омской области): автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05. – Омск, 2004. – 26 с.; Корень К.С. Инструменты сглаживания пространственной поляризации муниципальных образований: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05. – Иркутск, 2010. – 24 с.; Попов П.А. Интеграция муниципальных территорий как инструмент сглаживания асимметрии социально-экономического развития региона: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05. – Тамбов, 2011. – 24 с.; Чуракова М.М. Оценка социально-экономической асимметрии в развитии регионов: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05. – Ставрополь, 2011. – 23 с.

⁸ Меркулова Е.Ю. Сглаживание асимметрии социально-экономического развития региона на основе формирования самодостаточных муниципальных территорий // Социально-экономические явления и процессы. 2011. – № 11 (033). – С. 134–141.

⁹ Бестаева Л.И. Тенденции диспропорций социально-экономического развития регионов // Фундаментальные исследования. 2015. – № 10 (ч. 3). – С. 564–569.

¹⁰ Нусратуллин И.В. Межрегиональная асимметрия территорий с позиции неравновесного подхода // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. – № 4 (138). – С. 40.

¹¹ Юманова У.В. Региональная оценка социально-экономического неравенства // Вестник ВГУ. Серия: География. Геология. 2016. – № 3. – С. 57.

«выращиваемые» преимущества, такие как уровень развития человеческого капитала, агломерационный эффект, инфраструктура, институциональная среда и т.п.»¹.

К сожалению, здесь необходимо обратить внимание на то, что очень часто авторы ошибочно подменяют или смешивают между собой рассмотренные выше термины, что усложняет процесс проникновения в сущность каждого понятия: в качестве примера могут служить тексты рассмотренных выше публикаций, в которых как раз и наблюдается такая подмена. Сопряжено это, скорее всего, с тем, что существуют методологические сложности при реализации разграничения этих понятий по определенным признакам (отличительным чертам). Можно предположить, что в качестве таких признаков могут использоваться, с одной стороны, условия (предпосылки), а с другой – причины (факторы, движущие силы) развития экономических процессов и явлений, которые по своей объективной природе и формируют отличительные черты данных научных понятий.

В связи с этим актуализируется поиск решения задачи, например, по определению возможной природы возникновения межтерриториальных различий в экономическом развитии. В теоретическом отношении такая природа может находиться в плоскости выявления отличительных черт, разграничивающих сущность понимания каждого из обозначенных терминов. Для этого важно заняться поиском, с одной стороны, определения условий (предпосылок), а с другой – оценивания причин (факторов, движущих сил) развития экономических процессов и явлений. Разграничение условий развития (как с положительным трендом, так и с отрицательным) экономических процессов и явлений на необходимые и достаточные, а также причин развития – на внешние и внутренние предопределено логикой познания и раскрытия сущности конкретных понятий².

Признаки выделения межтерриториальных различий в экономическом развитии

Методическое определение наличия существующих контрастов в межтерриториальном развитии может обеспечиваться при помощи выявления и оценки необходимых и достаточных условий (предпосылок) и внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) развития экономических процессов и явлений (которые являются родовыми признаками возможных различий), а также установления возможного взаимодействия их между собой. В этом случае предметом исследования становятся параметры оценивания и степень сопряжения взаимодействий необходимых и достаточных условий (предпосылок) и внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) развития экономических процессов и явлений.

Условия (предпосылки) обеспечивают выбор направлений потока экономических процессов и явлений, а причины (факторы, движущие силы) – содействуют ускорению или замедлению экономических процессов и явлений. Определившись с условиями и причинами изменения экономических процессов и явлений, можно более точно установить родовые признаки (отличительные черты) межтерриториальных различий в экономическом развитии, а вместе с ними и истоки их возникновения.

Если определение параметров оценивания развития экономических процессов и явления позволяет устанавливать внешние границы их протекания, то определение степени сопряжения их взаимодействия позволяет устанавливать их глубину. Получаемые результаты позволяют количественно и качественно измерять происходящие изменения в характере использования производительных сил и форм их соединения. Проиллюстрируем данное утверждение на примере определений (дефиниций) основных терминов, используемых для характеристики межтерриториальных различий в экономическом развитии.

Итак, одним из проявлений существующих контрастов в развитии территорий является дифференциация территориального развития. Под дифференциацией территориального развития следует понимать сложившиеся разрывы или отклонения в результатах влияния условий (предпосылок) и причин (факторов, движущих сил) развития экономических процессов и явлений на использование элементов производительных сил и форм их соединения (организации), оцениваемые относительно некоторой нормируемой величины (как правило, средней по всей совокупности рассматриваемых территорий).

Основными элементами, формирующими экономические процессы и явления, изучаемые в регионалистике, являются формы территориальной организации хозяйства и формы территориальной организации населения. В качестве форм территориальной организации хозяйства могут выступать производственные комплексы, транспортные узлы, промышленные агломерации, кластеры, производственные сети и др. В свою очередь в качестве форм территориальной организации населения могут выступать опорный каркас расселения, урбанизация, городские агломерации и т.п. Указанные формы территориальной организации хозяйства и населения могут измеряться различными потенциалами, начиная от производственного и заканчивая информационным, которые в своей совокупности формируют экономический потенциал.

Представляется, что параметрами оценивания условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации хозяйства могут быть: для необходимых условий – имеющиеся в наличии ресурсы (природные, материальные, трудовые и др.) и существующие условия жизнедеятельности (структура и состав экономической системы), а для достаточных – имеющийся в наличии экономический потенциал (производственный, природный, трудовой и др.) и существующие условия хозяйствования (правила ведения хозяйственной деятельности).

¹ Белькина А.С. Социально-экономическое неравенство регионов России: пути решения проблемы // Проблемы современной экономики. 2015. – № 3 (55). – С. 246.

² Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, Н.П. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 531.

В свою очередь степень сопряжения взаимодействия необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации хозяйства может измеряться выбором возможных путей их перспективного развития и выбором путей развития режимов хозяйствования (функционирования).

Следовательно, источниками возникновения дифференциации территориального развития в разрезе необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации хозяйства могут быть: с одной стороны, различия в запасах имеющихся ресурсов и мощности экономических потенциалов территориальных образований, а с другой – различия в структуре и составе экономической системы и условиях ведения хозяйственной деятельности. Преобладающими обстоятельствами в этом случае являются обстоятельства первой группы, так как обстоятельства второй группы касаются всех без исключения территориальных образований (за редким исключением) и др.

Параметрами оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации хозяйства могут быть: для внешних причин – сложившиеся пропорции в территориальном разделении труда и используемые меры государственного протекционизма (поддержка отечественных производителей), а для внутренних причин – сложившиеся пропорции в отраслевом разделении труда (уровне специализации) и используемые правила коммерческого расчета.

Степень сопряжения взаимодействия внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации хозяйства может определяться выбором возможных целей развития перспективных форм организации хозяйства и выбором возможных целей развития режимов хозяйствования (функционирования).

Следовательно, источниками возникновения дифференциации территориального развития в разрезе оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации хозяйства могут быть: во-первых, результаты (пропорции) территориального и отраслевого разделения труда и, во-вторых, применяемые меры государственного протекционизма и правила коммерческого расчета и др.

Нейтрализация чрезмерной дифференциации территориального развития в разрезе определения необходимых и достаточных условий (предпосылок) и оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации хозяйства становится возможной посредством формирования путей (целей) перспективного их развития и использования прогрессивных режимов хозяйствования при помощи использования мер стратегического развития территориальных образований (стратегирования, прогнозирования, программирования и планирования).

Представляется, что параметрами оценивания условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации населения могут быть: для необходимых условий – природные условия существования (климат, температурный режим, водные ресурсы, флора и фауна и др.) и достигнутый уровень (среднедушевые доходы населения) и качество жизни (образование, здравоохранение, культура и др.); для достаточных условий – территориальное размещение населения и существующие возможности для перемещения населения (внутренняя миграция).

Степень сопряжения взаимодействия необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации населения может измеряться возможностями выбора путей развития перспективных форм организации населения и возможностями выбора путей развития перспективных способов сочетания традиционных и модернистских общественных ценностей.

Следовательно, источниками возникновения дифференциации территориального развития в разрезе необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации населения могут быть: во-первых, существующие различия в природных условиях и территориальном размещении населения и, во-вторых, различия в уровне и качестве жизни населения, а также существующие возможности для перемещения населения (как в границах территориального образования, так и за его пределами) и др.

Параметрами оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации населения могут быть: для внешних факторов – наличие центров и периферии в расселении населения, наличие «социальных» лифтов в обществе; для внутренних факторов – структура национально-этнического состава населения и реально существующие возможности для продуцирования рациональных идей (изобретений и рационализаторских предложений в технологии, технике, искусстве и др.).

Степень сопряжения взаимодействия внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации населения может определяться выбором возможных целей развития перспективных форм организации населения и выбором возможных целей развития сочетания традиционных и модернистских общественных ценностей.

Следовательно, источниками возникновения дифференциации территориального развития в разрезе оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации населения могут быть: с одной стороны, наличие центров и периферии в расселении и сложившаяся структура национально-этнического состава населения, а с другой – существующие возможности для карьерного и творческого роста и др.

Нейтрализация чрезмерной дифференциации территориального развития в разрезе определения необходимых и достаточных условий (предпосылок) и оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации населения становится возможной посредством формирования путей (целей) перспективного их развития и выбором возможных целей развития традиционных и модернистских ценностей общества.

Можно с высокой степенью вероятности утверждать, что дифференциация территориального развития является следствием, с одной стороны, разных уровней использования экономических потенциалов территорий, а с другой – разных уровней насыщения территорий физическими объектами и хозяйственными связями, а также разных уровней освоения территории посредством вовлечения в общественное производство новых факторов производства. Преодо-

ление чрезмерной дифференциации территориального развития возможно при помощи использования мер стратегического развития территориальных образований (стратегирования, прогнозирования, программирования и планирования).

Другим проявлением существующих контрастов в развитии территорий становится поляризация территориального развития. Под поляризацией территориального развития следует понимать различия в формах территориальной организации хозяйства и формах территориальной организации населения, возникающие под воздействием условий (предпосылок) и причин (факторов, движущих сил) развития экономических процессов и явлений, оцениваемые изменениями в результатах функционирования хозяйственного комплекса или расселения населения.

Представляется, что параметрами оценивания условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации хозяйства могут быть: для необходимых условий – промышленные и транспортные узлы, промышленные агломерации, производственные кластеры и сети и результативность функционирования (максимизация прибыли, минимизация издержек) хозяйственных структур, а для достаточных – имеющаяся в наличии производственная инфраструктура и существующие возможности для трансформации факторов производства в товары и услуги.

В свою очередь степень сопряжения взаимодействия необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации хозяйства может измеряться выбором путей специализации, кооперации и концентрации промышленного производства и выбором путей повышения продуцирования экономических эффектов (типов воспроизводства – расширенного, простого и суженного).

Следовательно, источниками возникновения поляризации территориального развития в разрезе необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации хозяйства могут быть: с одной стороны, различия в синергетических эффектах, возникающих при взаимодействии двух и более факторов производства, а с другой – различия в доступности факторов производства для трансформации их в товары и услуги.

Параметрами оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации хозяйства могут быть: для внешних причин – возникновение «полюсов» роста и существующие производственно-технологические связи, а для внутренних причин – экономическое обособление факторов производства и степень пригодности факторов производства к использованию (физический износ, моральное старение).

Степень сопряжения взаимодействия внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации хозяйства может определяться выбором возможных целей специализации, кооперации, комбинирования и концентрации промышленного производства и выбором возможных целей повышения продуцирования экономических эффектов (типов воспроизводства).

Следовательно, источниками возникновения поляризации территориального развития в разрезе оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации хозяйства могут быть: во-первых, результаты производственных связей (специализации, кооперации, комбинирования и концентрации) с сопредельными территориальными образованиями, а во-вторых, результаты обособления достижений научно-технического прогресса в границах отдельного территориального образования.

Нейтрализация поляризации территориального развития в разрезе определения необходимых и достаточных условий (предпосылок) и оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации хозяйства становится возможной посредством формирования путей (целей) преодоления существующих чрезмерных межтерриториальных различий в экономическом развитии на основе использования ограничительных мер по эксплуатации отдельных видов ресурсов (природных, материальных, трудовых).

Представляется, что параметрами оценивания условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации населения могут быть: для необходимых условий – существующий опорный каркас расселения, урбанизация, городские агломерации (численность городского и сельского населения) и уровень доступности населения к центрам жизнедеятельности, а для достаточных условий – мобильность трудовых ресурсов, маятниковая миграция, количество и качество оказываемых различных социальных услуг населению.

Степень сопряжения взаимодействия необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации населения может измеряться возможностями выбора путей развития центра и периферии и выбора путей повышения продуцирования социальных эффектов.

Следовательно, источниками возникновения поляризации в территориальном развитии в разрезе необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения форм территориальной организации населения могут быть: во-первых, различия в концентрации трудовых ресурсов на единице площади разных территориальных образований, во-вторых, различия в консолидации усилий по обеспечению оптимального использования трудовых ресурсов.

Параметрами оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации населения могут быть: для внешних факторов – возникновение и наличие «точек» развития и существующая практика межтерриториального сотрудничества органов местного самоуправления, для внутренних факторов – сложившаяся система транспортного сообщения в отдельном территориальном образовании и тренды воспроизводства населения (уровня и качества жизни).

Степень сопряжения взаимодействия внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации населения может определяться выбором возможных целей развития центра и периферии и выбором целей повышения продуцирования социальных эффектов на конкретной территории.

Следовательно, источниками возникновения поляризации территориального развития в разрезе оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации населения могут быть: с одной стороны, результаты освоенности разных по своим масштабам территорий и с другой – результаты улучшения природной и искусственной среды существования жителей этих территорий.

Нейтрализация чрезмерной поляризации в территориальном развитии в разрезе определения необходимых и достаточных условий (предпосылок) и оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения форм территориальной организации населения становится возможной посредством формирования путей (целей) выравнивания возможностей продуцирования и потребления материальных и духовных ценностей жизнедеятельности населения на основе повышения стандартов качества жизни.

Можно с большой степенью вероятности утверждать, что поляризация в территориальном развитии является следствием, с одной стороны, высокой плотности хозяйственной деятельности, а с другой – высокой экономической активности населения. Выравнивание поляризации в территориальном развитии должно осуществляться при помощи использования мер стратегического развития территориальных образований (стратегирования, прогнозирования, программирования и планирования).

Признаки выделения различий в экономическом развитии территорий

Следующим проявлением существующих контрастов в развитии территорий является асимметрия (диспропорции) в экономическом развитии территорий. Под асимметрией (диспропорциями) в экономическом развитии территорий следует понимать гипертрофированное использование отдельных элементов производительных сил, возникающее под влиянием (не влиянием) условий (предпосылок) и причин (факторов, движущих сил) развития экономических процессов и явлений, оцениваемое нарушениями пропорций в общественном производстве и воспроизводстве, отклонениями в их количественных или качественных параметрах.

Параметры возможного оценивания и степень сопряжения взаимодействия, соответственно, необходимых и достаточных условий, внешних и внутренних причин, влияющих на асимметрию в экономическом развитии территорий, в полной мере зависят от существующих тенденций в развитии экономики в целом (за счет развития структуры видов экономической деятельности (отраслей)).

Параметрами оценивания условий (предпосылок) изменения экономики в целом (структуры видов экономической деятельности) могут быть: для необходимых условий – результаты международного разделения труда и существующая институциональная среда осуществления хозяйственной деятельности; для достаточных условий – результаты внутригосударственного разделения труда и существующие на конкретной территории нормативно-правовое обеспечение хозяйственной деятельности.

Степень сопряжения взаимодействия необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения структуры видов экономической деятельности может определяться выбором путей оптимизации отраслевой структуры экономики и выбором путей и приоритетов повышения эффективности режимов хозяйствования (функционирования экономической системы).

Следовательно, источниками возникновения асимметрии в экономическом развитии в разрезе оценивания и степени сопряжения взаимодействия необходимых и достаточных условий (предпосылок) по отдельным территориям могут быть: с одной стороны, различия в сложившихся пропорциях общественного разделения труда (территориального и отраслевого) и с другой – различия в специализации отдельных территорий (доминирование отдельных видов экономической деятельности (отраслей) или секторов экономики в общем составе хозяйственного комплекса) и др.

Параметрами оценивания причин (факторов, движущих сил) изменения экономического развития отдельной территории могут быть: для внешних причин – результаты экспортно-импортной деятельности субъектов хозяйствования и результаты налогообложения экономических итогов деятельности, существующие квоты, пошлины, тарифы и др.; для внутренних причин – сложившаяся система концентрации, специализации, кооперирования и комбинирования производства и результаты применения утвержденных норм и нормативов материальных и трудовых затрат субъектами хозяйствования.

Степень сопряжения взаимодействия внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) изменения экономического развития отдельной территории может определяться выбором возможных приоритетов отраслевого развития и выбором возможных путей и приоритетов оптимизации режимов хозяйствования.

Следовательно, источниками возникновения асимметрии в экономическом развитии в разрезе оценивания внешних и внутренних причин и степени сопряжения их взаимодействия по отдельным территориям могут быть: с одной стороны, изменения места и роли отдельных видов экономической деятельности или целых хозяйственных комплексов и с другой – несогласованность функций хозяйственного механизма, призванного обеспечивать необходимую эффективность (результативность, экономичность) общественного производства и др.

Нейтрализация чрезмерной асимметрии в экономическом развитии в разрезе определения необходимых и достаточных условий (предпосылок) и оценивания причин (факторов, движущих сил) изменений в экономических процессах и явлениях становится возможной посредством формирования путей (целей) оптимизации отраслевой структуры и выбора приоритетов в повышении эффективности функционирования хозяйственного механизма (режимов хозяйствования).

Можно утверждать, что асимметрия в экономическом развитии территорий является следствием, с одной стороны, происходящих изменений в общественном (территориальном и отраслевом) разделении труда (за счет изменений в структуре видов экономической деятельности (секторов экономики)), а с другой – наблюдаемых изменений в экономических отношениях и связях, влияющие на функционирование хозяйственного механизма (за счет недостаточного уровня эффективности выполнения предписанных компетенций). Преодоление чрезмерной асимметрии в экономическом развитии может быть обеспечено при помощи использования мер стратегического развития территориальных образований (стратегирования, прогнозирования, программирования и планирования).

Еще одним проявлением существующих контрастов в развитии территорий являются экономические неравенства в развитии территорий. Под экономическими неравенствами в развитии территорий следует понимать различия в уровнях (величине) качественных показателей, возникающие под влиянием условий (предпосылок) и причин (факторов, движущих сил) развития экономических процессов и явлений во времени и пространстве, оцениваемые изменениями по всей их совокупности.

Параметры возможного оценивания и степень сопряжения взаимодействия, соответственно, необходимых и достаточных условий, внешних и внутренних причин, влияющих на экономические неравенства в развитии территорий, в полной мере зависят от наблюдаемых скоростей движения во времени всех элементов производительных сил и форм их соединения и существующих типов воспроизводства (расширенного, простого и суженного), вовлекаемых производительных сил как на отдельные предприятия, так и в целом в хозяйственный комплекс.

Параметрами оценивания условий (предпосылок) экономических неравенств в развитии территорий могут быть: для необходимых условий – результаты бюрократических, нормативно-правовых, рыночных, этических и других связей, а также уровень сближения условий использования общего инструментария управления на разных территориях; для достаточных условий – результаты регулирования цен, тарифов на товары и услуги, реализации законодательных норм и норм морали, уровень сближения условий потребления (заработных плат) производимых товаров и оказываемых услуг и др.

Степень сопряжения взаимодействия необходимых и достаточных условий (предпосылок) изменения экономических неравенств в развитии территорий может определяться выбором возможных путей в изменениях тренда динамики основных признаков ее движения во времени и выбором направлений выравнивания условий воспроизводства для всех элементов производительных сил и форм их соединения на разных территориях.

Следовательно, источниками возникновения экономических неравенств в развитии территорий в разрезе оценивания необходимых и достаточных условий (предпосылок) и степени сопряжения их взаимодействия на отдельной территории могут быть: во-первых, различия в количественном и качественном отношении используемых экономических связей и содержании методов и способов управления в общественном производстве; и, во-вторых, различия в экономическом регулировании и в условиях возмещения издержек производства (затрат оуществленного и живого труда) и др.

Параметрами оценивания внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) экономических неравенств в развитии территорий могут быть: для внешних причин – результаты проявления экономических и социальных эффектов и уровень нейтрализации существующих общественных противоречий; для внутренних причин – результаты проявления компромисса экономических, социальных и политических интересов между субъектами, а также уровень гармонизации политических, экономических и социальных интересов больших групп населения.

Степень сопряжения взаимодействия внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) изменения экономических неравенств в развитии территорий может определяться выбором возможных приоритетов в активизации экономических отношений между субъектами хозяйствования и большими группами населения на перспективу (ближайшую и отдаленную) и выбором приоритетов преодоления существующих противоречий в системе политических, экономических, социальных и технических интересов современного общества.

Следовательно, источниками возникновения экономических неравенств в развитии территорий в разрезе оценивания внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) и степени сопряжения их взаимодействия на отдельной территории могут быть: с одной стороны, возникающие экономические и социальные эффекты в отдельных стадиях общественного воспроизводства (производства, распределения, обмена и потребления); с другой – результаты поиска и нахождения компромиссов при реализации общественных, групповых (коллективных) и индивидуальных интересов и др.

Нейтрализация чрезмерного диапазона экономических неравенств в развитии территорий в разрезе определения необходимых и достаточных условий (предпосылок) и оценивания причин (факторов, движущих сил) изменений в экономических процессах и явлениях становится возможной при помощи обеспечения скоординированной экономической скорости движения во времени и сближения условий воспроизводства всех элементов производительных сил и форм их соединения.

Выводы

Таким образом, установлено, что для описания существующих экономических контрастов в межтерриториальном измерении в настоящее время применяется обширный терминологический и понятийный аппарат. При этом наиболее часто используемые научные термины и понятия интерпретируются под различным углом зрения, что не способствует объективному восприятию описываемых экономических процессов и явлений. Можно предположить, основываясь на полученных результатах выявленных признаков (отличительных черт) экономических различий в территориальном развитии, что источниками возникновения межтерриториальных контрастов становятся, во-первых, различия в необходимых и достаточных условиях (предпосылках), а во-вторых, результаты оценивания внешних и внутренних причин (факторов, движущих сил) изменений в экономических процессах и явлениях на отдельных территориях. Нейтрализация различий и сближение результатов изменений в экономических процессах и явлениях на отдельных территориях в полной мере зависят от содержания и эффективной реализации государственной и местной политики территориального развития. Хотелось бы надеяться, что благоприятствовать этому будут авторские определения, позволяющие более строго позиционировать относительно предложенных понятий соответствующие экономические процессы и явления, порождающие межтерриториальные различия.

Можно полагать, что экономические различия в развитии территорий являются следствием, с одной стороны, разных условий воспроизводства всех элементов производительных сил и форм их соединения, а с другой – разных экономических скоростей эксплуатации всех элементов производительных сил и форм их организации. Преодоление экономических контрастов в развитии территорий становится возможным при помощи использования мер стратегического развития территориальных образований (стратегирования, прогнозирования, программирования и планирования).

Великих П.К.

м.н.с. научно-исследовательской лаборатории развития гражданского общества, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
velikikh@bsu.edu.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСОЛИДАЦИИ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

Ключевые слова: *солидарное общество, ценности, барьеры, безопасность, объединение.*

Keywords: *solidary society, values, barriers, security, unification.*

Консолидация является потребностью, вызванной естественным ходом событий и развитием современной ситуации в стране. Она обусловлена необходимостью воспроизводства социума и создания благоприятных условий жизни граждан.

Консолидированное общество – новая модель отношений, в основе которой лежит принцип солидарности, рассматриваемой как «тип взаимоотношений между людьми, следствием которого является осознание общности их интересов, и влечет за собой моральное обязательство не вредить другим и оказывать им помощь»¹. Солидарность относится к числу ценностей, которые разделяются большинством граждан и организаций, вне зависимости от их политической, религиозной или иной специфики. Лозунг солидарного общества соответствует постулату известного русского философа Н.Ф. Федорова «Жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех».

Проблемы социальной консолидации достаточно давно являются предметом социологического анализа, в ходе которого предпринимается попытка выявить сущность этого процесса, барьеры, препятствующие консолидации общества, и определить ценности, формирующие единое общество, для своевременного решения проблем².

В рамках гранта РНФ № 21-18-00150 «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» в марте-апреле 2022 года был проведен экспертный опрос 50 респондентов из города Москвы, Белгородской, Волгоградской, Иркутской, Курской, Новосибирской, Ростовской областей³.

В качестве экспертов выступали ученые, преподаватели вуза – 52%, депутаты – 24%, работники СМИ – 10%, государственные и муниципальные служащие – 12%.

Эксперты позитивно ответили на вопрос о возможности в настоящее время консолидации на уровне городских сообществ. Вариант «да» выбрали 10% и «скорее да, чем нет» – 60% респондентов, а 18% отметили, что все зависит от ситуации (см. рис. 1).

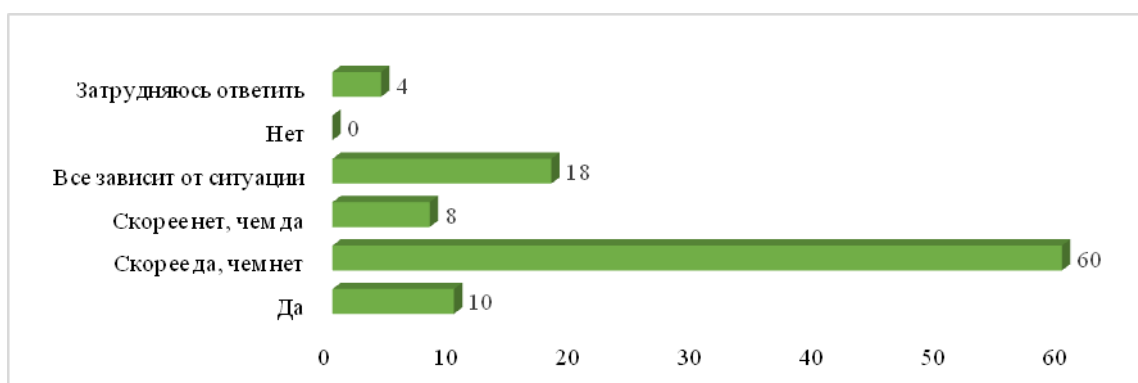

Рисунок 1.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, возможна ли сегодня в принципе консолидация городских сообществ?» (%)

¹ Dictionnaire de la langue française. – P.: Le Robert, 1993. – P. 879.

² Локосов В.В., Шульц В.Л. Основания консолидации российского общества (социологические аспекты). – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2008. – 165 с.

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150 «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» (<https://rscf.ru/project/21-18-00150/>).

В качестве основных причин необходимости консолидации городских сообществ, большинство экспертов назвали «успешное решение городских проблем» – 62%, «повышение сплоченности жителей» – 42% и «обеспечение единства и согласия в отношении перспектив развития города» – 42%.

Таким образом, консолидация рассматривается экспертами преимущественно с практической точки зрения, что вполне логично объясняется ситуацией, в которой оказались современные городские сообщества. Она характеризуется повышением уровня конкуренции и необходимостью их воспроизводства в нестабильной среде. Консолидация в данном контексте рассматривается, скорее не как цель, а как средство решения проблем городских сообществ.

При этом 40% экспертов затруднились ответить и 10% – не ответили на вопрос о наличии препятствий, делающих консолидацию невозможной. Следовательно, по мнению половины экспертов, для консолидации в настоящее время фактически нет непреодолимых препятствий. Те же из них, кто признает наличие препятствий, в качестве главных барьеров указывают: «дефицит объединяющих ценностей» – 20%, «несформированность городской идентичности» – 22%, «слишком большие социальные различия» – 18%, «низкий уровень межличностного и межгруппового доверия» – 16%.

Позиция экспертов довольно противоречива – если изначально необходимость консолидации связывается ими с практическими основаниями, то препятствия выявляются в основном в ценностно-смысловой сфере, а это говорит о том, что часть экспертов все же понимают консолидацию как некое духовное единение населения, что в нынешних условиях недостижимо. В настоящее время допустимо говорить об ограниченном понимании консолидации, в рамках которого она рассматривается как формирование прочной системы коммуникаций сообщества, позволяющей более или менее успешно сотрудничать в решении социальных проблем.

Для того чтобы ограниченный вариант консолидации был реализован, жители городских сообществ должны быть предрасположены к объединению. 44% экспертов указали, что общество «в основном» в настоящее время готово к консолидации для обсуждения городских проблем, хотя половина опрошенных подтвердили неготовность и затруднились ответить (рис. 2).

Рисунок 2.

В какой степени, на Ваш взгляд, большинство жителей города в настоящее время готово к объединению с другими людьми для решения городских проблем (%)

Основными причинами неготовности горожан к объединению эксперты называют следующие: «недостаток свободного времени», «дефицит доверия граждан друг к другу», «неготовность брать на себя ответственность». Лишь меньшинство опрошенных считает, что «наличие негативного опыта такого объединения» – 14%, «потеря веры в успех коллективных действий» – 16% (рис. 3).

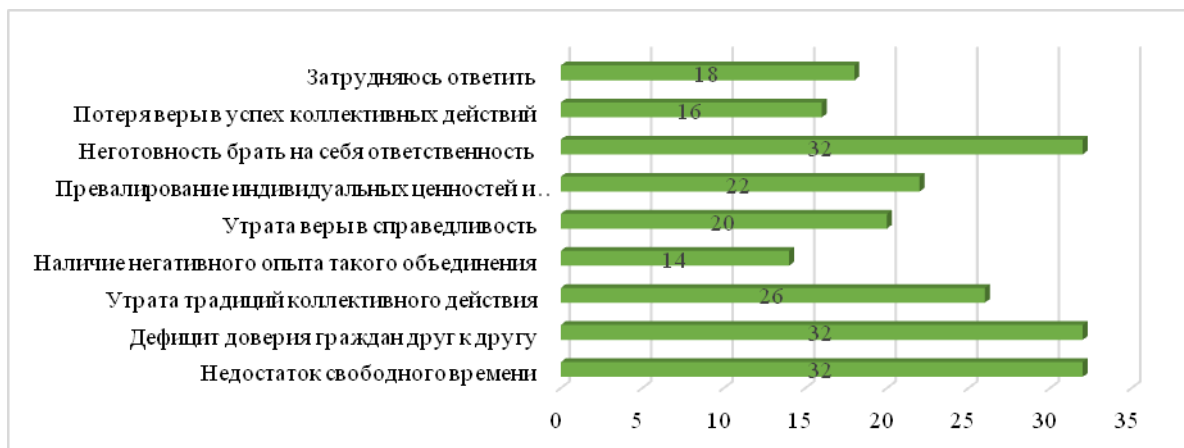

Рисунок 3.

Распределение ответов на вопрос: «Если, на Ваш взгляд, горожане не готовы к объединению с другими людьми для решения общих проблем, то каковы основные причины этого?» (%)

Наиболее прочным основанием для объединения горожан эксперты считают ценностный консенсус (рис. 4).

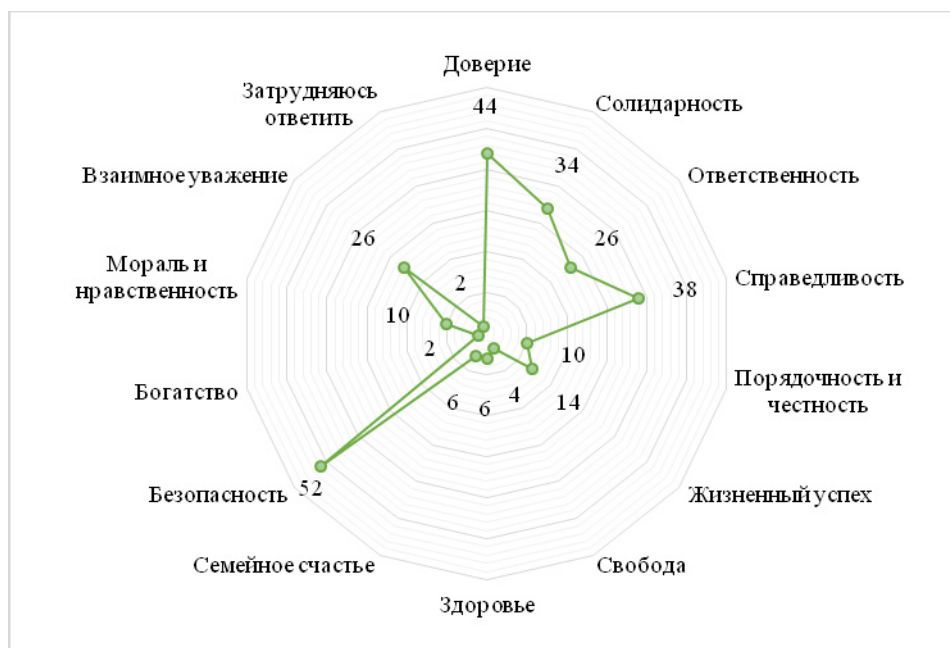

Рисунок 4.
Распределение ответов на вопрос: «На основе каких главных ценностей можно попытаться консолидировать городские сообщества?» (%)

Однако ценностный консенсус может быть достигнут на основе согласия большинства населения относительно наличия единых ценностей. В качестве такой объединяющей ценности большинство экспертов указали только «безопасность». Это вполне объяснимо вследствие ситуации нестабильности и нарастанием рисков и угроз. Что касается других ценностей, то их в качестве оснований для ценностного консенсуса рассматривают менее половины экспертов. Это позволяет утверждать, что в настоящее время объединение на ценностной основе, по мнению экспертов, скорее всего проблематично, т.к. фактически было зафиксировано отсутствие однозначно общих ценностей.

Таким образом, во-первых, эксперты считают идею консолидации достаточно вытребованной, во-вторых, они подходят к решению задачи с прагматических позиций, в-третьих, не находят достаточно серьезных причин, исключающих возможность консолидации, и в-четвертых, полагают, что граждане недостаточно готовы к консолидации и главной причиной этого признается отсутствие ценностного консенсуса. Основной ценностью, опираясь на которую можно консолидировать городское сообщество, они считают безопасность.

Винокуров А.И.

к.психол.н., доцент, Смоленский государственный институт искусств

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «КОННЕКТОМ ЧЕЛОВЕКА» В СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *территориально-отраслевая структура хозяйства региона, территориальная концентрация, локализация производства, позитивная трансформация, психологическая помощь и реабилитация участников боевых действий, посттравматические стрессовые расстройства личности, исследовательский проект «Коннектом человека», Смоленская область.*

Keywords: *territorial and sectoral structure in the economy of the region, territorial concentration, localization of production, positive transformation, psychological assistance and rehabilitation of combatants, post-traumatic stress disorder personality, research project «Human Connectome», Smolensk region.*

*Теперь ответственность за Россию
на наших плечах.*

В.В. Путин

Разработка стратегий построения технологического суверенитета России сейчас становится крайне важной. В этой работе актуальным является учёт особенностей социокультурной трансформации территориальной структуры хозяйства, состояния хозяйственной освоенности территорий страны. Понятие «территориальная структура хозяйства» появилось в экономической и социальной географии в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Основы географического изучения территориальной структуры хозяйства были заложены Исааком Моисеевичем Маергойзом, который первым предложил обобщенное представление о территориальной структуре хозяйства, хозяйственной освоенности территории отдельных стран и их районов¹.

Развитие представлений о хозяйственной освоенности территории стала теория территориальной концентрации производства и населения, локализации производства или отдельных его видов в регионе А.Г. Гранберга².

Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев разработали параметры, количественно описывающие территориальные структуры хозяйства регионов: степень хозяйственной освоенности территории района; территориальная концентрация производства и населения; локализация производства или отдельных его видов в регионе³.

Считается, что характер трансформации территориальной структуры хозяйства региона проявляется в интенсивности процесса трансформации, в векторе трансформации; описывается, прежде всего, в категориях «позитивной трансформации, связанной с «сбором» территориально-отраслевой структуры хозяйства⁴.

Позитивную трансформацию территориально-отраслевой структуры хозяйства Смоленской области можно видеть на примере развития образовательных учреждений высшего образования региона таких как: Смоленский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Смоленский государственный университет спорта, Смоленский государственный институт искусств.

Ведущим научно-образовательным центром медицинского образования в Смоленской области и значимым для субъектов Центрального и Северо-Западного федерального округа является Смоленский государственный медицинский университет. В 2020 году Университет отметил 100-летний юбилей. За это время в вузе подготовлено более 35 тыс. врачей. Структура Университета включает в себя 8 факультетов (лечебный, педиатрический, стоматологический, фармацевтический, психолого-социальный, факультет медико-биологического и гуманитарного образования, факультет иностранных учащихся, факультет дополнительного профессионального образования) и 66 кафедр. Университет осуществляет подготовку по 5 основным образовательным программам высшего образования, 51 программам ординатуры и 8 программам аспирантуры. Реализуются более 232 программ повышения квалификации и профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов учреждений здравоохранения Смоленской, Брянской, Калужской, Псковской, Калининградской и других областей. В Смоленске действует Федеральный центр травматологии, ортопедии и эндопротезирования Министерства здравоохранения Российской Федера-

¹ Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства / Отв. ред. М.К. Бандман; [вступ. ст. П.М. Поляна, А.И. Трейвиша]; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. – 300, [3] с.

² Гранберг А.Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. – М., 2001. – № 9. – С. 15–27.

³ Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: Учеб. для студентов вузов. – М.: Гардарики, 2002. – 382 с.

⁴ Корсак О.И. Трансформация территориальной структуры хозяйства Смоленской области: историко-географический подход: автореф. дис...канд. географ. наук; 25.00.24: защищена 2 октября 2009 / СПб. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 15 с.

ции. В настоящее время администрация области ведёт переговоры о развёртывании деятельности по оказанию высокотехнологической медицинской помощи по профилю «травматология и ортопедия» на территории Смоленской области «**Национальным медицинским исследовательским центром травматологии и ортопедии им. Н.Н. Приорова**» (ЦИТО) Минздрава России.

Известен Смоленский государственный медицинский университет и практикой подготовки клинических психологов. Территориальная концентрация кадров в регионе по направлениям клинической психологии, медицинской реабилитации и социально-культурной рекреации могла бы составить кластер специалистов по оказанию высокотехнологической психологической помощи и реабилитации участников боевых действий с посттравматическими стрессовыми расстройствами.

Во многих странах мира успешно апробированы методы психологической реабилитации военнослужащих, принимавших непосредственное участие в «горячих точках»; разрабатываются технологии возвращения воинов в привычный мир с опытом переживаний состояний «жизни-смерти»; разрабатываются приёмы и способы оказания психолого-психиатрической помощи военнослужащим с различными формами стресс-синдромов; совершенствуются технологии и процедуры оценки и экспертизы личностных нарушений и др.

В США взаимосвязи нейронных сетей в нервной системе человека (Human Connectome Project) изучаются методами диффузной магнитно-резонансной томографии. Проект разрабатывается Национальными институтами здоровья США и относится к фундаментальным исследованиям современной нейронауки, математическому моделированию сознания, углублению теории самоорганизации и др.

Для нас актуальными сейчас являются медико-психологические исследования факторов, детерминирующих психические изменения личности военнослужащих, переживших психотравмирующие ситуации боевых действий в специальных военных операциях.

Разрабатываемый нами проект «Коннектом человека» (от англ. connection – связь) направлен на выявление и описание структурных взаимосвязей индивидуальных и личностных характеристик человека. Методологической основой проекта является концепция академика Б.Г. Ананьева о синтезирующем, комплексном изучении психической организации человека как индивида, субъекта деятельности и индивидуальности. Установлено, что структурные взаимосвязи разнородных, разноуровневых свойств индивидуальности в экстремальной ситуации изменяются. Эти изменения в значительной степени обусловлены особенностями мотивации достижения, фрустрационной толерантности, личностной тревожности и половыми различиями.

Полученные результаты формируют представления о способах преодоления пределов человеческих возможностей, показывают возможности целенаправленной модификации психической организации человека с целью отбора персонала организованных коллективов; сопоставления и оценки экстремальных и обычных состояний их жизненного опыта. Материалы проекта могут быть использованы в обосновании создания специализированных служб оказания психологической помощи военнослужащим с синдромом фронтовика, т.е., участвовавшим в театре военных действий или принимавшим решения по применению дистанционно управляемых вооружений.

Считаем, что позитивная трансформация территориально-отраслевой структуры хозяйства Смоленской области медико-психологического профиля с учётом наличия приграничных учреждений здравоохранения и санаторно-курортного лечения Беларуси, высокой степени теоретико-методологической разработанности проблемы могли бы стать базой подготовки управленческих решений по размещению Центра высокотехнологической психологической помощи и медицинской реабилитации участников боевых действий с посттравматическими стрессовыми расстройствами на приграничной территории Запада России – Смоленской области.

Водомеров Н.К.

д.э.н., профессор

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ОСНОВА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Ключевые слова: отрасли материального производства, потребительная стоимость и стоимость товаров, новая стоимость, факторы и показатели развития производства в регионах, воздействие материального производства на экономику региона.

Keywords: branches of material production, use value and value of goods, new value, factors and indicators of production development in the regions, the impact of material production on the regional economy.

В проведенном ранее исследовании было установлено¹, что основой развития экономики России в целом и каждой из ее отраслей является материальное производство, в первую очередь – промышленность. В свою очередь, развитие промышленности (как и других отраслей материального производства) зависит прежде всего от трех основных факторов – технической вооруженности труда; численности занятых, создающих стоимость, и природной ренты. Было также установлено, что именно развитие материального производства в решающей мере определяет размеры ВВП, доходов консолидированного бюджета страны, значения других важнейших социально-экономических показателей.

В данном исследовании ставится *задача* – проверить справедливость указанных выводов для экономики регионов России; т.е. выяснить воздействие развития материального производства на важнейшие социально-экономические показатели регионального развития, а также выявить основные факторы, определяющие развитие самого материального производства в регионах.

Объектом исследования является экономика восемнадцати субъектов РФ, входящих в Центральный федеральный округ (ЦФО). *Предметом* – показатели, характеризующие состояние экономики регионов округа за период 2005–2019 гг.² *Источники информации* – сборники Росстата: «Регионы России: социально-экономические показатели»³, Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели»⁴, «Российский статистический ежегодник» за 2006–2021 гг.⁵, статистические данные Минфина РФ⁶, ФТС РФ⁷ и банка России⁸.

Результаты материального производства имеют двойственный характер. С одной стороны, они представляют собой совокупность полезных вещей, с другой, – обладают стоимостью. Динамика материально-вещественной стороны продуктов производства, на наш взгляд, может быть измерена ростом «реальных объемов» производства, т.е. ростом результатов производства, исчисленных в условно-постоянных ценах. А динамика стоимости – изменением покупательной способности продуктов, т.е. их денежной величины, скорректированной посредством деления на величину базисного индекса дефлятора ВВП.

Как было ранее установлено⁹, важнейшее значение для развития экономики в целом и ее отдельных отраслей имеет величина *новой стоимости*, содержащаяся в товарах, которая может быть измерена как чистая продукция материального производства с добавлением чистых косвенных налогов, приведенная к сопоставимому виду посредством базисного индекса дефлятора ВВП. Причем на ряд ключевых социально-экономических показателей положительное влияние оказывает не рост величины самой новой стоимости, а увеличение той ее части, которая используется внутри экономики страны, отток же стоимости из экономики в виде положительного сальдо счета текущих операций, оттока капитала, увеличения банковских резервов и суверенных фондов ведет к экономическим потерям.

Для решения поставленной задачи была оценена величина денежного выражения новой стоимости, материализованной в продукции основных восьми отраслей, участвующих в производстве товаров, для каждого из регионов ЦФО за период 2005–2019 гг. в ценах 2004 года. К таким отраслям относятся (по ОКВЭД-2016):

1. сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство;
2. добыча полезных ископаемых;
3. обрабатывающие производства;

¹ Водомеров Н.К. Техническое перевооружение промышленности – основа ускорения экономического роста России // Теоретическая экономика. 2022. – № 2. – С. 53–75. – <http://www.theoreticaleconomy.ru/index.php/tor/article/view/219>

² Выбор периода исследования обусловлен наличием сопоставимых данных региональной статистики.

³ <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

⁴ <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

⁵ <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>

⁶ <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/>

⁷ <http://stat.customs.ru/>

⁸ <https://www.cbr.ru/statistics/>

⁹ Водомеров Н.К. Проблемы российской экономики с позиции традиционного марксизма // Теоретическая экономика. 2021. – № 3. – С. 39–58. – <http://www.theoreticaleconomy.ru/index.php/tor/article/view/34>

4. производство и распределение электроэнергии, газа и воды;
5. строительство;
6. торговля и ремонт;
7. гостиницы и рестораны;
8. транспорт и связь.

В дальнейшем для краткости вместо названия отрасли будем использовать ее номер в приведенном списке.

Следует отметить, что, если отрасли 1, 2, 3 и 4 в основном создают стоимость, то отрасли 5, 6, 7 и 8, кроме участия в создании стоимости, в той или иной мере относятся к сфере услуг, что было учтено при оценке денежного выражения новой стоимости.

Для каждой отрасли, где создается стоимость, и каждого региона были рассчитаны оценки (в скобках приводятся обозначения показателей, используемые в дальнейшем):

- среднегодовой численности занятых, участвующих в создании стоимости (ЧЗ);
- физического объема инвестиций в основные фонды, используемые при создании стоимости, в условно-постоянных ценах 2004 года (И);
- физического объема производства отрасли, создающей стоимость, в ценах 2004 года (П);
- физического объема чистой продукции с включением чистых косвенных налогов, измеренного в условно-постоянных ценах 2004 года (ЧП);
- денежного выражения новой стоимости, содержащейся в результатах производства, т.е. чистой продукции с добавлением чистых косвенных налогов, поделенной на базисный индекс дефлятор ВВП (НС);
- денежного выражения новой стоимости (НС_В), использованной в экономике региона, т.е. новой стоимости, скорректированной на разницу отчислений из нее в федеральный бюджет и поступлений из федерального бюджета в региональные бюджеты.

Был проведен анализ основных показателей развития отраслей, создающих стоимость, во всех регионах округа. В анализе, кроме прочих, использовались два показателя, характеризующие деятельность отраслей за весь исследуемый период 2005-2019 гг.:

- сумма абсолютных приростов (АП) того или иного параметра за период 2005–2019 гг.,
- сумма относительных приростов (ОП) параметра за тот же период, которая показывает, во сколько раз сумма абсолютных приростов была больше первоначального значения параметра.

Эти показатели использованы по той причине, что динамика изучаемых показателей, как правило, не является однозначной и претерпевает более или менее значительные падения и подъемы.

Ранее было установлено¹, что зависимость между объемом продукции отрасли, объемом чистой продукции и новой стоимостью, содержащейся в продукции отрасли, с одной стороны, и основными факторами производства, с другой, достаточно хорошо описывается с помощью модели, использующей показатель фондовооруженности труда, создающего стоимость, рассчитываемый как «физический объем» основных фондов, приходящийся на одного работника. Однако имеющиеся данные статистики не позволяют более или менее точно оценить этот показатель в отраслях экономики регионов. Поэтому использование этой модели оказалось нецелесообразным. Вместе с тем техническая вооруженность труда определяется инвестициями в основные фонды, сделанными в данном и в предшествующих годах. Поскольку имеются данные статистики по объемам и росту инвестиций в отрасли регионов, то в анализе пришлось довольствоваться этими данными.

Ввиду ограниченности объема доклада приведем результаты анализа лишь по ряду отраслей. В табл. 1 представлен ряд показателей отрасли 1. Показатели «физических объемов» оценены в условно постоянных ценах 2004 г., новой стоимости – приведены в цены 2004 г. с помощью индекса дефлятора ВВП.

Не вдаваясь в подробный анализ данных табл. 1 ввиду ограниченности объема доклада, приведем лишь некоторые основные выводы. Наибольший уровень инвестиций в основные фонды отрасли за рассматриваемый период (столбец 4) наблюдался в регионах Черноземья, а также в примыкающих к ним Брянской, Орловской и Калужской областях, где ведение сельскохозяйственного производства относительно благоприятно. В этих же регионах достигнут наибольший прирост продукции, чистой продукции и новой стоимости на единицу капитальных вложений. Напротив, в северных регионах округа уровень инвестиций был намного ниже, а объем созданной новой стоимости в отрасли сократился. Причем наибольшее сокращение величины новой стоимости произошло в тех регионах, где уровень инвестиций был самым низким (Ивановская, Костромская, Смоленская, Владимирская области). Там же наблюдалось и наибольшее сокращение численности занятых в отрасли.

Хотя уменьшение численности занятых в отрасли произошло во всех регионах округа за счет высвобождения труда техникой, в регионах с низким уровнем инвестиций оно было связано также и с сокращением производственной деятельности. Капиталовложения в отрасль в этих регионах, таким образом, не обеспечивали даже простого воспроизводства основных фондов. В регионах же с высоким уровнем инвестиций происходило расширенное воспроизводство основных средств, улучшалась техническая вооруженность труда, о чем свидетельствуют результаты их деятельности.

Во всех регионах округа относительный рост чистой продукции был ниже роста объема производства, а новой стоимости – ниже роста чистой продукции, доля новой стоимости и чистой продукции в объеме продукции снижалась. Это объясняется диспаритетом цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства, стоимость материальных затрат росла быстрее стоимости продукции отрасли, а цены на продукцию отрасли – медленнее общего роста

¹ Водомеров Н.К. Техническое перевооружение промышленности – основа ускорения экономического роста России // Теоретическая экономика. 2022. – № 2. – С. 53–75.

цен в экономике (коэффициент дефлятор ВВП за данный период составил примерно 4,05). В результате в ряде регионов при росте объема производства и чистой продукции в отрасли новая стоимость не увеличилась, а сократилась.

Таблица 1

Показатели развития отрасли 1

Регион	Фонды на конец 2004 г., млрд руб.	Сумма инвестиций в основные фонды за 2005–2019 гг., млрд руб.	Отношение ст. 3 к ст. 2	Абсолютные приросты показателей за 2005–2019 гг.					
				П, млрд руб.	ЧП, млрд руб.	НС, млрд руб.	ЧЗ, тыс. чел.		
1	2	3	4	5	6	7	8		
Белгородская обл.	28,0	135,3	4,8	656,1	519,9	296	-45,4		
Брянская обл.	16,9	70,3	4,2	118,9	108,3	40,2	-283,1		
Владимирская обл.	11,9	18,3	1,5	-5,1	-24,8	-28,4	-129,4		
Воронежская обл.	29,7	109	3,7	275,2	301,0	227	-381,5		
Ивановская обл.	7,9	4	0,5	-6,4	-8,9	-15,1	-157,2		
Калужская обл.	10,3	33,3	3,2	16,4	22,2	10,8	-154,3		
Костромская обл.	9,4	5,2	0,6	-14,3	-12,8	-29,9	-100,3		
Курская обл.	22,4	68,5	3,1	265,6	94,6	66,2	-62,4		
Липецкая обл.	17,1	65,6	3,8	211,4	106,6	62,3	-116,8		
Московская обл.	42,9	77,3	1,8	1,3	-22,8	-89,5	-612,6		
Орловская обл.	10,7	36,6	3,4	78,6	33,3	38,6	-85,9		
Рязанская обл.	12,5	30,6	2,4	30,9	2,8	-1,1	-237,9		
Смоленская обл.	15,5	13,7	0,9	-10,9	-26,5	-24,8	-107,5		
Тамбовская обл.	15,1	60,5	4,0	219,7	225,7	116,2	-170,9		
Тверская обл.	13,9	29,3	2,1	14,3	13,0	-2,9	-245,4		
Тульская обл.	17,3	29,2	1,7	41,6	19,9	-0,5	-143,6		
Ярославская обл.	10,4	18,5	1,8	16,9	15,2	-4,3	-142,5		
ЦФО в целом*	295,8	810,2	2,7	1940,6	1393,4	695,7	-3447,6		
Регион	Относительные приросты показателей за 2005–2019 гг.				Отношение АП к сумме инвестиций				Рост цен на продукцию отрасли в регионе
	П	ЧП	НС	ЧЗ	П	ЧП	НС	ЧЗ	
1	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Белгородская обл.	21,7	28,5	18,2	-0,40	4,8	3,8	2,2	-0,3	2,41
Брянская обл.	9,9	11,5	4,3	-3,57	1,7	1,5	0,6	-4,0	2,53
Владимирская обл.	-0,4	-2,6	-3,1	-2,41	-0,3	-1,4	-1,6	-7,1	3,58
Воронежская обл.	9,3	20,7	16,7	-2,28	2,5	2,8	2,1	-3,5	3,04
Ивановская обл.	-1,1	-2,2	-3,9	-4,03	-1,6	-2,2	-3,8	-39,3	2,99
Калужская обл.	1,8	2,9	1,4	-3,52	0,5	0,7	0,3	-4,6	3,44
Костромская обл.	-2,0	-1,7	-4,0	-2,79	-2,8	-2,5	-5,8	-19,3	2,54
Курская обл.	13,1	6,6	5,2	-3,17	3,9	1,4	1,0	-5,3	3,07
Липецкая обл.	10,8	9,7	6,2	-1,74	3,2	1,6	0,9	-1,8	2,93
Московская обл.	0,0	-0,7	-3,0	-4,39	0,0	-0,3	-1,2	-7,9	2,62
Орловская обл.	5,6	3,8	5,1	-1,35	2,1	0,9	1,1	-2,3	3,66
Рязанская обл.	2,4	0,3	-0,1	-3,89	1,0	0,1	0,0	-7,8	3,35
Смоленская обл.	-1,3	-3,6	-3,4	-1,98	-0,8	-1,9	-1,8	-7,8	3,41
Тамбовская обл.	12,3	21,9	12,1	-1,47	3,6	3,7	1,9	-2,8	2,16
Тверская обл.	1,6	1,7	-0,4	-3,35	0,5	0,4	-0,1	-8,4	3,08
Тульская обл.	2,8	1,8	-0,1	-2,50	1,4	0,7	0,0	-4,9	3,03
Ярославская обл.	1,9	2,3	-0,7	-2,64	0,9	0,8	-0,2	-7,7	2,45
ЦФО в целом**	7,3	7,3	3,9	-2,56	2,4	1,7	0,9	-4,3	2,87

* Показатели Москвы не отражены, поскольку по Москве нет достаточных данных для анализа отрасли 1.

Аналогичный анализ был проведен по всем отраслям экономики регионов округа. Ввиду ограниченности объема доклада приведем результаты расчетов по промышленности в целом, объединяющей три вида экономической деятельности (2, 3 и 4), как главной отрасли материального производства. См. табл. 2.

Таблица 2

Показатели развития промышленности регионов ЦФО

Регион	Фонды на конец 2004 г., млрд руб.	Сумма инвестиций в основные фонды за 2005–2019 гг., млрд руб.	Отношение ст. 3 к ст. 2	Абсолютные приросты показателей за 2005–2019 гг.			
				П, млрд руб.	ЧП, млрд руб.	НС, млрд руб.	ЧЗ, тыс. чел.
1	2	3	4	5	6	7	8
Белгородская обл.	303,4	233,2	0,77	2049	468,3	154,8	85,7
Брянская обл.	213,5	47,1	0,22	401,7	95,5	45,3	-198,7
Владимирская обл.	241,8	137,6	0,57	898,2	236,1	205,2	-385,2
Воронежская обл.	428,6	361,1	0,84	941,3	330,2	234,7	-294,4
Ивановская обл.	157,7	46,9	0,30	140,7	89,2	52,4	-114
Калужская обл.	201,9	233,4	1,16	1237	595,3	383,3	16,8

Костромская обл.	202	50,5	0,25	207,4	160	92,14	-74,1	
Курская обл.	287,5	167,2	0,58	184,6	48,8	64,5	-167,8	
Липецкая обл.	301,8	266,9	0,88	640,8	133,8	-194,1	-81,3	
Московская обл.	1533	881,8	0,58	4160	1910	1052,8	91,2	
Орловская обл.	133,4	37,4	0,28	-1,9	195,5	101,5	-211	
Рязанская обл.	302,3	125,4	0,41	350,5	175,5	179,7	-180,1	
Смоленская обл.	278,1	110,4	0,40	233,7	199,3	115,3	-110,7	
Тамбовская обл.	225	98,8	0,44	1174,5	95,5	43,8	-74,2	
Тверская обл.	385,9	169	0,44	261,3	265,9	112,3	-281,4	
Тульская обл.	308,2	277,8	0,90	1333	424,3	291,9	-195,3	
Ярославская обл.	178,1	412,1	0,43	292,6	200,2	30,9	-286,2	
г. Москва	1081,4	4122,3	0,26	-1239,8	5027,2	3352,7	-956,4	
ЦФО в целом	4504,0	7778,9	0,45	13 264,1	10 650,6	6319,3	-3417,1	
Регион	Относительные приросты показателей за 2005–2019 гг.				Отношение АП к сумме инвестиций			
	П	ЧП	НС	ЧЗ	П	ЧП	НС	ЧЗ
1	9	10	11	12	13	14	15	16
Белгородская обл.	12,4	4,4	2,0	0,7	8,79	2,01	0,66	0,37
Брянская обл.	9,5	4,3	2,2	-2,0	8,53	2,03	0,96	-4,22
Владимирская обл.	10,1	5,4	5,3	-2,0	6,53	1,72	1,49	-2,80
Воронежская обл.	10,8	7,8	6,2	-1,8	2,61	0,91	0,65	-0,82
Ивановская обл.	3,7	5,1	3,4	-0,9	3,00	1,90	1,12	-2,43
Калужская обл.	20,2	20,5	14,2	0,2	5,30	2,55	1,64	0,07
Костромская обл.	3,3	8,5	5,4	-1,1	4,11	3,17	1,82	-1,47
Курская обл.	3,5	0,9	1,5	-1,8	1,10	0,29	0,39	-1,00
Липецкая обл.	3,2	1,2	-2,1	-0,8	2,40	0,50	-0,73	-0,30
Московская обл.	7,3	7,4	4,5	0,2	4,72	2,17	1,19	0,10
Орловская обл.	0,0	6,5	3,7	-2,9	-0,05	5,23	2,71	-5,64
Рязанская обл.	5,6	6,1	6,6	-1,7	2,80	1,40	1,43	-1,44
Смоленская обл.	3,2	7,2	4,8	-1,1	2,12	1,81	1,04	-1,00
Тамбовская обл.	9,8	5,8	3,0	-1,0	11,89	0,97	0,44	-0,75
Тверская обл.	3,4	7,6	3,6	-2,2	1,55	1,57	0,66	-1,67
Тульская обл.	9,6	6,8	5,4	-1,2	4,80	1,53	1,05	-0,70
Ярославская обл.	2,9	3,4	0,6	-1,8	1,64	1,12	0,17	-1,61
г. Москва	-1,2	6,9	5,0	-1,4	-1,15	4,65	3,10	-0,88
ЦФО в целом	4,4	6,3	4,2	-1,1	2,94	2,36	1,40	-0,76

Некоторые выводы из приведенных данных. В целом по ЦФО относительный прирост инвестиций в основные фонды промышленности составил 0,45, что позволило получить относительные приросты объема продукции (2,94), чистой продукции (2,36) и новой стоимости (1,40). При этом относительное высвобождение труда составило -0,76.

Следовательно, в округе в целом имело место расширенное воспроизводство и повышение технической вооруженности труда.

Уровень капиталовложений не был решающим фактором, определяющим итоговые результаты деятельности промышленности регионов округа. Так, наиболее высокий уровень инвестиций в основные фонды промышленности имел место в Калужской (1,16), Тульской (0,90), Липецкой (0,88) и Белгородской (0,77) областях, что привело к росту фондовооруженности труда.

Однако если в Калужской, Тульской и Белгородской областях это повысило объем создаваемой стоимости (1,64, 1,05 и 0,66 соответственно), то в Липецкой области при неплохом росте объема производства (2,40) и чистой продукции (0,50), величина новой стоимости сократилась (-0,73). Это – единственный регион ЦФО, где наблюдалось сокращение объема новой стоимости, созданной в промышленности. Главная причина такого положения, на наш взгляд, в неблагоприятном сочетании цен на используемые ресурсы и готовую продукцию в промышленности региона.

С другой стороны, наиболее низкий уровень капиталовложений в промышленности наблюдался в Брянской (0,22), Костромской (0,25), Орловской (0,28), Ивановской (0,30) областях и Москве (0,26). Однако в этих же регионах был достигнут и сравнительно высокий прирост новой стоимости (0,96; 1,82; 2,71; 1,12 и 1,40 соответственно). При этом объем промышленного производства в г. Москве и Орловской области даже относительно сократился (-1,17 и -0,05 соответственно). Следовательно, в этих регионах соотношение цен на ресурсы и продукцию было благоприятным для производителей.

Сыграла свою роль и зависимость российской экономики от природной ренты, зависящей в первую очередь от экспорта нефти и нефтепродуктов, которая порождает повышения и спады в производстве новой стоимости и по-разному воздействует на динамику новой стоимости отраслей, участвующих в создании стоимости.¹

Таким образом, рыночные факторы, кроме инвестиций и технической вооруженности труда, оказывали существенное влияние на результаты промышленной деятельности. Рост производства и физических объемов инвестиций не всегда сопровождался увеличением новой стоимости. Извлекаемый объем новой стоимости важнее размеров прироста

¹ См.: Водомеров Н.К. Техническое перевооружение промышленности – основа ускорения экономического роста России // Теоретическая экономика. 2022. – № 2. – С. 53–75.

производства и прироста чистой продукции, поскольку является мерой покупательной способности и источником доходов участников производства и государства.

Не останавливаясь на показателях других отраслей экономики регионов, рассмотрим производство новой стоимости в целом в восьми отраслях, где оно осуществлялось (см. табл. 3).

Таблица 3

Производство новой стоимости в регионах ЦФО

Регион	Фонды на конец 2004 г., млрд руб.*	Сумма инвестиций в основные фонды за 2005–2019 гг., млрд руб.	Отношение ст. 3 к ст. 2	Абсолютные приросты показателей за 2005–2019 гг. **		
				ЧП, млрд руб.	НС, млрд руб.	ЧЗ, тыс. чел.
1	2	3	4	5	6	7
Белгородская обл.	376	358,2	0,95	1456,2	974,6	130,0
Брянская обл.	285,4	136,8	0,48	335,0	219,2	-464,3
Владимирская обл.	287,8	192,3	0,67	464,6	365,1	-405,1
Воронежская обл.	601,8	554,9	0,92	1211,3	907,6	-424,9
Ивановская обл.	193,9	79,6	0,41	191,0	127,1	-222,1
Калужская обл.	254,8	264,2	1,04	777,0	513,8	-25,0
Костромская обл.	270,4	68,9	0,25	227,8	67,4	-173,4
Курская обл.	380,9	231,6	0,61	266,6	252,1	-503,9
Липецкая обл.	422,0	335,8	0,80	443,2	60,4	-162,1
Московская обл.	1950,5	1527,5	0,78	4813,7	3331,5	823,3
Орловская обл.	181,8	85,0	0,47	332,9	101,1	-293,1
Рязанская обл.	395,2	189,9	0,48	252,9	240,2	-349,3
Смоленская обл.	386,6	158,8	0,41	319,0	186,9	-167,3
Тамбовская обл.	321,4	190,4	0,59	595,7	305,6	-198,7
Тверская обл.	498,9	290,2	0,58	466,3	236,9	-426,0
Тульская обл.	395,6	309,2	0,78	621,9	418,5	-12,0
Ярославская обл.	300,6	269,1	0,90	367,4	24,3	-403,6
г. Москва	2662,5	3516,2	1,32	7372,1	3295,8	1847,9
ЦФО в целом	10 166,1	8758,6	0,86	20 514,3	11 630	-1829,6
Регион	Относительные приросты показателей за 2005–2019 гг.			Отношение АП к сумме инвестиций		
	ЧП	НС	ЧЗ	ЧП	НС	ЧЗ
1	8	9	10	11	12	13
Белгородская обл.	9,20	7,70	0,42	4,07	2,72	0,36
Брянская обл.	6,57	4,36	-1,87	2,45	1,60	-3,39
Владимирская обл.	6,41	5,32	-1,27	2,42	1,90	-2,11
Воронежская обл.	12,09	9,75	-0,94	2,18	1,64	-0,77
Ивановская обл.	5,52	3,71	-1,07	2,40	1,60	-2,79
Калужская обл.	13,75	9,53	-0,13	2,94	1,94	-0,09
Костромская обл.	5,83	1,90	-1,29	3,31	0,98	-2,52
Курская обл.	3,17	3,48	-1,89	1,15	1,09	-2,18
Липецкая обл.	2,92	0,43	-0,69	1,32	0,18	-0,48
Московская обл.	9,46	6,85	0,82	3,15	2,18	0,54
Орловская обл.	6,10	2,42	-1,66	3,92	1,19	-3,45
Рязанская обл.	3,84	3,74	-1,56	1,33	1,26	-1,84
Смоленская обл.	5,66	3,63	-0,81	2,01	1,18	-1,05
Тамбовская обл.	11,73	6,24	-0,86	3,13	1,61	-1,04
Тверская обл.	6,22	3,19	-1,62	1,61	0,82	-1,47
Тульская обл.	6,08	4,43	-1,33	2,01	1,35	-1,33
Ярославская обл.	3,41	0,20	-1,42	1,37	0,09	-1,50
г. Москва	2,06	1,00	1,15	2,10	0,94	0,53
ЦФО в целом	3,84	2,35	-0,27	2,34	1,33	-0,21

* Здесь учтена только та часть основных фондов, которые используются для производства стоимости, а не для оказания услуг, например, для перевозки грузов на транспорте и т.д. То же относится и к численности занятых, инвестициям, чистой продукции.

** Показатель объема производства не приводится, поскольку данные о нем имеются не по всем отраслям, где создается новая стоимость.

Некоторые выводы по данным табл. 3. Инвестиции в основные фонды способствуют росту фондовооруженности труда, высвобождению труда, созданию рабочих мест. В целом в регионах округа число рабочих мест, на которых создается стоимость, сокращалось. Но в трех округах (г. Москва, Московская и Белгородская области) число таких рабочих мест выросло. Имела место средней силы взаимосвязь между числом занятых, создающих стоимость, и ростом физического объема инвестиций в основные фонды, которая характеризуется коэффициентом корреляции, равным 0,690.

Во всех регионах производство новой стоимости увеличивалось, хотя и разными темпами. Корреляция между ростом объемов инвестиций и ростом чистой продукции и новой стоимости, хотя и была положительной, но отражала

слабую взаимосвязь (коэффициенты корреляции равны 0,110 и 0,188 соответственно). Относительно низкий уровень корреляции объясняется различиями в динамике цен на продукцию отраслей, создающих стоимость. Чистая продукция во всех регионах росла быстрее, чем новая стоимость. Это объясняется тем, что цены на товары росли медленнее общего роста цен в экономике, т.е. медленнее роста цен на услуги. Было установлено, что на величину новой стоимости в округе существенное влияние оказывает динамика природной ренты¹ (см. рис. 1).

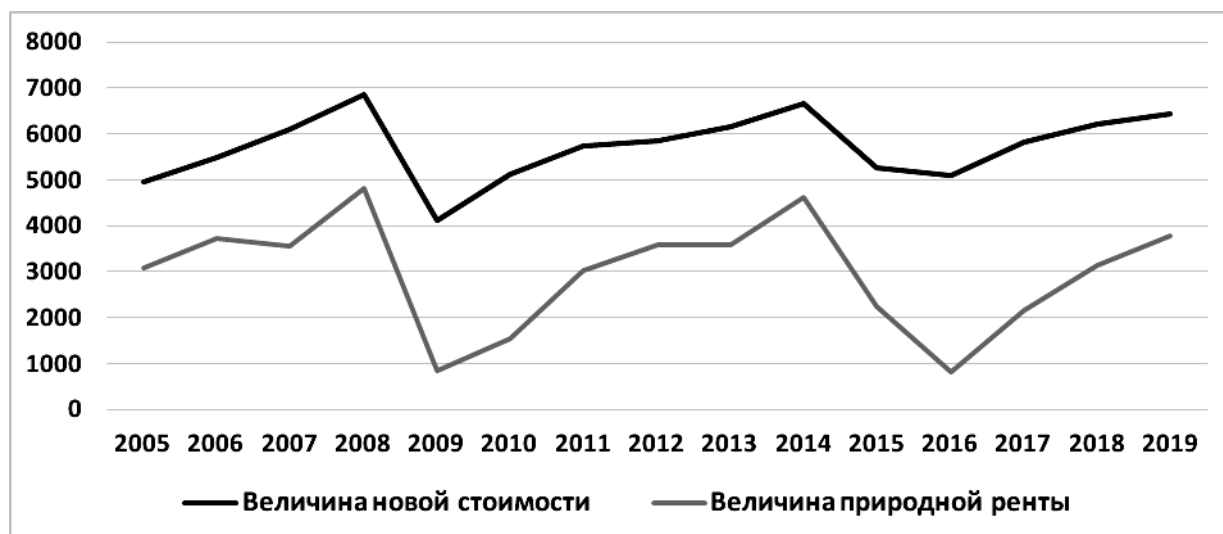

Рисунок 1.

Динамика величины новой стоимости, созданной в ЦФО и природной ренты, млрд руб., цены 2004 г.

Это вызвано главным образом зависимостью объема новой стоимости, реализованной торговлей г. Москвы, от величины природной ренты. Коэффициент корреляции между этими величинами составляет 0,940, а в целом между объемом новой стоимости, реализуемой торговлей в ЦФО, и величиной природной ренты он еще выше, равен 0,954 (см. рис. 2).

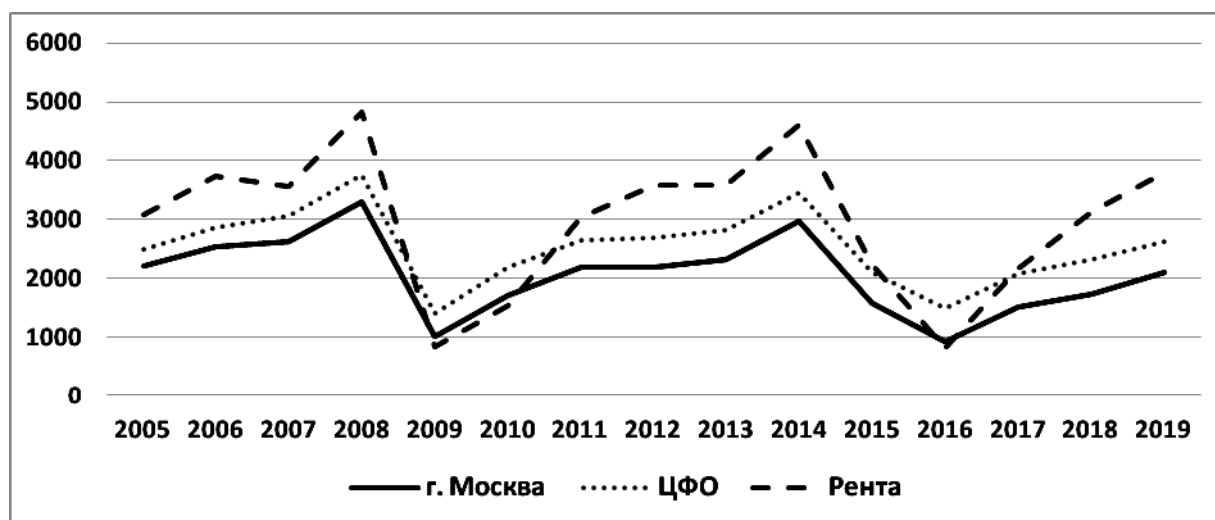

Рисунок 2

Динамика объемов новой стоимости, реализованной торговлей в г. Москве и ЦФО и величины природной ренты, в млрд руб., цены 2004 г.

Дело в том, что значительную долю в торговле г. Москвы составляют нефть и нефтепродукты, производимые на других территориях страны. Доля торговли в формировании новой стоимости в г. Москве высока, в среднем она составляла 57,7%. В других регионах ЦФО она существенно ниже, а влияние ренты на создание стоимости – менее значимо.

Структура создания новой стоимости в ЦФО за период 2005–2019 гг. претерпела определенные изменения (см. табл. 4).

¹ О динамике природной ренты в 2005–2019 гг. см.: Водомеров Н.К. Техническое перевооружение промышленности – основа ускорения экономического роста России // Журнал «Теоретическая экономика». – 2022. – №2. – С. 53–75.

Структура создания новой стоимости в ЦФО в 2005–2019 гг.

Регион	Доля региона в создании новой стоимости в ЦФО, в %			НС _в , млрд руб., цены 2004 г.		
	2005 г.	2019 г.	В среднем за 2005–2019 гг.	Величина в 2005 г.	АП за 2005–2019 гг.	ОП за 2005–2019 гг.
Белгородская обл.	2,7	3,3	3,3	101,1	824,9	8,2
Брянская обл.	1,1	1,2	1,1	43,2	226,2	5,2
Владимирская обл.	1,6	1,6	1,6	56	305,6	5,5
Воронежская обл.	2,3	2,9	2,7	80,2	786,7	9,8
Ивановская обл.	0,9	0,7	0,8	30,1	93,9	3,1
Калужская обл.	1,2	1,7	1,5	45,5	399,4	8,8
Костромская обл.	0,8	0,6	0,7	30,8	72,4	2,4
Курская обл.	1,8	1,7	1,6	60,2	206,6	3,4
Липецкая обл.	3,9	2,2	2,6	102,3	22,1	0,2
Московская обл.	10,4	12,5	12,3	399,3	2756,1	6,9
Орловская обл.	1,0	0,8	0,9	40,7	145,6	3,6
Рязанская обл.	1,5	1,3	1,4	52,8	207,8	3,9
Смоленская обл.	1,2	1,0	1,1	42,9	172,6	4,0
Тамбовская обл.	1,2	1,1	1,2	41,9	283,1	6,8
Тверская обл.	1,9	1,4	1,6	60,9	178,5	2,9
Тульская обл.	1,9	2,3	2,1	75,6	324,4	4,3
Ярославская обл.	3,2	2,1	2,3	82,8	120,1	1,5
г. Москва	61,5	61,6	61,0	2120,9	3986,4	1,9
ЦФО в целом	100,0	100,0	100,0	3467,5	11108	3,2

Как видно из табл. 4, доля в создании новой стоимости значительно повысилась у таких регионов, как Белгородская, Воронежская, Калужская, Московская и Тульская области, и существенно снизилась у Липецкой, Ярославской, Тверской областей, в меньшей степени – у Ивановской, Костромской и других регионов.

Новая стоимость частично изымается в федеральный бюджет в виде налогов (НДС, акцизы, таможенные пошлины и т.д.), а частично используется в самом регионе – на потребление и накопление. Последняя (НС_в) в первом приближении¹ состоит из новой стоимости за вычетом чистых косвенных налогов, но с добавлением акцизов, идущих в региональный бюджет, а также из безвозмездных поступлений в бюджет региона. Знание величины НС_в важно для понимания формирования ряда важнейших показателей социально-экономического развития региона, поскольку она является мерой покупательной способности доходов экономических субъектов, населения и государственных структур региона.

Как видно из табл. 4, наибольший относительный прирост НС_в в 2005–2019 гг. был достигнут в Воронежской (9,8), Калужской (8,8) и Белгородской областях (8,2); наименьший – в Липецкой (0,2), Ярославской (1,5) областях и в г. Москве (1,9). Динамика величины НС_в более плавная в сравнении с динамикой всей новой стоимости благодаря косвенным налогам, изымающим значительную часть природной ренты (см. рис. 3).

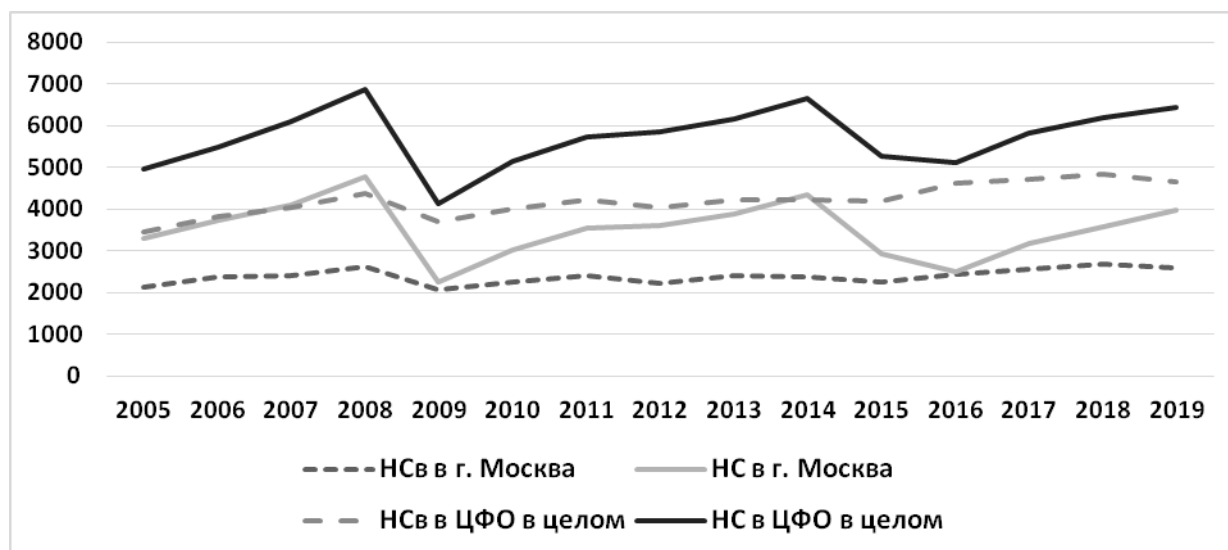

Рисунок 3.

Динамика объемов НС и НС_в в ЦФО в целом и г. Москве, млрд руб., цены 2004 г.

В табл. 5 приведены результаты расчетов ряда показателей, характеризующих состав величины НС_в в регионах ЦФО.

¹ Для более точного определения величины НС_в требуется знание сальдо движения товаров, услуг и капитала между регионами, затрат федерального бюджета на территории региона и ряд других показателей, но такие статистические данные отсутствуют.

**Показатели, характеризующие состав величины НС_В в регионах ЦФО в 2005–2019 гг.,
млрд руб., цены 2004 г.**

	НС _В за вычетом безвозмездных платежей			Безвозмездные платежи в бюджет региона			Доля безвозмездных платежей в НС _В		
	В 2005 г.	АП за 2005–2019 гг.	ОП за 2005–2019	В 2005 г.	АП за 2005–2019 гг.	ОП за 2005–2019 гг.	В 2005 г.	В 2019 г.	В среднем за период
Белгородская обл.	98	770,9	7,87	3,1	54,0	17,4	0,03	0,03	0,043
Брянская обл.	38,7	188,7	4,88	4,5	37,5	8,3	0,10	0,13	0,121
Владимирская обл.	52,6	285,2	5,42	3,4	20,4	6,0	0,06	0,05	0,063
Воронежская обл.	74,4	751,3	10,10	5,8	35,4	6,1	0,07	0,05	0,064
Ивановская обл.	25,7	84,2	3,28	4,4	9,7	2,2	0,15	0,15	0,140
Калужская обл.	42,2	393,2	9,32	3,3	6,2	1,9	0,07	0,04	0,054
Костромская обл.	28,8	60,5	2,10	2,0	11,9	6,0	0,06	0,11	0,078
Курская обл.	57	192,4	3,38	3,2	14,2	4,4	0,05	0,05	0,056
Липецкая обл.	101,3	-9,8	-0,10	1,0	31,9	31,9	0,01	0,04	0,031
Московская обл.	387,5	2680	6,92	11,8	76,1	6,4	0,03	0,03	0,030
Орловская обл.	38,4	125,2	3,26	2,3	20,4	8,9	0,06	0,07	0,073
Рязанская обл.	50,3	183,2	3,64	2,5	24,6	9,8	0,05	0,07	0,062
Смоленская обл.	41,1	154,6	3,76	1,8	18,0	10,0	0,04	0,06	0,055
Тамбовская обл.	37,9	249,4	6,58	4,0	33,7	8,4	0,10	0,09	0,104
Тверская обл.	57,4	165,9	2,89	3,5	12,6	3,6	0,06	0,06	0,060
Тульская обл.	72,2	310,1	4,30	3,4	14,3	4,2	0,04	0,03	0,047
Ярославская обл.	80,9	95,6	1,18	1,9	24,5	12,9	0,02	0,03	0,040
г. Москва	2103,7	4043	1,92	17,2	-56,6	-3,3	0,01	0,01	0,006
ЦФО в целом	3388,1	10723,6	3,17	79,4	384,4	4,8	0,02	0,02	0,025

Из данных табл. 5 видно, что темпы роста величины НС_В за вычетом безвозмездных поступлений в региональные бюджеты достаточно сильно коррелируют с темпами роста самой величины НС_В ($R = 0,997$). При этом Липецкая область была единственной среди регионов округа, в которой величина НС_В за вычетом безвозмездных поступлений в бюджет сокращалась. Относительный прирост безвозмездных поступлений здесь был наибольшим и составил 31,9 раз, доля безвозмездных поступлений в составе НС_В выросла примерно в 4 раза. За счет этого поддерживался рост НС_В. При этом регион создавал новой стоимости больше, чем использовалось внутри него. В свою очередь, г. Москва был единственным регионом, у которого часть новой стоимости перечислялась в федеральный и бюджеты других регионов сверх установленных косвенных налогов. Наибольшая среднегодовая доля безвозмездных поступлений в составе НС_В наблюдалась в Ивановской (14%), Брянской (12,1%) и Тамбовской (10,4%) областях, наименьшая – в г. Москве (0,6%), Московской (3,0%) и Липецкой (3,1%) областях, хотя в последней, как уже говорилось, эта доля быстро росла и в 2019 г. составила уже 4,0%.

Говоря о Липецкой области, следует также отметить, что в период 2005–2019 гг. произошло сокращение суммы абсолютных приростов части новой стоимости, перечисляемой предприятиями в региональных бюджет в виде налогов, примерно на 29,3 млрд руб. (в ценах 2004 г.), что соответствовало относительному приросту, равному $-2,0$. Поэтому величина НС_В в регионе поддерживалась частично и за счет социальных фондов (ПФР, ФОМС, ФСС). Кроме того, *стоимость* (не физический объем) инвестиций в основные фонды, предназначенные для создания стоимости, в целом увеличивалась, сумма ее абсолютных приростов составила 82,1 млрд руб., а относительный прирост – 5,2. Часть же новой стоимости, направляемой на потребление, имела тенденцию к снижению. Сумма ее абсолютных приростов оценивается нами в примерно -60 млрд руб., относительный прирост – в $-0,69$. Таким образом, потребление поддерживалось и росло в регионе в значительной мере за счет безвозмездных поступлений в бюджет региона и социальных фондов. Это, на наш взгляд, наложило свой отпечаток на характер зависимостей между величиной НС_В и рядом важных социально-экономических показателей области.

Оценка взаимосвязей динамики величины НС_В с рядом важных социально-экономических показателей регионов ЦФО с помощью соответствующих коэффициентов корреляции (R) приведена в табл. 6.

Аналогичная картина с другими показателями, например, коэффициент корреляции НС_В по 255 наблюдений с объемом розничного товарооборота – 0,977, с объемом платных услуг – 0,975, с объемом ввода жилья – 0,981, с оборотом общественного питания – 0,965 и т.д. Связь НС_В и естественного прироста населения объясняется тем, что НС_В влияет на размеры реальных денежных доходов населения, а корреляция последних с естественным приростом населения по 255 наблюдениям составляет 0,750.

В подавляющем большинстве регионов округа взаимосвязь приведенных социально-экономических показателей с величиной НС_В сильная ($R > 0,7$) или очень сильная ($R > 0,9$), в отдельных случаях средняя ($R > 0,5$). Это говорит о существенном влиянии величины НС_В на их формирование, в том числе даже такого показателя, как естественный прирост населения.

Однако в четырех территориях по некоторым показателям она низкая ($R < 0,5$), или даже отрицательная. Это – Липецкая, Ивановская, Тверская, Ярославская области. Остановимся на этом подробнее.

Что касается Липецкой области, то причина низкой корреляции указанных показателей, на наш взгляд, кроется в тех особенностях экономики области, о которых говорилось выше.

Коэффициенты корреляции величины HC_B и ряда социально-экономических показателей регионов ЦФО*

Регион	Коэффициенты корреляции HC_B с показателями			
	ВРП в постоянных ценах	Реальные доходы населения	Фактическое потребление домашних хозяйств	Коэффициент естественного прироста населения (рождаемость минус смертность)
Белгородская обл.	0,955	0,952	0,938	0,672
Брянская обл.	0,934	0,749	0,912	0,627
Владимирская обл.	0,886	0,794	0,900	0,769
Воронежская обл.	0,981	0,981	0,966	0,939
Ивановская обл.	0,220	0,662	0,658	0,684
Калужская обл.	0,951	0,790	0,945	0,754
Костромская обл.	0,797	0,898	0,811	0,864
Курская обл.	0,950	0,784	0,897	0,645
Липецкая обл.	0,233	-0,160	-0,021	-0,268
Московская обл.	0,847	0,730	0,871	0,748
Орловская обл.	0,895	0,814	0,899	0,672
Рязанская обл.	0,912	0,795	0,922	0,911
Смоленская обл.	0,930	0,862	0,930	0,882
Тамбовская обл.	0,936	0,902	0,881	0,902
Тверская обл.	0,683	0,372	0,587	0,509
Тульская обл.	0,955	0,557	0,816	0,664
Ярославская обл.	0,879	0,471	0,819	0,612
По совокупности 255 наблюдений¹	0,992	0,978	0,919	0,591

* г. Москва здесь не учтен, что будет объяснено позже

Низкий уровень коэффициента корреляции HC_B с ВРП в Ивановской области (0,220), на наш взгляд, можно объяснить резкими колебаниями части новой стоимости, направляемой на инвестиции в основные фонды, предназначенные для производства товаров. Так, в период 2005–2009 гг. их годовой размер возрос с 6,2 до 9,1 млрд руб. в ценах 2004 г., а затем стал сокращаться до 2,4 млрд руб. в 2016 г., т.е. снизился в 3,8 раза, но в 2019 г. снова увеличился до 3,4 млрд руб. Это вызвало замедление темпов роста, а затем и снижение величины новой стоимости при повышении в ней доли той части, которая идет на потребление. Кроме того, в составе HC_B в Ивановской области доля безвозмездных поступлений была наиболее высокой среди регионов округа (в среднем 14%), что поддержало, хотя и снижающийся, рост ВРП в 2019 году при падении HC_B . Формально это нашло свое отражение в уровне корреляции ВРП и HC_B .

Аналогичная ситуация наблюдалась и в Тверской области. Там с 2005 по 2010 гг. годовые размеры стоимости, направляемой на инвестиции в основные фонды, предназначенные для производства стоимости, увеличились с 12,3 до 40,1 млрд руб. в ценах 2004 г., т.е. в 3,3 раза, но затем с 2011 г. они стали сокращаться и упали до 13,6 млрд руб. в 2015 г. После увеличения до 19,7 млрд руб. в 2017 г. они вновь снизились до 13,6 млрд руб. в 2019 г. Это вызвало колебания в производстве новой стоимости. При этом величина новой стоимости, идущая на потребление, вначале сократилась, а затем стала расти даже при падении величины HC_B , вызванном сокращением инвестиций. Реальные денежные доходы населения возрастали до 2013 г., когда уже происходило сокращение величины HC_B . Но затем с некоторым отставанием во времени они также стали сокращаться, хотя уже началось некоторое повышение величины HC_B в 2016 г. Поэтому значение коэффициента корреляции между реальными денежными доходами населения и величиной HC_B оказалось, хотя и положительным (0,372), но характеризующим связь этих показателей как слабую. Вместе с тем тренды обоих показателей однонаправлены, что говорит о том, что в конечном счете реальные доходы населения и величина HC_B взаимосвязаны.

Особенностью развития экономики Ярославской области была тенденция к снижению стоимости, идущей на инвестиции в основные фонды, используемые в производстве товаров. Величина этой стоимости сократилась с 28,2 млрд руб. в 2005 г. до 12,6 млрд руб. в 2019 г. (в ценах 2004 г.). Результатом стало прекращение роста, а затем, с 2019 г., и падение величины HC_B . Величина части новой стоимости, идущей на потребление, увеличивалась, что поддерживало реальные денежные доходы населения, но затем, после 2014 г., и они стали сокращаться, уменьшившись в 2019 г. по сравнению с 2014 г. на 13,2%. Причем снижение реальных доходов началось раньше сокращения HC_B , поскольку стали сокращаться доходы от инвестиций при сохранении доходов от труда и социальных выплат. Этим, на наш взгляд, и обусловлено значение коэффициента корреляции между величиной HC_B и реальными денежными доходами населения (0,471), характерное для слабой положительной связи параметров. В то же время корреляция величины HC_B с другими социально-экономическими показателями Ярославской области, достаточно высока (см. табл. 6).

Анализ показателей г. Москвы выявил, что они зависят в большей степени не от рассчитанной выше величины HC_B , а от размеров новой стоимости, используемой в экономике России в целом (HC_B^*). Дело в том, что в Москве находится большинство государственных федеральных учреждений и центральных офисов крупных компаний. Поэтому рассчитанная выше величина HC_B не отражает всей новой стоимости, которая используется в Москве. Поэтому данные по Москве не были включены в общую выборку наблюдений, куда были включены сведения только по 17 из

¹ Общий коэффициент корреляции по совокупности 255 данных за 15 лет по 18 регионам (без г. Москвы) (255 = 15·17).

18 регионов ЦФО (см. табл. 6) Кроме того, подавляющая часть объема внешнеэкономических операций совершается в Москве (экспорт и импорт товаров и капитала), в том числе – по торговле энергоресурсами. Поэтому экономика Москвы существенно зависит от результатов внешнеэкономической деятельности, одним из главных показателей которых является новая стоимость, используемая внутри страны ($НС_{В}^*$).

Как выяснилось, корреляция важнейших показателей развития экономики Москвы со всей новой стоимостью, использованной внутри страны ($НС_{В}^*$), намного выше, чем с рассчитанным ранее показателем $НС_{В}$ (см. табл. 7).

Таблица 7

Сравнение коэффициентов корреляции показателей экономики Москвы с двумя разными величинами $НС_{В}$

Величина	Коэффициенты корреляции с показателями г. Москвы					
	ВРП	Фактическое потребление домашних хозяйств	Реальная начисленная заработная плата	Реальные денежные доходы населения	Объем розничного товарооборота	Естественный прирост населения
$НС_{В}$	0,790	0,392	0,497	-0,122	-0,021	0,248
$НС_{В}^*$	0,828	0,829	0,940	0,381	0,670	0,865

Как следует из табл. 7, только один коэффициент корреляции величины $НС_{В}^*$ свидетельствует о слабой связи – с реальными денежными доходами населения. При этом коэффициенты корреляции с ВРП, фактическим потреблением домашних хозяйств, реальной заработной платой, естественным приростом населения, объемом розничного товарооборота достаточно высоки. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что доходы складываются не только из заработной платы, но и из доходов от собственности, предпринимательской деятельности, выплат из социальных фондов. Одни части доходов сильнее реагируют на динамику внешнеэкономической деятельности (доходы от собственности и предпринимательской деятельности), чем заработная плата, другие – медленнее (выплаты из социальных фондов).

Выводы

Материальное производство является определяющим фактором развития экономики регионов ЦФО. Причем важнейшее значение имеет не объем произведенных товаров, а созданная новая стоимость, использованная внутри региона. На ее величину оказывают влияние численность занятых, создающих стоимость; техническая вооруженность их труда, напрямую зависящая от объемов капиталовложений; соотношение цен на продукцию отраслей, создающих стоимость, и используемых ими ресурсов; внешнеэкономические факторы, от которых зависит размер природной ренты и отток стоимости из страны; налоговая политика правительства, влияющая на величину стоимости, используемой внутри региона. Эти обстоятельства необходимо учитывать при разработке социально-экономической политики, направленной на ускорение развития регионов.

Вульфович Р.М.

д.полит.н., профессор кафедры ГМУ СЗИУ – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА ДЕЛИМИТАЦИИ ГРАНИЦ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Ключевые слова: урбанизация, системы расселения, агломерация, транспортная система, стратегия, делимитация границ, Санкт-Петербург.

Keywords: urbanisation, settlement systems, agglomeration, transport system, strategy, border delimitation, Saint Petersburg.

Сейчас около 50% населения земного шара проживает в больших и малых городах. Мир сильно урбанизирован, формируются новые формы расселения. В основном они называются агломерациями и состоят из десятков городов, поселков, деревень. Они объединены современными транспортными системами, включающими пригородные поезда, метро, трамваи и другие виды рельсового транспорта, а также автобусы и частные автомобили. Дальнейшее развитие требует стратегического понимания будущего этих масштабных систем, и делимитация границ агломерации является одной из самых сложных проблем в этом процессе.

В современном высокоурбанизированном мире агломерации являются наиболее распространенной формой поселения. Растущие крупные города вовлекают другие более мелкие города и сельские населенные пункты в их районе в общий процесс развития. Многочисленные связи – экономические, социальные и, в первую очередь, транспортные – формируются между отдельными поселениями на большом пространстве. Как писал М. Кастельс¹, пространство мест и пространство потоков (финансовых, энергетических, социальных, культурных и других) взаимосвязаны и влияют друг на друга. Со временем связи становятся более интенсивными, и возникает новое интегрированное пространство. Процесс развития агломераций носит глобальный характер, проблемы, связанные с ним, имеют общий характер. Одной из проблем является разработка и проведение общей политики для всего региона в четко определенных границах.

10-мерное политическое гиперпространство агломерации² в современных условиях становится реальностью. Анализ некоторых агломераций в разных странах показывает, что эти системы имеют несколько уровней власти, которые включают центральный государственный уровень (в унитарных государствах); два государственных уровня – федеральный и уровень элементов федерации (штаты, земли, провинции, регионы в федеративных государствах); один, два или более муниципальных уровня (во всех государствах). Все уровни взаимосвязаны по-разному, в некоторых случаях они создают иерархическую структуру, координируют свое функционирование и взаимодействуют при выполнении задач, выходящих за рамки интересов одного уровня. Наиболее современный механизм сотрудничества позволяет вовлекать граждан в процесс принятия решений. Интересы и идеи различных групп должны учитываться и отражаться в программах и проектах, реализуемых в рамках агломерации. Но политико-административные границы муниципалитетов и регионов дают мало возможностей для этого. Проблема политической интеграции гиперпространства имеет большое значение во всех агломерационных зонах мира. Она все больше усложняется из-за их гигантских размеров (территория и население), неравномерного распределения этого населения в пространстве агломерации (плотность) и разного уровня качества жизни в различных частях территории. Мы проиллюстрируем основные характеристики 7 агломераций (табл. 1).

Таблица 1

Примеры крупных агломераций. Основные параметры

№	Название метрополитенской территории (агломерации)	Территория	Население / плотность	Уровни управления
1.	Пекин-Тянджин – Хейбей регион, Китай	217,156 км ² (около 2,2% территории Китая)	112 млн / 515 760/ км ²	3: Центральный (правительство Китая), региональный (провинция, город центрального подчинения), муниципальный
2.	Берлин – Бранденбург метрополитенский регион, Германия	30.546 км ²	6 млн / 200/ км ²	4: федеральный (органы власти ФРГ), региональный (земли), 2 муниципальных
3.	Метрополия Большой Париж (Métropole du Grand Paris), Франция	814 км ²	7,2 млн / 8598/км ²	5: центральный (органы власти Франции), региональный (метрополия), 3 муниципальных

¹ Castells M. Space flow – der Raum der Ströme // Kursbuch Stadt: Stadtleben und Stadtkultur an der Jahrtausendwende. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999. – S. 39–71.

² Kaku M. Hyperspace: A Scientific Odyssey Through Parallel Universes, Time Warps, and the 10th Dimension / Oxford University Press. 1994; Vulfovich R. The Metropolitan Regions' Governance in the 21st Century: Political Aspect / Herzen University Press. 2001.

4.	Лондонский метрополитенский регион (Великобритания)	8,382 км ²	12,653 млн / 1510/ км ²	3: центральный (органы власти Великобритании), региональный (мэр и ассамблея Большого Лондона), муниципальный (районы Лондона, муниципалитеты прилегающей территории)
5.	Нью-Йорк-Сити, штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, часть штата Пенсильвания стандартный метрополитенский статистический регион (США)	11,880 км ²	21,045 млн / 1711/ км ²	4: федеральный (органы власти США), региональный (штаты), 2 муниципальных (округа и специальные округа, муниципалитеты)
5.	Московская агломерация (РФ)	26,000 км ²	20,0 млн / 3100 / км ²	4: федеральный (органы власти РФ), региональный (органы власти субъектов), 2 муниципальных
7.	Санкт-Петербургская агломерация (РФ)	СПб 1439 км ² (город федерального значения) + Ленинградская область 84,500 км ²	5, 427 млн / 3,708 /км ² + 1,847 млн / 20 км ²	4: федеральный (органы власти РФ), региональный (субъекты), 1 муниципальный. (СПб) + 2 (Ленинградская область)

Для формирования интегрированного политического гиперпространства агломерации властям необходимо создать практически еще один уровень власти, общий для всей агломерации, но это невозможно без четкого определения границ территории. Среди 7 примеров, приведенных выше, только Метрополия Большой Париж¹ имеет границу, закрепленную законом, а Метрополитенский регион Берлин – Бранденбург – границу, установленную соглашением между обеими землями Федеративной Республики Германии (Берлин и Бранденбург). Все остальные агломерации практически вообще не имеют границ. Они неуклонно растут, и некоторые из них имеют разные границы для разных целей. Одним из примеров является огромный Столичный регион Пекин (Китай), созданный Коммунистической партией Китая для реализации общего проекта развития, другой пример – Стандартный метрополитенский регион Нью-Йорк – Нью-Джерси – Пенсильвания – существующий как статистическая единица. В то же время регион с другими границами состоит из округов в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут (традиционно именуется «трехштатным» Нью-Йорком), и Ассоциация регионального планирования², существующая с 20-х годов прошлого века, разработала за этот период четыре Региональных плана для всего региона. Агломерация Большого Лондона определяется как район маятниковой миграции вокруг столицы Великобритании, т.е. территория, жители которой каждый день ездят на работу в Большой Лондон. В России понятие «агломерация» не имеет нормативного определения, что еще больше усложняет ситуацию.

Попытки российских специалистов определить границы агломерации в теории и на практике активно предпринимаются в последние годы³. Исследование крупных урбанизированных территорий осуществлялись и в СССР. Одно из наиболее фундированных исследований было начато тогда и продолжено позже в новых экономических условиях. Определение городской агломерации Г.М. Лаппо включено в Большую Российскую энциклопедию⁴. Примерно так же определение агломерации сформулировано в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года «совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними (с общей численностью населения 0,5–1,0 млн чел. для крупной городской агломерации и более 1,0 млн чел. для крупнейшей городской агломерации), связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в т.ч. трудовыми, и социальными связями»⁵.

Наиболее актуальное исследование вопроса делимитации границ российских агломераций было проведено в 2021 году специалистами Института экономики города⁶. Они сформулировали два основных подхода к делимитации границ агломераций – единый и индивидуальный подход. Как мы уже показали ранее, различия между крупными городскими агломерациями очень сильны с таких точек зрения, как законодательное определение территории и ее размеров, наличие административных, а иногда и политических границ внутри территории, а также характер экономических, социальных и транспортных связей, являющихся основным фактором развития агломераций как комплексных высоко интегрированных систем.

Авторы представляют подробную и обоснованную также международным опытом модель делимитации границ агломераций и анализируют попытки в некоторых регионах России провести делимитацию практически. Примерами

¹ LAW n 2015-991 of August 7, 2015 on the new territorial organization of the Republic, August 7, 2015 (LOI n 2015-991 du 7 août 2015 portant nouvelle organisation territoriale de la République, 7 août 2015). – <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000030985460/>

² Regional Planning Association. – <https://rpa.org/>

³ Ворошилов Н.Е. Развитие городских агломераций на территории европейского Севера России. – <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-54-74>; Диков Я.А. Тенденции развития городских агломераций. – <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-gorodskih-aglomeratsiy>

⁴ Большая российская энциклопедия. – <https://bigenc.ru/search?q=%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года №207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года». – <http://government.ru/docs/35733/>

⁶ Институт экономики города. Методики делимитации городских агломераций (аналитический отчет). – <https://www.urbanomics.ru/research/analytics/ieg-predstavlyaet-issledovanie-metodiki-delimitecii-gorodskih-aglomeraciy>

служат Челябинская, Красноярская, Новосибирская, Екатеринбургская, Томская и Самарско-Тольяттинская агломерации.

В аналитическом отчете описаны наиболее часто используемые методы определения границ агломераций: алгоритм выделения функциональных городских районов, используемый в качестве стандартного метода в странах ОЭСР, основанный на плотности населения, начиная от центра территории и заканчивая периферией; критерии уровня связности, основанные на различных факторах, включая транспортную связность (так называемая константа Гольца – 1,5 часа пути от места проживания до места работы внутри границ агломерации); оценка доли жителей периферии, работающих на основной территории; анализ пространственного распределения наружной рекламы¹.

Использование этих методов в России часто затруднено отсутствием достаточного объема актуальных и корректных статистических данных. Возможно, это главная причина отсутствия серьезных исследований по разграничению границ Московской агломерации и Санкт-Петербургской агломерации – двух крупнейших урбанизированных регионов России. Лучших результатов можно достичь с помощью технологии «больших данных», но это скорее будущее, чем нынешняя реальность.

Санкт-Петербургская агломерация – вторая по масштабам в России постоянно развивается, стремительно разрастается и нуждается в общей стратегии развития. Но территория состоит не из одного субъекта Российской Федерации – Санкт-Петербурга (города федерального значения) и включает в себя части территории другого субъекта – Ленинградской области (области). Статья 73 Конституции Российской Федерации передает всю полноту власти на территории субъектов Российской Федерации их органам власти в пределах, установленных Конституцией и федеральным законодательством. Это означает, что Город и Область имеют свое собственное законодательство, включая Устав, полномочия для наиболее важных функциональных сфер и различные стратегии развития с целями и задачами, важными для каждого из регионов.

В то же время некоторые районы Ленинградской области (с собственной муниципальной идентичностью и нормативными актами) уже являются частью Санкт-Петербургской агломерации, если оценивать ситуацию с объективной точки зрения. Их территории примыкают к границам города, жители многих населенных пунктов не только работают в городе, но и возят своих детей в школы Санкт-Петербурга, считая, что в них качество образования лучше. В то же время они приобретают квартиры в населенных пунктах региона из-за их более низкой стоимости.

Мы можем лучше оценить ситуацию, посмотрев на два изображения возможных вариантов делимитации границ агломерации Санкт-Петербурга. Первый гораздо более традиционный и включает в себя лишь небольшую часть районов Ленинградской области. Радиус всей территории составляет в этом случае 60 км. Общая ситуация непростая даже для такой относительно небольшой территории. Санкт-Петербург в границах субъекта федерации нельзя рассматривать как «обычный» город. Он также является крупной агломерацией с 13 внутригородскими и 5 пригородными районами. 9 отдельно стоящих городов, таких как Пушкин, Павловск, Петродворец, Ломоносов, Кронштадт, Колпино, Сестрорецк, Зеленогорск, Красное Село, и 21 поселок входят в состав города федерального значения. Многие из них были построены уже в XVIII веке, когда начиналась история Санкт-Петербурга. В этой ситуации только 5 районов или их части в Ленинградской области становятся частями агломерации: Всеволожский, Кировский, Тосненский, Гатчинский, Выборгский, Ломоносовский (рис. 1).

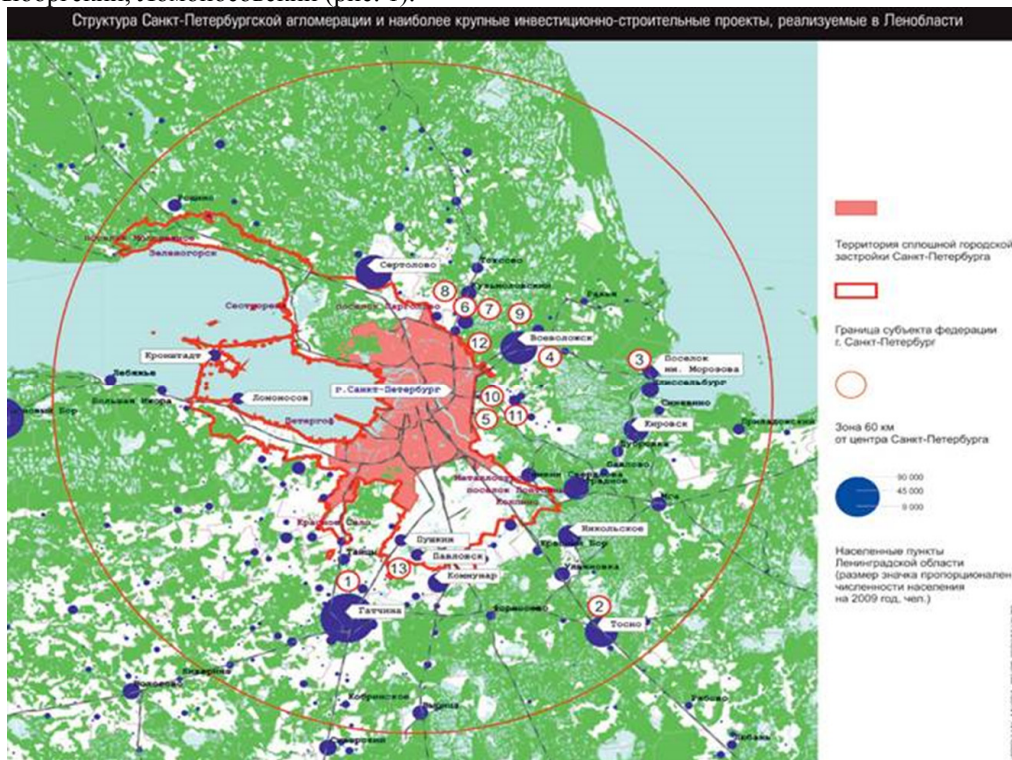

Рисунок 1.
Санкт-Петербургская агломерация (вариант 1 – радиус 60 км)

¹ Гольц Г.А. Транспорт и система расселения. – М.: Знание, 1981.

Если мы применим метод определения уровня связности к делимитации границ этой области, мы можем утверждать, что можно добраться из центрального города на периферию агломерации в течение 1,5 часов. В городе федерального значения и в прилегающих районах существуют две отдельные транспортные системы, и только некоторые части 60-километровой зоны связаны пригородными поездами, регулярными и маршрутными автобусами. Последние являются коммерческими транспортными средствами плохого качества, опасными из-за низкой квалификации водителей и не используются студентами и пенсионерами, потому что в них нужно оплачивать полную стоимость поездки. В рейсовых автобусах эти льготные пассажиры пользуются транспортными картами, финансируемыми городом и областью. С 2013 года были предприняты некоторые шаги для нормализации ситуации. Автономная некоммерческая организация «Дирекция по развитию транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области» была создана Правительством Российской Федерации совместно с Правительствами Санкт-Петербурга и Ленинградской области для реализации мероприятий по развитию общей транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Для всего региона была разработана Стратегия комплексного развития обеих транспортных систем до 2030 года, которая должна быть реализована в течение этих лет. Сейчас начинается первый проект расширения системы метрополитена Санкт-Петербурга в регионе. Строительство станции метро в городе Кудрово (Всеволожский район) начнется в этом году.

Но есть и второй вариант делимитации границ вокруг Санкт-Петербурга. Территория значительно больше и включает в себя не только 6 районов Ленинградской области, названных ранее, но и районы Приозерский и Выборгский на севере, Кингисеппский и Сланцевский на западе, Лужский и Волосовский на юге, Киришский и часть Волховского на востоке. Радиус территории составляет примерно 120–140 км. Существующая на этой территории транспортная система не соответствует константе Гольца. Но развитие новых транспортных объектов происходит очень быстро, и Санкт-Петербург продолжает расти, что требует новых территорий для целей социально-экономического развития. Это более масштабный вариант Санкт-Петербургской агломерации (рис. 2).

Рисунок 2.
Санкт-Петербургская агломерация (вариант 2 – радиус 120–140 км)

С политико-административной точки зрения рациональным решением проблемы формирования агломерации могло бы стать объединение обоих субъектов Российской Федерации – Санкт-Петербурга и Ленинградской области в один с общими полномочиями по управлению всей территорией агломерации. Однако масштаб этой территории слишком велик, а экономические, социальные и транспортные связи слишком слабы, чтобы территория функционировала как единая система. Кроме того, если исключить из процесса 4 восточных района (а как мы видим на рис. 2, они слишком удалены от города), они вообще не смогут развиваться.

Выводы. Анализ процесса агломерирования в России в сравнении с урбанизированными территориями в других странах показывает много общих тенденций, но в то же время есть и ярко выраженные различия. Первое из них – отсутствие в российском законодательстве нормативного определения агломерации. Это делает решение вопроса о делимитации границ агломераций в целом неопределенным и дает регионам (субъектам Федерации) мало возможностей для разработки стратегий построения и развития этих систем. В регионе Санкт-Петербурга проблема осложняется

ся наличием административной границы между городом федерального значения и прилегающим к нему регионом. Ленинградская область имеет большую территорию, которая могла бы стать значительным ресурсом для развития города. Однако население Ленинградской области невелико, его возрастной состав мало отличается от населения Санкт-Петербурга (большой процент людей пенсионного возраста), а транспортная система недостаточно развита для интенсивных поездок на работу в город.

Возможны два варианта делимитации границ агломерации. Меньшая агломерация радиусом 60 км уже существует, и интеграция территории с каждым годом становится все более интенсивной. Некоторые подсистемы, например транспортная, имеют стратегию развития, общую для обоих регионов – Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Но процесс интеграции находится в самом начале. Второй вариант включает в себя город и большую часть прилегающего региона и имеет радиус 120–140 км. Но 4 восточных района области останутся в стороне от развития. Решение этой проблемы заключается в объединении обоих регионов в один. Но территория нового субъекта РФ будет слишком велика и недостаточно развита для процесса сплошного агломерирования. Расстояние от границы агломерации до границы Ленинградской области на востоке составляет около 200 км, население всех 4 районов – всего 170,5 тыс. человек, а плотность около 7 человек на квадратный километр. Для Санкт-Петербурга эта часть региона будет тяжелым бременем.

Вышеприведенные факты показывают, что Санкт-Петербургская агломерация может стать больше в будущем, но до середины XXI века она останется в границах первого варианта (радиус 60 км), и основными инструментами ее развития должны быть координация и сотрудничество между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью в сфере стратегического планирования на основе комплексного подхода в рамках наиболее требующих интеграции функций.

Гвоздева А.А.

соискатель Алтайского государственного университета, консультант министерства юстиции
Новосибирской области
Zizil@rambler.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКОГРАДОВ И ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ НА ПРИМЕРЕ НАУКОГРАДА КОЛЬЦОВО И БИОФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: наукоград, инновационный кластер, биофармацевтический кластер, наукополис, стратегическое планирование, перспективы развития.

С 2003 года рабочему поселку Кольцово Новосибирской области присвоен статус наукограда Российской Федерации¹. Среди приоритетных направлений деятельности наукограда были обозначены:

1) фундаментальные исследования в области вирусологии, микробиологии, молекулярной биологии, эпидемиологии, биотехнологии и экологии.

2) научно-техническая и инновационная деятельность, экспериментальные разработки, испытания в области технологий живых систем, экологии и рационального природопользования, новых материалов и химических технологий по следующим направлениям:

- генодиагностика и генотерапия;
- технологии биоинженерии и иммунокоррекции;
- химический и биологический синтез лекарственных средств и пищевых добавок, белковых препаратов и композитов с заданными функциональными свойствами;
- рекомбинантные вакцины;
- производство и переработка сельскохозяйственного сырья;
- разработка, конструирование, испытания и клиническая оценка лекарственных средств;
- разработка предложений по мерам противодействия актам биотерроризма;
- технологии мониторинга окружающей среды;
- компьютерное моделирование техногенных катастроф и биотеррористических актов;
- изучение биоразнообразия;
- природоохранные технологии;
- нанотехнологии на основе белков и нуклеиновых кислот;
- проектирование и оценка свойств новых химических продуктов.

3) разработка и производство диагностических, лечебно-профилактических и вакцинных препаратов в интересах медицины и сельского хозяйства.

4) подготовка кадров в области молекулярной биологии, микробиологии, вирусологии и биотехнологии, медицинской биологии, фармакологии, метрологии, сертификации и менеджмента.

В рабочем поселке Кольцово был накоплен значительный научно-технический и инновационный потенциал, который было решено использовать для решения задач здравоохранения, экологической и биологической безопасности в интересах Российской Федерации. Уникальность созданных научных коллекций, мировой приоритет в научных исследованиях по ряду направлений и признание их результатов ведущими зарубежными институтами и Всемирной организацией здравоохранения обусловили значимость научно-производственного комплекса рабочего поселка Кольцово.

Однако значительное уменьшение в девяностые годы XX века бюджетного финансирования рабочего поселка Кольцово привело к сокращению научной деятельности и объема фундаментальных исследований, выполняемых Центром «Вектор». Подавляющая часть дорогостоящей экспериментальной базы и уникального оборудования перестала использоваться. В результате в рабочем поселке Кольцово возник ряд проблем, основные из которых связаны с обеспечением деятельности объектов социально-бытовой сферы и жилищно-коммунального хозяйства, переданных в муниципальную собственность, с падением уровня жизни населения, непрофильным трудоустройством высвобождающихся научных кадров.

В качестве основного пути решения перечисленных проблем было выбрано создание эффективной системы привлечения средств и обеспечения устойчивого финансирования фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ, в развитии прибыльной инновационной деятельности и коммерческом использовании ее результатов.

¹ О присвоении статуса наукограда Российской Федерации рабочему поселку Кольцово Новосибирской области: Указ Президента РФ от 17.01.2003 № 45 // Собрание законодательства РФ. 27.01.2003. – № 4. – Ст. 294.

Стратегией социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года кластерная политика признана генеральным направлением реализации конкурентных преимуществ и поддержки региональных точек роста Новосибирской области¹.

В ходе подготовки к реализации указанного направления выявилась необходимость изменения существующих узкоотраслевых подходов к развитию отдельных сфер экономики: привлечения заинтересованных лиц, предприятий и организаций, научного и экспертного сообщества. Для этого была разработана Концепция кластерной политики Новосибирской области, в которой были определены основные принципы, цели и задачи, направления деятельности, механизмы государственной поддержки реализации кластерных проектов, перечень индикаторов и система управления развитием кластеров на территории Новосибирской области.

Во избежание неоднозначного толкования пунктом 5 Концепции, кластерной политике Новосибирской области было дано определение как составной части экономической политики, проводимой в целях формирования и поддержки кластеров за счет создания дополнительных условий для формирования кластеров, повышения конкурентоспособности и эффективного взаимодействия участников кластера.

Для сопровождения кластеров и проектов участников кластеров был разработан Регламент по принципу «одного окна» (далее – Регламент), определяющий порядок взаимодействия центра кластерного развития Новосибирской области с публичными органами власти, специализированными организациями кластеров Новосибирской области, инфраструктурными организациями, институтами развития, финансовыми институтами, инвесторами в целях обеспечения их институционального оформления, признания кластеров на региональном уровне и предоставления мер государственной поддержки в соответствии с действующим законодательством.

В соответствии с Регламентом Центром кластерного развития Новосибирской области была направлена заявка кластера на включение в Реестр, по итогам рассмотрения которой Министерством экономического развития Новосибирской области было вынесено положительное заключение.

Следующим этапом стала подготовка Программы развития биофармацевтического кластера Новосибирской области².

Реализация указанной программы как одного из направлений Научно-производственного кластера «Сибирский Наукополис» призвана способствовать развитию научно-производственного комплекса территории базирования участников Биофарм-кластера, улучшению качества жизни населения, развитию отечественной биофармацевтики и биотехнологии, созданию и выводу на рынок новой и импортозамещающей продукции, росту объемов экспорта, повышению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности Новосибирской области.

Программа – документ долгосрочного планирования, определяющий основные направления и пути сбалансированного, устойчивого развития Биофарм-кластера, объединяющего 59 участников.

В соответствии с Положением о формировании и ведении государственного реестра кластеров Новосибирской области³, одним из обязательных условий для включения кластера в Реестр является наличие в составе участников кластера не менее 10 организаций, заключивших соглашение со специализированной организацией кластера.

Такой специализированной организацией кластера стала Ассоциация по развитию инновационного территориального кластера Новосибирской области в сфере биофармацевтических технологий «Биофарм». Партнером Ассоциации стало государственное казенное учреждение Новосибирской области «Центр регионального развития», условия сотрудничества которых были определены в заключенном соглашении в рамках развития Научно-производственного кластера «Сибирский наукополис».

Целями Программы Биофарм-кластера стали:

1) массовое внедрение в производство методов и продуктов биотехнологий, биофармацевтики и генной инженерии,

2) развитие внутреннего спроса,

3) наращивание объемов производства и экспорта биотехнологической продукции участников ассоциации по развитию инновационного территориального кластера Новосибирской области в сфере биофармацевтических технологий «Биофарм»,

4) участие в глубокой модернизации технологической базы промышленности и сельского хозяйства Новосибирской области с опорой на институциональные условия и иные возможности, создаваемые государством.

Задачи Биофарм-кластера:

1) содействие институциональному развитию Биофарм-кластера;

2) содействие развитию кооперационных связей среди участников Биофарм-кластера;

3) содействие созданию инновационной инфраструктуры поддержки предприятий Биофарм-кластера и формированию комфортной коммуникативной среды для эффективного взаимодействия участников Биофарм-кластера;

4) содействие развитию образовательного, научно-исследовательского и производственного кадрового потенциала посредством формирования соответствующей образовательной инфраструктуры;

¹ О Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года: постановление Губернатора Новосибирской области от 03.12.2007 № 474 // Советская Сибирь. 2012. – № 79, 4 мая.

² Об утверждении программы развития Биофармацевтического кластера Новосибирской области: постановление Правительства Новосибирской области от 24.12.2019 № 495-п // Официальный Интернет-портал правовой информации. 25.12.2019. – <http://www.pravo.gov.ru>

³ О реализации кластерной политики Новосибирской области: постановление Правительства Новосибирской области от 22.02.2017 № 64-п // Советская Сибирь. 2017. – № 11, 15 марта.

5) содействие формированию благоприятных условий для развития Биофарм-кластера, включая меры государственной поддержки;

6) содействие развитию механизмов поддержки проектов, направленных на повышение конкурентоспособности организаций Биофарм-кластера, работающих в сферах фармацевтики, биотехнологий и биомедицины;

7) содействие развитию механизмов продвижения на российский и международный рынок биотехнологической продукции Биофарм-кластера.

С учетом изложенного перспективы развития наукограда Кольцово можно представить следующим образом:

1) территориально-пространственное развитие:

– сбалансированное территориально-пространственное развитие наукограда Кольцово в рамках Новосибирской агломерации как опорной точки Наукополиса;

– реализация Стратегии Бiotехнопарка;

– развитие инновационной инфраструктуры наукограда;

– комплексное развитие инфраструктуры наукограда Кольцово;

2) экономика:

– Кольцово – ядро инновационного территориального биофармацевтического кластера Новосибирской области;

– развитие экономики наукограда, основанной на создании и коммерциализации инновационных продуктов и технологий в сфере биотехнологий и биофармацевтики;

– развитие импортозамещения, локализация на территории наукограда высокотехнологичных биотехнологических и биофармацевтических производств;

– поддержка инновационной деятельности и субъектов малого и среднего предпринимательства;

3) улучшение качества жизни населения:

– сохранение позитивной демографической ситуации;

– поддержка и развитие интеллектуальной элиты, молодежи в наукограде Кольцово;

– развитие человеческого капитала;

– обеспечение условий для ведения здорового образа жизни;

– развитие объектов социальной инфраструктуры наукограда Кольцово, благоприятной для рождения и воспитания детей;

– здоровье населения, развитие системы здравоохранения в наукограде Кольцово.

Перспективы развития Биофарм-кластера:

1) развитие внутреннего спроса, производства и экспорта биотехнологической продукции, а также формирование институциональных условий для проведения глубокой модернизации технологической базы промышленности и сельского хозяйства за счет массового внедрения в производство методов и продуктов биотехнологий;

2) рост объемов производства продукции на основе промышленных биотехнологий;

3) увеличение числа биотехнологий, используемых в продуктах функционального питания, в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции;

4) разработка и постановка на производство продуктов на основе ДНК-технологий для поддержания генетического разнообразия лесных ресурсов, диагностики лесопатологии и воспроизводства лесов;

5) разработка и постановка на производство продуктов (медицинских изделий, лекарственных средств, вакцинных препаратов, биомедицинских клеточных продуктов и др.);

6) обеспечение потребностей участников Биофарм-кластера специализированными услугами и сервисами, оказываемыми организациями инновационной инфраструктуры, входящими в Научно-производственный кластер «Сибирский наукополис».

Гоголева Е.Н.

к.соц.н., доцент, Тульский государственный университет
elenagog@yandex.ru

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: НОВЫЙ РЕСУРС ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

***Ключевые слова:** взаимодействие, гражданское общество, государство, городское пространство, публичная власть, местное сообщество.*

***Keywords:** interaction, civil society, state, urban space, public authorities, local community.*

В результате процессов, которые были порождены как объективными, так и субъективными причинами, в российском обществе возникло состояние стагнации в сфере гражданского сознания и поведения. В то же время, современное общество не может эффективно функционировать, если государство через свои институты и органы не способно выразить общую волю, население страны находится в состоянии дезорганизации и апатии, а гражданское общество не располагает сетью общественных структур, способной мобилизовать гражданскую активность и превратить ее в эффективный инструмент управления. Данные обстоятельства препятствуют как дальнейшей социализации личности и включению ее в систему публично-властных отношений, так и достижению высокого уровня морального, общественного и политического развития России.

Взаимоотношения государства с гражданским обществом имеют двухсторонний характер. С одной стороны, отношения в гражданском обществе подвергаются регуляции со стороны государства в связи с условиями деятельности и границами возможностей, предоставление которых гражданскому обществу определяется типом государства и характером его политики. С другой стороны, гражданское общество само воздействует на государство через свои социально-политические институты, что приводит к сокращению функций государственного контроля, увеличению доли самоуправляющейся деятельности, что демократизирует всю систему общественно-государственных отношений.

Уровень взаимодействия государства и гражданского общества определяется следующими показателями:

- создание в обществе «горизонтальных» отношений, направленных на удовлетворение местных, национальных, культурных, политических и иных интересов;
- развитое чувство коллективности, осознание принадлежности к общей культуре, нации;
- интерес к политике и деятельности органов государственной власти;
- стремление к активному вмешательству в социально-политическую жизнь и готовность к протесту в случае ущемления своих прав и интересов;
- преодоление отчуждения между властью и обществом, увеличение доверия населения к власти, децентрализация власти, функционирование института местного самоуправления.

Однако современная российская действительность демонстрирует, что необходимое взаимодействие государства и гражданского общества осуществляется с большими затруднениями. Государство препятствует проявлению гражданской активности, нарушает гражданские права и свободы, не дает возможности для реализации гражданского потенциала. В свою очередь, развитие гражданского общества происходит стихийно, под влиянием разнообразных факторов, что приводит к тому, что процесс его функционирования осуществляется вне институциональных рамок как следствие взаимной несогласованности поведения граждан и деятельности государства. Как следствие, в сознании и жизнедеятельности россиян не укореняется гражданская ответственность, не формируется гражданская идентичность, что препятствует гражданскому единству социума. С другой стороны, в противовес тенденциям чрезмерного государственного регулирования увеличивается протестный потенциал населения, что приводит к дестабилизации общественной жизни, возникновению кризисных моментов в функционировании политико-государственных структур и институтов.

Очевидно, что современный российский мегаполис – это основная арена деятельности субъектов общественной жизни. Стремление городского населения оказывать воздействие на принятие общественно значимых решений позитивно влияет на развитие городского общественного пространства, на сферы публичной политики и на эффективность самого управленческого процесса. Подобная активность городского населения способствует появлению новых стимулов для заинтересованного выражения общественного мнения, увеличению контактов населения и государственных структур и, как следствие, повышению уровня доверия граждан к системе государственно-властных отношений в стране.

Одной из основ социологического изучения взаимодействия государства и гражданского общества в современном городе является теория социального пространства П. Бурдьё. В его понимании «социальное пространство» представляет собой форму, выражающую определённые отношения, которые проявляются как способы координации со-

стояний основных субъектов общественной жизни. Это пространство рассматривается не как самостоятельная сущность, а как порядок отношений, образуемых взаимодействующими объектами, причём вне этой системы взаимодействий социальное пространство не существует. Содержанием данной формы являются социальные явления и процессы, характер которых и определяет основные свойства социального пространства. Это означает, что не существует некоего абсолютного социального пространства как самостоятельной, независимой от эмпирической социальной действительности формы бытия, оно конструируется каждый раз как форма выражения и обобщения различных социальных практик в пространственно-временной локации. При этом создаваемое социальное пространство в каждом конкретном случае может быть и одномерным, и многомерным с любым числом измерений, поскольку используется для описания взаимосвязей различного рода социологических величин, характеризующих социальные явления¹.

Современная городская среда, рассматриваемая в соответствии с теорией П. Бурдьё, представляет собой сложную сеть отношений между такими подсистемами, как «городская инфраструктура», «сообщество», «публичная власть», которые формируют и определяют комплекс уместных социальных практик повседневности. Городское пространство не только воспроизводит само себя, но и образует устойчивые коммуникативные связи между социальными группами, определяя новые основания идентификации человека в социальной структуре общества. По мнению британского социолога Джона Урри, город способен формировать новую эгалитаристскую активность человека, которая не маркирована гендерными, национальными, социально-структурными характеристиками человека и способна за счет коллективных нетрудовых практик к субъективному преодолению социального неравенства².

Мегаполис, обладая территориальными, человеческими, социальными и иными ресурсами для конструирования общего социального пространства, способен объединять горожан для решения своих социальных проблем, не создавая при этом, как правило, формализованных структур и организаций. Разнообразные и по большей части неинституционализированные формы активности городского сообщества, направленные на улучшение социальных условий жизнедеятельности его членов, выступают как социальные инициативы и являются важнейшей формой взаимодействия гражданского общества и государственных структур. При этом та часть населения, которая задействована в социальной нетрудовой деятельности в городском пространстве, позитивно оценивает результаты своей деятельности и те социальные эффекты, которые она получает в процессе ее осуществления. Будучи частью организации, человек находит новые возможности самореализации, что не всегда у него получается в повседневной жизни. Часто участие в подобной деятельности позволяет человеку развивать профессиональные качества, получить опыт практической деятельности, обеспечить карьерный рост.

На основе данных социологического исследования, осуществленного посредством case-study (проанализировано 75 информационных сообщений в Интернете в период с января по апрель 2022 г.), было установлено, что именно городская среда рассматривается основными субъектами общественной жизни (НКО, органы публичной власти, СМИ и т.д.) как оптимальное место для выражения гражданских, территориальных и социально-культурных интересов. Согласно результатам исследования, были выделены и интерпретированы факторы, организующие социальное пространство в городе³. Чувство принадлежности к социальной группе предполагает включение человека в разнообразные и, как правило, неинституционализированные формы повседневной деятельности, направленные на оптимизацию условий городской жизни. В рамках исследования было отмечено увеличение доли граждан в принятии решений городского развития и реализации многочисленных мероприятий по благоустройству городских пространств. Влияние (как способность оказывать воздействие на решение вопросов городского развития) интерпретировалось посредством возможности прямого участия населения формировать городскую среду (фиксировалась вовлеченность населения в публичные слушания, правотворческую инициативу, участие, оценка и контроль планов и программ городского развития и т.д.). Чувство единения, основывающееся на ценностях и интересах городского сообщества, детерминирует поддержку поведения человека его статусом и оценкой его успехов. Данный фактор организации социального пространства проявляется посредством идентификации себя с представителями местного сообщества и осуществления индивидуальной и коллективной деятельности в контексте общественно полезного труда (субботники, городские праздники и фестивали, добровольческая деятельность, развитие соседства и т.д.). Разделенная эмоциональная связь, т.е. ощущение общности в процессе взаимодействия членов сообщества, выявлялась на основе использования местоимений «Мы» в оценке происходящих городских событий, что показывает степень развитости этого качества и решающим образом влияет на интегрированность и жизнеспособность сообщества.

В настоящее время особый интерес представляет Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды»⁴, инициированный в 2019 году, который предполагает к 2024 году существенное улучшение ряда параметров развития крупных и малых городов:

- повышение индекса качества городской среды на 30%;
- сокращение количества городов с неблагоприятной средой в два раза;
- создание механизма прямого участия населения в формировании городской среды;

¹ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. Сборник статей. Составление, общая редакция перевода и послесловие Н.А. Шматко. – СПб: Алетея, 2005. – 576 с. – <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3707/3708>

² Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.

³ См.: Гоголева Е.Н. Активность местного сообщества как условие функционирования местного самоуправления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. – № 2. – С. 129.

⁴ Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». – <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/b5e/FKGS-Kollegiya-19.12.2019.pdf>

- увеличение доли граждан в принятии решений в области городского развития до 30%;
- реализация многочисленных мероприятий по благоустройству городских пространств.

Качество городской среды предполагается измерять посредством многомерной оценки шести измерений: жилье и прилегающие пространства, улично-дорожная сеть, общественно-деловая инфраструктура, озелененные и водные пространства, общегородское пространство, социально-досуговая инфраструктура. Каждый ареал оценивается по шести параметрам: современность и актуальность среды, безопасность, комфортность, экологичность, эффективность управления, идентичность и разнообразие. Очевидно, что достижение удовлетворительного состояния развития городского пространства является фактором, определяющим эффективность взаимодействия власти и гражданского общества. Причем эта удовлетворенность, которая формируется на основе повседневной позитивной оценки решения конкретных вопросов и проблем при учете множества мнений и позиций, должна носить долговременный характер.

Достижение долговременной удовлетворенности требует вовлечения граждан в реализацию данного проекта, что предполагает, в первую очередь, разработку цифровой платформы для электронного обращения граждан и голосования по планам и приоритетам городского развития. В процессе проведения case-study было выявлено, что большинству включенных в проект городов удалось организовать взаимодействие в новой коммуникативной среде. Это, несомненно, позволит достичь важного социального эффекта в городском управлении – организации обратной связи. Практическая реализация обратной связи основывается на следующих принципах взаимодействия в городском пространстве:

1) принцип двойного информирования: органы городского самоуправления информируют граждан о целях разрабатываемых планов развития города, жители информируют городские органы об условиях жизни и о своих запросах;

2) принцип взаимодействия в проектировании: власти города разрабатывают базовые варианты проекта развития территории, жители оценивают эти варианты и выдвигают альтернативные предложения¹.

Второе направление в федеральном проекте, связанное с включением населения в развитие местного самоуправления, реализуется посредством развития добровольческой деятельности, включающей в себя активность в благоустройстве территории, участие в разработке дизайн-проектов общественных пространств и дворовых территорий, проведение мероприятий, общественный контроль. Стимулирование данной деятельности будет способствовать: нейтрализации скрытых или явных противостояний гражданских и государственных интересов; сохранению эффекта присутствия во власти большинства членов городского сообщества; формированию новых целей городского развития в процессе получения новой информации об изменениях настроений и ожиданий, потребностей и устремлений населения.

Социологический анализ позволил осуществить анализ практики реализации данного проекта в различных муниципальных образованиях России. Результаты исследования свидетельствуют о позитивной динамике в развитии российских городов, но на первый план выходят территориально-поселенческие факторы, а не факторы собственно социальные, связанные с участием населения, реализацией их интересов и организацией обратной связи гражданского общества и органов местного самоуправления в процессе управления. Не раскрывается в полной мере тот потенциал социальной активности местного сообщества, который позволяет ему противостоять тенденциям обезличения и отчуждения, характерным для современного российского общества.

В настоящее время следует учитывать общественный запрос на перемены, который формируется как вокруг текущих социально-экономических проблем, так и вокруг проблем гражданско-политического характера. В настоящее время скорость, с какой мобилизуется резерв влияния в крупных городах России, показывает повышенную чувствительность граждан к флуктуациям политического поля. Современное российское общество испытывает дискомфорт из-за отсутствия механизмов уравнивания шансов на самореализацию разных групп и слоев общества, отстаивания ими своих, не только политических, но и социальных, и трудовых прав.

Функционирование городского пространства связано, в первую очередь, с развитием многообразных форм и практик гражданского участия, поскольку трансформация институтов представительной демократии в нынешних политических реалиях маловероятна². Поэтому именно органам местного самоуправления необходимо создавать фундамент легитимного и социально полезного поведения, направленного на решение проблем городского развития. Иначе говоря, в условиях современной российской действительности актуализируется потребность в неинституционализированном социальном участии, которое будет стимулировать развитие «повседневных» форм активности для решения текущих проблем городского обустройства, что предполагает взаимосогласованную координацию действий между государством и гражданским обществом.

¹ Дридзе Т.М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. – М., 1998. – № 10. – С. 44–50.

² Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0

Жалелева Р.З.

д.э.н., Университет международного бизнеса, г. Алматы

Пастернак А.А.

PhD, Университет международного бизнеса, г. Алматы

Жалелева С.З.

PhD, Университет международного бизнеса, г. Алматы

zh_sofiya@mail.ru

СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ В РАЗВИТИИ КАЗАХСТАНА

Ключевые слова: сельские территории, сельские поселения, продовольственная безопасность, отрасли специализации.

Keywords: rural areas, rural settlements, food security, specialization industries.

Сельские территории являются средоточием ресурсов сельскохозяйственного и продовольственного обеспечения граждан своей страны. В них создаются продукты, относящиеся к необходимым, предназначенные для удовлетворения насущных потребностей населения. Помимо того, здесь проживает значительная часть населения страны, которая занята в сферах сельскохозяйственного и промышленного производства продуктов питания, позволяющих гражданам зарабатывать средства воспроизводства и жизнеобеспечения для себя и своих семей. На этих территориях решаются проблемы продовольственной безопасности, вызванные ограниченностью производства продуктов питания, его недостатком для некоторой части населения не только нашей страны, но и в мире. Потенциал обеспечения продовольственной безопасности создается в ответ на возможные угрозы продовольственного кризиса, возникающие на глобальном уровне и, в частности, в слаборазвитых странах, в точках военных конфликтов, природных и экономических катастроф, социальных и экономических кризисов и т.д. В перечисленных случаях продовольственная сфера нашей страны как один из участников формируемой мировым сообществом продовольственной безопасности передает в совместный фонд часть своих продовольственных ресурсов, в том числе и зерна. Тем самым продовольственная сфера Республики Казахстан становится составным элементом обеспечения и разрешения проблем глобальной экономической системы.

Продовольственная сфера национальной экономики является традиционной областью приложения труда и средств. Это обусловлено наличием потенциала, позволяющего обеспечивать ее функционирование.

Со времени становления рыночных отношений продовольственная сфера Республики Казахстан претерпела целый ряд существенных изменений, которые наложили свой отпечаток на масштабы, структуру производства, соотношение спроса и предложения на отечественном рынке, на формирование предложения за счет товаров казахстанского и импортного производства, на ценообразование продовольственной продукции и многое другое. Прежде всего следует отметить, что масштабы и объемы соответствующего производства значительно сократились. Во многом это объясняется тем, что изменились базовые параметры развития продовольственной сферы, что было обусловлено произошедшими преобразованиями, в том числе и возникновением частной собственности. В результате из сельскохозяйственного оборота были изъяты земельные ресурсы, что привело к их сокращению. На смену крупным сельскохозяйственным производителям, являвшимся поставщиками сельскохозяйственного сырья для переработки, пришли мелкие сельскохозяйственные производители, фермерские хозяйства и индивидуальные фермеры. Помимо этого, продовольственная сфера потеряла значительную по масштабам часть перерабатывающих мощностей, которые действовали прежде в виде крупных мясокомбинатов, молокоперерабатывающих заводов и др.

Жизнестойкость отраслей и сфер деятельности, осуществляющих производство продовольственной продукции и предоставляющих ее потребителям, определяется заинтересованностью государственного управления в развитии продовольственной сферы. Во всем мире особое внимание регулирующих органов государственного управления направлено на создание условий, благоприятствующих развитию этих секторов экономики. В развитых государствах в развитие сельскохозяйственного производства вкладываются государственные средства, чтобы помочь производителям, простимулировать их и тем самым обеспечить дальнейшее участие в процессе создания продовольственной продукции, ее хранении, переработке и реализации оптовым и розничным покупателям с последующим предоставлением потребителям. Во многих странах существует и действует механизм дотирования, предоставления дополнительных средств государством на развитие продовольственной сферы.

Столь пристальное внимание обусловлено тем, что в мире утвердилось понимание необходимости осуществления этих мер для обеспечения продовольственной безопасности, обретающей статус глобальной проблемы, от решения которой зависят судьбы и будущее населения стран, очень остро испытывающих недостаток продуктов питания. Неслучайно во многих публикациях по исследованию проблем продовольственного обеспечения подчеркивается их

значимость в связи с их влиянием на экономическую безопасность и отмечается необходимость дальнейшего развития и расширения продовольственной сферы, повышения ее эффективности и результативности¹.

Потенциальные возможности подъема сельских территорий определяются эффективностью производственных систем, функционированием факторов, вовлеченных в хозяйственный оборот, а также наличием незадействованных ресурсов. При продуктивном использовании последних возникают условия, обеспечивающие, во-первых, расширение масштабов эффективного функционирования производственных объектов и, во-вторых, возникновение целых социально-экономических систем, к каким могут быть отнесены и территориальные.

В рамках пространственной организации структурный комплекс территориальных образований, а ими являются и сельские поселения, связан с воспроизводством сложившейся экономической системы и созданием необходимых условий проживания населения. При этом следует иметь в виду, что решение названных задач осуществляется в синхронном, сопряженном режиме. И здесь не может быть предпочтений в отношении какой-либо из этих двух задач. В противном случае возникает дисбаланс, способный привести к всякого рода нарушениям, рискам неустойчивого развития.

Существенное значение для развития региональных систем имеет уровень их устойчивости². Как это было установлено еще в прошлом веке, состояние устойчивости определяется сопряженностью социального и экономического положения, а также экологического равновесия³.

Дисбаланс неустойчивого развития может быть связан с доминированием цели экономической результативности, поскольку любая хозяйственная деятельность ориентирована прежде всего на финансово-экономическую состоятельность, на получение прибыли. При этом социальные и экологические параметры устойчивого развития не принимаются в расчет, и тогда социум и экология находятся в деградирующем состоянии, требующем больших затрат и усилий для восстановления приемлемых условий проживания. Если речь идет о сельских поселениях, то данные территории в сравнении с городскими имеют ограниченные бюджеты, которые при активной хозяйственной эксплуатации не всегда могут покрывать социальные и экологические проблемы, обеспечивающие устойчивое положение и равновесие экономических, социальных и экологических составляющих. Особенно остро две последние из выделенных трех проявились в условиях пандемии, когда социальные условия в сельских поселениях приобрели первостепенное значение, что связывалось с преодолением COVID-19. Следует отметить, что пандемия отразилась на всех параметрах устойчивого развития в нашей стране, выявились новые риски и угрозы структурного характера, которые поставили социально-экономическую систему перед реалиями обострения ситуации в экономике и социуме, необходимости не планировавшихся прежде издержек по преодолению COVID-19 и вызванных последствий. В этой связи Казахстанская Национальная экономическая система выдвигает трансформационные проблемы выделения резервов экономического роста, среди которых – необходимость нового взгляда на пространственную организацию сельских территорий.

Пространственная организация выделяет в ряду сложившихся формирований проживания населения наряду со столичными, городскими агломерациями, населенными пунктами и соответствующие образования в виде сельских поселений на территории Республики Казахстан. Количество сельских населенных пунктов к настоящему времени насчитывает 6341. В них проживают более 40% населения Республики.

По нашему мнению, пространственную организацию структурного комплекса сельских территорий следует рассматривать в соответствии со сложившимся разделением на отрасли специализации, отрасли производственной и социальной инфраструктуры, отрасли рыночной инфраструктуры. Такая разбивка отраслей на группы охватывает действующие структуры территориальной организации, которые необходимы для решения всего комплекса проблем, которые возникают на сельских территориях.

Население сельских территорий по видам экономической деятельности занято в сельском хозяйстве, в сферах переработки сельскохозяйственного сырья и оказания услуг.

В соответствии с этим представлением отрасли специализации, входящие в первую группу структуры комплекса сельских территорий, формируют пространственную специфику разделения труда. В них производится продукция, которая находит применение не только в пределах территории сельского поселения, где размещены соответствующие виды деятельности, но и используется за границами этого образования. Составляющими группы являются промышленность, сельское хозяйство и др.

Следующая, вторая группа структурного подразделения представлена производственной инфраструктурой. Данная группа предназначена для обслуживания сферы специализации и обеспечивает ее бесперебойное функционирование. Соответственно в нее входят транспорт, дорожная сеть, трубопроводы, связь, электрические сети и т.п.

Третья группа, а именно рыночная инфраструктура включает в себя виды экономической деятельности, обеспечивающие банковские, страховые, информационные и маркетинговые операции. Это та группа, в которой формируются условия и средства функционирования хозяйственной сферы в рамках территориальной организации производства и жизнеобеспечения населения.

Четвертая группа отраслей, действующая в территориальной системе, связана с обеспечением проживающего на сельских территориях населения необходимыми услугами потребительского назначения. В нее включаются транспорт, связь, торговля, образование, общепит, здравоохранение, санитарные службы и т.д.

¹ Многовекторное развитие экономики Казахстана: колл. монография. – Алматы: ИЭ КН МОН РК, 2012. – 418 с.

² Жалелева Р.З. Потребительские рынки Казахстана и обеспечение их сбалансированности. – Алматы, 2002. – 128 с.

³ Кинг М. Интегрированное мышление // Экономические стратегии. – М., 2014. – № 2. – С. 6–13.

Представленное структурно-функциональное построение экономики отражает особенности организации экономической деятельности по созданию необходимых условий уровня и качества жизни населения, основанной на участии в межстрановом и внутристрановом территориальном разделении труда, на комплексном развитии и размещении производительных сил с учетом рационального природопользования.

Потенциал подъема экономики сельских территорий нами определяется исходя из имеющихся резервов в каждой из выделенных групп. Для выявления и оценки этих возможностей попытаемся оттолкнуться от факторов воспроизводства в первой группе отраслей специализации, а это, как известно, связано с функционированием и вовлечением в производство труда, орудий, предметов труда и, конечно же, земли.

Безусловно, резервом расширения масштабов сельскохозяйственного производства в Казахстане является ресурс труда. При сложившейся в стране численности населения, сельского в том числе, абсолютным диссонансом является низкая степень вовлечения в сферу экономической деятельности трудоспособной части сельского населения. Данное утверждение следует из того, что приложение труда и занятость некоторая часть населения находит не в сфере сельскохозяйственного производства, а в городах, куда направляется регулярно на работу и за получением зарплаток в случае постоянного места проживания в пригородах или же вынуждена переселяться в города. Это, безусловно, происходит в русле сложившихся закономерностей урбанизационных процессов, влияющих на разрастание сферы услуг, которое является тенденцией, наблюдаемой повсеместно. Но сказанное не вызывало бы опасений, если бы не сопровождалось падением экономической результативности, которое в документе Report for Selected Countries and Subjects¹ просматривается по динамике валового внутреннего продукта (ВВП), рассчитанного по паритету покупательной способности Казахстана за период 2015–2020 годов (табл. 1). Такой подход позволяет привести к сопоставимому виду динамику соответствующих показателей.

Таблица 1

Динамика ВВП Казахстана в 2015–2020 гг.

Год	ВВП млрд USD	Темпы роста ВВП, %
2015	184,6	-18,9
2016	137,28	-25,5
2017	159,4	16,1
2018	170,54	7,0
2019	181,67	6,5
2020	163,23	-11,2

Источник: Report for Selected Countries and Subjects. – <https://ru.wikipedia.org>

Согласно представленным данным, за рассматриваемый период произошло снижение ВВП с 184,6 млрд USD в 2015 г. до 163,23 млрд USD. в 2020 г. Наша страна занимает 54 место в мире по этому показателю, а по объему валового внутреннего продукта на душу населения в 2020 году – 77 место в мире.

По данным официальной статистики Республики Казахстан, за прошедшие три десятилетия в стране отмечалось снижение доли сельскохозяйственного производства в структуре валового внутреннего продукта, в период 2015–2019 годов эта доля снизилась с 4,6 в 2016 г. до 4,4% в 2019 г. По показателям валовой добавленной стоимости так же наблюдалось снижение с 6 в 2015 году до 5,1% в 2018 году. Это подтверждается графиком на рис. 1.

По нашему мнению, такая динамика объясняется повышением стоимостных характеристик, она связана в значительной степени с повышением цен на продукцию.

Ввиду того, что сферой приложения труда в сельскохозяйственном производстве является земля, целесообразно рассмотреть использование земель сельскохозяйственного назначения. В этой области со времени установления независимости Республики Казахстан произошли существенные изменения.

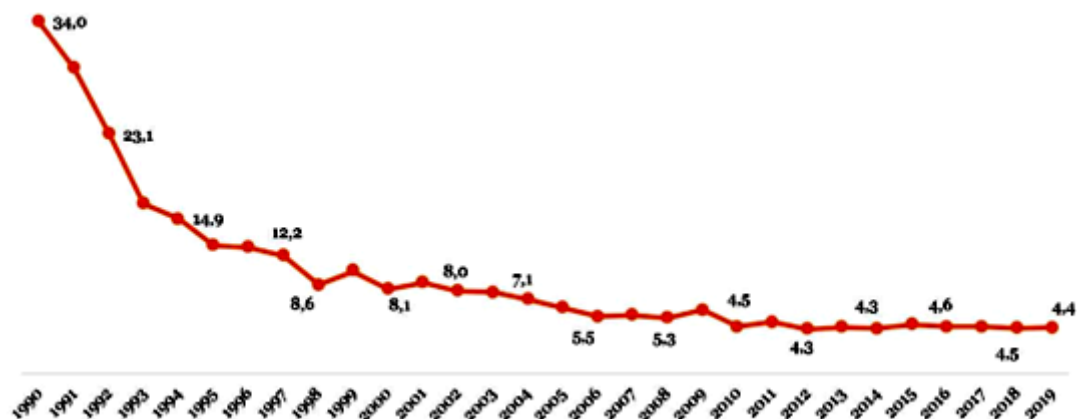

Рисунок 1.
Сельское хозяйство в структуре ВВП, %

¹ Report for Selected Countries and Subjects. – <https://ru.wikipedia.org>

Прежде всего следует отметить, что произошедшая трансформация повлияла на структуру сельхозугодий, на изменение их масштабов и объемов, на отведение части земель под постройки и т.д. В значительной мере это стало возможным в связи с изменением форм собственности, правил аренды и пользования земельными ресурсами и в том числе землями сельскохозяйственного назначения. Установление законодательно-нормативной базы, новые правила повлияли на общее состояние, уровень использования земельных ресурсов, объемы и масштабы трансформации.

По нашему мнению, значительные резервы социально-экономического роста сельских территорий нашей страны заложены в использовании предпринимательского ресурса, точнее в активном его функционировании. Это возможно при выраженной, заинтересованной работе местных управленческих структур. Последние призваны обеспечить вовлечение в экономический процесс имеющихся ресурсов предпринимательства, самоуправления, государственной и частной инициативы в форме государственно-частного партнерства при реализации индивидуального, малого и среднего бизнеса. Такие проекты могут осуществляться под эгидой местного управления, средних и крупных бизнес-структур. Предпринимательская деятельность может осуществляться и в рамках кластерной инициативы. Очевидно, что при запуске проектов следует учитывать специфику экономических объектов, размещенных на сельских территориях, которые в своем большинстве относятся к разряду индивидуальных, малых предприятий и лишь незначительная часть производств имеет статус средних и крупных. Об этом свидетельствуют официальные данные статистики Республики Казахстан.

Необходимо также подчеркнуть, что перспективные сельские поселения должны располагать инфраструктурными подразделениями по использованию и расширению предпринимательской деятельности с необходимыми атрибутами консультационной поддержки и организации бизнеса. В частности, возможно создание на местах оргструктур поддержки и координации деятельности субъектов малого и среднего бизнеса, способствующих укреплению деловых связей между предприятиями как внутри страны, так и за ее пределами на бесплатной основе. Такие инициативы создают предпосылки для развития деятельности МСБ по производству товаров, например, высокотехнологичной инновационной продукции, для создания продукции на экспорт малыми предприятиями, имеющими деловые контакты с зарубежными партнерами, для формирования благоприятного инвестиционного климата, для обновления основных фондов предприятий и организаций, для повышения ресурсного потенциала. Все это позволяет сконцентрировать усилия на качественном и скорейшем оказании услуг бизнесу.

В основу формирования и развития инфраструктуры поддержки малого предпринимательства должны быть заложены следующие критерии и принципы: комплексность, системность, эффективность, социальная ориентация, инновационность, целенаправленность, долгосрочность, перспективность, гибкость механизмов.

Необходимо с учетом этих критериев продолжить совершенствование и развитие основных видов государственной поддержки предпринимательства (в первую очередь финансовой, имущественной, информационной поддержки, формирование и развитие механизмов государственно-частного партнерства, развитие системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для субъектов предпринимательства, проведение научно-исследовательских работ по проблемам развития предпринимательства)¹.

В современных условиях важной задачей для экономики страны становится импортозамещение. Следовательно, в этих условиях необходима серьезная долговременная и последовательная государственная политика поддержки субъектов предпринимательства, производящих импортозамещающую и экспорто-ориентированную продукцию инновационного, производственного и сельскохозяйственного предпринимательства. Дальнейшее развитие инфраструктурной сферы, по нашему мнению, связано с переориентацией институциональной поддержки бизнеса на стимулирование товаропроизводителей, в первую очередь, с активизацией работы действующих бизнес-структур предпринимательства, а также на совершенствование механизмов обеспечения бизнеса инвестиционными ресурсами.

Важнейшей задачей остается поддержка предпринимательства в малых городах и сельских поселениях, где, на наш взгляд, данные инициативы крайне необходимы. Кроме того, совершенствование этих мер целесообразно для содействия безработным гражданам в организации предпринимательской деятельности, широком вовлечении в предпринимательскую деятельность социально-незащищенных групп населения. Требуется своего логического развития и инфраструктура поддержки семейного, женского и молодежного предпринимательства.

Центральной задачей развития предпринимательства является формирование кадрового состава работников, занятых в ее организациях, необходимость избавления ее организаций от случайных людей, не знающих проблемы предпринимательства изнутри, не имеющих определенных знаний и опыта работы, должна быть выработана единая политика в области подготовки специальных кадров для этой специфической сферы деятельности.

Современный этап, связанный с пандемией, повлиял на общее состояние экономики и социума сельских территорий, их развитие и управление, что сказалось на результативности хозяйственной системы. Сложившееся положение вещей указывает на необходимость использования в практике управления адаптированных подходов к решению проблем сельских территорий, применения когнитивного менеджмента, основанного на инициативном мышлении, способности реализовать на деле новые рациональные знания, которые касаются результативности сферы специализации и инфраструктурных подразделений сельских территорий.

В условиях глобальной неустойчивости и неопределенности, обострения пандемийных ограничений, оттягивающих значительные средства из экономического оборота, учет возможностей развития сельских территориальных образований, имеющихся узких мест в этом структурном комплексе представляется вполне уместным. В этой связи возникают альтернативные решения по сельским поселениям. Во-первых, это может быть связано с оптимизацией имеющихся ресурсов, когда в поселениях и на прилегающих к ним территориях формируются комплексы компактно-

¹ Модель управления предпринимательским ресурсом Казахстана. – Алматы: ИЭ КН МОН РК, 2017. – 336 с.

го проживания и занятости населения. Для реализации названных задач осуществляется структурное наращивание имеющегося комплекса предприятиями, организациями в виде сельскохозяйственных и перерабатывающих производств, инфраструктурных подразделений, обслуживающих эти производства и население, проживающее на данных территориях. Если же на сельских территориях проблемы вовлечения трудовых ресурсов и занятости не решаются, то возникает другой альтернативный путь, когда население вынужденно перемещаться в регионы, обеспеченные необходимыми условиями жизни, занятости трудовых ресурсов и т.п.

Совершенно очевидно, что проблемы размещения сельских поселений и обеспечения занятости в них предполагают решение насущных проблем населения, предоставление жилья и работы. Если эти проблемы не реализуются, то в виде цепной реакции происходит отток населения в регионы, где вопросы жизнеобеспечения и жизнедеятельности находят свое решение, а сельские поселения переходят в разряд неперспективных. В последнем случае для нашей Республики обостряются вопросы низкой плотности проживания населения, слабой освоенности территорий. Данные проблемы обостряются в условиях новых реалий и возникающих рисков на азиатском континенте.

Таким образом, при рассмотрении возможностей подъема экономики и развития инфраструктуры сельских территорий Казахстана в поле внимания прежде всего подпадает использование площадей сельскохозяйственного назначения, их продуктивное применение в сельскохозяйственном производстве и, как уже отмечалось, для сельских территорий это непосредственно касается отраслей специализации сельскохозяйственного производства, включая растениеводство и животноводство, наращивание сферы услуг. Логичным продолжением производственной цепочки здесь может стать переработка сельскохозяйственного сырья до готовой продукции конечного потребления.

На основании анализа использования сельских территорий совершенно обоснованным является вывод о наличии значительных резервов. Данное обстоятельство может быть основанием для развития экономики территорий, располагающих потенциалом расширения масштабов производства не только сельскохозяйственной продукции, но и ее промышленной переработки. При этом речь идет не только о доведении сырья сельскохозяйственного производства до кондиции продукции потребительского назначения, но и предполагается технологическое доведение до конечной продукции, обладающей высокими качественными характеристиками по составу и свойствам. Такое дополнение имеет бонусы в виде добавленной стоимости.

Жалелева Р.З.

д.э.н., Университет международного бизнеса, г. Алматы

Пастернак А.А.

PhD, Университет международного бизнеса, г. Алматы

Жалелева С.З.

PhD, Университет международного бизнеса, г. Алматы

zh_sofiya@mail.ru

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАЗАХСТАНА

Ключевые слова: сельские поселения, сельские территории, инфраструктура, потребительские рынки, глобальная неустойчивость и неопределенность.

Keywords: rural settlements, rural areas, infrastructure, consumer markets, global volatility and uncertainty.

Сложившиеся на территории Республики Казахстан сельские поселения имеют выраженные характеристики депрессивности. Исходя из этого, нами предлагается типология проблемности сельских территорий (табл. 1).

Таблица 1

Типология проблемности поселений сельских территорий

Доминирующая характеристика	Обоснование выделения характеристики	Особенности пространственной организации	Направление решения проблемности
Трудоизбыточные	Данные сельские поселения имеют высокую численность трудовых ресурсов относительно занятого населения, то есть в этих населенных пунктах не обеспечивается необходимый баланс использования труда. Тем самым некоторая часть населения, отягощённая поисками доходов, вынуждена менять места своего проживания.	Некомплексность формирования поселений, неразвитость структурно-функциональных составляющих	Акцент на развитие сферы специализации и всей инфраструктуры
Недоиспользуемые производственные мощности перерабатывающих производств	Это может быть вызвано недостатком сырья для переработки и, скорее всего, неразвитой сетью дорожно-транспортной службы, отдаленностью мест нахождения сырья, пригодного для последующей передачи на ее переработку.	Недостаток использования сферы специализации и производственной инфраструктуры.	Развитие производственной инфраструктуры, обеспечивающей сырьем перерабатывающие производства.
Неполное, нецелевое использование земельных ресурсов	Причинами такого положения являются ограничения по вовлечению всех необходимых факторов сельскохозяйственного и других видов деятельности.		Разработка нормативно-законодательной базы использования земельных ресурсов. Расширение сферы специализации
Неразвитость инфраструктурного комплекса.	Обеспечение территориальной специализации видами экономической деятельности, обслуживающими сельскохозяйственное производство и потребности населения необходимыми средствами жизнеобеспечения.	Неразвитая инфраструктура.	Развитие инфраструктурной сферы
Неперспективные	Имеющие характеристики депопуляции, угасания.	Неразвитость всего структурного функционального комплекса.	Реформирование, трансформация поселений.

Определение возможного потенциала экономического роста на сельских территориях связывается с исследованием уровня инфраструктурного обеспечения. Оценка уровня развития этой сферы осуществляется по состоянию всего того, что относится к производственной и социальной составляющим инфраструктуры. Первое предполагает изучение дорожно-транспортного обслуживания производства, транспортно-логистических служб по перевозке грузов, работу трубопроводов и т.п. И все это в той части, которая обслуживает основное производство, а точнее сельскохозяйственное и промышленное производство сферы специализации регионов. Вторая предназначается для жизнеобеспечения социума. Она состоит из дорожно-транспортного обслуживания населения, образовательной, культурно-просветительской служб, объектов здравоохранения, дошкольных и школьных учреждений и др.

Производственная инфраструктура состоит из группы видов деятельности, формирует условия бесперебойной и эффективной работы названной специализации. Подтверждением тому, служит тот факт, что в стоимости сельскохозяйственной продукции, например, весомое значение имеют затраты на транспортные расходы, грузовые перевозки, хранение, расходы топлива, электроэнергии и т.д. В обосновании этого положения можно привести еще немало аргументов в пользу того, что сфера производственной инфраструктуры влияет на производственно-коммерческие результаты сельскохозяйственного и промышленного производства.

По нашему мнению, оценка уровня функционирования производственной инфраструктуры может проводиться с учетом вклада ее составных элементов, касается ли это транспортных расходов, топливно-энергетических затрат или же связано со складированием, хранением сельскохозяйственной и другой продукции.

Например, формирование технологической цепочки по использованию сырья и его переработке до готовой конечной продукции потребительского назначения связано с работой дорожной транспортно-логистической системы, действующей на территории Казахстана, в том числе на сельских территориях. Так, в настоящее время загрузка мощностей по переработке сельскохозяйственного сырья в значительной степени зависит от функционирования транспортно-логистического сектора и влияет на осуществление перевозок на транспортных линиях территории страны.

Развитие социальной инфраструктуры, имеющейся на селе, очевидно, следует оценить по результатам ее функционирования. Такую оценку можно проводить по показателям потребительского рынка.

Потребительский рынок представляет собой механизм обеспечения потребительского спроса населения, проживающего на территории сельских поселений, соответствующим предложением.

Спрос потребительского рынка выражает нужды населения в товарах и услугах в стоимостном виде. Он формируется из доходов населения, которые оно получает для своего жизнеобеспечения. Трудоспособное население зарабатывает свои доходы, а другая часть населения, включая иждивенцев, детей, пенсионеров получает эти средства из доходов трудоспособного населения, а также из пенсий, пособий, стипендий и т.д.

Предложение потребительского рынка поступает в виде товаров и услуг для обеспечения и реализации нужд населения. Размер предложения в основном соответствует объемам возможного спроса. Масштаб реализации спроса предложением потребительского рынка находится в пределах расходов населения на продовольственные и непродовольственные товары и услуги. Исходя из этого, функционирование социальной инфраструктуры, обеспечивающей нужды населения, может оцениваться по результатам покрытия спроса предложением на потребительском рынке.

Критерий формирования и обеспеченности потребительских рынков нами определен в соответствии с выделенными принципами их функционирования. Первым из принципов утверждается необходимость удовлетворения потребностей населения в товарах и услугах, вторым – устанавливается приоритетность спроса по отношению к предложению и, наконец, третьим принципом обусловлено соблюдение баланса потребительского спроса и предложения. Оценка сбалансированности региональных потребительских рынков осуществляется на основе сопоставления показателей спроса, предложения и реализации. В качестве показателей сбалансированности предложено использовать абсолютные и относительные состыкованности этих элементов.

Для определения потенциала сельских территорий Республики Казахстан нами проведен опрос, предназначенный для выявления мнений экспертов в области сельского хозяйства, специалистов территориальной организации, представителей администрации поселений, так же в нем учтено заинтересованное мнение общественности, жителей поселений. В нем охватывается круг вопросов, касающихся всех сфер, входящих в структуру организации сельских поселений.

В отношении резервов социального и экономического роста сельских территорий мнение экспертов указывает на первостепенную значимость развития сфер основной специализации сельских территорий. Отмечается необходимость повышения результативности сельскохозяйственного и перерабатывающего производства. При этом эксперты подчеркивают следующее:

- важность использования имеющихся резервов экономического роста, включая диверсификацию сельскохозяйственного производства, организацию в местах поселений производств по переработке сельскохозяйственного сырья, в результате чего повышается и занятость населения;
- оценка земельных ресурсов, пригодных для сельскохозяйственного производства, и разработка мер по их рациональному включению в оборот с одновременным увеличением налоговой нагрузки на неиспользованные участки;
- активизация процесса формирования кооперативов сельхозпроизводителей, обеспечивающих повышение производительности труда и сбалансированное развитие по созданию конечной продукции и получению добавленной стоимости;
- обеспечение сельскохозяйственным сырьем для последующей производственной переработки с учетом сетевого обеспечения функционирования дорожных, транспортных, логистических видов деятельности.

Посредством диверсификации экономики сельских территорий, по мнению экспертов, достигается развитие сферы переработки сельхозпродукции с беспроигрышным вариантом выхода добавленной стоимости, с одной стороны, и созданием рабочих мест, с тем чтобы обеспечивать занятость сельского населения, с другой. Данное направление развития и использования ресурсов сельских территорий представляется верным и действенным, поскольку при этом сельские жители не обременяются проблемами миграции, тянущими за собой расходы на жилье и обустройство населения на новых местах, что связано со значительными затратами бюджета страны и средств граждан.

Следующим важным направлением в решении проблем сельских территорий эксперты признают улучшение их инфраструктурного обслуживания как в части развития производственной, так и социальной инфраструктур. Последнее особенно актуально в нынешних условиях пандемии, когда предоставление медицинских услуг входило в разряд

необходимых. Их следует особо предусматривать при реализации человекоцентричной модели государственного устройства, в которой главными ценностями признается человек и его благополучие.

В условиях неустойчивости многие социальные услуги стали недоступными, и государство берет на себя обязательство быть гарантом социальной безопасности, поскольку признается, что часть населения вернулась в состояние бедности.

Не случайно эксперты, принявшие участие в опросе, при оценке уровня социальной инфраструктуры в части предоставления медицинских услуг склонились к тому, чтобы признать их в некоторых случаях неудовлетворительными. Очевидно, что в каждом частном случае такая оценка связывается со здоровьем и жизнью отдельного человека. И такую позицию следует принимать с тем, чтобы обеспечить сельские территории системой гарантированного и безопасного предоставления соответствующих услуг. Учитывая, что сельские поселения являются местом проживания подавляющей части сельских жителей, среди которых не только трудоспособное население, но и люди пожилого возраста, дети, подростки, предоставление качественных медицинских услуг должно возводиться в ранг государственных приоритетов, поскольку речь идет о здоровье значительной части населения страны (сельское население составляет более 40% жителей Казахстана).

В отношении работы дошкольных и школьных учреждений в сельской местности эксперты склоняются к признанию текущего положения неудовлетворительным. Об этом свидетельствуют данные опросы специалистов. Во многом это обусловлено тем, что данные учреждения не всегда выдерживают современные санитарные нормы, стандарты оснащённости и т.п. Все это делает уровень их состояния в поселениях на порядок ниже предоставляемых услуг в городах.

Качество торговых услуг на селе, а они в основном осуществляются посредством функционирования торговых точек, работой рынков, специалисты признают низким. Это отмечает половина экспертов. При этом соотношение доходов и расходов населения, баланс этих величин свидетельствуют об относительно низких доходах сельского населения, которые в основном расходуются на потребительские нужды, на приобретение продуктов питания, хотя основная деятельность сельского населения самообеспечивается соответствующими продуктами.

Говоря об обеспеченности водой сельских поселений, следует отметить, что многочисленные программы, принятые на самом высоком уровне со времени установления независимости остаются нерешенными, по результатам опроса показатели обеспеченности водой являются низкими.

Распространение пандемии негативно отразилось на общих социально-экономических результатах сельских территорий. Это выразилось, прежде всего, в миграционных процессах, поскольку сельские жители в репродуктивном возрасте были вынуждены перемещаться в места с обустроенными жилищными условиями, с гарантированным предоставлением необходимого пакета социальных услуг. Прежде всего речь идет о предоставлении услуг традиционной системы здравоохранения с ориентацией на пациенто-центричную медицину, с переходом от неравенства медицинского обслуживания в городских и сельских населенных пунктах к оказанию качественных медицинских услуг в независимости от мест проживания.

Сложившиеся на территории сельских поселений условия проживания населения указывают на недостатки в развитии социальной инфраструктуры и прежде всего в части предоставления медицинских услуг. По мнению независимых экспертов, сельские жители ограничены в получении необходимой медицинской помощи. В следствии чего и возникает проблема неперспективных поселений и отток населения из них, обусловленный недостатками предоставления медицинских услуг и ограниченными возможностями их получения в сельской местности.

Большие нарекания со стороны опрошенных экспертов вызывает работа дошкольных и школьных учреждений в селах из-за отсутствия необходимых специалистов-предметников, ограниченных возможностей получения современных средств связи, Интернета. Невозможность воспользоваться цифровыми технологиями делает сельских детей обделенными в отношении доступа к современному полноценному обучению.

В целом функционирование социальной инфраструктуры сельской местности эксперты считают неудовлетворительным. Такая оценка связывается с зависимостью получения социальных услуг от экономической обеспеченности всех жителей сельских территорий.

Производственная инфраструктура сельских территорий специалистами в целом оценивается на уровне удовлетворительно и неудовлетворительно. Совершенно очевидно, что более позитивный результат обусловлен тем, что данная сфера находится на транспортно-логистических путях, обслуживающих линии международного и республиканского значения. Неудовлетворительная оценка связана с тем, что транспортно-логистическая обустроенность находится на периферии сельских территорий, отдаленных от центральных опорных точек, и соответственно комплекс дорожных услуг имеет низкие показатели развитости.

Неперспективность поселений может быть решена в основном посредством комплекса социально-экономических мер и прежде всего преодоления инфраструктурных несоответствий.

В условиях глобальной неустойчивости и неопределенности, обострения пандемийных ограничений, оттягивающих значительные средства из экономического оборота, учет возможности развития сельских территориальных образований, их узких мест в структурном комплексе представляется вполне уместным. В этой связи возникают альтернативные решения по сельским поселениям. Во-первых, это может быть связано с оптимизацией имеющихся ресурсов, когда в поселениях и на прилегающих к ним территориях формируются комплексы компактного проживания и занятости населения. Для реализации названных задач осуществляется структурное наращивание имеющегося комплекса предприятиями и организациями в виде сельскохозяйственных и перерабатывающих производств, инфраструктурных подразделений, обслуживающих эти производства и население, проживающее на данных территориях. Если же на сельских территориях проблемы вовлечения трудовых ресурсов населения и занятости не решаются, то

возникает другой альтернативный путь, когда население вынуждено перемещаться в регионы, обеспеченные необходимыми условиями жизни, занятости трудовых ресурсов и т.п.

Все отмеченное указывает на необходимость нового взгляда на пространственную организацию сельских территорий Республики Казахстан для того, чтобы сформировать обоснованную систему управления данной сферой, составленную из необходимых элементов и позволяющую ей продуктивно функционировать и выполнять свое предназначение.

Жилина И.Ю.

к.и.н., с.н.с. ИНИОН РАН

РОЛЬ ТУРИЗМА В РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации; туризм; государственное регулирование; государственно-частное партнерство.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, tourism, State regulation; public private partnership.

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ)¹ расположена вдоль побережья морей Северного Ледовитого океана: Баренцева, Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского. Протяженность морского побережья АЗРФ составляет 22 тыс. км; площадь ее сухопутной части – 4,9 млн кв. км, в том числе острова – 0,2 млн кв. км; площадь шельфовых и внутренних морей – 4 млн кв. км².

Значение АЗРФ для России определяется не только и не столько ее размерами, сколько экономическим потенциалом. На регион, в котором на 1 января 2021 г. проживало 2,6 млн человек, т.е. 1,8% населения Российской Федерации (РФ)³, приходится около 10% российского ВВП и 20% совокупного экспорта страны. В АЗРФ добывается 80% всего природного газа и 17% российской нефти, 90% российского никеля и кобальта, 60% меди и почти 100% алмазов, редких и редкоземельных металлов⁴. Свою лепту в ВВП РФ вносит и туриндустрия субъектов АЗРФ, однако пока она несравнимо меньше вклада добывающих отраслей. По оценкам специалистов, туристский потенциал АЗРФ используется лишь на 10–15%⁵.

Сдерживающее воздействие на развитие туризма в АЗРФ оказывают природно-климатические факторы, низкая транспортная доступность региона, низкая покупательская способность населения. Так, стоимость 14-дневного тура Мурманск – Архипелаг Новая Земля – Земля Франца-Иосифа – Мурманск в 2022 г. в зависимости от класса каюты составляет от 9771 до 17968 долл. на человека, не считая стоимости перелета до Мурманска, стандартной медицинской страховки и некоторых других позиций⁶.

Стоимость тура по Карелии (8 дней), включающего несколько экскурсий, составляет от 56 до 71 тыс. руб. в зависимости от условий размещения. Билеты до Петрозаводска, откуда начинается тур, и страховка в его стоимость не входят. С учетом других дополнительных расходов стоимость даже 56-тысячного тура приближается к 70 тыс. руб. на человека⁷.

Тем не менее, в Докладе о конкурентоспособности путешествий и туризма за 2019 г. Всемирного экономического форума, отмечается, что РФ, занимающая в рейтинге 39 место, является самой конкурентоспособной страной Евразии по уровню научно-технического развития. Отставая от субрегиональных и глобальных средних показателей по деловой среде (92 место), безопасности (98 место) и международной открытости (123 место), по развитости инфраструктуры воздушного транспорта РФ занимает 23 место и является единственной евразийской страной, оценки которой по природным (34 место) и культурным (18 место) ресурсам превышают среднемировые показатели⁸.

Начало законодательному оформлению политики России в Арктике было положено принятием в 2008 г. «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»⁹. Хотя среди основных мер по реализации государственной политики в области социально-экономического развития Арктической зоны и упоминались обеспечение развития экологически безопасных видов туризма в местах компактного проживания и традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов (КМНС), сохранение их культур-

¹ Само понятие «Арктическая зона Российской Федерации» было установлено решением Госкомиссии при Совмине СССР по делам Арктики [Лукин Ю.Ф. Российская Арктика или Арктическая зона? // Арктическая энциклопедия. – С. 8. – http://www.arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/RA-AZRF.PDF

² Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) // Neftegaz.Ru. 2021. – 18.01. – <https://neftegaz.ru/tech-library/geografiya/668885-arkticheskaya-zona-rossiyskoy-federatsii-azrf/>

³ Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года / Федеральная служба государственной статистики. 2022. – 25.04. – <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

⁴ Ледовый прорыв. Сохранить и развивать Арктику // IQ.HSE.RU. 2021. – 27.04. – <https://iq.hse.ru/news/461326586.html>

⁵ Резолюция 4 заседания Арктического экспертного клуба / Институт региональных исследований и городского планирования ВШЭ. – М., 2016. – 17.05. – <https://irsup.hse.ru/news/182376410.html>

⁶ Круиз по Российской Арктике: Земля Франца Иосифа и Новая Земля // Свои люди. 2022. – <https://www.svoiludi.ru/cruise/kruiz-po-rossiiskoi-arktike-zemlea-franza-iosifa-i-novaia-zemlea.html>

⁷ Мега-тур по Карелии // Большая страна. – <https://bolshayastrana.com/arhangelskaya-oblast/mega-tur-po-karelii-16847>

⁸ The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019. Travel and Tourism at a Tipping Point / World Economic Forum. 2019. – P. 40. – https://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2019.pdf

⁹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу / Правительство России. – <http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLNJ175140U0K46x4SsKRHGfUO.pdf>

ного наследия, языков, художественных промыслов, основное внимание в документе уделялось государственной поддержке хозяйствующих субъектов в области освоения ресурсов углеводородов, других полезных ископаемых, водных биологических ресурсов и модернизации объектов социальной инфраструктуры.

Законодательно территории, относящиеся к АЗРФ, были определены Указом Президента Российской Федерации в 2014 г. Первоначально в АЗРФ были включены отдельные территории Мурманской области, Ненецкого, Чукотского, Ямало-Ненецкого автономных округов, отдельные муниципальные образования Республики Саха (Якутия), Красноярского края, Архангельской области¹. В последующие годы состав АЗРФ трижды корректировался². В результате в настоящее время к АЗРФ относятся девять регионов: территории Мурманской области, Чукотки, Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов; отдельные муниципалитеты Республик Саха (Якутия) (13 районов), Коми (4), Карелии (5), Архангельской области (8), Красноярского края (4 района)³.

В постсоветской России приватизация туристического и гостиничного бизнеса привела к практически полному разрушению советской системы массового отдыха и оздоровления. Постепенное возвращение государства в экономику выразилось в принятии в 2019–2022 гг. ряда законодательных актов, так или иначе касающихся сферы туризма, определивших переход к новым векторам развития отрасли, что, по мнению некоторых специалистов, в определенной степени можно считать обращением к особому типу экономических отношений – мобилизационной экономике, предполагающей выделение ресурсов государства на развитие важнейших секторов экономики. В данном случае – на развитие отдыха населения в форме туризма⁴, являющегося одним из перспективных направлений экономической деятельности с высоким мультипликативным эффектом⁵. Давно известно, что туризм оказывает влияние более чем на 50 смежных отраслей, способствует развитию малого и среднего бизнеса, росту занятости и самозанятости, сглаживанию диспропорций территориального развития, а также снижению зависимости от нефтегазовых доходов.

Рамочным документом, определившим политику властей в сфере туризма, является принятая в 2019 г. «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года»⁶ (далее – *Стратегия*). Она ориентирует отрасль на развитие внутреннего и въездного туризма на основе формирования конкурентоспособного туристического продукта, развития инфраструктуры, обеспечения качественных и доступных туристских услуг с учетом лучшего отечественного и международного опыта развития туристских кластеров и привлечения потенциальных клиентов. Главными направлениями развития внутреннего туризма являются создание «Магистральной инфраструктуры», т.е. объектов транспортной и энергетической инфраструктуры федерального, межрегионального значения; формирование «Обеспечивающей инфраструктуры» на туристских территориях (сети электроснабжения, газоснабжения, теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения и пр.); налаживание «Системы навигации и ориентирования в сфере туризма» (совокупность необходимой для туристов информации о туристских ресурсах и объектах туристской индустрии); продвижение «Туристского маркетплейса» – цифровой платформы по предоставлению информации, бронированию и приобретению туристских продуктов на территории РФ. Подчеркивается необходимость продвижения имиджа России как безопасной и комфортной для отдыха страны⁷.

В *Стратегии* планировалось до 2035 г. (по сравнению с базовым 2017 г.) увеличить объем туристической индустрии в 5 раз (с 3158 до 16 306 млрд руб.); количество внутренних турпоездок на одного жителя РФ более чем в 2 раза (с 04, до 1 единицы); экспорт туристских услуг более чем в 3 раза (с 8,9 до 28,6 млрд долл.); инвестиции в сферу туризма в 3 раза.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации // Президент России. 2014. – 02.05. – <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201405050030.pdf>

² Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2017 № 287 «О внесении изменений в Указ президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // Президент России. 2017. – 27.06. – <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201706270043.pdf>; Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 220 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // Президент России. 2019. – 13.05. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44231>; Федеральный закон от 13.07.2020 № 193 ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // КонсультантПлюс. 2020. – 13.07. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/

³ Арктические первопроходцы // EastRussia. 2021. – 03.09. – <https://www.eastrussia.ru/material/arkticheskie-pervoprokhodtsy/>

⁴ Джанджугазова Е.А., Кобяк М.В. Траектория развития туризма в РФ: от программных документов до корпорации // Российские регионы: взгляд в будущее. 2021. – Т.8, № 2. – С.2-3. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=46522001>

⁵ Мультипликативный эффект туризма проявляется в том, что доход, полученный от одного туриста, превышает сумму средств, израсходованных им в месте пребывания на покупку услуг и товаров. [Намазбаева З.Е. Мультипликативный эффект развития туристско-рекреационной деятельности Восточно-Казахстанской области // researchgate. 2020. – September. – https://www.researchgate.net/publication/344181325_multiplikativnyj_effekt_razvitiia_turistsko-rekreacionnoj_deatelnosti_vostocno-kazahstanskoj_oblasti_multiplikativnyj_effekt_of_the_development_of_tourist-recreational_activity_in_the_east_kazakhstan_r

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // Правительство Российской Федерации. 2019. – 20.09. – <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4rM.pdf>

⁷ В связи с этим стоит отметить, что в конце 2021 г. Росстандарт утвердил обновленные стандарты ГОСТ Р 56642-2021 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» и ГОСТ Р 57287-2021 «Туристские услуги, предоставляемые на особо охраняемых природных территориях. Требования». В 2022 г. утверждена не имеющая аналогов в мире серия национальных стандартов ГОСТ Р 59850 «Арктический туризм», состоящая из шести стандартов, относящихся к вопросам общих положений, обеспечению безопасности туристов в Арктической зоне, требований к туристской инфраструктуре и т.д. // Главный форум метрологов. 2022. – 08.02. – https://news.metrologu.ru/standartizatsiya/standarti_dlya_nacionalnogo_proekta_turizm_i_industriya_gostepriimstva.html

Основной задачей Государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» (далее *Программа*)¹, принятой во исполнение *Стратегии*, является обеспечение роста социально-экономического развития субъектов за счет сосредоточения ресурсов и мер поддержки государства на федеральном и региональном уровнях на развитии туристских макротерриторий; внедрения комплексного подхода к их развитию на основе концепции территориального планирования, а также последующее фокусное, целевое применение комплексных механизмов поддержки развития отрасли. Такой подход позволяет выявлять и применять различные меры стимулирования развития туристских макротерриторий с учетом как потребности соответствующего региона, так и приоритетности развития туристской макротерритории в целом, а также вклада каждого субъекта в развитие туризма страны.

Основой определения туристских макротерриторий является объединение привлекательных как для российского, так и для международного туриста субъектов РФ и входящих в их состав муниципальных образований в единый туристский маршрут. Так, в туристскую макротерриторию «Русский Север и Арктика» включены Республика Карелия, Архангельская и Мурманская области (субъекты АЗРФ) и Вологодская область².

Решение задач *Программы* обеспечивается за счет реализации комплекса мероприятий, предусмотренных федеральными проектами «Совершенствование управления в сфере туризма», «Развитие туристической инфраструктуры», «Повышение доступности туристических продуктов» в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», рассчитанного на 2021–2024 гг.

Большое значение для развития туризма в АЗРФ имеет Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»³, определивший правовой режим и порядок осуществления любой не запрещенной законодательством предпринимательской деятельности и меры по ее государственной поддержке. Согласно закону любой предприниматель, зарегистрировавшийся в АЗРФ и готовый реализовать новый проект, вложив в него не менее 1 млн руб. может стать резидентом АЗРФ. Статус резидента предполагает ряд налоговых льгот и неналоговых преференций (определены Федеральным законом от 13 июля 2020 г. № 195-ФЗ⁴).

Органами управления АЗРФ являются Минвостокразвития, осуществляющее нормативно-правовое регулирование и ряд других функций, и управляющая компания – Корпорация по развитию Дальнего Востока (КРДВ), занимающаяся приемом заявок и заключением соглашений об осуществлении инвестиционной деятельности и ведением реестра резидентов АЗРФ.

Параллельно прорабатывался закон о введении в АЗРФ программы «Арктического гектара» на тех же условиях, что и «Дальневосточного гектара». В течение первого года участник определяется с видом использования земли, через три года декларирует освоение, а через пять участок можно оформить в собственность или долгосрочную аренду. Соответствующий Федеральный закон, действие которого распространялось на Мурманскую область, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, 23 муниципальных района Красноярского края, Архангельскую область, Республики Коми и Карелию был принят в 2021 г.⁵ На участке можно построить дом, организовать хозяйство или запустить бизнес, в том числе туристический. Участки на территории АЗРФ предоставляются в пользование жителям упомянутых регионов с 1 августа 2021 г. С 1 февраля 2022 г. программа доступна всем гражданам РФ, а также участникам госпрограммы по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

В результате запуска программы «Арктический гектар» прирост новых проектов в АЗРФ за первые 1,5 года работы на 25% превышает дальневосточные показатели. Сегодня в Арктике с господдержкой реализуется свыше 500 проектов с общим объемом инвестиций более 1,3 трлн рублей⁶.

Однако, по мнению ряда специалистов, придание АЗРФ особого статуса привело к возникновению конфликта интересов или разных возможностей развития как между отдельными субъектами АЗРФ, так и внутри них, в частности в республиках Карелия, Коми и Саха (Якутия), Красноярском крае, Архангельской и Тюменской областях, в которых в АЗРФ вошла лишь часть территорий⁷.

¹ Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. N 2439 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма»» // Гарант. 2021. – 24.12. – <https://base.garant.ru/403336467/#friends>

² Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 г. № 2439. Государственная программа Российской Федерации «Развитие туризма» // Правительство Российской Федерации. 2021. – 24.12. – <http://static.government.ru/media/files/Wdbna3vXF5dFlp2SITXiAWeCr311oTmL.pdf>

³ Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // КонсультантПлюс. 2020. – 13.07. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/

⁴ Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 195-ФЗ. «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации”» // Российская газета. – М., 2020. – 16.07. – <https://rg.ru/documents/2020/07/16/arktika-dok.html>

⁵ Федеральный закон от 28.06.2021 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территории субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный Интернет-портал правовой информации. 2021. – 28.06. – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280039>

⁶ В Арктике реализуется свыше 500 проектов с господдержкой // Мой бизнес. 2022. – 26.05. – <http://portal.b14.ru/news/v-arktike-realizuetsya-svyshe-500-proektov-s-gospodderzhkoj/>

⁷ Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение / Фаузер В.В. [и др.] // Арктика: экология и экономика. 2022. – Т. 12, № 1. – С. 113–114. – <http://arctica-ac.ru/docs/journals/45/vyzovy-iprotivorechiya-vrazvitii-severa-iarktiki-demograficheskoe-izmerenie.pdf>

Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что при решении вопроса о составе АЗРФ, в отношении ряда районов не учитывались разработанные Институтом Арктики и Антарктики Росгидромета природные критерии, определявшие отнесение территорий Российского Севера к АЗРФ. Естественно, на местах такая ситуация, принимая во внимание предпочтения, получаемые территориями, вошедшими в состав АЗРФ, воспринимается как несправедливая. Поскольку включение тех или иных территорий в состав АЗРФ является инструментом выравнивания «регионального неравенства» конкурентных условий в рамках национальной экономики, эксперты полагают, что вопрос о составе АЗРФ нуждается в дальнейшей проработке¹.

Несмотря на различия между субъектами АЗРФ в плане природных условий, уровня развития, транспортной доступности, в Арктике, обладающей высоким природно-рекреационным² и историко-культурным потенциалом (исторические памятники, в том числе памятники культуры, военной истории, истории изучения и освоения Арктики и др.)³, можно развивать практически все виды туризма: культурно-познавательный, круизный, экологический, сельский, оздоровительный, гастрономический и др., за исключением, пожалуй, пляжного. За 10 лет (2009–2019 гг.) туристический поток в Арктику вырос более чем в 1,6 раза – с 725 тыс. человек до 1172 тыс. человек в год (рис. 1). Однако Ростуризм признает, что количество реальных туристов меньше «статистических», поскольку Росстат учитывает как туристов людей, приезжающих в Арктический регион на работу вахтовым методом⁴. В 2019 г. доля иностранных граждан, посетивших АЗРФ, составила 5,8% (68 тыс. человек). Объем предоставленных платных услуг гостиничного сервиса за этот период также вырос в 1,3 раза в рублевом эквиваленте: с 6,4 млрд руб. в 2009 г. до 9,8 млрд руб. в 2019 г.⁵.

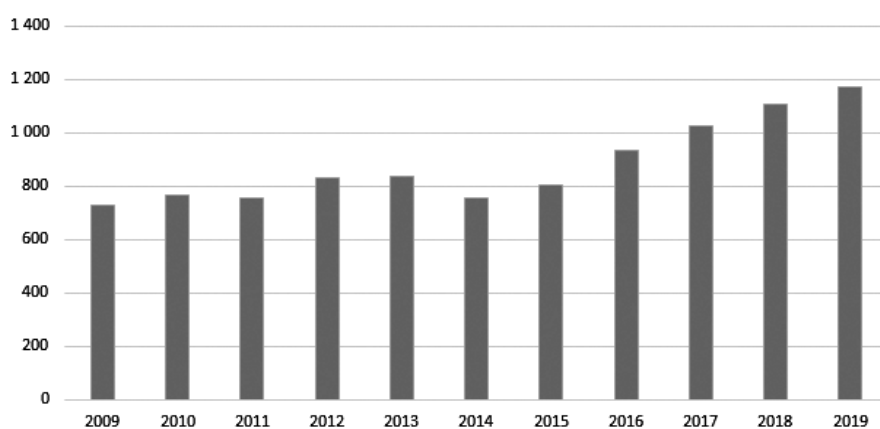

Рисунок 1.
Количество туристов, посетивших АЗРФ в 2009–2019 гг.⁶

¹ Подробнее см.: Тишков А.А., Жуков М.А., Телеснина В.М. Вопросы оптимизации состава Арктической зоны Российской Федерации // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. – № 1. – С. 9–16.

² В Российской Арктике на побережье Северного Ледовитого океана находятся более десятка особо охраняемых природных территорий (ООПТ) федерального значения – заповедники и национальные парки. В них охраняются уникальные природные комплексы, удивительные растения и животные, приспособившиеся к жизни в этих суровых краях [Заповедники и национальные парки Арктики, Россия // Экологический туризм и ООПТ. – <http://lesnoytur.ru/teoria/arktika/arktika-oopt.html>

³ В Мурманской области, найдены наскальные рисунки (петрографы), датированные 4–2 тысячелетием до нашей эры. Местные власти начали работу по их включению в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [Петроглифы в Заполярье стали федеральным объектом культурного наследия // РИА Новости. 2020. – 08.09. – <https://ria.ru/20200908/petroglify-1576924254.html>]. Имеются петрографы и в Карелии недалеко от Белого моря и на берегах Онежского озера.

В 1992 г. в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО был включен Историко-культурный комплекс Соловецких островов [Соловки – объект Всемирного наследия ЮНЕСКО // solovky. – <http://www.solovky.ru/ru/o-muzee/solovki-obekt-vsemirnogo-naslediya-yunesko>

Еще одним объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО является комплекс памятников деревянного зодчества, *иконописи и предметов быта*, создававшихся в карельских, вепсских и русских деревнях на протяжении столетий, на острове Кижы [Кижы. Наследие Юнеско // СкандТур. – <https://scantour.ru/turi-v-kareliu/tur-na-kizhi-nasledie-karelii-2-dnya>

В Арктике также сохранилось множество материальных исторических объектов, связанных с открытием, изучением и освоением Севера, в частности на Земле Франца-Иосифа и на острове Северный архипелага Новая Земля – лагеря экспедиций, полярные станции, оборонительные сооружения времен Великой Отечественной войны. Значительная часть из них связана с именами самых известных исследователей Арктики: В. Баренца, Ф. Нансена, Г. Седова. Всего на территории двух архипелагов выявлено 93 объекта историко-культурного наследия [Ермолов О.Е. Изучение и сохранение историко-культурного наследия национального парка «Русская Арктика» // Окружающая среда Санкт-Петербурга. 2022. – 18.03. – <http://ecopeterburg.ru/2022/03/18/%D0%B8%D0%B7%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82/>

⁴ Арктический туризм // Ростуризм. – С. 14. – https://tourism.gov.ru/upload/iblock/c8f/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf

⁵ Там же, с. 14.

⁶ Там же.

По данным Минвостокразвития, АЗРФ занимает четвертое место по востребованности у туристов среди арктических территорий стран мира, уступая Северной Норвегии, Исландии и Аляске (США). Лидером по этому показателю является Мурманская область, принимающая около 40% туристов российской Арктики. Второе место по этому показателю занимает Архангельская область (18%), третье и четвертое делят Республика Карелия и ЯНАО (по 15%)¹. Лидерами по доле добавленной стоимости туризма в валовом региональном продукте субъекта АЗРФ в 2019 г. являлись Республики Саха (Якутия) – 3,0%, Карелия – 2,8, Мурманская область – 2,7, Архангельская область – 2,6%. Самые низкие показатели у Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов – 0,7 и 0,8% соответственно².

В 2020 г. в результате санитарных ограничений, вызванных пандемией, показатели туристической индустрии РФ значительно ухудшились. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. объем услуг туристических агентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию и сопутствующих им услуг снизился со 179,8 в 2019 г. до 179,8 млрд руб. в 2020 г.; объем услуг гостиниц и аналогичных услуг по предоставлению временного жилья – с 247 до 181,6 млрд руб.; экспорт услуг по статье «Поездки» – с 11,0 до 2,9 млрд долл.³

Однако турсектор в 2021 г. довольно быстро восстанавливался: по прогнозам, его общий оборот по итогам года составит 2,5 трлн рублей (70% от «доковидного» уровня) за счет опережающих темпов роста внутреннего туризма, чему способствовала запущенная в августе 2020 г. программа туристического кешбэка. Механизм кешбэка поддержал не только туротрасль, но и экономики многих регионов – за счет его реализации регионы прямо и косвенно получили около 70 млрд руб. в период низкого сезона⁴.

По прогнозам Ростуризма, Россия по итогам 2021 г. восстановит туристскую отрасль по ключевым показателям в среднем на 80% от «доковидного» уровня, что, по словам З. Догужовой, Главы Ростуризма, является «одним из лучших показателей в мире». В число регионов, которые восстановят или даже превзойдут показатели 2019 г. входят Республика Карелия и Мурманская область⁵.

В мае 2022 г. состоялась презентация итогов первого года реализации нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства». В своей речи вице-премьер Д. Чернышенко сказал: «С 2021 года у нас в стране началась эпоха возрождения внутреннего туризма. И сегодня Россия – страна-лидер, отдых в которой самый безопасный». В 2021 г. на создание инфраструктуры и повышение доступности отдыха для россиян в рамках нацпроекта было направлено 45,9 млрд руб. Внутренний турпоток составил 56,5 млн человек при плане 52,2 млн. В 2022 г. для достижения показателя в 61,2 млн человек, запланировано выделить 52,8 млрд руб. Бюджет проекта «Развитие туристической инфраструктуры» в 2021 г. составил 29,9 млрд руб., в рамках проекта было поддержано 452 общественные и предпринимательские инициативы по развитию внутреннего туризма. В 2022 г. при запланированном бюджете в 38,8 млрд руб. предполагается поддержать около 800 инициатив.

Д. Чернышенко также акцентировал внимание на мерах Правительства по стабилизации и развитию экономики в условиях санкций, которыми могут воспользоваться представители туристической индустрии и граждане. Это нулевая ставка НДС, дополнительные средства на компенсацию льготной процентной ставки и создание быстровозводимых модульных отелей в регионах. Всего на стабилизацию и развитие экономики туризма дополнительно направлено более 22 млрд руб.

С. Суханов, генеральный директор корпорации «Туризм.РФ» сообщил о формировании первого портфеля из 53 инвестпроектов в 27 регионах. Их реализация уже началась, и до 2030 г. они обеспечат 20 тыс. гостиничных номеров и увеличение турпотока на 10 млн туристов. Приток инвестиций в туризм от этих проектов составит 400 млрд рублей. Он также рассказал о разработанных за 2021 г. трех мастер-планах.

По программе детского туристического кешбэка, запущенной по поручению Президента, в 2021 г. отдохнуло свыше 400 тыс. детей. Ожидается, что в 2022 г. ею смогут воспользоваться не менее 450 тыс. ребят.

Чартерными рейсами в 2021 г. воспользовалось более 26 тыс. человек. В 2022 г. отправиться в путешествие на субсидируемых правительством рейсах смогут не менее 30 тыс. граждан⁶.

Однако турбизнес неоднозначно отреагировал на презентацию. Можно понять желание авторов и исполнителей нацпроекта показать, что выделенные колоссальные средства работают. Однако в самой отрасли с позитивной оценкой ситуации категорически не согласны. Многие не верят цифрам из презентации и считают, что наверх поступает искаженная информация. Кроме того, данные из презентации не стыкуются с другими цифрами, озвученными самими

¹ Минвостокразвития и Ростуризм готовят для Арктики перечень мер по развитию туризма // PortNews. 2020. – 23.03. – https://portnews.ru/top_news/print/293268/

² Доля валовой добавленной стоимости туристической индустрии в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации (в основных текущих ценах, %) / Росстат. 2022. – 11.03. – [vds_ti-okved2_vpr](https://rosstat.gov.ru/vds_ti-okved2_vpr)

³ Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма – 2021. – https://topuch.ru/byulletene-rosstata-k-vsemirnomu-dnyu-turizma-2021/index.html#%D0%92%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0_%D0%B2_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D1%83_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_2018-2020_%D0%B3%D0%B3

⁴ Гайва Е. Ростуризм объявил о старте нового этапа туристического кешбэка // Российская газета. – М., 2021. – 13.12. – <https://rg.ru/2021/12/13/rosturizm-obiavil-o-starte-novogo-etapa-turisticheskogo-keshbeka.html>

⁵ Отсутствие иностранных туристов помешало РФ полностью восстановить туротрасль в 2021 году // Интерфакс. – М., 2021. – 27.12. – <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/84295/>

⁶ Большинство показателей нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства» по итогам одного года были перевыполнены // АК&М. 2022. – 17.05. – https://www.akm.ru/press/bolshinstvo_pokazateley_natsproekta_turizm_i_industriya_gostepriimstva_po_itogam_odnogo_goda_byli_pe/

чиновниками. Эксперты отрасли приходят к выводу, что, во-первых, методика оценки туристического потока не соответствует реальности; во-вторых, что после 24 февраля многое изменилось, поэтому нельзя ориентироваться на цели, сформулированные в 2021 г. Нужно определять новые, четко расставив приоритеты. Если государство хочет развивать туризм как элемент сферы социального обеспечения, оно должно взять на себя все финансовое бремя по строительству гостиниц и созданию доступного по цене турпродукта¹.

¹ Основной турпоток в России генерируют чиновники, причем на бумаге // Крыша ТурДома. 2022. – 18.05. – <https://www.tourdom.ru/hotline/obzory-i-analitika/osnovnoy-turpotok-v-rossii-generiruyut-chinovniki-prichem-na-bumage/>

Иванов В.А.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ АГРАРНОГО СЕКТОРА РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА¹

Ключевые слова: стратегия развития, аграрный сектор, тенденции, проблемы и риски развития, SWOT анализ, целевые ориентиры, приоритеты и механизмы реализации стратегии, Европейский Север.

Keywords: development strategy, agricultural sector, trends, problems and risks of development, SWOT analysis, targets, priorities and mechanisms of strategy implementation, European North.

Анализ сложившейся ситуации в аграрном секторе Европейского Севера² России показал наличие многочисленных проблем. Связано это во многом с решением текущих отраслевых задач в ущерб долгосрочному стратегическому управлению развитием сельского хозяйства. Стратегическое планирование является наиболее современным и эффективным новшеством в решении социально-экономических проблем аграрного сектора и села.

Наша страна имеет 100-летний опыт подготовки комплексного стратегического планирования, разработок долгосрочных планов развития экономики страны и уникальный опыт их реализации в практической деятельности. Первый в мире стратегический план — Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО). План ГОЭЛРО был рассчитан на 10 и 15 лет с четким указанием сроков выполнения конкретных работ. Плановые показатели были успешно выполнены и перевыполнены.

В России при переходе к рыночным отношениям практически отказались от накопленного десятилетиями опыта планирования, который был признан положительным во многих странах. Даже сам термин народно-хозяйственное планирование не использовался в научных дискуссиях. Запрет на его применение снял принятый в 2014 г. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

В странах Северной Америки и Западной Европы долгосрочное планирование и прогнозирование аграрной сферы получило широкое развитие. При прогнозировании используется множество методов, включая методы экономико-математического моделирования. В США стратегические планы развития сельского хозяйства разрабатывает Министерство сельского хозяйства. В аграрной стратегии США в XXI в. главными целями развития сельского хозяйства определены наращивание качественных продуктов питания; развитие семейного фермерского хозяйства; повышение уровня и качества жизни сельского населения³.

В последнее время стали появляться публикации, посвященные необходимости подготовки стратегий как основы устойчивого социально-экономического развития АПК. Особо следует выделить научные работы академика И.Г. Ушачева и коллектива ученых СибНИИЭСХ СФНЦА РАН⁴.

Процесс разработки Стратегии развития аграрного сектора включает несколько последовательных этапов: Оценка потенциала, тенденций, проблем и рисков развития → SWOT анализ → Формирование стратегической цели → Долгосрочный прогноз результатов → Обоснование приоритетных направлений стратегического развития → Разработка механизма реализации Стратегии.

Анализ тенденций развития сельского хозяйства

В развитии аграрной отрасли Европейского Севера наиболее благоприятными были 1960–1980-е гг. Приведенный анализ динамики показателей эффективности сельскохозяйственного производства почти за 30-летний период с помощью регрессивных уравнений показал, что среднегодовые темпы роста валовой продукции на душу населения колебались от 1,5% в Коми АССР до 4,7% в Мурманской области, на 100 га сельхозугодий – от 3,9% в Архангельской области до 6,4% в Карелии и 7,1% в Мурманской области, производительности труда в общественном секторе – от 2,5% в Мурманской области до 5% в Архангельской области и 6,4% в Карельской АССР. Причем эти показатели за

¹ Работа выполнена по теме НИР «Устойчивое ресурсопользование северного региона: факторы и модели» (№ государственного учета 121021800128-8).

² Европейский Север России рассматривается в составе республик Карелия, Коми, Архангельской, Мурманской обл. и Ненецкого АО.

³ Черняков Б.А. Американское фермерство: XXI век. – М.: Худ. лит., 2002. – 399 с.

⁴ Ушачев И. Основные направления Стратегии устойчивого социально-экономического развития АПК России // АПК: экономика, управление. 2017. – № 6. – С. 4–13; Стратегия социально-экономического развития АПК Сибирского федерального округа до 2035 года: региональный аспект монография / П.А. Першукевич, Н.И. Кашеваров (и др.); под ред. П.М. Першукевича, Л.В. Тю / СибНИИЭСХ СФНЦА РАН. – Новосибирск; 2019. – 108 с.

исключением производительности труда в Мурманской области и Коми АССР, были выше чем в Северо-Западном экономическом районе.

В целом по региону Европейского Севера производство мяса в 1986–1990 гг. по сравнению с 1971–1975 г. возросло в 1,9 раза, яиц – в 1,7 раза. Среди субъектов наиболее высокие темпы роста мяса наблюдались в Мурманской области и Коми республике, молока – в Мурманской области, яиц – в Мурманской, Архангельской областях и в Коми (табл. 1). Нарастивание объемов производства мяса и яиц было достигнуто за счет развития птицеводства и свиноводства на индустриальной основе.

Таблица 1

Среднегодовое производство продукции животноводства во всех категориях хозяйств в регионах Европейского Севера, тыс. т

Регион	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.	1986–1990 гг.	1986–1990 гг. к 1971–1975 гг., %
Мясо скота и птицы в убойном весе					
Карельская АССР	14,9	17,5	20,7	23,8	159,7
Коми АССР	19,3	24,7	30,3	308,6	200,0
Архангельская обл.	36,2	40,2	48,4	60,6	167,4
В том числе Ненецкий АО	2,7	3,3	3,7	4,2	155,6
Мурманская обл.	5,3	8,1	14,4	24,1	454,7
Молоко					
Карельская АССР	136,3	147,0	155,9	166,2	121,9
Коми АССР	197,1	213,2	207,8	217,5	110,2
Архангельская обл.	388,3	372,2	360,7	392,5	101,1
В том числе Ненецкий АО	9,6	10,1	9,9	11,9	124,0
Мурманская обл.	38,6	48,0	57,3	76,7	198,7
Яйцо, млн. шт.					
Карельская АССР	137,5	225,0	244,0	257,3	187,1
Коми АССР	122,8	200,9	285,3	356,3	290,1
Архангельская обл.	138,4	310,3	434,7	485,2	350,6
Мурманская обл.	78,7	167,5	243,0	306,0	388,8

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели за соответствующие годы: стат. сб. / Росстат.

Рост производства продукции животноводства положительно повлиял на выпуск мяса и масла сливочного предприятиями перерабатывающей промышленности. В целом по Европейскому Северу производство мяса в 1990 г. по сравнению с 1970 г. увеличилось в 3, масла – в 1,5 раза. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в Карелии – соответственно в 4 и 2,2 раза.

Важнейшим направлением социальной политики было сближение условий и уровня жизни городского и сельского населения. В сельской местности региона в 1986–1990 гг. в сравнении с 1976–1980 гг. ввод жилых домов и дошкольных учреждений увеличился в 1,4 раза.

Аграрная политика, предшествовавшая современным рыночным реформам, способствовала улучшению продовольственного самообеспечения населения. В 1990 г. на Европейской Севере доля собственного потребления картофеля составила 59,6%, овощей – 10,1, мяса – 42,7, молока – 48,8, яйца – 98,2%.

Рыночная трансформация аграрной экономики сопровождалась сокращением производства продукции, особенно животноводства, сконцентрированного в сельхозорганизациях (рис. 1). За 1990–2020 гг. на Европейском Севере производство мяса сократилось – в 4,4 раза, молока – 3,1, яиц – в 7, картофеля – в 2,3 раза, овощей – на 13%.

В связи с сокращением производства продукции снижается вклад Европейского Севера в продовольственное обеспечение страны (рис. 2).

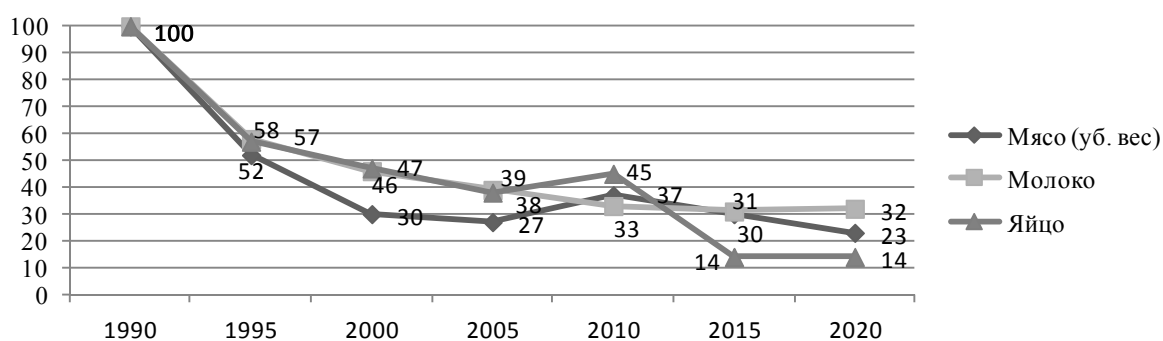
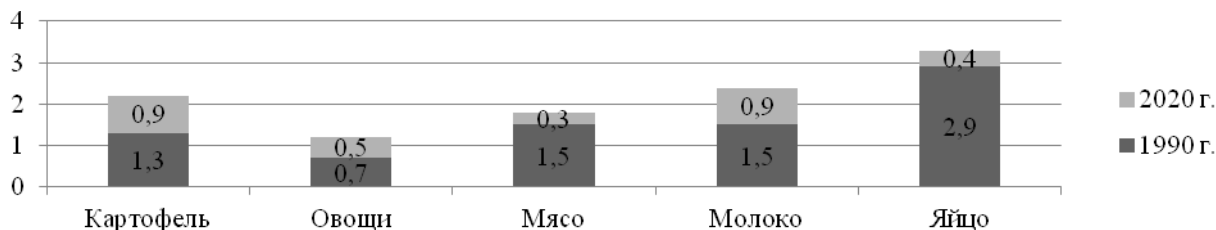

Рисунок 1.
Динамика производства продукции животноводства во всех категориях хозяйств Европейского Севера за 1990–2020 гг. (1990=100)

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели за соответствующие годы: стат. сб. / Росстат.

Рисунок 2.
Доля производства продукции на Европейском Севере в общем производстве продукции сельского хозяйства России, %

Проблемы и риски развития сельского хозяйства

К ключевым проблемам и рискам сельского хозяйства, обусловленным как внешними, так и внутренними условиями, относятся:

- влияние неблагоприятных внешних условий (санкции, рост инфляции, пандемия COVID-19);
- сохранение диспаритета цен на сельхозпродукцию и промышленную продукцию, рост цен на энергоносители;
- технико-технологическое отставание агропромышленного производства из-за инвестиционной недостаточности, что препятствует использованию инновационных проектов;
- низкие темпы обновления основных процессов, резкое уменьшение объемов мелиоративных работ, внесения органических и минеральных удобрений, что привело к снижению плодородия почвы;
- дефицит и низкий профессиональный уровень кадров;
- недостаточный уровень и неэффективные механизмы финансовой поддержки, недоступность льготного кредита;
- низкая инвестиционная привлекательность и эффективность инвестиций;
- ограниченный доступ субъектов аграрной экономики к рынкам продукции, материально-техническим, финансовым ресурсам и к информационно-консультационным услугам;
- неустойчивый сбыт продукции сельского хозяйства, вытеснение монополизированными торговыми сетями местных производителей с продовольственных рынков;
- неразвитость и деградация объектов сельской инфраструктуры, способствующие усилению миграции населения;
- низкий уровень и качество жизни тружеников аграрной отрасли, что приводит к оттоку квалифицированных кадров;
- риск уменьшения трудового потенциала, связанного с сокращением численности и со старением сельского населения. Сохранение данной тенденции в перспективе станет фактором, ограничивающим развитие аграрного сектора и других отраслей сельской экономики;
- неравномерное развитие сельских муниципальных районов, приведшее к значительному разрыву в показателях производства продукции, производительности труда, уровня доходов населения. С целью недопущения усиления резких колебаний потребуется дифференциация инструментов и механизмов развития;
- риски высокой концентрации производства в крупных аграрных предприятиях в городских и пригородных зонах, что связано с невозможностью производить органическую продукцию, с появлением негативных эффектов воздействия на окружающую среду и на здоровье потребителей продовольствия.

Несмотря на то, что ситуация в оленеводстве Европейского Севера по сравнению с другими северными и арктическими регионами выглядит стабильной, в отрасли накопилось немало проблем. Отметим основные из них: отсутствие специального закона РФ об оленеводстве; неотрегулированность межрегиональных связей на Евро-Северо-Востоке в области совместного использования пастбищ и их контроля, существенное сокращение господдержки отрасли из федерального бюджета; неоптимальная структура животных; тяжелые условия труда и быта, низкая оценка труда оленеводов; дефицит зоотехнических и ветеринарных специалистов. Существуют проблемы у оленеводческих хозяйств с налоговыми службами по срокам уплаты налогов. Эти сроки не согласуются с полученной выручкой от реализации продукции, поступающей один раз в конце года после забоя оленей.

Стратегический анализ

Разработка Стратегии предполагает выявленные сильные и слабые стороны, возможностей и ограничений развития сельского хозяйства.

В качестве благоприятных условий и конкурентных возможностей отрасли отметим следующие:

Агроприродный потенциал южных и центральных районов Европейского Севера обеспечивает эффективное производство картофеля, овощей местного ассортимента, кормов. Регион располагает хорошими возможностями для производства органической продукции.

Для развития молочно-мясного скотоводства и оленеводства имеются достаточные кормовые угодья. В составе сельхозугодий преобладают естественные сенокосы и пастбища. Особую народнохозяйственную ценность представляют крупные массивы пойменных лугов на Европейском Северо-Востоке. Только в Коми потенциальная возмож-

ность сбора кормов с которых 150 тыс. т корм. ед. Успешно развивать оленеводство позволяет наличие пастбищ в тундре и лесотундре.

Почти круглосуточное естественное освещение в субарктической зоне и достаточная увлажнённость в период вегетации обеспечивают быстрый рост и способность растений в короткое время накапливать большой запас органических веществ. Благодаря долгому световому дню, травы здесь растут с повышенной интенсивностью.

Продукция традиционных отраслей (олeneводства, рыболовства, охотничьих промыслов, сбор дикорастущих грибов и ягод) конкурентоспособна не только на региональном, но и на национальном и международном рынках. Помимо мяса оленей и продуктов его переработки огромным спросом за рубежом, прежде всего в странах Азии, пользуются панты, эндокринно-ферментное сырьё и кровь оленей.

В качестве предпосылки для технико-технологического и социально-экономического развития аграрной сферы выступает индустриальный характер экономики, позволяющий направлять значительные финансовые ресурсы для модернизации отрасли и комплексного развития сельских территорий. В Европейском Севере достаточно развита аграрная наука.

Сдерживающими факторами развития растениеводства является неблагоприятные природные условия – климат, качество почв, мелкоконтурность сельхозугодий, длина вегетационного периода. Жесткие природные условия для развития земледелия дополняются рядом неблагоприятных социально-экономических факторов.

Цели и сценарный прогноз результатов долгосрочного развития

Основными стратегическими целями социально-экономического развития сельского хозяйства регионов Европейского Севера являются:

- обеспечение высоких и устойчивых темпов роста производства биологически полноценной аграрной продукции;
- повышение самообеспечения населения картофелем, овощами, молочными, мясными и рыбными продуктами и яйцом;
- существенное улучшение условий и рост уровня жизни работников сельского хозяйства.

В качестве долгосрочного прогноза развития аграрного и продовольственного обеспечения населения местными продуктами питания выбраны два сценария: инерционный и оптимистический. Инерционный сценарий предполагает, что внешние условия остаются неизменными, сохранится диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, инвестиционная недостаточность, низкая инновационная активность, ограниченная бюджетная поддержка, недоступность льготных кредитов, ухудшение демографической ситуации на селе, отток квалифицированных кадров из отрасли, недостаточное внимание к социальному развитию сельских территорий.

Оптимистический сценарий предусматривает повышение инновационной активности аграрных структур, значительный рост инвестиций в основной капитал, улучшение использования сельскохозяйственных угодий и повышение их плодородия, развитие аграрной науки, высшего и среднего специального образования, привлечение молодых высококвалифицированных кадров в северное и арктическое агропромышленное хозяйство, усиление государственной поддержки, устойчивое развитие сельских территорий, обеспечивающих повышение занятости и уровня жизни населения. Реализация данного сценария позволит обеспечить высокие темпы роста аграрной продукции, увеличить самообеспечение продуктами питания, приблизить уровень и качество жизни крестьян к городским показателям.

Ожидаемые результаты реализации сценариев на 2035 г. охарактеризованы в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Прогноз производства сельскохозяйственной продукции на 2035 г. при разных сценариях развития по регионам Европейского Севера (все категории хозяйств), тыс. т

Регион	Картофель		Овощи		Молоко		Мясо (уб. вес)		Яйцо, млн. шт.	
	инерционный	оптимистический	инерционный	оптимистический	инерционный	оптимистический	инерционный	оптимистический	инерционный	оптимистический
Республика Карелия	48	62	12	30	65	91	6	14	10	85
Республика Коми	85	120	22	36	58	74	24	36	121	148
Архангельская обл.	106	141	20	42	126	155	7	16	60	14
Мурманская обл.	5	8	1	4	23	36	2	6	6	82
Ненецкий АО	1	1,5	0,1	0,2	4	6	1,5	2,1	0,1	0,2
Европейский Север	245	332,5	55,1	112,2	276	362	40,5	74,1	197,1	429,2

Показатели прогноза уровня самообеспечения населения Европейского Севера продуктами питания в 2035 г. по отношению к рациональным нормам потребления, %

Регион	Картофель		Овощи		Молоко		Мясо и мясопродукты		Яйцо	
	инерционный	оптимистический	инерционный	оптимистический	инерционный	оптимистический	инерционный	оптимистический	инерционный	оптимистический
Республика Карелия	63	82	15	37	33	46	15	36	6	55
Республика Коми	89	118	22	36	23	30	49	73	62	76
Архангельская обл.	76	102	14	29	35	43	10	22	21	40
Мурманская обл.	6	9	1	4	10	16	4	13	3	45
Ненецкий АО	16	24	2	3	24	37	46	65	1	2
Европейский Север	62	84	13	27	27	35	20	36	24	53

Основное производство растениеводческой продукции будет сосредоточено в южных и центральных районах республик Карелии, Коми и Архангельской области. Здесь агроклиматические ресурсы позволяют получать при использовании современных технологий урожайность картофеля 200–300 ц/га, овощей – 300–400 ц/га, зерновых (в южных районах) – 20–30 ц/га, сена многолетних трав – 40–50 ц/га.

Наращивание производства молока будет осуществляться на интенсивной основе. Продуктивность молочного скота возрастает до 5500–6000 кг молока на корову. Производство мяса будет расти за счет развития мясного скотоводства и оленеводства.

Стратегические приоритеты развития

Ключевым стратегическим приоритетом развития является использование селекционно-генетических, технико-технологических, организационно-экономических и социально-экономических инноваций, формирующих в агропродовольственном секторе пятый и шестой технологические уклады.

Активизацию инновационных процессов следует осуществлять по следующим направлениям. В растениеводстве инновационные процессы будут направлены на создание новых высокопродуктивных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, приспособленных к условиям Севера, основание научно обоснованных систем земледелия, семеноводства, использование комплексной механизации и автоматизации производственных процессов. Инновационная политика в области животноводства связана с созданием и использованием новых пород животных и кроссов птиц, широким применением автоматизации и компьютеризации, робототехники, новых ресурсоперебатывающих технологий.

Потребуется строительство молочных комплексов, птицефабрик, тепличных комбинатов, картофеле-овощехранилищ с регулируемым микроклиматом, цехов по переработке молока, мяса, рыбы и дикорастущего сырья (грибов, ягод), создание семейных животноводческих ферм с учетом использования новых технологий. В сельских районах с хорошей транспортной доступностью целесообразно строить молочные комплексы на 400 коров, а в небольших сельских поселениях молочные фермы с уровнем концентрации поголовья коров на 100–200 гол. с высоким уровнем продуктивности (5–5,5 тыс. кг), отвечающие принципам производства органической продукции, где применяются современные высокоэффективные средства механизации и автоматизации для выполнения технологических процессов. Там же возможна переработка части молока на сливочное масло и сыр.

Оптимистический сценарий, основанный на инновационном пути развития, потребует увеличения среднегодовых темпов инвестиций на уровне 4–6% и их финансовое обеспечение. В качестве основных финансовых источников инвестиций могут выступать собственные средства аграрных хозяйствующих субъектов, льготные (по ставке 2–3%) инвестиционные кредиты, субсидии на приобретение современной техники и высокопроизводительного оборудования, возмещение затрат на строительство и реконструкцию производственных объектов, прямые государственные инвестиции, финансовые ресурсы природноресурсных предприятий.

Одним из стратегических направлений является рациональное внутрирегиональное размещение и специализация сельского хозяйства, увязанные с развитием переработки сельскохозяйственного сырья. Приоритетом должно стать развитие всех видов кооперации (сельскохозяйственной, потребительской) для средних и малых форм хозяйствования и сельского населения.

Достижение стратегических целей возможно на основе многоукладной аграрной экономики. В предстоящий период в увеличении качественной продукции будут участвовать все типы аграрных структур. Но основными поставщиками наиболее фондоемкой животноводческой продукции останутся сельхозорганизации. Преобладающую долю продукции птицеводства и свиноводства будут производить аграрные предприятия индустриального типа. Производство картофеля и овощей по-прежнему будет сконцентрировано в хозяйствах населения. В среднесрочный период крестьянско-фермерский уклад не сможет занять достойного места в формировании продовольственных ресурсов.

Малые формы хозяйствования следует рассматривать не как альтернативные крупному и среднему аграрному производству, а как дополняющие, позволяющие более полно раскрыть потенциальные возможности сельского хозяйства.

Важнейшим стратегическим направлением достижения намеченных результатов является преодоление сельской бедности. На Европейском Севере в 2019 г. самый высокий показатель у селян наблюдался в Архангельской обл. (38,7%), за ней следует Карелия (31,1%), Коми (28,1%) и Ненецкий АО (23,3%). Среди северных и арктических субъектов наиболее низкий уровень сельской бедности в Мурманской области – 4,1%. Доля малоимущих в сельской местности субъектов региона (за исключением Мурманской области) в 2,4-6,9 раза больше аналогичного показателя для городских жителей. Основные причины сельской бедности связаны с низкой оплатой труда и низкими доходами, снижением занятости и ростом безработицы, с отсутствием альтернативных видов деятельности, недостаточными государственными расходами на сельское хозяйство и сельскую инфраструктуру, сельское и промышленное хозяйство не является приоритетом в отличие от топливно-сырьевого сектора, ориентированного на экспорт.

Важнейшими направлениями сокращения бедности на сельских территориях являются рост заработной платы, развитие малых форм хозяйствования, диверсификация сельской экономики.

Достижение намеченных целей потребует совершенствования механизмов и инструментов развития сельского хозяйства. К ним следует отнести:

- стабильный рост бюджетной поддержки госпрограмм развития аграрного сектора и сельских территорий;
- перераспределение субсидий в пользу малых и средних аграрных структур, хозяйств населения. Для инновационного развития аграрного производства удаленных сельских территорий потребуется увеличить бюджетные субсидии как на прямую финансовую поддержку, так и на технико-технологическое перевооружение;
- поддержка инвестиционной деятельности путем увеличения прямых государственных инвестиций и расширения доступа к льготному кредитованию;
- использование государственными органами индикативного планирования объемов производства и закупок продукции. Сельхозтоваропроизводители с учетом доведенных показателей самостоятельно формируют свои производственные программы;
- ликвидация ножниц цен на сельскохозяйственную продукцию, покупные средства производства и оказываемые услуги. В этой связи потребуется государственное регулирование цен на материальные ресурсы и тарифов на электроэнергию, которые для сельхозпроизводителей значительно выше, чем в промышленности;
- снижение налоговой нагрузки на аграрные субъекты хозяйствования;
- ликвидация монополии заготовительных, посреднических и перерабатывающих структур путем перевода на кооперативную основу цикла производства, переработки и реализации продукции;
- стимулирование внутреннего спроса на сельхозпродукцию посредством совершенствования контрактной системы, обеспечивающей приоритет при закупках продукции в региональные и муниципальные фонды местной продукции, используемой для обеспечения населения биологически полноценными продуктами питания, бесплатного питания детей и школьников и отоваривания продовольственных талонов малоимущим.

В качестве источника финансового обеспечения сельского хозяйства могут выступать средства природоресурсных предприятий. Их прибыль, направленную на производство аграрной продукции, необходимо освободить от налогов.

Козай Е.А.

д. филос. н., профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОРТРЕТЕ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Ключевые слова: *человеческий потенциал, фактор регионального развития, регионы Центрального Черноземья, социальное самочувствие, формы потенциала.*

Keywords: *human potential, factor of regional development, Central Black Earth Region, social well-being, forms of potential.*

На рубеже столетий в научно-исследовательской литературе все чаще становится центром внимания понятие «человеческого потенциала», причем не только в разрезе отдельно взятой страны, но и отдельно взятого региона. Мы полагаем, что все более усиливающееся внимание к человеческому потенциалу является свидетельством весомых парадигмальных трансформаций в понимании развития человека, при которых происходит смещение акцента с «уровня жизни» на «качество жизни». Ведь именно повышение качества жизни влечет за собой подъем качества человеческого потенциала, который, в свою очередь, оказывает весомое влияние на социально-экономическое развитие. Тем самым человеческий потенциал предстает как совокупность основных способностей и потребностей индивида, а также возможностей и готовности их реализации. И в зависимости от того, на каком уровне развития и реализации находятся эти способности и возможности, продуктивность жизнедеятельности социальной системы либо повышается, либо снижается¹. Качественные характеристики человеческого потенциала интегрируют возможности людей осуществлять взаимодействие друг с другом, с социальными институтами и проявляют их степень свободы.

В последние годы весомое внимание уделяется исследованиям регионального человеческого потенциала, ведь наряду с природно-ресурсным, научно-техническим, инновационным и другими потенциалами человеческий потенциал региона становится ключевым фактором регионального социально-экономического развития.

Вслед за исследователем С.Н. Жураховским акцентируем внимание на том, что в период спада развития экономики на первый план выходят такие компоненты, или формы потенциала, как демографический, ценностный и психофизический, а в момент ее подъема ведущее значение отводится потенциалу инновационно-интеллектуальному и профессионально-квалификационному². Инновационно-интеллектуальная компонента человеческого потенциала указывает на возможности и способности к генерации новых знаний, на стремление к воплощению идей в инновационных продуктах, а также на эффективное использование, практическое применение знаний. Соответственно данная компонента может рассматриваться в качестве драйвера регионального социально-экономического и территориально-пространственного развития. Именно благодаря ей может быть достигнут временный или пролонгированный позитивный эффект для регионального сообщества. К сожалению, как справедливо отмечает Н.И. Лапин, на сегодняшний день фиксируется «низкий инновационный уровень развития экономики, как и ничтожность инвестиций в это развитие»³. Тем самым о весомой роли инновационно-интеллектуальной компоненты человеческого потенциала говорить не приходится.

Особенности проявления структурных компонент человеческого потенциала, а также специфика взаимосвязей между ними являются факторами, оказывающими существенное влияние как на разработку, так и на реализацию региональной политики, нацеленной на развитие, наращивание и повышение качества человеческого потенциала региона. Мониторинговое отслеживание динамики развития составляющих регионального человеческого потенциала представляется важным с позиции определения приоритетов развития.

Воссоздадим некоторые контуры человеческого потенциала и перспективные ожидания жителей ряда регионов Центрального Черноземья, опираясь на проведенные в 2018–2020 гг. социологические исследования в рамках проекта РФФИ «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

Так, в мае-июне 2018 года в Курской области было проведено полевое социологическое исследование (N=550), связанное с проблемами социального самочувствия и видением перспектив ближайшего развития жителями региона. В ходе этого исследования населению областного центра было предложено по 5-балльной шкале дать оценку важности развития конкретных компонентов человеческого потенциала в регионе. Полученные результаты показали, что на

¹ Еремина Е.В. Значение человеческого потенциала в развитии региона // Современные исследования социальных проблем. 2012. – № 5 (13). – <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-chelovecheskogo-potentsiala-v-razvitii-regiona/viewer>

² Жураховский С.Н. Эволюция развития человеческого потенциала и концепция потребностей человека // Вестник МГОУ. 2013. – № 4. – С. 5. – www.evestnik-mgou.ru

³ Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. – М.: Весь мир, 2021. – С. 264.

первое место вышел трудовой потенциал (трудовые способности жителей региона) – 4,1 балла из 5. Это обусловлено тем, что благодаря применению своих навыков и способностей перед людьми открываются возможности обеспечения себя доходом для удовлетворения потребностей, а также пути для самореализации, развития и роста. В целом, занятость является одним из важнейших факторов развития региона, поскольку в ней и отражается степень включенности граждан в процесс общественного производства благ и услуг, которые используются другими жителями, и от которых во многом зависит их общее самочувствие.

Столь же высоко (4.1 балл) был оценен интеллектуальный потенциал – накопленные знания, навыки и умение применить их на практике. Очевидно, что для жителей региона интеллектуальный ресурс оценивается как важная составляющая трудового потенциала, а также потенциала регионального развития в целом. Затем идет инновационный потенциал (способность региона создавать новые продукты, услуги, разрабатывать и применять на практике новые технологические процессы) – 3,8 балла. Далее следуют научно-исследовательский (научно-исследовательские ресурсы, знания, научные и образовательные центры) и творческий (творческие способности и качества индивидов, которые можно применить на рынке труда региона) потенциалы – по 3,7 балла. И с небольшим отставанием далее идет инвестиционный потенциал (способность осуществлять инвестиции в конкурентоспособные сферы развития региона) – 3,6 балла. Как видим, оценка составляющих является достаточно однородной, что свидетельствует о довольно отчетливом понимании жителями региона весомости каждого из обозначенных в исследовании компонентов человеческого потенциала.

Вернемся теперь к нашей позиции о компонентах человеческого потенциала и на основании проведенных в сентябре-октябре 2020 года полевых исследований в Воронежской, Курской и Липецкой областях (N=1200) и последовательно обратимся к таким компонентам, как *психофизический, ценностный и демографический потенциалы*.

Первый – психофизический потенциал – следует понимать как совокупность тех свойств и возможностей человеческого организма, которые человек может применить для достижения своих целей в определенных средовых условиях. Данный потенциал, на наш взгляд, максимально может быть проявлен через *социальное самочувствие*. Обратимся к ряду показателей социального самочувствия жителей Центрального Черноземья, которые были проявлены в ходе проведения социологических исследований. В частности, имеет смысл обратиться к вопросу об *удовлетворенности жизнью* жителей регионов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов об удовлетворенности жизнью в регионе (2020 г.)

Варианты ответов	Курская область	Воронежская область	Липецкая область	Центральное Черноземье
Полностью удовлетворены	11,3	14,0	11,3	12,2
Скорее удовлетворены	45,3	47,0	43,5	45,3
Затруднились сказать точно	19,5	17,8	19,5	18,9
Не очень удовлетворены	21,3	17,0	21,3	19,8
Совсем не удовлетворены	2,8	2,5	2,3	2,5
Отказ от ответа	0	1,8	2,3	1,3

Представленная таблица свидетельствует о том, что более 60% респондентов выражают удовлетворенность жизнью в целом (сумма ответов «Полностью удовлетворены» и «Скорее удовлетворены»), при этом наиболее благоприятна ситуация в Воронежской области (61%), несколько хуже она в Курской (56,6%) и Липецкой (54,8%) областях.

Важной составляющей социального самочувствия является также *уверенность в будущем*. Распределение ответов представлено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов об уверенности в будущем населения региона (2020 г.)

Варианты ответов	Курская область	Воронежская область	Липецкая область	Центральное Черноземье
Вполне уверены	11,5	14,0	17,5	14,3
Скорее уверены, чем нет	26,8	32,0	23,5	27,4
Не могут сказать точно	36,0	28,8	28,8	31,2
Скорее не уверены, чем уверены	16,8	16,5	20,5	17,9
Совершенно не уверены	8,3	7,8	8,3	8,1
Отказ от ответа	0,8	1,0	1,5	1,1

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что немногим более 40% респондентов (сумма ответов «Вполне уверены» и «Скорее уверены, чем нет» – 41,7%) макрорегиона указывают на то, что они уверены в будущем. При этом каждый третий затрудняется с ответом. Наибольшую уверенность в будущем демонстрируют жители Воронежской области (46%), наименьшую – Курской области (38,3%).

Степень защищенности от опасностей также является весомым показателем социального самочувствия населения региона. В исследовании 2020 г. жители регионов Центрального Черноземья в наибольшей мере проявили ощущение незащищенности от таких опасностей, как бедность (53%), экологическая угроза (46,7%), произвол чиновников (44,7%), преступность (39,4%), произвол правоохранительных органов (33,6%), а также одиночество и заброшенность (32,9%). Отметим, что в полевых исследованиях, проводимых в 2018 году и ранее, экологическая угроза обычно замыкала пятерку ведущих опасностей. На этот же раз она вышла на второе место во всех регионах ЦЧ, где были проведены полевые исследования.

Тем самым можно сделать вывод о том, что психофизический потенциал жителей Центрального Черноземья, рассматриваемый в качестве составляющей человеческого потенциала, является амбивалентным и демонстрирует наличие напряженности в оценке ближайшего будущего и защищенности от опасностей и угроз.

Обратимся к *ценностному измерению* человеческого потенциала, исходя из данных, полученных в полевом исследовании. Заметим при этом, что спектр ценностных предпочтений, разделяемых территориальными сообществами в тот или иной период времени, является весомым показателем социокультурных процессов в регионах. Данные предпочтения, вслед Н.И. Лапиным, мы последовательно представим на четырех уровнях – интегрирующее ядро (ценности, разделяемые в полной мере), интегрирующий резерв (ценности, располагаемые вблизи ядра, но не входящие в него), оппонирующий дифференциал (ценности, разделяемые меньшинством), наконец, конфликтогенная периферия (ценности, отвергаемые территориальным сообществом)¹. В проведенном нами исследовании *интегрирующее ядро* макрорегиона заполнили ценности *жизни, порядка, общительности, семьи, благополучия, независимости и свободы*; в *интегрирующий резерв* попали ценности традиции (заметим, что в Воронежской области эта ценность разместилась в интегрирующем ядре), а также работы, инициативности, нравственности, жертвенности. Что же касается *оппонирующего дифференциала*, то на уровне макрорегиона он оказался незаполненным (Воронежская область здесь также несколько отличается, здесь жители разместили ценности нравственности и жертвенности), а в *конфликтогенной периферии* (заметим, традиционно) указаны ценности *властности и своевольности*. Если посмотреть в целом, то на уровне макрорегиона мы можем зафиксировать доминанту современных ценностей и одновременно определенное ослабление ценностей традиционного плана, что в определенной степени отражает общероссийский тренд, связанный с формированием тенденции снижения роли традиционных ценностей и усиления ценностей современных.

Обратимся к вопросу о демографическом потенциале. Важно отметить, что на протяжении двух последних десятилетий в отдельных областях Центрального Черноземья, за исключением Белгородской области, депопуляция оказывается серьезным демографическим «вызовом» развитию макрорегиона. И хотя в 2014–2016 гг. в Воронежской и Курской областях фиксировался некоторый рост численности населения, однако в последние годы тенденция к депопуляции населения возобновилась, охватив при этом и Белгородскую область. В таких условиях в настоящее время проблема сокращения численности населения имеет общий характер для регионов Центрального Черноземья, что создает весомые угрозы для воспроизводства трудового потенциала макрорегиона. И одной из причин такой демографической ситуации в макрорегионе является низкая рождаемость. Как свидетельствуют результаты проведенного нами полевого исследования 2020 г., подавляющее большинство населения макрорегиона отмечает низкий уровень рождаемости в регионах Центрального Черноземья, а также препятствия его росту. Заметим, что в Воронежской области о наличии тех или иных препятствий рождаемости заявили 97,2% респондентов, в Курской области – 96,4%, в Липецкой областях 97,1%. Тем самым можно утверждать, что в региональном общественном мнении довольно выразительно проявляется острота проблемы депопуляции населения.

Что же является препятствиями рождаемости? Обратимся к распределению ответов, представленных в табл. 3.

Таблица 3

Распределение ответов о препятствиях рождаемости в регионе (2020 г.)*

Варианты ответов	Курская область	Воронежская область	Липецкая область	Центральное Черноземье
Многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	38,3	37,3	32,8	36,1
Государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми	11,6	18,3	17,3	15,7
Плохие жилищные условия	33,3	22,1	28,3	27,9
Низкие доходы	68,8	58,8	66,6	64,7
Плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах	3,8	6,6	8,3	6,2
Другое	1,8	1,3	0,3	1,1
Ничто не мешает росту численности населения	6,0	4,3	4,8	5,0
Не знаю/Отказ от ответа	0,3	5,1	4,1	

* Допускалось несколько вариантов ответа.

Как свидетельствуют данные табл. 3, ведущими объективными причинами снижения уровня рождаемости жители макрорегиона считают низкие доходы (особенно в Курской области) и неудовлетворительные жилищные условия. Также в качестве весомой причины сохранения низкого уровня рождаемости в регионах Центрального Черноземья значительной частью их жителей указана субъективная причина, а именно широкая распространенность установки на рождение одного ребенка. Фактически каждый третий респондент указал данную причину: в Воронежской области – 37,2%, в Курской области – 38,2 %, в Липецкой области – 32,8%. Также в ответах проявляется патерналистская установка жителей региона, полагающих, что именно государство должно оказывать материальную поддержку семьям с детьми; данная установка наиболее выразительно проявляется в Воронежской области.

¹ Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. – М., 2010. – № 1. – С. 28–36.

Как уже отмечалось ранее, в период подъема экономики весомое значение приобретает инновационно-интеллектуальный потенциал. Одним из вопросов, который был задан жителям регионов ЦЧ, касался их участия в инновационной деятельности. Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Степень участия жителей ЦЧ создании и/или внедрении чего-либо нового
(новая фирма, продукт, технология, услуга)**

Варианты ответов	Курская область	Воронежская область	Липецкая область	Центральное Черноземье
Участвовал как организатор	1,1%	2,2%	0,5%	1,0%
Участвовал наравне с другими	0,9%	1,9%	1,0%	1,0%
Не участвовал	96,2%	65,4%	81,1%	80,9%
Затрудняюсь ответить	1,7%	9,9%	7,3%	6,7%
Отказ от ответа	0,2%	20,8%	10,3%	10,4%

Данные табл. 4 выразительно показывают весьма скромную вовлеченность жителей макрорегиона в инновационную деятельность. Следует при этом отметить, что снижение вовлеченности в инновационные процессы (и до этого времени невысокой) мы фиксируем в наших исследованиях, проводимых на основе методики «Социокультурный портрет региона», с 2015 года. А региональный разрез, который представлен в табл. 4 объясняется не только реальным вовлечением граждан в инновационную деятельность, но и теми установками, которые были даны интервьюерам при сборе данных в разных регионах (это наглядно проявляется в строке «Отказ от ответа»).

Таким образом, проведенные социологические исследования подтверждают важность развития человеческого потенциала жителей регионов, но при этом его весьма невысокую востребованность. Соответственно перед администрациями регионов Центрального Черноземья, как и России в целом, стоят задачи формирования наиболее благоприятных условий, в которых граждане могли бы в полной мере реализовать этот потенциал в разнообразных сферах жизнедеятельности. Способствовать этому может разработка и претворение в жизнь грамотной региональной стратегии – стратегии, нацеленной на устойчивое саморазвитие территории, опирающейся на природные и людские ресурсы. Это стало бы важным шагом продвижения на пути максимальной реализации, а также плодотворного преумножения человеческого потенциала региональных сообществ.

Колечков Д.В.

к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
Kdb1970@mail.ru

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ¹

Ключевые слова: *строительный комплекс, региональные инвестиции, основные фонды, ресурсный потенциал, жилищное строительство, финансовое состояние, уровень цен.*

Keywords: *construction complex, regional investments, fixed assets, resource potential, housing construction, financial condition, price level.*

Вопросы эффективности жилищного строительства являются ключевыми во многих стратегических программах социально-экономического развития как Российской Федерации, так и её регионов. Успешность строительства жилья во многом определяется благополучием в строительном комплексе в целом. Строительство играет важнейшую роль в воспроизводстве основных фондов, существенно влияет на организационную структуру, пропорциональность и темпы развития хозяйственных структур в экономике. Оно тесно взаимосвязано с промышленным производством, транспортом, жилищно-коммунальным хозяйством, в связи с этим приобретает такие объективные характеристики, как комплексность и системность. Строительный комплекс занимает позицию одного из главных источников развития экономики, обеспечения темпов экономического роста.

В масштабах экономики в целом строительный комплекс выступает стороной предложения в ответ на инвестиционный спрос остальных отраслей. В частности, важной подотраслью строительства является жилищное строительство, которое, несмотря на общую тенденцию роста, в последние годы не может выйти на уровни 2015 г. и, по прогнозам, пока не обеспечивает достижения целей, установленных в указах Президента Российской Федерации², несмотря на то, что является одним из критериев оценки эффективности госуправления в регионах России³. Строительство зданий и сооружений, наряду с машиностроением и транспортной отраслью, относится к числу видов деятельности с наибольшим мультипликативным эффектом с точки зрения влияния на выпуск в остальных видах деятельности и экономике в целом⁴.

Кроме своей непосредственной функции строительство также может рассматриваться как некий канал, по которому капитальные вложения корпораций и государства транслируются не просто в средства производства и инфраструктуру, но и в социально-экономическое положение индивидов⁵. Строительство отдельного региона может выступать одним из критериев успешности его социально-экономического развития. Доказано, что существует прямая зависимость между темпами роста или падения в строительстве и экономикой в целом⁶. Это обуславливает проведение анализа состояния отрасли в рамках научных исследований – молодой и еще находящейся на этапе становления программы научного поиска⁷.

Характеризуя строительную деятельность республики за 2016–2020 гг., следует отметить, что макроэкономическая ситуация в регионе изменилась в худшую сторону. Необходимо отметить, что ряд предшествующих финансово-экономических кризисов, а в дальнейшем стагнация экономики в Республике Коми, как и во всей России, происходило на фоне разрушения инвестиционных процессов. За исследуемые пять лет объём инвестиций в Республике Коми снизился на треть, производство промышленной продукции – на 10%, объём строительных работ – более чем в 2 раза, удельный вес рентабельных предприятий в 2020 г. составил почти 74% и хотя за это время являлся самым высоким, однако в 1991 г. это значение составляло 91%.

¹ Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР ИСЭиЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Реальный сектор экономики северных регионов России: проблемы и перспективы». Регистрационный номер: 122031500421.

² Асаул А.Н., Асаул М.А., Люлин П.Б., Чепаченко Н.В. Тренды жилищного строительства в России и среднесрочный прогноз // Проблемы прогнозирования. – М., 2019. – № 3(174). – С. 111–117.

³ Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы оценки эффективности государственного управления в современной России // Проблемы развития территории. 2017. – № 6 (92). – С. 35–52.

⁴ Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. – Т. 12, № 6. – С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7

⁵ Hooper E., Peters S., Pintus P.A. The impact of infrastructure investments on income inequality: Evidence from US states // Economics of Transition and Institutional Change. 2021. – Vol. 29, N 2. – P. 227–256. doi: <https://doi.org/10.1111/ecot.12266>.

⁶ Силка Д.Н., Ермолаев Е.Е. Методологические аспекты новой модели развития строительного комплекса // Вестник евразийской науки. 2014. – № 1 (20). – С. 30–34.

⁷ Momaya K.S. The Past and the Future of Competitiveness Research: A Review in an Emerging Context of Innovation and EMNEs // International Journal of Global Business and Competitiveness. 2019. – Vol. 14, N 1. – P. 1–10. doi: 10.1007/s42943-019-00002-3.

В результате, негативные тенденции в основных секторах экономики повлияли на общее снижение экономического потенциала республики: реальный объём валового регионального продукта за 2016–2020 гг. уменьшился на 11,4%. Динамика основных макроэкономических показателей, характеризующих строительную и инвестиционную активность за исследуемый период представлена на рис. 1.

в % к 2015 г.

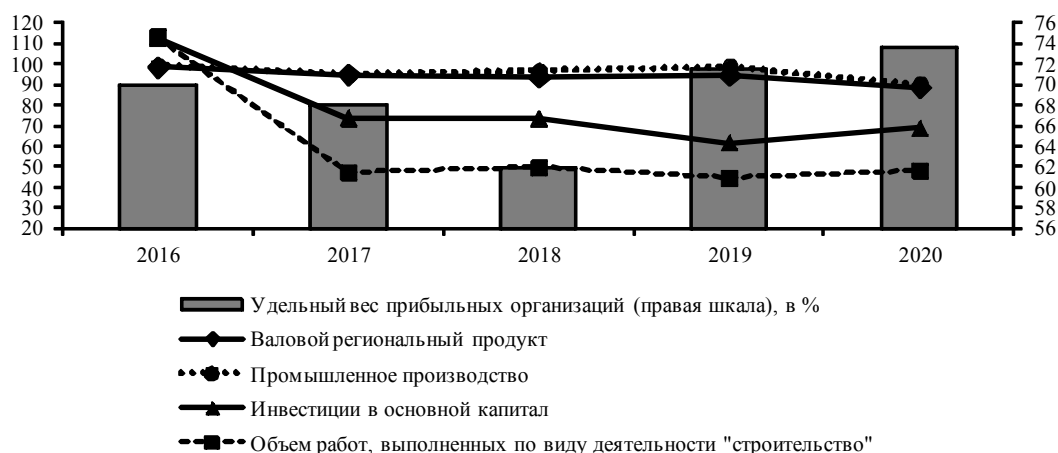

Рисунок 1.

Динамика основных показателей строительной и инвестиционной активности за 2016–2020 гг.

Строительную деятельность в Республике Коми в 2020 г. осуществляли 1172 строительных организаций, в том числе 1077 малых предприятий, из которых 92% микропредприятия. По сравнению с 2016 г. общее количество организаций снизилось почти на треть. В 2020 г. зарегистрированы 82 новые организации с видом экономической деятельности «Строительство», ликвидировано – 243.

На долю частного сектора в 2020 г. приходилось 99,3% действующих строительных организаций, причем 93% – это малые предприятия. С каждым годом снижается количество организаций государственной формы собственности, удельный вес которых сократился с 6% в 2000 г. до 0,1% в 2020 г.

Среднесписочная численность работников организаций, занимающихся строительством, в 2020 г. относительно предыдущего года возросла на 0,6%, составив 17,4 тыс. человек. Их среднемесячная начисленная заработная плата составила 40,5 тыс. руб. (71% от среднего значения по республике), её реальный размер по сравнению с 2019 г. снизился на 5,2%.

Важным условием роста строительного производства является развитие материально-технической базы. На конец 2020 г. полная учетная стоимость основных фондов в организациях с основным видом «Строительство» составила 12,6 млрд руб. (на конец 2016 г. – 6,3 млрд руб.). Коэффициенты, характеризующие состояние основных фондов в 2020 г., ухудшились относительно предыдущего года (см. табл. 1), однако по сравнению с 2016 г. их значения значительно лучшие. В 2020 г. коэффициент обновления основных фондов в строительстве был существенно выше среднего значения по экономике, ликвидации – ниже среднего, а степень износа – одинаковой.

Таблица 1

Основные фонды коммерческих организаций с основным видом экономической деятельности «Строительство»*

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Наличие основных фондов, млн руб.	6288	4320	10 620	9646	12 620
Степень износа основных фондов, %	70,8	63,2	29,3	32,2	51,4
Удельный вес полностью изношенных основных фондов, в % от общего объема основных фондов	37,2	25,3	12,9	11,9	28,0
Коэффициент обновления основных фондов, %	5,0	7,5	58,9	3,8	6,0
Коэффициент выбытия основных фондов, %	1,1	0,8	1,5	0,6	0,1

* Без субъектов малого предпринимательства; на конец года; по полной учетной стоимости.

В строительных организациях на протяжении пяти лет наблюдался устойчивый рост парка большинства видов строительных машин: Краны на гусеничном ходу (в 4,3 раза), экскаваторы самоходные одноковшовые (на 70%), погрузчики одноковшовые самоходные (на 51%), автокраны (на 49%), машины бурильные (на 19%), катки дорожные самоходные (на 17%). В 2 раза снизилось количество башенных строительных кранов. Незначительно снизилось число бульдозеров, самоходных грейдеров, тракторов и бетономешалок.

Необходимо отметить, что, несмотря на стабильность парка строительных машин, количество строительной техники с истекшими сроками службы остается высоким. Так, в 2020 г. этот срок по всем строительным машинам находился в диапазоне 30–65%.

В 2020 г. наблюдалось улучшение финансового состояния организаций, осуществляющих деятельность в строительстве. По сравнению с предыдущим годом сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) в действующих ценах по сопоставимому кругу организаций возрос почти в 4 раза (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели финансовой деятельности строительных организаций*

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток), млн руб.	736,7	926,8	1301,4	500,4	1781,0
в % к предыдущему году	33,2	125,8	140,4	38,5	355,9
Удельный вес прибыльных организаций в общем числе организаций, %	70,0	68,0	61,9	71,4	73,7
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %	2,6	4,0	6,5	6,9	11,2
Коэффициент автономии	36,5	34,0	40,8	36,1	32,7
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	27,9	26,0	30,2	20,6	-36,0
Коэффициент текущей ликвидности	151,9	142,0	154,3	145,0	155,9

* По данным бухгалтерской отчетности (без субъектов малого предпринимательства и организаций, перешедших на упрощенную систему налогообложения).

В строительстве около четверти организаций являлись убыточными. Доля убыточных организаций в общем числе строительных организаций снизилась соответственно с 30% в 2016 г. до 26% в 2020 г. На фоне положительной динамики изменения сальдированного финансового результата в строительстве в 2020 г. по сравнению с предшествующими годами наблюдался рост рентабельности проданных товаров, продукции (работ, услуг) на 8,6 процентного пункта (п.п.) относительно 2016 г.

Показатели финансовой обеспеченности строительных организаций на протяжении исследуемого периода характеризуются относительной стабильностью, за исключением «коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами», когда в 2020 г. зафиксировано его отрицательное значение. Коэффициент автономии в 2020 г. по сравнению с 2016 г. снизился на 3,8 п.п., коэффициент текущей ликвидности, напротив, увеличился на 4 п.п.

Общее финансовое положение организаций зависит от состояния расчётов. Длительное превышение кредиторской задолженности над дебиторской приводит к неплатежеспособности. Общее улучшение экономического и финансового положения в строительстве в 2020 г., впервые за длительный период привело к превышению дебиторской задолженности над кредиторской. Так, на конец 2020 г. в крупных и средних организациях, осуществляющих деятельность в строительстве, это превышение составило 23%.

Доля просроченной дебиторской задолженности в общем объёме дебиторской задолженности в организациях, осуществляющих деятельность в строительстве, на конец 2020 г. составила 3,5% и снизилась по сравнению с концом 2016 г. на 4,1 п.п.

Доля просроченной кредиторской задолженности в общем объёме кредиторской задолженности данных организаций на конец 2020 г. составила 29,8% и увеличилась по сравнению с концом 2016 г. на 14,6 п.п.

Период 2016–2020 гг. характеризовался скачкообразными темпами работы строительного комплекса республики. В течение этого времени рост объёма работ и услуг строительного характера сменялся падением, что обусловлено, главным образом, завершением или началом нового строительства крупных объектов трубопроводного транспорта. Общий объём работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» в 2020 г. в Республике Коми составил 48 млрд руб., что в сопоставимой оценке на 8,3% больше предыдущего года.

В 2020 г. введено 1235 зданий, что на 4,9% меньше, чем в предыдущем году, но в 1,8 раза больше уровня 2016 г. Такой разрыв объясняется низким вводом зданий жилого назначения, которых построено в 2020 г. 1140 единиц, против 531 единицы в 2016 г. Общий строительный объём, введённых в строй зданий составил 1688,7 тыс. куб. метров (66% к предыдущему году и 57,2% к 2016 г.), общая площадь – 359,1 тыс. кв. метров (73,1 и 63% соответственно).

В 2020 г. годы изменилась структура вводимых в эксплуатацию зданий нежилого назначения. Уменьшилась доля введённых в действие зданий, предусмотренных для использования в административных целях и сельском хозяйстве, при увеличении её для промышленного производства и коммерческих нужд.

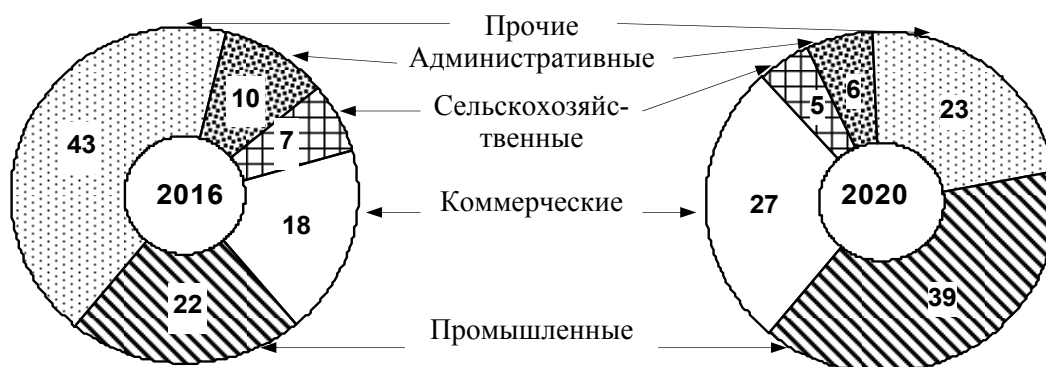

Рисунок 2.
Структура введённых в действие зданий нежилого назначения, в % к итогу

Одной из составляющей строительного комплекса является жилищное строительство. Жилищный фонд на конец 2020 г. составлял 23,5 млн кв. м., увеличившись относительно 2016 г. на 2%. Жилищная обеспеченность в среднем на одного жителя равнялась 28,9 кв. м. По отношению к 2016 г. она выросла на 7%.

За анализируемый период динамика вводимого жилья была неравномерной. Значительный ввод зафиксирован в 2018 г. – 290,2 тыс. кв. м. В 2020 г. наблюдался существенный спад – 204 тыс. кв. м., что на 14,8% меньше уровня 2016 г. Среднегодовой объём ввода за пять лет соответствовал 238,7 тыс. кв. м. Наблюдалась концентрация строительства жилья в г. Сыктывкаре (59–68% от общего ввода).

Следует отметить, что несмотря на снижение в 2020 г. (скорее всего, сказался «пандемийный кризис») в последние годы жилищное строительство развивается динамично. Немаловажную роль в этом играет государство, финансирующее различные льготные программы ипотечного кредитования. Тем не менее, объёмы ввода жилья остаются на низком уровне. Так, если с 1971 по 1990 гг. ежегодно вводилось более 500 тыс. кв. метров жилья, то с 2001 г. – менее 200 тыс. кв. метров, в последние годы – менее 300 тыс. кв. метров.

В республике в 2008 г. темпы строительства жилья отставали от среднероссийских (86,3% против 113,2%). В среднем по России строительство жилья в расчете на 1000 человек почти в 3 раза превышает аналогичный показатель по республике.

В 2020 г. только в Усинске, Печоре и Корткеросском районе увеличились объёмы построенного жилья к предыдущему году.

В 2020 г. наибольшие объёмы жилья на 1000 человек построены в Сыктывдинском районе – 838 кв. м. общей площади, что в 3 раза больше, чем в среднем по республике, в Корткеросском – 591 (в 2,4 раза), Усть-Цилемском – 482 (в 1,9 раза), Сыктывкаре – 474 (в 1,9 раза). Менее 100 кв. метров введено на 1000 человек в Воркуте, Инте, Вуктыле, Печоре, Сосногорске и Удорском районе.

С начала разгосударствления и приватизации предприятий основными участниками в жилищном строительстве являются частные предприятия и индивидуальные застройщики. Их доля в общем вводе жилья по республике составила в 2020 г. 100% (в 2016 г. – 74%, в 2019 г. – 98,7%).

Значительный резерв по вводу жилья в эксплуатацию сосредоточен в незавершенном строительстве, объём которого (без индивидуальных жилых домов) на конец 2020 г. составил 55,2 тыс. кв. м. общей площади. По сравнению с предыдущим годом этот показатель снизился более чем в 2 раза, с 2016 г. – на 27%.

Одним из путей решения жилищной проблемы является развитие *индивидуального жилищного строительства*. В 2020 г. населением за свой счёт и с помощью кредитов построено 1122 квартиры, что меньше предыдущего года на 3%, но в 2,5 раза больше уровня 2016 г. Средний размер одной квартиры составлял 93,9 кв.м., что составило 91% к уровню 2019 г. и 2016 г. На протяжении пяти последних лет удельный вес собственных жилых домов в общем объёме введённого жилья по республике варьировал от 20% до 52%.

В 2020 г. в территориальной структуре общей площади жилья, введённой индивидуальными застройщиками, наибольший удельный вес приходился на Сыктывкар (28,6%), Сыктывдинский район (19,5%), Корткеросский (9,4%) и Усть-Куломский (7,5%) районы. По сравнению с предыдущим годом ввод собственных жилых домов увеличился в 6 городах и районах республики: Печоре (в 2,5 раза), Ухте (в 2,3 раза), Усть-Вымском (в 1,4 раза), Корткеросском (на 23%), Усть-Цилемском (на 2%) и Сысольском (на 0,4%) районах.

Средняя фактическая стоимость нового строительства одного кв. м. общей площади жилых домов в 2020 г. составила 54,8 тыс. руб., что выше средней стоимости предыдущего года на 33%, а 2016г. – на 40%. В городах и посёлках городского типа она в 1,6 раза превысила стоимость строительства в сельской местности (в 2016 г. – в 1,2 раза). Средняя фактическая стоимость строительства жилых домов в республике выше среднероссийского уровня.

Успешное развитие строительства во многом зависит от инфляционных процессов, происходящих как в целом по экономике, так и в самом строительном комплексе. В 2020 г. в строительстве республики, как и в целом по России, отмечено замедление темпов инфляции по сравнению с 2016 годом. Сводный индекс цен строительной продукции в 2020 г. по Республике Коми составил 99,7%. В потребительском секторе экономики и наблюдался рост цен (106,6%). Индекс цен производителей промышленных товаров снизился относительно предыдущего года на 0,5%, на грузовых перевозках – на 17%.

На рынке жилья в 2016–2020 гг. наблюдалась разнонаправленная динамика цен (см. табл. 3). Причём до 2019 г. было зафиксировано снижение цен. Средняя цена 1 кв. м. площади квартир на вторичном рынке была выше, чем на первичном. Однако с 2018 г. темпы роста цен первичного рынка жилья были выше, чем на вторичном.

Таблица 3

Средние цены и индексы цен на первичном и вторичном рынках жилья

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Средняя цена 1 м ² общей площади квартир (в среднем за год), руб.:					
первичный рынок	51 380	48 279	46 766	48 940	48 394
вторичный рынок	57 869	56 498	52 973	55 400	53 635
Индексы цен, IV квартал в % к IV кварталу предыдущего года:					
первичный рынок	92,8	95,4	94,6	113,9	109,3
вторичный рынок	97,4	97,7	101,5	101,0	102,8

За пять лет средняя цена на кирпич керамический неогнеупорный снизилась на 28%, на природный песок – в 2 раза. Рост зафиксирован на общестроительный цемент (в полтора раза), щебень (на 20%), пиломатериалы хвойных пород (на 16%), готовый бетон (на 1%).

Таким образом, анализ деятельности организаций регионального строительного комплекса показал, что они функционируют в непростых экономических условиях. В последние годы финансовое положение организаций строительного комплекса постепенно улучшается, но, по-прежнему, остается сложным: сохраняется высокий удельный вес убыточных организаций, просроченная кредиторская и дебиторская задолженность. Несмотря на то, что коэффициент обновления основных фондов намного выше, чем в целом по экономике, тем не менее, продолжает расти степень износа. Положительным является тот факт, что после продолжительного сокращения парка строительных машин, в последние годы произошел его рост, однако остается высоким удельный вес изношенной техники.

Несмотря на устойчивый рост жилищного строительства в последние годы, объемы ввода жилья остаются ниже дореформенного уровня. Кроме того, в настоящее время в недостаточном объеме вводятся в строй объекты социально-культурного назначения, что, в конечном итоге, отрицательно скажется на качестве жизни населения.

Негативным является тот факт, что после наметившегося с 2000 г. устойчивого динамического развития строительного комплекса, в 2016–2020 гг. произошел заметный спад объема строительных работ и инвестиций в основной капитал.

Изучение статистических показателей деятельности строительных организаций позволило прийти к выводу, что основной производственный потенциал регионального комплекса сохранился, но отрасль находится в сложном положении. Экономический потенциал может быть рационально использован и воспроизведен, если в рамках основных направлений современной экономической политики государства будет сформирован основанный на инновациях эффективный механизм управления строительным комплексом как целостной экономической системой.

Латышев С.В.

Союз по содействию социально-экономическому развитию регионов «Евразийский Инвестиционный Союз»,
Москва
servict@mail.ru

СИСТЕМНЫЕ ИННОВАЦИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

Ключевые слова: инновационное управление, стратегии регионального развития, социально ориентированные кластеры, территориальное общественное самоуправление.

Сегодня больше, чем когда-либо, имеет смысл обсуждать принципы рациональной организации общества и государства, согласования деятельности общественных структур с реальными условиями жизни человека и окружающей его природой и понять, наконец, значение и роль социальных идей, их связь с экономикой и природой, и роль гражданского общества в построении социального государства.

Употребляя термин «гражданское общество», необходимо иметь в виду общество, существующее в эпоху ноосферы, т.е. в состоянии коэволюции человека и природы, и это необходимо, потому что только в этом случае общество и каждый из нас сможет избежать деградации и сохранить перспективу дальнейшего развития. Общество в разных регионах мира может иметь весьма различные особенности, однако везде оно обладает рядом общих свойств. Для России – это разумное сочетание динамизма обществ европейского типа с мудростью и духовностью общественных традиций Востока.

Взгляд на общественную эволюцию показывает, как прежние формации могут циклически переходить в будущие и друг в друга. Как и каким образом всё это может быть реализовано? Какие процессы при этом задействованы? Какие положительные или негативные эффекты могут возникнуть? Куда, как и почему идёт общественное развитие? Все эти вопросы будут актуальны, пока существует общество, к сожалению, современная наука вразумительного ответа на эти вопросы не даёт.

Единственный выход – создание своей собственной новой политико-экономической формации, тем более, что такая финансовая модель существовала, отлично работала и обслуживала советское общество, но это не устраивало мировую финансовую систему, потому что тогда мы весь свой потенциал использовали сами и управляли им сами, а не содержали мировую систему. А мировая финансовая система из-за постоянно меняющихся правил и устаревших способов управления, как и вся старая капиталистическая формация давно даёт сбой и частенько оказывается в кризисе. Поэтому у нас есть только один выход: необходимо срочно создавать свою собственную, локальную общественную и финансовую систему, основанную совершенно на других принципах, используя новейшие информационные технологии. Чем скорее мы это сделаем, чем скорее создадим более перспективную, удобную и понятную для нас и нашего общества модель, тем быстрее сможем реально противостоять существующей мировой финансовой системе. На первых порах создание локальной общественной финансовой системы внутри общества позволит нам подстраховать наше государство не только в социально-экономическом плане, но и от политического риска, а в дальнейшем эта система сможет стать основой и для построения мировой системы на удобных и приемлемых для нашего общества принципах.

В связи с тем, что наше общество обладает огромной территорией, огромным человеческим потенциалом, всеми видами топлива, сырья и продовольствия, мы представляем именно ту страну, которая без труда может существовать автономно, и это сделать будет достаточно легко. Предлагаемая модель настолько универсальна, что вполне вероятно большая часть государств присоединится к ней.

Мы предлагаем, как и положено, всё строить снизу, а не сверху, потому что стоять на земле удобнее, чем висеть в воздухе. Первое, на что мы должны обратить внимание – это насколько задуманная система будет отвечать требованию исполнения социальных обязанностей общества перед своими гражданами, а также насколько эта система сможет удовлетворить потребности своих граждан, насколько она будет комфортна для них. Сейчас Россия должна быть еще больше ориентирована на защиту страны от внешнего мира, который является агрессивным и антироссийским. Мы больше, чем когда бы то ни было, должны быть заинтересованы в создании своей локальной экономической системы, построенной по новым принципам, чтобы иметь возможность защитить права своих граждан и свою экономику, применяя новые финансовые методики и технологии, которые позволят успешно выстроить новую политико-экономическую модель, основанную на новых принципах, более того, сейчас опираясь на такие Федеральные законы, как № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» и № 151-ФЗ «О микрокредитных организациях», мы предлагаем создать модель системы воспроизводства финансовых средств, основываясь на жёстком общественном контроле, используя новые

экономические и финансовые механизмы и технологии, к примеру, блокчейн, а также и те ресурсы, которые почему-то не используются российской экономикой.

Государственная российская экономическая система из-за её структурной несостоятельности и из-за сознательно выстроенной, зависимой от мировых финансовых групп сможет выполнять функцию некой защитной завесы или ширмы. Этот манёвр даст возможность и время спокойно создать новую политико-экономическую модель и питающую её финансовую систему, которая по своей сути будет являться локальным эмиссионным фондом России, не затрагивающим ресурсы, используемые Правительством для реализации позиций бюджета.

Однако вернёмся к положениям Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Мы не будем останавливаться детально на положениях этого законодательного акта, можно только отметить его огромное значение – это действительно прорыв в созданной массе неразберихи и недомолвок, которые царят сейчас в экономике и законодательстве Российской Федерации. Этот закон единственная возможность навести порядок и сделать экономику прозрачной и логичной, он даёт возможность реальной проверки всего того, что происходит сейчас во всех ветвях власти, это единственный работающий закон борьбы с коррупцией.

Все ресурсы страны, гражданское общество и экономика должны использоваться как можно эффективнее, а для этого необходимо планирование, которое базируется на учёте и контроле. У цифр нет эмоций, но принятые нормы могут быть социально ориентированы на общество или могут быть ориентированы на частные интересы лиц, получивших от общества властные полномочия, этим и отличается капитализм от коммунизма, как его не называй: гуманитарным социализмом или открытым обществом, или обществом всеобщего благоденствия.

При рассмотрении экономической системы СССР хорошо видна разница между плановой системой и стихийным рынком. Плановая система может распределять ресурсы между отраслями и предприятиями эффективно или менее эффективно. Это связано только с её информационными и вычислительными возможностями. Здесь необходима просто единица учёта, при помощи которой можно контролировать расход ресурсов и полученную продукцию, причём как в масштабах предприятия, так и всей экономики в целом.

Теперь о самом главном, о Федеральном законе №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Мы должны чётко понимать, что Россия – это 2% населения мира и почти 40% добываемых мировых ресурсов, а как мы живём? Почему? Можно ещё задать два классических вопроса: Кто виноват? Что делать? Однако вряд ли это поможет в решении существующих проблем.

Территориальное Общественное Самоуправление – это единственное, что сейчас сможет всё расставить на свои места и решить все накопившиеся проблемы, вся правовая основа для этого есть, а именно: Конституция Российской Федерации, Глава 1, статья 3; глава 8 статьи 130-133; Федеральный Закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Статья 26. Правотворческая инициатива граждан; Статья 27. Территориальное общественное самоуправление (ТОС).

ТОСы – это кузница кадров для развития гражданского общества и это самое низшее звено экономики России. Именно ТОС приближен к населению и знает его потребности, потому что он и есть то самое население, именно ТОС должен принимать решение об инфраструктурных изменениях своей территории. Созданием ТОСов сейчас озабочена местная власть, «дальновидные» руководители регионов стараются сейчас всеми правдами и неправдами насаждать там управляемых выдвиженцев и вносят огромное количество корректив в местное законодательство, регламентирующее регистрацию этих структур, но ТОС – это не государственная, а общественная структура, и она очень неудобна нерадивой исполнительной власти. Проживающие рядом на одной территории граждане благодаря существующему Федеральному Закону, получили уникальную возможность сами на своей территории управлять в своих интересах – интересах граждан, проявляя правотворческую инициативу, организуя и участвуя в местных референдумах, сходах, конференциях, собраниях, опросах, публичных слушаниях по вопросам местного значения и просто непосредственно осуществляя свои права по территориальному общественному самоуправлению, создавая ТОСы.

Жители должны чётко уяснить, что только от них и их гражданской позиции зависит, как они будут жить через год, два, три, как будут жить их дети и внуки на той земле, где рядом с ними живут их соседи, родственники, друзья – все те, кто зовутся земляками. Они должны понимать, что когда каждый сидит за своим забором, поселение в целом разваливается, чтобы организовать хоть какую-нибудь деятельность или просто познакомить людей друг с другом, нужно объединить или самоорганизовать жителей в структуру территориального общественного самоуправления (ТОС) на уровне поселения или даже части поселения.

Население должно понимать, что сейчас оно часто узнает о происходящем по слухам, а благодаря ТОСу вполне можно выстроить систему максимального и оперативного разностороннего информирования жителей о каждой местной проблеме, причём среди всех заинтересованных лиц. Нет ничего важнее и дороже добросовестной информации. Нужны приемлемые для всех принципы и удобные инструменты, чтобы организовать лёгкое накопление информации, надёжное хранение и простой, общий доступ к ней. Без ТОСа здесь никак не обойтись.

При работе ТОС может быть организован и обеспечен общественный конкретный контроль и коллективное взаимодействие с вышестоящими органами местного самоуправления и государственной власти для того, чтобы разъяснить, а иногда и наказать чиновника, чьи действия противоречат интересам общества. ТОС – это попытка создать не утопическое сообщество, а содружество живущих рядом людей, у которых одни проблемы, интересы на уровне проживания на одной территории. Это совокупность правил и информации, обновляемых со временем планов, проектов и разработок, которыми можно поделиться с такими же структурами ТОС, обсудить их, предложить населению применить их на своей территории.

А для всего этого необходимо обобщить опыт работы ТОС, изложить принципы самоорганизации местного сообщества в виде понятного, простого руководства, в котором должна присутствовать обобщённая методика решения

местных задач в виде ясного, последовательного и действенного алгоритма. В руководстве должны быть описаны инструменты и принципы информационного взаимодействия всех участников жизни поселения, включая утверждение и сопровождение проектов, накопление данных и обмен опытом между ТОСами, а также представлена методика продвижения и построения всей системы местного самоуправления, всё, что в целом предназначено для сближения местной власти и жителей, объединения разрозненных людей и ежедневной им помощи.

Но это не значит, что управление жизнью поселения перекалдывается на плечи жителей. Основную работу, как и положено, исполняет орган местного самоуправления, но теперь его деятельность выходит на свет. Добавляется возможность обмена информацией, общественного контроля, делегирования части работ самим жителям, более простого развития частных инициатив и формирования общественного мнения. Либо это делает население по собственной воле, и местная администрация для улучшения своей работы и отношений с жителями помогает им, либо при бездействии местной власти жители, объединившись с помощью ТОС, отстаивают свои права и интересы.

В Конституции Российской Федерации в первой главе «Основы конституционного строя» в статье 12 определено: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы самоуправления не входят в систему органов государственной власти». Однако почему-то все положения по подготовке документов стратегического планирования, согласно Главе 11 Статьи 39, пунктов 1 и 2 заканчиваются на уровне муниципального образования, несмотря на то, что речь подчас идёт о стратегии социально-экономического развития конкретной территории. Население не может не интересоваться развитием территории, на которой оно проживает, а жители – это и есть народ, который является согласно Конституции «единственным источником власти в Российской Федерации».

Именно поэтому гражданские инициативы в региональной экономике России являются основополагающими, и новая российская экономическая модель и стратегическое планирование развития региона, которые направлены на создание социальной экономики, должны, прежде всего, согласовываться с населением и осуществляться в его интересах. Для победы в экономической войне необходима мобилизационная экономика, которая должна строиться на других принципах, принципах защищающих интересы населения. И это основная задача государства. Считаем, что осуществлять стратегическое планирование без участия населения, по меньшей мере, некорректно и поэтому мы предлагаем, чтобы по всем проектам стратегического планирования, касающимся социально-экономического развития территории, обязательно проходили публичные слушания на уровнях ТОСов, и проекты принимались к исполнению только после их одобрения населением. Построение комфортного пространства для населения должно осуществляться при его активном участии.

Одно из самых развитых гражданских обществ – это Швейцария, но самоуправление в Швейцарии и самоуправление в России, изначально наполнены совершенно разным смыслом: в Швейцарии самоуправление – это контролирующий муниципалитет. Он стоит на страже и не допускает нарушения прав граждан. Ни о какой законодательской деятельности или гражданской инициативе, там не может быть и речи, там всё чётко регламентировано; в России это скорее инициатива и ежедневная творческая работа по созданию удобной инфраструктуры, то есть самоуправление требуется для того, чтобы за муниципалитет выполнять работу по созданию комфорта в местах своего проживания и быть полноправными хозяевами на своей территории.

Взаимодействие человека и других элементов социальной системы, а также сфера деятельности по применению теорий, принципов, данных и методов для обеспечения потребностей человека и оптимизации общей производительности системы – это основная задача, которую решают социально-ориентированные кластеры, основной структурой которых должны являться ТОСы. Это новое понятие ещё недостаточно изучено, несмотря на то, что в мире существует большое количество муниципальных образований, развивающихся в соответствии с принципами и по правилам самоорганизующихся и саморазвивающихся кластеров. Некоторые из них уже на протяжении столетия развиваются успешно. Кластеры направлены на приобретение благ населением за счет использования ресурсов окружающей этой население среды, это и есть та новая социальная формация, которую можно назвать – социально-ориентированные кластеры. Образование кластеров – это эволюционный процесс. Поэтому необходимо учесть, что образованные «по распоряжению сверху», искусственным путем кластеры могут оказаться нежизнеспособными, так как не будут обладать инновационным потенциалом, необходимым для своего развития, основной целью которого должно являться улучшение качества жизни населения, той территории, на которой кластер будет развиваться.

Безусловно, государство не может оставаться в стороне в отношении вопросов формирования и существования территориальных кластеров. Но какова должна быть степень государственного вмешательства? Как показало время, наиболее предпочтительным оказался либеральный принцип, согласно которому роль государства сводится к устранению барьеров для его естественного развития и не требует прямого государственного вмешательства. В России государство может принимать участие в создании социально-ориентированных кластеров на уровне частно-государственного партнерства. Создание социально-ориентированного кластера – это пример процесса, в котором участники, преследуя разные и, нередко, противоположные интересы, подчиняются общим правилам в достижении единой цели. Кластеры – это структуры человеческих взаимодействий для разного рода целей. При групповой активности, на практике, основы взаимодействия передаются людьми из поколения в поколение и так они сохраняют свой общезначимый характер.

Евразийская инновационная экономика – это не только экономика мирового лидера в энергетическом секторе, добыче и переработке сырья, но и конкурентоспособная экономика знаний и высоких технологий. К 2025 году необходимо занять значимое место, не менее 30%, на рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг. Необходимо сформировать условия для массового появления новых инновационных компаний во всех секторах экономики и в первую очередь – в секторах, связанных с наукой.

Необходимо сформировать новые территориальные высокотехнологичные центры, благодаря чему будет разрушено региональное неравенство, необходимо создать разветвленную транспортную сеть, в том числе и развить новые виды транспорта, которые будут способны обеспечить высокий уровень межрегиональной интеграции и территориальной мобильности населения. Россия, благодаря переходу на инновационный уклад хозяйствования, укрепит свое лидерство в интеграционных процессах на евразийском пространстве, постепенно становясь одним из глобальных центров всех мирохозяйственных связей как в качестве международного финансового центра, так и в качестве инновационного центра.

Политика государства должна быть ориентирована на расширение свободы предпринимательства, обеспечение эффективности гражданского общества и системы государственного управления, в основе которых лежит поддержка социальной справедливости. Системное достижение поставленной цели состоит в переходе экономики к инновационному социально-ориентированному типу развития. Такой подход требует реализации комплексных, взаимосвязанных по ресурсам, срокам и этапам преобразований по следующим направлениям перехода российской экономики к инновационному социально ориентированному типу развития.

Первое направление – развитие человеческого потенциала России. С одной стороны, это обеспечение благоприятных условий для развития способностей каждого человека, улучшение условий жизни людей и качества социальной среды, с другой – повышение конкурентоспособности человеческого капитала и обеспечивающих его социальных секторов экономики как ключевого фактора инновационного развития:

- преодоление сложившихся негативных демографических тенденций, стабилизация численности населения и создание условий для его роста, повышение уровня и качества жизни в целом;

- формирование условий для устойчивого роста заработной платы, сбалансированной с повышением производительности труда и качества рабочей силы, создание эффективных механизмов регулирования рынка труда, обеспечивающих сочетание конкуренции на рынке труда с партнерскими отношениями работников, работодателей и государства;

- укрепление связи трудовых пенсий с заработной платой, повышение пенсий с учетом развития добровольных накопительных пенсионных сбережений до уровня, обеспечивающего достойный уровень жизни пенсионеров;

- обеспечение доступности качественных услуг образования, здравоохранения и культуры на основе глубокой структурной и технологической модернизации этих сфер;

- переход от системы массового образования, характерной для индустриальной экономики, к необходимому для создания инновационной социально ориентированной экономики непрерывному индивидуализированному образованию для всех;

- развитие образования, неразрывно связанного с мировой фундаментальной наукой, ориентированного на формирование творческой социально ответственной личности;

- обеспечение населения доступным и качественным жильем, создание комфортной городской среды для человека и эффективного жилищно-коммунального хозяйства, формирование гибкой системы расселения населения, учитывающей многообразие региональных и национальных укладов жизни;

- создание эффективной адресной системы поддержки малообеспеченного населения и предоставления социальных услуг для пожилых людей, инвалидов и детей;

- создание экономических условий для сохранения и умножения культурных и духовных ценностей российского народа;

- улучшение качества окружающей среды и экологических условий жизни человека;

- снижение уровня преступности;

- обеспечение высокой профессиональной и территориальной мобильности трудовых ресурсов, формирование профессиональной культуры, трудовых и предпринимательских ценностей.

Второе направление – создание высококонкурентной институциональной среды, стимулирующей предпринимательскую активность и привлечение капитала в экономику:

- создание и развитие конкурентных рынков, последовательная демонополизация экономики;

- поддержка образования новых компаний и новых видов бизнеса, основывающихся на инновациях (стартапах), стимулирование развития малого бизнеса; снижение инвестиционных и предпринимательских рисков за счет защиты прав собственности и повышения предсказуемости экономической политики государства, обеспечения макроэкономической стабильности, развития финансовых институтов;

- улучшение доступа компаний к долгосрочным финансовым ресурсам, развитие финансовых рынков и других институтов, обеспечивающих трансформацию сбережений в капитал;

- повышение договороспособности компаний и транспарентности ведения бизнеса, развитие самоорганизации предпринимательского сообщества;

- обеспечение высокого качества государственного администрирования в сфере экономики.

Третье направление – структурная диверсификация экономики на основе инновационного технологического развития:

- формирование национальной инновационной системы, включая такие элементы, как интегрированная с высшим образованием система научных исследований и разработок, гибко реагирующая на запросы со стороны экономики, инжиниринговый бизнес, инновационная инфраструктура, институты рынка интеллектуальной собственности, механизмы стимулирования инноваций и другие;

– формирование мощного научно-технологического комплекса, обеспечивающего достижение и поддержание лидерства в научных исследованиях и технологиях по приоритетным направлениям, встраивание России в глобальный оборот высокотехнологической продукции и технологий;

– создание центров глобальной конкурентоспособности в обрабатывающих отраслях, включая высокотехнологичные производства, и «экономику знаний»;

– содействие повышению конкурентоспособности ведущих отраслей экономики с использованием механизмов частно-государственного партнерства, расширение доступа российских компаний к источникам долгосрочных инвестиций, обеспечение отраслей экономики высокопрофессиональными кадрами менеджеров, инженеров и рабочей силы, поддержка экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью и рациональная защита внутренних рынков с учетом международной практики в данной области.

Четвертое направление – закрепление и расширение глобальных конкурентных преимуществ России в традиционных сферах (энергетика, транспорт, аграрный сектор, переработка природных ресурсов) путем приоритетного финансирования региональных проектов:

– развитие крупных узлов межрегиональной и региональной энергетической инфраструктуры на территории России, и использование новых энергетических технологий;

– формирование конкурентоспособной транспортной инфраструктуры, обеспечивающей реализацию транзитного потенциала региональной экономики;

– укрепление позиций России на мировом рынке продукции лесопромышленного комплекса на основе углубления переработки леса и устойчивого воспроизводства лесного богатства страны;

– реализация водного потенциала российской экономики – вовлечение в хозяйственный оборот неосвоенных водных ресурсов России, способствующее изменению мировой структуры потребления пресной воды, при обязательном соблюдении природоохранных требований;

– реализация аграрного потенциала в части развития экспорта зерна и других сельскохозяйственных продуктов, производства экологически чистых продуктов для своих граждан, импортозамещения на внутренних рынках продукции животноводства.

Пятое направление – переход к новой модели пространственного развития российской экономики:

– формирование новых центров социально-экономического развития, опирающихся на развитие энергетической и транспортной инфраструктуры, а также создание сети территориальных социально-ориентированных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий РФ;

– сокращение дифференциации уровня и качества жизни на территории России с помощью мер социальной и региональной политики;

Так же, хотелось бы обратить внимание на взаимодействие социально-ориентированных кластеров и частного бизнеса:

Достижение целей развития, успешная модернизация экономики и социальной сферы предполагает выстраивание эффективных механизмов взаимодействия между обществом и бизнесом, направленных на координацию усилий всех сторон, обеспечение учета интересов бизнеса и различных социальных групп общества при выработке и проведении социально-экономической политики. Инновационный тип развития требует создания максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы, повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности частных компаний на территории России. Ведь именно частный бизнес является основной движущей силой экономического развития. Гражданское общество может создать необходимые условия и стимулы для развития бизнеса, но не должно подменять бизнес собственной активностью.

Новая экономическая модель устройства общества, основанная на социально-ориентированных кластерах и цифровых технологиях, должна, прежде всего, устроить народ. Раз уж мы говорим о социальном государстве, то это должен быть тот социум, который мы уже однажды не достроили из-за предательства «политической элиты», к которому нас история возвращает и даёт нам шанс исправить допущенные прежде ошибки. Задача интересная и сложная, поскольку компьютеризация в корне изменяет природу человека, превращая его из Homo Sapiens в Homo Intellectus.

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Рябовол Л.Г.

аспирант кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: туристская привлекательность, туристский потенциал, туристская инфраструктура, деловой туризм, сельский туризм, экотуризм, малые города, сельские территории.

Keywords: tourist attractiveness, tourist potential, tourist infrastructure, business tourism, rural tourism, ecotourism, small towns, rural areas.

Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. для большинства российских регионов туризм выделен как перспективный вид экономической деятельности¹. Однако статистика утверждает, что далеко не все российские регионы привлекательны для гостей. В допандемийный год более половины туристского потока приходилась всего на 6 регионов: Москву и Московскую область, Санкт-Петербург, Республика Крым, Краснодарский край и Республику Татарстан.

Наименее привлекательны для туристов следующие российские территории: Орловская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия–Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика и Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Тыва, Магаданская область, Еврейская АО, Чукотский АО – в течение 2019 г., судя по численности постояльцев коллективных средствах размещения, каждый из этих регионов посетили не более 150 тыс. чел. В значительной части, это деловой туризм, который вызван потребностью взаимодействия с местными производителями/потребителями той или иной продукции.

В условиях пандемии туристическая отрасль сильно пострадала: в 2020 г. численность туристов сократилась в 1,6 раза². Но уже в 2021 г. путешественников стало больше, во многом потому, что заработали программы стимулирования внутреннего туризма (туристический кешбэк). Россияне активно стали осваивать новые маршруты. Потребность людей в полноценном отдыхе усилили изменение привычного образа жизни в связи с повсеместными санитарными ограничениями, вводившимися в острых фазах пандемии, а также сопровождающие COVID-19 изоляция, страх, неопределенность, экономические трудности.

Закрытие границ и другие запреты, введенные странами, принимавшими основные туристические потоки из России, переориентировали этот вектор внутрь страны. Это открывает новые возможности для развития малых городов и сельских территорий, что позволит создать новые рабочие места, поддержать виды экономической деятельности, участвующие в предоставлении услуг в сфере туризма и рекреации – гостиничное хозяйство, общественное питание, розничная торговля и др.

Воспользовавшись возможностью занять образовавшуюся нишу на рынке, малые города и сельские территории получают новый импульс для социально-экономического развития, базирующегося на местных особенностях и ресурсах (уникальных природных объектах, исторических памятниках, культурных достопримечательностях, национальных промыслах и традициях и др.).

Наряду с прямым экономическим эффектом в виде дополнительной добавленной стоимости, сформированной в сфере туризма и смежных отраслях, развитие индустрии гостеприимства будет способствовать и решению такой сложной проблемы, как отток молодежи из малых городов и сельской местности. Это позволит создать новые рабочие места, причем именно такие, о каких мечтают многие молодые люди. Согласно исследованию на основе анализа запросов, проведенному одним из сервисов по поиску работы, 8% людей в возрасте от 19 до 25 лет ищут работу в сфере развлечений. В топ-5 вошла также сфера общественного питания. Проанализировав 1,2 млн резюме соискателей из различных российских регионов, представители компании констатировали: наиболее приоритетная для молодых людей сфера занятости – это сфера досуга и развлечений. На втором месте – организация общественного питания, на объявленные вакансии в этой сфере откликаются 54% граждан, ищущих рабочее место с использованием цифрового сервиса поиска работы³.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. – <https://base.garant.ru/72174066/>

² Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 425–426.

³ Молодые специалисты хотят работать в сфере развлечений // Директор. Креативный журнал по управлению персоналом. – <https://www.hr-director.ru/news/67488-qqn-19-m10-molodye-spetsialisty-hotyat-rabotat-v-sfere-razvlecheniy>

Кроме того, в случае привлечения внимания туристов и отдыхающих и получения дополнительных доходов, принимающие территории смогут выделять больше средств на развитие и модернизацию не только инфраструктуры гостеприимства, но и дорожно-транспортной сети, а также объектов социальной сферы территорий. Формирование комфортных условий жизни для местного населения будет способствовать замедлению процесса деградации малоллюдных сельских территорий, уменьшит отток молодого поколения из сел и деревень.

Особое внимание, на наш взгляд, должно быть уделено развитию сельского туризма, и не только потому, что это соответствует важнейшим мировым трендам на защиту окружающей среды, создание «зеленой» экономики, разумное потребление. Организации нового сектора экономики в аграрных регионах и привлечение населения в сферу услуг даст импульс развитию малого бизнеса, созданию новых рабочих мест, и, в конечном счете, повышению уровня жизни сельчан и закреплению молодежи в родном селе. Развитие сельского туризма позволит смягчить и социально-экономическую ситуацию в сельской местности в годы аграрных кризисов.

Для ускорения развития такого направления туризма, как агротуризм считаем необходимым разработку специальных мер поддержки фермеров, задействованных в обслуживании туристов, например, им могут быть предоставлены льготные кредиты и/или налоговые каникулы в сезон массового притока туристов. Это обеспечит значимый социально-экономический эффект: поможет сельским жителям сохранить место жительства и привычный образ жизни; получить дополнительные доходы от нового вида деятельности, не отказываясь при этом от своего основного занятия; сохранить агроландшафты и их природное окружение, поскольку развитие этого направления туризма основывается на стремлении свести к минимуму воздействие человека на природу и изменение окружающей среды.

Путем развития сельского туризма могут быть достигнуты следующие социально-культурные цели:

- охрана и воссоздание сельских ландшафтов, сохранение усадеб и парков, имеющих историческую значимость;
- замедление процессов деградации сельских территорий, оттока населения;
- сохранение национальной самобытности, народных традиций и фольклора;
- повышение привлекательности сельских территорий, формирование позитивного отношения к сельскому образу жизни;
- поддержка производства экологически чистых продуктов питания и пищевого сырья;
- формирование у местных жителей и гостей бережного отношения к природным ресурсам, историческим и культурным ценностям и др.

Сдерживать развитие сельского туризма может, в первую очередь, отношение самих сельчан к этому виду деятельности, недооценка местными жителями туристского потенциала своего родного края, неверие сельчан в то, что их образ жизни может заинтересовать избалованных благами цивилизации горожан, а также отсутствием у населения специальных знаний и навыков в сфере ведения бизнеса.

Развитие этого вида экономической деятельности в современных условиях требует широкого применения информационных технологий, внедрения современных подходов к организации работы по производству, продвижению и сбыту конкурентоспособного туристского продукта. Это диктует необходимость разработки и реализации на уровне регионов специальных образовательных курсов для граждан, желающих принять участие в предоставлении услуг в сфере сельского туризма. Считаем также необходимым создание специальной цифровой платформы, предоставляющей всю необходимую информацию, включая своевременное информирование об изменениях нормативно-правовой базы по регулированию данного вида деятельности; по организации сельского туризма с возможностью обратной связи, знакомства с образцами необходимых для регистрации и отчетности документов и другим вопросам.

Предлагается на таком виде экономической деятельности, как агротуризм, апробировать уведомительный характер ведения предпринимательской деятельности. Мало кто из фермеров, которые в сезон, как правило, круглосуточно заняты сельскохозяйственным производством, будет отвлекаться на процедуру регистрации нового вида деятельности, доходность которого, особенно на начальном этапе, весьма сомнительна.

Необходимы также и сервисы для консультационной поддержки предпринимателей в этой достаточно новой сфере деятельности. Учитывая занятость сельских жителей, а также «новую нормальность» хозяйствования в условиях пандемии, это могут быть онлайн консультации, выделенные телефонные линии и т.п.

В части организации обучения основам бизнеса в сфере сельского туризма может быть интересен опыт Республики Беларусь, в Чаусском районе которой была организована Школа развития агроэкотуризма, где были разработаны эффективные методы образования и способы вовлечения активных людей в эту деятельность. Сначала было организовано обучение основам управления агротуристическим делом, изучение слушателями успешных практик развития агроэкотуризма. Потом им было предложено попробовать свои силы в работе с туристами в одной из успешно работающих усадеб, в создании привлекательных объектов на территории района, в деятельности по созданию информационной инфраструктуры. Такие обучающие курсы проводятся регулярно. Результат налицо – в Беларуси более 2000 агроусадеб, готовых принять гостей. Задача таких курсов – помочь сельчанам создать агроусадьбу, которая будет не только соответствовать современным стандартам обслуживания, но и привлекать туристов своей уникальностью, отражающей местный колорит¹.

Другим сдерживающим фактором является недостаточная известность территории среди туристов и отдыхающих. Для решения этой проблемы предлагается сформировать портфолио региона, в котором будут красочно представлены основные объекты для агроэкотуристов, а также желающих отдохнуть в максимальной близости к природе, попробовать себя в качестве работника на сельской усадьбе, мастера национальных ремесел и т. п.

¹ Учились агротуризму // Іскра. – <https://www.chausynews.by/?p=2727>

Для популяризации и привлечения внимания к сельскому туризму можно использовать и такой инструмент, как карта кинолокаций, которая представляет собой интерактивный сайт и специализированное мобильное приложение для поиска, сортировки и систематизации лучших кинолокаций. Например, такая карта разработана для Республики Карелия по просьбе кинопроизводителей из 5 стран мира, которые планировали снимать кино в Карелии (Россия, Финляндия, США, Китай и Германия). В результате было выделено 29 параметров, которые наиболее интересны кинопроизводителям, на основе этих рекомендаций была создана демоверсия.

Предлагается создать такие карты для популяризации отдыха в сельской местности и представить их ключевым организациям киноиндустрии. Внимание кинопроизводителей еще более повысит интерес туристов к природным красотам и историческим и культурным достопримечательностям родного края.

Для организации такой работы необходимо сформировать экспертный совет из числа представителей сферы науки и культуры, задачей которого станет отбор уникальных природных и культурно-исторических объектов, способных привлечь туристов, а возможно и кинокомпании. Кроме того, потребуется организовать обучение технологиям поиска кинолокаций, основам мобильной съемки, записи пространственного звука и другим приемам, позволяющим отснять качественное видео. Важно сопроводить видеоматериал интересным и красочным описанием объектов.

Данные материалы могут быть размещены на специальной странице Интернет-ресурса профильного органа региональной власти и/или на агроэкотуристическом портале, направлены кинопроизводственным компаниям и кинопродюсерам, распространены в социальных сетях.

Таким образом, развитие сельского туризма может стать важным сектором региональной экономики, формирующим значительную часть валового регионального продукта, обеспечивающим занятость для большого числа людей. Учитывая профессиональные установки молодежи, можно предположить, что эта сфера привлечет молодых и энергичных людей, что обеспечит успех этого начинания и предотвратит отток молодежи из малых городов и сельской местности.

Для развития агроэкотуризма в российских регионах предлагается организовать цикл обучающих курсов (семинаров) для желающих открыть бизнес в этой сфере. Необходимо также создать специальный портал, на котором будет размещена информация о сети фермерских хозяйств (усадеб), готовых принять гостей. Предлагается также сформировать портфолио региона, содержащее материалы об уникальных природных объектах, исторических памятниках, культурных ценностях. Привлечь внимание путешественников и отдыхающих можно также с использованием такого инструмента, как карта кинолокаций, которая также может быть размещена на агроэкопортале, направлена кинопроизводителям, а также распространена в социальных сетях.

Лобикова О.М.

старший преподаватель, Белорусско-Российский университет, г. Могилев
olg.lobikova@yandex.ru

Матвеев В.А.

студент, Белорусско-Российский университет, г. Могилев

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ ВЫБОРА ОГРАЖДАЮЩИХ КОНСТРУКЦИЙ В ЖИЛИЩНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Ключевые слова: энергоэффективность, энергомоделирование, строительство, теплопотери.

Keywords: energy efficiency, energy modeling, construction, heat loss.

Повышение энергоэффективности зданий является одной из основополагающих задач развития современного строительного комплекса. Решение ее возможно только при комплексном подходе к снижению теплопотерь через ограждающие конструкции: крышу, окна, стены, фундамент, а также потерь через вентиляцию.

Целью данной работы является разработка методологии комплексного подхода выбора варианта ограждающих конструкций.

Разработанная методология предполагает последовательное выполнение следующих этапов:

1. Выбор возможных вариантов, оценка применимости их в данных условиях проектирования.
2. Определение значимых критериев оценки.
3. Ранжирование в соответствии с принятыми критериями.
4. Комплексная автоматизированная оценка.
5. Выбор оптимального варианта.

В качестве примера применения данной методологии рассмотрим выбор ограждающих конструкций стен для малоэтажного жилого дома. Исходные данные для проектирования заданы климатическими параметрами для Республики Беларусь (табл. 1).

Таблица 1

Основные климатические параметры

Наименование	Значение	Единица измерения
Температура холодной пятидневки с обеспеченностью 0.92	-25	°С
Продолжительность отопительного периода	204	суток
Средняя температура воздуха отопительного периода	-1,9	°С
Относительная влажность воздуха наиболее холодного месяца	84	%
Условия эксплуатации помещения	Б	–
Количество градусо-суток отопительного периода	4467,6	°С сут

Для данного проекта предложены шесть конструктивных решений стен, которые удовлетворяют санитарно-гигиеническим нормам и нормам по тепловой защите.

Вариант 1: Полнотелый силикатный кирпич с утеплителем из минеральной ваты.

Характеристики варианта проектирования 1 представлены в табл. 2.

Таблица 2

Конструкция стены, вариант 1

№	Толщина слоя, мм	Материал (слои конструкции – изнутри наружу)
1	20	Цементно-песчаный раствор
2	380	Кладка полнотелого силикатного кирпича 1800 кг/м ³ на ЦПП
3	150	Минеральная (каменная) вата 25–45 кг/м ³
4	120	Кладка на растворе с пористыми наполнителями камня керамического пустотелого (250×120×138 мм), $\gamma = 1200$ кг/м ³

Вариант 2: Газобетонные блоки на теплоизоляционном растворе с утеплителем из стекловаты.

Характеристики варианта проектирования 2 представлены в табл. 3.

Конструкция стены, вариант 2

№	Толщина слоя, мм	Материал
1	400	Кладка на теплоизоляционном растворе блоков из газо- и пенобетона, газо- и пеносиликата, $\gamma_0 = 600 \text{ кг/м}^3$
2	80	Стекловата Маты М-25
		Сопrotивление теплоотдаче
3	20	Вентилируемая воздушная прослойка
4	120	Кладка на ЦПР кирпича керамического пустотелого 1200 кг/м^3

Вариант 3: Брус клееный из шпона с утеплителем из пенополистирола.
Характеристики варианта проектирования 3 представлены в табл. 4.

Таблица 4

Конструкция стены, вариант 3

№	Толщина слоя, мм	Материал
1	10	Цементно-песчаный раствор
2	60	Пенополистирол ПСБ-15 (ПСБ-С-15)
3	9	Ориентированно-стружечная плита (OSB-2, OSB-3)
4	150	Минеральная (каменная) вата $25-45 \text{ кг/м}^3$
5	50	Брус, клееный из шпона. Laminated veneer lumber (LVL)
6	9	Ориентированно-стружечная плита (OSB-2, OSB-3)
7	0.1	Пароизоляционная мембрана
8	12.5	Картон облицовочный

Вариант 4: Кирпич керамический полнотелый с утеплителем из пенополистирола (рис. 4).
Характеристики варианта проектирования 4 представлены в табл. 5.

Таблица 5

Конструкция стены, вариант 4

№	Толщина слоя, мм	Материал
1	20	Гипсовая штукатурка
2	250	Кладка на растворе с пористыми наполнителями кирпича керамического полнотелого, $\gamma_0 = 2000 \text{ кг/м}^3$
3	200	Пенополистирол ПСБ-25 (ПСБ-С-25)
4	0.1	Влаго-ветрозащитная мембрана
5	40	Вентилируемая воздушная прослойка
6	40	Мрамор

Вариант 5: Монолитная стена с утеплителем из пеностекольного щебня.
Характеристики варианта проектирования 5 представлены в табл. 6.

Таблица 6

Конструкция стены, вариант 5

№	Толщина слоя, мм	Материал
1	70	Плотный силикатный бетон
2	300	Щебень пеностекольный 135 кг/м^3
3	50	Плотный силикатный бетон
4	20	Гранит, гнейс и базальт

Вариант 6: Конструкция стены из соломенных блоков.
Характеристики варианта проектирования 6 представлены в табл. 7.

Таблица 7

Конструкция стены, вариант 6

№	Толщина, мм	Материал
1	500	Соломенная панель
2	25×50	Обрешетка
3	40	Штукатурный слой (черновой)
4	1	Льняная мешковина
5	20	Штукатурный слой (чистовой)

Результаты теплотехнического расчета представлены в табл. 8 и на рис. 1.

Результаты теплотехнического расчета по вариантам проектирования

Наименование показателя	Значения показателей по вариантам конструктивных решений					
	1	2	3	4	5	6
Термическое сопротивление, ($\text{м}^2\text{°C}$) / Вт	4.16	3.34	5.31	5.00	3.86	6.40
Сопротивление теплопередаче R, ($\text{м}^2\text{°C}$) / Вт	4.32	3.55	5.47	5.21	4.02	6.36
Санитарно-гигиенические требования R _с , ($\text{м}^2\text{°C}$) / Вт	1.26	1.26	1.26	1.26	1.26	1.26
Нормируемое значение поэлементных требований R _э , ($\text{м}^2\text{°C}$) / Вт	1.87	1.87	1.87	1.87	1.87	1.87
Базовое значение поэлементных требований R _т , ($\text{м}^2\text{°C}$) / Вт	2.96	2.96	2.96	2.96	2.96	2.96
Санитарно-гигиенические требования, Поэлементные требования.	R > R _с	R > R _с	R > R _с	R > R _с	R > R _с	R > R _с
	R > R _т	R > R _т	R > R _т	R > R _т	R > R _т	R > R _т

После проведения теплотехнического расчета, был проведен анализ сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций. Все рассматриваемые варианты ограждающих конструкций удовлетворяют нормам по тепловой защите (рис. 1).

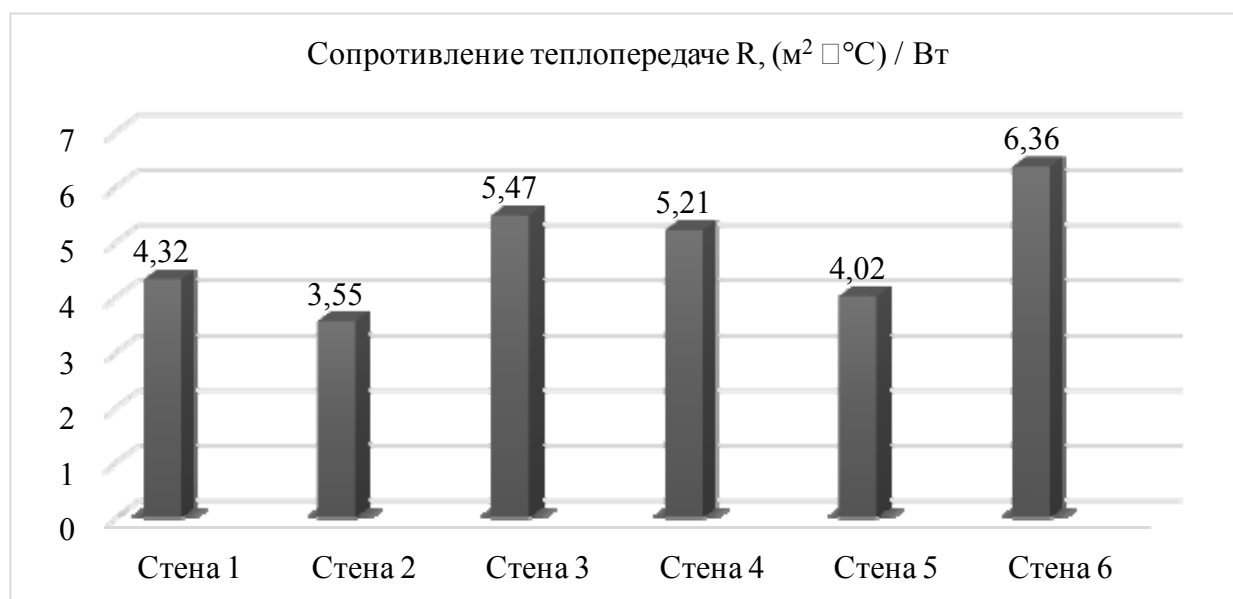

Рисунок 1.

Сопротивление теплопередаче ограждающих конструкций по вариантам проектирования

С помощью программы «Помощник инженера-сметчика» выполнен расчет сметной стоимости и определена трудоемкость возведения каждого варианта.

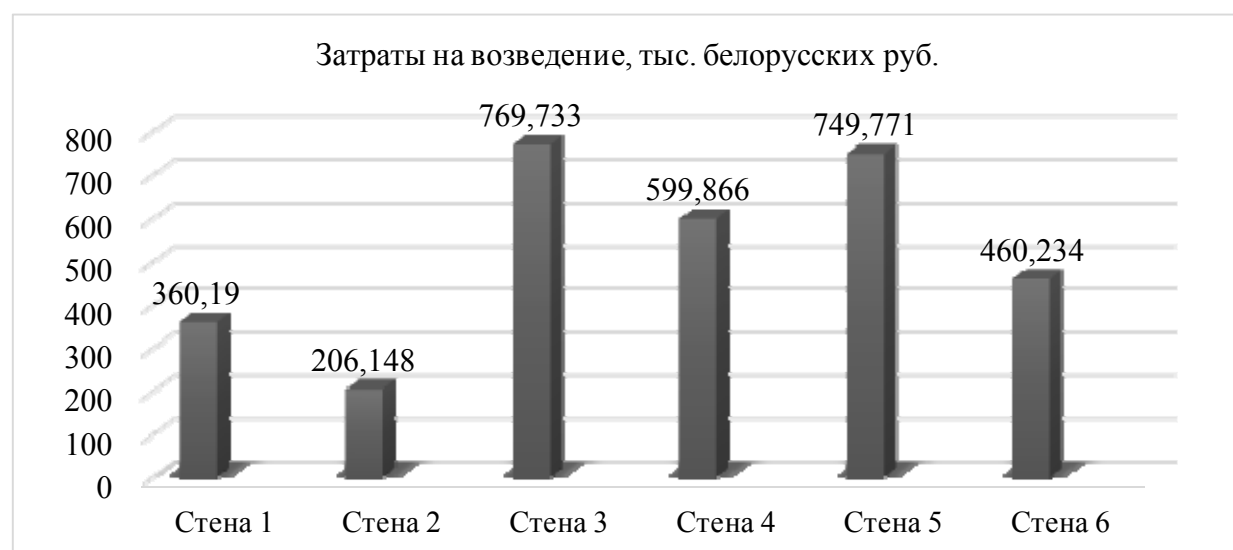

Рисунок 2.

Затраты на возведение по вариантам проектирования

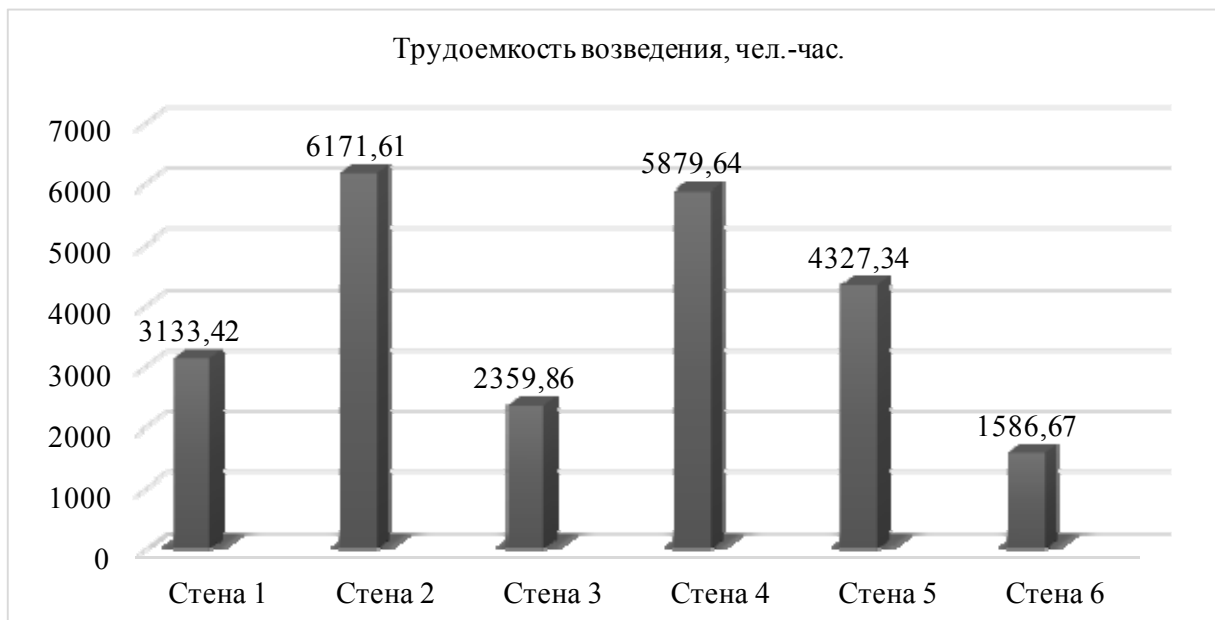

Рисунок 3.
Трудоемкость возведения по вариантам проектирования

Итогом работы является комплексная оценка вариантов. Заказчиком были выдвинуты следующие критерии оценки: теплоизоляционные характеристики (сопротивление теплопередаче), стоимость возведения, трудоемкость возведения, экологичность проекта, безопасность, звукоизоляция, уникальность дизайна. Проведенная комплексная оценка вариантов конструкций стен выявила вариант, в наибольшей степени соответствующий данным критериям отбора – конструкция стен из соломенных блоков (вариант 6). В данном варианте низкие затраты на материалы и работы. Сопротивление теплоизоляции в данном варианте проектирования превышает R_t в 2.15 раза, что позволит в процессе эксплуатации существенно снизить расходы на отопление. Данный вариант конструктивного решения ограждающих конструкций также дает возможность достичь повышенной звукоизоляции, является экологичным и безопасным. Заметим, что результаты во многом зависят от ранжирования требований заказчика.

Представленная методология комплексного подхода выбора конструктивного решения стен позволяет в автоматизированном режиме выбрать вариант по заданным параметрам с учетом индивидуальных требований заказчика, рассмотреть большее количество вариантов, сократить затраты на проектирование.

Лобикова О.М.

старший преподаватель, Белорусско-Российский университет, г. Могилев
olg.lobikova@yandex.ru

Атрашенко В.П.

студент, Белорусско-Российский университет, г. Могилев

ОБОСНОВАНИЕ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОГО ФУНДАМЕНТА В МАЛОЭТАЖНОМ ДОМОСТРОЕНИИ

Ключевые слова: энергоэффективность, энергомоделирование, фундамент, технико-экономическое сравнение, теплопотери.

Keywords: energy efficiency, energy modeling, foundation, technical and economic comparison, heat loss.

В современном малоэтажном домостроении одной из главных задач является энергоэффективность, обусловленная проблемой больших затрат на отопление помещений и сохранение тепла в них. Основными теплопотерями являются: потери через крышу; потери через окна; потери через стены; потери через вентиляцию; потери через фундамент. Последним уделяется мало внимания при проектировании зданий, что снижает эффективность принимаемых решений по энергосбережению здания в целом.

В данной работе главной задачей является расчет, конструирование и обоснование энергоэффективного фундамента, благодаря которому появится возможность сократить теплопотери через фундаменты. В качестве проектируемого здания был взят жилой двухэтажный дом общей площадью 133 м², проектируемый в г. Полоцк, Беларусь (рис. 1). Толщина наружных стен составляет 510 мм. В осях 1-3 расположен подвал глубиной 2,4 м. Расчетные значения нагрузок на уровне обреза фундамента в сечении 2-2 представлены в табл. 1.

Инженерно-геологические условия площадки были определены по трем прорубленным скважинам. Отметки устьев скважин, уровня подземных вод и физико-механические свойства грунтов приведены в табл. 2 и 3 соответственно. План площадки с расположением скважин и инженерно-геологический разрез представлены на рис. 2 и 3.

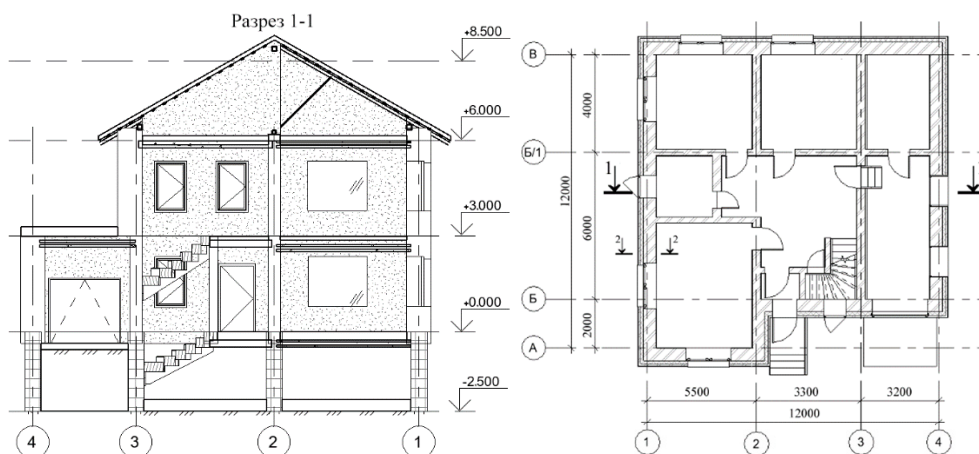

Рисунок 1.
Схема здания

Таблица 1

Расчетные значения нагрузок

Сечение	1 группа			2 группа		
	$F_{v0,1}$, кН	$M_{0,1}$, кНм	$F_{h0,1}$, кН	$F_{v0,2}$, кН	$M_{0,2}$, кНм	$F_{h0,2}$, кН
2-2	193,78	77,51	1,38	184,09	73,63	1,31

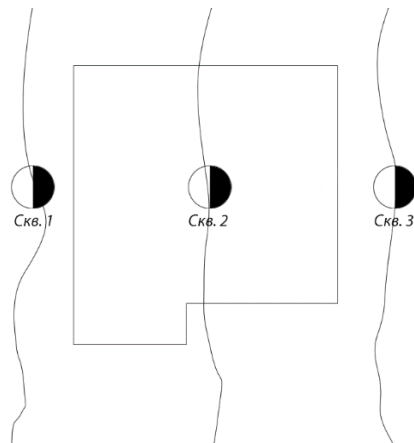

Рисунок 2.
План площадки

Таблица 2

Отметки устьев скважин и уровня подземных вод

Отметки устья в скважинах, м			Уровень подземных вод в скважинах, м		
1	2	3	1	2	3
179,2	176,7	176,7	168,0	168,2	168,0

Таблица 3

Сводная таблица физико-механических свойств грунтов

Но- мер слоя	Наиме- нование грунта	Мощность слоя, м	Физические, прочностные и деформационные характеристики грунтов основания													
			ρ_s , г/см ³ γ_s , кН/м ³	ρ , г/см ³ γ , кН/м ³	ρ_d , г/см ³ γ_d , кН/м ³	w%	w _L %	w _p %	I _p	I _L	St	e	φп град	c _n кПа	R _o кПа	E _n МПа
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	Песок	6,6	2,67 26,7	2,02 20,2	1,63 16,3	24,0	-	-	-	-	1,0	0,64	35,3	1,1	400	26,0
2	Сугли- нок	2,7	2,7 27	1,78 17,8	1,42 14,2	25,0	28,5	18,2	10,3	0,66	-	0,9	15,0	15,0	162,6	7,0
3	Глина	1,2	2,73 27,3	1,93 19,3	1,47 14,7	31,0	53,2	30,1	23,1	0,039	-	0,88	17,4	45,2	276,1	129,0
4	Песок	6,9	2,66 26,6	2,1 21,0	1,78 17,8	18,0	-	-	-	-	0,98	0,49	41,8	1,6	600	46

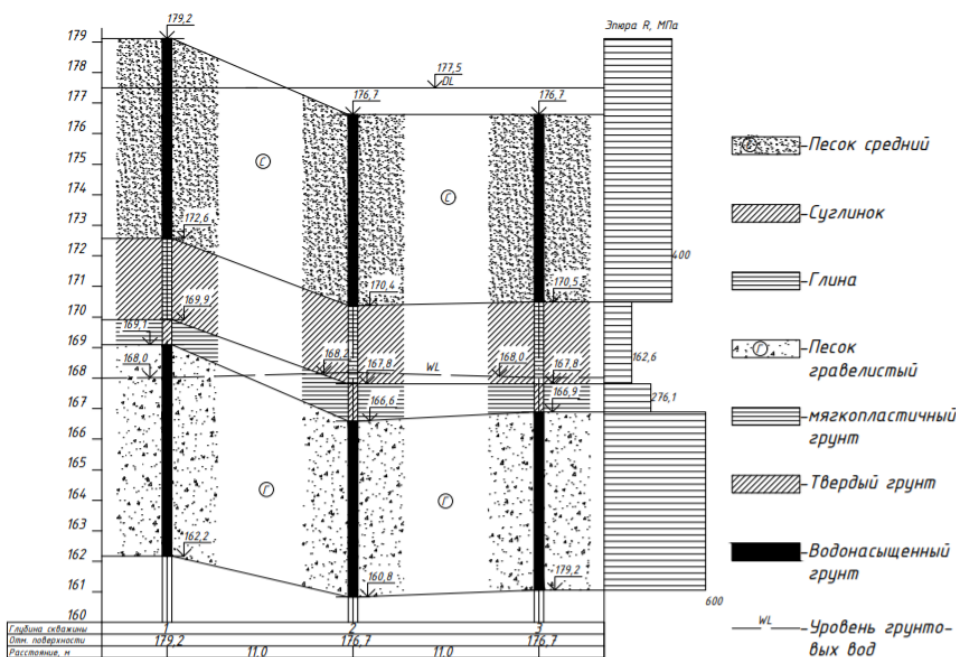

Рисунок 3.
Инженерно-геологический разрез

Площадка характеризуется горизонтальным залеганием пластов, мощность которых выдержана по простира-нию; имеется один выдержанный уровень подземных вод ниже подошвы проектируемых фундаментов. Исходя из оценки инженерно-геологических условий строительной площадки, можно сделать вывод о том, что верхний слой может служить надежным основанием для опирания на него фундаментов здания.

В качестве рассматриваемых вариантов проектирования фундаментов были выбраны следующие: утепленный финский фундамент (УФФ), представляющий из себя монолитную ленту и блоки ФБС 12.3.3; утепленная шведская плита (УШП), представленная в виде монолитной плиты по всей площади здания; ленточный фундамент, представляющий из себя ленту из плит ФЛ 20.12 и блоков ФБС 12.3.3. Схемы фундаментов представлены на рис. 4, 5 и 6 соответственно.

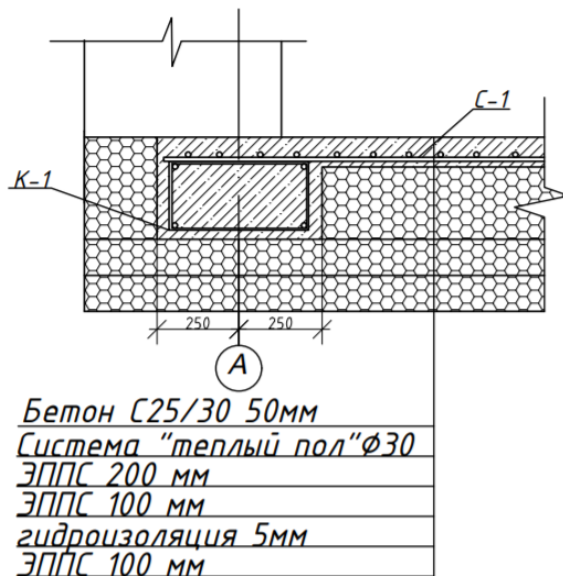

Рисунок 4.
Схема утепленной шведской плиты

Данные полученные при расчете данных фундаментов, а именно: глубина заложения, отметка уровня чистого пола, планировочная отметка, ширина фундамента, расчетное сопротивление грунта основания осевому сжатию, среднее давление под подошвой фундамента, осадка сжимаемой толщи, а также дополнительное давление на основание под подошвой фундаментов представлены в табл. 4. Расчет осадок фундаментов был произведен при помощи программного обеспечения и результаты были сведены в табл. 5, 6 и 7 соответственно.

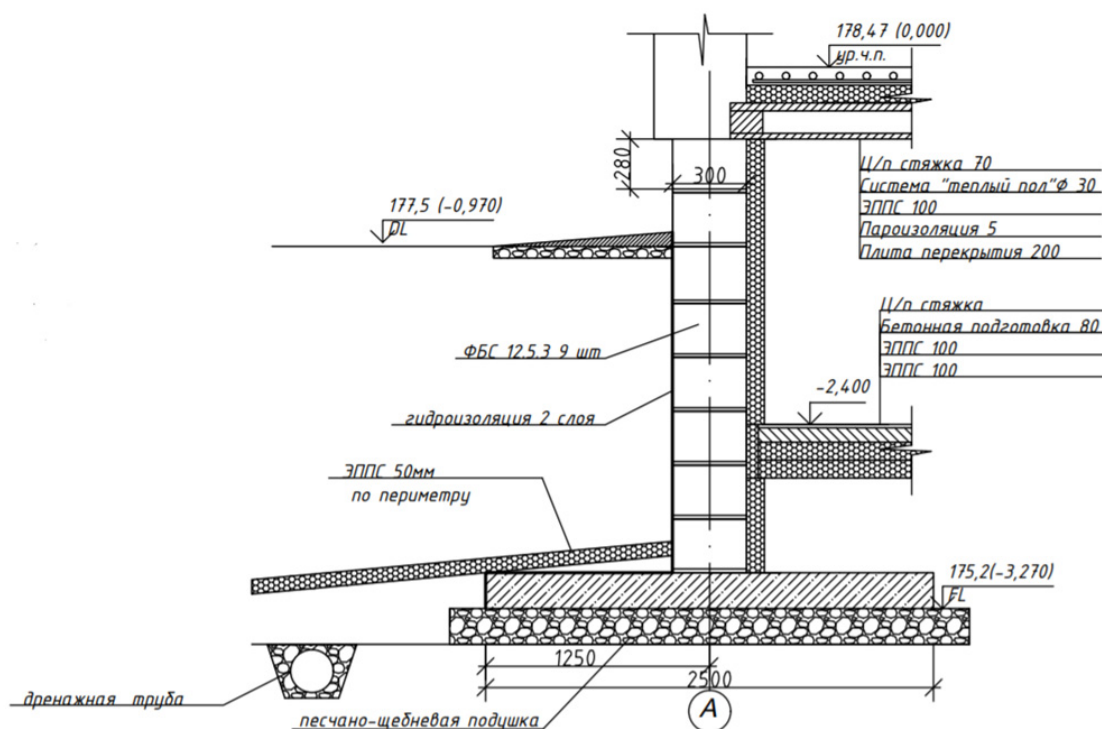

Рисунок 5.
Схема утепленного финского фундамента

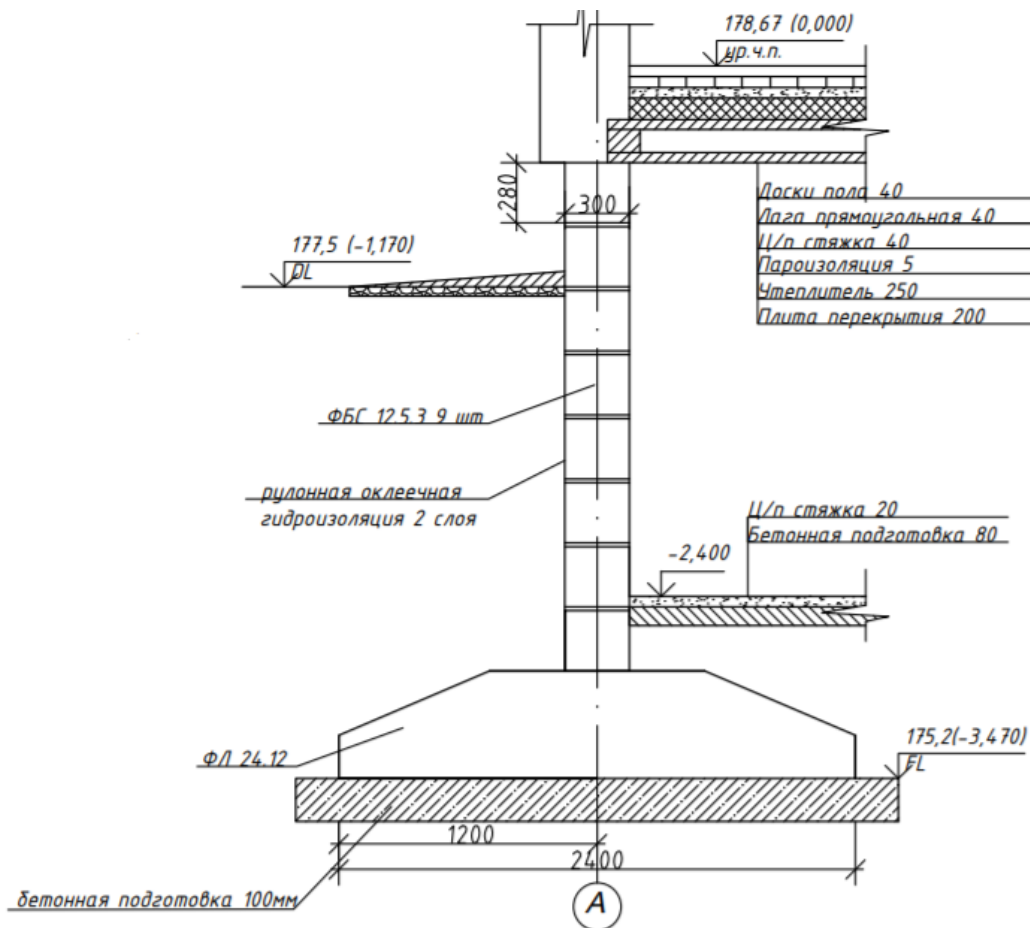

Рисунок 6.
Схема ленточного фундамента

Таблица 4

Сводная таблица расчета и конструирования фундаментов

Показатель	Вариант фундамента		
	УШП	УФФ	Ленточный фундамент
Глубина заложения фундамента d , м	0,3	2,3	2,3
Отметка уровня чистого пола, м	177,65	178,47	178,67
Планировочная отметка, м	177,5	177,5	177,5
Ширина фундамента b , м	12,7	2,5	2,4
Расчетное сопротивление грунта основания R , кПа	680,3	777,95	863,77
Среднее давление под подошвой фундамента $P_{ср}$, кПа	6,28	85,33	90,92
Осадка сжимаемой толщи S , см	0	0,115	0,25
Дополнительное давление на основание под подошвой фундамента P_0 , кПа	0,22	38,87	44,46

Таблица 5

Результаты расчета осадки утепленного шведского фундамента

Вид грунта	E , МПа	Толщина пласта грунта, м	γ_i или γ_{sbi} , кН/м ³	σ_{zq} , кПа	$0,2\sigma_{zq}$, кПа	h_i , м	Z_i , м	$\zeta=2Z/b$, $b=12m$	A	σ_{zp} , кПа	S_i , м
Песок средней крупности	26	6,6	20,2	6,06	1,21	0,3	0,3	0,05	1	0,22	0,000002
				33,33	6,67	1,4	1,7	0,28	0,97	0,21	0,000009
				61,61	12,32	1,4	3,1	0,52	0,92	0,2	0,000009
				89,89	17,98	1,4	4,5	0,75	0,83	0,18	0,000007
				118,17	23,63	1,4	5,9	0,98	0,72	0,15	0,000006
Суглинок мягкопластичный	7	2,7	17,8	133,32	26,66	0,85	6,6	1,1	0,65	0,14	0,000003
				142,4	28,48	1,4	8	1,33	0,56	0,12	0,00002
Всего				165,54	33,11	1,3	9,3	1,55	0,46	1,32	0,0002

Результаты расчета осадки утепленной финского фундамента

Вид грунта	E, МПа	Толщина пласта грунта, м	γ_i или γ_{sbi} , кН/м ³	σ_{zq} , кПа	$0,2\sigma_{zq}$, кПа	h_i , м	Z_i , м	$\zeta=2Z/b$, $b=2,5$ м	α	σ_{zp} , кПа	S_i , м
Песок средней крупности	26	6,6	20,2	46,46	9,29	2,3	2,3	1,84	0,33	12,83	0,0009
				76,76	15,35	1,5	3,8	3,04	0,14	5,44	0,00025
				107,06	21,41	1,5	5,3	4,24	0,08	3,11	0,00014
				133,32	26,67	1,3	6,6	5,28	0,052	2,02	0,00008
Суглинок мягкопластичный	7	2,7	17,8	144,18	28,84	1,5	8,1	6,48	0,034	1,32	0,00022
				165,54	33,11	1,2	9,3	7,44	0,026	1,01	0,00014
Глина полутвердая	129	1,2	19,3	202,65	40,53	1,2	10,5	8,4	0,021	0,82	0,000006
Песок гравелистый	46	3,3	21	252	50,4	1,5	12	9,6	0,016	0,62	0,000016
				283,5	56,7	1,5	13,5	10,8	0,013	0,51	0,000013
				289,8	57,96	0,3	13,8	11,04	0,01	0,39	0,000002
Всего											0,0018

Таблица 7

Результаты расчета осадки ленточного фундамента

Вид грунта	E, МПа	Толщина пласта грунта, м	γ_i или γ_{sbi} , кН/м ³	σ_{zq} , кПа	$0,2\sigma_{zq}$, кПа	h_i , м	Z_i , м	$\zeta=2Z/b$, $b=2,4$ м	α	σ_{zp} , кПа	S_i , м
Песок средней крупности	26	6,6	20,2	46,46	9,29	2,3	2,3	1,92	0,31	13,78	0,00098
				76,76	15,35	1,5	3,8	3,17	0,133	5,91	0,00027
				107,06	21,41	1,5	5,3	4,42	0,072	3,2	0,00015
				133,32	26,67	1,3	6,6	5,5	0,048	2,12	0,000085
Суглинок мягкопластичный	7	2,7	17,8	144,18	28,84	1,5	8,1	6,75	0,032	1,42	0,00024
				165,54	33,11	1,2	9,3	7,75	0,023	1,02	0,00014
Глина полутвердая	129	1,2	19,3	202,65	40,53	1,2	10,5	8,75	0,02	0,89	0,000007
Песок гравелистый	46	1,5	21	252	50,4	1,5	12	10	0,015	0,67	0,000017
				283,5	56,7	1,5	13,5	11,25	0,011	0,49	0,000013
				302,4	60,48	0,3	14,4	12	0,01	0,45	0,000007
Всего											0,00191

Были подобраны следующие типы армирования: для утепленной шведской плиты, согласно установленной строительной практике, было принято производить армирование арматурными вязанными каркасами по контуру, связанными из арматуры диаметром 12 мм и класса S500 с шагом 450 мм и общей площадью $A_{st}=452$ мм². По площади здания каркасы соединяются арматурной сеткой из арматуры класса S500, диаметром 12 мм с шагом 250 мм и общей площадью $A_{st}=12102$ мм². В варианте проектирования с утепленным финским фундаментом согласно конструктивным требованиям были приняты два пояса из арматуры диаметром 10 мм и класса S500 с шагом 340 мм и общей площадью $A_{st}=1099$ мм², в поперечном направлении конструктивно приняты стержни диаметром 6 мм и класса S250 и общей площадью $A_{st}=1132$ мм². Для варианта с ленточным фундаментом была принята арматура диаметром 10 мм и класса S500 с шагом 300 мм и общей площадью $A_{st}=471$ мм², а в поперечном направлении принята арматура диаметра 6 мм и класса S500 с шагом 100 мм и общей площадью $A_{st}=283$ мм².

Исходя из полученных расчетов, была произведена технико-экономическая оценка проектных решений фундаментов. В связи с тем, что утепленная шведская плита представляет из себя монолитную конструкцию по всей площади здания, технико-экономические показатели сравнивались относительно всего здания в целом, так как сечение по контуру наружных стен и центральной части различаются в данном типе фундамента. Оценка технико-экономических проектных решений фундаментов проводилась по следующим критериям: эксплуатационной надежности, экономии материалов, снижении трудоемкости и энергоемкости, сокращения сроков изготовления и монтажа, экономия энергетических ресурсов на отопление в процессе эксплуатации. Оценка проводилась с учетом равенства исходных данных и с соблюдением требований норм и ограничений. Исходные данные для расчета технико-экономических показателей представлены в табл. 8.

Проанализировав технологии возведения и данные из таблицы 8, можно выделить достоинства и недостатки каждого из фундаментов.

Утепленная шведская плита имеет следующий ряд преимуществ: проект является типовым, из-за чего расчет ширины плиты и арматуры можно проверить исходя из других типовых проектов; энергоэффективность данного фундамента обеспечивается за счет надежной изоляции, нескольких слоев теплоизоляционного материала и устройства системы «теплый пол» в результате чего теплопотери составляют 2,65 кВт/ч; меньшим расходом бетона, в сравнении с другими фундаментами; прочностными характеристиками; возведение данного фундамента менее энергоемко и не требует большого количества машин и времени, так же сокращается стоимость за счет небольших объемов земляных

работ и отсутствии необходимости в устройстве опалубки, так как ее роль выполняют плиты теплоизоляции, которые в последующем выполняют свою прямую задачу, а именно сохранение тепла. Несмотря на то, что у утепленной шведской плиты достаточно преимуществ, можно выделить ряд ее недостатков: расход арматуры в данном фундаменте значительно больше, вследствие чего большая часть стоимости материалов для возведения УШП составляет именно арматура, отсутствует возможность устройства подвала, так как плита монолитная, и фундамент является фундаментом мелко заложения; при возведении утепленной шведской плиты необходимо качественно производить работы по прокладыванию инженерных систем и коммуникаций, так как в случае их поломки их демонтаж и ремонт будет невозможен и есть риск повреждения самого фундамента.

Таблица 8

Исходные данные для расчета технико-экономических показателей

Показатель	Вариант фундамента		
	УШП	УФФ, монолитная лента, ФБС 12.5.3	Ленточный плитный, марки ФЛ 20.12, ФБС 12.5.3
Грунт основания. Условное расчетное сопротивление грунта основания R_0 , кПа	Песок средней крупности средней плотности $R=400$	Песок средней крупности средней плотности $R=400$	Песок средней крупности средней плотности $R=400$
Расчетное сопротивление грунта основания R , кПа	680,3	777,95	841,66
Среднее давление под подошвой фундамента P_m , кПа	6,28	83,21	88,96
Класс бетона	C25/30	C25/30	C25/30
Расход арматуры (класс S500), кг	1110,66	782,74	215,8
Себестоимость материалов, руб.	122418,85	116999,53	60590,35
Затраты труда, чел-дн.	21	44	43
Расход материалов:			
– ФЛ 24.12, м	–	–	52
– Бетон C25/30, м ³	21,6	30,5	59,18
– Арматурная сталь, кг	1110,66	782,74	215,8
Коэффициент эффективности	11,76	4,52	10,46
Потери тепла через 1 м ² при температуре самой холодной пятидневки, кВт/ч	2,65	2,96	4,19

В варианте проектирования утепленного финского фундамента можно выделить следующие достоинства: данный фундамент позволяет проектировать подвал в здании; относительно небольшой расход арматуры; теплотери за счет наличия системы «теплый пол», теплоизоляции и плит ЭППС составляют 2,95 кВт/ч; сравнительно небольшой расход бетона, который применяется для устройства самого фундамента, а именно фундаментной плиты. Как и в случае с утепленной шведской плитой, у утепленного финского фундамента так же имеется ряд недостатков: стоимость земляных работ и возведения фундамента значительно больше, так как имеется подвал, так же увеличится сложность производимых работ; для перевозки фундаментных блоков необходимы специальные машины, что так же увеличивает стоимость работ; из-за сравнительно высоких теплотерь, в сравнении с утепленной шведской плитой, на поддержание температуры в помещении будет уходить больше энергии, а следовательно, увеличится стоимость за отопление.

Анализируя данные по ленточному фундаменту, можно выделить следующие положительные стороны данной конструкции: стоимость материалов значительно меньше, чем у других фундаментов; меньший расход арматуры, в сравнении с другими вариантами; технология позволяет устройство подвала под зданием; конструкция фундамента позволяет устраивать его под любым типом стен. При этом ленточный фундамент имеет ряд недостатков, а именно: теплотери данной конструкции составляют 4,19 кВт/ч, что говорит том, что на отопление помещения потребуется больше энергии, а следовательно, и затрат финансовых ресурсов; требует большей трудоемкости работ; значительный объем земляных работ; привлечение специальной техники.

На основе сопоставления достоинств и недостатков всех трех вариантов нами была предложена методика определения коэффициента эффективности фундаментов, которая позволяет учесть следующие характеристики: приведенные затраты на возведение фундамента, затраты труда, нагрузку на фундамент от наземных конструкций и теплотери через фундаменты в процессе эксплуатации. Сравнивая результаты (табл. 8), можно сделать вывод, что утепленная шведская плита является оптимальным вариантом для возведения, так как удовлетворяет заявленным критериям, о чем свидетельствует максимальное значение коэффициента эффективности, а также позволяет решить один из главных вопросов в малоэтажном домостроении – повышение энергоэффективности фундаментов, а следовательно, и повышение энергоэффективности здания в целом.

Лойко А.И.

д. филос. н., профессор, зав. кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет, Минск
alexander.loiko@tut.by

РЕГИОНЫ БЕЛАРУСИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: регион, Беларусь, территория, инклюзивная экономика, устойчивое развитие.

Keywords: region, Belarus, territory, inclusive economy, sustainable development.

Инклюзивная экономика определяется как альтернатива экономике социального неравенства и дифференциации. Эта альтернатива базируется на стратегии устойчивого развития, ценностях зеленой экономики, обеспечения национальной безопасности в условиях реализации нового этапа индустриализации. Риски для национальной безопасности создает дифференциация регионов. Инклюзивный подход рассматривается как инструмент снижения уровня дифференциации социально-экономического развития регионов¹. Аналитики разрабатывают альтернативные стратегии развития ресурсных регионов².

Инклюзивная экономика стала предметом рассмотрения на уровне ЕАЭС. Департаментом макроэкономического развития ЕАЭС разработана методика оценки инклюзивности экономического роста государств, являющихся членами организации. Эта методика одобрена Коллегией комиссии ЕАЭС 14.10.2019 г. протоколом № 32.

В тренде инклюзивной экономики находится сотрудничество регионов Беларуси и России. Его динамика отражается в виде статистических исследований. Конкретную информацию содержит бюллетень «Экономический обзор регионов Беларуси». На его основе исследуются тенденции развития регионов Беларуси. Подобные исследования проводят и российские аналитики.

Функцию платформы сотрудничества регионов Беларуси и России выполняет региональный потребительский рынок. Он представлен совокупностью торгово-посреднических, информационно-кадровых, маркетинговых, логистических, экономико-правовых, финансово-кредитных, внешнеэкономических и материально-технических компонентов.

На уровне цифровой экосистемы функционирует товаропроводящая сеть. Ее институциональный статус формируют экономико-правовые определения товаропроводящей сети, прямых поставок, дилерских, дистрибьюторских центров, агента, комиссионера, тактики экспортной кооперации, межрегионального маркетингового центра. Аналитика включает исследование товарного рынка, оценку конкурентной среды и рисков, спроса на рынке, возможностей предприятий и состояние институциональной среды. Учитываются особенности менталитета предпринимательской среды.

Углублению сотрудничества регионов Беларуси и России способствует институциональная среда Союзного государства. Координаторами сотрудничества на региональном уровне стали торгово-промышленные палаты. Рассмотрение национальных и межгосударственных структур инклюзивной экономики является важным для понимания инклюзивной экономики регионов Беларуси, тесно интегрированной в межотраслевую кооперацию предприятий Союзного государства в рамках полного цикла создания промышленной продукции.

Минск стал мегаполисом с населением в несколько миллионов человек в результате доминирования методологии отраслевого подхода. На фоне мегаполиса проигрывал региональный территориальный подход. Это показала трудовая миграция в границы столичного мегаполиса. Обнаружилась проблема снижения емкости рынка труда в региональных промышленных городах, не имевших административных преференций.

10.12.2021 г. протоколом № 710 утвержден национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. Термин «зеленая экономика» фактически подразумевает инклюзивную экономику. Документом представлена стратегия новой индустриализации регионов на основе усиления в промышленном производстве доли местных природных ресурсов, в первую очередь, древесины и реализации на основе технологической модернизации полного цикла переработки сырья. Такой же подход реализуется в аграрном секторе производства. Он мотивирован ростом спроса на внешних рынках и внутреннем рынке России на животноводческую продукцию. Этому проекту способствует значительная по объемам природных ресурсов база месторождений калийных солей. В результате востребованным стал механизм коллаборации.

¹ Лясковская Е.А., Григорьева К.А. Рейтинг инклюзивного развития макрорегионов Российской Федерации // Вестник ЮГрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2018. – Т. 12, № 2. – С. 45–54.

² Крюков В.А., Севастьянова А.Е., Токарев А.Н., Шмат В.В. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. – Т. 13, вып. 1. – С. 93–105.

Приоритет отдается компактному расположению взаимодополняющих друг друга производств с определенной спецификой базового производства. Использование полуфабрикатов, отходов и сырья является важным источником производства товаров с высокой добавленной стоимостью, логистики и сервисного обслуживания.

Для повышения привлекательности региональной инклюзивной экономики белорусское государство стимулировало перевод производств из зоны дорогой столичной арендной платы в малые и средние города, а также модернизировало транспортные коммуникации, включая сеть региональных аэропортов. Акцент сделан на автомобильные дороги.

В непосредственном соприкосновении с Минском создана региональная инфраструктура городов-спутников мегаполиса. Ее элементами стали аэропорт Минск-2, индустриальный парк «Великий камень», города Смолевичи, Заславль, Фаниполь, Дзержинск, Руденск, Жодино и Борисов. В территориальном комплексе Новополоцка, Полоцка и Витебска функционирует нефтехимический кластер переработки нефти, природного газа, кожи. На втором уровне этого комплекса функционируют производства товаров с высокой добавленной стоимостью.

На базе Солигорска функционирует кластер горной химии. Сырьем для него являются залежи калийных солей. К нему территориально близко расположены города Любань, Слуцк, Несвиж. Регион является зоной высокопродуктивного аграрного производства с развитой инфраструктурой предприятий молочной и мясной промышленности. Функционирует комплекс производства зерна. Компания СІТІС Construction реализует в регионе проект высокотехнологичного кластера биотехнологий производства аминокислот для свиноводства и птицеводства.

Поскольку концепция инклюзивной экономики предполагает умный рост на основе знаний и инноваций, то важная роль в регионах отводится центрам университетской науки¹. Университеты функционируют в областных центрах и таких крупных промышленных городах как Барановичи, Новополоцк и Пинск. Образовательную инфраструктуру дополняют институты. Они формируют интеллектуальные платформы с конкретными профилями. Одной из первых таких платформ стал Полесский государственный университет. Его профили связаны с растениеводством, животноводством, аквакультурой, биопрепаратами и туризмом. В функционировании интеллектуальных платформ наступил этап цифровых экосистем². Востребованным оказался опыт Парка высоких технологий. Этот Парк создал в промышленных городах Беларуси автономные структуры программного и аппаратного обеспечения коллаборации. Используется методология экстерриториального резидентства. Парк высоких технологий открыл 10 филиалов кафедр в университетах Беларуси. Подобный опыт сделал возможным переход на уровень цифровых экосистем.

Индустриальные промышленные технологии создали особые локальные городские экосистемы, которые исключали аграрную деятельность и базировались на четком разделении труда. В начале XX столетия представителями Чикагской школы, в частности, Р. Парком, была предложена методология рассмотрения города как живого организма, с характерными для него системами жизнедеятельности. В результате в прикладной части этой методологии был предложен проект модернизации городской среды с учетом экологических факторов, способствующих динамическому равновесию городской среды на основе эффективного использования аэродинамики воздушных потоков и канализационных систем. Была сформулирована международная тематика сохранения динамического равновесия биосферы. Были приняты международные протоколы. Но ключевой стала проблема модернизации энергетических и промышленных технологий под стандарты рециклинга.

На уровне теории стала актуальной тематика экологии в категориях природы, человека и техники. Востребованной оказалась тематика коэволюции природных и социальных систем. Была выявлена тенденция в динамике системы экологического знания в сторону социологизма. Первоначально это смещение выглядело как изучение человеческого сообщества в категориях биологизма.

После социологии терминологическим аппаратом биологии стали пользоваться экономические и управленческие науки. Причиной обращения к этой терминологии была не экология, а поиск эффективных моделей экономической и управленческой деятельности. К этому поиску подталкивали созданные человечеством ресурсы информационных технологий, а затем и санитарно-эпидемиологический изоляционизм ковидной эпохи.

Представителями экономического дискурса экосистема рассматривается как конкретная методология построения бизнес-процессов на основе системного подхода, потенциала смарт-индустрии и конвергентных технологий. Во внимание принимаются коммуникативные функции высоких технологий, элементами которых стали технические устройства, интегрированные с цифровыми платформами. Основным входным техническим устройством в экосистему для пользователей продуктов и услуг стал смартфон. Конвергенцию локальных систем техники и технологий обеспечивают интегрированные автоматизированные информационные системы.

Пользователям товаров и услуг цифровая экосистема выгодна тем, что в оперативном режиме через смартфон она реагирует практически на весь спектр потребностей клиента, включая доставку услуг и товаров по месту его нахождения. Компаниям и банкам цифровые экосистемы выгодны, потому что они позволяют реализовать индивидуальный подход к клиенту, изучить его потребности и оперативно реагировать на запросы клиентской базы. Эта база может составлять сотни миллионов пользователей.

Цифровые экосистемы работают в едином мобильном приложении. Они адаптируются под требования клиента благодаря тому, что формируют его профиль, обобщают сведения о его приобретениях, Они функционируют через адресное предложение клиенту. Малым и средним компаниям они открыты для совместной деятельности.

Структурно цифровая экосистема состоит из совокупности платформ, предоставляющих различную продукцию и услуги, онлайн и офлайн-сервисов. Системы взаимодействия экосистемы требуют регулирования, поскольку суще-

¹ Долина Т.Н. Драйверы инклюзивного развития. – Минск, 2019.

² Лойко А.И. Философия цифровых технологий. – Минск, 2022.

ствуют риски недобросовестной конкуренции, дискриминации участников, монополизации технологий, неправомерного использования персональных данных клиентов, недостаточный уровень информационной безопасности.

Открытый статус цифровой экосистемы делает возможным сотрудничество ведущей экосистеме компании или банка с другими компаниями, заинтересованными в росте продаж их услуг на основе использования бренда цифровой экосистемы. В результате имеет место диверсификация услуг и товаров, что увеличивает перспективу роста у экосистемы клиентской базы. На белорусском рынке активно работают цифровые потребительские экосистемы Яндекса и Сбербанка.

Белорусские компании пользуются технологической цифровой платформой Парка высоких технологий. Это позволило им перейти на нейромаркетинг и цифровую логистику. В результате эпидемиологические ограничения не только не повлияли на производственную деятельность компаний, но и улучшили условия реализации продукции. Для региональных компаний, которые работают с российским рынком, цифровая платформа является уникальной возможностью для работы с постоянными потребителями продукции.

Так, например, предполагается создавать ассоциированные экстерриториальные региональные кластеры, ресурсом которых является производство кожи с последующей трансформацией этого полуфабриката в товар с высокой добавленной стоимостью на 78 обувных и кожгалантерейных фабриках, расположенных в городах Беларуси. А это означает использование новой методологии региональной политики. В этой политике ключевую роль будет играть фактор децентрализации. Объемы логистики будут нарастать не в направлении Минска, а минуя его, с тем, чтобы инклюзивная экономика Беларуси стала полицентричной.

Таким образом, региональная инклюзивная экономика реализует ряд стратегических задач, связанных с рынком труда, местной ресурсной базой, максимальным использованием промышленной логистики.

Малкина М.Ю.

д.э.н., профессор, г.н.с., Нижегородский государственный университет
mmuri@yandex.ru

РЕАКЦИЯ НА ШОК И ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ 2020–2021

Ключевые слова: регион, пандемия, шокоустойчивость, восстановление, индексы резилентности, бюджетные доходы, доходы населения, промышленное производство, обороты торговли, инвестиции в основной капитал.

Введение. Пандемия 2020 года сопровождалась введением жестких ограничительных мер в отношении мобильности населения, принудительным закрытием ряда бизнесов и сокращением деловой активности предприятий (главным образом это коснулось контактной сферы услуг, туристическо-рекреационного и гостиничного бизнеса, перевозок разными видами транспорта и пр.), а также изменением структуры спроса на продукцию. Все это сказалось на объемах производства в основных отраслях, доходах населения и территориальных бюджетах. При этом стимулирующие фискальные меры (установление льгот и отсрочек по ряду налогов), рост межбюджетной помощи, в том числе для покрытия расходов на социальную сферу и здравоохранение, активная реализация национальных проектов в период пандемии способствовали поддержке регионов и сдерживали спад в целом ряде отраслей. В таких условиях отраслевая структура экономики стала основным фактором устойчивости российских регионов в период пандемии 2020.

Восстановительный период региональных экономик пришелся на 2021 год, когда, несмотря на распространение коронавирусной инфекции, жесткие ограничения на мобильность населения и деловую активность были сняты. В этот период происходил рост промышленного производства, имело место увеличение оборотов торговли и сферы услуг, реализовался отложенный спрос на многие товары и услуги, который к тому же подогревался инфляционными ожиданиями населения.

Теоретическая база исследования. Наше исследование посвящено изучению устойчивости экономик российских регионов в острой фазе пандемии и последующем восстановительном периоде. Оно опирается на теорию резилентности экономических систем, разработанную в трудах К. Фостера¹, Э. Хилла и др.², Р. Мартина и др.³, Б. Финглтона и др.⁴, Р. Лагравинезе⁵. Под устойчивым (резилентным) развитием понимается как сопротивляемость экономики к внешним шокам (resistance), так и ее способность восстанавливать прежнее равновесие (recovery) либо выходить на новые траектории развития. Устойчивость экономики измеряется как глубиной спада во время воздействия внешнего шока, так и скоростью восстановления экономики после него. Р. Мартин соединил теорию экономической резилентности с теорией зависимости от предшествующего развития (path dependence) и понятием гистерезиса в экономике⁶. Он также обратил внимание на способности экономических систем адаптировать фирменную, отраслевую, технологическую и институциональную структуру при освоении ими новых паттернов развития.

Резилентности экономических систем в условиях пандемии 2020–2021 посвящен целый ряд современных исследований. В них делается акцент на влиянии отраслевой структуры экономики⁷ и правительственной помощи⁸ на адаптацию экономик разных стран и регионов к кризису, вызванному распространением коронавирусной инфекции, а

¹ Foster K.A. A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience. Working Paper 2007-08 / Institute of Urban and Regional Development, University of California. – Berkeley, 2006. – <https://www.econstor.eu/obitstream/10419/59413/1/592535347.pdf>

² Hill E.W., Wial H., Wolman H. Exploring Regional Economic Resilience. Working Paper 2008-04 / Institute of Urban and Regional Development. – Berkeley, 2008.

³ Martin R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography. 2012. – Vol. 1. – P. 1–32; Martin R., Sunley P., Gardiner B., Tyler P. How regions react to recess resilience and the role of economic structure // Regional Studies. 2016. – Vol. 50. N 4. – P. 561–585.

⁴ Fingleton B., Garretsen H., Martin R. Recessionary shocks and regional employment: evidence on the resilience of U.K. regions // Journal of Regional Science. 2012. – Vol. 52, N 1. – P. 109–133.

⁵ Lagravinese R. Economic crisis and rising gaps North-South: evidence from the Italian regions // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2015. – Vol. 8, N 2. – P. 331–342. – <https://doi.org/10.1093/cjres/rsv006>

⁶ Martin R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography. 2012. – Vol. 1. – P. 1–32.

⁷ Hu X., Li L., Dong K. What matters for regional economic resilience amid COVID-19? Evidence from cities in Northeast China // Cities. 2022. – Vol. 120. – 103440.

⁸ Arbolino R., Di Caro P. Can the EU funds promote regional resilience at time of Covid-19? Insights from the Great Recession // Journal of Policy Modeling. 2021. – Vol. 43, N 1. – P. 109–126.

также проводятся межстрановые сравнения с использованием альтернативных индексов устойчивости¹. Ряд исследований посвящен реакции экономик российских регионов и их бюджетной сферы на пандемию 2020². В этом контексте особо следует отметить статью И.Д. Тургель, О.А. Черновой и А.А. Усольцевой³, в которой выявлены четыре типа приспособления высокоурбанизированных регионов России к острой фазе пандемии: адаптивно-устойчивый, уязвимый лабильно-адаптивный, ремиссионно-адаптивный и слабо адаптивный.

Целью настоящего исследования является анализ устойчивости экономик российских регионов в период острой фазы пандемии 2020 года и восстановительного периода 2021 года с помощью построения интегральных индексов резилентности на основе частных показателей.

Данные и методы исследования. Резилентность региональных экономик оценивается на основе анализа динамики следующих региональных показателей: 1) среднедушевых консолидированных доходов субфедеральных бюджетов (Budget_R); 2) среднедушевых номинальных доходов населения (Income_p); 3) объема промышленного производства в расчете на душу населения (Industry); 4) оборота оптовой и розничной торговли в расчете на душу населения (Trade); 5) объема инвестиций в основной капитал в расчете на одного занятого (Invest). В исследовании используются данные по 85 субъектам Российской Федерации за 2015-2021 годы. Источником информации являются официальные сайты Федеральной службы государственной статистики⁴ и Федерального казначейства РФ⁵.

Степень реакции каждого k -того показателя ($k = 1, K$) в каждом i -том регионе ($i = 1, N$) на пандемический шок и скорость последующего восстановления оценивается с помощью подхода Р. Мартина⁶ и Р. Лагравинезе⁷. Для этого сначала рассчитываются:

– средние темпы прироста исследуемого показателя в допандемический период (2015-2019 годы):

$$g_t^{ik} = (\ln(y_{T-1}^{ik}) - \ln(y_1^{ik})) / (T - 2).$$

– темпы прироста показателя в острой фазе пандемии (2020 год):

$$g_T^{ik} = \ln(y_T^{ik}) - \ln(y_{T-1}^{ik}).$$

– темпы прироста в восстановительный период (2021 год):

$$g_{T+1}^{ik} = \ln(y_{T+1}^{ik}) - \ln(y_T^{ik}),$$

где $t = 1, \vec{T} - 1$ – допандемический период; $t = T$ – год острой фазы пандемии (2020 год), $t = T + 1$ – восстановительный год (2021).

Далее на основе расчета относительного отклонения изменения темпа прироста показателя в регионе по сравнению с его изменением в стране определяются два индекса резилентности для двух периодов:

– индекс шокоустойчивости (относительной глубины падения в острой фазе пандемии):

$$R_{1ik} = \frac{(g_T^{ik} - g_t^{ik}) - (g_T^{Nk} - g_t^{Nk})}{|g_T^{Nk} - g_t^{Nk}|}.$$

Если спад в экономике региона ниже, чем в среднем по стране, то $R_{1ik} > 0$; если выше – $R_{1ik} < 0$.

– индекс восстановления (относительная скорость роста в восстановительном периоде):

$$R_{2ik} = \frac{(g_{T+1}^{ik} - g_T^{ik}) - (g_{T+1}^{Nk} - g_T^{Nk})}{|g_{T+1}^{Nk} - g_T^{Nk}|}.$$

Если восстановительный рост в экономике региона выше, чем в среднем по стране, $R_{2ik} > 0$, если ниже – $R_{2ik} < 0$.

Далее частные индексы резилентности нормируются с использованием метода Z-счета:

$$R_{1ik}^N = \frac{R_{1ik} - \mu_{R1}}{\sigma_{R1}}, \quad R_{2ik}^N = \frac{R_{2ik} - \mu_{R2}}{\sigma_{R2}},$$

¹ Lee C.-T.; Hu J.-L.; Kung M.-H. Economic Resilience in the Early Stage of the COVID-19 Pandemic: An Across-Economy Comparison // Sustainability. 2022. – Vol. 14. – 4609.

² Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. – № 1. – С. 48–60; Широков А.А. Пандемический кризис экономики: механизмы развития и решения в области экономической политики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. – № 1(49). – С. 209–216; Kolomak E. Economic effects of pandemic-related restrictions in Russia and their spatial heterogeneity // R-Economy. 2020. – Vol. 6, N 3. – P. 154–161.

³ Turgel I. D., Chernova O. A., Usoltceva A. A. Resilience, robustness and adaptivity: Large urban Russian Federation regions during the COVID-19 crisis // Area Development and Policy. 2022. – Vol. 7, N 2. – P. 222–244.

⁴ Федеральная служба государственной статистики РФ. Официальный сайт. – <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>

⁵ Федеральное казначейство России. Официальный сайт. Статистика государственных финансов. – <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/statistika-gosudarstvennykh-finansov-rf/>

⁶ Martin R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography. 2012. – Vol. 1. – P. 1–32.

⁷ Lagravinese R. Economic crisis and rising gaps North-South: evidence from the Italian regions // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2015. – Vol. 8, N 2. – P. 331–342.

где $\mu_{R1} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N R_{1ik}$ и $\mu_{R2} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N R_{2ik}$ – среднерегиональные значения индексов;
 $\sigma_{R1} = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N (R_{1ik} - \mu_{R1})^2}$ и $\sigma_{R2} = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N (R_{2ik} - \mu_{R2})^2}$ – средние квадратические отклонения индексов.

Интегральные индексы резилентности 1 и 2 в регионах рассчитываются как простые арифметические средние частных нормированных индексов резилентности.

Гипотеза исследования. С учетом тенденции возвращения экономик после краткосрочных шоков на их прежние траектории (path dependence), мы полагаем, что наибольшая скорость восстановления должна наблюдаться в регионах, переживших наибольший шок. И, наоборот, в регионах, переживших меньший спад, восстановление должно быть более медленным.

Результаты и их обсуждение. В таблицах 1–5 представлены описательные статистики темпов прироста пяти частных показателей за три рассматриваемых периода: допандемический, пандемический и восстановительный.

Для среднедушевых доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (табл. 1) в острой фазе пандемии отмечается существенное увеличение темпов прироста, что объясняется главным образом ростом межбюджетной помощи для компенсации выпадающих собственных доходов регионов и растущих расходов на социальную сферу и здравоохранение. При этом разброс показателя темпов прироста бюджетных доходов также сильно увеличился, что свидетельствует о росте его межрегиональных различий. В восстановительный период средний темп прироста бюджетных доходов несколько повысился, а его разброс снизился (что видно по изменению размаха вариации, среднеквадратического отклонения и коэффициента вариации). Этот эффект объясняется главным образом восстановлением собственных доходов бюджетов и более равномерной межбюджетной помощью в 2021 году.

Таблица 1

Описательные статистики темпов прироста среднедушевых бюджетных доходов в российских регионах (Budget_R), %

Показатель	Период		
	Допандемический	Пандемический	Восстановительный
Min	-2,16	-22,74	-3,11
Max	19,10	43,48	39,71
μ	9,45	12,92	14,98
σ	3,26	9,97	8,49
CV	0,345	0,772	0,567

Примечание. Здесь и далее Min – минимальное значение, Max – максимальное значение, μ – среднее значение, σ – среднеквадратическое отклонение, CV – коэффициент вариации темпа прироста показателя в регионах.

Темпы прироста среднедушевых номинальных доходов населения (табл. 2) в период пандемии несколько снизились, а разброс их в регионах заметно увеличился. В восстановительный период наблюдается существенный прирост номинальных доходов при незначительном уменьшении их абсолютного разброса и существенном уменьшении относительного разброса, измеряемого коэффициентом вариации.

Таблица 2

Описательные статистики темпов прироста среднедушевых номинальных доходов населения в российских регионах (Income_p), %

Показатель	Период		
	Допандемический	Пандемический	Восстановительный
MIN	-0,79	-4,31	1,21
MAX	13,30	13,26	15,95
μ	3,47	2,66	8,51
σ	1,92	2,51	2,32
CV	0,554	0,944	0,272

Согласно данным табл. 3, пандемия 2020 очень по-разному повлияла на состояние промышленного производства в регионах РФ. В отдельных регионах (г. Севастополь, Ханты-Мансийском АО, Ненецком АО) спад составил более 30%. В других регионах (Мурманской области, Чукотском АО и Магаданской области), напротив, прирост промышленного производства превысил 30%. В среднем темпы роста промышленного производства сильно упали, а их разброс значительно увеличился. Восстановительный период охарактеризовался существенным увеличением темпов роста промышленного производства и снижением их межрегиональных различий.

Описательные статистики темпов прироста среднедушевых объемов промышленного производства в российских регионах (Industry), %

Показатель	Период		
	Допандемический	Пандемический	Восстановительный
MIN	-9,00	-41,69	-14,09
MAX	29,80	63,76	60,42
μ	9,54	0,18	22,55
σ	4,97	15,54	14,67
CV	0,521	84,125	0,651

Темпы прироста оборота розничной и оптовой торговли в расчете на душу населения (табл. 4) в острой фазе пандемии также в среднем снизились, и этот процесс в пространстве российских регионов проходил крайне неравномерно. Заметный рост торговли (более 10%) наблюдался в Тверской и Томской областях, Республике Ингушетия, а также в Камчатском крае. В то же время значительный спад (более 9%) был в Астраханской и Кемеровской областях. В среднем, на пандемию 2020 торговля отреагировала более спокойно, чем промышленность, что объясняется постоянством спроса населения на продовольственные и некоторые непродовольственные товары. Восстановительный рост в отрасли торговли был внушительным. Например, в Ненецком АО в 2021 году суммарные обороты оптовой (главным образом) и розничной торговли увеличились почти в 2,3 раза, а в городе Москва – на 70%. Только в одном российском регионе (Волгоградской области) отмечался небольшой спад торговли в восстановительном периоде (менее 3%). Следует также отметить существенное увеличение верхней границы темпов прироста оборотов торговли и существенный рост их абсолютного разброса в регионах. По сравнению с пандемическим периодом относительное неравенство темпов прироста (измеряемое коэффициентом вариации) снизилось, но оно оказалось заметно выше уровня допандемического периода.

Таблица 4

Описательные статистики темпов прироста среднедушевого оборота торговли в российских регионах (Trade), %

Показатель	Период		
	Допандемический	Пандемический	Восстановительный
MIN	-1,00	-9,26	-2,86
MAX	13,71	15,80	128,97
μ	6,06	1,94	19,21
σ	2,97	4,89	15,11
CV	0,490	2,516	0,786

Инвестиции в основной капитал в регионах (табл. 5) также существенно отреагировали на пандемию. Темпы их роста в среднем снизились, но не так сильно, как в промышленности и торговле. Разброс темпов увеличился, как и в отраслях экономики. Здесь также следует отметить регионы с существенным приростом инвестиций. Лидером стала Республика Калмыкия (+86,5%), также заметный рост наблюдался в Республике Марий Эл (+31%), Хабаровском крае (+28,7%), Забайкальском крае (+28,5%), Республике Дагестан (+27,8%). В основном рост инвестиций происходил за счет государственных средств, выделяемых в рамках национальных проектов. В то же время в ряде регионов инвестиции в основной капитал в расчете на одного занятого заметно упали: в городе Севастополь на 43,7%, Республике Алтай – на 41,2%, Республике Саха (Якутия) – на 47,8%. Между тем, в восстановительный период не отмечается достижение инвестициями среднего темпа роста допандемического периода, что, по всей видимости, связано с долгосрочными последствиями пандемии. А их абсолютный и относительный разброс в регионах в среднем сохранился на уровне пандемического периода, что заметно выше допандемического уровня.

Таблица 5

Описательные статистики темпов прироста инвестиций в основной капитал в расчете на одного занятого в российских регионах (Invest), %

Показатель	Период		
	Допандемический	Пандемический	Восстановительный
MIN	-7,87	-47,84	-85,31
MAX	43,07	86,53	40,36
μ	7,83	5,09	5,53
σ	8,99	16,91	17,85
CV	1,148	3,321	3,228

Далее перейдем к анализу индексов резилентности (шокоустойчивости и восстановления) в российских регионах, рассчитанных на основе пяти частных показателей развития. Поскольку сами индексы к таблицам 1–5 никакой принципиально новой по содержанию информации не добавляют, акцент сделаем на установлении связи между двумя индексами резилентности в регионах. Таким образом мы переходим к тестированию нашей гипотезы о том, что ре-

гионы, пережившие наибольшее падение в острой фазе пандемии, в последующем показали более быстрый восстановительный рост. Зависимости между двумя индексами резилентности для пяти частных показателей и интегрального нормированного индекса резилентности представлены на рис. 1–6.

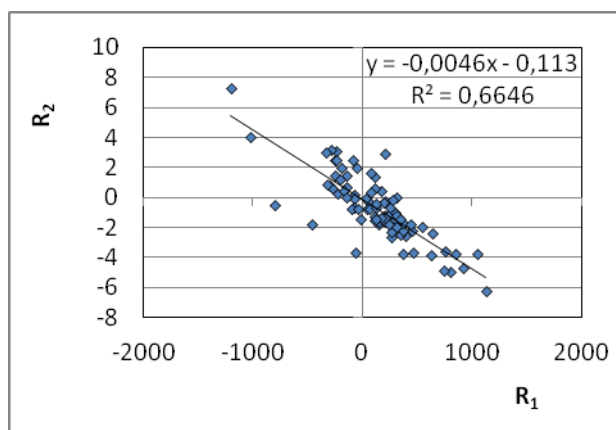

Рисунок 1.
Связь индексов резилентности бюджетных доходов в регионах РФ

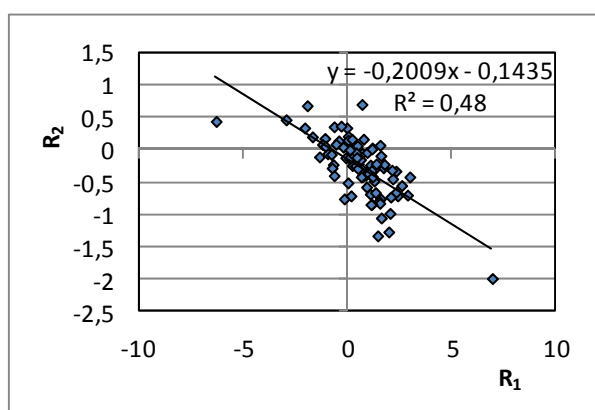

Рисунок 2.
Связь индексов резилентности доходов населения в регионах РФ

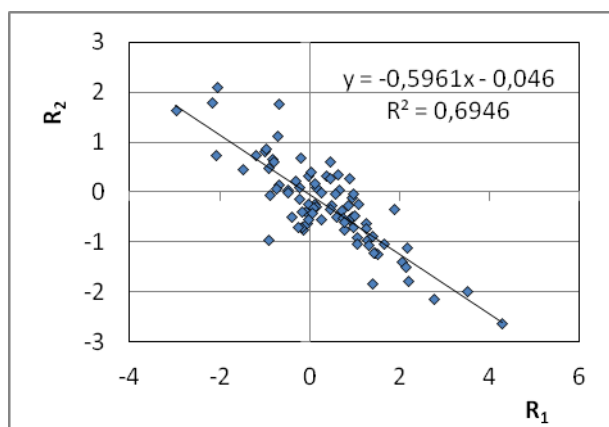
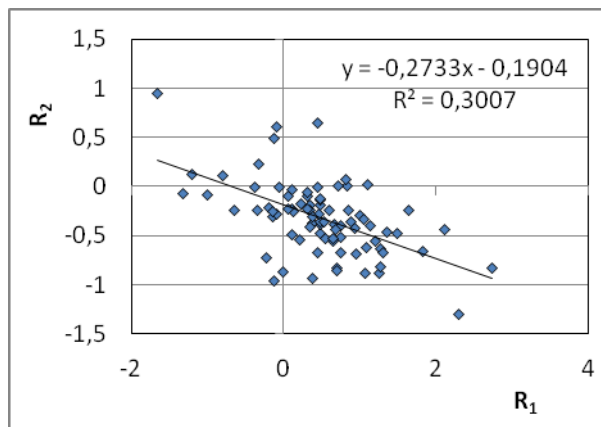

Рисунок 3.
Связь индексов резилентности объема промышленного производства в регионах РФ

Примечание: исключены выбросы – значения Ненецкого АО и г. Москва

Рисунок 4.
Связь индексов резилентности оборота торговли в регионах РФ

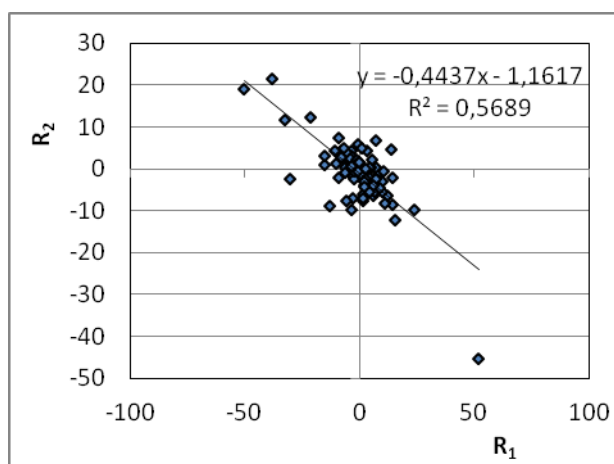

Рисунок 5.
Связь индексов резилентности объема инвестиций в регионах РФ

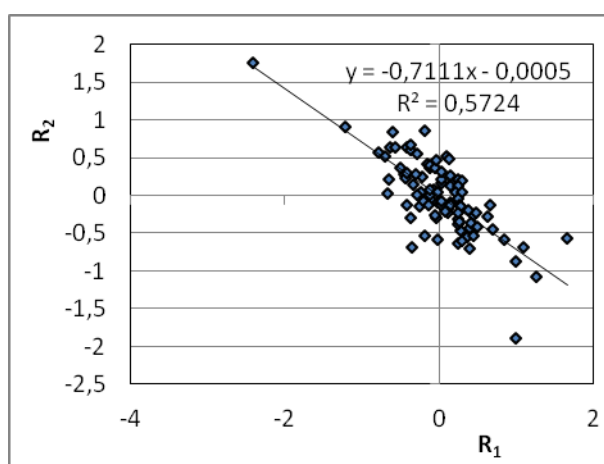

Рисунок 6.
Связь интегральных индексов резилентности в регионах РФ

Полученные результаты однозначно подтверждают выдвинутую ранее гипотезу. Значительная и устойчивая отрицательная связь между падением региональных экономик в период пандемии и последующим восстановительным ростом наблюдается для всех частных и интегральных индексов резилентности. Некоторое исключение представляет торговля, где связь оказалась менее устойчивой, в том числе по причине наличия экстремальных темпов роста у двух регионов (г. Москвы и Ненецкого АО).

Особый интерес представляет анализ пространственных эффектов пандемии. На рис. 7 на карте регионов Российской Федерации наглядно показаны индексы резилентности-1 – шокоустойчивости регионов к пандемии 2020. Наиболее уязвимыми к пандемии оказались экономики ряда добывающих регионов, столичных городов и Крымского полуострова. Так, наименьшую шокоустойчивость показал г. Севастополь ($R_1 = -1,888$). Также большой спад в острой

фазе пандемии наблюдался в Кемеровской области ($R_1=-1,073$), Республике Саха (Якутия) ($R_1=-0,879$), Иркутской области ($R_1=-0,705$), городе Санкт-Петербург ($R_1=-0,689$), Республике Крым ($R_1=-0,687$), Астраханской области ($R_1=-0,638$) и ряде других регионов. Наибольшую устойчивость к пандемии продемонстрировали некоторые отстающие республики, а именно, Калмыкия ($R_1=1,762$), Тыва ($R_1=0,909$), Кабардино-Балкария ($R_1=0,856$), а также Пензенская область ($R_1=0,841$). Отчасти это связано с активной федеральной межбюджетной помощью этим регионам.

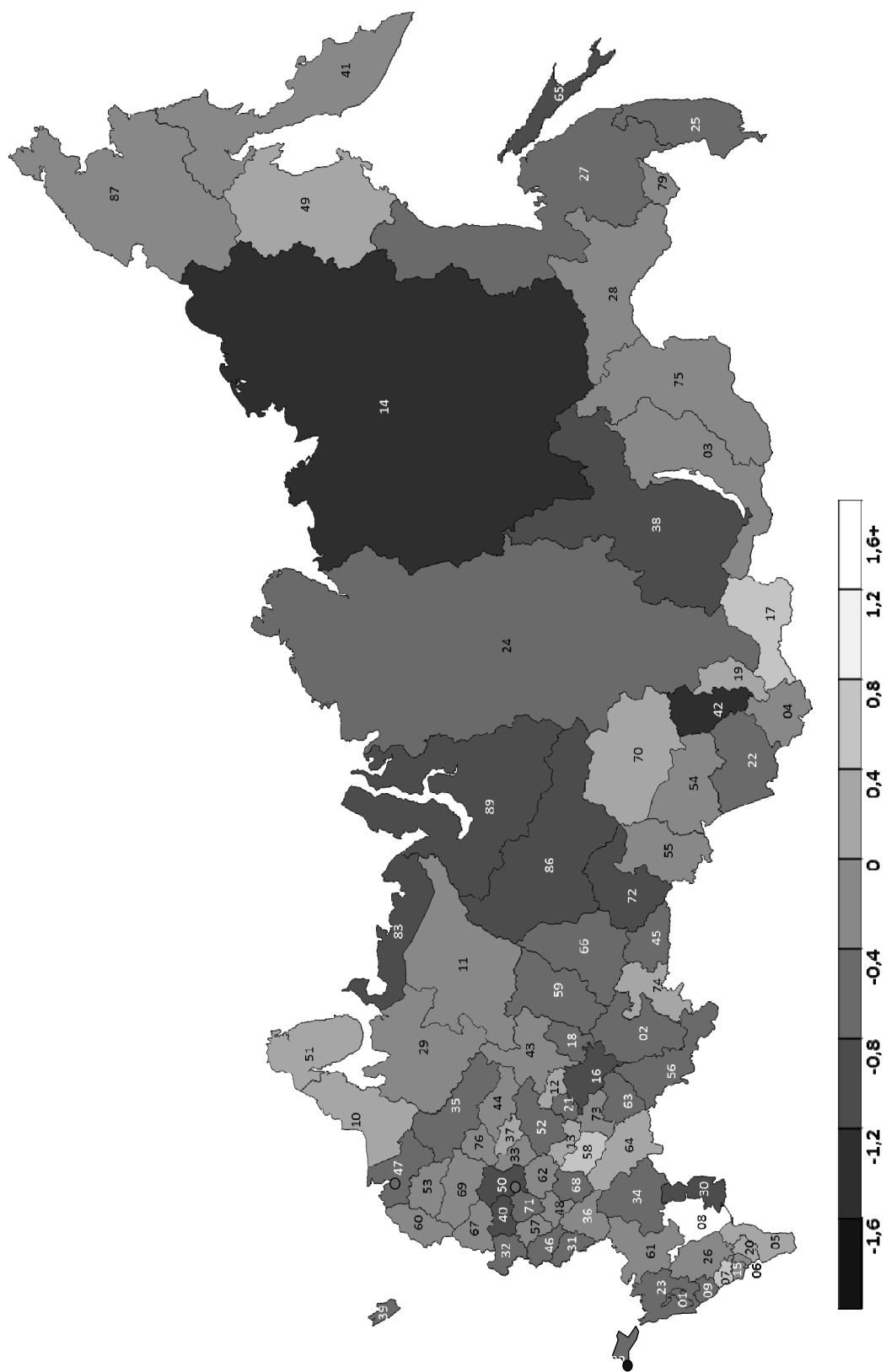

Рисунок 7.
Интегральные индексы резилентности-1 (шокоустойчивости) российских регионов

На рис. 8 на карте регионов Российской Федерации представлены индексы резилентности-2 (послешокового восстановления регионов в 2021 году). Они свидетельствуют о том, что наибольшие темпы роста продемонстрировали регионы, ранее испытавшие наиболее сильный спад.

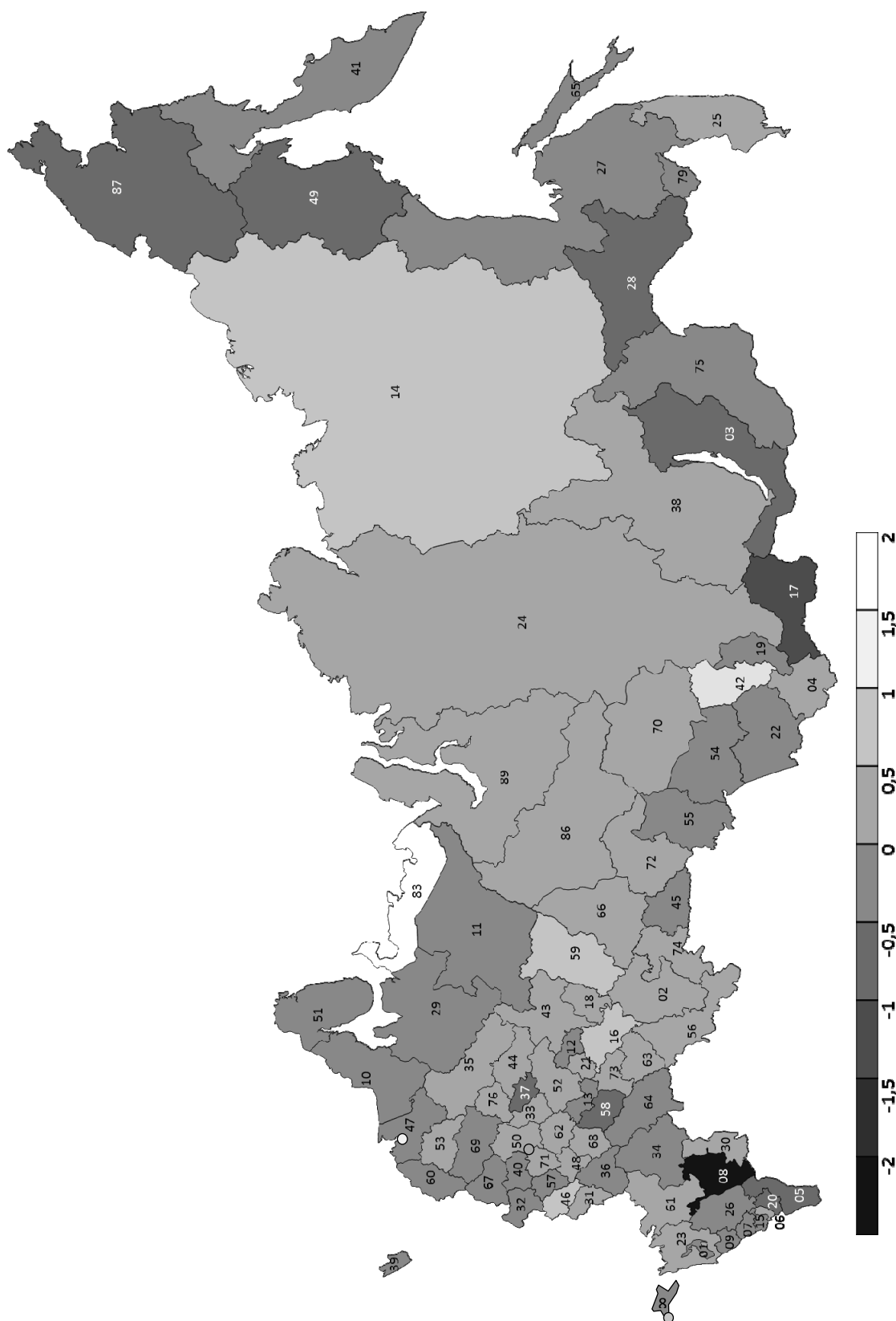

Рисунок 8.
Индексы резилентности-2 (послешокового восстановления регионов в 2021 году)

В частности, индекс восстановления у лидирующего Ненецкого АО составил $R_2=1,664$, за ним следуют Кемеровская область с индексом $R_2=1,258$, г. Санкт-Петербург ($R_2=1,102$), Республика Саха (Якутия) ($R_2=0,993$) и г. Севастополь ($R_2=0,990$). В то же время наименьший восстановительный рост в 2021 году показали регионы, пережившие наименьший спад в период пандемии 2020: республики Калмыкия ($R_2=-2,418$) и Тыва ($R_2=-1,222$). Также низкие тем-

пы роста продемонстрировали Магаданская ($R_2=-0,785$), Ивановская ($R_2=-0,701$) и Амурская ($R_2=-0,657$) области, Чукотский АО ($R_2=-0,671$).

Выводы. Таким образом, наше исследование показало, что в период острой фазы пандемии региональные показатели по-разному отреагировали на внешний шок. Максимальную реакцию продемонстрировали объемы промышленного производства и торговли. В меньшей степени пандемия затронула доходы населения и уровень инвестиций в регионах, который поддерживался активными инвестиционными процессами за счет государственных средств. Существенный рост межбюджетной помощи вызвал увеличение темпов прироста доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ. Кроме того, пандемия 2020 оказала неравномерное влияние на экономику регионов, что отразилось в росте межрегиональных различий в уровне темпов их роста. В восстановительный период наибольший рост наблюдался у объемов промышленного производства и торговли, также заметно выросли доходы населения, сохранились высокие темпы прироста бюджетных доходов. Наименьший восстановительный рост отмечается в инвестиционной сфере, что свидетельствует о наличии долгосрочных последствий пандемии.

На основе подхода, разработанного Р. Мартином и Р. Лагравинезе, нами построены два индекса резилентности региональных экономик: шокоустойчивости в острой фазе пандемии (2020 год) и скорости последующего восстановления (2021 год). Для нормирования частных индексов резилентности мы использовали метод Z-счета. Интегральные индексы резилентности 1 и 2 рассчитывались на основе простой средней арифметической частных нормированных индексов резилентности. В результате исследования как для частных показателей, так и для агрегированных индексов резилентности подтверждена гипотеза о том, что наибольший восстановительный рост наблюдался в экономиках, переживших максимальный спад в острой фазе пандемии. При этом наибольшую уязвимость к пандемии продемонстрировали более развитые регионы, они же показали максимальный рост в восстановительный период. Наименее уязвимыми к пандемии оказались отстающие республики юга России, и именно они пережили наименьший восстановительный рост.

Проведенное исследование может быть полезно как для развития теоретико-методологических подходов к изучению устойчивости экономических систем к различным экономическим шокам, так и при выработке оптимальной стратегии управления региональным развитием в условиях кризиса пандемического типа.

Матанцева О.Ю.

д.э.н., доцент, заместитель генерального директора по научной работе, ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта»

omat@niiat.ru

Трякин К.В.

с.н.с. ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта»

kirill_tryakin@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПАССАЖИРСКОГО ТРАНСПОРТА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Ключевые слова: *брутто-контракт; индекс цен; организация транспортного обслуживания населения; регулярные перевозки пассажиров; сальдированный финансовый результат; тарифы за проезд.*

Keywords: *gross contract; price index; organization of transport services for the population; regular transportation of passengers; balanced financial result; fares.*

Действующим законодательством – Федеральным законом «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ – организация основной доли регулярных перевозок пассажиров автомобильным и городским электрическим транспортом, приходящейся на муниципальные и межмуниципальные маршруты, отнесена к полномочиям муниципальных образований и субъектов Российской Федерации (ст. 11).

При этом основы организации и финансирования регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным и городским наземным электрическим транспортом определяются двумя федеральными законодательными актами:

– Федеральным законом «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

– Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»².

Эти законы определяют важнейшие положения, связанные с формированием маршрутной сети регулярных перевозок, допуском юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к работе на этих маршрутах, использованием объектов транспортной инфраструктуры, организацией контроля за осуществлением регулярных перевозок и финансированием государственного (субъектов РФ) и муниципального заказа. Однако установленные этими законами нормы не являются оптимальными для быстро меняющихся внешних условий. Возникающие новые реалии требуют изменения важнейших законодательных норм.

Среди проблем, требующих скорейшего решения, можно назвать следующие.

1. Недостаточные пределы варьирования объемов контракта на регулярные перевозки пассажиров по регулируемому тарифу.

Ограничения на пользование населением пассажирским транспортом, введенные в связи с пандемией коронавируса в 2020 году во многих субъектах и муниципалитетах Российской Федерации, обусловили значительный спад перевозок пассажиров. По данным Росстата, он составил по отношению к допандемийному 2019 году для автобусного и трамвайного транспорта – 28%, для троллейбусного транспорта – 34 процента³. Выручка (нетто) для предприятий перечисленных видов транспорта снизилась, соответственно, на 13%, 11 и 14% процентов⁴. В результате, сальдированный финансовый результат – балансовый убыток – увеличился для автобусного и трамвайного транспорта в 2,2 раза, а для троллейбусного транспорта – в 4,2 раза⁵.

Для компенсации снижения выручки было целесообразно государственным (субъектов РФ) и муниципальным заказчикам перевозок сократить объем заказа на пробег транспортных средств на линии, приблизительно пропорцио-

¹ Федеральный закон «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 220-ФЗ.

² Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

³ Перевозки пассажиров по видам транспорта общего пользования. – <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/perevpass.xls>

⁴ Выручка (нетто) от продажи товаров, продукции, работ, услуг (за минусом налога на добавленную стоимость, акцизов и иных аналогичных обязательных платежей). – <https://fedstat.ru/indicator/58018>

⁵ Прибыль (убыток) до налогообложения. – <https://fedstat.ru/indicator/57732>

нально объему перевозок пассажиров, т.е. от одной четвертой до трети, что обеспечило бы пропорциональное снижение себестоимости. Однако действующее законодательство существенно ограничивает такую возможность. Статьей 95 (п. 1, п.п. 1.2) Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ¹ предусмотрена возможность уменьшения по соглашению сторон предусмотренных контрактом объемов выполняемой работы или оказываемой услуги, но на величину не превышающую десять процентов.

Для устранения подобной ситуации следует законодательно расширить лимит уменьшения предусмотренных контрактом объемов выполняемой работы или оказываемой услуги по соглашению сторон применительно к регулярным перевозкам пассажиров и багажа хотя бы до 25 процентов. При этом так же законодательно обязать государственных (субъектов Российской Федерации) и муниципальных заказчиков перевозок при резком снижении пассажиро-потока корректировать условия контракта.

2. Невозможность индексации цены контракта.

В последнее время в практике государственного и муниципального заказа на регулярные перевозки пассажиров по регулируемому тарифу получают распространение долгосрочные контракты продолжительностью 5² и даже 7³ лет. Практика долгосрочных контрактов является весьма желательной для перевозчиков, позволяя планировать хозяйственную деятельность, и, что очень важно – инвестиции в приобретение пассажирских транспортных средств, срок эксплуатации которых становится сопоставимым с продолжительностью контракта. Однако в реализации этой практики имеется существенный недостаток, нивелирующий все возможные преимущества.

Статьей 34 (п. 2) Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ⁴ установлено, что цена контракта для обеспечения государственных и муниципальных нужд, к которым относятся перевозки пассажиров по регулируемому тарифу, является твердой и определяется на весь срок исполнения контракта. Механизмом расчета начальной (максимальной) цены долгосрочного контракта с использованием индексов цен, устанавливаемых Минэкономразвития России в прогнозах социально-экономического развития Российской Федерации на очередной год и плановый период продолжительностью в два последующих года. В перечень используемых индексов входят индексы потребительских цен, цен производителей нефтепродуктов, цен на электроэнергию, цен на машины и оборудование. В случае, если срок действия контракта превышает срок прогноза, соответствующий индекс цен для каждого года срока действия контракта, не указанного в прогнозе, принимается равным индексу цен, указанному для последнего, т.е. третьего, года прогноза.

Однако в современной экономической практике нередки заметные расхождения прогнозных и фактических индексов цен на ресурсы, потребляемые перевозчиками.

В табл. 1 приведены значения накопленного индекса потребительских цен на товары и услуги в Российской Федерации, расчет которого произведен на основании механизма, предусмотренного приказом Минтранса России от 20.10.2021 № 351⁶, а также фактические значения этого индекса за период 2018–2021 годов. Индекс потребительских цен на товары и услуги используется в указанном Приказе Минтранса при расчете заработной платы водителей и кондукторов маршрутных транспортных средств, рабочих по ремонту транспортных средств, а также расходов на обязательное страхование этих категорий занятых. Указанные статьи расходов являются существенными, и составляют до 40% от расчетной максимальной стоимости работы транспортных средств, или свыше 50% от расчетной максимальной себестоимости 1 км пробега транспортных средств при расчете начальной (максимальной) цены контракта на перевозки пассажиров по регулируемому тарифу.

Таблица 1

Значения накопленного за период 2018–2021 гг. расчетного (на основании приказа Минтранса России от 20.10.2021 № 351) и фактического индекса потребительских цен на товары и услуги в Российской Федерации

Источник данных	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2018–2020 гг.	2018–2021 гг.
Расчет в соответствии с приказом Минтранса России от 20.10.2021 № 351	103,7	104,0	104,0	104,0	112,16	116,65
Фактические индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации ⁷	104,26	103,04	104,91	108,39	112,70	122,16

¹ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

² Информация о закупке. Выполнение работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом по муниципальным маршрутам регулярных перевозок города Перми по регулируемым тарифам города Перми // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. – <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ea20/view/common-info.html?regNumber=0156300008722000122>

³ Информация о закупке. Выполнение работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом по регулируемым тарифам по маршрутам № 1, № 1С, № 2, № 15, № 19, № 44, № 14, № 23, № 26, № 30, № 31, № 32, № 34, №43, № 49 в границах муниципального образования город Нижний Тагил. Торговая площадка «Росэлторг» (АО «Единая электронная торговая площадка»). – <https://www.roseltorg.ru/procedure/0162300000821000108>

⁴ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

⁵ Приказ Минтранса России от 20.10.2021 № 351 «Об утверждении Порядка определения начальной (максимальной) цены контракта, а также цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), при осуществлении закупок в сфере регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом».

⁶ Там же.

⁷ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2022 гг. – https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipc_03_2022.xlsx

Из табл. 1 видно, что если в период 2018–2020 гг. значения фактического индекса потребительских цен лишь незначительно превысили расчетные, то в период 2018–2021 гг. из-за существенной волатильности цен в 2021 году разность между фактическими и расчетными значениями индекса превысила 4 процента. Следует обратить внимание, что 2021 год является не единственным периодом волатильности цен: так, на 2015 г. Минэкономразвития России установило в прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации значение индекса потребительских цен, равное 106,7%, в то время как фактическое значение, по данным Росстата, составило 112,9 процента¹.

Такие расхождения в значениях индексов обуславливают заниженное по сравнению с требуемым значение начальной (максимальной) цены контракта на регулярные перевозки пассажиров, и ложатся дополнительными рисками на плечи перевозчиков. Это особенно важно в грядущий период нестабильности мировой экономики и инфляции, уже в настоящий момент наблюдаемой в ведущих развитых странах на уровне максимальных значений с 80-х годов прошлого века², и, безусловно, импортируемой в ближайшем будущем в экономику Российской Федерации.

В этой связи крайне важно на законодательном уровне внедрение механизма индексации цены контракта. Контракт должен заключаться в текущих ценах; цена должна быть разделена на основные составляющие – заработную плату персонала и расходы на их обязательное страхование; расходы на топливо; расходы на запасные части, шины, новые пассажирские транспортные средства. Оплата выполненных перевозок должна осуществляться по цене, определяемой путем индексации каждой из составляющих в соответствии с фактическим индексом Росстата на момент выполнения перевозок. При этом для обеспечения возможности варьирования объемом перевозок (см. п. 1 настоящей статьи) цена, с указанием перечисленных составляющих, должна устанавливаться за 1 км пробега транспортных средств каждого класса; объем оплаты по контракту должен определяться как произведение цены, проиндексированной с периода заключения контракта, на фактически выполненный пробег на маршрутах транспортных средств с учетом их типажа.

Уже заключенные к настоящему моменту контракты продолжительностью более трех лет следует проиндексировать «задним числом», компенсируя соответствующие расходы государственных (субъектов Российской Федерации) и муниципальных заказчиков из федерального бюджета на основании реестра контрактов на Официальном сайте Единой информационной системы в сфере закупок.

3. Разделение полномочий по финансированию заказа на перевозки пассажиров по регулируемому тарифу и установлению тарифов за проезд между местным самоуправлением и государственной властью субъектов Российской Федерации.

Федеральным законом от 13.07.2015 № 220-ФЗ (ст. 14) установлено, что организация регулярных перевозок по регулируемым тарифам на муниципальных маршрутах, обеспечивающих основную долю перевозок пассажиров, осуществляется путем заключения муниципального контракта соответствующим муниципальным органом. Таким образом, бремя финансирования перевозок пассажиров по регулируемому тарифу ложится непосредственно на муниципальный бюджет. Величина бюджетной нагрузки, определяемой как разность между себестоимостью перевозок и доходами от сбора платы за проезд, непосредственно зависит от величины установленного тарифа.

В то же время, в соответствии со статьей 15 упомянутого закона, полномочия по установлению тарифа находятся в ведении субъектов Российской Федерации. Этой же статьей установлено право субъектов Российской Федерации делегировать установление тарифа на муниципальный уровень, но пользуются этим полномочием далеко не все территории. В свою очередь, субъекты Российской Федерации, сохранившие за собой право устанавливать тарифы на пассажирские перевозки, как правило, не занимаются формированием тарифной политики на средне- и, тем более, долгосрочную перспективу.

По этой причине муниципальные органы ограничены в возможности заключения долгосрочных контрактов на перевозки пассажиров, поскольку вследствие отсутствия долгосрочной тарифной политики субъекта Российской Федерации они не в состоянии планировать объемы выручки за оплату проезда на длительный срок.

В этой связи целесообразно принятие федерального законодательного акта, легитимизирующего объединение полномочий по организации перевозок и установлению тарифов на перевозку пассажиров на уровне муниципальных образований (за исключением городов федерального значения). При этом право по установлению бесплатного проезда пассажирам отдельных категорий может быть сохранено за субъектами Российской Федерации. Компенсацию «выпадающих доходов» перевозчику в этом случае следует осуществлять из бюджета субъекта Российской Федерации в соответствии с установленным тарифом.

¹ Прогнозы социально-экономического развития Российской Федерации. – https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/; Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2022 гг. – https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipc_03_2022.xlsx

² В апреле инфляция во Франции ускорилась до 5,4 против 5,1% в марте. Потребительские цены, рассчитанные по французским стандартам, в апреле увеличились на 4,8% в годовом выражении, рекордными темпами с октября 1985 года. – <http://www.finmarket.ru/database/news/5718286>. В апреле потребительские цены (индекс CPI) в США выросли на 8,3% относительно того же месяца прошлого года, свидетельствуют данные Минтруда страны. Таким образом, инфляция замедлилась по сравнению с 41-летним максимумом в 8,5%, зафиксированным в марте. – <http://www.finmarket.ru/database/news/5716850>

В апреле 2022 года потребительские цены в Германии, рассчитанные по национальным стандартам, выросли на 7,4% по сравнению с тем же месяцем 2021 года. Инфляция в марте обновила новый максимум с момента объединения Германии. В последний раз такие же высокие темпы инфляции наблюдались осенью 1981 года. – <http://www.finmarket.ru/database/news/5716381>

В марте потребительские цены в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), взлетели на 8,8% в годовом выражении после подъема на 7,8% месяцем ранее. Это максимальные темпы повышения с октября 1988 года. – <http://www.finmarket.ru/database/news/5713570>

Инфляция в еврозоне в апреле ускорилась до 7,5%. – <http://www.finmarket.ru/database/news/5711239>

4. Неоднозначно, неполно понимаемые полномочия местных органов по организации транспортного обслуживания населения и произвольная их реализация.

Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ¹ организация транспортного обслуживания населения отнесена к вопросам местного значения муниципальных образований, т.е., введена в круг их полномочий, но состав этих полномочий не установлен ни указанным законом, ни законом от 13.07.2015 № 220-ФЗ, и определяется местными органами произвольно путем принятия местных законодательных актов. В результате функции формирования маршрутной сети, утверждения расписаний и установления тарифов на проезд нередко распределены по различным уровням административной системы – субъектов Федерации и муниципальному. Важнейшая для организации регулярных перевозок функция изучения транспортного спроса и пассажиропотоков не выполняется, или осуществляется крайне редко.

В таких условиях может быть целесообразным законодательно на федеральном уровне ввести институт организатора регулярных перевозок и установить его полномочия.

В число таких полномочий должны входить:

- изучение сложившихся пассажиропотоков, транспортного спроса и не удовлетворенных транспортных потребностей населения; изучение фактических и социально допустимых транспортных расходов населения;
- разработка (корректирование) маршрутной сети применительно к перевозкам по регулируемому, а также по нерегулируемому тарифам в соответствии с изменениями транспортного спроса и потребностей населения, инициирование соответствующего редактирования генерального плана, программы комплексного развития транспортной инфраструктуры (ПКРТИ), комплексной схемы организации транспортного обслуживания населения общественным транспортом (КСОТ);
- разработка расписаний движения пассажирских транспортных средств применительно к перевозкам по регулируемому, а также по нерегулируемому тарифам с учетом пассажиропотоков;
- допуск на конкурсной основе на подготовленную к эксплуатации маршрутную сеть перевозчиков в пределах установленных графиков движения; организация проведения конкурсов на перевозки пассажиров по регулируемому и нерегулируемому тарифам;
- организация содержания объектов пассажирской транспортной инфраструктуры (отстойно-разворотных площадок, остановочных пунктов и др.);
- осуществление сбора платы за проезд при перевозках с государственным или муниципальным финансированием;
- контроль за выполнением условий заключенных контрактов на перевозку пассажиров по регулируемому тарифу;
- контроль выполнения расписаний движения пассажирских транспортных средств при перевозках по регулируемому и нерегулируемому тарифам, а также наложение взысканий;
- контроль правильности оплаты проезда пассажирами при перевозках по регулируемому и нерегулируемому тарифам и наложение на них взысканий.

Перечисленное в предпоследнем пункте позволит упорядочить работу коммерческих перевозчиков, снизить конкуренцию за «платных» пассажиров между различными перевозчиками, работающими на совпадающих маршрутах. Перечисленное в последнем пункте позволит снизить объем «теневого» выручки у коммерческих перевозчиков. Для реализации обоих этих полномочий потребуются внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ².

Установление полномочия организатора перевозок по осуществлению сбора платы за проезд при перевозках с государственным или муниципальным финансированием позволит упростить переход на брутто-контракты и полностью исключит присвоение выручки от оплаты проезда работниками перевозчика. Однако это потребует внесения изменения в Федеральный закон от 13.07.2015 № 220-ФЗ, поскольку сейчас им установлена норма, обязывающая осуществлять сбор платы за проезд пассажиров силами исключительно перевозчика.

Введение таких новых полномочий в обязательном порядке должно быть обеспечено соответствующими расходными полномочиями в пределах специально разработанных нормативов.

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

Матвеева Л.К.

к.э.н., доцент Факультета государственного управления МГУ

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ОТ КОРОНАВИРУСА ДО САНКЦИЙ

Ключевые слова: динамика отдельных показателей промышленного развития регионов в период пандемии, основные инструменты и механизмы промышленной политики в 2020–2021 годы, принятые меры по изменению промышленной политики в целях уменьшения влияния санкций.

Пандемия COVID-19 и последовавшие за ней беспрецедентные санкции со стороны стран коллективного Запада в отношении России в связи с проведением специальной военной операции на Украине (по данным глобальной базы данных по отслеживанию санкций их число до 22.03.2022 г. составляло 2754 ед., а после указанной даты – 7845 ед.¹) явились серьезной проверкой на стрессоустойчивость экономики России, в первую очередь, промышленности, и ее состояния в регионах РФ. Последнее имеет принципиальное значение, так как промышленное развитие регионов в совокупности определяет уровень занятости и доходов населения, удовлетворения потребностей в конкурентоспособной продукции промышленного производства конечных потребителей, всех хозяйствующих субъектов и государства.

Следует согласиться с мнением большинства экспертов в том, что внешние и внутренние условия для экономики носят долговременный характер, что резко увеличивает влияние отраслевого регулятора в сфере промышленного производства – Минпромторга России, которому необходимо трансформировать промышленную политику в направлении изменения комплекса мер, принятых и действенных во время пандемии для стабилизации промышленного производства, и их гибкой адаптации к новым вызовам, обусловленным санкциями и приведшим к разрыву производственно-технологических и логистических цепочек, необходимости установления новых торгово-экономических отношений.

Несмотря на различающиеся по скорости распространения разновидностей штаммов COVID-19 (2020–2021гг), введение на определенный период локдаунов в 2020 году, общую нестабильную ситуацию в глобальной экономике и на мировых рынках, промышленность регионов суммарно по федеральным округам продемонстрировала в 2021 году не только рост к уровню 2020 года, но и продолжила его в 1 кв. 2022 года, о чем свидетельствуют индексы промышленного производства (табл. 1).

Таблица 1

Индексы промышленного производства по федеральным округам РФ за 2019 – 1 кв. 2022 г. (в % к соответствующему уровню предыдущего года)²

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	1 кв. 2022 г.
Российская Федерация	103,4	97,9	105,3	105,9
Центральный федеральный округ	107,4	110,2	122,8	114,0
Северо-Западный федеральный округ	103,4	97,4	104,6	105,9
Южный федеральный округ	103,2	98,5	104,4	104,6
Северо-Кавказский федеральный округ	102,3	107,3	105,5	111,1
Приволжский федеральный округ	102,7	98,1	106,9	106,4
Уральский федеральный округ	106,4	97,7	106,8	105,7
Сибирский федеральный округ	101,7	96,0	102,9	106,4
Дальневосточный федеральный округ	106,6	96,0	102,8	105,0

В табл. 2-4 приводятся обобщенные данные в разрезе федеральных округов (ФО) по инвестиционному и инновационному развитию в пиковый период пандемии в 2020 году. Согласно данным Росстата³, объем инвестиций в основной капитал в 2020 году составил 20 118,4 млрд руб., а их доля в ВВП – 21,8%.

Более 60% инвестиций в основной капитал обеспечили наиболее индустриально развитые федеральные округа: Центральный ФО – 32,4%, Уральский – 15,1%, Приволжский – 13,8% (табл. 2)⁴

¹ Санкции против России в графиках. – <https://www.tehpodderzka.ru/2022/03/sanctions.html>

² Составлено автором по данным Росстата: Росстат. Промышленное производство. – https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial

³ Росстат. Инвестиции в основной капитал Российской Федерации в 2020 году. – https://srtv.gks.ru/storage/mediabank/inv_okv2020.pdf

⁴ Там же.

Из приведенных данных в табл. 2–4 следует, что средний уровень инновационной активности по Российской Федерации составил в 2020 году 10,8% (самый высокий уровень в Приволжском ФО – 15,5%). При объеме внутренних затрат на ИР в 2020 году в размере 1174,5 млрд руб. (1,1% к ВВП, 2019 г. – 1,04%), наибольшая доля приходится на Центральный ФО (52,9%), наименьшая доля – на Северо-Кавказский ФО (0,5%). Практически во всех округах основным источником финансирования затрат на ИР являются средства бюджета, размер которых превышает 50% (от 82,6% в Дальневосточном ФО до 51,2% в Уральском ФО).

Таблица 2

Инвестиционная деятельность и инновационная активность организаций промышленности по федеральным округам РФ в 2020 году

Территория	Доля инвестиций в основной капитал РФ, % от суммы инвестиций	Динамика инвестиций в основной капитал в % к 2019 году	Уровень, инновационной активности организаций, %
Российская Федерация	100,0	99,5	10,8
Центральный ФО	32,4	101,2	12,5
Северо-Западный ФО	10,6	97,5	10,8
Южный ФО	7,1	97,4	8,0
Северо-Кавказский ФО	3,5	106,5	3,5
Приволжский ФО	13,8	97,2	15,5
Уральский ФО	15,1	100,8	10,2
Сибирский ФО	9,4	100,3	9,8

Как следствие, наибольшую активность организаций, осуществляющих технологические инновации, демонстрируют предприятия Приволжского ФО (27,1%), Центрального ФО (26,5%), наименьшую – организации Северо-Кавказского ФО (10,1%), что напрямую связано с показателем удельного веса затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров (работ, услуг): Приволжский федеральный округ (3,64%), Северо-Кавказский федеральный округ (0,60%), а также с использованием передовых производственных технологий. При общем количестве использованных передовых производственных технологий по РФ в 2020 году, составившим 242 931 единиц, их доля по Приволжскому ФО составила 28,9% (70 207 ед.), Центральному ФО – 28,7% (69566 ед.), а по Северо-Кавказскому ФО только 1,3% (3158 ед.). Наблюдаемый разброс приведенных показателей объясняется как сложившейся специализацией производства (преимущественно обрабатывающие производства в Центральном, Приволжском ФО, сосредоточением в них предприятий ОПК, на которые влияние пандемии не оказало существенного влияния), так и недостаточным использованием промышленного потенциала в Северо-Кавказском и Дальневосточном ФО. Последнее послужило основанием для принятия отдельных государственных программ: Государственная программа социально-экономического развития Дальневосточного ФО (постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 308), Государственная программа развития Северо-Кавказского ФО (постановление Правительства от 15.04.2014 г. № 309), предусматривающих мероприятия по повышению уровня жизни населения, уменьшение оттока населения, созданию различных форм территориальных образований и новых производств.

Таблица 3

Внутренние затраты на научные исследования и разработки, их финансирование, организации, осуществляющие технологические инновации от числа обследованных организаций, в РФ в 2020 году¹

Территория	Доля внутренних затрат на научные ИР в РФ	Уд. вес бюджетных средств на внутренние затраты на ИР	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации
Российская Федерация	100%	65,3%	23,0%
Центральный ФО	52,9%	70,1%	26,5%
Северо-Западный ФО	13,3%	54,5%	23,0%
Южный ФО	2,5%	63,1%	19,1%
Северо-Кавказский ФО	0,5%	67,9%	10,1%
Приволжский ФО	15,4%	58,6%	27,1%
Уральский ФО	6,3%	51,2%	21,7%
Сибирский ФО	7,4%	75,2%	19,6%
Дальневосточный ФО	1,7%	82,6%	15,4%

Особо следует отметить значительное отставание России по использованию инвестиционного и инновационного потенциала по сравнению с другими странами. Согласно докладу «Глобальный инновационный индекс»², в котором представлены результаты анализа по 131 стране, Россия в 2020 году заняла 47 место, уступив по многим показателям инновационной деятельности (по оценке автора в 4–10 раз с учетом приведенных выше показателей по федеральным округам) и состоянию инновационной системы таким странам, как Швейцария, Швеция, США, Китай. Учитывая выделенные в Докладе сильные и слабые стороны эффективности инновационной деятельности России, автор в

¹ Составлено автором на основе данных Научно-исследовательского института – Республиканского исследовательского научно-консультационного центра экспертизы. См.: Инновационное развитие Российской Федерации в 2020 году. – https://www.miiir.ru/digest/analitika_RF.pdf

² Глобальный инновационный индекс – 2020. – <https://issek.hse.ru/news/396120793.html>

дальнейшем опирается на такие индикаторы сильных сторон, как масштабы внутреннего рынка (не вызывает сомнения), а также слабых сторон: качество регулирования, доступность инвестирования, наличие программ (проектов) развития бизнеса, развитие технологий, развитие кластеров, которые во многом зависят от проводимой промышленной политики.

Таблица 4

Удельный вес затрат на технологические инновации и инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, использованных передовых производственных технологий от общего числа в РФ в 2020 году¹

Территория	Уд. вес затрат на технологические инновации, %	Уд. вес инновационных товаров, %	Доля использованных производственных передовых технологий, %
Российская Федерация	2,34	6,4	100
Центральный ФО	2,80	5,3	28,7
Северо-Западный ФО	1,65	7,7	10,2
Южный ФО	2,38	3,8	5,5
Северо-Кавказский ФО	0,60	8,7	1,3
Приволжский ФО	3,64	12,9	28,9
Уральский ФО	0,91	4,3	12,6
Сибирский ФО	1,75	3,8	9,4
Дальневосточный ФО	2,43	3,5	3,6

Что касается качества государственного регулирования, т.е. эффективности предоставления государственной поддержки организациям промышленности в условиях пандемии, то Правительство РФ и его уполномоченный орган – Минпромторг не отличались какими-либо особенностями по сравнению с другими странами и использовали меры по поддержанию доходов населения, сохранению рабочих мест, поддержанию спроса на промышленную продукцию, предоставление налоговых льгот и их отсрочки по уплате. В качестве ключевых мер государственной поддержки промышленных предприятий в условиях пандемии 2020–2021 гг. были предусмотрены:

- субсидии на содержание рабочих мест, компенсация затрат, связанных с выпуском и поддержкой гарантийных обязательств (для предприятий автомобильной промышленности);
- компенсация части затрат в связи с приобретением грузового и тяглового железнодорожного состава вагонов потребителями продукции железнодорожного машиностроения;
- субсидирование 15–20% скидок на приобретаемую технику специального машиностроения у российских товаропроизводителей, субсидирование льготного кредитования на приобретение указанной техники, включая 10% компенсации затрат на приобретение техники по лизингу (для предприятий производителей и потребителей техники специального машиностроения);
- субсидирование % по кредитам на пополнение оборотных средств и на закупку оборудования (для предприятий легкой промышленности);
- субсидирование экспортной продукции с высокой добавленной стоимостью, а также реализации проектов в рамках программ Фонда развития промышленности (для предприятий металлургической промышленности);
- установление льготного режима функционирования для IT-компаний.

Общий объем финансовой поддержки промышленности в 2020 году по отношению к 2019 году увеличился на 31% (с 694 млрд руб. до 909 млрд руб.), но с каждого рубля произведенной продукции порядка 52% идет в виде налогов в бюджет, а государство только около 1% субсидирует в промышленные предприятия². Так, за пределами внимания широкой общественности в 2020 году вырос водный налог за счет повышающего коэффициента на 14,9%; повысилась оплата за эксплуатацию автомобильных дорог (система «Платон») на 7,8%; на 8,9% выросла базовая планка расчета взносов по обязательному пенсионному страхованию (с 1155 до 1202 руб.), а также на обязательное социальное страхование (с 865 до 912 руб.); ставка акциза на дизельное топливо выросла с 8541 до 8835 руб. Произошло повышение цен на приобретение предприятиями на оптовом рынке в течение 2020 года электроэнергии (на 4,1%), тепловой энергии (на 1,4%), грузоперевозки железнодорожным транспортом (на 3,5%) и т.д., что обуславливает рост себестоимости промышленной продукции и негативно сказывается на спросе (несбалансированность промышленной, налоговой и тарифной политики).

В качестве эффективного механизма поддержки предприятий в условиях кризиса следует отметить введение квотирования на государственные закупки в соответствии с принятыми постановлениями Правительства РФ от 3.12.2020 № 2014 «О минимальной обязательной доле закупок российских товаров и ее достижении заказчиком» и от 3.12.2020 № 2013 «О минимальной доле закупок товаров российского происхождения», в которых предусмотрена доля в размере 40–90% от общего объема продукции отечественного производства, включенной в Реестр промышленной продукции в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30.04.2020 № 616 «Об установлении запрета на

¹ Составлено автором на основе данных Научно-исследовательского института – Республиканского исследовательского научно-консультационного центра экспертизы. См.: Инновационное развитие Российской Федерации в 2020 году. – https://www.miiir.ru/digest/analitika_RF.pdf

² Доклад о состоянии конкурентоспособности экономики России в 2020 году и ее влиянии на развитие отечественной промышленности / Совет Торгово-промышленной палаты РФ по развитию и конкурентоспособности экономики РФ. – <https://www.centrlack.ru/doc/doklad-o-konkurentnosposobnosti-ekonomiki-rossii-2020.pdf>

допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей закупок для государственных и муниципальных нужд, а также промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок для нужд обороны страны и безопасности государства». Утвержденный Реестр промышленной продукции включает большинство видов деятельности обрабатывающих производств (допускается привлечение к закупкам предприятий из числа стран-участниц ЕАЭС, а также ДНР и ЛНР). Дополнительно для малых предприятий установлена 18% квота на закупки товаров (работ, услуг) государственными компаниями. В качестве уполномоченного органа на осуществление оценки достижения заказчиком минимальной доли закупок определен Минпромторг России. В то же время, по мнению автора, сохранение конкурсных процедур и порядка их проведения в условиях санкций являются избыточными и требуют корректировки в части закупок критически зависимой от импорта продукции, замены конкурсных процедур на отбор предложений ведущих производителей с установлением их полной ответственности за реализацию государственного заказа в качестве генерального подрядчика и права самостоятельного привлечения других исполнителей в качестве субподрядчиков.

В целях восстановления и развития промышленного потенциала РФ (по оценке экспертов за 25 лет функционирования рыночной экономики было «убито» 80 тыс. промышленных предприятий) основное внимание Минпромторгом России уделяется созданию новых производств (предприятий) с использованием всего арсенала инструментов и механизмов промышленной политики. Так, в 2021 году в России создано 348 новых производств, что на 30 объектов больше, чем в 2020 году и на 22 больше, чем в 2019 году¹, включая производства, созданные на базе индустриальных парков (промышленных технопарков и кластеров), ОЭЗ, иных объектов с использованием механизма проектного финансирования. Например, запущено новое приборостроительное производство в Курганской области на территории Курганского индустриального парка, импортозамещающее производство медицинского оборудования на территории ОЭЗ «Дубна» (г. Дубна, Московская область). С полным перечнем можно ознакомиться по указанной ссылке.

Эффективным механизмом проектного финансирования признан институт развития в сфере промышленности – Фонд развития промышленности (ФРП), который был создан еще в 2014 году. За время своего функционирования ФРП не только отработаны механизмы проектного финансирования (объемы, сроки и условия предоставления займов), но и направления реализуемых им программ: «проекты развития», «комплекующие изделия», «конверсия», «производительность труда», «цифровизация промышленности», «автокомпоненты», «лизинг», «станкостроение», «маркировка товаров», «формирование компонентной и ресурсной базы», «приоритетные проекты, связанные с локализацией и созданием серийного производства высокотехнологичной критически важной промышленной продукции», «экологические проекты». В 2021 году ФРП выдал 229 займов на сумму 51,8 млрд руб. Льготной поддержкой ФРП воспользовались 767 компаний в 74 регионах страны². Для финансирования региональных проектов и увеличения инвестиционной активности предприятий в субъектах РФ осуществляется совместное финансирование проектов под 1–3% годовых в соотношении 70% средств ФРП и 30% средств региональных ФРП (РФРП). Для последних в целях расширения возможностей финансовой поддержки предприятий в рамках реализации региональных программ развития промышленности в условиях санкций были приняты постановления Правительства РФ от 18.04.2022 № 686 в части Правил предоставления и распределения в 2022 году межбюджетных трансфертов на докапитализацию РФРП и от 6.06.2022 г. № 1012 в части расширения с 2023 года параметров федерального финансирования поддержки региональных программ развития промышленности. Так, уже в 2022 году РФРП получают 4,3 млрд руб. на поддержку предприятий в 77 регионах РФ³, что позволит им компенсировать до 90% затрат на оплату % по кредитным договорам, в первую очередь на пополнение оборотных средств, как следствие – сохранить трудовые коллективы, продолжить выпуск промышленной, в том числе, импортозамещающей продукции. Начиная с 2023 года объем возмещения затрат предприятий в регионах на приобретение нового оборудования увеличится с 20 до 50%, а сумма субсидирования увеличится с 10 до 20 млн руб. на каждого заявителя. Кроме того, предусмотрено увеличение объемов компенсации расходов на оплату услуг ресурсоснабжающих организаций по подключению к коммунальной инфраструктуре и на уплату первого взноса при заключении договора лизинга оборудования в размере до 80% затрат при лимите господдержки до 20 млн руб. на одного заявителя.

Не менее эффективным механизмом создания новых производств и привлечения инвестиций при участии федеральных и региональных властей является заключение специальных инвестиционных контрактов (СПИК), варианты которых различаются по срокам реализации, объему инвестиций, предметной области проекта⁴: СПИК 1.0. (для инвестиционных проектов по созданию либо модернизации и (или) освоению производства промышленной продукции, минимальный объем инвестиций – 750 млн руб., срок реализации – 10 лет); СПИК 2.0. (для инвестиционных проектов по внедрению или разработке и внедрению современных технологий из утвержденного перечня в целях освоения серийного производства промышленной продукции на этой основе, срок реализации – до 15 лет при объеме инвестиций до 50 млрд руб. и до 20 лет – при объеме инвестиций свыше 50 млрд руб.). В настоящее время Реестр СПИК⁵ включает 45 проектов СПИК 1.0. и 2 проекта СПИК 2.0. Распоряжением правительства от РФ от 28.11.2020 г. № 3143-р утвержден перечень видов технологий, признаваемых современными технологиями, включающий 630 наименований со-

¹ <https://www.время-вперед.рус/post/348-новых-производств-россии-открытых-в-2021-году>

² Итоги ФРП за 2021 год. – <https://frpf.ru/press-tsentr/novosti/frp-v-2021-godu-vydal-229-zaymov-na-summu-51-8-mlrd-rublej/>

³ Государственная поддержка промышленных предприятий в регионах увеличивается. 6.06.2022. – https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!gosudarstvennaya_podderzhka_promyshlennyh_predpriyatij_v_regionah_uvelichivaetsya

⁴ Памятка для регионов по механизму СПИК. – <https://frprf.ru/download/pamyatka-dlya-regionov-po-mekhanizmu-spik.pdf>

⁵ Реестр специальных инвестиционных контрактов. – <https://решение-верное.рф/spik-1-reestr>

временных технологий из порядка 25 отраслей промышленности. Следует обратить внимание, что предусмотренные Правила формирования перечня современных технологий носят, по мнению автора, несколько коррупционный характер, поскольку основным экспертом выступает ИЦ «Сколково».

Продолжается дальнейшая поддержка промышленных парков – специальных площадок, подготовленных для реализации производственных проектов. В настоящее время в России действует более 180 таких площадок и более 100 находятся на этапе создания. Распоряжением Правительства РФ от 27.05.2022 № 1331-р внесены изменения в перечень проектов по созданию, модернизации и (или) реконструкции объектов инфраструктуры промышленных парков и промышленных технопарков. В частности, управляющей компании промышленного парка «Грабцево» (Калужская область) в целях возмещения части затрат на создание и модернизации объектов коммунальной и транспортной инфраструктуры в 2022 году предусмотрено выделение 185 млн руб. Аналогичная поддержка в размере 548 млн руб. запланирована на 2022 год управляющей компании промышленного парка «Узловая» (Тульская область) для размещения новых производств машиностроения и станкостроения, а также промышленному парку «Краснодар» (Краснодарский край) в размере 249 млн руб. для размещения предприятий пищевой и кондитерской промышленности, агропромышленного производства. Этим же распоряжением предусмотрено включение промышленной зоны «Заволжье» (Ульяновская область) в перечень получающих поддержку промышленных парков с выделением федеральных средств в 2022 году в объеме 538,6 млн руб.

Как положительный факт следует отметить запуск специальной программы льготного кредитования приоритетной импортной продукции (постановление Правительства РФ от 18.05.2022 г № 895), предусматривающей субсидирование компенсации коммерческим банкам выдачи льготных кредитов по ставке не более 30% ключевой ставки ЦБ РФ плюс три п.п. Постановлением утверждены Правила предоставления субсидий из федерального бюджета коммерческим банкам, а также Перечень приоритетной для импорта продукции, в который включены продовольственные товары, лекарства, транспортные средства, строительные материалы, станки, сельскохозяйственные машины, электроника и многие другие. Приведенные решения свидетельствуют о корректировке и расширении инструментов промышленной политики в целях снижения текущих затрат для предприятий, привлечения инвестиций, создания новых производств, увеличения производства промышленной продукции, обеспечения поставки необходимых товаров и ресурсов для ее производства и удовлетворения потребностей внутреннего рынка в условиях санкций. В то же время, анализ принятых документов позволяет констатировать, что установленный порядок их реализации во многом сохраняет прежний: необходимость подготовки множества документов со стороны получателей поддержки, субъективность их экспертизы, а также длительные сроки согласования. К этому следует добавить, что сформированный Перечень товаров параллельного («серого») импорта (Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 г. № 1532), хотя и носит временный характер, включает настолько широкий набор товарных групп, что может ограничить инициативы предприятий по наращиванию использования имеющихся мощностей для выпуска необходимой продукции, импорт которой попал под санкции. В сегодняшних условиях, когда лимитирующим ресурсом становится «время», такое положение недопустимо. Очевидно, что в ближайшее время потребуются как корректировка действующих, так и разработка и применение новых инструментов и механизмов промышленной политики, ее дальнейшей трансформации.

Машунин Ю.К.

д.э.н., доцент, Дальневосточный федеральный университет
mashunin@mail.ru

Машунин К.Ю.

начальник отдела программирования, фирма DNS
mashunin@mail.ru

СТРАТЕГИИ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА В РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: стратегическое управление, механизмы моделирования экономики кластера, региональная экономика, векторная оптимизация, цифровая экономика.

Keywords: strategic management, mechanisms of modeling the economy of the industry, regional economy, vector optimization, digital economy.

1. Введение

Стратегическое планирование и механизмы его реализации в рамках многоуровневой социально-экономической системы является перспективным направлением экономического развития корпорации (кластера)¹. Развитие промышленных кластеров протекает в условиях цифровой экономики². Для принятия оптимальных решений необходимы развитые механизмы социально-экономического управления, которые включают математический аппарат³ и программное обеспечение⁴. Стратегическое развитие предприятия, корпорации, кластера базируется, с одной стороны, на статистической информации⁵ за прошлый период времени, а с другой стороны определяется новыми технологическими решениями, которые зависят как от экстенсивных, так и интенсивных факторов развития производства. Производственная деятельность фирмы (кластера) определяется определенным набором экономических показателей: объемом доходов (продаж), прибыли, добавочной стоимости, рентабельности, которые могут рассматриваться как цели (критерии) развития корпорации. Поэтому дальнейшее развитие механизмов принятия решений связано многокритериальными (векторными или системными) задачами математического (и в частности линейного) программирования. Для практического использования теории и методов векторной оптимизации необходима разработка программного обеспечения.

Цель исследования состоит в разработке механизмов моделирования социально-экономического развития в виде математического аппарата и программного обеспечения решения векторной задачи линейного программирования (ВЗЛП) и его использования в рамках стратегического развития промышленной корпорации (кластера) в регионе. Построение математической и численной модели корпорации, в которой вектор критериев отражает цели ее функционирования с одной стороны, а с другой, дает возможность построения стратегии развития корпорации с учетом экстенсивных и интенсивных факторов. Реализацию модели мы представили на числовом примере разработки стратегии корпорации.

Для реализации этой цели работа разделена на две части. В *первой части* мы представили векторную задачу линейного программирования и программное обеспечение в системе MATLAB. Реализацию решения ВЗЛП показали на тестовом примере, который мог бы служить математической моделью для развития малых и средних по объему производства фирм.

Во *вторую часть* мы включили практическую реализацию математического моделирования развития и управления промышленным предприятием (кластера).

¹ Mashunin Yu.K. Strategic Development of the multi-level Socio-economic system of the State in the Digital Economy // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2021. – Vol. 14, N 2. P. 22–49. DOI: 10.18721/JE.14202

² Analysis of the current state and prospects for the development of additive technologies in the digital economy // The development of digital economy in the context of de-globalization and the recession / Ed. by A. V. Babkin. – St. Petersburg: Publishing House of Polytechnic University, 2018. – P. 269–289.

³ Mashunin Yu.K., Mashunin K.Yu. Vector optimization with equivalent and priority criteria. 2017. – <https://rdcu.be/bhZ8i>

⁴ Mashunin Yu.K. Theory and Methods of Vector Optimization (Vol. 1) / Cambridge Scholars Publishing. 2020. – 183 p.

⁵ Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 185 of September 3, 2013 «On approval of the list of statistical indicators of official Statistical Information provided to the Eurasian Economic Commission by the authorized bodies of States». – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70345586/>

2. Построение математической модели производственного плана корпорации

На первом этапе построим математическую модель корпорации в стандартном виде с векторным критерием. На втором этапе построим математическую модель корпорации в виде векторной задачи линейного программирования, в которой учитываются экстенсивные и интенсивные факторы развития производства.

2.1. Построение математической модели корпорации с векторным критерием

Для построения математической модели развития корпорации мы определим вектор неизвестных, цели (критерии) развития корпорации и ее предприятий и ограничения по материальным, трудовым ресурсам.

Вектор переменных

$$X(t) = \{X_q(t) = \{x_j(t), j = \overline{1, N_q}\}, q \in Q\} \quad (1),$$

где каждая компонента $x_j(t), j = \overline{1, N_q}, N_q \subset N$ определяет вид и объем $x_j(t)$ изделий, которые планируются включить в производство в планируемом году $t \in T$. N_q, N – множество индексов видов (номенклатуры) изделий, работ, услуг, которое выполняет каждое предприятие $q \in Q$ и корпорация в целом. На переменные $x_j(t), j \in N$ наложены ограничения $u_j, j \in N$ – они определяют вероятный объем продукции j -го вида. Величины $u_j(t), j \in N$ получены службой маркетинга при исследовании рынка товаров, которые могут производиться фирмой, т.е. $x_j(t) \leq u_j(t), j = \overline{1, N}$.

Векторный критерий $F(X(t))$ определяет цели функционирования Q подсистем (предприятий) и социально-экономическую систему в целом. $F(X(t))$ подразделяется на два подмножества критериев $F_q(X(t))$ – векторный критерий, который определяет цели функционирования Q подразделений (1) и $F_1(X(t))$ – характеризует системные показатели.

$$\forall q \in Q, f_{kq}(X(t)) \equiv \sum_{j=1}^{N_q} c_j^k x_j(t), k = \overline{1, K_q},$$

определяет цели отдельного предприятия, c_j^k – величина k -го показателя, характеризующего единицу j -го вида продукции.

Системные показатели $F_1(X(t))$ представлены тремя показателями, характеризующими:

доход предприятия:

$$f_k(X(t)) = \sum_{j=1}^N p_j^k x_j(t), k \in K \quad (2),$$

где $p_j^k, j = \overline{1, N}$ – цена единицы продукции j -го вида, вытекает из маркетинговых исследований;

прибыль от реализации продукции по фирме:

$$\pi = f_k(X(t)) = \sum_{j=1}^N \pi_j^k x_j(t), k \in K, \pi_j = p_j - a_j(t), j = \overline{1, N} \quad (3),$$

где $\pi_j, j = \overline{1, N}$ – прибыль на единицу продукции, $a_j(t)$ – себестоимость j -го вида продукции;

добавленная стоимость на единицу продукции:

$$p_j^{dob} = p_j - a_j^{mat}(t), j = \overline{1, N} \quad (4),$$

где p_j^{dob} определяется, как разность между стоимостью и $a_j^{mat}(t)$ материальными затратами.

В целом векторный критерий характеризует все социально-экономические показатели корпорации (кластера):

$$F(X(t)) = \{f_k(X(t)) \equiv \sum_{j=1}^N c_j^k x_j(t), k = \overline{1, K}, K = Q + 3\} \quad (5).$$

Ограничения по ресурсам подразделяются на глобальные (для корпорации в целом) и локальные (для отдельного предприятия). Нами рассматриваются множество ресурсов M , которые включают следующие ресурсы:

– множество трудовых ресурсов (специальностей) $M_{tr} \subset M$;

– множество материально-технических ресурсов $M_{mat} \subset M$, которые характеризуют материалы, полуфабрикаты и т.п., использующиеся в производстве;

– производственные мощности предприятия $M_f \subset M$:

$$\sum_{j=1}^N a_{ij}(t) x_j(t) \leq b_i(t), i = \overline{1, M} \quad (6),$$

где $a_{ij}(t), i = \overline{1, M}, j = \overline{1, N}$ – количество i -го ресурса, необходимого для производства единицы j -го вида изделия (технологические данные).

Аналогично в (6) представлены затраты по i -му ресурсу для q -го подразделения:

$$\sum_{j=1}^{N_q} a_{ij}^q x_j(t) \leq b_i^q(t), i = \overline{1, M_q}, q = \overline{1, Q} \quad (7),$$

где $b_i^q(t)$ – величина i -го ресурса, имеющегося в q -м подразделении предприятия на планируемый период, M_q – множество видов ресурсов, которые используются в производстве q -го подразделения.

Ограничения, связанные с плановыми показателями: $\sum_{j=1}^N c_j x_j(t) \geq b_k^{min}(t)$,

где c_j – величина единицы j -го экономического показателя, характеризующего производство, $b_k^{min}(t)$ – минимальная величина планового показателя, которого следует достичь фирме.

В качестве критерия (5) используется экономический показатель, который включает: объем продаж $f_k(X(t))$, валовую прибыль π_j^{val} , прибыль от реализации продукции π , добавленную стоимость $f_j^{доб}$, которые в совокупности определяют целенаправленность фирмы. Учитываются также ограничения (6), (7). В совокупности критерий и ограничения представляют стандартную (однокритериальную) модель функционирования фирмы в виде векторной задачи линейного программирования:

$$Opt F(X(t)) = \{F_q(X(t)) = \{max_{f_{kq}}(X(t)) \equiv \sum_{j=1}^{N_q} c_j^k x_j(t), k = \overline{1, K_q}, q = \overline{1, Q}\} \quad (8),$$

$$max F_1(X(t)) = \{max_{f_k}(X(t)) \equiv \sum_{j=1}^N c_j^k x_j(t), k = \overline{1, K_1}\} \quad (9),$$

при ограничениях

$$\sum_{j=1}^N a_{ij}(t) x_j(t) \leq b_i(t), i = \overline{1, M} \quad (10),$$

$$\sum_{j=1}^{N_q} a_{ij}^q x_j(t) \leq b_i^q(t), i = \overline{1, M_q}, q = \overline{1, Q} \quad (11),$$

$$\sum_{j=1}^N c_j^k x_j(t) \geq b_k(t), k \in K \quad (12),$$

$$x_{jv}(t) = x_{jg}(t), l_v \in K, j_g \in K \quad (13),$$

$$0 \leq x_j(t) \leq u_j(t), j = \overline{1, N_q}, q = \overline{1, Q} \quad (14),$$

$$t = \overline{1, T} \quad (15),$$

где $F(X(t))$ – векторный критерий (8), в котором $F_q(X(t))$ – подмножество критериев подразделений фирмы, $k = \overline{1, K_q}, q = \overline{1, Q}$; $F_1(X(t))$ – это подмножество критериев, в которых каждый критерий максимизируется (объемы продаж произведенной продукции, прибыли, добавленной стоимости); $X = \{x_j(t), j = \overline{1, N}\}$ – вектор переменных, каждый компонент которого определяет количество j -го вида продуктов, включенных в план; c_j^k – экономический показатель k -го вида $k = \overline{1, K_1}$ характеризующей j -го вида единицы продукции. Неравенства (10) представляют ограничения, которые накладываются на кластер в целом; Неравенства (11) характеризуют ограничения, которые накладываются на каждое подразделение кластера; (10)–(11) ограничения по ресурсам, где $a_{ij}(t), i = \overline{1, M}, j = \overline{1, N}$ – количество i -го ресурса необходимого для производства единицы j -го типа изделия; (12) – ограничения по экономическим показателям, которые требуется выполнить;

В (13) $x_{jv}(t) = x_{jg}(t), l_v \in K, j_g \in K$ – равенства определяют взаимосвязь одинакового количества полуфабрикатов $x_{jv}(t)$, выпускаемых вспомогательными подразделениями (v) корпорации, используемые в производстве основной продукции $x_{jg}(t)$, выпускаемой головным предприятием (g);

$0 \leq x_j(t) \leq u_j(t), j = \overline{1, N_q}, q = \overline{1, Q}$ – ограничения по маркетинговым исследованиям, где величины $u_j(t), j = \overline{1, N}, t = \overline{1, T}$ характеризуют объемы товаров в предположении, что они будут востребованы рынком на период $t = \overline{1, T}$ лет.

2.2. Построение математической модели корпорации с учетом экстенсивных и интенсивных факторов развития производства в регионе

Задача (8)–(15) рассматривает управление доходами в статике (на 1 год). При стратегическом развитии корпорации в динамике (на несколько лет) задача (8)–(15) должна учитывать экстенсивные и интенсивные факторы развития производства в рамках управленческого учета.

Экстенсивные факторы связаны, прежде всего, с расширением производства. Предполагается, что часть прибыли, амортизационных отчислений пойдет на воспроизводство. Под воспроизводством понимаем, во-первых, восстановление изношенного оборудования, и, во-вторых, после просчета годового плана, увеличиваются ограничения тех ресурсов (10)–(11), у которых выполняется равенство или близкое к нему неравенство $l \in M_p$. Тогда стандартные ограничения на ресурсы (10)–(11) $b_i(t), i \in M_p \subset M$ в планируемом году $(t+1) \in T$ увеличатся на величину $\Delta b_i(t+1), i \in M_p$:

$$b_i(t+1) = b_i(t) + \Delta b_i(t+1), i \in M_p, (t, t+1) \in T. \quad (16)$$

Интенсивные факторы определяются ростом производительности труда, снижением материальных затрат, энергоресурсов, повышением фондоотдачи и повышением качества продукции. Все эти факторы должны найти явное или неявное отражение в математической модели (8)–(15) формирования стратегического плана развития корпорации. В математической модели годового плана (8)–(15) в ограничениях (10)–(11) коэффициенты $a_{ij}(t), i = \overline{1, M}, j = \overline{1, N}, t \in T$ определяют трудовые, материальные затраты, производственные мощности.

Величина, на которую снижены трудозатраты при производстве единицы j -го вида продукции, определяет рост производительности труда на предприятии:

$$\Delta a_{ij}(t+1) = a_{ij}(t) - a_{ij}(t+1), i = \overline{1, M_{pr}}, M_{pr} \subset M, j = \overline{1, N}, t \in T \quad (17)$$

Аналогично определяется снижение материалоемкости изделия на предприятии:

$$\Delta a_{ij}(t+1) = a_{ij}(t) - a_{ij}(t+1), i = \overline{1, M_{mat}}, M_{mat} \subset M, j = \overline{1, N}, t \in T \quad (18)$$

Интенсивные факторы роста производительности труда, снижения материалоемкости изделия, увеличения фондоотдачи определяют инновационное развитие корпорации.

При оценке производственных мощностей необходимо учитывать износ

$$\Delta b_i^{fz}(\mathbf{t} + 1), l = \overline{1, M_{fond}}, M_{fond} \subset M \quad (19)$$

и их увеличение за счет амортизационных отчислений $\Delta b_i^{amort}(\mathbf{t} + 1)$, а также за счет инвестиций $\Delta b_i(\mathbf{t} + 1)$ в производственные мощности предприятия. В дальнейшем предполагаем, что износ основных фондов покрывается амортизационными отчислениями:

$$\Delta b_i^{fz}(\mathbf{t} + 1) = \Delta b_i^{amort}(\mathbf{t} + 1), l = \overline{1, M_{fond}}, M_{fond} \subset M.$$

Используем экономические показатели (2)–(4), которые определяют целенаправленность корпорации, в качестве критерия. Учитывая *эстенсивные* факторы (16) и *интенсивные* факторы роста производительности труда (17), материалоемкости изделия (18), увеличения фондоотдачи (19). Преобразуем статистическую модель (8)–(15) в динамическую математическую модель на период $\mathbf{t} = \overline{1, T}$ лет.

Математическая модель стратегического плана инновационного развития корпорации представим в виде векторной задачи линейного программирования:

$$Opt F(X(\mathbf{t})) = \{F_q(X(\mathbf{t})) = \{max f_{kq}(X(\mathbf{t})) \equiv \sum_{j=1}^{N_q} c_j^k x_j(\mathbf{t}), k = \overline{1, K_q}\}, q = \overline{1, Q}\} \quad (20),$$

$$max F_1(X(\mathbf{t})) = \{max f_k(X(\mathbf{t})) \equiv \sum_{j=1}^{N_1} c_j^k x_j(\mathbf{t}), k = \overline{1, K_1}\} \quad (21),$$

при ограничениях

$$\sum_{j=1}^{N_{ij}} (a_{ij}(\mathbf{t}) - \Delta a_{ij}(\mathbf{t} + 1)) x_j(\mathbf{t}) \leq b_i(\mathbf{t}) + \Delta b_i(\mathbf{t} + 1), l = \overline{1, M}, M_{tr} \subset M, M_{mat} \subset M, \quad (22),$$

$$\sum_{j=1}^{N_q} (a_{ij}^q(\mathbf{t}) - \Delta(a_{ij}^q(\mathbf{t}))) x_j(\mathbf{t}) \leq b_i^q(\mathbf{t}) + \Delta b_i^q(\mathbf{t} + 1), l = \overline{1, M_q}, q = \overline{1, Q} \quad (23),$$

$$\sum_{j=1}^{N_1} c_j^k x_j(\mathbf{t}) \geq b_k(\mathbf{t}), k \in K \quad (24),$$

$$x_{jv}(\mathbf{t}) = x_{jg}(\mathbf{t}), l_v \in K, j_g \in K \quad (25),$$

$$0 \leq x_j(\mathbf{t}) \leq u_j(\mathbf{t}), j = \overline{1, N_q}, q = \overline{1, Q} \quad (26),$$

$$\mathbf{t} = \overline{1, T} \quad (27).$$

Таким образом, модель (20)–(27) по существу является математической моделью стратегического плана инновационного развития корпорации. Для решения векторной задачи математического программирования (20)–(27) используем методы, основанные на нормализации критериев и принципе гарантированного результата.

В математической модели (20)–(27) управления предприятием (фирмой) в многоуровневой системе государства, региона (на пятом уровне) целевая направленность должна определяться механизмом повышением жизненного уровня всех участников производства, которые представлены инженерным, производственным, управленческим персоналом и акционерами. Все они в равной степени формируют прибыль предприятия (фирмы). Только при их совместной деятельности возможен *максимальный рост производительности труда*¹.

¹ Авторы готовы участвовать в расчетах по прогнозированию развития промышленных предприятий (кластеров).

Мещеряков Д.А.

д.э.н., профессор кафедры региональной экономики и менеджмента Воронежского института экономики и социального управления

ПРИОРИТЕТНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНА» КАК ИНСТРУМЕНТ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: промышленное производство, стратегический проект, санкции, импортозамещение, инфраструктура, научно-технологическая деятельность, кластеры, системообразующие предприятия.

Keywords: industrial production, strategic project, sanctions, import substitution, infrastructure, scientific and technological activities, clusters, system-forming enterprises.

Последние несколько лет для России были довольно сложными. Санкции, пандемийные ограничения, экономический кризис – все это стало серьезным испытанием для экономики. Выход из сложившейся ситуации, осложненной международным давлением со стороны недружественных стран, как неоднократно подчеркивал президент и Правительство РФ, – в импортозамещении. У Воронежской области для этого есть все предпосылки.

Несмотря на сменяющиеся в последние годы кризисы развитие промышленного производства в Воронежской области имело устойчивую позитивную динамику. Об этом свидетельствуют основные итоги социально-экономического развития региона за 2021 год. Так, объем валового регионального продукта составил 1083,9 млрд руб. Для сравнения, этот показатель в 2019 составлял 1002,6 млрд руб. Темпы роста промышленного производства к 2019 году составили 115,2%, обрабатывающих производств – 114,6%.

Основной вклад в региональную обрабатывающую промышленность в настоящее время обеспечивают пищевая (47,2%) и химическая (16,0%) промышленность, приборостроение, микроэлектроника и электротехника (7,4%), производство строительных материалов и изделий из металла (по 6%).

За последние 15 лет динамика развития региональной промышленности опережала среднероссийские значения в среднем на пять процентных пунктов. Среднегодовые темпы роста составили 107,3% при общероссийском показателе 102,3%. При этом на сегодня в рейтинге субъектов РФ по объему обрабатывающей промышленности область занимает 26 место. В общероссийском рейтинге регионов по уровню содействия развитию конкуренции область входит в первую десятку.

В свете событий последнего времени курс на импортозамещение становится приоритетным для нашего региона. В настоящее время санкции уже затрагивают практически все сферы жизнедеятельности нашего государства: промышленное производство, сельское хозяйство, финансовую сферу, торговлю, здравоохранение, образование, науку, культуру, спорт и отношения между людьми. Санкции нарушают свободное движение капитала, товаров, рабочей силы, логистические цепочки, сложившиеся международные экономические отношения.

Разумеется, отрицать их влияние на российскую экономику невозможно. Однако необходимо понимать, что импортозамещение в промышленном производстве нельзя отнести к числу быстрых процессов. Это системная задача, требующая системных решений.

В условиях внешнего санкционного давления правительство РФ и правительство области принимают меры, направленные на смягчение воздействия санкций на развитие промышленного производства и граждан. Это меры экономического и административного характера.

Решение задач импортозамещения на территории Воронежской области требует объединения и координации действий исполнительных органов власти, субъектов хозяйственной деятельности, вузов, учреждений среднего специального образования.

Важно указать и на то, что для успешного развития промышленного производства и его перестройки в условиях импортозамещения в области есть необходимая сырьевая база, научный и кадровый потенциал, а главное – готовность правительства региона работать в этом направлении. Отметим, что импортозамещение не только ограничивает деятельность хозяйствующих субъектов, но и создает для них возможности на качественно новом уровне производить высокотехнологичную, конкурентоспособную продукцию с высокой добавленной стоимостью и занимать высвобождающиеся рынки для ее реализации.

Возникает вопрос: есть ли у Воронежской области инструменты, способные обеспечить импортозамещение в промышленном производстве в условиях внешнего санкционного давления?

На этот вопрос можно дать положительный ответ. Таким инструментом является приоритетный стратегический проект «Новая индустриализация региона», рассчитанный на период до 2024 года. Проект возвращает регион к своим промышленным истокам, но на качественно новом уровне. Он направлен на реализацию стратегических целей в сфере развития промышленного производства на территории региона.

В состав участников проекта входят исполнительные органы государственной власти области; институты поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства области (Центр «Мой бизнес», АНО «Центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства Воронежской области», АО «Центр адаптивных технологий»); высшие учебные заведения (Воронежский государственный технический университет, Воронежский государственный университет, Воронежский государственный университет инженерных технологий); средние профессиональные учебные заведения технической направленности (Воронежский политехнический техникум, Борисоглебский техникум промышленных и информационных технологий, Семилукский политехнический техникум и др.); представители бизнеса.

Ключевая задача проекта – обеспечить ежегодный рост обрабатывающих отраслей промышленности не менее чем на 4%, увеличить долю высокопроизводительных отраслей в объеме промышленного производства до 37%.

В рамках реализации проекта «Новая индустриализация региона» к 2024 году планируется увеличение объема отгруженной продукции отраслей обрабатывающих производств области до 780 млрд руб. В числе приоритетных целей – создать или модернизировать не менее 20 тысяч высокопроизводительных рабочих мест в обрабатывающей промышленности, повысить конкурентоспособность промышленных предприятий региона за счет роста производительности труда, ускоренного технологического развития и эффективного сетевого взаимодействия, увеличить годовой объем инвестиций в отраслях обрабатывающего производства до 80 млрд руб.

Импортозамещению на предприятиях промышленности области будут способствовать:

– формирование и развитие конкурентоспособной промышленной инфраструктуры в индустриальных зонах (особые экономические зоны, территории опережающего развития и индустриальные парки);

– повышение эффективности инфраструктуры поддержки деятельности в сфере промышленности (организация эффективного межведомственного взаимодействия, координация деятельности региональных институтов развития и инновационной инфраструктуры вузов при решении задач проекта);

– стимулирование научно-технологической деятельности и технологического развития в сфере промышленности (разработка пакетных предложений, направленных на поддержку ускоренного роста высокотехнологичных предприятий; создание условий для координации и кооперации между субъектами деятельности в сфере промышленности, научным и вузовским сообществом при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности; организация подготовки и переподготовки рабочих и инженерных кадров в соответствии с потребностями промышленных предприятий, в том числе высокотехнологичных; поддержка научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, выполняемых в ходе реализации инвестиционных проектов в отраслях промышленности);

– развитие кластеров и сетевого взаимодействия субъектов деятельности в сфере промышленности (разработка, обеспечение и координация реализации кластерных проектов; содействие встраиванию промышленных предприятий в глобальные производственные цепочки; содействия в продвижении на рынки иностранных государств промышленной продукции; поддержка создания и функционирования цифровых промышленных экосистем).

Замещению импортной продукции будет способствовать и развитие региональных системообразующих предприятий в пищевой и химической промышленности, приборостроении, микроэлектронике и электротехнике, предприятий транспортного машиностроения, а также производящих строительные материалы, изделия из металла, машины и оборудование, товары потребительского назначения.

Среди системообразующих предприятий в химической промышленности области можно выделить АО «Воронежсинтезкаучук», АО «Минудобрения», ООО «Эфко Косметик», ЗАО «АВС Фарбен», Филиал ОАО «Верофарм» в г. Воронеж, ЗАО «ВШЗ», ООО «ТПК «ЮПЛАСТ-ЧЕРНОЗЕМЬЕ»».

В сфере производства приборостроения, микроэлектроники и электротехники к системообразующим предприятиям относятся АО «Концерн «Созвездие», «Корпорация НПО «РИФ»». АО «Электросигнал», АО «ВЗПП-Микрон», АО НПО «Электроприбор-Воронеж», ПАО «Автоматика», ООО «Стимул», ЗАО «ВКЗ», АО НВП «Протек», ООО «НПП «Экар», ООО ПКФ «Электроштит», ЗАО «ВКЗ», ООО «Электроспецтехника». АО «Механика».

К основным системообразующим предприятиям в производстве изделий из металла следует отнести АО «Воронежстальмост», ЗАО «Лискимонтажконструкция», ООО «Воронежпромлит», ЗАО «Монолит», ООО «Универсал», ООО «Завод Металлопрофиль», ООО УСК «Спецстальтехмонтаж», ООО «Завод нефтяного и газового оборудования».

В строительной отрасли системообразующими предприятиями являются «Завод ЖБИ № 2», ООО «Выбор – ОБД», ОАО «Завод ЖБК», АО «Лискигазосиликат», ООО «Придонхимстрой известь», ООО «Воронежская керамика», Лискинский ПК СМТ «Стройиндустрия» ОАО «РЖДстрой», АО «Эльдако», Лискинский завод «Спецжелезобетон – ФЛ ОАО «БЭТ», ООО «НПО Энергосвязьпроект».

Среди основных системообразующих предприятий транспортного машиностроения можно выделить ПАО «ВАСО», Воронежский ВРЗ-ФЛ АО «Вагонреммаш», АО «Русавиаинтер», Воронежский РТЗ АО «Желдоррмаш», ООО «ВеминаАвиапрестиж».

В производстве машин и оборудования системообразующими предприятиями являются АО «Гидрогаз», ООО «ФПК «Космос-Нефть-Газ», АО «Турбонасос», ООО «Воронежсельмаш», АО «Борхиммаш», ООО «Бормаш», ООО «Нефтегаздеталь», ОАО «Тяжмехпресс», ООО УК «Рудгормаш», НПО ООО «Обогатительное оборудование», АО «Теплохим», ООО «Воронеж-Аква», ООО «РГМ-Комплект», «Воронежский механический завод» – ФЛ АО «ГКНПЦ им. М.В.Хруничева», ООО «ОКБМ».

Успешная реализация стратегического проекта «Новая индустриализация региона» позволит получить мультипликационный эффект для роста промышленного производства в Воронежской области и решения проблем импортозамещения.

Нежданов В.А.

менеджер по развитию, Агентство городского развития Обнинска; с.н.с. Среднерусского гуманитарно-технологического института, г. Обнинск

ОБНИНСКО-БОРОВСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ НОВЫХ ТРЕНДОВ РАССЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: агломерация, пандемия, тренды расселения, концепция «30-минутного города», трансформация стратегии развития Обнинска.

Keywords: agglomeration, pandemic, settlement trends, the concept of a «30-minute city», transformation development strategy of Obninsk.

Пандемия поставила вопрос о возможности смены постоянного места жительства (ПМЖ) в связи с распространением дистанционных видов занятости. Все больше компаний внедряют удаленную работу, используют проектный подход. Это помогает работодателям снизить затраты на содержание офисов и инфраструктуры, открывает широкие возможности для привлечения сторонних сотрудников и экспертов. Проявляется тренд на все, что связано с «удаленкой» как на работе, так и повседневной жизни. Продолжается рост объема доставок, люди меньше посещают магазины и больше потребляют услуги дистанционно¹.

Проживание в собственном доме стало более комфортным и безопасным, чем жизнь в многоквартирном. Это может привести к значительным изменениям в системе расселения. Наблюдается возвращение к более простому поведению человека в пространстве, когда люди преимущественно находятся дома или ограниченно перемещаются в рамках своего района (микрорайона), что в краткосрочной перспективе может привести к оттоку людей из городов в пригороды или сельскую местность².

Коронавирусная эпидемия актуализировала советские нормы жизни. Машина стала необходимой, чтобы избежать коллапсов в метро, не подвергать себя опасности подхватить вирус в общественном транспорте, иметь возможность съездить в тот магазин, в котором ты привык покупать продукты, отвезти родственников на дачу. Основным средством спасения от изоляции вновь стала дача или загородное жилье. Некоторые архитекторы считают, что пандемия заставила людей пересмотреть образ жизни и отношение к пространству, предлагается советская модель жизни на два дома: загородный дом (он же мобильный офис) и квартира в городе³.

Ограничения в условиях пандемии вызвали у горожан активную заинтересованность в индивидуальном жилищном строительстве (ИЖС), в приобретении дачи или участка за пределами городов. Результаты исследования Аналитического центра Национального агентства финансовых исследований показывают, что 42% россиян в гипотетической ситуации выбора нового жилья отдадут предпочтение не квартире, а индивидуальному дому, при этом в реальности 16% россиян намерены приобрести или построить какое-либо жилье в ближайшие 5 лет. Более понятной становится картина предпочтений, когда анализируется выбор жилья по домохозяйствам. Этот выбор обусловлен количеством человек в домохозяйстве: чем больше его состав, тем более россияне тяготеют к проживанию в индивидуальном доме. Большинство опрошенных домохозяйств (45%), состоящих из 3 человек и более ответили, что выбирают для проживания индивидуальный дом или часть индивидуального дома. Большинство «одиночек» (40%) предпочитают жить в многоквартирном доме⁴.

Аналитики британского сайта недвижимости Rightmove пришли к выводу, что покупатели и арендаторы жилья бегут из больших городов. Удвоилось количество запросов на дома и квартиры в городах с населением меньше 10 тыс. чел. (2020 г.). Представитель Rightmove Тим Баннистер констатирует, что спрос на жилье в графствах Кент, Дорсет, Беркшир, Девон, Кембридж и Саффолк (они находятся либо вокруг Лондона, либо на юго-восточном побережье Великобритании) вырос на 130–180% по сравнению с осенью 2019 г. Politico в исследовании «Смерть города» подчеркивает важность видеоконференций, коворкингов, общения в мессенджерах, ценность которых оказалась настолько высока, что начала угрожать существованию больших городов в их нынешнем виде, особенно огромным офисным пространствам⁵.

¹ О рынке труда, офисах и удаленке <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5fc0d4879a794732861de4f9>

² Пригороды против городов. Как пандемия влияет на систему расселения? – <http://www.urbanomics.ru/centrobshestvennyh-svyazey/news/puzanov-prinyal-uchastie-v-diskussii-prigorody-protiv-gorodov-kak>

³ Как изменятся города после пандемии? – <https://www.youtube.com/watch?v=UXTEUIagIYQ&t=2376s>

⁴ Собственные дома, не квартиры: как пандемия изменила спрос на рынке недвижимости. 8 октября 2020 года. – <https://nafi.ru/analytics/sobstvennye-doma-ne-kvartiry-kak-pandemiya-izmenila-spros-na-rynke-nedvizhimosti/>

⁵ Бегство из большого города. Как миллениалы открыли для себя работу с видом на природу, а коронавирус помог им. 2020. – 15 октября. – <https://www.bbc.com/russian/features-54546727?xtor=AL-73-%5Bpartner%5D-%5Byandex%5D-%5Bheadline%5D-%5Bussian%5D-%5Bbizdev%5D-%5Bisapi%5D>

Наши СМИ также переполнены схожими сообщениями. Особенно это характерно для москвичей, которые стремятся «создать собственные родовые поместья в деревнях Калужской, Смоленской, Владимирской и других областях ЦФО. Однако исследования группы «Циркон» (Москва), посвященные потенциалу миграции горожан в экопоселения показали, что ощущение «новой привлекательности» малых городов и сельских поселений – явление временное. Гендиректор ВЦИОМ Валерий Федоров отмечает, что 42% россиян имеют жилье за городом, однако только у 17% это капитальные строения. По мнению сопредседателя Московского центра урбанистики «Город» Алексея Расходчикова, уехавшие из столицы в период карантина на дачу или на родину вернуться, но не все. Он считает, что пандемия – повод задуматься о качественном изменении в строительстве. Не обязательно строить экодеревни для дизайнеров, достаточно трансформировать зоны внутри города. По мнению вице-президента BouyguesEuropeSA Эммануэля Фореста (Франция), распространение получает новая концепция «15-минутного города», множества маленьких городков внутри большого города, когда можно добраться до необходимых объектов инфраструктуры пешком или на велосипеде за 15 минут¹.

Схожие тенденции наблюдаются в трансформации моделей транспортного развития крупных российских агломераций. Возникает концепция «30-минутного города», которая предполагает, что большая часть передвижений людей в течение дня будет занимать у них не более получаса².

Тенденция роста пригородов, особенно вокруг крупных городов, является долговременной. За последние годы в Подмосковье построено 2503 посёлков, в Ленинградской области – около 800. За последние 10 лет построено не менее 10 000 пригородных поселений. В настоящее время база недвижимости Московской области насчитывает более 87 000 земельных участков, Ленинградской – 32 000 участков³.

Тенденция увеличения численности сельского населения подтверждается статистическими данными и экспертными опросами. В 2020 году экспертами зафиксирован небольшой миграционный отток (около 10 тыс. чел.) городского населения в сельскую местность. Аналитики Россельхозбанка считают это началом процесса. Другим фактором миграции является укрупнение сельских территорий вокруг крупных городов. Коэффициент прироста сельского населения Московской и Ленинградской областей за 2019 г. более чем в 2,5 раза превышает аналогичный по городской местности. Ведущим фактором в этом процессе, по мнению экспертов, является расширение транспортной сети и повышение комфорта пассажирских перевозок. Наличие государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий», льготной ипотеки, агротуризм также способствуют увеличению численности сельского населения⁴.

Осенью 2021 г. правительство РФ утвердило 42 инициативы, направленные на социально-экономическое развитие, среди которых «Города больших возможностей и возрождение малых форм расселения». Стратегия пространственного развития России существенно дополняется приоритетами развития малых и средних городов, а также опорных пунктов в сельской местности. Продолжается реализация государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий»⁵.

Таким образом, наблюдается изменение тенденций расселения и поведения человека в пространстве. Сформировались новые институты и механизмы развития территорий:

- заявлено создание Единого института пространственного планирования и публично-правовой компании «Фонд развития территорий», правопреемницы Фонда содействия реформированию ЖКХ и Фонда защиты прав граждан – участников долевого строительства;

- на основе кластерного и агломерационного подходов формируются институты государственного развития в форме особых экономических зон (ОЭЗ), территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), промышленных и технопарков;

- повсеместно работают частно-государственные агентства регионального (инвестиционного и инновационного) развития;

- взаимодействие с бизнесом идет по принципу «одного окна», ожидается запуск «Цифрового профиля» предпринимателя, ключевого этапа развития Цифровой платформы МСП.РФ;

- работает сельская ипотека, в том числе на индивидуальное жилищное строительство;

- появилась возможность использовать семейный капитал в уплату за земельные участки под строительство;

- **создаются фонды пространственных данных на основе электронных топографических основ (ГИС и распределенные вычисления)**⁶ и т.д.

Все это позволяет говорить о новых подходах в территориальном управлении. В настоящее время региональная политика ориентирована на развитие крупных агломераций, что соответствует парадигме либеральной экономики эпохи глобализации. В России традиционная производственная инфраструктура сосредоточена в малых и средних городах, которые создавались под законченные циклы производства. Необходимость смены методологических прин-

¹ Социологи обсудили деурбанизацию российских городов. – <https://rg.ru/2020/09/19/sociologi-obsudili-deurbanizaciiu-rossijskih-gorodov.html>

² Прорывной календарь: в стратегию развития РФ до 2030 года могут войти 125 проектов. 2021. – 12 апреля. – <https://iz.ru/1149823/dmitrii-grinkevich/proryvnoi-kalendar-v-strategiiu-razvitiia-rf-do-2030-goda-mogut-voiti-125-proektov>

³ Вы точно уверены, что российская деревня «умирает»? – <https://newsland.com/community/7451/content/za-poslednie-10-let-v-rossii-zagubili-8000-dereven-a-postroili-10-000/6820539>

⁴ Впервые за 20 лет в России остановился отток населения из сел в города // Российская газета. 2021. – 4 мая. – <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0901/rossia01.php#1>

⁵ Минэкономразвития займется агломерациями и опорными пунктами на селе. – <https://rg.ru/2021/10/12/minekonomrazvitiia-zajmetsia-aglomeraciami-i-opornymi-punktami-na-sele.html>

⁶ Фонд пространственных данных. – <https://gradrazvitie.ru/fond-prostranstvennyx-dannyx/>

ципов монетарной политики (чем больше население, тем больше средств на его развитие) осознана и на уровне корпоративных структур. Росатом тестирует сервисно-инфраструктурный подход к развитию населенных пунктов с высоким научно-технологическим потенциалом, так как наукограды недостаточно обеспечены федеральным финансированием¹.

Разрабатывается новая модель городского развития, которая будет основана на обеспечении жителей атомных городов не только современной инфраструктурой, но и передовыми сервисами. Ее применение при строительстве капитальных объектов обеспечит исполнение сразу нескольких функций и работу сервисов для разных групп горожан, позволит отказаться от мегапроектов в пользу точечных, направленных на удовлетворение потребностей и запросов, востребованных жителями².

В Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года *Обнинско-Боровская агломерация* обозначена как центр, замыкающий на себя новые селитебные зоны Московской агломерации, которая в последние годы становится источником расселения для окружающих территорий. Обозначена перспективная тенденция «нового расселения», которая обеспечит формирование «новой среды обитания» на границе Московской и Калужской областей. При разработке Основных стратегических направлений развития Калужской области на период до 2040 года, учитывающих традиционный приоритет – развитие человеческого капитала, – можно использовать наработки прежней стратегии, предусматривающей «опору на комбинацию инновационных, человеческих и средовых ресурсов территории, образующих каркас для эффективного развития пространственно организованных сетей социально-экономической активности. Основным содержанием деятельности на третьем этапе реализации Стратегии-2030 является создание плотной сети инновационных центров и ядер расселения с высоким качеством среды. Региональная экономическая сеть является основным источником роста и развития в условиях расширения московской агломерации. Использование инерции «московского процесса» является безусловным фактором, но при сохранении собственной социально-экономической и культурной (региональной) идентичности». Причем «окно возможностей» процесса «нового расселения» в настоящее время продолжает расширяться³.

Особенно актуально это звучит по отношению к стратегии развития северо-восточной агломерации Калужской области с центром в г. Обнинске. Проект Генплана Обнинска до 2041 г. (разработчик ООО Многофункциональный центр «Бюро инвентаризации, оценки и межевания», г. Смоленск) предполагает увеличение численности населения Обнинска в 1,5 раза (до 177 тыс. чел.), а территории с 5,5 тыс. га до 7,8 тыс. га⁴.

Среди проектов развития Обнинска – первый в России Центр ядерной науки и технологий на базе ФЭИ, подкритические стенд и реактор, «ядерная аптека», завод по производству радиофармпрепаратов по стандартам GMP, университетский кампус на основе цифровых технологий, современный научно-клинический центр, многофункциональный центр облучения и стерилизации пищевых продуктов. Проекты объединены в Инновационный научно-технологический центр при поддержке Росатома. Суммарный объем инвестиций превышает 30 млрд руб. Для реализации данных проектов сформирована обнинская образовательная экосистема, где готовят будущих специалистов для инновационных предприятий с детского сада. Обучение продолжается в школе, распределенном детском технопарке, «Кванториуме», предуниверситариуме, т.е. в вуз приходит человек, обладающий набором определенных навыков. Таким образом, на обнинской площадке создается студенческий научный кластер⁵.

Помимо этого Обнинск находится во взаимодействии с соседними наукоградами (Протвино и Пущино Московской области), что отвечает задачам Стратегии-2030 по созданию сети инновационных центров расселения в условиях расширения Московской агломерации⁶.

Агломерации второго порядка (Обнинско-Боровская, Серпуховско-Протвинская) являются зонами опережающего инновационного развития регионов. В результате вывода из ядра агломерации научных центров и инновационных предприятий образуются принципиально новые производства и виды деятельности, представляющие собой так называемые «процессинговые» (или логистические) центры⁷.

Агломерации второго порядка обеспечивают взаимодействие между производством, наукой и образованием в процессе пространственной диффузии нововведений. Скорость и направления распространения зависят от расстояния от центра зарождения нововведения и внутренних характеристик региона, в частности от его инновационного потенциала. Скорость диффузии зависит от «пропускной способности» каналов передачи – соответствующей инфраструктуры и институтов развития при высоком уровне открытости сообществ⁸. Процесс диффузии инноваций обеспечива-

¹ Директор департамента Росатома про управление, новые решения и первый наукоград России. – <https://pressaobninsk.ru/vmfull/17343/>

² АСИ и Росатом разрабатывают новый подход к развитию городов. – <https://asi.ru/news/186768/>

³ Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2030 года. – <https://pre.admoblkaluga.ru/sub/econom/strategy/>

⁴ Генплану дали срок. 2021. – 17 августа. – <https://ngregion.ru/gorod-i-gorozhane/genplanu-dali-srok>

⁵ Обнинский инновационный научно-технологический центр наполняют содержанием. – <https://ngregion.ru/strategiya/obninskij-innovatsionnyj-nauchno-tekhnologicheskij-tsentr-napolnyayut-soderzhanie>

⁶ Город первых станет центром притяжения наукоградов. 26.08.2021. – <https://pressaobninsk.ru/vmfull/15865/>

⁷ Колодин А.В. Городские агломерации второго порядка как фактор экономического развития региона. – <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-aglomeratsii-vtorogo-poryadka-kak-faktor-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona>;

⁸ Диффузия инноваций. – https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B8%D1%84%D1%84%D1%83%D0%B7%D0%B8%D1%8F_%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9

ется функционированием научно-образовательных кластеров в подмосковных наукоградах (Обнинск, Протвино, Пушкино), многие из которых являются центрами агломераций второго порядка¹.

Таким образом, на территории юго-западного сегмента Московской агломерации, «Новой Москвы» и северо-востока Калужской области формируется зона инновационной активности агломераций второго порядка.

¹ Лаппо Г.М., Полян П.М.. Наукограды России: вчерашние запретные и полузапретные города – сегодняшние точки роста. – http://elib.biblioatom.ru/text/lappo_naukogrady-rossii_2008/go,0/

Носков В.А.

м.н.с. лаборатории экономики природопользования, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
rubin35@yandex.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ПРИРОДНОГО КАПИТАЛА ЛЕСОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ С ПОЗИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО И КОРПОРАТИВНОГО ПОДХОДОВ¹

Ключевые слова: природный капитал лесов, древесные ресурсы, национальный и корпоративный учет, натуральная и стоимостная оценка, экосистемные счета.

Природный капитал лесов включает не только лесные (прежде всего, древесные) ресурсы, но и весь комплекс экосистемных услуг, связанных со здоровой средой обитания: качеством водных экосистем, возможностью пользования недревесными продуктами, условиями для рекреации и получения эстетических и духовных ценностей природы. Говоря о природном капитале лесов, его сохранении, мы подчеркиваем не только экономическую составляющую, но экологическую и социальную ценность для населения традиционных «лесных» регионов России, в том числе Республики Коми. Такой подход лежит в основе глобального тренда на «озеленение» экономики с целью обеспечить долгосрочную устойчивость природных экосистем и не допустить их деградации².

Для России состояние лесных экосистем имеет важнейшее значение, так как до 20% национального богатства страны приходится на лесные ресурсы³. В экономике Республики Коми лесной комплекс по вкладу в валовой региональный продукт и налоговые отчисления уступает только топливно-энергетическому комплексу. Лесопокрытая площадь составляет более 28,7 млн га, при общем запасе более 2,8 млрд куб. м. Несмотря на низкую величину использования расчетной лесосеки (30%), общий объем ежегодной заготовки приближается к 10 млн куб. м, что определяет ключевую роль древесных ресурсов в оценке природного капитала региона.

В России за последние десятилетия сформирована структурированная и подробная система учета, которая представляет систематизированный свод информации (о лесах, их использовании, охране, защите, воспроизводстве, о лесничествах), документированной более чем в двадцати формах внутреннего учета и внешней отчетности. Однако эти данные фиксируют общие параметры лесных насаждений и не отражают ценность природного капитала лесов для экономики региона. Вопрос о том, каким природным капиталом лесов мы обладаем и каковы перспективы его устойчивого использования на 20–50 лет, остро встает в связи с задачей обеспечить необходимой сырьевой базой с приемлемым уровнем выхода пиловочного сырья новые лесоперерабатывающие мощности. В связи с этим необходимы система эколого-экономического учета на основе регулярных и сопоставимых данных о природном капитале лесов, а также анализ его изменения в натуральных и стоимостных показателях для оценки взаимного влияния окружающей среды и экономики региона.

В России в настоящее время утверждена дорожная карта по внедрению приоритетных счетов Системы природно-экономического учета в статистическую практику Российской Федерации⁴. Также подготовлены методологические рекомендации по экономической оценке лесных и охотничьих ресурсов в соответствии с методологическими принципами системы национальных счетов и документов международного эколого-экономического учета, использующие категорию ресурсной ренты.

Анализ зарубежных публикаций показывает, что для оценки древесных ресурсов Республики Коми наибольший методологический интерес представляет международная Система эколого-экономического учета и опыт развития данного направления в Великобритании.

Зарубежный опыт учета природного капитала лесов

Развитие международной системы. Эволюция изменения подходов к измерению биомассы (производственных услуг леса) в физических показателях прослежена на основе анализа этапных документов формирования международ-

¹ Работа выполнена в рамках госбюджетной темы ИСЭиЭПС ФИЦ КНЦ УрО «Устойчивое ресурсопользование северного региона: факторы и модели» (№ ГР 121021800128-8).

² Тихонова Т.В. Экосистемные услуги: роль в региональной экономике и подходы к оценке // Известия Коми НЦ. – Сыктывкар, 2016. – № 3 (27). – С. 134–143.

³ Кашин В.И. Природные ресурсы как часть национальных богатств России // Использование и охрана природных Ресурсов в России. 2009. – № 5. – С. 3–7.

⁴ План мероприятий (дорожная карта) внедрения приоритетных счетов системы природно-экономического учета. Распоряжение правительства Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. № 247-р.

ной Системы эколого-экономического учета (СЭЭУ). Основными позициями анализа выбраны уровень развития системы счетов, показатели, порядок учета.

Система эколого-экономического учета 2012 – Центральная структура обозначает счет для древесных ресурсов, в которых учитывается объем запасов древесины на начало и конец отчетного периода¹. При этом фиксируются все изменения, приводящие к увеличению (прирост, переклассификация, переоценка и др.) и к уменьшению (промышленная вывозка древесины, естественные потери, порубочные остатки, пожары, болезни леса, переоценка и др.) запасов. Отметим, что учет лесопокрытой площади проводится не по лесным, а по земельным активам наряду с землями для сельского хозяйства, аквакультуры и других видов землепользования. В документе затронуты вопросы истощения и деградации лесных экосистем.

Технические рекомендации в поддержку СЭЭУ – Экспериментальный экосистемный учет существенно дополняют подход, представляя целостную систему счетов². Информация об экосистемах раскрывается в виде последовательности шагов от учета количества и качества ресурсов, к измерению предложения их использования в физическом и денежном выражении, до оценки ожидаемых будущих потоков услуг от активов и, наконец, интеграции этих данных в стандартные экономические счета.

СЭЭУ сельского, лесного и рыбного хозяйства дала формат описания и анализа взаимосвязей между окружающей средой и экономической деятельностью, связанной с указанными отраслями³. В данном документе выделены счета активов для лесной территории и для лесной продукции, которые трансформируются в общий счет запасов, учитывающий не только площади лесов и их запасы, но и качество лесных ресурсов. При наличии соответствующих данных рекомендуется учитывать потери и отходы древесины, указывать источники поставок (отечественное производство или импорт); раскрывать направление использования (конечное потребление, промежуточное потребление, изменение запасов и экспорт), отражать использование древесины в биоэнергетике.

Особое значение придается вопросам истощения древесных ресурсов ниже приемлемого уровня и, следовательно, устойчивости лесопользования в долгосрочной перспективе. Оценка лесных активов нацелена на период до 50–100 лет, по сути, на весь оборот рубки, что позволяет вести постоянный учет состояния лесных экосистем и их возможного истощения.

Система эколого-экономического учета – Экосистемный учет (Белая книга) является пространственно-ориентированной интегрированной статистической основой для организации биофизической информации об экосистемах, измерения экосистемных услуг, отслеживания изменений в масштабах и состоянии экосистем, оценки активов, услуг и привязки этой информации к показателям экономической и других видов человеческой деятельности⁴.

Структура счетов экосистемы в Белой книге идентична введенной в *Технических рекомендациях*, но описание счетов детальное и опирается на показатели, которые используются для обобщения данных и отображения тенденций по темам, имеющим особое значение для политики.

Показателями протяженности лесных экосистем являются площади лесов (га), изменения площади, охватываемой конкретными типами лесных экосистем в течение отчетного периода (%), доля лесных площадей без изменений (%). В счет состояния лесного фонда записываются данные о породном составе, бонитете и пр. Для лесных экосистем различают структурное и функциональное состояние. Общие характеристики структурного состояния объекта лесных экосистем включают характеристики растительности (и биотической структуры), биомассы. Функциональное состояние отражают характеристики экосистемного процесса, режимы нарушений.

Учет природного капитала лесов Великобритании. На основе предложенной компанией eftes системы пространственно-ориентированного учета разработана национальная система учета лесного хозяйства, которая включает следующие блоки⁵.

Балансовый отчет: показывает базовую (текущую) стоимость лесных активов на текущую дату и общую будущую стоимость природного капитала лесов на период до 50 следующих лет через дисконтированный поток с учетом текущих и будущих затрат по обслуживанию лесов.

Реестр активов: характеризует площадь управляемых земель и мест обитания, их состояние и другие важные элементы, влияющие на предоставление природного капитала лесов. Ключевые позиции: плантационные леса, естественные леса, пастбища, защитные леса, структура лесных плантаций, уровень лесовосстановления, запасы биомассы (разные типы), учет сухостоя и пр. Большое значение придается физической доступности природного капитала лесов (в основном для рекреации).

Физические и денежные потоки: поток ежегодных выгод, производимых национальными лесами в базовом и отчетном годах. Главный показатель – объем заготовленной древесины в год. Помимо заготовки древесины учитывается рекреация, поглощение и эмиссия углерода, поставка растений и семян, продовольственное обеспечение. Мето-

¹ United Nations, European Commission, FAO, IMF, OECD & World Bank. 2014. System of Environmental-Economic Accounting 2012 Central Framework. Sales No. E.12.XVII.12. – https://unstats.un.org/unsd/envaccounting/searev/seea_cf_final_en.pdf

² Technical Recommendations in support of the System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Experimental Ecosystem Accounting / United Nations. – New York, 2019. – <https://seea.un.org/content/technical-recommendations-support-seea-eea>

³ FAO and UN. 2020. System of Environmental-Economic Accounting for Agriculture, Forestry and Fisheries (SEEA AFF). – Rome. – <https://doi.org/10.4060/ca7735en>

⁴ System of Environmental-Economic Accounting – Ecosystem Accounting (SEEA EA) / United Nations et al. 2021. – https://seea.un.org/sites/seea.un.org/files/documents/EA/seea_ea_white_cover_final.pdf

⁵ UK natural capital accounts: 2021. Estimates of the financial and societal value of natural resources to people in the UK. – https://www.forestryengland.uk/sites/default/files/documents/Natural%20Capital%20Account%202019-2020_0.pdf

дология оценки услуг, связанных с поставкой древесины, требует наличия двух исходных показателей – цены на корню и физического количества вырубленной древесины. Затем значения годового потока генерируются путем их перемножения. Годовые прогнозы дисконтируются до приведенной стоимости на текущий (отчетный год). Изучение документов создания и развития международной СЭЭУ и практики применения ее подходов послужило методологической основой формирования региональной схемы и набора показателей для учета древесных ресурсов Республики Коми.

Содержание счетов учета древесных ресурсов

С целью обобщения методологических основ и практики применения системы эколого-экономического учета в сфере оценки лесных ресурсов международная схема интерпретирована применительно к региону, обладающему лесными активами. Схема-матрица делит счета на группы: счета запаса и потока; физические и стоимостные счета.

Счет площади и объема лесных ресурсов содержит данные по общей площади и запасу земель лесного фонда, делению лесов по целевому назначению, покрытой и не покрытой лесом площади, а также информацию о динамике изменений показателей названных категорий с течением времени.

Счета породно-качественных характеристик лесов характеризуют способность лесных ресурсов предоставлять экосистемные услуги в отчетный период. Основные параметры состояния лесных ресурсов: породно-возрастной состав, бонитет и прирост лесных насаждений.

Содержательное значение счетов площади и объема и породно-качественных характеристик состоит в оценке условий, необходимых для получения устойчивого объема заготовки древесных ресурсов. Распределение по породам, бонитету и возрастам позволяет спрогнозировать структуру и объем предложения лесных ресурсов в будущем. При этом наиболее оптимально равномерное распределение площади и запаса насаждений по группам возраста, при котором объем предложения лесных ресурсов в будущем будет также равномерным и устойчивым.

Счета потоков лесных ресурсов делятся на *физические* и *стоимостные*. Физический счет характеризует ежегодный фактический объем заготовки лесных ресурсов. Стоимостной – оценивает поток древесины в стоимости ежегодного объема заготовленных лесных ресурсов. Счета потоков основываются на балансовом учете предложения и использования древесных ресурсов, отражающем особенности лесохозяйственной и заготовительной деятельности, и содержат информацию о возможных потерях лесных ресурсов на различных производственных этапах, включая потери при заготовке, транспортировке, накопления на складах, а также экспорт и импорт.

Счет продуктивной способности лесных ресурсов (*sapacity* – емкость, мощность, пропускная способность). Данный счет призван стать переходным между физическими счетами объема, запаса и породно-качественных характеристик и счетом приведенной стоимости активов. Он характеризует максимально возможный прогнозируемый поток услуг (древесины), при условии отсутствия негативного влияния на будущий поток этих или других услуг, производимых данной экосистемой в течение всего периода использования лесных ресурсов. Счет продуктивной способности является производным от счета площади и объема и счетов породно-качественных характеристик, он связан с ожидаемым предоставлением услуг и принципом устойчивости их обеспечения.

Счет стоимости активов древесных ресурсов содержит оценку приведенной стоимости будущих потоков древесины. Формируется на основе метода приведенной NPV и счета продуктивной способности лесных ресурсов. Включает также оценку стоимости начальных и конечных запасов лесных ресурсов и изменений стоимости запасов за отчетный период. Для перевода физических показателей в стоимостные в системе СЭЭУ рекомендовано использование удельной стоимости, равной рыночным ценам на лесные ресурсы за вычетом затрат на их воспроизводство и заготовку и нормальной прибыли, то есть, лесной ренты.

Заключение

Изучение методологической основы и опыта применения системы эколого-экономического учета природного капитала в его лесоресурсной составляющей позволило сделать вывод о достаточно высокой степени обоснованности и разработанности международной системы эколого-экономических счетов и показателей, а также наличии сформированной отечественной информационной базы в части физических единиц учета древесных ресурсов. Это позволяет сформировать схему счетов и набор показателей эколого-экономического учета древесных ресурсов применительно к лесному региону России с учетом особенностей отечественной системы учета природных ресурсов и информационной обеспеченности. Основные элементы системы эколого-экономического учета древесных ресурсов включают счета площади и объема древесных ресурсов; счета породно-качественных характеристик; счет продуктивной способности лесных ресурсов; счета объема и стоимости заготовленной древесины; счет стоимости активов древесных ресурсов.

В России на данный момент практикуются только самые упрощенные методики определения стоимости потоков и активов древесины, не использующие методы чистой приведенной стоимости, а также определения остаточной стоимости по рентному доходу. Это ведет к занижению стоимостных оценок и необходимости в будущем проведения дополнительных исследований, а также совершенствования информационной системы сбора данных в области учета потоков доходов и расходов в сфере лесопользования.

Осинов А.К.

д.э.н., профессор, зав.кафедрой менеджмента и права, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия,

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНТРОВ И ПОЛЮСОВ РОСТА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: центры и полюса роста; процессы-факторы поляризованного развития; муниципальные образования Удмуртии как центры и полюса развития; меры по развитию центров и полюсов роста в Удмуртии.

Keywords: centers and poles of growth; processes-factors of polarized development; municipal formations of Udmurtia as centers and poles of development; measures to develop growth centers and poles in Udmurtia.

Теоретические аспекты концепции поляризованного развития

Территория является пространственным базисом экономики. И здесь совершается множество процессов, управление которыми позволяет принимать эффективные управленческие решения и получать максимальный экономический эффект.

Одной из распространенных является концепция поляризованного развития, где главной идеей является положение, «что рост не происходит везде и сразу, он возникает в точках, или полюсах роста, с неодинаковой интенсивностью распространяется по различным каналам, вызывая разнообразные конечные результаты»¹.

Теоретическим обоснованием данной концепции стали работы Ф. Перру², Ж.-Р. Будвиля³, Х. Ласуэна⁴ и других авторов. По мнению французского экономиста Ф. Перру, решающую роль в формировании полюсов экономического роста играет концентрация предприятий различных отраслей на той или иной территории. Концентрация связана с локализацией на территории пропульсивных (быстро развивающихся) отраслей, которые в силу формирующегося спроса на новые товары и услуги увеличивают рост объемов производства и масштабы найма рабочей силы и тем самым обеспечивают высокую динамику развития на территории. Одновременно эти отрасли за счет межотраслевых связей стимулируют развитие смежных производств, связанных с последними кооперацией, снабжением, сбытом и другими связями.

Другой подход предложен Ж.-Р. Будвилем, который в качестве полюсов роста рассматривает не только сочетание предприятий лидирующих отраслей, но и конкретные территории (населенные пункты), выполняющие в экономике страны или региона функцию источника инноваций и прогресса. По определению Ж. Будвиля, региональный полюс роста представляет собой набор развивающихся и расширяющихся отраслей, отличающихся инновационностью и локализованных в урбанизированной зоне и способных вызывать дальнейшее развитие экономической деятельности во всей зоне своего влияния. Таким образом, полюс роста можно трактовать как географическую агломерацию экономической активности или совокупность городов, располагающих комплексом быстро развивающихся производств. В связи с поляризацией Ж.-Р. Будвиль выстраивает следующую иерархию городов⁵:

- 1) центральные места – мелкие и средние по размерам «классические» города;
- 2) полюсы роста – промышленные города с диверсифицированной структурой хозяйства;
- 3) полюсы развития – крупные городские агломерации с развитой структурой хозяйства, имеющие пропульсивные фирмы, генерирующие нововведения;
- 4) полюсы интеграции – многофокальные зоны роста, охватывающие две и более городских систем.

Х. Ласуэн детализировал представления о полюсах экономического роста. Во-первых, полюсом роста может быть региональный комплекс предприятий, связанных с экспортом региона (а не просто ведущей отраслью); во-вторых, система полюсов и каждый из них в отдельности растут за счет импульсов, рожденных общенациональным спросом, передающимся через экспортный сектор региона; в-третьих, импульс роста передается между предприятиями, а также географической периферией.

¹ Высоцкий В.Н. Проблемы использования теории поляризованного развития в территориальном анализе и региональном прогнозировании / В.Н. Высоцкий, А.Я. Якобсон // Методологические вопросы региональной экономики. – Новосибирск, 1979.

² Perroux F.L. Economie du XX siècle / P.U.F. 1961.

³ Boudeville J. R. Decentralization et Localization. – Namure, 1968.

⁴ См.: Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил: критический анализ. – М.: Мысль, 1981.

⁵ Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил: критический анализ. – М.: Мысль, 1981. – С. 127.

Можно назвать и другие теории и концепции полюсов роста – «Центр и периферия» (Дж. Фридман), «Концепция полюсов роста» (Г. Мюрдал, Г. Ричардсон), «Теория стадийности» (У. Ростоу, Дж. Фридман, Д. Белл) и др. В свое время для СССР, а сейчас и для РФ теоретическое и практическое значение имеет концепция развития городских агломераций, на основе которой разработана Стратегия пространственного развития экономики РФ.

Идеи поляризованного развития стали благодатной почвой для других региональных концепций. Так, К.В. Павлов и М.И. Шишкин, ссылаясь на опыт развитых государств, на свой большой практический опыт, пришли к выводу о том, что в благоприятных экономических условиях, в частности при наличии богатых природных ресурсов, развитом научно-техническом потенциале, и, что очень важно – при активной государственной поддержке, возможно формирование эффективного комплекса (или сочетания) отраслей и предприятий, способных стать драйверами экономического роста¹. Согласно концепции указанных авторов, под экономическим ядром понимаются вся совокупность «полюсов роста» и все базисные элементы экономики. Что касается элементного состава экономического ядра, то, по мнению авторов концепции, на первоначальном этапе «функции аккумуляторов, полюсов роста нередко играли отрасли и виды производств с высоким уровнем рентабельности и высокой скоростью оборачиваемости капитала. Иногда функции «полюсов роста» выполняют отрасли со сравнительно низким уровнем рентабельности... Главное свойство элемента экономического ядра (т.е. отрасли, региона, предприятия) – способствовать интенсивному развитию остальных элементов народнохозяйственного комплекса, тогда как сам этот элемент может находиться и в стагнирующем состоянии»².

Другим приложением идеи полюсов роста является концепция саморазвития территорий, развиваемая В.С. Бочко³. Под саморазвитием территорий, по мнению автора, понимается «самостоятельное, своими силами обеспечение всех сторон жизнедеятельности населения территории на основе использования собственных (внутренних) ресурсов и источников с целью перевода социально-экономического уровня жизни людей данной территории из одного качественного состояния в другое, более высокое». Как считает автор, саморазвитие территорий предполагает не просто решение вопросов местного значения, что предусмотрено федеральным законом о местном самоуправлении, а обязательное достижение положительных преобразований, обеспечение восходящего движения, обеспечение самодостаточного экономического и социокультурного развития и др. При этом автором выявлена теснейшая связь саморазвития территории с воспроизводством ее экономики.

Какие теоретические выводы можно сделать на основе проведенного анализа концепций поляризованного развития?

Первый вывод заключается в том, что формирование полюсов роста – это закономерность территориального развития, вызванная научно-техническими, экономическими, социально-демографическими, природными и другими процессами-факторами. Конкретно выделяются две группы процессов-факторов: внутренние и внешние.

Внутренними процессами-факторами могут быть:

– накопленный экономический потенциал, например, отраслей специализации, предприятий ВПК, научно-технический (вузы, отраслевые НИИ и институты РАН) и других видов деятельности. Данные предприятия и организации становятся системообразующими в развитии экономики городов, регионов и страны в целом;

– концентрация населения, особенно связанная с ростом городов, т.е. урбанизация, которая вызывает ускоренное развитие экономической базы поселений, в частности появление новых промышленных предприятий, организаций жилищно-коммунальной сферы, транспортной инфраструктуры, строительной базы, сферы услуг и т.д.;

– наличие значительных природных ресурсов, востребованных экономикой страны, на освоение которых направляются целевые бюджетные и внебюджетные средства;

– высокорентабельные предприятия, организации и отрасли, продукция которых пользуется повышенным спросом у населения и других экономических агентов;

– аккумуляция значительных финансовых и инвестиционных ресурсов в системе финансового рынка региона;

– интеллектуальный и управленческий потенциал;

– реализация федеральных инвестиционных программ и социально-экономических проектов;

– развитие малого и среднего бизнеса.

Не менее важную роль при формировании полюсов роста играют внешние процессы-факторы:

– состояние экономики страны и экономическая политика государства;

– геоэкономические и социокультурные факторы;

– межрегиональные и внешнеэкономические связи (экспорт – импорт);

– развитие производственной инфраструктуры, прежде всего дорожно-транспортной и топливно-энергетической;

– экономико-географические условия (экономико-географическое положение, климат, близость к столице страны, соседние регионы и т.д.);

– законодательная база страны;

– система налогообложения;

– состояние мировой экономики;

¹ Павлов К.В. Теория экономического ядра / К.В. Павлов, М.И. Шишкин. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 92 с.

² Павлов К.В. Ядро экономики региона // Стратегия социально-экономического развития регионов: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: Гилем, 2001.

³ Бочко В.С. Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и методология). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. – С. 68.

– научно-технический прогресс и др.

В определенных социально-экономических условиях сочетание внутренних и внешних процессов-факторов вызывает ускоренный рост экономики и последующий за этим мультипликативный эффект в различных областях¹.

Второй теоретический вывод заключается в специфике механизмов формирования полюсов роста, которые способствуют интенсивному развитию отдельных звеньев экономики. Обычно развитие начинается с точечного объекта и постепенно захватывает отдельные виды деятельности, отрасли, города и регионы. В связи с этим будет справедливым выделить два варианта (подхода) формирования полюсов экономического роста: спонтанный (естественный) и управляемый (искусственный).

В первом случае полюс роста начинает формироваться под воздействием случайных факторов (благоприятного географического фактора, наличия востребованных природных ресурсов, сложившейся экономической и политической ситуации, исторических событий, демографических и личностных факторов, предпринимательской активности и др.). Так, возникновение большинства городов в России, да и в других странах, являются типичными примерами первого варианта возникновения полюсов и точек роста. В то же время неуправляемый процесс развития городских агломераций вызывает множество отрицательных последствий, о которых было сказано выше².

Второй вариант связан с сознательным выбором и принятием проектных решений, направленных на формирование и развитие полюсов и точек роста экономики. Реализация данного варианта связана с осуществлением активной региональной политики, внедрением в практику методов стратегического планирования и инновационного менеджмента. При рассмотрении этого варианта следует иметь в виду, что не каждое управленческое решение способно инициировать развитие полюса роста.

Третий вывод неизбежно приводит к вопросу о необходимости признания решающей роли инноваций в развитии полюсов роста. Мы живем в эпоху революционных изменений, которая определяется как 4 промышленная революция, или Индустрия 4. Поэтому при разработке практических предложений необходимо ориентироваться на формирование инновационной экономики, т.е. экономики, основным фактором развития которой является использование и применение научных знаний при производстве товаров и услуг.

Анализ и оценка состояния центров и полюсов роста в Удмуртской Республике

На основе рассмотрения развития экономики муниципальных образований республики, которые при этом рассматриваются как центры и полюса роста, можно сделать следующие выводы о тенденциях развития центров и полюсов роста в Удмуртии:

1) во-первых, более благоприятная демографическая и экономическая ситуация наблюдается в городах республики и в большинстве примыкающих к ним районах. Так, г. Ижевск и примыкающий к нему Завьяловский район – единственные в республике, где растет численность населения и стабильная экономическая ситуация;

2) во-вторых, в качестве явного полюса роста можно выделить г. Ижевск и соседние города (Воткинск, Сарапул, Агрыз Татарской Республики и Чайковский Пермского края), образующие в совокупности Ижевскую агломерацию;

3) в-третьих, центрами роста является ряд сельских районов: Увинский, Вавожский, Шарканский, Балезинский, и Игринский, интенсивно развивающие свою экономическую базу на основе эффективного развития сельскохозяйственного производства и переработки сельскохозяйственного сырья и других ресурсов. В целом в каждом муниципальном округе можно выделить несколько успешно развивающихся сельскохозяйственных организаций, образующих точки роста;

4) в-четвертых, ряд сельских районов (Камбарский, Кезский, Красногорский, Селтинский, Сюмсинский, Юкаменский, Ярский и др.) находятся в системном экономическом и демографическом кризисе и представляют собой «экономические дыры» на территории республики³.

Предложения по развитию центров и полюсов роста Удмуртии

Можно выделить следующие наиболее важные направления, способствующие формированию инновационной составляющей экономики Удмуртии.

Во-первых, важнейшими точками инновационного роста должны стать предприятия ВПК. Например, благодаря АО «Аксион Холдинг» и Электромеханическому заводу в республике появилась новая отрасль – медицинская промышленность. Однако существующий потенциал этих предприятий позволяет расширять производство гражданской

¹ Осипов А.К. Теоретические основы регионального управления: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – Ижевск: Изд-во ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, 2014. – 220 с.; Осипов А.К. Контроль и эффективность управления государственной и муниципальной собственностью региона: монография / А.К. Осипов, В.Н. Аникин и др. / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, Удмуртский филиал Института экономики УрО РАН. – Ижевск, 2008.

² Осипов А. Методологические аспекты синергетического управления производством в организациях пищевой промышленности / А. Осипов, Д. Кондратьев и др. // Предпринимательство. 2013. – № 2. – С. 32–46; Kondratiev D.V. Criteria and indicators of synergistic efficiency of food industry enterprise management / D.V. Kondratiev, A.K. Osipov, et al. // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. International Scientific and Practical Conference: Development of the Agro-Industrial Complex in the Context of Robotization and Digitalization of Production in Russia and Abroad (DAICRA 2021). 2022. – P. 012080.

³ Ostaev G. Crisis identification and development of crisis management algorithm in the agricultural sector / G. Ostaev, D. Kondratyev, et al. // Amazonia Investiga. 2020. – Т. 9, N 29. – P. 316–326.

продукции высокого уровня сложности и по другим направлениям. Это тем более актуально, что ожидается сокращение гособоронзаказа, а также есть поручение Президента РФ о необходимости доведения доли гражданской продукции на предприятиях ВПК до 50%.

В связи с этим необходимо:

а) возобновить на новой инновационной основе проектирование и производство станков высокой точности. Станкостроение – это базовая отрасль машиностроения, без развития которой невозможно говорить о перспективах развития промышленности в целом. К сожалению, за прошедший период утеряны многие позиции в этой сфере, и большинство предприятий приобретают импортные станки. Тем не менее, надо восстанавливать эту отрасль в республике (Концерн Калашникова, Воткинский завод, НИТИ «Прогресс»);

б) организация гражданского роботостроения. Это одно из перспективнейших направлений в инновационной сфере, продукция которого всегда будет востребована населением, бизнесом и экономикой в целом. Для примера достаточно сослаться на Пермский край и Татарстан, где активно развивается роботостроение. В ИжГТУ существует факультет робототехники, да и Концерн Калашникова преуспел в этом деле;

в) развитие микроэлектроники, с выходом на производство микропроцессоров. Вряд ли надо доказывать актуальность данного направления, отмечу только одно, что Индустрия 4.0 предполагает комплексную цифровизацию производства. Уже сейчас цифровые технологии проникают во все сферы экономики и общества. Однако чтобы не попасть окончательно в «технологическое рабство» от США и Японии мы должны сами производить современные микропроцессоры. И, как бы это не было сложно, нужно объединяться производству с наукой, и начать хотя бы с малого (все 12 предприятий ВПК, ИжГТУ, Физико-технический институт Удм. ФИЦ УрО РАН);

г) по максимуму реализовать инновационный потенциал вузов, создавая на их базе научно-образовательные комплексы, научно-производственные кластеры и другие инновационные образования.

Во-вторых, требуются серьезные вложения и меры по развитию сельских территорий. В настоящее время реализуется «Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года». Механизмом реализации Стратегии является Государственная программа РФ «Комплексное развитие сельских территорий», утвержденная Постановлением Правительства РФ. Таким образом, государством активно поддерживается идея развития сельских территорий, прежде всего на основе развития производственной и социальной инфраструктуры в различных формах, чтобы каждый населенный пункт, сельское поселение или муниципальный район имели возможность в той или иной мере улучшить качество жизни на своей территории.

С участием автора разработаны¹ пять проектов социально-экономического развития, направленных на реализацию базовой стратегии развития района. Каждый из представленных проектов при успешной их реализации может стать значимой точкой роста экономики муниципального образования и обеспечит ее дальнейшее развитие.

Примером эффективного развития сельского хозяйства может стать СХПК «Колос» Вавожского района Удмуртии, где создана социально-ориентированная модель агробизнеса, обеспечивающая достижение самых высоких результатов деятельности в сельском хозяйстве и решающая социальные и другие задачи проживающего там населения².

В-третьих, необходимо осуществлять масштабные региональные исследования экономики на предмет выявления упущенных выгод и разработки проектных предложений по созданию новых предприятий и организаций, соответствующих конкурентным преимуществам региона. Требуется прилагать максимум усилий по привлечению внутренних и внешних инвестиций в регион, в частности заинтересовать федеральные министерства и ведомства по включению республики в федеральные программы. Необходимо активизировать усилия по созданию новых территорий с преференциальными режимами, в частности: индустриальные (промышленные) парки; территории опережающего социально-экономического развития; территориальные инновационные кластеры и другие.

¹ См.: Осипов А.К. Разработка проектных решений в системе стратегического планирования муниципального образования (на примере Кизнерского района Удмуртской Республики): монография / А.К. Осипов, А.И. Плотников и др. – Ижевск: Шелест, 2020. – 313 с.

² Подробнее см.: Кондратьев Д.В. Управление процессами кооперации и интеграции в АПК региона / Д.В. Кондратьев, А.К. Осипов; отв. ред. П.Б. Акмаров; Министерство сельского хозяйства РФ, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия. – Ижевск, 2005. – 288 с.; Осипов А.К. Эффективный менеджер агропроизводства // Агропром Удмуртии. 2021. – № 11. – С. 24–26.

Павлов К.В.

д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики, Полоцкий государственный университет, г. Новополоцк

Зенькова И.В.

к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики, Полоцкий государственный университет

Сати Р.С.

аспирант, Полоцкий государственный университет

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РАЙОНОВ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: районы Витебской области, Республика Беларусь, хозяйственный потенциал, системный подход.

Keywords: districts of the Vitebsk region, Republic of Belarus, economic potential, systematic approach.

Республика Беларусь территориально делится на шесть областей: Минскую, Брестскую, Гродненскую, Гомельскую, Могилевскую и Витебскую, она граничит с Российской Федерацией, Польшей, Украиной, Литвой и Латвией. Важное значение для развития всей страны имеет Витебская область, занимающая северную часть государства. В 2021 году валовый региональный продукт (ВРП) развития области составил 15 036,8 млн белорусских рублей, что более чем в два раза превышает аналогичный показатель, достигнутый областной экономикой в 2016 году, т.е. в начале предшествующего пятилетнего периода. Анализируя табл. 1, можно видеть, что значительный рост ВРП за пятилетку способствовал увеличению не только объемных показателей, но и удельных – показатели ВРП в среднем на душу населения и денежных доходов в расчете на душу населения за указанный период выросли более чем в 1,5 раза.

Таблица 1

Основные показатели развития Витебской области за период 2016–2020 гг.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
ВРП	7496,1 млн руб.	8036,0	9073,5	9940,0	11 756,3
На душу населения, тыс. руб.	6409,0	6930,0	7900,7	8732,7	10431,6
Денежные доходы в расчете на душу населения, тыс. руб. в месяц	446,8	481,4	546,2	611,7	671,9

Удельный вес региона в общереспубликанских социально-экономических показателях за прошедший период в основном несколько снизился (см. табл. 2). Так, доля ВРП в Витебской области с 2015 по 2018 годы снизилась с 8,9% до 7,4%, далее показатель несколько увеличился с 7,5% в 2019 г. до 8% в 2020 г. Также волнообразно вели себя и удельные показатели продукции промышленности, продукции сельского хозяйства, ввода в эксплуатацию общей площади жилых домов, а также показатели инвестиции в основной капитал. Показатели розничного товарооборота, доля экспорта товаров и доля экспорта услуг существенно снизились.

Таблица 2

Удельный вес Витебской области в общереспубликанских социально-экономических показателях на 01.01 2015г.–2020 гг

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
ВРП	8,9	7,9	7,9	7,4	7,5	8,0
Продукция промышленности	15,6	14,1	14,6	15,2	14,1	13,3
Продукция сельского хозяйства	13,0	12,4	12,0	12,5	12,4	12,1
Ввод в эксплуатацию общей площади жилых домов	7,0	7,1	6,7	7,6	8,0	7,5
Розничный товарооборот	11,7	11,1	11,0	11,0	10,6	10,2
Инвестиции в основной капитал	8,6	9,0	8,4	9,1	9,1	9,7
Экспорт товаров	8,2	6,7	8,0	6,5	5,6	5,9
Экспорт услуг	2,2	2,0	2,1	2,2	1,8	1,7

Важнейшей проблемой оценки экономического развития различных районов крупного региона является проблема неравенства территорий, что обуславливает разницу в определении уровня потенциала и оценки резервов его производственного использования. Проблема уменьшения неравномерности в уровне социально-экономического развития различных районов относится к числу сложнейших хозяйственных задач. Оценку социо-эколого-экономического потенциала региона и его важнейших районов целесообразно проводить в разрезе различных его составляющих,

которые отражаются в соответствующих показателях. При осуществлении исследования мы использовали статистические методы, методы ранжирования и выбора приоритетов.

Административно-территориальное деление Витебской области в настоящее время включает 21 район, в том числе 19 городов, из них два – областного подчинения, 22 поселка городского типа, 191 сельский совет и 6202 – сельских населенных пункта. Самым большим является Полоцкий район, занимающий 3169,8 кв. км., самый маленький – Шарковщинский – 1189,2 кв. км. В табл. 3 приводятся показатели численности населения за прошедший период, из которой видна негативная демографическая тенденция, выражающаяся в уменьшении численности населения абсолютно в каждом районе. С каждым годом происходит уменьшение в среднем на 0,2 тыс. человек, а кое-где сокращение достигает 0,7 тыс. человек в год. Самая большая численность населения в 2021 наблюдается в Оршанском районе – 146 тыс. человек, а самая маленькая – в Россонском районе – 9 тыс. человек.

Таблица 3

Численность населения районов Витебской области

Район	Год / значение показателя, тыс. человек					
	2016	2017	2018	2019	2020	на 01.01.2021
Бешенковичский	15,9	15,8	15,5	15,1	14,6	14,3
Браславский	26,4	25,9	25,5	25,2	24,7	24,1
Верхнедвинский	21,8	21,6	21,3	20,9	20,5	19,9
Витебский	37,3	37,2	36,9	36,6	35,7	35,2
Глубокский	37,7	37,3	36,9	36,6	35,2	34,7
Городокский	23,3	23,1	22,9	22,6	22,2	21,6
Докшицкий	23,5	23,0	22,8	22,4	22,5	21,8
Дубровенский	14,8	14,4	14,2	13,9	14,5	14,1
Лепельский	33,1	32,9	32,7	32,5	32,0	31,6
Лиозненский	15,8	15,5	15,3	15,0	16,2	15,8
Миорский	20,7	20,3	19,9	19,7	19,2	18,7
Оршанский	158,2	157,6	156,4	155,0	148,1	146
Полоцкий	108,4	108,2	107,5	106,9	103,4	102,3
Поставский	36,5	36,0	35,7	35,1	34,6	33,8
Россонский	9,5	9,3	9,2	9,1	9,3	9
Сенненский	22,1	21,6	21,3	20,6	21,1	20,3
Толочинский	25,3	24,8	24,5	24,1	24,1	23,4
Ушачский	13,7	13,5	13,3	13,0	12,7	12,4
Чашнинский	31,3	31,0	30,4	30,0	29,0	28,3
Шарковщинский	15,6	15,1	14,8	14,3	14,7	14,3
Шумилинский	18,3	18,1	17,9	17,5	17,7	17,3

Витебская область обладает значительным ресурсным потенциалом, на ее территории, занимающей 40,1 тыс. кв. км, находятся свыше 2800 озер, более 500 рек, в результате чего она входит в еврорегион «Озерный край», около 45% территории составляют лесные земли, а свыше 35% – это земли сельскохозяйственного назначения. Через регион проходит несколько автомобильных дорог международного значения. Основными железнодорожными узлами являются Витебск, Орша и Полоцк, а общая длина железных дорог в области превышает 1200 км.

Витебская область – развитый промышленный регион Беларуси, где более 23% трудоспособного населения занято на промышленных предприятиях. К числу основных отраслей промышленности относятся легкая; пищевая; перерабатывающая; производство электроэнергии; нефтепереработка; станкостроение. Основными индустриальными центрами являются Витебск, Полоцк и Орша. В Витебске расположена свободная экономическая зона «Витебск». Регион богат месторождениями полезных ископаемых. В промышленных масштабах здесь добываются доломит, глина, торф, песок, минеральные воды¹. Земли сельскохозяйственного назначения занимают 1,6 млн га. На долю животноводства приходится 55% агропромышленного комплекса области, на растениеводство – 45%. Сельхозпредприятия специализируются на производстве молока, мяса, свинины, птицы, выращивании льна, зерновых, овощей. Развиты озерно-рыбные хозяйства. Витебская область имеет богатое культурное наследие – более 3 тыс. памятников археологии, истории, культуры и архитектуры.

За прошедший пятилетний период в Витебской области создано около 400 новых предприятий и производств. Промышленные организации вложили более 4,5 млрд белорусских рублей инвестиций в основной капитал. Большое число новых организаций – предприятия по переработке древесины и выпуску изделий из дерева. В 2020 году создано 15 таких производств, и потенциал для развития этой сферы производства в области есть. В целом динамика общего объема промышленного производства характеризуется табл. 4.

Согласно данным, представленным в табл. 4, с каждым годом происходит увеличение объема промышленного производства практически во всех районах. Единственный район, в котором произошло снижение объемов промышленного производства – Сенненский. С 2016 г. по 2020 г. этот показатель сократился на 12,1 млн руб. Самый большой объем промышленного производства приходится на Оршанский район – 1200,7 млн руб., на втором месте Полоцкий

¹ Повышение конкурентоспособности экономики на основе ее инновационного развития и модернизации: системный подход. Коллективная монография / Под науч. ред. д.э.н., профессора К.В. Павлова. – Новополоцк: Полоцкий гос. университет, 2020. – 288 с.

район – 643,2 млн руб., что почти в два раза меньше объема, который приходится на Оршанский район. На третьем месте Витебский район – 440,9 млн руб., что почти на треть меньше от объема Оршанского района. Одинаковый объем в Лиозненском и Шарковщинском районах – 25,1 млн руб. Самый низкий объем промышленного производства приходится на Россонский район – 14,8 млн руб.

Таблица 4

Объем промышленного производства районов Витебской области, млн руб.

Район	Год / значение показателя, млн руб.				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	20,9	24,8	23,1	30,0	46,2
Браславский	57,2	54,6	54,3	75,9	91,3
Верхнедвинский	112,3	145,2	164,7	172,6	187,1
Витебский	227,8	287,4	336,0	368,5	440,9
Глубокский	220,1	241,7	220,3	221,1	241,7
Городокский	41,5	44,6	46,4	55,2	47,9
Докшицкий	36,4	36,3	44,3	53,2	52,1
Дубровенский	16,6	16,5	18,5	24,9	24,2
Лепельский	195,4	206,9	235,4	265,3	284,9
Лиозненский	20,9	20,2	21,0	23,3	25,1
Миорский	32,6	47,1	46,7	43,1	58,7
Оршанский	766,6	869,8	949,9	1097,2	1200,7
Полоцкий	489,2	520,5	559,3	593,3	643,2
Поставский	160,2	183,1	195,2	214,8	246,4
Россонский	13,5	14,1	13,7	11,8	14,8
Сенненский	41,6	48,6	37,3	26,4	29,5
Толочинский	97,0	114,6	138,3	131,3	151,0
Ушачский	15,6	16,7	19,0	19,2	20,2
Чашнинский	79,8	97,5	116,5	117,9	118,9
Шарковщинский	14,9	16,4	18,8	23,7	25,1
Шумилинский	108,2	119,8	136,9	145,8	161,9

В 2021 году была осуществлена модернизация предприятий легкой и пищевой промышленности. В легкой промышленности планируется получить результат от модернизированных производств на Витебском меховом комбинате, Оршанском льнокомбинате, от внедрения роботизированных программно-аппаратных комплексов на «Белвесте». Целесообразно рассматривать также на прирост в деревообработке за счет увеличения глубины переработки сырья.

Динамично развивается сельское хозяйство Витебщины. В настоящее время созданы агропромышленные объединения, они имеют более 60% сельскохозяйственных угодий и поголовья крупного рогатого скота. Темп роста валовой продукции в 2020 году составил 103,6%. Также в 2020 году в Витебской области добились самой высокой в республике урожайности картофеля (389 ц/га) и овощей открытого грунта (445 ц/га). Предприятия агропромышленного комплекса особое внимание уделили качественной кормовой базе. В 2020 году заготовлено более 1 млн т кормов (118% к 2019 году). Отличились филиалы «Заднепровский» и «Мазоловогаз», заготовившие более 40 ц кормовых единиц, обеспечив себя полуторогодичным запасом кормов. В сельскохозяйственной отрасли частично обновили машинный парк. Только в 2020 году приобрели более 600 единиц техники, в том числе в декабре – 358 тракторов белорусского производства. Из них в агропромышленные объединения направили 298 тракторов. В целом, современное состояние сельского хозяйства Витебской области и динамику основных показателей ее развития отражают данные нижеприведенных таблиц, начиная с табл. 5.

Таблица 5

Валовой сбор сельскохозяйственных культур – зерновые и зернобобовые, тонн

Район	Год / значение показателя, тонн				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	31 470	30 581	22 339	28 291	27 020
Браславский	27 752	28 577	24 714	30 745	33 746
Верхнедвинский	58 940	57 266	41 388	64 408	58 966
Витебский	53 475	80 594	72 433	90 065	108 466
Глубокский	34 343	45 900	40 322	41 860	47 268
Городокский	22 623	22 040	19 801	31 242	28 791
Докшицкий	37 255	39 793	29 791	34 886	55 128
Дубровенский	59 332	87 581	58 157	67 717	72 943
Лепельский	18 387	20 637	19 605	27 783	31 281
Лиозненский	23 418	31 281	24 169	27 647	34 954
Миорский	36 654	38 725	31 249	41 766	42 973
Оршанский	95 065	140 570	99 606	116 958	132 267
Полоцкий	27 898	31 676	28 095	35 786	35 059
Поставский	47 511	33 174	28 848	48 423	54 095
Россонский	8428	7305	6556	9077	9047

Сенненский	27 158	34 525	34 482	41 431	48 584
Толочинский	57 212	66 046	48 418	61 864	81 697
Ушачский	21 128	19 740	19 782	22 140	20 961
Чашнинский	24 882	29 562	17 831	25 377	27 578
Шарковщинский	24 764	25 664	26 411	35 431	32 484
Шумилинский	13 688	16 454	12 468	16 192	19 063

Исходя из данных, представленных в табл. 5, валовой сбор зерновых и зернобобовых сельскохозяйственных культур самый высокий в Оршанском районе – 132 267 тонн. Самый низкий сбор – в Россонском районе (всего 9047 тонн). Резкий спад валового сбора во всех районах произошел в 2018 году, далее этот показатель с каждым годом увеличивается во всех районах.

Таблица 6

Валовой сбор сельскохозяйственных культур – картофель

Район	Год / значение показателя, тонн				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	1487	1177	1209	1545	868
Браславский	181	151	115	189	100
Верхнедвинский	196	133	134	237	125
Витебский	6224	7432	5501	6059	5761
Глубокский	1026	472	458	576	375
Городокский	244	214	172	161	95
Докшицкий	332	68	150	125	78
Дубровенский	311	39	39	28	9
Лепельский	811	801	554	431	326
Лиозненский	108	49	6	61	45
Миорский	1214	735	473	976	277
Оршанский	1531	747	104	142	61
Полоцкий	7450	7111	8143	9474	7597
Поставский	1366	789	1397	1908	839
Россонский	109	32	57	83	1
Сенненский	263	379	65	63	103
Толочинский	39 705	40 782	32 167	38 044	39 036
Ушачский	82	77	79	106	52
Чашнинский	845	657	192	111	122
Шарковщинский	828	159	145	258	111
Шумилинский	84	73	87	51	43

Валовой сбор картофеля, представленный в табл. 6, самый высокий в Толочинском районе, в 2020 г. он составляет 39 036 тонн, самый низкий показатель – в Россонском районе и всего за 2020 год составил 1 тонну. Самый высокий прирост сбора картофеля фактически во всех районах произошел в 2019 году, в 2020 году этот показатель снизился, за исключением двух районов – Толочинского и Чашницкого.

Таблица 7

Валовой сбор сельскохозяйственных культур – овощи

Район	Год / значение показателя, тонн				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	29	9	10	4	5
Браславский	42	46	30	30	22
Верхнедвинский	128	117	177	189	94
Витебский	14 375	15 014	15 726	15 152	13 547
Глубокский	119	122	347	125	128
Городокский	74	56	35	39	26
Докшицкий	307	675	251	83	213
Дубровенский	10	9	8	7	5
Лепельский	20	11	17	7	11
Лиозненский	17	14	16	10	9
Миорский	72	65	37	40	30
Оршанский	7130	4797	6722	4522	5682
Полоцкий	5365	5627	6485	5475	6448
Поставский	57	54	61	63	52
Россонский	6	8	9	8	7
Сенненский	68	61	58	44	48
Толочинский	38	38	41	31	40
Ушачский	28	39	63	86	97
Чашнинский	318	6	6	5	5
Шарковщинский	232	36	43	39	40
Шумилинский	47	41	69	90	151

В Глубокском, Дубровенском, Лиозненском, Миорском Оршанском, Поставском и Шарковщинском районах выращивают лен. Согласно статистическим данным за 2018 и 2019 г. в Докшицком районе также выращивали лен. Самый высокий сбор овощей практически приходится на все районы в 2016 и 2018 г. (см. табл. 7). В большинстве районов этот показатель с каждым годом опускается вниз. В 2020 году самый высокий сбор в Витебском районе – 13 547 тонн, самый низкий показатель – в Бешенковичском, Дубровенском и Чашницком районах – всего 5 тонн.

Таблица 8

Производство основных видов продукции животноводства – реализация скота и птицы на убой

Район	Год / значение показателя, тыс. т				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	11,1	12,5	12,9	13,1	9,5
Браславский	6,0	6,6	6,8	6,4	5,8
Верхнедвинский	7,2	8,0	7,5	7,5	7,5
Витебский	64,7	65,9	67,8	67,0	68,2
Глубокский	56,7	56,9	50,9	45,3	45,8
Городокский	7,6	7,4	6,7	6,2	5,9
Докшицкий	2,3	2,5	2,5	1,9	1,7
Дубровенский	5,0	4,7	4,8	5,0	4,9
Лепельский	9,0	10,8	10,7	12,8	12,3
Лиозненский	1,9	1,7	2,2	2,3	1,9
Миорский	4,1	4,1	3,8	4,0	3,3
Оршанский	18,5	18,8	19,1	18,6	18,0
Полоцкий	5,2	5,1	4,7	4,1	4,2
Поставский	5,8	6,7	6,2	5,8	7,0
Россонский	0,9	0,8	0,6	0,6	0,9
Сенненский	7,3	7,7	7,3	7,6	6,8
Толочинский	7,1	10,5	15,9	17,8	19,4
Ушачский	1,3	2,8	3,4	3,2	4,1
Чашнинский	8,3	13,7	19,1	20,3	18,5
Шарковщинский	2,7	3,3	3,7	3,6	3,5
Шумилинский	10,3	9,7	10,8	11,2	10,8

В Витебском, Глубокском, Городокском, Оршанском и Полоцком районах производят яйца. Реализация скота и птицы на убой постоянно меняется, то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения (см. табл. 8). Самые высокие показатели, фактически во всех районах, были в 2018 и 2019 годах, далее наблюдаем снижение этого показателя за исключением Витебского района (в этом районе каждый год прирост и в 2020 г. этот район был на первом месте – 68,2 тыс. т). Глубокский район – в этом районе по сравнению с 2016 в 2017 году показатель увеличивается на 0,2 тыс. тонн, в 2018 и в 2019 годах – уменьшается на 6 тыс. тонн, а в 2020 году увеличивается на 0,5 тыс. тонн и в итоге находится на втором месте по реализации скота и птицы на бой. В Полоцком районе с 2016 года по 2019 год этот показатель с каждым годом уменьшался в среднем на 0,36, а в 2020 году его значение увеличивается.

Таблица 9

Производство основных видов продукции животноводства – производство молока

Район	Год / значение показателя, тыс. т				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	31,3	29,5	29,8	30,2	28,7
Браславский	32,8	31,2	23,1	20,6	19,5
Верхнедвинский	62,5	59,3	55,0	58,6	62,6
Витебский	64,7	65,9	67,8	67,0	68,2
Глубокский	56,7	56,9	50,9	45,3	45,8
Городокский	25,0	29,3	32,6	34,3	32,1
Докшицкий	34,3	32,6	31,3	30,5	32,8
Дубровенский	38,2	39,6	37,9	36,5	38,0
Лепельский	26,7	27,4	27,0	27,3	26,2
Лиозненский	30,1	29,2	28,1	26,3	26,7
Миорский	36,0	34,4	33,3	33,6	34,6
Оршанский	60,6	59,4	56,7	62,1	67,9
Полоцкий	46,6	46,7	46,1	44,9	45,0
Поставский	45,0	45,3	44,6	48,5	50,9
Россонский	10,6	9,8	8,6	9,4	10,2
Сенненский	33,3	32,7	30,0	28,1	27,3
Толочинский	32,2	30,9	26,7	25,1	30,0
Ушачский	11,3	9,2	8,4	7,6	8,2
Чашнинский	27,9	28,1	26,2	24,8	24,4
Шарковщинский	30,8	29,8	28,4	29,0	30,2
Шумилинский	19,7	18,6	17,7	17,0	17,0

Исходя из данных, представленных в табл. 9, в Бешенковском, Браславском, Сенненском, Шумилинском районах в период с 2016 года по 2020 год с каждым годом производства молока уменьшалось. Всего в двух районах – Витебском и Поставском в период с 2016 года по 2020 год этот показатель с каждым годом рос, при этом если сравнивать все районы по производству молока за 2020 год Витебский район на первом месте среди всех районов, а Поставский – на четвертом месте. В остальных районах наблюдается с 2017 года по 2019 года спад, а в 2020 году увеличение производства молока.

О развитии социальной сферы дают представление табл. 10 и 11, в которых характеризуются статистические данные обеспеченности населения жильем (в среднем кв.м. общей площади на 1 жителя) и о численности практикующих врачей в Витебской области на 10 тыс. чел. населения.

Таблица 10

Обеспеченность населения жильем (на конец года), м² общей площади на одного жителя

Район	Год / значение показателя, м ² общей площади на 1 жителя				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	34,4	35,0	35,4	35,8	35,1
Браславский	34,7	35,4	35,7	36,2	37,0
Верхнедвинский	32,2	32,5	32,7	33,1	33,6
Витебский	27,1	27,4	28,0	28,6	29,1
Глубокский	32,1	32,6	33,1	33,5	34,2
Городокский	31,7	32,0	32,0	32,3	32,8
Докшицкий	35,3	35,6	36,0	36,5	37,3
Дубровенский	33,5	33,6	33,9	34,4	35,3
Лепельский	31,8	32,2	32,5	33,2	33,7
Лиозненский	28,8	29,1	29,5	30,0	30,7
Миорский	39,0	39,9	40,5	41,3	42,3
Оршанский	50,6	60,4	59,7	89,1	84,6
Полоцкий	25,8	26,1	26,5	26,9	27,3
Поставский	32,6	32,8	33,3	33,6	34,2
Россонский	37,4	38,2	38,4	39,2	38,0
Сенненский	39,3	39,6	40,3	41,0	42,1
Толочинский	36,9	37,5	37,9	38,6	39,6
Ушачский	35,0	35,5	36,0	36,5	37,4
Чашнинский	33,9	34,6	35,3	35,9	36,7
Шарковщинский	35,1	35,7	36,4	37,1	38,0
Шумилинский	35,4	35,5	35,9	36,4	37,3

Согласно данным, представленным в табл. 10, всего в двух районах показатель обеспеченности населения жильем сократился в 2020 году – в Россонском на 1,2 и в Оршанском в 2018 году по сравнению с 2017 годом сократился на 0,7, в 2019 году по сравнению с 2018 годом увеличился на 29,4, а в 2020 году по сравнению с 2019 годом снова сократился на 4,5 м² общей площади на 1 жителя, хотя по сравнению со всеми районами Оршанский находится на первом месте по обеспеченности населения жильем. В остальных районах показатель м² общей площади на 1 жителя с каждым годом увеличивался в период с 2016 года по 2020 год.

Таблица 11

Численность практикующих врачей (в среднем) на 10 тысяч человек.

Район	Год / значение показателя, человек				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	29,3	29,2	27,8	28,9	30,1
Браславский	27,7	25,8	25,4	26,5	25,7
Верхнедвинский	20,1	21,3	19,3	17,7	17,5
Витебский	56,9	57,3	57,9	58,1	57,7
Глубокский	17,6	19,2	18,4	19,0	19,3
Городокский	18,7	18,9	18,3	20,4	18,9
Докшицкий	18,8	16,0	15,4	15,7	18,3
Дубровенский	15,4	20,2	19,8	17,3	19,2
Лепельский	27,9	26,5	24,7	25,0	25,6
Лиозненский	22,7	22,4	23,2	23,0	22,8
Миорский	24,7	26,2	28,2	29,2	28,8
Оршанский	27,4	28,0	29,2	31,2	31,4
Полоцкий	32,2	32,7	32,2	32,1	32,1
Поставский	26,0	24,6	25,2	23,8	23,1
Россонский	20,5	21,9	24,2	23,8	20,0
Сенненский	27,4	24,3	26,6	29,1	31,9
Толочинский	19,1	21,4	21,7	20,4	20,9
Ушачский	18,5	24,2	28,6	25,2	24,3
Чашнинский	23,9	26,0	24,9	23,5	23,3
Шарковщинский	19,8	19,5	19,3	19,8	18,9
Шумилинский	25,6	25,4	23,5	24,9	26,1

Численность практикующих врачей в среднем на 10 тыс. человек постоянно изменяется (см. табл. 11). В 2017 году по сравнению с 2016 годом численность врачей изменилась в сторону увеличения в Верхнедвинском, Витебском, Глубокском, Городокском, Дубровенском, Миорском, Оршанском, Полоцком, Россонском, Толочинском, Ушачском, Чашницком, в остальных районах этот показатель уменьшился. В 2018 году по сравнению с 2017 годом в таких районах, как Витебский, Лиозенский, Миорский, Оршанский, Поставский, Россонский, Сенненский, Толочинский, Ушачский увеличился, в остальных районах он уменьшился. В 2019 году по сравнению с 2018 годом в Бешенковичском, Браสลавском, Витебском, Глубокском, Городокском, Докшицком, Лепельском, Миорском, Оршанском, Сенненском, Ушачском, Шарковщинском и Шумилинском районах этот показатель увеличился, в остальных уменьшился. В 2020 году по сравнению с 2019 годом численность практикующих врачей увеличилась в: Бешенковичском (по сравнению с 2016 также увеличился на 0,8), Глубокском (по сравнению с 2016 годом на 1,7), Докшицком (по сравнению с 2016 годом он уменьшился на 0,5), Дубровенском (по сравнению с 2016 годом увеличился также на 3,8), Лепельском (по сравнению с 2016 годом уменьшился на 2,3), Оршанском (по сравнению с 2016 годом также увеличился на 4), Сенненском (по сравнению с 2016 годом также увеличился на 4,5), Толочинском (по сравнению с 2016 годом также увеличился на 1,8), Шумилинском (по сравнению с 2016 годом также увеличился на 0,5).

Уровень жизни населения Витебской области характеризуют показатели номинальной и реальной среднемесячной заработной платы (см. табл. 12, 13). Согласно данным, представленным в табл. 12, во всех районах с каждым годом наблюдается тенденция к увеличению среднемесячной заработной платы. Самая высокая начисленная заработная плата в Чашницком районе – 1037,7 руб., самая низкая в Шарковщинском районе – 776,1 руб.

Таблица 12

Номинально начисленная среднемесячная заработная плата работников, руб.

Район	Год / значение показателя, тыс. рублей				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	500,1	565,8	687,8	750,3	866,4
Браславский	495,8	561,2	648,4	749,9	859,9
Верхнедвинский	602,8	676,0	746,5	829,3	976,2
Витебский	570,5	577,6	775,9	865,2	1002,9
Глубокский	527,7	610,7	718,1	784,8	933,9
Городокский	489,7	555,0	690,7	769,8	861,5
Докшицкий	525,2	608,2	701,9	788,0	933,9
Дубровенский	577,7	636,8	707,3	793,6	902,6
Лепельский	481,8	544,2	762,0	843,4	958,0
Лиозненский	490,7	557,8	647,5	738,9	871,7
Миорский	489,0	549,1	643,9	735,3	866,6
Оршанский	581,3	658,4	784,5	874,9	999,5
Полоцкий	617,7	699,0	829,3	903,8	1029,4
Поставский	525,2	601,5	693,4	788,4	914,8
Россонский	531,3	589,6	682,7	743,7	860,1
Сенненский	494,8	558,1	660,2	741,4	851,1
Толочинский	591,5	681,6	776,4	825,7	965,0
Ушачский	474,5	531,5	636,5	713,5	844,8
Чашницкий	591,8	686,0	825,4	908,6	1037,7
Шарковщинский	449,5	494,2	590,1	671,5	776,1
Шумилинский	493,3	551,8	659,2	741,0	860,1

Изменения, связанные с динамикой реальной заработной платы, произошедшие за год, представлены в табл. 13.

Таблица 13

Реальная заработная плата в % к предыдущему году

Район	Год / значение показателя, %				
	2016	2017	2018	2019	2020
Бешенковичский	94,5	106,7	115,9	103,3	109,5
Браславский	98,8	106,8	110,1	109,6	108,7
Верхнедвинский	97,7	105,8	105,2	105,2	111,6
Витебский	91,5	112,1	109,2	105,6	109,9
Глубокский	88,7	109,2	112,1	103,5	112,8
Городокский	92,2	106,9	118,7	105,6	106,1
Докшицкий	95,1	109,2	110,0	106,3	112,3
Дубровенский	96,1	104,0	105,9	106,3	107,8
Лепельский	78,6	106,6	133,5	104,8	107,7
Лиозненский	91,3	107,3	110,7	108,0	111,8
Миорский	96,0	105,9	111,8	108,1	111,8
Оршанский	93,3	106,9	113,6	105,6	108,2
Полоцкий	92,7	106,8	113,1	103,2	108,0
Поставский	95,2	108,0	109,9	107,7	110,0
Россонский	95,2	104,7	110,4	103,1	109,7

Сенненский	94,2	106,4	112,8	106,3	108,8
Толочинский	96,4	99,2	95,3	90,6	92,9
Ушачский	96,9	105,7	114,2	106,2	112,2
Чашнинский	95,7	109,3	114,7	104,3	108,2
Шарковщинский	92,8	103,7	113,8	107,8	109,6
Шумилинский	94,6	105,6	113,9	106,4	110,0

В областном бюджете в 2020 году появились непредвиденные статьи расходов – в сфере здравоохранения и социальной сфере в связи с пандемией COVID-19. Резервные ресурсы направлялись на решение самой главной проблемы последних лет, в результате чего расходы бюджета Витебской области на 2021 год определены в сумме 2,479 млрд белорусских рублей. На нужды сфер образования и здравоохранения в этот период будет направлено 31 и 27% расходов соответственно.

Проблемы с поставками импортного сырья на переработку негативно отразились на объемах промышленного производства, экспорта, грузоперевозок. С марта 2020 года резко упал спрос на услуги туризма, оздоровления, культуры и развлечений, подсели общепит и розничная торговля. Несмотря на трудности, в целом удалось избежать падения экономики. По большинству показателей развития отмечается положительная динамика, а по темпу роста реальной зарплаты Витебщина лидирует среди областей Беларуси (108% роста). Сельхозорганизации нарастили производство продукции на 5,7%, объемы строительно-монтажных работ увеличились на 9,4%, даже промышленность (без учета нефтепереработки и энергетики) приросла на 0,4%. Прибыльная и рентабельная работа обеспечена по основным отраслям.

Основные рычаги роста промышленного комплекса на перспективу до 2025 года будут опираться на максимальное раскрытие потенциала отраслей, прежде всего за счет углубленной переработки местного сырья. В частности, в этом аспекте есть большой резерв в деревообработке как на действующих предприятиях, так и благодаря новичкам отрасли, в том числе резидентам СЭЗ «Витебск» (ООО «ВМГ ВудАрт» и ООО «Акитама»). Продолжится модернизация организаций пищевой промышленности, для загрузки их мощностей предстоит развивать сырьевые зоны. Результативность легкой промышленности будет обеспечиваться за счет модернизированных производств на Витебском меховом и Оршанском льнокомбинате, а также внедрения роботизированных комплексов на «Белвесте». В машиностроении, металлургии, фармацевтической отрасли основная роль отводится частным организациям, таким как «Святовит», «Витебские подъемники», «Амкодор – КЭЗ», Миорский металлопрокатный завод, Новополоцкий завод технологических металлоконструкций, «Рубикон».

Динамично развивающейся отраслью становится сельское хозяйство, в основном благодаря принципиально новому комплексному подходу к организации его работы. Это позволило значительно стабилизировать экономику сельхозорганизаций, в частности, улучшить платежеспособность, сократить убыточность и снизить долговые обязательства. Только на развитие сырьевых зон в 2020 году было направлено 37 млн руб.

Важнейшим приоритетом остается внешнеэкономическая деятельность¹. По итогам пятилетки (2016–2020 гг.) темп роста экспорта составил более 120%. Существенное влияние на его динамику оказала пандемия коронавируса: в 2020 году – из-за приостановки работы зарубежных торговых центров сократились поставки большинства потребительских товаров на внешние рынки. В будущем местным производителям предстоит активнее использовать потенциал электронной торговли для продвижения и продаж продукции на внешних рынках, а также для развития собственного бизнеса, в том числе по высокотехнологичной переработке местного сырья.

Важно осуществить эффективное вложение инвестиционных ресурсов в региональную экономику². Всего за пятилетку освоено около 17 млрд белорусских руб., в том числе 3 млрд – в 2021 году. За счет этих ресурсов планируется расширить потенциал завода белой жести, а также продолжить развивать инфраструктуру в Миорах³. Также в числе наиболее значимых будут реализованы проекты в деревообработке, фармацевтике, начнется возведение двух дополнительных свинопромышленных комплексов, рыбноводческого комплекса с участием израильского инвестора.

¹ Вабишевич С.С. Внешнеэкономическая деятельность в Республике Беларусь: правовые аспекты. Монография. – Минск: Молодежное научное общество, 2019. – 232 с.

² Экономика на постсоветском пространстве в условиях новых патологических вызовов и процессов цифровизации. Коллективная монография / Под науч. ред. д.э.н., профессора К.В. Павлова. – Ижевск: Шелест, 2021. – 644 с.

³ Организация внешней торговли // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – <http://www.president.gov.by>

Павлов К.В.

д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики, Полоцкий государственный университет, г. Новополоцк

Зенькова И.В.

к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики, Полоцкий государственный университет г. Новополоцк

Никифоров С.А.

аспирант, Полоцкий государственный университет, г. Новополоцк

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЯСОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

Ключевые слова: мясоперерабатывающая промышленность, Беларусь, Витебская область, мясная продукция, современный кризис.

Keywords: meat processing industry, Belarus, Vitebsk region, meat products, current crisis.

Для экономики Витебской области Беларуси большое значение имеет развитие предприятий и организаций мясомолочной продукции, в том числе реализация их внешнеэкономического потенциала. Так, например, ОАО «Витебский мясокомбинат» по производству колбасных изделий и полуфабрикатов входит в пятерку крупнейших мясокомбинатов в Республике Беларусь (кроме этого предприятия на Витебщине функционируют еще несколько предприятий мясоперерабатывающей промышленности – это ОАО «Глубокский» и «Миорский» мясокомбинаты, ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» и др.). Ассортимент продукции ОАО «Витебский мясокомбинат» насчитывает более 400 наименований: колбасные изделия, продукты из свинины и говядины, продукты из шпика, мясные и мясокостные полуфабрикаты, пельмени.

На сегодняшний день ОАО «Витебский мясокомбинат» специализируется на производстве мясных продуктов и продуктов переработки скота. В целом выпуск основных групп продукции мясоперерабатывающих предприятий Витебской области в общем объеме производства составляет:

- мясо и субпродукты говядины, свинины, конины – свыше 42%;
- колбасные изделия, продукты из свинины и говядины – около 44%;
- мясные полуфабрикаты – свыше 10%.

Выпускают также жиры пищевые топленые, сухие животные корма, жиры кормовые и технические.

Мясо и мясные продукты являются ценными продуктами питания массового потребления. Ассортимент выпускаемых мясокомбинатом колбасных изделий, продуктов из свинины и говядины насчитывает более 200 наименований, в том числе: колбасы вареные; сосиски и сардельки; колбасы полукопченые; колбасы варено-копченые; колбасы сырокопченые; продукты из свинины и говядины; продукты из субпродуктов.

При производстве мясных изделий на предприятиях мясоперерабатывающей промышленности Витебщины используется натуральное сырье: свинина, говядина, грудка и филе птицы. Предприятия тщательно подходят к подбору поставщиков, имеют собственную сырьевую базу и новейшие убойные линии, что позволяет им получать мясо высокого качества. Так, Витебский мясокомбинат вырабатывает и поставляет потребителям охлажденные и замороженные мясные полуфабрикаты: крупнокусковые, мелкокусковые и порционные натуральные полуфабрикаты; фарши; рубленные полуфабрикаты; мясокостные полуфабрикаты; пельмени, ravioli и вареники; колбасы сырые; полуфабрикаты быстрого приготовления. Основная часть жиров пищевых топленых реализуется населению через сеть фирменной торговли (в целом достаточно большая часть продукции реализуется населению через сеть фирменной торговли). С целью привлечения новых потребителей и расширения рынка сбыта на мясокомбинате введен в действие магазин-склад, отпускающий продукцию индивидуальным предпринимателям за наличный и безналичный расчет по оптовым ценам.

Важным условием эффективной организации продаж на зарубежные рынки является снижение стоимости и повышение качества выполнения логистических операций. Для маркетолога это может быть существенным конкурентным преимуществом, создающим дополнительную привлекательность бренда и дающую новые возможности использования рекламных приемов. Сложность составления рациональных маршрутов зависит от взаимного соотношения вместимости транспортного средства и средней величины объема одной отправки груза. Чем меньше средний объем одной отправки перевозимого груза относительно вместимости используемого транспортного средства, тем сложнее поиск рационального маршрута развоза.

С целью оптимизации процесса поставок продукции рассмотрим формирование распределительного центра предприятий мясомолочной продукции Витебской области и особенно ОАО «Витебский мясокомбинат» на базе одного из логистических центров вблизи международного транспортного коридора и г. Минска как одного из приоритетных внутренних рынков сбыта с предварительным проведением расчетов по выбору одного из возможных вариантов.

Следует отметить, что данную проблему необходимо решать в кратчайшие сроки. Вызвано это тем, что при формировании груза по эндокринному сырью и полуфабрикатам в Россию и КНР производитель не в силах сам одновременно обеспечить загрузку одного контейнера в необходимые сроки. Покупатель или его доверенный резидент Республики Беларусь вынужден забирать продукцию у 4–5 поставщиков из разных частей страны. С учетом соблюдения регламента загрузки, документального оформления и таможенного сопровождения время загрузки одного контейнера может достигать десяти дней, если затронуты выходные дни, даже при уже фактическом наличии продукции на складе с готовыми ветеринарными исследованиями. Это очень много и этот процесс требует унификации.

При выборе месторасположения распределительного центра следует учитывать следующие факторы: размер и конфигурация участка, транспортная доступность местности, строительные факторы.

Размер и конфигурация участка. Большое количество транспортных средств, обслуживающих входные и выходные материальные потоки, требует достаточной площади для парковки, маневрирования и проезда. Отсутствие таких площадей приведет к заторам, потере времени клиентов.

Транспортная доступность местности. Значимой составляющей издержек функционирования любого распределительного центра являются транспортные расходы. Поэтому при выборе участка необходимо оценить ведущие к нему дороги, ознакомиться с планами местной администрации по расширению сети дорог.

Строительные факторы. Расстояния между зданиями, подъезд к ним.

В целом пути развития и задачи внешнеэкономической деятельности мясоперерабатывающей промышленности в Республике Беларусь определены направлениями социально-экономического развития Республики Беларусь на период с 2021 по 2025 год. Среди них приоритетными следует считать расширение экспорта и рационализацию импорта. Приоритетным направлением во внешнеэкономической стратегии в Республике Беларусь остается развитие внешне-торговых связей с Китаем, со странами СНГ и, прежде всего, с Российской Федерацией, сотрудничество с которой осуществляется в рамках Договора о Союзном государстве. Намечается качественное совершенствование и углубление внешнеэкономических связей: последовательное и поэтапное формирование общего экономического пространства на основе создания и развития зоны свободной торговли, платежного союза, единого научно-технического, инвестиционного и информационного пространства, объединенной транспортной и энергетической систем, общего аграрного рынка, рынка труда, расширение сотрудничества на региональном уровне, между хозяйствующими субъектами. Развитие интеграционных связей со странами вне СНГ предполагается направить на обеспечение сбалансированности торговых операций и создание условий для закрепления белорусских производителей на освоенных рынках и расширения географии экспортных рынков.

Павлов Б.С.

д. филос. н., профессор, в. н. с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Пацула А.В.

д. соц. н., доцент, специалист Российского государственного социального университета, Москва
pacula2002@bk.ru

Пронина Е.И.

с. н. с. Федерального социологического центра РАН, г. Москва
pronina@isras.ru

Павлов Д.Б.

магистр управления, адвокат Адвокатского бюро Свердловской области «Юралс Лигал», г. Екатеринбург

«ТРУДНЫЕ» ПОДРОСТКИ НА УРАЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ И РЕАБИЛИТАЦИИ (ИЗ ПРАКТИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В 90-е ГОДЫ)¹

Ключевые слова: *родительская семья, социализация, «трудный» подросток, ценностные ориентации, общение и отчуждение, жизненные планы, ненормативное поведение, наркомания, алкоголизация, самореабилитация, молодёжная политика, ЯНАО, ХМАО.*

Keywords: *parental family, socialization, «difficult» teenager, value orientations, communication and alienation, life plans, abnormal behavior, drug addiction, alcoholization, self-rehabilitation, youth policy, YANAO, KhMAO.*

*Возбуждение общественного мнения в деле воспитания
есть единственно прочная основа всяких улучшений
по этой части: где нет общественного мнения о
воспитании, там нет и общественного воспитания,
хотя может быть множество общественных
учебных заведений.*
К.Д. Ушинский

На фоне растущей криминализации российского сообщества особую проблему в сфере преемственности поколений и, естественно, в сфере воспитания и образования представляли (*и представляют сегодня*) противоправные действия молодежи в целом и в первую очередь отклоняющееся поведение детей и подростков. Было бы некорректным связывать последнее лишь с негативными последствиями идущих социально-экономических реформ в России в целом и в отдельных регионах, в частности, на Урале в Ямало-Ненецком автономном округе.

Предметом исследования авторского коллектива социологов Института экономики УрО РАН и сотрудничающих с ними коллег на переломе веков была одна из жгучих социальных проблем – реабилитация молодых людей, встающих или уже вставших на путь асоциального поведения, на путь противоправных действий.

1. Социология девиантности молодежи на Урале в 90-е: общее и особенное

Главной особенностью представляемой работы являлся ее сравнительно- региональный характер. В качестве полигонов для реализации исследовательского проекта были выбраны два характерных для России региона: один из городов и районов Крайнего Севера (г. Надым и Надымский район) и регион Урала (ряд городов и районов Свердловской и Челябинской областей). Условия Крайнего Севера, с одной стороны, и Урала с другой, накладывают свой неизгладимый социально-экономический отпечаток не только на функционирование производственно-отраслевой инфраструктуры этих регионов. Давление местной (в одном случае – северной, в другом – уральской) специфики явно проявляется в сопутствующих сферах и звеньях общего процесса общественного воспроизводственного процесса в этих регионах².

Эта проблема для российского общества в течение прошедших десятилетий XX века была не нова и оставалась, по-прежнему, не менее (если не более) актуальной в 90-е годы. Вполне понятно, что социологический подход к изучению этого явления предопределил основные позиции и аспекты развернутых программ и предпринятых социально-

¹ Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

² Павлов Б.С. Социально-экономические проблемы населения в регионе в контексте социальных рисков и деструкций (По результатам социологического мониторинга на Урале) / РАН. Урал. отд.-ние. Ин-т экономики. – Екатеринбург, 2014. – 357 с. (Деп. в ИНИОН РАН. 2014 г., № 61117).

криминологических исследований. Понятно и то, что члены авторского коллектива стремились в процессе реализации исследовательских проектов идти в русле установившихся и опробованных временем содержательных методов достижения целей и поставленных задач.

Теоретические основы социальной политики на региональном уровне достаточно детально разработаны и освещены в зарубежной и отечественной научной литературе. Отечественные научные разработки в большей степени уделяли внимание проблемам реабилитации правонарушителей среди несовершеннолетних, в меньшей мере затрагивали проблемы профилактики отклоняющегося поведения, в том числе проблемы социальной защиты и поддержки несовершеннолетних из социально неадаптированных («трудных») семей.

Недостаточное внимание уделялось при этом проблемам взаимодействия общественных институтов социализации и правоохранительных органов. Мировая практика подтверждает эффективность этой составляющей механизма социализации. Также недостаточное внимание в отечественных теоретических и практических разработках уделялось проблеме взаимодействия институтов социализации и производственной сферы.

В конце XX века актуальной проблемой в регионах являлась разработка концепции механизма профилактики отклоняющегося поведения, социальной реабилитации и самореабилитации несовершеннолетних как правонарушителей, так и подростков, относимых к категории т.н. «трудных». Предполагалось, что подобные концепции должны сопровождаться разработкой практических рекомендаций для управленческих региональных, областных и местных структур по совершенствованию социальной подростковой политики. В основу такой работы, очевидно, необходимо было закладывать анализ состояния и направления совершенствования социальных государственных и общественных институтов социализации детей и подростков; выявление региональных возможностей и резервов для решения проблемы; обобщение опыта работы с несовершеннолетними правонарушителями на соответствующих территориях. Немаловажные элементы такой работы – оценка возможности адаптации мирового и республиканского опыта профилактики девиантного (асоциального) поведения подростков; разработка основных направлений корректировки региональной социальной политики; создание соответствующего пакета научно-практических рекомендаций для административных и властных структур различного уровня¹.

На старте планируемых исследований проблем девиантности молодежи нам представлялось, что разработка теоретических положений должна основываться на анализе самой сути и распространенности явления девиантности, его динамических характеристик, социального портрета девиантов, их соционормативного сознания. В методике исследования и теоретическом обосновании важно было предусмотреть анализ ненормативного, неуправляемого, криминогенного поведения, исследование воздействия на характеристики явлений существующей системы социализации, социальной защиты несовершеннолетних и профилактики асоциального, ненормативного поведения².

В процессе работы над исследовательским проектом авторским коллективом использовались (в той или иной мере) следующие методы сбора первичной информации и последующей ее интерпретации: а) панельные социологические опросы различных групп населения и специалистов, связанные с процессом социализации молодежи, профилактики и социальной реабилитации отклоняющегося (девиантного, противоправного) поведения детей и подростков (родители, педагоги, специалисты в сфере права, культуры, материального производства и др.); б) анализ данных официальной статистики, республиканских и региональных программ, документальных источников информации; в) конкретный анализ состояния проблемы для различных возрастных («поколенческих») групп несовершеннолетних; г) сравнительный анализ отклоняющегося поведения среди несовершеннолетних правонарушителей и «благополучных» подростков; д) исследование зависимости девиантности несовершеннолетних от уровня криминогенности территорий, социально-экономических условий рыночных реформ и некоторые другие.

В данной статье авторами будут, в частности, использованы результаты следующих опросов³:

«Подросток-Тагил-1994» – в Нижнем Тагиле опрошены 580 учащихся 6–11-х классов девяти школ и трех СПТУ; 320 подростков, состоящих на учете в ОППН; 610 родителей и 125 экспертов (представителей администраций, педагогов, работников правоохранительных органов).

«Подросток-Девиант-1996» – в г. Надыме, Надымском районе опрошены 91 подросток-правонарушитель, 465 подростков-школьников, 105 экспертов; основной лейтмотив исследовательской программы – выявление основных причин, условий расширения феномена девиантного (противоправного) поведения подростков, поиск путей, средств повышения эффективности процесса социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей в условиях городов и поселков Крайнего Севера.

«Северная-Школа-1997» – в г. Надыме и Надымском районе по представительной выборке опрошены 315 учителей, педагогов школ и 47 экспертов; основной лейтмотив исследовательской программы – проблемы сотрудничества школ и семей учащихся в процессе социализации и жизненного самоопределения учащихся старших классов в условиях перехода к рыночной экономике.

«Семья-Школа-1998» – в г. Надыме и Надымском районе по представительной выборке опрошены 770 старшеклассников, 690 родителей опрошенных подростков, 240 учителей, педагогов школ; основной лейтмотив исследо-

¹ Павлов Б.С., Ишутина Т.А., Иванова В.Ф., Стожаров А.В., Сусло А.Ф. и др. Подросток в северном городе: социологический портрет (по материалам социально-криминологического исследования в г. Надыме): препринт. – Ч. 1. – Екатеринбург; Надым: Надымское управление народного образования; Институт экономики УрО РАН; НВП «Горизонт», 1996. – 139 с.

² Павлов Б.С., Ишутина Т.А., Попов В.Г. и др. Деликтология и регион. (Анализ криминогенной обстановки в северном городе). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 1992. – 56 с.

³ Научный рук. проектов – проф. Б.С. Павлов.

вательской программы – проблемы сотрудничества школ и семей учащихся в процессе социализации и жизненного самоопределения учащихся старших классов в условиях перехода к рыночной экономике.

* * *

Обострение криминогенной ситуации в российском обществе 90-х, в том числе в значительной мере за счет роста подростковой преступности, остро ставило проблему так называемых *«трудных» подростков*. В контексте неблагоприятных последствий идущего процесса реформирования общества авторы сочли необходимым уделить основное внимание такому ее аспекту, как предупреждение преступного девиантного поведения «трудных» подростков через возможности защитно-охранной превентивной деятельности регионального (территориального, городского) сообщества по материальной, социально-психологической, педагогической помощи и поддержке «трудных» детей и подростков, по защите их прав и повышению ответственности за свое поведение и поступки¹.

В числе основных задач предпринятых нами исследований были поставлены следующие:

а) выработать методологические и методические основы определения статуса «трудный» подросток, определить меру (степень) «трудности» (социальной запущенности) определенной группы (совокупности) подростков, в том числе в сравнении с их ровесниками в других регионах России;

б) замерить социально-психологическое самочувствие особо «трудных» групп подростков в контексте городских условий жизни, сложившихся форм социального контроля по отношению к «трудным» подросткам и детям более младшего («доподросткового») возраста²;

в) изучить ценностные ориентации и представления несовершеннолетних правонарушителей (и для сравнения их более «благополучных» сверстников) о правовых основах своего поведения, об основных условиях и факторах, способствующих его формированию и деформации;

г) проанализировать роль и место учреждений народного образования региона в профилактике и пресечении отклоняющегося поведения школьников средних и старших классов³;

д) оценить роль и место семьи в воспитании гражданских качеств у детей, привитии им сознания ответственности за свое поведение в обществе, в предотвращении аморальных, асоциальных и преступных действий, поступков;

е) попытаться оценить дееспособность городских органов и учреждений социальной защиты и реабилитации «трудных» подростков в оказании помощи при решении психофизиологических возрастных и социально-поведенческих проблем этой специфической группы молодежи;

ж) определить меру эффективности работы правоохранительных органов в предупреждении и пресечении девиантного поведения подростков⁴;

з) на основе конкретно-социологического анализа дать рекомендации по корректировке основных направлений, методов, форм реабилитационной, правоохранительной работы по проблемам «трудных» подростков;

и) в качестве конечного продукта выйти на разработку региональной концепции механизма профилактики отклоняющегося поведения, социальной реабилитации и самореабилитации несовершеннолетних как правонарушителей, так и подростков, относимых к категории т.н. «трудных».

Цели и задачи предпринятого нами исследования определили и его основной предмет. В качестве такового выступали:

– ценностно-ориентационная направленность сознания и мотивация поведения и поступков подростков-учащихся;

– содержание и направленность учебной, досуговой и социально-экономической деятельности подростков;

– воспитательная и профилактическая деятельность семьи, учебных, культурно-спортивных и общественных учреждений, правоохранительных органов.

В числе основных объектов в нашем исследовании были выделены:

– «трудные» подростки-учащиеся 8–11-х классов школ и учащиеся СПТУ;

– «обычные», «благополучные» учащиеся этой же возрастной группы и из этих же учебных заведений;

– подростки, стоящие на учете в ОПППН ОВД;

– родители соответствующих групп подростков;

– опытные педагоги, учителя, преподаватели и воспитатели-работники надымских учебных заведений («эксперты»).

– руководители и специалисты городских организаций и учреждений, занимающиеся вопросами профилактики и пресечения правонарушений несовершеннолетних (эксперты)⁵.

¹ Pavlova V.I.; Pavlov B.S. Reasons and Causes of Family Quarrels in the Ural // Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology / Editor-in-Chief V. Mansurov. – Moscow, 2014. – P. 424–428.

² Павлов Б.С., Ишутина Т.А., Иванова В.Ф., Стожаров А.В., Сусло А.Ф. и др. Девиантное поведение подростков: методологические и методические подходы. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 1996. – 55 с.

³ Павлов Б.С., Зверева Г.Л., Петрова В.А. Родители и дети в большом городе: проблемы социального отчуждения. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2009. – 220 с.

⁴ Павлов Б.С., Ишутина Т.А., Попов В.Г., Чемакин И.М. и др. Деликтология и регион. (Анализ криминогенной обстановки в северном городе). – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 1992. – 56 с.

⁵ Павлов Б.С., Иванова В.Ф., С.А. Анисимов С.А. Павлов Д.Б. и др. Подростки в северном городе. Проблемы реабилитации «трудных». – Екатеринбург: Надым: Институт экономики УрО РАН, 1997. – 472 с.

2. «Шоковые» рыночные реформы 90-х как основа дестабилизации социальных отношений россиян

*Чем сильнее народ, чем выше он нравственно,
тем смелее смотрит он на свои слабые
стороны и недостатки.*
В.Г. Белинский

Социально-экономические реалии жизни, с которыми столкнулись россияне во второй половине 90-х годов, настолько несовместимы со стартовыми установками «вершителей рыночных реформ в России», что поневоле хочется обратиться к ставшему крылатым выражению экс-премьер-министра В.С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Острота сложившейся кризисной ситуации в России может быть оценена исходя из сравнительных показателей критического уровня развития дестабилизационных процессов в экономике и социальной сфере. В одной из своих статей академик Г.В. Осипов приводит соотношение предельно-критических и реальных показателей развития российского общества в 1996 году (база сравнения 1990 г.); (*A* – предельное критическое значение в мировой практике; *B* – величина показателя в 1995 г. в Российской Федерации)¹:

	<i>A</i>	<i>B</i>
Уровень падения промышленного производства, %	30–40	0
Доля импортных продуктов, %	30	40
Доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности, %	40	12
Доля в экспорте высокотехнологичной продукции, %	10–15	1
Доля в ВВП государственных ассигнований на науку, %	2	0,42
Соотношение доходов 10% самых богатых и 10 % самых бедных групп населения	10:1	14:1
Доля населения, живущего на пороге бедности, %	10	25–40
Соотношение минимальной и средней заработной платы	1:3	1:10
Уровень безработицы (с учетом скрытой безработицы), %	8–10	13
Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся)	1	1,63
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,14–2,15	1,39
Средняя продолжительность жизни населения в 1994 г. (в США, Великобритании – 75 лет, Швеции – 78, Японии – 79 лет)		65 лет
Коэффициент старения населения (доля лиц старше 65 лет к общей численности населения, %)	7	11
Уровень преступности (количество преступлений на 100 тыс. населения (с учетом латентной преступности))	5–6	6–6,5
Уровень потребления алкоголя; л/ абс. алкоголя на человека в год	8	14–18
Число суицидов на 100 тыс. населения в России по годам: до 1917 г. – 284, 1994 г. – 20	8	14–18
Доля граждан, выступающих за кардинальное изменение политической системы, %	40	43–45
Уровень доверия населения к центральным органам власти, %	20–25	Около 10

А вот некоторая печальная статистика по Уральскому региону. По состоянию на начало 1997 г. треть населения Урала проживала ниже черты бедности. В регионе насчитывалось свыше 400 тыс. безработных (каждый седьмой безработный!). Уровень рождаемости был более чем в два раза ниже уровня 80-х годов. За три предыдущих года общий показатель смертности увеличился по Уралу на 30%, что адекватно отразилось на показателях ожидаемой продолжительности жизни как мужчин, так и женщин. Впервые достигнув в конце 1980-х годов 70 лет, она стала последовательно снижаться и составила в начале 1996 года в Челябинской области 64,0 года, в Свердловской – 62,5, в Пермской – 62 года.

Исходя из приведенных выше данных, вслед за Г.В. Осиповым несложно было спрогнозировать и вероятные социально-политические и экономические последствия, ожидавшие Россию и россиян:

а) в области экономических отношений: деиндустриализация экономики; стратегическая зависимость жизнедеятельности страны от импорта; технологическое отставание экономики; колониально-сырьевая структура экономики; разрушение интеллектуального потенциала нации;

б) в социальной сфере: антагонизация социальной структуры; люмпенизация населения; деквалификация и пауперизация рабочей силы; рост социально обездоленных категорий населения;

в) изменения в демографической ситуации: интенсивная депопуляция, вымирание населения страны; ухудшение его здоровья, превышение смертности над рождаемостью; старение населения;

г) в сфере девиантного поведения: криминализация общественных отношений; физическая деградация населения; массовая фрустрация сознания населения;

д) в сфере политических отношений: делегитимация власти; отчуждение власти от народа².

Главную причину основных социально-экономических бед многие исследователи видят в теневом характере нарождающегося российского рынка. Московский социолог Р.В. Рывкина прямо видит причину экономических неудач в уходе от огосударственной экономики и административно-командной системы управления ею, но при сохранении «командных высот» в экономике в руках номенклатуры. При этом она выделяет пять социальных особенностей зарождения рынка в России:

¹ Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная стратегия // Вопросы философии. – М., 1997. – № 10. – С. 8–9.

² Осипов Г.В. Цит. соч., с. 10.

- а) рынок начал возникать в процессе ослабления и развала мощных государственных структур, шедших под влиянием трансформации в идеологии ЦК КПСС и принятия прорыночных правовых актов¹;
- б) главной социальной базой рыночных преобразований стала прежняя номенклатура, бывшие т.н. аппаратчики;
- в) полукриминальный или полностью криминальный характер рыночных «преобразований». «Первоначальный страх старых аппаратчиков перед вступлением в рынок, – отмечает Рывкина, – определил такие приемы самозащиты, как использование подставных лиц, перекачка денег за границу, уход от налогов»;
- г) остроконфликтный характер формирования рыночных структур из-за идущей вокруг этого процесса политической борьбы;
- д) ход рыночных преобразований сопровождается высокой социальной ценой. Она состоит не только и не столько в резком снижении уровня благосостояния, сколько в утрате тех благ, которые давал социализм.

Основной вывод, к которому подводил нас автор, следующий: перечисленные особенности возникновения российского рынка и детерминируют ту дефектность, которая фиксировалась в тот период как внутри страны, так и за рубежом².

3. «Трудный» подросток в северном городе: о некоторых особенностях социального портрета

Стремительный демонтаж социальной структуры «времен застоя», реконструкция, а зачастую и полный демонтаж социальных институтов, обеспечивавших воспроизводство прежней социальной структуры, закономерно привели к существенной маргинализации общества, что выразилось в появлении «промежуточных групп», «групп на краю» (например, «т.н. «групп риска»), создало условия для расширенного воспроизводства отклоняющегося (девиантного) поведения молодежи.

Исследования показывают, что преобладающими предпосылками к возникновению феномена «подросток-девиант», расширению отклоняющегося, противоправного поведения детей и подростков оказываются внешние по отношению к ним обстоятельства: неблагополучная семья, отсутствие родительского контроля за учебной деятельностью и времяпрепровождением детей, необеспеченность семьи; влияние общей криминогенной ситуации в городе; неразборчивость подростка в выборе своего социального окружения. В меньшей степени отклонения в поведении подростков мотивированы такими субъективными причинами, как психофизиологические особенности подростка, его индивидуальные способности и черты характера, наконец, генетическая предрасположенность.

Особенности поведения молодежи, истоки ее «непохожести» на взрослых связывают с воздействием на детей и подростков т.н. «молодежной субкультуры». Попытаемся разобраться в понятиях. «Субкультура» – это система норм и ценностей, отличающая культуру определенной группы от культуры большинства общества. Термин «субкультура» появился в 60-е годы в связи с анализом альтернативных молодежных движений на Западе, которые получили обобщенное название «контркультура» за намеренное противостояние нормам и образцам господствующей культуры. Как свидетельствует история, непременной составляющей молодежной субкультуры является «девиантная субкультура молодежи»³.

Анализируя поведение подростков на фоне общества взрослых, нельзя, прежде всего, не учитывать специфику физиологии тинейджера. Подростковый период характеризуется, во-первых, интенсивным физическим и физиологическим развитием тела в результате взаимовлияния гормонов роста и половых гормонов; во-вторых, особым состоянием нервной системы, когда нервные процессы часто преобладают над торможением. Психологические трансформации, характерные для подросткового периода, происходят на фоне онтогенетических изменений в организме. В качестве проявлений подростковой психологии необходимо отметить также ненависть к своей личности и враждебность к окружающему миру, склонность к суицидальным настроениям, мыслям и поступкам. К этому присоединяется ряд новых внутренних влечений к тайному, запрещенному, необычному, к тому, что выходит за пределы привычной и упорядоченной повседневной жизни.

Образно моральный облик несовершеннолетнего правонарушителя можно сравнить с театральной маской древних, где каждая половина живет той стороной, которой она обращена к зрителю. К наиболее характерной черте «трудных» подростков с отклоняющимся поведением можно отнести своеобразную раздвоенность их нравственного облика, их противоречивое отношение к нормам морали. Последнее проявляется чаще всего в том, что несовершеннолетний правонарушитель имеет как бы две морали: одну – для общества (для учителей, родителей, милиционеров и т.д.), другую – для себя, для компании себе подобных. Первая из них, как правило, лицемерная, прикрывающая неуважение к обществу и его требованиям, демонстрирующая (показное) безразличное отношение к окружающим людям и их интересам. Вторая – обычно весьма циничная и эгоистичная, свидетельствующая о духовной нищете, отсутствии полезной для общества цели и деятельности. Еще Н.И. Пирогов подметил, что противоречия «раздвоенности личности» начинают проявляться в духовном мире детей довольно рано. Он писал: «Кто же теперь виноват, что мы так рано замечаем у наших детей несомненные признаки двойственности души? Не мы ли сами немилосердно двоим ее?»⁴.

¹ Житенев В.А. (рук.), Габдулин М.П., Барина Г.И., Ерхов Г.П., Журавлев Г.Т., Карпунин О.И., Кузьмин Е.М., Лисовский В.Т., Макаревич Э.Ф., Нелюбин А.А., Павлов Б.С., Попов С.А., Стрекалов В.Г., Яковлев А.И. Политическая агитация: опыт, проблемы, пути перестройки. – М.: Политиздат, 1989. – 272 с.

² Рывкина Р.В. Социальные особенности возникновения рыночной экономики в России // Демография и социология. – М., 1997. – № 17. – С. 33–46.

³ Павлов Б.С. Над опасным «социальным придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 69–80.

⁴ Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. – М.: Изд-во АПН СССР, 1962. – С. 116.

Наряду с психофизиологическими особенностями подросткового возраста есть и другое объективное обстоятельство, провоцирующее отклоняющееся поведение сегодняшних городских подростков. Речь идет, прежде всего, о деформации в российском обществе «социалистической» морали и нравственности. Молодежь, как и «общество взрослых» в целом, переживает кризис ценностей. Информационно-культурное пространство, которое окружает сегодня молодого человека, насыщено пропагандой утилитарных ценностей потребительского общества, где агрессия и насилие выступают как «законные» средства достижения целей. Героем нашего времени выставляется «негативный лидер» – эгоистичный, циничный, но *преуспевающий и добивающийся успеха, не считаясь со средствами*.

Отсутствие стабильности, множество внешних и внутренних противоречий привели к разобщенности социальных групп и индивидов (в том числе и в молодежной среде) между собой. В этих условиях происходит закономерная индивидуализация сознания, которая сопровождается неприятием официальных норм и структур. Люди все чаще относятся с недоверием к государственным институтам и предлагаемым ими реформам. Среди доминирующих установок российской молодежи можно выделить нацеленность на индивидуальное выживание, расчет только на собственные силы. Такой феномен в научной литературе получил свое название – «адаптационный индивидуализм». Этот принцип можно характеризовать как избегание худшего, а не стремление к лучшему.

Теперь о самом понятии «трудный подросток» и причинах его появления. Наше исследование позволяло в какой-то мере судить о причинах, обстоятельствах и мотивах присвоения категории «трудный» подросткам северного города как в их оценках «со стороны» («я сужу о причинах отклоняющегося поведения не самого себя, а другого»), так и в самооценках респондентов («попытка разобраться в самом себе»). Трем группам наших респондентов из Надыма в опросе «*Подросток-Девиянт -1996*» задавался один и тот же вопрос: «*Как Вы считаете, почему некоторые подростки становятся «трудными»? (Укажите главные причины)*». Ниже приведены результаты ответов на данный вопрос (% от числа ответивших по каждой группе: подростки-правонарушители / подростки-школьники / эксперты):

связались с плохой компанией	– 39 / 50 / 48
их не понимают родители	– 31 / 24 / 28
сложная обстановка в семье	– 30 / 55 / 60
виноваты сами подростки, их безволие, бесхарактерность	– 28 / 41 / 32
у них проблемы с учебой, в отношениях с учителями	– 22 / 21 / 14
хотят подражать «трудным» ребятам, умеющим делать деньги	– 22 / 9 / 47
особенности подросткового возраста	– 21 / 2 / 8
влияние общего роста преступности в г. Надыме	– 11 / 3 / 10
отсутствие денег в семье	– 7 / 3 / 30
отсутствие дома родителей из-за «вахтовых» командировок	– н.д. / 18 / 22
влияние преступных группировок подростков в г. Надыме	– н.д. – / 12 / 28
свобода в приобретении алкоголя	– н.д. / – / 16
свобода в приобретении оружия	– н.д. / – / 12

Прежде всего обращает на себя внимание несоответствие значимости тех или иных факторов, детерминирующих отклоняющееся поведение подростков, в оценках трех категорий опрашиваемых – учащихся, правонарушителей, экспертов. Кто же из них ближе к истине – взрослые, смотрящие на проблему девиантности подростков достаточно трезво, но и несколько отстраненно, или сами дети, порой не улавливающие глубинных причин, но ощущающие на себе непосредственно то или иное негативное воздействие? В числе наиболее важных причин, отрицательно влияющих на формирующуюся личность подростка, указываются три фактора:

- а) неблагоприятная обстановка в семье и непонимание подростков родителями (первое место у экспертов);
- б) негативное воздействие ближайшего социального окружения – «плохой компании» (первое место у учащихся);
- в) морально-нравственная неустойчивость самих подростков, их безволие, бесхарактерность (первое место у правонарушителей).

Посмотрим, какими чертами привлекают к себе подростки с отклоняющимся поведением. Оказывается, в первую очередь теми качествами, которые в значительной степени способствуют их отклоняющемуся от общепринятых норм поведению. Черты, привлекающие к себе «трудных» подростков (в % от числа опрошенных 465 подростков):

- смелость, независимость – 22
- уверенность в себе – 33
- поддержка друг друга – 26
- эрудированность – 6
- доброта, щедрость – 13
- умение постоять за себя – 38
- стремление к риску – 17
- предприимчивость – 10
- настойчивость – 9.

Итак, импонируют окружающим сверстникам в девиантных подростках следующие качества: умение постоять за себя – 38%, уверенность в себе – 33%, поддержка друг друга (в иных ситуациях называемая «круговой порукой») – 26%, смелость, независимость – 22%. Гораздо в меньшей степени у этих юношей (девушек) отмечаются доброта, щедрость – 13%, предприимчивость – 10%, настойчивость – 10%, эрудированность – 6%.

Вместе с тем нельзя не учитывать и другое. Удел «трудных» подростков в эмоциональном восприятии своих благополучных товарищей по учебе – встречать безразличие и непонимание. В корне по-другому относятся к своим

«товарищам по несчастью» подростки-правонарушители: большинство из них испытывает чувство понимания и жалости понимания к ребятам, попавшим в категорию «трудных».

4. Наркотизация молодежной среды северных городов

В Российском центре наркологии на начало 1996 года имелись следующие данные: в РФ только по официальной статистике насчитывалось 500 тысяч человек больных наркоманией. В основном это молодые люди. Выборочные же исследования показали, что среди россиян 1,5 млн человек принимают наркотики, и число их растёт¹. Проблемой № 1 для социализации современных поколений россиян становится стремительный процесс наркотизации молодежной среды. Прежде всего следует отличать широкое и узкое толкование понятия «НАРКОМАНИЯ». Образно говоря, наркотик – это отравляющее для мозга. Яды, отравляющие мозг (в отличие от воздействия их на другие органы человеческого организма – например, желудок), не вызывают у индивида отрицательных болевых ощущений и эмоций, так как в мозге человека отсутствуют болевые рецепторы. В этом эффекте и таится основная притягательная (и разрушительная) для физиологии человека сила, стремление к «безнаказанному» состоянию эйфории, галлюцинациям.

По силе воздействия на организм человека врачи-специалисты располагают наркотики следующим образом: самый слабый из них – шоколад, затем следуют чай и кофе. Указанные выше наркотические вещества являются скорее возбуждающими. А далее идут более сильные – опьяняющие наркотики: никотин, марихуана, алкоголь, опиум и др. По степени привыкания человека к наркотикам они могут быть представлены так²:

Вид наркотика	% людей, попробовавших наркотик, привыкают к нему с первого раза:
Никотин («с первой сигареты»)	80
опий, морфий и др.	60
Алкоголь («с первой рюмки»)	20–40

А теперь об узком понимании. В общественной практике и, соответственно, в общественном сознании понятия «наркомания», «наркоман» связываются прежде всего с употреблением наркотиков, «наркоты». Отсюда и последующее «родовое» деление населения в его приобщении к наркотическим веществам: курение табака (никотин); употребление алкоголя и, наконец, собственно употребление наркотиков.

В «Российской газете» от 6 февраля 1999 г. появилась новая рубрика «ПОКА НЕ ПОЗДНО», посвященная проблеме, приобретающей черты национальной катастрофы – обвальное за последнее десятилетие распространение наркомании в России.

По разным оценкам, в России уже в 1996 г. имелось 200 тысяч профессионалов наркобизнеса. В их карманах в 1995 году оказалось порядка 7 млрд долларов, а на совести – два миллиона наркоманов и 18 миллионов тех, кто хоть раз в жизни попробовал отраву³.

Как известно, торговля наркотиками приносила и продолжает приносить огромный доход преступным синдикатам. И в особенности в России. Один грамм кокаина в странах Южной Америки, например, в 1996 г. стоил в среднем 70 долларов, в США – 100, в Москве – 200-300 долларов. В начале 1996 года ампула морфия на складе стоила 2 тыс. рублей, а на чёрном рынке – 50–80 тыс. рублей. Кстати, коэффициент фактического участия в незаконном обороте наркотиков в 1992–1995 гг. представителей некоторых этнических групп – жителей Российской Федерации (на 100 тысяч населения конкретной национальности) был следующим⁴:

цыгане	184,3	чеченцы	6,4
грузины	54,3	молдаване	4,9
узбеки	29,2	казахи	4,6
азербайджанцы	28,4	осетины	3,9
таджики	15,7	русские	2,9
армяне	13,9	украинцы	1,5
литовцы	8,5		

Рост наркотизации населения «автоматически» влечет за собой и рост преступных проявлений, совершенных на почве одурманивания личности. Вот один из примеров: 197 тяжких преступлений, совершенных под воздействием наркотиков, было зарегистрировано за 10 месяцев 1996 г. в УВД Свердловской области. В 1995 г. за этот же период было зафиксировано 136 аналогичных преступлений⁵.

Среди ряда современных тенденций, присущих такому асоциальному явлению, как пьянство и наркомания, особую тревогу вызывают две: а) омоложение рядов «пьющих» и «употребляющих»; б) расширение и «разбавление» их рядов за счет «прекрасной половины» российского сообщества. Само по себе это явление, естественно, наносит

¹ И в России начинают бороться с наркоманией // Известия. – М., 1996. – 2 марта.

² Наркомания – что это такое. (Это должен знать каждый). – Екатеринбург: Благотворительный фонд им. Г.А. Шичко, 1998. –

С. 8.

³ Деструктивные условия социализации молодежи как фактор ее девиантного поведения. Указ. соч.

⁴ Российская Федерация. – М., 1996. – № 7.

⁵ Областная газета. 1996. – 27 ноября.

существенный ущерб здоровью людей, пристрастившихся к такому зелью, вредит здоровью их потомства, деформирует семейно-брачные и производственные отношения и т.д.¹

Можно с уверенностью сказать, что проблема расширения наркотизации российской нации имеет по преимуществу ярко выраженное молодежно-подростковое лицо. Обратимся к уральской региональной статистике. По данным отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотических веществ, в Екатеринбурге уже к началу 1996 г. 50 тысяч человек были замечены в употреблении этого зелья, 90% из них – несовершеннолетние, дети школьного возраста. При этом по наблюдениям и подсчетам специалистов каждый наркоман в течение года приучает к наркотикам 17 человек². По оценкам специалистов, на начало 1999 г. около 11% россиян употребляли наркотики. Основная масса наркоманов – молодые люди в возрасте от 13 до 24 лет³.

Говорят: «новое – это хорошо забытое старое». В 60–70-е годы аналитики и идеологи тогдашних «ярых противников СССР» из европейских развитых капиталистических стран с тревогой стали констатировать, что наркомания в широких масштабах проникает в их «благополучные и сытые» страны, захватывая в первую очередь молодежь. Проведенное в начале 70-х годов исследование в 52 школах Федеративной Республики Германия показало довольно опасную картину. Оказалось, что в крупных городах каждый второй школьник в возрасте 15 лет по меньшей мере один раз попробовал гашиш, возбуждающие пилюли или ЛСД. Около 20% школьников употребляют наркотики регулярно, одна треть – чаще одного раз в месяц.

При этом фиксировалась явная тенденция: наркотикам быстро становилось «тесно» в больших городах. Как констатировал в тот период старший инспектор уголовной полиции ФРГ К. Зельман, пристрастие к наркотикам распространялось среди школьников небольших городов, сельской местности. Вместе с тем порок быстро «молодел». «И теперь, свидетельствовал инспектор, – не являются чем-то исключительным факты, когда гашиш курят 10–12-летние дети»⁴.

Определенный опыт исследования наркомании в молодежной среде 90-х имелся в Ханты-Мансийске. Ниже приводятся некоторые извлечения из данных социологов этого региона. По их мнению, ХМАО в тот период являлся одним из наиболее насыщенных наркотическими средствами регионов, и не только в крупных городах, но и в небольших поселках наркомания уносила жизни и здоровье многих молодых людей, попавшихся в лапы «белой смерти». Именно поэтому властные и государственные структуры – от комитетов по делам молодежи и социальных служб администраций до правоохранительных органов – всерьез обеспокоены этой проблемой и, естественно, ищут пути ее возможного разрешения. Для получения точной и достоверной информации об уровне распространения наркомании в регионе и получения каких-либо практических рекомендаций ныне почти повсеместно проводятся социологические исследования. Важность проведения подобных исследований для координации наркологической обстановки в том или ином городе, поселке несомненна. Опрос с репрезентативной выборкой и соблюдением всех методологических правил позволяет узнать и проанализировать причины, побуждающие молодежь принимать наркотики, дает коллективный портрет «среднего наркомана», выявляет влияние социальных и семейных обстоятельств на уход молодых людей в «наркотический рай», и многое другое. «Какие причины, на Ваш взгляд, побуждают людей впервые обращаться к наркотикам?» – на этот вопрос ответы жителей ХМАО в 1997 г. распределились так (% от общего числа опрошенных)⁵:

Причины приобщения к наркотикам:	%
любопытство	– 66
желание забыться и уйти хоть на время от жизненных невзгод	– 61
разочарование в жизни	– 27
одиночество и подавленность	– 20
давление, насилие со стороны предлагающих	– 19
нежелание противопоставить себя другим	– 14
ощущение своей личной ненужности	– 13
разочарование в близком человеке	– 12
неверие во вредность наркотиков	– 11
потрясение, вызванное гибелью близких людей	– 4
потеря работы	–
длительное положение безработного	–

Если в 1995 г. эту проблему самой важной для органов власти считал каждый седьмой опрошенный эксперт, то в 1997 г. (спустя всего два года) – уже каждый четвертый. Стремительное наступление проблемы наркомании застало врасплох практически всех, кто в той или иной мере причастен к воспитанию молодежи⁶.

¹ Павлов Б.С., Стожаров А.В., Анисимов С.А., Артюхов А.В., Бердник Л.П., Икингрин Е.Н., Лоншакова Н.А., Павлов Д.Б. и др. Наркотики и молодежь в северном городе: опыт социологического исследования. – Екатеринбург, 2000. – С. 118.

² Уральский рабочий. 1996. – 26 марта.

³ Российская газета. – М., 1999. – 6 февраля.

⁴ Ерёмин Ю. Только по программе ЭВМ? // Молодой коммунист. 1975. – № 3. – С. 117.

⁵ Социальные проблемы Югры (Сборник аналитических и статистических материалов). – Ханты-Мансийск, 1997. – С. 33.

⁶ Павлов Б.С., Талалаева Г.В. Наркотизация молодежной среды как социально-биологическая проблема в регионе (на примере городов и поселений Урала): препринт. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2004. 64 с.

Об истинных масштабах наркотизации как нормы поведения части населения российского общества можно судить по результатам проведенного нами исследования «*Семья РФ-1999*». «*Есть ли среди окружающих Вас людей те, кто принимает наркотики?*» – такой вопрос задавался 1360 родителям подростков, проживающих в 5 регионах РФ (ответы приведены в табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Есть ли среди окружающих Вас людей те, кто принимает наркотики?» (% от общего числа опрошенных родителей по каждому региону)

Регион	Варианты ответов:		
	да, есть	отчасти	таковых нет
В целом	19	69	11
В т.ч. Челябинск	16	72	12
Нижевартовск	25	61	13
Надым	12	76	11
Самара	19	73	8
Чита	15	77	14

Нетрудно видеть, что лишь восьмой-девятый взрослый россиянин в 90-е годы не сталкивался в своей повседневной жизни с реальными носителями наркотической зависимости. В таком же асоциальном окружении находились и их взрослеющие дети.

Опрос, проведенный в 1997 г., показал, что руководители территорий округа достаточно хорошо знали, какие виды наркотиков употребляются наркоманами округа – опий, марихуана, анаша, гашиш, ханка, мак, конопля, «чернушка» и некоторые другие. Специалистам также хорошо известны группы населения, которые распространяют наркотические средства на данной территории (в порядке убывания по частоте упоминания в анкетах, %)¹:

представители других регионов СНГ, России (вахтовики, заезжие торговцы, военнослужащие)	– 79
жители округа, занимающиеся скупкой-продажей наркотиков	– 40
представители стран дальнего зарубежья	– 25
нынешние или бывшие заключенные	– 23
лица асоциального поведения	– 15
учащаяся молодежь	– 12
работники учреждений, имеющие доступ к наркотикам	– 6

Главную причину распространения наркомании и токсикомании среди юношества основная масса экспертов (42%) усматривает, прежде всего, в самих особенностях подростковой среды; вину родителей, семьи отмечают 27%; на недостаточную роль работников правоохранительных органов в пресечении этого зла указывают 10% экспертов. Предопределяющими факторами внутренней мотивации приобщения подростков к алкоголю, наркотикам, иным психотропным средствам большинство экспертов считает, *во-первых*, не реализованное в других сферах деятельности имманентно присущее возрасту любопытство, стремление испытать острые ощущения, в том числе «за компанию»; *во-вторых*, их неведение о пагубных последствиях употребления наркотических веществ.

5. Девиантные подростки в городском социуме: симбиоз плодотворного общения и конфликтов

Характерными чертами для значительной части российской молодежи становятся такие черты, как эгоизм, жестокость, стремление к садизму, немотивационным деструктивным проявлениям. Развитию подобных процессов в молодежной среде во многом способствовал духовный кризис, который переживала Россия в тот период. Ниспровержение коммунистических идеалов *не сопровождалось* заменой их системой других (пусть даже альтернативных) идеалов. Попытки заполнить возникший идейный вакуум идеями национализма (т.н. русской идеи), религиозности овладели весьма незначительной частью российского населения.

Известный Козьма Прутков неоднократно советовал: «Зри в корень!». Мы последовали его совету и попытались выяснить причины отклоняющегося, противоправного поведения современных детей и подростков. В этом нам помогли опрошенные эксперты. Мы попросили их объяснить тенденции роста ряда негативных социальных явлений в г. Надыме, в посёлке Пангоды. Ниже приводятся ответы экспертов.

Причины жестокости детей, подростков в отношениях друг с другом:

- невнимание общества к подростку;
- влияние TV, информация прессы, телевидения;
- обилие видеoinформации зарубежного производства, низкий уровень чтения;
- увеличение числа фильмов, книг, видеофильмов с картинками насилия – 3 чел.;
- агрессивная реакция родителей на экономические процессы, происходящие в стране; жестокость взрослых: – 3 чел.;
- негативные жизненные примеры родителей в быту, в общественных местах;

¹ Социальные проблемы Югры (Сборник аналитических и статистических материалов). – Ханты-Мансийск, 1997. – С. 33–37.

- общее отрицательное положение в экономике страны; развал государства, открытая коррупция, начиная с верхних слоев власти, несовершенство законов – 4 чел.;
- социальная напряженность в обществе – 2 чел.;
- жестокость взрослых;
- кардинальная смена ценностей общества; потеря нравственных ценностей – 4 чел.;
- внутрисемейные конфликты; плохие взаимоотношения в семье – 3 чел.;
- отсутствие государственной идеи образования;
- недостаточное общение с детьми дома, т.к. родители заняты материальным обеспечением семьи – 2 чел.;
- люди живут в страхе и не уверены в будущем.

Причины жестокого обращения родителей со своими несовершеннолетними детьми:

- пьянство родителей – 3 чел.;
- неуверенность в завтрашнем дне, материальная и духовная нищета – 2 чел.;
- невозможность через детей реализовать свои планы;
- низкий общеобразовательный уровень, невежество, распущенность, низкая планка культуры родителей – 5 чел.;
- слабая ответственность за своих детей – 2 чел.;
- экономическая ситуация в стране, безработица, отсутствие средств к существованию семьи – 2 чел.;
- отсутствие гуманности в структуре личности;
- нежелание понять интересы ребенка, незнание педагогики, отсутствие взаимопонимания с детьми – 2 чел.

Причины роста беспризорности детей, подростков:

- неблагополучие в семье;
- безответственность родителей, отказ семьи от своих прямых обязанностей; брошенность детей – 3 чел.;
- безработица родителей, низкий жизненный уровень, как следствие – распущенность, алкоголизм – 2 чел.;
- отсутствие взаимопонимания, уважения и любви в семье; погас огонек родительского очага – 3 чел.;
- издержки социальной политики государства; закрыты детские сады, клубы, отсутствие организации досуга – 3 чел.;
- родительская неготовность к рождению детей;
- безразличие родителей или жестокость – 2 чел.

Причины распространения вредных привычек (наркомании, алкоголизации и т.п.) у детей, подростков:

- защитная реакция детей на проблемы общества;
- неудовлетворительное воспитание в семье; безответственность родителей за своих детей – 2 чел.;
- плохой пример взрослого поколения «заразителен», бесконтрольность; пьянство родителей – 3 чел.;
- у нас в городе причина одна – свободный приток лиц «кавказской» и «азиатской» национальности;
- желание забыться и уйти в «другое измерение», уход от реальной жизни, низкие психическое здоровье детей – 2 чел.;
- много свободного времени; мало учреждений культурно-просветительского направления – 3 чел.;
- доступность, безнаказанность, пропаганда телевидения;
- глупое копирование в большинстве случаев – 2 чел.;

Причины роста криминогенной активности подростков младших возрастов:

- агрессия родителей;
- неполные и трудные семьи, снижение контроля родителей за своими детьми в повседневной жизни;
- утрата ценностных ориентаций в обществе; дети видят, что творится вокруг, ведь «правят бал» практически на всех уровнях криминальные элементы; заразительный пример бандитизма в обществе – 3 чел.;
- отсутствие любви со стороны взрослых, огромный дефицит любви;
- безнаказанность, нет контроля со стороны родителей;
- отсутствие родительского тепла и искренней заинтересованности в решении проблем детей; беспризорность детей – 5 чел.;
- стремление иметь свои деньги, насилие и жестокость на экране телевизора;
- устранение литературы из арсенала средств массового воспитания, подмена его телевидением и компьютером – 3 чел.

Причины роста криминальной активности девочек:

- утрата исконно русских представлений о порядочности;
- однотипное воспитание мальчиков и девочек;
- отцы, как правило, мало уделяют внимание воспитанию дочерей;
- недостаточное внимание педагогов (женщин) к проблемам девочек;
- желание обогатиться, чтобы иметь дорогие вещи;
- дефицит родительской любви к детям;
- ухудшение экономического состояния семьи;
- ушло в прошлое «рыцарство» юношей, и девочки пытаются защищать себя активно, так как профилактическая работа не ведется;
- пренебрежение ролью женщины (мать, жена, хозяйка).

Среди других причин (помимо отмеченных выше) негативных тенденций в среде детей и подростков-северян эксперты отметили:

- снобизм;
- поголовное увлечение табакокурением;
- агрессивность друг к другу, частые драки из-за пустяков, жестокость, озлобленность;
- сексуальное бездушие подростков;
- равнодушие к людям, нежелание оказать помощь;
- нежелание многих детей учиться;
- жестокость, грубость во взаимоотношениях, отсутствие терпимости к особенностям другой личности, подавление ее, стремление к лидерству посредством применения силы;
- негативизм вообще, меркантильность, индивидуализм, пренебрежительное отношение к дружбе, любви, взаимопониманию;
- пропуски уроков без уважительной причины, грубость и бестактность по отношению к взрослым.

В 90-е годы небезосновательно в число социальных групп, нуждавшихся в социальной поддержке и защите государства наряду с пенсионерами, безработными, инвалидами и некоторыми другими, включалась группа молодежи (дети, подростки, молодые люди, находящиеся на этапе вступления в общественное производство). Степень, размеры этой формы поддержки, естественно, должны были дифференцироваться в зависимости от целого ряда экономических и психофизиологических факторов, сопровождающих процесс социализации различных групп молодежи. Было бы некорректным говорить о забвении государством социальной политики в отношении молодежной части своего населения. Однако факты – упрямая вещь.

У проблемы социальной защиты молодежи есть и другой немаловажный аспект. Как справедливо считают уральские социологи (например, Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко), реальная оценка социальной защищенности во многом зависит от потребностей и интересов, ценностных ориентаций молодых людей и их установки на содержательную сторону социальной защиты. Таковых можно выделить две:

- а) «пассивная» установка («собесовский тип ориентации), когда отдельные группы ждут помощи и защиты от государственных и негосударственных органов социальной защиты, воспринимают себя пассивным объектом;
- б) «активная» установка, когда молодой человек преимущественно ориентируется на собственную деятельность, на «самозащиту». Он становится субъектом социальной защиты, начинает влиять на характер и содержание социальной политики по защите интересов – своих и социальной группы.

И еще один аспект социальной защиты молодежи, касающийся социальной политики в сфере образования. «С моей точки зрения, – пишет английский историк П. Джонсон, – нет лучшего пути сделать капитализм морально приемлемым и подвести под него фундамент справедливости, чем открыть талантливым, но бедным доступ к хорошему образованию всех видов и на всех уровнях. Причем подразумевается, что одаренность в любой области должна распознаваться в самом раннем возрасте. Это еще одна область, где мы проявляем удручающую несостоятельность»¹. Английский историк осознает при этом, что обучение бедных соответственно их наклонностям и по высоким стандартам сопряжено с огромными расходами. Однако достоинство капитализма, считает он, состоит как раз в том, что он создает такие материально-экономические возможности, что их хватит для реализации расширенных образовательных программ. «И чем больше людей получит хорошее образование, – итожит он свои рассуждения, – тем производительнее будет система. Короче говоря, путь к справедливому обществу лежит через его просвещение, и чем скорее мы пойдём по этому пути, тем лучше» (там же).

По данным наших опросов, проведенных в начале 90-х годов, лишь около 1% опрошенных родителей-северян считали, что за воспитание их детей должна отвечать исключительно школа; 25% вменяли эту ответственность семье; подавляющее же большинство респондентов голосовали за коллективную ответственность семьи и школы – 74%². Ниже приведены ответы родителей и педагогов («*Семья-Школа-1998*») на два вопроса анкеты (% от общего числа респондентов, в числителе – родителей – 440 чел.; в знаменателе педагогов – 240 чел):

Вопрос 1: «Как Вы считаете, кто в первую очередь должен нести ответственность за плохое поведение детей и подростков (хулиганство, воровство и т.д.)?»

родители	88 / 96
сами дети, подростки	32 / 42
их друзья, компания	2 / 1
педагоги школы, училища	4 / 8
работники милиции, участковый милиционер	0,7 / 1,2
районный инспектор по делам несовершеннолетних	0,7 / 1,7

Вопрос 2: «Как Вы считаете, почему школьные дела детей мало интересуют их отцов?»

такова традиция: отец работает, мать воспитывает детей	29 / 48
у отцов меньше свободного времени	35 / 15
не хотят быть «белыми воронами» среди женщин-родителей на собраниях, на мероприятиях в школе	13 / 17
отцам трудно общаться с учителями-женщинами	6 / 7
другие причины	12 / 13

¹ Джонсон П. Сделать капитализм моральным // Америка. 1991. – № 413. – С. 5.

² Семья и школа: проблемы взаимосодействия (на примере социологических исследований в ЯНАО) / Артюхов А.В., Иванова В.Ф., Ишутина Т.А., Заякина О.А., Павлов Б.С., Павлов С.Б., Сапожникова И.В., Силин Я.П., Чеботарёв А.В., Татаркин А.И., Юрпалов С.Ю. / Урал. отд-ние РАН. Ин-т экономики. – Екатеринбург, 1999. – 148 с. (Деп. в ИНИОН РАН 7.04. 1999 г. № 54472).

А может ли церковь помочь милиции? «Свобода совести – одно из главных безусловных достижений реформ, – записано в 1996 г. в предвыборной программе действий первого Президента РФ на предстоящее пятилетие. – В новой демократической России церкви и религии возвращается место, подобающее в обществе. Религия – одна из основ любой национальной культуры. Религиозное просвещение и социально-благотворительная деятельность религиозных организаций – благо для нравственного и морального здоровья общества»¹. Это официальная позиция российского правительства. А согласны ли с ним наши надымские эксперты? «*Может ли помочь формированию высоконравственного поведения надымских «трудных» детей, подростков введение религиозных учебных дисциплин в школе?*» – на этот вопрос анкеты нами были получены следующие ответы:

Большинство из экспертов (84%) считали, что религия способна оказать на неблагополучных детей благотворное влияние. Упвали на положительную роль приобщения детей и подростков к религии люди среднего или старшего возраста, т.е. умудренные жизненным опытом. Таким образом, очевидно, что введение религиозных курсов в школьную программу, по их мнению, должно было положительно повлиять на формирование нравственного облика ребенка и подростка, на усвоение им общечеловеческих заповедей, в недалеком прошлом отвергаемых как идейный дурман и ненаучные заблуждения.

Однако такое позитивное воздействие религии могло произойти не в одночасье. Серьезное воспитательное влияние церкви на трансформацию общественного сознания, на мораль и нравственность россиян будет совершаться постепенно и охватит далеко не в равной мере все социально-демографические группы населения. Однако молодежь и подростки с их еще неустойчивой психикой, формирующимся мирозерцанием, жадой максимализма, стремлением к идеалам на фоне развенчания коммунистических постулатов и кумиров могут стать возделываемым полем, с которого религиозные миссионеры соберут свой урожай. В связи с этим следует подумать и о том, что православную главенствующую в России церковь могут обойти (и обходят) другие более активные и в своем роде демократичные конфессии (методистская церковь, ново-христианская и другие)².

Необходимо отметить одну примечательную деталь, которую мы фиксировали в беседах с педагогами: это профессиональный и общечеловеческий оптимизм. Авторы также причисляют себя к разряду оптимистов и, пользуясь случаем, напоминают об одном из основных условий достижения желаемой цели, на которое указывали еще древние латиняне:

«*Extremis malis, extrema remedia!*», что в переводе с латинского, означает «Против серьезных болезней нужны сильные средства!»

¹ Россия: человек, семья, общество, государство. Программа действий на 1996–2000 годы. (Президентская предвыборная программа Б.Н. Ельцина) // Российские вести. 1996. – 1 июня.

² Павлов Б.С., Разикова Н.И., Подвысоцкий А.И. Верят ли в бога уральские студенты? // Дискуссия. 2012. № 8. С. 104–110.

Павлов Б.С.

д. филос. н., профессор, в. н. с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Попов В.Г.

д. соц. н., профессор, действительный член РАСН, Екатеринбург
valery68-popov@yandex.ru

Александрова Ж.П.

к. соц. н., доцент кафедры Кубанского технологического университета, Краснодар

Мальш Е.В.

к. э. н., доцент, с. н. с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
malysz_elen@mail.ru

Разикова Н.В.

к. х. н., профессор кафедры Физико-технологического института УрФУ, Екатеринбург
natigraz@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО НА РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКАХ ТРУДА КРАЙНЕГО СЕВЕРА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 1995–2021 гг.)¹

Ключевые слова: рынок труда, трипартизм, безработица, профессия, социальная защита, профподготовка, текучесть кадров, миграционная подвижность, вахтовый метод, социальная защита, ХМАО, Югра.

Keywords: labor market, tripartism, unemployment, profession, social protection, vocational training, staff turnover, migration mobility, shift method, social protection, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Yugra.

*По степени уважения к труду
и по умению оценивать труд
соответственно его истинной
ценности – можно
узнать степень цивилизации народа.*
Н.А. Добролюбов

Краткая прелюда по предыстории вопроса. В начале 2000-х в Уральском федеральном округе был инициирован и реализовывался проект «Урал промышленный – Урал Полярный», старт которому положило совещание 16 мая 2005 г. с участием Президента РФ по вопросам социально-экономического развития Уральского федерального округа. Тогда руководитель государства указал на необходимость «принципиально новых подходов и привлекательных перспективных проектов, закладывающих прочный фундамент роста на десятилетия вперед». Проект предполагал создание уникального индустриально-инфраструктурного комплекса на базе освоения природно-сырьевых ресурсов Приполярного и Полярного Урала и строительства ключевых элементов опорной транспортной и энергетической инфраструктуры².

В рамках этого федерального проекта было реализовано комплексное социологическое исследование «Труд-ХМАО-2003», проведенное в июне-сентябре 2003 г. по инициативе городской службы занятости г. Лангепас социологами Института экономики УрО РАН (ИЭ УрО РАН) и Уральской академии государственной службы (УрАГС) на основе договора о творческом содружестве (научные руководители – профессор Б.С. Павлов и профессор В.Г. Попов). Опросы проводились в городах Лангепас, Когалым, Мегион, Ханты-Мансийск, Югорск, Радужный, Покачи по проблемам социального партнерства на региональных рынках труда и самочувствия семей северян. В общей сложности были опрошены: а) 580 посетителей служб занятости; б) 60 работников (специалистов) городских служб занятости и в) 110 работодателей, руководителей предприятий³.

Основная цель выполненной работы заключалась в раскрытии возможностей формирования и функционирования института социального партнерства на рынке труда и образовательных услуг, повышения эффективности использования трудового потенциала индивидуального и совокупного работника в общественном производстве северного региона.

¹ Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

² Латышев П.М. Проект «Урал промышленный – Урал Полярный» – эффективный инструмент улучшения состояния экономики и устранения угроз экономической безопасности Российской Федерации // Экономика региона. 2008. – № 3. – С. 48.

³ Ответственный исполнитель проекта Александрова Ж.П.

Помимо указанного опроса в статье использованы также результаты ещё целого ряда исследований, выполненных в Институте экономики УрО РАН¹:

«Семья РФ-1999» – в апреле-июне 1999 г. по одной стандартизированной анкете был проведен опрос 1360 отцов и матерей, в семьях которых воспитывается подросток в возрасте 15–17 лет. Опрос проводился в следующих регионах России:

	Опрошено, чел.
Крайний Север, всего	413
в т.ч.: г. Надым	155
г. Нижневартовск	258
Урал, всего	677
в т.ч.: Свердловская область	408
Челябинская область	269
Другие города РФ	263
в т.ч.: Самара	117
Чита	146

«Тагил-2000» – в ноябре 2000 г. опрошено 2000 горожан г. Нижнего Тагила с целью изучения трансформации общественного мнения в связи с планируемым строительством производства, осложняющего экологическую обстановку города и региона.

«Урал-Завод-2018» – в рамках «инженерной» проблематики в Свердловской области был реализован социологический проект – опрос по «Анкету инженера» 1200 молодых инженеров на 11 промышленных предприятиях региона (ОАО «НТМК ЕВРАЗ» (430 чел.), ОАО «СТЗ» (200 чел.), ОАО «НСММЗ» (45 чел.), АО «НПО Автоматики» (170 чел.) и 300 экспертов из ряда институтов отраслевой и вузовской науки².

1. Югорский край – экономически самодостаточный регион-донор РФ

Для начала разговора обратимся к карте РФ и справочникам. Что представляет собой Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) или – Югра.

	<i>Просто факты, статистика, события, люди</i>
	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра занимает центральную часть Западно-Сибирской равнины, протянувшись с запада на восток почти на 1400 км – от Уральского хребта до Обско-Енисейского водораздела. Граничит с Ямало-Ненецким автономным округом, Красноярским краем, Томской областью, Свердловской областью и Республикой Коми.
	С севера на юг округ простирается приблизительно на 800 км, располагаясь в промежутке между 58°30' и 65°30' северной широты. Протяжённость границ округа составляет 4750 км.
	Округ является экономически самодостаточным регионом-донором. Основной нефтегазоносный район России и один из крупнейших нефтедобывающих регионов мира. Занимает 3 место в рейтинге социально-экономического положения регионов России. Экономика автономного округа имеет приоритетом сектор добычи углеводородного сырья, также развиваются энергетика, строительство, транспортная инфраструктура и другие отрасли.
	Крупнейшие города – Сургут (387 тыс. чел.), Нижневартовск (279 тыс. чел.), Нефтеюганск (128 тыс. чел.). Население округа составляет 1688 тыс. чел. (2021; 1,15% от населения РФ). Плотность населения – 3,16 чел./км ² (2021), удельный вес городского населения – 91,8% (2020) ³

Объектами упомянутого выше исследования «Труд-ХМАО-2003» служили главные социальные партнеры на региональном рынке труда Югры, прежде всего, индивиды, ищущие работу, работодатели, организаторы системы общего и профессионального образования, специалисты и руководители органов государственной власти и местного самоуправления, работники территориальных служб занятости населения, средств массовой информации, правоохранительных органов.

Среди экспертов-специалистов в Лангепасе, например, участие в исследовании приняли: начальники службы кадров БПТОиКО ООО «ЛУКОЙЛ-ЭНЕРГОГАЗ», МУП «Электросети», МУП «Гермес», отдела кадров ТПП «Лангепаснефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь», начальники отделов кадров МУП «Городская больница», МУО Администрация г. Лангепас, первые руководители (директора и главные бухгалтеры) детских дошкольных учреждений, Центра дошкольного воспитания, Центра занятости, средних учебных заведений, ДК «Нефтяник», коммерческих предприятий и др.⁴

¹ Научн. рук. проф. Б.С. Павлов.

² Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.) / Российское общество социологов; Институт экономики УрО РАН; Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – 825 с.

³ Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: Экономика, 2009. – 436 с.

⁴ Павлов Б.С., Александрова Ж.П. К вопросу о развитии человеческого потенциала на уральском севере// Журнал экономической теории. 2009. – № 3. – С. 6.

В самом общем виде *рынок* – это система социально-экономических отношений между продавцами и покупателями товаров и услуг, форма связи между сторонами обмена, в процессе которого устанавливается рыночная цена на объект обмена и происходит смена его собственника. Еще рынок может быть представлен как экономическое и географическое пространство, на котором происходит процесс товарного обращения, обмена товаров на деньги и, соответственно, денег на товары. Под рынком понимают также механизм, сводящий вместе продавцов и покупателей. Если обратиться к научной литературе советского периода, то нетрудно заметить, что понятие «рынок труда» не употреблялось, использовались такие понятия, как «трудовые ресурсы», «трудоспособное население», «экономически активное население», «рынок рабочей силы»¹.

Полная занятость предполагала достаточность рабочих мест для экономически активного населения и обеспечивалась, как правило, автоматически, поскольку наращивание производственного потенциала и соответственно числа рабочих мест длительное время превышало прирост трудовых ресурсов, а отсутствие безработицы выдавалось за реально ощущаемое преимущество советской экономики. Роль профессионального труда была гипертрофирована в ущерб другим социально важным сферам общественно-полезной деятельности: учебе, отдыху, ведению домашнего хозяйства и т.п. Многие отрасли народного хозяйства оставались сферами с преобладанием ручного малоквалифицированного труда. Следствием этого стало сохранение огромной армии работников физического труда, возник дисбаланс рабочих мест и трудовых ресурсов.

В современной российской общественной практике понятие *рынок труда* трактуется как совокупность экономических отношений по поводу спроса и предложения рабочей силы, в которые вступают, прежде всего, основные контрагенты: работодатели и лица, желающие стать наемными работниками. Это определяет основную конъюнктуру конкретного регионального рынка труда, на которую, кроме того, влияет государственная политика на рынке труда². Под «рынком труда» понимается сфера формирования спроса и предложения на рабочую силу, где последняя является товаром, имеет цену, и через рынок труда осуществляется ее продажа на определенный срок. Иными словами, это прежде всего система общественных отношений, связанных с наймом и предложением труда, т.е. его куплей-продажей; это также экономическое пространство – сфера трудоустройства, в которой взаимодействуют покупатели и продавцы специфического товара – труда; наконец, это механизм, обеспечивающий согласование цены и условий труда между работодателями и наемными работниками.

Рынок труда не существует изолированно от рынка товаров, услуг, потребления, жилья и пр., он подчиняется определенным правилам и законам, имеет свои пределы. Труд, становясь товаром в условиях развитой экономики, является объектом купли-продажи на рынке труда, но как товар отличается от других товаров тем, что его носителем является конкретный индивид – собственник своей способности к труду, которую он предлагает по законам и правилам конкретного рынка труда.

Югорский край причудливо соединяет в себе геополитические черты трех основных районов России: Урала, Сибири и Крайнего Севера. Специфику Югры, входящей в Уральский федеральный округ, обуславливающую развитие социально-экономических процессов, образ и уровень жизни людей, его культуру, социальное самочувствие и общественное самосознание, можно изучать, учитывая воздействие трех основных сравнительно самостоятельных факторов: а) фактор историко-технологической молодости; б) фактор социально-экономического благополучия; в) фактор природно-географической и этнической уникальности. Попытаемся хотя бы вкратце реализовать такой подход³.

Кроме новых городов в групповой системе расселения для северных территорий характерны также рабочие поселки городского типа с относительно постоянным населением, имеющие устойчивую экономическую базу и часто перерастающие в города. Иногда они формируются как спутники базовых городов, организационно-хозяйственных центров. Кроме того, типичными для суровых северных условий являлись постоянные поселки со сменным населением – вахтовые поселки нефтяников, геологов, газовиков, строителей, работающих по вахтовому или вахтово-экспедиционному методам.

Интерес к малоисследованным территориям был обусловлен, прежде всего, объективными причинами: повышением потребностей общественного производства, давлением на ресурсный потенциал в обжитых районах, а также несоответствием между территориальным размещением природных ресурсов, населения и промышленного производства.

Освоение таких территорий невозможно без реализации крупных инфраструктурных проектов, в том числе транспортных коридоров, сооружения объектов энергетики, строительства новых населенных пунктов, развития социальной инфраструктуры. В централизованной экономике, где все финансовые потоки концентрировались в руках государства, механизм освоения таких территорий опирался на плановое распределение ресурсов в рамках необходимости развития тех или иных регионов. При этом в рамках существующей модели экономики была создана мощная научная база по методам, схемам, последовательности и срокам освоения таких территорий. Во второй половине XX века были реализованы несколько крупных проектов, таких как: Байкало-Амурская магистраль, Западно-Сибирский промышленный узел, Норильский транспортно-промышленный комплекс и т.д., которые до последнего времени позволяли России устойчиво развиваться, используя существующую транспортно-промышленную и социальную инфраструктуру. Бурный экономический рост, истощение существующих сырьевых ресурсов привели к осознанию того, что

¹ Управление трудовыми ресурсами: справочное пособие. – М., 1987. – С. 4–21.

² Социальная энциклопедия / Под ред. А.П. Горкина, Г.Н. Кареловой и др. – М., 2000. – С. 311.

³ Татаркин А.И., Павлов Б.С. Социально-экономические оценки и жизненные планы населения в условиях промышленного освоения северных территорий России. – М.: Экономика, 2007. – 272 с.

без развития новых территориально-производственных комплексов невозможно поддержание конкурентоспособности России на долгосрочную перспективу. Как результат, в начале XXI века проектировались и реализовывались несколько инфраструктурных проектов, в своей основе нацеленных на расширение уже существовавшей экономической базы страны.

В то же время для новых рыночных условий хозяйствования до начала 2000-х не была отработана система принятия решений о подготовке и реализации тех или иных крупных народнохозяйственных проектов. В силу этого росло понимание необходимости создания научно обоснованной концепции развития новых (малоисследованных) территорий на основе интеграции возможностей государства и частного капитала (ГЧП), определения источников финансирования и формирования единой методологии оценки эффективности освоения подобных территорий. Данная концепция развития должна была основываться на комплексном подходе к развитию территорий, опираться на всестороннюю оценку эффективности и меры по нейтрализации возможных негативных последствий при реализации проектов, а также предусматривать формирование схем и алгоритма рационального освоения территорий с учетом производственных, социальных, экологических, институциональных особенностей развития регионов. Широкий круг затрагиваемых вопросов, сопутствующих созданию такой концепции, а также масштабность поставленной задачи определяют необходимость привлечения специалистов из различных отраслей и сфер деятельности.

2. Безработица на Крайнем Севере Урала: это добро или зло при переходе на рыночные отношения

Рынок труда способен порождать в обществе самые сложные социальные проблемы (бедность, безработицу, инфляцию), социальную напряженность (митинги, демонстрации протеста, забастовки и т.п.), но сам по себе он не способен решить эти проблемы и вынуждает общество создавать соответствующую систему, организующую их решение: содействие занятости, содержание безработных, помощь семьям, оказавшимся за чертой бедности, разработка законодательства.

Далее в статье будут рассмотрены некоторые аспекты взаимоотношений основных акторов региональных рынков труда Уральского Севера в контексте общего развития рыночных отношений в других регионах РФ в 90-е годы.

Состояние человеческого потенциала, его сохранение и воспроизводство в значительной степени обусловлены характером и уровнем занятости, наличием рабочих мест, их динамикой и социальным потенциалом, а также функционированием службы трудоустройства и профессиональной переподготовки. Поэтому, как справедливо считает А.А. Гордиенко, при формировании политики социального партнерства, ориентированной на восстановление и развитие человеческого потенциала, необходимо уделить большое внимание механизму взаимодействия всех связанных с этой проблемой субъектов – органов власти, работодателей, государственной службы занятости, образовательных учреждений, профсоюзов и средств массовой информации¹.

Как известно, труд горожан в общественном производстве был и остается основой их личного социального благополучия, гарантом личной и семейной социально-экономической безопасности. Индикатором благополучия (или неблагополучия) индивида в сфере труда может служить его социально-экономическое самочувствие на рынке труда, в частности, степень его уверенности в гарантии трудоустройства. Одновременно социально-экономическое самочувствие работника на рынке труда – это и основной фактор, детерминирующий его поведение на этом рынке, его готовность к сотрудничеству или конфронтации с другими субъектами (теми же работодателями) и партнерами трудовых отношений. «Испытываете ли Вы беспокойство, страх стать в будущем безработным?» – на этот вопрос в конце 90-х. отвечали 1360 респондентов из пяти регионов РФ (опрос «*Семья РФ-1999*»). Результаты их ответов представлены на рис. 1 (% от общего числа опрошенных по каждому региону).

Как следует из полученных нами данных, лишь каждый пятый (из числа опрошенных) россиян к началу нового тысячелетия был уверен в том, что он не потеряет своего места работы (19%). Наибольшие опасения относительно стабильности личной трудоустроенности испытывали надымчане – 52% из них прямо опасались потери работы и 35% – опасались отчасти. Оценка такого, сравнительно нового для российской экономики явления, как безработица, не столь однозначна. Мнения порой противоположны: в представлении одних – это несомненное «социальное зло», в оценках других – определенное «благо» для повышения эффективности экономики.

Своеобразной «лакмусовой бумажкой», сигнализирующей о состоянии регионального рынка труда (степени его благополучия), в настоящее время являются показатели *безработицы*. Отношение численности безработных к числу вакансий представляло собой т.н. коэффициент напряженности рынка труда. В начале 1997 г. в целом по РФ он составлял в среднем 10 при значительном разбросе по регионам РФ: от 460 в Ингушетии до 1 в Москве, где спрос и предложение на рынке труда в количественном аспекте находились в равновесии².

Уровень безработицы в ХМАО-Югре, рассчитанный как отношение численности безработных к численности экономически активного населения, в 2001 г. составлял 2% (в 2000 г. – 2%). На 1 января 2002 г. численность экономически активного населения округа составила (по оценке) 868 тыс. чел., или 62 % от общей численности постоянного населения округа. Из них 84% (728 тыс. чел.) заняты в экономике; 16% (139 тыс. чел.) не имели занятия, но активно его искали и, в соответствии с методологией Международной организации труда, квалифицировались как безработные.

¹ Работодатель, государственная служба занятости – партнеры на рынке труда: Проблемы и решения: Материалы научно-практической конференции в рамках Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». – Новосибирск: ФГСЗ по НСО, 1999. – С. 54.

² Социальная энциклопедия / Под ред. А.П. Горкина, Г.Н. Кареловой и др. – М., 2000. – С. 314.

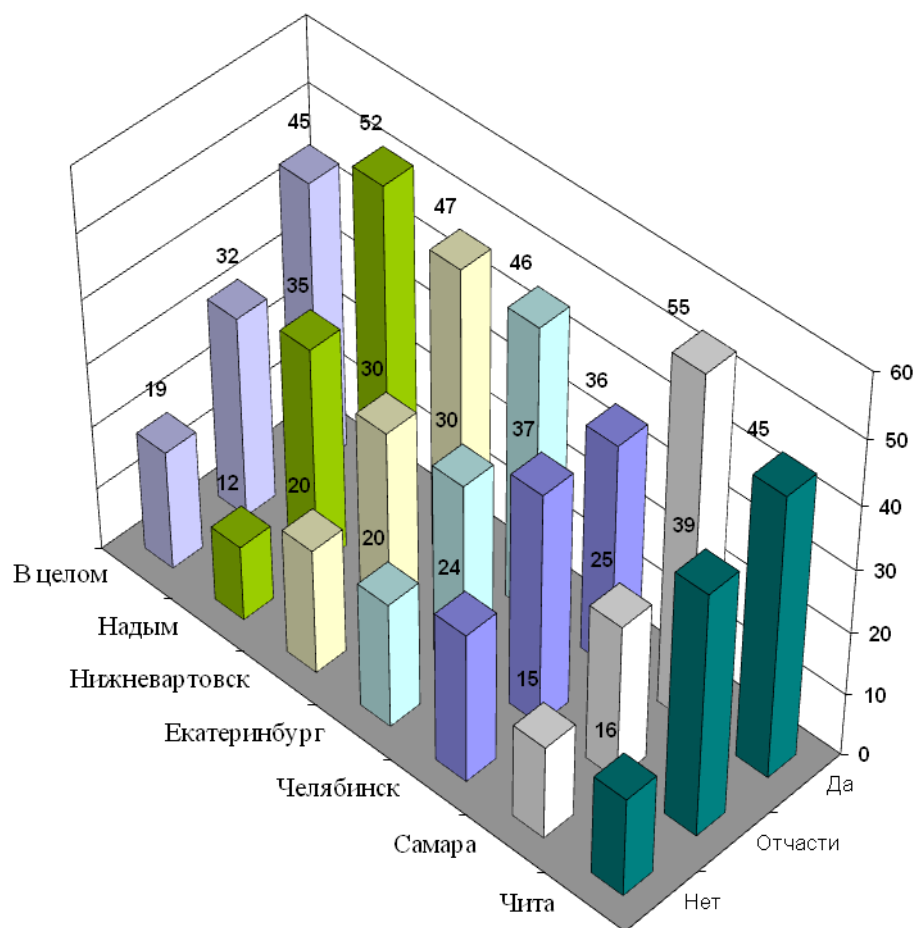

Рисунок 1.

Доли горожан, испытывающих беспокойство, страх стать в будущем безработными, %

Численность официально зарегистрированных безработных на конец 2001 г. составила 15 057 чел. Абсолютный прирост числа безработных составил 1810 чел. (в 2000 г. – (–6793 чел.). Численность требуемых работников, заявленная предприятиями округа в органы службы занятости, составила 5417 чел. (на 1.01.2001 г. – 11 409 чел.).

Коэффициент напряженности (численность незанятых граждан, зарегистрированных в службе занятости, в расчете на 1 свободное рабочее место, вакансию) в ХМАО составил 3,0 (на 1.01.2001 г. – 1,6). В целом в округе на протяжении 2000–2001 гг. «выбытие работников» с предприятий полностью компенсировалось «приемом». Так, коэффициент возмещения (ротация) выбывших работников вновь принятыми составил в 2000 г. 159% , в 2001 г. – 122%. Показатель ротации работников на предприятиях Ханты-Мансийского округа свидетельствовал о заполнении вакантных рабочих мест и о создании, правда, в ограниченном количестве (2000 г. – 64, 2001 г. – 198), дополнительных рабочих мест¹. Динамика численности безработных в ХМАО на начало 2003 г. представлена на рис. 2.

1) В 2001 г. в районе произошел прирост среднесписочной численности работников относительно предыдущего года в промышленности на 29% и в геологии – на 20%. Наблюдался *рост числа работающих на крупных и средних предприятиях района* – в 2000 г. на 10% и в 2001 г. относительно 2000 г. – на 16%. Наряду с этим произошел значительный *отток работающих в сельском хозяйстве* – с 476 до 246 работающих, или более чем на 49%. Приведенные цифры наглядно свидетельствовали о «перетоке» рабочей силы с сельскохозяйственных предприятий на предприятия промышленности. Нельзя не обратиться к истории: в 1945 г. в районе функционировали 4 птицеводческие фермы, 12 звероводческих, 128 животноводческих. Сельскохозяйственные предприятия существенно влияли на экономику района.

Наибольшая численность безработных зарегистрирована на 01.06.2002 г. в Горноправдинской – 350 чел., или 8% от трудоспособного населения, Луговской – 113 чел., или 9%, Сибирской – 110 чел., или 17%, Тюлинской – 105 чел., или 22% от трудоспособного населения, территориях. Прирост численности безработных в течение 2002 г. наблюдался в преобладающем большинстве административных образований района. Исключение составляли Базьяновская территория, где численность безработных оставалась без изменений, и Назымская, где численность безработных с начала года снизилась с 27 до 24 чел. Существенное увеличение числа безработных отмечалось в Горноправдинской территории (+84 чел.), Луговской (+30 чел.), Цингалинской (+30 чел.) и Тюлинской (+29 чел.).

¹ Зборовский Г.Е. Образование: от 20 к 21 веку. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2000. – С. 3.

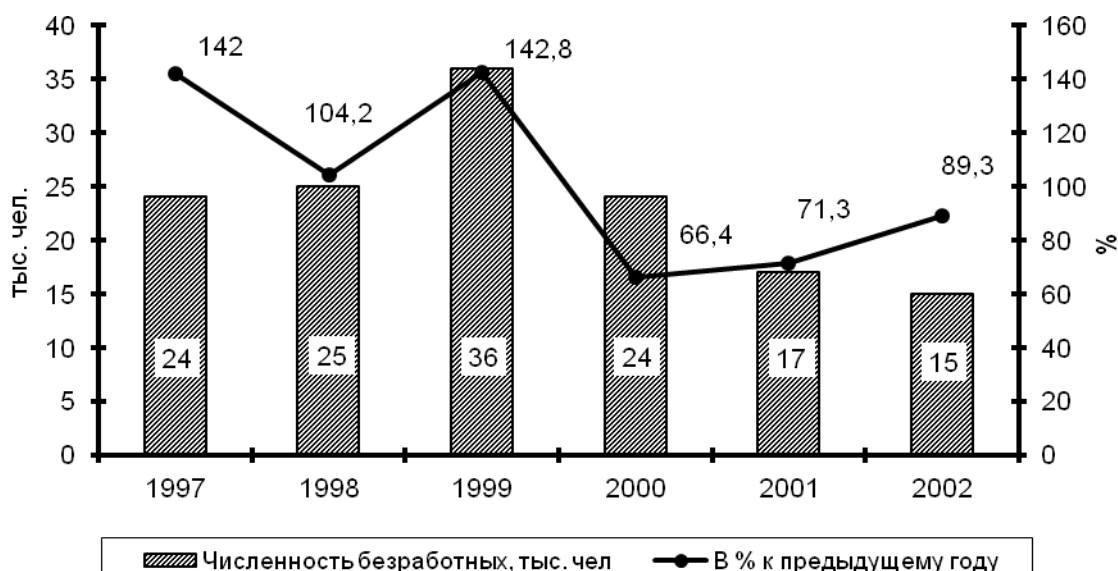

Рисунок 2.
Динамика численности безработных в ХМАО на начало 2003 г.

* * *

Безработица: это – добро или зло? Об отношении россиян к частичной трудоузанности как социально-экономическому явлению, существование которого связывается обычно с рыночными отношениями, можно судить по результатам исследования «Труд-ХМАО-2003». Жители Югры (% от общего числа опрошенных – 580 чел.) считали, что безработица это:

– несомненное зло, с которым нужно бороться	51
– неизбежное зло в условиях рынка, к нему нужно привыкать, избавляясь от наиболее негативных последствий	26
– небольшая безработица нужна для создания более эффективной экономики	16

Более «лояльны» к факту наличия определенного уровня безработицы руководители предприятий и кадровых служб (эксперты – «Э») и специалисты служб занятости («С»). Вопрос в анкетах («Труд-ХМАО-2003»), на который им предлагалось ответить, формулировался следующим образом: «Существует мнение, что небольшой уровень безработицы «полезен» для развития производства, повышения производительности труда. Вы согласны с таким мнением?». Ниже приводятся ответы этих двух групп респондентов (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе «Э» – 110 чел.; в знаменателе «С» – 60 чел.):

– безработица недопустима	39 / 37
– в небольшом количестве безработица полезна	49 / 61
– чем больше безработицы, тем лучше	3 / 2
– затруднились ответить	8 / -

Небезынтересны и мнения респондентов по поводу социальных последствий, с которыми связано появление и расширение явления безработицы в северном городе. «Вне зависимости от того, какую Вы дали оценку явлению «безработицы», прочтите доводы «за» и «против», отметьте те, с которыми Вы согласны» – на эту просьбу откликнулись почти 95% посетителей служб занятости, заполнивших анкеты в опросе «Труд-ХМАО-2003». В табл. 1 представлены их мнения по этому поводу.

Таблица 1

Возможные последствия безработицы (% от общего числа респондентов – 580 чел.).

НЕГАТИВНЫЕ	%	ПОЗИТИВНЫЕ	%
Превращение людей в изгоев общества	21	Повышение социальной активности населения	25
Усиление социальной дифференциации и неравенства	32	Создание «здоровой» конкуренции в обществе	24
Порождает условия для кризиса семьи	59	Улучшение дисциплины, организованности людей	29
Рост пьянства, наркомании, асоциального поведения	43	Стимулирование развития перспективных отраслей экономики	11
Понижение уровня жизни и социальных потребностей населения	46	Помощь в распределении трудовых ресурсов в соответствии с потребностями рынка труда	32

* * *

Патерналистская идеология государства, довлевшая над общественным сознанием российского общества в XX в., не могла не оставить своих глубоких следов. «Как Вы считаете, почему многие россияне, в том числе уральцы, остаются без достаточных средств существования (в семье) и вынуждены просить (ждать) помощи от кого-либо

(государства, городских властей, руководителей предприятий, спонсоров и т.д.), а не обеспечивать себя, свою семью самим, своими силами?» – мнения двух групп респондентов по этому вопросу в исследовании «Труд-ХМАО-2003» распределились следующим образом(% от общего числа опрошенных в каждой группе; в числителе – группа «П», в знаменателе – «Э»):

– виноваты, прежде всего, сами: не побеспокоились, не заработали	24 / 41
– виновато, прежде всего, государство, власти	53 / 45
– винить нужно судьбу, жизненные обстоятельства	15 / 11
– другие причины	6 / 3

В одном из опросов, реализованных социологами Института экономики УрО РАН (г. Нижний Тагил, опрошено 2 тыс. взрослых горожан – «Тагил-2000»), выяснялся вопрос, касающийся прожективных планов работающих тагильчан относительно их основной работы. Вопрос в анкете был сформулирован так: «Если положение дел на Вашем предприятии, в учреждении ухудшится, что Вы сделаете в первую очередь?». Респондент мог выбрать только один вариант из шести предложенных в анкете. Распределение ответов респондентов по шести выделенным вариантам поведения (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – мужчины, в знаменателе – женщины):

– буду искать дополнительный приработок	24 / 18
– потерплю до лучших времен	15 / 23
– буду искать другое место работы	18 / 17
– постараюсь работать лучше, больше	15 / 8
– приму участие в акциях протеста (митингах, в забастовках)	3 / 2

Ответы тагильчан относительно своего поведения в случае прожективной неблагоприятной ситуации на предприятии, где они трудятся, свидетельствовали, прежде всего, о высокой степени законопослушности и терпеливости рабочих и специалистов этого уникального промышленного города Среднего Урала. Лишь 2% респондентов в случае резкого ухудшения дел на предприятии были готовы принять участие в акциях протеста: в пикетах, на митингах, в забастовках. Такую форму поведения исключают совсем строители, врачи, учителя, работники легкой промышленности. Наиболее приемлемой формой поведения в экстремальной производственно-экономической ситуации на предприятии тагильчане считали поиск дополнительных заработков (29%) или поиск нового места работы (17%).

3. Феномен межрегиональной миграция на Севере: симбиоз социально-экономической пользы и неудобств

Одним из эффективных средств социальной самозащиты населения в условиях неполной занятости является межпроизводственная и межрегиональная миграция отдельных работников, социально-этнических групп.

Миграционный процесс 90-х годов, в отличие от предшествующего советского периода, подразделялся на *трудоовую, вынужденную и нелегальную* миграцию. В статистике учитываются две первые формы миграции. В отношении третьей имеется лишь оценка экспертов, так как зачастую ее сложно учесть, особенно в средних и крупных населенных пунктах. Попытаемся кратко охарактеризовать различные составляющие миграционных потоков рабочей силы в ХМАО на переломе XX–XXI веков. В рамках трудовой миграции особое место занимал межрегиональный *вахтовый метод работы*, который в современных условиях в связи с распадом СССР стал международным. Вахтовый метод традиционно являлся особенностью освоения северных территорий. Условия его применения на Севере были источником научных дискуссий в советский период. Необходимость его использования в виде привлечения иностранной рабочей силы в настоящее время обусловлена как сложившимися в доперестроечный период экономическими связями, так и отсутствием квалифицированной рабочей силы в муниципальных образованиях, несмотря на фактический избыток трудовых ресурсов. По данным специалистов Института экономики УрО РАН, в 90-е годы сложившийся рынок труда отличался несоответствием спроса и предложения рабочей силы. Данный факт – это объективная реальность для ХМАО и северных территорий России, являющаяся наследием советского времени, когда профессиональной подготовке квалифицированных кадров на Севере не уделялось должного внимания. Экономия на объектах социальной сферы, особенно жилья, способствовала формированию хозяйственной политики, основанной на привлечении рабочей силы со стороны межрегиональным вахтовым методом. Вместе с тем увеличение постоянного населения в округе ставило на повестку дня обеспечение работой местных трудовых ресурсов. Но объективная экономическая ситуация, сложившаяся в рыночный период, препятствовала данному процессу. Несмотря на рост безработицы в этом социально благополучном регионе России, работодатели, для того, чтобы повысить эффективность производства, были вынуждены привлекать рабочую силу со стороны.

О том, насколько широко использовался в рассматриваемый период вахтовый способ организации труда, и о тенденциях в этой части трансформации ситуации на северных рынках труда можно судить хотя бы по численности работающих, занятых вахтовым методом в МО г. Нягань, представленной в табл. 2¹.

¹ Логинов В.Г. Особенности развития северных регионов сырьевой ориентации // Экономика региона. 2008. – № 4.

Численность работающих вахтовым методом в МО «Нягань», чел.

Отрасль экономики	1987 г.	1989 г.	1995 г.	2003 г.
Всего	1813	5708	3466	1226
Промышленность	897	4369	1729	471
Строительство	60	838	51	300
Геология, бурение	74	176	554	455
Прочие отрасли	62	325	1089	–

Местные трудовые ресурсы, привыкшие получать зарплату, где высокую долю занимали северный коэффициент и северные надбавки, не смогли в изменившихся условиях адекватно среагировать на потребность рынка труда. В первоначальный период, когда были высокие пособия по безработице, некоторые из них стали профессиональными безработными, при этом теряя, а не повышая приобретенный уровень квалификации. В изменившихся экономических условиях они оказались, с одной стороны, не востребованы в качестве рабочей силы, с другой стороны, условия труда и зарплаты их уже не могли устроить.

Хотя в 90-е годы численность вахтовиков на Крайнем Севере (в том числе в ХМАО) снизилась, тем не менее, они составляют значительный удельный вес в профилирующих отраслях хозяйства. Основную потребность в привлечении рабочей силы со стороны требуют отрасли специализации хозяйства муниципальных образований: нефтяная промышленность и строительство. География иностранной рабочей силы (ИРС) представлена странами СНГ, где ведущее место принадлежало Украине. Интерес работодателей к ИРС был связан с тем, что этот источник трудовых ресурсов позволял экономить на затратах на рабочую силу, так как выходцам из СНГ платилась более низкая зарплата, чем местным рабочим. Помимо этого, использование ИРС было связано с меньшими затратами работодателей на создание и функционирование объектов социальной сферы.

Вместе с тем, как показало наше исследование, мнение специалистов кадровых служб и предпринимателей ряда городов ХМАО в оценке эффективности вахтового метода труда в северных условиях и в начале 2000-х было весьма проблематично.

Как свидетельствует государственная статистика, существенную долю российского рынка труда составляет неформальный сектор экономики. Во второй половине 90-х годов численность граждан в России, для которых неформальная занятость являлась единственной, составляла 7 млн чел., а общие масштабы неформальной занятости оценивались в размере 10-12 млн чел. Наиболее важная социально-экономическая функция неформального сектора экономики состояла в том, что он, с одной стороны, компенсировал последствия сокращения занятости в формальном секторе, с другой – давал части россиян возможность иметь дополнительный заработок, смягчая тем самым социальное напряжение в обществе. В то же время неформальный сектор экономики оказывал отрицательное воздействие на собираемость налогов и другие экономические показатели¹. В условиях ХМАО значительную долю субъектов партнерских отношений на региональных рынках труда составляли т.н. «нелегалы», т.е. мигранты, не имевшие российского гражданства. Ежегодно (особенно в летний и осенний периоды) наблюдался приток нелегальной рабочей силы из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана. Нелегальная миграция в ХМАО, по оценкам специалистов ИЭ УрО РАН, на порядок выше легальной. Так, в МО «г. Нягань», по информации городского центра занятости, в 2002 г. в паспортно-визовой службе (ПВС) было зарегистрировано около 1800 иностранных граждан, прибывших на территорию МО нелегально. В первом полугодии 2002 г. административную ответственность понесли 2800 иностранных граждан. На 1.01.2003 г. в ПВС зарегистрировано свыше 2200 нелегально прибывших граждан. Процесс их привлечения обычно шел по цепочке землячеств к их соотечественникам, легально осевшим в городе. В результате этого возникали локальные участки, где жили этнически однородные мигранты, образовывались довольно жесткие диаспоры со своими обычаями².

Нелегальные мигранты использовались преимущественно в качестве дешевой рабочей силы. Их использовали обычно на рабочих местах, малопривлекательных для местных жителей, которые не требовали высокой квалификации: дорожные, земляные, подсобные работы, озеленение и др. В связи с тем, что такая работа носила, как правило, сезонный характер, нелегальная миграция также была сезонная и не превышала 3-6-месячный период. Данная группа мигрантов была социально не защищена и подвергалась дискриминации со стороны работодателей. Это касалось всех аспектов: занятости, зарплаты, социальных выплат и льгот.

«Как Вы оцените экономическую эффективность использования таких мигрантов в качестве рабочей силы на Вашем предприятии, в Вашем городе?». В ответах на этот вопрос эксперты из ХМАО («Труд-ХМАО-2003») были практически единодушны (% от общего числа опрошенных – 110 чел.):

– высокая	8
– не очень высокая	8
– низкая	77
– затруднились ответить	7

¹ Концепция действий на рынке труда на 2003–2005 годы. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2003 г. № 568-р.

² Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: Экономика, 2009. – 436 с.

«А какова социальная целесообразность использования таких мигрантов на производстве с позиций обеспечения социальной безопасности и стабильности развития городского сообщества, спокойствия местного населения?» – в ответах на этот вопрос мнения экспертов по поводу трудоустройства «незаконных мигрантов» были еще более категоричны (% от общего числа респондентов):

– вполне оправданна и допустима	–
– допустима, но при определённых условиях	32
– недопустима	52
– затруднились ответить	16

Подобный нигилизм работодателей по поводу иностранных «незаконных» мигрантов будет более понятен, если учесть, что подобная миграция способствовала экстенсивному распространению среди северян (да и не только среди них) различного рода социальных болезней. Известно, что часть мигрантов жила здесь длительный срок. Это группа, занятая на продовольственных рынках, ее представители не имели регистрации, являлись одним из «удобных» каналов поступления наркотиков и одним из источников криминалитета¹.

Анализируя структуру рынков труда в северных поселениях ХМАО и ЯНАО, следует учитывать еще одну группу мигрантов в городе – это вынужденные переселенцы, к которым относится русскоязычное население, прибывавшее сюда из Казахстана, республик Средней Азии и Кавказа. Статистика их фиксирует с 1994 г. Вынужденная миграция является одним из факторов формирования трудовых ресурсов региона. Главная их особенность состоит не в количественной стороне, а в качестве рабочей силы. Это, как правило, представители русскоязычного населения из Казахстана и бывших республик Средней Азии. Привлекательность территории округа и отдельных МО для мигрантов обуславливает разработку миграционной политики, содержащей общие для России ориентиры и специфику миграционной сферы ХМАО.

В апреле 2003 г. Управление внутренних дел Ханты-Мансийского автономного округа обратилось в Правительство Югры с просьбой выделить 5 млн руб. для депортации или административного выдворения за пределы округа граждан, в том числе иностранцев, грубо нарушающих условия пребывания. Представители силовых структур были готовы депортировать 4050 чел., из них 300 чел. – из столицы округа Ханты-Мансийска. За 2002 г. на территории автономного округа в организациях, имеющих разрешение на использование иностранной и иногородней рабочей силы, были зарегистрированы 154 тыс. мигрантов. Из них 58 тыс. – представители иностранных государств: Таджикистана, Украины, Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Турции. Остальные 96 тыс. мигрантов приехали в округ из разных уголков России, но в основном это выходцы Дагестана, Ингушетии, Чечни. Незаконная миграция значительно усугубляет криминогенную обстановку в округе. Основу преступлений, которые совершаются приезжими, составляют незаконный оборот наркотиков, мошенничество, грабежи, убийства, причинение вреда здоровью. Правоохранительными органами уже зафиксированы факты нелестных высказываний со стороны гостей в адрес местных жителей. Реальное количество мигрантов, находящихся на территории автономного округа, по оценкам правоохранительных органов, превышало официальные показатели практически в два раза.

4. Городские службы занятости как важные сегменты социальной защиты населения Югры в 90-е годы

Важно осознавать, что семья не обречена на то, чтобы *лишь адаптироваться к изменяющимся историческим условиям*, к укладу жизни и социальному порядку, то есть выступать лишь в качестве пассивного объекта социальной (семейной) политики государства, регионального сообщества. Голосуя «за» и приветствуя патерналистскую деятельность государства, важно следить за тем, чтобы социальная политика и социальная защита не насаждали иждивенчества. Речь должна идти не только и не столько о помощи и поддержке, а о создании условий для повышения социальной и трудовой активности значительной части бедных, с тем чтобы они сами могли помочь себе. Необходимость этого особенно актуальна в ситуации, когда некоторое оживление российской экономики не ведет к сколько-нибудь существенному расширению возможностей государства в оказании социальной помощи и поддержке всем нуждающимся в ней. В этой связи особенно важна строгая адресность мер по социальной защите, чтобы последняя была ориентирована на наиболее уязвимые слои населения, на тех, кто не в состоянии сам себе помочь, по меньшей мере, в данное время.

Имеются три основных фактора актуальности *феномена длительной безработицы* в районе:

- сокращение числа безработных, не имеющих работы более года, позволяет стабилизировать уровень безработицы и сокращать ее объем;
- для длительно безработного предстоящий период поиска работы осложняется и растягивается на многие десятки недель, а это означает дополнительные бесперспективные расходы на выплату пособий и материальной помощи;
- длительно безработные сталкиваются с серьезными препятствиями и в случае возвращения их в трудовую сферу, так как у них формируется менталитет «профессионального безработного».

¹ Павлов Б.С., Анисимов С.А. Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН; Физико-технологический институт Уральского федерального университета. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 603 с.

На вопрос: «Что, в первую очередь, затрудняет получение Вами работы?» ответы посетителей служб занятости («Труд-ХМАО-2003») распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждой группе: в числителе – мужчины, в знаменателе – женщины):

Причины затруднений при поиске работы

– отсутствие вакансий по специальности	56 / 44
– отсутствие достаточной информации о местах работы	17 / 23
– отсутствие специального образования	7 / 17
– возраст (предпенсионный)	13 / 9
– состояние здоровья, личные обстоятельства	6 / 8
– недостаточная личная активность в поиске работы	4 / 9
– другие причины	2 / 10
– затруднились ответить	6 / 4

Помимо факторов и обстоятельств, связанных с личностными и профессиональными качествами претендентов на рабочие места, максимальную длительность периода безработицы можно объяснить, по-видимому, ориентацией большей части специальных мероприятий службы занятости на краткосрочную безработицу¹. По всей вероятности, необходимо ориентировать деятельность как службы занятости, так и поселковых администраций на развитие в районе долгосрочной программы общественных работ и усиление работы по оказанию населению профориентационных услуг.

Гражданское общество в России в 90-е годы представляло собой далеко ещё не завершённый демократический проект, развитие которого тормозилось самим состоянием российского общества в тот период – его социокультурной средой (в частности, «чрезмерного» патернализма, традиционности и т.д.), неразвитостью социальной структуры, в которой в весьма зачаточном состоянии был представлен так называемый средний класс, нищетой и материальной обездоленностью значительной части населения, социально-нравственной деградацией его жизни, характером власти (стремление к монополизации, к несменяемости, закрытости).

В исследовании «Труд-ХМАО-2003» была предпринята попытка выявить уровень претензий посетителей городских служб занятости Югры к оплате труда. Сформировавшиеся высокие запросы относительно уровня желаемой оплаты труда и отсутствие возможностей в реализации таковых – одна из основных причин возникновения ситуации на региональных рынках труда ХМАО, при которой, несмотря на избыток трудовых ресурсов (более 4 тыс. чел. занимались поиском работы), приходилось привлекать около 2 тыс. работников за счет иностранной рабочей силы, более половины которой (61%) работали вахтовым методом. Привлечение иностранных работников связано с нехваткой местных квалифицированных кадров как рабочих профессий, так и инженерно-технических работников. Наибольшая потребность промышленных предприятий – в бурильщиках, водителях специальной техники, машинистах, сварщиках; в строительстве – в каменщиках, плиточниках, штукатурах высоких разрядов².

Особый аспект рассматриваемой проблемы – городские службы занятости населения как своеобразные модераторы процессов социального партнёрства на региональных рынках труда. Коротко остановимся на характеристике клиентов городской службы занятости, ибо именно состав обратившихся в ЦЗН граждан и определяет (или, по крайней мере, должен определять) выбор приоритетных направлений активной политики, реализуемой муниципальными центрами занятости. Как показал проведенный нами анализ, в зависимости от ситуации, складывающейся в социально-экономической жизни Ханты-Мансийского района ХМАО, изменялся качественный состав клиентов ЦЗН и, соответственно, их требования к подбору рабочего места. В 2000 г. среди лиц, обратившихся за содействием в трудоустройстве, только 23% работали ранее по рабочим профессиям, 3% – на должности служащего, а 74% (1802 чел.) – это люди, ранее не работавшие, ищущие работу впервые. В 2001 г. соотношение этих трех категорий ищущих работу существенно изменилось: 38% ранее работали по рабочим специальностям; 14% – на должности служащего; 53% – ранее не работали и искали работу впервые.

Среди впервые обратившихся в службы занятости в 2000 г. в подавляющем большинстве (94%) были подростки в возрасте 14–17 лет, желающие работать в свободное от учебы время. Удельный вес несовершеннолетних подростков в 2001 г. среди клиентов службы занятости составил 45%, а в первом квартале 2002 г. – лишь 3%. Доля такой категории клиентов, как высвобожденные работники, в первом квартале 2002 г. составила 21%, а их численность (84 чел.) почти вдвое превысила ту, что была зарегистрирована в 2001 г. (43 чел. – 2%).

Попытаемся прорисовать хотя бы в общих чертах социальный портрет и причины незанятости безработных граждан Ханты-Мансийского района. «Уволившиеся по собственному желанию» и по этой причине ставшие безработными среди зарегистрированных в ЦЗН на 01.06.2002 г. имели наибольший удельный вес – 38%. В таких территориях района, как Нялинская, Селияровская, Шапшинская, Урманная, удельный вес уволившихся по собственному желанию среди зарегистрированных безработных значительно превышал районный показатель и составлял соответственно 61; 60; 58; 51%.

Высвобожденные в связи с сокращением численности или штатов работники составляли на начало 2002 г. 13% среди безработных, состоящих на учете в районном центре занятости. Следует отметить, что доля этой категории, по

¹ Икингрин Е.Н. Особенности социальной защиты населения северных городов в условиях трансформации общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Уфа, 2000.

² Логинов В.Г. Особенности развития северных регионов сырьевой ориентации // Экономика региона. 2008. – № 4.

данным центра занятости, ежегодно колеблется и полностью зависит от процессов, происходящих на предприятиях района. Так, в 2000 г. она составляла 11%, в 2000 г. – 6%. Наибольший удельный вес высвобожденных среди безработных отмечен в 2002 г. на Троицкой (41%), Елизаровской (33%), Цингалинской (27%), Тюлинской (25%) территориях.

А какова была потребность трудоспособного населения ХМАО в тот период в получении достаточного (для своей конкурентоспособности на региональном рынке труда) профессионального обучения. Посетителям служб занятости и предпринимателям ряда городов ХМАО задавались два вопроса (в числителе посетители служб занятости – 580 чел.; в знаменателе – предприниматели – 110 чел.):

1. «Какое образование Вы считаете достаточным для того, чтобы быть уверенным в нахождении места работы с «приличным заработком?»; %	
Чтобы в нашем городе найти хорошую работу, необходимо закончить:	%
вуз	66 / 81
техникум	10 / 8
ПТУ	22 / 1
не более 11-ти кл.	1 / -
в нашем городе хорошую работу можно найти и не имея особого образования	17 / 10
2. «Как Вы считаете, что является определяющим в получении образования в вашем городе?»; N= 110 чел.; %:	
материальное положение семьи	– 83
собственные трудолюбие и настойчивость молодых людей	– 40
наличие образовательных учреждений в городе	– 35
уровень образования родителей	– 19
связи семьи, знакомства	– 14
наличие квартиры либо родственников или знакомых в городах с большим количеством образовательных учреждений (в Нижневартовске, Тюмени и т.д.)	– 9
общественное положение семьи	– 9
хорошее здоровье	– 8
«Труд-ХМАО-2003»	

* * *

Доля выпускников различных учебных заведений среди безработных, зарегистрированных в районном центре занятости, по состоянию на 01.06.2002 г. составляла 6% (против 2% в 2000 г. и 1% в 2001 г.). Проблема безработицы среди выпускников различных учебных заведений наиболее актуальна на Луговской (8,8%), Горноправдинской и Шапшинской (по 8%) территориях.

Половозрастной состав безработных. Среди 1045 безработных, зарегистрированных на 01.06.2002 г. в районном центре занятости, почти сложился баланс между мужчинами и женщинами. Женщины незначительно преобладают среди зарегистрированных безработных – 53%. К началу 2001 г. их доля существенно превышала долю мужчин. Они находились в соотношении 64 и 36%. Наиболее актуальной проблема женской безработицы в 2002 г. была на Горноправдинской, Луговской, Цингалинской территориях, где доля женщин среди зарегистрированных безработных составляла соответственно 65; 62; 59%. Проблемы мужской безработицы требовали срочного разрешения на Троицкой территории, где 100% зарегистрированных безработных – мужчины, на Шапшинской и Тюлинской территориях, где доля мужчин среди зарегистрированных безработных составляла соответственно 71 и 65%.

По возрастной характеристике наибольшую группу среди безработных, зарегистрированных на 01.01.2002 г., составляли лица в самом трудоспособном возрасте – от 30 до 45–50 лет (те, кто обладают профессиональными знаниями и необходимым опытом), их доля в общем числе составляла 54%. Молодежь в возрасте 16–29 лет составляла 33%, а доля лиц в предпенсионном возрасте – 13%. Молодежная безработица характерна была в 2002 г. для Шапшинской территории, где в начале года среди зарегистрированных безработных 82% были молодые люди в возрасте 16–29 лет, к началу июня их доля снизилась до 46%. На Согомской территории доля молодежи среди безработных достигла 50%. Наличие проблемы «молодежной безработицы» наглядно показывала необходимость и приоритетность работы по трудоустройству и переподготовке молодежи¹.

Образовательный уровень безработных. Почти половина (47%) безработных, обратившихся в районную службу занятости, не имели начального профессионального образования, из них 27% не имели среднего полного общего образования. Данная категория являлась во многом неконкурентоспособной на рынке труда, и их трудоустройство было практически невозможно (или весьма затруднено) без предварительной подготовки, осуществляемой службой занятости района по программе профессионального обучения безработных. Начальное профессиональное образование имеют 41% от числа зарегистрированных безработных, и только 12% имеют среднее профессиональное и высшее профессиональное образование. Основываясь на анализе образовательного уровня безработных, можно сделать вывод, что в районе сложился дефицит качественной рабочей силы. В перспективе может возникнуть ситуация, называемая «квалификационной петлей» и характеризующаяся разрывом между профессионально-квалификационной структурой спроса на рабочую силу и структурой ее предложения. В итоге даже при благоприятных предпосылках в

¹ Воспроизводство совокупного работника в регионе как тактическая и стратегическая задачи / Ж.П. Александрова, С.А. Анисимов, Л.П. Бердник, Т.П. Бессонова, В.Н. Козлов, О.А. Козлов, Э.Г. Колунина, Н.А. Лоншакова, Б.С. Павлов, В.И. Павлова, В.Г. Попов, Н.И. Разикова, Г.В. Талалаева, А.И. Татаркин; РАН; Урал. отд.-ние. Ин-т экономики; Фонд поддержки стратегических исследований и инвестиций Уральского федерального округа; Уральский государственный технический университет. – Екатеринбург, 2007. – 280 с. (Деп. в ИНИОН РАН 6 авг. 2007 г., № 60360).

развитии экономики района (например, инвестиции в сельскохозяйственную или лесную отрасли), она могла стать сдерживающим фактором экономического роста¹.

Отдельные категории безработных граждан, нуждающиеся в социальной защите. Среди безработных, состоявших на учете в 2002 г. в центре занятости Ханты-Мансийского района, 47% имели несовершеннолетних детей либо детей-инвалидов. В 2000 г. удельный вес данной категории в числе зарегистрированных безработных составлял 56%, в 2001 г. – 54%. Помимо обычной помощи, которую им оказывают службы занятости, эта категория нуждалась в создании особых условий труда. Однако снижение доли этой категории клиентов не привело в 2002 г. к снижению ее абсолютной численности. На начало 2002 г. было зарегистрировано 426 представителей этой категории (к началу июня этого же года их число несколько увеличилось – 490 чел.), при этом их доля в числе безработных, зарегистрированных в середине года, несколько снизилась (с 54 до 47%). Однако в таких территориях, как Базьяновская, Назымская, Селияровская, родители, воспитывающие несовершеннолетних детей или детей-инвалидов, среди зарегистрированных безработных значительно преобладали над другими категориями, и их доля соответственно составляла 71; 71; 63%.

Значительная доля среди безработных (около 30%) приходилась на лиц, имеющих *длительный (более года) перерыв в работе*. Эти люди, как правило, утрачивали свои трудовые навыки и нуждались в предварительной профессиональной переподготовке. Эта категория клиентов службы занятости была характерна для Нялинской, Базьяновской и Цингалинской территорий, где она представлена большинством: соответственно, 65; 57; 56%. Динамика притока в группу безработных и оттока из нее воздействовала не только на объемы незанятости, но и на структурные изменения в продолжительности безработицы. Как отмечалось выше, в 2002 г. наблюдалось резкое снижение оттока из группы безработных граждан, вызванное, прежде всего, отсутствием спроса в районе на рабочую силу, которое неизбежно приводит к повышению уровня безработицы и увеличению ее продолжительности. Со временем, при отсутствии предпосылок для «результативного выхода» (т.е. трудоустройства), многие из ищущих работу были вынуждены оставаться в состоянии безработицы в течение все возрастающего периода времени. Так, например, к концу первого квартала 2002 г. 23%, или 231 чел. из числа безработных района, состояли на учете в службе занятости более года. Среди них 67% – женщины. Следует отметить, что в Ханты-Мансийском районе показатель средней продолжительности периода безработицы в 2002 г. был самым высоким по округу. На протяжении всего 2000 г. он превышал 16 месяцев, по состоянию на 01.01.2001 г. снизился до 15,7 месяца, к январю 2002 г. – до 12 месяцев и на 01.04.2002 г. – 10,2 месяца. Ни в каком другом районе округа длительность периода безработицы не превышала в эти годы 10 месяцев. В целом по округу период безработицы составил 6,9 месяца, в городах – 5,7, в районах округа – 8,4 месяца.

Данные нашего исследования позволяли более предметно оценивать этот показатель безработицы. О том, насколько оптимистичны северяне, ищущие работу, в части своей востребованности на региональном рынке труда, можно судить по их ответам на вопрос анкеты в опросе «Труд-ХМАО-2003»: «Как быстро Вы надеетесь найти себе подходящее место работы?» (% от общего числа опрошенных по каждой группе: в числителе – ответы мужчин, в знаменателе – женщин):

– 1 месяц	12 / 10
– от 1 до 5 месяцев	21 / 16
– более 5 месяцев	5 / 6
– затруднились ответить	52 / 55

* * *

А вот каковы суждения и запросы посетителей служб занятости («Труд-ХМАО-2003») относительно «хорошей», подходящей для них работы (% от общего числа опрошенных по каждой группе: в числителе – ответы мужчин, в знаменателе – женщин):

– важен смысл работы, но нельзя забывать и о зарплатке	33 / 44
– хороша любая работа, если она высоко оплачивается	26 / 16
– заработок – главное, но надо думать о смысле работы, ее общественной полезности, творческом характере	17 / 18
– хороша для меня лишь та работа, которая дает возможность реализовать, в первую очередь, мои личные интересы и планы	12 / 11
– хороша для меня та работа, где я могу принести больше пользы	12 / 10

* * *

В конце 2020 г. Президент Владимир Путин заявил, что Россия «будет прирастать» Арктикой и северными территориями в ближайшие десятилетия. Он не пояснил, что имеет в виду, но говорил об Арктике в контексте особого интереса к Северу, в том числе по добыче полезных ископаемых, и в контексте экологии. «Все, что происходит на северах, представляет для нас особый интерес и особую ценность. Я даже не говорю сейчас об освоении Северного морского пути. В целом в этом будущее наше, в том числе и с точки зрения добычи природных ископаемых в перспективе. Когда-то Ломоносов говорил, что Россия будет прирастать Сибирью. В следующие десятилетия Россия будет прирастать Арктикой и северными территориями. Это совершенно очевидные вещи»².

¹ Павлов Б.С. Профессиональная подготовка молодых специалистов: проблемы соответствия спроса и предложения на рынке труда // Управленец. 2010. – № 7–8. – С. 36–39.

² Путин: Россия в следующие десятилетия будет прирастать Арктикой и Севером. – <https://www.kommersant.ru/doc/4602866>

К началу нового XXI века стало очевидным и еще одно важное геополитическое обстоятельство. Логистическая безопасность РФ в будущем будет обеспечиваться производственно-экономическим взаимодействием двух основных гигантских трасс России: Северным морским путём и Байкало-Амурской магистралью.

И далее. 12 августа 2021 г. министр обороны РФ Сергей Шойгу дал старт реконструкции восточной ветки Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Был заложен камень, символизирующий начало реконструкции восточной ветки Байкало-Амурской магистрали протяженностью 340 км от Улака до Февральска, значение которого для экономики страны огромно. Как отметил министр, к концу 2024 года, когда дорога будет введена в эксплуатацию, увеличатся также транспортные возможности Восточной Сибири. По словам Шойгу, Россия таким образом сможет расширить выход на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Для военных железнодорожников на пути строительства участка БАМ оперативно построили современные городки. Минобороны намерено задействовать 1,8 тыс. человек для реконструкции БАМа. Всего на восточном участке БАМа в 2021–2024 годах планируется построить девять двухпутных вставок, девять разъездов, а также второй главный путь. Байкало-амурская магистраль – это железная дорога в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, наряду с Транссибирской магистралью, является вторым магистральным железнодорожным выходом России к Тихому океану. Соединяет города Тайшет и Советскую гавань¹.

* * *

Успешная реализация намеченных проектов, помимо долгосрочной и твёрдой политической воли, достаточных материально-экономических ресурсов будет зависеть от чёткого и последовательного обеспечения классического условия обеспечения соответствующими кадрами, которые, как известно «решают всё»... Готовы ли наши молодые современники к труду в экстремальных социально-природных условиях²?

В исследовании «*Семья-ВУЗ-2018*» тысяче молодых инженеров ряда ведущих предприятий Среднего Урала (Свердловская область) задавался вопрос: «Если бы у Вас (вашей семьи) появилась возможность переехать в другие регионы России, на новое строительство и освоение новых регионов, то какие адреса переезда были бы для Вас более предпочтительными?» Ответы 1000 молодых уральских инженеров и 320 экспертов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных на каждом предприятии):

был бы более предпочтительным переезд³:

а) на предприятия нефтегазодобычи в ХМАО, ЯНАО – 14% инженеров «НТМК»; 21% – «СТЗ», 19% – «Трансмаш»; 8% инженеров «Автоматики» и 12% экспертов Урала;

б) в Азово-Черноморский логистический центр – 34% инженеров «НТМК»; 33% – «СТЗ», 31% – «Трансмаш»; 31% инженеров НПО Автоматики и 36% экспертов Урала;

в) во Владивосток – 19% инженеров «НТМК»; 18% – «СТЗ», 12% – «Трансмаш»; 16% инженеров НПО Автоматики и 8% экспертов Урала;

г) с Урала, скорее всего, никуда не поедут (не поехали бы) работать и жить – 47% инженеров «НТМК»; 44% – «СТЗ», 48% – «Трансмаш»; 56% инженеров НПО Автоматики и 53% экспертов Урала.

Заинтересованному и компетентному исследователю эти данные могут служить богатой базой для размышлений. Мы же здесь ограничимся лишь одним замечанием. Стойкими патриотами своего края и своего предприятия, судя по данным опроса, являются примерно половина молодых специалистов (среди мужчин – 46%, среди женщин – 59%). А остальные?

¹ Шойгу рассказал о начале реконструкции восточной ветки БАМа. – <https://iz.ru/1206117/2021-08-12/shoigu-rasskazal-0-nachale-rekonstrukcii-vostochnoi-vetki-bama>

² Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Институт экономики УрО РАН; УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 575 с.

³ Опросы проводились на предприятиях Свердловской области: «НТМК» – Нижне-Тагильский металлургический завод; «СТЗ» – Северский трубный завод; «Трансмаш» – Уральский завод транспортного машиностроения; «НПО Автоматики» – НПО автоматики имени академика Н.А. Семихатова.

Парахонская Г.А.

к.и.н., доцент, Тверской государственный университет
parakhonskaya@gmail.com

МАЛЫЙ ГОРОД СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *малые города, сельские поселения, социокультурное и экономическое развитие.*

Keywords: *small towns, rural settlements, socio-cultural and economic development.*

Малые города России всегда играли большую роль в становлении и развитии государственности, это костяк системы расселения в России. Несмотря на интенсивные процессы урбанизации, происходившие на протяжении XX века, малые города и сельские поселения продолжают оставаться местом жительства почти половины населения страны.

В последние десятилетия наблюдается интенсивный отток населения в крупные города, что имеет негативные последствия для социально-экономического развития некоторых регионов и страны в целом. К числу таких территорий принадлежит и Тверская область, где ежегодно сокращается численность населения, а также количество сельских поселений. Указанные процессы требуют комплексного исследования и системного анализа.

Опыт исследования социально-экономических, социокультурных процессов, характерных для малых городов и сельских поселений, показал, что малые города часто являются центрами промышленности, науки, культуры не только на уровне местного сообщества, но и страны в целом. То есть процессы децентрализации идут параллельно с развитием больших городов, городских агломераций и мегаполисов.

В России, как правило, научная, культурная, промышленная жизнь сосредоточена в мегаполисах и крупных городах. В них располагаются управленческие структуры федерального и регионального уровня, ведущие вузы и научные лаборатории, учреждения культуры, транспортные узлы. Обширный рынок труда стимулирует приток рабочей силы, что, с одной стороны, решает проблему трудовых ресурсов, а с другой – увеличивает нагрузку на социальную инфраструктуру города.

Малые города и сельские поселения – это составная часть региональных структур. Они имеют свою историю и особенности. Некоторые возникли как промыслово-ремесленные, впоследствии став промышленными или сельскохозяйственными центрами районов, некоторые – как монастырские, другие как усадебные. Во второй половине XX века в них работали промышленные предприятия, обеспечивающие работой население города. Миграция из сельских поселений в малые города происходила на протяжении всего XX века, но не имела особенно интенсивного характера, так как была возможность найти работу в сельском поселении или в районном центре. В конце XX века большинство предприятий в малых городах прекратили свою деятельность, некоторые были преобразованы в частные. Вновь создаваемые предприятия предоставляли незначительное количество рабочих мест. Вследствие этих процессов происходила деградация малых городов, имел место и значительный отток трудоспособного населения.

Данные социологических исследований показывают, что основными причинами миграционных настроений молодых людей является невозможность найти работу с «достойной» в их понимании зарплатой, отсутствие перспектив карьерного роста, социально-бытовые проблемы, невозможность удовлетворить культурные запросы. Не составляет исключения в этом отношении и Тверская область.

Очевиден разрыв между малыми и крупными городами в сфере услуг, особенно в области здравоохранения. Медучреждения, койки дневных стационаров концентрируются в крупных городах. В небольших населенных пунктах закрываются первичные медицинские учреждения, на многих территориях остаются только районные больницы. Узкие специалисты доступны лишь в региональных центрах, некоторые – только в столицах. Женщины из малых городов едут рожать в региональные центры, иногда за два месяца до родов, из-за проблем с дорогами. В ряде населенных пунктов нет доступа к скорой помощи.

В миграционные процессы вовлечено, как правило, молодое население малых городов и сельских поселений, причем наблюдается два потока миграции молодежи: из малых городов в областной центр и из областного центра в крупные города. Иногда молодежь после завершения высшего образования в областном центре переезжает сразу в крупный город, но почти никогда не возвращаются на прежнее место жительства. Высокий уровень миграции молодежи в некоторых регионах приводит к сокращению численности трудоспособного населения, снижению рождаемости и, в конечном счете, к депопуляции региона.

Следует отметить, что в то же время имеет место обратный процесс: жители крупных городов приобретают дачные участки, жилье в сельской местности, в малых городах, представляющих благоприятную естественную среду для отдыха, расположенных на берегу реки, озера, как это происходит в Осташковском, Калязинском и других районах Тверской области. Это может приводить к расслоению населения: коренные жители вытесняются на бедные окраины, а исторический центр заселяют приезжие.

Необходимо учитывать тот факт, что все города, которые находятся в зоне крупных мегаполисов, подвержены их влиянию и так называемой «колонизации». Тверской регион располагается между двумя столицами: Москвой и Петербургом, которые «оттягивают» из Твери и области наиболее активных, образованных, технически грамотных, амбициозных представителей молодежи. Причем сокращается число жителей не только в малых городах, но и в сельских поселениях, для которых малые города являются своеобразными «столицами», центрами обслуживания. Прекращение деятельности промышленных предприятий привело к диспропорции между производственной сферой и сферой обслуживания в пользу последней. Малый и средний бизнес развивается слабо и направлен тоже в сферу обслуживания.

Как отмечал Р. Парк¹, чисто экономический подход к процессам, происходящим в городе, неперспективен. Город является организмом, состоящим из сообществ, каждое из которых имеет свои стандарты, традиции, стиль жизни.

Провинциальные поселения обладают своими преимуществами и ресурсами, обеспечивающими возможность их развития. Ориентироваться на внешний приток людей нужно не всегда. Малый город вполне может обойтись сам, если в нем есть несколько крупных и средних предприятий, которые обеспечивают основную часть жителей рабочими местами и достойными зарплатами.

Перспективны малые города вокруг крупных центров – здесь люди живут ближе к природе при сохранении всех благ большого города. Возможно перетекание жителей крупного города в малый в ходе так называемой миграции в пределах жизненного цикла человека, связанной с созданием семьи, выходом на пенсию.

В малых городах намного легче начать свой бизнес. Здесь ниже конкуренция, меньше арендная ставка, легче масштабирование и больше узнаваемость.

Расположение между двумя столицами делает весьма перспективными инвестиции в развитие туризма. Областной центр, малые города и сельские поселения Тверского региона имеют богатую историю, социокультурные особенности проживавших и живущих донныне этнических групп, культовые сооружения, усадьбы, памятные места, связанные с жизнью выдающихся людей. В малых городах ещё сохранилась историческая часть города, древние постройки. Некоторые усадьбы можно восстановить в качестве туристических объектов.

Значительная часть работы должна быть связана с формированием идентичности, включающей не только этническую, но и социокультурную, основанную на древней или дореволюционной истории, советское наследие.

Созданный в Твери Центр экономического развития малых городов разрабатывает проекты создания комфортной среды в малых городах, восстановления отдельных исторических объектов при значительной доле финансирования из федерального бюджета. Но в долгосрочной перспективе это не создает значительного количества рабочих мест для жителей. Отметим, что туризм не может служить единственным направлением развития в Тверском регионе.

Развитие удаленных форматов работы, а также различные программы, делающие жилье более доступным, а условия жизни более комфортными, привлекают в сельскую местность молодых, высокообразованных людей. Обратную миграцию может стимулировать расширение транспортной сети и повышение комфорта пассажирских перевозок, что сократит время на дорогу от дома до работы для тех, кто хочет жить за городом

Привлекательности жизни на селе и в районных центрах будут способствовать инвестиционная поддержка агробизнеса и его рост, а также развитие смежных с АПК отраслей и создание комплексной социальной инфраструктуры.

Решение проблем малых городов и сельских поселений требует комплексного и системного подхода, который включает как теоретическую проработку проблемы, так и эмпирические исследования с практическими рекомендациями. Следующий этап предполагает разработку алгоритма необходимой управленческой деятельности на местном, региональном, а иногда и на федеральном уровне. При проведении аналитического социологического исследования можно использовать монографический метод, дающий возможность проследить историю населенного пункта, его эволюцию, тенденции развития. Продуктивен метод картографирования при исследовании малых и средних городов провинции, так как это дает возможность определить специфику районов, что поможет в размещении досуговых центров, зон рекреации, торговых площадок с учетом социально-демографических, профессиональных особенностей населения, а также его финансовых возможностей. Социокультурное проектирование пересекается с планированием социально-экономического развития.

Одна из главных задач, стоящих перед нашим регионом, – сохранение культурного наследия и содействие развитию малых поселений.

¹ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. – Т. 2, № 3. – <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-sotsialnaya-laboratoriya>

Погибаев Д.Ю.

студент, Орловский государственный университет

Тухий В.И.

к.геогр.н., доцент, зав. кафедрой географии, экологии и общей биологии, Орловский государственный университет

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И КОРРЕКТИРОВКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

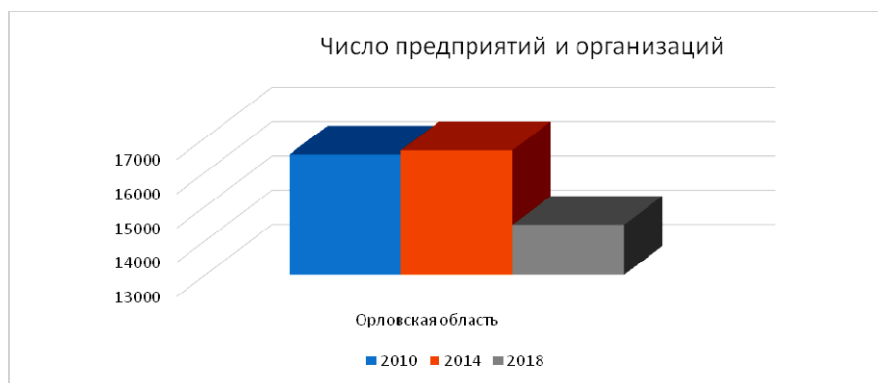
Ключевые слова: региональная политика, социально-экономическое развитие, регионы России, региональная экономика.

Keywords: regional policy, socio-economic development, regions of Russia, regional economy.

Орловская область – небольшой регион площадью в 24,7 тыс. кв. км. Она не располагает крупными природными ископаемыми на своей территории. Однако в советское время регион был одним из важных центров приборостроения, электроники, машиностроения, имел успехи в сельском хозяйстве¹.

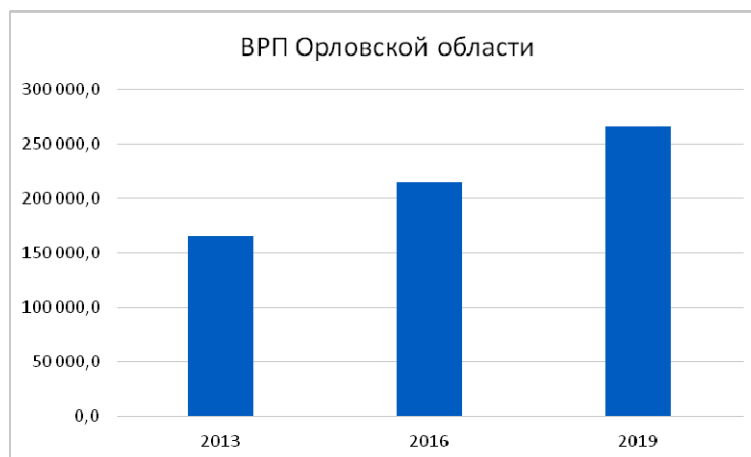
В последние десятилетия социально-экономическое развитие региона замедлилось, как и в ряде других регионов Российской Федерации.

Для Орловской области характерен незначительный рост числа предприятий с 2010 до 2014 и спад с 2014 до 2018.

На примере Орловской области мы рассмотрим актуальное состояние региона по следующим показателям: степень износа основных фондов, структуру и индекс промышленного производства, уровень безработицы, динамику уровня ВРП, динамику инвестиций в основной капитал, сельское хозяйство.

За период с 2013 до 2019 года стабильно растет валовой региональный продукт. Объем ВРП на 2019 год составляет 265 672,7 млн рублей.

¹ Сухарев О.С., Шманев С.В. Региональная политика: проблемы и перспективы (на примере Орловской области) // Экономика региона. 2006. – № 4.

По состоянию на 2019 год в структуре ВРП Орловской области преобладает сельское хозяйство – 19,2%, далее обрабатывающее производство – 14,7%, торговля занимает 13,4%¹.

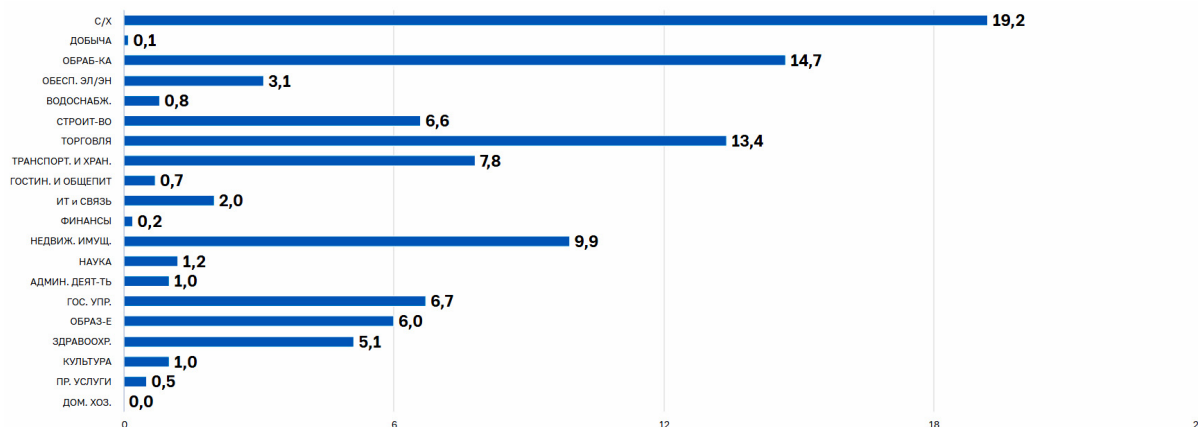

Рисунок 1.
Структура ВРП за 2019 г.²

Степень износа основных фондов на 2020 составляет 36,6%. В 2005 году этот показатель был на уровне 52,5%, в 2010 – 47%, в 2015 – 50,6%. Можно сделать вывод, что за последние 15 лет произошло расширение производства и рост уровня мощностей. Но, несмотря на эти показатели, степень износа основных фондов на крупных и средних предприятиях выше и находится практически на уровне 50%³.

Структура промышленного производства. На 2020 год в регионе зарегистрировались более 1300 хозяйствующих субъектов. По итогам года индекс промышленного производства составил 105,3% к предыдущему году. Среди субъектов ЦФО Орловская область по этому показателю находится на 5 месте⁴.

Индекс промышленного производства по видам экономической деятельности в 2020 г. в % к 2019 г.⁵:

- добыча полезных ископаемых – 97,1
- обрабатывающие производства – 107,8
- обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха – 94,5
- водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений – 87,2.

В структуре промышленного производства преобладает обрабатывающее производство, оно составляет 88,4%, далее идут обеспечение электричеством – 8,7%, водоснабжение – 2,7%. Добыча полезных ископаемых составляет лишь 0,2%.

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области. – <https://orel.gks.ru/>

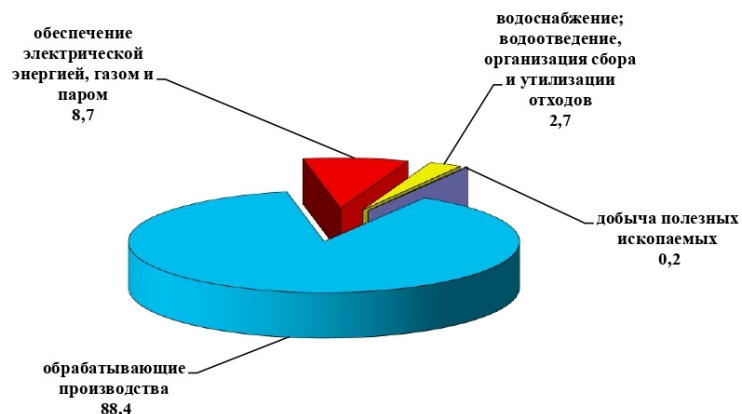
² Отделение Банка России по Орловской области. – <https://cbr.ru/>

³ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области. – <https://orel.gks.ru/>

⁴ Инвестиционный портал Орловской области. – <https://invest-orel.ru/>

⁵ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Орловской области.

Структура промышленного производства области
за 2020 год, в %

**Итоги развития промышленного комплекса в разрезе
видов экономической деятельности**

Сельское хозяйство является преобладающей отраслью и по состоянию на 2019 год составляет 19,2% в ВРП. В 2021 году в регионе действовало 160 сельхозпредприятий.

На 2020 год продукция сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий; в фактически действовавших ценах) Орловской области составляла 105 739 млн рублей. По этому показателю регион занимает 22 место в России.

На 2020 год по индексу производства сельского хозяйства Орловская область находится в лидерах и занимает второе место с показателем – 111,3%, уступив лишь Рязанской области – 115,6%. В России индекс составляет – 101,5%, по ЦФО – 103,7%.

Инвестиции. Инвестиции являются важным фактором для развития региона и актуальным механизмом в настоящее время. При их помощи создаются новые производственные фонды, социально-экономические институты, инфраструктура. В 2020 году регионом было использовано 55,1 млрд рублей инвестиций в основной капитал. С 2016 года объем инвестиций увеличился с 43,6 млрд рублей до 55,1 млрд рублей. С данным показателем среди субъектов ЦФО Орловская область занимает 11 место.

Наибольший объем инвестиций был отмечен в следующих отраслях: сельское хозяйство – 40,8% и обрабатывающее производство – 24,8%.

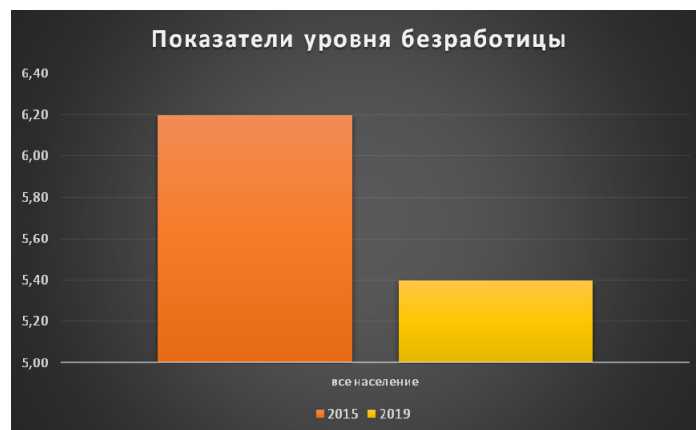

Крупные инвестиционные проекты Орловской области:

- ООО «Знаменский СПЦ»
- ООО «Агропромышленный холдинг «Мираторг»
- ООО «КерамаМарацци»

В Мценском районе действует особая экономическая зона промышленно-производственного типа. Планируется привлечение новых инвесторов и прогнозируется, что в 2028 году будет создано более 1800 рабочих мест и привлечено около 9 млрд рублей инвестиций.

Численность и состав рабочей силы. По состоянию на 2015 год численность рабочей силы составляла – 385,3 тыс. человек. К 2019 году этот показатель опустился до 345,6 тыс. человек.

В 2015 году уровень безработицы составлял – 6,5%, в 2019 году – 5,4%¹.

За последние годы Орловская область улучшила свои позиции по нескольким показателям, замечен рост ВРП. Тем не менее, темпы роста не высоки. Орловская область нуждается в совершенствовании модели социально-экономического развития. В рейтинге социально-экономического положения регионов Орловская область занимает 62 место, что говорит о малой эффективности региональной политики, которая проводится в регионе на данный момент.

Регион имеет потенциал для развития в нескольких направлениях: промышленность, сельское хозяйство, производство пищевых продуктов и напитков. Плюсом является и географическое положение региона. Об этом свидетельствует и Стратегия экономического развития региона до 2035. В качестве приоритетных направлений определены каркасные элементы: урбанизированный, природно-экологический, историко-культурный. Основными элементами являются: транспортный коридор Москва – Орёл – Курск, широтный Смоленск – Орёл – Липецк – Тамбов и Орловская и Ливенская планировочная системы.

Стратегия СЭР Орловской области дает положительную оценку урбанизированному каркасу и предлагает его развитие по семи показателям:

1. Оптимизация и органическое насыщение основных планировочных осей (транспортных коридоров).
2. Выделение зон пространственного развития и полюсов роста и усиление экономической и территориальной связности муниципальных районов.
3. Необходимость сохранения и усиления экономической и территориальной связности муниципальных районов.
4. Преодоление некоторой планировочной диспропорции.
5. Формирование единого природно-экологического каркаса как базиса для экологически безопасного развития территории.
6. Сохранение культурно-исторического потенциала территории, резервирование территорий рекреационного назначения.
7. Улучшение качества градостроительной среды за счет развития современной инженерной инфраструктуры.²

Особое внимание уделяется формированию зон пространственного развития и полюсов роста. Зоны пространственного развития созданы для формирования основного вклада в социально-экономическое развитие региона и определяют его специализацию. В Орловской области для основных полюсов роста выделены приоритетные зоны: центральная Орловско-Мценская, Ливенская, Полесская туристско-рекреационная и две локальные зоны пространственного развития.

Практически во всех сферах экономики региона наблюдаются схожие проблемы: технологическое отставание и неразвитость производства, износ основных фондов, недостаточное финансирование, неудовлетворительная инфраструктура и транспортная сеть. Эксперты признают развитие транспортной сети одним из приоритетных направлений для успешного развития региона³.

¹ Отделение Банка России по Орловской области.

² Стратегия социально-экономического развития Орловской области до 2035 года. – <https://docs.cntd.ru/document/550304579>

³ Европейская региональная политика: источник вдохновения для стран, которые не входят в ЕС? Применение принципов и обмен опытом / European Commission. Directorate-General for Regional Policy. 2009. – https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/presenta/international/external_ru.pdf

Данные проблемы необходимо решать в комплексе. Решения требуют задачи различного уровня, поэтому так же необходимо улучшать социальные институты. Региональное развитие зависит не только от инвестиций, но и от управленческого аппарата. Проблема квалифицированных кадров касается не только сферы региональной политики, но и многих других отраслей. Обучение и переобучение госслужащих поможет решить эту проблему. Регион должен делать акцент на развитии собственного производства и замещении импорта, привлечении внешних инвестиций для новых проектов, направленных на развитие инфраструктуры, социальной сферы, улучшение институтов и программ регионального развития.

Прокапало О.М.

д.э.н., заместитель директора по научной работе, Институт экономических исследований ДВО РАН

Алейникова А.В.

м.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ: ОЖИДАНИЯ И ФАКТЫ

Ключевые слова: национальные проекты, региональное развитие, индикаторы, мониторинг, Хабаровский край.

Keywords: national projects, regional development, indicators, monitoring, Khabarovsk Krai.

История формирования и реализации национальных проектов началась ещё в 2005 году. Основной целью внедрения проектной системы управления является концентрация имеющихся ресурсов (федеральный бюджет, государственные внебюджетные фонды, консолидированные бюджеты субъектов Федерации, внебюджетные источники) на целевых направлениях социально-экономического развития страны. В течение всего периода действия проектного управления изменялись целевая направленность, структура и количество реализуемых проектов¹.

В настоящее время, в соответствии с Указом Президента РФ², определены следующие цели национального развития:

- 1) сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- 2) возможности для самореализации и развития талантов;
- 3) комфортная и безопасная среда для жизни;
- 4) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- 5) цифровая трансформация.

В рамках этих целевых ориентиров реализуется 13 национальных проектов и Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Достижение задач, определенных в национальных проектах, обеспечивается путем выполнения параметров, сформулированных в 65 федеральных проектах³.

Надо отметить, что при всей широте и масштабности, нет ни одного национального проекта, который напрямую был бы связан с реализацией основной цели развития экономики, а именно, с осуществлением технологического прорыва по основным направлениям деятельности⁴.

Одной из основных целей «национального проектирования» является существенное ускорение темпов социально-экономического развития российских регионов, в том числе устранение дисбаланса общеэкономической и социальной инфраструктуры⁵. Для этого в целях обеспечения достижения целей, показателей и результатов федеральных проектов на региональном уровне так же разрабатываются проекты, тем не менее, они не дублируют в полной мере федеральные, а формируются с учетом региональных особенностей и возможностей реализации в соответствии с региональными полномочиями. В нормативных документах, регламентирующих разработку региональных проектов, подчеркивается, что индикаторы региональной составляющей должны быть интегрированы в соответствующие показатели федеральных проектов. Кроме этого, в региональные проекты должны быть включены конкретные мероприятия, позволяющие обеспечить целевые параметры федеральных проектов, а также источники финансирования⁶.

Целевые показатели национальных проектов – это строительство новых объектов социальной и дорожной инфраструктуры, доступное и качественное здравоохранение, образование, здоровая экологическая среда и т.д.

В Хабаровском крае сформированы региональные проекты по всем (кроме проекта «Наука и университеты») национальным проектам. В соответствии с разработанными паспортами, основные финансовые ресурсы предполагается направить на выполнение задач в области здравоохранения (29% общего объема финансирования), демографии

¹ Минакир П.А., Прокапало О.М. Национальные проекты на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы развития // Регионалистика. 2021. – Т. 8, № 1. – С. 39–55. – <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.39>

² Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» № 474 от 21.07.2020. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

³ Официальный сайт «Национальные проекты России». – <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects>

⁴ Аганбеян А.Г. Как возобновить социально-экономический рост в России // Научные труды ВЭО России. 2020. – Т.222, № 2. – С. 164–182; Савкина Р.В. Национальные проекты в системе мер по достижению целей эффективного развития экономики // Инновации и инвестиции. 2020. – № 4. – С. 287–293.

⁵ Бухвальд Е.М. Финансово-бюджетные аспекты реализации национальных проектов в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2020. – № 3. – С. 41–44

⁶ Каргышева П.А., Мохова О.И., Муратова Н.К. Инкорпорирование национальных проектов в систему управления региональным развитием // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2020. – № 2. – С. 59–67.

(24%), автомобильного строительства (19%). В сфере здравоохранения запланировано расширение количества проведения профилактических осмотров, снижение смертности от болезней кровообращения и новообразований, строительство и реконструкция 23 медицинских учреждений, создание и замена фельдшерско-акушерских пунктов и амбулаторий, закупка восьми передвижных мобильных комплексов для увеличения числа выездов мобильных медицинских бригад в удаленные районы края. По национальному проекту «Демография» основные мероприятия направлены на повышение рождаемости, улучшение условий для работающих женщин, имеющих детей дошкольного возраста, увеличение доли граждан, систематически занимающихся физкультурой и спортом и ведущих здоровый образ жизни. Мероприятия нацпроекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» включают развитие магистральной инфраструктуры. К 2024 г. планируется провести ремонт более 885 км автомобильных дорог регионального значения с установкой 83 стационарных камер фотовидеофиксации нарушений дорожного движения, размещение 10 автоматических пунктов весогабаритного контроля¹.

В 2021 году в Хабаровском крае расходы на реализацию региональных проектов составили 11,8 млрд руб. В соответствии с планом, было благоустроено 130 общественных территорий, открыты центры цифрового образования «IT-куб», обновлена материально-техническая база в 84 образовательных и 8 спортивных учреждениях края, приведено в нормативное состояние 126 км автодорог, введено более 330 тысяч кв. м жилья. Продолжалась программа по оказанию финансовой поддержки семьям с детьми: в том числе, ежемесячные денежные выплаты на первого ребенка получили 4023 семьи, на третьего и последующих детей – 11 671 семей. По программе сокращения непригодного для проживания жилищного фонда из аварийного жилья площадью 10,6 тыс. кв. м. расселено 638 чел. В рамках нацпроекта «Здравоохранение» новым оборудованием было оснащено 5 медицинских учреждений, в том числе краевой онкологический центр стал первым среди российских регионов обладателем уникального комплекса². В 2021 г. выполнение всех целевых показателей составило 85,7% (в 2020 г. – 79%)³.

Таблица 1

Результаты достижения национальных целей в Хабаровском крае

Показатель	2019	2020	2021
Обеспечение устойчивого роста численности населения			
Естественный прирост (убыль) населения, тыс. чел.	-6,3	-10,2	-8,3
Обеспечение темпов роста валового продукта при сохранении макроэкономической стабильности			
Индексы физического объема ВРП (% к предыдущему году)	99,6	100,4	104,1 ¹
Индекс промышленного производства (% к предыдущему году)	102,5	100,5	107,3
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (% к предыдущему году)	115,2	124,7	96,6
Внешнеторговый оборот (% к предыдущему году)	87,5	95,1	141,0
Обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения			
Реальные располагаемые денежные доходы населения (% к предыдущему году)	100,7	96,2	99,6
Реальный размер назначенных пенсий (% к предыдущему году)	102,0	100,8	100,0
Улучшение жилищных условий и увеличение объемов жилищного строительства			
Удельный вес числа семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия, в числе семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, %	6,8	5,0	5,0
Строительство жилых домов с учетом жилых домов на участках для ведения садоводства, тыс. кв. м	294,5	229,3	334,3
Снижение уровня бедности			
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения)	12,2	12,0	12,0
Повышение ожидаемой продолжительности жизни			
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет	70,05	68,61	67,85
Смертность от болезней системы кровообращения (на 100 тыс. населения), человек	617	646,4	684
Смертность от новообразований, в том числе от злокачественных (на 100 тыс. населения), человек	191,7	202,5	200,9

Примечание: – оценка // <https://www.interfax-russia.ru/far-east/main/vrp-habarovskogo-kraja-v-2021g-velichilsya-na-4-1-prevy-sil-940-mlrd-rub-gubernator> (дата обращения июнь 2022 г.)

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Ст. сб. – М., 2021. – <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ. Январь-февраль 2021 г. / ФСГС. 2021. – <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259>; Официальная статистическая информация для мониторинга хода исполнения поручений, содержащихся в указах Президента Российской Федерации. – <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pokazat-2.6fcp.htm>

Сложности с оценкой выполнения целевых индикаторов национальных проектов обусловлены, в том числе, и тем, что наряду с системой региональных проектов, в крае реализуются мероприятия в рамках утвержденных федеральных стратегических документах по развитию Дальнего Востока, в которых есть специальные территориальные разделы, а также стратегии социально-экономического развития субъектов Федерации. При этом национальные про-

¹ Минакир П.А., Прокапало О.М. Национальные проекты на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы развития // Регионалистика. 2021. – Т. 8, № 1. – С. 39–55. – <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.39>

² Официальный сайт Хабаровского края. Национальные проекты в Хабаровском крае. – <https://np.khabkrai.ru/Proekty/Demografiya>; Уникальное для России оборудование поступит в краевой онкоцентр. – <https://www.dvnovosti.ru/khab/2021/09/21/134196/>

³ Почти 19 млрд рублей будет потрачено в 2022 году на реализацию нацпроектов в Хабаровском крае. – <https://prokhab.ru/news/society/pochti-19-mlrd-rublej-budet-potracheno-v-2022-godu-na-realizaciju-nacprojektov-v-khabarovskom-kraje-15969.html>

екты не решают всех задач структурной перестройки экономики края. Вне этих проектов существует множество вопросов, нуждающихся в пристальном внимании. Поэтому необходимо оперативно наладить работу по интеграции государственных программ и национальных проектов, в том числе с пролонгацией до 2030 г.

Анализ результатов выполнения целевых показателей свидетельствует о том, что реальная ситуация далека от запланированных параметров. Региональное общеэкономическое развитие в период 2019–2021 гг. оценивается неоднозначно, что было связано с функционированием экономики в условиях пандемии и постепенному возвращению к «доковидному» уровню (табл. 1).

К концу анализируемого периода рост валового регионального продукта составил 104,1%. Основными драйверами роста экономики региона стали промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство.

Особенностью развития экономики региона в этот период является значительный рост инвестиционной активности в период пандемических шоков и постепенное замедление в восстановительной фазе. Амплитудные колебания объемов инвестиционных ресурсов могут быть сдерживающим фактором поддержания темпов роста валового регионального продукта и, как следствие, ускоренного долгосрочного регионального развития.

Увеличение объемов инвестиций в 2018–2020 гг. стало драйвером роста в строительной отрасли со среднегодовым темпом 108,9%. Положительная динамика была обеспечена, в том числе, рекордным ростом в жилищном строительстве. В 2021 г. в Хабаровском крае было введено в эксплуатацию 334,3 тыс. кв. м. жилой площади, что на 13,2% выше уровня 2019 г.

Восстановление конъюнктуры и спроса на мировом рынке позволило увеличить внешнеторговый оборот на 41,0%. Значительный рост экспорта края обеспечили продукция минерально-сырьевого, топливно-энергетического, рыбопромышленного, лесоперерабатывающего комплексов. Увеличение доли импорта связано с расширением поставок продукции машиностроения, топлива, металлоизделий.

В кризисный пандемийный период перед правительством стала дилемма: поддержать экономику и финансы или сохранить жизнь и благосостояние людей. В результате, при значительной поддержке экономики, не хватило достаточно сил на поддержку благосостояния населения¹. В 2020–2021 гг. в крае не удалось кардинально изменить ситуацию с сокращением реальных доходов населения. Слабо положительный рост реальных доходов населения во втором и третьем кварталах 2021 г. на фоне оживления экономической деятельности и реализации отложенного спроса после карантинных ограничений не смог преодолеть значительного снижения показателя в первом квартале. В результате, реальные доходы населения не преодолели планку положительных значений и по итогам года составили 99,6% от уровня 2020 г. Снижение реальных доходов влечет за собой сохранение высокого уровня бедности населения.

В настоящее время Дальневосточный федеральный округ продолжает терять население, и Хабаровский край не стал исключением. На 1 января 2022 г., по оперативной информации, численность постоянного населения Хабаровского края составила 1299 тыс. чел. и по сравнению с началом 2019 г. сократилась на 22 тыс. чел. Сохраняется высокая естественная убыль населения за счет снижения рождаемости и возросшего количества умерших. Соотношение количества умерших к родившимся в Хабаровском крае увеличилось и составило 1,65 (в 2020 г. – 1,47). Это свидетельствует о том, что за год умерло в 1,7 раза больше людей, чем родилось. Сохраняется высокая смертность населения от болезней системы кровообращения, новообразований (в том числе злокачественных).

Дополнительная смертность вызвала снижение ожидаемой продолжительности жизни при рождении относительно 2020 г. с 68,61 до 67,85 лет, что значительно ниже среднероссийского показателя (70,06 года).

Таким образом, следует отметить, что на фоне положительной динамики в реальном, инфраструктурном секторах экономики, оживления инвестиционной активности отмечены негативные тенденции снижения реальных доходов населения, сокращения численности населения за счет снижения рождаемости и возросшего количества умерших, сокращения ожидаемой продолжительности жизни.

¹ Аганбегян А.Г. К Устойчивому экономическому росту // Научные труды ВЭО. – М., 2021. – Т. 230, № 4. – С. 133–155.

Пруель Н.А.

д.соц.н., доцент, зав. кафедрой социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет

Градусова В.Н.

к.э.н., доцент, доцент кафедры менеджмента, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

ВКЛАД РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: продовольственная безопасность, аграрно-промышленный центр, сельское хозяйство, достаточность местного производства, экспортный потенциал, рынок продовольствия, рациональные нормы потребления.

Keywords: food security, agricultural and industrial center, agriculture, sufficiency of local production, export potential, food market, rational consumption norms.

Проблемы продовольственного обеспечения во всем мире значительно обострились в 2020 г., когда в целях противодействия распространению новой опасной инфекции многие страны пошли на самые жесткие меры – закрыли границы и ограничили внутренние перемещения людей. Экономика пошла на спад. Пострадали многие отрасли, включая сельское хозяйство. Нарушились и сбытовые связи. Цены на продукты питания выросли по всему миру, включая Россию.

В свете геополитических событий 2022 г. с особой остротой встал вопрос о достаточности производства продуктов питания внутри страны, поскольку из-за введенных санкций поставки продовольствия из других стран будут сокращены и/или затруднены. Поэтому возникла необходимость проанализировать ситуацию в сфере продовольственной безопасности в каждом из аграрных центров страны. Объектом данного исследования стал небольшой приволжский регион – Республика Мордовия, занимающая 0,2% территории страны, в котором на 1 января 2021 г. проживало 779 тыс. чел. (0,5% общей численности населения РФ) и при этом производящий 0,9 % продукции растениеводства и 1,6% продукции животноводства в стране¹.

Экспортный потенциал региона в части продовольствия нами оценен на основе расчетов достаточности местного производства путем сравнения душевого производства с рекомендованными нормами потребления основных продуктов питания. На рис. 1 представлена динамика производства основных видов сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров в расчете на душу населения Мордовии: в 2011 – 2020 гг. почти в 3 раза возросло душевое производство скота и птицы, 1,7 раза – зерна, на 23% – яиц и овощей, на 5% – молока. В рассматриваемый период в регионе резко сократилось душевое производство сахарной свеклы (в 2,2 раза), снизилось и душевое производство картофеля – на 5,5%. (Сравнение проведено с 2011 г., потому что в сравнении с аномально жарким и засушливым 2010 г. изменения были бы еще более сильными).

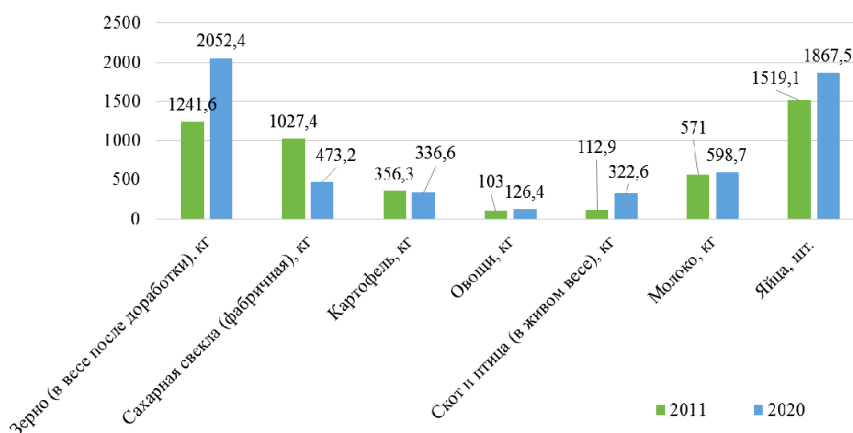

Рисунок 1.

Продукция сельского хозяйства на душу населения в Республике Мордовия в 2011–2020 гг.²

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 19, 30.

² Мордовия: Стат. ежегодник: Стат. сб. / Мордовиястат. – Саранск, 2021. – С. 50, 248, 260.

Сравнение душевого производства с нормами рационального потребления основных продуктов питания (рис. 2) показывает, что производимых в Мордовии мяса и картофеля хватит еще на 2–3 небольших региона, мордовскими яйцами можно обеспечить еще 6 небольших субъектов. Душевое производство молока также превышает рациональные потребности местного населения. Однако овощей производится не достаточно даже для покрытия рациональной потребности местного населения. В советские времена этот регион специализировался на плодоводстве, однако сейчас эта отрасль не развивается, в местных магазинах практически невозможно увидеть в ассортименте фрукты и ягоды местного производства даже в сезон.

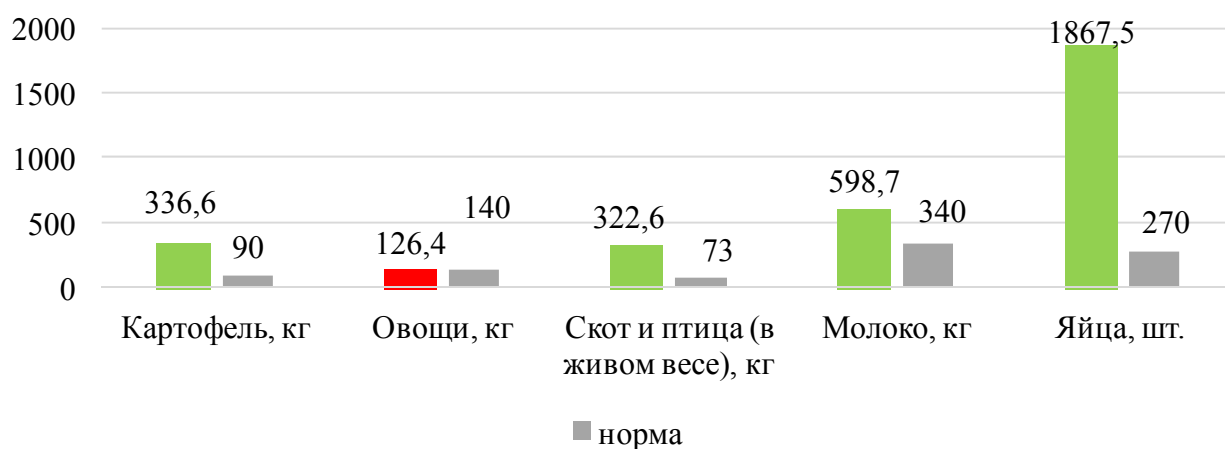

Рисунок 2.
Соотношение душевого производства основных видов продовольственной продукции с рекомендованными нормами потребления¹

Этих данных достаточно, чтобы утверждать, что дефицит основных видов продуктов питания из-за сокращения импорта Республике Мордовия не угрожает. Из-за возможного вследствие введенных экономических санкций снижения урожайности и продуктивности скота могут ухудшиться финансовые показатели сельскохозяйственных организаций и объемы продаж за пределы региона, но для дестабилизации регионального продовольственного рынка объективных причин нет.

Все известные методики оценки продовольственной безопасности оценивают и экономическую доступность продовольствия. Ведь может сложиться ситуация, при которой производится товаров достаточно, но население не может их приобрести в необходимом для семьи количестве из-за отсутствия денежных средств. И объект данного исследования – Республика Мордовия – относится к числу регионов с низким уровнем жизни: в 2020 г. по величине среднедушевых денежных доходов регион занимал 81 место в РФ, по размеру среднемесячной начисленной заработной платы – 77 место, по обороту розничной торговли в расчете на душу населения – 80 место².

В табл. 1 приведены данные о потреблении населением Мордовии основных продуктов питания в сравнении с медицинскими нормами и средними в стране показателями. Как видим, фактическое потребление по большинству основных продуктов питания заметно превышает рациональные нормы. Сильно занижено потребление картофеля и овощей. Не может не вызывать вопросов ситуация, когда в регионе, специализирующемся на сельском хозяйстве, картофеля и овощей потребляется даже меньше, чем в среднем в стране.

Таблица 1

Потребление продуктов питания населением Российской Федерации и Республики Мордовия, 2020 г.³

Продукты питания	Рекомендованная норма потребления пищевых продуктов, кг на человека в год	Российская Федерация		Республика Мордовия	
		фактическое потребление, кг	соотношение фактического потребления с величиной рациональной нормы, процентов	фактическое потребление, кг	соотношение фактического потребления с величиной рациональной нормы, процентов
Хлебные продукты	96	116	120,8	109	113,5
Картофель	90	86	95,6	41	45,6
Овощи и бахчевые	140	107	76,4	91	65,0
Мясо и мясопродукты	73	76	104,1	96	131,5
Яйца (штук)	260	283	108,9	255	98,1

¹ Рассчитано по: Мордовия: Стат. ежегодник: Стат. сб. / Мордовиястат. – Саранск, 2021. – С. 50, 248, 260; Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. – <https://docs.cntd.ru/document/420374878>

² Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 35.

³ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 260–266; Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. – <https://docs.cntd.ru/document/420374878>

Рыба и рыбопродукты	22	22,2	100,9	29	131,8
Сахар	8	39	487,5	43	537,5
Масло растительное и другие жиры	7	13,9	198,6	13	185,7
Молоко и молочные продукты	340	240	70,6	298	87,6

Если в части потребления овощей сложившаяся ситуация не стала неожиданной, поскольку на рис. 2 данные свидетельствуют о нехватке овощей собственного производства, то значительное расхождение показателей душевого производства и потребления картофеля говорят о недостоверности статистических данных или/и недостатках региональной системы продовольственного обеспечения, не создавшей условия для встречи производителя и потребителя. Это требует корректировки региональной агропродовольственной политики.

Кроме того, населением Мордовии молока потребляется значительно ниже нормы. Но учитывая то обстоятельство, что местное производство полностью покрывает рациональные нормы и уровень потребления молочных продуктов в Мордовии выше, чем в стране в целом, сложившаяся ситуация в значительной степени объясняется потребительскими предпочтениями.

Как и все простые средние, показатель душевого потребления не учитывает различий в уровне доходов населения, что, безусловно, сказывается на потреблении. Но поскольку подходящая дифференциация населения в Республике Мордовия в 1,5 раза ниже, чем в РФ (соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами 9,9 раза против 14,8 раза в РФ¹), показатели, характеризующие потребление в Мордовии, ближе к истине, чем среднероссийские значения.

Заметим также, что низкий уровень жизни в рассматриваемом регионе практически не отражается на потреблении: дорогостоящие продукты – мясо, молоко и рыбу – жители Мордовии потребляют в большем количестве, чем среднестатистический житель нашей страны.

Таким образом, оценивая состояние агропродовольственной системы Республики Мордовия, следует отметить, что значительный вклад в обеспечение продовольственной безопасности России Республика Мордовия вносит по таким важнейшим продуктам питания, как мясо, яйца, молоко. Все основные продукты питания производятся в регионе в достаточном количестве. Исключение составляют овощи. Поэтому для обеспечения продовольственной безопасности региона и наращивания экспортного потенциала Республики необходимо стимулировать производство овощей и фруктов. Однако в развитии этой отрасли сельского хозяйства серьезным ограничением является отсутствие необходимой инфраструктуры. Наличие такой проблемы в стране в целом признано на высшем уровне государственного управления. На ее решение направлена программа по созданию на территории страны сети современных аграрных оптово-распределительных центров, это поможет снять возникшие логистические ограничения, насытить местный рынок картофелем, овощами, фруктами, ягодами, а самое главное – будет способствовать повышению качества питания, а значит, улучшению здоровья людей. Развитие данного направления будет способствовать и укреплению экспортного потенциала региона, расположенного на границе с крупными городскими агломерациями.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 233.

Румянцева С.Т.

старший преподаватель, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург

Рябовол Л.Г.

аспирант, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург

ПОВЫШЕНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Ключевые слова: региональная экономика, туризм, рекреация, экотуризм, агротуризм, этнотуризм, сельские территории, малые города.

Keywords: regional economy, tourism, recreation, ecotourism, agrotourism, ethnotourism, rural areas, small towns.

Развитие туризма рассматривается Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. как один из методов выравнивания социально-экономического положения российских субъектов¹. У многих регионов России, ранее не вызывавших особого интереса у туристов, в период пандемии появились новые возможности для привлечения гостей в свой регион, поскольку из-за закрытых границ карта туристических маршрутов сильно изменилась. Изменение привычного образа жизни в связи с повсеместными санитарными ограничениями, а также сопровождающие COVID-19 изоляция, страх, неопределенность, экономические трудности усилили потребность людей в полноценном отдыхе.

Закрытие границ и другие запреты, введенные странами, принимавшими основные туристические потоки из России, переориентировали этот вектор внутрь страны. Это открывает новые возможности для развития малых городов и сельских территорий, позволяет создать новые рабочие места, поддерживает виды экономической деятельности, участвующие в предоставлении услуг в сфере туризма и рекреации – гостиничное хозяйство, общественное питание, розничная торговля и др.

Другая возможность привлечения гостей на отдых в тихие и уютные места тоже предоставлена пандемией, а точнее ее последствиями. После перенесенного заболевания многие люди нуждаются в реабилитации, и в этом им может помочь сеть оздоровительных организаций в отдаленных регионах, которые зачастую испытывают большие проблемы с наполняемостью.

Воспользовавшись возможностью занять временно образовавшуюся нишу на туристском рынке, малые города и сельские территории получают новый импульс для развития, базирующегося на местных особенностях и ресурсах (уникальных природных объектах, исторических памятниках, культурных достопримечательностях, национальных промыслах и традициях и др.).

Наряду с прямым экономическим эффектом в виде дополнительной добавленной стоимости, сформированной в сфере туризма, рекреации и смежных отраслях, развитие индустрии гостеприимства будет способствовать и решению такой сложной проблемы, как отток молодежи из малых городов и сельской местности. Это позволит создать новые рабочие места, причем именно такие, о каких мечтают многие молодые люди. Согласно одному из исследований, проведенному на основе анализа запросов ищущих работу с помощью Интернета, наибольший интерес у молодых людей вызывает сфера досуга и развлечений, на втором месте – организация общественного питания, что также пользуется спросом среди туристов².

Кроме того, в случае привлечения внимания туристов и отдыхающих и получения дополнительных доходов принимающие территории смогут выделять больше средств на развитие и модернизацию не только инфраструктуры гостеприимства, но и дорожно-транспортной сети, а также объектов социальной сферы. Формирование комфортных условий жизни для местного населения будет способствовать замедлению процесса деградации малолюдных сельских территорий, уменьшит отток молодого поколения из сел и деревень.

Особое внимание должно быть уделено развитию сельского туризма, и не только потому, что это соответствует важнейшим мировым трендам на защиту окружающей среды, развитие «зеленой» экономики, разумное потребление. Организация нового сектора экономики в аграрных регионах и привлечение населения в сферу обслуживания прибывающих гостей придадут импульс развитию малого бизнеса, созданию новых рабочих мест, и, в конечном счете, повышению уровня жизни сельчан и закреплению молодежи в родном селе. Развитие агроэкотуризма туризма позволит смягчить и социально-экономическую ситуацию в сельской местности в годы аграрных кризисов.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/

² Молодые специалисты хотят работать в сфере развлечений // Директор. Креативный журнал по управлению персоналом. – <https://www.hr-director.ru/news/67488-qqn-19-m10-molodye-spetsialisty-hotyat-rabotat-v-sfere-razvlecheniy>

Для ускорения развития такого направления туризма, как агротуризм, считаем необходимым разработку специальных мер поддержки фермеров, задействованных в обслуживании туристов, например, им могут быть предоставлены льготные кредиты и/или налоговые каникулы в сезон массового притока туристов. Это обеспечит значимый социально-экономический эффект – поможет сельским жителям сохранить место жительства и привычный образ жизни; получить дополнительные доходы от нового вида деятельности, не отказываясь при этом от своего основного занятия; сохранить агроландшафты и их природное окружение, поскольку развитие этого направления туризма основывается на стремлении свести к минимуму воздействие человека на природу и изменение окружающей среды.

Путем развития сельского туризма могут быть достигнуты следующие социально-культурные цели:

- охрана и воссоздание сельских ландшафтов, сохранение имеющих усадеб и парков, имеющих историческую значимость;
- замедление процессов деградации сельских территорий, оттока населения;
- сохранение национальной самобытности, народных традиций и фольклора;
- повышение привлекательности сельских территорий, формирование позитивного отношения к сельскому образу жизни;
- поддержка производства экологически чистых продуктов питания и пищевого сырья;
- формирование у местных жителей и гостей бережного отношения к природным ресурсам, историческим и культурным ценностям и др.

Сдерживать развитие сельского туризма может, в первую очередь, отношение самих сельчан к этому виду деятельности, недооценка местными жителями туристского потенциала своего родного края, неверие сельчан в то, что их образ жизни может заинтересовать избалованных благами цивилизации горожан, а также отсутствием у населения специальных знаний и навыков в сфере ведения бизнеса. Помочь преодолеть неуверенность и недоверие поможет плотный проект, организованный при поддержке местных властей.

Нехватку экономических и управленческих навыков можно восполнить путем организации специальных обучающих курсов для желающих заняться этим видом деятельности. Образовательные проекты, поддержанные руководством региона, должны носить выездной характер и проходить в реальных условиях. Организаторами таких курсов должен быть разработан типовой бизнес-план, который можно быстро адаптировать к условиям конкретного хозяйства.

Развитие этого вида экономической деятельности в современных условиях требует широкого применения информационных технологий, внедрения современных подходов к организации работы по производству, продвижению и сбыту конкурентоспособного туристского продукта. Это диктует необходимость разработки и реализации на уровне регионов специальных образовательных курсов для граждан, желающих принять участие в предоставлении услуг в сфере сельского туризма. Считаем также необходимым создание специальной цифровой платформы, предоставляющей всю необходимую информацию, включая своевременное информирование об изменениях нормативно-правовой базы по регулированию данного вида деятельности; по организации сельского туризма с возможностью обратной связи, знакомства с образцами необходимых для регистрации и отчетности документов и другим вопросам.

Предлагается на таком виде экономической деятельности, как агротуризм апробировать уведомительный характер ведения предпринимательской деятельности. Мало кто из фермеров, которые в сезон, как правило, круглосуточно заняты сельскохозяйственным производством, будет отвлекаться на процедуру регистрации нового вида деятельности, доходность которого, особенно на начальном этапе, весьма сомнительна.

Необходимы также и сервисы для консультационной поддержки предпринимателей в этой достаточно новой сфере деятельности. Учитывая занятость сельских жителей, а также «новую нормальность» хозяйствования в условиях пандемии, это могут быть онлайн консультации, выделенные телефонные линии и т.п.

В части организации обучения основам бизнеса в сфере сельского туризма может быть интересен опыт Республики Беларусь, в Чаусском районе которой была организована Школа развития агротуризма, где были разработаны эффективные методы образования и способы вовлечения активных людей в эту деятельность. Сначала было организовано обучение основам управления агротуристическим делом, изучение слушателями успешных практик развития агротуризма. Потом им было предложено попробовать свои силы в работе с туристами в одной из успешных усадеб, в создании привлекательных объектов на территории района, в деятельности по созданию информационной инфраструктуры. Такие обучающие курсы проводятся регулярно. Результат налицо – в Беларуси более 2000 агроусадьб, готовых принять гостей. Задача таких курсов – помочь сельчанам создать агроусадьбу, которая будет не только соответствовать современным стандартам обслуживания, но и привлекать туристов своей уникальностью, отражающей местный колорит¹.

Другим сдерживающим фактором является недостаточная известность территории среди туристов и отдыхающих. Для решения этой проблемы предлагается сформировать портфолио региона, в котором будут красочно представлены основные объекты для экотуристов, а также желающих отдохнуть в максимальной близости к природе, попробовать себя в качестве работника на сельской усадьбе, мастера национальных ремесел и т. п.

Для популяризации и привлечения внимания к сельскому туризму можно использовать и такой инструмент, как карта кинолокаций, которая представляет собой интерактивный сайт и специализированное мобильное приложение для поиска, сортировки и систематизации лучших кинолокаций. Например, такая карта разработана для Республики Карелия по просьбе кинопроизводителей из 5 стран мира, которые планировали снимать кино в живописных местах Карелии (Россия, Финляндия, США, Китай и Германия). В результате было выделено 29 параметров, которые наиболее интересны кинопроизводителям, и на основе этих рекомендаций была создана демоверсия.

¹ Учились агротуризму // Искра. – <https://www.chausynews.by/?p=2727>

Предлагается создать такие карты для популяризации отдыха и в других регионах и представить их ведущим организациям киноиндустрии. Внимание кинопроизводителей еще более повысит интерес туристов к природным красотам и историческим и культурным достопримечательностям родного края.

Для организации такой работы необходимо сформировать экспертный совет из числа представителей сферы науки и культуры, задачей которого станет отбор уникальных природных и культурно-исторических объектов, способных привлечь туристов, а возможно и кинокомпании. Кроме того, потребуется организовать обучение технологиям поиска кинолокаций, основам мобильной съемки, записи пространственного звука и другим приемам, позволяющим отснять качественное видео. Важно сопроводить видеоматериал интересным и красочным описанием объектов.

Данные материалы могут быть размещены на специальной странице Интернет-ресурса профильного органа региональной власти и/или агроэкотуристическом портале, направлены кинопроизводственным компаниям и кинопродюсерам, распространены в социальных сетях.

Таким образом, развитие сельского туризма может стать важным сектором региональной экономики, формирующим значительную часть валового регионального продукта, обеспечивающим занятость для большого числа людей. Учитывая профессиональные установки молодежи, можно предположить, что эта сфера привлечет молодых и энергичных людей, что обеспечит успех этого начинания и предотвратит отток молодежи из малых городов и сельской местности.

Для развития агроэкотуризма в российских регионах предлагается создать специальный портал, на котором будет размещена информация о сети фермерских хозяйств (усадеб), готовых принять гостей. Предлагается также сформировать портфолио региона, содержащее материалы об уникальных природных объектах, исторических памятниках, культурных ценностях. Привлечь внимание путешественников и отдыхающих можно также с использованием такого инструмента, как карта кинолокаций, которая также может быть размещена на агроэкопортале, направлена кинопроизводителям, а также распространена в социальных сетях.

Предлагается также в целях привлечения туристов в отдаленные уголки России после отмены хорошо зарекомендовавшей себя программы туристического кешбэка, которым в период пандемии воспользовались многие россияне. сохранить такую возможность для агроэкотуров.

Скворцова А.С.

студент РАНХиГС при Президенте РФ
alinaskvor24@gmail.com

Воротников А.М.

к.х.м., доцент кафедры государственного управления и публичной политики Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, координатор Экспертного совета Проектного офиса развития Арктики
vdep14@yandex.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КАК АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, Арктика, Архангельская область, государственно-частное партнерство, взаимодействие государства и бизнеса, Аляска, санкции.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, the Arctic, Arkhangelsk region, public-private partnership, interaction between the state and business, Alaska, sanctions.

Развитие Арктической зоны Российской Федерации является важным и перспективным направлением для самого арктического региона и для развития экономики и страны в целом. Арктика богата огромными запасами нефти и газа, и на них претендуют помимо России также и другие арктические государства. На сегодняшний день Архангельская область играет исключительно важную роль в развитии арктической зоны.

Архангельская область находится на Севере европейской части Российской Федерации. Порядка 45% относящейся к области территории представлено муниципалитетами, входящими в Арктическую зону России. Число жителей соответствующих муниципальных образований превышает 650 тысяч человек, доля жителей области, проживающих в данных муниципалитетах, составляет 57% от населения области в целом. Регион является развитым научным, образовательным, промышленным центром. Основные присущие региону достоинства представлены в виде наличия уникальных достопримечательностей (исторических, культурных, природных), что обуславливает наличие хороших возможностей с точки зрения развития туризма; выгодного положения в географическом отношении, т.к. у области имеется выход в Мировой океан, и высокоразвитая транспортная инфраструктура; наличие развитой образовательной и научной платформы, поставляющей кадры высокой квалификации для всего Северо-Западного федерального округа¹.

Архангельская область относится к потенциальным регионам-лидерам в Арктической зоне РФ по различным социально-экономическим показателям и обладает весомым инвестиционным потенциалом. Развитие Арктики не представляется возможным или по крайней мере продуктивным без участия и содействия Архангельской области. Однако и развитие Архангельской области труднодостижимо без Арктики, так как для этой области Арктика – это наиболее потенциально перспективное направление для развития.

Архангельская область в АЗРФ

Главная стратегическая цель в развитии Архангельской области как Арктического региона – это привлечение и объединение людей в центре Русского Севера с целью комфортного проживания, всестороннего развития и реализации передовых идей. Таким образом, главной ценностью этой стратегии является человек².

Необходимо отметить нормативные требования, содержащиеся в ФЗ № 193-ФЗ, регламентирующем содействие со стороны государства в отношении осуществляемой в Арктической зоне РФ деятельности предпринимательского характера³. Указанным ФЗ определен правовой режим, действующий применительно к Арктической зоне. Определен состав мер содействия со стороны государства, а также осуществления деятельности предпринимательского характера в данной зоне.

Предусмотренные ФЗ № 193-ФЗ положения ориентированы на обеспечение:

- 1) развития Арктической зоны в экономическом отношении;
- 2) активизации деятельности предпринимательского характера и привлечение инвестиций в указанную зону;
- 3) формирования экономических основ для повышения уровня жизни и развития социальной сферы в указанной зоне.

¹ Распоряжение Правительства Архангельской области «Об Инвестиционной стратегии Архангельской области на период до 2025 года» от 25.02.2016 № 46-рп.

² Областной закон «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» от 18.02.2019 № 57-5-ОЗ.

³ Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13.07.2020 № 193-ФЗ.

Согласно ФЗ № 193-ФЗ, формирование и модернизация в Арктической зоне инфраструктурных объектов обеспечивается из бюджетных и внебюджетных источников.

Формирование Арктической зоны в наши дни характеризуется рядом особенностей:

– создание указанной зоны обусловлено внешними факторами и национальными интересами. С начала текущего столетия Арктический регион стал объектом интересов геоэкономического и геополитического характера. Интерес к использованию Северного морского пути в качестве альтернативы обычных маршрутов, связывающих Европу и Азию, активизировался в связи с изменением климата;

– определяющая роль принадлежит государству, представленному федеральными органами власти, органами власти субъектов РФ. Также следует отметить значимость участия в данном процессе госкорпораций. При этом роль некоммерческих организаций, частных компаний, властей муниципального уровня является минимальной. Так, в Госкомиссии, занимающейся вопросами, связанными с развитием Арктики, отсутствуют представители общественных организаций, муниципальных образований Арктической зоны, а число представителей частных компаний является весьма незначительным;

– технократический подход (приоритеты – освоение ресурсов и национальная безопасность);

– проектный подход (национальный мегапроект «Арктика» состоит из множества региональных проектов, которые могут быть не связаны друг с другом);

– неравномерность развития Арктической зоны РФ;

– сильная межрегиональная конкуренция.

Архангельская область обладает рядом особенностей, которые являются определяющими для ее развития:

1) в относящейся к Арктике части области имеется высокоразвитая инфраструктура науки, образования, транспорта;

2) область характеризуется богатой историей освоения и исследования Арктического региона;

3) семь муниципалитетов из двадцати одного являются арктическими. Регион входит в связи с этим в состав Арктической зоны лишь отчасти. Арктическая зона включает территории архипелага Новая земля, Архангельска, Онежского, Мезенского, Приморского районов, Новодвинска и Северодвинска. При этом данные муниципальные образования с точки зрения научно-образовательных, экономических и демографических показателей являются весьма значимыми.¹

Статус области, частично относящейся к Арктической зоне, влияет на многообразные сферы деятельности:

1) экономическую (влияние с точки зрения развития туризма, инфраструктуры, создания новых организаций и предприятий, привлечения инвестиционных ресурсов).

2) социальную (влияние на развитие местных территорий, престижность отдельных профессий, отраслей, региональную идентичность);

3) политическую (формирование имиджа, внешних связей, наличие арктического положения).

Сегодня область стремится занять лидирующие позиции в качестве:

– транспортно-логистического центра Арктической зоны;

– образовательного и научного центра Арктической зоны;

– центра проведения форумов и мероприятий по связанной с Арктикой тематике².

В Архангельской области действуют три кластера: судостроительный, лесопромышленный и социальный. В настоящее время создаются еще два: биотехнологический и рыбопромышленный³.

Средства содействия развитию области и активного взаимодействия субъектов РФ в Арктическом регионе представлены в виде:

– формирования единого оператора Севморпути для государственных заказчиков, способного обеспечить повышение надежности доставки грузов в регион, сократить затраты муниципалитетов, субъектов РФ, федеральных госорганов;

– государственной программы по развитию Арктического региона;

– формирования банка развития Арктики с международным статусом и привлечением различных государств.

Реализация инвестиционного механизма позволит осуществлять в российской Арктической зоне, в зонах, относящихся к зарубежной Арктике, проектное финансирование. Соответствующий банк может функционировать аналогично Банку развития БРИКС, Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций и ЕБРР;

– создания финансового института, сходного с Фондом развития дальневосточных территорий;

– распространения на Арктический регион опыта реализации мер содействия населению и бизнесу дальневосточного региона.

Взаимодействие государства и бизнеса с целью развития Архангельской области

Применение механизма государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) весьма перспективно для развития Архангельской области как Арктического региона. В сфере относящихся к развитию транспортной и автодорожной

¹ Каторин И. В. Формирование Арктической зоны РФ как фактор развития региона: постановка вопросов (на примере Архангельской области) // Арктика и Север. 2018. – № 31. – С. 28–40.

² Там же.

³ Развитие Архангельской области как арктического региона-лидера // Правительство Архангельской области. – <https://dvinaland.ru/news/578762>

отраслей проектов ГЧП основное место принадлежит концессионным проектам. Данные проекты обеспечивают возможность покрытия связанных с осуществлением проектов бюджетных расходов.

Бизнесу, связанному с жилищно-коммунальным хозяйством, также оказывается поддержка в рамках ГЧП. К примеру, в период экономической нестабильности осуществляется предоставление субсидий на процентную ставку по кредитам на осуществляемые в сфере ЖКХ проекты. Реализуются механизмы, связанные с прямым софинансированием обновления имеющейся на территории малых городов инфраструктуры. В регламентирующее концессии законодательство внесены изменения, предусматривающие наличие целевых показателей для инвесторов в каждом концессионном соглашении. Для изменения ситуации в сфере ЖКХ реализуется ГЧП, предполагающее привлечение в целях оптимизации расходов государства частных инвестиционных ресурсов¹.

За счет передачи объектов ЖКХ на концессионных условиях обеспечивается возможность решения задач, связанных с:

- 1) реализацией присущего коммунальной сфере экономического потенциала;
- 2) обеспечением граждан коммунальными услугами высокого качества с сохранением уровня стоимости данных услуг.

ГЧП используется и при реализации проектов социальной сферы. У проектов создания социальной инфраструктуры чаще всего низкая окупаемость, в связи с чем у инвесторов нет заинтересованности в их реализации. В этой связи распространенной является практика, при которой осуществляющему проект частному лицу предоставляются гарантированные выплаты. Применение подобного механизма возможно в значительном числе сфер (социальной защиты, здравоохранения, спорта, культуры и образования).

В качестве публичного партнера при реализации небольших проектов, имеющих локальное значение, могут выступать органы местного самоуправления. В случае реализации масштабных проектов публичным партнером может быть областной орган государственной власти.

Кластерная политика направлена на поддержку и стимулирование внутрикластерного и межкластерного взаимодействия, развитие кластеров межрегионального характера, таких как арктический рыбопромышленный и судостроительный. Данные кластеры интегрируют относящиеся к шести регионам РФ предприятия. За счет тесного взаимодействия между ними обеспечивается достижение существенных экономических результатов. На основе развития межрегиональных кластеров возможна реализация проектов в рыбопромышленной и судостроительной отраслях. Предусматривается также государственная поддержка в виде субсидирования приобретения сырья, высокотехнологичного оборудования для рыбопромышленных предприятий, а также субсидирования ремонта существующих и строительства новых судов.

К основным направлениям взаимодействия на международном и межрегиональном уровне относятся:

- 1) сотрудничество в развитии транспортной инфраструктуры (морского порта «Архангельск» и железнодорожной магистрали «Белкомур»);
- 2) развитие логистических и транспортных центров в целях обеспечения судоходства в арктическом регионе и развития Севморпути;
- 3) сотрудничество в области культуры, событийного туризма на основе проведения мероприятий всероссийского и межрегионального уровня – спортивных и культурных;
- 4) научное сотрудничество, в том числе ориентированное на создание технологий и оборудования для машиностроения (промышленного, нефтегазового) в целях освоения имеющихся в Арктической зоне минерально-сырьевых ресурсов;
- 5) межрегиональное сотрудничество в рамках проекта «Серебряное ожерелье России»;
- 6) сотрудничество в рамках экспортно-ориентированных проектов, относящихся к судостроению, химической, рыбной, добывающей отраслям, а также к переработке леса;
- 7) развитие туристического кластера;
- 8) сотрудничество с отечественными и зарубежными вузами в области научных исследований².

Российский опыт развития Арктического региона на примере Архангельской области

Архангельская область приглашает регионы РФ к сотрудничеству в рамках проекта построения железнодорожной магистрали от Перми до Архангельска «Белкомур». Эта магистраль свяжет Западную Арктику с Уралом и Сибирью и может использоваться для перевозки грузов из Китая в Европу. Проект одобрен межправительственной комиссией для включения в Перечень стратегических проектов российско-китайского сотрудничества. Он будет реализован на основе частной концессионной инициативы как один из приоритетных проектов развития Российской Арктики³. Эффективность реализации проекта «Белкомур» зависит от его сопряжения с проектом строительства глубоководного района Архангельского морского порта. Благодаря этому можно будет обеспечить экономичную схему поставки товаров в западном направлении с кратчайшим железнодорожным плечом, недорогим и высокоэффективным современ-

¹ Областной закон «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» от 18.02.2019 № 57-5-ОЗ.

² Там же.

³ Развитие Архангельской области как арктического региона-лидера // Правительство Архангельской области. – <https://dvina-land.ru/news/578762>

ным портом с выходом в Атлантику. Будет создан транзитный коридор Юг-Север для продвижения экспортно-импортных грузов из азиатско-дальневосточного региона.

В производственно-технологической сфере Архангельской областью были предложены к реализации проекты научно-производственного сотрудничества и промышленной интеграции регионов Сибири и Урала с арктическими регионами. Это позволит выстроить масштабную научно-техническую кооперацию на взаимовыгодных началах, а также позволит использовать преимущества специализации регионов и удобные площадки в Арктике для «обкатки» технологий, что даст синергетический эффект, повысит национальную конкурентоспособность.

Одним из важных проектов в научно-образовательной сфере является Арктический плавучий университет. Это флагманский проект Росгидромета и Северного Арктического федерального университета, в реализации которого участвует несколько российских и зарубежных университетов.

В сфере обеспечения продовольственной безопасности большое значение имеет поставка рыбы с Дальнего Востока в центральные районы страны через арктические порты Северо-Запада. Архангельск обладает необходимой для этого инфраструктурой и кратчайшим транспортным плечом до Москвы.

Арктика предоставляет также уникальные возможности для развития партнерства в нишевых производствах – семеноводстве картофеля, создании банков безвирусных семян, производстве мяса оленя и краба, аквакультуре. Архангельская область готова к сотрудничеству с другими регионами в области производства продуктов питания.

В социальной сфере открыты широкие возможности для межмуниципального сотрудничества благодаря ассоциации «Арктические муниципалитеты» и Союзу городов Заполярья и Крайнего Севера. Их работа сосредоточена на повышении качества жизни населения Арктики.

Сравнение деятельности РФ и США по развитию Арктики

При сравнении деятельности Российской Федерацией по развитию Архангельской области как Арктического региона и деятельности Соединенных Штатов Америки по развитию Аляски можно сделать несколько выводов:

1) В США Аляска рассматривается как составная часть государства. В Российской Федерации Арктическая зона рассматривается в качестве особого объекта, применительно к которому необходимы особое госрегулирование, проведение исследований, особое статистическое наблюдение;

2) В США предусмотрены конкретные должностные лица, ответственные за осуществление стратегии развития Аляски. В Российской Федерации ответственность за реализацию стратегии развития Арктической зоны несет Правительство в целом, а не определенные должностные лица;

3) В Соединенных Штатах финансирование развития осуществляется за счет ассигнований, применительно к которым предусмотрено четкое бюджетирование. В Российской Федерации финансовое обеспечение осуществляется за счет бюджетных, частных средств, иностранных инвестиций.

4) В США предусмотрены цели, необходимые результаты, при этом определение этапов и сроков отсутствует. В Российской Федерации имеется четкий план развития – Стратегия развития Арктической зоны, утвержденная главой государства в 2020 г.¹

5) В США к приоритетным направлениям развития Аляски относятся военное, международное, сохранение природных ресурсов и природной среды, использование шельфа, обеспечение энергетической и экономической безопасности, транспортное, научное. В Российской Федерации приоритетные направления развития Арктической зоны связаны с международным взаимодействием, развитием социально-экономической сферы, наукой, экологией, образованием, политикой, медициной, транспортом, информацией.

6) В Соединенных Штатах применительно к каждой из проблем предусмотрены определенные цели и определенные рекомендации. В отечественной Стратегии развития предусмотрены вопросы общего характера, а также соответствующие общие цели².

Влияние санкционной политики на развитие Арктической зоны

Для реализации большинства проектов в Арктической зоне необходимы расходные материалы, техника, различные приборы, оборудование и технологии. Введенные санкции вызвали существенный рост цен на товары и услуги, что может увеличить стоимость проектов, расходы государственного бюджета, привести к перенесению сроков реализации проектов и возможному отказу от реализации некоторых проектов.

Тем не менее, по заявлению президента нашей страны реализация проектов не будет отложена, а количество реализуемых проектов будет даже наращиваться³. Президент поручил ответственным ведомствам перераспределить работу и поставки в Арктическую зону. Жители, вахтовики, социальные объекты и предприятия не почувствуют перемен, их продолжают обеспечивать всем необходимым для жизнедеятельности и развития регионов с соблюдением стабильности цен⁴.

¹ Стратегия развития Арктики до 2035 года утверждена! – <https://www.arctic2035.ru>

² Морозов Н. А. Сравнительный анализ российской и американской стратегии развития Арктики // Арктика и Север. 2013. – № 13. – С. 1–7.

³ Совещание по вопросам развития Арктической зоны // Президент России. – <http://kremlin.ru/events/president/news/68188>

⁴ Как Россия занимается развитием Арктики // РЕН.ТВ Россия. – <https://ren.tv/longread/962894-kak-rossiia-razvivaet-arktiku>

Сосунова И.А.

д.соц.н., профессор, вице-президент РОС, член Президиума Академии проблем качества
sossunova@gmail.com

НОВОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЭКОУСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: *качество жизни; показатели; экоустойчивое развитие; регион; модернизация.*

Понятие «качество жизни» является одним из тех, которые в силу их фундаментальности и многогранности называют категориями. Но эта категория в отличие от известных философских категорий, имеет прямое отношение к решению самых актуальных проблем современности. Можно согласиться с ведущими российскими специалистами Академии проблем качества в том, что качество жизни – целевая установка современного человечества, новая парадигма его развития, существенно отличающаяся от предыдущих установок развития общества. Эта парадигма возникла в 60-х годах прошлого столетия в США в связи с тем, что ряд ученых-социологов пришёл к выводу, что парадигма «потребления» – тупиковый путь развития для общества. С тех пор проблемой качества жизни стали заниматься во всех цивилизованных странах мира. Предложены и используются в практических целях разнообразные показатели и критерии оценки качества жизни населения разных стран и отдельных регионов. А само словосочетание «качество жизни» даже стало своеобразным брендом, используемым в целях достижения того, против чего была направлена сама первоначальная идея, то есть, для рекламы разных (особенно эксклюзивных) товаров. Это обусловлено в значительной степени тем, что до сих пор нет общепринятой теоретической основы для понимания сущности категории «качество жизни».

Существуют три концепции, в рамках которых разрабатываются теоретические представления о сущности качества жизни отдельного человека или некоторой общности людей (социальной группы, населения страны, региона) и, исходя из них, строятся номенклатуры показателей для измерения и оценки качества жизни.

Первая концепция – «объективное качество жизни». В ней качество жизни рассматривается как независимая от мнений людей и их переживаний характеристика жизнедеятельности человека и условий, в которых она протекает. Это в основном экономическая составляющая.

Вторая концепция – «субъективное качество жизни». В ней качество жизни рассматривается как субъективная или социологическая оценка человеком своей жизни в целом.

Третья концепция – «интегральное качество жизни». Качество жизни рассматривается как совокупность объективных и субъективно-оценочных характеристик отдельных компонентов жизнедеятельности человека.

Еще в 1961 году эксперты ООН разработали обобщенную структуру компонентов качества жизни, включающую здоровье, потребление продуктов питания, образование, занятость и условия труда, жилищные условия, социальное обеспечение, одежда, рекреация и свободное время, права человека.

В начале 70-х годов была предложена так называемая шведская версия концепции качества жизни, включающая в себя следующие характеристики: труд и условия труда, экономические возможности, политические возможности, школьное обучение, здоровье и использование медицинской помощи, формирование семьи и семейные отношения, жилище, питание, свободное время и его проведение¹ В шведской версии изменены три из девяти характеристик, представленных в версии ООН. Приоритетные места в версии ООН занимают здоровье населения, потребление продуктов питания и образование. В шведской версии приоритетными являются характеристики труда, экономические и политические возможности, то есть, те факторы, которые определяют саму возможность достижения высокого качества жизни населения.

В 2003 г. ООН в «Программе развития ООН (ПРООН)», четко сформулировала свое понимание категории качество жизни: «Качество жизни – это расширение возможностей человека для долгой и здоровой жизни, приобретения знаний, доступа к ресурсам, обеспечивающим достойный уровень жизни, сохраняя их (ресурсы) для будущих поколений, обеспечивая собственную безопасность и равенство для мужчин и женщин».

Обращает на себя внимание то, что в этом определении качество жизни сводится к «расширению возможностей человека». О реализации этих возможностей ничего не говорится. А возможности в данном смысле – это потенциал человека. Качество жизни характеризует его в трех аспектах: здоровье, образование и финансовый ресурс. Отсутствует такой аспект человеческого потенциала как психика человека или психика населения конкретного региона, представляющего собой социум – коллективный субъект.

¹ См.: Угланова Е.А. Влияние феномена субъективного экономического благополучия на оценки качества жизни. 2003. – <https://www.dissercat.com/content/vliyanie-fenomena-subektivnogo-ekonomicheskogo-blagopoluchiya-na-otsenku-kachestva-zhizni>

Некоторые ученые, как например, И.А. Гундаров¹ считают, что характеристиками качества жизни являются продолжительность творческой жизни; рождаемость и воспроизводство рода; удовлетворенность жизнью; духовное состояние, оцениваемое по объективным показателям «нарушения нравственных заповедей» (количество убийств, грабежей, разводов и т.п.).

Другие ученые разработали методологию оценки качества жизни населения, основанную на понимании этой характеристики как «благополучия». Благополучие определяется не только экономическим положением человека (уровнем жизни), но и здоровьем, трудовой активностью, уровнем образования, уровнем культуры.

Есть методология оценки качества жизни населения, которая основывается на понимании качества жизни как «уровня развития и степени удовлетворения комплекса позитивных, объективно-разумных потребностей и интересов людей»². Определяющее значение здесь в качестве жизни принадлежит здоровью людей. Производительность труда и занятость экономически активного населения считаются основными характеристиками качества жизни в сфере труда. В материальной сфере определяющим является уровень материальной обеспеченности. Уровень образования является ключевым показателем в интеллектуальной и духовной сферах. В семейной сфере ключевой характеристикой является устойчивость семей.

Считается, что всю палитру качества жизни можно также охарактеризовать стоимостными показателями.

В качестве базовой характеристики могут использоваться доходы населения, как определяющего фактора жизнеобеспечения большинства российских семей в современных условиях. Характеристики качества жизни, для перевода которых в стоимостную форму трудно найти четкое методическое обоснование, учитываются через корректирующие коэффициенты, отражающие экспертную оценку их взаимосвязи с интегральным показателем качества жизни. В итоге рассчитывается обобщающий показатель качества жизни населения, выраженный в стоимостных единицах.

Специалистами Института комплексных социальных исследований РАН сформулированы основные цели государственной политики по улучшению качества жизни населения в основных видах жизнедеятельности населения. Для оценки эффективности достижения поставленных целей используется система индикаторов качества жизни по каждой из целей, а именно: повышение благополучия; доступность и качество образования; доступность медицинской помощи и улучшение здоровья; доступность жилья и улучшение качества жилищных условий; благополучие социальной среды.

Аналогичное понимание сущности качества жизни заложено в методологию оценки динамики качества жизни населения, например, Новосибирской области.

Важно сопоставить теоретические позиции, на основе которых строятся номенклатуры показателей в России и в других странах.

Европейский Союз систематически объявляет конкурсы на проведение наиболее актуальных исследований и разработок в рамках пятилетних программ. Пятая Базовая программа (FP5), действовавшая в 1998–2002 гг., называлась «Качество жизни и управление жизненными ресурсами». Определения понятия «качество жизни» в этом документе нет. Но судить о том, какой смысл вкладывается в это понятие, можно по тематическому содержанию ключевых направлений исследований и разработок:

1. Пищевые продукты, питание и здоровье.

В целях улучшения здоровья граждан ЕС приоритетными направлениями исследований и разработок являются: развитие безопасных и гибких производственных технологий, диагностика и предупреждение попадания в пищу инфекционных и токсичных агентов, получение более глубоких знаний о роли продуктов питания в улучшении и поддержании здоровья людей.

2. Контроль за инфекционными заболеваниями.

В целях борьбы с возникновением инфекционных заболеваний (как известных, так и тех новых, которые могут появиться в результате генных мутаций) и их эффективного лечения приоритетными направлениями исследований и разработок являются: создание новых вакцин, совершенствование стратегий выявления инфекций и контроля за их развитием, различные аспекты общественного здоровья, связанные с развитием системы предупреждения болезней.

3. Биотехнологии («Фабрики живых клеток»).

В целях поддержки предпринимательства в области наук о жизни и биотехнологий, особенно имеющих отношение к проблемам здоровья, охраны природной среды, агроиндустрии, производства побочных продуктов, приоритетными направлениями исследований и разработок являются: инновационные работы в области создания любых продуктов, в том числе, предназначенных для лечения на основе новых знаний о биологических процессах.

4. Окружающая среда и здоровье.

В целях создания экологически безопасных технических средств и производств, предупреждения негативных эффектов окружающей среды в целом приоритетными направлениями исследований и разработок являются: выявление тех факторов окружающей среды, которые вызывают заболевания и аллергические реакции.

5. Устойчивое развитие агропроизводства, рыболовства и лесного хозяйства, а также системного развития регионов, включая горную зону.

Акцент делается на такое развитие, которое предусматривает инновационные решения, учитывает торговую ситуацию в глобальном масштабе, экологические требования и отвечает социальным ожиданиям.

6. Старение населения и проблемы нарушения их функциональных и социальных возможностей.

¹ Гундаров И.А. Причины и пути преодоления демографической катастрофы в России, на Украине и Белоруссии. – М., 2005.

² Зараковский Г.М. Качество жизни населения России (психологические составляющие). – М.: Смысл, 2009. – С. 14.

Доля людей старших возрастов в составе населения ЕС постоянно растет. В связи с этим приоритетными направлениями исследований и разработок являются: изучение заболеваний, связанных с возрастными изменениями, предупреждение или задержка таких заболеваний, функциональных и социальных ограничений, разработка способов поддержки старых людей с ограниченными возможностями, проживающих в домашних условиях, исследование и решение демографических и социальных проблем.

По-существу, в рассматриваемой Программе ЕС под качеством жизни понимается здоровье людей, с детальной конкретизацией всех основных факторов, от которых оно зависит. Причем акцент делается на то, что могут внести в повышение качества жизни прикладные научные исследования и их инновационное внедрение в практику.

Фондом «Социальная инноватика» была разработана «Методика оценки качества жизни регионов России» с использованием показателей, измеряемых путем опросов населения. Предложен обобщенный показатель «индекс качества жизни», представляющий собой свертку показателей, образующих древовидную иерархическую систему по разным ветвям от двух до пяти уровней. Эта система в пределах верхних четырех уровней выглядит следующим образом:

1. Оценка условий, созданных в основных сферах жизнедеятельности: воспроизводства, материального производства, коммуникаций, общественного управления, в духовной сфере.

2. Оценка деятельности власти по созданию благоприятных условий в основных сферах жизнедеятельности, названных в п.1.

3. Оценка населением комфортности жизни (характеристик условий своей жизни и жизни своей семьи): материального состояния жилищных условий, наличия работы или престижности имеющейся работы.

Интегральный показатель удовлетворенность жизнью – сложное, комплексное понятие, аккумулирующее множество факторов и аспектов. Чтобы количественно измерить степень удовлетворенности жизни необходимо сформировать максимально полный состав факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью.

Конкретный набор факторов может быть представлен следующим образом:

1. Личная и семейная безопасность (отсутствие разгула преступности, криминализации жизни и произвола властей, минимизация техногенных катастроф и т.д.).

2. Материальное благополучие (наличие комфортного жилья, одежды, питания, возможность обеспечить себе и своей семье образование и медицинское обслуживание).

3. Семейное благополучие (гармоничные отношения с членами семьи, взаимная любовь и уважение).

4. Достижение поставленных целей (общественная и политическая свобода, возможности для реализации потенциала социальной мобильности).

5. Творческая самореализация (возможность самовыражения на работе и вне работы, в том числе в общественной жизни).

6. Плодотворный досуг (наличие свободного времени и способов его эффективного использования, доступ к культурным ценностям и т.д.).

7. Хороший климат (отсутствие стихийных бедствий, затяжных дождей, резких перепадов температуры и давления, соответствие погоды текущему времени года, достаточное количество солнечных дней и т.п.).

8. Достойный социальный статус (уважаемая профессия, солидная должность, наличие квалификационных степеней, званий, чинов, наград и т.п.).

9. Эффективные неформальные социальные контакты (дружба, общение, взаимопонимание, секс и т.п.).

10. Социальная стабильность, уверенность в будущем (отсутствие социальных и политических потрясений, плохо продуманных и неподготовленных экономических реформ, умеренная инфляция и т.п.).

11. Комфортная среда обитания (хорошая экология, развитая социальная инфраструктура и т.п.).

12. Хорошее здоровье (отсутствие хронических болезней, серьезных и фатальных травм).

Обычно выделяют девятнадцать составляющих (индикаторов) субъективного качества жизни. Каждый из них оценивается по значимости и удовлетворенности. Респондентам предлагается расположить по значимости все составляющие качества жизни, а затем оценить уровень удовлетворенности ими.

Психологическую сущность субъективного качества жизни хорошо сформулировал В.А. Хащенко¹: «Качество жизни является социально-психологическим феноменом, в котором интегрируются результаты рефлексии особенностей социально-экономической, социально-психологической и личностной среды жизнедеятельности человека, опосредованные характеристиками его личности. В качестве теоретической «единицы» анализа структуры качества жизни выступают осознаваемые личностью элементы психологического отношения к среде: когнитивные (представления, знания), конативные (мотивационно-потребностные состояния сознания), эмотивные знания (оценки, чувства и разочарования)».

Для измерения качества жизни, разработано несколько методик социологического типа.

Систематические исследования удовлетворенностью жизнью проводятся международной организацией «World Values Survey» (в Исследования базовых ценностей мире). Было проведено пять «волн» исследований: волна 1981–1984, волна 1989–1993, волна 1994–1999, волна 1999–2004, волна 2005–2008 гг. Новая волна исследований в 2010–2011 гг. обеспечила получение данных за 30-летний временной период, что очень важно для анализа социальных и политических перемен.

Методология WVS предусматривает проведение подробных анкетных опросов (включающих 250 вопросов) в интервью «лицом к лицу». По обобщенным данным последних трех волн исследований за 1995–2007 годы на первом

¹ Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – С. 32.

месте стоит Дания (оценка +4,24), на последнем – Зимбабве (–1,92). Россия возглавляет последнюю десятку стран (с оценкой –1,01). Отрицательные оценки показывают, что большинство населения Российской Федерации недовольны жизнью. Исследователи сделали вывод, что удовлетворенность жизнью мало зависит от уровня жизни населения в стране. В индустриально развитых странах, несмотря на рост доходов, приходящихся на душу населения, со времени окончания второй мировой войны средний «уровень удовлетворенностью жизнью» неуклонно снижается: так как в первую очередь влияют особенности менталитета населения. Так, для жителей США и Западной Европы необходим личный успех, высокая степень самовыражения и самоуважения. В Японии и Юго-Восточной Азии ощущение удовлетворенности жизнью связано с качеством семейной жизни, с выполнением предписанных обществом обязанностей, с дружелюбием людей, их готовностью к сотрудничеству.

Комплексная субъективная оценка качества жизни представляет собой результат свертки субъективных оценок некоторого множества элементов жизни. Разработано несколько вариантов комплексных показателей субъективного качества жизни, являющихся сверткой показателей ряда единичных показателей. Наиболее обоснованными из них следует считать те показатели, которые построены, исходя из результатов факторного или кластерного анализа эмпирических данных. К таким показателям, относится «интегральный показатель субъективного качества жизни». Он построен по иерархической четырехуровневой схеме. Первый уровень – обобщенный показатель, характеризующий интегральное отношение человека к своей жизни. Второй уровень – система отношений к жизни, включающая отношение к себе, к другим, к окружающему миру. Третий уровень – отношение человека к базовым сферам жизнедеятельности: семейная, материальная, социальная, бытовая, трудовая, сфера отношений с ближайшим окружением. Четвертый уровень – оценки человеком элементов жизни, входящих в разные сферы жизнедеятельности. Оценки даются посредством социологических опросов с использованием шкалы «уровень удовлетворенности». Эмпирическое исследование было проведено на выборке 175 человек в возрасте 18–35 лет с использованием опросника, включающего 74 позиции. В результате статистического анализа полученных данных определились 5 факторов – базовых компонентов субъективного качества жизни с разными вкладами в обобщенный показатель: «экономическое благополучие» (25,6%), «личностное благополучие» (21,8%), «социально-психологическое благополучие» (19,0%), «социальное благополучие» (17,5%), «семейное благополучие» (16,1%).

Более глубокий анализ данных показал, что существует четыре типа личности, отличающиеся характером этого распределения. Они названы: «Выжидающий – готовящийся», «Целеустремленный», «Достигающий», «Несостоявшийся – смирившийся».

То, что у разных групп населения существуют разные представления о качестве жизни, вытекает и из исследований РОС 2017 г. студентов Московского государственного университета и пенсионеров. Полученные данные анализировали с помощью кластерного анализа. Группа студентов разделилась на две подгруппы.

В первой подгруппе («деловые студенты») выделились четыре кластера:

- «личная жизнь» – определяется понятиями: свобода, любовь, риск, секс, и др.;
- «дело»: деловой успех, социальный статус, респектабельность;
- «деньги»: деньги, конкурентоспособность, друзья;
- «семья»: моральное состояние общества, семья, культурная жизнь.

Во второй подгруппе («эстетствующие студенты») выделились также четыре кластера:

- «учеба»: профессиональная трудоустроенность, учеба, друзья;
- «эстетика»: личная свобода, эстетика, творчество, успешность;
- «собственное пространство»: секс, личный транспорт, собственное пространство, музыка, чувства;
- «отдых»: спорт, дача, природа.

Для пенсионеров характерны были следующие кластеры:

• «стабильность и порядок»:

• в обществе – благополучие окружающей среды, отсутствие криминальной обстановки в стране, грубости и хамства в обществе, прекращение внутренних войн, стабильность политической жизни;

• в микрорайоне – надзор родителей за детьми, соблюдение правил общежития, отсутствие шума, хулиганства.

У студентов была отмечена динамика структуры представлений о качестве жизни в процессе обучения. Была выявлена также взаимосвязь эмоциональной оценки жизни с принятием человеком себя, уверенности в себе. Причем, личностными детерминантами уверенности являются: мотивация достижений, волевой контроль, тревожность, инициатива и смелость в социальных контактах.

Общий вывод заключается в том, что состав и динамика параметров качества жизни, определяющих субъективную оценку качества жизни, зависят от особенностей культуры той или иной социально-демографической группы, ее возрастного уровня и личностных характеристик. Возможна оценка субъективного качества жизни населения непосредственно в обобщенном виде, то есть, путем опроса населения с постановкой прямого вопроса: «Оцените качество своей жизни». Естественно, ответ в разных регионах будет зависеть от субъективного эталона качества жизни. Поэтому надо знать, что понимают под хорошим качеством жизни опрашиваемые лица.

Фонд общественного мнения еще в августе 2010 года провел опрос населения (2000 человек) в 44 субъектах Российской Федерации. Был задан вопрос: «Как Вы понимаете словосочетание «качество жизни населения? Что, по Вашему мнению, определяет качество жизни населения» (открытый вопрос). Было предложено 18 поименованных позиций и 19-я – «Другое». Распределение ответов (в %) приведено в таблице 1. Затруднились ответить 20%. Это довольно большой процент: одна пятая населения тогда не имела представления о том, что такое качество жизни. Тем не менее, полученные результаты дали возможность понять, с какими аспектами жизни большинство населения России связывает ее качество.

**Распределения ответов на вопрос «Как Вы понимаете словосочетание «Качество жизни населения»?
Что, по Вашему мнению, определяет качество жизни населения»**

№ в ранговом порядке	Аспекты качества жизни	% от всех опрошенных
1	Благосостояние, достаток, материальная обеспеченность	33
2	Уровень зарплаты, пенсии, доход в целом	23
3	То, как живут люди, условия их жизни	17
4	Работа, занятость, трудоустройство	9
5	Покупательная способность, доступные цены	9
6	Здравоохранение, защита здоровья	5
7	Жилье	5
8	Стабильность, уверенность в завтрашнем дне	5
9	Социальная защищенность людей	5
10	Образование	4
11	Благополучие, все есть, нет проблем	4
12	Хорошее питание	3
13	Хорошая работа властей	2
14	Отдых, досуг	2
15	Духовные ценности, культура	2
16	Радость, счастье, удовольствие, интерес к жизни	1
17	Экологическая обстановка	1
18	Рождаемость, смертность, продолжительность жизни	1
19	Другое	1
20	Затрудняюсь ответить, нет ответа	20

Тогда полученные результаты свидетельствовали о том, что большинство населения связывает качество жизни с уровнем жизни, с благосостоянием. Аспекты, относящиеся к сфере духовных потребностей, людей волновали значительно меньше. Но это – в среднем для всего населения.

Для молодежи (18–26 лет) приоритетными являлись другие ценности. Исключительно важным для них было и по-прежнему является возможность создать прочную счастливую семью (так думают 70%), получить хорошее образование (51%), найти интересную и престижную работу. Такой результат был получен в исследовании, проведенном Институтом социологии РАН в 2008 году по программе «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты».

Еще в 2002 году на основе концепции «Интегральное качество жизни» была разработана программа улучшения качества жизни населения Белгородской области. Мониторинг реализации данной программы велся по объективным и субъективным иерархически построенным показателям качества жизни населения, которые образуют следующие блоки: здоровье и продолжительность трудоспособной жизни, воспроизводство населения, удовлетворенность жизнью, уровень агрессивности, устойчивость семьи, защищенность детства, материальное благополучие, профессиональный успех и самореализация, уверенность в будущем.

Представленный в данной статье обзор теоретических и методологических разработок свидетельствует о большом разнообразии представлений о сущности категории «качество жизни» и, соответственно, о таком же разнообразии методологических подходов к изменению и оценке этой характеристики жизни отдельного человека или социума в целом.

Основными различиями в трактовке сущности категории «качество жизни» являются следующие:

– рассмотрение категории «качество жизни» в рамках разных типов характеристик жизни: либо только объективных, либо только субъективных, либо тех и других вместе;

– рассмотрение категории «качество жизни» либо только как характеристики самого носителя жизни, либо как характеристики процесса жизнедеятельности в разных сферах жизни (трудовая жизнь, жизнь семейная и др.), либо как характеристики только условий жизни (например, качество системы здравоохранения в стране, уровень демократизации общества), либо как интегральной характеристики, объединяющей все аспекты жизни.

– некоторые авторы подходят к трактовке сущности категории «качество жизни» сугубо прагматически: за качество жизни принимают совокупность только тех характеристик, для которых в данный момент имеются источники фактических данных, другие авторы стремятся отразить в этом понятии все аспекты жизни, даже если для их оценки в настоящее время нет готовых источников информации.

При этом существует явный логический парадокс: нельзя рассуждать о том, что такое качество жизни, не сказав о том, что понимается под самой жизнью. Видимо, «по умолчанию» предполагается, что всем известно, в чем заключается суть жизни. А это не соответствует действительности.

Пандемия коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг. резко повлияла на ценностный мир россиян. Здоровье из инструментальной ценности (здоровье ради карьеры и т.п.) стало базовой ценностью. Россияне всерьез задумались о своем здоровье и здоровье близких, о здоровом образе жизни и о смысле жизни.

Таким образом, главная теоретическая проблема, которую надо решить для того, чтобы выйти на новое научное понимание категории «качество жизни», – это определиться с пониманием сущности такого явления, как жизнь чело-

века и социума. Жизнь человека – это процесс самореализации заложенного в человеке природой и развивающегося после рождения жизненного потенциала, включающий физиологические функции и деятельность во внутренней (психической, духовной) и внешней (материальной и социальной) сферах, направленная на самосохранение, развитие и репродукцию себя, на познание мира и его преобразование в целях удовлетворения своих и видовых потребностей.

Сейчас когда ведется специальная военная операция на Донбассе и приграничные регионы России (Курская, Белгородская, Брянская, Ростовская области) подвергаются налетам ВСУ, как-то иначе воспринимается само понятие жизни.

Жизнь населения (понимаемого как социум, то есть, как некоторая общность людей на уровне государства, региона, населенного пункта) – процесс взаимосогласованной жизни образующих данный социум индивидов и выполнения организованной определенным образом их совместной деятельности, направленной на самосохранение социума, его развитие и достижение общих для социума, как коллективного субъекта, целей. И сейчас эта жизнь населения ряда регионов зависит от приближенности к театру военных действий.

А значит, меняется и сама сущность жизни людей конкретного региона, и следует говорить о новом качестве жизни, характеризующим риск и неопределенность ее в современных условиях. И тогда важным показателем качества жизни приграничных регионов становится защищенность жизненно важных интересов населения такого региона, т.е. процесс взаимодействия с окружающей средой, направленный в целом на экоустойчивое сохранение и развитие жизни во все более широких границах природных условий путем научно-технического прогресса, личностного совершенствования и преодоления социальных противоречий.

Этот процесс происходит в природной, в искусственной и в социальной средах путем сложного, в том числе, конкурентного взаимодействия с разными объектами и субъектами, «населяющими» эти среды.

Отсюда следует, что, во-первых, качество жизни определяется, прежде всего, его жизненным потенциалом. Вторым фактором качества жизни являются процессуально-результативные характеристики целевых жизненных процессов по отношению к имеющимся у людей потребностям, интересам, ценностям и целям. Третьим фактором качества жизни являются внешние возможности, то есть, свойства окружающих сред, объектов и субъектов, имеющихся инструментов и ресурсов. Они должны быть такими, чтобы жизненные процессы первой направленности могли бы, безусловно, осуществляться, а процессы второй направленности имели значимую вероятность достижения целей для людей. Количественную определенность качества жизни следует понимать как ее «успешность», т.е. как уровень выраженности совокупности свойств жизни и ее результатов по отношению к некоторому предельно минимальному уровню (или по отношению к какому-либо иному специально установленному эталону).

Из вышесказанного в условиях модернизации вытекает такая трактовка сущности категории «качество жизни». *Качество жизни человека* – это оценочная категория жизни человека, обобщенно характеризующая параметры всех составляющих его жизни: жизненного потенциала, процесса и условий жизнедеятельности (инструментов, ресурсов и среды) по отношению к некоторому объективному или субъективному эталону.

Элементы жизни, которые следует учитывать при построении номенклатуры показателей качества жизни, включают в себя, помимо самого носителя жизни – человека, процессы его жизнедеятельности и их результаты, а также среду (природную, техногенную и социальную), инструменты и ресурсы. Под инструментами понимаются в условиях модернизации используемые людьми технические устройства, технологии, информационные средства.

Полная система показателей качества жизни должна описывать все компоненты системы жизни. Исходя из этих соображений общероссийская универсальная номенклатура показателей, где присутствуют и объективные и субъективно-оценочные показатели, должна носить интегральный характер. При желании всегда можно выделить те и другие, и помимо интегральной оценки качества жизни получить отдельные оценки субъективного и объективного качества жизни для каждого региона страны.

Тараканов О.В.

д.т.н., профессор, декан факультета «Управление территориями», Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Киселева Н.А.

к.соц.н., доцент кафедры «Кадастр недвижимости и право», Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Утюгова Е.С.

ассистент кафедры «Кадастр недвижимости и право», Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ПЕНЗЕНСКОГО РЕГИОНА

Ключевые слова: устойчивое развитие городских и сельских территорий, уровень жизни населения, сельскохозяйственное производство, сельское население, социально-экономическое развитие, транспорт, строительство жилья, коммунальная и энергетическая инфраструктура, валовый продукт.

Keywords: sustainable development of urban and rural areas, standard of living of the population, agricultural production, rural population, socio-economic development, transport, housing construction, municipal and energy infrastructure, gross product.

Стратегия устойчивого развития городских и сельских территорий России направлена на создание условий для обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни, благоприятной и безопасной окружающей среды. Однако если городские территории в настоящее время интенсивно развиваются и, соответственно, повышается уровень жизни, то сельские территории отстают от городских по многим параметрам. Вместе с тем, сельское население решает важнейшую задачу – обеспечение продовольственной безопасности страны, а также ряд других важных проблем: создание и поддержание благоприятной окружающей среды, сохранение национальных традиций и обычаев, памятников культуры и природы. Основными показателями качества жизни и прогресса сегодня являются обеспечение населения жильем, возможность трудоустройства, уровень здравоохранения, образования, благоприятная и безопасная окружающая среда.

Сельское население и территории находятся в настоящее время в кризисном положении, обусловленном низким общим уровнем трудоустройства, социально-бытового обслуживания, тяжелым финансовым положением производителей сельскохозяйственной продукции, трудностями сбыта продукции. Сложившееся положение способствует оттоку трудоспособного населения из сельской местности в городские агломерации, что в свою очередь приводит к снижению темпов развития сельскохозяйственного производства и снижению интереса молодежи к сельской жизни¹.

Основными негативными факторами для молодежи являются низкооплачиваемый труд, зачастую отсутствующий выбор на рынке труда, низкий уровень социально-бытового обслуживания, отсутствие достойного жилья, низкая обеспеченность дошкольными и школьными образовательными учреждениями, медицинским обслуживанием и т.д. Вместе с тем, во многих муниципальных районах и сельских населенных пунктах наблюдается рост не только сельскохозяйственного производства, но и роста уровня жизни. Однако, в целом, развитие сельских территорий происходит кластерно, в местах приложения инвестиций и реализации инновационных проектов. Возникает не совсем понятная ситуация: развитие и рост сельскохозяйственного производства и внедрение (точечное) новых технологий с одной стороны и снижение, в целом, уровня жизни (если не обнищание) сельского населения, с другой. Иными словами, жить на селе становится не удобно и не престижно. Так почему же в послевоенное время наблюдалась обратная ситуация: село интенсивно развивалось, многодетные семьи были популярны, и жить в селе было интересно и удобно? Интенсивно развивалось не только сельское хозяйство, но и промышленность, строились школы, клубы, больницы и т.д., не было проблем с трудоустройством, социально-бытовое обслуживание, хотя и не такое как в городе, но существовало и развивалось. Иными словами, задачей государства являлась реализация программы комплексного социально-экономического развития села и создание в сельской местности достойных условий труда.

В период развития новых рыночных отношений в стране условия жизни на селе стали резко ухудшаться вследствие спада производства, проблем реорганизации и приватизации сельхозпредприятий, финансовых трудностей и многих других факторов, повлекших за собой резкое снижение желания жить и работать на земле, особенно у молодежи. Молодые люди по окончании учебных заведений и службы в армии редко возвращаются в село и стараются любыми средствами задержаться в городе. Тяжелый физический труд, бытовая и социальная неустроенность мало

¹ Огарков А.П. Социально-экономическое развитие и обустройство села. – М.: Российская академия сельскохозяйственных наук, 2007. – 398 с.

кого прельщают. В итоге разрушить то, что было создано, оказалось легко, а построить и все возродить предстояло заново, и кроме того, в новых политических и социально-экономических условиях.

Сегодня государство ставит глобальную задачу – возродить жизнь на селе и вернуть туда население¹. Одним из основных направлений Стратегии является сохранение и восстановление природных и аграрных ландшафтов, развитие экологически ориентированного сельского хозяйства, повышающего устойчивость экосистем, обеспечивающего жизнь и деятельность людей, проживающих в сельской местности, а также рекреацию городского населения. В соответствии со стратегией социально-экономического развития Пензенской области до 2035 года² к слабым сторонам, сдерживающим развитие региона, относятся факторы, относящиеся в том числе к развитию сельских территорий:

- наличие дисбаланса между сельскохозяйственным производством и сферой переработки, недостаточная глубина переработки сельскохозяйственного сырья, нехватка мощностей по хранению сельскохозяйственной продукции;
- высокий износ коммунальной и энергетической инфраструктур, наличие проблем с чистой питьевой водой в ряде муниципалитетов;

- природно-климатическое расположение области в зоне рискованного земледелия с тенденцией истощения почвенного плодородия земель сельхозназначения;

- отсутствие надлежащих дорожных условий, отсутствие и износ инфраструктурных объектов транспорта, низкие темпы модернизации объектов инфраструктуры, объектов пассажирского транспорта, низкое качество и слабая развитость автодорожной сети в периферийных районах области, изношенность материально-технической базы автотранспортных предприятий.

К отмеченному выше следует добавить проблему теневой экономики, неформальной занятости и диспропорции в территориальном развитии. Вместе с тем, сельскохозяйственное производство Пензенской области развивается достаточно интенсивно. К примеру, в 2022 году практически завершен ввод в оборот неиспользуемых земель. Основными направлениями развития сельскохозяйственного производства является производство зерновых культур, мяса и молока. В 2021 году произведено 72 тыс. т мяса, 272,3 тыс. т мяса и пищевых субпродуктов домашней птицы, 22,6 тыс. т колбасных изделий, 9,9 тыс. т сыров, сырных продуктов и творога, 44,8 тыс. т молока, 49,4 тыс. т хлебобулочных изделий и т.д. В целом, продукция сельского хозяйства в фактически действовавших ценах выросла с 2019 года со 100 122,5 млн руб. до 157 529,2 млн руб. в 2021. Несколько снизился объем производства зерна в 2021 году (2251,6 тыс. т) по сравнению с 2020 годом (3221,7 тыс. т) и урожайность в 2020 и 2021 годах составила 38,4 ц/га и 26,5 ц/га соответственно.³ Приведенные данные свидетельствуют о росте сельскохозяйственного производства в Пензенском регионе. Однако несмотря на положительную динамику развития сельскохозяйственного производства средний уровень жизни на селе остается низким. И подобная ситуация объясняется достаточно просто, поскольку показатель прогресса развития общества в настоящее время определяется не количеством валовой продукции, а качеством жизни населения, заключающемся в обеспечении населения достойным и доступным жильем, медицинским обслуживанием, возможностью трудоустройства и получения образования, социально-бытовым обслуживанием и т.д.

Анализ показателей уровня жизни населения Пензенского региона⁴ свидетельствует, в целом, о положительной динамике. Однако некоторые показатели говорят о том, что сельские территории развиваются менее интенсивно, чем городские. Например, общая площадь жилых домов в 2021 году составила 855,5 тыс. м², но в сельской местности лишь 248,6 тыс. м². В то же время количество м² жилых помещений на одного жителя в 2021 году в городских поселениях составило 31,1 м², а в сельской местности чуть больше – 35,5 м². В рамках государственной программы Пензенской области «Комплексное развитие сельских территорий Пензенской области» ежегодные социальные выплаты на строительство жилья в сельской местности получают около 30 семей, и на реализацию этого мероприятия выделяется более 24 млн руб. На мероприятия по благоустройству сельских территорий ежегодно выделяется около 53 млн руб. Это крайне малые показатели, хотя только в 2021 году на реализацию указанной выше программы из федерального бюджета было предусмотрено 303992,3 тыс. руб. и из бюджета Пензенской области 293746,2 тыс. руб.⁵ Анализ сложившейся ситуации свидетельствует о том, что, несмотря на рост сельскохозяйственного производства, проявляются негативные факторы развития сельских территорий Пензенского региона, основными из которых являются следующие⁶:

- сокращение численности трудоспособного сельского населения за счет миграционных процессов;
- увеличение количества малочисленных населенных пунктов;
- усиление межрегиональной конкуренции на рынках рабочей силы;
- снижение финансовой помощи сельским территориям из федерального бюджета;
- зависимость сельскохозяйственного производства от поставок импортных семян и племенного стада в животноводстве и птицеводстве;
- истощение невозобновляемых природных ресурсов, загрязнение естественных водоемов, развитие оврагов;

¹ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. – <http://static.government.ru/>

² Проект стратегии социально-экономического развития Пензенской области до 2035 года. – <https://www.economy.gov.ru/>

³ Пензенская область 2021 в цифрах. – Пенза, 2022. – 76 с.

⁴ Там же.

⁵ Аналитическая справка о ходе реализации государственной программы Пензенской области «Комплексное развитие сельских территорий Пензенской области» // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Пензенской области. – mcs.pnzreg.ru/

⁶ Проект стратегии социально-экономического развития Пензенской области до 2035 года. – <https://www.economy.gov.ru/>

– опережающее выветие коммунальной и транспортной инфраструктуры и объектов социально-бытового и культурного обслуживания населения вследствие нехватки финансовых средств на модернизацию, восстановление.

Таким образом, в современных условиях необходима целенаправленная государственная политика, финансовая поддержка, разработка и реализация целевых программ развития сельских территорий с целью обеспечения условий повышения доходности и создания социально ориентированной экономики села. Разработанные в последние годы множества стратегий и программ зачастую не приносят ожидаемых результатов вследствие недостаточной обоснованности основных причин снижения уровня жизни на селе и необходимости разработки действенных мер по повышению эффективности развития сельских территорий.

Тарандо Е.Е.

д.э.н., доцент, профессор кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Градусова В.Н.

к.э.н., доцент, доцент кафедры менеджмента, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург

АГРОЭКОТУРИЗМ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: туризм, туристическая привлекательность, сельские территории, агроэкотуризм, фермерское хозяйство, агроусадьба, дестинация.

Keywords: tourism, tourist attraction, rural areas, agroecotourism, farming, farmstead, destination.

Мировой опыт показывает, что аграрный туризм как один из факторов развития способен значительно повлиять на социально-экономическую ситуацию в сельской местности, поскольку в результате его развития на селе вырастает новый сектор услуг, возникают новые рабочие места с достойной заработной платой. Аграрные регионы получают новый импульс для развития, базирующегося на местных ресурсах, ранее недостаточно вовлекавшихся в местную экономику. Наряду с экономической выгодой достигаются и социально-демографические цели, замедляются процессы деградации сельских районов, уменьшается отток молодого поколения из деревни. При этом формируются комфортные условия для самих жителей сел, что в конечном итоге способствует развитию экономического потенциала территорий и, что не менее важно, сохранению и возрождению культурного наследия коренных народов.

Аграрный туризм способен лучше удовлетворять пожелания обеих сторон этого процесса: снизить уровень безработицы на селе и предоставить здоровый отдых уставшему от «бетонных джунглей» горожанину. Благодаря этому виду туризма сельские жители получают дополнительный источник дохода, который положительно отразится на уровне их благосостояния. Эти доходы могут быть направлены на реконструкцию старых построек и создание новых туристских объектов, сохранение и использование культурного, исторического и природного наследия и местных традиций территории.

Богатый опыт в развитии этого направления туризма накоплен Республикой Беларусь, изучение которого может быть полезно и для российских аграрных регионов. Агроэкотуризм – это уже состоявшийся бренд Беларуси. Если в 2006 г. в этот вид деятельности было вовлечено около 30 субъектов хозяйствования, то в начале 2021 г. их число приближается к трем тысячам¹.

Очевидно, что только на убеждении и энтузиазме агроэкотуризм не получил бы такого развития. Хотя он выполняет и важные социальные функции, но это, в первую очередь, бизнес, т.е. деятельность, направленная на извлечение прибыли. И привлечь такое число участников в этот сектор могли только убедительные финансовые результаты пионеров этого движения.

Это отразилось на показателях развития этой отрасли в Республике Беларусь. По данным доклада Всемирной туристической организации (UN WTO) «The Economic Contribution of Tourism and the Impact of COVID-19», доля туризма в ВВП Беларуси в 2019 г. составила 2,5% (в 2014 г. – 1,8%). В рейтинге стран по данному показателю в 2019 г. Беларусь только немного уступала очень привлекательной для туристов Финляндии, в которой на долю туризма приходилось 2,6% от ВВП.

Но начиналось все более 20 лет назад. Процесс продвигался медленно и с трудом. В 2002 г. была создана общественная организация «Агро- и экотуризм», в 2003 г. – «Отдых в деревне». Постепенно налаживалось взаимодействие с зарубежными партнерами из Литвы, Эстонии, Польши².

Параллельно шла работа по совершенствованию законодательства, регулирующего этот специфический вид экономической деятельности: в 2006 г. был издан Указ Президента Республики Беларусь «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь», принят целый ряд нормативных актов, предусматривающих применение мер стимулирующего характера для граждан, пожелавших заняться приемом гостей без отрыва от основного занятия – сельскохозяйственного производства. Для популяризации этого направления были сформированы общественные советы

¹ Количество агроусадьб в Беларуси с 2006 года выросло в 86 раз // БЕЛТА. – <https://www.belta.by/society/view/kolichestvo-agrousadieb-v-belarusi-s-2006-goda-vyroslo-v-86-raz-430133-2021/>

² Агроэкотуризм: учеб.-метод. пособие / В.А. Кликунова, Н.М. Борисенко, Я.И. Аношко. – Минск: РИПО, 2014. – С. 39.

по агроэкотуризму в областях и районах республики¹. Прогресс был налицо – количество агроусадеб, готовых принять гостей, увеличилось с 34 ед. до 1247 ед.².

Свидетельством того, что агроэкотуризм может быть интерес и инвесторам, является то, что в последние годы эта отрасль в Республике Беларусь развивается на основе государственно-частного партнерства. Это во многом стало возможным благодаря программам льготного кредитования субъектов агроэкотуризма³. Уже к 2014 г. в Республике Беларусь сформировалось 17 туристских дестинаций на территории Брестской и Гродненской областей, обладающих необходимыми ресурсами для развития туристических кластеров⁴.

Следует отметить, что на высшем уровне государственного управления Республики Беларусь не только признали важность этого вида деятельности, но и ее особая значимость для устойчивого социально-экономического развития сельских территорий. Об этом свидетельствует тот факт, что агроэкотуризм оставался в фокусе внимания государственной власти даже в условиях пандемии COVID-19. Несмотря на огромные незапланированные затраты, направленные на борьбу с коронавирусом SARS-CoV-2, в 2020 г. было принято решение о сохранении льгот и преференций для субъектов, оказывающих услуги в сфере агроэкотуризма, включая льготное кредитование на срок до 5 лет. Более того, осознавая вклад этого вида экономической деятельности в развитие территорий и поддержание жизненного уровня на селе, расширили возможности развития этого бизнеса – узаконили право одновременно оказывать услуги на территории двух агроусадеб.

Конечно, финансовая поддержка важна, но не менее ценно то, что каждый желающий заняться приемом гостей у себя в усадьбе, может пройти обучение основам гостеприимства. В Республике Беларусь такая работа ведется на системной основе. Начиная с 2012 г. запущен образовательный проект «Школа развития агроэкотуризма». Специалистами были разработаны эффективные методы образования и способы вовлечения заинтересованных людей в эту специфическую деятельность. Люди проявили к этому интерес. Сегодня в республике уже сложились династии, развивающие традиции семейного туристического бизнеса.

С годами агроэкотуризм оказывает все более значительное влияние на социально-экономическую ситуацию в Республике Беларусь. О существенном повышении жизненного уровня сельских жителей страны свидетельствует тот факт, что за неполные 10 лет (2011–2019 гг.) удельный вес сбережений в структуре денежных расходов увеличился более чем в 1,5 раза (с 6 до 9,1%)⁵.

Но главным достижением от реализации этой государственной программы следует считать сокращение оттока сельских жителей в города: миграционная убыль среди сельского населения в Беларуси в 2006–2019 гг. сократилась почти в 2 раза (с –14 320 чел. в 2006 г. до –7486 чел. в 2019 г.)⁶, что во многом обусловлено улучшением условий жизни в сельской местности (табл. 1).

Таблица 1

Благоустройство жилого фонда сельских территорий в Республике Беларусь, в процентах от общего числа опрошенных домохозяйств⁷

Виды благоустройства	2011 г.	2015 г.	2019 г.
водопровод	63,0	71,0	86,1
канализация	58,8	67,0	81,6
центральное отопление	56,0	63,8	72,8
горячее водоснабжение	45,6	56,1	71,4
ванны (души)	46,7	54,9	66,6
газ	98,2	98,8	99,3

Росту удовлетворенности сельских жителей условиями своего проживания в значительной степени способствует развитие агроэкотуризма, поскольку расширение возможностей для трудоустройства, активной модернизации инженерной и социальной инфраструктуры в рамках программ повышения туристической привлекательности сельской местности способствовало повышению жизненного уровня.

Представляется, что положительный опыт Республики Беларусь по содействию развития агроэкотуризма может быть полезен и российским регионам, в которых это направление экономической деятельности рассматривается как одно из наиболее перспективных.

¹ Смолянок О.И. Общественные советы в Республике Беларусь. – <https://www.lawtrend.org/freedom-of-association/obshhestvennye-sovety-obshhestvennye-sovety-v-respublike-belarus>

² Министерство спорта и туризма. Агротуризм в Беларуси. – <https://www.mst.by/ru/>

³ ОАО «Белагропромбанк»: Программа участия ОАО «Белагропромбанк» в развитии агроэкотуризма в Республике Беларусь. – <https://www.belapb.by/rus/juridical/crediting/agroturism/>

⁴ Олюнина И.В. Туристический кластер как средство развития региона: проблемы и возможности // София. 2018. – № 1. – С. 106–110.

⁵ Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. – <http://dataportal.belstat.gov.by/>

⁶ Рассчитано по: Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. – <http://dataportal.belstat.gov.by/>

⁷ Составлена по: Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. – <http://dataportal.belstat.gov.by/>

О том, что этот вид туризма в нашей стране тоже набирает обороты свидетельствует тот факт, что, по данным Агентства развития сельских инициатив, количество потребителей агротуристических услуг составляет 22% от числа всех туристов, путешествующих по стране¹.

Считаем, что для продвижения агротуризма в российских регионах целесообразно разработать специальные ознакомительные маршруты, объединяющие несколько близко расположенных ферм в агротуристические цепочки.

Важно оценить состояние средств коллективного размещения гостей. Как отмечалось выше, основными потребителями агротуристических услуг являются привыкшие к бытовому комфорту жители двух столиц и крупных городов. Жилые помещения, расположенные на территории фермерского хозяйства, должны быть приспособлены для длительного пребывания требовательных к бытовым условиям горожан, и вместе с тем моделировать деревенские условия, передающие атмосферу повседневной жизни фермера.

Для динамичного развития данной отрасли необходимо:

– совершенствовать нормативно-правовое обеспечение, регулирующее деятельность в сфере сельского туризма и сопряженных с ним областях;

– разработать концепцию развития агрозкотуризма на региональном уровне;

– предусмотреть меры финансовой поддержки предпринимателей, оказывающих агротуристические услуги, включая льготы по кредитам, налоговые вычеты, налоговые «каникулы» и т.п.;

– организовать обучение основам гостеприимства фермеров и других заинтересованных лиц;

– провести инвентаризацию и при необходимости модернизацию объектов дорожной, инженерной и социальной инфраструктуры в сельских населенных пунктах, которые будут принимать туристов.

Таким образом, агрозкотуризм может стать существенной статьей дохода бюджета территории, а также способствовать повышению материальной обеспеченности сельских жителей, не только непосредственно занятых приемом гостей, но и оказывающих другие услуги. Опыт Республики Беларусь это убедительно доказывает. Импульс развитию этого вида деятельности может дать система мер государственной поддержки, включая комплекс стимулирующих мер, а также юридическое, информационное и консультационное сопровождение таких проектов. Принимая во внимание сильно изменившиеся условия для отдыха россиян, можно ожидать повышение интереса к внутреннему туризму, в том числе и сельскому.

¹ Лебедева И.В., Копылова С.Л. Результаты исследования «Текущее состояние сельского туризма в России. Выявление проблем и перспектив развития (2019 год)». – М.: АНО АРСИ, 2019. – https://xn--e1accaegnkjlgchsq1m.xn--p1ai/assets/files/books/report-research_rural-tourism-in-russia_arsi_2019.pdf

Терентьева М.А.

к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
iesp@mail.ru

ЗАНЯТОСТЬ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ В СЕВЕРНЫХ И ЮЖНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ¹

Ключевые слова: *неформальный сектор, занятость населения, северные и южные регионы России.*

Keywords: *informal sector, employment, northern and southern regions of Russia.*

Исследования неформального сектора пробудили интерес экономистов к хозяйственной деятельности, не соответствующей формальным нормам. Неформальная экономика включает в себя и особый тип хозяйствования, и специфический характер социально-трудовых отношений, и определенный механизм коррекции формальных норм.

Неформальный сектор (или «иная» экономика) часто противопоставляют формальному сектору (или «нормальной» экономике), представляющий фирменное устройство транснациональных компаний². В 1970-е гг. неформальный сектор связывался с бедностью развивающихся стран, с узостью формального сектора рынка труда, когда корпорации не обеспечивали высокую занятость населения³. Поэтому, предпринимательство в неформальном секторе в развивающихся странах чаще всего имело вынужденный характер (особенно выбор самозанятости⁴). Однако уже в 1980-е гг. наличие неформального сектора стали связывать с высокими издержками легальности⁵. Предприниматель, сопоставляя издержки и выгоды легальности, выбирает выход из тени при условии, что выгоды перевешивают, и он соглашается нести издержки легальности. При этом важен не их абсолютный размер, а сравнение с получаемой выгодой от легальности.

В последующие десятилетия проводится много исследований неформальных секторов в разных странах, в этих исследованиях делалась попытка оценить неформальный сектор с использованием разных показателей⁶. В 1993 г. проходит XV Международная конференция статистиков труда под эгидой Международной организации труда, где активно обсуждались проблемы оценки неформального сектора. По окончании конференции была принята «Резолюция о статистике занятости в неформальном секторе экономики»⁷. Согласно данной резолюции, национальные статистические службы могли оценить масштаб неформального сектора по показателям численности занятых и регистрации, в той или иной правовой форме. Поскольку данные о регистрации предприятий не всегда доступны и не всегда достоверны, то в очень многих странах неформальный сектор выделяют по числу наемного персонала. Если число занятых на предприятии составляет до пяти-семи человек, то оно относится к неформальному сектору, то есть фактически это предприятия малого бизнеса. Таким образом, численность занятых на предприятии стала основным критерием для отнесения предприятия к неформальному сектору.

В России к занятым в формальном секторе относят тех, кто трудится на предприятиях, в организациях и учреждениях со статусом юридического лица, то есть предприятия, имеющие свидетельство о государственной регистрации в качестве юридического лица. А все остальные предприятия в России, не имеющие статуса юридического лица, относятся к неформальному сектору (фермерские хозяйства (КФК), – индивидуальные предприниматели без образования юридического лица (ИП), занятые по найму у физических лиц и ИП, занятые на индивидуальной основе (без регистрации ИП, это и легальные (самозанятые) и нелегализованные, производство в домашних хозяйствах продукции для реализации) и соответственно занятые на данных предприятиях лица.

Оценки неформального сектора в России показывают, что в неформальном секторе экономики трудится около 19,0%, но в пересчете по методике развитых стран, данная оценка уже ниже и составляет 10,0% занятых в неформальном секторе, что вполне сопоставимо с развитыми странами⁸.

¹ Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограниченные экономические ресурсы» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

² Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School of Economics and Social Studies. 1954. – Vol. 22, N 2. – P. 139–191.

³ Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // Journal of Modern African Studies. 1973. – Vol. 11. – P. 61–89.

⁴ Acs Z.J., Varga A. Entrepreneurship, Agglomeration and Technological Change // Small Business Economics. 2005. – Vol. 24, N 3. – P. 323–334.

⁵ Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: Catallaxy, 1995.

⁶ Rakowski C.A. Convergence and Divergence in the Informal Sector Debate: A Focus on Latin America, 1984–1992 // World Development. 1994. – Vol. 22, N 4. – P. 501–516.

⁷ https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_234473.pdf

⁸ В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 535 с.

Неформальный сектор РФ составляет малое предпринимательство, которое слабо развито ввиду низкой предпринимательской культуры (но через поколение можно ожидать ее повышение), неблагоприятной предпринимательской среды (что не мешает ему функционировать с 1990-х гг., даже в советское время были предприниматели, так называемые «цеховики», помогающие сгладить основную болезнь плановой экономики – дефицит), дистрибутивного типа экономики (наличием проблем с генерированием в экономике нового продукта) и часто меняющейся экономической политики. Еще Г. Гроссман¹, изучая неформальную экономику СССР, выявил тенденцию наращивания неформального сектора в направлении с севера на юг и с востока на запад страны.

В современной России сырьевая специализация северных регионов снижает стимулы к предпринимательству и негативно влияет на условия ведения малого предпринимательства в северных регионах в сравнении с южными регионами России, что выражается в отстающем развитии предпринимательства на Севере России. Но поскольку неформальный сектор является «зачатком» малого предпринимательства, то оценка неформального сектора в южных и северных регионах позволит определить уровень развития малого предпринимательства в противоположных территориях. Выход в легальность малого бизнеса связан с административными барьерами и высокими издержками, а неформальный сектор позволяет их обойти или минимизировать. Хозяйственная деятельность на Севере связана с еще большим удорожанием легальности ввиду природно-климатических условий, поэтому доля неформального сектора на Севере России должна быть выше.

Однако данные Росстата показывают, что неформальный сектор в южных регионах России выше в два раза в сравнении с северными регионами (табл. 1).

Таблица 1

Численность занятых в неформальном секторе за 2001–2019 гг., %

Занятость в неформальном секторе	2001 г.	2004 г.	2007 г.	2009 г.	2012 г.	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2019 гю.
Российская Федерация	14,3	17,1	18,4	19,5	19	19,7	20,5	19,8	20,6
Южный ФО	20,2	25,5	28,1	31	25,5	25,5	27,6	28,5	30,9
Республика Адыгея	21,1	24	34,6	30,9	27,3	29,7	30,4	29,7	31,3
Республика Калмыкия	34,1	24,4	24,5	23,4	32,9	28,5	28,9	32,5	31,7
Краснодарский край	18,7	23,7	24,5	25,7	26	26,5	28,7	29,3	33,9
Астраханская область	19,5	25,8	26,6	29,8	25,9	29,2	25,3	25,1	32,1
Волгоградская область	17,8	27,9	22,3	25,4	23,9	22,6	22,9	22,1	25,0
Ростовская область	14,6	22,2	27,3	27,1	25,1	24,8	29,1	28,6	25,7
Северо-Кавказский федеральный округ	27,0	27,1	32,6	39,8	39,4	44,2	45,6	44,9	44,6
Ставропольский край	19,3	20,8	22,2	29,5	29,6	27,6	30,9	30,3	37,2
Республика Дагестан	37,9	43,8	49,2	46,9	51	56,1	56,5	56,0	47,0
Республика Ингушетия	20,3	20,7	27,6	44,6	42,7	43,7	51,0	49,3	49,1
Кабардино-Балкарская Республика	29,0	24,8	37,6	36,4	40,1	49,2	47,0	44,1	49,8
Карачаево-Черкесская Республика	33,9	34,1	44,5	41,5	35,4	38,9	33,9	29,3	37,2
Республика Северная Осетия-Алания	21,7	18,3	14,4	39,7	35,1	36,7	40,5	37,2	28,8
Чеченская Республика	–	–	–	44,7	41,9	63,0	63,0	63,9	62,1
Европейский Север	9,3	11,8	12,1	13,4	14,3	16,0	15,6	14,7	13,7
Республика Карелия	8,2	10,4	10,1	12,8	14,3	16,9	17,5	18,2	16,6
Республика Коми	9,4	11,6	13,4	12,9	16,9	18,4	16,0	15,7	14,6
Архангельская область	11,9	16,1	20,3	18,3	16,9	21,6	24,5	23,5	21,6
Ненецкий автономный округ	5,6	7	7,3	13,1	13,7	13,7	9,6	8,8	8,6
Мурманская область	11,4	14	9,2	9,9	9,9	9,3	10,4	7,1	6,9
Азиатский Север	12,1	12,1	15,0	14,7	13,4	14,7	14,9	15,4	15,6
Ханты-Мансийский федеральный округ	9,4	12,7	6,6	7,9	7,9	8,5	8,9	7,9	8,3
Ямало-Ненецкий федеральный округ	5,3	6	5,5	6,7	5,3	6,4	7,6	6,2	6,5
Республика Тыва	17,0	19,7	29,3	29,4	24,4	23,5	30,7	29,0	21,5
Республика Саха (Якутия)	11,6	12,3	15,9	17,7	18,4	19,0	16,7	17,3	19,7
Камчатский край	15,4	17,3	22,9	18,1	16,8	20,9	17,4	16,8	17,2
Магаданская область	17,7	11,7	14,2	13,2	8,2	16,4	16,5	17,4	24,8
Сахалинская область	12,2	9,4	20,2	17,4	19,1	17,1	17,0	19,6	21,2
Чукотский федеральный округ	8,0	7,6	5,2	6,8	6,9	6,1	4,7	8,8	5,5
Юг России	24,0	25,9	29,6	34,3	33,6	36,7	37,5	36,7	37,8
Север России	11,0	12,0	13,9	14,2	13,7	15,2	15,2	15,1	14,8

Данные рис. 1 демонстрируют рост численности занятых в неформальном секторе в южных регионах страны, в то время как в регионах Севера она почти не изменилась за 2001–2019 гг.

¹ Grossman G. The «Second Economy» of the USSR // Problems of Communism. 1977. – Sept. – Oct. P. 25–40. (Текст статьи см. также в Интернете по адресам: <http://www.econ.duke.edu/~treml/e293/grossman.293>, <http://www.econ.duke.edu/~treml/rus/25/SEC-EC3.html>).

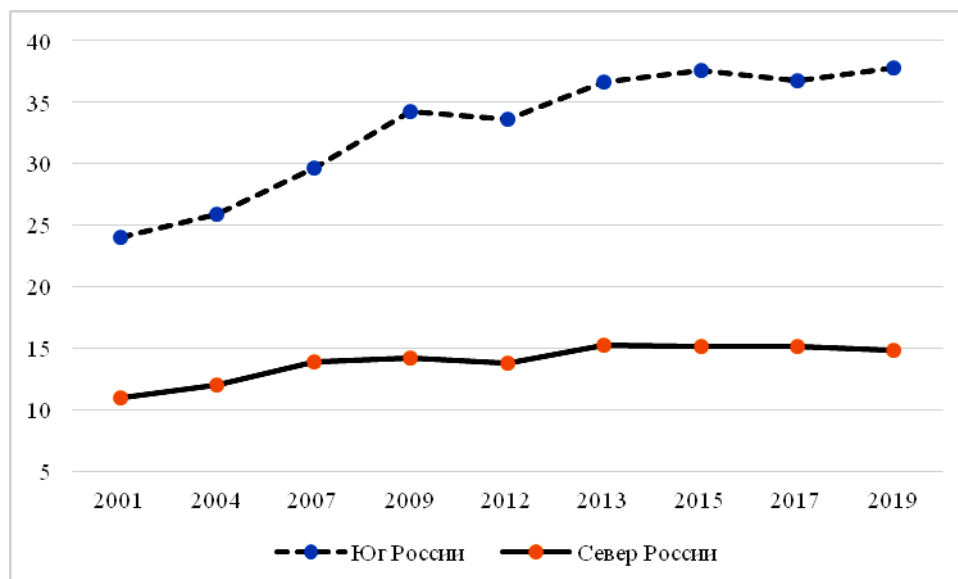

Рисунок 1.

Динамика численности занятых в неформальном секторе за 2001–2019 гг., %

Более того, в 2000-е годы, когда экономика страны росла, когда наращивался ВВП, автоматически должны были расширяться границы для занятости в формальном секторе, так как всё больше людей должны работать официально, на предприятиях, но в 2000-е годы на фоне роста экономики увеличилась численность занятых в неформальном секторе, и сократилась занятость в корпоративном секторе как в России в целом, так и в ее южных (на 10,0 п.п.) и северных (на 3,2 п.п.) регионах. Этот феномен называют «загадкой российского рынка труда», парадоксальным следствием экономического роста¹. Хотя, еще Э. де Сото описал на примере Перу, что бурно растущая экономика (что можно сравнить с 2000-ми годами в РФ) может провоцировать рост неформального сектора, и причиной он называл качество институтов, задающих высокие издержки подчинения закону. А создаваемые неформалами правила фактически дублируют нормы формального права, но при этом они выигрывают с точки зрения цены, скорости входа на рынок и решения хозяйственных задач. То есть неформальность амортизирует избыточное администрирование, снижает ошибку законодателей, создает пространство для развития предпринимательской деятельности.

¹ В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 535 с.

Тихомирова В.В.

к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
tikhomirova@iespn.komisc.ru; vvtikhomirova@mail.ru

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА РЫНКЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)¹

Ключевые слова: *реальный сектор экономики, конкурентоспособность, социальная сфера, субъекты предпринимательской деятельности, мониторинг, жилищно-коммунальные услуги.*

Keywords: *real sector of the economy, competitiveness, social sphere, business entities, monitoring, housing and communal services.*

Реальный сектор экономики России можно разделить на две части:

- отрасли, ориентированные на внешний рынок;
- отрасли, ориентированные на внутренний рынок;

Первая часть реального сектора невелика по числу занятых граждан (около 5%), но приносит более половины всей прибыли в стране. Вторая часть реального сектора малорентабельна из-за своей невысокой конкурентоспособности².

Основополагающим принципом государственной политики в области конкуренции является сокращение доли хозяйствующих субъектов, контролируемых государством, в общем количестве хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на рынках товаров и услуг. Утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы. Его мероприятия направлены на достижение ключевых показателей, одним из которых является увеличение к 2020 году доли закупок, участниками которых являются социально ориентированные некоммерческие организации осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации в сфере государственного и муниципального заказа не менее чем в два раза по сравнению с 2017 годом³.

Развитие конкурентной среды в сфере услуг жилищно-коммунального хозяйства Республики Коми. В настоящее время социальная сфера имеет легальное толкование в соответствии со «Стандартом развития конкуренции в субъектах РФ», где социальная значимость отраслей социальной сферы определяется с учетом сформированного перечня приоритетных и социально значимых региональных рынков, направленных на повышение уровня жизни населения⁴.

В положении об органах исполнительной власти Республики Коми развитие конкуренции определено в качестве одного из основных приоритетов деятельности региона⁵. Распоряжением Правительства Республики Коми уполномоченным органом по содействию развитию конкуренции в регионе является Министерство экономического развития и промышленности⁶. Утвержден перечень приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в республике с обоснованием их выбора⁷.

Важной характеристикой конкурентной среды на рынках товаров и услуг является доля негосударственной (немуниципальной) формы собственности, что предусмотрено федеральным Стандартом развития конкуренции.

В рамках внедрения Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации предусмотрено проведение:

- мониторинга административных барьеров и оценки состояния конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности;
- мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции;
- мониторинга удовлетворенности субъектов предпринимательской деятельности и потребителей товаров и услуг качеством (уровнем доступности, понятности, удобства получения и достаточности) официальной информации о

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИОКТР «Реальный сектор экономики северных регионов России: проблемы и перспективы развития» Интернет-номер / Регистрационный номер 122031500421-1, НИР-2022–2024 гг.

² Реальный сектор экономики России: стратегия управления, инвестиции и инновации. – М.: Перо, 2016. – С. 8.

³ Федеральный закон от 12.01.1996г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». – <http://www.consultant.ru/>

⁴ Распоряжение Правительства РФ № 1738-р «Стандарт развития конкуренции в субъектах РФ». – <http://www.consultant.ru/>

⁵ Закон Республики Коми от 31 октября 1994 г. № 8-РЗ «Об органах исполнительной власти в Республике Коми». – <https://law.rkomi.ru/>

⁶ Распоряжение Правительства Республики Коми от 23 октября 2014 г. № 354-р «Об определении уполномоченного органа по содействию развитию конкуренции в Республике Коми». – <https://base.garant.ru/>

⁷ Об утверждении Перечня приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в Республике Коми от 14 декабря 2015 года № 360-р (с изменениями на 17 июля 2018 года). – <http://docs.cntd.ru/>

состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг региона и деятельности по содействию развитию конкуренции в регионе.

Министерство экономического развития и промышленности Республики Коми совместно с органами местного самоуправления муниципальных образований городских округов и муниципальных районов, ГАУ РК «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг Республики Коми» ежегодно проводят опросы субъектов предпринимательской деятельности и населения.

Проведение опроса хозяйствующих субъектов с распределением организаций по категориям бизнеса (крупный, средний, малый) и в отраслевом разрезе осуществляли органы местного самоуправления. Выборка субъектов предпринимательской деятельности репрезентирует предпринимательское сообщество по критерию отраслевой принадлежности и месту регистрации бизнеса – пропорционально их доле в соответствующих показателях по республике.

В 2020 году в опросе субъектов предпринимательской деятельности приняли участие 667 хозяйствующих субъектов, из них 338 индивидуальных предпринимателей (50,7%) и 329 юридических лиц (49,3%). Представителями предприятий, зарегистрированных в муниципальных образованиях городских округов, являлись 38,5% опрошенных и 61,5% были зарегистрированы в муниципальных образованиях муниципальных районов. Основным географическим рынком сбыта продукции (работ, услуг) предприятий, которые представляли респонденты, в 31,2% случаев являлся рынок Республики Коми, в 63,4% – локальный рынок муниципального образования.

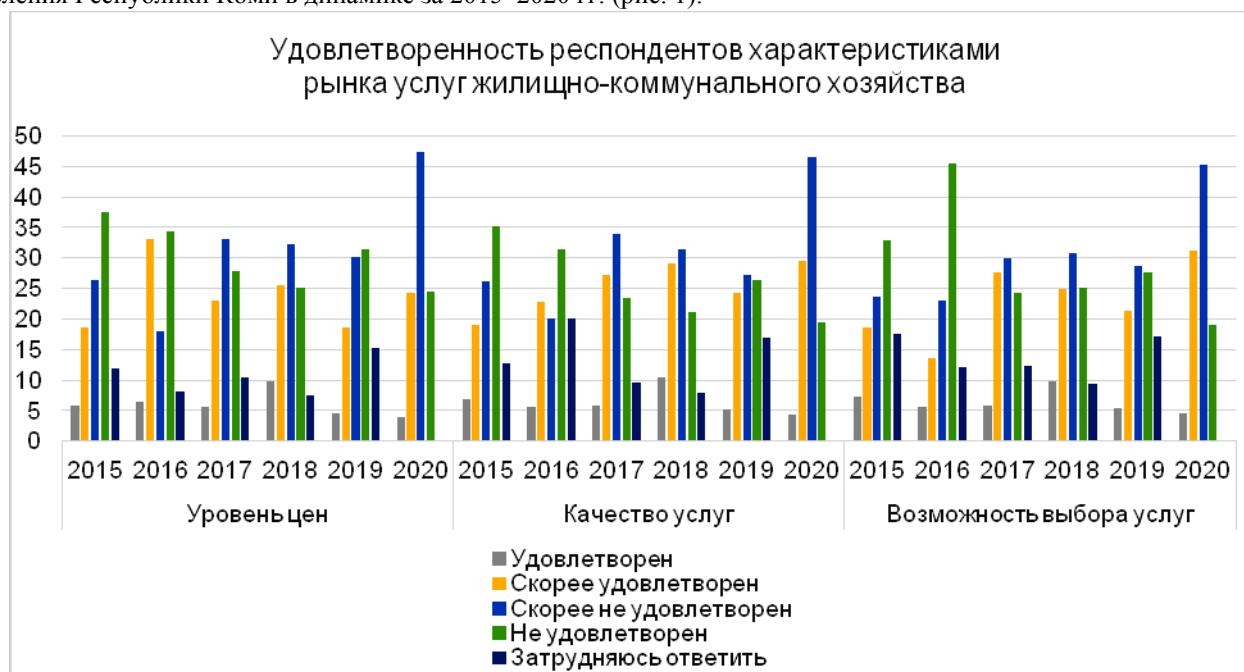
Выборка населения была проведена по месту проживания (городской округ, муниципальный район). Опросом было охвачено 3250 человек. Опрос проводился во всех муниципальных образованиях городских округов и муниципальных районов республики.

Расчет квот для опроса был сделан на основе методических рекомендаций Министерства экономического развития Российской Федерации от 11.03.2020 № 130 «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации»¹.

Мониторинг удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на рынке услуг жилищно-коммунального хозяйства региона и состоянием ценовой конкуренции

Целями и показателями приоритетного регионального проекта «Обеспечение качества жилищно-коммунальных услуг» являются повышение качества жилищно-коммунальных услуг и повышение уровня удовлетворенности граждан качеством предоставляемых услуг до 85% (в 2018 г. – 78%, в 2019 г. – 80%). Срок реализации проекта: с октября 2016 г. по февраль 2021 г. (включительно).

Для создания условий дальнейшего развития конкуренции и повышения клиентоориентированности отрасли жилищно-коммунального хозяйства необходимо дать оценку эффективности их работы посредством мониторинга. В данной статье в целях определения уровня развития конкурентоспособности мы рассмотрим удовлетворенность потребителей уровнем цен, качеством услуг и возможностью выбора услуг на рынке жилищно-коммунального хозяйства населения Республики Коми в динамике за 2015–2020 гг. (рис. 1).

Источники: Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми». – Сыктывкар, 2018. – 212 с.; Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми». – Сыктывкар, 2020. – 502 с.

Рисунок 1.

Удовлетворенность респондентов характеристиками рынка услуг жилищно-коммунального хозяйства, в % от числа опрошенных

¹ Министерство экономического развития Российской Федерации от 11.03.2020 № 130. Методические рекомендации «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации».

В 2020 году «удовлетворен» и «скорее удовлетворен» *уровнем цен* отметили 28,1% опрошенных (2015 г. – 24,4%, 2018 г. – 35,3%). По сравнению с 2018 годом данный показатель упал на 7,2%. Выбрали варианты ответов «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен» 71,9% (2015 г. – 52,4%, 2018 г. – 57,3%). За исследуемый период данный показатель непрерывно растет.

«Удовлетворен» и «скорее удовлетворен» *качеством услуг* отметили 33,9% потребителей рынка услуг жилищно-коммунального хозяйства (2015 г. – 25,8%, 2018 г. – 39,5%). Дали оценку скорее не удовлетворительную и неудовлетворительную 66,1% (2015 г. – 61,4%, 2018 г. – 52,6%). За обозначенный период показатель качества услуг упал на 4,7%, и повышения качества услуг не произошло.

Возможность *выбора услуг* удовлетворяет и скорее удовлетворяет 35,7% (2015 г. – 25,9%, 2018 г. – 34,8%), т.е. практически осталась на уровне 2018 года. Скорее не удовлетворяет и не удовлетворяет 64,2% (2015 г. – 56,6%, 2018 г. – 55,8%) населения (рис. 2).

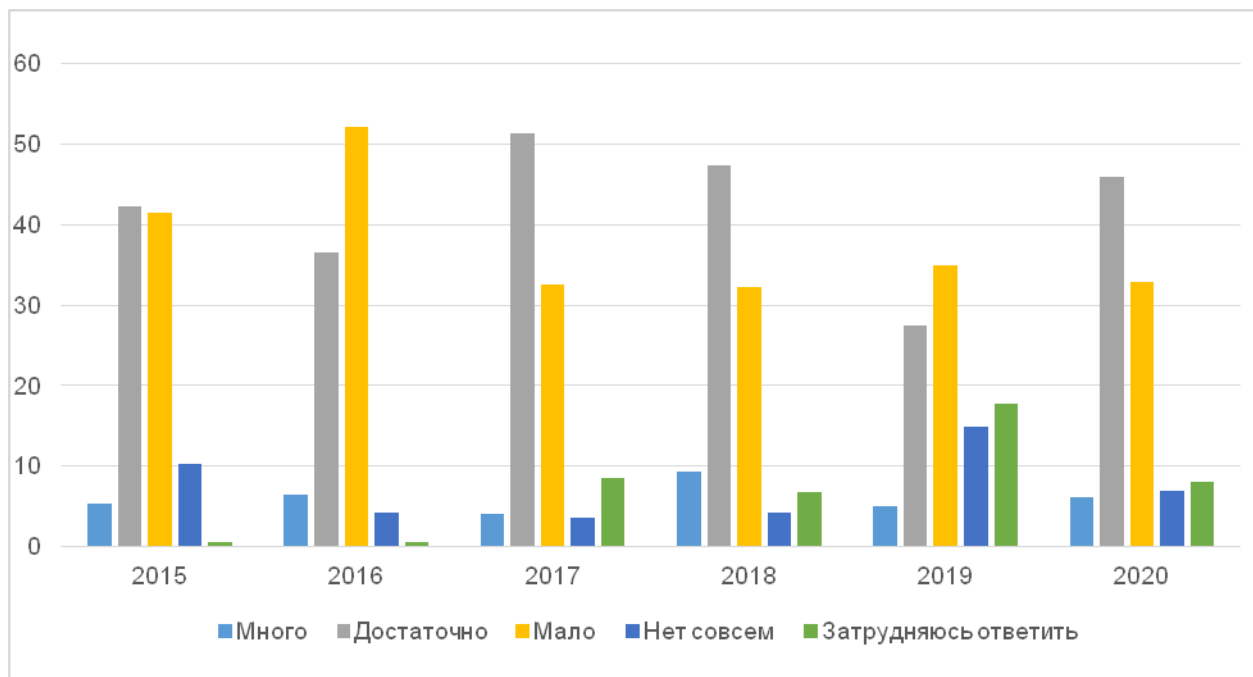

Рисунок 2.

Распределение ответов на вопрос «Какое количество организаций предоставляют услуги жилищно-коммунального хозяйства в вашем районе (городе)?», в % от числа опрошенных

В разрезе городов и районов республики средний балл по уровню цен составил 2,1, по качеству услуг – 2,2 балла и выбору услуг – 2,2 балла, что говорит о том, что потребители рынка жилищно-коммунального хозяйства «скорее не удовлетворены» уровнем цен, качеством услуг и возможностью выбора услуг.

Выводы. Таким образом, в результате исследования определено, что установленные целевые индикаторы частного рынка товаров, работ, услуг на рынке жилищно-коммунальных услуг (85%) не достигнуты. Повышение уровня удовлетворенности граждан качеством предоставляемых услуг составило лишь 33,9%. Конкуренция по данному виду экономической деятельности определяется как слабая.

Тенденция к снижению удовлетворенности потребителей ценовой конкуренцией, качеством и возможностью выбора услуг на данном рынке Республики Коми объяснялась потребителями распространением коронавирусной инфекции COVID-19.

Троп Т.И.

м.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск
trop@ecrin.ru

ВЛИЯНИЕ КОРОНАКРИЗИСА 2020–2021 гг. И ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ШОКОВ НАЧАЛА 2022 г. НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ: НА ПРИМЕРЕ РОЗНИЧНОГО КРЕДИТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ДФО

***Ключевые слова:** пандемия COVID-19, внеэкономические и экономические шоки, коронакризис, кредитование населения, ипотечное жилищное кредитование, динамика банковского кредитования, кредитная активность населения, регионы, субъекты РФ, Дальний Восток России, глубина «волны»/спада.*

В развитии систем аналитического и информационного обеспечения стратегических региональных проектов и программ важное место занимает исследование факторов и источников устойчивого социально-экономического развития и, в особенности, исследование влияния факторов внеэкономического характера, таких как пандемия COVID-19, природные катаклизмы и стихийные бедствия, политические и военные конфликты, санкционный прессинг, которые непосредственным образом влияют на все стороны жизни страны, индуцируя сильнейшие шоки в экономике, а также исследование поведения различных систем, секторов экономики и региональных сегментов в условиях таких стрессовых ситуаций.

Особое значение приобретает исследование поведения в эти периоды одного из важнейших сегментов экономики – банковского кредитования населения, самым непосредственным образом влияющего на формирование внутреннего спроса для стимулирования развития хозяйственной системы страны и её регионов. В эти периоды, как показывают исследования, проявляется значительная дифференциация региональных систем по их откликам или реакции на пандемические и иные шоки, причем периоды резких спадов объемов кредитования практически полностью соответствуют «волнам» распространения пандемии COVID-19, «пикам» шокового влияния. Исследование проведено на примере розничного кредитного сектора Дальневосточного макрорегиона, занимающего особое место в экономической стратегии России в XXI веке.

За 2014–2019 гг. физическим лицам-резидентам на территории ДФО было выдано 3437 млрд руб. кредитов, в том числе 3428 млрд руб. – в национальной валюте и 9,8 млрд руб. – в иностранной валюте. Объем рублевых кредитов имел слабую повышательную тенденцию со среднегодовым темпом роста 108,3% в целом по ДФО (в целом по России – 111%) и вариацией от 104–105% в Бурятии и Амурской области до 112–119% в Сахалинской области и Чукотском АО и «провалом» в 2015 г., доходившим до –42% в Бурятии и Забайкальском крае. По валютным кредитам наблюдался резкий спад в 2015 г. и понижательный тренд в 2018–2019 гг. как в целом по ДФО, так и в большинстве его субрегионов. Это соответствовало политике девальютизации, в том числе розничных кредитов: в целом по РФ – в течение всего анализируемого периода и в ДФО и большинстве его субрегионов – в 2017–2019 гг.

В 2020–2021 гг. рынок розничных кредитов заметно активизировался за счет рублевой составляющей (рублевых кредитов населению было предоставлено 2,21 трлн руб. и 5,7 млрд руб. – в иностранной валюте), темпы роста которой составили в целом по ДФО 166% в 2020 г. по сравнению со среднегодовым объемом КФЛ за 2014–2019 гг. и соответствовали среднероссийским темпам (163%) с вариацией от 155% в Якутии до 174–179% в Приморском крае и Сахалинской области и 201% в Чукотском АО. В 2021 г. повышательная тенденция продолжилась с вариацией темпов роста от 124 до 143% и среднерегиональным темпом роста в 134%, что соответствовало среднероссийскому.

Одновременно в 2020 г. наблюдалось обрушение объемов валютного кредитования физических лиц как в целом по РФ, так и в Дальневосточном макрорегионе; в последнем – за счет резкого падения показателя в Приморском крае, в котором накануне пандемии аккумулировалось почти две трети всех валютных кредитов, предоставленных физическим лицам в ДФО, а в 2020 г. – уже менее трети их общерегионального объема.

Вместе с тем общий рост годового объема кредитования населения в 2020 г. вуалирует высокую волатильность показателей в течение года (особенно валютных объемов кредитования) и резкий спад объемов рынка розничных кредитов в период первой «волны» пандемии, пришедшейся на апрель-май 2020 г.

Наметившаяся, было, в 2021 г. повышательная динамика объемов валютного кредитования в ДФО (как и в целом по России) при высокой их волатильности в течение года во многом обязана низкой «базе», и поскольку доля валютных кредитов практически неразличима (менее 1% в целом по РФ и 0,35% в ДФО против 0,55 и 0,13% соответственно в 2020 г.), в дальнейшем изложении мы не будем рассматривать их отдельно.

Обращает на себя внимание перелом в начале 2022 г. той повышательной тенденции (к тому же с ускорением), которая наметилась в 2021 г., который логично объяснить вновь объявившимися внеэкономическими шоками в марте-апреле 2022 г. Если сравнить среднемесячные объемы кредитования в 2021 г. и в начале 2022 г., то в ДФО, как и в целом по России спад составит 1,3 раза. Сравнение среднемесячных показателей за январь-апрель 2022 г. с показате-

лями аналогичного периода 2021 г. даёт сокращение на 12% (как по ДФО, так и в целом по РФ) с вариацией от 5–9% в Якутии, Приморском крае и Амурской области до 23–27% в Магаданской и Сахалинской областях и Чукотском АО (в последнем случае – налицо «эффект низкой базы») (табл. 1).

Таблица 1

Динамика среднемесячных объемов кредитов, предоставленных физическим лицам в рублях и иностранной валюте, в 2020–2022 гг. (в % к предыдущему году)

	2020 г.	2021 г.	2022 г.*
РОССИЯ	110,9	134,0	87,7
ДФО	115,3	134,3	87,6
Республика Бурятия	116,4	142,7	84,2
Республика Саха (Якутия)	113,3	133,9	94,8
Забайкальский край	113,7	137,5	82,1
Камчатский край	111,4	132,7	85,4
Приморский край	116,0	136,8	92,3
Хабаровский край	115,6	130,0	87,4
Амурская область	117,7	130,8	91,2
Магаданская обл.	113,3	130,9	74,9
Сахалинская обл.	119,3	132,3	77,0
ЕАО	108,9	129,3	83,3
Чукотский АО	116,3	122,6	73,3

* Январь-апрель 2022 г. в % к среднему значению за январь-апрель 2021 г.

Источник: расчеты автора по данным сайта Банка России (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/)

Доля ДФО в общероссийском объеме розничного кредитования в рассматриваемый период составляла стабильно 6,0–6,1%, в том числе в объеме валютного кредитования – 1,5–2,3%. Территориальное распределение розничных кредитов по субрегионам было так же довольно стабильным, с некоторой тенденцией роста доли Приморского края (с 21,9% в предпандемный период до 24,8% в среднем за январь-апрель 2022 г.) и сокращения доли Магаданской области (с 2,9 до 2,4% соответственно). Доля Хабаровского края варьировала в пределах 16,6–17,2%, Якутии – 14–15%, Республики Бурятия, Забайкальского края и Амурской области – 8,9–10%, Сахалинской области – 7,0–8,1%, Камчатского края – 4,8–5,0%, ЕАО – 1,3–1,5%, Чукотского АО – 0,6–0,9%.

Более подробно анализируем ситуацию на рынке ипотечных жилищных кредитов, поскольку они занимают внушительную долю рынка КФЛ и традиционно являются драйвером банковского кредитования и строительной отрасли; по существу, это инвестиции в человеческий капитал.

Накануне пандемии объемы предоставленных ИЖК росли с некоторым опережением по сравнению с общим объемом розничных кредитов, вследствие чего их доля выросла. Количество ИЖК росло более медленными темпами, так что рост объемов ИЖК происходил за счет увеличения среднего объема ИЖК (табл. 2). Наибольшие среднегодовые темпы прироста показателя наблюдались в Приморском крае и Сахалинской области. Средний объем ИЖК на Дальнем Востоке был выше среднероссийского (на 0,2 млн руб., или на 11%) благодаря повышенным величинам показателя в субрегионах, занимавших в структуре ИЖК ДФО наибольший удельный вес: Якутии, Приморском и Хабаровском краях (соответственно 20, 21 и 18% – по объему ИЖК и 17, 20 и 18% – по количеству ИЖК). Вместе с тем, наибольший размер среднего ИЖК был в большинстве субрегионов северной зоны и в Сахалинской области.

Таблица 2

Динамика среднего объема одного ИЖК в рублях (млн руб.)

	2014 г.	2017 г.	2019 г.	В среднем за 2014–2019 гг.	2020 г.	2021 г.	2022 г.*	2022 г. в % к 2021 г.*
РОССИЯ	1,73	1,86	2,24	1,92	2,50	2,99	3,36	119,6
ДФО	1,99	2,05	2,43	2,13	2,84	3,41	3,84	120,4
Республика Бурятия	1,57	1,55	1,90	1,65	2,23	2,73	3,19	129,1
Республика Саха (Якутия)	2,29	2,46	2,72	2,47	3,14	3,71	4,36	124,9
Забайкальский край	1,70	1,75	2,00	1,80	2,32	2,84	3,28	124,7
Камчатский край	2,16	2,15	2,42	2,24	2,76	3,52	4,07	128,0
Приморский край	1,96	2,04	2,55	2,15	3,05	3,64	4,02	117,2
Хабаровский край	2,10	1,98	2,43	2,11	2,80	3,30	3,54	114,2
Амурская область	1,86	1,79	2,22	1,91	2,69	3,36	3,94	125,9
Магаданская обл.	2,26	2,07	2,38	2,19	2,64	3,35	3,86	125,7
Сахалинская обл.	2,49	2,65	3,12	2,70	3,70	4,25	4,48	109,3
ЕАО	1,59	1,60	1,88	1,68	2,19	2,61	3,13	128,8
Чукотский АО	2,30	2,39	3,00	2,53	3,24	3,79	3,83	99,5

* За январь-апрель 2022 г. (в % к январю-апрелю 2021 г.)

Источник: расчеты автора по данным сайта Банка России (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/)

Благодаря принятым мерам господдержки в период пандемии, рынок ИЖК продолжал активно развиваться в 2020–2021 гг. (если не учитывать «провалы» рынка, связанные с влиянием коронакризисных шоков, в отдельные ме-

сяцы соответствующие «волнам» пандемии), хотя и с замедлением. Причем темпы роста объемов ипотечного кредитования на Дальнем Востоке были несколько выше среднероссийских (табл. 3), в первую очередь благодаря более интенсивной динамике показателей Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Сахалинской областей, имевших значительные доли в общерегиональном объеме кредитования, а в Приморском крае, к тому же, с тенденцией к росту (с 21,9% в 2019 г. и 23,1% в 2020 г. до 24,3% в 2021 г. и 25,9% в январе-апреле 2022 г.).

Таблица 3

Динамика основных параметров рынка ипотечных жилищных кредитов в рублях, предоставленных физическим лицам-резидентам (в % к предыдущему году)

	Объем ИЖК			Количество ИЖК		
	2020 г.	2021 г.	2022 г.*	2020 г.	2021 г.	2022 г.*
РОССИЯ	151,5	128,1	86,7	135,7	107,2	72,6
ДФО	161,9	136,5	109,4	138,5	113,6	90,8
Республика Бурятия	178,4	136,1	119,8	151,5	111,5	92,9
Республика Саха (Якутия)	149,4	131,1	129,2	129,5	111,0	103,5
Забайкальский край	151,0	143,2	105,8	130,4	116,8	84,8
Камчатский край	149,2	137,7	102,7	130,5	108,0	80,3
Приморский край	170,5	143,9	113,0	142,6	120,3	96,5
Хабаровский край	164,2	131,6	97,9	142,5	111,8	85,7
Амурская область	171,5	134,3	127,2	141,9	107,2	101,0
Магаданская обл.	149,5	142,1	69,0	134,5	112,0	55,0
Сахалинская обл.	166,2	133,3	81,4	140,2	116,1	74,6
ЕАО	142,5	129,7	118,0	122,7	108,8	91,4
Чукотский АО	153,4	128,4	64,5	142,1	109,9	64,8

* Январь-апрель 2022 г. к январю-апрелю 2021 г.

Источник: расчеты автора по данным сайта Банка России (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/)

Вместе с тем, негативное влияние внеэкономических шоков в начале 2022 г. сказалось и на темпах изменения объемов предоставляемых населению ИЖК: в целом по России они перешли в отрицательную плоскость (-13,3%), в ДФО – замедлились в 1,25 раза по сравнению с 2021 г., в том числе в Забайкальском и Камчатском краях – в 1,3–1,4 раза, а в ряде субрегионов наблюдалось абсолютное сокращение объемов ИЖК: от -2,1% в Хабаровском крае до -18,6%, в Сахалинской области и -31,0, -35,5% в Магаданской области и Чукотском АО.

Еще более резкий негативный отклик на внеэкономические шоки начала 2022 г. проявился в отношении количества выдаваемых ИЖК: в январе-апреле резко снизилось число заемщиков в целом по России (-27,4% к аналогичному периоду предыдущего года, или почти на 42 тыс. договоров) и более умеренно в ДФО (-9,2%, или на 759 ед. ИЖК). В Якутии и Амурской области количество предоставленных ИЖК практически осталось на прежнем уровне. Особенно резко сократилось количество ИЖК в Забайкальском, Камчатском и Хабаровском краях (на 14–20%), в Магаданской, Сахалинской областях и Чукотском АО (на 25–45%) (табл. 3).

Замедление роста количества вновь предоставленных ИЖК в 2020–2021 гг. происходило с коэффициентом замедления в целом по макрорегиону в 2,8 раза (при среднем по России пятикратном замедлении) и его вариацией от 1,8 и 2,1 раза в Забайкальском и Приморском краях до 2,5–2,7 раза в Сахалинской области и Якутии и 4,5–5,8 раза в Амурской области и Бурятии. В январе-апреле 2022 г. количество предоставленных ИЖК в большинстве регионов резко сократилось вследствие уменьшения числа платежеспособных заемщиков, но при этом выросло число «богатых» заемщиков и многодетных семей, пользующихся льготным кредитованием, и вырос спрос на многоквартирное жилье и жилье большей площади, была повышена «планка» максимального объема ИЖК, подпадающего под условия льготного кредитования. Так что объем ИЖК вырос в целом по ДФО и в большинстве его субрегионов вследствие роста среднего объема ИЖК (табл. 2).

Средний объем одного ИЖК в январе-апреле 2022 г. в сравнении с аналогичным периодом 2021 г. вырос в среднем по макрорегиону на 20% с вариацией от 9% в Сахалинской области – до 29% в Бурятии и ЕАО, в сравнении с 2019 г. – в 1,6 раза, в сравнении с периодом 2014–2019 гг. – в 1,8 раза, превысив в ряде субрегионов ДФО 4 млн руб. Среднерегиональный показатель традиционно превышает среднероссийский на 14%, а максимальный среди субрегионов – в Сахалинской области (4,5 млн руб.) – превысил его в 1,33 раза (или составил 133% среднего уровня по России).

При этом если в целом по макрорегиону средний объем ИЖК показал незначительное ускорение роста в январе-апреле 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом 2021 г., то в ряде субъектов ДФО (в Приморском и Хабаровском краях, Магаданской и Сахалинской областях) отмечалось его замедление, особенно существенное в Хабаровском крае и в Сахалинской области – соответственно в 1,25 и 1,63 раза, и даже сокращение в Чукотском АО (табл. 2).

Динамика кредитной активности населения отличается от динамики абсолютных показателей кредитования существенно, поскольку сокращение численности населения в рассматриваемые годы коснулось большинства субъектов РФ, однако как всякий стандартизованный показатель она может иметь большую информативную ценность для определенных целей анализа. Кредитную активность населения можно охарактеризовать несколькими показателями: среднелюдными объемами розничных кредитов и ИЖК и – наиболее адекватным показателем, позволяющим проводить межрегиональные и динамические сравнения и при этом нивелировать влияние ценовых факторов, величины ставок, цен на жилье, среднего объема ИЖК, – количеством ИЖК в расчете на численность населения (в нашем случае – на одну тысячу человек). Два первых показателя в Дальневосточном макрорегионе в течение анализируемого

периода были выше среднероссийских, а количество ИЖК на 1 тыс. чел., постоянно приближаясь к этому уровню, наконец, превысило его в 2021 г. (табл. 4).

Таблица 4

Показатели, характеризующие кредитную активность населения ДФО в сравнении с РФ в целом, в разрезе субрегионов в 2019/2020/2021 гг.

	Показатель	То же в % к РФ	То же в % к ДФО
Объем кредитов физлицам на душу населения (тыс. руб.)			
РОССИЯ	95,7 / 106,3 / 143,0	100,0 / 100,0 / 100,0	x
ДФО	100,4 / 116,3 / 156,9	104,9 / 109,3 / 109,7	100,0 / 100,0 / 100,0
Республика Бурятия	73,5 / 85,4 / 122,1	76,8 / 80,3 / 85,4	73,2 / 73,5 / 77,8
Республика Саха (Якутия)	121,3 / 136,4 / 180,7	126,8 / 128,3 / 126,3	120,9 / 117,3 / 115,2
Забайкальский край	76,4 / 87,3 / 121,0	79,8 / 82,2 / 84,6	76,1 / 75,1 / 77,1
Камчатский край	132,1 / 148,0 / 196,5	138,1 / 139,2 / 137,4	131,6 / 127,3 / 125,3
Приморский край	98,2 / 114,6 / 158,2	102,6 / 107,8 / 110,6	97,8 / 98,6 / 100,9
Хабаровский край	106,8 / 124,4 / 162,8	111,6 / 117,0 / 113,8	106,4 / 107,0 / 103,7
Амурская область	93,4 / 110,7 / 146,5	97,6 / 104,2 / 102,4	93,0 / 95,3 / 93,4
Магаданская область	167,2 / 190,8 / 252,0	174,7 / 179,5 / 176,2	166,6 / 164,2 / 160,6
Сахалинская область	131,1 / 157,1 / 208,7	137,0 / 147,7 / 145,9	130,6 / 135,0 / 133,0
ЕАО	77,2 / 85,0 / 111,4	80,7 / 79,9 / 77,9	76,9 / 73,1 / 71,0
Чукотский АО	147,0 / 171,1 / 210,4	153,6 / 161,0 / 147,1	146,4 / 147,2 / 134,1
Объем ИЖК на душу населения (тыс. руб.)			
РОССИЯ	20,0 / 30,3 / 39,1	100,0 / 100,0 / 100,0	x
ДФО	20,8 / 33,7 / 46,3	103,8 / 111,1 / 118,4	100,0 / 100,0 / 100,0
Республика Бурятия	11,5 / 20,5 / 27,9	57,5 / 67,5 / 71,5	55,4 / 60,7 / 60,4
Республика Саха (Якутия)	32,7 / 48,4 / 62,8	163,3 / 159,5 / 160,8	157,3 / 143,5 / 135,8
Забайкальский край	14,1 / 21,4 / 30,9	70,5 / 70,5 / 79,0	67,9 / 63,4 / 66,7
Камчатский край	25,4 / 38,1 / 52,4	127,0 / 125,4 / 134,2	122,3 / 112,8 / 113,3
Приморский край	19,6 / 33,6 / 48,8	98,0 / 110,8 / 125,0	94,4 / 99,7 / 105,5
Хабаровский край	22,5 / 37,2 / 49,3	112,6 / 122,7 / 126,3	108,5 / 110,4 / 106,6
Амурская область	18,6 / 32,0 / 43,5	92,8 / 105,6 / 111,4	89,4 / 95,0 / 94,1
Магаданская область	35,4 / 53,3 / 76,4	177,1 / 175,8 / 195,6	170,6 / 158,2 / 165,2
Сахалинская область	27,6 / 46,1 / 61,8	138,3 / 152,0 / 158,1	133,2 / 136,8 / 133,5
ЕАО	13,0 / 18,7 / 24,6	64,9 / 61,6 / 62,9	62,5 / 55,4 / 53,2
Чукотский АО	33,4 / 51,3 / 66,0	166,9 / 169,0 / 168,9	160,8 / 152,0 / 142,6
Количество ИЖК на 1 тыс. чел. (ед.)			
РОССИЯ	8,9 / 12,2 / 13,1	100,0 / 100,0 / 100,0	
ДФО	8,5 / 11,9 / 13,6	95,6 / 97,7 / 103,7	100,0 / 100,0 / 100,0
Республика Бурятия	6,1 / 9,2 / 10,2	67,8 / 75,4 / 78,3	70,9 / 77,2 / 75,6
Республика Саха (Якутия)	12,0 / 15,4 / 17,0	134,3 / 126,9 / 129,6	140,5 / 129,8 / 125,0
Забайкальский край	7,0 / 9,2 / 10,9	78,7 / 75,9 / 83,0	82,3 / 77,7 / 80,1
Камчатский край	10,5 / 13,8 / 14,9	117,6 / 113,4 / 113,9	123,0 / 116,0 / 109,8
Приморский край	7,7 / 11,0 / 13,4	86,1 / 90,9 / 102,4	90,0 / 92,9 / 98,8
Хабаровский край	9,3 / 13,3 / 15,0	103,5 / 109,3 / 114,3	108,3 / 111,9 / 110,3
Амурская область	8,3 / 11,9 / 12,9	93,4 / 98,2 / 98,9	97,7 / 100,4 / 95,4
Магаданская область	14,9 / 20,2 / 22,8	166,4 / 165,9 / 174,2	174,1 / 169,8 / 168,0
Сахалинская область	8,9 / 12,5 / 14,5	99,1 / 102,6 / 111,2	103,7 / 105,0 / 107,2
ЕАО	6,9 / 8,6 / 9,4	77,1 / 70,3 / 72,1	80,7 / 72,0 / 69,6
Чукотский АО	11,1 / 15,8 / 17,4	124,5 / 130,2 / 133,3	130,2 / 133,2 / 128,6

Источник: расчеты автора по данным сайта Банка России (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/) и сайта Росстата (https://gks.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm)

По этим показателям Дальний Восток занимал среди других макрорегионов соответственно четвертое, третье и пятое места и отличался значительной внутрирегиональной дифференциацией. Среди дальневосточных субъектов РФ показатели кредитной активности населения были значительно ниже среднероссийских у Республики Бурятия, Забайкальского края и ЕАО. Относительный размах вариации КФЛ на душу населения составил 2,2–2,3 раза, аналогичный показатель объема ИЖК – 2,7–3,1 раза, а количества ИЖК на тысячу человек – 2,4–2,5 раза. Максимальные показатели кредитной активности населения отмечались в Магаданской области (175–180% среднероссийского уровня объема КФЛ и 176–196% аналогичного объема ИЖК на душу населения и 20–23 договора ипотечного кредитования в расчете на тысячу человек населения, или 166–174% среднероссийского уровня), минимальные (78–81%, 62–65% и 8,6–9,4 ед., или 70–72% среднего уровня по России, соответственно) – в ЕАО. Кредитная активность населения Дальнего Востока (по объемному показателю) наиболее быстро росла на рынке ипотечного жилищного кредитования (в 2,23 раза против 1,95 раза в среднем по РФ) и не только потому, что в макрорегионе были одни из самых высоких темпы роста объемов ИЖК и темпы сокращения численности населения (–0,9% при средней по России –0,6%), но и из-за роста среднего объема ИЖК и цен на жилье.

При этом выявляется следующая закономерность. Региональные сегменты КФЛ и ИЖК ДФО по объемам и количеству относятся к относительно небольшим по размеру, а именно: только три субрегиона ДФО входят в группы с

объемными показателями выше медианы, но, наоборот, восемь субрегионов входят в группы лидеров по соответствующим показателям кредитной активности населения, и в их числе – все субрегионы северной зоны ДФО и Сахалинская область (табл. 5). И это характерно не только для Дальнего Востока: в группу лидеров из топ-20 по величине КФЛ на душу населения, кроме названных дальневосточных субрегионов, а также лидеров по объему рынка КФЛ типа Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Ленинградской и Новосибирской областей, входят Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий АО, Тюменская и Мурманская области, Республика Коми и Красноярский край, близко к ним в ранкинге находится и Архангельская область, т.е. «северные» регионы с наибольшей величиной среднедушевых денежных доходов населения (и, по-видимому, в основном, ресурсодобывающие).

То же самое наблюдается и в отношении распределения «северных» территорий в соответствующих группах в сегменте ИЖК. Последнее можно объяснить не только принадлежностью данных регионов к «богатым» (по величине среднедушевых ДДН), но и распространением практики так называемых территориально-распределенных кредитов, когда кредиты берутся в данных регионах для приобретения жилья в регионах центральной России или вблизи курортов Юга (себе после выхода на пенсию, после окончания трудовой/вахтовой деятельности на Севере, для приобретения жилья детям при обучении их в центральных вузах и др.).

В 2020–2021 гг. по сравнению с годом ранее несколько субрегионов ДФО существенно повысили свои рейтинги по уровню кредитной активности населения (до 23 позиций).

Таблица 5

Место субрегионов ДФО в рейтингах субъектов РФ по величине объема КФЛ, ИЖК и количеству ИЖК за 2019, 2020 и 2021 гг.

	Место в ранкинге по абсолютным показателям*	Место в ранкинге по относительным показателям в расчете на численность населения*
Кредиты физическим лицам		
Приморский край	21 / 20 / 20	25 / 21 / 17
Хабаровский край	28 / 28 / 28	16 / 16 / 16
Республика Саха (Якутия)	32/32/31	12/12/12
Забайкальский край	51/50/47	56/49/45
Республика Бурятия	56/54/51	64/54/44
Амурская область	54/53/54	27/23/24
Сахалинская область	60/57/57	11/8/8
Камчатский край	71/71/71	10/9/9
Магаданская область	77/77/79	2/2/2
ЕАО	82/82/82	52/55/59
Чукотский АО	83/83/83	6/4/7
Ипотечные жилищные кредиты (объем)		
Приморский край	20/17/16	27/18/14
Хабаровский край	29/27/26	19/14/13
Республика Саха (Якутия)	28/28/29	6/7/7
Забайкальский край	52/53/48	65/60/42
Республика Бурятия	64/56//56	75/67/57
Амурская область	54/48//46	33/22/17
Сахалинская область	57/54/51	9/9/9
Камчатский край	70/70/68	11/12/11
Магаданская область	75/75//75	4/4/2
ЕАО	81/81/81	72/73/71
Чукотский АО	82/82/83	5/6/6
Ипотечные жилищные кредиты (количество)		
Приморский край	29/29/28	62/57/36
Хабаровский край	34/32/30	40/30/22
Республика Саха (Якутия)	38/40/37	10/16/10
Забайкальский край	56/55/53	70/71/61
Республика Бурятия	63/60/57	74/72/70
Амурская область	60/58/58	54/45/40
Сахалинская область	69/70/69	46/40/25
Камчатский край	71/71/74	23/25/23
Магаданская область	76/77/78	3/3/2
ЕАО	81/81/83	71/73/74
Чукотский АО	83/84/84	17/12/8

* Место в ранкинге за 2019/2020/2021 гг.

Источник: расчеты автора по данным сайта Банка России (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/ и https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/) и сайта Росстата (https://gks.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm)

Что касается динамики объемных показателей в период пандемии 2020–2021 гг., то четко прослеживается следующая ситуация (табл. 6). Резкий спад показателя в период, соответствующий официальной «волне» пандемии (её началу, резкому скачку или «пику» по количественным показателям заболевших, заразившихся, госпитализированных, умерших или их динамике), мы будем называть «глубиной волны» или глубиной спада (как правило, её длительность может составлять от одного до трёх, реже – четырёх месяцев). За реальную длину «волны» спада был принят

период достижения максимального показателя его последовательного и непрерывного сокращения (это реальная глубина спада / «волны» спада, но она, как правило, короче соответствующей «пандемийной волны», так как при фиксации/признании новой волны пандемии, принимались меры «противодействия», что часто способствовало быстрому восстановлению параметров кредитного рынка):

– резкий спад объемов розничного кредитования в период первой «волны», наблюдавшийся, в основном, в апреле 2020 г.: в целом по России –46,0% с разбросом от –51,4% в ЮФО до – 5,8% в ДФО; в зону «агрессивного отклика» (с величиной спада выше медианы в нисходящем ранкинге) из дальневосточных субрегионов попала только Республика Бурятия с показателем –48,6%, остальные субрегионы – в зоне умеренного отклика;

– гораздо менее выраженный (сглаженный) спад, а иногда – просто замедление роста, в период второй «волны», пришедшейся, в основном, на октябрь-ноябрь 2020 г.: в целом по России –0,8% с вариацией от –3,1% в Уральском ФО до +2,4% в Северо-Кавказском ФО, в ДФО –2,3%; в зону «агрессивного отклика» попали Чукотский АО (–24,9%), Якутия (–6,9%), Приморский край (–6,5%), ЕАО (–6,4%) и Магаданская область (–3,3%);

– менее активный спад по сравнению с первой «волной» в период третьей «волны», пришедшейся, в основном, на май 2021 г.: в целом по России –8,4% с вариацией от –10,2 до –5,9%, в ДФО –6,7%; в зону «агрессивного отклика» попали Магаданская область (–10,8%) и Приморский край (–8,9%). Однако в отличие от второй волны спад показателя наблюдался во всех субъектах РФ;

– гораздо менее выраженный спад, аналогичный второй «волне», в период четвертой «волны» (в основном, октябрь или сентябрь-октябрь 2021 г.): в целом по России –0,8% с вариацией от –2,4% в Сибирском и Дальневосточном макрорегионах до +0,9% в Южном ФО; в зону «агрессивного отклика» попали сразу семь субъектов ДФО с показателями от –31,6% в Чукотском АО до –2,8% в ЕАО. И только в Камчатском крае темп изменения показателя был в положительной области наряду с еще шестью субъектами РФ (Нижегородской, Ростовской и Архангельской областями, Краснодарским краем и республиками Карелией и Дагестаном). Как видим, реакция региональных розничных кредитных рынков на «волны» пандемии была сильно дифференцирована, а различие максимальных и минимальных значений спада, представленных в табл. 6, достигало нескольких десятков раз (не считая положительных значений) (правда, излишне высокие значения глубины спада в ряде малых региональных сегментов можно отнести на эффект низкой базы).

Таблица 6

Динамика объема кредитов, предоставленных физическим лицам-резидентам России, федеральных округов и субъектов ДФО в 2020–2021 гг. (в разрезе «волн» пандемии; % спада/прироста)

	Объем КФЛ				Объем ИЖК				Количество ИЖК			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
РОССИЯ	-46,0	-0,8	-8,4	-0,8	-34,8	-10,1	-21,3	+2,0	-30,0	-11,2	-22,4	-2,6
Центральный	-50,0	+0,4	-10,2	-0,9	-46,5	-8,2	-25,0	+3,3	-39,1	-10,2	-24,8	-2,0
max	-53,2	-6,2	-14,1	-5,2	-55,7	-20,6	-33,0	-10,8	-51,1	-25,3	-30,8	-13,6
min	-42,5	+2,7	-6,8	-0,3	-22,0	-6,0	-12,0	+11,9	-15,1	-5,8	-11,9	+3,6
Северо-Западный	-47,5	-1,4	-7,5	-0,6	-32,0	-11,1	-19,3	+4,6	-35,1	-12,8	-20,4	1,2
max	-52,4	-16,3	-11,0	-5,8	-44,2	-25,1	-29,2	-19,1	-41,3	-23,8	-29,2	-16,1
min	-41,2	+0,3	-2,1	+0,9	-26,0	-8,8	-8,6	+7,2	-26,5	-9,6	-6,4	+4,3
Южный	-51,4	+2,3	-5,9	+0,9	-35,5	-8,2	-19,1	-3,3	-32,5	-9,5	-21,6	-5,7
max	-54,2	-2,7	-8,0	-9,2	-42,1	-14,1	-27,8	-21,8	-37,6	-14,9	-23,9	-24,4
min	-46,8	+9,1	-3,8	+1,8	-9,4	+11,6	-16,5	+11,3	-16,7	-5,1	-17,5	-1,6
Северо-Кавказский	-51,1	+2,4	-8,5	+0,1	-25,8	-8,1	-22,7	-7,4	-19,9	-6,9	-26,0	-22,8
max	-67,3	-4,3	-15,6	-18,4	-68,8	-22,5	-50,6	-48,5	-56,5	-18,9	-38,5	-68,9
min	-46,9	+6,8	-5,6	+6,2	-22,8	+5,6	-17,6	+1,4	-18,2	-1,3	-22,6	-2,3
Приволжский	-46,2	-2,0	-9,9	-0,9	-31,4	-12,2	-21,1	+1,1	-29,9	-11,9	-23,9	-2,3
max	-49,3	-7,6	-12,9	-4,3	-39,5	-17,2	-27,3	-8,0	-38,1	-15,1	-28,5	-6,3
min	-41,1	+2,2	-8,5	0,0	-16,9	-4,2	-11,9	+7,9	-16,0	-6,2	-14,9	+4,7
Уральский	-42,3	-3,1	-6,8	-2,0	-24,7	-13,7	-18,9	+0,4	-23,6	-12,3	-21,4	-2,8
max	-50,3	-7,7	-9,3	-7,1	-39,4	-23,1	-23,8	-9,2	-37,4	-19,2	-27,2	-6,6
min	-39,3	+1,5	-5,1	-0,2	-20,2	-10,3	-13,8	+0,0	-19,9	-10,0	-15,8	-0,6
Сибирский	-36,1	-1,7	-6,1	-2,4	-26,4	-10,8	-17,5	+2,1	-25,5	-12,2	-19,4	-1,1
max	-43,9	-7,8	-9,3	-7,9	-38,3	-27,2	-29,7	-9,9	-35,1	-21,6	-28,8	-15,9
min	-32,3	-0,4	-3,6	-1,0	-20,7	-2,1	-12,3	+7,4	-15,2	-6,2	-14,2	+2,9
Дальневосточный	-35,8	-2,3	-6,7	-2,4	-26,8	-6,7	-16,1	+5,2	-25,8	-9,4	-18,3	+1,7
Республика Бурятия	-48,6	-2,3	-7,7	-3,9	-36,8	-8,8	-17,7	-3,2	-34,6	-11,5	-23,1	-8,3
Республика Саха (Я)	-41,7	-6,9	-6,1	-15,0	-39,0	-9,3	-11,6	-3,4	-35,0	-11,4	-13,1	-18,0
Забайкальский край	-34,0	-2,5	-7,1	-4,2	-25,6	-14,6	-18,5	+1,3	-28,2	-15,5	-22,9	-1,5
Камчатский край	-36,3	+4,4	-5,2	+2,3	-26,4	+9,7	-17,2	+17,7	-22,6	+11,9	-19,1	+7,9
Приморский край	-35,0	-6,5	-8,9	-1,6	-27,1	-10,2	-18,9	-1,8	-26,6	-14,8	-21,5	+5,2
Хабаровский край	-35,3	+0,5	-5,6	-1,4	-17,7	+0,9	-15,1	-3,7	-19,1	-2,2	-16,2	-2,1
Амурская область	-30,5	-2,7	-4,4	-1,3	-36,8	-7,1	-13,9	+7,0	-35,1	-10,3	-13,2	+5,6
Магаданская обл.	-30,9	-3,3	-10,8	-4,7	-29,6	-16,3	-19,7	-14,3	-25,6	-14,3	-23,3	-14,2
Сахалинская обл.	-28,7	-0,1	-4,5	-4,0	-16,4	-4,8	-19,4	-2,0	-15,9	-12,6	-18,7	-18,1
ЕАО	-38,9	-6,4	-4,4	-2,8	-24,0	-9,3	-7,9	-7,5	-22,7	-23,6	-4,6	-11,7
Чукотский АО	-16,8	-24,9	-0,6	-31,6	-4,4	-22,9	-8,6	-51,3	-19,6	-31,1	-14,9	-46,7

Источник: расчеты автора по данным сайта Банка России (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/)

Показатели спада объемов КФЛ в дальневосточном макрорегионе в период первой и третьей «волн» были меньше общероссийских, а основная часть субрегионов находилась в нижней трети нисходящего ранжированного ряда, в группе регионов-лидеров с наименьшими темпами спада показателей (места со 62–63 по 85).

В период второй и четвертой «волн» показатели спада в ДФО были одними из наибольших среди других макрорегионов: наряду с Уральским и Северо-Кавказским ФО – в первом случае и с Сибирским ФО – во втором. Обе «волны» были сильно сглажены: только 17 субъектов РФ в первом случае и 13 субъектов во втором имели спад более 5%, и в обоих случаях «антилидерами» были Чукотский АО (во многом из-за эффекта низкой «базы») и Якутия. У 11 субъектов РФ в период второй «волны» и у 19 субъектов – в период четвертой темпы спада были ниже 1%, у 27 и семи субъектов РФ соответственно – были положительные темпы изменения (показатели, наоборот, выросли).

Аналогичную картину представляет и динамика объемов ИЖК: интенсивный спад показателей в период первой и третьей «волн» и сглаженный спад либо рост в период второй и четвертой «волн». Несмотря на менее интенсивный спад в период третьей «волны» по сравнению с первой, это были соизмеримые, однопорядковые величины. В период первой и третьей волны глубина спада дальневосточных показателей была меньше среднероссийской, а величина роста в период четвертой волны, наоборот, выше. Так же, как и в случае с КФЛ, наблюдалась высокая межрегиональная дифференциация показателей, что видно по соотношению максимальных и минимальных значений в каждом макрорегионе, приведенных в данной таблице (как и в случае с КФЛ, излишне высокие значения глубины спада в ряде малых региональных сегментов можно отнести на эффект низкой базы). В отличие от динамики КФЛ, уже в период второй «волны» показатели ряда субъектов РФ, в том числе два субъекта ДФО (Камчатский и Хабаровский края), продемонстрировали рост объемов ИЖК. В период четвертой «волны» выросли как среднероссийский, так и среднерегиональные показатели шести макрорегионов, кроме Южного и Северо-Кавказского, а так же показатели более 30 субъектов РФ, в том числе Забайкальского и Камчатского края и Амурской области.

Пандемия сказалась и на динамике количества предоставленных ИЖК – прежде всего в отношении интенсивности спада показателей в периоды первой и последующих «волн», так же велики были региональные различия в этих показателях.

Так, первая волна спада пришлась практически (в большинстве субъектов РФ) на апрель-май: только 27 субъектов РФ (менее трети общего числа), в том числе Магаданская область, уже в мае показали прирост (как правило, незначительный) количества ИЖК, из них только десять – более чем 10%-ный прирост. Основная часть этих субъектов РФ находится в Северо-Западном и Южном ФО, что обусловило короткую «волну» (апрель) в этих макрорегионах. В зоне «агрессивного отклика» были Республики Бурятия и Якутия и Амурская область, их значения глубины спада имели срединное положение.

Вторая волна спада пришлась, в основном, на ноябрь 2020 г., хотя в ряде регионов она была длиннее – октябрь-ноябрь 2020 г. Несмотря на то, что темп спада в ДФО был относительно невелик (меньший спад был только в Северо-Кавказском ФО) в этот период, пять его субъектов (Чукотский АО, ЕАО, Забайкальский и Приморский края и Магаданская область) попали в зону «агрессивного отклика». Вместе с тем, как и в случае с КФЛ, вторая волна спада количества ИЖК была значительно сглажена по сравнению с первой, хотя более низкий показатель глубины спада был в некоторой степени обусловлен низкими показателями по Москве (–5,8%) и Московской области (–7,1%), которые суммарно занимают 12,4% в совокупном объеме рынка ИЖК (по количеству). Относительный размах вариации глубины спада (не считая положительного динамического показателя по Камчатскому краю) составил около 24 раз.

Третья волна спада пришлась на май 2021 г. (в апреле было только замедление роста в большинстве субъектов и только в девяти из них был спад, в том числе в Амурской области). Уже в июне все субъекты РФ демонстрировали рост количества вновь предоставленных ИЖК с единственным исключением (в Калининградской области спад продолжился до августа). Из дальневосточных субрегионов в зоне «агрессивного отклика» были Забайкальский край, Республика Бурятия и Магаданская область, но их значения глубины спада были близки к медиане. Отношение максимального к минимальному значению глубины спада составило более восьми раз.

Глубина третьей волны спада была ниже, чем первой, причем в ДФО оба показателя были ниже среднероссийских: глубина первой волны была средней из макрорегионов, третьей волны – наименьшая среди макрорегионов России. При этом ДФО занимает 7 место среди федеральных округов по количеству предоставленных на его территории ИЖК (меньший показатель только в Северо-Кавказском ФО). Во время 3 волны усилилось расслоение между региональными сегментами России по величине спада анализируемого показателя по сравнению с первой волной (с 3,7 раза в период 1 волны до 8,4 раза в период 3 волны) и между субрегионами ДФО (с 2,2 до 5,1 раза соответственно).

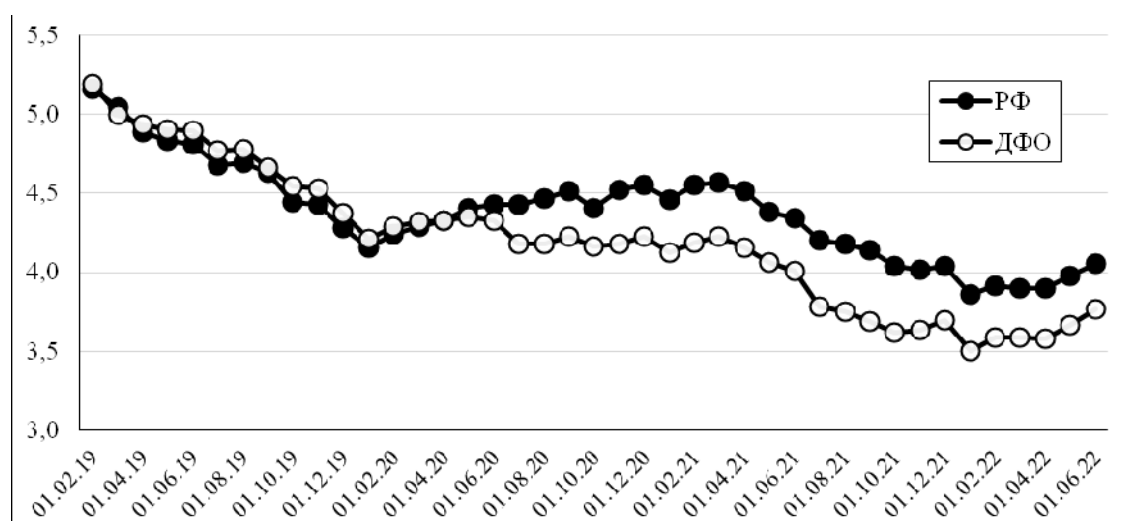
Четвертая волна спада пришлась на октябрь-ноябрь 2021 г., хотя в большей части (56%) субъектов РФ она ограничилась ноябрем. В небольшом числе регионов она пришлась на август-сентябрь, а в двух субъектах РФ (в том числе в Чукотском АО) последовательная понижающая динамика количества предоставленных ИЖК обозначилась уже в июле, в Республике Саха (Якутия) – в августе. Несмотря на то, что в ДФО спада в целом по макрорегиону не наблюдалось, и он даже оказался в числе лидеров наряду с Северо-Западным ФО, продемонстрировав положительную динамику показателя во втором полугодии 2021 г., для него характерна сильнейшая дифференциация данных динамических показателей на этом этапе: от спада на 46,7% в Чукотском АО (можно отнести на эффект низкой базы) и 18% в Сахалинской области и Якутии до 1,5–2% в Забайкальском и Хабаровском краях и роста на 5,2–7,9% в Приморском и Камчатском краях и Амурской области, которые и определили положительный среднерегиональный темп. В зоне «агрессивного отклика» было шесть субрегионов ДФО. Различия темпов спада (только в отрицательной области значений) превышали 130 раз.

Благодаря своевременно принятым мерам (снижение ключевой ставки, кредитные каникулы, массовое рефинансирование/реструктуризация кредитов, поддержка кредитования малого и среднего бизнеса, меры по обеспече-

нию/повышению доступности и безопасности платежей, доступности услуг страхования, поддержка занятости и доходов населения¹) во время пандемии удалось избежать массовых банкротств и просрочек кредитов. Одновременно мягкая денежно-кредитная политика Банка России, макропруденциальные послабления, отмена или снижение надбавок к коэффициентам риска по ряду кредитных продуктов и др. существенно помогли кредитным организациям в плане поддержки кредитного процесса.

В целом по России доля просроченной задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам, имевшая понижающую динамику в течение 2019 г., в дальнейшем росла медленно и к концу 2020 г. выросла всего на 0,4 п.п. по сравнению с началом 2020 г. (с 4,2 до 4,6%). В ДФО она выросла незначительно (на 0,14 п.п.) и начиная с мая 2020 г. имела понижающую динамику вплоть до начала 2022 г., когда её рост возобновился (с 3,5 до 3,8%). При этом с начала 2021 г. уровень возвратности (показатель, обратный доле просрочки) розничных кредитов на Дальнем Востоке был выше среднероссийского показателя на 0,3–0,5 п.п. (рис. 1).

В анализируемом периоде Дальний Восток относился, скорее, к регионам с более высокой возвратностью розничных кредитов (выше был показатель только в Северо-Западном, Приволжском и Уральском ФО), занимая в нисходящем ранжированном ряду доли просроченных кредитов срединное, четвертое место, а по среднемесячным данным 2021–2022 гг. он занял третье место. Традиционно высокой долей просроченных кредитов ФЛ отличались Северо-Кавказский, Южный и Сибирский ФО. Среди дальневосточных субрегионов традиционно высокой долей просроченных кредитов отличались Республика Бурятия, Забайкальский край и ЕАО, а наиболее низкой долей – все «северные» территории и Сахалинская область (табл. 7).

Источник: расчеты автора по данным сайта Банка России (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/)

Рисунок 1.

Динамика доли просроченной задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам России и ДФО накануне и в период пандемии, %

Таблица 7

Динамика доли просроченной задолженности по совокупным кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам, и ИЖК (среднемесячные значения за 2019–2022 гг., %)

	Кредиты физическим лицам				Ипотечные жилищные кредиты			
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.*	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.*
РФ	4,7	4,42	4,2	3,95	1,03	0,91	0,69	0,50
ДФО	4,7	4,24	3,9	3,64	0,91	0,73	0,54	0,38
Республика Бурятия	7,2	5,8	4,6	4,2	2,01	1,44	0,86	0,55
Республика Саха (Якутия)	3,8	3,8	3,6	3,3	0,81	0,75	0,67	0,54
Забайкальский край	6,0	5,3	4,5	4,3	1,35	1,12	0,75	0,51
Камчатский край	3,9	3,6	3,5	3,4	0,73	0,57	0,39	0,21
Приморский край	4,6	4,2	4,0	3,6	0,71	0,61	0,42	0,29
Хабаровский край	4,4	4,0	3,9	3,7	0,80	0,63	0,49	0,34
Амурская область	5,2	4,4	3,9	3,6	0,95	0,61	0,42	0,28
Магаданская область	3,8	3,3	3,1	3,1	0,39	0,39	0,37	0,28
Сахалинская область	3,7	3,1	2,9	3,0	0,56	0,46	0,36	0,30
ЕАО	5,4	5,3	5,3	5,1	1,10	1,11	0,89	0,70
Чукотский АО	2,3	2,2	2,3	2,7	0,18	0,13	0,16	0,14

* За январь – апрель

Источник: расчеты автора по данным сайта Банка России (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/)

¹ Коронавирус: меры поддержки граждан и бизнеса. – <https://www.cbr.ru/covid/>; Меры Банка России по ограничению последствий пандемии коронавирусной инфекции (Информация по состоянию на 8 февраля 2022 года). – https://www.cbr.ru/vfs/finstab/plan_limit_covid.pdf

Доля просроченной задолженности по ипотечным кредитам в ДФО так же в целом имела понижающую динамику (с 1,0% на начало 2019 г. до 0,8% на начало 2020 г., 0,7% на начало 2021 г. и 0,4% на начало 2022 г. с небольшими периодами стабилизации в июле-ноябре 2020 г. и в январе-феврале 2022 г.; в целом по России – с 1,1 до 0,8 и 0,5%); а с середины 2021 г. показатель стал наименьшим среди других макрорегионов. Наиболее высокой долей просроченных ИЖК отличался Северо-Кавказский ФО, а среди субрегионов Дальнего Востока – Республики Бурятия, Якутия, Забайкальский край и ЕАО; наименьшей – чаще всего Магаданская и Сахалинская области и Чукотский АО.

Таким образом, анализ показал, что реакции разных сегментов кредитного рынка и различных региональных секторов на коронакризисные шоки были сильно дифференцированы. Шоки пандемии 2020–2021 гг. (и главное, на наш взгляд, шоки крайне жестких ограничительных мер для предотвращения пандемии и сглаживания её последствий) явились явной причиной, в основном, первой «волны» спада на розничном кредитном рынке и рынке ипотеки, ведь, именно в апреле 2020 г. массово закрывались или приостанавливали свою работу предприятия и организации, работников увольняли или отправляли в отпуска или на «удалёнку» («дистанционную» работу), вводились самые строгие ограничения на «мобильность». Естественно, большую отрицательную роль сыграл психологический фактор.

В периоды последующих «волн», всплесков заражений/госпитализаций/смертности ограничительные меры были более либеральными и касались, в основном, поддержки населения и бизнеса, сыграла роль массовая вакцинация населения, произошла в определенной мере адаптация к этим шокам, что способствовало сглаживанию волн спада параметров розничного кредитного рынка и рынка ИЖК.

Благодаря принятым мерам, важнейшими из которых были снижение кредитных банковских ставок (вслед за снижением ключевой ставки) и их льготирование для определенных групп населения, кредитные и ипотечные каникулы, массовое рефинансирование/реструктуризация кредитов, политика в сфере занятости и доходов населения, уровень возвратности розничных кредитов и ИЖК снижался очень незначительно и лишь на коротких временных отрезках, в общем имея четкую повышательную тенденцию. В целом, «спасение» кредитного рынка от разрушения/обрушения способствовало поддержанию внутреннего спроса и определенного уровня потребления.

Чекалин В.С.

д.э.н., профессор, кафедра государственного территориального управления, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Сахарова О.В.

магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

МЕХАНИЗМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ЖИЛИЩНОГО ФОНДА КРУПНОГО ГОРОДА (РЕГИОНА) В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ключевые слова: жилищный фонд, капитальный ремонт, многоквартирный дом (МКД), стратегия, модернизация, реконструкция.

Keywords: housing stock, major repairs, apartment building, strategy, modernization, reconstruction.

Ядром жилищной сферы, предназначенной для удовлетворения потребностей населения города в жилье, является жилищный фонд. Жилищный фонд находится в системе воспроизводства. Различают различные виды воспроизводства жилищного фонда (ЖФ), включая новое строительство, реконструкцию, модернизацию и капитальный ремонт. В последние годы в ряде крупных городов страны всё большее внимание уделяется процессу реновации жилья. Как известно, воспроизводство ЖФ возмещает физический и функциональный износ жилых объектов. Важнейшую роль в процессе возмещения физического и функционального износа ЖФ играют такие формы как капитальный ремонт и модернизация жилья.

Капитальный ремонт представляет собой форму простого воспроизводства. В результате капитального ремонта происходит частичное возмещение физического износа жилых зданий путём замены конструктивных элементов. Но капитальный ремонт многоквартирных домов (МКД) целесообразно совмещать с его модернизацией, так как именно модернизация направлена на возмещение функционального износа зданий путем улучшения качественных параметров зданий – уровня благоустройства, планировки, применения современных материалов и конструкций.

Всего в России по данным Росстата на конец 2020 года располагается 3,931 млрд кв. м жилья, в том числе в городах – 2,919 млрд. При этом уровень технического содержания и ремонта жилищного фонда во многих городах страны не соответствует нормативным требованиям и запросам потребителей. Значительная часть жилищного фонда страны требует капитального ремонта и модернизации.

Для решения имеющихся проблем в жилищной сфере крайне необходимо использовать современные механизмы стратегического подхода к проведению капитального ремонта зданий, которые позволяют обосновать реальную потребность в ремонтных работах, чётко определить цели и сформулировать конкретные задачи в данной области, разработать комплекс мер по их выполнению и обосновать пути и механизмы реализации ремонтной политики с ориентацией на долгосрочную перспективу.

К основным нормативно-правовым документам, определяющим стратегическое развитие жилищной сферы относятся «Жилищный кодекс Российской Федерации», «Стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации до 2020 года», «Стратегическое направление в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года», «Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года».

Разрабатывая стратегию развития жилищной сферы необходимо различать различные типы МКД – здания «Старого фонда», постройки до 1917 года, дома довоенной и послевоенной постройки 1930–1950-х годов, строения, постройки 1960-х годов, дома, постройки 1970–1980-х годов и современные здания, сооружённые в конце XX и начале XXI веков. Все эти типы МКД требуют квалифицированного технического содержания и проведения капитального ремонта с модернизацией жилых объектов в течение всего срока службы. Для обеспечения надёжной эксплуатации жилищного фонда в крупных городах страны возникает необходимость своевременного проведения капитального ремонта в соответствии с фактическими сроками службы и техническим состоянием МКД. Поэтому в регионах и крупных городах введена система перспективного планирования капитального ремонта МКД. Нормативно-правовые требования к организации капитального ремонта содержатся в разделе 9 Жилищного Кодекса РФ – Организация капитального ремонта общего имущества в МКД¹. В большинстве регионов и городов приняты соответствующие региональные законы, например, Закон Санкт-Петербурга «О капитальном ремонте общего имущества в МКД в СПб», принятый 11.12. 2013 г. № 690-120.

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 01.05.2022).

На основании действующих нормативных документов в регионах создаются такие организационные структуры, как Фонд капитального ремонта и Оператор капитального ремонта МКД, а также вводится обязательная плата за проведение ремонтных работ. Долгосрочное планирование капитального ремонта МКД предусматривает бюджетное финансирование и привлечение средств собственников по реализации программ капитального ремонта зданий. Службы ЖКХ региона разрабатывают региональную программу капитального ремонта МКД на перспективный и текущий периоды. Состав и сроки работ по капитальному ремонту определяются в соответствии с действующими нормативными документами:

1. ЖК РФ Статья 168. Региональная программа капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

2. Ведомственные строительные нормы ВСН 58-88 (р) «Положение об организации и проведении реконструкции, ремонта и технического обслуживания зданий, объектов коммунального и социально-культурного назначения»¹.

3. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ ст. 52. Осуществление строительства, реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства.

4. Приказ Минстроя России от 4 августа 2020 г. № 421/пр «Об утверждении методики определения сметной стоимости строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства, работ по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России на территории Российской Федерации».

Современная политика капитального ремонта МКД в значительной мере проводится на региональном уровне, но особую важность её реализация имеет в крупных городах страны, где сосредоточен значительный массив жилищного фонда. Так в Санкт-Петербурге разрабатывается долгосрочная программа капитального ремонта в МКД на 25 лет и на её основе ежегодно формируется краткосрочный план ремонтных работ на следующий год². Очередность проведения капитального восстановления определяется в соответствии с оценкой состояния МКД и межремонтными периодами. Собственники жилья оплачивают проведение плановых ремонтных работ, но могут принять решение по приближению сроков ремонта и оплатить эти работы за счет собственных средств или кредитов. Минимальный размер взноса на капитальный ремонт в МКД ежегодно утверждается Правительством Санкт-Петербурга³. Собственники квартир в МКД принимают решение о способе формирования фонда капитального ремонта. Состав работ по капитальному ремонту общего имущества МКД указан в ст. 166 (раздел 9. Капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме) Жилищного Кодекса.

В нынешних условиях необходимо учитывать, что капитальный ремонт систем инженерного оборудования и других элементов зданий нередко проводится по устаревшим технологиям путём замены изношенного оборудования на новое с такими же эксплуатационными характеристиками. Следовательно, не используются требования, способствующие повышению энергоэффективности. В результате имеются значительные потери энергоресурсов, и при этом наблюдается ежегодный рост тарифов на тепловую и электрическую энергию.

Для изменения существующей ситуации собственникам жилья, как потребителям энергоресурсов, следует проявить заинтересованность в применении энергосберегающих технологий. Однако по причинам недостаточной информированности и низкой самоорганизации реализация мер по энергосбережению откладывается. Использование при капитальном ремонте зданий энергосберегающих технических решений позволит обеспечить надежность и безопасность инженерных систем и существенно сократит потребление тепловой и электрической энергии, а также поможет поддерживать комфортные условия проживания⁴.

Для повышения эффективности использования энергоресурсов при проведении КР МКД целесообразно устанавливать не только общедомовые приборы учета тепловой энергии, но и балансировочные клапаны на стояках системы отопления для равномерного распределения теплоносителя по зданию, а также автоматизированные индивидуальные тепловые пункты (АИТП) для погодного регулирования подачи теплоносителя, а также специальные датчики, регулирующие освещение на лестницах и в других местах общего пользования зданий⁵.

С учетом экспертных оценок специалистов и практического опыта за счет установки полного комплекса энергосберегающего оборудования можно определить усредненную величину экономии тепловой и электрической энергии, которая составит 30–40%. В результате проведения данных мероприятий возможно существенное снижение текущих платежей жителей за коммунальные услуги без ухудшения качества обслуживания зданий.

Проведение энергосберегающего капитального ремонта МКД целесообразно проводить с использованием механизма энергосервиса как эффективного метода финансирования ремонтных работ.

В то же время происходящие в настоящее время экологические, технологические, и социально-экономические преобразования являются основанием для внедрения новых подходов к управлению городскими системами. Развитие

¹ Ведомственные строительные нормы ВСН 58-88 (р) «Положение об организации и проведении реконструкции, ремонта и технического обслуживания зданий, объектов коммунального и социально-культурного назначения» (утв. приказом Госкомархитектуры при Госстрое СССР от 23 ноября 1988 г. № 312)

² Система стратегического планирования Санкт-Петербурга. – https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/sistema-gosudarstvennogo-planirovaniya-sankt-peterburga/

³ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 01.05.2022). Ст. 169. Взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме.

⁴ Чекалин В.С., Бузырев В.В. и др. Экономика жилищной сферы: Учебник / Под ред. Бузырева В.В. – 2-е изд. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2016. – 373 с.

⁵ Долаева З.Н. Основные проблемы развития жилищной сферы и пути их решения // Молодой ученый. 2014. – № 21 (80). – С. 298–300.

городской среды преимущественно ориентируется на прогрессивные технологические решения. Процесс внедрения цифровизации в разные области городской жизни охарактеризован понятием «умных» городов. Российская практика в развитии «умных» городов пока имеет незначительный опыт, при этом внедрение цифровых технологий в городское управление набирает стремительные темпы. Так в 2018 г. Минстрой России утвердил паспорт ведомственного проекта «Цифровизации городского хозяйства «Умный город», а в 2019 г. утверждён стандарт проекта «Умный город». Этот проект осуществляется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика» и направлен на формирование эффективной структуры управления городских систем и создание безопасных и комфортных условий жизни горожан¹.

Обобщая можно сказать, что «умный» город представляет собой инновационный город, в котором для повышения эффективности управления, достойного уровня жизни горожан конкурентоспособности и создания благоприятных условий активно используются информационно-коммуникационные технологии. Основными признаками «умного города» являются эффективное управление, применение инноваций для городской среды, «умный» городской транспорт, умное ЖКХ, интеллектуальные системы безопасности, современная инфраструктура сетей связи², развитые сервисные услуги и др. Особую значимость имеет вовлеченность жителей в принятие решений о городском развитии. Подробный анализ особенностей умных городов и ЖКХ представлен в работах Института экономики города³.

Умное ЖКХ ориентировано на решение задач цифровизации жилищного фонда, на создание программных продуктов и сервисов для управления жилищным сектором, управления МКД. Это необходимо для оценки состояния общего имущества зданий, мониторинга безопасности сетевого хозяйства и конструктивных элементов домов, автоматизированного учёта заявок жителей на аварийные работы, начислений платежей и других аспектов функционирования объектов. В «умное ЖКХ» включаются системы интеллектуального учёта коммунальных ресурсов и внедрение автоматических систем мониторинга состояния зданий.

Цифровизация, используемая при управлении системами «умных» зданий, обеспечивает сбор данных с датчиков для анализа о расходах всех видов энергетических ресурсов, о температурных условиях и влажности воздуха, о присутствии людей и их количестве в помещениях. Автоматизированная программная система функционирует в условиях настоящего времени, регулируя работу отопления, водоснабжения, кондиционирования и вентиляции, обеспечивая своевременное предоставление показаний в снабжающие организации.

В процессе проведения капитального ремонта с модернизацией зданий возможно внедрение современных систем, обеспечивающих комфортные условия проживания и повышающих эффективность эксплуатационных характеристик МКД. При этом процессы цифровизации необходимо использовать не только при оснащении зданий современными приборами и устройствами, но также при разработке долгосрочных и текущих планов (программ) капитального ремонта зданий.

Основными этапами разработки текущих планов и долгосрочной стратегии капитального ремонта крупного города с применением цифровых технологий являются:

- Сбор информации о техническом состоянии и потребительских качествах зданий с использованием цифровых сервисов;
- Формирование комплексной базы данных ЖФ города – БИГ ДАТА ЖФ;
- Разработка вариантов (сценариев) проведения капитального ремонта с использованием оптимизационных (имитационных) моделей;
- Оценка эффективности сформированных сценариев капитального ремонта и выбор рационального решения;
- Принятие комплексного плана капитального ремонта на долгосрочную перспективу;
- Уточнение, расширение и сбор дополнительной информации по объектам, включённым в адресный список зданий, требующих первоочередного ремонта, и окончательная корректировка списка;
- Принятие краткосрочного плана капитального ремонта на следующий год;
- Организация работ по реализации краткосрочного плана ремонтов.

Но результаты деятельности «умных» систем в системе стратегического планирования КР МКД прежде всего зависят от их конечного потребителя – человека. Без личной и активной причастности пользователей невозможны модификации систем ЖКХ. Поэтому параллельно с развитием цифровых сервисов крайне важным является подготовка соответствующих кадров специалистов, а также широкая информированности жителей города к новой реальности и формирование комплексной системы:

Smart city – Smart house – Smart people.

«Умный город» – «Умный дом» – «Умный житель».

¹ Умный город. – <https://russiasmartcity.ru>

² Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. 2 изд., исправленное и дополненное. – М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019. – 368 с.

³ Умный город – умное ЖКХ: Обзор тенденций цифровизации городского хозяйства. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2019.

Алимов Р.А.

д.э.н., профессор, Национальный университет Узбекистана

Султанова Л.Ш.

к.э.н., доцент, Национальный университет Узбекистана

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ БОЛЬШИХ БАЗ ДАННЫХ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: наука о данных, визуализация баз данных, информационная панель данных, статистика, анализ данных, государственное управление, дизайн информационных панелей, прозрачность и подотчетность органов власти, информированность общественности, обратная связь.

Правительственные органы все больше используют данные во всех аспектах своей деятельности. Наука о данных занимается извлечением, интерпретацией и представлением информации из неструктурированных и структурированных данных, которые могут быть либо закрытыми, либо открытыми. Важной областью науки о данных является визуализация данных на информационных панелях. Интерактивная информационная панель осуществляет визуализацию данных, которые обновляются автоматически в режиме реального времени и в любой момент остаются актуальными. Обычно это цифровые показатели, представленные в виде графиков и диаграмм, а клик по одному из них фильтрует все данные на экране и выводит только то, что относится к выбранному значению.

Государственным служащим, занимающимся обработкой данных необходимы глубокие знания статистики и методов анализа данных, а также знания, относящиеся к использованию методов и инструментов для целей прогнозирования и визуализации результатов. Специалист по данным также должен иметь представление о методах разработки политики, законодательства и общественных ценностях. Эти знания позволяют интерпретировать данные в контексте их использования.

Наука о данных является имеет существенное значение для деятельности правительств, поскольку они собирают большое количество данных в различных областях (география, транспорт, социальное обеспечение, энергетика и др.), которые можно комбинировать или дополнять данными с интеллектуальных устройств и других источников, таких как дискуссионные форумы, социальные сети и данные частного сектора¹. Принятие обоснованных решений зависит от использования высококачественных данных². Данные могут способствовать созданию новых инновационных приложений³ для обеспечения безопасности, прозрачности и подотчетности.

Использование и интерпретация данных являются ключевыми аспектами преодоления разрыва между правительством и общественностью. Для обмена данными могут быть созданы специальные платформы⁴. Использование данных и сопутствующих инструментов оказывает влияние на формирование государственной политики, а также на взаимодействие с общественностью⁵. Информационные панели могут использоваться для предоставления информации лицам, принимающим решения в правительстве⁶, а также для того, чтобы общественность могла следить за действиями правительства, участвовать в процессах принятия решений и совершенствовать этот процесс. Информационные панели должны способствовать прозрачности, надежности и позволять гражданам участвовать в принятии решений⁷.

В последнее время наука о данных и информационные панели привлекают все больше внимания в государственном секторе. Панель инструментов часто создается с помощью веб-страницы, которая визуализирует все виды

¹ Janssen M., Matheus R., Zuiderwijk A. Big and open linked data (BOLD) to create smart cities and citizens: Insights from smart energy and mobility cases Electronic Government. 2015. – P. 79–90.

² Chengalur-Smith I.N., Ballou D.P., Pazer H.L. The impact of data quality information on decision making: An exploratory analysis Knowledge and Data Engineering // IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. 1999. – Vol. 11, N 6. – P. 853–864.

³ Marsh J.A., Pane J.F., Hamilton L.S. Making Sense of Data-Driven Decision Making in Education: Evidence from Recent RAND Research / Rand Corporation. 2006.

⁴ Brown A., Fishenden J., Thompson M., Venters W. Appraising the impact and role of platform models and government as a platform (GaaP) in UK government public service reform: Towards a platform assessment framework (PAF) // Government Information Quarterly. 2017. – Vol. 34, N 2. – P. 167–182.

⁵ Ganapati S. Use of dashboards in government – been there and done that modified. 2011. – <https://faculty.cbpp.uaa.alaska.edu/afgjp/PADM601%20Fall%202011/Use%20of%20Dashboards%20in%20Government.pdf>

⁶ Maheshwari D., Janssen M. Dashboards for supporting organizational development: principles for the design and development of public sector performance dashboards: Paper presented at the proceedings of the 8th international conference on theory and practice of electronic governance, ACM (2014). – P. 178–185.

⁷ Allio M.K. Strategic dashboards: Designing and deploying them to improve implementation // Strategy & Leadership. 2012. – Vol. 40, N 5. – P. 24–31.

данных с определенной целью. Как таковые, информационные панели становятся важным средством общения и взаимодействия с общественностью для обеспечения прозрачности и подотчетности.

По определению С. Фью¹ информационные панели – это «визуальное отображение наиболее важной информации, необходимой для достижения одной или нескольких целей, консолидированной и организованной на одном экране, чтобы информацию можно было отслеживать с первого взгляда». Это определение может быть оспорено, поскольку у правительств может быть несколько иногда противоречащих друг другу целей. Кроме того, информационные панели позволяют давать более подробную информацию и могут не ограничиваться одним экраном. Поэтому можно определить информационные панели как «визуализацию общего набора данных для определенной цели, что дает возможность видеть происходящее и инициировать действия».

Примеры показывают, что дизайн информационной панели зависит от многих факторов, включая доступную информацию и ее назначение. Информационные панели часто нацелены на расширение прав и возможностей общественности путем обеспечения прозрачности и подотчетности². Информационные панели – это инструмент для уменьшения информационной асимметрии³. Информационная асимметрия – это ситуация, в которой одна сторона имеет больше информации, чем другая сторона⁴. Предоставляя данные, информационные панели могут помочь уменьшить информационную асимметрию, предоставляя более полное представление об определенной ситуации. Преодоление информационной асимметрии должно привести к повышению уровня прозрачности.

Правительства могут также разработать информационные панели для принятия собственных решений на основе информации, полученной от участия граждан. Разумные и основанные на фактических данных решения и политика должны вызывать большее доверие со стороны общественности. Разработка правильной информационной панели является сложной задачей.

Есть много подводных камней, которые могут помешать достижению намеченной цели. Если данные не очищаются должным образом заранее, их использование может привести к ненадлежащему анализу. Более высокое качество данных имеет свою цену и не всегда необходимо. Методы улучшения данных могут частично решить проблему низкого качества данных. Надлежащие словари для метаданных (онтология, семантическая сеть и т.д.) могут решить еще одну проблему, связанную с пониманием и интерпретацией. Наборы данных также должны иметь надлежащее качество информации, такое как своевременность и степень детализации, а также системное качество, например, возможность доступа в различных форматах.

Информационные панели могут предоставлять как обзор, так и подробные представления одновременно, могут создавать прозрачность и могут использоваться для подотчетности и стимулирования взаимодействия. Использование данных на информационных панелях общественностью не приводит к прозрачности и подотчетности как таковой. Преимущества могут быть получены только в том случае, если информационные панели правильно спроектированы. Для этого важно понимать риски и проблемы, возникающие при разработке информационных панелей.

Качество данных должно соответствовать качеству, требуемому для информационных панелей. Кроме того, речь идет не только о технологии, но и о том, как будут использоваться результаты, созданные специалистами по данным. Например, эксперты обнаружили⁵, что обмен данными в большей степени определяется механизмами убеждения и техническим взаимодействием. Даже если информационная панель правильно спроектирована с технической точки зрения, обнаружение мошенничества или выявление странных шаблонов бесполезны, если у законных агентств нет средств для дальнейшего расследования этих шаблонов. Это требует наличия учреждений, способных отслеживать результаты, полученные в результате анализа данных. Использование результатов данных требует институциональных изменений, в том числе для обеспечения подотчетности. Только официальные органы, такие как омбудсмены, министерства, политики и судьи, могут привлекать организации к ответственности. Р. Лоренцо⁶ проанализировал открытые данные на порталах и обнаружил, что они часто не имеют организационных и структурных элементов для поддержки общественной подотчетности.

Таким образом, разработка и использование информационных панелей могут быть сопряжены со многими рисками и проблемами. Одним из основных рисков является неправильное понимание информации, что может привести к неверным выводам о данных. Это также поднимает вопрос о том, могут ли информационные панели привести к прозрачности и подотчетности. Инструментальные панели могут повысить уровень прозрачности, но многое зависит от правильного дизайна. Пока существует информационная асимметрия, полной прозрачности не будет.

¹ Few S. Information dashboard design: The effective visual communication of data. 2006. – <http://public.magendanz.com/Temp/Information%20Dashboard%20Design.pdf>

² Janssen M., Hoven J. van den. Big and open linked data (BOLD) in government: A challenge to transparency and privacy? // *Government Information Quarterly*. 2015. – Vol. 32, N 4. – P. 363–368.

³ Bugaric B. Openness and transparency in public administration: Challenges for public law. 2004. – P. 483. – https://www.researchgate.net/publication/302290116_Openness_and_transparency_in_public_administration_challenges_for_public_law

⁴ Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure // *Journal of Financial Economics*. 1976. – Vol. 3, N 4. – P. 305–360.

⁵ Welch E.W., Feeney M.K., Park C.H. Determinants of data sharing in U.S. city governments // *Government Information Quarterly*. 2016. – Vol. 33, N 3. – P. 393–403.

⁶ Lourenço R.P. An analysis of open government portals: A perspective of transparency for accountability // *Government Information Quarterly*. 2015. – Vol. 32, N 3. – P. 323–332.

Описание основных рисков и проблем¹

Риски и вызовы	Описание
1. Низкое качество данных	Например, если данные не очищаются должным образом с помощью статистических методов, неверные данные могут привести к плохой аналитике и дать людям неверное сообщение и информацию. Неверная информация хуже, чем отсутствие информации!
2. Фрагментарная ответственность за качество данных	Многие владельцы могут быстро снизить качество данных и доставки информации на информационных панелях.
3. Ограниченная готовность адаптироваться к новым изменениям	Политики и государственные менеджеры могут бойкотировать новую систему или новые технологии по разным причинам, например, пожилые люди испытывают трудности с использованием технологий, государственные служащие избегают потери своей политической власти для принятия решений по государственной политике и др.
4. Ограниченные знания и отсутствие подходящего персонала	Немногие люди обладают способностями, необходимыми для проектирования и эксплуатации информационных панелей. Поскольку количество квалифицированных людей невелико, они дороги и пользуются большим спросом на рынке труда.
5. Неправильная интерпретация информации	Неправильные или неточные данные и информация, визуализированные с помощью информационных панелей, могут снизить доверие граждан к правительству.
6. Неверное принятие решений и недоверие к власти	Правительства должны проявлять осторожность при раскрытии данных на информационных панелях. Часть этих общедоступных информационных панелей будет руководить процессом принятия решений гражданами. Если организация не может оказывать должный уровень услуг, это приведет к недоверию к правительству.
7. Снижение прозрачности	Хотя информационные панели могут повысить прозрачность, они могут и затуманить картину, предоставляя предварительно определенные представления, определенные теми, кто наделен властью.
8. Недостаток ресурсов	Разработка подходящей информационной панели может быть дорогостоящей, поскольку при разработке необходимо учитывать множество факторов. Это может потребовать многих интерпретаций и постоянного обновления после завершения.
9. Без обслуживания и обновления	Данные на информационной панели не обновляются или интерфейс информационной панели устарел. Если информационные панели не будут работать хорошо, граждане откажутся от них и с меньшей вероятностью будут им доверять.
10. Предопределенный вид (уровень настройки панели инструментов)	Показ людям предопределенного пути без возможности вникать в детали и принимать дополнительные взгляды может привести к предвзятости, неспособности увидеть полную картину и недоверию. Предложение альтернатив для настройки визуализации и демонстрация альтернативных представлений могут улучшить понимание, улучшить управление и надежность, избежать предвзятости с точки зрения правительства.
11. Неспособность адаптироваться к новым разработкам	Использование информационных панелей может привести к появлению новых конкретных проблем, для решения которых может потребоваться дополнительный сбор данных или новые планы и стратегии по уменьшению влияния общественного принятия решений.
12. Конфиденциальность данных	Если данные не анонимизированы должным образом, личные данные могут отображаться ошибочно.
13. Нет поддержки участия	Определение информационной панели предполагает, что возможен некоторый уровень контроля или вмешательства. Поддержка участия, предоставление комментариев и предложений имеет важное значение.
14. Отсутствие институциональных механизмов	Результаты исследований могут привести к необходимости принятия мер, например, для привлечения организаций к ответственности. Для этого необходимо наличие институциональных механизмов.
15. Редкое использование	Редкое использование информационных панелей гражданами может не обеспечить эффективности и действенности, ожидаемых правительством и общественностью.

Разработка информационных панелей может быть дорогостоящей. Их разработка и эксплуатация могут потребовать значительных ресурсов, а специалистов по обработке и анализу данных не хватает. Это может привести к отсутствию новых разработок и стандартизированного предопределенного представления в долгосрочной перспективе. Если данные поступают из разных отделов или у информационных панелей много владельцев, это может привести к снижению качества. Существует также риск того, что политики и государственные служащие будут бойкотировать или не использовать информационную панель из-за сложности принятия новых технологий или из-за возможной потери политической власти в процессах принятия решений.

Очистка и обработка данных – неотъемлемая часть разработки информационных панелей. Выполнение юридических требований по анонимизации общедоступных данных для защиты конфиденциальности людей является одновременно и риском, и проблемой. Это риск, потому что есть возможность идентифицировать людей даже при использовании анонимных наборов данных. Это сложная задача, поскольку анонимизация наборов данных требует определенных знаний и навыков и имеет свою цену. Статистический анализ также помогает уменьшить выбросы и «плохие данные», которые приводят к плохим результатам. Использование данных низкого качества может привести к неправильному или неточному принятию решений. Даже правильные данные могут быть неверно истолкованы людьми.

Дизайн информационных панелей должен обеспечивать прозрачность и подотчетность, но сталкивается со многими проблемами, связанными с рисками.

¹ <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X18300303>

Обзор принципов проектирования информационных панелей¹

Принцип	Описание
1. Собирайте точные данные	Правительства должны предоставлять наиболее точную и точную информацию, чтобы пользователи могли понять данные и не были введены в заблуждение. Неправильная информация на приборной панели может привести к неверным решениям.
2. Настроить представления	Инструментальные панели не должны быть просто простыми или общими визуализациями; информационные панели должны содержать настраиваемые представления для отображения имеющейся проблемы. Таким образом лица, принимающие решения, и пользователи могут получить представление о проблеме. Индивидуальные представления могут помочь им понять ситуацию. Дизайн требует понимания организационных стратегий, точек зрения, бизнес-процессов, косвенных эффектов, систем поддержки принятия решений и приоритетов. В случаях, обнаруженных в обзоре литературы, для каждой цели разрабатываются отдельные приложения, чтобы обеспечить четкое представление о проблеме.
3. Поддержка другого взгляда	Одно представление может привести к ограниченному пониманию ситуации. Различные точки зрения могут избежать предвзятости и улучшить понимание. Предоставляя необработанные данные, другие могут создавать новые представления, что может привести к обновлению информационной панели и улучшению ее использования.
4. Четкое представление	Инструментальные панели позволяют использовать диаграммы, графики, пиктограммы, столбцы, числа и т.д. для визуализации информации для мониторинга и анализа производительности. Информационные панели должны визуализировать данные в простой для понимания форме. В нашем случае простота информационных панелей позволила использовать их широкой публике.
5. Предлагайте поддержку в принятии решений	Отношения между показателями производительности и пожеланиями организации должны быть четкими. Информационные панели могут обеспечить поддержку принятия решений для оценки сценариев «что, если» и использования прогнозной аналитики. Это может помочь лучше понять ситуацию и помочь лицам, принимающим решения. Предоставляя информацию о возможных альтернативах, можно предсказать эффект выбора альтернативы в наших случаях.
6. Поддержка взаимодействия	Статические информационные панели часто предоставляют ограниченную информацию. Больше понимания можно получить, предоставив функции взаимодействия, которые позволяют пользователям просматривать данные с разных точек зрения, предлагать рекомендации на основе данных, а также предоставлять отзывы для улучшения использования. Информация в режиме реального времени была ключевым элементом поддержки решений по делам.
7. Предоставьте обзор и подробности	Информационные панели должны быть в состоянии работать с огромным объемом больших и открытых данных. Благодаря обзору и возможности увеличить детали большой объем проанализированных больших данных может быть представлен на простом визуальном дисплее.
8. Сосредоточьтесь на создании общественных ценностей	Простая визуализация данных имеет ограниченное применение, если она не подходит для создания добавленной стоимости. Инструментальные панели сложно разрабатывать, особенно для больших и открытых данных. Часто для определения добавленной стоимости требуется бизнес-кейс. Информационные панели должны создавать общедоступные ценности, такие как вовлеченность, прозрачность и подотчетность, и придерживаться общедоступных ценностей, таких как конфиденциальность.
9. Обеспечьте обновление данных в режиме реального времени	Большинство информационных панелей не основаны на данных в реальном времени. Правительства предоставляют информационные панели того, что произошло в прошлом, и могут использовать их для прогнозирования будущих событий.
10. Обеспечение институциональной поддержки	Создание прозрачности приводит к обнаружению некорректных данных или поведения. Гражданам сложно предпринимать какие-либо действия, если есть подозрения в мошенничестве или коррупции. Граждане должны иметь возможность обращаться в независимое и пользующееся доверием агентство. Должны существовать институты для дальнейшего решения таких вопросов.

Хотя эти принципы не обязательно должны соблюдаться, они могут помочь в разработке информационной панели для повышения прозрачности и подотчетности. Например, отсутствие обновленных, своевременных и точных данных способствовало непониманию и дезинформации среди граждан и руководителей, принимающих решения.

Хотя информационные панели часто используются для оценки политики, они могут поддерживать полный цикл разработки политики, включая ее формулирование, реализацию и оценку. Информационные панели должны помочь гражданам понять текущую ситуацию, а также избежать длительных поисковых процессов и информационной перегрузки. По этой причине создание информационных панелей для граждан требует дизайнера, ориентированного на актуальность и учитывающего ситуацию граждан. Уравновешивание таких вопросов, как конфиденциальность, информационная перегрузка и разработка обзора с первого взгляда, является сложной задачей. Хорошая информационная панель ориентирована на пользователя и дает понимание, однако для некоторых граждан этого может быть недостаточно. Хотя информационные панели в разных областях могут иметь разные формы, могут быть пользователи, которые хотят получить доступ к необработанным данным. Из-за разнообразия возможных пользователей данных крайне важно выявить как социальные проблемы, которые необходимо решить, так и потребности пользователей.

¹ <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X18300303>. В этой же работе приводятся ссылки на источники, в которых формулируются данные принципы и приводится их описание.

Выводы

Панели инструментов могут использоваться правительствами для взаимодействия с общественностью. Для разработки информационных панелей необходимы действия по обработке и анализу данных для извлечения данных из различных источников, их интеграции для поиска новых идей посредством использования данных и разработки визуализаций. Информационные панели – это инструменты для представления данных на интегрированном визуальном дисплее и инициирования действий. Информационные панели могут играть решающую роль в предоставлении информации о ситуации и помощи в улучшении и развитии ситуации. Выявленные преимущества информационных панелей связаны с созданием обзора и возможностью увеличения деталей. Прозрачность может быть создана путем преодоления информационной асимметрии между государственными организациями и общественностью. Однако преимущества могут быть получены только при правильном проектировании информационных панелей. Примеры показывают, что информационные панели могут обеспечить много преимуществ, но также и то, что разработка информационных панелей – это деятельность, сопряженная со многими рисками и проблемами.

Внедрение информационных панелей может быть бесполезным, если их внедрение не сопровождается организационными изменениями. Панели инструментов следует использовать не только для общения с общественностью, но и для получения от обратной связи и стимулирования взаимодействия. Поиск новой информации или выявление фактов коррупции бесполезны, если нет возможности обеспечить обратную связь или провести дальнейшее расследование со стороны законных органов. Участие в информационных панелях, когда граждане имеют возможность предоставлять данные и обсуждать результаты, играет решающую роль. Кроме того, плохо спроектированная информационная панель может привести к неправильному пониманию данных и подорвать доверие общественности к правительству.

Аствацатурова М.А.

д.полит.н., профессор, Пятигорский государственный университет

ПРОЕКЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОРИСКОВ (СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ КЕЙС)

Ключевые слова: геориски, этнокультурная и этнополитическая сфера, власть, политика, публичное управление, Северный Кавказ, этническая идентичность, успехи и проблемы национальной политики, диссонансы публичного управления.

Keywords: geopolitical risk, ethno-cultural and ethno-political sphere, power, politics, public administration, North Caucasus, ethnic identity, successes and problems of national politics, dissonances of public administration.

Современное политическое пространство и современное политическое время имеет явные свойства масштабного транзита, причем не столько внутрисоциального и внутринационального, сколько межгосударственного и геополитического¹. Мировой экономической, социальной, политической, а также и мировоззренческой и морально-нравственный кризис, который разворачивается с начала 2010-х гг. в разных формах и проявлениях, проникает все больше и все глубже практически во все сферы жизнедеятельности общества. Нарастают распри между центрами силы и транснациональными корпорациями как экономическими, так и политическими, происходит отказ от прежних межгосударственных договоренностей, обострение межстрановых противоречий, замедление экономического роста, сужение социальных обязательств власти перед обществом. Назовем также и многие иные современные геориски – террористические и экстремистские акции, конфликты и гибридные войны, военные операции и угрозы применения силы, применение Интернет и кибератак, использование биологического и климатического оружия – которые мощно вторгаются во внутренние состояния государств, прямо угрожая их суверенитету². Указанные процессы выводят на авансцену качество профессиональной политики, профессионального применения власти и публичного управления³, которые призваны нейтрализовать вторжение геополитических угроз во внутреннюю жизнь страны и общества.

Отметим, что в каждой стране и в каждом общенациональном сообществе геориски имеют свои опасные проекции, которые «устремляются» в наиболее уязвимые сферы. Непосредственными и опосредованными результатами влияния георисков на внутреннее состояние государства и общества, а также, что крайне важно, на отношения между государством и обществом могут быть следующие процессы:

- разбалансирование существующей политической системы и политического режима;
- использование общественных активистов в интересах третьих и недружественных стран;
- разрушение традиционных моделей взаимодействия власти и граждан;
- ухудшение социального самочувствия и социального настроения населения;
- подрыв доверия граждан власти, снижение авторитета власти, а также доверия граждан друг другу;
- обострение хронических социальных противоречий, находящихся в управляемом инерционном состоянии и т.д.

Среди сфер, которые являются весьма чуткими к воздействию извне, выделим сферу межэтнических отношений в их организационно-институциональных этнокультурных и этнополитических формах, которые нашли широкое распространение в современной России⁴. Этнокультурное и этнополитическое самоопределение, которое осуществляют этнические сообщества и граждане современной России, имеет: 1) традиционную историко-культурную основу; 2) инновационную политико-правовую платформу.

Общее российское пространство полиэтничности и поликультурности сегментировано по регионам, которые сложились в результате исторических и политических событий и которые в той или иной степени детерминировали современную этнокультурную и этнополитическую сферу публичного управления⁵. Его цели зафиксированы в ряде

¹ См.: Итоги Первого Московского политологического форума в Президентской академии совместно с РАПН и АПН «Политическая наука сегодня: междисциплинарные подходы» / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва. 15-16 апреля 2022 г. – <https://www.rapn.ru/in.php?part=5&gr=69&d=6199>

² Путин заявил о непростой международной ситуации. РИА новости. 23.02.2022 г. – <https://ria.ru/20220223/situatsiya-1774470274.html>

³ Недак И.Л. Концептуализация власти в современном научном дискурсе господства // Полис. – М., 2022. – № 1. – С. 136–149.

⁴ Зорин В.Ю., Каменских М.С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. – № 1. – С. 1–17.

⁵ Аствацатурова М.А. Этнокультурная и этнополитическая безопасность сообществ Северо-Кавказского федерального округа: неизменная актуальность и современная актуализация // Векторы развития современной конфликтологии: сборник материалов IV Всероссийского конфликтологического научно-практического форума (Ростов-на-Дону, 4–5 декабря 2020 г.) / Отв. ред. В.Н. Гурба, С.А. Мартиросян. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. – С. 18–22.

нормативно-правовых и политико-доктринальных документов постсоветской России, среди которых общую значимость имеют Федеративный договор 1992 г., Конституция РФ 1993 г., Федеральный закон «О национально-культурной автономии» 1996 г., «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации» 1996 г., которые имели пионерский характер. Впервые в политико-управленческой практике центра власти – в данном случае федерального центра – государство официально заявило о своей позиции в сфере управления межэтническими отношениями и предложило народам, этническим группам легитимные условия для оформления их этнокультурных и этнополитических интересов.

Интенции отмеченных политических и нормативно-правовых документов нашли дальнейшее развитие в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» 2012 г., новая редакция которой принята указом Президента РФ в 2018 г. и процесс обновления которой продолжается¹. Этот политико-доктринальный документ имеет глобальную значимость для российского многонационального народа в силу поставленной цели – сохранения этнокультурного многообразия и в то же время упрочения единства гражданской российской нации. Данная цель имеет непреходящую ценность, которая приобретает новые качества в современных сложнейших условиях противостояния России беспрецедентному санкционному давлению и разворачивающейся «культуры отмены России».

Привлекательность идеи российского культурного и политического единства поддерживается Российским государством в пределах федеративного устройства с использованием национально-государственного и административно-территориального принципов образования субъектов. Эти принципы реализованы в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) в пределах одного края (Ставропольского) и шести республик (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания, Чечня)². Жители СКФО, как и жители других регионов страны становятся носителями идеи российской гражданской идентичности, прежде всего, в ее историко-культурном, морально-нравственном выражении³.

Идея гражданского единства при всеобщей необходимости и современной исключительной оправданности с учетом внешних угроз имеет дифференцированное восприятие и воплощение на Северном Кавказе, в том числе, и в силу жёсткой новейшей этнополитической истории региона. Состоявшиеся в 90-х – 2000-х гг. этнические конфликты с элементами гражданской войны и террористические угрозы, большие человеческие потери, распады социумов, обусловили многие современные социальные и политические результаты⁴.

Северокавказские сообщества разочаровались в идеях сепаратизма и одностороннего суверенитета, убедились в нецелесообразности и вредоносности центробежных тенденций, угрожающих единству российской нации и суверенитету Российского государства, которое составлено многими народами. С 2010-х гг. происходит реинтеграция северокавказского сообщества, отождествление его интересов с интересами государства, с теми целями, которые ставит Президент РФ В. Путин не только как глава государства, но и как национальный лидер, имеющий существенный авторитет, проявляющий политическую решимость и политическую волю в отстаивании приоритетов России и Русского мира на международной арене⁵.

Современное состояние северокавказского сообщества – результат здравого смысла народов, которые в коллективном формате осмыслили возможности этнокультурного и этнополитического самоопределения в рамках общей российской культуры и общей российской политики. В то же время важным фактором современного стабильного и перспективного состояния этнокультурной и этнополитической сферы является публичное управление, которое осуществляется в субъектах РФ Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

Обобщая многие ранее сделанные собственные исследовательские изыскания и экспертные наблюдения ученых Северного Кавказа, укажем на некоторые очевидные оптимальные факторы публичного управления в субъектах РФ СКФО, а именно:

- функционирование целевых профильных органов власти, которые ведут системную работу в соотнесении проблем межэтнических отношений с проблемами гражданского общества, общественного активизма, информационного обеспечения, конфессиональных интересов;
- распространение эффективных форм государственно-гражданского и муниципально-общественного партнерства в этнокультурной и этнополитической сфере (общественно-консультативные советы, этнические советы, советы по вопросам межэтнических отношений при главах регионов и муниципальных образований, дома национальных культур, центры дружбы, которые действуют как государственно-казенные, муниципальные учреждения);
- формирование оптимальной системы взаимодействия органов власти и управления с общественными организациями этнической направленности как с субъектами гражданского общества в его этнокультурной модели, которая

¹ Указ Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Кодексы и законы. Правовая навигационная система. – <https://www.zakonrf.info/ukaz-prezident-rf-703-06122018/>

² Актуальные проблемы Северного Кавказа: сб. науч. ст. / ЦРИ ИСиР ЮФУ. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. – Вып. 97.

³ Адиев А. З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.) // Социологические исследования. – М., 2021. – № 4. – С. 136–142.

⁴ Аствацатурова М.А. Этнополитические заметки из дневника Северо-Кавказского федерального округа // Вопросы политологии. 2019. – Вып. 7 (47). – С. 1433–1441.

⁵ Путин объявил о специальной военной операции в Донбассе. – <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6216f2859a79474c63d4019b>

продолжает укрепляться в новых формах, включающих социальную ответственность и общественно-значимое проектирование (в сфере образования, культурно-просветительской и музейной работы, в сфере воспитания молодежи);

– действие многочисленных национально-культурных объединений и национально-культурных автономий, фондов, обществ (региональных, зональных, местных), а также общерегиональных организаций, которые организуют комплексную работу по сохранению этнической обрядности, культуры, языка, народных праздников; памятных дат (региональные отделения Ассамблеи народов России, региональные отделения федеральных национально-культурных автономий, конгрессы и форумы народов);

– сохранение этническими сообществами традиций внутри- и межэтнического диалога на основании общечеловеческих, а также и общих северокавказских идентификационных ценностей, которые отражены в культуре, ментальности, социальной практике каждого из народов, каждой из этнических групп, субъективированных в северокавказском сообществе¹;

– участие этнических активистов, лидеров этнических групп и национально-культурных организаций в практическом миротворчестве, в профилактике межэтнических противоречий и этнических конфликтов для сохранения социальной и политической стабильности;

– консолидация северокавказских сообществ вокруг политического и внешнеполитического курса руководства страны, патриотической российской идеи гражданской солидарности, которая соотносится в коллективных ориентирах жителей региона с идеей крепкой семьи, родственной и соседской взаимопомощи, верности ментальным устоям и этническим кодексам этики; в своем большинстве жители СКФО поддерживают вертикализацию власти и персонафицирование ее в лице В. Путина, одобряют «сильную руку» во внутренней и внешней политике;

– поддержка национально-культурными организациями и движениями решения В. Путина о проведении специальной военной операции на Украине для защиты населения Луганской и Донецкой народных республик и для демилитаризации и денацификации Украины, а также массовые акции сбора гуманитарной помощи для населения самопровозглашенных республик;

– осуществление этническими родственными, фамильными, тейповыми, диаспорными сообществами целевых весьма востребованных собственно северокавказских миротворческих практик: примирение кровников и супругов, возвращение к мирной жизни молодежи, адаптация участников конфликтов, помощь пострадавшим в террористических актах, возвращение детей и женщин, попавших в зарубежные террористические комбинаты и др.

Выделяя принципы, направления, формы и методы публичного управления в этнокультурной и этнополитической сфере в субъектах РФ СКФО, поясним прочную, на наш взгляд, неизбежную связь этнической культуры и этнической политики².

В пояснение данной позиции подчеркнем, что ни одна значимая проблема, интересантом которой выступает народ или этническая группа, не может быть решена без целесообразной политики и без политического публичного управления. К проблемам, имеющим зримую детерминацию, обусловленную объективностью самой этнической идентичности, мы относим такие как: возможность изучения родного языка; создание условий для сохранения и отправления этноконфессиональной обрядности; обеспечение путем легитимизации статусов территорий этногенеза и статусов самих народов; сбережение этноисторического, этнокультурного, этномифологического комплексов и уважительного отношения к этническому пантеону героев; сохранение природного, ландшафтного пространства, на котором реализуются этнические промыслы, этнический профессионализм, народное творчество и др.³

Долговременный мониторинг и включённое наблюдение за публичным управлением в заявленной сфере в субъектах РФ СКФО позволяет выделить наиболее острые проблемы, требующие квалифицированного управленческого воздействия.

В этнокультурной сфере это, прежде всего, недостаточность организационных условий и управленческих усилий по:

– сохранению пространства родных языков, а также поддержанию этнической памяти народов как значимого социального и ментального комплекса, концентрирующего этнические образы прошлого, которые переходят в настоящее и в будущее народов;

– ограждению пространства традиционной материальной и нематериальной культуры, в которой воплощаются представления народов о хорошем и плохом, о радостном и горестном, о престижном и постыдном и которая противостоит чужеродному влиянию и бюрократическому нивелированию этно-образного и этно-экзистенциального мира;

– определению оптимальных управленческих и организационных форм соотношения консервативной этнической традиции с социальной модернизацией, которая осуществляется в регионе, как и во всей России, при существенной корректировке ее принципов с традиционными ценностями российского общества, отстаивающего свой культурный и ментальный суверенитет в противостоянии пополняющимся новеллам постмодернизма.

¹ Идентичности на Кавказе: от конфронтации к консолидации. Материалы международного форума кавказоведов / Отв. ред. А.В. Сериков. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. – 500 с.

² Аствацатурова М.А. Государственная национальная политика РФ: базовые доктринальные принципы и текущие технологии в Северо-Кавказском федеральном округе // Университетские чтения – 2021. Материалы научно-методических чтений ПГУ. – Пятигорск, 2021. – С. 46–53.

³ Межэтнические отношения и религиозная ситуация накануне Всероссийской переписи населения 2020 г. в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / Научн. конс. В.А. Тишков; отв. ред. М.А. Аствацатурова. – Москва; Пятигорск; Ставрополь, 2019. – 135 с.

В этнополитической сфере, это, прежде всего, недостаточность организационных условий и управленческих усилий по:

– обеспечению легитимности статусов и неприкосновенности территорий национально-государственного самоопределения субъектов РФ (в частности, республик) при неприемлемости изменения границ и переподчинения территорий и населенных пунктов вне правового поля и без широкой общественной экспертизы и гражданского одобрения заинтересованных субъектов северокавказской этносферы;

– гарантированию полного исполнения российского законодательства в отношении репрессированных народов, казачества, коренных народов, национальных меньшинства, мигрантов, беженцев, иных групп населения, повергшихся незаконным административным воздействиям, либо не получивших законодательно определённые социальные блага и не осуществивших свои политические права;

– признанию сохраняющихся не решенных национальных вопросов, а также не ликвидированных следствий состоявшихся конфликтов, а также следствий не обоснованных политико-властных решений в отношении конкретных народов и этнических групп;

– учету коллективных позиций и мнений этнических сообществ (оформленных в решениях этнических съездов и форумов) и их лидеров по поводу проблем и противоречий социально-экономического, территориального, политико-управленческого свойства;

– нейтрализации этнократических схем и негласной системы этнического распределения постов во власти и управлении, в манипулировании интересами и действиями этнических групп.

Диссонансы публичного управления в этнокультурной и этнополитической сфере СКФО имеют множественные причины и детерминанты¹. Они во многом обусловлены экономическими и социальными причинами, так как инфраструктурное экономическое и социальное состояние регионов СКФО оставляет желать много лучшего. В субъектах СКФО отмечается низкий уровень жизни, низкие заработные платы, безработица, крайне слабая результативность инвестиционных проектов, узость бизнес- и предпринимательского сектора. Как показали выводы, сделанные председателем Правительства РФ М. Мишустиним по результатам поездки по Северному Кавказу в апреле 2021 г., развитие СКФО идет неудовлетворительными темпами. Так, не решаются задачи производственного характера, не созданы сферы и зоны плотного рынка труда а также новые банки рабочих мест, не пополняются ряды постоянно занятых в сфере производства и крупных сельскохозяйственных комплексов, не развиваются в должном темпе и качестве сферы туризма, рекреации, курорта и отдыха². Закономерно, что все эти проблемы проецируются в этнокультурную и этнополитическую сферу и усиливают объективную конкуренцию и даже противостояние этнических групп в стремлении обеспечить себя экономическими и социальными благами.

Обобщающие соображения

Позволим себе актуализировать перечисленные проблемы и противоречия этнокультурной и этнополитической сферы, которые остаются рельефными на Северном Кавказе, несмотря на общую стабилизацию и на успехи публичного управления по реализации государственной национальной политики РФ.

Выразим убеждение, что именно национальная политика должна обеспечиваться управлением с максимально высоким цензом публичности. При этом под публичностью управления мы понимаем не его «явочную открытость задним числом», когда население ставится перед фактом принятия и соответственной необходимости исполнения политического решения или законодательного акта. Здесь не только уместны, но и необходимы широкие общественные консультации, переговоры и договоренности по поводу чувствительных решений и проектов, которые напрямую затрагивают культурные, социальные, экономические, территориальные, политические интересы этнических групп.

Подчеркнем, что именно политика в этнокультурной и этнополитической сфере должна быть максимально открытой, релевантной, достоверной и оперативной, отвечающей запросам этнических субъектов северокавказского пространства, как впрочем, и всякого иного. Любое игнорирование мнения народов, пренебрежение их проблемами, циничный уход от понимания противоречий этнической детерминации и даже этнической интерпретации грозит возмущением региональных и местных этнополитических систем, которое неоднократно происходило на Северном Кавказе, распространяясь далее в иные регионы России.

Отметим в ключе предположения, что общественное мнение этнических сообществ по поводу проблем культуры и проблем политики должно быть оформлено и институировано в соответствии с законодательством и политическом курсом РФ, однако с учетом региональных и местных особенностей. Здесь на первый план этнокультурных и этнополитических деклараций выходят активисты – лидеры общественного мнения, референтные лица, которые в наиболее концентрированной форме способны формулировать интересы этнического коллектива и представлять эти интересы власти и во власти (представительные органы местного самоуправления, законодательные органы субъектов РФ – думы, народные собрания, парламенты, а также и органы федерального уровня – Государственная Дума и Совет Федерации Федерального Собрания РФ).

¹ Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Консолидирующие тренды и исторические травмы в северокавказском научном дискурсе // Материалы заседания Научно-экспертного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений «Актуальная историко-культурная и этническая тематика в учебно-научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа» 24 марта 2021 г. // Архив автора.

² Мишустин: программа развития Северного Кавказа не принесла результатов. Мишустин заявил, что программа развития Северного Кавказа не дала ощутимых результатов // РИА Новости. 15.06. 2021 г. – <https://ria.ru/20210615/programma-1737056575.html>

Учитывая это, задачами публичного управления является не нивелирование этнического активизма, не снижение этногруппового субъективирования, не дисциплинирование гражданского общества, а проникновение в обстоятельства, причины, факторы, триггеры этнической жизни региональных этнических конгломератов. Тенденции, проблемы, инциденты публичного управления в этнокультурной и этнополитической сфере СКФО целесообразно рассматривать в контексте общей социальной, экономической и политической эволюции региона, как и общероссийской эволюции, которая сегодня весьма сложна и проблематична. При этом в ходе публичного управления чрезвычайно важно мотивировать северокавказские сообщества не только на сохранение традиционных историко-культурных, общественно-политических, социально-ментальных ценностей, но и на освоение новых социокультурных и политико-деятельностных практик, которые необходимы для количественной и качественной динамики жизненных трендов этнических групп.

Бабинцев В.П.

д. филос. н., профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ КАК ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

Ключевые слова: социальная консолидация, солидарность, регион, сообщество, дополненная реальность; социобиотехническая система.

Keywords: social consolidation, solidarity, region, community, augmented reality; sociobiotechnical system.

Развитие современных сообществ, представляющих собой «субобщественные объединения в свободную ассоциацию индивидов на основе особых интересов, частной или ситуативной цели и специфической деятельности, в которой целое и цели подчинены воле отдельных лиц и реализация интересов и целей осуществляется путём принятия согласованных свободных решений»², характеризуется противоречивым взаимодействием социальной конъюнкции и дизъюнкции. Согласно О.А. Кармадонову, первая представляет собой «процесс, ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества»; вторая связана с «ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества»³. Особенно наглядно они проявляют себя в условиях территориальных сообществ, начиная от локальных (местных) и заканчивая большими регионами.

Обе тенденции реализуются как при сознательном участии самих членов сообщества, так и в ходе целенаправленной деятельности представителей их активного меньшинства, которое, с некоторыми оговорками, можно рассматривать в качестве элиты. При этом в сообществах, которые не трансформировались в антисистемные (деструктивные) образования, конъюнкция обычно рассматривалась в качестве наиболее желательной стратегии развития и получала обоснование в концепциях интеграции, коллективизма, общинности, солидарности. В конечном итоге, все они пытались разумно объяснить вполне естественное, присущее человеку стремление к объединению, зачастую вопреки тому, что оно, возможно, имеет отнюдь не рациональную, или же не только рациональную природу.

В значительной степени это относится к феномену солидарности. Французский антрополог П. Буайе, обобщая результаты исследований многих социальных психологов, констатирует: «Люди настолько склонны к созданию групп, что, похоже, даже самые незначительные поводы могут привести к возникновению коллективной солидарности и межгрупповым конфликтам. Яркий аспект «общинности» – это контраст между зачастую слабой связью между членами группы, их фактическими связями и сильным стремлением защищать свою группу и атаковать соперничающие»⁴. Огромная и, как представляется, пока недооцененная регулятивная функция солидарности в жизни социума дает основания считать ее одним из социальных метаинститутов, то есть институтов, без которых невозможно общественное воспроизводство⁵.

Однако, несмотря на то, что интерпретацией феномена солидарности занимались многие классики социальной мысли (О. Конт, Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер, П. Бурдьё, Дж.Г. Мид, Г. Дж. Блумер, А. Шютц и др.), по меньшей мере, в российской практике не было попыток применить их разработки в процессе управления развитием сообществ различного уровня в форме политико-управленческих стратегий или проектов. Отсутствует эта практика и сегодня. И хотя идея консолидации как регулируемого движения к солидарному обществу время от времени актуализируется в публичном российском дискурсе, она остается, скорее, декларацией, чем ориентиром для принятия конкретных решений.

Можно привести множество объяснений сложившейся ситуации. Но, пожалуй, наиболее основательными являются три из них:

во-первых, вполне понятные сомнения в осуществимости консолидации в российском обществе, которое глубоко дифференцировано не только в социально-экономическом, но и в социокультурном отношении; при этом его развитие связано с возникновением все новых и новых линий разлома – как следствие утверждения нетрадиционных неравенств. Это прежде всего, цифровое неравенство, связанное с различным доступом к цифровым технологиям. Ре-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>

² Римский А.В., Римский В.П. Что зовется сообществом в присутствии общества? // Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа: коллективная монография / Под ред. С.Н. Борисова, В.П. Римского. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 27.

³ Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. – М. 2015. – № 2. – С. 11.

⁴ Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие? – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – С. 54.

⁵ Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. К общей теории метаинститутов // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 16 марта 2020 г. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. – С. 8–11.

альностью сегодняшнего дня является так называемый «цифровой барьер», выражающийся в разрыве между людьми, располагающими постоянным и эффективным доступом к актуальным информационно-коммуникационным технологиям, и не имеющими его¹. Более того, в контексте технологических трансформаций все активнее обсуждается перспектива «антропологического перехода», предполагающего разделение человечества на две части, различающиеся в биологическом отношении². Вполне понятно, что такой сценарий общественного развития исключает саму возможность консолидации;

во-вторых, в литературе зачастую имеет место односторонняя интерпретация консолидации как самоорганизующегося процесса, не предполагающего внешнее регулирование или, по меньшей мере, оставляющего открытым вопрос о его возможности и необходимости. Так А.С. Капто определяет ее как «объединение, сплочение, укрепление субъектов социальных отношений под едиными программами и лозунгами для достижения определенных общих социальных целей, преодоления внешних и внутренних угроз, кризисных ситуаций, социально-политической и этнонациональной конфронтации»³. Для Е.А. Агеевой консолидация – это «сплочение граждан страны, основанное на внутреннем (ментальном, ценностном) согласии по поводу понимания назревших общезначимых проблем и целей, связанных с их разрешением»⁴.

В рамках такого подхода довольно логичным выглядит противопоставление «унифицирующей» консолидации, ориентированной на создание гомогенного политического и идеологического пространства, и «плюралистической», нацеленной «на создание конкурентной среды во всех сферах жизнедеятельности общества при формулировании, продвижении и поддержании общих базовых ценностей»⁵. В известной степени оно восходит к дуалистической (механической и органической) трактовке солидарности Э. Дюркгеймом.

Несомненно, как уже подчеркивалось, консолидация – прежде всего, естественный процесс добровольного объединения людей, принадлежащих к конкретному сообществу. Но это не исключает возможности и необходимости его внешней регуляции, которая при одностороннем подходе изначально отвергается и провозглашается опасной, поскольку ведет к утверждению авторитаризма. Если следовать этой логике, любая постановка задачи консолидации сообществ означает возврат к дискредитировавшим себя (по мнению критиков) авторитарным практикам в управлении, что рассматривается ими как недопустимый реверс;

в-третьих, представители как элит, так и интеллектуальных сообществ не могут не учитывать весь комплекс трудностей, возникающих в случае перевода консолидации из разряда деклараций, являющихся привлекательными для граждан и потому востребованными в политическом процессе, особенно при проведении избирательных кампаний, в практическую плоскость. Сложность такого перевода связана с необходимостью решить, по меньшей мере, две различные по своему содержанию проблемы. Первая определяется необходимостью организации пространства консолидации, выстраивания инфраструктуры, обеспечивающей регулярное и неформальное взаимодействие членов сообществ. Казалось бы, в эпоху Интернета наладить его довольно легко в онлайн формате. Однако взаимодействия в виртуальной среде недостаточно для консолидации, поскольку в ходе его лишь частично решается проблема установления и воспроизводства отношений доверия. Но именно доверие является наиболее прочным основанием солидарности, а выстраиванию доверительных отношений более всего способствует непосредственное «живое» общение.

Вторая проблема является еще более сложной, поскольку связана с необходимостью «переформатирования» массового сознания, заключающегося в замещении одномерной атомизированной модели, ориентированной практически только на себя и близкородственное окружение, коммунитарно-многомерной моделью, учитывающей наряду с личными и общественные интересы. В условиях современной российской реальности, характеризующейся отсутствием общенациональной идеи и утратой даже не вполне и не всегда удачного, но все же опыта коллективистского воспитания, решение ее выглядит как практически невероятное.

В сложившихся обстоятельствах едва ли не единственной причиной не относиться к рассуждениям о солидарности и консолидации как к симулякрам массового сознания является представление о наличии комплекса потенциальных опасностей и угроз, имеющих внешний по отношению к различным отечественным сообществам характер. Значительный вес этого консолидирующего фактора применительно к стране в целом подтвердила сначала пандемия коронавируса (правда, ее консолидирующее влияние было противоречивым и фрагментарным, оно проявилось главным образом в форме деятельности отдельных групп волонтеров), а затем – в усиленном варианте – специальная военная операция на Украине. Она, по меньшей мере на начальном этапе, послужила триггером консолидации большей части населения России. В этом нет ничего удивительного. Конфликтологи давно обосновали, что наличие общего врага сближает даже противников. Однако консолидация на этой основе обычно бывает лишь временной и «неорганической», если следовать концепции Э. Дюркгейма.

Для превращения в стабильно работающий политико-управленческий проект идея социальной консолидации должна быть институционализована, что представляется весьма маловероятным в экстремальных ситуациях. Мышление участвующих в них акторов обычно ограничивается короткой дистанцией.

¹ Перфильева О.В. Проблема цифрового разрыва и международные инициативы по ее преодолению // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – М., 2007. – № 2. – С. 34–48.

² 2022: прогнозы и риски. Круглый стол в Фонде Горчакова // Завтра. – М., 2022. – № 4 (1465). – С. 4.

³ Капто А.С. Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2015. – № 1. – С. 256.

⁴ Агеева Е.А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (на примере полиэтничного региона): дис. ... канд. полит. наук. – М., 2004. – С. 13.

⁵ Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. ред.: А.В. Дука, И.И. Елисеева. – СПб.: Нестор История, 2010. – С. 5.

На фоне определенной эйфории от активизации практик консолидации в экстремальной среде оказался фактически забытым и невостребованным опыт разработки и реализации долгосрочного политико-управленческого проекта формирования регионального солидарного общества в Белгородской области¹. Особенностью проекта было стремление его непосредственных разработчиков последовательно решать проблемы консолидации на основе социально-технологического подхода, что в полной мере соответствует наиболее перспективной модели управления, суть которой выражается в формуле «исследование – решение»². Однако такой подход требует времени и существенных затрат ресурсов.

В силу многих обстоятельств, среди которых существенную роль сыграло представление о возможности консолидировать то или иное сообщество, практически «здесь и сейчас» за счет использования фактора опасностей и угроз, проект выпал из пространства публичного дискурса. Однако было бы ошибкой объяснять случившееся только изменением внешних обстоятельств. Во многом «забвение» (возможно, только временное) проекта связано с его особенностями, которые в совокупности своей сделали его преждевременным, а потому предрасположенным (обреченным?) к неудаче. Сегодня важно понять причины случившегося, поскольку консолидация сохранится как вызов российским сообществам разного уровня, даже если благополучно разрешатся внешние проблемы и исчезнет большая часть связанных с ними опасностей и угроз.

В конечном итоге, идея консолидации в ее современном виде определяется не столько ими, сколько общей логикой развития дополненной социальной реальности, которая объективно становится все более интегрированной. В основе интеграции лежат процессы, связанные с конвергенцией социальных, технико-технологических и биологических элементов, ведущие к формированию новой (дополненной) социальности, представляющей собой пространство функционирования и взаимодействия сложных социобиотехнических систем (СБТ-систем)³. В рамках таких систем формируется новая социальность, к акторам которой относится не только человек, но и техносубъекты. Управление такими системами, с точки зрения его организации и мышления участников, должно быть на порядок выше самоорганизации объектов. Решить данную задачу возможно лишь в условиях адекватной среды, где понижен уровень социальной напряженности, устранены основные конфликтогены, налажены межличностные и межгрупповые коммуникации. Именно на формирование таких условий и был направлен проект формирования солидарного общества в Белгородской области.

С учетом данных обстоятельств представляется, что главная причина его преждевременности связана с сущностными характеристиками проекта как частного случая институционального предпринимательства. Эта социальная практика пока еще недостаточно изучена отечественными исследователями, хотя в западной научной литературе анализ ее имеет достаточно давнюю традицию. Институциональными предпринимателями ее представители признают субъектов, которые «используют ресурсы для создания новых или трансформации существующих институтов»⁴. Следовательно, институциональное предпринимательство – это рационально осмысленный, инновационный по своей сути, процесс институциональных изменений, необходимыми элементами которого являются субъекты, имеющие ясно осознанные цели, их сторонники (агенты), предельно четко очерченный объект воздействия и технологии реализации идей.

Однако все эти условия в той или иной мере оказались в области недостаточно сформированными, и, вероятно, будут таковыми в большинстве других регионов РФ.

Во-первых, данное утверждение следует отнести к субъекту-инициатору проекта, в качестве которого выступил действующий в то время губернатор области Е. Савченко. Формулируя в целом привлекательную и востребованную идею солидарности, он, фактически, испытывал явный дефицит рационально обоснованных аргументов. Актуализация проблематики консолидации, судя по всему, связывалась им с общими рассуждениями о добре и зле, справедливости и несправедливости, в которых довольно эклектически соединялись элементы здравого смысла, философские идеи и мистические откровения. И, как показали последующие события, связанные с публикацией его книги «Потрясение», последние играли едва ли не главную роль. Несмотря на то, что губернатор интуитивно правильно оценил значимость задачи консолидации, он не имел возможности обосновать ее в виде логически безупречных и верифицированных положений, поскольку их попросту не существовало. Отечественные исследователи пока еще только ставят задачу переосмысления происходящих в дополненной реальности изменений и роли в них национально-государственных институтов⁵. Концепция Программы «Формирование регионального солидарного общества» давала лишь предельно общую трактовку стратегии и не проясняла многих проблемных зон.

Таким образом, белгородский опыт позволяет утверждать: своевременность проекта консолидации в значительной мере может быть детерминирована диспозицией его инициатора, которым в российских условиях с неизбежностью становится человек, занимающий высшую (применительно к конкретному уровню социальной самоорганизации) административную должность. Шансы на успех в этой связи будут определяться главным образом его способно-

¹ Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы. – Белгород, 2011.

² Яницкий О.Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. – № 1 (21). – С. 8.

³ Там же.

⁴ Battilana J., Leca B., Boxenbaum B. How Actors Change Institutions: Towards a Theory of Institutional Entrepreneurship // The Academy of Management Annals. 2009. – Vol. 3, N 1. – P. 68.

⁵ Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // СОЦИС. – М., 2020. – № 5. – С. 54.

стью осмыслить и сформулировать задачу в парадигме рационального социально-технологического мышления, то есть в категориях социальной науки.

Во-вторых, реализация проекта во многом зависит от позиции его непосредственных исполнителей, среди которых выделяются две фракции. Первая – государственные и муниципальные служащие, включающиеся в эту деятельность в силу своего положения (по должности). Они обычно довольно хорошо информированы и мобилизованы, ориентированы на рациональный подход к проблеме. Но принадлежность к бюрократической системе управления накладывает печать формализма практически на все их действия, нивелируя многие позитивные эффекты. Рационализм современного чиновника в большинстве случаев – это не рационализм развития, но рационализм выживания, а институциональные проекты плохо согласуются с такой поведенческой стратегией. Вторая фракция – лидеры и функционеры институтов гражданского общества. Как показал опыт, они в большинстве своем позитивно воспринимают идею консолидации, но барьером для их участия в ее осуществлении становится то, что значительная часть гражданских институтов в регионе – это так называемые ГОНГО-организации, то есть организации, созданные государством и контролируемые им. Эти структуры не имеют реального политического веса и могут, разве что, создавать псевдоэффект публичного одобрения проекта.

Своевременность проекта в данном случае предполагает, с одной стороны, переориентацию чиновника с установки на консервацию системы на ее институциональную трансформацию (что является маловероятным в стабильной среде, но возможно в кризисной ситуации); с другой, формирование реального гражданского общества (что потребует значительного времени) и ресурсов.

В-третьих, сегодня можно с довольно большой степенью уверенности утверждать: сложности с реализацией проекта во многом определяются не вполне адекватным выбором объекта. Судя по всему, в сложившихся условиях консолидация более или менее реальна на уровне микросообществ (в частности, муниципальных образований), где сохранились традиции доверительного общения, относительно высок уровень идентичности. Попытка консолидировать целый регион, очевидно, была преждевременной в силу высокого уровня социокультурной дифференциации и неадекватности ресурсного (прежде всего, кадрового) потенциала.

В-четвертых, консолидация может быть реальной лишь при осуществлении ее как технологически продуманного проекта, включающего поэтапное решение задач, то есть имеющего своеобразный маршрут развития. Преждевременность проекта консолидации заключалась в данном отношении в том, что, приступая к нему, инициатор и основные агенты имели об этом маршруте недостаточно ясное представление. Лишь сегодня можно выстроить его общую логику (хотя и этого недостаточно для решения многих возникающих проблем). Она включает не менее пяти этапов:

1. Этап формирования идентичности, на котором большинством членов сообщества должна быть интериоризирована идея принадлежности к нему в качестве терминальной ценности, что является условием признания наличия общих проблем и необходимости сотрудничать для их решения.

2. Этап ценностной селекции и ценностной ориентации – здесь формируется система просоциальных ценностей как основание для налаживания коммуникаций.

3. Этап установления отношений доверия, предполагающих достижение конвенции о взаимной лояльности в процессе решения проблем.

4. Этап формирования символической солидарности, в ходе которого курс на конструктивное взаимодействие оформляется в виде публичной декларации.

5. Этап деятельностной консолидации, где осуществляется институционализация консолидационных практик и начинает выстраиваться необходимая для них инфраструктура.

Разумеется, можно уточнять содержание этапов, их количество и механизмы регулирования, но нельзя отрицать того, что лишь последовательность и планомерность движения могут привести к ожидаемым результатам и создать необходимую технологическую основу для реализации проекта.

Ваганян Г.А.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономики НАН РА
gregor@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В НАУКЕ УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ)

Ключевые слова: наука, экономика, управление, менеджмент, кадровая политика, аспирантура, докторантура, номенклатура, паспорт специальности, квалификация, эффективность, диссертационный совет.

В правительстве Армении как в прошлом, так и в настоящем многие руководители думают, что умеют править или управлять. Однако лишь немногие из них обладали и обладают компетенциями эффективного управления. Среди них немало талантливых людей. Но у большинства из них нет соответствующего образования, знаний, умений и навыков эффективного управления. Почему? В статье даются ответы на этот вопрос и предлагаются некоторые пути решения проблемы.

Руководители правительства и ряда министерств пришли к выводу, что в стране есть «перепроизводство» экономистов, особенно кандидатов и докторов наук и в этой связи резко сократили численность аспирантов и докторантов по данной специальности. Сократив экономистов, вместе с ними сократили и управленцев. Ответственные чиновники не учли, что понятие «экономика» включает множество специальностей. Из них лишь только по одной «Экономика и управление народным хозяйством и его отраслями» готовят управленцев высшей квалификации – управленцев (менеджеров)¹.

На 2022/2023 учебный год правительство оставило число аспирантских бюджетных мест на уровне прошлого года. В частности, в очной аспирантуре выделено 151 бюджетных мест. Из них предусмотрено 10 мест для экономистов, из них только 6 мест для экономистов-управленцев высшей квалификации (будущих лидеров). В то же время, юристов – 6, физиков-теоретиков – 4, радиофизиков – 5, специалистов по электронике, микро- и нанoeлектронике – 6.

Как можно обосновать решение о закрытии в 2022 г. трех из пяти действующих диссертационных советов по специальности «Экономика и управление народным хозяйством и его отраслями»? Эта специальность – аналог советской, ныне российской специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством (экономические науки)». Однако данная специальность до сих пор не имеет утвержденного ВАКом Армении паспорта. Общеизвестно, что паспорт специальности – это системообразующий документ, закрепляющий область исследований, за которые может быть присуждена ученая степень кандидата или доктора наук по соответствующей специальности. В паспорте специальности определено также наименование специальностей, смежных и сопутствующих данной. Паспорта специальностей утверждаются в России Высшей аттестационной комиссией и публикуются на сайте Министерства образования и науки РФ.

Отсутствие паспортов специальностей в Армении – это хаос в деле планирования, подготовки и распределения профессионалов высшей квалификации, это фактор тотального снижения качества диссертационных исследований (особенно докторских), это путь к снижению требований к диссертационным исследованиям, к уровню компетенции кадров, в сфере эффективного управления (менеджмента). В номенклатуре специальностей ВАК Армении по настоящее время отсутствует специальность «Управление» («Менеджмент»).

Таким образом, в Армении: 1) нет паспортов научных специальностей, 2) в номенклатуре научных специальностей нет специальности «Управление» («Менеджмент»). Следовательно, нет и соответствующих образовательных программ для аспирантов и докторантов. В итоге получаем парадигму «производства» невежества и некомпетентности в сфере подготовки менеджеров высшей квалификации. И поэтому руководство сферы науки и технологий Армении, как правило, не способно конкурировать с зарубежными партнерами.

По своему статусу номенклатура научных специальностей является нормативным документом по стандартизации и разрабатывается по определенным правилам, утверждается в установленном порядке и является обязательной для применения. Без номенклатуры (паспортов научных специальностей) Комитет по науке не может эффективно организовать конкурсы по финансированию НИР и ОКР². В результате распределение значительных бюджетных средств

¹ Ваганян Г.А. Наука Армении и России без науки управления // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – Вып. 2, ч. 1. – С. 470-476.

² Комитет по науке при подведении конкурса для тематического финансирования, например в 2021 г. (см.: <http://scs.am/files/tematik-11.10.2021.pdf>), разделил необоснованно группу «Общественные и гуманитарные науки» на две самостоятельные («Общественные» и «Арменоведение и гуманитарные науки»). В раздел «Общественные науки» включены «Экономика и Бизнес». Место науки «Управление» в прямом и переносном смысле занял «Бизнес». В США различают ученые степени по экономическим наукам и управленческим наукам: PhD in Economics, PhD in Management, а также Doctor of Business Administration (DBA) или Doctor of Philosophy in Business Administration.

не всегда получает научное обоснование, не сбалансировано, не оптимизировано с учетом всех научных специальностей, особенно специальности «Управление», которого нет в номенклатуре, в классификаторе (паспорте) научных специальностей. По этой же причине Армения в научных публикациях в журналах, индексируемых в СКОПУС по управлению (менеджменту), имеет очень низкие показатели. Комитет по науке в этих условиях не имеет программы поддержки развития научных журналов экономического профиля с целью их вхождения в международные наукометрические базы данных.

Кому выгоден низкий уровень качества управления, неудовлетворительные показатели эффективности кадров, если растет государственный долг и уровень коррупции, снижается конкурентоспособность страны? Следует признать, что армянское правительство фактически самоустранилось от решения задач по подготовке управленческих кадров высшей квалификации. Достаточно сказать, что Академии государственного управления (при аппарате правительства) на 2022/2023 учебный год выделено лишь одно бюджетное место аспиранта по специальности «Экономика и управление народным хозяйством и его отраслями».

Если в мире статус органов, отвечающих за политику в области развития науки и техники, растет, то в Армении – наоборот. Бывший Государственный комитет по науке преобразован в Комитет по науке. Если раньше в его структуре функционировало подразделение, ответственное за коммерциализацию результатов НИР и ОКР, то сейчас его нет. В Армении нет ни одного научного института, в наименовании которого встречается термин «управление». В то время как 30 лет тому назад таких институтов было несколько.

Председатель Комитета по науке, заместитель министра и министр науки и образования, культуры и спорта, как правило, публикуют свои статьи по химии, биологии или математике в журналах, индексируемых в базах СКОПУС. Однако по роду своей профессиональной деятельности на государственной службе им следовало бы публиковать статьи по научной специальности «Управление» («Менеджмент»). Подобных трудов у них нет.

Подготовка компетентных кадров экономистов высшей квалификации в Армении осуществляется в настоящее время по пяти специальностям: «Теория экономической науки и история экономической мысли», «Экономика и управление народным хозяйством и его отраслями», «Финансы, бухгалтерский учет», «Международная экономика», «Математическое моделирование экономики». Если по экономическим наукам выделены 5 специальностей, то по медицинским – 21; по физико-математическим – 19, по биологическим – 9, по химическим – 5, по юридическим – 6¹. Подобное распределение следует признать устаревшим и требующим пересмотра.

По специальности «Экономика и управление народным хозяйством и его отраслями» специализации, отрасли и сферы деятельности не выделены. Для сравнения в России при ФГУП ВНИИ «Центр» действуют 2 диссертационных совета по специальности 08.00.05 – «Экономика и управление народным хозяйством» по 2 специализациям: (1) Промышленность; (2) Управление инновациями. В другом совете есть специализация «Менеджмент». Есть также еще один совет по специальности 05.13.10 – «Управление в социальных и экономических системах» (технические науки). Подобной специальности в Армении нет².

В Финансовом университете действует совет по специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством по специализациям (профилям): Управление экономическими системами и процессами; Управление организациями; Стратегический менеджмент и корпоративное управление. В Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова функционируют 7 диссертационных советов по специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством по специализациям: Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями и комплексами – строительство; Экономика природопользования; Менеджмент; Управление инновациями; Региональная экономика; Экономика предпринимательства; Экономика труда; Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями и комплексами – АПК и сельское хозяйство; Стандартизация и управление качеством продукции; Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями и комплексами – сфера услуг; Логистика; Маркетинг; Ценообразование; Экономическая безопасность; Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами – промышленность. Функционируют и другие советы: Мировая экономика; Экономическая теория; Финансы, денежное обращение и кредит; Бухгалтерский учет, статистика; Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки)³.

В Санкт-Петербургском государственном экономическом университете функционируют 7 диссертационных советов по специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством по специализациям (отраслям и сферам деятельности): Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами – связь и информатизация; Логистика; Управление инновациями; Стандартизация и управление качеством продукции; Сфера услуг; Экономическая безопасность; Рекреация и туризм; Региональная экономика, Экономика природопользования; Маркетинг; Менеджмент; Экономика предпринимательства; Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами – промышленность; Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами – строительство⁴.

В Казахстане функционируют диссертационные советы по специальностям «экономика», «менеджмент» и «финансы»⁵. Приказом министра Минобрнауки РФ от 24 февраля 2021 года утверждена новая номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени доктора и кандидата наук. По социальным и гуманитар-

¹ <http://test.researcher.sci.am/ru/specialties>

² <https://vniicentr.ru/dissertation-councils/>

³ <https://www.rea.ru/ru/org/managements/Upravlenie-attestacii-i-podgotovki-nauchnykh-kadrov/Pages/Diss-sov-Univ.aspx>

⁴ <https://unecon.ru/dis-sovety/perechen-dis-sovetov>

⁵ <https://turan.edu.kz/ru/dissertacziionnye-sovety/dissertacziionnyj-sovet-ekonomika-menedzhment-finansy/>

ным наукам в группе научных специальностей – Экономика, в наименованиях научной специальности под шифрами 5.2.1. – 5.2.6. перечислены соответственно: Экономическая теория; Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические и физико-математические); Региональная и отраслевая экономика; Финансы; Мировая экономика; Менеджмент. Те диссертационные советы, которые были изменены или исключены из номенклатуры научных специальностей, будут функционировать в течение 18 месяцев. Таким образом, вместо 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством в номенклатуру вошли две новые научные специальности: «Региональная и отраслевая экономика», а также «Менеджмент». То есть существенно повысился статус специальности «Менеджмент». Из специализации он трансформировался в специальность.

В 2020 г. в ВАК Армении обсуждалась предложенная автором идея по созданию вместо одной устаревшей специальности «Экономика и управление народным хозяйством и его отраслями» двух отдельных: Экономика отраслей народного хозяйства (или «Региональная и отраслевая экономика») и «Управление» (или «Менеджмент»). Однако, несмотря на поддержку со стороны бывшего председателя ВАК и представителей большинства заинтересованных университетов, она не была принята представителями ЕГУ.

Подготовка докторов наук

За 17 лет до 2017 г. в Армении ежегодно защищались 48 докторов наук: в среднем по медицине – 8, по физико-математическим наукам – 7, по техническим наукам – 7, по экономике – 2, по архитектуре и искусству – 1, по юриспруденции – 1. Эти показатели свидетельствуют о том, что в развитии экономической и управленческой науки в Армении есть проблемы¹. За 2001–2009 гг. численность профессоров, работающих в вузах, снизилась с 941 до 713. Общая численность профессоров в вузах уменьшилась на 228 чел.² За 10 лет с 720 – до 663 (на 57) снизилось число докторов наук, работающих в вузах Армении. По данным статистического комитета, численность профессорско-преподавательского состава с 2016/2017 по 2020/2021 гг. снизилась с 7598 до 6538, численность докторов наук – с 663 до 624, кандидатов наук – с 3257 по 2931, академиков – с 31 до 23, профессоров – с 806 до 709, доцентов с 2428 до 2201.

Подготовка кандидатов наук

В среднем за последние 17 лет в РА в год по одному направлению науки защитились 15 кандидатов наук: по экономическим наукам – 61, по техническим наукам – 46, по медицине – 41, по физико-математическим наукам – 31, по архитектуре и искусству – 8, по юриспруденции – 12. При этом в госаппарате Армении из 100% служащих более половины не имеют экономического образования. Из 49% служащих, имеющих экономическое образование, менее 7% имеют подготовку по специальности управление или менеджмент. Таким образом, потребность в управленцах огромна. Значительна потребность и в докторам экономических наук по управлению, которые должны быть заняты в НИР и в подготовке кадров высшей квалификации. На одного доктора наук в РА в среднем приходится 7 кандидатов наук, на одного доктора экономических наук – 28 кандидатов экономических наук, юридических – 17, в архитектуре и искусстве – 7. Подобная несбалансированность указывает на отсутствие научно-обоснованной стратегии в прогнозировании, в планировании и подготовке высококвалифицированных кадров в целом³. Несмотря на очевидную проблему, правительство продолжает искусственно снижать численность докторантов-управленцев.

Численность вовлеченных в НИР и ОКР

Численность вовлеченных в НИР и ОКР докторов наук с 2016 по 2020 гг. снизилась с 436 до 403, кандидатов наук – с 1578 по 1400. Таким образом, если в 2016 из 663 докторов 436 были вовлечены в НИР и ОКР, то в 2020 из 624 – только 403. В 2016 из 3257 кандидатов наук только 1578, а в 2020 из 2931 – только 1400 были вовлечены в НИР и ОКР. То есть из всех кандидатов наук менее половины занимались научно-исследовательской деятельностью. А из всех докторов наук – 64%. Таким образом, основная проблема кроется не в росте численности аспирантов и кандидатов наук (особенно в сферах экономики), а в том, что значительная часть экономистов (особенно управленцев) не вовлечены в НИР и ОКР. А если они не вовлечены, но не следует ожидать от них и роста числа публикаций статей в журналах, индексируемых в базе СКОПУС. Поэтому решение снизить численность аспирантов и докторантов экономистов (управленцев) не имеет научного обоснования. Как объяснить, почему численность аспирантов во всем мире растет, а в Армении снижается, почему численность кандидатов наук во всем мире растет, а в Армении снижается, почему численность менеджеров – докторов и кандидатов наук растет, а в Армении падает. В России, наоборот, наблюдается процесс увеличения числа бюджетных мест для обучения в аспирантуре. В 2022 г. по направлениям аспирантуры запланировано принять 17,5 тыс. человек или на тысячу больше, чем в 2021 году.

Если в 2016 численность аспирантов на конец года в Армении составляла 1202 чел., то в 2020 – 911. На стационарном отделении – соответственно 126 и 86. Прием аспирантов всего в 2016 – 396, в 2020 – 286 (снижение на 110).

¹ Ваганян Г.А. Наука и практика управления без науки управления // Сборник трудов Международной научной конференции «Современные проблемы управления» / Академия государственного управления РА. – Ереван, 2019. – С. 113–124.

² Статистические ежегодники Армении. – www.armstat.am

³ Ваганян Г.А. Проблемы измерения и оценки научной продуктивности в Армении // Проблемы социально-экономического развития: Поиски, Перспективы, Решения. Сборник научных статей. – Ереван: ЕФ РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2020. – С. 55–67.

Из общего выпуска защитили диссертации в 2016 – 137, в 2020 – 41 (снижение на 96). Из общего числа аспирантов по всем отраслям науки больше всего аспирантов – экономистов (в 2016 из 1202 – 276, физико-математическим наукам – 139, техническим – 184, юридическим – 87, историческим – 84). В 2020 году соответственно по экономическим – 186, физико-математическим – 88, техническим – 127, юридическим – 73, историческим – 61¹. В то же время выпуск аспирантов-экономистов в 2020 снизился с 71 до 39.

Проблема кадрового дисбаланса по научным специальностям становится в Армении все более ощутимой. В 2018 г. наибольшее число аспирантов в РФ проходило обучение по трем направлениям подготовки: экономика и управление (9,9% от общей численности), информатика и вычислительная техника (8,3%), клиническая медицина (7,3%). Среди аспирантов, обучающихся по договорам об оказании платных услуг, пользуются популярностью экономика и управление (18,9%), юриспруденция (11,9%), образование и педагогические науки (9,8%), клиническая медицина (9,3%).

Комитет по науке в РА в своей практической работе не придерживается рекомендуемых средневзвешенных показателей состава участников НИОКР, которые для стран-членов ОЭСР составляют 50% для исследователей, 25% для инженерно-технических работников и 25% для прочего персонала, поддерживающего НИОКР². На правительственном уровне есть намерение и дальше сохранять кадровые и финансовые пропорции в сторону сохранения удельного веса ученых, занятых в сфере фундаментальных наук, в основном за счет снижения или ограничения числа занятых в сфере прикладной науки, что для современной Армении является слишком «дорогим» проектом. Возникает противоречие: чем больше государство финансирует фундаментальные науки, тем больше у ее представителей статей в журналах, индексируемых в базах СКОПУС. Следовательно, они могут претендовать на получение международных грантов. Чем меньше финансирование для развития экономических наук (об управлении и речи не идет), тем меньше соответствующих статей и возможностей получения грантов.

Государственная кадровая политика в Армении ориентировалась на устаревшие цели, которые ставились для решения кадровых проблем. К ним относятся следующие: стремление привлекать и задерживать кадры в науке на длительный период времени; преувеличение роли надбавок и доплат, недооценка других факторов, определяющих привлекательность науки как сферы деятельности (науки управления, организация науки, структура, задачи, стоящие перед госсектором науки); чрезмерное внимание к проблеме молодежи в науке, решить которую, оставляя неизменным положение других возрастных групп ученых, невозможно; игнорирование необходимости поддержки разных категорий работников науки, внимание только к научным кадрам, без учета ситуации с инженерно-техническими и управленческими работниками.

Таким образом по числу тех, кто приходит заниматься наукой, Армения вполне конкурентоспособна, а по числу тех, кто реально управляет – существенно уступает. Несмотря на внимание и даже рост ресурсной поддержки, аспирантура и докторантура остаются самым «отстающим» уровнем образования в Армении³. Их состояние создает серьезные угрозы для будущего армянской экономики, науки и технологий, для интеллектуального потенциала страны и ее суверенитета.

Рекомендации

Армения остро нуждается в лидерах, которых нужно искать, растить, поддерживать, выдвигать в нужный момент на государственную работу с тем, чтобы общая политическая воля гражданского общества в матрице «район – город – регион – государство» или кластеров по отраслям экономики реализовывалась бы через этих лидеров, которые будут стремиться к достижению стратегических целей, заложенных в Конституции. Пора всем осознать, что ни историки, ни филологи, ни востоковеды, ни физики, ни математики, ни химики или биологи, ни журналисты по своей природе знаний и навыков, деловым и личностным качествам, как правило, не способны объективно (за редким исключением без переподготовки) профессионально осуществлять управленческую деятельность, управлять кадровой политикой, планировать распределение бюджетных средств, измерять и оценивать компетенции, управлять развитием науки и технологий, принимать эффективные и надежные управленческие решения, стратегически мыслить в условиях неопределенности, принимать из множества вариантов оптимальные решения, минимизировать ресурсы, оценивать и подбирать кадры, способные решать поставленные перед ними задачи в кратчайшее время и т.д. Если мы хотим разрушить науку, управление, систему государственного управления, осуществить полноценный разгром кадрового потенциала, не готовить лидеров, не подбирать талантов для развития конституционного менеджмента или стремимся к потере суверенитета, то правительство не должно обратить внимания на предлагаемый для внедрения в практику комплекс следующих мероприятий:

1. Разработать и утвердить новую номенклатуру научных специальностей;
2. Разработать и утвердить паспорта научных специальностей;

¹ Ваганян Г.А. Оценка качества управления образованием, инновационным и научно-технологическим развитием (на примере Армении) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – С. 442–446.

² Frascati Manual. Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development. OECD, 2002; Дежина И.Г. Кадровая политика государства в сфере науки: новые меры при старых подходах. – <https://iep.ru/upload/iblock/484/48463b091b28c80b39db5bf7bd4b6a56.pdf>

³ Ваганян Г.А., Ваганян О.Г. Основные проблемы управления наукой и высшим образованием в Армении // Проблемы социально-экономического развития: Поиски, Перспективы, Решения. Сборник научных статей. – Ереван: ЕФ РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2021. – С. 39–47.

3. Создать аспирантскую школу менеджмента и соответствующую программу образования;
4. Создать докторскую школу менеджмента и соответствующую программу образования;
5. Сформировать в академическом институте и в ведущих университетах диссертационные советы по специальности «Менеджмент»;
6. Разработать эффективную кадровую политику для науки управления и стратегическую программу подготовки и распределения кадров высшей квалификации по экономическим специальностям;
7. При премьер-министре, при министрах сформировать штатные единицы советников ученых (докторов и кандидатов наук) по научной специальности «Менеджмент»;
8. Разработать базу данных и базу знаний «Менеджмент»;
9. Создать Фонд содействия развитию науки и практики конституционного менеджмента¹;
10. Принять меры по трансформации государства в эффективного «корпоративного менеджера»;
11. Принять меры по обеспечению сбалансированности структуры кадров науки по видам деятельности и по научным специальностям.

¹ Ваганян Г.А. Конституционный менеджмент (методология, принципы, технологии): монография / Lambert Academic Publishing, 2017. – 212 с.

Градусова В.Н.

к.э.н., доцент, доцент кафедры менеджмента, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Каранетян Р.В.

к.э.н., доцент, доцент кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: регион, валовой региональный продукт, уровень жизни, денежные доходы, рынок труда, занятость, безработица, жилищные условия, население, продолжительность жизни, рождаемость, смертность.

Keywords: region, gross regional product, standard of living, cash income, labor market, employment, unemployment, housing conditions, population, life expectancy, fertility, mortality.

В большой стране жизнь людей во многом зависит от качества регионального управления. Особенно сильно это ощущается в небольших и небогатых регионах, обеспечить достойную жизнь людей в которых – непростая задача. На примере двух приволжских регионов, характеризующихся сходными условиями жизнедеятельности, покажем, как много зависит от профессионализма региональной управленческой команды.

Республика Мордовия и Чувашская Республика входят в состав Приволжского федерального округа, и природно-климатические условия осуществления хозяйственной деятельности в них схожи. Площадь территории Мордовии – 26,1 тыс. км² (0,2 от площади, занимаемой РФ), Чувашии – 18,3 тыс. км² (0,1 от площади, занимаемой РФ). Численность населения на 1 января 2020 г. составляла: в РМ – 790,2 тыс. чел. (0,54 % от общей численности страны), в ЧР – 1217,8 тыс. чел. (0,83 от численности населения РФ).

Экономические возможности Республики Мордовия и Чувашской Республики значительно слабее, чем у большинства российских регионов: в Мордовии в расчете на душу населения валовой региональный продукт в 2 раза меньше (РМ находится на 61 месте в стране), а в Чувашской Республике – в 2,4 раза меньше среднероссийского показателя (регион занимает последнее место в ПФО и 71 строку в соответствующем федеральном рейтинге). Следует заметить, что до 2013 г. душевой ВРП Чувашской Республики был заметно больше, чем в Республике Мордовия¹.

Основная причина сильного отставания обеих республик в уровне экономического развития – слабость их природно-ресурсного потенциала. Удельный вес каждого из рассматриваемых регионов в объеме добычи полезных ископаемых в России составляет менее 0,01 процента, что существенно ограничивает возможности развития ключевой отрасли экономики – обрабатывающих производств. Это подтверждается данными Росстата о вкладе этих субъектов в совокупный объем производства отрасли: на Мордовию приходится 0,44%, на Чувашию – 0,48% объема отгруженных обрабатывающими предприятиями товаров, что значительно ниже доли регионов в структуре населения страны.

Изменение душевого ВРП в 2005–2018 гг. свидетельствует о более динамичном экономическом развитии Республики Мордовия, в которой показатель увеличился в 5,6 раза против 4,6 раза в стране в целом. В Чувашской Республике в это период валовой общественный продукт стал больше в 4,5 раза, что говорит о небольшом отставании от общероссийского тренда.

Зависимость бюджетов рассматриваемых регионов от федерального центра высока: в Мордовии – 37%, в Чувашии – 41%. (2019 г.)². В таких условиях субъекты вынуждены обращаться к кредиторам. Государственный долг Республики Мордовия в 2020 г. превышал 200% налоговых и неналоговых доходов бюджета – это самый большой показатель среди российских регионов³. Руководство Чувашии, работая примерно в таких же условиях, что и управленческая команда Республики Мордовии, ведет более взвешенную политику в отношении заимствований. СМИ сообщают о 40-процентной долговой нагрузке этого региона⁴.

Этот пример позволяет говорить о том, что долговая нагрузка регионов, экономика которых функционирует в схожих условиях, является индикатором эффективности работы региональных управленческих команд.

Об эффективности организации регионального управления говорят и данные о численности работников государственных органов и органов местного самоуправления. Данные Росстата свидетельствуют о том, что численность аппарата этих органов в Республике Мордовия сильно завышена – численность работников государственных органов и органов местного самоуправления в расчете на 100 000 чел. населения на 18 % больше, чем в РФ и на 29 % больше,

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – С. 28-31, 492-493.

² Там же, с. 30, 492–493, 1074–1079.

³ Госдолг Мордовии превышает 49 млрд рублей // Регнум. – <https://regnum.ru/news/economy/3119178.html#:~:text=Саранск%2C%2018%20ноября%202020%2C%2020,года%20составил%2049%2C165%20млрд%20рублей>

⁴ Госдолг регионов РФ по итогам 9 месяцев 2021 года вырос 09.11.2021. – <https://riarating.ru/regions/20211109/630212043.html>

чем в ПФО. В Чувашской Республике, напротив, численность сотрудников этих органов в расчете на 100 000 чел. населения на 12% меньше, чем в РФ и на 4% меньше, чем в ПФО¹.

Посмотрим, как выявленная экономическая динамика и реализуемая региональными властями социальная политика сказываются на жизни людей. В 2010–2019 гг. средние заработная плата и пенсия в реальном исчислении в Республике Мордовии и Чувашской Республике возрастали значительно более высокими темпами, чем в РФ и ПФО. Однако на реальных денежных доходах населения это отразилось слабо (табл. 1).

Таблица 1

Реальные денежные доходы населения, 2019 к 2009, процентов²

Регион	Реальные денежные доходы населения	Реальная начисленная заработная плата	Реальный размер назначенных пенсий
Российская Федерация	110,83	133,44	131,88
Приволжский федеральный округ	106,56	132,11	138,36
Республика Мордовия	110,73	145,69	143,12
Чувашская Республика	114,31	139,43	145,10

В 2019 г. по величине среднедушевых денежных доходов РМ занимала 81 место, ЧР – 80 место, по среднему размеру назначенных пенсий регионы находились на 71 и 62 позициях, по потребительским расходам в среднем на душу населения – 80 и 78 место соответственно. Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в обеих республиках был и остается значительно больше, чем в стране в целом. Для Мордовии традиционно характерен немного более высокий уровень бедности, чем для Чувашии: 2005 г. – 30 против 27%, 2010 г. – 20 против 19%, 2019 г. – 18 против 17%³. О немного более высоком уровне жизни в Чувашии по сравнению с Мордовией говорит и соотношение основных элементов денежных доходов с установленной в регионе величиной прожиточного минимума – это касается и заработной платы и пенсий (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение среднемесячной заработной платы и среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума, процентов⁴

Регион	Соотношение с величиной прожиточного минимума, процентов	
	среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций, 2019 г.	среднего размера назначенных пенсий (на 1 января 2020 г.)
Российская Федерация	449,0	169,6
Республика Мордовия	312,5	179,0
Чувашская Республика	330,2	182,7

Структуры денежных доходов жителей обеих республик довольно близки между собой, но сильно отличаются от соотношения основных источников денежных доходов, сформировавшегося в стране в целом. В первую очередь, отметим значительно больший удельный вес социальных выплат, что характерно для регионов с низким уровнем доходов и большим числом граждан, нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства.

Вторая отличительная особенность процесса формирования денежных доходов жителей рассматриваемых регионов – существенно большая, чем в РФ и ПФО, структурная доля доходов от предпринимательской деятельности, хотя ни один из них к лидерам по развитию предпринимательства не относится. Например, по такому показателю, используемому для характеристики уровня развития малого предпринимательства, как число малых предприятий на 10 000 чел. населения, Республика Мордовия находится на последнем месте в ПФО и на одном из последних мест в стране: 85 ед. против 156 ед. в ПФО и 181 ед. в РФ. В Чувашской Республике показатель выше – 127 малых предприятий в расчете на 10 000 чел. населения, что соответствует 9 месту в ПФО (2018 г.)⁵. О слабом развитии малого предпринимательства в рассматриваемых регионах говорят и другие показатели, применяемые для оценки этого сектора экономики. Так, в 2019 г. удельный вес занятых на малых предприятиях в РФ составлял 16%, в ПФО – 17,6%, в РМ – 11,1%, в ЧР – 14,9%⁶. При таком уровне развития малого предпринимательства большая доля доходов от этого вида деятельности представляется сомнительной.

Важнейшая характеристика жизненного уровня – жилищные условия. В начале 2020 г. в среднем на одного жителя в РМ приходилось 28,5 кв. м. общей площади жилых помещений, в ЧР этот показатель был равен 28,1 кв. м. Обратим внимание на то, что это больше, чем в среднем в РФ и ПФО, где показатели были равны 26,3 кв. м. и 27 кв. м. соответственно. Однако в обоих рассматриваемых регионах по-прежнему много людей, не способных самостоятельно решить жилищную проблему. Удельный вес семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в 2019 г. в Мордовии был в 1,7 раза больше, чем в РФ и в 1,6 раза больше, чем в ПФО. Среди приволжских регионов ситуация в этой сфере сложнее, чем в Мордовии только в Чувашии, где в улучшении жилищных условий нуж-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – С. 43–44, 219–229.

² Там же, с. 232–237.

³ Там же, с. 239, 257, 278–279, 281.

⁴ Там же, с. 274–275.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 634–635.

⁶ Там же. – М., 2020. – С. 118–119.

даются 14,5% семей. Более высокая нуждаемость в жилье характерна только для 4 российских регионов (Ненецкого АО, Республики Ингушетия, Чеченской Республики, Республики Алтай)¹.

Другой важный показатель, характеризующий жилищные условия, – удельный вес аварийного жилья. В обоих рассматриваемых субъектах он ниже, чем в среднем в стране. Однако темпы роста этого показателя и в Мордовии, и в Чувашии значительно опережают общероссийскую тенденцию, особенно в Чувашской Республике, в которой в 2005 г. непригодного к проживанию жилья практически не было².

Итак, проведя сравнительный анализ, можно утверждать, что Мордовия обладает более сильным экономическим потенциалом и в 2010–2019 гг. более динамично развивалась, чем Чувашия. Однако по основным индикаторам уровня жизни, за исключением обеспеченности жильем, Мордовия отстает от Чувашской Республики. Рассмотренный пример наглядно демонстрирует, что в регионах с примерно одинаковыми экономическими возможностями уровень жизни людей может отличаться в зависимости от качества регионального управления.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 320–321.

² Там же. – С. 276–277.

Ибрагимова Р.С.

д.э.н., доцент, профессор Ивановского государственного университета

АНТИКРИЗИСНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА

Ключевые слова: промышленная политика, экономические кризисы, антикризисная программа, региональная политика.

Keywords: industrial policy, economic crises, anti-crisis program, regional policy.

Природа экономических кризисов на мезоуровне национальной экономики разнообразна. Общий региональный кризис может быть вызван структурным кризисом, кризисом неплатежей, кризисами обеспеченности производственными ресурсами и отношений экономических агентов, недостатком инновационно-инвестиционных ресурсов, низким уровнем конкурентоспособности региона, кризисом управления и др. В свою очередь, неблагоприятная ситуация на мезоуровне усугубляется национальными и мировыми финансово-экономическими кризисами.

В соответствии с общей теорией систем, среда играет большую роль в функционировании и развитии любой системы, в том числе региональной экономической системы, которая по своей природе является открытой. Среда может быть для системы как генератором энтропии (хаоса), так и фактором порядка. Флуктуации, достигшие определенной силы, будут оказывать заметное влияние на экономику региона, подталкивая ее к точке бифуркации и вызывая организующие воздействия среды. В результате синхронизации системы различного уровня начинают двигаться с одинаковыми или соизмеримыми скоростями, причем более мощная внешняя система навязывает свой ритм движения другим автоколебательным системам. Очевидно, такими мощными системами в условиях открытой экономики являются национальная и мировая экономические системы с их ритмами движения.

В новой истории нашего государства можно отметить несколько экономических кризисов за последние тридцать лет:

- кризис 1991 года, вызванный сменой формаций, переходом от административно-командной экономики к рыночной;
- кризис 1998 года, обусловленный разбалансированностью бюджета и дефолтом государственных краткосрочных обязательств;
- всемирный финансовый кризис 2008 года, начавшийся с ипотечного кризиса в США и распространившийся на финансовые и сырьевые рынки. В нашей стране своеобразным триггером кризиса стал обвал фондового рынка;
- кризис 2014-2015 гг., связанный с падением мировых цен на нефть и санкциями против России, введенными США, ЕС, Японией и другими странами из-за присоединения Крыма.

Принятые государством меры по преодолению кризисов касались поддержки бизнеса и банковской сферы, монетарной и валютной политики. Хотя эти меры позволяли выходить из кризисов, однако каждый раз аналитики констатировали, что к причинам, усугубляющим их последствия, относятся большая зависимость национального бюджета от нефтегазового экспорта и снижение технологического суверенитета в различных отраслях экономики.

События 2022 года, характеризующиеся наложением на Россию многотысячных санкций со стороны западных государств для оказания давления на страну в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины, еще в большей степени обнажили острые проблемы национальной экономики и, прежде всего, сильную зависимость от экспорта продукции сырьевого сектора, технологическое отставание в большинстве отраслей промышленности, неэффективное госрегулирование и несовершенное региональное управление. Всё это свидетельствует о нарастании системного кризиса национальной экономики. В этих условиях становится очевидной необходимость структурной перестройки экономики, в том числе в сфере промышленного производства. Такая ситуация требует от региональных властей, в первую очередь, разработки и реализации скоординированной антикризисной стратегии промышленного развития.

Глобальная цель региональной антикризисной промышленной политики заключается в выявлении приоритетов и создании благоприятных условий для динамичного и качественного развития промышленного производства, повышении инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности региона в глобальном масштабе, обеспечении выхода инновационной продукции на внутренний и внешние рынки, замещении импортной продукции для повышения суверенитета и экономической безопасности страны, росте занятости и благосостояния населения¹.

Антикризисная промышленная политика на уровне региона должна включать в себя следующие взаимосвязанные и взаимообусловленные составляющие:

¹ Промышленная политика и антикризисное управление предприятиями / А.С. Лифшиц, Р.С. Ибрагимова, В.А. Новиков, В.И. Куликов. – М.: Издательский центр РИОР; ИНФРА-М, 2017. – 246 с.

1. Структурная политика, стимулирующая межсекторный, межотраслевой и межрегиональный перелив капитала в промышленные сектора-драйверы экономического роста региона для обеспечения эффективной отраслевой и территориальной структуры промышленности.

2. Инновационная политика, направленная на эндогенное развитие региона и способствующая взаимодействию предпринимательских и научно-инновационных структур, формированию инновационных стимулов хозяйственной деятельности, повышению конкурентоспособности в глобальном масштабе.

3. Инвестиционная политика, обеспечивающая привлекательные условия для потенциальных инвесторов и стимулирующая инвестирование в развитие инноваций, производство с высокой добавленной стоимостью и производственную инфраструктуру.

Структурная политика должна быть направлена на изменение промышленной структуры региона за счет господдержки отраслей-драйверов, конкурентоспособных как на внутреннем, так и на внешних рынках и вызывающих мультипликативные эффекты в смежных отраслях. Необходимо, прежде всего, обеспечить опережающее развитие тех отраслей промышленности, продукция которых превосходит мировые аналоги. Особое значение для устойчивости к кризисам имеет диверсификация промышленного производства и рост доли продукции обрабатывающих отраслей с относительно высокой добавленной стоимостью, в частности, продукции промежуточных и высоких переделов машиностроительного и химического комплексов, авиапромышленности, космического комплекса, атомной промышленности, судостроения и др.

В практике реализации структурной политики выделяются косвенные и прямые механизмы управления. К косвенным мерам стимулирования развития приоритетных отраслей региональной экономики относятся налоговые стимулы (в том числе освобождение от налогообложения научных, резервных, инвестиционных фондов, создаваемых за счет прибыли); льготные условия кредитования; инвестиционный кредит для приоритетных отраслей промышленности или для промышленного развития экономики отсталых районов.

К прямым мерам реализации структурной политики относятся государственные заказы на продукцию, бюджетные инвестиции, федеральные и региональные субсидии, создание особых экономических зон и территорий опережающего развития и др.

Структурная политика как составная часть промышленной политики имеет важное значение для выхода из кризиса, от нее во многом зависит темп посткризисного роста региональной экономики.

Важнейшими механизмами регионального антикризисного управления промышленностью являются инновационная и инвестиционная политика.

Модернизация экономики страны и ее регионов в век ускорения темпов научно-технического прогресса невозможна без инновационно-технологического развития. В свою очередь, перевод экономики на инновационную модель требует обеспечения финансовыми ресурсами высокотехнологичных сфер, фундаментальных и прикладных исследований и разработок.

Однако инвестиционные возможности регионов страны существенно различаются. С этой точки зрения особые проблемы испытывают дотационные регионы, число которых значительно превышает количество регионов-доноров. Такие регионы не располагают собственными инвестиционными ресурсами, достаточными для быстрого и радикального обновления своей производственно-технологической базы, как того требует инновационная модель экономики России. Такие регионы малопривлекательны и для внешних инвесторов по причине своего неблагоприятного финансово-экономического состояния, характеризующегося повышенными рисками.

Технологическое отставание промышленного производства и высокая степень износа основных фондов в важнейших отраслях экономики многих дотационных регионов влечет несоответствие уровня качества выпускаемой продукции мировым аналогам и низкую ее конкурентоспособность не только на внешнем, но и на внутреннем рынках. Трудности сбыта такой продукции являются причиной неполной загрузки производственных мощностей предприятий в дотационном регионе, что, в свою очередь, увеличивает издержки производства, снижает рентабельность и ведет к убыточности предприятий. Всё это ограничивает возможности инвестирования в модернизацию технической базы. В то же время для успешного выхода из кризисов требуется наращивание производственных мощностей и воспроизводство основных фондов в сжатые сроки. В этой связи в условиях отсутствия необходимого собственного инвестиционного капитала крайне важной является кредитная политика, которая должна быть направлена на снижение кредитных ставок для критически значимых отраслей, предоставление промышленной ипотеки под льготные проценты. Требуется привлечение средств федерального бюджета и внедрение механизма государственно-частного партнерства при реализации проектов по приоритетным направлениям.

Кроме того, важным аспектом ускорения технологического развития экономики является регулирование импортных товарных потоков. Преференции должны быть отданы импортированию инвестиционных товаров (новейших технологий, оборудования мировой новизны и др.), а также сырьевым материалам для производства высокотехнологичной и другой продукции. И наоборот, целесообразно повышать импортные пошлины на готовые товары для защиты отечественных компаний, выпускающих аналогичную продукцию. Причем, во внешней торговле с целью осуществления безналичных расчетов по встречным обязательствам целесообразно шире использовать товарный клиринг на основе межправительственных отношений. Эта форма расчетов особенно актуальна в условиях введения различного рода экономических санкций против России, разбалансировавших всю систему внешнеэкономической деятельности.

Одним из внутренних негативных факторов роста региональной экономики можно считать инфраструктурные ограничения, связанные с физическим и моральным износом оборудования в энергосистеме, низким техническим уровнем дорожной сети и инженерной инфраструктуры, что в существенно сужает возможности развития промышленности и социальной сферы. Необходима расшивка «узких мест» в транспортно-логистической инфраструктуре,

ограничивающих пропускную способность автомобильных и железных дорог, и технологическое обновление основных фондов.

Основной задачей инвестиционной политики является формирование благоприятного инвестиционного климата путем активного вовлечения в хозяйственную деятельность потенциала региона, проведения мероприятий по снижению инвестиционного риска и мер по усовершенствованию нормативно-правовой базы в области инвестиций.

Наличие высоких административных барьеров для развития бизнеса (длительность прохождения разрешительных процедур, трудность получения земельных участков и др.) увеличивает риски потери важных проектов, способных диверсифицировать экономику региона. Следует снизить административную нагрузку на бизнес, сокращая сроки получения разрешительной документации, необходимой для реализации инвестиционных проектов, уменьшая количество административных проверок (за исключением видов бизнеса, деятельность которых связана с высокими рисками причинения вреда гражданам и экологии), ускоряя подключение к объектам инженерно-коммунальной инфраструктуры и др. К эффективным организационным механизмам в области привлечения инвестиций можно отнести подготовку новых инвестиционных площадок, создание промышленно-производственных особых экономических зон, индустриальных и технологических парков. Необходимо совершенствовать институциональную инфраструктуру государственной поддержки привлечения инвестиций (законодательную, финансовую, организационную), что будет способствовать улучшению имиджа региона и его позиций в рейтингах инвестиционной привлекательности.

Еще одна важная составляющая антикризисной политики – инновационная стратегия региона. Неблагоприятная финансово-экономическая ситуация, сложившаяся во многих регионах, является, по нашему мнению, одним из главных факторов недостаточной инновационной активности предприятий и организаций в большинстве субъектов Российской Федерации, что подтверждается низким удельным весом инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме продукции, отгруженной предприятиями и организациями, преобладанием в инновационной продукции товаров, подвергавшихся только незначительным усовершенствованиям¹. Очевидно, что такая продукция не может быть конкурентоспособной на мировом рынке, поэтому для избавления страны от сырьевой зависимости крайне важным становится решение задачи инновационной модернизации экономики. В этой связи необходима, на наш взгляд, существенная перестройка экономического механизма стимулирования инновационной деятельности на региональном уровне, ориентации его на усиление государственной поддержки инновационного развития в основном звене экономики. Этот механизм должен активно содействовать формированию необходимых финансовых ресурсов, а также инновационной инфраструктуры в регионе; созданию адекватной законодательной и нормативной базы; разработке региональной инновационной системы, предусматривающей перевод экономики региона на инновационный путь развития.

Большую роль в инновационной модернизации экономики играет человеческий капитал. Нехватка квалифицированных кадров в перспективе будет являться значительным «ограничителем роста» производственного и инновационного секторов экономики. Фактором, сдерживающим рост человеческого капитала, можно считать значительное социальное неравенство, низкий уровень доходов, способствующий значительной миграции трудоспособного населения в более благополучные регионы, что также снижает конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность региона. В этой связи региональная промышленная политика должна предусматривать меры развития человеческого капитала в соответствии с потребностями современного уровня промышленного производства.

К мерам осуществления инновационной политики на региональном уровне можно отнести стимулирование активности предприятий с полным инновационным циклом (от разработки до промышленного использования инноваций) на основе финансовых, налоговых и организационных инструментов государственной поддержки.

Контроль реализации промышленной политики региона следует осуществлять на основе индикаторов развития промышленности, в состав которых, по нашему мнению, необходимо включить следующие²:

- объем и динамика промышленного производства;
- объем и динамика инвестиций в основной капитал;
- численность и темп роста занятых;
- прирост высокопроизводительных рабочих мест;
- число разработанных и внедренных передовых производственных технологий;
- доля инновационно-активных предприятий в промышленности;
- доля импорта промышленной продукции во внешнеторговом обороте;
- доля экспорта продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей;
- доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции;
- доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей.

В целом антикризисная промышленная политика в условиях внешнего политического давления должна опираться на следующие принципы:

– достижение минимальной зависимости национальной экономики от иностранных государств на основе полного использования внутреннего потенциала роста реальных секторов экономики; обеспечение экономической безопасности государства и устойчивости к мировым кризисам;

– опора на наукоемкие стратегически важные секторы и отрасли промышленности, развитие инновационной экономики, устранение барьеров на пути использования достижений научно-технического прогресса;

¹ Кайгородов А.Г., Ибрагимова Р.С. Инновации как основа модернизации экономики дотационного региона: состояние и проблемы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. – № 1 (24). – С. 18–21.

² Промышленная политика и антикризисное управление предприятиями / А.С. Лифшиц, Р.С. Ибрагимова, В.А. Новиков, В.И. Куликов. – М.: Издательский центр РИОР; ИНФРА-М, 2017. – 246 с.

- повышение уровня технологического суверенитета в промышленности, развитие техноэкономики;
- рост доли производств глубокой переработки природного сырья, продукции с высокой добавленной стоимостью, ориентированной на экспорт;
- защита интересов отечественных производителей, создание благоприятных условий для развития российского бизнеса;
- развитие человеческого капитала, рост благосостояния населения, устранение социального неравенства.

Искаков И.Ж.

к.ю.н., доцент, ректор Университета при МПА ЕвразЭС, Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: политические элиты, евразийская интеграция, элитология.

Keywords: political elites, Eurasian integration, elitology.

Континент Евразия переживает в настоящее время очередные трансформации политического ландшафта. На огромном евразийском пространстве формируются новые союзы, возникают новые противостояния, значительно яснее становятся ранее завуалированные противоречия. Особую роль в изменениях евразийского политического ландшафта играет региональный интеграционный процесс (евразийская интеграция). После создания Евразийского экономического союза произошли некоторые изменения. Если раньше её «локомотивами» были Казахстан и Россия, то сегодня высшее руководство Казахстана не столь явственно способствует дальнейшему развитию этой региональной интеграции.

Развитие текущих социальных и политических процессов по-прежнему привлекает внимание многих исследователей, экспертов и политиков. Вследствие проведения Россией специальной военной операции по защите населения ДНР и ЛНР был положен конец однополярному миру. Напомним, что в середине второго десятилетия XXI в. О.В. Столетов, характеризуя Евразию как пространство глобальной геополитической и геоэкономической конкуренции между ведущими субъектами мирового политического процесса¹, особо подчеркивал полицентричный характер евразийского пространства. Здесь исторически действуют весьма сильные политические акторы. Сегодня в их число входят не только Россия, ЕС, но и Китайская Народная Республика, Турция, Индия, Иран. Можно сказать, что антиевразийскую направленность сохраняет и внешняя политика США.

Во всех этих процессах значимую роль играют политические элиты. Первоначально, после распада Советского Союза, формирование новых политических элит проходило под воздействием трёх основных факторов: ренессанса традиционализма, инерции советской номенклатуры и инновации реформ². Казахские исследователи считают, что процессы элитообразования в постсоветских государствах имеют сходные черты, обусловленные общим историческим прошлым и схожестью политических систем³.

В современных реалиях представители этой части международных акторов вынуждены были более чётко определиться со своими позициями и в межгосударственных отношениях, и во внутренней политике. Отношение к региональному интеграционному процессу было всегда непростым. Можно привести в качестве примера мнение, с одной стороны, политолога Нурлана Еримбетова, который 10 лет назад назвал тех, «кто кричал тогда о неокOLONIALИЗМЕ и дискриминации по суверенному признаку, “политиканами” и “закоренелыми трусами”»⁴. А, с другой стороны, многие представители бизнес-элиты Казахстана высоко оценили потенциал евразийской интеграции и впоследствии весьма эффективно им воспользовались.

Нельзя забывать и тот факт, что многие национальные элиты стран СНГ формировали свой политический капитал, строя его на негативной интерпретации общего советского прошлого. Это находило свои проявления в межгосударственных отношениях. В 2014 г. даже такие дружественные РФ страны, как Белоруссия и Казахстан, отказались поддержать российское эмбарго в качестве ответа на санкции западных стран, введённые в связи с присоединением Крыма к Российской Федерации. Тогда в Евразии постепенно стали складываться проамериканские, проевропейские, протурецкие и иные элитные группы. Объяснялось это тем, что новые евразийские государства, используя свой исторический опыт, часто пытались вместо России найти иного, более выгодного, как им представлялось, внешнего союзника. Но при этом они упускали из виду, что западные страны стратегически не заинтересованы в формировании Евразии как конкурентоспособного политического целого.

Процесс формирования новых национальных элит проходил под влиянием целого ряда факторов, в число которых следует включить не только геополитическое положение стран Средней Азии (вследствие чего этот регион стали называть Центральной Азией), но сугубо этнополитические факторы (межклановые отношения, традиции неформальных факторов инкорпорирования в правящие слои и т.п.).

¹ Столетов О. В. Сравнительный анализ стратегий трансформации евразийского политического пространства // Политическая наука. – М., 2015. – № 4: Сравнительные исследования мировой политики / Ред.-сост. номера Чихарев И.А. – С. 81.

² Искаков И.Ж. Политические элиты и евразийская интеграция: Россия и Казахстан в конце XX – начале XXI вв. // вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. – № 5. – С. 198–205.

³ Шакирбаев С. Формирование и развитие политических элит на постсоветском пространстве. – <http://www.kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/formirovanie-i-razvitie-politicheskikh-elit-na-postsovet>

⁴ Сурганов В. Как Путин навязывает Елбасы Евразийский союз. – <http://zonakz.net/articles/44273>

При анализе происходящих событий выявилась необходимость уточнить терминологию и методологию изучения политических процессов. В частности, более остро встал вопрос о том, что же представляют собой политические элиты, и одновременно актуализировалась необходимость уточнить, прежде всего, сам термин.

В политической и социологической теории элиту принято трактовать как небольшую группу влиятельных людей, обладающих непропорционально большим богатством, привилегиями, политической властью или навыками в группе. В Большой российской энциклопедии Д.Г. Подвойский определяет термин «элита» как немногочисленную группу лиц, занимающих в системе социальной иерархии высшие статусные позиции (не обязательно формально закреплённые) и оказывающих значительное влияние на жизнь общества в различных сферах и/или обладающих теми или иными исключительными качествами и способностями, получающими высокую общественную оценку и признание¹. Термин «элита» стал использоваться общественными науками лишь в XX в. Отечественные специалисты восприняли его из западной социологической и политической литературы, хотя роль личности (или избранного меньшинства) в истории рассматривалась в различные эпохи. Ею занимались учёные разных стран и эпох: от Платона до Ф. Ницше. Нельзя не упомянуть и работу отечественного мыслителя Г.В. Плеханова «К вопросу о роли личности в истории».

Основателями теории элит считают итальянских социологов Г. Моска и В. Парето. Моска в 1881 году сформулировал теорию правящего класса. В. Парето в «Трактате о всеобщей социологии» спустя полтора десятилетия применил термин «элита». Во второй половине XX столетия вопросами формирования элит занялись исследователи США (Ч.Р. Миллс и др.). Одной из причин возникновения новой терминологии можно считать идеологическую борьбу западного мира с марксистской теорией. В работах Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса и других формировался подход, опиравшийся не на деление общества на классы, а на его разделение на элиту и массу.

Многие словари и справочники отмечают, что термин «элита» крайне многозначен. Г.К. Ашин, считающийся основоположником научной элитологии в России, привлёк внимание к тому, что «Г. Моска в большинстве своих работ старался обходиться без этого термина». Даже он, стоявший у истоков появления термина, подчёркивал Г.К. Ашин, понимал сложность его применения и наделял каких-то явлений характеристикой элитарности². Не случайно общественные науки фактически не использовали понятие элиты вплоть до начала XX в., а в США – даже и позже.

Естественно, что термин «элита» вызывает множество вопросов, начиная с самого простого: если считать политическую элиту субъектом политического процесса, то получается, что она захватила власть, т.е. в этом случае термин по своей сути противоречит идеалам демократии. Нельзя не заметить, что деление общества по принципу «элита – масса» поверхностно отражает структуру социально-политических систем современных государств. Отрицательный оттенок термину в процессе его применения придаёт и разнообразие элит (или их определений). В научных сочинениях и выступлениях экспертов можно встретить такие наименования элиты, как: правящая, властвующая, руководящая и др. Политическую элиту, например, часто делят на правящую и оппозиционную или даже контрэлиту, ставящую целью изменение всей политической системы³. Кроме того, нельзя оставить без внимания, что на практике и в науке преобладают субъективные определения элиты. В них отражается не объективная характеристика данной общественной группы, а то, что автор предлагаемого определения видит в своих фантазиях. Опираясь на такую черту, как «избранность» входящих в элиту акторов, им приписывают такие качества, как: заслуги, честность, добросовестность и т.п. На практике же приходится сталкиваться с тем, что элите (в том числе и политической) свойственны властолюбие, коррумпированность, корыстность. Члены политической элиты для достижения своих целей применяют любые средства, признавая, что «все средства хороши».

По этим причинам можно поддержать мнение тех исследователей, которые считают термин «элита» неудачным. Часто применение этого термина оправдывают тем, что споры по поводу терминологии бесперспективны и бессмысленны. Мы придерживаемся иной точки зрения. Термин «элита» крайне важно сделать точным и однозначным, чтобы избежать взаимного непонимания. Ему следует придать объективный характер, устранить его многозначность или двусмысленность.

¹ Большая российская энциклопедия. – <http://www.вокабула.рф/>

² Ашин Г.К. Элита: история термина. – http://www.elitarium.ru/2004/08/05/elita_istorija_termina.html

³ Криворученко В.К., Мацуев А.Н., Плотников А.Д., Сыздыкова Ж.С. Элита: к вопросу о понятии // Знание. Понимание. Умение. 2012. – № 3. – С. 134.

Каптелян Т.В.

к.э.н., доцент кафедры организации производства и экономики недвижимости, Белорусский государственный технологический университет, Минск

Болобосова А.А.

студент, Белорусский государственный технологический университет, Минск

Шляжко Л.В.

студент, Белорусский государственный технологический университет, Минск

ИЗМЕНЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ОТНОШЕНИИ РЕСУРСНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ: НА ПРИМЕРЕ ЛЕСНОГО СЕКТОРА БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: институты, управление, развитие недвижимости, лесной сектор, экоструктура, рента, налог.

Keywords: institutions, management, real estate development, forest sector, eco-structure, rent, tax.

В современных условиях отчетливо проявляется потребность в достижении устойчивого развития, в котором производство, потребление и распределение товаров (работ, услуг) не ставит под угрозу развитие будущих поколений. Начало нового столетия укрепило парадигму институционализации мировой политики экологического влияния и регулирования. С разработкой и принятием Концепций устойчивого развития в Беларуси широко используется оценка институтов и институций управления по критериям накопления природного капитала и отражения специфики эколого-ориентированных технологий и предпринимательства. Следствием этого стали дискуссии, касающиеся применения механизмов экономического роста за счет природных ресурсов и платежей, обеспечивающих трансформацию общественных отношений в эколого-ориентированном направлении развития.

В данном контексте актуальным становится формирование высокопроизводительного агропромышленного, лесопромышленного, водно-болотного, ландшафтного комплексов и других направлений экономической деятельности, которые лежат в основе биоэкономических процессов развития и являются выразителями экологического благополучия населения. Ресурсные платежи (плата за право осваивать природные ресурсы) связаны с высокой значимостью расширенной концепции экономического регулирования, возникающего в системе адаптации к рынку и развития на основе многообразия форм собственности, аренды, найма и т.д. Важно отметить, что проблемы установления ресурсных платежей рассматриваются под разными углами реализации политики доступа к ресурсам и осуществления эколого-экономической деятельности.

С позиций биоэкономического развития такой емкий концепт как «экосистемный подход» представляет скорее стандарт мышления, чем выражение консенсуса отношений общества и природы, а также усиления институций устойчивого развития. Ученые поддерживают идею платности природопользования и указывают на необходимость принятия мер налогового эколого-ориентированного регулирования. В то же время собственность в государстве, ее составляющие, механизмы их реализации, принятия и одобрения населением хозяйственных систем с теми или иными элементами отчуждения, с теми или иными политическими критериями развития не являются предметами постоянного внимания.

Начиная с конца прошлого столетия в отечественном эколого-экономическом дискурсе представлена проблема доходности. При этом состояние экономических реалий, связанных с защитой прав собственности, реализацией прав на охраняемую окружающую среду часто остаются за пределами рассмотрения сферы производства и собственности. Последняя же не рассматривается с позиций иерархического распределения прав (*контрастирования* отношений принципала и агента).

Традиционно ресурсные платежи принято связывать с принципом платности природопользования. Данный принцип оказался жизнеспособным в контексте всеобщего истощения ресурсов (известной предпосылки ограниченных ресурсов потребления) и удорожания их приобретения. Эффективность деятельности по снижению потребления ресурсов вливается в систему экономических методов хозяйствования на основе позиционирования их «затратности» и «дороговизны». В то же время сегодня (в рамках институционального контекста) мы должны рассматривать всю систему отчуждения ресурсов на основе общественно-функциональных технологий и идентификации потребления, которое может поддерживать только производство, а не его «символ» собственности. Условия конечного распределения собственности конкретизируют производственную функцию в целом, а также – функцию накопления капитала в экономике.

Рента – это экономическая категория, которая играет ключевую роль в экономике обязательств, связанных с природопользованием. И хотя на в белорусской практике мы имеем дело лишь с понятиями «земельный налог», «плата за добычу природных ресурсов (за лес на корню)» и экологический налог, изменение форм хозяйственных практик

(аренда, концессионные права и др.) в условиях государственной собственности на первый план выдвигает проблему сохранения – поддержания на приемлемом для потребления уровне обеспеченности ресурсами и развития.

Цифровизация общества существенно трансформировала существующие бизнес-модели, но, отметим, что виртуальные элементы экономики не заменяют исходных отношений по поводу собственности. Рента была и остается *производственным отношением* между владельцем ресурса и его пользователем. В системе взаимосвязей ресурсов для более четкого отражения сути формирования управляемой устойчивой стоимости ренты можно использовать схематическое изображение связей встраивания элементов распределения (доходов) в систему конечных результатов «присвоение».

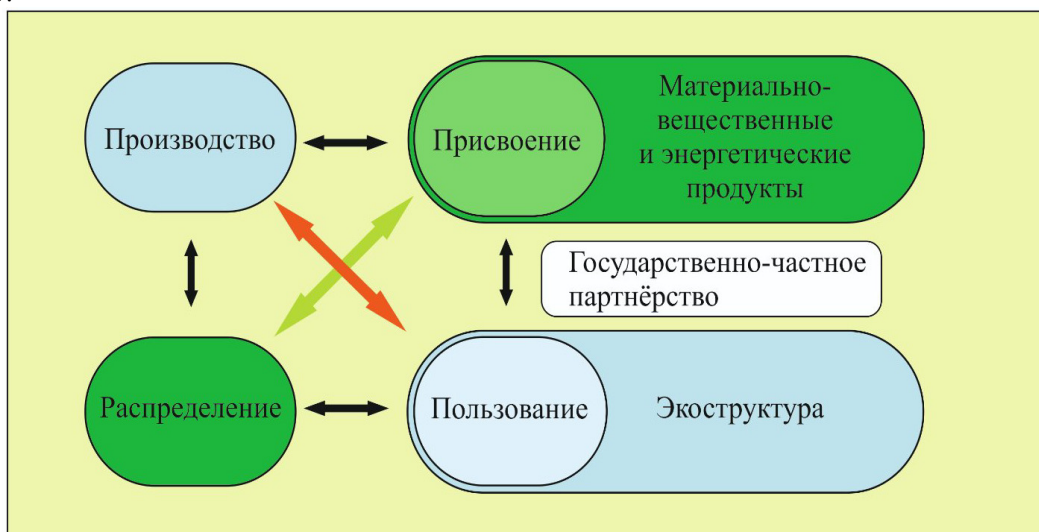

Рисунок 1.

Типичные взаимосвязи в экономическом процессе пользования и присвоения

Формирование разнообразных производственных систем (на базе госсобственности) в белорусских реалиях не определяется типичными взаимосвязями пользования и присвоения. Привязка производства к пользованию обусловлена функцией накопления капитала. Если цепочка добавленной стоимости продукции, исходящей из пользования, ориентирована на производство, то мы имеем дело с примером согласования интересов развития. Но если мы рассматриваем формы и свойства пользования, которые совершаются в экоструктуре без привязки к реальному присвоению, то мы неадекватно воспринимаем определенные источники финансов государства, включая ресурсные платежи.

В практике функционирования биоэкономики Беларуси определение момента готовности экоструктуры к пользованию не имеет так называемого ярко выраженного производственно-управленческого контекста, что затрудняет оценку стоимости мероприятий по восстановлению экоструктуры в экономическом процессе присвоения благ. Вопросы социальной идентификации собственности в Беларуси переходят в систему, где центром ответственности становятся произведенные затраты эколого-ориентированными структурами, занимающимися, к примеру, лесохозяйственной деятельностью. Следует подчеркнуть, что бизнес-модели белорусской системы лесопользования, имеют лишь «обезличенное план-фактное» управление. Мотивации персонала производственных систем к приведению объектов пользования в надлежащее состояние относят к деперсонализированному собственнику (государству). В итоге ресурсные платежи встраиваются в систему экономических интересов пользователей лишь как элемент прав на то, чтобы отчуждать ресурс за деньги. Остальные элементы землепользования (контроль и доступ к каналам распределения финансовых средств, организация мониторинга, распоряжение средствами производства и потребления, их восполнение, описания приемлемого «входа-выхода» собственности и др.) вращаются в сфере государственно-частного партнерства как чисто символические институциональные элементы без должной экономической организации их в рамках товарно-денежных обменов.

В настоящее время в нашей стране за счет проведенных институциональных преобразований и функционирования лесхозов в условиях преимущественно замкнутого производственного цикла по заготовленному древесному сырью, целенаправленное управление лесопользованием (за счет принадлежности отчуждаемого ресурса реальному пользователю) деформируется. Особенностью лесного воспроизводства является влияние доходного характера ресурсных платежей на экономические интересы по потреблению древесины. В то же время производство экосистем (лесохозяйственная деятельность) не рассматривается в системе распределения-присвоения в системе использованием экоструктурой в рамках государственно-частного партнерства. В итоге институциональные структуры лесного сектора подпадают под влияние разрушительной логики лесной ренты как инструмента реализации прав доступа к возможности заготовки сырья, за которым не видно доли его производителя и управления производственной функцией с точки зрения капитала (вложений в земельные ресурсы).

Система девелопмента недвижимости – одна из сфер белорусской (и российской) практики, которая складывается достаточно инертно. А.Б. Бриль¹ указывает на необходимость изучения факторов, позволяющих охватывать при-

¹ Девелопмент недвижимости: монография / М.А. Котляров, Дж. Дрейн, А.Б. Бриль и др.; под науч. ред. М.А. Котлярова. – Екатеринбург, 2017. – 127 с.

родные и физические данные, и на процессы управленческой и предпринимательской деятельности, которые адаптируют объекты к меняющимся потребностям людей. Следует иметь в виду, что покрытые и не покрытые лесом земли – это не что иное, как объекты девелопмента. Лесной девелопмент Беларуси с позиций рыночной экономики движим целями передачи производственных запасов леса (их отчуждением) в системы взаимодействия пользователя и собственника. Собственник же (государство) с позиций экономики права – обладатель ресурса, с учетом распределенной материально-вещественной составляющей должен обеспечить на основе структуры окружения экономическое поведение сохранности, восполнения и приумножения ресурса (в секторе экономики общественных благ). Интеграция потребления ресурса и его создания в единую систему должна обеспечивать не только результативность природоохранных работ, но и эффективные воспроизводственные мероприятия (инвестиции). Таким образом, отчуждение должно позволять постоянно управлять процессом развития объектов (участками лесных земель), а в рамках экоструктуры и ее разнообразных пользователей – устанавливать причинно-следственные связи между природными процессами и их доходностью и обеспечивать синергию инвестиционных вложений и их источников. Модели девелоперского процесса в области осуществления лесных (лесохозяйственных и лесопромышленных) технологий также описываются схемами, ожидающими интеграции функций производства и пользования для того, чтобы понимать потребительские предпочтения, конкурентную среду, оценивать критерии, возможности и риски экоструктурного масштаба. Важной характеристикой моделирования в сфере девелопмента лесных экосистем является скорость создания объектов, пригодных для предложения.

Известно, что математическое моделирование производственной функции на основе фактора времени приращенения лесных массивов является частным примером в моделировании производства за счет фактора «земля». Без базиса почвенно-земельных ресурсов синтезировать биоресурсы невозможно. Девелопмент – это соединение систем потребностей в пополнении ресурсами объектов до уровней различной востребованной (приемлемой и возможной) производительности с системами источников обновления, преобразования, совершенствования. Макроэкономическая политика предполагает создание фактора «земля» за счет управления государственными землями и девелопмента.

Связь между объектами недвижимости и инвестициями доказывалась годами. Результаты этих доказательств небезуспешны. Но сложившийся институциональный подход в Беларуси подразумевает лишь налог в смысле наличия некоего регулятора, внешнего для субъектов хозяйствования. Но если налог имеет источником добавленную стоимость, то он при завышенных ожиданиях государственных органов («жестких» институтах) может запросто перекрывать возможности рентообразования. Несмотря на то, что механизмы и особенности организации лесного девелопмента практически остаются неисследованными, в аспекте осуществления его достижений можно и нужно рассматривать два направления лесной ренты – активной (инструмент «захвата» – производственные запасы леса и их переработка), пассивной (инструмент «захвата» – *экономическое поведение в экоструктуре*, реализация прав использования территориального базиса в бизнесе). Активное поведение является ориентированным на переток производственно-технологической ренты. Развитие в целом, на наш взгляд, подпадает под действие доступных средств в рамках и активной, и пассивной рент. Последняя ассоциируется чаще всего с земельным налогом, имеющим возвратный характер.

Что касается земельного налога, то в лесном девелопменте развитых стран наблюдается его присутствие как источника финансирования мероприятий по улучшению качественных характеристик почвенно-земельных ресурсов. Но для белорусской практики землепользования его применение может показаться эфемерной попыткой заставить промышленное производство значительно влиять на гуманитарные аспекты развития, так как налоговая нагрузка продуктовой цепи предусматривает изъятие больших объемов добавленной стоимости (в виде НДС по ставке 20%, налога на прибыль – 18% и других изъятий). Тут уж, как говорится, не до ренты. Для обеспечения финансами лесного девелопмента целесообразен экосистемный подход и понимание специфики сочетания отношений институционально-экономической среды с ее средствами-ценностями рентообразования в контексте применения *метода «иерархического контраста»*.

В результате последних преобразований налогового кодекса в Беларуси сделан упор на расширение налогообложения собственности (а девелопмент ее создает для продажи), обозначается ежегодно необходимость индексаций налоговых баз ресурсных платежей. Так, в 2020–2021 гг. доля доходов от собственности составляла чуть более 4%¹ в структуре общих поступлений, в то время как все земельные и экологические налоги в совокупности с другими платежами собственников (за исключением НДС, налога на прибыль, акциза и других значимых налогов продуктовой цепи) – около 8%. Таким образом, почти каждый десятый рубль, поступающий в бюджет, по сути, получен в результате отдачи недвижимости, земельных ресурсов, инфраструктуры. Учитывая то, что программы охраны окружающей среды занимают незначительный удельный вес в расходах консолидированного бюджета Беларуси (0,29%), а на покрытие расходов лесного хозяйства выделяется лишь 0,57% из указанных средств, следует придерживаться создания стратегии интериоризации ренты лесной биоэкономики (земельного налога, в частности) как источника осуществления постоянного лесного девелопмента с учетом интеграции его с лесопромышленными производственными системами, не теряя *социальной принадлежности собственности* окружению. Так можно воплотить в практику изменение управленческой парадигмы для реализации целей устойчивого развития за счет нормального, а не усеченного (ухудшенного) финансирования девелопмента и его контроля. Кроме этого, ресурсные платежи должны быть избавлены от «перегруженности» стремлением к сиюминутной прибыли и выражать всю систему существующих экологических рисков, реализуемых прав и реального распределения ресурсов, что непосредственно связывается нами с общей стоимостью владения объектами прав.

¹ Бюджет Республики Беларусь для граждан. – <https://www.minfin.gov.by/upload/bp/budget/budget2022.pdf>

Леньшин В.П.

д. филос. н., доцент; заместитель директора по развитию Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЦИФРОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ, СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: региональная научно-практическая Модель, цифровые социальные технологии; цифровая зрелость; цифровая трансформация; межведомственное взаимодействие; информационно-коммуникационные технологии; государственное и муниципальное управление; прогнозируемая деятельность; работа с данными (базами данных, Большими данными).

Keywords: regional scientific and practical Model, digital social technologies; digital maturity; digital transformation; interdepartmental interaction; information and communication technologies; state and municipal management; forecasted activities; work with data (databases, Big data).

К основным направлениям развития Российской Федерации на современном этапе относят обеспечение национальной безопасности¹; достижение национальных целей развития², научно-технологическое развитие³, сохранение и преумножение российских духовно-нравственных идеалов и культурно-исторических ценностей⁴ и другие.

Одним из приоритетных механизмов реализации направлений является консолидированное межведомственное взаимодействие. Участники межведомственного взаимодействия – федеральные органы власти, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления, научно-образовательное (Совет ректоров вузов, Совет директоров ссузов/сно) и предпринимательское (региональные РСПП, ТПП, иные) сообщества, институты гражданского общества, общественные объединения, общественные организации⁵.

Целевые группы консолидированного межведомственного взаимодействия – различные социальные группы населения (возрастные, профессиональные, этнические, другие, далее – население).

Исходя из необходимости деятельного участия в реализации основных направлений развития Российской Федерации, а также активизации населения в достижении национальных целей развития, реализации задач региональных Стратегии социально-экономического развития и Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (далее – ИСЭПН ФНИСЦ РАН) разработал, на основе научных методов гуманитарных и социальных наук, наработанных практик их интеграции в реализацию задач социально-экономического развития субъектов и муниципальных образований Российской Федерации, Региональную научно-практическую, межведомственную, многофункциональную модель «Стратегия цифровой трансформации субъекта Российской Федерации и ускорение ее реализации в условиях временных и ресурсных ограничений» (интеграция социальных знаний в региональную консолидированную межведомственную практику, далее Модель)⁶.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.июля 2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

³ Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15 марта 2021 года № 143 «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации»).

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15 марта 2021 года № 143 «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации»); «Проект Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года», разработанный Правительством Российской Федерации и другие.

⁶ Аверин Ю.П. Теоретическое построение количественного социологического исследования: Учебное пособие для вузов. – 2-е изд., уточненное и дополненное. – М., 2014; Андреева Г.М. Социальная психология. Изд. 5-е, исправл. и дополнен. – М., 2004; Вершинина И.А., Кашкабаш Т.В., Коркия Э.Д., Мамедов А.К., Обрывалина О.А., Панич Н.А. Развивающийся мегаполис: современные адаптационные механизмы (на примере города Москвы). – М., 2015; Возрастная психология (Психология развития) Электронный учебник. Автор-составитель: Кагермазова Л.Ц., д.психол.н., профессор кафедры педагогики и психологии ДПО КБГУ. – Красноярск 2014; Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика: монография /

Основные инновационные положения Модели отвечают задачам современного социально-экономического развития регионов и Российской Федерации.

Целостность содержания Модели можно представить в виде совокупности основных системных частей:

Часть первая. Роль, место и значение Модели в реализации задач Стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и Стратегий социально-экономического развития муниципальных образований входящих в его состав, Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления субъекта Российской Федерации.

Цель Модели: достижение национальных целей развития Российской Федерации в условиях временных и ресурсных ограничений.

Основные задачи Модели в достижении цели:

1. Выполнение, с учетом социального самочувствия населения, двуединой задачи – разработка и реализация современного механизма и инструмента коммуникации государства, общества, организаций.

2. Создание участниками межведомственного взаимодействия, руководствуясь интересами и потребностями многонационального и многоконфессионального населения Российской Федерации, условий для формирования у различных социальных групп населения прогнозируемой, мотивированной, солидарной, инновационной, ответственной деятельности, в том числе с учетом федеральных, региональных, муниципальных социокультурных ценностей.

3. Создание условий для формирования человеческого капитала и соответствующих компетенций с перспективой их интеграции в различные отрасли экономики, социальной сферы, государственного и муниципального управления, сферы услуг, иные.

4. Активизация участия населения в достижении национальных целей развития Российской Федерации, реализации задач региональной Стратегии социально-экономического развития и Стратегий социально-экономического развития входящих в него муниципальных образований, Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления.

5. Создание условий для реализации комплексного, научно-практического и стратегического подходов при формировании и реализации молодежной политики на основе проектного подхода.

Базовая целевая социальная группа – МОЛОДЕЖЬ.

Часть вторая. Системные элементы Модели.

А. Консолидированное межведомственное взаимодействие в субъекте Российской Федерации: органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации; научно – образовательное сообщество (*Совет ректоров вузов и Совет директоров ссузов*); предпринимательское сообщество (*областная Торгово-промышленная палата, филиал Российского союза промышленников и предпринимателей, иные*); институты гражданского общества; общественные объединения и общественные организации, в том числе детско-юношеско-молодежные.

Муниципальный уровень консолидированного межведомственного взаимодействия имеет свою особенность, к одной из которых относится межмуниципальное взаимодействие как в рамках субъекта Российской Федерации, так и за его пределами.

Консолидированное межведомственное взаимодействие – это организация и реализация на основе проектного подхода федеральных проектов и программ, рекомендованных федеральными органами власти¹, государственных программ субъекта Российской Федерации, муниципальных целевых и ведомственных программ, согласованных действий в реализации как общих, так и частных задач его участников, в рамках полномочий регламентированных федеральными, региональными и ведомственными нормативными правовыми документами.

К ключевым региональным документам относятся Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления, иные.

Объединяющим фактором для Стратегий является достижение национальных целей развития – увеличение численности населения, повышение уровня жизни населения, создание комфортных условий для их проживания, раскрытие таланта каждого человека на основе цифровых технологий (*производственных и социальных*), достижение цифровой трансформации, цифровой зрелости, иные.

Основные разновидности цифровых социальных технологий – управленческие, демографические, образовательные, информационные, коммуникационные, информационно – коммуникационные, реклама (*социальная реклама*), иные.

Цифровые социальные технологии – основной инструмент проактивного управления, реализации Модели и региональных Стратегий позволяющие с наибольшей эффективностью достичь целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, соответствующего уровня цифровой трансформации и, как следствие, цифровой зрелости как на уровне участников межведомственного взаимодействия, так и их отдельных структур.

Н.В. Мирошниченко [и др.]. – Чебоксары, 2018; Локосов В.В. Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах: монография. – М., 2022; Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. – М.: МГУ 2013; Оганян К.М. Социальные технологии. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2016; Суркова Н.Е., Остроух А.В. Методология структурного проектирования информационных систем. Монография. – Красноярск, 2014 и другие.

¹ См.: «Проект Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года», разработанный Правительством Российской Федерации.

Часть третья. Региональная цифровая инфраструктура (*вариант: Региональная межведомственная, многофункциональная цифровая платформа*) и цифровые социальные технологии.

Задачи:

– наработка инновационных практик в работе с данными (*актуально для: выполнения поручений Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и Координационного центра Правительства Российской Федерации; губернатора субъекта Российской Федерации; реализации региональных Стратегий цифровой трансформации утвержденных губернаторами всех субъектов Российской Федерации в августе 2021 г.; наработки правоприменительных практик в реализации Федеральных законов, иных*);

– систематизация и интеграция различных данных (*баз данных; Больших данных*) в реализацию региональных и муниципальных задач: мониторингов реализации приоритетных задач Правительства Российской Федерации и выполнения выделенных проектов в целях ускоренного достижения национальных целей развития, мониторингов достижения региональных и муниципальных целевых показателей социально-экономического развития, мониторингов правоприменительной практики, количественных показателей полученных по результатам социологических исследований иных показателей и данных;

– развитие человеческого капитала и соответствующих компетенций, кадрового потенциала;

– разработка и реализация новаторских механизмов для развития субъекта Российской Федерации с перспективой их дальнейшего трансфера в другие регионы;

– целенаправленная демографическая политика;

– создание условий и стимулов для привлечения и закрепления молодежи и молодых специалистов на территории региона;

– обеспечение взаимосвязи/взаимодействия с работодателями в рамках межведомственного, межрегионального, межмуниципального взаимодействия и международного сотрудничества.

Особенность региональной цифровой инфраструктуры – возможность интеграции в:

– управление данными (*базами данных, Большими данными*) участниками межведомственного взаимодействия в целях более эффективного решения общих и частных задач;

– создание экосистемы обмена, накопления и глубокой аналитики данных; единого цифрового контура для разработки востребованных социальных технологий; внедрение цифровых социальных технологий в государственное и муниципальное управление, межведомственное взаимодействие с учетом целей и задач последних, социального самочувствия населения: социальных мотивов и реакций, социальных оценок, социального настроения, намерений граждан, доверия к осуществляемым действиям федеральными, региональными и муниципальными органами власти, ценностей населения, иных особенностей социальных групп населения;

– создание комплексной эффективной системы управления и консолидированной обработки информации;

– совершенствование государственного, муниципального, иных видов управления с применением современных цифровых социальных технологий, новых форм и средств информации, коммуникации, информационно-коммуникационных технологий выполняющих, в том числе, двуединую взаимообусловленную функцию системных элементов Модели на базе региональной цифровой инфраструктуры;

– создание центров компетенций по анализу, обработке данных, а также разработке, реализации и совершенствованию на их основе цифровых социальных технологий;

– повышение эффективности различных отраслей экономики, социальной сферы, государственного и муниципального, иных видов управления за счёт масштабного внедрения цифровых отечественных технологий в основные сферы жизни.

Когда речь идет о работе с различными данными (*базами данных, Большими данными*), акцент делается на следующей последовательности: сбор, обработка, накопление и анализ данных, отчет и рекомендации. Это в полной мере относится и к региональным Стратегиям в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления. Сложившийся алгоритм не раскрывает в полной мере содержательного потенциала данных в части формирования и реализации не только человеческого капитала, но и основных направлений развития Российской Федерации, задач региональных Стратегий, государственного, муниципального и иных видов управления.

В Модели предложен к реализации инновационный вариант продолжения сложившегося алгоритма работы с данными, способствующего достижению национальных целей развития, задач цифровой трансформации в условиях временных и ресурсных ограничений:

– вторичный анализ данных региональных Стратегий, достижения целевых показателей социально-экономического развития, реализации проектов и программ, рекомендованных федеральными органами власти¹, региональных государственных программ, муниципальных целевых и ведомственных программ, мониторингов проводимых структурными подразделениями участников консолидированного межведомственного взаимодействия;

– разработка на основе анализа данных целевых цифровых социальных технологий и их интеграция в достижение национальных целей развития и реализацию задач региональных Стратегий;

– научно-методологическое, методическое, социологическое, аналитическое, организационное, информационно-коммуникационное, экспертное, технологическое, рекламное (*социальная реклама*) сопровождение реализуемых социальных технологий;

¹ См.: «Проект Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 год», разработанный Правительством Российской Федерации.

– сравнительный анализ и качественная оценка полученных данных по отношению к достижению заданных целевых индикаторов мероприятий «Проект Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 год» в рамках региональной и муниципальных Стратегий.

– целевое внесение изменений и дополнений в реализуемые цифровые социальные технологии, в том числе с учетом интересов и потребностей соответствующих социальных групп населения, участников межведомственного взаимодействия, иных структур, а также показателей межрегионального и межмуниципального взаимодействия, международного сотрудничества¹;

– разработка и реализация, при необходимости, дополнительных региональных государственных программ, муниципальных целевых и ведомственных программ, мероприятий с учетом предыдущих положений, отвечающих задачам получения целевых индикаторов Единого плана, Координационного центра Правительства Российской Федерации, региональной и муниципальных Стратегий;

– актуализация механизма и инструментов реализации региональных и муниципальных Стратегий, отвечающих соответствующим стадиям развития цифровой трансформации и, как следствие, цифровой зрелости;

– продолжение реализации региональной и муниципальных Стратегий социально-экономического развития региона, Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления (включая муниципальное управление, управление персоналом, иное) на качественно новом уровне с учетом внесенных изменений и дополнений в цифровые социальные технологии, соответствующих задач социально-экономического, научно-технологического, иного развития (федеральный, региональный и межрегиональный, муниципальный и межмуниципальный, международный уровни).

Особо необходимо обратить внимание на неоднозначность толкования содержания понятия «информационно-коммуникационные технологии» в реализации задач цифровой трансформации.

Понятие «информационно-коммуникационные технологии» имеет в контексте нормативных правовых актов, регламентирующих основные направления развития Российской Федерации, два смысловых содержания:

1. Информационно-коммуникационные технологии в Модели: наполнение целевым социокультурным, ценностным содержанием информационного пространства, которое в рамках консолидированного межведомственного взаимодействия создает условия² для:

– формирования человеческого капитала и необходимых современных компетенций с дальнейшей интеграцией в основные сферы жизни субъекта Российской Федерации;

– создания условий в целях формирования прогнозируемой, мотивированной, солидарной, инновационной, ответственной деятельности различных социальных групп населения;

– формирования цифровой зрелости на основе разработки и внедрения отечественных технологий в достижение национальных целей развития, реализации региональной Стратегии социально-экономического развития и Стратегий социально-экономического развития входящих в его состав муниципальных образований, региональной Стратегии в области цифровой трансформации;

– достижения национальных целей развития на основе проактивного управления.

1.1. Механизм: межведомственное взаимодействие.

Инструмент: цифровые социальные технологии: управленческие, образовательные, демографические, информационные, информационно – коммуникационные, иные.

1.2. Одна из системных основ создания в субъекте Российской Федерации необходимых условий для развития молодежи – ее самореализации в основных сферах жизни, гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности и, как следствие, национальной безопасности Российской Федерации.³

2. Информационно-коммуникационные технологии – технические средства «доставки» информации до объекта и ответа на полученную им информацию.

3. Системные элементы Модели и полномочия профильных структур Правительства субъекта Российской Федерации – системная интеграционная основа реализации взаимообусловленных информационно – коммуникационных технологий в контексте реализации задач региональной Стратегии социально-экономического развития и входящих в его состав муниципальных образований, Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления, включающие ее ценностные ориентиры.

Часть четвертая. Системная основа мотиваций участников межведомственного взаимодействия:

¹ См.: «Проект Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 год», разработанный Правительством Российской Федерации.

² См.: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» – ст. 2, п. 4, ст. 6, ст. 7, ст. 9–11; Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 143) Разделы I и II; Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 года № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 02.июля 2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», иные нормативные правовые акты.

³ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

- правовая нормативная база (*федеральная и региональная*);
- содержание механизма и инструмента межведомственного взаимодействия;
- региональная цифровая инфраструктура/платформа;
- ценностное содержание цифровых социальных технологий, ориентированных на достижение национальных целей развития и, как следствие – цифровой зрелости.

Эффективность разработанной ИСЭПН ФНИСЦ РАН научно-практической Модели достигается за счет:

- механизма консолидированного взаимодействия, гармоничного сочетания системных элементов Модели при решении приоритетных задач и реализации стратегических проектных инициатив региональных Стратегий, межрегионального и межмуниципального взаимодействия, международного сотрудничества;
- интеграции региональной цифровой инфраструктуры в разработку и реализацию цифровых социальных технологий;
- инновационного алгоритма работы с различными данными (*базами данных, Большими данными*), разработки и реализации на их основе цифровых социальных технологий для участников межведомственного взаимодействия;
- функционирования инновационного механизма и инструмента коммуникации государства, общества, организаций и населения; формирования человеческого капитала и современных компетенций, с перспективой их интеграции в целевую профессиональную деятельность основных сфер жизни; межпоколенного взаимодействия (*подрастающее поколение – молодежь – экономически активная возрастная группа – старшая возрастная группа населения*);
- создания условий для коммуникации между различными социальными группами населения, органами власти всех уровней, научно-образовательным и предпринимательским сообществами, институтами гражданского общества, общественными объединениями и общественными организациями, направленных на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей;
- воспитания гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям многонационального и многоконфессионального населения Российской Федерации.

Логвиненко В.П.

D.Ed., профессор, академик, вице-президент Международной академии фундаментального образования и МКФО
consortium@live.ru

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: государственное устройство, государственное строительство, принципы развития, методология ситуационного анализа, информационная полнота, системное мышление, человеческий фактор, контроль, участие граждан.

Keywords: state structure, nation-building, principles of development, situational analysis methodology, information completeness, systems thinking, human factor, control, citizen participation.

Тема настоящего исследования затрагивает проблему научно-методологической оценки формирования подходов к государственному строительству на современном этапе.

В условиях военной операции никто, кроме Президента РФ, не имеет возможности и права претендовать на полноту информации, имеющей стратегическое значение. Поэтому подойдем к обозначенной проблеме с другой стороны и обозначим особую важность достижений человеческой мысли в условиях снижения культуры стратегического мышления во всем мире и необходимости формирования практически реализуемых сценариев и подходов развития.

Нет необходимости обосновывать важность конституционных основ устройства и жизнедеятельности государства. Однако не далек тот час, когда новые реалии потребуют внесения изменений и в основополагающие законодательные нормы страны. Необходимость таких изменений уже сегодня отражается в научно-общественном и публичном дискурсе.

При этом никто не задается вопросом, какой технологический и научный базис стоит за предложениями каких-либо изменений и как предлагается их материализовывать. Не сложно заметить, что вместо научной аргументации в публикациях и материалах разного характера часто приводятся изложения собственных мнений авторов, описание их собственного опыта, что уводит подобные работы из сферы науки и создает отрицательный прецедент для безрезультатных дискуссий и различных идеологизированных манипуляций.

Ситуационная специфика нашей страны не позволяет применить существующие даже самые привлекательные модели развития, а собственного позитивного опыта в области обоснования предлагаемых изменений нет.

Важно подчеркнуть, что те, кто живет в старой парадигме, как и узкопрофильные специалисты, без использования специальных методологических средств, не способны предложить адекватные историческому моменту решения и подходы, касающиеся развития общества. Стереотипы мышления и рефлекс детерминизма на практическом уровне проявляется в стремлении всеми силами получить повторяемость положительных результатов, начисто игнорируя тот факт, что такое требование методологически противоречиво, практически не реализуемо и принципиально неверно с позиций системной методологии.

При утверждении о необходимости проведения ситуационного анализа (СА) аналитики, как правило, предлагают осуществление некоторого комплекса мер или анализ событий и явлений в их естественном окружении, в противоположность лабораторным условиям. В бизнесе СА проводится с целью изучения и оценки состояния достижений компании в определенный момент, для чего анализируется внутренняя и внешняя среда, в которой она работает.

Создается впечатление, что любые способы анализа, направленные на поиск путей оптимизации ситуации (например, проведение мониторинга или социологического исследования, анализ баз данных или анализ показателей) являются ситуационным анализом. Несмотря на то, что в публикациях подчеркивается положение о том, что результаты проведения СА зависят от применяемых методов, эти утверждения являются не более, чем абстрактными фразами. Например, «проведение ситуационного анализа, как правило, эффективно только тогда, когда он осуществляется профессионально, с использованием современных технологий и специально разработанных методов»¹. При этом важно заметить, что на практике не принято задавать вопрос об условиях осуществления ситуационного анализа.

Если бы у аналитиков возникла потребность поставить такой вопрос, а также найти на него ответ, то целесообразно было бы обратиться к положениям системного методологического направления «Инвариантное моделирование» (ИМ), основанного на теории гиперкомплексных динамических систем (ГДС) академика А. Малюты.

В ИМ деятельность рассматривается как система, реализуемая на общих принципах реализации ГДС-подхода. Важным моментом при этом является соблюдение методологической полноты, что эквивалентно соблюдению прин-

¹ Методика проведения ситуационного анализа. – https://studbooks.net/1366041/menedzhment/metodika_provedeniya_situatsionnogo_analiza

ципа полноты реализуемости (если результаты системных исследований предлагается осуществить на практике в виде конкретной системы деятельности).

При этом под ситуационным анализом подразумеваются следующие операции, выполненные над исходными данными:

- 1) формулировка целей проводимого исследования;
- 2) реализация процесса систематизации и анализа исходных данных.

Формулировка целей позволяет методологически правильно поставить задачу построения модели и сформулировать ограничения на процедуру ее построения.

В свою очередь достижение целей СИ предполагает решение двух основных задач: информационной полноты и адекватности.

Информационная полнота как способ организации информации по замкнутому циклу является необходимым условием для успешной реализации процесса интерпретации полученных результатов. Наиболее общая форма методологического цикла любого исследования имеет вид методологически замкнутой последовательности: объект – модель – метод – реализация – интерпретация – объект.

Решение задачи адекватности предполагает соблюдение первого фундаментального закона кибернетики Эшби (закона необходимого разнообразия) который, как известно, гласит: «для успешного управления объектом разнообразие управляющих действий должно быть не меньше разнообразия возмущений (состояний объекта)»¹.

СА становятся особо актуальным в процессах исследования развивающихся систем и систем, испытывающих деформации в экстремальных условиях (война, чрезвычайная операция), катастрофы и пр.

На наш взгляд, уместно отметить, что в экстремальных условиях люди сталкиваются с нетипичными для стационарного режима развития проблемами, требующими нестандартных решений и отвечающих конкретной ситуации отдельного человека. Однако, как показывают наблюдения, чиновники при столкновении с вопросами, выходящими за рамки регламента, действующего в стационарной зоне развития, не считают необходимым искать решения или полагаются на свое собственное мнение, принимают решения, которые зачастую неприемлемы для новой ситуации. Таким образом, при оценке эффективности функционирования институтов управления и, что особенно важно, государственных институтов социальной поддержки, призванных реагировать на потребности населения, на всех уровнях, включая Президента, в условиях современного кризиса, необходимо использовать дополнительные меры контроля. Важно также обеспечить обратную связь с гражданами, вынужденными обращаться за помощью в высшие инстанции страны.

Таким образом, помимо необходимости решения стратегических задач государственного строительства, крайне важно учитывать возрастающую роль человеческого фактора в процессах выработки и принятия решений во всех его проявлениях.

При оценке надёжности и валидности методов, используемых для исследования блока социолого-психологических проблем сегодня важно учитывать, что теоретико-методологические наработки соответствующего блока наук (социология, социальная психология и психология) должны соответствовать своему времени. На эту особенность впервые обратил внимание великий отечественный мыслитель первой половины XX века. А. Ухтомский, введя понятие – «хронотоп» (с греч. *χρόνος* – время, *τόπος* – место), которое по почину русского философа и теоретика в области культуры и искусства М. Бахтина было перенесено в социально-гуманитарную сферу. Требование хронотопии (соответствия месту и времени) диктует важнейший практико-теоретический вывод о недопустимости переноса результатов исследований, проведенных в определенном месте (например, на каком-либо земном континенте), на исследование и выработку решений в других регионах или на других континентах. Эта позиция относится к любым живым существам, а не только к человеку.

Еще более жесткое ограничение связано с временной характеристикой. Различные временные интервалы наполнены различными событиями, которые можно рассматривать как динамические условия, в которых живут люди. Любые обобщения имеют смысл при неких достаточно стабильных условиях. И если эта стабильность меняется, пусть даже на другую стабильность, то параллельно этим изменениям будут изменяться и приводимые обобщения. В настоящее время хронотопия развивается как теоретическое и методологическое направление пространственно-временной диагностики.

Таким образом, современная проблематика выдвигает особое требование как к постановке задачи социально-гуманитарных исследований, так и к формулировке требований к методу их проведения, что также практически не учитывается и не соблюдается в подавляющем большинстве отечественных и зарубежных исследований.

Невозможно не отметить подвиги соотечественников на всех фронтах текущего периода. Вместе с тем потребность в реализации задачи трансформации социально-политической системы в ближайшее время сопряжена с необходимостью решения качественно новых задач во всех сферах жизнедеятельности страны. Эта объективная потребность могла бы стать отправной точкой для использования в социальной практике и управлении адекватных методологических средств. Это важно для реализации управляемого процесса государственного строительства, для выхода регионов (по крайней мере, отдельных) в режим устойчивого развития (УР). Нам приходится в очередной раз обратиться к анализу употребления понятия УР² и привести формулировку, отражающую процесс развития в определённой своей

¹ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.

² Устойчивость: состояние системы или привлекательное утверждение. – <https://infoperson.ru/aktualno-obsuzhdaem/ustojchivost-sostoyanie-sistemy-ili-privlekatelnoe-s-pozitsij-avtora-utverzhdenie>

стадии. Под устойчивым развитием нами понимается «управляемое нахождение в фазе роста R-процесса без задержки на стационаре и минуя зону Z»¹.

Без объективной системной оценки уровня и проблем развития в текущей ситуации (без ситуационного анализа) надеяться на формирование модели устойчивого развития регионов, которые во многом определяют устойчивость системы государственного устройства страны, невозможно. Нами предлагается создание сети центров государственного строительства в ряде регионов с последующим (после апробации подхода к постановке и решению проблем) учреждением Института государственного строительства.

Вопросы государственного строительства касаются каждого гражданина России. Именно поэтому Международная академия фундаментального образования выходит с инициативой реализации ряда принципиально новых подходов к образованию и предлагает программы подготовки аналитиков и руководителей различного уровня с перспективой формирования управленческих кадров новой формации – Золотого резерва России.

¹ Проблемы интегральной оценки социально-экономического и инновационно-технологического уровня развития региона – https://e-olimp.ru/node/29#_ftn17

Пронина Л.И.

д.э.н., государственный советник РФ 2 класса, профессор ИГСУ РАНХиГС при Президенте России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РФ

Ключевые слова: межбюджетные трансферты, бюджетные кредиты, регулирующие налоги, индикативное планирование, долговая устойчивость, эффективность, регионы.

Введение

В статье рассматриваются проблемы повышения эффективности межбюджетного регулирования в современной России и за рубежом. При этом учитывается, что взаимоотношения между органами власти разных уровней в бюджетной сфере существуют в любом государстве и различаются в силу типа политического устройства (федеративное или унитарное государство), административно-территориального деления, уровня социально-экономического развития.

Целью исследования является определение результативности применения как отдельных механизмов и инструментов межбюджетного регулирования, так и их сочетания для достижения оптимизации их действия в России. В результате исследования сформирована комплексная модель межбюджетного регулирования на основе использования метода индикативного планирования и других научных методов, позволяющая активизировать социально-экономическое развитие регионов и муниципалитетов на базе современных технологий и трансформаций.

1. Основные аспекты межбюджетного регулирования в странах с развитой экономикой

В современной зарубежной литературе анализируются важные аспекты межбюджетного регулирования в странах с развитой экономикой и делаются актуальные выводы. Среди них: о влиянии денежно-кредитной политики на долговую нагрузку муниципальных образований, о роли фискальной политики и межбюджетного регулирования в повышении эффективности местного самоуправления, о роли межбюджетных трансфертов в территориальном развитии.

Межбюджетные отношения (МБО) могут формироваться на разных принципах в зависимости от финансовой децентрализации или автономии территориальных образований (регионов и муниципалитетов в России). На основе этих принципов формируются все существующие в мире модели межбюджетных отношений, которые сводятся к централизованному, децентрализованному и смешанному (кооперативному).

В современной России МБО развиваются на основе смешанной (кооперативной) модели¹ что предполагает тесное взаимодействие региональных и федеральных органов государственной власти в процессе межбюджетного регулирования, повышение ответственности федерального центра за состояние региональных и муниципальных финансов, создание условий для социально-экономического развития регионов и муниципалитетов. Это приводит к усилению контроля со стороны федерального центра и значительному ограничению бюджетно-налоговой автономии региональных и особенно местных властей.

2. Особенности межбюджетного регулирования в единой системе публичной власти

Основным критерием оценки эффективности управления является положительная трансформация публичной власти как объекта управления. Это обуславливает дальнейшее развитие системы и критериев оценки эффективности государственного и муниципального управления (далее – ГМУ).

В России в 2020–2030 годы такое развитие основано на принятии в 2020 году поправок в Конституцию Российской Федерации (Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти») и изменении в 2021–2022 годах законодательства о публичной власти.

Среди них Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 414-ФЗ) и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (принят в 1 чтении 25.01.2022).

Федеральный закон № 414-ФЗ предусматривает вхождение органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти в Российской Федерации и их взаимодействие для наиболее

¹ Калашников С.А., Гревцова Т.В., Коннычева Н.А. Межбюджетные отношения: российские реалии и мировой опыт // Экономические науки. 2018. – № 1 (158).

эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Данный критерий при наличии положительной динамики его параметров может отмечать положительную трансформацию системы ГМУ.

При этом федеральные органы исполнительной власти, в отличие от норм ранее действовавшего Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», могут участвовать в формировании органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сферах образование, здравоохранение, финансы, государственное регулирование тарифов, жилищный контроль (надзор), строительный надзор, контроль (надзор) в области долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в соответствии с конституционными основами единства публичной власти выстраивает обновленную модель организации и деятельности органов местного самоуправления. Уточняется компетенция органов местного самоуправления в целях приведения ее в соответствие с правовой природой местного самоуправления – целью самоорганизации граждан признается решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Законом предусматривается закрепление непосредственно полномочий органов местного самоуправления, так как вопросы местного значения являются одним из элементов компетенции органов местного самоуправления.

В целом данный механизм, предусматривающий конкретизацию компетенции органов МСУ и уточнение распределения полномочий между субъектами РФ и органами МСУ, очевидно является эффективным элементом трансформации системы ГМУ, однако в Законе не предусмотрены требования о необходимости определения законами субъектов Российской Федерации каких-либо обстоятельств или критериев (например, уровень расчетной бюджетной обеспеченности муниципальных образований) для отнесения полномочий законом субъекта Российской Федерации к полномочиям органов местного самоуправления в целях обеспечения жизнедеятельности населения.

Наряду с этим, учитывая, что решение большинства вопросов местного значения возможно только при наличии в распоряжении органов местного самоуправления достаточных для этого финансовых и материальных ресурсов, за счет которых можно было бы организовать на территории муниципальных образований предоставление населению соответствующих публичных услуг, следует иметь в виду, что нормами Конституции Российской Федерации и бюджетного законодательства Российской Федерации не допускается возможность изъятия доходов из местных бюджетов путем их перераспределения в бюджеты субъектов Российской Федерации для исполнения полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, временно перераспределенных для исполнения органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Доходы местных бюджетов не предназначены для исполнения расходных обязательств субъекта Российской Федерации, возникающих в связи с исполнением органами государственной власти субъекта Российской Федерации полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, переданным данным органам государственной власти законом субъекта федерации и по его усмотрению.

В настоящее время предлагаемые Законом об МСУ перераспределенные от органов местного самоуправления органам государственной власти субъектов Российской Федерации полномочия должны осуществляться последними исключительно за счет собственных доходов бюджетов этих субъектов и материальных средств.

В связи с введением в действие Закона об МСУ (в 2025 году) потребуются существенные изменения и усложнения порядка разграничения и перераспределения доходов между уровнями бюджетной системы Российской Федерации, механизма формирования межбюджетных отношений, принципов формирования доходной базы бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований, установленных в Налоговом кодексе Российской Федерации и Бюджетном кодексе Российской Федерации.

Изменение системы правового регулирования в финансово-бюджетной сфере при длительном действии внешних экономических санкций может привести к значительному снижению макропоказателей в России по сравнению с прогнозируемым уровнем. Прогноз Минэкономразвития социально-экономического развития России на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов показывает, что снижение ВВП в 2022 и последующих годах может быть значительным (10–12%).

Вместе с тем, данные преобразования предполагают ослабление принципа федерализма, заложенного в Конституции 1993 г., который означает самостоятельность всех уровней публичной власти (федерального, регионального и местного) в пределах их полномочий.

Наряду с этим расходные обязательства субъектов Российской Федерации и муниципальных образований все в большей степени будут исполняться не за счет собственных доходов (налоговых и неналоговых), а за счет долей налогов (ст. 58 Бюджетного кодекса Российской Федерации) и межбюджетных трансфертов, передаваемых из бюджетов вышестоящего уровня.

Это значит, что присущее бюджетному федерализму соблюдение требований финансовой независимости от вышестоящих органов власти в политике региональных и муниципальных органов власти при исполнении их полномочий будет все менее реализовываться. Наряду с этим расходные обязательства субъектов Российской Федерации и муниципальных образований все в большей степени будут исполняться не за счет собственных доходов (налоговых и неналоговых), а за счет долей налогов (ст. 58 Бюджетного кодекса Российской Федерации) и межбюджетных трансфертов, передаваемых из бюджетов вышестоящего уровня.

Таким образом, усиливается роль межбюджетного регулирования в формировании доходов региональных и местных бюджетов и повышается значение используемых при этом механизмов и инструментов.

3. Эффективность межбюджетного регулирования

Межбюджетное регулирование является важным элементом финансовой, в том числе бюджетной политики и возрастание его роли в единой системе публичной власти в Российской Федерации приобретает многоплановый характер.

Этот характер основан на установлении особенностей МБО, механизмов и инструментов межбюджетного регулирования в России, определении эффективности межбюджетного регулирования, в значительной степени зависящего от системы организации управления, а также применяемых бюджетно-налоговых и кредитных инструментов.

Актуальна также результативность использования в России каждого из основных инструментов межбюджетного регулирования (МБТ, регулирующие налоги, бюджетные кредиты), определенная на основе анализа бюджетно-налогового законодательства и статистических данных.

Методика оценки результативности использования в России каждого из основных инструментов межбюджетного регулирования включает использование показателей экономической эффективности – сопоставление финансовых затрат и ожидаемых результатов по определенным количественным и качественным показателям, установленным индикаторам. Например, сопоставление динамики объема МБТ и изменения числа дотационных регионов.

В России после принятия поправок в Конституцию в 2020 году и соответствующего федерального законодательства механизмы, влияющие на усиление финансовой централизации, усилились и обозначили траекторию снижения налогового потенциала территорий. Тем более, что эта модель межбюджетных отношений характеризуются значительной ролью межбюджетных трансфертов из вышестоящих бюджетов в нижестоящие для вертикального и горизонтального выравнивания бюджетной обеспеченности регионов и муниципалитетов.

Однако этого не достаточно и эффективность межбюджетного регулирования в значительной степени зависит от системы организации управления, а также применяемых бюджетно-налоговых и кредитных инструментов.

В современной России среди них важно назвать следующие инструменты:

1. Влияние изменения норм Конституции России и законодательства о публичной власти на регионы и муниципалитеты
2. Выделение кредитов из федерального бюджета для снижения долговой нагрузки регионов и муниципалитетов
3. Предоставление различных видов межбюджетных трансфертов и совершенствование их структуры
4. Налоговое регулирование, включающее расщепление федеральных и региональных налогов для пополнения доходов субфедеральных бюджетов, усиление налоговой автономии муниципалитетов, повышение налогового потенциала территорий
6. Пространственное развитие, предполагающее сокращение межрегиональной дифференциации в качестве жизни населения, увеличение числа точек экономического роста
7. Цифровизация отраслей экономики и территорий.

В настоящей статье рассматриваются только 5 первых из предлагаемых инструментов межбюджетного регулирования.

Реализация каждого из них требует применения комплекса других инструментов. Определение эффективности действия как отдельных механизмов и инструментов межбюджетного регулирования, так и их сочетания необходимо для достижения поставленной в статье цели.

Для этого важно использовать, в частности, метод сравнительного анализа применяемых инструментов межбюджетного регулирования в России и некоторых развитых странах.

Таблица 1

Инструменты межбюджетного регулирования в России и некоторых развитых странах

Инструменты межбюджетного регулирования	Россия	США	Германия	Канада	Франция
Межбюджетные трансферты	+	+	+	+	+
	В т.ч. единая субвенция		целевая субсидия		Субсидии и дотации
Бюджетные кредиты	+	+			
Регулирующие налоги	+	+	+		
			НДС		
Целевые гранты		+			
Финансирование программ	+			+	
Обеспечение минимальных национальных стандартов				+	
рассчитываются показатели налогового потенциала и налоговая нагрузка.	+				+

Примечание: составлено автором на основании законодательства России и информации о МБО в зарубежных странах.

Как видно из табл. 1 в России используется больше всего инструментов межбюджетного регулирования. Однако это не говорит о необходимости и достаточности всех применяемых механизмов. Важно определить их эффективность: сравнить объем затрачиваемых средств с результатами их применения. В 2020 году, по данным Казначейства России, дефицитным оказался каждый второй регион. Превышение расходов над доходами консолидированных бюджетов субъектов РФ составило 676,6 млрд рублей, что стало рекордом с 2006 года.

Число дотационных регионов в 2022 году снизится с 72 до 62, за счет увеличения объема МБТ. Предусмотрено федеральным законом о федеральном бюджете на 2022–2024 годы предоставление межбюджетных трансфертов в

2022 году в объеме 3201 млрд рублей (+5% к объему, предусмотренному на 2021 год Законом о бюджете на 2021–2023 годы), в 2023 году – 3337 млрд рублей (+4% к 2022 году), в 2024 году – 3387 млрд рублей (+1% к 2023 году). По отношению к объему ВВП соответствующего года их доля составит в 2022 году – 0,8%, в 2023 и 2024 годах – 0,7 процента.

Однако только рост объема МБТ нельзя считать необходимым и достаточным условием повышения результативности финансовой помощи. Важна структура МБТ и ее динамика.

Дотации бюджетам субъектов Российской Федерации на выравнивание бюджетной обеспеченности предназначены для обеспечения равных возможностей регионов по реализации конституционных прав граждан и предоставлению на территории Российской Федерации государственных и муниципальных услуг, относящихся к полномочиям субъектов РФ.

В целях повышения эффективности выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, сокращения различий в уровнях бюджетной обеспеченности регионов в соответствии с нормами статьи 131 Бюджетного кодекса Российской Федерации предусмотрено увеличение общего объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов:

- в 2022 году до 759 млрд руб. – на 5,6% по сравнению с 2021 годом;
- в 2023 году – 771 млрд руб., что на 1,7% выше 2022 года;
- в 2024 году – 791 млрд руб., что на 2,5% выше 2023 года.

Таблица 2

Структура МБТ и ее динамика в 2022–2024 годы

Межбюджетные трансферты (МБТ)		2022 г.		2023 г.		2024 г.	
		тыс. руб.	% от объема МБТ	тыс. руб.	% от объема МБТ	тыс. руб.	% от объема МБТ
1	Дотации бюджетам субъектов, в т.ч.	957 375 503,7	29,7	970 554 600,1	29,0	990 110 209,0	29,7
	<i>Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности</i>	758 580 846,2	23,5	771 341 575,4	23,0	790 897 184,3	23,7
	<i>Дотации в целях обеспечения сбалансированности</i>	31 182 850,3	1,0	34 598 618,5	1,0	35 896 362,5	1,1
2	Субсидии бюджетам субъектов	1 398 886 336,0	43,3	1 534 075 806,3	45,8	1 684 305 758,6	50,5
3	Субвенции бюджетам субъектов, в т.ч.	451 223 440,2	14,0	465 998 488,0	13,9	552 144 546,8	16,6
	<i>Единая субвенция</i>	11 116 146,4	0,3	11 527 921,7	0,3	11 939 697,0	0,4
4	Иные межбюджетные трансферты бюджетам субъектов	421 159 921,2	13,0	381 454 162,0	11,4	109 052 533,2	3,3
5	Всего объем МБТ	3 228 645 201,1	100	3 352 083 056,4	100	3 335 613 047,6	100

Источник: составлено автором на основе данных Федерального закона от 06.12. 2021 № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годы».

Как видно из табл. 2, доля дотаций бюджетам субъектам РФ в общем объеме МБТ меняется незначительно – немногим более 29 %. При этом остается практически постоянной доля дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов (порядка 23%), что свидетельствует о недостаточной их эффективности для уменьшения числа дотационных регионов.

При этом высока вероятность значительного превышения роста инфляции по сравнению с темпами роста объема дотаций, что обусловлено высоким уровнем фактической инфляции. В 2021г. ее рост составил более 9%, что значительно выше запланированного индекса (4,0–4,5%) за год. ЦБ опубликовал новый прогноз по инфляции: в 2022 году цены вырастут на 18–23%, в 2023-м – на 5–7%. К целевому показателю в 4% инфляция должна вернуться в 2024 году, полагают в ЦБ. Это обесценивает результативность всех видов финансовой помощи регионам.

Вместе с тем значительно вырастет с 2022 по 2024 год доля субсидий – с 43,3 до 50,5% и субвенций субъектам РФ – с 14,0 до 16,6% к общему объему МБТ. В частности на реализацию региональных проектов «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» бюджетные ассигнования предусмотрены в 2022 году в объеме 6875,9 млн рублей, в 2023 году в объеме 4822,1 млн рублей, в 2024 году в объеме 5309,4 млн рублей (национальный проект «Здравоохранение»).

Субсидии (целевые трансферты) и субвенции предоставляются регионам на реализацию госпрограмм, направленных на развитие, трансформацию экономики и социальной сферы, что повышает эффективность данных видов трансфертов и требует роста их объема и увеличения доли в общем объеме МБТ.

Увеличение объема и доли субвенций субъектам РФ связано также с уточнением численности получателей набора социальных услуг, предоставляемых различным категориям граждан, и ежегодной индексацией норматива финансовых затрат.

Совершенствование межбюджетных отношений в современных условиях носит дифференцированный характер. Оно устанавливается Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на соответствующий финансовый год и плановый период 2 года. Если в 2020–2022 гг. в сфере межбюджетных трансфертов решались такие задачи, как совершенствование подходов к выравниванию субъектов Российской Федерации по уровню бюджетной обеспеченности, в том числе с учетом изменения с 2022 г. критериев при распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, то в период 2022–2024 годов приобрела актуальность проблема реструктуризации кредитов, предоставляемых регионам из федерального бюджета.

4. Выделение кредитов из федерального бюджета

Выделение кредитов из федерального бюджета для снижения долговой нагрузки регионов и муниципалитетов – инструмент межбюджетного регулирования. Этот инструмент достаточно специфичен, в развитых странах он применяется не так часто как в России из-за предоставления коммерческих кредитов и, возможно, достаточного использования других инструментов межбюджетного регулирования. В России актуальность его применения обусловлена ростом долговой нагрузки регионов и муниципалитетов.

Анализ структуры регионального долга на 1 мая 2021 года показывает сохраняющуюся значительную долю коммерческих кредитов (487,8 млрд руб. или 20%) по сравнению с долей бюджетных кредитов (1121,9 млрд руб. или 46%) от общей суммы долговых обязательств регионов (2,439 трлн руб.).

Очевидна проблема снижения объема и доли «дорогих» коммерческих кредитов (их ставка составляет двузначные цифры по сравнению со ставкой 3% годовых для бюджетных кредитов) в сумме долговых обязательств регионов, особенно для дотационных регионов и муниципалитетов.

При этом объем муниципального долга – 364 млрд руб. особенно заметен в регионах с низкой долговой устойчивостью – Мордовии, Орловской и Псковской областях.

Рассмотрим эффективность применения бюджетных кредитов из федерального бюджета и их целевого использования в регионах. Общий долг регионов за 2020 г. вырос на 18% и достиг более чем 2,4 трлн руб. на 1 мая 2021 года.

В 2017 году было 14 регионов, у которых долг превышал собственные (налоговые и неналоговые) доходы бюджета, в 2018 году их число снизилось до 7, а в 2019 году осталось 2 таких региона – Мордовия и Хакасия.

Между тем максимальный объем долга у Московской и Свердловской областей, у Краснодарского края и Татарстана. Однако важен не только объем долга, но и возможность его обслуживания. Так, у Москвы долг – 65 млрд руб., а у Ингушетии меньше 3 млрд руб., но несоизмеримы величины их бюджетов. При этом высокий дефицит бюджета региона не позволяет обслуживать его долг, что повышает возможность дефолта.

Таким образом, мерами по реструктуризации бюджетных кредитов, в том числе для уменьшения числа регионов с высокой долговой нагрузкой и невозможностью ее обслуживать, могут служить:

- уменьшение ставки ниже 3% годовых, как в настоящее время для инфраструктурных проектов (или обнуление ставки), бюджетного кредита;
- списание кредитов за счет увеличения налоговых поступлений от реализации новых инвестиционных проектов в федеральный бюджет;
- предоставление бюджетных кредитов на замещение рыночных заимствований регионов и муниципальных образований с длительным сроком погашения (до 2030–2035 годов);
- доведение доли консолидированной задолженности по рыночным заимствованиям до 25–30% объема налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов за 2021 (2022) год.

Мерой повышения эффективности бюджетных кредитов может служить селективный отбор успешных регионов для предоставления им. бюджетных кредитов на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов с низким сроком окупаемости. Этот показатель является основным для определения экономической эффективности капложений.

Например, в 2021 году Минфин распределил лимиты по бюджетным кредитам на реализацию инфраструктурных проектов регионам на общую сумму 500 млрд рублей на 15 лет по ставке 3% годовых. При этом больше всего средств предназначено Москве и Подмосковию в связи с лучшей окупаемостью проектов в этих развитых регионах.

5. Использование регулирующих налогов

Механизм межбюджетного регулирования предусматривает также использование регулирующих налогов – распределение величины налоговых поступлений по определенным федеральным налогам по установленным Бюджетным кодексом РФ нормативам между федеральным и региональными бюджетами, а также по региональным налогам между региональным и местными бюджетами, которые могут быть заменены на межбюджетные трансферты.

Механизм межбюджетного налогового регулирования реализуется также путем введения новых налогов, применения налоговых льгот. Он гибок и пересматривается ежегодно при принятии федерального закона о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период два года.

Эффективность льгот по налогам может измеряться снижением налоговых расходов бюджетов, в том числе региональных и местных. При этом необходима оценка эффективности налоговых льгот, являющихся инструментом социально-экономического развития. Основным условием их предоставления служит проведение анализа планируемой и фактической их эффективности, основанного на оценке возможного увеличения доходов бюджета при актуализации налоговых льгот и решения приоритетных экономических и социальных задач. Не менее важной проблемой является контроль за выпадающими доходами бюджетов бюджетной системы, обусловленными применением налоговых льгот и иных инструментов (преференций) межбюджетного регулирования.

Трудности в решении проблемы компенсации выпадающих доходов местных бюджетов обусловлены, в частности, тем, что установление в антикризисном плане правительства в 2020 году в связи с пандемией коронавируса и продление налоговых льгот для предпринимателей в сфере малого и среднего бизнеса ведут к снижению поступлений от специальных налоговых режимов (упрощенная система налогообложения, патентная система, единый сельхозналог) в местные бюджеты.

Рассмотрим ряд примеров. Предоставление заключившим соглашение о защите и поощрении капиталовложений налогоплательщикам, включенным в реестр участников РИП и реализующим особо крупные инвестиционные проекты, «стабилизационной оговорки» в части неизменности пониженных налоговых ставок по налогу на добычу полезных ископаемых, установленных для участников РИП.

Однако по отношению к размеру консолидированного бюджета субъектов Федерации (2018 год – 10 трлн руб.) ежегодная прибавка к его доходам составила от 0,6 до 0,8%.

Более значимой мерой является планируемое доведение к 2024 г. доли бюджетов субъектов Российской Федерации в распределении доходов от уплаты акцизов на нефтепродукты до 100% и соответствующего снижения доли зачисления указанных доходов в федеральный бюджет.

Для этого могут быть закреплены следующие временные (до 2024 г.) значения нормативов зачисления указанных доходов в бюджеты субъектов Федерации:

- в 2020 г. – 66,6%;
- в 2021 г. – 74,9%;
- в 2022 г. – 83,3%;
- в 2023 г. – 91,6%;
- в 2024 г. – 100%.

Одним из основных регулирующих федеральных налогов является налог на прибыль организаций, поступления от него по ставке 20%, делятся следующим образом:

- с 2017 до 2024 год – 17% в региональные бюджеты, 3% – в федеральный бюджет;
- до этого периода и после него – 18% в региональные бюджеты, 2% – в федеральный бюджет.

По решению властей субъекта Федерации для отдельных организаций ставка может быть понижена до 12,5% (после 2024 года – до 13,5%)

Применение мобильного механизма разделенной налоговой ставки налога на прибыль организаций позволяет за счет централизации части ставки в федеральном бюджете увеличивать объем трансфертов в регионы и, наоборот, за счет децентрализации в региональных бюджетах части ставки повышать возможность регионов для предоставления льгот по налогу на прибыль организациям.

Так, объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов в 2018–2020 гг. был увеличен в связи с приростом 1% налога на прибыль, централизованного в федеральный бюджет, и составил в 2018 г. 645 144,3 млн руб., в 2019 г. – 648 244,3 млн руб. в 2020 г. – 653 744,3 млн руб.

В мае 2022 г. Минфин предложил изменить распределение налога на прибыль по регионам, исключить фонд оплаты труда из формулы, используемой для распределения по регионам налога на прибыль компаний с филиалами. От этой меры могут выиграть регионы, где расположено производство, а зарплаты невысоки. Это обеспечит более справедливое зачисление налога в региональные бюджеты.

По данным ФНС, в 2021 году в региональном разрезе абсолютным лидером по сборам налога на прибыль организаций (без учета консолидированных групп налогоплательщиков) стала Москва. В бюджет столицы поступило 977 млрд руб., что составляет более 26% всего объема налога на прибыль организаций, перечисленного в российские регионы.

В рамках действующего налогового законодательства сумма налога на прибыль преимущественно уплачивается в бюджеты тех субъектов России, где создано большее число рабочих мест, и находится основная часть производственной базы, поэтому существующий механизм экономически оправдан. Но уровень заработной платы в субъектах РФ может значительно отличаться.

В связи с этим Минфин для справедливого распределения налога на прибыль предлагает распределять его исходя из численности работающих и стоимости основных фондов, исключив возможность использования показателя фонда оплаты труда.

Раевский С.В.

д.э.н., профессор, ИБДА РАНХиГС при Президенте РФ

Ромашин А.А.

генеральный директор Агентства недвижимости «Мэншен»

МЕХАНИЗМЫ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИЗНЕСА И ОРГАНОВ ВЛАСТИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: бизнес-структуры, модели взаимодействия властных и бизнес-структур, принципы взаимодействия, партнерские взаимоотношения, государственно-частное партнерство, проектное управление.

Keywords: business structures, models of interaction between government and business structures, principles of interaction, partnerships, public-private partnerships, project management.

В современных условиях крупные бизнес-структуры оказываются в роли факторов существенного влияния на социально-экономическое развитие региона. Эффективность такого влияния и его интенсивность находится в тесной зависимости от действующей в регионе модели взаимодействия бизнеса и региональных органов власти в лице чиновников и политиков разного уровня.

Зарубежная экономика различает несколько моделей координации между органами власти и бизнес-структурами, которым присущи особые черты, сформировавшиеся в различных условиях хозяйствования. Причины данных различий – сложившийся в течение времени подход к характеру взаимоотношений бизнеса и властных структур; особенности решения разных конфликтных ситуаций; традиции политической культуры; структура распределения в государстве ресурсов различного рода.

Соотношением названных характеристик можно объяснить формирование разных способов взаимодействия региональных властных структур и бизнес-структур региона и смысловое наполнение понятия «модель взаимодействия», если к этому подходить укрупненно, принимая во внимание, прежде всего, зрелость экономических отношений субъектов данной территории и развитость институциональных факторов (табл. 1).

Более углубленный анализ моделей зарубежного опыта, описанных Р. Гайнутдиновым, Т. Бутовой, А. Дунаевой и другими, позволяет сделать вывод, что в современной зарубежной практике можно найти модели, для которых характерен рост эффективности взаимодействия бизнеса с государственной властью и появление нетривиальных подходов, что находит практическое выражение в передаче бизнесу доли государственных функций регулирования (аттестация предприятий и организаций, лицензирование, сертификация, подготовка кадров и т.д.). Считаем, что этот опыт приемлем и для условий хозяйствования российского бизнеса. В данном контексте для решения проблем недостатка информации бизнес-структурам предлагается широкий доступ к правовым информационным системам и информационным Интернет-ресурсам, формирование информационных центров с базами данных актуальной для бизнеса информации.

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей взаимодействия бизнес-структур и региональных органов власти

Модели взаимодействия			
Идеальная модель	Национальная модель	Нормативная модель	Реальная модель
Характеризуется взаимодействием региональных органов власти и бизнеса в идеальных условиях развитого рынка.	Характеризуется взаимодействием бизнеса и властных государственных структур в модели рыночной экономики.	Характеризуется взаимодействием региональных органов власти и бизнес-структур, установившимся на базе имеющихся формальных правил, практики и норм их выполнения.	Характерна взаимодействием региональных органов власти и бизнес-структур, установившимся на отдельной территории, в рамках формальных нормам и правил и опыта их использования.

Составлено по: Гайнутдинов Р.И. Модели взаимодействия бизнеса и государства в глобализирующемся мире: сравнительный анализ // Проблемы современной экономики. 2006. – № 1/2. – С. 17–18; Бутова Т.В. Анализ моделей взаимодействия власти и бизнеса в зарубежных странах / Т.В. Бутова, А.И. Дунаева и др. // Науковедение. 2014. – Вып. 2. – <https://cyberleninka.ru/.../analiz-modeley-vzaimodeystviya-vlasti-i-biznesa-v-zarubezhnyh-stranah>

Необходимо признать, что на практике ни одна из анализируемых моделей не встречается в «чистом» виде, поскольку чаще всего действует сочетание двух или даже нескольких видов. Это явление стирает яркие черты и характеристики моделей и приводит к появлению новых свойств.

Анализ приводит к заключению, что наиболее приоритетными моделями взаимодействия корпоративных структур и региональных органов власти являются такие, которые, с одной стороны, приводят к росту эффективности бизнеса, а с другой – к усилению конкурентных позиций региона. В целом конкурентные процессы приводят к росту

эффективности хозяйствования в регионе, и немаловажная роль в этом принадлежит росту внимания бизнеса к инновационным преобразованиям, вызванному конкуренцией. Необходимо отметить и существенно важную современную тенденцию, которая заключается в переходе конкурентных приоритетов от ценовых к неценовым факторам как во внутренней корпоративной деятельности, так и во внешних аспектах политики корпоративных структур, что получило название «социальной ответственности бизнеса» или «корпоративной социальной ответственности».

Развитие отношений региональной конкуренции по итогам взаимодействия властных структур с корпоративными структурами неизбежно включает мероприятия, ориентированные на структурные преобразования и создание условий, способствующих повышению эффективности производства и реализации продукции на рынках. Кроме этих чисто производственных эффектов в числе положительных итогов развития конкурентных процессов в регионе, происходящих в результате описываемых взаимодействий, необходимо отметить следующие:

– внедрение инновационных технологий и рост качества продукции в целях роста уровня спроса и создания оптимального соотношения цена – качество;

– оптимизация и насыщение ассортиментного ряда в целях создания функционально новых для потребителя видов продукции и последующего роста прибыли;

– расширение прежних рынков сбыта и завоевание новых с целью получения возможности для дальнейшего роста объемов производства, сохранения существующей ценовой политики, снижения издержек, обеспечения необходимой насыщенности рынка для достижения и сохранения оптимального баланса предложения и спроса;

– рост числа производителей товаров и услуг для обеспечения широкого выбора для потребителей и др.

Развитие мировой экономики влечет за собой процессы перехода конкуренции в интернациональную фазу. Компании, конкурирующие между собой, неизбежно начинают действовать в границах глобальных стратегий, размещая производственные мощности, закупая сырье и продавая готовую продукцию в большом количестве стран и регионов. Финансовые ресурсы также глобально перетекают между странами, при этом их подавляющая часть стремится в регионы с высокой инвестиционной привлекательностью и высоким кредитом доверия в контексте политической стабильности.

В условиях глобальной конкуренции на международных рынках соперничают и национальные капиталы государств. Это обстоятельство вызвало к жизни такую специфическую категорию, как «национальная конкурентоспособность», определяющая степень успешности капиталов одних государств в соперничестве с капиталами других. Такой подход достаточно быстро трансформировался в конкуренцию субъектов мирового рынка, не имеющих привязки к определенной стране, то есть между транснациональными корпорациями (ТНК). Аналогичные тенденции прослеживаются и на более низких уровнях, в частности, на региональном. Выбор наиболее целесообразных моделей взаимодействия властных органов с региональными бизнес-структурами должен способствовать решению задач по повышению конкурентоспособности региона в складывающихся условиях.

Из всех видов моделей взаимодействия бизнес-структур и власти для регионов России должны быть наиболее приемлемы модели, основанные на партнерских взаимоотношениях. Современный этап развития региональных образований уже показал особую популярность такой формы взаимодействия бизнес-структур и властных органов. Это государственно-частное партнерство (ГЧП), в основе которого лежат принципы проектного управления (ПУ). Механизмы проектного управления в последнее время активно внедряются на федеральном уровне с включением их в Государственные программы по развитию территориальных образований РФ (протокол заседания Президиума Совета при Президенте РФ по приоритетным проектам и стратегическому развитию, № 3 от 22.03.2017 г.).

Обеспечить перевод государственных программ на принципы ПУ призваны Правила по разработке, реализации и оценке эффективности государственных программ, подготовленные Минэкономразвития и утвержденные постановлением Правительства РФ № 1242 от 12.10.2017 г.¹ Кроме того, Правительством РФ выпущено постановление № 1243 от 12.10.2017 г.², которым утверждаются правила интеграции отдельных мероприятий ряда федеральных целевых программ (ФЦП) в так называемые «пилотные» госпрограммы по обеспечению граждан РФ комфортным и доступным жильем и коммунальными услугами³; по развитию образования⁴; здравоохранения⁵; развитию транспортной системы⁶; сельского хозяйства⁷ и их переводе на проектное управление.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 12.10.2017 № 1242 «О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ Российской Федерации (с изменениями на 23 февраля 2018 года). – <http://docs.cntd.ru/document/436792240>

² Постановление Правительства Российской Федерации от 12.10.2017 № 1243 «О реализации мероприятий федеральных целевых программ, интегрируемых в отдельные государственные программы Российской Федерации». – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710200016>

³ Государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». – <http://government.ru/programs/204/events/>

⁴ Государственная программа «Развитие образования». – <http://docs.cntd.ru/document/499091784>

⁵ Государственная программа «Развитие здравоохранения». – <http://government.ru/programs/201/events/>

⁶ О переводе государственной программы «Развитие транспортной системы» на проектное управление: Постановление от 20 декабря 2017 года №1596. – <http://government.ru/docs/3072/>

⁷ О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы (с изменениями на 31 июля 2018 года). – <http://docs.cntd.ru/document/902361843>

Смысл проектного управления состоит в достижении цели данного проекта при эффективном использовании имеющихся ресурсов (труд, время, деньги, материалы)¹. Для реализации какого-либо проекта применяются разные нормативные документы, например:

- ISO 10006:2003, Quality management systems – Guidelines for quality management in projects, в РФ – ГОСТ Р ИСО 10006–2005, стандартизирующий системы менеджмента качества при проектировании²;
- ISO 21500:2012, Guidance on project management, в РФ – ГОСТ Р ИСО 21500–2014³.

Ряд национальных стандартов с широкой географией применения:

- ANSI PMI PMBOK 5th Edition – A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK Guide);
- ISEB Project Management Syllabus;
- Oracle Application Implementation Method (AIM);
- PRINCE2 (PRojects IN a Controlled Environment).

Существуют также российские стандарты УП:

- ГОСТ Р 54870–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов»;
- ГОСТ Р 54869–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом»;
- ГОСТ Р 54871–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению программой».

Проектный подход был впервые внедрен на территории Белгородской области⁴. Информация о внедрении системы УП в деятельности государственных органов власти Белгородской области позволяет говорить о том, что это позволило существенно увеличить результативность плановых работ по проектам и существенно снизить сроки их реализации (на 20–50%)⁵.

В ряде регионов, таких как Приморский край, Ярославская, Томская, Пензенская, Ульяновская области также успешно реализуются проекты системы УП. В Приморском крае действует «Проектный кодекс Приморского края», содержащий проектную терминологию, набор критериев по отнесению деятельности к проектной, формы управления проектом, формы и виды проектной документации⁶. В документах, которыми регламентируются вопросы введения УП и разработанных в Пензенской области⁷, кроме элементов, содержащихся в «Проектном кодексе Приморского края», глубоко проработано организационное сопровождение, администрирование и мониторинг⁸.

На региональном уровне УП активно внедряется при участии органов региональной власти и корпоративных структур.

Необходимо отметить, что в проектном управлении чрезвычайную важность имеет первоначальная экспертиза, которая должна показать эффективность, либо излишнюю затратность такого подхода для конкретного проекта. Как правило, неэффективно использовать методологию УП при решении мелких задач, применять проектное управление ради новизны самого подхода.

Процесс взаимодействия бизнес-структур и региональных органов власти должен подчиняться следующим принципам:

- Последовательность, которая обуславливает поэтапную реализацию СПУ.
- Ориентация на конечные результаты, среди которых необходимо выделить полезность и практическую применимость.
- вспомогательные процессы должны разрабатываться с использованием аутсорсинга.
- Ориентация на постепенное усложнение УП.
- Использование «обратной связи»: выявление ошибочных решений с целью их корректировки.
- Реализация синергетического эффекта в процессе УП.

¹ Ефремов В.С. Проектное управление: модели и методы принятия решений // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. – № 6. – С. 25–37

² ГОСТ Р ИСО 10006-2005 Системы менеджмента качества. Руководство по менеджменту качества при проектировании. – <http://docs.cntd.ru/document/1200041195>

³ ГОСТ Р ИСО 21500-2014 Руководство по проектному менеджменту. – <http://docs.cntd.ru/document/1200118020>

⁴ Постановление Правительства Белгородской области от 31 мая 2010 г. № 202пп «Об утверждении положения об управлении проектами в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области» (в ред. постановлений правительства Белгородской области от 30.10.2010 № 369-пп, от 25.04.2011 № 155-пп, от 05.12.2011 № 447-пп). – <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1146767>

⁵ Тлисов А.Б. Внедрение проектного управления в деятельность органов власти региона как механизм повышения его инвестиционной привлекательности / А.Б. Тлисов, Н.Н. Киселева // Управленческое консультирование. – СПб., 2016. – № 12. – С. 49–54.

⁶ Балашов А.В., Холодов В.А., Мироненко Н.В., Борисов А.С. Нормативно-правовое регулирование внедрения проектного управления в сфере государственного управления: региональный аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. – Т. 11. – № 4. – С. 117–126.

⁷ Распоряжение Правительства Пензенской области от 17.02.2014 № 71-рп «Об утверждении рабочей группы “Проектный офис по внедрению проектного управления в исполнительных органах государственной власти Пензенской области”». – <http://base.consultant.ru>; Распоряжение Правительства Пензенской области от 20.08.2014 № 437-рп «О внедрении проектного управления в деятельность исполнительных органов государственной власти Пензенской области». – <http://base.consultant.ru>; План мероприятий по внедрению проектного управления в исполнительных органах государственной власти Пензенской области на 2015 г. от 31.12.2014. – <http://mineconomic.pnzreg.ru>

⁸ Сафонова О.Н. Внедрение проектного управления в исполнительных органах государственной власти как механизм эффективного управления ресурсами / О.Н. Сафонова, Е.А. Анчихров // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2015. – № 2(14). – С. 58–67.

- Ориентация на адаптацию системы к внешним и внутренним возмущениям, а также на унификацию применяемых решений.

Можно назвать основные и неоспоримые достоинства проектного подхода при реализации проектных решений, выполняемых при партнерском взаимодействии корпоративных структур и региональной власти:

- рост ценности человеческого капитала, занятого в реализации проекта, как следствие наличия в системе ПУ специальных программ мотиваций, обучения, повышения компетенций; повышение эффективности и качества работы персонала в целом;

- существенное снижение рисков нарушения плановых показателей (финансовых, временных, материальных, других видов ресурсов) и соблюдения баланса между ресурсами в процессе реализации проекта вследствие наличия в системе ПУ необходимых структур – комитетов по планированию, систем внутрипроектного менеджмента и др.;

- возможность быстро корректировать цели, задачи и при необходимости тактику проекта, благодаря предусмотренным в структуре ПУ координирующим органам и экспертным подразделениям;

- слаженность во взаимодействии участников двух заинтересованных сторон проекта – корпоративных структур, с одной стороны, и региональных органов власти, с другой, как результата методологически продуманной структуры ПУ и согласованности действий всех участников проекта;

- возникновение эффектов резонанса, или синергии, вызываемых достижением паритета между корпоративными структурами и региональной властью и их слаженной деятельностью;

- наконец, возможность существенного увеличения результативности плановых работ по проектам и также существенного снижения сроков их реализации.

Рисин И.Е.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления, Воронежский государственный университет

Чичерина А.С.

к.э.н., преподаватель, Воронежский государственный университет

ЗАДАЧИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВОГО, МЕТОДИЧЕСКОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗРАБОТКИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Ключевые слова: муниципальная стратегия, разработка, совершенствование, задачи, кадровое, методическое, организационное, обеспечение.

Keywords: municipal strategy, development, improvement, tasks, personnel, methodological, organizational, support.

Опубликованные в последнее время результаты исследований, посвященных анализу современной российской практики стратегического территориального планирования¹, фокусируют внимание в основном на ее слабых сторонах. Их выявление и содержательная характеристика являются важным, но недостаточным условием продуктивного совершенствования названной практики.

По нашему мнению, необходимой является постановка актуальных задач совершенствования практики разработки муниципальных стратегий, решение которых способно повысить их качество.

Полагаем в этой связи целесообразным воспользоваться полученными нами ранее оценками экспертов², определивших факторы, в наибольшей степени влияющие на качество муниципальных стратегий.

В числе таких факторов: дефицит профессионально подготовленных кадров, способных осуществить успешную разработку муниципальных стратегий; организационная и информационная необеспеченность органами публичной власти активного участия бизнес-сообщества и домохозяйств в определении приоритетных направлений, целей и задач муниципального развития, инструментов управления развитием муниципальных образований; отсутствие разработанных региональными органами власти нормативных документов, содержащих методические подходы к решению основных задач разработки муниципальных стратегий; отсутствие разработанных и апробированных на практике методик эффективного решения основных задач разработки муниципальных стратегий³.

Учет названных факторов позволяет осуществить постановку ряда ключевых задач совершенствования практики разработки муниципальных стратегий и дать их содержательную характеристику.

1. Формирование системы кадрового обеспечения разработки документов стратегического публичного планирования. Повышенная значимость названной задачи подтверждена в Основах государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации⁴.

В оценке масштабов деятельности такой системы следует учесть ряд обстоятельств. Первое – общее число муниципальных образований превышает 20 тысяч. Даже, если учесть, что в реальной практике задача разработки стратегий адресована, преимущественно, городским округам и муниципальным районам, то и их число выглядит достаточно внушительным (более 2300). Второе – установленный ныне «шаг» стратегического планирования (6 лет) определяет потребность в среднесрочной перспективе осуществить корректировку или актуализацию уже разработанных и реализуемых ныне муниципальных стратегий.

Характеризуя такую систему, обратим внимание на следующие моменты:

– подготовку кадров специалистов, владеющих компетенциями в сфере стратегического публичного планирования, целесообразно осуществлять по магистерским программам направлений «Государственное и муниципальное управление» и «Менеджмент». Позитивным моментом явилось бы включение в образовательные программы бакалав-

¹ Елохов А.М. Оценка соответствия проблем и целей в стратегиях развития российских мегаполисов // Journal of Economy and Business. 2021. – № 4-1 (74). – С. 148–151; Колесов А.С. О проблемах и путях разработки стратегии социально-экономического и финансового развития муниципальных образований / А.С. Колесов, С.В. Шабаева // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. – С. 40–45; Рисин И.Е. Оценка современной практики разработки стратегий социально-экономического развития крупных городов / И.Е. Рисин, А.С. Чичерина // Региональная экономика. Юг России. 2021. – Т. 9, №2. – С. 13–21 и др.

² Состав экспертов включал представителей научного сообщества Воронежа, Краснодара, Курска, имеющих опыт разработки документов стратегического территориального планирования.

³ Рисин И.Е. Факторы, влияющие на качество муниципальных стратегий / И.Е. Рисин, А.С. Чичерина // Регион: Системы. Экономика. Управление. 2021. – № 1. – С. 32–37.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 8.11.2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244>

риата названных направлений дисциплин, предусматривающих «старт» освоения обучаемыми ряда компетенций в сфере стратегического публичного планирования;

– поскольку подготовка специалистов в сфере стратегического публичного планирования займет не менее 6 лет, необходимо в оперативном режиме «запустить» в системе дополнительного профессионального образования переподготовку муниципальных служащих, а также представителей научного и экспертного сообществ с целью формирования и развития у них профессиональных компетенций в сфере стратегического публичного планирования;

– востребована организация всероссийского конкурса на подготовку учебных изданий, необходимых в подготовке и переподготовке кадров, владеющих компетенциями в сфере стратегического публичного планирования;

– неотъемлемым элементом позиционируемой системы является стажировка кадров органов местного самоуправления в сфере стратегического публичного планирования. Ее базами могут стать, во-первых, действующие научные центры (международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр», Центр стратегических разработок Северо-Запад и др.) и признанные научные школы в области стратегического территориального планирования (например, Кубанская школа развития местных сообществ), во-вторых, муниципалитеты, отличающиеся развитой практикой стратегического территориального планирования.

2. Дополнение имеющейся методической базы, используемой в разработке муниципальных стратегий, новыми элементами. В их числе:

– единообразные и четкие критерии оценки качества стратегий территориального развития, устанавливаемые федеральными органами государственной власти Российской Федерации;

– установленный органами государственной власти субъектов Российской Федерации инвариантный состав ключевых задач разработки муниципальных стратегий;

– апробированные на практике процедуры и алгоритмы эффективного решения ключевых задач разработки стратегий (оценки достигнутых целей социально-экономического муниципального образования, определения его конкурентных преимуществ, выбора механизма реализации стратегии, оценки финансовых ресурсов, необходимых для ее реализации и др.).

3. Совершенствование организационного обеспечения процесса разработки муниципальных стратегий. Решение поставленной задачи связывается с разработкой и апробацией механизма, обеспечивающего активное участие стейкхолдеров в разработке муниципальных стратегий. Он призван учесть, во-первых, состав стейкхолдеров, включающий региональные органы государственной власти и местного самоуправления, бизнес, действующий на территории муниципального образования, домохозяйства; во-вторых, наличие существенных различий между названными группами стейкхолдеров в составе реализуемых ими интересов; в-третьих, реальные организационные, информационные и творческие возможности, которыми они располагают.

Такой механизм, если принять во внимание достижения передовой российской и зарубежной практики¹, должен отличаться высоким уровнем разнообразия инструментария, включающего в том числе: «круглые столы», проводимые в формате общественного обсуждения, тематические дискуссии в режиме онлайн, проектные семинары, опросы жителей, анкетирование представителей бизнеса, интерактивный веб-сайт для сбора предложений по базовым компонентам стратегии, тренинг-конференции, тематические совещания в формате организационно-деятельностных игр, общение с должностными лицами регионального и местного публичного управления (чат), краудсорсинговая онлайн-платформа для распространения информации о процессе стратегического планирования, внесения предложений жителями и получения обратной связи от рабочих групп, аккаунты в социальных сетях, посвященные разработке стратегии, мобильное приложение для участия широких слоев населения в разработке стратегии и др.

¹ Чичерина А.С. Достижения зарубежной практики стратегического планирования городского развития // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2017. – № 9. – С. 47–51; Чичерина А.С. Сильные и слабые стороны практики разработки муниципальных стратегий // Актуальные проблемы региональной экономики и территориального управления: сборник статей. – Вып. 30. – Воронеж, 2020. – С. 90–92; Рисин И.Е. Разработка стратегии социально-экономического развития крупного города: теория и практика / И.Е. Рисин, А.С. Чичерина. – Воронеж: Истоки, 2022. – 156 с.

Рожковская Е.А.

к.э.н., доцент, доцент Белорусского государственного экономического университета
E.Rozhkovskaya@mail.ru

СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: структурная политика, региональные диспропорции, пространственное развитие, экономический рост, белорусская экономика, региональная политика.

Keywords: structural policy, regional disproportions, spatial development, economic growth, Belarusian economy, regional policy.

В последние годы в Республике Беларусь отмечается всплеск интереса к проблемам пространственного развития, что обусловлено нарастанием и накоплением чрезмерных региональных диспропорций, ведущих к исчерпанию потенциала долгосрочного экономического роста. Об усилении внимания органов госуправления к развитию экономики на территориальном уровне свидетельствуют принятая «Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.»¹, приоритетом которой являются «Сильные регионы», а также разрабатываемая в настоящее время концепция государственной политики регионального развития, направленная на сбалансированное развитие регионов и сокращение межрегиональной дифференциации. Актуальность выработки экономической политики, направленной на усиление сбалансированности регионального развития, особенно возрастает в условиях глобальной турбулентности экономического развития, обострения внешнеэкономических и политических рисков и угроз, связанных с санкционным давлением на белорусскую экономику, негативные последствия которых наиболее выпукло и контрастно проявляются на региональном уровне.

Современное пространственное развитие Республики Беларусь характеризуется усилением несбалансированности региональной динамики, ведущей к неравномерному распределению экономического потенциала на территории страны, росту межрегиональной дифференциации и замедлению роста экономики.

К наиболее значимым структурным дисбалансам регионального развития Беларуси относятся следующие. Во-первых, это сосредоточенность экономического потенциала республики в столичной агломерации и высокая степень зависимости общереспубликанской экономической динамики от вклада Минска и Минской области. По оценкам, на их долю приходится свыше 60% годового прироста ВВП. Зависимость национальной экономики от регионов, чувствительных к действию внешних факторов – доля экспорта в их ВРП составляет свыше 80%, – усиливает риски волатильности экономической динамики Беларуси, особенно в условиях нарастающих внешних ограничений, когда замедление динамики в столичном регионе за счет глубоких межрегиональных связей вызывает снижение темпов роста других территорий и страны в целом.

Во-вторых, это резкие межрегиональные различия в отраслевой производительности труда. Расчеты показывают, что разрыв между ВДС на одного занятого в рамках одного и того же вида экономической деятельности по регионам может достигать 2,5–4 раза. Так, например, в горнодобывающей промышленности, творчестве, спорте, развлечениях и отдыхе отличия в производительности труда между регионами составляют 4,6 и 4,1 раза соответственно, информации и связи – 2,7 раза, в электроэнергетике (снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом) – 13,6 раза².

В-третьих, межрегиональные различия в уровне производительности труда являются во многом следствием неэффективной отраслевой структуры в регионах, характеризующейся высокой долей видов деятельности с низкой добавленной стоимостью. В регионах-лидерах – Минске и Минской области, которые имеют самое высокое соотношение между ВДС и численностью занятых, доля отраслей с высокой добавленной стоимостью составляет 63,6 и 67,9% их ВРП, в то же время в регионах-аутсайдерах – Брестской и Витебской области – всего 29,5 и 28,5%.

Нерациональная отраслевая структура производства и низкий уровень производительности труда, а следовательно, и низкий уровень оплаты труда в периферийных регионах вызывает концентрацию демографического, трудового и экономического потенциала в высокоэффективном столичном регионе – Минске и Минской области. В этих же регионах сосредоточена подавляющая часть инновационно-технологического потенциала республики. Эти различия ведут к усиливающейся дивергенции между регионами по общеэкономическому уровню развития – ВРП, промышленному производству, экспорту, инвестициям в основной капитал, а также к нарастанию межрегиональной диффе-

¹ Указ Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы».

² Система национальных счетов Республики Беларусь: стат. сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022.

ренциации в уровне жизни и доходах населения, усилению имущественного неравенства на региональном уровне, сохранению значительного разрыва между регионами в уровне потребления товаров и услуг. На рис. 1 представлена динамика межрегиональных различий в Республике Беларусь по важнейшим параметрам социально-экономического развития.

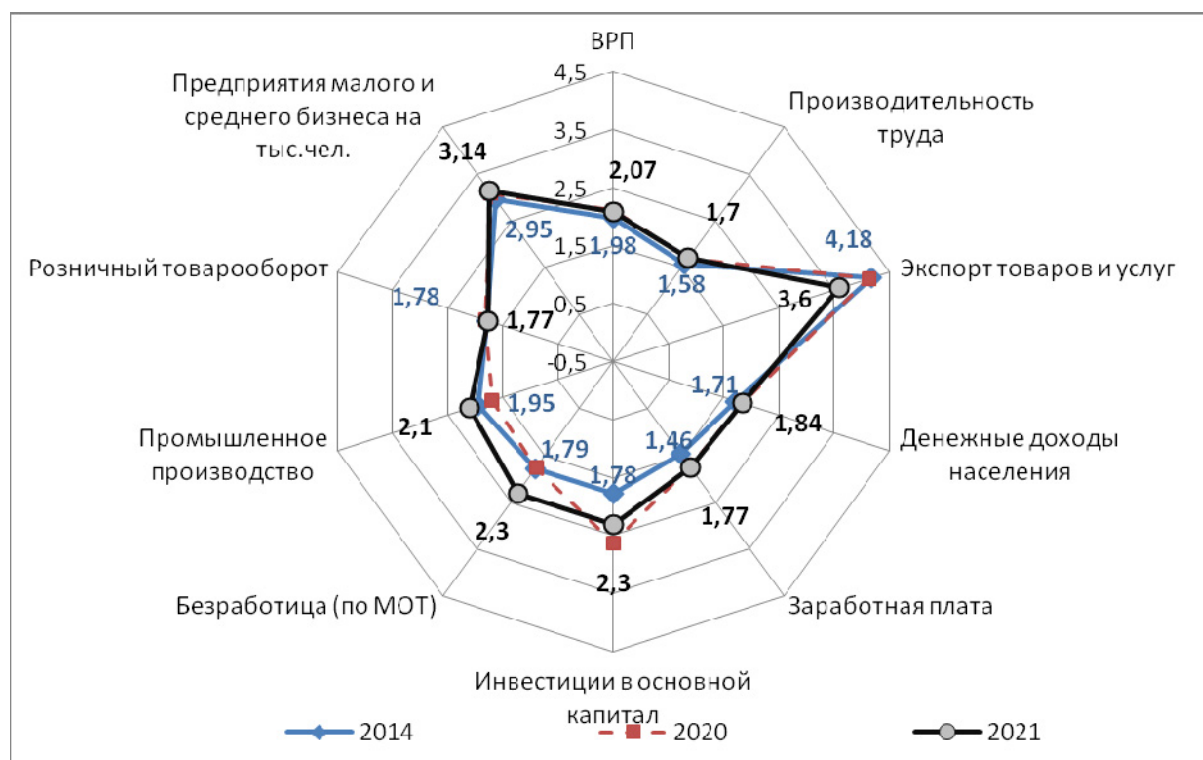

Рисунок 1.

Разрыв в уровне важнейших экономических показателей между регионами Республики Беларусь в 2014–2021 гг., в расчете на душу населения, в текущих ценах, раз¹

Из приведенных на рис. 1 данных видно, что в 2014–2021 гг. межрегиональные различия в Беларуси по ключевым параметрам экономического развития увеличились. Особенно заметно нарастание дивергенции по заработной плате – с 1,46 до 1,77, безработице и инвестициям в основной капитал – с 1,78 до 2,3 раз.

Исключение составляет экспорт товаров и услуг: если в 2014 г. разрыв между регионами по среднему объему экспорта товаров и услуг составлял 4,2, а в 2020 г. – 4,1, то в 2021 г. он заметно уменьшился и составил 3,6 раза. Однако в данном случае сокращение дивергенции между регионами по экспорту товаров и услуг на душу населения обусловлено активным ростом в 2021 г. оборотов внешней торговли в результате восстановления мировой экономической активности после пандемии коронавируса, что позволило всем областям республики активно наращивать внешние поставки товаров и услуг. Данный случай прекрасно иллюстрирует ситуацию ускоренного роста экономической динамики, способствующего снижению межрегиональных различий, когда «прилив поднимает все лодки».

В целом, сложившийся в Беларуси разрыв между регионами по среднему уровню ВВП, составляющий 2,1 раза, соответствует его уровню в малых европейских государствах, колеблющихся на уровне 2–2,5 раза. Основная проблема состоит в масштабах различий: в европейской практике к проблемным регионам относятся те, которые имеют среднему объему ВВП менее 75% среднего по стране. При таком подходе в Европе доля населения, проживающих в проблемных регионах, составляет около 25%. В то же время данный показатель составляет в Беларуси – свыше 60% (рис. 2).

Высокая неравномерность распределения экономического потенциала на территории страны напрямую вызывает снижение эффективности проводимой экономической политики. Дело в том, что расширение совокупного спроса, осуществляемое обычно при проведении политики стимулирования экономического роста, сопровождается мультипликативными эффектами: первоначальный прирост заработной платы или инвестиций ведет к росту национального продукта, превышающему первоначальный прирост совокупного спроса. Однако при существенно отличающихся в различных регионах склонности к сбережениям или потреблению величина мультипликатора может серьезно различаться. Так, склонность к потреблению в Могилевской области в 2,6 раза выше, чем в г. Минске, а склонность к сбережению (по инвестициям в основной капитал) в 2 раза меньше, чем в Минской области (0,165 и 0,338 соответственно). В условиях значительных региональных различий предпринимаемые в Беларуси попытки проведения стимулирующей экономической политики не приводили к ожидаемым результатам, в том числе из-за недоучета региональной

¹ Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели, 2021 (Т. 1): стат. сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021; Беларусь в цифрах, 2022: стат. сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022.

специфики: фактически высокая межрегиональная дифференциация является одним из ограничений результативности реализуемой экономической политики.

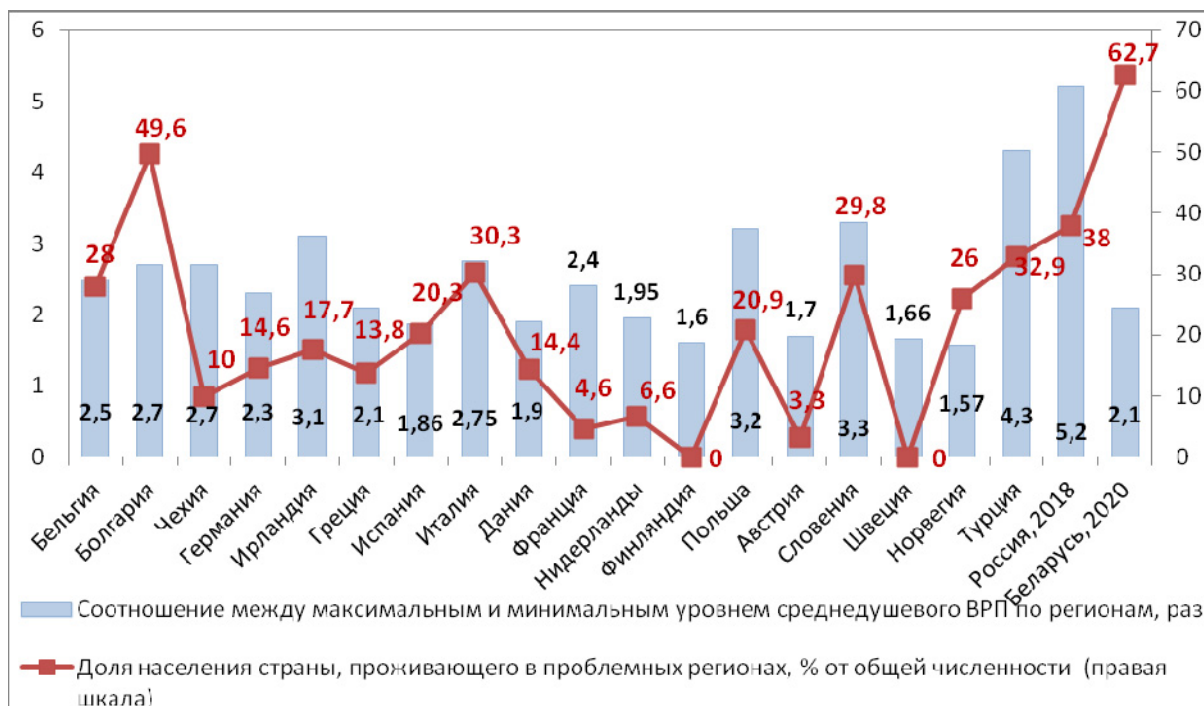

Рисунок 2.

Некоторые показатели уровня межрегиональной дифференциации в отдельных странах¹

Острота обозначенных проблем, связанных с необходимостью сглаживания региональных диспропорций, устранения инвестиционно-технологических разрывов в уровне производительности труда, усиления сбалансированности региональной динамики, повышения эффективности экономической политики, реализуемой на территориальном уровне, обуславливают необходимость пересмотра и корректировки подходов к проведению региональной политики.

Несмотря на предпринимаемые в стране попытки решения накопленных региональных проблем, в том числе разрабатываемую в настоящее время в республике концепцию государственной политики регионального развития, определяющую перспективы развития конкретных территорий, и направленную на «повышение уровня и качества жизни населения, привлекательности и комфортности проживания за пределами столицы и областных центров, ... развитие транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры»², очевидно, что данные меры не позволят в полной мере снять узлы напряжённости, ликвидировать пространственные ограничения экономического развития. В лучшем случае они помогут затормозить процессы неуклонно нарастающей межрегиональной дифференциации и смягчить ее негативные последствия. Основная причина состоит в том, что реализация концепции регионального развития без увязки с долгосрочными стратегическими ориентирами развития, едиными на всей территории государства, вряд ли способна привести к ожидаемым высоким результатам.

Мировой опыт показывает, что постановка и достижение таких стратегических ориентиров перспективного развития возможны только в рамках структурной политики, задающей общую направленность долгосрочного социально-экономического развития государства и «снимающей» структурные ограничения роста экономики, увязывающей воедино и координирующей применение разнообразных инструментов и механизмов макроэкономической, промышленной, инновационно-инвестиционной политики и т.д.

Так, например, проводимая в развитых странах на региональном уровне политика, в частности, политика сплочения (*cohesion policy*), реализуемая в Евросоюзе, которая является сегодня, пожалуй, наиболее ярким примером успешной реализации политики пространственного развития, ставит своей ключевой целью решение структурных проблем экономики, развития инновационно-производственного и человеческого потенциала. Тем самым она демонстрирует подчиненный характер по отношению к структурной политике и фактически является инструментом реализации структурной политики на региональном уровне.

Вообще основная цель структурной политики, понимаемой нами в широком смысле как целенаправленная деятельность государства по реализации взаимоувязанного комплекса мероприятий, направленных на обеспечение структурной сбалансированности экономики, устранение воспроизводственных, отраслевых, региональных, технологических диспропорций и ограничений развития, формирование эффективной производительной структуры экономики, состоит в обеспечении устойчивой динамики экономического роста и повышения конкурентоспособности экономики.

¹ Рожковская Е.А. Региональные диспропорции и риски пространственного развития в Республике Беларусь // Белорусский экономический журнал. – Минск, 2021. – № 4. – С. 55–71.

² <https://www.belta.by/economics/view/brantsevich-tsel-regionalnoj-kontseptsii-povyshenie-urovnja-i-kachestva-zhizni-naselenija-501835-2022/>

Реализация структурной политики может осуществляться как на уровне экономики в целом, формируя приоритеты и «коридоры» перспективного развития государства, так и на региональном уровне, обеспечивая решение локальных структурных проблем, связанных, например, с низкой производительностью труда, повышением диверсификации экономики и т.д. Оптимальным при этом с точки зрения эффективности проводимой политики является сочетание макроэкономического и регионального подходов к региональному развитию, увязывающего необходимость достижения общегосударственных приоритетов с местными особенностями индустриального и технологического развития.

Принципиальное значение при этом имеет долговременный характер структурной региональной политики, ориентированной на решение стратегических целей и задач развития с учетом глобальных технологических трендов, слабо изменяющихся в долгосрочной перспективе, и скользящий принцип разработки стратегических планов, обеспечивающий регулярное уточнение и корректировку принятых направлений развития с учетом изменений внешних и внутренних условий развития. Предпринимаемые же в настоящее время на государственном уровне попытки краткосрочного решения проблем развития территорий в условиях, сопровождающихся усилением внешнего давления, способны привести лишь к «распылению» финансовых ресурсов государства, без соответствующей отдачи, вызывая нерациональное использование бюджетных ресурсов на не первоочередные цели.

Таким образом, представляется, что способствовать решению региональных проблем должна, прежде всего, структурная политика, нуждающаяся в соответствующем институциональном обеспечении – закреплении в виде документа долгосрочного стратегического планирования, и увязанная по целям и инструментам с концепцией пространственного развития государства. Подобный документ позволил бы обеспечить увязку отраслевых стратегических приоритетов с пространственными возможностями экономического развития государства, способствуя комплексному решению проблем технологической модернизации и диверсификации структуры производства на местном уровне, повышению конкурентоспособности регионов и национальной экономики.

Семёнова Л.Н.

д.и.н., профессор, зав. кафедрой «Социальное управление», Белорусский национальный технический университет, Минск

ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОГО КОНТУРА ПОЛИТИКИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: Республика Беларусь, государственное управление, политическая система, публичный контур, институт президентства, президентская вертикаль, парламентаризм, многопартийность, конституционная реформа, референдум.

Keywords: Republic of Belarus, state governing, political system, public contour, presidents' institute, presidential vertical, parliamentarism, multipartism, constitutional reform, referendum.

На протяжении постсоветской истории политическая система Республики Беларусь и в части органов публичной государственной власти и управления, и в части политических структур гражданского общества претерпела несколько существенных трансформаций. Но при этом на каждом этапе политико-государственный пейзаж Беларуси сохранял своеобразие, советские элементы, не полностью соответствуя стандартам западного конституционализма, парламентаризма, демократии. Это несоответствие или самобытность – стойкая характеристика белорусского политического пространства, благодаря которой за страной закрепился имидж «самой советской» из всех постсоветских республик, а Запад изощрялся и продолжает упорствовать в навешивании антидемократических ярлыков, самыми распространенными из которых являются «авторитарный режим Лукашенко», «диктатура Лукашенко» и т.п. Только советский и постсоветский периоды, не говоря уже о более ранних исторических этапах, дают достаточные основания в рамках политико-управленческой сферы судить о цивилизационных отличиях Беларуси, как части русской цивилизации, от цивилизации Запада.

На излёте перестройки и после распада СССР Беларусь, как и все республики, субъективно поспешила в «рай», а на деле ринулась в «омут» западного капитализма, рынка и демократии. В общественно-политической сфере инициатива граждан была направлена на создание различных общественных объединений, прежде всего политических партий. В феврале-марте 1990 г. выборы в Верховный Совет БССР XII созыва проходили уже в условиях реальной многопартийности. Конкуренция на один депутатский мандат составила в среднем 8–10 человек. В правовых документах 1990 г. количество учредителей, необходимых для провозглашения политической партии или профессионального союза объявлялось в количестве не менее 100 человек. Заметим, что когда в Республике Беларусь 5 октября 1994 г. был принят первый закон «О политических партиях» в нём количество учредителей, необходимых для провозглашения политической партии, объявлялось уже не менее 500 человек. 1 декабря 1990 г. в Министерстве юстиции был сформирован отдел общественных объединений, призванный осуществлять процедуру их государственной регистрации¹.

В 1994 г. в стране уже насчитывалось 25 партий. Начало 1990-х гг. было временем взлёта Белорусского народного фронта «Возрождение» (БНФ), созданного в 1989 г., который после ухода КПБ обладал большой популярностью в стране и серьёзным политическим весом в Верховном Совете. Его националистические призывы, действия, документы рассматривались тогда, особенно на Западе, в качестве первых шагов транзита к демократии. Доминирование БНФ в Верховном Совете обеспечило принятие законов, оформивших суверенную белорусскую государственность и его символику: Декларации о государственном суверенитете БССР (27 июля 1990 г.); Закона «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета БССР о государственном суверенитете БССР» (25 августа 1991 г.); Закона «Об обеспечении политической и экономической самостоятельности БССР» (26 августа 1991 г.); решения внеочередной сессии Верховного Совета БССР об изменении названия государства на «Республика Беларусь» и государственной символики (бело-красно-белый флаг и герб «Погоня») (19 сентября 1991 г.); денонсации Верховным Советом Договора о создании СССР и ратификации Соглашения о создании СНГ (10 декабря 1991 г.).

Транзит к западной демократии в политике сопровождался «шоковой терапией» в экономике, приведшей к рыночным преобразованиям и открытию для мировой капиталистической системы белорусской экономики, что на деле обернулось её стремительным разрушением. Чем больше в стране останавливалось предприятий и появлялось безработных, стремительнее росли цены и пустели полки магазинов, тем выше был градус политической активности. В 1998 г. в Беларуси уже действовало 29 партий. А вообще к тому времени, учитывая и существовавшие, и «канувшие в лету», Беларусь узнала о более чем 40 партиях.

Структура высших органов государственной власти, органов местного управления и самоуправления сохранялась практически неизменной с советских времен. Верховный Совет Республики Беларусь оставался непрофессиональным высшим представительным органом, депутаты которого формально не оставляли своих рабочих мест, что не

¹ Политические партии. Беларусь и современный мир. 2-е изд. – Минск: Тесей, 2005. – С. 36–38.

всегда соблюдалось при резко растущей безработице и представителями научной и особенно гуманитарной интеллигенции, только числившимися при каких-либо НИИ, но реально посвящавших себя политической деятельности в своих партиях и в Верховном Совете. Таких было много в БНФ, включая лидера фронта историка З.С. Позняка. Председатель Верховного Совета, лидер Белорусской социал-демократической Грамады физик С.С. Шушкевич тоже был из научной интеллигентской среды. После роспуска коммунистических партийных комитетов, бывших ведущим структурным компонентом советской политической системы, такие политики-активисты смогли без особого труда перетянуть властные полномочия в Верховный Совет, попутно отталкивая правительство и органы исполнительной власти. Правительство Республики Беларусь во главе с В.Ф. Кебичем для решения проблем острого экономического кризиса дважды – в 1991 и 1993 гг. – получало расширенные, выходящие за рамки конституции, полномочия¹. Но правительство и лично Кебич как воспитанник советской управленческой школы, не воспользовались этим, не перехватили властные полномочия. Верховный Совет настойчиво контролировал деятельность правительства, регулярно заслушивая его отчеты на своих заседаниях. Никакого скатывания к премьерской республике, как предрекали многие эксперты, не произошло. Именно Верховный Совет и его партийные фракции задавали текущую политическую повестку, формировали общественное мнение, направляли политическую активность граждан, «раздували» уличную демократию. Центральной была идея перехода к демократии западного образца, капиталистической рыночной системе, которые могли быть воплощены только в форме национального государства. Такое государство образовалось само собой в процессе распада Советского Союза, не потребовав от его адептов больших усилий. Но в силу логики развития постсоветских национальных государств его принялись накачивать националистической идеологией с изрядной долей русофобии, антикоммунизма, антисоветизма, откровенно националистической польско-литвинской историографии.

Верховный Совет развил бурную законодательную деятельность, к которой подталкивали стремительные трансформационные социально-экономические и политические процессы. За 5 лет с 1990 по 1995 г. Верховный Совет принял более 500 законов, то есть примерно столько, сколько за предшествующие 50 лет своего существования, начиная с 1938 г. – времени избрания Верховного Совета БССР I созыва². При этом надо учесть, что в то время еще не было научно-исследовательских институтов, таких как, например, ныне действующий Национальный центр правовой информации (НЦПИ), обеспечивающих научное и информационное сопровождение законотворческой деятельности. Всё делали захваченные энтузиазмом реформ депутаты, представители аппарата Верховного Совета, добровольные помощники и гражданские активисты. Поднявшись на волне романтики национального суверенитета, депутаты порой не видели сурового дна реальности, не учитывали возможностей бюджета, не заботились об источниках финансирования, не взаимодействовали с Правительством, не прогнозировали последствий прихода в страну западных экономических компаний, инвесторов, общественно-политических организаций и многочисленных консультантов. Но при этом, и здесь надо отдать должное депутатам, не торопились, не желая отстать от других постсоветских республик, с принятием новой конституции.

На фоне бурных политико-экономических трансформаций разворачивался процесс конституционного строительства, центром которого являлась Конституционная комиссия, утвержденная Верховным Советом БССР 20 июля 1990 г. в составе своих депутатов. Итогом её пятилетней деятельности стало принятие на 13 сессии Верховного Совета РБ 15 марта 1994 г. Конституции Республики Беларусь. В отточенных юридических формулировках новая конституция зафиксировала краеугольные элементы публичного контура общественно-политической жизни и государственного управления, подведя черту первому этапу политической трансформации. О многопартийности уже было сказано. Она развивалась, но поверхностно, не превращалась в партийную систему, оставаясь на периферии политического процесса, не проникая вглубь социальной ткани, не получая серьезной экономической подпитки. Тем более конституционные положения о формировании государственных институтов не давали партиям шанса войти в государственное управление.

Что касается верховных органов государственного управления, то став центром общественно-политической жизни, оттянув на себя властные полномочия, сознательно ориентируясь на западные политические стандарты, Верховный Совет вполне логично вышел на создание формы правления, близкой к парламентской, поместив себя в её властный центр. Статья 79 конституции провозгласила, что «Верховный Совет Республики Беларусь является наивысшим представительным постоянно действующим и единственным законодательным органом государственной власти Республики Беларусь». В статье 83 были перечислены 18 его главных полномочий. Высшее положение Верховного Совета в государственной иерархии подчеркивалось даже тем, что в разделе IV «Законодательная, исполнительная и судебная власть» отдельные главы были посвящены Верховному Совету Республики Беларусь (глава 3), Президенту РБ (глава 4), Суду (глава 5). Правительство же, Кабинет Министров Республики Беларусь, даже не удостоилось самостоятельной главы и всего лишь скромно упоминалось в 106–108 статьях главы о Президенте. При всемогущем Верховном Совете правительство уже и не признавалось самостоятельным источником власти, исполнительной власти. Но при этом в обход традиций классической парламентской формы правления правительство не формировалось парламентом, тем более на основе партийного принципа. В соответствии с 100 статьей Премьер-министр и возглавляемое им правительство должны были назначаться Президентом с согласия Верховного Совета. Важнейший атрибут парламентской формы правления – формирование правительства парламентом – и вытекающие из него сдержки и противовесы между ними не был реализован в белорусской конституции. Более того, авторы конституции не смогли

¹ Парламентаризм в Беларуси / Под ред. В.А. Божанова, А.В. Горелика. – Минск: Иппокрена, 2010. – С. 84.

² Василевич Г.А. Беларусь на рубеже веков: в поиске оптимальной конституционной модели // Конституция Республики Беларусь как ценностный выбор: 25 лет свершений и преобразований. Сб. материалов респ. науч.-практ. конференции, Минск, 4 марта 2019 г. – Минск: Право и экономика, 2019. – С. 22.

полностью расстаться с советским наследием непосредственного присутствия народа в государственном управлении. Они не решились на создание исключительно профессионального парламента, о чем свидетельствовала статья 92, в которой подчеркивалось, что «депутат Верховного Совета осуществляет свои полномочия в Верховном Совете на профессиональной основе или по его желанию, не разрывая связей с производственной или служебной деятельностью»¹. Так и получилось, что в начале 1990-х гг. в период самого яркого антисоветизма высший государственный орган Верховный Совет XII созыва был еще сформирован во времена СССР, а Верховный Совет XIII созыва избран в 1995 г. на основании новой демократической конституции, сохранившей советский принцип. Верховный Совет, выйдя из советской купели, не только своим названием, но и способом формирования, и высшим местом в системе государственной иерархии всё еще следовал традициям советского парламентаризма.

Практически сразу реальным соперником Верховного Совета стал введенный конституцией институт президентства. Новая конституция придала институту президентства характеристики и классической президентской (американского образца), и парламентской форм правления. От президентской было совмещение полномочий главы государства и главы исполнительной власти (статья 95), и всенародные выборы (статья 97). Срок президентских полномочий был определен в пять лет и не больше двух сроков подряд (статья 97). Довольно значительный список президентских полномочий касался преимущественно исполнительной власти, по сути «отнимая» их у кабинета министров и премьер-министра. Сохранение кабинета министров и премьер-министра в отличие от президентской формы правления в США, а также отсутствие сильных президентских полномочий, возможных при выведении президента из системы разделения властей, сближало белорусский институт президентства с парламентской формой правления. С момента избрания первого Президента Республики Беларусь летом 1994 г. между ним и Верховным Советом началось серьезное противостояние, обусловленное и борьбой за власть, и проведением в жизнь разных политических курсов.

Верховный Совет РБ по-прежнему являлся проводником в жизнь прозападного прокапиталистического национально-либерального вектора развития. В январе 1994 г., когда в повестку дня сессии Верховного Совета был поставлен вопрос об освобождении от должностей Председателя Верховного Совета С.С. Шушкевича и Председателя Совета Министров В.Ф. Кебича, в адрес С.С. Шушкевича были высказаны обвинения, что он «толкает нашу республику на польский вариант, который может закончиться плачевно». Правительство же обвинялось в «антибелорусской политике»². Избранный первым президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко не просто продолжил и обновил линию правительства. В большую политику он, как и многие, пришел из Верховного Совета. Будучи депутатом, он снискал известность не только на ниве борьбы с коррупцией, но и остался в памяти как единственный депутат, голосовавший против распада Советского Союза. Выступая в Верховном Совете и во время президентской кампании, он четко говорил о необходимости «отвести страну от пропасти». И вот теперь, переводя депутатские и предвыборные обещания в президентский политический курс, он начинает формулировать пророссийский антикризисный вектор развития. Конфронтация между Верховным Советом и Президентом резко обостряется, разрешившись в 1996 г. радикальной конституционной реформой, приведшей к глубоким изменениям в структуре государственного управления.

При сломе старых общественных систем вполне закономерно усиление парламентских структур. Не менее закономерно и стремление их уравновесить сильной исполнительной, особенно президентской властью, как, например, было в конце XVIII в. в ходе войны за независимость и образования США. На постсоветском пространстве политически раскачанные парламенты и призванные их уравновесить институты президентства нередко скатывались в глубокую конфронтацию. В России подобный конфликт разрешился кровавым противостоянием в октябре 1993 г. В Казахстане сильный президент добился «самороспуска» парламента и конституционной реформы.

Созданный в Беларуси институт президентства стал быстро наращивать «властные мускулы», создавая свою «президентскую вертикаль». Из числа депутатов Верховного Совета XII созыва были сформированы квалифицированные кадры администрации Президента и правительства. Начиная с августа 1994 г. в соответствии со специально принятым законом руководители местных исполнительных комитетов не формировались местными советами, а назначались лично Президентом и напрямую ему подчинялись. Это разрушало несущую конструкцию иерархии советской системы от первичных, базовых до Верховного Совета и сокращало полномочия и опору Верховного Совета на местах. А.Г. Лукашенко отмечал: «Я установил жесткие правила поведения: а) для политиков; б) для хозяйственников и в) для всех остальных. Все в нашем государстве сегодня несут ответственность перед Президентом, а Президент несет ответственность за всех... Мы создали государственные органы власти... Вокруг «вертикали» власти выстроены все институты»³.

Опираясь на уже вполне внушительную властную «вертикаль» президент обнародовал принципиальные позиции своего политического курса, выступив 27 сентября 1994 г. с антикризисной программой перед парламентом. Верховный Совет принял эту программу, рассчитанную до конца 1995 г., несмотря на то, что она была полной противоположностью мнению множества депутатов, особенно фракции БНФ. Программа была ориентирована на усиление государственного регулирования, установление режима жесткой дисциплины, обуздание рыночной стихии, для чего в первую очередь ставилась задача вывести из государственных предприятий коммерческие структуры. Затем президенту удалось заручиться широкой народной поддержкой. В феврале 1995 г. президент выступил с инициативой республиканского референдума, на который выносились давно назревшие вопросы о придании русскому языку равного статуса с белорусским, о принятии новой государственной символики, о поддержке курса на интеграцию с Россией, о возможности роспуска Верховного Совета Президентом в случае нарушения им конституции. Состоявшийся 14 мая

¹ Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. – Мінск: Полымя, 1994. – 30 с.

² Парламентаризм в Беларуси / Под ред. В.А. Божанова, А.В. Горелика. – Минск: Иппокрена, 2010. – С. 113.

³ Там же, с. 119.

1995 г. референдум, по всем вопросам которого избиратели подавляющим большинством высказались «за», продемонстрировал решительную победу президентского курса.

Противостояние Президента с Верховным Советом еще более усилилось в связи со следующими обстоятельствами. В 1995 г. проходили и выборы в Верховный Совет. Крайне низкая явка избирателей, из-за которой в ряде округов пришлось проводить повторные довыборы, что привело к полугодовому опозданию начала работы Верховного Совета XIII созыва, еще раз явно продемонстрировала переход симпатий народного большинства к Президенту. При этом собравшийся, наконец, в январе 1996 г. Верховный Совет XIII созыва встал в оппозицию Президенту. Особенно яростно оспаривал назначения Президента и в плане кандидатур, и в плане способа, при котором вынужден был одобрять решительные действия Президента, теряя свои полномочия по выбору кандидатур. Попытавшись встать над схваткой, активизировал деятельность Конституционный суд, который принимал решения о соответствии конституции законов, принятых в конце 1995 г., о правомочности самого Верховного Совета XII созыва, о ситуации, когда в стране практически не функционировал парламент. В феврале 1996 г. Конституционный суд принял Послание «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 1995 г.», в котором признал состояние конституционной законности неудовлетворительным¹. Однако противостояние институтов власти уже вышло из конституционной плоскости в многомерное поле политической борьбы. И здесь Президент, благодаря, как стало понятно в рамках длительной перспективы, правоте своего антизападного курса, народной поддержке, энергичным, настойчивым действиям, оказался сильнее.

Эта победа была закреплена в конституционных изменениях, которые вновь по инициативе президента были вынесены на республиканский референдум. Избирателям предлагалось несколько вопросов. Изменения в конституции касались резкого усиления президентской власти. Вместо Верховного Совета предполагалось формирование профессионального двухпалатного парламента. Но вопросы референдума не ограничивались изменениями в конституцию. Также были поставлены широко обсуждаемые белорусами вопросы об изменении Дня независимости Республики Беларусь с 27 июля (дата принятия Декларации независимости в 1990 г.) на 3 июля – День освобождения Минска (а значит, и всей Беларуси) от немецко-фашистских захватчиков в ходе Великой Отечественной войны; о свободной без ограничений купле-продаже земли; об отмене смертной казни.

Накануне референдума в обстановке нарастающего противостояния властей, когда дело дошло до запуска процедуры импичмента президенту со стороны Верховного Совета, когда обсуждались разные варианты вопросов и дат проведения референдума 19–20 октября 1996 г. по инициативе Президента было проведено Всебелорусское народное собрание. Оно оказалось принципиально новым источником власти, апеллирующим к народной поддержке и вызывающей к памяти древнерусских вече, земских соборов, съездов советов и т.д. После доклада Президента с красноречивым названием «Только народ вправе решать свою судьбу», собрание одобрило курс, обозначенный Президентом, и определило дату референдума на 24 ноября 1996 г., хотя это была функция Верховного Совета. Дальнейшие события скорее напоминали политический детектив, но, в конце концов, состоявшийся референдум расчистил Президенту дорогу для проведения конституционной реформы, приведшей к созданию принципиальной новой формы государственного правления.

За счет выведения из системы разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную Президент получил огромные полномочия, не сводимые к полномочиям в классической президентской, парламентской и даже смешанной (по типу 5 республики во Франции). Согласно статье 84 Конституции Президент имеет право распускать палаты парламента, назначать и принимать решение об отставке Правительства и его членов, отменять акты правительства, производить назначения на ключевые государственные должности и т.д. 101 статья предоставляла двум палатам парламента право делегирования Президенту законодательных полномочий на издание декретов, имеющих силу закона. Президент активно пользовался этим правом². По итогам республиканского референдума 17 октября 2004 г. была изменена 81 статья конституции о порядке избрания Президента: убраны указания о количестве сроков его полномочий. Нижняя палата – Палата представителей – нового двухпалатного парламента Национального собрания Республики Беларусь формируется на основе принципа прямого народного представительства. Первоначально она была набрана из депутатов прежнего Верховного Совета, поддержавших курс Президента и пожелавших вместе с ним работать. Верхняя палата – Совет Республики – в унитарной стране формировалась как палата территориального представительства и была помимо представительства регионов и государственных чиновников, назначаемых Президентом, прежде всего направлена на стабилизацию структуры верховной государственной власти³.

В Беларуси произошла интересная метаморфоза. Под руководством Президента страна стала выходить на антизападный вектор развития. Но при этом внешне контур публичного государственного управления и политики был приведен в соответствие с принципами западного конституционализма: наличие президента, двухпалатного профессионально работающего парламента, многопартийность. Однако он имел ряд принципиальных особенностей: сверхсильная президентская власть, опирающаяся на собственную президентскую вертикаль. Регулярно, раз в 5 лет, проводились Всебелорусские народные собрания, обсуждавшие насущные вопросы общественной жизни и принимавшие планы социально-экономического развития страны на следующую «пятилетку». Между тем статус собрания не был оформлен в конституции. Продолжалось угасание многопартийности. Партии теперь разделились по главному критерию: отношение к Президенту и его курсу. Те, кто поддерживает Президента как могут, работают. В 2000-е годы ко-

¹ Парламентаризм в Беларуси / Под ред. В.А. Божанова, А.В. Горелика. – Минск: Иппокрена, 2010. – С. 124.

² Там же, с. 183.

³ Конституция Республики Беларусь 1994 года с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2008. – 64 с.

личество зарегистрированных партий стабилизировалось на 15. В ныне действующей Палате представителей 7 созыва, избранной в 2019 г., из 110 депутатов только 21 депутат (19,1%) являются членами политических партий: Коммунистической партии, Республиканской партии труда и справедливости, Либерально-демократической партии. В Палате представителей предыдущего 6 созыва партийных депутатов было всего 16¹. Не поддерживавшие встали не просто в оппозицию лично к Президенту и его курсу, наиболее радикальные из них, по сути, встали в оппозицию стране, существуя на зарубежные гранты и являясь прямыми проводниками западного влияния. О себе они громко заявляли на выборах, особенно президентских, выдвигая оппозиционных кандидатов и проводя шумные, порой с уличными беспорядками избирательные кампании.

Однако самый мощный гибридный удар по стране во время президентской избирательной кампании 2020 г. нанесли отнюдь не традиционные оппозиционные партии. Как подчеркнул А.Г. Лукашенко: «В августе 2020-го была предпринята попытка навсегда прервать эволюцию белорусской нации, перечеркнуть наше развитие, отбросить нас назад... Подготовка мятежа 2020 года с учетом неудач прошлых осуществлялась на порядок мощнее. Мы однозначно расцениваем происшедшие события как многоэтапную, скоординированную технологию»². Беларусь выстояла, прежде всего благодаря эффективности государственного управления. И вот теперь опытная, зрелая и закаленная в боях государственная власть запустила и провела широкий общенародный процесс обсуждения назревших изменений в конституцию. В течение года работала специально созданная по указу Президента конституционная комиссия. Состоявшийся 27 февраля 2022 г. референдум, на котором более 82% принявших в нем участие граждан проголосовали за внесенные изменения, стал вехой очередной трансформации государственной власти и управления.

Конституция во всех своих разделах и частях подверглась существенным изменениям. Однако трансформация государственных институтов будет не столь радикальной как в 1996 г. В 1996 г. нужно было прокладывать путь к белорусской социально-экономической модели, ставить на него новый государственный состав. Нынешняя реформа только его ремонтирует, продвигая дальше к новым целям по уже уложенным и накатанным рельсам все вагоны государственного поезда, никого не забывая, меняя вагоны местами, перераспределяя грузы между ними. Собственно, самые существенные изменения касаются института президентства и Всебелорусского народного собрания (ВНС). Все остальные государственные органы будут функционировать практически без изменений.

Головной президентский вагон серьезно облегчается. Полномочия Президента сокращаются. Пребывание Президента на своем посту ограничивается двумя сроками. Ранее прицепной вагон Всебелорусского народного собрания приобрел конституционный статус, встав по конституции вслед за президентским. В соответствии со статьей 89(1) конституции ВНС – это «высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие». ВНС становится постоянно действующим органом со сроком полномочий в 5 лет. Его заседания проводятся не реже одного раза в год. Непрерывность работы ВНС, особенно вне заседаний, обеспечивается Президиумом, Председателем Президиума и его заместителями, которые избираются ВНС. Предельная численность делегатов ВНС определена в 1200 человек. Согласно статье 89(2) делегат ВНС «принимает участие в работе Всебелорусского народного собрания без отрыва от трудовой (служебной) деятельности». Это своеобразный возврат к советскому парламентаризму.

При этом полностью сохраняется профессиональный парламент – Национальное собрание Республики Беларусь – который является «представительным (но не высшим как ВНС) и законодательным органом Республики Беларусь» (статья 90)³. Дилемма двух парламентов широко обсуждалась и на диалоговых площадках в ходе всенародного обсуждения, и была под пристальным вниманием и Президента и конституционной комиссии. Это весомая деталь самобытности белорусской политики и государственного управления, их не полного соответствия традициям западного конституционализма и принципу разделения властей. Время покажет, как приживется эта деталь в государственном механизме. Но следует отметить, что ВНС – это не свежееиспеченная инновация, с 1996 г. состоялось уже шесть ВНС. Последнее прошло в феврале 2021 г.

Самобытность политических институтов Республики Беларусь, подкрепляемая антизападным политическим процессом, проявлялась по-разному, но всё время тяготела к советскому парламентаризму, который в свою очередь сам вырос из более ранних традиций русской власти, искавшей опору в различных народных собраниях. А эта традиция вполне отчетливо намекает на необходимость формирования второго концептуального контура управления, тоже публичного, в отличие от Запада.

¹ Центризбирком подвел окончательные итоги парламентских выборов // Беларусь сегодня. SB.BY, 23 ноября 2019 г. – www.sb.by

² Лукашенко А.Г. Три вопроса к белорусскому народу. Выступление Президента Беларуси при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию // СБ. Беларусь сегодня. 29.01.2022. – С. 5.

³ Конституция Республики Беларусь с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – С. 22-32.

Сиденко О.А.

к.полит.н., доцент, Воронежский государственный университет, кафедра социологии и политологии

ЛИДЕРСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ КОЛЛЕКТИВНОГО ПУБЛИЧНОГО ЛИДЕРСТВА

Ключевые слова: лидерство, коллективное публичное лидерство, совместное управление, лидерские компетенции, профиль компетенции.

Keywords: leadership, collaborative public leadership, collaborative governance, leadership competencies, competence profile.

Проблематика лидерства является на сегодняшний день одной из самых популярных, что обусловлено возрастанием сложности, динамизмом сред, а также рискогенностью принимаемых решений в условиях повышенной неопределённости. Лидерство воспринимается не только в качестве ключевого фактора успеха трансформационных процессов, но и залога сохранения самой способности управлять. Только лидерство способно сделать выход за рамки рутин функциональным и обеспечить необходимое разнообразие, способность управляющей системы генерировать столько состояний, сколько требует система регулируемая (закон необходимого разнообразия У. Эшби). Не вызывает удивления, что именно лидерство является сердцевиной модернизации публичного сектора.

В современных условиях изменяется сам характер лидерства. Оно становится коллективным, межсекторным по своему характеру, и именно такой формат необходим для накопления и реализации потенциала развития территории. В противном случае акторы и население будут испытывать на себе следствия непродуманных решений и односторонних действий, ухудшающих условия развития. Необходимо отметить, что коллективное публичное лидерство теснейшим образом связано с совместным управлением, основанным на субъект-субъектной логике. Соответствующий парадигмальный сдвиг произошёл во многом вследствие сформировавшегося снизу запроса на прозрачные практики самоуправления и знаменовал отказ от сугубо менеджеристских методов планирования и осуществления публичного лидерства (пост-новый публичный менеджмент, коллективный публичный менеджмент¹).

В отличие от роли лидера в традиционном государственном управлении, сфокусированной на решении задач, соблюдении правил и процедур, новый контекст требует, чтобы лидеры обеспечивали эффективное создание качественных услуг для потребителей и заинтересованных сторон, обеспечивали стратегирование и координацию усилий разных акторов, нацеленных на развитие сообществ и территорий. Очевидно, что ориентированного на задачи подхода недостаточно, управленцы должны обладать гораздо более разнообразным набором компетенций, включая необходимые для реализации функции лидерства.

При этом мировая практика показывает, что распространение лидерства в публичном секторе – не простая задача: ему препятствуют бюрократические традиции и управленческая культура, ригидность системы публичного управления. Далеко не всегда политикам удаётся мобилизовать политическую волю в неблагоприятной институциональной среде. Управленцам не хватает компетенций в области коммуникаций, урегулирования конфликтов, сетевого управления и т.д. С этическими основаниями, доверием, включая межсекторное также не всё хорошо. Как показывают исследования, проводимые в рамках барометра институционального доверия Эдельмана, правительство как институт проваливается по обоим критериям оценки доверия, и по профессионализму (–34), и по этичности (–10)². Данные соби­рались в ноябре 2020 года. В более ранних докладах картина та же.

Российский кейс интересен тем, что властные структуры пытаются одновременно решить задачи, парадигмально относимые и к новому публичному менеджменту (вследствие курса на маркизацию управления и рыночную децентрализацию в рамках вертикали власти), и к пост-новому, (бенчмаркинг в глобальном масштабе в логике следования мировым трендам). Вертикаль власти создаёт напряжение по линии «иерархия-инициатива», а взаимодействие сетей и иерархий обретает закрытый характер. Вместо эмпаурмента и сетевого брокерства отношения выстраиваются с уже включёнными, лояльными заинтересованными сторонами.

Потенциал сетевого управления находится в стадии формирования, особенно на региональном уровне. Как показал анализ первичной информации, собранной в ходе реализации исследовательского проекта «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределённости и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)», установки и представления акторов, относимых к публичному, коммерческому и некоммерческо-

¹ Agranoff R., McGuire M. Collaborative Public Management. – Washington (DC): Georgetown University Press, 2003.

² Edelman Trust Barometer 2021. Global Report. – <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf>

му секторам, отличаются изрядной долей негативизма и стереотипности¹. Более реалистические представления и взвешенные оценки демонстрировали лишь участники системы межсекторного партнёрства, однако они не многочисленны.

Ключевым драйвером модернизации является технократизация управления при довольно жёстких режимных ограничениях: поощряется социально полезная активность и фильтруется политическая. Конвертация накопленного капитала в политическую форму возможна лишь в определённом диапазоне. Российский политический рынок характеризуется асимметрией информации, не компенсируемой ни репутационным механизмом, ни политической конкуренцией. В 2020 году Россия заняла лишь 23 место из 32 в рейтинге индекса качества элит (72 показателя, отражающие экономическую власть и ценность, а также политическую власть и ценность)². Как отмечают президент бизнес-школы Сколково Андрей Шаронов и ректор Российской экономической школы Рубен Еникополов, «одна из главных российских проблем, представляющих собой одновременно и причину, и следствие ограниченного качества элит, – это повсеместное отсутствие доверия: правительство не доверяет гражданам и бизнесу; граждане и бизнес не доверяют друг другу и государству. Это увеличивает расходы на ведение бизнеса, толкает частный бизнес в объятия государства для защиты и изъятия ренты, уменьшает эффективность институтов, заменяя их личными решениями, и в конечном счете выдавливает капитал и мозги из страны. Невозможно раскрыть истинный потенциал России без работы над этой широко распространенной проблемой»³.

Таким образом, проблематики качества управления, развития, доверия и лидерства оказываются теснейшим образом связанными, и сквозным сюжетом через них проходят личные качества и лидерские компетенции государственных и муниципальных служащих.

Характеризуя степень научной разработанности проблемы, приходится констатировать многообразие понятийно-категориального аппарата и неизбежные расхождения в национальных практиках исследования. Так, поскольку поиск путей выхода из управленческого кризиса, обусловленного непродуманной маркетинговой публичностью управления, осуществлялся скорее опытным путём, в разных странах сложились свои модели и свои концепты⁴. Как следствие, сходные практики могут иметь разное название или же не иметь наименования вовсе. Так, в отечественной политологии, государственном и муниципальном управлении не используется ни термин публичное лидерство, ни тем более коллективное публичное лидерство, хотя о политическом лидерстве и необходимости развития лидерских компетенций у управленцев речь идёт. Так мысль о том, что современный государственный служащий должен быть лидером, выразил в своём интервью директор Высшей школы государственного управления РАНХиГС, курирующий программу подготовки губернаторов, создания кадрового резерва Алексей Комиссаров. Он заявил следующее: «Современный государственный служащий должен отвечать требованиям времени ко всем управленцам: быть нацеленным на достижение результата, уметь принимать решения в условиях дефицита информации и времени, объединять и мотивировать людей, быть настоящим лидером». Это потребует изменения акцентов в программах профессионального развития: «До последнего времени чиновников учили в основном законодательству, различным процессам, изменениям в нормативных документах. Сейчас появляется все больше программ, нацеленных на командообразование, развитие эмоционального интеллекта, стратегическое лидерство». Также РАНХиГС планирует уделять «больше внимания цифровой грамотности, управлению изменениями, холистическому подходу, клиентоцентричности»⁵.

Термин публичное лидерство/коллективное публичное лидерство представляется удачным, так как позволяет анализировать феномен во взаимосвязи его разных форм – политическое (выстраивается вокруг стратегирования, ответов на вызовы, с которыми сталкивается общество и правительство), административное (обслуживает управленческий, демократический процесс, создаёт публичные ценности) и гражданское (обеспечивает защиту интересов, самоуправление и надзор над деятельностью власти) лидерство⁶. Три формы публичного лидерства обеспечивают реализацию функций, необходимых для эффективного и демократического самоуправления политики, функций, которые не реализуются автоматически публичными институтами, организациями и рутинными. Хотя традиция исследования публичного лидерства не столь давняя, сформировался пласт исследований, львиная доля которых может быть идентифицирована как прикладные⁷. Протекание политического процесса в режиме развития невозможно без публичного лидерства, в современных условиях неизбежно приобретающего черты коллективного.

¹ Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределённости и рисков (на примере областей Центрального Черноземья) / Отв. ред. Глухова А.В. – Воронеж: Научная книга, 2020. Информация собиралась в Воронежской, Курской, Белгородской и Тамбовской областях методом полуструктурированного интервью в период весна-лето 2019 года с экспертами и по целевой выборке – по 20 интервью на подгруппу, включая бизнес-сообщество, чиновников и представителей некоммерческого сектора.

² Elite Quality Report 2020. – https://www.alexandria.unisg.ch/260885/1/Elite_Report.pdf

³ Индекс качества элит: как оно влияет на экономическое и политическое развитие? – <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/indeks-kachestva-ELIT-kak-oni-vliyayut-na-ekonomicheskoe-i-politicheskoe-razvitiye/>

⁴ Halligan J. Experiments with joined-up, horizontal and whole-of-government in Anglophone countries // In International Handbook on Civil Service Systems / Ed. by A. Massey. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing Limited, 2011. – P. 74–102; Christensen T. Post-NPM and changing public governance // Meiji Journal of Political Science and Economics. 2012. – Vol. 1. – P. 1–11.

⁵ Интервью с Алексеем Комиссаровым. – <https://www.ranepa.ru/news/prorektor-ranhigs-aleksej-komissarov-sovremennyy-gossluzhashhij-dolzhen-byt-nastoyashhim-liderom/>

⁶ Paul't Hart and John Uhr Understanding Public Leadership: An Introduction // Public leadership perspectives and practices / Ed. by P. Hart, J. Uhr. 2008. – P. 1–24.

⁷ Public leadership perspectives and practices / Ed. by P. Hart, J. Uhr. 2008; The New Public Leadership Challenge. – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2010; Chapman R.A., O'Toole B.J. Leadership in the British Civil Service: An Interpretation // Public Policy and Ad-

Основные характеристики коллективного публичного лидерства были сформулированы Дэвидом Крислипом и Карлом Ларсоном на основе анализа практики взаимодействия горожан и гражданских лидеров: поддержка энтузиазма и действий других акторов (Inspiring commitment and action), обеспечивающая широкое видение ситуации; решение проблем посредством моделирования процесса и обучения через опыт других (Leading as a peer problem solver); вовлечение, инклюзия всех заинтересованных сторон (Building broad-based involvement); поддержка веры в успех (Sustaining hope and participation). Лидер фокусирует усилия группы на решении проблемы, а в процессе взаимодействия выстраиваются отношения доверия, дающие социетальный эффект¹.

Акцент на коллективном характере лидерства делается и в исследованиях, посвящённых лидерству в государственном секторе² (теория интегрированного лидерства, понимаемого как сочетание пяти руководящих ролей, которые коллективно исполняются сотрудниками и менеджерами на разных уровнях иерархии). Речь идёт о таких ролях как лидерство, ориентированное на задачи, на отношения, на изменения, на разнообразие и на честность. Серхио Фернандес с коллегами, проанализировав информацию о человеческом капитале и рейтинговой оценке государственных программ, пришел к выводу, что интегрированное лидерство оказывает положительное и значительное влияние на работу федеральных структур³.

Что касается моделей лидерского поведения, интерес представляет иерархическая таксономия лидерского поведения, предложенная Гарри Юклом⁴. Она содержит четыре метакатегории (поведение, ориентированное на задачу; поведение, ориентированное на отношение; поведение, ориентированное на изменения и поведение внешнего лидерства), каждая из которых имеет свою цель. В первом случае основная цель заключается в обеспечении эффективной и надёжной работы. Во втором – в повышении качества человеческих ресурсов и отношений. В третьем – в стимулировании, приросте инноваций, коллективном обучении и адаптации к внешним условиям. В четвёртом – в приобретении необходимых ресурсов, включая информацию, а также в продвижении и защите интересов организации, команды во внешней среде. Каждая метакатегория включает в себя конкретные модели поведения, причём эффект во многом зависит от специфики ситуации и используемых инструментов, т.е. он не гарантированно положительный с точки зрения основной цели или других результатов. К примеру, используя мониторинг, руководители могут прибегать к микроменеджменту, что, как правило, воспринимается подчинёнными как навязчивые, чрезмерные действия.

Поведенческие модели в рамках метакатегории, сфокусированной на задаче, – уточнение, мониторинг, решение проблем – в наибольшей степени отражают повседневные управленческие практики. В поведении, ориентированном на отношения, выделены следующие модели: поддержка, предназначенная для демонстрации положительного отношения, выстраивания отношений сотрудничества и помощи в стрессовых ситуациях; развитие, используемое для повышения навыков и доверия членов коллектива, а также их продвижения по карьерной лестнице; признание, позволяющее выразить признательность другим за эффективную работу, достижения, вклад в команду/организацию; эмпаурмент (расширение прав и возможностей подчинённых). В поведении, ориентированном на изменения, также рассматриваются 4 модели – две подчёркивают инициативу лидера (защита изменений, заключающаяся в объяснении того, почему изменения необходимы, и предвидение изменений – формирование ясного видения того, чего может достичь команда/организация), и две (поощрение инноваций и содействие коллективному обучению) позиционируют лидера как актора, способствующего процессу изменений. Модели внешнего лидерства включают: нетворкинг (выстраивание и поддержание благоприятных отношений с коллегами, руководством, внешними лицами, которые могут предоставить информацию, ресурсы и политическую поддержку), внешний мониторинг (анализ информации, отслеживание изменений внешней среды, позволяющий выявить возможности и угрозы для команды/организации) и представительство своей команды/организации, включая лоббирование интересов, защиту репутации, ведение переговоров и координацию.

Что касается навыков лидера, то их классификация весьма разнообразна: технические (связанные с вещами), межличностные (связанные с людьми), концептуальные (связанные с идеями) навыки; административные, политические навыки и т.д. Хотя навыки не эквивалентны реальному поведению, они, наряду с личностными качествами, облегчают понимание выбора лидерами конкретных моделей поведения, объясняют гибкость лидера в адаптации поведения к различным ситуациям. При этом само лидерство целесообразно понимать как цепь причинно-следственных факторов, в которой результат в значительной мере определяется условиями публичного управления: политической

ministration. 2010. – Vol. 25, N 2. – P. 123–136; Broussine M., Callahan R. E. Public leadership // Public Management and Governance. 3 ed. 2016. – P. 275–290; Next Public Leadership. Senior Civil Service Leadership in Times of Change. A Vision Document at the request of the Office for the Senior Civil Service. – <https://www.universiteitliden.nl/binaries/content/assets/governance-and-global-affairs/meida-server-naar-cms/next-public-leadership-english-version.pdf>

¹ Chrislip D., Larson C.E. Collaborative Leadership: How Citizens and Civic Leaders Can Make a Difference. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1994.

² До 1980-х годов тему лидерства в публичном секторе едва ли можно было отнести к категории мейнстримовских. Причин несколько, но основная видится в инструментальном подходе к деятельности управленцев в публичном секторе, согласно которому административное лидерство не должно существовать по определению. Обзор релевантной литературы приводится в статье Монти Ван Варта (Van Wart M. Public - Sector leadership theory: An assessment // Public Administration Review. 2003. – Vol. 63, N 2. – P. 214–228).

³ Fernandez S., Cho Y.J., Perry J.L. Exploring the link between integrated leadership and public sector performance // The Leadership Quarterly. 2010. – Vol. 21, N 2. – P. 308–323.

⁴ Yukl G. Effective Leadership Behavior: What We Know and What Questions Need More Attention // Academy of Management Perspectives. 2012. – Vol. 26, N 4, December. – P. 66–85.

поддержкой, общественным запросом и т.д. Только при соответствии качеств лидера вызовам окружающей среды лидерство в публичном управлении может быть результативным.

Немаловажными факторами лидерства являются климат психологической безопасности для рисков и функциональная гибкость самой организации. Трудно наделить подчинённых полномочиями, если в своей работе они должны следовать сложным правилам и большому количеству стандартных процедур.

Также подчёркивается, что большинство моделей поведения может быть использовано этично или же неэтично. Сторонники ряда теорий (духовного лидерства, лидерства-служения, аутентичной теории лидерства) связывают эффективность со следованием таким ценностям как честность, справедливость, сострадание, мужество и т.д.

Юкл указывает на то, что большинство исследователей фокусируется на поведении отдельных лидеров, в то время как успех реализации решений может зависеть от нескольких лидеров. Два и более руководителя могут нести ответственность за то или иное направление деятельности или же проект, как следствие, эффективность коррелирует с уровнем сотрудничества и координации между лидерами, чьи ценности, приоритеты и видение будут либо облегчающими факторами, в случае совпадения, либоотягчающими, в случае значительного расхождения. Ситуация осложняется, если успех во многом определяется позицией стейкхолдеров, и здесь без формирования восприятия развития территорий и общностей как зоны коллективной ответственности не обойтись.

Говоря о наборе лидерских компетенций, необходимо отметить, что наиболее проработанным и сфокусированным на коллективное управление он является в зарубежной управленческой практике. Опираясь на серию кейсов-практик совместного управления, американские исследователи проблем публичного управления выпустили Руководство по выработке компетенций коллективного управления¹. В качестве ключевых компетенций выделены аналитическое и стратегическое мышление, необходимое для сотрудничества; заключение соглашений и урегулирование конфликтов; работа в командах; оценка и адаптация процессов из различных бизнес-сред.

Полный набор был сгруппирован по следующим категориям: компетенции в области коллективного лидерства и управления; компетенции в области процессов; аналитические компетенции; компетенции в области управления знаниями и компетенции в области профессиональной подотчетности.

Относительно коллективного лидерства: раскрыты основные лидерские роли (инициатор, спонсор, фасилитатор, партнёр); коллективный лидерский стиль определён как фасилитативное лидерство; подчёркнута важность политических (оценка альтернатив, определение окна возможностей и т.д.) и предпринимательских (распознавание выгод и преимуществ, оценка рисков и т.д.) навыков.

Основные лидерские компетенции государственных служащих закреплены официально в Канаде. Действует Профиль ключевых лидерских компетенций для руководителей федеральной государственной службы и высших руководителей (в 2015 году пересматривался)². Ключевые лидерские компетенции являются обязательным компонентом Квалификационного стандарта группы руководителей (ЕХ) и Директивы о программе управления эффективностью для руководителей. Они также являются элементом управления талантами и профессионального развития, могут служить инструментом для определения потребностей в обучении и развитии, для планирования карьеры и в качестве основы для отбора менеджеров, руководителей и сотрудников.

Документ содержит Преамбулу, в которой излагается концептуальное видение поведения, ожидаемого от лидеров государственной службы Канады, шесть компетенций (создание видения и стратегии, мобилизация людей; поддержка честности и уважения; сотрудничество с партнёрами и заинтересованными сторонами; продвижение инноваций и направление изменений; достижение результатов).

Профиль дополняется примерами эффективного поведения для конкретных руководящих ролей (от замминистра до супервайзера, причём для менеджеров и супервайзеров отсутствует требование проходить оценку при демонстрации ключевых лидерских компетенций, они служат инструментом для определения потребностей в обучении, развитии и планирования карьеры), а также примерами неэффективного поведения. Рассмотрим подробнее компетенцию создания видения и стратегии. Её суть заключается в определении будущего и пути продвижения к нему. Лидеры должны уметь понимать и передавать контекст, учитывая особенности экономической, социальной и политической сред; используя свои глубокие и обширные знания, опираясь на разнообразные идеи и точки зрения, достигать консенсуса в отношении привлекательных видений; увязывать организационные и общегосударственные приоритеты и улучшать результаты для страны и её жителей. Для помощника заместителя министра приводятся следующие примеры эффективного поведения: обозначает возникающие проблемы и дает советы, отражающие глубокое понимание окружающей среды; вовлекает других в разработку четких, лаконичных и жизнеспособных стратегий реализации; вносит свой вклад в разработку видения и стратегии отдела; устанавливает и сообщает организационные приоритеты в соответствии с видением и целями отдела; обязуется реализовать стратегии, улучшающие результаты для Канады и канадцев. Примеры общего неэффективного поведения для всех ролей: не учитывает ограничения ресурсов при разработке стратегий и планов; позволяет повседневным проблемам мешать важному долгосрочному планированию; упускает из виду проблемы и информацию, которые могут помешать реализации ключевых аспектов видения.

В России в разработке профилей компетенций, моделей компетенций государственных гражданских служащих заметны ВШЭ, ВШГУ РАНХиГС, Университет Правительства Москвы, а также регионы. Один из наиболее интерес-

¹ UNCG Guide to Collaborative Competencies / Ed by S. Giles. 2011. – https://www.fs.usda.gov/Internet/FSE_DOCUMENTS/stelprdb5336760.pdf

² Key Leadership Competency profile and examples of effective and ineffective behaviours. – <https://www.canada.ca/en/treasury-board-secretariat/services/professional-development/key-leadership-competency-profile/examples-effective-ineffective-behaviours.html>

ных документов – Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления¹. То, что можно отнести к лидерским компетенциям обозначено как личностные компетенции в сфере цифрового развития («группа компетенций, отражающих индивидуальные особенности личности, позволяющие успешно участвовать в реализации стратегии цифровой трансформации и проектах цифрового развития»). Первая – это нацеленность на результат («совокупность устойчивых особенностей личности, обеспечивающая максимизацию собственных возможностей при выполнении взятых обязательств, решении нестандартных, сложных задач, для полного и своевременного получения результатов и достижения целей цифрового развития наиболее продуктивным способом»). Её ключевыми поведенческими индикаторами являются: «1.1 мыслит и ведет себя в соответствии с логикой «цель – действие – результат»; 1.2 адекватно принимает и реагирует на изменения; готов идти на разумный, обоснованный риск (в случае необходимости); 1.3 моделирует разные варианты развития ситуации, учитывая влияние различных факторов; 1.4 применяет правила или процедуры гибко, в зависимости от конкретной ситуации, для более эффективного выполнения задач; Л.1.5 настойчив в достижении поставленных целей и задач; столкнувшись с трудностями, возражениями и/или недостатком ресурсов, находит способы преодолеть их».

Вторая – клиентоцентричность («совокупность устойчивых особенностей личности, обеспечивающая сознательную направленность на максимальное удовлетворение потребностей всех бенефициаров цифровой трансформации (с учетом разумных издержек)»). Её поведенческие индикаторы: «2.1 легко устанавливает контакт и налаживает взаимоотношения с партнерами по коммуникации, проявляет эмпатию; 2.2 выявляет и эффективно использует информацию о потребностях других людей с целью создать максимальную ценность для них; 2.3 предоставляет персонализированные решения, максимально адаптированные для каждого клиента, потребителя; 2.4 регулярно запрашивает обратную связь по результатам своей работы и использует ее для корректировки и улучшения деятельности; 2.5 выстраивает доверительные долгосрочные отношения с членами команды, клиентами и другими заинтересованными сторонами для пользы всех участников взаимодействия с учетом целей и задач организации». Третья – коммуникативность («совокупность устойчивых особенностей личности, обеспечивающих выбор наилучшей стратегии и тактики общения, эффективную деловую коммуникацию, открытость и взаимоуважение в целях построения сотрудничества в процессе реализации стратегии цифровой трансформации и проектов цифрового развития»). Её поведенческие индикаторы: 3.1 выбирает наилучшую стратегию и тактику (форму подачи, каналы коммуникации) общения с учетом контекста коммуникаций на всех организационных уровнях; 3.2 понимает мотивы участников коммуникации, скрытые смыслы и подтексты; 3.3 проявляет взаимоуважение (умение слушать и слышать), применяет техники активного слушания, терпим к иным точкам зрения; 3.4 активно влияет на события и участников коммуникации для достижения поставленных целей и решения задач в своей деятельности; 3.5 корректно отстаивает свои интересы, права и линию поведения в ситуации внешнего давления, спокойно говорит «нет», если что-то его/ее не устраивает, корректно обосновывая свою позицию. Четвёртая – эмоциональный интеллект («совокупность устойчивых особенностей личности, обеспечивающих возможность управлять личными эмоциями и эмоциями других людей для решения практических задач, верно оценивать эмоции, намерения, мотивацию и желания (свои и чужие), создавать и поддерживать рабочую атмосферу во время командной работы»). Её поведенческие индикаторы: 4.1 управляет своими эмоциями: адекватно воспринимает и сдержанно реагирует на внешние раздражители; 4.2 сохраняет конструктивность и работоспособность в сложных, нестандартных ситуациях и коммуникациях; 4.3 быстро восстанавливается после стресса и нагрузки эмоционально и физически; 4.4 понимает эмоции, намерения, мотивацию и желания других людей, способен мотивировать других; 4.5 создает психоэмоциональную атмосферу, благоприятную (комфортную, психологически безопасную) для работы команды. Пятая – креативность («совокупность устойчивых особенностей личности, обеспечивающих способность формулировать нестандартные идеи, отходить от традиционных схем мышления, быстро находить выход из сложных ситуаций, используя нешаблонные подходы»). Её поведенческие индикаторы: 5.1 обладает нестандартным, оригинальным мышлением, сам выдвигает новые идеи и поддерживает инициативные идеи коллег; 5.2 в случае выбора между перспективными инновационными и устаревшими подходами легко выбирает новые идеи и методы и предпринимает конкретные действия для генерации и реализации инновационных идей и подходов; 5.3 находит креативные способы решения проблемы, анализирует их плюсы и минусы, риски, выбирает оптимальное решение; способен изменить решение при наличии новых аргументов или произошедших изменений; 5.4 распознает непродуктивные ментальные модели и стереотипы и отказывается от них; 5.5 внимательно изучает мнения и потребности сторон при разработке рабочих решений, использует логику и методы дизайн-мышления, вовлекает пользователей в создание продукта, прототипирует, экспериментирует, улучшает решение. Шестая – критичность («совокупность устойчивых особенностей личности, позволяющих обдуманно и взвешенно проводить оценку событий, процессов, результатов деятельности, направленную на всестороннюю проверку и исправление возможно допущенных ошибок; способность осознать свои ошибочные решения и приводить доводы «за» и «против», выдвигать предложения и подвергать их всесторонней проверке, мыслить в долгосрочной, стратегической перспективе»). Её поведенческие индикаторы: 6.1 ставит под сомнение поступающую информацию, включая собственные убеждения, проверяет достоверность фактов; 6.2 при принятии решений опирается на метазнания, кругозор, опыт и экспертные мнения; 6.3 анализирует, синтезирует и оценивает информацию для принятия решений и реализации своих действий, видит картину потенциальных рисков и ключевых факторов успеха в целом; 6.4 формирует различные сценарии достижения страте-

¹ Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления / Под ред. Шклярук М.С., Гаркуши Н.С. – М.: РАНХиГС, 2020. – https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/af2/Competency_Model_CDTO_RANEPА.pdf

гических целей, способен создавать концепции и варианты стратегий на 5–10 лет; 6.5 выполняя задачу или решая проблему, выделяет и учитывает все актуальные влияющие на нее факторы¹.

Формирование лидерских компетенций в отечественных реалиях сфокусировано не на коллаборации, совместном управлении, а на управленческом функционале в рамках иерархий. В этом плане показательна модель компетенций государственных гражданских служащих Владимирской области². Для высших должностей (начальник, заместитель начальника департамента) – предполагается «лидерство как стиль управления». Для главных должностей (начальник управления, отдела) – лидерство в команде. Для ведущих должностей (главный, ведущий консультант, консультант) – лидерство в проекте. Лидерство для старших (главный, ведущий специалист) и младших (специалист 1, 2 категории) должностей не предусматривается. Необходимо отметить, что предложенная модель несколько шире типичных для управленческой среды установок, согласно которым публичное лидерство допускается не ниже, чем главы отделов. С одной стороны, нигде напрямую не ведётся речь о публичности, с другой, проекты чаще всего связаны с тесным взаимодействием со стейкхолдерами.

Средоточие лидерской проблематики – подготовка кадрового резерва федерального уровня, хотя уровень, в наибольшей степени нуждающийся в развитии коллективных лидерских форматов, – муниципальный. Отягчающим фактором является то, что потенциал сетевого управления в муниципальных образованиях пока незначительный, к тому же местное самоуправление встроено в вертикаль власти.

В массе своей чиновники продолжают воспринимать свою деятельность в категориях вертикальных отношений и контроля, в то время как для решения сложных, многоплановых проблем и своевременного использования открывающихся перспектив необходимо превратить лидерство в живой социальный процесс, вовлекающий общности и сообщества.

Чаще речь ведётся о лидерстве в отрасли – видеть недостатки и демонстрировать готовность к развитию отрасли, при этом совершенно не понятно, что делать с кроссфункциональными и межведомственными проектами.

Нет полной ясности и с тем, что является формируемой в ходе профессионального развития лидерской компетенцией, а что характеристиками личности, к примеру, честность, социальная направленность. Личностные черты целесообразно учитывать при отборе и продвижении.

В целом же, приходится констатировать, что проблематика пока недостаточно проработана и в отечественной науке, и на уровне управленческих практик. Необходимы эмпирические исследования, посвящённые лидерским компетенциям, а также лидерским практикам в публичном секторе. Что касается концепта коллективного публичного лидерства, запрос на коллективный формат формируется в российском обществе, но готова ли система публичного управления открываться в достаточной степени?

¹ Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления / Под ред. Шклярук М.С., Гаркуши Н.С. – М.: РАНХиГС, 2020, с. 21–25. – https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/af2/Competency_Model_CDTO_RANEPА.pdf

² Лыпагин Ю.Н., Ерашова О.В. Модели компетенций государственных гражданских служащих. Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2013. – № 9 (2). – С. 189–208.

Файгер А.А.

к.ю.н., Факультет права и социальных наук, Бельцкий государственный университет

Левандовский Н.Н.

к.ю.н., Факультет права Комратского государственного университета

Черноморец С.С.

к.ю.н., доцент, Академия «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ (НА ОСНОВЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

Ключевые слова: кредит, преступления в сфере кредитования, криминалистическая характеристика преступлений, фактические обстоятельства.

Keywords: credit, crimes in the field of lending, forensic characteristics of crimes, factual circumstances.

Согласно ст. 238. «Получение кредита, ссуды или страхового возмещения/пособия путем обмана» Уголовного Кодекса Республики Молдова

(1) Умышленное представление ложной информации с целью получения кредита, ссуды или страхового возмещения/пособия или увеличения их сумм либо получения кредита или ссуды на льготных условиях, повлекшее причинение финансовому учреждению, небанковской финансовой организации, ссудо-сберегательной ассоциации или страховщику ущерба в размере 500 или более условных единиц,

наказывается штрафом в размере от 1850 до 3350 условных единиц или лишением свободы на срок от 2 до 6 лет, а в случае юридического лица – штрафом в размере от 2000 до 4000 условных единиц с лишением права заниматься определенной деятельностью.

(2) Те же действия, если они нанесли ущерб в особо крупных размерах, наказываются штрафом в размере от 2350 до 3350 условных единиц или лишением свободы на срок от 3 до 8 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет, а в случае юридического лица – штрафом в размере от 4000 до 7000 условных единиц с лишением права заниматься определенной деятельностью или с ликвидацией юридического лица.

Согласно ст. 239 «Нарушение правил кредитования, политик по выдаче ссуд или правил предоставления страхового возмещения/пособия»

(1) Предоставление кредита, ссуды или страхового возмещения/пособия с умышленным нарушением законодательства, правил кредитования, политик по выдаче ссуд или норм финансовой предосторожности, повлекшее причинение финансовому учреждению, небанковской финансовой организации, ссудо-сберегательной ассоциации или страховщику ущерба в размере 500 или более условных единиц,

наказывается штрафом в размере от 1350 до 2350 условных единиц или лишением свободы на срок до 2 лет с лишением в обоих случаях права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет.

(2) Те же действия:

а) повлекшие причинение финансовому учреждению, небанковской финансовой организации, ссудо-сберегательной ассоциации или страховщику ущерба в особо крупных размерах;

б) приведшие к неплатежеспособности финансового учреждения, небанковской финансовой организации, ссудо-сберегательной ассоциации или страховщика,

наказываются штрафом в размере от 2350 до 3350 условных единиц или лишением свободы на срок от 2 до 7 лет с лишением в обоих случаях права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет.

В контексте данной работы полагаем уместным обратиться к статистике по указанным статьям. Ввиду неоднородности статистических материалов, предлагаем разбить исследуемый нами отрезок времени на два статистических периода: первый – с 2003 по 2014 гг., и второй – с 2015 по 2018 гг.

Подобное деление обусловлено тем, что пиком совершения правонарушений в сфере кредитования в РМ, согласно данным отчета Kroll, стал 2014 г. Предложенная периодизация позволяет выявить различия в сущности уголовного расследования преступлений в сфере кредитования в разное время, а также отследить тенденции в сложившейся на сегодняшний день ситуации.

Н.В. Шувалов в работе «Расследование преступлений, совершаемых в сфере кредитования»¹ выделил «типичную криминалистическую характеристику» и индивидуализировал механизм расследования преступлений в сфере кредитования, отмечая, что в структуру криминалистической характеристики преступлений в сфере кредитования необходимо включить следующие элементы: предмет преступного посягательства; время совершения преступления; место совершения преступления; обстановка, в которой совершено преступление; способ совершения преступления; следы преступления; личность преступника; данные о потерпевшей стороне; типичная исходная информация о преступлении.

Предметом преступного посягательства, как одного из структурных элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере кредитования, является кредит. Кредит в гражданском и финансовом плане понимается как ссуда денежных средств.

Вместе с тем, законодатель в части (1) ст. 239 УК РМ не уточняет форму предоставленного кредита, которая может быть любой, признанной законом. Таким образом, по назначению кредиты делятся на:

- 1) кредиты, связанные определенной операцией, и кредиты для покрытия общих нужд;
- 2) кредиты для финансирования некоторых статей баланса;
- 3) кредиты, предназначенные для финансирования инвестиций (краткосрочные или долговременные), или кредиты для финансирования казначейских операций;
- 4) специальные кредиты, которые в свою очередь делятся на:
 - а) потребительский кредит;
 - б) кредит, предназначенный для внешней торговли.

В зависимости от срока предоставления, кредиты могут быть: 1) краткосрочными; 2) среднесрочными; 3) долгосрочными.

В зависимости от способа погашения, кредиты классифицируются на: 1) рассроченные (на которые продлен срок погашения) кредиты и 2) кредиты, погашение которых происходит единовременно.

В зависимости от возможности ассоциации кредитных ресурсов, кредиты подразделяются на: 1) кредиты, предоставленные одной единственной финансовой организацией; 2) консорциальные кредиты. В зависимости от видов страхования, кредиты бывают: 1) застрахованными и 2) не застрахованными².

Таким образом, согласно ст. 239 УК РМ, предметом этого преступления являются: 1) денежные средства в качестве кредита или ссуды; 2) денежные средства или услуги в качестве страхового возмещения/пособия.

Предмет, согласно ст. 238 УК РМ, как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере кредитования, предполагает заключение банковского кредитного договора (в значении ст. 1236-1245 ГК РМ). В свою очередь, деятельность по займу средств предполагает заключение договора займа (ст. 867-874 ГК РМ)³.

При этом следует иметь в виду п. б) части (2) ст. 33 Закона № 171 от 11.07.2012 «О рынке капитала»⁴, который гласит, что инвестиционные общества могут предоставлять кредиты или займы клиенту для обеспечения совершения им сделки с одним или несколькими финансовыми инструментами, в которой участвует инвестиционное общество, предоставляющее кредит или заем.

Место, время и обстановка совершения преступления традиционно устойчивы и условны. Место совершения преступлений в сфере кредитования условно определяют, как место, где состоялась передача кредитных денежных средств (обычно, это финансово-кредитная организация).

При незаконном получении коммерческого кредита местом совершения преступления, как правило, будет место заключения кредитной сделки и место ее исполнения. При получении кредита по безналичной форме место совершения преступления также будет достаточно условным, так как определяется самим характером указанного расчета.

Заметим, что вопрос о том, где находится место преступления в случае получения кредитов путем обмана, может быть весьма запутанным (кредитор может находиться в одном месте, должник-организация – в другом, руководитель этой организации проживать в третьем, соответствующий договор может быть заключен в четвертом и т.д.).

Системный анализ действующего законодательства подводит к выводу о том, что местом преступления при получении кредита путем обмана является место, где должник обязан исполнить свое обязательство. Это место определяется в каждом конкретном случае исходя из положений закона, иных правовых актов, договора или существа обязательств. А при затруднениях в решении данного вопроса следует руководствоваться указаниями, содержащимися в ст. 573 ГК РМ «Место исполнения обязательства».

Местом получения кредитных средств физическими лицами будет кредитная организация, обслуживающая, как правило, клиентов-заемщиков, проживающих в данном районе. Для получения кредита юридическими лицами места нахождения заемщика и кредитной организации значения не имеют.

Время совершения преступлений в сфере кредитования можно определить достаточно точно, так как характер их совершения определяется достаточной продолжительностью. При получении кредита в финансово-кредитном учреждении клиент при оформлении множества соответствующих документов постоянно контактирует с представителями кредитной организации, на что, как правило, необходимо достаточно долгое время. При получении внутренних или внешних кредитов, предоставленных под гарантию государства, временные рамки еще более увеличиваются.

¹ Шувалов Н. Расследование преступлений, совершаемых в сфере кредитования: учеб. пособие. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2006. – С. 23.

² Brînză S., Stati V. Tratat de drept penal. Partea Specială, vol. 2. – Chișinău, 2015. – P. 63.

³ Reșetnicov A. Accepțiunea juridico – penală a noțiunii «document oficial» // Revista Națională de Drept. 2008. – N 2. – P. 38.

⁴ Закон Республики Молдова о рынке капитала, № 171 от 11.07.2012 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 14.09.2012. – N 193-197/665.

Время окончания преступлений, предусмотренных ст. 238, 239 УК РМ, считается с момента причинения ущерба в размере 500 или более условных единиц или в особо крупных размерах.

Временные параметры и место совершения преступления в структуре криминальной ситуации занимают особое место. Ни один из элементов криминальной ситуации немислим вне определенных пространственно-временных координат. Время и место совершения преступления играют двойную роль: с одной стороны, наряду с другими они являются элементами криминальной ситуации, и, с другой – они же являются объединительным началом, позволяя организовать все элементы в единую ситуацию.

Криминалистическая характеристика времени гораздо шире, чем его уголовно-правовое понимание. В уголовно-правовом аспекте интерес представляет лишь время совершения преступления, в криминалистическом – также и время его подготовки, сокрытия следов преступления, время протекания тех или иных процессов, явлений. Время как атрибут материи обладает целым рядом присущих ему свойств и качеств, основные из которых позволяют произвести ту или иную его классификацию¹.

Преступление, предусмотренное ст. 238 УК РМ, является более длящимся.

Время оформления необходимых документов для получения ссуды и представления их в кредитную организацию определяется кредитором-заемщиком самостоятельно.

Обстановка совершения преступления, по нашему мнению, занимает одно из ведущих мест в криминалистической характеристике указанных преступлений. Она способна влиять на формирование всех остальных элементов, в том числе определять поведение лиц, их особенности при совершении названных деяний.

Под обстановкой совершения преступления, в криминалистическом аспекте, понимается система различного рода взаимодействующих между собой до и в момент преступления объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения непрямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления².

Вполне современно звучит утверждение Кудрявцева В.Н. о том, что обстановка совершения преступления охватывает более широкий круг явлений, нежели непосредственные физические условия, в которых действует преступник, и включает также общую историческую и социально-политическую обстановку, конкретные условия жизни и деятельности общества, в котором было совершено преступление³. К этому следует добавить социально-экономическую ситуацию в стране и состояние правового регулирования экономических отношений.

Характеризуя обстановку совершения преступлений в сфере кредитования, нельзя не обратить внимание на ряд обстоятельств, связанных с состоянием экономики Республики Молдова. В данном контексте, целесообразно обратиться к отчету компании Kroll⁴, в котором указано, что объем кредитов, предположительно, мошеннических, предоставленных в 2014 году ВЕМ (Молдэкономбанк), BS (Соцбанк) и UB (Универсалбанк), составил 13,3 миллиарда леев, которые, вместе с доходами в размере 4,7 миллиарда леев, привели к совокупным убыткам соответствующих банков в размере 18 миллиардов леев. Данные цифры частично подтверждены суммой экстренных кредитов, предоставленных Национальным Банком Молдовы для данных банков под государственную гарантию в ноябре 2014 года (9,6 миллиардов леев) и, предположительно, в марте 2015 (5,6 миллиардов леев).

Ухудшение финансовой ситуации ВЕМ, BS и UB было вызвано рядом финансовых технологий, цель которых заключается в мошеннической добыче банковской ликвидности из соответствующих банков. Суть операций заключается в увеличении искусственным образом уровня ликвидности путём различных финансовых технологий, которые, в результате, позволили извлечь около 13,3 миллиарда леев в виде мошеннических кредитов⁵.

Если в отчете Kroll-I были установлены 39 компаний, то следует отметить, что их число увеличилось до 77 в Kroll-II. Из них 50 получили кредиты в период 2012–2014 гг.

Также следует отметить, что извлеченные из трех банков денежные средства получила группа людей из РМ, имена которых компания не раскрыла, отметив, что список будет передан в компетентные органы.

Итак, согласно отчету Kroll-II, страны, в которые украденный миллиард был распределен – это: Латвия (302,1 млн долл.), Молдова (другие банки, кроме тех трех, которые обанкротились – 169,3 млн долл.), Кипр (112,4 млн долл.), Китай (83,3 млн долл.), России (80,6 млн долл.), Австрия (56,1 млн долл.), Эстонии (51,4 млн долл.), Швейцария (42,8 млн долларов), США (25,5 млн. долларов), Гонконг (22,6 млн долларов), другие юрисдикции (115,5 млн. долларов)⁶, таким образом, мошеннические кредитные схемы можно оценивать на общую сумму 1,0 млрд долларов США.

¹ Волцешкая Т. Криминалистическая ситуалогия: монография. – М.: МГУ, 1997. – С. 76.

² Постановление Парламента Республики Молдова об образовании Следственной комиссии по рассмотрению порядка администрирования пакета акций государства в банке Banca de Economii S.A. и ситуации в банковско-финансовой сфере Республики Молдова. № 16 от 22.02.2013 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 27.02.2013. – № 41, статья № 138, дата вступления в силу: 22.02.2013.

³ Кудрявцев В. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 23.

⁴ Kroll/ 04 April 2015. Project Tenor – Scoping Phase. Final Report. Prepared for the National Bank of Moldova. – http://candu.md/files/doc/Kroll_Project%20Tenor_Candu_02.04.15.pdf

⁵ Ostavciuc D. ș.a. Cercetarea infracțiunilor din materia crimei organizate: Ghid practic – Investigation of crimes in matters of organized crime: Practical Guide. – Chișinău, 2016. – P. 116.

⁶ См. содержание проекта Kroll II, Сводный отчет от 20 декабря 2017 г. – <https://drive.google.com/file/d/1WEzIHw5gUYwQBxQq5xPNQMFasTlxmYxG3/view>

В данном контексте, необходимо отметить решение Правительства РМ от 07.11.2014 (выдача гарантий Правительства и предоставление Национальным Банком Молдовы экстренных кредитов с полным покрытием всех отсутствующих фондов из трех банков), которое, в свою очередь, не являлось субъектом расследования компании Kroll. Однако это решение играет важную роль и связано с мошенничеством в банковской сфере, поскольку оно ускорило процессы, которые последовали после его утверждения¹. Отметим небольшую деталь в самом тексте Kroll-2, «Молдова (другие банки, кроме тех трех, которые обанкротились – 169,3 млн долл.)», соответственно, становится ясно, что кроме трех основных банков, существуют и другие банки, которые нигде не называются.

В качестве вывода можно отметить, что отчеты Kroll-I, как и Kroll-II, во-первых, имеют рекомендательный характер; во-вторых, не смогли определить все кредиты полученные от обанкротившихся трех банков. Поэтому, если расследование будет продолжаться, компания не исключает, что возможно выявление новых источников финансовых махинаций, но невозможно доказать связь со всеми организациями/компаниями, которые получили деньги от этих кредитов.

Таким образом, по нашему мнению, информация об обстановке совершения преступления в сфере кредитования должна содержать следующие данные:

- о криминогенной ситуации и нормативно-правовом регулировании правоотношений в сфере кредитования;
- о структуре и функциях кредитной организации; условиях деятельности кредитной организации при совершении операции кредитования; перечне необходимых документов и порядке их оборота;
- о деятельности подразделений банка на этапах мониторинга;
- о деловых и моральных качествах сотрудников кредитной организации (непосредственных исполнителей и руководителей, принимающих решения).

В данном ракурсе событие преступления следует рассматривать не как генезис одной единственной криминальной ситуации, а как последовательную смену нескольких из них. Еще более близки понятия «криминальная ситуация» и «обстановка совершения преступления». Некоторые авторы не видят принципиальной разницы между ними². Тем не менее, если признать, что обстановка совершения преступления – это «система, включающая в себя материальные, социально-психологические элементы окружающей преступника и специально выбранной им среды», то криминальная ситуация – это условия, создаваемые индивидуальным сочетанием отдельных проявлений элементов преступной деятельности уже после начала действий (бездействий) субъекта преступления. Таким образом, понятие криминальной ситуации несколько шире, чем понятие обстановки совершения преступления, поскольку она входит в криминальную ситуацию на правах одного из ее элементов³.

Следует отметить, что ошибки в расследовании преступлений в сфере кредитования во многом обусловлены недостаточным изучением условий, в которых функционирует финансово-кредитная система Республики Молдова, нормативных документов, регламентирующих порядок осуществления кредитных операций, а также тем, что своевременно не выявляются и не устраняются факторы, способствующие совершению преступлений в сфере кредитования.

Одним из подтверждений этого является то, что (согласно официальному источнику) «в период кражи миллиарда могла быть деблокирована любая сумма денег из банков без того, чтобы НЦБК знал об этом»⁴. Доказывают вышесказанное изменения в Законе № 190 от 26.07.2007 г. «О предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма»⁵, внесенные Законом № 67 от 07.04.2011 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон о предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма № 190-XVI от 26 июля 2007 года»⁶, (проект 1672)⁷, которые предусматривали в статье 14, часть (1), что «по истечении срока 5 рабочих дней со дня вынесения решения отчетная единица обязана выполнить приостановленную операцию не позднее рабочего дня, следующего после истечения срока приостановления», и дополнить статью частями (11) и (12).

Соответственно, указанный пробел в законодательстве предоставлял множество возможностей заинтересованным лицам. В частности, если опротестовывалось приостановление банковской операции, было достаточно просто зарегистрировать само исковое заявление, и в результате суд был не в состоянии в столь короткое время законно оповестить Службу по борьбе с отмыванием денег Национального Центра по борьбе с коррупцией, так как зарегистрированное исковое заявление, учитывая установленные законом сроки, являлось основанием для любого банка для разрешения начатого деяния.

¹ Observator de politici publice. Politici responsabili pentru dezvoltarea durabilă: r. 2, ianuarie 2018 / Transparency International. – http://ipn.md/infoprime/UserFiles/Image/Comunicate_anexe/TIM_Observator_2.pdf Moldova

² Образцов В. О криминологической классификации преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1980. – № 33. – С. 94.

³ Волчеккая Т. Криминологическая ситуалогия: монография. – М.: МГУ, 1997. – С. 86.

⁴ <http://www.timpul.md/articol/cristina-arna-in-perioada-fraudei-bancare-putea-fideblocata-orice-suma-de-bani-fara-ca-cna-sa-tie--123062.html>

⁵ Закон Республики Молдова о предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. № 190 от 26.07.2007 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 07.09.2007. – № 141–145, статья № 597.

⁶ Закон Республики Молдова о внесении изменений и дополнений в Закон о предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. № 67 № 190-XVI от 26 июля 2007 года // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 23.04.2011. – № 69, статья № 173.

⁷ Observator de politici publice. Politici responsabili pentru dezvoltarea durabilă: r. 2, ianuarie 2018 / Transparency International. – http://ipn.md/infoprime/UserFiles/Image/Comunicate_anexe/TIM_Observator_2.pdf Moldova

Впоследствии для урегулирования сложившейся ситуации был принят Закон № 179 от 25.07.2014 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты»¹, которым были внесены изменения и дополнения в ст. 14 Закона № 190-XVI от 26.07.2007 «О предотвращении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма» и в ст. 21 Закона № 793-XIV от 10.02.2000 «Об административном суде»², что позволяло избежать существенных рисков для самого государства. Типичные следы преступления и места их вероятной локализации, как справедливо отмечается в научной литературе, должны устанавливаться и описываться параллельно с описанием действий или бездействия, с помощью которых достигаются цели преступного посягательства и типичные последствия применения того или иного способа. Их раздельное описание не достигает цели, поскольку его надо производить «либо от следов применения данного способа с тем, чтобы по ним раскрыть механизм преступления, либо к следам этого способа, чтобы, зная его, суметь обнаружить доказательства совершенного преступления и установить личность преступника»³.

Подготовка к получению кредита, совершение действий по завладению кредитными средствами и сокрытие фактов обманных действий ведут к возникновению разнообразных материальных изменений, которые в криминалистике принято называть следами преступления или следами-признаками.

Данные о личности преступника (субъекте) являются существенным компонентом криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в сфере кредитования.

Как справедливо отметил С. Дораш, личность обвиняемого в совершении преступления состоит из совокупности социальных, юридических, физических и психологических характеристик, которые отличают его самого и его поведение по отношению к органу уголовного расследования и судебной инстанции⁴.

Субъектом преступления⁵, предусмотренного ст. 238, 239 УК РМ, является физическое лицо, которое в момент совершения преступления достигло 16 лет, но с определенной разницей. Согласно ст. 238 УК РМ, в качестве специального субъекта выступает юридическое лицо (исключение составляют органы публичной власти), что касается ст. 239 УК РМ, то специальный субъект – это работники, руководитель кредитной организации.

Субъекты преступлений в сфере кредитования, как показывают проведенные исследования, существенно отличаются от субъектов, совершающих общеуголовные преступления.

В вопросе определения сущности криминалистического изучения преступника нам импонирует мнение Волчецкой Т.С.⁶, которая выделяет основные его аспекты, представленные совокупностью следующих компонентов:

1. Антропологические признаки личности (анатомические и функциональные).

2. Социально-демографические признаки, включающие в себя: а) социальный статус личности, то есть ее принадлежность к определенному социальному слою и группе с социально-демографической характеристикой (Ф.И.О., пол, возраст, место жительства, образование, место работы, семейное положение и проч.); б) социальные функции (роли) личности, представляющие собой совокупность деятельности лица в системе общественных отношений как гражданина, члена трудового коллектива, семьянина и проч.; в) нравственно-психологическая характеристика преступника – отношение личности к социальным ценностям и выполняемым социальным функциям (идеологическое мировоззрение, отношение к труду, к семье, досугу, отношение к закону, правопорядку, самооценка).

3. Психологическая сторона личности (эмоциональные, волевые, интеллектуальные особенности, темперамент, психическая среда обитания). Следует также учитывать и особенности личности в отношении ее психического здоровья – как психические аномалии, так и различного рода пограничные состояния – психопатия, алкоголизм, наркомания, слабоумие в форме дебильности, не исключающее вменяемости, травмы центральной нервной системы.

4. Побудительная сфера личности (потребности, интересы, мотивы, установки).

5. Криминологические признаки (степень антиобщественного поведения, наличие судимостей).

По мнению того же автора, в качестве классификационных оснований криминальных ситуаций по их субъекту могут выступать признаки преступника, цель и мотив, по которым возникают криминальные ситуации, признаки объектов преступления, признаки средств преступления. Так, например, по различным качествам и особенностям субъекта преступления можно выделить ситуации, в которых действуют: а) совершеннолетний либо несовершеннолетний субъект; б) мужчина или женщина; в) вменяемое лицо или человек с психическими аномалиями; г) субъект с уравновешенными психологическими качествами или акцентуированная личность; д) лица, имеющие особые отношения с объектом преступного посягательства; е) рецидивисты; ж) сезонные работники; з) лица, отбывающие наказание в исправительно-трудовых учреждениях или находящиеся в следственных изоляторах; и) иностранцы⁷.

Данные о потерпевшей стороне. Потерпевшей стороной по преступлениям в сфере кредитования выступают банки, их филиалы и финансово-кредитные учреждения.

Наиболее типичной исходной информацией по преступлениям, связанным с кредитованием, являются:

¹ Закон Республики Молдова о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты. № 179 от 25.07.2014 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 08.08.2014. – № 231–237, статья № 537

² Закон Республики Молдова об административном суде. № 793-XIV от 10.02.2000 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 18.05.2000. – № 57–58, статья № 375, дата вступления в силу: 18.08.2000.

³ Белкин П.С. Курс советской криминалистики: криминалистические средства, приемы и рекомендации. Пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР, Т. 3. – Москва: Акад. МВД СССР, 1979. – С. 191.

⁴ Doraş S. Criminalistica. – Chişinău: Tipografia centrală, 2011. – P. 521.

⁵ Prodan S. Răspunderea penală pentru infracţiunile legate de creditare. Autoref. tezei de doctor în drept. – Chişinău, 2007. – P. 20.

⁶ Волчецкая Т. Криминалистическая ситуалогия: монография. – М.: МГУ, 1997. – С. 79.

⁷ Там же. – С. 82.

- сообщение банка или иной кредитной организации о получении кредита путем обмана либо нарушении правил кредитования;
- сообщение налоговой инспекции, аудиторской фирмы, других ревизионных органов о наличии коммерческой организации, не занимающейся никаким видом деятельности, но аккумулирующей средства на своих счетах или счете;
- материалы, выделенные из других уголовных дел, а также поступающие от судебных инстанций (по гражданским делам);
- материалы правоохранительных органов, содержащие специально-розыскные данные.

Типичная исходная информация о преступлении. Анализ поступающей в правоохранительные органы исходной информации, проведенный с позиции комплексного подхода, позволяет констатировать, что сведения о противоправном деянии необходимо различать в зависимости от: а) способа подготовки, совершения и сокрытия; б) наличия объектов преступного посягательства; в) установления данных о местах локализации следов преступной деятельности тех или иных субъектов; г) продолжительности преступной деятельности и сплоченности между субъектами; д) количества эпизодов и числа лиц, участвовавших в преступлении. На основании этого, во всем объеме исходной информации, мы должны исследовать обстановку, сложившуюся на определенном этапе совершения преступления, которая также способствует получению необходимой информации.

В.М. Шувалов¹, предлагая типовую криминалистическую характеристику, ввел своего рода правовой режим для разных видов преступлений, тем самым сузив предлагаемую им типовую криминалистическую характеристику до уровня криминалистической характеристики конкретного вида преступления. Одним словом, все вышеуказанные элементы, такие как предмет преступного посягательства; время совершения преступления; место совершения преступления; обстановка, в которой совершено преступление; способ совершения преступления; следы преступления; личность преступника; данные о потерпевшей стороне; типичная исходная информация о преступлении, а также, как было отмечено выше, и обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию являются, по сути, основными элементами криминалистической характеристики в целом.

Органы уголовного преследования, специализирующиеся на уголовном расследовании преступлений в сфере кредитования, должны начинать свою работу с глубокого анализа не только норм уголовного закона, но и, как правило, других законов, регламентирующих вопросы кредитования. Например, получение кредита путем обмана, указанное в части (1) ст. 238 УК РФ – это материальное преступление. Оно считается оконченным с момента причинения вреда финансовым учреждениям, финансовым небанковским учреждениям, ссудо-сберегательным ассоциациям в размере 500 или более условных единиц.

Важно отметить, что криминалистическая характеристика преступлений в сфере кредитования является ключевым, основополагающим моментом для разработки методических рекомендаций по выявлению и своевременному уголовному преследованию преступлений рассматриваемой категории.

¹ Шувалов Н. Расследование преступлений, совершаемых в сфере кредитования: учеб. пособие. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2006. – С. 85.

Филиппова Ю.А.

руководитель отдела макроэкономического анализа Центра стратегических исследований при
Главе Республики Саха (Якутия), г. Якутск
Julie-f@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) НА ОСНОВЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ФАКТОРОВ

Ключевые слова: муниципальное стратегическое планирование, пространственное развитие, Север, стратегия социально-экономического развития муниципального района.

В 2022 году Республика Саха (Якутия) отмечает знаменательную дату – 100 ление ЯАССР – Якутской автономной советской социалистической республики. Самое большое в мире административно-территориальное образование за достаточно короткий исторический период прошло невероятные масштабные изменения в социальной сфере и экономике, превратившись из исторически отсталого, удаленного от политического центра России региона в драйвер экономического роста на Дальнем Востоке, благодаря реализации стратегических планов разных периодов.

На современном этапе крупные инвестиционные проекты в топливно-энергетическом комплексе, продолжение масштабных проектов в традиционных для региона отраслях – алмазо-, золото-, угледобыче, инфраструктурные изменения (строительство железнодорожной линии до г. Якутска, строительство ЛЭП, газификация населенных пунктов Центральной и Западной Якутии) формируют успешный профиль динамично развивающегося региона, экономическое пространство которого характеризуется уверенным ростом макроэкономических показателей.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года также подчеркивает значительную роль Республики Саха (Якутия) в формировании сбалансированного национального экономического пространства. В ключевом стратегическом для страны документе выделены такие точки экономического роста, как муниципальные образования Республики Саха (Якутия), специализирующиеся на добыче алмазов, золота, топливно-энергетических ресурсов. К сожалению, на этом представление перспектив региона заканчивается. Отметим, что и весь Дальний Восток продолжает рассматриваться как сырьевой придаток, поскольку не имеет необходимой численности населения для создания сети агломераций, которые являются в рамках теории пространственного развития основой для самостоятельного воспроизведения экономической деятельности с мультипликативным эффектом.

Таким образом Стратегия пространственного развития, пронизанная идеями агломерационной концепции пространственного развития, не способствует поиску альтернативных решений для таких регионов, как Республика Саха (Якутия). Между тем сбалансированное пространственное развитие регионального экономического пространства является первым шагом к снижению дифференциации социально-экономического развития регионов России.

В последние десятилетия все большую популярность приобретают идеи сетевой структуры экономики, «экосистем» и сетевых сопряженных производств в контексте четвертой промышленной революции. Идеи сетевого подхода в развитии арктических территорий развиты Пилясовым А.Н.¹, в работах которого северная периферия рассматривается многоаспектно: на муниципальном, региональном, зональном (Арктика) уровнях, как районы Севера вне транспортной доступности, как места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера. На северных территориях России сельская местность остается основным элементом опорного каркаса территории, вопросы повышения связности и однородности экономического пространства региона в Арктической зоне не обсуждаются.

В противовес П. Кругману с идеями кластеризации экономической деятельности в пространстве и формирования крупных агломераций Пилясов А.Н. подчеркивает необходимость в макрорегионе рассчитывать в основном на внутренние ресурсы, что соответствует новым теориям регионального развития, которые развивают эндогенные модели роста и развития.

На основе изучения арктических территорий различных регионов России Пилясов А.Н. выделяет выраженные пространственные факторы развития северных периферийных сообществ: переход поселкообразующего предприятия к непромышленному типу, рост значения традиционных видов хозяйствования, активное решение проблем северного завоза, избыток трудовых ресурсов в западной части макрорегиона, выраженная мобильность в организации общественной жизни (освоение без поселения, челночные миграции, формы доставки социальных услуг).

Не менее важно понимание «замкнутости» большинства экономик северных территорий, невозможности включения дальних сельских территорий Арктической зоны в систему «центр-периферия» без разрешения проблемы транспортной связанности на основе автотрасс, водных путей и малой авиации. Традиционные виды хозяйствования

¹ Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.

ния становятся безальтернативными не только в местах компактного проживания малочисленных народов Севера, к сожалению, модернизация натурального хозяйства общин не возможна без прямой государственной поддержки. При этом подобные «замкнутые сообщества» не вступают в межмуниципальные связи с возможностью коммерциализации своей деятельности, в ДВФО, например, только муниципальные районы Хабаровского края активно развивают межмуниципальное коммерческое сотрудничество.

На основе анализа современных концепций экономического пространства можно выделить основные подходы в развитии экономического пространства, которые способствуют повышению его качества и устойчивому развитию:

– поляризация экономической деятельности остается ключевым фактором долгосрочного развития территорий, выявление и стимулирование региональных полюсов с концентрацией экономической деятельности на основе экзогенных моделей экономического роста должно стать базовой задачей региональной экономической политики,

– на северных территориях эндогенные модели роста основаны на горизонтальных социально-экономических отношениях на основе нерыночных сетевых способов взаимодействия, государственным инвестициям отводится роль интеграторов периферийных территорий в общее экономическое пространство региона,

– традиционные методы развития экономического пространства региона путем создания «осей развития» как главных транспортных коридоров, сохранение и развитие единого культурного пространства, формирование сети агломераций сельского типа, усиление межмуниципальных связей в различных сферах на основе общих инвестиционных и социальных проектов.

В соответствии с федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Республикой Саха (Якутия) принята Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2032 года с определением целевого видения до 2050 года (Закон Республики Саха (Якутия) 2077-3 № 45-VI от 19 декабря 2018 года). Стратегия нацелена на реализацию национальных задач в соответствии с Указом Президента РФ от 7.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». Освоение богатой минерально-сырьевой базы Якутии и строительство отдельных инфраструктурных объектов останутся источниками экономического роста как и в предыдущих региональных стратегических документах.

Таким образом, продолжает реализовываться ресурсно-сырьевая модель экономического роста региона, в которой перспективные минерально-сырьевые центры будут формировать «центр-периферийные» экономические связи. Между тем экономика значительной части муниципальных районов является периферией региона, значительно удаленной от региональных центров экономической активности.

Анализ валового муниципального продукта, который в Республике Саха (Якутия) выполняется с использованием методики расчета ВМП, разработанной Пуляевской В.Л. и утвержденной Министерством экономики Республики Саха (Якутия)¹, показывает следующее: по итогам 2020 года ВРП Республика Саха (Якутия) составил 1141,3 млрд рублей².

Таблица 1

Валовый муниципальный продукт муниципальных районов Республики Саха (Якутия) за период 2010–2020 гг.³

	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего по РС(Я)	386,8	889,4	942,0	1126,8	1220,3	1141,3
в том числе:						
ГО «город Якутск»	105,6	204,2	208,2	245,9	261,3	245,0
Мирнинский	69,8	210,4	189,6	272,2	286,5	255,1
Ленский	49,4	159,1	185,2	222,9	260,8	221,0
Нерюнгринский	43,4	67,8	89,1	92,8	87,6	66,9
Алданский	21,8	41,6	53,6	55,9	61,3	79,9
Нюрбинский	19,8	47,8	44,2	48,8	56,7	27,8
Олекминский	8,2	16,7	26,1	36,0	44,7	54,2
итого	318	747,6	796,0	974,5	1 058,9	949,9
доля ГО «город Якутск» и 6 ведущих муниципальных районов в ВРП РС(Я), в %	82,2	84,1	84,5	86,5	86,8	83,3
остальные МР	68,8	141,9	146,0	152,3	161,4	191,4

Источник: статистические данные по муниципальным районам, формируемые Саха(Якутия)стат в рамках Государственного заказа на проведение ежегодных республиканских специализированных наблюдений, не предусмотренных Федеральным планом статистических работ.

Анализ валового муниципального продукта показывает, что больше 80% валового регионального продукта формируется 6 муниципальными районами с выраженной промышленной специализацией по добыче алмазов, золота, угля, нефти и газа и городским округом «город Якутск». Остальные 28 муниципальных района и городской округ

¹ Пуляевская В.Л. Статистическое исследование уровня экономического развития муниципальных образований на платформе СНС: дисс...к.э.н: 08.00.12 / Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». 2015. – 168 с.

² По данным Саха (Якутия)стат.

³ Там же.

«Жатай» формируют меньше 20% ВРП РС(Я)¹. При этом несмотря на активные преобразования в экономике, реализацию крупных инвестиционных проектов, доля валовой добавленной стоимости, формируемой 6 сырьевыми муниципальными районами (без ГО «город Якутск»), с 2010 года по 2019 год выросла с 61,1 до 61,8%.

Расширенное изучения показателей пространственного развития и включение в анализ таких показателей, как инвестиции в основной капитал и среднесписочная численность работников организаций в разрезе муниципальных районов позволяет выделить муниципальные районы, которые увеличивают либо сокращают свое присутствие в региональном экономическом пространстве (по средней доле в общем показателе по Республике Саха (Якутия) и по средним темпам их изменения за период 2018–2020 гг.).

Дополнительно автором были изучены темпы социально-экономических изменений по статистическим показателям, которые были отобраны на основе социологических опросов (актуальные проблемы, выделенные местным населением), и проведен содержательно-структурный анализ стратегий социально-экономического развития муниципальных районов. Более подробно критерии оценки качества стратегического управления социально-экономическим развитием муниципальных районов Республики Саха (Якутия) рассмотрены в статьях «Оценка качества стратегического планирования муниципальных районов (на примере Республики Саха (Якутия))»² и «Концепция стратегического планирования в Республике Саха (Якутия): пространственное развитие муниципальных районов как фактор устойчивого развития (Россия, Якутск)»³.

Проведенная автором оценка качества стратегического управления социально-экономическим развитием муниципальных районов позволила выделить 4 типа стратегического управления:

Таблица 2

Типы стратегического управления социально-экономическим развитием муниципальных районов Республики Саха (Якутия) и их характеристики

№ группы	Количество муниципальных районов по итогам оценки	Тип стратегического планирования на муниципальном уровне	Основные характеристики типа стратегического планирования
1	6 – Кобяйский, Ленский, Нерюнгринский, Олекминский, Таттинский, Усть-Алданский районы	Диверсификационно-пространственный тип стратегического управления	Высокий уровень потенциала пространственного развития МР (влияния показателей МР на экономическое пространство региона) в сочетании с высокими или средними уровнями целеполагания и решения социально-экономических проблем МР
2	10 – Алданский, Верхневиллюйский, Виллоийский, Мегино-Кангаласский, Мирнинский, Намский, Сунтарский, Усть-Майский, Чурапчинский районы.	Модернизационно-мобилизационный тип стратегического управления	Низкий уровень потенциала пространственного развития МР в сочетании с высокими и/или средними уровнями целеполагания стратегического управления социально-экономическим развитием МР и темпами изменений в социально-экономическом развитии МР
3	6 – Амгинский, Виллоийский, Горный, Нюрбинский, Оймяконский, Хангаласский районы.	Программный тип стратегического управления	Низкий уровень потенциала пространственного развития МР в сочетании с низкими или средними темпами социально-экономических изменений и уровнем целеполагания
4	13 – Абыйский, Булунский, Аллаиховский, Анабарский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский районы.	Арктический тип стратегического управления	Несмотря на разработку Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) до 2032 года, целеполагание стратегического управления МР обусловлено объективными факторами функционирования МР, а именно безальтернативность для местного населения традиционных видов хозяйствования. Несмотря на наличие крупных инвестиционных проектов, во всех арктических МР не предусмотрены в стратегиях значительные экономические изменения, в половине МР отсутствует потенциал пространственного развития.

Источник: составлено автором.

С учетом изложенным особенностей экономической деятельности муниципальных районов Республики Саха (Якутия), государственная политика стимулирования на региональном уровне отдельных территорий, основанная на центр-периферийной модели экономического роста, обоснована и эффективна при действующих ограниченных инвестиционных ресурсах только на части регионального экономического пространства, где реализуется диверсификационно-пространственный и модернизационно-мобилизационный типы стратегического управления.

¹ Кондратьева В.И., Пуляевская В.Л. Методический подход к определению места муниципального образования в экономическом пространстве региона // Вестник НГУЭУ. 2017. – № 4. – С. 77–85; Пуляевская В.Л. Валовой муниципальный продукт в оценке уровня экономического развития Республики Саха (Якутия) // Вестник НГУЭУ. 2015. – № 4. – С. 135–144.

² Филиппова Ю.А. Оценка качества стратегического планирования муниципальных районов (на примере Республики Саха (Якутия)) // Регионалистика. 2021. – Т. 8, № 6 – С. 38–52. – <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.38>

³ Филиппова Ю.А. Концепция стратегического планирования в Республике Саха (Якутия): пространственное развитие муниципальных районов как фактор устойчивого развития (Россия, Якутск) // Проблемы современной экономики. 2022. – № 1 (81). – С. 144–148.

Для муниципальных районов, расположенных в Центральной Якутии, городская агломерация Якутска может быть драйвером экономического роста при условии формирования в них дополнительной экономической специализации.

В муниципальных районах, где тип стратегического управления сформирован по программно-целевому принципу и в арктической зоне региона, предлагается развивать сетевую-узловой подход, который будет заключаться в развитии нерыночной сетевой кооперации экономических партнеров. Данные территории представляют собой сельскую местность или места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера — районы вне круглогодичной транспортной сети. Основным элементом опорного каркаса территории является сельская местность, без реализации задачи повышения связности и однородности экономического пространства региона, государственные инвестиции и внутренние ресурсы территории будут основными источниками преобразований.

Чекменев Д.С.

д.полит.н., доцент, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, Пятигорский государственный университет

Соловьева Е.А.

к.полит.н., доцент, Пятигорский государственный университет

МОДЕЛИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (ОПЫТ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

***Ключевые слова:** местное самоуправление, территориальная организация местного самоуправления, одноуровневая модель организации местного самоуправления, городской округ, муниципальный округ, реформа территориальной организации местного самоуправления.*

Актуальность проблематики настоящей темы связана с проводящимся в современной Российской Федерации процессом реформирования территориальной организации местного самоуправления, принципиальным инструментом которого является укрупнение муниципальных образований, что должно обеспечить более эффективное использование имеющихся муниципальных финансово-экономических ресурсов (здесь, прежде всего, имеет смысл говорить об экономии финансовых ресурсов за счет радикального сокращения количества органов местного самоуправления) и более эффективное решение социально-экономических задач, стоящих перед местным самоуправлением.

Соответственно в результате реформирования территориальной организации местного самоуправления могут сложиться две его принципиальные модели: двухуровневая модель, которая предусматривает сохранение поселенческого уровня организации местного самоуправления – соответственно в определенном субъекте РФ будут наличествовать как муниципальные округа, так и муниципальные районы; одноуровневая модель – на территории субъекта РФ существуют только городские округа и муниципальные округа (уровень поселения упразднен).

Здесь отметим принципиальный момент – на современном этапе может существовать и альтернативный (альтернативный поселением) второй уровень организации местного самоуправления – отдельные территории городских округов, наделенные статусом муниципальных образований – в настоящей статье мы не принимаем их в расчет, так как, во-первых, их образование не носит обязательного характера, и, во-вторых, они образуются только в крупных городских округах. Соответственно, ввиду того, что они не имеют системного значения (мы, безусловно, признаем их ситуативное значение) мы их не рассматриваем.

Ставропольский край является одним из ведущих субъектов РФ в составе Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), выделенного из состава Южного федерального округа в 2010 г. в связи с насущными проблемами политики и экономики. В качестве одной из значимых геополитических характеристик Ставрополя отметим его границы со многими субъектами РФ СКФО и ЮФО, которые являются республиками – Республикой Дагестан, Республикой Калмыкией, Чеченской Республикой, Республикой Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской Республикой, Карачаево-Черкесской Республикой, а также с Краснодарским краем и Ростовской областью. По сути, регион является неким средоточием социальных свойств сообществ Северного Кавказа с выраженной полиэтничностью и поликонфессиональностью, что влияет на разработку и внедрение политико-управленческих доктрин и технологий организации и самоорганизации жизни населения.

Особенностями, определяющими значимость опыта Ставропольского края в вопросах реформирования территориальной организации местного самоуправления, являются: во-первых, то, что край выступает в качестве субъекта РФ, в котором был максимально быстро осуществлен переход к новой системе территориальной организации местного самоуправления (причем это относится как к периоду 2003–2006 гг., так и к современному периоду); во-вторых, край имеет ряд территориальных, социально-экономических и демографических характеристик, в существенной степени отражающих особенности современной России: сочетание урбанизированных территорий и ярко выраженных сельских территорий на относительно небольшой территории субъекта, наличие территорий с высокой и низкой плотностью населения, существование исторических территориальных агломераций, наличие территорий с ярко выраженной специализацией (сельское хозяйство, промышленность, рекреация) и т.д.

При проживании в крае русского населения как доминирующего (более 80%) многие территориальные зоны Ставрополя отличаются компактным проживанием определённых этнических групп (армян, даргинцев, карачаевцев, ногайцев, туркмен, цыган), что обязывает органы местного самоуправления к учету историко-культурных традиций, этноконфессиональных ориентиров населения в ходе организационно-статусных преобразований системы органов МСУ. Также Ставропольский край является традиционно привлекательным для въездной миграции – трудовой, учеб-

ной, досуговой, курортно-туристической – жителей соседних субъектов РФ, что существенно влияет на социальный портрет населения, динамика параметров которого должна учитываться в ходе «нового муниципального строительства»¹.

В настоящее время, согласно последней редакции закона Ставропольского края о местном самоуправлении в крае², оно осуществляется на всей его территории в следующих видах и типах муниципальных образований: поселения (городские и сельские), городские и муниципальные округа, а также муниципальные районы. Отдельно допускается возможность наличия внутригородских районов в городских округах.

На современном этапе в Ставропольском крае существует только два вида муниципальных образований – городские округа и муниципальные округа.

Массовая трансформация муниципальных образований в новую одноуровневую систему организации местного самоуправления была осуществлена в крае в 2020 г. Ключевым процессом здесь было образование муниципальных округов, которые создавались на базе существовавших муниципальных районов.

Данный процесс носил сплошной характер. То есть механически все муниципальные районы были трансформированы в муниципальные округа. Подобная практика, очевидно, отражает тенденцию унификации системы организации местного самоуправления. Однако ее принципиальная целесообразность вызывает определенные вопросы – все-таки местное самоуправление должно учитывать наличие некой местной специфики, исторического опыта.

Здесь следует отметить, что процесс укрупнения муниципальных образований, начавшийся в России с 2012 г., активно развернулся в Ставропольском крае с 2015 г. Укрупнение реализовывалось по модели объединения городского округа и прилегающего муниципального района, которые имели, как правило, тесные исторические и социально-экономические связи, в единый городской округ. Так, например, появились Георгиевский городской округ (были объединены городской округ г. Георгиевск и Георгиевский муниципальный район), Минераловодский городской округ (были объединены городской округ г. Минеральные Воды и Минераловодский муниципальный район). Здесь отметим, что, по сути, вновь образованные муниципальные округа не отличаются от городских округов, образованных на территории Ставропольского края после 2015 г. Однако процесс реформирования территориальных основ местного самоуправления в крае 2020 г. их не затронул. Соответственно в настоящее время в крае наличествуют городские округа (образованные после 2015 г.) и муниципальные округа (2020 г.), которые по своему социально-экономическому характеру практически идентичны, а разница в правовом статусе носит во многом формальный характер.

Примечательным представляется результат данных преобразований. Так, в конце 2019 г. на территории Ставропольского края насчитывалось 201 муниципальное образование³, а по состоянию на 1 марта 2021 г. их осталось только 33 (16 городских округов и 17 муниципальных округов)⁴. В этом контексте следует отметить, что тенденция сокращения числа муниципальных образований имела место с 2015 г. – так, на момент начала преобразования территориальной организации местного самоуправления в крае насчитывалось 330⁵, муниципальных образований, в 2016 г. их число сократилось до 315⁶.

Таким образом, в 2021 г. в крае поселенческий уровень муниципальных образований был упразднен, в настоящее время местное самоуправление в крае имеет одноуровневую территориальную организацию местного самоуправления.

Анализ практики Ставропольского края в сфере реформирования территориальных основ местного самоуправления позволяет обозначить следующие вызовы и проблемы:

– локальная, но эмпирически фиксируемая неоднозначная реакция местного населения соответствующих муниципальных образований (проявляются опасения и настороженность, особенно это присуще тем или иным группам местной политической и экономической элиты). При этом мы отмечаем, что это не характерно для широких слоев населения, реакция которых носит по большей части либо отстраненный характер, либо демонстрируется некоторая поддержка произошедших преобразований;

– риск ослабления связи между созданными органами местного самоуправления муниципальных округов и населением упраздненных поселений. Это усугубляется фиксируемым отстранением населения от местного самоуправления, его неготовностью принимать активное участие в его деятельности;

– риск «выключения» территорий упраздненных поселений из активной социально-экономической и общественно-политической жизни. Здесь мы признаем, что существовавшие органы местного самоуправления поселенческого уровня были своего рода драйверами, инициаторами развития своих территорий (как минимум, они были обязаны вести определенную работу). В их же отсутствии существует риск, что эти территории «выпадут» из системы административных интересов.

Для снижения выделенных рисков и решения проблем представляется целесообразным задействование следующих мер:

¹ Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне Всероссийской переписи населения 2020 г. в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / Научн. конс. В.А. Тишков; отв. ред. М.А. Аствацатурова. – Петрозаводск: ПГУ, 2019. – 135 с.

² О местном самоуправлении в Ставропольском крае: Закон Ставропольского края от 02.03.2005 № 12-кз.

³ Информация по развитию системы местного самоуправления в Ставропольском крае по состоянию на 1 марта 2020 г. – <https://www.stavregion.ru/>

⁴ Там же

⁵ Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Ставропольского края за 2016 год. – <https://www.stavregion.ru/>

⁶ Информация по развитию системы местного самоуправления в Ставропольском крае по состоянию на 1 марта 2017 г. – <https://www.stavregion.ru/>

– усиленная, целенаправленная работа с местными элитами. Данная работа должна быть направлена на обеспечение гарантий (той или иной степени) возможности реализации собственно местных экономических интересов, гарантий поддержки развития местных хозяйствующих субъектов;

– интенсификация социально-экономических программ на территориях упраздненных муниципальных образований. Это позволит предотвратить «выпадение» этих территорий из «фокуса административного внимания»;

– создание на территории упраздненных муниципальных образований на базе прежних администраций более «компактных» отделов администраций созданного муниципального округа. Это позволит облегчить жителям получения требуемых муниципальных услуг по месту жительства;

– обеспечение «гарантированного представительства» всех населенных пунктов, входящих в созданный муниципальный округ. В существенной степени это поможет нивелировать все выше обозначенные риски и угрозы.

В заключение отметим общие предварительные итоги функционирования одноуровневой модели территориальной организации местного самоуправления в Ставропольском крае.

1. В крае создана одноуровневая модель, имело место радикальное сокращение количества муниципальных образований (поселенческий уровень упразднен).

2. Реакция населения носила сдержанно-оптимистический характер, при этом отмечались протесты, которые имели локальный характер. Они были достаточно быстро преодолены и не имели политических последствий.

3. Уже фиксируется существенная экономия бюджетных ресурсов, связанная с сокращением количества органов местного самоуправления.

4. Органами государственной власти Ставропольского края заявляется существенное повышение уровня и эффективности местного самоуправления, что связано с общей консолидацией системы управления.

5. Процесс полной унификации территориальной организации местного самоуправления в крае пока не выявил необходимости какого-либо учета местной специфики на уровне принципов организации местного самоуправления.

Черникова В.В.

к.полит.н., доцент кафедры социологии и политологии исторического факультета Воронежского государственного университета
victoriacher@list.ru

СТРАТЕГИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ МОБИЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: стратегия регионального развития, санкции, гражданское общество, регион, межсекторное партнерство, форсайт, стратегическая сессия, «черный лебедь».

Keywords: regional development strategy, sanctions, civil society, region, intersectoral partnership, foresight, strategic session, black swan.

Стратегии регионального развития позволяют не только ставить цели региональной политики на ближайший период, но и формируют образ желаемого будущего региона. В условиях возникновения кризисов и форс-мажорных ситуаций, отказ от стратегических планов может привести к нарастанию хаоса и принятию неверных решений под воздействием аффектов. В то же время, жёсткое следование стратегическому плану, подготовленному в других условиях, может тормозить процесс принятия управленческих решений и гибкое реагирование на новые вызовы.

Стратегическое планирование определяет долгосрочные ориентиры для развития, снижает «уровень экономической неопределенности и связанных с ней рисков, стимулирует таким образом инвестиционную деятельность крупного, среднего и даже малого бизнеса, обеспечивая желательные структурные сдвиги и способствуя модернизационным процессам. Вместе с тем стратегическое планирование как таковое не препятствует свободному функционированию механизмов рыночного самодействия»¹.

Не случайно в регионах разрабатываются стратегии социально-экономического развития на определенный период, что позволяет иметь региону не только целевые горизонты развития, но и создавать медийную основу для работы бизнеса и инвесторов.

Значительное число региональных стратегий пишется на длительные сроки – от 5–6 лет (Ивановская, Челябинская области) до 23 лет (Пензенская область).

В то же время возможности и угрозы региональному развитию могут радикальным образом меняться, как это произошло в 2022 г. Это требует внесения корректировок в стратегии регионального развития с учётом новых вызовов и переосмысления вопросов, важных для реализации стратегии.

В настоящее время в России существует достаточно большое число нормативных актов и других документов, которые регламентируют стратегическое планирование. Многие из них не согласованы и слабо коррелируют друг с другом. В то же время в 2020 г. велись серьезные исследования в области выбора научно-методологических подходов к выстраиванию стратегического планирования². Наиболее часто исследователи обращают внимание на экспертные оценки. Они, безусловно, могут способствовать повышению эффективности реализации стратегий. Однако остается вопрос по включению заинтересованных акторов в процесс планирования.

Для стратегического планирования сейчас сложилась ситуация «Чёрного лебедя» – непредсказуемого происшествия, которое даёт толчок истории и меняет жизнь каждого человека, независимо от его желания. Нассим Николас Талеб, автор концепции «Чёрного лебедя»³ считает, что успех напрямую зависит от того, как обращаться с такими ситуациями. В условиях радикальных изменений, на которые невозможно повлиять, нужно найти наиболее креативные решения, выйти из рутины.

Нассим Талеб выделяет три основных критерия событий, которые он называет «Чёрный лебедь»:

- Событие является непредсказуемым для экспертов.
- Событие имеет значимые последствия.
- В ретроспективе событие имеет вполне рациональное объяснение.

К событиям такого рода относилась пандемия COVID-19 и вызванные ею ограничения, в 2022 г. таким «чёрным лебедем» стала спецоперация России на Украине и масштабные санкции стран Запада против России, хотя международные санкции были введены ещё раньше, но всеохватывающий характер они приобрели только в 2022 г.

¹ Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы / Е.Б. Ленчук, Ф.Г. Войтоловский, Д.Б. Кувалин // Проблемы прогнозирования. – М., 2020. – № 6. – С. 48.

² Например, Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы / Е.Б. Ленчук, Ф.Г. Войтоловский, Д.Б. Кувалин // Проблемы прогнозирования. – М., 2020. – № 6. – С. 48.

³ Талеб Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, 2016. – 736 с.

Международная ситуация создала такую реальность, когда региональные стратегии, ориентированные на международное сотрудничество, обмен технологиями со странами Европы, привлечение иностранных инвесторов столкнулись с беспрецедентной необходимостью перепостановки целей и направлений развития.

В сложившихся условиях важна не только гибкость планов, возможности более широкого горизонта осмысления процессов, но и устойчивость к неопределенности, готовность к рискам, расширение числа участников генерирования идей для стратегии развития и непосредственного видения будущего. Одним из значимых стейкхолдеров стратегии регионального развития является гражданское общество и жители региона.

Любое экономическое развитие ставит в центр человека, с его потребностями и возможностями. В рамках стратегического планирования основным заказчиком является не только власть, но и население, которое выражает свою поддержку в форме одобрения или неодобрения действующей власти через избирательную систему, акции протеста, ответы на вопросы социологических исследований.

Как верно отмечает Третьякова Л.А., эффективность реализации «стратегии формирования устойчивого регионального развития определяется степенью осознанного участия населения в управлении развитием территории через разнообразный инструментарий соответствующих институциональных механизмов»¹. К институциональным механизмам можно отнести такие, как включение местных органов власти (городских и региональных парламентов), различных объединений граждан – НКО, ТОСов, инициативных групп. Можно согласиться с Турченко В.Н. в том, что для успешной и эффективной реализации стратегии устойчивого развития социума региональные органы власти используют (и должны использовать) инструменты социального партнёрства. При этом социальное партнёрство опирается на взаимодействие институтов гражданского общества, которые являются субъектами общественных потребностей. Используя социальные ресурсы, органы власти, «обеспечивают весь диапазон выполнения многофункциональной нагрузки региона: оптимизируют функционирование экологической, экономической и социальной инфраструктуры, включая не только процесс планирования, но и инициирование развития «точек роста» по всем направлениям»². Запрос со стороны населения на определенный вектор развития, осознанный и адаптированный для Стратегии будет стимулировать всех стейкхолдеров к максимальной реализации поставленных задач. Адекватный ответ власти на запрос населения, артикулированный институтами гражданского общества, позволит сформировать доверие между основными субъектами реализации стратегии, что повысит её эффективность и позволит адаптировать базовое направление под актуальные вызовы.

Повышение эффективности формирования стратегии и её реализация возможно только при условии тесного межсекторного партнёрства власти, бизнеса и гражданского общества.

В 2021 г. Институтом социально-политических исследований и кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета было проведено исследование по проблемам развития гражданского общества³. Значимой темой исследования стало выявление развитости и устойчивости межсекторного партнёрства, готовности к совместным конструктивным действиям власти, бизнеса и гражданского общества.

К сожалению, треть граждан не могут охарактеризовать отношения между властью, НКО и бизнесом (34%). В то же время, 28,8% оптимистично полагают, что между властью и общественным сектором в регионе сложились партнерские отношения.

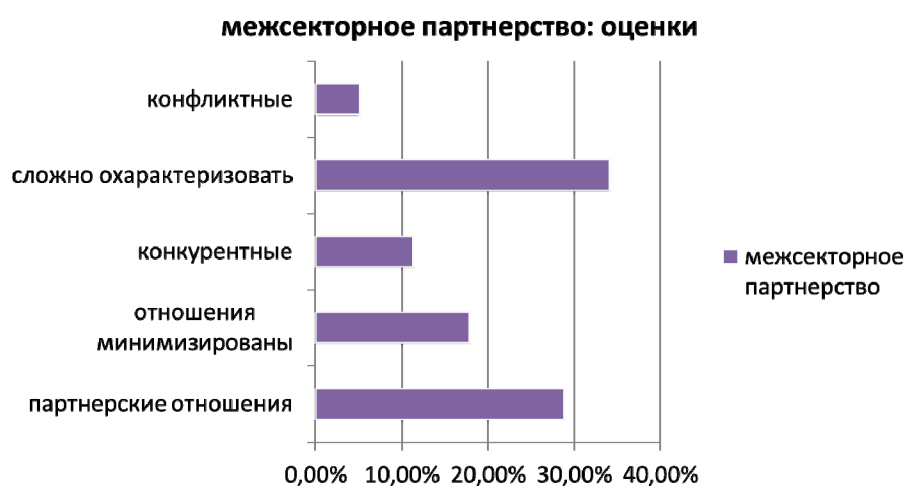

Рисунок 1.
Оценки жителями Воронежской области состояния отношений власти, бизнеса и гражданского общества

¹ Третьякова Л.А. Роль институтов гражданского общества в реализации стратегии устойчивого регионального развития // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 31(358). – С. 47–55. – <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-institutov-grazhdan-skogo-obschestva-v-realizatsii-strategii-ustoychivogo-regionalnogo-razvitiya>

² Турченко В. Н. Социально-экономические основы экологического кризиса и перехода к устойчивому развитию в России // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. – № 1. – С. 38–44.

³ Массовый опрос общественного мнения «О состоянии гражданского общества в Воронежской области в 2021 году» по заказу Общественной палаты Воронежской области (октябрь 2021 г.). Опрошено 400 человек старше 18 лет.

В своих ответах женщины более оптимистичны (32%), чем мужчины (25%). 17,8% считают, что отношения минимизированы – сектора существуют «параллельно», взаимодействие практически отсутствует. На присутствие в отношениях конкуренции указывают 11,3%. Не может не радовать, что только 6,8% полагают, что отношения конфликтные, при этом среди так считающих мужчин больше (8,7%), чем среди женщин (5,1%).

При рассмотрении озвученных претензий к уровню межсекторного партнёрства очевидной становится нехватка не только совместных проектов, но и информации об этом в открытых источниках, особенно в Интернете. Также, по мнению респондентов, власть поддерживает не все организации, а выборочно те, которые либо действуют в рамках политического вектора, либо занимаются актуальными и безболезненными для власти вопросами. В то же время, интерес со стороны граждан к налаживанию диалога общества и власти существенный. Если отбросить некоторые деструктивные высказывания о «жуликах везде», то прослеживается связь развития гражданского общества с расширением межсекторного партнёрства, в том числе от этого зависит и рост числа вовлеченных граждан в деятельность НКО, поскольку результативность деятельности рассматривается в совокупности с государственной поддержкой. Уверенность граждан в востребованности собственной инициативы во взаимодействии с властью и бизнесом, превращает общество в конструктивного игрока. Это отражается и в общественных настроениях.

Воронежцы показывают высокую заинтересованность в участии бизнеса в межсекторном партнёрстве. Так, 41% считает, что бизнес и НКО должны взаимодействовать на взаимовыгодной основе, 35% надеются на помощь НКО со стороны бизнеса и считают это верным направлением взаимодействия. 21,3% полагают, что задачи у бизнеса и НКО разные. Сотрудничество возможно, но прямой заинтересованности в нём нет.

В то же время, практика показывает, что конструктивное взаимодействие бизнеса и НКО способствует укреплению репутации, узнаваемости брендов и получению большей прибыли для бизнеса, а для НКО получение дополнительных ресурсов для реализации проектов. В то же время отсутствие конструктивного диалога и сотрудничества НКО и бизнеса приводит к разрушению репутации и соответствующим издержкам.

В условиях санкционного давления общество показывает различную реакцию на новые вызовы – от готовности дать отпор любому давлению и готовности заместить выпадающие ниши в связи с уходом западных компаний до депрессивных расстройств и миграционных ориентаций из-за боязни ухудшения социально-экономического положения.

В таких условиях важно формирование не просто консолидированного мнения, а выработки открытого диалога по поиску путей преодоления раскола и демонстрации своих возможностей.

Мобилизация потенциала гражданского общества для стратегического планирования в условиях санкций эффективна по ряду направлений.

1. Это роль интеллектуальных предложений для адаптации стратегии к новым реалиям. Вовлечение гражданского общества ситуативно позволит найти идеи по использованию «чёрного лебедя» поскольку гражданское общество не связано бюрократическими ограничениями и легче может рисковать.

2. Консолидация общества, власти и бизнеса для реализации уже намеченной стратегии. Здесь важен открытый диалог для поиска источников развития, инвестиций и поддержки региональной власти. На региональном уровне легче осуществляется конкуренция, под общественным контролем могут находиться инструменты поддержки населения, формироваться социальный капитал.

Среди механизмов, которые используются для вовлечения институтов гражданского общества и отдельных граждан в процесс стратегического планирования, можно выделить:

- Стратегические сессии
- Форсайт-сессии
- Форумы
- Диалоговые площадки
- Мониторинги
- Работу комиссий Общественной палаты
- Общественные советы
- Неформализованные площадки взаимодействия.

В рамках первого обозначенного направления привлечения общественности могут использоваться механизмы стратегических сессий и форсайтов.

Вызовы для региональных стратегий требуют оперативного и квалифицированного реагирования, что побуждает глав регионов проводить стратегические сессии. «Стратегическая сессия – это особый формат интерактивного взаимодействия, в ходе которого участники вырабатывают решения стратегических проблем и формулируют предложения по оптимизации управленческого процесса на различных уровнях»¹.

Для работы привлекаются не только представители власти и бизнеса, но и эксперты, в том числе представляющие институты гражданского общества, территориальных сообществ.

Стратегические сессии в Воронежской области проводятся ежегодно. Так 17 марта 2022 г. в Воронеже прошла ежегодная Стратегическая сессия «Современное государственное управление: новый этап реализации Стратегии-2035». В рамках Стратегической сессии состоялось обсуждение возможностей увеличения объема ВРП, как обобщающего показателя развития реального сектора экономики, характеризующего процесс производства товаров и услуг для конечного пользователя, совершенствования обращения с твердыми коммунальными отходами, развития ин-

¹ Глухова А.В. Стратегическая сессия как форма коллективного публичного лидерства (на примере Воронежской области) / А.В. Глухова, Д.В. Сосунов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. – № 1. – С. 5–13. – <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2022/01/2022-01-01.pdf>

женерной инфраструктуры с мультипликативным эффектом, улучшения демографической ситуации в регионе, поддержки темпов жилищного строительства и меры по его стимулированию, развития профессионального образования и подготовки высококвалифицированных кадров для экономики¹. Организатором стратегических сессий является Центр эффективности.

Не меньшее значение играют форсайт-сессии, которые представляют собой систему методов экспертной оценки стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития, выявления технологических прорывов, способных оказать воздействие на экономику и общество в средне- и долгосрочной перспективе². Обычно в рамках форсайт-проектов используется комбинация различных методов: экспертных панелей, метода Дельфи, SWOT-анализа, мозгового штурма, построения сценариев, деревьев релевантности и др.

Технология форсайта позволяет регионам найти конкурентные преимущества. Эта технология эффективна для поиска новых направлений развития в условиях высокой неопределенности. Успешное применение форсайтов в мировой практике на региональном уровне – Каталония (в Испании), Квебек в Канаде. В Каталонии, например, на основе форсайта была сформирована стратегия кластерного развития на основе тройного сдвига: от сектора к стратегическому сегменту, от кластера к микрокластеру и от анализа к стратегическим изменениям. Это позволило не просто создать новые предприятия, но и повысить качество человеческого потенциала, перейти к опережающему развитию.

Однако эти технологии предполагают ограниченное участие гражданского общества – через экспертов. Это, с одной стороны, способствует концентрации интеллектуального потенциала для решения задач регионального развития, с другой стороны, привлечение ограниченного круга экспертов, в значительной степени аффилированных с центрами принятия решений, может приводить к имитационному характеру стратегических сессий и форсайтов. Для успешного развития, даже в рамках форсайта, эксперты не всегда могут оценить значимость локальных преимуществ. Это делает необходимым расширение участия регионального сообщества в диалоге с властью относительно стратегии развития.

Таким механизмом могут быть Форумы, например, ежегодный Форум Столя, где собираются не только представители власти и бизнеса, эксперты, но и заинтересованные лица, которые могут принимать участие в работе диалоговых площадок, выступая с инициативами, вопросами, критикой или поддержкой.

Расширение диалоговых площадок возможно на базе профильных комиссий региональной Общественной палаты. Например, Комиссия по общественному контролю за реализацией нацпроектов и взаимодействию с общественными советами, Комиссия социальных инноваций и проектирования, Комиссия по экономическому развитию региона и благоприятной среды и другие, в зависимости от обсуждаемого блока проблем. В рамках комиссий проводятся мониторинги, что позволяет получать актуальную картину и общественные настроения.

Однако процесс активного включения Общественной палаты в стратегическое планирование, в деятельность по целеполаганию развития, контролю над реализацией Стратегии, экспертиза проектов и другая активность в этом направлении пока не достаточно укоренились в практике работы Общественной палаты. Механизмы оценки также пока плохо проработаны, что не позволяет в полной мере использовать весь имеющийся потенциал.

Вовлечение в стратегическое планирование Общественных советов пока не стало регулярной практикой. Однако здесь также есть определенные возможности, которые сосредоточены в секторах.

К сожалению, потенциал активных территориальных сообществ также мало используется для корректировки задач и выстраивания конструктивного диалога с гражданским обществом.

В то же время в условиях ускоренных изменений, необходимости принимать решения в нестандартной ситуации, какая сложилась в 2022 г., требуются креативные подходы и выявление ранее неочевидных драйверов роста.

Проблема доверия, которая не позволяет в полной мере достичь консенсуса в межсекторном партнерстве, характерна не только для отношения общества к власти, но и для отношения власти к институтам гражданского общества.

Расширение конструктивного взаимодействия будет способствовать росту вклада в экономику со стороны НКО. Это особенно ценно, поскольку основными благополучателями их деятельности являются локальные потребители. И это будет способствовать решению ряда других социальных задач, в том числе тех, которые заявлены в Стратегии регионального развития.

Уже сейчас Результаты работы дискуссионных площадок и необходимость ускоренной адаптации к новым вызовам стимулируют работу всех региональных стейкхолдеров.

В то же время, для достижения этой цели, как справедливо отмечают С. Кириллов, С. Никонов и А. Пакина, «в региональном стратегическом управлении в настоящее время достаточно остро встает вопрос о поиске новых моделей экономического развития, минимизирующих отрицательные последствия санкций и ограничений, которые сокращают доступ к капиталу и технологиям, экспортные доходы и, соответственно, являются существенным сдерживающим фактором»³. Обращает внимание, что понятие ограничений не исчерпывается только санкциями или международными ограничительными мерами, к ним можно отнести любые лимитирующие жизнедеятельность территории и ее субъек-

¹ Стратегическая сессия – 2022 / Центр эффективности правительства Воронежской области. – <https://cevrn.ru/2022/03/18/strategicheskaya-sessiya-2022/>

² Макаров С.А. Форсайт и долгосрочная стратегия как инструменты развития региона: опыт Республики Татарстан // ЭКО. 2020. – № 5 (551). – С. 175–191. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2020-5-175-192. – <https://iims.hse.ru/data/2020/05/04/1544510489/Makarov.pdf>

³ Цит. по: Одинцова Т.М. Проблемные аспекты стратегирования устойчивого развития регионов в условиях санкций и ограничений // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2021. – № 1 (40). – С. 232–245. – DOI 10.24412/2079-7958-2021-1-232-245. – <http://www.rep.vstu.by/bitstream/handle/123456789/14576/232-245.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

тов факторы, как, например, большинство мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, высветивших важность ситуативного подхода к управлению¹.

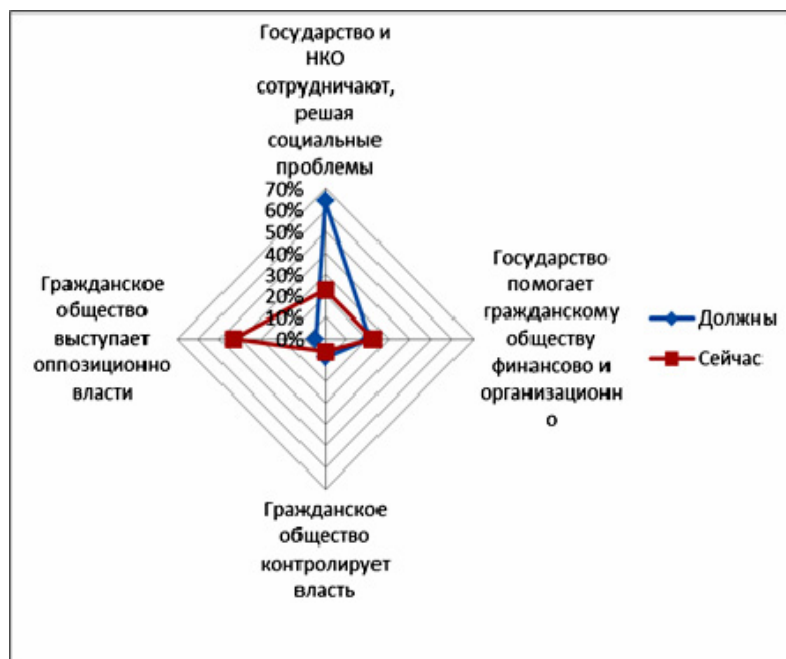

Рисунок 2.

Реальное состояние отношений государства и гражданского общества в оценках населения

Адаптация населения к ограничениям в период коронавируса сформировала новые модели бизнеса. Тренд на цифровизацию малого бизнеса, работу через социальные сети был прерван введением ограничений на работу в ряде популярных социальных сетей, что привело к поиску новых моделей ведения бизнеса и новых моделей планирования.

Результатом такого поиска становится трансформация зарубежных моделей к региональной российской действительности. В том числе, проведение стратегических сессий по вопросам ESG-трансформации и устойчивого развития региона. Такая встреча с участием губернатора прошла 31 мая.

«Международные принципы ESG, основанные на трех взаимосвязанных составляющих – экологии (Environmental), социальной политике (Social) и корпоративном управлении (Governance), приобретают все большую популярность в современной повестке российских компаний»², что отражает тренд на связь между успехом компании и ответственным ведением бизнеса с заботой о человеке и природе.

Внимание региональной власти к данной модели отражает запрос общества на социальную справедливость, экологичность и соучастие во власти.

Не случайно, согласно опросу, проводимому кафедрой социологии и политологии «О состоянии гражданского общества в Воронежской области в 2021 году» в качестве наиболее приоритетных направлений деятельности НКО люди назвали охрану окружающей среды и защиту животных (49%), социальную поддержку и защиту граждан (48%), уход за пожилыми людьми и инвалидами (42%), благотворительность (37%).

Изменение практики имитационного вовлечения общественности, расширение круга экспертов позволит максимизировать возможности формирования нестандартных ответов на новые риски.

Включение представителей гражданского общества в процесс стратегического планирования позволяет снизить риск потенциальных конфликтов, в том числе внутриэлитных, нащупать новые «драйверы роста», определить возможные неочевидные угрозы для развития региональной экономики, повысить доверие в обществе и укрепить легитимность властных институтов, сформировать пул экспертов, и воспользоваться ситуацией «черного лебедя» для разработки стратегии прорыва.

¹ Цит. по: Одинцова Т.М. Проблемные аспекты стратегирования устойчивого развития регионов в условиях санкций и ограничений // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2021. – № 1 (40). – С. 232–245. – DOI 10.24412/2079-7958-2021-1-232-245. – <http://www.rep.vstu.by/bitstream/handle/123456789/14576/232-245.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

² Кириллова Ю. ESG-стратегия: модный тренд или работающий инструмент? Мнения экспертов и участников рынка. 16.05.22. – <https://journal.ecostandardgroup.ru/esg/test/esg-strategiya-modnyy-trend-ili-rabotayushchiy-instrument-mneniya-ekspertov-i-uchastnikov-rynka/>

Шаханова М.М.

д.соц.н., в.н.с., Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
madina2405@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ФОКУСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Ключевые слова: национальный язык, языковая политика, языковой конфликт, языковое поведение, языковое сознание.

Языковая проблема является одной из ключевых в современном российском обществе, особенно она актуализирована в национальных административных образованиях. Уменьшение веса национальных языков в современном российском обществе обусловлено объективными причинами, и ключевыми являются изменения планетарного масштаба, укрепление позиций информационного общества, которое требует другого языкового поведения: например, позиции английского языка и его статус как языка коммуникации в мировом масштабе. Разумеется, возвышение одних языков сопровождается снижением значимости, иными словами, обоснованно утверждение, что «родные языки сузили сферу своего распространения до размеров семьи. Но процесс постепенного вытеснения продолжается и на этом уровне... Языки малых народов России лишены устремленности в будущее, реальной духовной перспективы, нацеленности на развитие, на освоение и переработку постоянно меняющейся информации. Обучение родному языку в школах, колледжах, училищах, вузах либо вовсе не ведется, либо ведется формально, крайне неудовлетворительно. В результате такого «обучения» редко кто приобретает хорошие навыки чтения, письма или устной речи на родном языке. В высших учебных заведениях не готовят полноценных преподавателей родных языков, считая это ненужным или третьестепенным делом. Обычно набор на отделения национальных языков осуществляется из числа наиболее слабых выпускников средних школ, не способных поступить на другие отделения и, в принципе, не способных освоить университетский курс. Несовершенна сама программа подготовки специалистов по родному языку»¹.

Если обратиться к языковой ситуации в Дагестане, то здесь она имеет противоречивый характер. Так, обострению языкового вопроса, например, в Дагестане, способствует отсутствие Закона о языках народов Дагестана. Необходимость принятия такого закона активно обсуждается в современном дагестанском обществе, однако заметных сдвигов в данном направлении за прошедший период не наблюдается.

Надо отметить, что языковой вопрос остро стоял в Дагестане в послереволюционный период, ибо неграмотность местного населения создавала огромные проблемы в налаживании хозяйственной деятельности в регионе. Поэтому первоочередной задачей была ликвидация неграмотности. Если обратиться к историческим фактам, то языковая проблема обсуждалась на I съезде Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 г.), на котором в начальных школах с 3 года обучения решили вводить предметами преподавания арабский и русский языки, а в высших начальных школах предметом преподавания с первого класса – тюркский язык. В годы гражданской войны в Дагестане шла борьба за упрочение положения тюркского языка с доводом о необходимости ослабления статуса арабского языка, поэтому «в этих условиях замена арабского алфавита латинским могла серьезно подорвать позиции арабского языка и укрепить роль русского языка как средства межнационального общения народов Дагестана. В 1920 г. была осуществлена реформа арабского алфавита с целью приспособления его к фонетическим особенностям местных языков. На новом алфавите стали печататься учебники, книги газеты, журналы на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском языках. Вплоть до 1928 г. народы Дагестана пользовались реформированным арабским алфавитом»². Вместе с тем, еще 2 сентября 1926 г. в Совнарком ДАССР состоялось совещание по вопросу «О государственном в ДАССР шрифте». «Арабский алфавит, – сказал Н. Самурский, – в условиях многоязычия не дает достаточных результатов в развитии народного образования, и на смену должен идти новый алфавит – латинский»³, поэтому по итогам совещания было принято решение о введении в Дагестане латинского шрифта. Состоявшийся в 1927 г. Пленум Дагобкома ВКП(б) отметил огромные преимущества латинского алфавита перед арабским с аргументацией, что «несоответствие старого арабского алфавита фонетике многих дагестанских языков, уже задержало в прошлом развитие их письменности и грозит теперь сорвать проведение в жизнь решения о практике родных языков. Латинский алфавит имеет несомненные преимущества над арабским и реформированным арабским»⁴.

¹ Бгажноков Б.Х., Шогенов А.А. Кризис национальных языков России // Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. – Элиста: Джангар, 2000. – С. 102.

² Гаджиев А.С. Великий русский язык – средство межнационального общения и приобщения народов Дагестана к достижениям научно-технической революции. – Махачкала, 1981. – С. 113.

³ Там же, с. 126.

⁴ Материалы к докладу т. Коркмасова, принятые бюро ДК ВКП(б) от 31 августа с.г. к вопросу о языке и алфавите с приложением проекта резолюции бюро ДК ВКП (б) от 19 июня 1927 г. – Махачкала, 1927. – С. 18.

Однако и латинский алфавит не всех устраивал, ибо букв в латинском алфавите было меньше, чем звуков в дагестанских языках. Наряду с этим он не обеспечивал развитие дагестанских языков, национальной культуры, литературы, более того, был преградой процессу интенсивного внедрения русского языка в делопроизводство, а также приобретения им статуса языка межэтнической коммуникации. Поэтому XIV партконференция Дагестана (1937 г.) принимает решение о введении нового алфавита на кириллице с доводом, что это послужит «могучим средством дальнейшего политического и культурного подъема трудящихся масс Дагестана и наиболее быстрого и полного овладения ими всеми завоеваниями социалистической культуры народов Советского Союза, еще более усилит неразрывный союз трудящихся Дагестана с русскими и другими народами»¹. В следующем году бюро Дагестанского областного комитета партии и ЦИК ДАССР принял постановление «О переводе письменности народностей Дагестана с латинизированного на русский алфавит» (4 февраля 1938 г.).

Какие меры способны улучшить языковую ситуацию в современном Дагестане? Первым существенным шагом в этом направлении могло бы стать создание при Дагестанском федеральном исследовательском центре РАН (ДФИЦ РАН) и Дагестанском государственном университете (ДГУ) совместной организации по сохранению и развитию языков и культур народов Дагестана – Регионального центра языков и культур народов Дагестана. В учредительных документах Регионального центра могли бы быть обозначены основные функции такой организации: 1. Подготовка рекомендаций по основным направлениям фундаментальных и прикладных исследований культурологических, языковых и этнологических проблем РД; 2. Системное и оперативное изучение культурно-языковой ситуации в регионе, координация разработки и осуществления совместных научно-исследовательских и образовательных программ с соответствующими научно-исследовательскими и образовательными учреждениями региона; 3. Исследование процессов развития взаимосвязи национальных культур и языков Дагестана, их функционирования и взаимодействия; 4. Изучение проблем двуязычия и многоязычия, функционирования государственных и бесписьменных языков, развития национальных систем образования в области изучения и преподавания этих языков; 5. Создание информационной базы данных в вопросах изучения языков и культур РД². Также с 2016 г. на базе филологического факультета ДГУ функционирует Центр изучения родных языков, созданный по инициативе Министерства по национальной политике и делам религий РД.

Разумеется, анализ языковой политики в современном российском обществе не позволяет характеризовать ее исключительно с негативной точки зрения, в данной области ведется работа, может быть, не всегда учитывающая реалии, где-то имеет место формальный подход, но вопрос сохранения и дальнейшего развития национальных языков обсуждается не только специалистами, но и общественными деятелями и политиками.

Какие меры способны улучшить языковую ситуацию и предотвратить языковой конфликт? Чтобы получить ответ на этот вопрос, в рамках изучения языкового самосознания и поведения дагестанских народов, был проведен социологический опрос в городах Дагестана (Дербент, Каспийск, Махачкала, Кизляр, Хасавюрт). N = 521. В исследовании был задан вопрос, позволяющий установить существующую в массовом сознании городского населения оценку языковой политики в современном дагестанском обществе (см. табл. 1).

Таблица 1

Отношение городского населения Дагестана к мероприятиям по развитию национального языка и этнокультуры дагестанских народов (%)

Варианты ответов	Необходимы дополнительные меры по развитию национальных языков и этнокультур дагестанских народов	Необходимо постепенно осуществлять мероприятия по защите национальных языков	Необходимо обеспечить равные возможности всем этнокультурам и языкам дагестанских народов	В языковой сфере осуществляется достаточно большая работа	Осуществляемые меры вполне способны обеспечить сохранение национальных языков и этнокультуры дагестанских народов	Затрудняюсь ответить
Всего:	53,9	16,1	19,6	3,2	2,1	9,3

Несмотря на то, что в вопросе «Как Вы думаете, что необходимо сделать государству для сохранения национальных языков в республике?» одна седьмая часть опрошенного городского населения указала на отсутствие в Дагестане проблемы с национальными языками, то эмпирический материал на вопрос «Как Вы относитесь к предпринимаемым мерам по развитию национального языка и национальной культуры дагестанских народов?» показывает, что больше половины опрошенных горожан поддерживает политику государства в языковой сфере, но с пожеланием активизировать работу в данной области. По этнической принадлежности, разделяющих данную точку зрения, больше в подмассиве аварцев, лезгин и лакцев (больше половины), впрочем, как и одна вторая часть в подгруппе кумыков, даргинцев и чеченцев. Кроме того, с возрастом и образовательным уровнем опрошенного городского населения повышается доля придерживающихся данного суждения. На втором месте, почти с 3-кратным разрывом, располагается суждение, поддерживающее государственную языковую политику, но «с условием предоставления равных возможностей национальным культурам и языкам всех дагестанских народов» (одна пятая часть по всему массиву). Его разделяет каждый четвертый опрошенный из подгруппы даргинцев, лакцев, кумыков, чеченцев, одна пятая часть лезгин. Анализ по социально-демографическим параметрам показывает увеличение с возрастом числа респондентов придерживающихся этой точки зрения: с 19,1% «до 20 лет» до 37,5% в разрезе «от 60 лет и старше»; такая же картина прослежива-

¹ Абилов А. Очерки советской культуры народов Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – С. 72.

² Атаев Б.М. О Центре языков и культур народов Дагестана // Языки и культуры народов России и мира. Международная научная конференция. 19–21 сентября 2019 г. / Отв. ред. М.А. Гасанова. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – С. 65.

ется и по уровню образования, но в подмассиве имеющих высшее образование доля таковых больше. Третье ранговое место занимает вариант ответа «поддерживаю, но считаю, что это необходимо осуществлять постепенно», и данной позиции придерживается каждый четвертый опрошенный в лезгинской подгруппе, одна пятая часть из подмассива даргинцев, каждый шестой среди чеченцев и лакцев, одна восьмая часть кумыков. Анализ полученного материала по возрасту и образованию показывает характерность опрошенным горожанам разного языкового поведения: если молодежь ориентирована на поэтапность осуществления тех или иных мер в языковой сфере, то в подгруппах старшего поколения и имеющих высшее образование доля таковых заметно меньше, что является косвенным свидетельством наличия в данной области определенных проблем и сложностей, которые необходимо безотлагательно решать. Варианты ответов «не поддерживаю, ибо считаю, что в данной области проводится достаточно большая работа» и «не поддерживаю и считаю, что осуществляемые меры вполне способны обеспечить сохранение национальных языков и культуры дагестанских народов» отмечены статистически незначимой частью опрошенного городского населения и по этнической принадлежности, в сравнении, таковых больше в подгруппе лезгин.

Таким образом, по мнению опрошенного населения, для сохранения национальных (родных) языков необходимо, во-первых, активное участие национальной интеллигенции в сохранении национального языка своего народа, во-вторых, вести активную пропаганду по сохранению национального языка (агитировать за общения в семье, с представителями своего народа и т.д. на родном языке), в-третьих, добиться улучшения обучения национальным (родным) языкам в школах, в-четвертых, увеличить количество теле- и радиопередач на национальных языках, в-пятых, обеспечить изучение в школе наряду с национальным языком и национальной литературы. При этом в массовом сознании опрошенного городского населения, к сожалению, имеет место и позиция об отсутствии в Дагестане проблемы национальных языков (статус, сферы и частотность использования и др.), хотя реалии свидетельствуют о противоположной картине. Понятно, что горожанам легче использовать в общении русский язык, тем более, если среда полиэтническая, но необходимо осознать, что с утратой национального (родного) языка начинается разрушение этнической общности, ибо вслед за ним эрозия затронет этнокультуру, традиции и обычаи, их специфика, которые в совокупности составляют самобытность национального образования.

В целях проведения более эффективной языковой политики в республике, по мнению автора, необходимо принять целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков народов Дагестана, в которой должно быть предусмотрено: 1. Системное изучение языковой ситуации в Дагестане; 2. Поддержание национальных языков Дагестана, сохранение, возрождение и их развитие за пределами республики; 3. Поддержка национально-культурных и культурно-просветительских объединений, ставящих своей целью изучение и распространение родного языка; 4. Разработка мероприятий по подготовке кадров и совершенствованию системы народного образования на языках народов Дагестана; 5. Поддержка различных средств массовой информации, радио-, теле- и кинокомпаний, осуществляющих вещание и создание фильмов на языках народов Дагестана; 6. Содействие изданию художественной, публицистической, научной, учебной и другой литературы на родном языке, публикация фольклорных текстов и памятников словесности; 7. Научное исследование дагестанских языков, их истории и современного состояния, процессов взаимодействия между этнокультурными и языковыми общностями, межкультурного и межъязыкового общения, характера двуязычия и многоязычия; 8. Разработка и внедрение проекта, специально ориентированного на образовательный аспект сохранения и возрождения дагестанских языков, предусматривающего развернутую постановку обучения родному языку в семье, в детских учреждениях, младших классах школ; 9. Создание и выпуск азбук, букварей и других учебных пособий, радио и телевизионных программ, целевая подготовка и переподготовка учительских кадров и т.д.; 10. Усиление региональной ориентированности образования: подготовка специалистов двойного профиля (национальной и русской филологии, национальных и иностранных языков); 11. Интенсификация внедрения новейших информационных технологий в сферу образования, использование родных языков при обучении национальных меньшинств в других субъектах Российской Федерации (например, дистанционное обучение родным языкам для дагестанцев, проживающих за пределами республики в РФ); 12. Обеспечение повышения уровня подготовки педагогических кадров, поощрение использования лучших традиций народной педагогики в целях воспитания толерантной личности, способной уважать мировоззрение, религию, национальность другого человека, а также формирование разумного сочетания различных уровней идентичности (этнический, религиозный, общedaгестанский, общероссийский типы)¹.

¹ Атаев Б.М. Языковая ситуация в Дагестане: история и развитие // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция: доклады и сообщения / Отв. ред. Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева и др. – Улан-Удэ: Институт языкознания РАН, ИМБТ СО РАН, 2019. – С. 132.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СБЕРЕЖЕНИЕ НАЦИИ

Бабаев А.А.

к.э.н., зав. Сектором миграции населения, Институт экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана
anvar.boboev2016@gmail.com

О ВЛИЯНИИ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПОЛОЖЕНИЕ МИГРАНТОВ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Ключевые слова: пандемия COVID-19, миграционные процессы, трудовые мигранты, социологический опрос, международная миграция населения.

Keywords: pandemic COVID-19, migration processes, labour migrants, opinion poll, international population migration.

В начале третьего тысячелетия население мира сталкивается со многими трудностями и испытаниями – военные конфликты в ряде государств, следствием которых стало резкое увеличение количества беженцев и вынужденных мигрантов, финансово-экономические кризисы, глобальное потепление, наводнения во многих странах и охватившее весь мир и создавшее панику среди населения всего Земного шара инфекционное заболевание – COVID-19.

Это инфекционное заболевание в буквальном смысле «ворвалось» в жизнедеятельность населения всей планеты Земля и нарушило привычный ритм деятельности практически всех государств мира. Пандемия отрицательно воздействовала и на сферу миграции, в большей мере приостановив международное движение населения, где трудовая миграция считается наиболее распространенной и экономически выгодной как для стран назначения, так и для стран происхождения мигрантов.

В начале 2020 года пандемия охватила практически все страны мира, и одной из причин резкого распространения заболеваемости, по мнению ученых и международных экспертов, была международная миграция населения. В этой связи и в целях предотвращения массового распространения коронавирусной инфекции во всех государствах на определенное время были закрыты международные границы и международное транспортное сообщение, которое приостановило ежегодный массовый поток международных мигрантов.

По состоянию на 25 апреля 2022 года в мире зарегистрировано 509 662 510 случаев заболевания коронавирусом, из которых 462 553 660 человек выздоровевшие, 40 865 137 человек находятся на лечении и 6 243 713 человек скончались¹. В Республике Таджикистан за этот период заболели коронавирусом 17 388 человек, из которых 17 264 человек выздоровевшие, 124 человека скончались, в настоящее время болеющих нет².

По данным ООН, в 2020 году международная миграция населения в мире снизилась на 14%, а в странах Центральной Азии на 35–40%³. В качестве примера можно отметить Канаду, где уровень международной миграции снизился на 45%, в Австралии на 70%, а в Саудовской Аравии в 10 раз, и т.д. Пандемия отрицательно воздействовала и на миграционные потоки Республики Таджикистан, резко уменьшив количество внешней трудовой миграции, а также и внутренней миграции населения. По данным Миграционной службы Таджикистана, в 2020 г. из страны выехало 129 тысяч трудовых мигрантов, а годом ранее их количество составляло 530 тысяч человек. В 2021 г. вновь отмечается увеличение численности выезда трудовых мигрантов за рубеж, их количество составило 374 тысяч человек⁴.

В отношении внутренней миграции Республики Таджикистан в стране с 2000 года реализуется государственная программа по плановому переселению экологических и внутренних (добровольных) мигрантов. Например, в 2019 году в соответствии с планом переселения должны были покинуть экологически опасные зоны для проживания и переехать в безопасные регионы страны 357 семей экологических мигрантов. В том же году должны были переселиться из густонаселенных и горных местностей в другие районы с достатком земли 578 семей внутренних (добровольных) мигрантов. В тот период план мероприятий был полностью выполнен и мигранты переселились в новые места проживания. Однако в 2020–2021 гг. ситуация с коронавирусной инфекцией не позволила реализовать плановые задачи. За эти два года должны были переселиться 560 семей экологических мигрантов и 628 семей внутренних (добровольных) мигрантов, но фактически переехали в новые места проживания 514 семей экологических мигрантов и 496 семей внутренних (добровольных) мигрантов⁵. То есть пандемия отрицательно повлияла на миграционные процессы Республики Таджикистан и замедлила ход реализации плановых мероприятий.

¹ <https://index.minfin.com.ua/reference/coronavirus/geography/>

² <https://index.minfin.com.ua/reference/coronavirus/geography/tajikistan/>

³ Там же.

⁴ Данные Миграционной службы Республики Таджикистан, 2020–2021 гг.

⁵ Отчеты Миграционной службы Республики Таджикистан, 2019–2021 гг.

Всемирный банк в своем отчете от 22 апреля 2020 года отмечал, что в связи с пандемией коронавируса впервые за последние десятилетия объемы денежных переводов резко упадут, и эта цифра понизится на 20%, что намного ухудшит уровень жизни населения во всех странах мира. Однако прогнозы Всемирного банка, к счастью, не оправдались, и сумма международных денежных переводов осталась на стабильном уровне. Так, если в 2019 году общая сумма денежных переводов в мире составляла 548 млрд долларов США, то в 2020 году она составила 540 млрд долларов, снижение было всего лишь на 1,6%¹. Согласно прогнозным оценкам, в 2021 году объем денежных переводов трудовых мигрантов резко возрастет на 7,3%, достигнув 589 млрд долларов США². Как показывают расчеты, представленные в опубликованном Докладе Всемирного банка по вопросам миграции и развития, возобновление роста оказалось более уверенным, чем предполагалось ранее, и отражает устойчивость потоков, отмечавшуюся в 2020 году.

Во любом случае пандемия оказала влияние на положение мигрантов Таджикистана, в табл. 1 представлены данные, свидетельствующие о резком изменении некоторых расходов со стороны мигрантов и членов их семей в два разных периода – 2012 и 2021 годы.

Таблица 1

Виды расходов средств денежных переводов домохозяйствами трудящихся мигрантов³

Виды расходов	2012 г.	Виды расходов	2021 г.
1. На питание	22,3%	1. На питание	49,1%
2. На образование	21,0%	2. Посев и обработка земель	24,3%
3. Покупка одежды и обуви	20,2%	3. Покупка дома, квартир	8,5%
4. Семейные мероприятия	11,8%	4. Семейные мероприятия	7,9%
5. Ремонт и строительство жилья	10,6%	5. На образование	6,7%
6. На лечение	6,6%	6. На лечение	3,5%
7. Возвращение долгов	4,9%		
8. Покупка автомобиля	2,6%		

Из табл. 1 видно, что в период пандемии резко увеличились расходы мигрантов на питание, они составили 49,1% по сравнению с 22,3%, которые были в 2012 году. Другие позиции могут быть не столь важны, ибо во время пандемии 2020–2021 гг. ученые и эксперты в области медицины твердили, что хорошее и качественное питание является одной из гарантий предотвращения коронавирусной инфекции в организме человека, и многие прислушивались к таким рекомендациям врачей.

Ученые и практики считают, что создавшаяся неблагоприятная ситуация с пандемией нанесла серьезный ущерб экономике многих стран, даже наиболее развитых. Кроме того, в мире часто происходят военные столкновения, порой носящие характер интервенции со стороны развитых стран. Во многих случаях в этом заинтересованы США и страны Евросоюза, которые всегда ставят целью сохранение своего мирового господства любыми способами, даже военными. Чем другим можно объяснить военные вторжения в Ливию, Ирак, Югославию, Афганистан и т.д., в результате которых был нанесен большой ущерб этим странам и их населению, миллионы людей из этих стран стали беженцами и вынужденными мигрантами. В ближайшие годы мир может столкнуться с проблемой голодания населения и напряжения в социально-экономической сфере, что чревато политическими разногласиями и новыми военными столкновениями. Такого рода риски имеются практически на всех континентах мира, но наиболее уязвимыми считаются страны Африки, Азии и Ближнего Востока⁴, для которых в большей степени характерны проблемы в области продовольствия и социально-экономического развития.

Возвращаясь к проблеме коронавирусной инфекции, необходимо отметить, что история человечества знает много случаев, когда многие страны и различные регионы мира были вовлечены в массовую инфекционную заболеваемость с миллионами жертвами людей разного возраста. Но, проходило определенное время, и люди находили выход из ситуации посредством применения противовирусных препаратов против таких заболеваний, и жизнь людей продолжалась. Мы убеждены, что в ближайшем будущем пандемия коронавируса отступит, и международная миграция населения восстановит свое прежнее состояние, ибо это естественный процесс и он будет иметь продолжение, пока на Земле существует человечество. Во всяком случае население многих стран мира, в том числе и Таджикистана сумело «подружиться» с этим инфекционным заболеванием и продолжить реализацию перспективных планов социально-экономического развития.

Ранее нами было отмечено, что пандемия в некоторой степени повлияла на снижение уровня международной миграции населения и денежных переводов мигрантов. По данному вопросу при непосредственном организационном участии автора с ноября месяца 2020 года и по апрель месяц 2021 года в Хатлонской и Согдийской областях республики был проведен социологический опрос с участием сотрудников Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан и Миграционной службы Таджикистана. Указанные две области были избраны неспроста, ибо они являются наиболее густонаселенными, и именно оттуда выезжают более 70% от общей численности трудовых мигрантов Таджикистана. Для определения уровня средней заработной платы и объема денежных переводов

¹ <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Migration%20and%20Development%20Brief%2034%20%5BRU%20Press%20Release%5D.pdf>

² <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2021/11/17/remittance-flows-register-robust-7-3-percent-growth-in-2021>

³ Результаты социологического опроса Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан (2012 год) и Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан (2021 год).

⁴ Манбаъ. – <https://www.ozodi.org/a/30573836.html>

трудящихся-мигрантов в начальный период пандемии, был задан первый вопрос: «Какую сумму составляла Ваша средняя заработная плата в период начала пандемии 2020 года?». Так, как практически все респонденты работали в Российской Федерации, результаты опроса показали, что средняя сумма заработной платы трудящихся-мигрантов в тот период составляла 30 тысяч российских рублей, или около 430 долларов США.

На второй вопрос: «Какую сумму составляла Ваша средняя заработная плата в период второго года пандемии – в начале 2021 года?», респонденты отвечали, что после первого года пандемии их заработная плата выросла, и результаты опроса относительно уровня средней заработной платы во второй год пандемии показали цифру 45 тысяч российских рублей, или около 640 долларов США.

На следующий вопрос: «Какой процент от общей суммы заработной платы Вы отправляли домой в период пандемии?», результаты опроса показали, что трудящиеся мигранты в этот сложный период отправляли своим семьям около 40% от общей суммы заработной платы, что делает честь нашим трудящимся мигрантам.

Такая разница в заработной плате трудящихся мигрантов всего лишь за один год обусловлена тем, что первый год пандемии привел в ужас все страны, где резко возрастал уровень заболеваемости, и мигранты массово возвращались на родину. Многие предприятия останавливали деятельность либо уменьшали объемы производства, что приводило к сокращению рабочих мест и в первую очередь мигрантов, и это резко ухудшало социально-экономическое положение государств. Конец 2020 и начало 2021 года показали, что ажиотаж в отношении пандемии несколько снизился, и работодатели желали вернуть прежний режим работы организаций и предприятий. Однако массовый выезд трудящихся-мигрантов и нехватка рабочих сил вынуждали работодателей приглашать на работу оставшихся мигрантов (в том числе нелегальных), предлагая им более высокую заработную плату и некоторые социально-правовые льготы.

Один из факторов активного возвращения иностранных трудящихся-мигрантов, и в том числе граждан Таджикистана на рынок труда России – это политическая воля высшего руководства этой страны. По распоряжению Президента Российской Федерации Путина В.В. сроки пребывания нелегальных мигрантов на территории России неоднократно продлевались – до 15 июня и до 30 сентября 2021 года¹, чтобы дать возможность иностранным трудящимся-мигрантам привести в соответствие документы по трудоустройству и временному проживанию. На основании распоряжения Президента России, нелегальные иностранные мигранты были наделены правом обращения в территориальный орган по миграции для урегулирования своего статуса и без применения к ним административных мер по выдворению или депортации из России.

Впечатляет также высказывание Президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече с Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном во время его официального визита в Россию в мае месяце 2021 года. Президент России сказал следующее: «Важный вопрос для трудовых мигрантов. Я знаю, что этот вопрос очень чувствителен для Таджикистана. Мы делаем все, чтобы люди чувствовали себя комфортно, тем более, что у нас сейчас не хватает рабочих рук во всех отраслях экономики»².

Относительно решения проблем нелегальных мигрантов Таджикистана, пребывающих на территории России, также необходимо отметить официальное заявление начальника Главного управления по миграции Министерства внутренних дел России В. Казаковой во время ее рабочего визита в город Душанбе 28–29 апреля 2021 года. Ею было сказано, что на территории России находятся более 200 тысяч нелегальных мигрантов из Таджикистана³, и всем им необходимо до 30 июня 2021 года узаконить свое пребывание в стране назначения. Они могут обратиться в миграционную службу для прохождения регистрации и получения разрешительных документов в целях осуществления трудовой деятельности. Политическая воля руководства России по отношению к иностранным трудящимся-мигрантам позволила работодателям принимать действенные меры по приглашению необходимого количества иностранной рабочей силы и решения социально-правовых и экономических задач, где материальный стимул для мигрантов был одним из основных.

Важно отметить, что результаты приведенного нами социологического опроса на территории Республики Таджикистан во многом подтверждаются результатами исследований российских экспертов, которые были проведены в первом полугодии 2021 года на территории Российской Федерации. Данное исследование проводилось при поддержке ООН с трудовыми мигрантами Республики Таджикистан, где один из вопросов был следующим: «Как изменился Ваш доход во время пандемии COVID-19?». Результаты ответов трудовых мигрантов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Ответы трудовых мигрантов Таджикистана на вопрос «Как изменился Ваш доход во время пандемии COVID-19?»⁴

Апрель 2020 года (ответы мигрантов, %)	Февраль 2021 года (ответы мигрантов, %)
Доход снизился – 88%	Доход снизился – 59%
Доход не изменился – 11%	Доход не изменился – 27%
Доход увеличился – 1%	Доход увеличился – 14%

¹ Точикистон. 2021. – № 24 (1431), 16.06.

² Встреча с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном // Официальный сайт Президента РФ. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65543>

³ Точикистон. 2021. – № 16 (1423), 02.05.

⁴ Влияние COVID-19 на мигрантов из Таджикистана в России. Исследование российских экспертов при поддержке ООН в Таджикистане. 2021.

Таким образом, из табл. 2 видно, что по состоянию на апрель 2020 года доходы снизились у 88% трудовых мигрантов, а в феврале 2021 года этот показатель составил 59%, то есть у 29% положение на следующий год улучшилось. Также, важно отметить третью позицию относительно увеличения доходов, где по состоянию на апрель 2020 года увеличение дохода отметили лишь 1% мигрантов, а в феврале 2021 года их число возросло до 14%, что является положительным показателем и доказывает улучшающуюся ситуацию на рынке труда России в 2021 году.

Отмечая в некоторой степени улучшающуюся ситуацию с пандемией, эксперты ООН прогнозируют, что международный объем денежных переводов трудящихся мигрантов в 2021 году повысится на 7,3% и составит 589 млрд долларов США¹. Также, эксперты считают, что сумма денежных переводов мигрантов повысится и по отношению к странам Центральной Азии, что улучшит социально-экономическое положение этих государств и семей мигрантов. Такая оценка добавляет оптимизма и мы убеждены, что миграционные процессы будут происходить в странах назначения и происхождения на основании международных норм по защите прав и интересов мигрантов, двухсторонних и многосторонних межгосударственных соглашений и активного участия соответствующих органов государственной власти, непосредственно занимающихся вопросами миграции.

В заключении хотелось бы отметить, что пандемия COVID-19, как и многие другие инфекционные заболевания, считается временным явлением и в ближайшее время эта болезнь отступит от человечества, и вернется прежний ритм работы в жизни людей. Мы надеемся, что в рамках СНГ будут развиваться интеграционные процессы, которые будут содействовать улучшению положения мигрантов и способствовать социально-экономическому развитию государств региона. Спрос на труд мигрантов как квалифицированных, так и неквалифицированных будет расти, и в ближайшей перспективе трудовые мигранты, ушедшие в теньевую занятость в период пандемии и временно выехавшие на родину, получат возможность для продолжения своей трудовой деятельности и повышения жизненного уровня.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что Таджикистану необходимо:

1. Совершенствовать национальное законодательство в сфере миграции с учетом реализации задач социально-экономического плана, как это происходило в период пандемии.
2. Развивать механизмы сотрудничества с Российской Федерацией и другими странами приема мигрантов по организованному набору и отправке трудовых мигрантов для осуществления временной трудовой деятельности.
3. Реализовывать государственные программы по созданию новых рабочих мест с достойной заработной платой в целях привлечения и трудоустройства возвратившихся трудовых мигрантов и безработных граждан.
4. Усилить координацию деятельности с международными организациями для оказания помощи трудовым мигрантам, потерявшим работу и здоровье в период пандемии, а также семьям мигрантов оставшихся без кормильца и средств к существованию.

¹ <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2021/11/17/remittance-flows-register-robust-7-3-percent-growth-in-2021>

Бакальская Е.В.

к.э.н., доцент Кафедры экономики и предпринимательства, Ульяновский государственный университет

Брыляева Е.В.

к.м.н., Кафедра экономики и предпринимательства Ульяновский государственный университет

brylyaeva@yandex.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: экономическая эффективность медицинского обслуживания экономика здравоохранения, медицинские организации, медицинские услуги, организационно-экономические механизмы, направления повышения эффективности.

Keywords: economic efficiency of health services, economy of public health services, the medical organizations, medical services, organizational-economic mechanisms, directions of efficiency.

Эффективность функционирования медицинских организаций, ее уровень и качество, во многом зависят от обеспеченности медицинских учреждений ресурсами и степени их использования. Решение проблемы повышение эффективности медицинской организации неразрывно связано с оценкой показателей производственной и клинической деятельности. Показатели оценки эффективности работы медицинских организаций должны быть системными, позволяющими оценить их деятельность с точки зрения социальной, медицинской и экономической значимости.

Как правило, задачи всех медицинских организаций одинаковы, но независимо от этого направления для повышения эффективности необходимо рассматривать конкретно для определенного учреждения. Это зависит от многих факторов: от объема и качества оказания медицинских услуг, от географического месторасположения, от численности населения на закрепленной за медицинским учреждением территории, уровня финансирования и т.д. В то же время есть ряд основополагающих моментов, которые позволяют говорить о некоторых обобщенных принципах направления повышения эффективности.

Под основополагающими задачами повышения эффективности медицинской организации подразумевается увеличение роста доходности организации, снижение затрат без ущерба для качества услуг (продукции, работ) и, даже в какой-то мере, повышение качества этих услуг.

Повышение эффективности деятельности является основой успешного функционирования каждого хозяйствующего субъекта. Любому руководителю для адекватного планирования деятельности организации необходимо проводить анализ и оценку ее главных результатов. Под результатами организации понимаются итоги деятельности подразделений, ресурсов, бизнес-процессов и/или организации в целом. Результаты оцениваются посредством показателей деятельности организации¹.

В. Кучеренко в статье «Сущность понятия экономической эффективности предприятия»² предложил рассматривать эффективность как величину относительную, которая характеризует результативность деятельности предприятия с точки зрения целей и ресурсов. «Данная величина должна концентрироваться на двух условиях – на достижении цели и на результативном использовании ресурсов».

Экономическая эффективность – соотношение полученных результатов с затраченными на их достижение ресурсами. Показатель организации – характеристика результата, выраженная в числовой форме. Показатели могут быть абсолютными и относительными. В качестве результата может выступать любой показатель, отражающий как общие итоги работы медицинской организации, так и отдельных подразделений, сотрудников, ресурсов, бизнес-процессов. Например, доход от реализации, объем произведенной продукции, количество новых клиентов и/или постоянных клиентов, количество проведенных рекламных кампаний, складской оборот и т.д. Затраченные ресурсы также должны быть представлены в виде показателей как общих, так и частных, измеряемых как в натуральных, так и стоимостных единицах. Это может быть, например, фонд оплаты труда персонала, численность работников, себестоимость продукции, рекламный бюджет, количество транспортных средств, стоимость транспортных средств размеры основного и оборотного капитала и т.д.³

Натуральные и стоимостные показатели имеют как свои плюсы, так и минусы. Натуральные показатели невозможно сравнивать по различным видам и направлениям деятельности, объективное рассмотрение стоимостных показателей затрудняется наличием инфляции.

Физический объем предоставленных услуг – показатель, отражающий количество предоставленных услуг, выраженное в натуральных единицах измерения.

¹ Экономика медицинской организации: учебно-методическое пособие / Е.В. Бакальская. – Ульяновск, 2019. – 70 с.

² Кучеренко В. Сущность понятия экономической эффективности предприятия. – <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34843941>

³ Экономика медицинской организации: учебно-методическое пособие / Е.В. Бакальская. – Ульяновск, 2019. – 70 с.

Рассматриваемые результаты должны соответствовать ряду критериев:

- измеримость;
- объективность;
- актуальность.

Измеримость результата означает возможность его количественного определения. Объективность результата проявляется в независимости его значений от субъекта оценивания. Актуальность выражается в его необходимости для того бизнес-процесса, итоги которого оцениваются.

Относительные величины имеют важнейшее значение с точки зрения анализа деятельности организаций, т.к. позволяют объективно сопоставить динамику различных показателей. Медицинские компании применяют следующие относительные показатели:

- доход компании, приходящийся на одного ее сотрудника;
- доход организации, полученный с одного покупателя;
- доход предприятия, полученный с 1 кв.м. площади;
- количество оказанных услуг одному пациенту и др.

Оценка уровня развития организации обеспечивается на основе анализа динамики его результатов. Динамика результатов организации – изменение показателей деятельности организации, выраженное в абсолютных и относительных отклонениях.

Абсолютное отклонение показателя – разность между значениями показателя в текущем и предыдущем периодах.

Относительное отклонение показателя – отношение значений показателя текущего периода к значению показателя в предыдущем периоде, выраженное в процентах.

Показатели эффективности могут быть прямыми и обратными. Прямой показатель указывает на результат, который достигается организацией (предприятием) посредством расходования одной единицы ресурса. То есть, чем больше его значение, тем эффективнее функционирует организация (предприятие). Прямым показателем эффективности является рентабельность медицинской организации. Она позволяет оценить, какую прибыль приносит единица затраченного ресурса.

Обратным показателем эффективности характеризуется объем ресурсов, затраченных для получения конкретного результата, чем он меньше, тем эффективнее функционирует организация (предприятие).

Факторы, влияющие на эффективность медицинской организации, делятся на две группы – экстенсивные и интенсивные. К экстенсивным (количественным) относятся факторы, отражающие объем используемых ресурсов для медицинской организации и реализации продукции, включая их использование по времени. Например, увеличение численности работников, рост стоимости основного капитала, увеличение продолжительности рабочего дня, снижение затрат материалов на брак и потерь из-за отходов. К интенсивным (качественным) относятся факторы, которые характеризуют эффективность использования ресурсов (повышение производительности оборудования и квалификации работников, внедрение прогрессивных технологий и технических средств медицинской организации и реализации и т.д.).¹

Эффективность медицинской организации может рассматриваться в двух аспектах:

1. Внутренняя эффективность – экономически обоснованная и рациональная организация труда медицинского персонала, реализация нормативов в обеспечении медицинской помощи, достаточная фондовооруженность и фондооснащенность, рациональная эксплуатация материально-технической базы, рациональное использование финансовых и кадровых ресурсов и др.

2. Внешняя эффективность – «позитивное воздействие системы здравоохранения на общественное воспроизводство: воспроизводство рабочей силы, общественного продукта, общественных отношений»².

Расчет показателей эффективности здравоохранения производится по следующим направлениям:

- по эффективности на макроуровне: медицинская, социальная, экономическая;
- по уровню: уровень работы врача, уровень подразделений, уровень медицинского учреждения, уровень отрасли здравоохранения, уровень народного хозяйства;
- по этапам и разделам работы: предупреждения заболевания; лечения заболевания; реабилитации;
- по объему работы: эффективность лечебно-профилактических мероприятий; эффективность медико-социальных мероприятий;
- по способу измерения результатов: через снижение потерь ресурсов; через экономию ресурсов; через дополнительно полученный результат; интегрированный показатель, который учитывает все результаты;
- по затратам: по затратам общественного труда; суммарный показатель по затратам живого и общественного труда;
- по форме показателей: нормативные показатели здоровья населения; показатели трудовых затрат; самостоятельные показатели³.

Медицинская эффективность – это степень достижения медицинских результатов в области профилактики, диагностики, лечения, реабилитации. ВОЗ рассматривает медицинскую эффективность как один из аспектов качества медицинского обслуживания наряду с адекватностью, экономическим и научно-техническим уровнем. Медицинская

¹ Экономика медицинской организации: учебно-методическое пособие / Е.В. Бакальская. – Ульяновск, 2019. – 70 с.

² Основы экономики здравоохранения: учебное пособие / А.Р. Ильясова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 86 с.

³ Основы экономики здравоохранения: учебное пособие / сост.: Г.М. Гайров, Н.С. Апханова; ГБОУ ВПО ИГМУ Минздрава России, Кафедра общественного здоровья и здравоохранения. – Иркутск: ИГМУ, 2016. – 51 с.

эффективность измеряется множеством специфических показателей: удельный вес излеченных больных, уменьшение случаев превращения заболевания в хроническую форму, снижение уровня заболеваемости населения, «индекс здоровья».

Социальная эффективность – это степень достижения социального результата. Она непосредственно связана с медицинской эффективностью. Критериями социальной эффективности являются основные показатели общественного здоровья – рождаемость, смертность, естественный прирост населения и др. одним из основных критериев социальной эффективности является показатель доступности медицинской помощи. Общим индикатором социальной эффективности медицинской организации является индекс удовлетворения населения деятельностью медицинской организации.

Экономическая эффективность – это тот положительный вклад, который вносит здравоохранение в рост национального дохода путем улучшения здоровья населения и увеличения продолжительности жизни. Экономическая эффективность выражается степенью влияния на сохранение и улучшение здоровья населения, повышением производительностью труда, в предотвращении расходов на здравоохранение, расходов по социальному страхованию и социальному обеспечению; в экономии затрат в отраслях материального производства и непромышленной сферы; в увеличении национального дохода. Экономическая эффективность – это соотношение экономической выгоды, полученной в результате внедрения каких-либо лечебно-профилактических мероприятий, и затрат на эти мероприятия.

К обобщающим показателям эффективности деятельности по оказанию платных медицинских услуг относится оказание платных услуг на единицу затраченных ресурсов; величина и темпы роста прибыли; рентабельность оказанных услуг; рентабельность имеющихся инвестиций; величина и темпы изменения затрат ресурсов на один рубль оказанных услуг.

К дифференцированным показателям относятся показатели эффективности использования труда, показатели эффективности использования производственных фондов, показатели использования финансовых средств.

Показатели эффективности использования труда медицинского персонала:

- темп роста производительности труда;
- доля прироста продукции за счет увеличения производительности труда;
- коэффициент высвобождения работников;
- коэффициент использования полезного фонда рабочего времени;
- трудоемкость единицы продукции;
- емкость заработной платы на единицу продукции;
- экономия численности работников, работ, услуг;
- относительная экономия трудовых ресурсов и фонда заработной платы.

Показатели эффективности использования производственных фондов:

- общая фондоотдача;
- фондоотдача активной части фондов;
- рентабельность основных фондов;
- фондоемкость единицы услуги;
- материалоемкость единицы услуги;
- коэффициент использования важнейших видов материалов;
- относительная экономия основных производственных фондов.

Показатели эффективности использования финансовых средств:

- оборачиваемость оборотных средств;
- рентабельность оборотных средств;
- относительное высвобождение оборотных средств;
- удельные капитальные вложения;
- рентабельность капитальных вложений;
- срок окупаемости капитальных вложений;
- обратная фондоемкость услуг;
- обратная фондоотдача услуг;
- относительная экономия оборотных фондов;
- материалоемкость услуг;
- материалоотдача услуг¹.

Таким образом, к главным направлениям экономической эффективности относятся такие показатели, как производительность труда, материалоотдача, материалоемкость, капиталотдача, капиталоемкость, рентабельность.

Основные направления повышения эффективности медицинской организации основываются на следующих критериях:

- обеспечение взаимосвязи критерия и показателей экономической эффективности деятельности;
- определение степени эффективности использования всех видов ресурсов, применяемых в хозяйственном процессе;
- обеспечение изменения экономической эффективности деятельности на различных уровнях управления;
- стимулирование и мобилизация внутрипроизводственных резервов, которые используются для повышения эффективности хозяйственного процесса.

¹ Основы экономики здравоохранения: учебное пособие / А.Р. Ильясова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 86 с.

Эффективность здравоохранения, его служб и отдельных мероприятий измеряется совокупностью критериев и показателей, каждый из которых характеризует какую-либо сторону медицинской деятельности.

Результативность показателей обусловлена формированием и достижением критериев и показателей высокотехнологичных, лечебных, противоэпидемических услуг. Главным направлением повышения эффективности медицинской организации, по-прежнему, остается повышение качества и доступности медицинской помощи для населения.

Если рассматривать направление повышения эффективности медицинской организации с точки зрения пропускной способности или мощности медицинской организации, количества персонала и расходов медицинской организации, то данные показатели регламентированы порядками оказания медицинской помощи, утвержденными Министерством здравоохранения Российской Федерации по каждому профилю.

Отметим, что при рассмотрении современного состояния медицинской науки в Российской Федерации обнаруживается ее слабое кадровое обеспечение, размытость приоритетов, низкий инвестиционный потенциал, плохая связь с государственными заказчиками, слабая система внедрения научных результатов в практическое здравоохранение. Все это существенно сдерживает модернизацию учреждений здравоохранения.

Таблица 1

Направления повышения эффективности медицинской организации

<ul style="list-style-type: none"> – изучение рынка услуг профилактических услуг и анализ их конкурентоспособности – проведение социологического опроса населения, прогнозирование покупательной активности потребителей профилактических услуг – проведение анализа выполняемых профилактических услуг и оценка потенциала ресурсов медицинского центра; – утверждение комплексных программ профилактики и оздоровительных процедур. 	<ul style="list-style-type: none"> – размещение информации на официальном сайте учреждения о перечне доступных и актуальных профилактических мер и оздоровительных услуг; – снижение издержек за счет сокращения непроизводительных затрат и оптимизации организационной структуры центра; – увеличение рентабельности за счет повышения норм прибыли; – интенсификация процесса оказания профилактических и оздоровительных услуг
Расширение клиентской базы и исследование рынка услуг	Оптимизация процессов ресурсопотребления
Повышение качества оказываемых услуг и производительности работы	Совершенствование системы мотивации и обеспечение повышения уровня квалификации персонала
<ul style="list-style-type: none"> – получение лицензии на реабилитацию, обучение специалистов; – внесение изменений в действующий перечень платных профилактических, оздоровительных и лечебно-диагностических услуг; – расчет стоимости детальных и комплексных профилактических, оздоровительных и лечебно-диагностических услуг; – утверждение цен на платные медицинские услуги, оказываемые сверх установленного задания; – оптимизация бизнес-процессов за счет использования автоматизированных информационно-аналитических систем. 	<ul style="list-style-type: none"> – реализация стимулирующей системы оплаты труда медицинских работников, основанной на результатах работы в рамках оказания платных услуг – своевременное и информативное размещение на официальном сайте о свободных вакансиях, требованиях и оплате труда; – стимулирование повышения квалификации медицинских работников, переподготовки и своевременной аттестации; – сотрудничество с образовательными медицинскими учреждениями региона, участие главного врача в ярмарках вакансий среди выпускников медицинских вузов.

Эффективность является мерой качества и количества результатов (т.е. показателей здоровья или услуг), получаемой при заданном уровне входящих ресурсов (т.е. затрат). Таким образом, повышение эффективности может помочь сдерживать затраты посредством снижения расходов на предоставление услуги. О повышении эффективности можно говорить и в том случае, если при неизменном уровне затрат происходит расширение применения медицинских услуг.

Одним из условий рационализации и более экономного использования ресурсов, в том числе финансовых, внутри учреждения, является организация оплаты деятельности его подразделений с учетом объема и качества реально выполненной работы. Такой подход ведет к оптимизации структуры медицинской организации и более эффективному ее функционированию¹.

В рамках медицинской организации важно рационально и справедливо распределять заработанные средства. Это будет способствовать повышению заинтересованности структурных подразделений и отдельных сотрудников не только в собственном финансовом благополучии, но и в успешной деятельности медицинской организации в целом. Основным условием для этого является определение принципов и порядка распределения средств между структурными подразделениями.

Дополнительные источники дохода позволяют разработать новые направления в рамках финансовой политики учреждения. Из дополнительно полученных средств, а также средств, полученных в результате оптимизации структуры, сокращения необоснованных затрат и отчислений от дохода, можно сформировать несколько фондов «общего пользования» – резервный, развития учреждения, жизнеобеспечения и др.² Наличие резервов финансовых средств способствует стабильному функционированию медицинской организации, обеспечивая возможности обучения медицинского персонала; его стимулирования за счет поощрений; формированию новых направлений социальной помощи.

¹ Радченко Л.П. Некоторые подходы к рационализации использования финансовых средств в учреждениях здравоохранения / Л.П. Радченко, В.М. Чернышев, К.А. Есипова, Т.А. Лейтан // Медицина экстремальных ситуаций. 2012. – № 1 (39). – С. 5–10.

² Зюкин Д.А. Исследование взаимосвязи социально-экономических факторов развития системы здравоохранения региона / Д.А. Зюкин, Е.В. Репринцева, Н.М. Сергеева, Е.Ю. Пьеркова, Н.Г. Галкина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. – №1-2. – С. 218–221.

Отчисление на содержание служб жизнеобеспечения должно быть прямо пропорциональным доходам (согласованная доля) медицинской организации. Такой подход заинтересовывает всех сотрудников в успешной деятельности учреждения. Установленная доля зависит не только от дохода медицинской организации, но и от качества работы службы, т.е. является дифференцированной. При добросовестном выполнении в полном объеме своих обязательств с хорошим качеством договорная сумма выплачивается в полном объеме и предусматривает премирование. При выявлении недостатков в работе администрация имеет право на применение штрафных санкций, т.е. уменьшение выплачиваемой суммы.

Фонд развития формируется для укрепления материально-технической базы медицинской организации, в т.ч. в целях обновления оборудования, ремонта и реконструкции зданий и помещений, которыми располагает организация, создания служб, структурных подразделений в соответствии с новыми задачами, для внедрения в практическую деятельность учреждения инновационных технологий и др.¹

Мероприятия в области структурной реорганизации медицинских учреждений включают в себя, прежде всего, мероприятия в области повышения эффективности использования основных фондов. На данном этапе во многих учреждениях их имущество является собственностью государства и закрепляется за ними на праве оперативного управления, в рамках которого учреждение может использовать имущество в соответствии с его уставной деятельностью; обеспечивать сохранность и использование имущества строго по целевому назначению; обеспечивать проведение ремонта имущества; осуществлять амортизацию и восстановление изнашиваемой части имущества, передаваемого в оперативное управление. В целях развития и активизации деятельности медицинских учреждений в рамках их структурной реорганизации В.А. Гебель² признает необходимым:

- проведение маркетинговых исследований рынка медицинского оборудования;
- формирование планов-заданий на закупку медицинского оборудования; ремонт, реконструкцию зданий и сооружений;
- формирование плана замены изношенного оборудования и его ремонта;
- организацию контроля капитальных ремонтов зданий и сооружений;
- мониторинг информации о движении основных фондов;
- разработку, реализацию программы модернизации основных фондов;
- разработку и реализацию программы метрологического контроля и технического обслуживания медицинской техники;
- разработку и реализацию программы по энергосбережению;
- оптимизацию работы систем тепловой и электроэнергии.

Другим немаловажным фактором модернизации и повышения эффективности учреждений здравоохранения является кадровое обеспечение. В настоящее время оно является неотъемлемой частью организационно-экономического обеспечения, связанного со спецификой медицинской деятельности, профессионализмом персонала, особенностями взаимодействия врачей, медицинских сестер и младшего медицинского персонала при оказании медицинской помощи, совершенствованием социально-трудовых отношений (регулирование рынка труда, совершенствование принципов оплаты труда медицинского персонала, обновление принципов и механизмов социального партнерства)³.

В последние годы российское здравоохранение значительно продвинулось в направлении расширения высокотехнологичной медицинской помощи, включающей в себя дорогостоящие виды диагностики и лечения. Однако в этих условиях на лечащего врача возложена ответственность не только за уровень медицинской помощи, но и за расходование средств, выделенных на эти цели. Сегодня у врача нет стимулов к проведению анализа эффективности лечения пациента по принципу «затраты – конечный результат». Не являются редкостью факты необоснованного применения дорогостоящих медицинских исследований вместо более дешевых скрининговых. Не изжиты невостребованные анализы, при этом специалисты, назначившие их, и отделения, в которых они работают, никакой материальной ответственности не несут.

На сегодняшний день медицинские организации профилактической направленности обладают невысоким технологическим потенциалом, что не способствует росту конкурентоспособности оказываемых ими медицинских и профилактических услуг. В этой связи текущее состояние основных средств требует разработки мероприятий в рамках реализации генеральной стратегии развития, за счет активизации инвестиционных процессов. Это будет способствовать укомплектованию учреждений высокотехнологичным оборудованием, наличие которого определяет возможность перехода к оказанию высококачественной медицинской помощи и повышения уровня конкурентоспособности, в том числе на рынке платных медицинских услуг.

Действующие нормы и правила в организационно-экономическом обеспечении здравоохранения, по нашему мнению, ограничивают возможности повышения эффективности медицинской организации. Именно поэтому система управления учреждениями здравоохранения должна опираться на соответствующую нормативно-правовую базу. Гражданско-правовой статус учреждений системы здравоохранения определяется имеющимися профессиональными за-

¹ Репринцева Е.В. Комплексное исследование материально-технического обеспечения лечебного учреждения // Научный альманах Центрального Черноземья. 2014. – № 2. – С. 100–102.

² Гебель В.А. Организационные аспекты системы управления материально-техническими ресурсами здравоохранения: диссертация ... кандидата медицинских наук. – Кемерово, 2006. – 175 с.

³ Власова О.В. Основы формирования социально-экономической политики развития здравоохранения региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. – № 2. – С. 157–163.

конами, инструкциями, правилами, стандартами по оснащению медицинских учреждений и технологиями лечебно-диагностического процесса, исходами лечения¹.

Заключение

Из проведенного анализа направлений повышения эффективности медицинской организации следует вывод о том, что их невозможно определить с помощью какого-либо одного критерия. Таких направлений много и они определяются множеством показателей, характеризующих итоги деятельности медицинской организации, а также мониторингом медицинских, социальных и финансовых составляющих. Медицинская эффективность отражает соотношение между полученными результатами и затраченными ресурсами на их достижение. Медицинская эффективность характеризуется набором таких критериев как удельный вес излеченных больных, сокращение числа заболеваний и их переходов в хроническую форму, снижение заболеваемости населения и др. Социальная эффективность медицинской организации отражает ее влияние на уровень жизни населения (удовлетворение потребностей человека в здоровье и медицинских услугах) и т.д. В состав аналитических критериев для мониторинга направлений повышения эффективности медицинских учреждений входит также их вклад в экономику страны и результативность использования всех имеющихся ресурсов отрасли – трудовых, материальных, финансовых.

¹ Репринцева Е.В. Направления повышения эффективности деятельности медицинской организации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. – № 2-2. – С. 254–257.

Волошенко К.Ю.

к.э.н., директор Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет, г. Калининград

Лялина А.В.

к.геогр.н., н.с. Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет, г. Калининград

Новикова А.А.

аналитик Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет, г. Калининград

Фарафонова Ю.Ю.

старший преподаватель Института экономики, управления и туризма, Балтийский федеральный университет, г. Калининград

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА¹

Ключевые слова: внутренняя миграция, межрегиональная миграция, экономическая безопасность, селекция, миграционный поток, Калининградская область.

Введение. Для России характерна невысокая внутристрановая мобильность² (например, в сравнении с США или Великобританией, а также рядом других государств), но она носит гораздо более массовый характер, чем внешняя миграция. Это обусловлено значительным сокращением за последние 20 лет барьеров внутристрановой мобильности (упрощение регистрации по месту пребывания, возможности получения социальных услуг без регистрации, перемещение молодежи в центры получения образования и др.). Кроме этого, в России по-прежнему сохраняется тенденция «западного дрейфа»³, когда население из северных и восточных регионов страны концентрируется в Москве, Санкт-Петербурге и других немногочисленных территориях, расположенных в западной части страны.

Очевидно, что для регионов, принимающих внутренних мигрантов, актуальность приобретают вопросы получения большей выгоды от миграционного прироста против возможных негативных последствий с ним связанных. Это обусловлено тем, что с позиций экономической безопасности региона миграция продуцирует как положительные, так и отрицательные эффекты. С одной стороны, она является источником угроз экономической безопасности территории, а с другой, наоборот, создает новые возможности ее обеспечения, особенно в условиях недостаточного развития ресурсозамещающих (рабочей силы) технологий. Кроме этого, миграция может иметь различное влияние на развитие региона в зависимости не только от ее масштабов, но и от возрастной, а также профессионально-квалификационной структуры мигрантов и коренного населения. В этой ситуации для миграционно привлекательных регионов актуален вопрос о том, в какой степени сложившаяся миграционная ситуация соответствует обеспечению их экономической безопасности и резильентности.

Цель данного исследования состоит в выявлении границ регулирования межрегиональной миграции в интересах экономической безопасности региона. Какие традиционные и новые вызовы и угрозы для миграционно привлекательного региона создает приток мигрантов из регионов России? Что представляет собой миграционная безопасность в интересах развития региона? Каковы преимущественные направления селекции миграционного потока в целях обеспечения его соответствия потребностям развития региона? На данные вопросы мы попытаемся ответить в ходе исследования особенностей регулирования межрегиональной миграции. Результаты ориентированы прежде всего на Калининградскую область, отличающуюся высоким миграционным приростом, но могут быть использованы и в отношении других российских регионов, которые сталкиваются с необходимостью селекции миграционных потоков.

Теория вопроса и методология исследования. Единого подхода к понятию экономической безопасности региона в настоящее время не сложилось⁴. Для указанной категории характерна сложность и многозначность при достаточно определенной взаимозависимости и взаимосвязи с национальной безопасностью. В российских исследованиях экономическая безопасность региона традиционно рассматривается через стабильность и устойчивость, поступатель-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-27-20064. – <https://rscf.ru/project/22-27-20064/>

² Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. – М.: Центр стратегических разработок, 2018. – <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427665>

³ Мкртчян Н.В. Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. 2005. – № 185-186, 10-23 января. <http://demoscore.ru/weekly/2005/0185/tema01.php>

⁴ Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России: монография / Под ред. проф. Г.М. Федорова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019.

ное развитие, конкурентоспособность, защищенность, независимость¹. В более ранних исследованиях нами было установлено, что категория экономической безопасности региона должна рассматриваться с учетом его территориальных особенностей². Во-первых, развитие территории определяется действием регионообразующих, так называемых первичных, факторов: «природные ресурсы, условия их размещения и дифференциация, географическое и экономико-географическое положение и др.»³. Во-вторых, влияние оказывают особенности «территориальной организации общества и ее основные региональные составляющие»⁴, которые выражаются не только в хозяйственной специализации, но и эффективности использования потенциала региона. В-третьих, видовая структура безопасности и характер ее связи с национальной безопасностью для конкретной территории опосредована социально-экономическим и институциональным, а для отдельных территорий, например приграничных, и геополитическим контекстами. При этом в развитии территории мы придерживаемся системного подхода⁵. Процесс усложнения взаимодействий с внешней средой или нарушения внутреннего функционирования, в том числе в результате возникновения опасности и действия угроз, ведет к изменению состояния системы [региона] как результата потери устойчивости. Это обуславливает необходимость преобразований, в том числе структурных, создающих устойчивость нового вида и равновесие более высокого уровня. Вследствие этого ключевая роль в экономической безопасности региона принадлежит удержанию территориальной системы в состоянии динамического равновесия, в результате которого достигается устойчивость. Поэтому в целях дальнейшего исследования экономическую безопасность региона будем рассматривать через устойчивость территориальной системы при «вероятных воздействиях внешних и внутренних угроз, возникающих при изменениях политической, демографической, экономической, социальной среды»⁶. При достижении экономической безопасности региона обеспечивается развитие экономики и защита интересов общества. Поэтому мы разделяем подход А.И. Татаркина и А.А. Куклина⁷, которые считают, что устойчивость может быть гарантирована экономической безопасностью. На наш взгляд, развитие территории возможно и вне состояния экономической безопасности, однако достижение экономической безопасности без развития теряет всякий смысл. Поэтому в отношении каждого конкретного региона необходимо рассматривать единство таких категорий, как устойчивость, безопасность и развитие, но с учетом его территориальных особенностей и пространственных различий.

Необходимость обеспечения экономической безопасности регионами России в современных условиях не подвергается сомнению. С середины 2000-х гг. исследователи все чаще стали обращаться к вопросам безопасности по причине сложности и динамизма геэкономической и геополитической ситуаций, а стремительный рост актуальности проблематики обнаружился уже после 2014 г. в связи с введением санкций в отношении России странами ЕС и США. Обострение экономических и политических отношений стран после начала Россией военной спецоперации на Украине 24 февраля 2022 г. обращает внимание ученых к вопросам обеспечения безопасности территорий России как жизненно необходимому и важному направлению государственной политики в целях защиты национальных интересов, сохранения национальной экономики и создания условий для развития в будущем.

Наиболее часто миграционную ситуацию рассматривают в составе социально-демографической или экономико-демографической безопасности как компонента экономической безопасности региона. Вводится понятие миграционной безопасности. Однако в ее содержании отражается преимущественно правовой контекст, и она изучается в рамках концепции секьюритизации. Так, «миграция рассматривается в качестве только угрозы национальной безопасности, поэтому современные исследования концентрируются на проблемах национальной миграционной политики»⁸. В последние годы в российских исследованиях получили развитие и альтернативные подходы, когда миграция рассматривается и с точки зрения возможностей развития, в частности по отношению к рынку труда. Ткачевой Н.А. под миграционной безопасностью понимается «способность миграции обеспечивать эффективное удовлетворение потребностей общества в человеческих ресурсах (трудовых, интеллектуальных) и эффективном межрегиональном перераспределении»⁹. В монографии по проблемам экономической безопасности регионов Западного порубежья России отмечается, что миграционная безопасность представляет «такое состояние миграционной ситуации, при которой де-

¹ Каранина Е.В., Кызьюров М.С. Основные понятия и категории экономической безопасности региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. – Т. 2, № 7. – С. 3–10.

² Волошенко К.Ю. Экономическая безопасность приграничного региона: монография. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021.

³ Бакланов П.Я. Географические и геополитические факторы в региональном развитии // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2014. – № 10 (2). – С. 18.

⁴ Там же, с. 19.

⁵ Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. – М., 1989. – Кн. 1.

⁶ Волошенко К.Ю. Экономическая безопасность приграничного региона: монография. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. – С. 27–28.

⁷ Татаркин А.И., Куклин А.А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. – № 2. – С. 25–39.

⁸ Handbook on Migration and Security / Ed. by Ph. Bourbeau. 2017; Bourbeau Ph. The Securitization of Migration: A Study of Movement and Order (Security and Governance). – Abingdon, 2011; Назаров М.В. Миграционная безопасность: понятие, сущность и принципы // Вестник Московского университета МВД России. 2016. – № 8. – С. 32–35; Лялякин Ю.А. К вопросу о сущности и содержании миграционной безопасности Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. – № 4 (36). – С. 76–80.

⁹ Ткачева Н.А. Миграционная безопасность российского общества в условиях обострения этносоциальных противоречий // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2011. – № 1. – С. 57.

структивное воздействие миграции на развитие региона, вовлеченного в миграционные процессы, нивелируется конструктивным»¹.

Межрегиональное перемещение населения считается менее зарегулированным в России и остается во многом недооцененным, слабоизученным², равно как и эффективность региональных программ. Немногочисленные исследования, посвященные инструментам повышения интенсивности межрегиональной трудовой миграции в России, подчеркивают их крайне низкую эффективность, в том числе в силу отсутствия научного обоснования факторов внутрироссийских трудовых миграционных потоков³. Однако вопрос о необходимости регулирования миграции и селекции миграционного потока на уровне региона остается дискуссионным и не рассматривается учеными с позиций экономической безопасности. На наш взгляд, это объясняется, с одной стороны, большим вниманием исследователей к протекающим макроэкономическим процессам – национальным рынкам и экономике в целом, с другой – число регионов, которые испытывают потребность в селекции миграционных потоков, не так велико, поэтому актуальность решения научной проблемы территориально ограничена. Кроме этого, сложилось общее представление о селективной миграционной политике, которая, как правило, используется на уровне стран и представляет собой инструмент конкуренции за таланты⁴. Обычно принимаются меры по привлечению в страну высококвалифицированных мигрантов и ограничению притока когорты мигрантов с низкой квалификацией. По мнению ряда ученых, регулирование внутристрановой миграции относится к сфере региональной политики⁵. Такой взгляд лежит в основе критики селективной миграционной политики, которая обращается к мерам, ограничивающим свободу перемещения граждан и выбора ими места жительства по причине применения административно-экономических механизмов. Здесь необходимо отметить, что селекция миграционного потока, на наш взгляд, прямо не ограничивает перемещение мигрантов. В первую очередь она имеет отношение к включению в миграционный поток востребованных в регионе специалистов определенного профессионально-квалификационного состава и созданию условий для повышения эффективности интеграции на рынке труда лиц, которые потенциально могут испытывать трудности или разочарования по причине низкой осведомленности о регионе, возможностях трудоустройства или проживания. Это относится к позиционированию региона и росту информированности мигрантов и не предполагает какого-либо внешнего или административного управления их поведением, тем более нарушения конституционных прав граждан на свободу перемещения. Для целевых групп мигрантов (врачи, педагоги, ИКТ-специалисты и др.) селективные меры позволяют более эффективно реализовывать программы релокации и привлечения кадров в регион.

Исходя из теоретических представлений об экономической безопасности региона, а также роли межрегиональной миграции в его развитии, выявление возможности и направлений ее регулирования проводилось в следующей последовательности. Во-первых, оценивалось влияние миграционной ситуации на экономическую безопасность, которая способствует или, наоборот, препятствует ее обеспечению. Во-вторых, выявлены вызовы и угрозы, которые продуцирует миграционная ситуация в развитии региона. В-третьих, рассмотрены традиционные модели селекции миграционного потока с точки зрения применения их отдельных механизмов в селекции межрегиональной миграции в целях обеспечения экономической безопасности региона.

Результаты и обсуждение. В оценке миграционной ситуации нами использован подход российских авторов⁶ к делению всех факторов, влияющих на экономическую безопасность региона, на потенциал-формирующие и потенциал-разрушающие. Это объясняется двойственным характером миграции, которая может оказывать разнонаправленное влияние на развитие и безопасность региона. Поэтому миграционная ситуация региона рассмотрена с позиции потенциал-формирующего и потенциал-разрушающего влияния на его экономическую безопасность (рис. 1).

Как можно заметить, миграция оказывает влияние практически на все сферы социально-экономической системы (социальная, финансовая, производственная, инженерная и др.). Однако, каким окажется это влияние, зависит не только от масштабов, профессионально-квалификационной и возрастно-половой структуры мигрантов, но и от уже сформированного уровня экономической безопасности. Если регион по уровню безопасности находится в зоне стабильности или близкой к ней, то негативное влияние миграции может определенным образом преодолеваться за счет внутренних ресурсов и потенциала региона. По сути, активный миграционный рост будет создавать опасности, которые не станут перерастать в угрозы потери устойчивости регионом и наносить ущерб. В обратном случае – когда исходный уровень экономической безопасности невысокий, давление со стороны миграционной ситуации будет только усиливаться. Вследствие этого региональная система при переходе в состояние неустойчивости будет испытывать сложности поиска нового состояния структурной устойчивости, а возможно, оно и не будет найдено. В этом случае

¹ Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России: монография / Под ред. проф. Г.М. Федорова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. – С. 175.

² Якшибаева Г.В. Планово-рыночные механизмы регулирования внутренней трудовой миграции в России // Проблемы современной экономики. 2018. – № 2 (66). – С. 79–81.

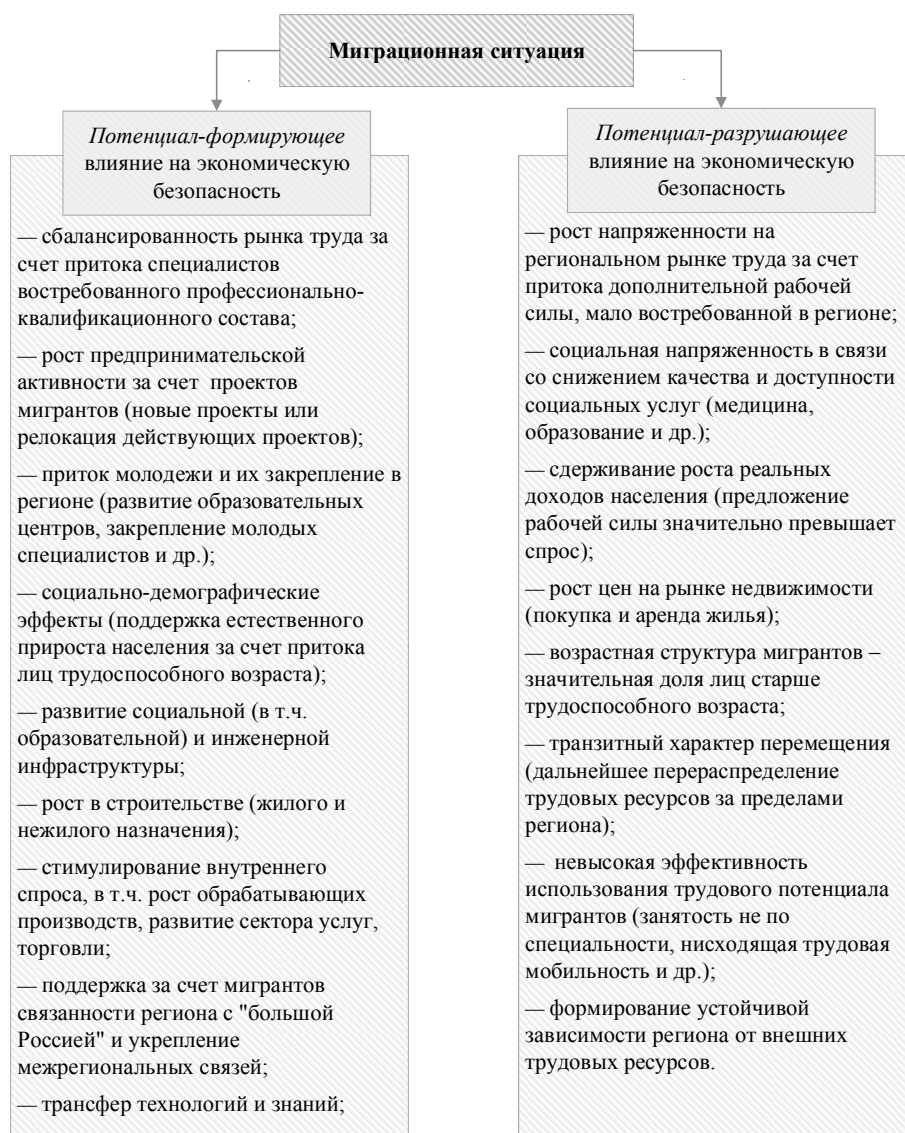
³ Логинова Л.В., Понукалина О.В. Межрегиональные миграционные процессы в современной России: тенденции и проблемы управления // Вестник СГЮА. 2015. – № 6 (107). – С. 222–229.

⁴ Титова Т.П. Селективная иммиграционная политика: стратегии и практики привлечения высококвалифицированных специалистов // Россия: тенденции и перспективы развития. – М., 2015. – Вып 10, ч. 3. – С. 103–106.

⁵ Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. – М.: Центр стратегических разработок, 2018. – <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427665>

⁶ Цветков В.А., Дудин М.Н., Лясников Н.В. Аналитические подходы и методы оценки экономической безопасности региона // Экономика региона. 2019. – Т. 15, вып. 1. – С. 1–12. doi 10.17059/2019-1-1.

сформируется сильная зависимость от трудовых ресурсов, поступающих извне, что подрывает экономическую безопасность, переводя ее в зоны критического или катастрофического риска¹.

Источник: составлено авторами.

Рисунок 1.
Межрегиональная миграция в обеспечении экономической безопасности (на примере Калининградской области)

На основе представлений о влиянии миграционной ситуации на экономическую безопасность региона выделены вызовы и угрозы, с которыми она связана. Используются более ранние разработки авторов, в которых проводится систематизация угроз экономической безопасности с учетом опыта российских исследований².

В частности, мы опираемся на представление об иерархии факторов экономической безопасности, которые определяют общие и специфические угрозы территории³. Общие угрозы характерны для всех регионов России, а специфические – для исследуемой типологической группы. Так как в данной работе рассматривается миграционно привлекательный регион [Калининградская область], то нами были выделены и специфические угрозы, связанные с миграционной ситуацией (табл. 1).

¹ Понятие о зонах экономической безопасности использовано из работы: Митяков Е.С., Митяков С.Н. Оценка дифференциации регионов России на основе анализа индикаторов экономической безопасности // Проблемы теории и практики управления. 2015. – № 12. – С. 30–41.

² Волошенко К.Ю. Экономическая безопасность приграничного региона: монография. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021; Проблемы экономической безопасности регионов Западного побережья России: монография / Под ред. проф. Г.М. Федорова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019.

³ Волошенко К.Ю. Экономическая безопасность приграничного региона: монография. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. – С. 73.

Вызовы и угрозы межрегиональной миграции обеспечения экономической безопасности (на примере Калининградской области)

Тип угроз экономической безопасности региона	Обусловленность угроз миграцией	Характеристика
<i>I. Общие угрозы</i>		
Финансовый	+	бюджетные расходы (в т.ч. сокращение подушевых показателей)
Научно-технический	+	потребность развития ресурсо-замещающих (рабочей силы) технологий
Демографический	++	сложности поддержания естественного прироста населения
Продовольственный	++	дефицит продовольствия при сохранении темпов производства
Рынок труда	++	рост безработицы и напряженности на региональном рынке труда
Внешнеэкономический	+	незаконный оборот и транзит
Уровень и качество жизни	++	снижение уровня заработной платы и качества социальных услуг
Инфраструктурный	+	рост нагрузки на региональную инфраструктуру, потребность привлечения инвестиций
<i>II. Специфические</i>		
Экономико-географические	+	значительное увеличение миграционного прироста
Институциональные	+	закрепление возможности региона производить селекцию миграционного потока
Производственные (отраслевые)	++	зависимость производств от внешних трудовых ресурсов, снижение технологической эффективности
Социальные	++	суженное воспроизводство трудовых ресурсов и старение кадров

Примечание: ++ – прямое влияние, + – опосредованное влияние.

Источник: составлено авторами.

В процессе выделения угроз нами были исключены их отдельные типы, которые не имеют прямой или опосредованной связи с миграционной ситуацией: макроэкономический (внутрирегиональный), нормативно-правовой и политический, техногенный (производственный), природно-экологический, антропогенный и техногенный экологический, рыночный (конъюнктурный), ресурсно-технический, инвестиционный, энергетический. С точки зрения негативного влияния наибольшее воздействие миграция оказывает на экономическую безопасность региона через усиление угроз следующих типов: демографические, продовольственные, ситуация на рынке труда, снижение уровня и качества жизни. Не менее важно в обеспечении безопасности учитывать и степень влияния миграции на финансовую, научно-техническую и внешнеэкономическую безопасность. По сути, миграция прямо или косвенно затрагивает все компоненты экономической безопасности региона, поэтому селекция миграционного потока должна проводиться с учетом преимущественного формирования ее конструктивного влияния на безопасность, превосходящего ее деструктивные воздействия. На наш взгляд, это достигается не за счет механизмов квотирования или ограничений потока мигрантов, а посредством создания условий для первоочередного перемещения специалистов, в которых заинтересован регион. Здесь особый интерес представляет уже сложившаяся практика в области селективной политики зарубежных стран. Безусловно, часть инструментов не применима на региональном уровне или в отечественной практике, она может противоречить российскому законодательству. Поэтому в исследовании нами анализировались наиболее адаптивные механизмы, часть из которых может быть использована и в сфере региональной политики.

В зарубежной литературе¹ традиционно выделяют три типа моделей селективной миграционной политики: 1) канадская модель, основанная на государственном отборе мигрантов с использованием балльной системы; 2) австралийская модель, основанная на государственном отборе с активным участием бизнеса и представителей рынка труда; 3) модель, ориентированная на рынок и определяемая спросом, основанная в первую очередь на отборе мигрантов работодателем. В работе 2022 г.² предлагается рассматривать три подхода к селекции: 1) обоснованный предложением (на основе использования балльных систем оценки при значительном предложении труда мигрантов), 2) обоснованный спросом (работодатели имеют возможность найма специалистов, отсутствующих на внутреннем рынке труда), 3) гибридный подход (дополнительные баллы присуждаются наиболее востребованным профессиям, используются механизмы закрепления молодых специалистов после получения ими образования).

Как можно заметить, по своему содержанию модели принципиально различаются только направленностью регулирования на спрос и предложение рынка труда или на обеспечение его состояния, близкого к равновесному. Собственно инструменты регулирования очень близки и похожи. Во-первых, выделяются различные балльные и рейтинговые системы на основе характеристик мигрантов и требований к ним (например, уровень образования, опыт работы, знание языка и др.). Во-вторых, административные механизмы, охватывающие выдачу разрешений на работу, вид на жительство или право на проживание только в отдельных районах, городах и др. В-третьих, экономические инструменты, когда предусмотрены схемы лояльности, предлагаются различные налоговые льготы, особые услуги и условия проживания (покупка и аренда жилья, возмещение затрат на переезд и т.д.). Особое значение в селекции миграцион-

¹ Koslowski R. Shifts in Selective Migration Policy Models // High-Skilled Migration: Drivers and Policies / Oxford Scholarship Online. 2018. doi: 10.1093/oso/9780198815273.003.0006.

² Macaluso M. The influence of skill-based policies on the immigrant selection process // *Economia Politica*. 2022. doi: 10.1007/s40888-022-00264-w. – <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s40888-022-00264-w.pdf>

ного потока ученые¹ отводят информации, которую получают мигранты из неофициальных (сообщества из числа уже переехавших лиц) и официальных источников (от работодателей и агентств, через кампании, информирующие о приоритетных сферах занятости, проведение ярмарок и др.).

Учитывая, что селекция миграционного потока в регионах России преимущественно относится к сфере региональной политики, наиболее приемлемым, на наш взгляд, является включение отдельных ее механизмов в действующие программы релокации и привлечения специалистов целевой когорты. Внутри регионов могут применяться и балльные системы, и быть предусмотрены наиболее комфортные условия проживания для специалистов и членов их семей и т.д. Однако ни одно из направлений селекции, выбранное регионом, не будет иметь должного эффекта, если не учитывать факторы притяжения в регион целевых когорт, которые могут существенно отличаться. Однако данная научная проблема требует отдельного изучения и будет рассмотрена авторами в дальнейшей работе посредством проведения полуструктурированных интервью мигрантов и работодателей Калининградской области по пяти целевым группам (здравоохранение, образование и наука, ИКТ, рекреация и туризм, малый бизнес).

Выводы. Межрегиональная миграция особенно для миграционно привлекательных регионов России создает дополнительные ограничения в обеспечении экономической безопасности. Это обусловлено ростом негативных воздействий, продуцируемых миграционным потоком, через угрозы и опасности потери устойчивости территориально-хозяйственной системы. Поэтому в интересах регионального развития принципиальное значение приобретает селекция миграционного потока. В качестве первоочередного принципа селекции должно рассматриваться сокращение ее деструктивных воздействий на социально-экономическую систему при наибольшем использовании конструктивных эффектов. На уровне региона этот принцип находит выражение в разработке мер по привлечению востребованных на рынке специалистов определенного профессионально-квалификационного состава. При этом для различных целевых когорт необходимо предусматривать отличный комплекс мер, так как мотивы переезда и факторы притяжения в регион могут существенно для них различаться. Селекция миграционного потока должна предполагать и активную работу региона в части информирования потенциальных мигрантов о возможностях трудоустройства и проживания в регионе. Это позволит повысить эффективность интеграции на рынке труда мигрантов, которые сегодня испытывают разочарования и сложности при смене места жительства.

¹ Rogerson P., MacKinnon R.D. Interregional Migration Models with Source and Interaction Information // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 1982. – N 14 (4). – P. 445–454. doi:10.1068/a140445; de Haas H., Czaika M., Flahaux M.-L., Mahendra E., Natter K., Vezzoli S., Villares-Varela M. International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects // *Population and Development Review*. 2019. – N 45. – P. 885–922. doi: 10.1111/padr.12291.

Гайкин В.А.

к.и.н., с.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
unara49@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ КОРЕЙСКИМИ ГАСТАРБАЙТЕРАМИ В ЯПОНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1918–1937 гг.

Ключевые слова: гастарбайтеры, корейская диаспора в Японии, полицейский профсоюз Соайкай, Великое землетрясение в Канто.

1. «Зубатовщина» по-японски

События 1917 г. в России и появление такой радикальной оппозиционной организации как Компартия Японии с «собственным» влиятельным профсоюзом «Дзэнкё» заставили гибко реагирующие на изменение обстановки правящие круги Японии перейти к опережающей социальной политике с целью исключить возможность повторения событий аналогичных российским. Многоаспектная система мер предусматривала и создание специальных квазипрофсоюзных организаций, уводящих рабочих со скользкого пути радикальных преобразований общественного устройства, предлагающие им ненасильственные варианты решения их социально-экономических проблем. Практика так называемой превентивной работы полиции реализовывалась правоохранительной системой Японии с 1917 г. в разных формах, в том числе в виде контроля над организациями, занимавшимися социальной поддержкой безработных, малоимущих и пр.¹

В это же время в Японию, переживавшую промышленный бум, связанный с первой мировой войной, прибывает всё возрастающее число корейских иммигрантов, восполняющих нехватку рабочих для растущей на дрожжах заказов воюющих держав японской индустрии. Если в 1916 г. численность корейской диаспоры составляла 5624 чел, то в 1920 г. – 31 720 чел., а в 1930 – 298 000 чел., абсолютное большинство которых были рабочие с низкой квалификацией.

Дискриминация в оплате труда, грубое отношение администрации предприятий были теми предпосылками, которые неизбежно вызывали вначале робкие, а постепенно всё более серьёзные попытки корейцев защищать свои профессиональные и человеческие права.

Необходимость контролировать огромный массив иммигрантов, склонный к политической самоорганизации и подверженный влиянию коммунистической идеологии была очевидной. Этим и должен был заниматься Соайкай, созданный в декабре 1921 г. и сочетавший несколько функций – квазипрофсоюза, биржи труда и негласно-полицейского вспомогательного органа. Одной из главных задач Соайкай декларировалось установление японо-корейской гармонии и взаимной любви, что было отражено в названии (соай – взаимная любовь). Политическое и финансовое содействие формированию новой структуры оказали администрация генерал-губернаторства, МВД Японии, командование армии, компании Мицубиси и Мицуи, с помощью которых был сформирован фонд в 300 тысяч иен. Маруяма Цурукити поручил руководство фондом двум корейцам – Ли Ки Донгу и Пак Чум Гуну, которые на эти средства основали в Токио корейский квазитредюнион под полицейской «крышей»².

При финансовой поддержке правительства Соайкай в течение двух лет основал 6 филиалов – в Нагоя (12 мая 1923 г.), в Осака (15 мая 1923 г.), с отделениями в Мисима (11 августа 1923 г.) и Идзуми (23 сентября 1923 г.); филиал в префектуре Сидзуока с отделением в Хамамацу (5 марта 1924 г.); в префектуре Яманаси с отделением в Кофу (10 апреля 1924 г.). В Корею был создан филиал в Пусане (апрель 1924 г.) с тремя отделениями в Сеуле. К 1929 г. Соайкай насчитывал более 16 тысяч членов и годовой доход более 420 000 иен³. Эти средства шли на содержание бирж труда для корейских подёнщиков, медицинских клиник, обслуживающих корейских рабочих и их семей, строительство общежитий, на проведение культурных мероприятий.

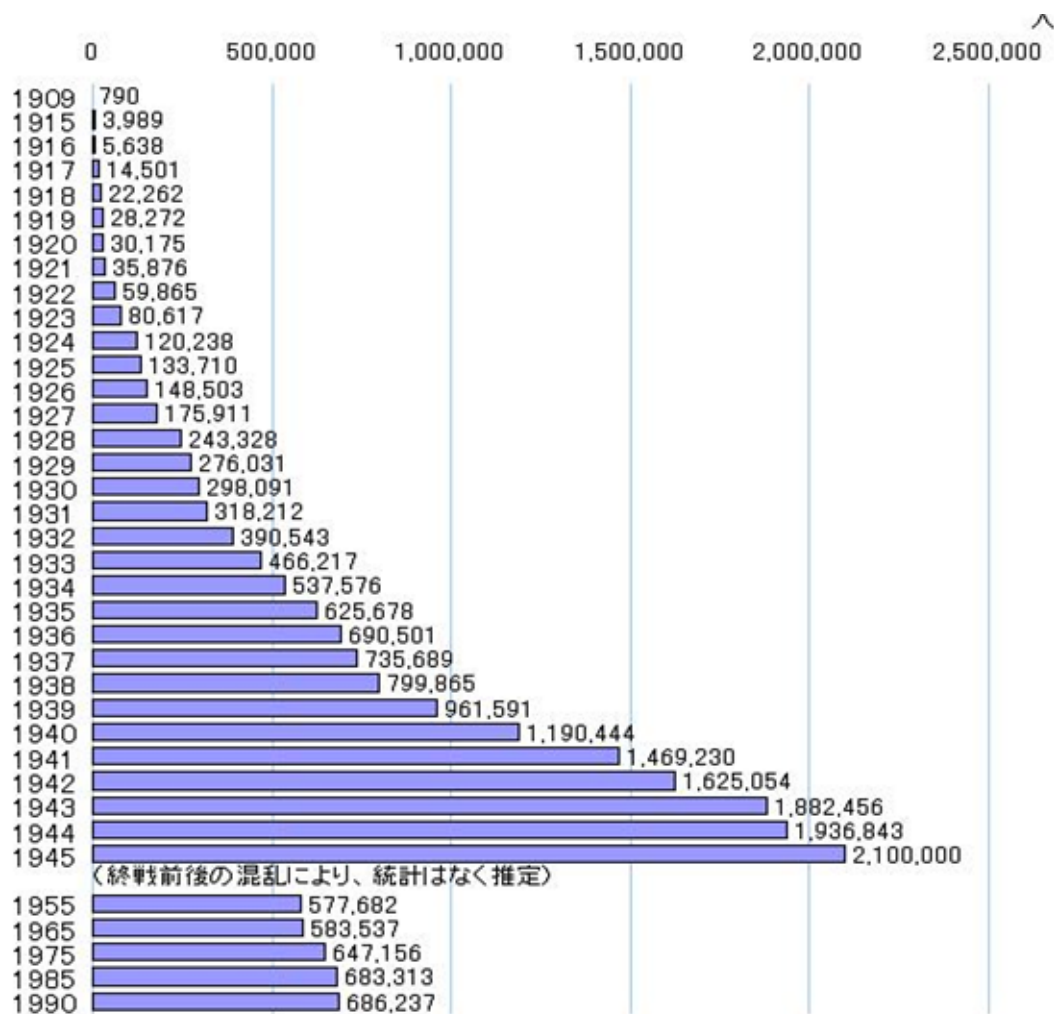
Использование Соайкай в качестве посредника или провокатора, на переговорах со стачечниками, которое изменяло вектор борьбы рабочих, направляя его против Соайкай, стало паттерном манипулятивной практики разрешения трудовых конфликтов в пользу владельцев предприятий. Эта политтехнология стала доминировать при использовании Соайкай для разгрома забастовок, особенно после введения в действие в 1925 г. закона о защите порядка (тиан ихо). Соайкай, действуя в качестве квазипосредника, замещая действительного противника, провоцировал столкновения «вызывал огонь на себя» (гнев и силовые действия бастующих). После чего под предлогом прекращения стычек в конфликт вмешивалась полиция и проводила аресты.

¹ Weiner M. The origins of the Korean community in Japan 1910–1923. – New Jersey, 1989. – P. 83–84.

² Маруяма Цурукити. Тёсэндин дантай соайкай – Нанадзюнэн токородокуро (Соайкай ретрозаписки через 70 лет.). – Токио: Нанадзюнэн токуро докуро, 1955. – С. 84–85.

³ Kawashima Ken. The proletarian gamble. – Durham; London: Duke university press, 2009. – P. 140.

Численность корейской диаспоры в Японии

(注) 1909 日本帝国年鑑、1915～1944 内務省警保局統計、1955～梶村秀樹「朝鮮史」
(資料) アジア文化社「アジアウェーブ」第29号(1995年6月)

Японский автор Онива Синсукэ, описывая забастовку японских рабочих на фабрике музыкальных инструментов Нихон гакки в 1926 г., констатировал: «Уникальность забастовки на Нихон гакки состоит в том, что репрессии против бастующих проводила не полиция, а банды (в том числе организованные Соайкай). По мнению Онива, использование банд преследовало три цели: 1. Заставить силой забастовщиков прекратить стачку. 2. Отвлечь рабочих от прямых атак на компанию, создать трения внутри бастующего коллектива для того, чтобы они тратили энергию на распри. 3. Создать на основе первых двух моментов повод для полиции вмешаться и произвести аресты на основании нарушения закона о сохранении порядка (тиан ихо)»¹.

2. Соайкай – монопольный поставщик корейских подёнщиков на рынок труда

Контроль над корейской диаспорой не мог быть полным без участия Соайкай в процессе превращения корейской рабочей силы в товар на рынке труда Японии. Массы безработных иммигрантов представляли собой лёгкую добычу квазипрофсоюза, имевшего благодаря прямым связям с полицией рычаги влияния на всех акторов рынка труда – работодателей, посредников-субподрядчиков, нанимающих подёнщиков, государственные биржи труда.

На рынке труда в Токио Соайкай сохранял монополию практически со времени основания в 1921 г. Согласно данным Соайкай в 1922 г. из 10878 корейских рабочих, проживавших в Токио, 9096 (84%) нашли работу через агентства по найму при Соайкай. Из этих 9096 рабочих 45% трудились на общественных работах на строительных площадках, занимаясь примитивным физическим трудом, 30% занимались торговлей и прочими работами и 20% трудились на небольших предприятиях. С января по апрель 1923 г. эта пропорция практически не изменилась – 80% устраивались на работу через Соайкай².

¹ Онива Синсукэ. Хамамацу нихон гакки соги но кэнкю. 1926. 4.26 – 8.8 (Изучение забастовки на фабрике Хамамацу нихон гакки. 1926. 4.26 – 8.8. – Токио: Гогацуся, 1980. – С. 118.

² Ringhoffer M. Soaikai – Chosenjin doka dantai no ayumi (соайкай – орган ассимиляции корейцев) // Zainichi chosenjin si kenkyu. 1981. – Vol. 9, December. – P. 45–69.

Рисунок 1.
Корейские шахтёры, шахта компании Асо г. Иидзума префектура Фукуока

Великое землетрясение в Канто 1923 г. стало своеобразным рубежом в жизни корейской диаспоры, стимулом к социальной организации иммигрантов, развитию как Соайкай, так и его антипода коммунистического профсоюза Дзэнкё. Вскоре после катастрофы стали циркулировать слухи о том, что корейцы поджигают дома, убивают и грабят японцев, распространяют наркотики. В атмосфере хаоса и психологического шока многие японцы поверили в это. Резервисты японской армии и гражданские добровольцы организовали группы патрулирования улиц с целью поиска «бесчинствующих» корейцев. Обвинения против корейцев были фальсификацией. Корейцы стали козлом отпущения для пребывающих в шоке японцев. Во время корейских погромов японскими военнослужащими и волонтерами было убито около 6 тысяч корейцев.

В следующие недели департамент гражданского строительства, полиция и армия постоянно использовали Соайкай для мобилизации корейских рабочих на восстановление разрушенного города. Японская армия стала пионером использования 4000 корейских рабочих под надзором Соайкай для разбора завалов и строительства временных барачков¹. Вице-президент Соайкай Пак Чум Гум и функционеры профсоюза организовывали корейские бригады по 30–40 человек для вывоза мусора и строительных работ².

Ким Ту Ён (активист корейского рабочего профсоюза Росо) в июле 1929 опубликовал статью о Соайкай в журнале Сэнки, объясняя почему в Соайкай так много членов: «Представим безработного корейца, только что прибывшего в Японию из Кореи... Он должен найти работу как можно быстрее, но технической возможности для этого у него нет, и он практически не говорит по-японски. Кореец идёт на городскую биржу труда, но его посылают (по договорённости с полицией) в бюро найма профсоюза Соайкай. Если у него нет крыши над головой полиция направляет его в Соайкай. Если кореец торгует на улице вразнос мелочёвкой, чтобы свести концы с концами, полиция запрещает его «бизнес» и направляет его в Соайкай, где ему будут «прочистать мозги» разговорами о японо-корейской гармонии (найсэн юва сисо). Если он попытается устроиться на работу на стройку или подёнщиком на гравийный карьер, подрядчик посылает его в Соайкай. А чтобы в Соайкай тебе дали направление на работу, нужно вступить в эту организацию»³.

Общественные работы (строительство шоссе и железных дорог, укрепление берегов рек, ремонтно-строительные работы в городах и т.п.) стали отраслью, где Соайкай доминировал как поставщик рабочей силы. В 1927 г. 90% трудоустройств по линии Соайкай приходилось на общественные работы; в 1930 г. – 35%; в 1931 г. – 72,7%; в 1932 г. – 67,5%. Во все годы доля безработных, направляемых с бирж труда Соайкай на заводы, не превышала 35%, исключение составлял 1929 г. – 74%⁴.

В борьбе против стачек корейских подёнщиков Соайкай разоблачил себя как пособник полиции и владельцев предприятий, союзник японского колониального аппарата. Его лидер и сооснователь Пак Чум Гун после избрания в японский парламент по существу предал квазипрофсоюз, отрестившись от него и его превентивно полицейских практик. Если в 1932 г. численность Соайкай составляла 16080 чел., то к 1934 г. она упала до менее чем 7500 чел., а в 1936 г. только 3000 чел. являлись членами этого «профсоюза» (из 700-тысячного корейского населения Японии)⁵. В 1941 г. в преддверии войны на Тихом океане и в связи с ограничением деятельности в Японии политических и общественных организаций был «закрыт» и Соайкай. Доверять возглавляемой корейцами корейской организации монопольное право контроля над корейской диаспорой в условиях военного времени правительство посчитало небезопасным. Управление диаспорой передали японской госструктуре «Кёвакай».

¹ Кэйдзё ниппо. 1923. – 24 сентября.

² Кэйдзё ниппо. 1923. – 19 декабря.

³ Ким Ту Ён. Кавасаки ранто дзикэн но синсо (Правда о мятеже в Кавасаки) // Сэнки. – Токио, 1929. – Июль.

⁴ Kawashima Ken. The proletarian gamble. – Durham; London: Duke university press, 2009. – P. 255.

⁵ Ibid., p. 164.

Жилкин В.А.

д.ю.н., юридическая фирма Кари Корхонен, Хельсинки

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В СУДАХ ФИНЛЯНДИИ

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, преступные группировки,отягчающие факторы преступления, преступность в тюрьмах.*

Количество выявленных тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ в Финляндии резко увеличилось в начале 2000 годов. Преступления, в основном, были совершены в рамках организованных преступных группировок, создание которых началось в 1997–1999 годах с дальнейшим объединением в преступные сообщества в 2011 году. В 2012 году Центральная криминальная полиция Финляндии сообщила о создании новых отделений и подразделений и о существовании уже 84 организованных преступных группировок на территории страны.

В 2020 году количество преступных группировок увеличилось и распространилось в 30 муниципалитетах страны, самыми крупными из которых являлись Bandidos MC, Hells Angels MC, Cannonball MC, Outlaws MC, Satudarah MC, United Brotherhood, Rogues Gallery и Bats.

По данным Федерального бюро расследований США и спецслужб других стран, Bandidos является одним из крупных мировых преступных синдикатов, вовлеченных в торговлю наркотиками¹.

В 2021 году Центральной криминальной полицией совместно с полицией Финляндии раскрыто несколько масштабных дел, связанных с нелегальным ввозом и торговлей наркотическими веществами, что отразилось на росте статистики этих преступлений.

Так, число тяжких преступлений в сфере наркотиков резко выросло в столичном регионе Финляндии на 80% в сравнении с 2020 годом. Число зарегистрированных преступлений с 80 увеличилось до 144 в 2021 году.

По сообщению Ведомства здравоохранения и социального развития Финляндии (THL) наблюдается значительный рост диагнозов, связанных с употреблением наркотиков, особенно в 20-30 летней возрастной группе, а в период с 2015 по 2018 год число диагнозов, связанных с употреблением наркотиков, увеличилось примерно на 30 процентов².

По результатам национального мониторинга сточных вод в 27 городах и их окрестностях в марте 2021 года в Хельсинки, Эспоо, Турку и Тампере показали рост употребления амфетамина в Финляндии. Проведенные в 2020 году измерения сточных вод показали увеличения употребления амфетамина в городах Лаппеенранта, Котка и Пори.

Скорость, количество и масштабы распространения ввезенных опасных наркотических веществ в Финляндию ежегодно значительно увеличивается.

Так, еще в 2008 году ввезенная из Голландии через Эстонию в Финляндию конфискованная партия средней концентрации 19,8 % амфетамина 9.847 кг считалась крупнейшей. Суд приговорил каждого из четырех граждан Эстонии, участников этой контрабанды наркотиков, к лишению свободы сроком на 12 лет. Следует также отметить значительные расходы государства во время предварительного следствия и в каждой из трех стадий этого судебного разбирательства. Так, отнесенные решением суда к расходам государства судебные расходы только в суде первой инстанции составили в общей сумме 125.358 евро. После вступления решения суда в силу осужденные к лишению свободы были перемещены в Эстонию для отбывания полного срока наказания 12 лет в исправительных учреждениях согласно Конвенции о передаче осужденных и Дополнительному протоколу к ней³, а также Рамочному соглашению о передаче заключенных и приведению в исполнение приговоров о лишении свободы между государствами-членами ЕС.

Для сравнения, в Финляндии первоосужденные отбывают половину назначенного судом срока наказания с дальнейшим условно-условным сроком освобождения. Также осужденные имеют право на перевод в тюрьмы открытого типа. Например, в тюрьме открытого вида на острове Suomenlinna необлагаемая налогом оплата осужденным составляет до 1,300 евро в месяц при 7,5 часовом рабочем дне, также осужденные свободно передвигаются по территории самой известной достопримечательности острова Хельсинки.

В практике совместного взаимодействия пенитенциарных ведомств Финляндии и Эстонии имеется предоставление ошибочного ответа (или неправильного перевода), повлекшее увеличение срока отбывания наказания на 3 года, назначенного решением уездного суда Хельсинки эстонскому осужденному в местах лишения свободы Эстонии.

¹ U.S. Department of Justice. 2009. – July 10. – https://www.justice.gov/archive/usao/txn/PressRel09/froman_etal_meth_motorcycle_gang_indict_pr.html

² Elina Rautiainen. Päihdediagnoosien alueellisen esiintyvyyden erot ja hoidon kustannukset. 7.1.2022.

³ Tuomittujen siirtämistä koskeva yleissopimus (SopS 13/1987) ja sen lisäpöytäkirja (SopS 42/2001).

Так, за тяжкие преступления оборота наркотических веществ на территории Финляндии по приговору уездного суда Хельсинки в июне 2013 года Е. был осужден на 12 лет лишения свободы. В отношении этого осужденного в 2014 году Министерство юстиции Эстонии направило письменный запрос в Минюст Финляндии, в ответе сроком освобождения осужденного Е. был сообщен 2025 год, ошибочно добавлен 3-летний испытательный срок, вместо назначенного судом Хельсинки окончания срока отбывания наказания весной 2022 года. Испытательный срок при условно-досрочном освобождении в Финляндии исчисляется после даты освобождения.

Из тюрьмы строгого режима Riihimäki в конце лета 2015 года Финляндия передала эстонского осужденного Е. Эстонии, где он отбывает наказание в тюрьме Тарту после рассмотрения дела судом в соответствии с действующим законодательством Эстонской Республики и исполнения альтернативных мер наказания и иных принудительных мер уголовно-правового воздействия, а также рассмотрения права и основания для условно-досрочного освобождения. Уездный суд, также как и окружной суд Тарту, установили, что данное решение соответствует судебному прецеденту ЕСПЧ, и срок отбывания наказания заканчивается в 2025 году.

В настоящее время первоосужденные граждане Евросоюза отбывают наказание в исправительных заведениях Финляндии с правом условно-досрочного освобождения после отбытия половины срока заключения.

В Эстонской Республике незаконный оборот наркотических или психотропных веществ в больших количествах наказывается лишением свободы на срок от года до 10 лет. То же деяние, если оно совершено: 1) группой лиц; 2) лицом, которое ранее совершило указанное в этой статье преступление, либо кражу, разбой, незаконный импорт или экспорт, передачу и иной оборот наркотических или психотропных веществ в месте содержания под стражей, наказывается тюремным заключением на срок от 3 до 15 лет. Совершенное деяние с целью извлечения крупной выгоды, наказывается лишением свободы на срок от 6 до 20 лет или пожизненным заключением¹.

Так, в 2009 году гражданин Финляндии Mikko Mikael L. был приговорен решением уездного суда Турку к лишению свободы сроком на 11 лет и уездным судом города Forssa-Loima на срок 2 года и 6 месяцев за тяжкие преступления контрабанды наркотиков. После отбывания половины срока по условно-досрочному освобождению в ноябре 2017 года в июне 2018 года Mikko Mikael L. был арестован в числе группы из 10 человек, в том числе членов преступной группировки United Brotherhood, и приговорен к лишению свободы сроком на 7 лет и 6 месяцев за распространение амфетамина и таблеток Subutex.

Как повторно осужденный Mikko Mikael L. имеет право на условно-досрочное освобождение после 2/3 срока отбывания наказания.

За совершенные тяжкие преступления в период 2011–2013 годов эстонской группировки по контрабанде из Бельгии через Эстонию в Финляндию крупной партии амфетамина, уездный суд Хельсинки 28.6.2018 года приговорил к лишению свободы сроком от 5 до 13 лет группу из 15 осужденных, в том числе лидера Cannonball – группировки Aki Petteri R.

Статья 50 2 § УК Финляндии, предусматривающая наказание за незаконный оборот наркотических или психотропных веществ, вступила в силу в 1993 году, и с тех пор в законодательство не было внесено поправок, усиливающих наказание за данные преступления. Действующим законодательством предусмотрено наказание за тяжкие преступления незаконного оборота наркотических или психотропных веществ от одного года до 10 лет.

Сроки наказания в Финляндии за тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ, остались неизменными с 1993 года, а масштабы незаконного изготовления психотропных веществ и количество ввезенных наркотических веществ в Финляндию увеличились в десятки раз. Только в 2020–2022 годах в Финляндии были конфискованы крупнейшие партии опасных наркотических веществ.

Так, 20.1.2022 года в результате совместных действий полиции Финляндии, Интерпола и полиции Эстонии была конфискована крупнейшая партия наркотических веществ, состоящая из 118 кг амфетамина и 103 г кокаина. Преступная группировка, состоящая и руководимая в том числе гражданами Эстонии, проживающими в Финляндии, в сентябре 2021 года приобрела с целью ввоза из Нидерландов в Финляндию партию в 165 кг амфетамина.

В 2020–2021 годах была проведена крупнейшая операция криминальной полиции в Финляндии под руководством FBI, которая завершилась конфискацией в Финляндии 500 кг наркотических веществ, 145 кг марихуаны и автоматического оружия, поставленных международным преступным сообществом из Эстонии и Испании из общего количества 1700 кг наркотических веществ, поставленных в Финляндию в период 2020–2021 годов.

1.2.2022 года уездный суд Хельсинки приговорил 12 осужденных за ввезенные в Финляндию партии кокаина, амфетамина и марихуаны к длительным срокам лишения свободы от 2 до 11,5 лет лишения свободы.

После завершения проведенной совместной с FBI международной операции Greenlight 18.3.2022 уездный суд Рованиemi приговорил 29 осужденных за контрабанду 37 кг амфетамина, двух килограмм кокаина, 9500 таблеток Subutex и 15 000 таблеток экстази и MDMA.

Уездный суд 12.7.2018 года отклонил обвинение В. в совершении преступления, связанного с наркотическими веществами при отягчающих обстоятельствах, и признал его виновным в пособничестве и подстрекательстве к совершению уголовного преступления. Суд признал отягчающими обстоятельствами в соответствии с главой 6, разделом 5 (2) Уголовного кодекса к наказаниям, наложенным на А. и Д. и А. и В. как членов Cannonball MC. Количество и качество наркотиков убедительно свидетельствовали об их деятельности в рамках организованной преступной группы.

¹ Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики. Статья 184. Незаконный оборот наркотических или психотропных веществ в больших количествах. Karistusseadustik. § 184 (1), (2), (2¹). Narkootilise ja psühhootroopse aine suure koguse ebaseaduslik käitlemine.

При определении меры наказания уездный суд принял во внимание количество наркотиков и полученную финансовую выгоду. А. был приговорен к 10 годам лишения свободы.

Апелляционный суд города Вааса подтвердил, что преступления были совершены в рамках деятельности организованной преступной группы Cannonball MC Ulvila, в которой В. являлся руководителем, а А. был членом этой преступной группировки.

Апелляционный суд приговорил В. к лишению свободы сроком на 11 лет за два тяжких преступления, связанных с наркотиками, два мошенничества и преступление с применением огнестрельного оружия.

Верховный суд при определении отягчающих факторов преступления незаконного оборота наркотических веществ, предусмотренного главой 50, статьей 2, пунктом 3 Уголовного кодекса, совершенного организованной группой или преступным сообществом, суд отметил, что рассмотрение таких факторов требует особого внимания¹ (HE 44/2002 vp. 190). Степень, с которой эти факторы уже повлияли на определение наказания без отягчающих обстоятельств, также должно быть принято во внимание при определении срока уголовного наказания.

Согласно пункту 2 ч. 1 статьи 5 главы 6 УК Финляндии в качестве отягчающего обстоятельства предусмотрено наказание за совершение преступления в составе преступной группы, организованной для совершения тяжких преступлений.

Верховный суд вынес А. окончательный приговор с учетом отягчающего обстоятельства наказания в виде лишения свободы сроком на 9 лет, а при назначении наказания В. суд не нашел оснований для замены наказания в виде лишения свободы сроком на 11 лет².

23.4.2022 года закончилось предварительное следствие MANTAGA-преступной группировки, поставивший в январе–феврале 2022 года из Албании в Финляндию 70 кг марихуаны. Стоимость этой партии в даркнете оценивается в 700 000 евро.

Назначение наказания за тяжкие преступления

Согласно вступившей в силу 1.10.2015 года статье 6, пункта 5) УК Финляндии организованная преступная группа предполагает состав трех и более лиц, которые в течение определенного периода времени действуют согласованно с целью совершения преступлений, за которые предусмотрено лишение свободы на срок не менее четырех лет.

В 2015 году в статью 50 2 § (3) уголовного кодекса было внесено дополнение положения о деятельности специально организованной преступной группы и организованного сообщества, разработанное с учетом конституционных принципов Финляндии, основных концепций национальной правовой системы и средств правоприменения. При этом срок наказания за тяжкие преступления остается неизменным с 1993 года – от одного года до 10 лет лишения свободы.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что с учетом признания судом отягчающего обстоятельства в виде участия в организованной преступной группе или организованном сообществе окончательный срок наказания за тяжкие преступления незаконного оборота наркотических или психотропных веществ не превышает 13 лет.

В качестве сравнения, Том V Уголовного кодекса Франции предусматривает преступление в форме участия в преступном сообществе. Наказание за тяжкие преступления или преступления небольшой тяжести предусматривает лишение свободы на срок не менее десяти лет, участие в преступном сообществе наказывается лишением свободы на срок десять лет и штрафом в размере 150 000 евро.

УК Италии предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет за совершение участниками сообщества вооруженных нападений.

Однако, несмотря на международное сотрудничество с целью выработки комплексной и сбалансированной стратегии борьбы с контрабандой наркотиков и пресечением каналов незаконных поставок психотропных веществ в Финляндию, преступления в сфере незаконного оборота и употребления наркотиков проникли в многие сферы общественной жизни Финляндии, места лишения свободы, школы и детские учебные заведения.

Так, потрясением для финского общества стало в ноябре 2013 года начало расследования подозрения в тяжких преступлениях Jari Aarnio – бывшего комиссара полиции и начальника отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков города Хельсинки. Уездный суд вынес обвинительный приговор Jari Aarnio по 22 статьям обвинений, в том числе по 5 тяжким преступлениям контрабанды наркотиков, с лишением свободы сроком на 10 лет с конфискацией имущества, признав его виновным в организации контрабанды 800 килограммов гашиша из Нидерландов в Финляндию совместно с лидером United Brotherhood преступной группировки Keijo Vilhunen, осужденным этим же судом на 10 лет лишения свободы.

Ранее осужденные за преступления в сфере незаконного оборота наркотических или психотропных веществ участвуют в выборах разного уровня в Финляндии, в том числе в Парламентских выборах 2019 года и муниципальных выборах 2022 года. Среди кандидатов в депутаты Парламента 2019 года трое имели судимости за тяжкие наркопреступления, а 9 кандидатов в депутаты ранее были приговорены к условным наказаниям или штрафам за преступления незаконного оборота наркотических или психотропных веществ³.

¹ Законопроект Правительства (HE 44/2002 vp. 190). 10.4.2002. LaVM 28/2002 vp – HE 44/2002 vp. Hallituksen esitys rikosoikeuden yleisiä oppeja koskevan lainsäädännön uudistamiseksi.

² Решение Верховного суда Финляндии ККО:2021:74 от 14.10.2021.

³ Marko-Oskari Lehtonen. IL selvitti kaikkien eduskuntaan pyrkivien taustan: Nämä 125 ehdokasta on tuomittu rikoksista. 4.4.2019. – <https://www.iltalehti.fi/politiikka/a/b2f391d1-b1e4-4e8c-9d1c-1a9fd0674b5d>

Кандидат от Пиратской партии Финляндии Tomi Nalli участвовал в Парламентских выборах 2019 года и в муниципальных выборах в 2022 года, ранее приговоренный в 2015 году к лишению свободы срок на 1 год и 10 месяцев условно за выращивание дома и в промышленном ангаре 132 растений *Kannabis Sativa* и за продажу 1-1,5 кг марихуаны.

Избранный представитель партии «Истинные финны» был осужден в 2018 году за употребление наркотиков, нарушения общественного порядка и причинение вреда должностному лицу.

Депутат от партии «Истинные финны» отделения из Вантаа совершил наркотическое преступление в феврале 2020 года, заказав из Нидерландов капсулы сока конопли, содержащие каннабидиол и каннабидиоловую кислоту.

Jirri Keronen из партии «Истинных финнов» был осужден в 2018 году за потребление наркотических веществ и получил обвинительный приговор с назначением наказания в виде штрафа. На муниципальных выборах 2021 года Jirri Keronen был избран в городской совет Эспоо от «Истинных финнов».

Распространение наркотических веществ в тюрьмах Финляндии

В 2018 году преступные группировки заработали от 2 до 9 миллионов евро на продаже наркотиков среди заключенных. Объемы количества наркотиков в тюрьмах Финляндии утроились за 10 лет.

Согласно отчету Ведомства уголовных наказаний RISE в конце 2019 года в тюрьмах Финляндии находилось более 170 членов преступных группировок или причастных к их деятельности, количество которых увеличилось вдвое в сравнении с 2018 годом.

В отчете RISE 2020 года сообщается, что в торговле наркотиками в тюрьмах Финляндии в Turku и Riihimäki доминирует крупнейшая и влиятельная в Финляндии преступная группировка United Brotherhood (UB), члены которой отбывают длительные сроки наказания за тяжкие преступления, связанные с наркотиками, насилием и с огнестрельным оружием. В отчете указывается на шантаж, давление, насилие, угрозу насилия и втягивание новых членов в деятельность группировки, приостановленную решением уездного суда в январе 2020 года, а также ее филиала Bad Union¹.

6.3.2020 года был вынесен обвинительный приговор 17 членам преступной группировки United Brotherhood, наладившей систему поставок наркотиков и таблеток Subutex в исправительные учреждения закрытого режима Riihimäki и Turku. Максимальные сроки наказания в виде лишения свободы составили от 3 лет и 3 месяцев до 4 лет и 2 месяцев.

По информации члена городского совета Лаппеенранты, преступления, связанные с наркотиками, в районе Юго-Восточной Финляндии в 2020 году увеличились на 51,68%, а в начале 2021 года на 43 процента. К показателям добавляются другие преступления, связанные с наркотиками, такие как кражи со взломом, кражи, нападения и др.

Только в 2020 году на юго-востоке Финляндии было зарегистрировано около 1800 преступлений, связанных с наркотиками. Это примерно пять преступлений в день².

Каждый четвертый погибший в ДТП за рулем в нетрезвом виде в Финляндии – молодой человек в возрасте 15–24 лет. В период с января по март 2022 года более половины случаев вождения в нетрезвом виде, в которых участвовали молодые люди в возрасте до 25 лет, были связаны с наркотиками или смешанным употреблением алкоголя и наркотиков³.

Проведенный опрос исследователя Ведомства здравоохранения и социального развития Финляндии среди школьников ESPAD 2019 г. показал, что 13 процентов подростков возрасте от 15 до 16 лет хотя бы один раз уже попробовали легкие наркотики, девять процентов учащихся начальной школы, 14 процентов учащихся старших классов средней школы и 20 процентов учащихся профтехучилищ.

Число смертных случаев, причиной которых стало употребление наркотиков среди молодежи 15–24 лет, увеличилось примерно на 30 процентов в период с 2015 по 2019 год⁴.

Заключение

Незаконный оборот наркотиков и распространение наркомании среди молодежи, а также снижение возраста зависимости от наркотических веществ представляют серьезную угрозу национальной безопасности Финляндии. Значительную долю среди лиц, участвующих в контрабанде наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров, а также потенциально опасных психоактивных веществ, составляют иностранные перевозчики опасного вещества. С открытием границ внутри Евросоюза после улучшения положения с COVID-19 количество ввезенного опасных наркотических веществ резко увеличилось.

Значительное увеличение квот беженцам в 2022 году в Финляндии также повлияет на незаконное перемещение наркотиков через государственную границу, рост новых правонарушений и преступлений, в том числе в сфере контрабанды наркотиков и распространение наркомании среди молодежи. В 2021 г. полиция и миграционное ведомство не смогли точно определить число нелегально находящихся иностранцев в Финляндии, получивших негативные решения в предоставлении разрешений на проживание и подлежащих депортации. По докладу миграционного ведомст-

¹ Rikosseuraamuslaitoksen tilastoja 2020. Rikosseuraamuslaitoksen tilastoja –sarja.

² Kai Karhukorpi. Vaalikynä: Huuhausainerikoksiin ja niiden aiheuttamiin ongelmiin on puututtava järeillä keinoilla. 18.05.2021. – <https://www.joutsenolehti.fi/paakirjoitus-mielipide/4147785>

³ Suomen teillä kuolee enemmän nuoria kuin muissa Pohjoismaissa. – <https://yle.fi/novosti/3-12415182>

⁴ Sanna Rönkä & Jaana Markkula. Huuutilanne Suomessa 2020. THL. Vantaa, 2020.

ва Финляндии 2011 года в стране проживало от 4000 до 10 000 иностранцев без действующих разрешений на проживание¹.

Предупреждение организованной преступности в Финляндии требует внесения поправок в Уголовный кодекс, принятия неотложных мер правительственными структурами и гражданским обществом, а также их международного сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

¹ European Migration Network. Suomi 2011. Hyvät käytänteet laittoman maahanmuuton vähentämiseksi. – http://www.emn.fi/files/532/Practical_Measures_for_Reducing_Irregular_Migration_Finland_FINAL_FI.pdf

Куделина О.В.

д.м.н., доцент, СибГМУ Минздрава России, г. Томск

Суворова Т.А.

аспирант, зав. отделом, Бюро медицинской статистики, г. Томск

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Ключевые слова: *здоровье населения, городское население, сельское населения, коронавирусная инфекция, организация медицинской помощи, стоимость медицинской помощи.*

Коронавирусная инфекция, вызванная вирусом SARS-CoV2, начавшаяся в декабре 2019 года в г. Ухань Китайской Народной Республики, уже в начале 2020 года быстро распространилась по всему миру. Всемирная организация здравоохранения 11 марта 2020 года объявила вспышку новой коронавирусной инфекции пандемией. По состоянию на начало июня 2022 в мире было зарегистрировано 539 189 367 случаев заражения коронавирусом. Наибольшее количество случаев выявлено в США (87 114 740 случаев), Индии (43 207 265 случаев), Бразилии (31 360 850 случаев). Россия занимает в списке 7 место (18 365 879 случаев)¹. Первые подтвержденные случаи заболевания в Российской Федерации были зарегистрированы в начале марта 2020 года в Москве, а к концу апреля случаи заражения отмечались во всех регионах страны². Для предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции был принят ряд противоэпидемических мер, направленных на разрыв механизма передачи инфекции от человека к человеку³. В дальнейшем основной профилактической мерой стала вакцинация, как наиболее эффективный способ предотвращения заболевания⁴. В целом профилактическая медицина в России, как и во всем мире, направлена не только на предотвращение распространения инфекционных заболеваний, но и на профилактику заболеваний системы кровообращения, болезней органов дыхания, онкологии и травматизма.

Сохранение здоровья населения является важной задачей для любого общества. В Российской Федерации разрабатывается и реализуется множество программ, направленных на укрепление общественного здоровья, профилактику хронических неинфекционных заболеваний (ХНИЗ), профилактику факторов риска развития ХНИЗ, снижение заболеваемости и смертности⁵. Основные мероприятия реализуются с помощью федеральных, региональных, муниципальных и корпоративных программ укрепления здоровья, способствующих не только формированию здорового образа жизни, но и ответственному отношению граждан к собственному здоровью⁶, что крайне важно в период восстановления и реабилитации после перенесенного заболевания COVID-19⁷.

Материалы и методы. Оценка общей и первичной заболеваемости городского и сельского населения области проведена на основании ФФСН №12⁸. Рассчитаны показатели заболеваемости по классам, занимающим ведущие места в структуре заболеваемости населения: болезни органов дыхания, болезни системы кровообращения, травмы и отравления, злокачественные новообразования, новая коронавирусная инфекция – COVID-19. Согласно Международной классификации болезней (МКБ-10) COVID-19 кодируется специальным кодом, но статистический учет ведется по классу некоторые инфекционные и паразитарные болезни (A00-B99). Для оценки финансовых затрат на амбулаторно-

¹ Статистика распространения коронавируса в мире. – <https://coronavirus-monitor.info/#stats>

² Земцов С.П., Бабуринов В.Л. Коронавирус в регионах России: особенности и последствия распространения // Государственная служба. – М., 2020. – № 2. – С. 48–55.

³ Chu D.K., Akl E.A., Duda S., Solo K. et al. Physical distancing, face masks, and eye protection to prevent person-to-person transmission of SARS-CoV-2 and COVID-19: a systematic review and meta-analysis // The Lancet. 2020. – Vol. 395, N 10242. – P. 1973–1987; Nagapan H. et al. Coronavirus disease 2019 (COVID-19): A literature review // Journal of infection and public health. 2020. – Vol. 13, N 5. – P. 667–673.

⁴ Wouters O.J., Shadlen K.C., Salcher-Konrad M., Pollard A.J., Larson H.J., Teerawattananon Y., Jit M. Challenges in ensuring global access to COVID-19 vaccines: production, affordability, allocation, and deployment // The Lancet. 2021. – Vol. 397, N 10278. – P. 1023–1034.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Приказ МЗ РФ от 07.04.2021 № 404н «Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения».

⁶ Салагай О.О., Сошкина К.В., Летникова Л.И., Стародубов В.И., Драпкина О.М., Хальфин Р.А. и др. Общественное здоровье в «год коронавируса» // Общественное здоровье. 2021. – № 1 (1). – С. 7–18.

⁷ Приказ МЗ РФ от 01.07.2021 № 698н «Об утверждении Порядка направления граждан на прохождение углубленной диспансеризации, включая категории граждан, проходящих углубленную диспансеризацию в первоочередном порядке».

⁸ Форма федерального статистического наблюдения № 12 «Сведения о числе заболеваний, зарегистрированных у пациентов, проживающих в районе обслуживания медицинской организации», утвержденная приказом Росстата от 20.12.2021 №932.

поликлиническую медицинскую помощи были использованы данные ФФСН №62¹. Расчет средних значений заболеваемости, U-критерия Манна-Уитни и уровня статистической значимости произведен в Statistica 13.0.

Общая заболеваемость городского и сельского населения за период 2018–2021 гг. снизилась преимущественно за счет уменьшения количества выявленных заболеваний по классам: болезни системы кровообращения (снижение на 42,1 и 18,7% соответственно), травмы и отравления (снижение на 38,5 и 22,5% соответственно). Имеет место увеличение количества выявленных случаев по классу злокачественные новообразования (рост на 40,5% среди городского населения и 13,2% среди сельского населения). Отмечается снижение заболеваемости болезнями органов дыхания на 4,2% среди городского населения и рост данного показателя среди сельского населения на 3,9%. Заболеваемость новой коронавирусной инфекцией – COVID-19 по сравнению с 2020 годом увеличилась на 111,1% среди городских жителей и на 93,6% – среди сельских (рис. 1).

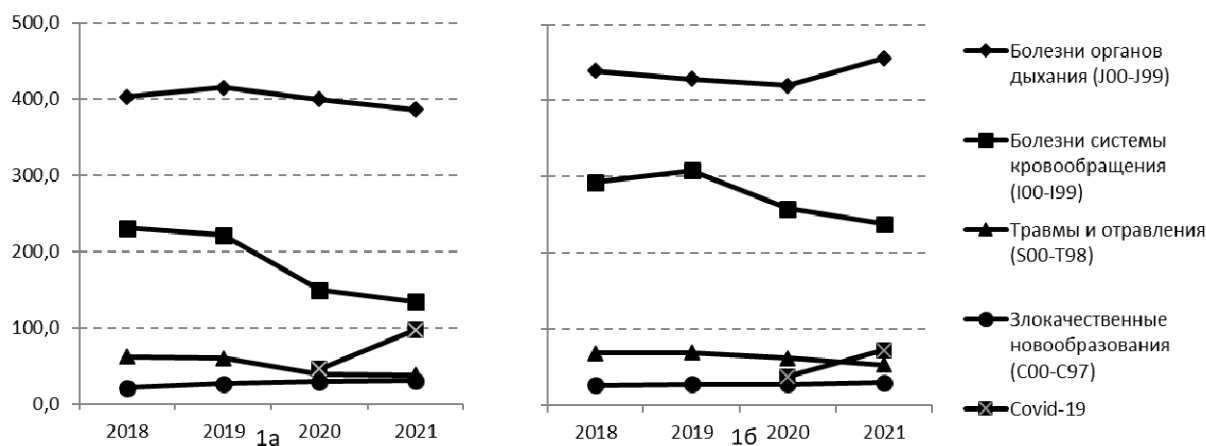

Рисунок 1.

Динамика общей заболеваемости городского (1а) и сельского (1б) населения Томской области в 2018–2021 гг., на 1000 населения²

Анализ первичной заболеваемости городского и сельского населения Томской области в период 2018–2021 гг. позволил выявить снижение числа случаев заболеваний по классам: болезни системы кровообращения (снижение на 39,9 и 32,4% соответственно), травмы и отравления (снижение на 38,5 и 22,5% соответственно). По классу злокачественные новообразования отмечен рост на 4,7% среди городских и на 2,0% среди сельских жителей. В динамике заболеваемости болезнями органов дыхания имеет место снижение показателя на 2,8% среди городского населения и рост среди сельского населения на 7,1% (рис. 2).

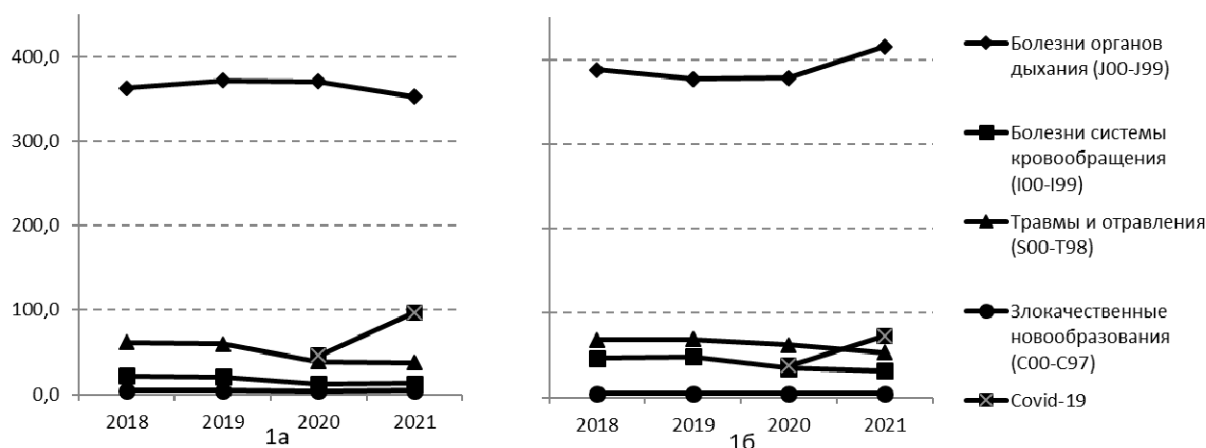

Рисунок 2.

Динамика первичной заболеваемости городского (1а) и сельского (1б) населения Томской области в 2018–2021 гг., на 1000 населения

В структуре общей заболеваемости Томской области преобладают болезни органов дыхания (24,8% и 32,3% городских и сельских жителей соответственно), болезни системы кровообращения (9 и 18%), травмы и отравления (2,8–4,3%). На злокачественные новообразования приходится 1,3 и 2,2% в структуре заболеваемости городского и сельского

¹ Форма федерального статистического наблюдения № 62 «Сведения о ресурсном обеспечении и об оказании медицинской помощи населению», утвержденная приказом Росстата от 16.12.2020 №800.

² По данным ФФСН № 12 «Сведения о числе заболеваний, зарегистрированных у пациентов, проживающих в районе обслуживания медицинской организации» с 2018 по 2021 гг.

го населения, соответственно. При этом следует отметить, что новая коронавирусная инфекция – COVID-19 в 2020–2021 гг. внесла ощутимый вклад в изменение структуры заболеваемости, составив 2,6–7,2% в ее структуре, опередив злокачественные новообразования и травмы и отравления (рис. 3).

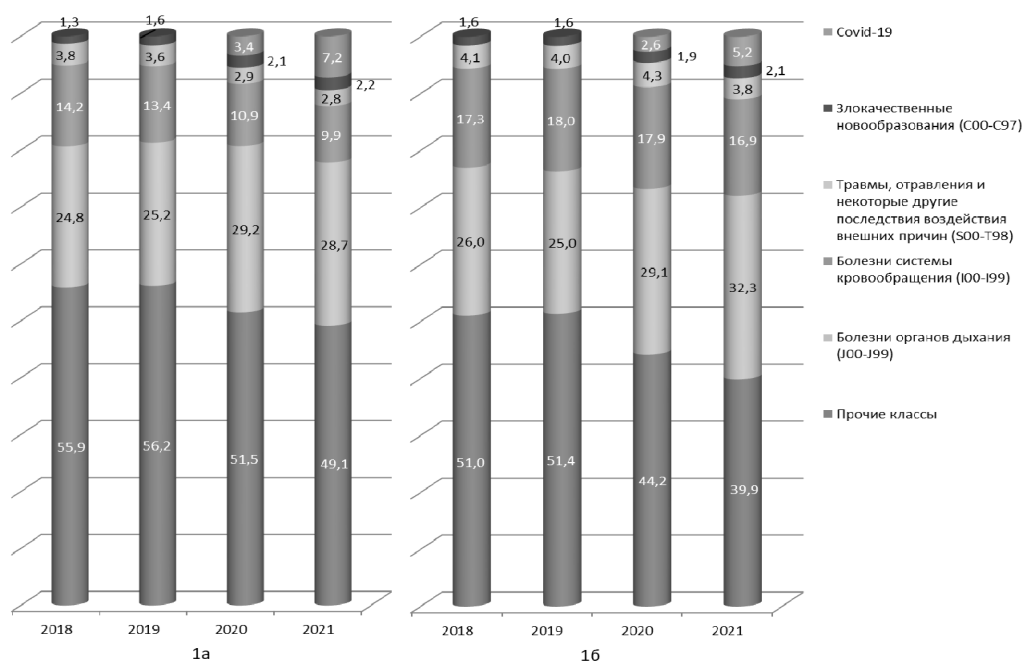

Рисунок 3.
Структура общей заболеваемости городского (1а) и сельского (1б) населения Томской области в 2018–2021 гг., в %

В структуре первичной заболеваемости городского и сельского населения Томской области чаще всего встречаются болезни органов дыхания (43,1 и 53,7%, соответственно), травмы и отравления (5,3 и 8,0%), болезни системы кровообращения (1,8 и 5,6%). Доля злокачественных новообразований в структуре невелика – 0,6%. Новая коронавирусная инфекция – COVID-19 в 2020–2021 гг. также изменила традиционную структуру не только общей заболеваемости (см. рис. 3), но и первичной: 4,8 и 13,7% (городские и сельские жители соответственно) (рис. 4).

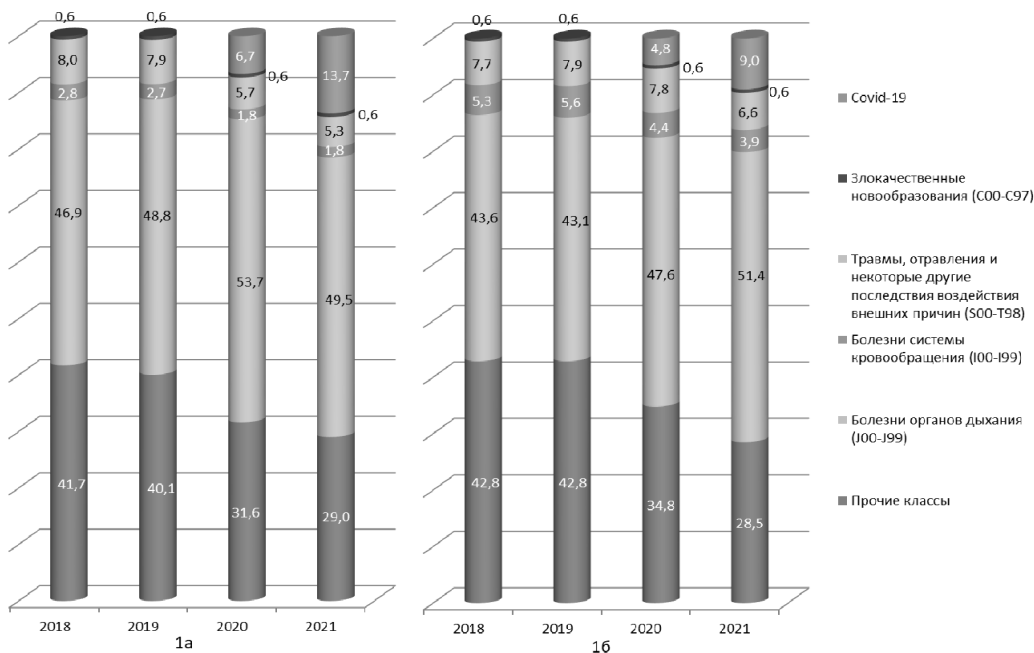

Рисунок 4.
Структура первичной заболеваемости городского (1а) и сельского (1б) населения Томской области в 2018–2021 гг., в %

Появление новых заболеваний, в том числе инфекционных, влияет не только на экономические и социальные аспекты жизнедеятельности, но и вызывает дополнительную нагрузку на всю систему здравоохранения. Повышенная

нагрузка на систему здравоохранения, в свою очередь, приводит к повышению финансовых затрат на приобретение ресурсов, необходимых для обеспечения бесперебойной работы отрасли, своевременного и качественного оказания медицинской помощи населению страны. При оценке стоимости 1 обращения по поводу заболевания в 2021 году отмечается увеличение на 22,0% запланированной стоимости по сравнению с 2018 годом, что было отражено в Территориальной программе государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи; при этом фактическая стоимость 1 обращения в 2020 году относительно 2018 года увеличилась на 54,6% (табл. 1).

Кратность посещений по заболеванию в Томской области в 2018 году в сельской местности была выше в 3,3 раза, чем в городской (сельская местность 2,89 посещений на 1 случай заболевания, городская местность – 0,88) (табл. 2). В 2021 году различие кратности посещений между городской и сельской местностью значительно уменьшилось (3,06 и 3,24 соответственно). Одной из возможных причин низкой кратности в городе в 2018 году может являться наличие в городской местности частных медицинских организаций, поэтому часть пациентов обращалась за медицинской помощью в данные организации. В сельской местности возможности выбора медицинской организации ограничены, пациенты обращались в сельскую районную больницу. С 2020 года, в связи с распространением пандемии и частичным приостановлением плановой медицинской помощи, произошло перераспределение нагрузки преимущественно на государственные медицинские организации в городской местности, о чем свидетельствует увеличение показателя кратности посещений (см. табл. 2).

Таблица 1

Стоимость одного обращения по заболеванию в Томской области в 2018–2021 гг., руб.

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Запланированная стоимость 1 посещения по заболеванию за счет средств ОМС в ТПГТ, руб. ¹	1746,90	1827,60	1971,70	2131,10
Среднее значение фактической стоимости 1 обращения по заболеванию за счет средств ОМС, руб. ²	1734,84	1929,24	2682,43*	нет данных
% выполнения	-0,7	5,6	36,0	нет данных

* по предварительным данным.

Анализ стоимости 1 обращения по заболеванию выявил, что стоимость в сельской местности в 2018 году выше, чем в городской на 28,0%. К 2020 году произошло выравнивание данного показателя между городской и сельской местностью, и различие в 2020 году составило 7,6% (табл. 2).

Таблица 2

Кратность посещений и стоимость обращения по поводу заболевания в Томской области в 2018–2021 гг.

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Городское население				
Кратность посещений на 1 случай заболевания	0,88	0,90	2,67	3,06
Стоимость 1 обращения по заболеванию, руб.	1522,07	1600,57	2584,34*	нет данных
Сельское население				
Кратность посещений на 1 случай заболевания	2,89	2,80	2,84	3,24
Стоимость 1 обращения по заболеванию, руб.	1947,62	2257,92	2780,52*	нет данных

* по предварительным данным

Сравнение средних значений первичной заболеваемости населения в городской и сельской местности за период 2018–2021 гг. показало, что данный показатель в городе статистически значимо ниже, чем в селе (1496,5 и 1564,7 на тыс. населения соответственно; $p=0,03$; табл. 3). Анализ общей и первичной заболеваемости болезнями органов дыхания в городской и сельской местности установил, что данные показатели в городе составили 400,8 и 364,1 на тыс. населения соответственно, что статистически значимо ниже, чем в сельской местности (435,6 и 389,7 на тыс. населения соответственно; $p=0,03$). При оценке общей и первичной заболеваемости болезнями системы кровообращения в городской и сельской местности определено, что показатели в селе выше, чем в городе (сельская местность 274,4 и 40,5 на тыс. населения соответственно, городская местность 183,8 и 16,9 на тыс. населения соответственно; $p=0,03$). Средний уровень первичной заболеваемости злокачественными новообразованиями в городе был ниже (4,4 на тыс. населения), чем в сельской местности (4,9 на тыс. населения, $p=0,03$; табл. 3). Также следует отметить, что доля злокачественных

¹ Постановление Администрации Томской области от 22.12.2017 № 442а «Об утверждении областной Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на территории Томской области на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов»; Постановление Администрации Томской области от 29.12.2018 № 508а «Об утверждении областной Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на территории Томской области на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов»; Постановление Администрации Томской области от 26.12.2019 № 495а «Об утверждении областной Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на территории Томской области на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов»; Постановление Администрации Томской области от 30.12.2020 № 644а «Об утверждении областной Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на территории Томской области на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов».

² По данным ФФСН №62 «Сведения о ресурсном обеспечении и об оказании медицинской помощи населению» с 2018 по 2020 гг.

новообразований в структуре общей заболеваемости увеличилась в период с 2018 по 2021 гг. в городской местности на 4,7%, в сельской местности на 2,0%, при этом доля в структуре первичной заболеваемости не изменялась за период наблюдения и составила 0,6% (город и село, табл. 3).

Оценка средних значений кратности посещений по заболеванию установила, что в городской местности показатель кратности составил 1,97, что статистически значимо ниже, чем в сельской местности 2,95 ($U=96$, $p<0,05$). Сравнение средних значений стоимости 1 обращения по заболеванию выявило, что в городской местности средняя стоимость составила 1944,95 р., что статистически значимо ниже, чем в сельской местности 2356,93 р. ($U=60$, $p<0,05$) (табл. 4).

Таблица 3

Сравнение средних значений заболеваемости городского и сельского населения Томской области за 2018–2021 гг.

Показатель	Среднее значение, на 1000 населения				Уровень статистической значимости (p)	
	общая заболеваемость		первичная заболеваемость		общая заболеваемость	первичная заболеваемость
	городская местность	сельская местность	городская местность	сельская местность		
Заболеваемость на 1000 населения, все классы	1496,5	1564,7	733,9	841,4	0,3	0,03
Болезни органов дыхания (J00-J99)	400,8	435,6	364,1	389,7	0,03	0,03
Болезни системы кровообращения (I00-I99)	183,8	274,4	16,9	40,5	0,03	0,03
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин (S00-T98)	49,6	63,2	49,6	63,2	0,1	0,1
Злокачественные новообразования (C00-C97)	26,9	28,1	4,4	4,9	1,0	0,03
Новая коронавирусная инфекция Covid-19*	71,6	55,3	71,6	55,3	0,39	0,39

* за период 2020–2021 гг.

Таблица 4

Средние значения кратности посещений и стоимости обращения по поводу заболевания в Томской области

Показатель	Среднее значение		U-критерий Манна-Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Городская местность	Сельская местность		
Кратность посещений на 1 случай заболевания	1,97	2,95	96	0,0006*
Стоимость 1 обращения по заболеванию, руб.	1944,95	2356,93	60	0,01*

Заключение. Уровень общей заболеваемости в сельской местности превышает показатели в городе по классам болезни органов дыхания и болезни органов кровообращения. Доля злокачественных новообразований в структуре общей заболеваемости увеличилась за период 2018–2021 гг. в городской местности на 4,7%, в сельской местности на 2,0%, при этом их доля в структуре первичной заболеваемости не изменилась. Первичная заболеваемость за исследуемый период по всем оцениваемым классам МКБ-10 в сельской местности была статистически значимо выше, чем городской. Удельный вес новой коронавирусной инфекции – COVID-19 в указанный период в структуре первичной заболеваемости составил от 4,8 до 13,7%, опередив злокачественные новообразования, травмы и отравления, болезни системы кровообращения.

Кратность посещений по заболеванию в сельской местности статистически значимо выше, чем в городской местности, как и финансовые затраты на 1 посещение по заболеванию в сельской местности выше, чем в городской, что указывает не только на увеличение расходов, но и на меры, направленные на выравнивание условий оказания медицинской помощи сельским жителям.

Пандемия новой коронавирусной инфекции – COVID-19 показала, насколько система здравоохранения готова взять под контроль и остановить рост инфекционной заболеваемости. Смещение приоритетов в сторону инфекционной безопасности в некоторой степени приостановило реализацию программ по укреплению общественного здоровья, что следует из уменьшения числа выявленных заболеваний по классу болезни органов кровообращения, которые занимают первое ранговое место в структуре общей заболеваемости и смертности населения. Сравнительно низкий рост числа выявленных злокачественных новообразований также может свидетельствовать о недостаточности мероприятий, направленных на раннее выявление данного заболевания. Указанные факты требуют безотлагательного внимания к указанным проблемам, поскольку низкая выявляемость данных заболеваний на ранних стадиях неминуемо приводит к увеличению показателей инвалидизации и смертности, в том числе среди трудоспособного и экономически активного населения, что в свою очередь, ослабляет экономику регионов и страны в целом.

Литовский В.В.

к.ф.-м.н., д.геогр.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
vlitovskiy1@yandex.ru

Павлов Б.С.

д.филол.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Пацула А.В.

д.соц.н., доцент, специалист Российского государственного социального университета, Москва
pacula2002@bk.ru

Сентюрина Л.Б.

к.м.н. врач ГКБ № 40, Екатеринбург
senturinal@mail.ru

Павлов Д.Б.

магистр управления, адвокат Адвокатского бюро Свердловской области "Юралс Лигал", Екатеринбург

БЛАГОПОЛУЧНОЕ ЭКОЛОГО-ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ СЕВЕРЯН, КАК ЗАЛОГ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДЕЕСПОСОБНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СОЦИУМА¹ (Ретроспектива в 90-е годы)

Ключевые слова: *эколого-валеологическое самочувствие, экстремальная природа Севера, семья, здоровый образ жизни, детское здоровье, репродуктивное поведение, адаптация, наркотики, Ямал.*

Keywords: *ecological and valeological well-being, extreme nature of the North, family, healthy lifestyle, children's health, reproductive behavior, adaptation, drugs, Yamal.*

*Если заниматься физическими упражнениями, нет никакой нужды
в употреблении лекарств, принимаемых при разных болезнях,
если в то же время соблюдать все прочие предписания
нормального режима.*

Кто стар, тот молодым огнем пылать не может.

Три оружия есть у врача: слово, растение, нож.

*Нет безнадежных больных. Есть только безнадежные врачи.
Авиценна, средневековый персидский учёный, философ и врач*

Самое непосредственное влияние на социально-экономическое развитие как России в целом, так и отдельных ее регионов оказывает состояние здоровья взрослого населения, динамика которого, в свою очередь, отражает и усугубляющиеся социально-экономические проблемы. В структуре заболеваемости взрослого населения особое место занимают массовые и социально значимые заболевания. В последние десятилетия, например, отмечались периоды резкого ухудшения эпидемиологической ситуации по туберкулезу как в Российской Федерации, так и в государствах, ранее входивших в СССР. В настоящее время неоспоримую пальму первенства в общественном мнении всех землян, в том числе, естественно, россиян (уральцев, северян) держит пандемия, связанная с коронавирусной инфекцией COVID-19.

Можно с уверенностью утверждать, что в цивилизованном обществе охрана здоровья индивида и всего населения характеризует уровень общей культуры общества.

Начало реформ в 90-е годы прошедшего столетия сопровождалось усилением в стране неблагоприятных тенденций в отношении женщин в различных сферах их жизнедеятельности. Особенно обострилась проблема воспроизводства населения. В одном из документов того периода мы читаем: «Ухудшение здоровья женщин ведёт к ослабеванию их репродуктивных возможностей. Увеличивается число разводов, наблюдается рост социальной дезадаптации. По-прежнему высокой остается смертность, особенно младенческая и детская, высок процент заболеваемости и инвалидности детей. В целом по многим показателям условия жизнедеятельности семьи, положение женщин, детей и молодежи остаются неблагоприятными, что создает угрозу для физического и духовного здоровья населения страны и предопределяет необходимость целенаправленных усилий по преодолению этой ситуации»².

¹ Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

² Программа социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов (Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 1997 г.) // Рос. газета. – М., 1997. – 12 марта.

Ареалы северных территорий Урала и Западной Сибири, на которых за последнее полувековье широко развернулась в стране добыча нефти и газа, следует отнести не только к разряду жизненного пространства с резко-континентальным климатом, но и одновременно и к территориям, «заслуженно» получившим правовой режим экологически неблагоприятных¹. Для проживающего здесь населения, подобный неблагоприятный симбиоз жизнеобеспечения может быть охарактеризован слоганом «*эколого-валеологическое неблагоприятие*».

В контексте нашей статьи подобное обстоятельство особо актуализируется в силу набирающих обороты процессов социально-экономического освоения Арктики и прилегающих к ней северных территорий РФ. 15 мая 2021 года Председателем Правительства Российской Федерации Михаилом Мишустиним утверждены Концепция председательства России в Арктическом совете в 2021–2023 годах и план мероприятий. Концепция направлена на реализацию задач, поставленных Президентом России Владимиром Путиным в Основах государственной политики России в Арктике и Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. В их числе – закрепление за Арктическим советом роли ключевого регионального объединения, координирующего международную деятельность в регионе, а также укрепление добрососедских отношений с арктическими государствами на двусторонней основе и в рамках многосторонних региональных форматов сотрудничества. Деятельность Арктического совета, включает не только налаживание экономического сотрудничества, но и проведение мероприятий экологического характера (изменение климата, борьба с загрязнением микропластиком), решение вопросов, связанных с развитием человеческого капитала².

Эколого-валеологическая компонента процесса жизнедеятельности населения, его репродуктивного воспроизводства является его безальтернативной составляющей, требующей соответствующего научно-практического аналитического сопровождения³.

Ареал Уральского Севера: симбиоз резко-континентального климата и эколого-валеологического неблагоприятия

В конце XX века специалисты-валеологи констатировали, что мы являемся свидетелями формирования в демографической структуре популяций принципиально нового явления социально-биологического характера, заключающегося в существенном влиянии научно-технического прогресса на формирование здоровья человека как вида, «угрожая запустить необратимый процесс «адаптивной» модификации и регрессивных процессов эволюции человека»⁴. Этот процесс затрагивает, прежде всего, группы населения, проживающего в зонах с неблагоприятной экологической ситуацией. В отношении северян неблагоприятность экологической ситуации проявляется прежде всего в виде постоянного влияния неблагоприятных природно-климатических факторов. Попытаемся выделить основные неблагоприятные для здоровья северян экологические факторы.

1. Влияние магнитного поля Земли. Как свидетельствуют, например, исследования Л.П. Михайлова, А.Г. Меренковой, П.Л. Фельдмана, геофизические возмущения коррелируют с нервными, сердечно-сосудистыми, психическими и другими заболеваниями. В свою очередь, на широте 60–67 градусов протекает сложный комплекс электромагнитных явлений, детерминированных уровнем солнечной активности. Выявленная корреляция жизнеспособности клеточных структур сочетается с данными клинических исследований в процессе гипертонических кризов, лечения травм и т.д.

2. Влияние времени года на жизнедеятельность человека. Анализируя данные заболеваний, протекающих преимущественно в период полярной ночи (связанных с изменением дневного света), американский врач З. Боулос фиксировал два вида заболеваний, связанных с деформацией психических процессов. Первый – это сезонное аффективное заболевание (САД), проявляющееся со сменой времен года и характеризующееся синдромом рецидивной депрессии, проявляющейся в одно и то же время каждый год, обычно осенью и зимой, сопровождающейся снижением уровня активности (гиперсомния), переданием, повышенной потребностью в углеводах, снижением трудовой активности и затруднениями в общении.

Второй тип заболевания, замеченный только в экстремальных широтах (норвежский город Тромсо, расположенный на 69⁰ северной широты), проявляется в синдроме бессонницы среди зимы, начинающейся в период полярной ночи. По данным норвежских исследователей, бессоннице подвержена четвертая часть взрослого населения и третья часть детей школьного возраста. Заболевание может протекать как в форме затруднений засыпания, так и полного отсутствия сна на протяжении ночи. Длительное световое голодание становится причиной развития астено-неврологического синдрома, снижения иммунитета к кокковой инфекции, роста заболеваний северян ангинами, пневмониями.

3. Влияние низких температур. Исследования Н.И. Цирельникова свидетельствуют, например, о том, что в условиях Крайнего Севера ухудшение здоровья населения и сокращение продолжительности жизни связаны не просто с повышением уровня заболеваемости и числа хронических патологий, но и с увеличением психологической и соци-

¹ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/

² Арктическая политика России. – <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%>

³ Литовский И.И. Исследования социально-экономической проблематики Российской Арктики в Институте экономики Уральского отделения Российской академии наук // Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов российской академии наук: история, современность, перспективы. – М., 2018. – С. 296–493.

⁴ Шерстюк М.А., Шерстюк А.А. Экологические условия Крайнего Севера и здоровье школьников Севера // Физкультурное образование Сибири. Научно-методический журнал. 1996. – № 1. – С. 25.

альной неустойчивости (нарушением брачной структуры, ростом числа суицидов и др.)¹. Средняя температура воздуха в вершинной части Восточного склона Северного и Приполярного Урала составляет в июле +8–10⁰, зимой –20–22⁰, на равнинах соответственно +15–16⁰ и –21–23⁰. Абсолютные минимумы в зимний период: Саранпауль –55⁰, Няксимволь –52⁰. В июле температура воздуха может повышаться до 37,7⁰ (абсолютный максимум).

Продолжительность безморозного периода на Приполярном Урале – менее 60 дней в году; в Саранпауле – 70 дней. Снежный покров лежит в горах в среднем 220 дней; в Саранпауле – 202 дня, среднегодовая скорость ветра соответственно 5–7 и 2,6 м/с. Климатические условия Северного Урала отличаются увеличением продолжительности безморозного периода (в горах 60 дней, в Няксимволе – 75 дней), уменьшением числа дней со снежным покровом – 188 и среднегодовой скоростью ветра – 2,2 м/с². Длительное влияние на человеческий организм низких температур сопровождается снижением выделительной функции значительной части кожного покрова человека, возрастанием нагрузки на почечный аппарат. Вследствие этого часть «ненужных» продуктов выделения организма «оседает в нём, что приводит к хроническому стрессу, повышению артериального давления, развитию ишемической болезни»³.

Как подчёркивают медики, у мигрантов «с материка» в результате изменения биохимической характеристики новой среды обитания в первую очередь страдает система контроля и защиты внутренней среды организма. Иммунная система, сформированная в одной среде, не в силах справиться с возросшим количеством чужеродного материала, попадающего в организм с водой и пищей. В результате снижается иммунитет, резко возрастает риск генетических заболеваний. Помимо этого происходит психофизиологическая перестройка организма, которая, в свою очередь, детерминирует нарушение речи, увеличение количества медлительных детей. Необходимо в дошкольном возрасте выявлять вышеназванную категорию, и дети не попадут в классы ЗПР или КО.

* * *

Ниже, анализируя некоторые аспекты эколого-валеологического самочувствия и поведения российских северян, мы будем использовать результаты ряда социологических опросов, проведённых авторами в Институте экономики УрО РАН⁴. В частности речь идёт о следующих опросах:

«*Семья РФ-1999*» – в апреле-июне 1999 г. по одной стандартизированной анкете был проведен опрос 1360 отцов и матерей, в семьях которых воспитывается подросток в возрасте 15–17 лет. Опрос проводился в следующих регионах России:

Регионы, города	Опрошено, чел.
Крайний Север, всего	413
вт.ч.: г. Надым	155
г. Нижневартовск	258
Урал всего	677
вт.ч.: Свердловская область	408
Челябинская область	269
Другие города РФ	263
в т.ч.: г. Самара	117
г. Чита	146

«*Салехард-2000*» – опрос 603 молодых работниц-северянок на предприятиях и в учреждениях городов Салехард, Новый Уренгой, Тазовский с целью изучения социально-психологического самочувствия молодых женщин-работниц.

«*Предбрачие-2003*» – в г. Надыме и Надымском районе по проблемам предбрачного поведения молодежи были опрошены 590 молодых супругов.

* * *

Зададимся прежде всего вопросом: какое валеологическое самочувствие сопровождало повседневную жизнедеятельность россиян в 90-е годы в различных регионах РФ. Обратимся к результатам нашего сравнительного опроса «*Семья РФ-1999*» (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние Вашего здоровья, здоровья членов семьи?» (% от числа опрошенных по каждой группе, в числителе – самооценка респондентом своего здоровья, в знаменателе – оценка здоровья жены, мужа)

Группы по городам	Здоровье оцениваю как:		
	Хорошее – «4»	удовлетворительное – «3»	плохое – «2»
В целом	20 / 19	67 / 60	11 / 9
Надым	19 / 17	70 / 62	10 / 7
Нижневартовск	26 / 23	63 / 62	10 / 11

¹ Шерстюк М.А., Шерстюк А.А. Указ соч., с. 24-25.

² Пахомов В.П., Логинов В.Г., Литвинова А.А., Вайсман Г.З. Развитие природно-ресурсного потенциала восточного склона Урала в пределах границ Ханты-Мансийского автономного округа. Ч. 1. Препринт. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2000. – С. 15-16.

³ Шерстюк М.А., Шерстюк А.А. Указ соч., с. 24-26.

⁴ Научный руководитель и непосредственный исполнитель проектов – проф. Б.С. Павлов.

Екатеринбург	21 / 19	63 / 57	14 / 10
Челябинск	18 / 16	74 / 66	8 / 8
Самара	20 / 18	68 / 60	11 / 11
Чита	22 / 18	73 / 63	5 / 3

Как показывают данные опроса «*Семья РФ-1999*», большинство респондентов (более 80%) находило состояние своего здоровья, здоровья членов своей семьи хорошим и удовлетворительным, и лишь каждый девятый-десятый (6–11%) – плохим. Очевидно, это объясняется тем, что в числе наших респондентов присутствовали люди сравнительно молодого и среднего возраста, а также дети. Подобные данные были получены нами и в опросе «*Предбрачие-2003*» (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, как бы Вы оценили свое здоровье?»
(% от числа опрошенных по каждой группе)**

Оценка здоровья	Группы			
	В целом по массиву	Надым	Пангоды	Посёлки
Хорошее	34	29	35	40
Среднее	59	62	60	55
Плохое	7	9	5	5

По оценкам и самооценкам респондентов, здоровье северян в целом практически не отличается от аналогичных оценок респондентов «с материка». Более половины опрошенных подтверждали свою уверенность во взаимосвязи неблагополучия экологии и своего здоровья. В Надыме эту связь фиксировало сравнительно меньшее число респондентов (48%). Наиболее «предвзяты» к этой проблеме челябинцы. И это неспроста: г. Челябинск, Челябинская область входят в первую пятёрку субъектов РФ, имеющих практически катастрофическую экологическую обстановку¹. «Физические недуги – это тот налог, который берет с нас наша окаянная жизнь», – писал около трех столетий назад Ф. Честерфилд, английский политик и моралист (1694–1733), – одни облагаются более высоким налогом, другие – низким, но платят все». Но так ли уж фатальна судьба, навязывая человеку в пожизненные попутчики ту или иную болезнь, хворь?

* * *

Особо актуальной для северян является *проблема взаимосвязи экологии и здоровья населения*. Как известно, человек – часть природы. Эта аксиома справедлива не только в части философского подразделения общего, особенного и частного. Человек существует в окружающей его природной среде, с которой он составляет общее целое. Искусственно созданная и природная части среды, окружающей человека, и он сам составляют, по сути, единое целое в процессе развития человека, его функционирования. Последнее невозможно без адаптации человека к окружающей среде. О таком единстве более ста лет назад И.М. Сеченов писал: «организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен, поэтому в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него. Так как без последней существование организма невозможно, то споры о том, что в жизни важнее – среда или само тело, не имеют ни малейшего смысла»².

О состоянии внешней среды обитания россиян в 90-е годы можно судить хотя бы по следующим данным государственной статистики, опубликованной в «Московском комсомольце» 5 февраля 1992 г.:

- до 35% населения в промышленных районах страдают иммунодефицитом, до 20% населения страдают от аллергии;
- вода из 75% рек, озер и других водоемов непригодна для питья;
- ежегодно в стране происходит до 700 крупных разрывов нефте- и газопроводов. При этом теряется от 7 до 20% всей добываемой нефти – десятки миллионов тонн;
- по прогнозам, через 20 лет более половины территории Москвы будет опасно подтоплено;
- в химической промышленности износ основных производственных фондов составляет 75–80%, что увеличивает вероятность возникновения катастроф³.

А как отражалась в общественном сознании взаимосвязь неблагополучия экологии, неблагополучных природных факторов жизненной среды и здоровья населения в различных регионах? Результаты опроса «*Семья РФ-1999*» приведены в табл. 3.

¹ Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). – Екатеринбург; Салехард: Институт экономики УрО РАН, 1999. – 208 с.

² Чилингаров А.Н., Кокорев Е.М. Размышления о российском Севере. – М.: Янус-К, 1997. – С. 264–265.

³ Павлов Б.С., Бердник Л.П., Разикова Н.И. Экология и социально-валеологическое самочувствие населения на Урале (на примере ВУРС) / Ин-т экономики УрО РАН; Уральский федеральный ун-т. – Екатеринбург: Ин-т экон. УрО РАН, 2011. – 562 с.

Распределение ответов на вопрос: «Связываете ли Вы состояние своего здоровья (здоровья членов Вашей семьи) с экологической обстановкой в Вашем городе, районе (с чистотой воздуха, воды, земли)?» (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Группы по городам	Да, связываем	Нет	Затруднились с ответом
В целом	59	10	29
в т.ч.: Надым	48	19	32
Нижневартовск	69	8	22
Екатеринбург	61	10	28
Челябинск	70	8	20
Аша	54	0	36
Самара	57	6	35
Чита	50	12	36

Более половины респондентов подтверждают свою уверенность во взаимосвязи неблагополучия экологии и своего здоровья. Как уже отмечено выше, в Надыме эту связь фиксирует сравнительно меньшее число респондентов (48 %), а наиболее «предвзятые» к этой проблеме жители Южного Урала – челябинцы.

Сегодня становится всё более очевидным, что уповать на чисто технические и экономические средства в вопросах стратегии по поддержанию социально-экономического и экологического благополучия населения довольно рискованно. Политика преобразований должна включать в себя меры научно-исследовательского, технико-технологического, организационного, экономического и социального характера¹. Вот один из примеров такого подхода. При обсуждении мегапроекта «Урал промышленный – Урал Полярный» уделялось внимание его экологическим аспектам. Так, губернатор Ханты-Мансийского автономного округа Александр Филипенко заявил: «Мы должны пройти по всей территории возможного освоения и определиться с местами, где ни в коем случае не будет никакой экономической деятельности. Эти места уникальны – это и нерестовые реки, которые в Обь-Иртышском бассейне обеспечивают благородными, ценными сортами рыбы, и другая фауна и флора. И все, что мы можем там «нагадить», я извиняюсь, окажется у нас в больших реках и скажется не только на животных, но и на человеке. Техничко-экономическое обоснование этого проекта должно быть посвящено, в том числе, и экологической части»².

Уповая на медицину, на усиление внимания к валеологическому воспитанию населения и, прежде всего, молодежи, нельзя забывать о следующем. Обычный путь решения проблемы сглаживания негативного воздействия, оказываемого на здоровье проживающего здесь населения экстремальными природно-климатическими факторами и неадекватностью развития социально-бытовой инфраструктуры, сводится к заботе о средствах поддержания здоровья работающих, а вся ответственность за решение этих проблем – к ответственности органов здравоохранения за лечение и медицинские меры профилактики. И хотя эти меры являются важными для сохранения здоровья населения в условиях Севера, их роль в сложившейся ситуации со здоровьем населения составляет, по нашим оценкам, в целом по России всего 8–10%, а на территории Севера и того меньше – 5–6%. Поэтому даже наилучшие технологии в системе здравоохранения, в отрыве от всего комплекса факторов, оказывающих воздействие на здоровье людей, не в силах изменить сложившееся положение. В первую очередь необходимо наладить службу специального отбора рабочей силы для предприятий зоны Севера. Разработанные медиками методы многофакторного анализа позволяют отобрать наиболее приспособленных для работы в экстремальных условиях индивидов, а также выделить тех, кому противопоказано проживание на Севере. Наряду с медико-биологическими тестами необходима оценка личностных качеств на основе системы социально-психологической диагностики³.

Сбережение здоровья юных северян как неоспоримый приоритет эколого-валеологической политики на Крайнем Севере

Состояние здоровья молодого поколения россиян – одна из острейших общественных проблем. Лишь 10% школьников могут считаться здоровыми, 40% школьников имеют различные хронические патологии. К такому выводу в середине 90-х пришли сотрудники Комитета Госдумы по делам женщин, семьи и молодежи. Кроме того, Комитет обеспокоился нравственным здоровьем российских подростков⁴. По оценкам отечественных и зарубежных специалистов, здоровье детей и подростков зависит на 20–40% от состояния окружающей среды, на 15–20% от генетических факторов, на 10% от деятельности служб здравоохранения и на 25–50% от образа жизни⁵.

¹ Павлов Б.С., Пацула А.В., Бердник Л.П. Экологическое самочувствие населения как условие развития техногенно опасных производств. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. – 94 с.

² «Урал промышленный – Урал Полярный» набирает обороты. – http://www.nakanune.ru/articles/ural_promyshlennyj_ural_poljarnyj

³ Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: Экономика, 2009. – 436 с.

⁴ Сегодня. – М., 1997. – 12 ноября.

⁵ Формирование здорового образа жизни в условиях Крайнего Севера и Сибири. Материалы межрег. научно-практ. конф., г. Надым 1–4 марта 2000 г. – Салехард, 2000. – С. 74.

По мнению профессора В.С. Соловьёва, для формирования биолого-генетического стереотипа, т.е. стабильного рождения здоровых детей, на одном месте должны прожить три-четыре поколения семьи («длина» одного поколения составляет примерно 25 лет). Молодые северные города отличает своеобразная климатическая мозаичность прибывших на жительство. В результате изменения биохимической характеристики новой среды обитания в первую очередь страдает система контроля и защиты внутренней среды организма потенциальных родителей. Иммунная система, сформированная в одной среде, не в силах справиться с возросшим количеством чужеродного материала, попадающего в организм с водой и пищей. В результате снижается иммунитет, резко возрастает риск генетических заболеваний. При этом неблагоприятные природно-климатические факторы, влияющие на здоровье северян, усугубляются пониженным уровнем их физической подготовки в процессе взросления, связанной не только с повышенной «двигательной пассивностью», но и неадекватной организацией занятий физической культурой. В первую очередь это касается детей дошкольного и школьного возраста¹.

* * *

Особую озабоченность вызывает неуклонно возрастающий уровень младенческой смертности, т.е. потери уже рожденных детей, которые могли бы компенсировать отмеченное выше падение численности россиян. В целом по стране показатель младенческой смертности в конце 90-х годов составлял 17,8 ребенка, умершего в возрасте до одного года, на 1000 родившихся². Для сравнения приведем статистику смертности детей первого года жизни в развитых странах мира: за последние 25 лет она снизилась в 2–3 раза и составляет в настоящее время 7 умерших на 1000 родившихся³. Особенно велика младенческая смертность в северных регионах России (табл. 4).

Таблица 4

Младенческая смертность в северных регионах России (1997 г.)⁴

Регионы РФ	Население		Число родившихся, чел.	Число умерших в возрасте до 1 года	
	всего, тыс. чел.	плотность на 1 кв. км		чел.	% от числа родившихся
РФ в целом	147 502	–	1 262 641	21 767	1,7
В том числе по автономным округам:					
Ненецкий	47 000	0,3	551	7	1,2
Коми-Пермяцкий	156 000	4,7	1743	26	1,5
Ханты-Мансийский	1 336 000	2,6	13768	195	1,4
Ямало-Ненецкий	492 000	0,7	5723	116	2,0
Таймырский	46 000	0,1	482	8	1,6
Эвенкийский	20 000	0,03	255	13	5,0
Усть-Ордынский	143 000	6,4	2014	40	1,9
Агинский	78 000	4,1	1113	22	1,9
Чукотский	85 000	0,1	805	24	2,9
Корякский	32 000	0,1	371	10	2,6

С суровыми природными условиями связана частота заболеваний дыхательных путей и, как следствие, ослабление организма и более вероятный, чем в других климатических зонах, летальный исход. Еще один природный фактор, определяющий высокую степень риска для детей Севера, – йодная недостаточность в продуктах питания и воде, которая приводит к распространению болезней щитовидной железы. Следствием такого заболевания у беременных женщин становится патологическое развитие мозга плода и рождение детей с врожденными аномалиями, приводящими к смертности в первый год жизни⁵.

Относительно равные природные условия проживания в округах позволяют предполагать, что статистически отмечаемые различия показателей младенческой смертности на этих территориях относятся, прежде всего, к влиянию специфических социальных факторов в каждом районе. Как видно из приведённых выше данных, самый высокий уровень неблагополучия с детской смертностью наблюдался в Эвенкийском АО, где число умерших детей в возрасте до одного года составило в 1997 г. 13 на 255 родившихся, или 5% от числа рождений. Этот показатель – печальный рекорд, отмечаемый на и без того высоком общероссийском уровне детской смертности (1,7%). На втором месте по степени неблагополучия здоровья новорожденных – Чукотский АО, где за тот же 1997 г. на 805 рождений приходилось 24 смерти младенцев, что составило 2,9% от числа родившихся. Следующим автономным округом с высокой младенческой смертностью является Корякский, где из 371 родившегося младенца 10 (или 2,6%) не дожили до одного года. Выше среднероссийского уровня в 1997 году были статистические показатели младенческой смертности также в Ямало-Ненецком АО (116 смертей на 5723 рожденных), в Усть-Ордынском Бурятском АО (40 смертей на 2014 рождений) и в Агинском Бурятском АО (22 смерти на 1113 рождений). Самое благополучное положение из числа рассматриваемых автономных округов в Ненецком АО, где процент смертельных случаев составляет лишь 1,2% от числа

¹ Сентюрина Л.Б., Павлов Б.С. Здоровье детского населения в регионе как социально-валеологическая проблема (на примере городов и поселений Урала) / Науч. доклады. – Екатеринбург: Ин-т экон. УрО РАН, 2006. – 144 с.

² Российский статистический ежегодник. – М.: Госкомстат, 1997. – С. 91.

³ Вопросы статистики. – М., 1998. – № 1. – С. 74.

⁴ Составлено по: Российский статистический ежегодник. – М.: Госкомстат, 1997. – С. 67; Социально-экономическое положение автономных округов Российской Федерации. – М.: Госкомстат, 1998. – С. 98.

⁵ Дети на Севере: Защита, выживание и развитие в условиях экстремальной среды. – М.: Госкомитет РФ по вопросам развития Севера, 1997. – С. 52.

родившихся младенцев, а также в Ханты-Мансийском (1,4%) и Коми-Пермяцком АО (1,5%). Однако в целом младенческая смертность в автономных округах значительно превышает среднероссийский показатель.

Попробуем разобраться в причинно-следственных связях этого явления через анализ социальной инфраструктуры регионов. В самом неблагополучном из рассматриваемых округов – Эвенкийском АО – при более пристальном анализе выявлено наименьшее число амбулаторно-поликлинических учреждений: лишь десять на весь округ.

И хотя указанные поликлиники обладают сравнительно высокой пропускной мощностью (399 посещений на 10 000 населения), их действие распространялось лишь на близлежащие районы. В этом же автономном округе отмечалось наименьшее число больничных коек в расчете на 10 000 населения: 23 при среднем по стране 124. В сочетании с крайне низкой плотностью населения автономного округа (0,03 человека на один кв. км) такая ситуация на деле оборачивается низким охватом проживающих здесь людей медицинскими услугами, в том числе и адресованными роже-ницам и новорожденным.

Весьма существенным фактором рождения ослабленных детей с дефектами перинатального развития является алкоголизм родителей, особенно пристрастие матери к алкоголю во время беременности. В целом специалисты отмечают более высокую степень риска на Севере для детей раннего возраста пришлого населения по сравнению с детской популяцией коренных малочисленных народов Севера. Объясняется это наличием механизма приспособления коренного этноса к неблагоприятным природным условиям, при котором выживание потомства повышается¹. Скорее всего, именно такая высокая адаптивность к северному климату, а также этническая традиция многодетности у коренных народов Севера обусловили статистически фиксируемый более высокий уровень рождаемости в семьях этого типа². Такая репродуктивная позиция семей коренных национальностей прослеживается повсеместно в регионах Севера.

Остановимся для примера на показателях рождаемости в Ямало-Ненецком АО. По данным статистики за 1997 г., в автономном округе рождаемость составляла в целом 12,1 на 1000 человек населения. В том числе родилось детей у коренных малочисленных народов – 24 на 1000 представителей этой этнической группы, т.е. вдвое больше. Однако среди детей коренных малочисленных народов отмечается и более высокий уровень младенческой смертности. Такая неблагоприятная тенденция связана, прежде всего, с кочевым образом жизни этой группы населения и практической недоступностью для них квалифицированного медицинского обслуживания. Из населяющей ЯНАО 31 тысячи представителей коренных малочисленных народов Севера 11,5 тыс., т.е. третья часть, занимаются оленеводством, которое требует постоянного кочевого проживания. Этой категории населения медицинская помощь оказывается по большей части эпизодически: через ежегодные медицинские осмотры в «День оленеводов» или при плановых профилактических приездах среднего медицинского персонала в места кочевков (3–4 раза в год). Еще 45% указанного общего числа лиц коренной национальности проживают в малочисленных поселках, факториях или рыболовецких станах. Из-за отсутствия радиотелефонной связи и налаженной транспортной схемы эта часть населения может пользоваться только услугами медицинских работников среднего звена. Постоянная помощь врачебного персонала им недоступна, не говоря уже о пролонгированном отслеживании беременных женщин в дородовой период. В результате, как свидетельствуют данные текущей статистики, до 20% беременных женщин из числа коренных малочисленных народов Севера рожают дома в непригодных для этой цели условиях. Отсюда – высокий уровень младенческой смертности у коренного населения: от 26,5 до 62 детей на 1000 новорожденных.

Учащению количества смертных случаев среди детей до одного года (младенческой смертности) способствуют также рост хронических заболеваний беременных женщин, их неспособность воспроизвести здоровое потомство. Рождение ослабленных детей и их последующий летальный исход, наряду с указанными выше обстоятельствами образа жизни, определяются также низким уровнем благосостояния семей и, как следствие, недостаточно калорийным питанием беременных женщин. Таких малообеспеченных семей в Ямало-Ненецком АО насчитывается в среднем 26%, однако в сельской местности их число возрастает до 43%. Еще более тревожная ситуация наблюдается в семьях коренных малочисленных народов Севера: малообеспеченные составляют здесь 87%.

Следует отметить, что в 1998 г. положение с младенческой смертностью в ЯНАО несколько улучшилось. Показатель смертности снизился с 20,6 до 16,7% (для сравнения – в Российской Федерации он практически не изменился и составил 17,8%). В одном из муниципальных образований округа – городе Новый Уренгой – показатель младенческой смертности удалось снизить с 21,7 до 11,8%, что, тем не менее, еще далеко от показателей развитых стран мира.

А как организован процесс сохранения и реабилитации здоровья детей в семьях северян? По данным опроса, проведенного в декабре 1996 года в общеобразовательных учреждениях г. Нижневартовска Управлением образования города (опрошено 216 учащихся 7-х и 10-х классов), 45% учеников вообще не придерживаются никакого режима питания и 32% семиклассников и около 70% старшеклассников не всегда могут заставить себя участвовать в оздоровительных мероприятиях, проводимых в школе, хотя хотели бы. Выявилась тенденция полного отсутствия интереса к оздоровительным мероприятиям у 22% старшеклассников и около 7% учащихся среднего звена³. А вот некоторые вы-

¹ Дети на Севере: Защита, выживание и развитие в условиях экстремальной среды. – М.: Госкомитет РФ по вопросам развития Севера, 1997. – С. 122.

² Абдрахманов М.Ш., Ерченко В.А., Зверьянская Л.Г., Зиньковский А.В., Иванова В.Ф., Павлов Б.С., Рябцева Т.Е., Стожаров А.В. Многодетная семья в северном городе. – Надым: Упр. социальной защиты мэрии муниципального образования г. Надым и Надымский район; НИЦ «Горизонт-М», 2002. – 64 с.

³ Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Молодёжь на Крайнем Севере: проблемы социализации и жизненного самоопределения (на примере городов и поселений Ямало-Ненецкого автономного округа). – Екатеринбург; Салехард: Ин-т экон. УрО РАН, 2000. – 120 с.

борочные данные опроса 235 ниженартвовцев в возрасте от 15 до 25 лет, проведенного в мае 1998 г. (% от общего числа юных респондентов – 235 чел.):

«СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА ПИТАНИЕМ?»	
✚ стараюсь питаться отдельно	17
✚ соблюдаю диету	11
✚ употребляю пищевые добавки, витамины	16
✚ ем все, что мне хочется и сколько хочется	57

«ЕДИТЕ ЛИ ВЫ МЯСО?»	
❖ да	91
❖ нет	9

«ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ, ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?»	
не употребляю наркотики	61
не курю	44
бываю разборчивым в интимных связях	43
прохожу медицинское обследование	30
совершаю ежедневные прогулки	26
правильно питаюсь	26
не употребляю спиртное	23
соблюдаю режим дня	8
есть страховой полис	78
пользуюсь льготными мед. услугами	39

«ОТНОШЕНИЕ К ЗАНЯТИЯМ СПОРТОМ»:	
✓ занимаюсь спортом	33
✓ делаю утреннюю зарядку	15
✓ раньше занимался спортом, сейчас – нет	43
✓ хотел бы заниматься спортом	24
✓ не занимался и не хочу	10

Качество питания детей – проблема, безусловно, влияющая на здоровье, она имеет большое практическое значение, и поэтому ниженартвовскими социологами были выделены соответствующие группы населения, которые в той или иной форме нуждаются в помощи. «Как Вы можете оценить питание детей в Вашей семье?». Ответы на этот вопрос родителей из городов и поселков ХМАО приведены в табл. 5 (% от общего числа опрошенных по каждому поселению).

Таблица 5

Качество питания детей по мнению респондентов

Варианты ответов	Всего по округу	В том числе по городам:		
		Ниженартвовск	Сургут и район	Ханты- Мансийск
Дети недоедают	2	4	1	-
Дети сыты, но не получают достаточно калорийного питания	35	25	46	37
Дети питаются нормально	61	68	52	62
Затруднились ответить	2	3	1	2

Согласно оценкам респондентов-родителей, в среднем по округу *недоедает* от 2 до 4% детей, и это не нуждается в дополнительных комментариях, они просто нуждаются в помощи. От 1/4 до 1/2 детей по разным территориям округа не получают достаточно калорийного питания – эти цифры, очевидно, также нуждаются в осмыслении и принятии соответствующих мер социальной защиты. Нельзя обойти вниманием и вопрос о том, как сами семьи заботятся об укреплении здоровья своих детей. Ответы неутешительны как для опрашиваемых, так и для тех, кто ответствен за состояние здоровья населения: всего 5% детей из Ниженарттовска делают ежедневно физзарядку, лишь каждый пятый посещает спортивные секции, чуть более половины регулярно гуляют на свежем воздухе, работают на дачах и дома вместе с родителями – 18%. Эти цифры должны, по нашему мнению, обеспокоить тех, кто отвечает за организацию спортивно-массовой работы среди населения, врачей, учителей и родителей¹.

Социально-экономическое и валеологическое неблагополучие населения, рост цен на продукты, нарушения режима питания привели к росту детской заболеваемости. В частности, заболеваемость органов пищеварения у детей до 14 лет в Надыме к началу 2001 г. возросла по сравнению с 1997 г. в 2,5 раза, болезнью эндокринной системы – в 1,2 раза. По данным органов здравоохранения, города на Крайнем Севере являются неблагополучными по заболеваниям, связанным с недостатком йода. По медицинским нормам суточное потребление йода должно составлять 120–150 мкг. Фактически же северяне получали его вместе с пищей в 2–3 раза меньше. Недостаток йода должен пополняться за счет пищевых добавок и йодосодержащих продуктов. Завозимые в северные регионы партии йодированной

¹ Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Молодёжь на Крайнем Севере: проблемы социализации и жизненного самоопределения. – Екатеринбург; Салехард: Ин-т экон. УрО РАН, 2000. – 120 с.

соли зачастую не содержат необходимой концентрации йода. Лабораторные исследования, проведенные органами здравоохранения в г. Надыме, показали, что из 32 партий соли, завезенных в Надымский район, только в 21-й содержание йода отвечало нормативным показателям¹.

* * *

Особый аспект проблемы здоровьесбережения детского населения – расширяющийся процесс его инвалидизации². Ниже приводятся данные о сравнительно высоком уровне смертности в детском и подростковом возрастах в ряде уральских регионов по состоянию на 2001 г. (в числителе – умерло подростков в возрасте 15–17 лет в расчёте на 100 тыс. подростков, в знаменателе – в том числе от несчастных случаев, отравлений, травм):

Ямало-Ненецкий АО	149 / 125
Ханты-Мансийский АО	122 / 100
Курганская обл.	150 / 109
Свердловская обл.	163 / 119
Челябинская обл.	168 / 138

Как видно из этих данных, основной причиной смерти являются несчастные случаи, отравления и травмы. В большой социальной поддержке нуждаются дети, проживающие в неблагополучных, асоциальных семьях. Данные обследований, проведенных в нескольких городах России, свидетельствуют, что если заболеваемость детей грудного возраста в семьях, не имеющих социальных факторов риска, составляет 2583,8 случая на 1 тыс. детей, то в семьях с одним фактором – 3851,2, с сочетанием факторов – 5153,9. Заболеваемость детей до 14 лет в благополучных семьях – 2281,0, в семьях с несколькими факторами – 2715,3. В этих семьях в 1,5-2 раза выше смертность детей первого года жизни на дому и в первые часы поступления в больницу³.

Общая численность инвалидов в Ямало-Ненецком автономном округе к началу XXI в. составляла более 8,8 тыс. чел., из них детей – 2,2 тыс. чел. Для поддержания их жизненного уровня на Ямале принимались нормативно-правовые документы, устанавливающие дополнительные льготы и компенсации инвалидам, проживающим в автономном округе. В частности, это закон «О дополнительных мерах социальной защиты инвалидов в Ямало-Ненецком автономном округе», постановление «О порядке предоставления инвалидам автотранспортных средств и выплаты денежных компенсаций на эксплуатационные расходы», окружная комплексная программа «Социальная защита и реабилитация инвалидов на 2000–2002 годы».

* * *

Главное обстоятельство в области здоровья населения – ухудшение материнского и особенно детского здоровья. Складывается парадоксальная ситуация, когда проблемы здоровья перемещаются с групп престарелого населения в группы детей и молодежи. В области здоровья Россия незаметно встает «с ног на голову». Происходит ухудшение здоровья каждого последующего поколения. А это, в свою очередь, чревато снижением качества человеческого потенциала всей нации на длительную перспективу: больное поколение не воспроизводит здоровых. При более высокой продолжительности жизни женщин они обладают более низким индивидуальным потенциалом здоровья (примерно на 10% ниже, чем у мужчин). Известна строгая корреляция между ухудшением здоровья женщин, прежде всего беременных, и увеличением рождения уже больных детей. В 1996 г. более трети беременных (35,8%) страдало анемией и почти треть (31,3%) детей уже родились больными. «Возникает своего рода социальная «воронка», – отмечает Н.М. Римашевская, – ухудшения качества нации, когда больные рожают больных, а бедные – бедных: и из этой воронки быстро не выберешься; потребуется смена не одного поколения»⁴.

Высокий уровень младенческой смертности в северных субъектах Российской Федерации требует пристального внимания региональных органов государственной власти к указанной проблеме. На уровне местных органов здравоохранения представляется целесообразным создание медицинских информационных центров с круглосуточной консультационной службой. Такая система медицинской помощи хорошо зарекомендовала себя в тот период в регионах с низкой плотностью населения в Канаде и Австралии⁵.

Развитие служб здравоохранения на северных окраинах РФ в контексте растущих претензий населения на их обслуживание

Автономные округа с высоким уровнем младенческой смертности – Чукотский и Корякский – также представляли регионы с весьма низкой плотностью населения (0,1 чел. на один кв. км). И хотя численность врачей и среднего медперсонала здесь выше, чем в других округах, и поликлиники имеют высокую пропускную способность, концен-

¹ Рабочий Надыма. 2001. – 6 февраля.

² Гартман Н.А., Козлов В.Н., Павлов Б.С., Анисимов С.А., Иванова В.Ф. и др. Социальная защита детей-инвалидов в регионе (на материалах социологических исследований в Челябинской области). – Челябинск: Институт экономики УрО РАН; Челябин. гос. ун-т, 1998. – 204 с.

³ Бреева Е.Б. Дети в современном обществе. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 178.

⁴ Римашевская Н.М. Социальные проблемы в условиях формирования рыночных отношений в России: «хотелось как лучше, а получилось как всегда» // Экономические реформы в России и КНР: проблемы и перспективы. – М.: Экономика, 2000. – С. 170.

⁵ Федеральная целевая программа «Дети Севера» – национальный приоритет России. Тезисы докл. Москва; Н. Уренгой, 1998. – С. 74.

трация медицинских услуг в наиболее значительных населенных пунктах сокращает возможность остальных жителей округов получать квалифицированную медицинскую помощь (табл. 6).

Таблица 6

Обеспеченность медицинским обслуживанием в северных субъектах РФ (1996 г.)¹

Автономный округ	Число на 10000 населения:			Амбулаторно-поликлинические учреждения	
	врачей	среднего медперсонала	больничных коек	число	мощность посещения
РФ в целом	45,7	112,7	123,9	22,1	237,1
В том числе по автономным округам					
Ненецкий	31,3	96	136	20	87
Коми-Пермяцкий	25,5	125	157	34	113
ХМАО	35,8	120	100	159	226
Ямало-Ненецкий	39,4	125	112	82	199
Таймырский	46,0	108	257	20	390
Эвенкийский	45,8	155	23	10	399
Усть-Ордынский	23,5	88	106	47	180
Агинский	31,8	76	83	30	193
Чукотский	51,7	129	229	57	295
Корякский	59,3	155	311	31	279

Лишь четыре из одиннадцати автономных округов имели в 90-е годы младенческую смертность ниже среднероссийской: Ненецкий, Ханты-Мансийский, Коми-Пермяцкий и Таймырский (Долгано-Ненецкий). Вместе с тем, существовали и другие социальные причины, определявшие столь высокую смертность новорожденных на Севере. Специалисты отмечали недостаточную квалификацию фельдшеров и врачей участковых больниц, отсутствие современных перинатальных технологий, низкую профессиональную компетентность анестезиологов в вопросах педиатрии. Имел место недостаток медицинских инструментов, аппаратов искусственной вентиляции легких для детей и т.п. Большие проблемы с оказанием современной медицинской помощи детям возникали в связи с отсутствием санитарного транспорта, развитых коммуникаций, дорог. Ряд причин высокой младенческой смертности связывался также с особенностями качества жизни семей: отсутствие полноценного питания новорожденных детей приводит, как правило, к прогрессирующему замедлению их роста, истощению, потере иммунитета².

* * *

Один из важных аспектов проблемы сбережения здоровья северян – уровень постановки работы региональных служб здравоохранения. Оценки горожанами (опрос «Семья РФ-1999»), организации медицинского обслуживания приведены в табл. 7.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы (члены Вашей семьи) организацией медицинского обслуживания в своем городе, районе, поселке?» (% от общего числа опрошенных по каждому региону)

Регион	Варианты ответов:		
	вполне	не совсем	не удовлетворён
В целом:	10	48	41
В т.ч.: Надым	22	52	23
Нижневартовск	14	54	30
Екатеринбург	8	44	46
Челябинск	8	55	35
Аша	4	35	60
Самара	6	51	42
Чита	5	48	46

Судя по оценкам северян, медицинская служба в регионе (по крайней мере, в Надыме и Нижневартовске) работала несколько лучше, чем «на материке». Число полностью не удовлетворенных постановкой медицинского обслуживания в этих двух северных городах было почти в два раза меньше, чем в городах «на материке» (исключение составлял лишь г. Челябинск).

Ответы респондентов на второй вопрос анкеты в этом же исследовании помогают уточнить характер претензий населения к медицинским учреждениям (табл. 6).

¹ Составлено по: Российский статистический ежегодник. – М.: Госкомстат, 1997. – С. 231–233; Социально-экономическое положение автономных округов Российской Федерации. – М.: Госкомстат, 1998. – С. 1–50.

² Федеральная целевая программа «Дети Севера» – национальный приоритет России. Тезисы докл. – Москва; Н. Уренгой, 1998. – С. 74, 75, 83.

Распределение ответов на вопрос: «Если Вас не удовлетворяет уровень медицинского обслуживания по месту жительства, то по какой причине?» (% от общего числа опрошенных по каждому городу)

Факторы неудовлетворённости	Город			
	Надым	Нижневартовск	Самара	Чита
Слишком дорогие лекарства	51	38	50	44
Низкая культура персонала	31	38	30	35
Платность медицинских услуг	26	37	62	26
Отсутствуют нужные специалисты	19	17	13	25
Трудно записаться на приём к врачу	15	22	17	7
Нет пропаганды медицинских знаний	10	4	5	6
Поликлиника слишком удалена от дома	6	7	4	1,3
Неоперативно приезжает «скорая помощь»	3	8	7	9
Трудно вызвать на дом участкового врача	0,6	5	1,4	4

О взаимосвязи валеологического самочувствия северян и их активности в обращении за помощью в медицинские учреждения можно судить в какой-то мере по данным одного из опросов, проведенного с нашим участием в 2000 г. в Салехарде («Салехард-2000»). Из общего числа опрошенных женщин-матерей (603 чел.) 19% респондентов были весьма обеспокоены состоянием здоровья своих детей, а 63% считали, что их дети болеют в пределах допустимого.

Своеобразным показателем оценки своего здоровья служат ответы респондентов о частоте посещения ими поликлиники. Примерно раз в год посещают поликлинику 38% женщин и один раз в полгода – 26%. А вот по поводу здоровья детей число посещений поликлиник несколько увеличивается. Примерно один раз в полгода обращаются к врачам по поводу здоровья своих детей 34,8% респондентов и примерно один раз в три месяца – 24,5%.

Одно из важных и перспективных направлений социальной реабилитации больных и профилактики заболеваний – определенная корректировка задач и функций социальных служб, деятельности соответствующих социальных работников. По мнению профессоров социальной работы из США Норма Берковитц и Лоуелл Дженкинс (университеты штатов Колорадо, Висконсин), перед социальной работой как профессиональной деятельностью стоят две основные задачи, связанные с вопросами здоровья, болезни и ограниченных возможностей. Это:

а) по возможности стирать границы между ориентированными на болезнь медицинскими дисциплинами и гуманистически ориентированными общественными дисциплинами (психологией, социологией, антропологией), а также между бюрократическими государственными организациями здравоохранения и общественными благотворительными службами;

б) постоянно держать в центре внимания благотворную роль социальной среды (особенно среды ближайшего окружения пациента) и роль неблагоприятных социальных условий в профилактике заболеваний, лечении и реабилитации лиц, обслуживаемых органами здравоохранения¹.

Общечеловеческая ценность здоровья очевидна, прогрессивное же развитие здравоохранения представляет собой естественный процесс эволюции общественных отношений. Однако, по мнению И.Б. Назарова, которое мы разделяем, ситуация, сложившаяся в области здравоохранения и здоровья населения РФ (в том числе в регионах Крайнего Севера), «представляла угрозу успешному выживанию и активному развитию России. Каждому следующему поколению россиян «предстояло» родиться менее здоровым, а возможно, вместе с тем, и менее жизнеспособным»². Взять хотя бы экономический аспект выживания. Из-за повышенной заболеваемости и смертности, сравнительно высокого травматизма потери в трудоспособном возрасте у мужчин достигают 10 лет (из 44 лет трудоспособного возраста), а у женщин – 6 лет. Если же использовать показатель возможного дожития (активная жизнь – 87 лет по мировым стандартам), то недожитие населения северных регионов составит 18–22 года. Средняя продолжительность жизни некоторых коренных народностей Севера составляет 43–45 лет. Необратимые потери человеко-часов активной здоровой жизни в северных регионах составляли в начале 90-х около 5% в год³.

* * *

В своем докладе «Эволюционная, популяционная и экологическая физиология человека на севере» на окружном семинаре учителей, проходившем в г. Ханты-Мансийске в сентябре 1996 г., профессор В.С. Соловьев, вскрывая основные причины снижения уровня здоровья северян-мигрантов, предложил ряд возможных реальных путей и средств решения проблемы сохранения и реабилитации детей и подростков в условиях Крайнего Севера. Вот некоторые из них⁴.

– специалисты утверждают, что чем дольше прожил человек на Севере, тем медленнее идет физиологическая перестройка его организма. Для устранения этой проблемы существуют специальные препараты – адаптогены. Северянам рекомендуют принимать адаптогены минимум два раза в год и обязательно во время отпуска (по специальной

¹ Гуманистический подход к охране здоровья / Отв. ред. Н. Берковитц; пер. с англ. под ред. К.В. Григорьева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 20–21.

² Назарова И.Б. О здоровье населения в современной России // Социс. – М., 1998. – № 11. – С. 123.

³ Основные положения «Российской программы развития районов Севера на 15–20 лет». – Апатиты, 1992. – С. 43.

⁴ Учителя России делятся в Югре опытом работы с детьми коренных народов. – <https://www.uralinform.ru/news/society/74094-uchitelya-rossii-podelyatsya-v-yugre-opytom-raboty-s-detmi-korenyh-narodov/>

схеме). Адаптогенами могут служить наборы определенных лекарственных трав (пион, женьшень, элеутерокок и другие), лучше спиртовой настой. Прием в течение 20 дней из расчета 1 капля на 1 год жизни. Это в силах сделать и сотрудники школы, тем более что можно купить готовые препараты. Дополнительно к адаптогенам следует готовить и принимать гипервитаминные чаи: шиповник, рябина, сушеная черника, девясил, золототысячник, тысячелистник. Наиболее оптимальные сроки для приема с 1 по 20 декабря и с 1 по 20 марта. Полезно совместить прием чая с увеличенной дозой аскорбиновой кислоты и стрессорным элементом – К;

– свою лепту в неблагоприятные природно-климатические условия обитания в северных регионах вносит, как мы уже отмечали выше, более длительный непрерывный темный период в общем годовом балансе времени, что приводит к снижению остроты зрения. В связи с этим в целях коррекции зрения детей и взрослых медики рекомендуют в декабре-январе месяце, наряду с обычным освещением, включать на 30–40 минут ежедневно светильник с синей лампой;

– при разработке и реализации мер по оздоровлению детей северян опираться на совместный приказ Министерства здравоохранения и Министерства образования от 30.06.96 года № 186/272 «О совершенствовании системы в оздоровлении детей» и проводить ежегодные медицинские обследования учащихся в полном соответствии с инструкцией по проведению медицинского осмотра от 14.03.95 года;

– обеспечить, чтобы каждый житель северного района умел и мог оказывать себе и детям помощь в связи с высоким миграционным потенциалом: уезжая в отпуск, на каникулы, в течение которых создается дополнительное напряжение на иммунную систему, вызывающую дезадаптацию организма.

И всё же, уповая на медицину, на усиление внимания к валеологическому воспитанию населения и прежде всего молодёжи, нельзя забывать о следующем. Обычный путь решения проблемы сглаживания негативного воздействия, оказываемого на здоровье проживающего здесь населения экстремальными природно-климатическими факторами и неадекватностью развития социально-бытовой инфраструктуры, сводится к заботе о средствах поддержания здоровья работающих, а вся ответственность за решения этих проблем – к ответственности органов здравоохранения за лечение и медицинские меры профилактики. И хотя эти меры являются важными для сохранения здоровья населения в условиях Севера, их роль в сложившемся состоянии здоровья населения составляет, по нашим оценкам, в целом по России всего 8–10% а на территории Севера и того меньше – 5–6%. Поэтому даже наилучшие технологии в системе здравоохранения, в отрыве от всего комплекса факторов, оказывающих воздействие на здоровье людей, не в силах изменить сложившегося положения. В первую очередь необходимо наладить службу специального отбора рабочей силы для предприятий зоны Севера. Разработанные медиками методы многофакторного анализа позволяют отобрать наиболее приспособленных для работы в экстремальных условиях индивидов, а также выделить тех, кому противопоказано проживание на Севере. Наряду с медико-биологическими тестами необходима оценка личностных качеств на основе системы социально-психологической диагностики.

Малинина Т.Б.

д.соц.н., доцент, профессор кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

О НЕОБХОДИМОСТИ КОРРЕКТИРОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: пандемия, миграция, адаптация мигрантов, сельская местность, аграрный сектор, трудовой потенциал, стандартизация.

Keywords: pandemic, migration, adaptation of migrants, rural area, agricultural sector, labor potential, standardization.

Пандемия COVID-19 повлияла на все стороны жизни людей. Однако не все произошедшие изменения обратимы. Специалисты ООН считают, что пандемия, сократившая масштабы миграции в страны ОЭСР, будет иметь длительное действие на миграционную ситуацию. И что в ближайшем будущем ситуация вряд ли изменится даже при условии восстановления экономики¹.

Международная миграция – важнейший фактор демографического развития современной России, позволяющий сдерживать сокращение численности населения. Можно по-разному относиться к роли миграции в социально-экономическом развитии страны, но отрицать положительное влияние этого фактора демографической динамики на воспроизводство населения не позволяют данные статистического учета. Только за 2011–2020 гг. миграционный прирост компенсировал естественную убыль в нашей стране на 2,2 млн чел. Можно предположить, что многие из тех, кто участвовал в формировании этого прироста, не покинут РФ в ближайшие годы – основанием для этого является то, что, отток в период пандемии ускорился не сильно: показатель миграционного прироста отклонился от сложившейся тенденции примерно на 135 тыс. чел. в сторону уменьшения². Этот поток сформировали иностранные граждане, которые поторопились вернуться на родину после введения санитарных ограничений.

Большая часть прибывающих в страну иностранных граждан обосновываются в городах. И сальдо по этому потоку в последние годы значительно превышает миграционный прирост городского населения в результате перераспределения населения между городской и сельской местностью. Даже в первый год пандемии, когда были введены очень жесткие ограничительные меры на перемещение людей, миграционный прирост по международному обороту был почти в 2 раза больше, чем в результате внутрироссийского перемещения населения.

Но особенно сильное влияние международная миграция оказывает на формирование сельского населения, в 1994–2000 г., а также в 2019 г. она значительно перекрывала демографические потери от оттока сельского населения в городскую местность, а в остальные годы компенсировала его значительную часть. Даже в 2020 г., когда действовали жесткие ограничения из-за угрозы распространения COVID-19, прирост от международной миграции почти полностью компенсировал убыль от перераспределения населения внутри страны³.

Кроме того, пандемия обнажила зависимость некоторых отраслей российской экономики от иностранной рабочей силы. Несмотря на то, что поток прибывших в нашу страну в 2020 г., по данным статистики, оставался на уровне 2014–2018 гг., многие предприятия и даже целые отрасли заявили о нехватке работников. Дефицит рабочих рук ощутили строительные организации. На иностранных мигрантах держится сфера ЖКХ российских мегаполисов и крупных российских городов.

Остро ощутило нехватку иностранных трудовых мигрантов в период действия санитарных ограничений и сельское хозяйство. Руководство Министерства сельского хозяйства опасается, что без сезонных мигрантов ряд процессов в сельском хозяйстве может остановиться, поскольку в российских регионах не хватает 38,2 тыс. сельскохозяйственных рабочих⁴. А директор Плодоовощного союза России говорит о 80-процентной зависимости этого производства от иностранных мигрантов⁵. Очевидно, что заменить столько рабочих рук невозможно. И это позволяет говорить о том, что Россия в ближайшие годы также будет нуждаться в трудовых мигрантах.

¹ В ООН оценили влияние пандемии на число мигрантов. – <https://www.rbc.ru/society/16/01/2021/600211cd9a794765a6da5873>

² Демографический ежегодник: Стат. сб.: Росстат. – М., 2021. – 2.1.

³ Там же. – 7.1.

⁴ Сельскому хозяйству России не хватает трудовых мигрантов. – <http://svetich.info/news/federalnye-novosti/selskomu-hozjajstvu-rossii-ne-hvataet-tr.html>

⁵ Агросектору не хватает мигрантов // Агроинвестор. – <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/33497-agrosectoru-ne-khva-taet-migrantov/>

Рост цен в России в период пандемии в некоторой степени тоже связан с ослаблением притока трудовых мигрантов из-за рубежа. Из-за отсутствия дешевой рабочей силы предприниматели были вынуждены повышать заработную плату местным рабочим. Например, по данным Superjob, нехватка рабочих рук в одной из наиболее зависимых от иностранных трудовых мигрантов отраслей – строительстве – вызвала рост зарплат в этой отрасли в среднем на 15,8% в 2020 г., а по некоторым категориям работников рост был более значительным. Дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве, вынуждающий работодателей привлекать работников более высокой заработной платой, тоже не мог не сказаться на ценах на продовольствие¹.

Все это говорит о том, что нельзя недооценивать роль международной миграции в социально-экономическом развитии современной России, и особенно ее сельских территорий. Этот фактор демографической динамики, оказывающий положительное влияние на воспроизводство сельского населения и формирование трудового потенциала сельского хозяйства, оказывает непосредственное влияние на продовольственную безопасность страны.

Однако социологические опросы показывают, что отношение россиян к иностранным мигрантам с годами ухудшается. Весной 2021 г. на ежегодном окружном семинаре-совещании «О практике и задачах органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» заместитель руководителя администрации Президента России М. Магомедов говорил о том, что по итогам 2020 г. россияне стали хуже относиться к мигрантам, что осложняет межнациональные отношения, много детей иностранцев находится вне российской системы образования. Практически каждый четвертый респондент заявил об отрицательном отношении к мигрантам, численность опрошенных, сообщивших о негативном отношении к иностранным мигрантам, за 2020 г. стала больше на 7,5%².

К сожалению, негативное отношение к иностранным мигрантам характерно не только для рядовых россиян, но и для государственных и муниципальных служащих. Например, исследование, проведенное в Ростовской области, имеющей высокую привлекательность для иностранных мигрантов, выявило такую проблему, как широкое распространение среди экспертного сообщества представления о миграции как «угрозе для культурной идентичности страны, способной оказать негативное воздействие на социально-экономическую ситуацию в регионе» (в число экспертов вошли работники региональных и муниципальных органов власти, представители национально-культурных автономий и научные работники)³.

Это диктует необходимость систематизации и координации деятельности в работе с прибывающими на территорию нашей страны иностранными гражданами, заключающейся не только в проверке соблюдения мигрантами требований российского законодательства, но и в активном содействии их социально-культурной адаптации в российском обществе и закреплению на территории страны.

Лучшим способом для этого будет стандартизация этой работы. Поэтому необходимо разработать стандарт организации на региональном и муниципальных уровнях единой системы деятельности по содействию социально-культурной адаптации мигрантов, профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов. Стандарт этот должен быть федеральным. Особенности тех или иных территорий могут быть отражены в региональных нормативных правовых актах.

Одной из причин негативного отношения к иностранным мигрантам является возможность заноса на территорию опасных инфекций. Поэтому в работу по социализации мигрантов должны быть включены органы здравоохранения. Кроме специалистов-медиков в число субъектов этой деятельности должны быть включены представители профильного министерства (комитета), региональных ведомств в сфере образования, занятости, культуры, т.е. все сферы, задействованные в создании условий жизнедеятельности.

Стандарт должен предусматривать формирование оптимальной структуры управления деятельностью по содействию социально-культурной адаптации мигрантов, предусматривающей единство руководства; единый центр координации деятельности; определение состава государственных органов исполнительной власти, органов администраций муниципальных образований, участвующих в этой работе; определение ответственных за эту работу на региональном и муниципальном уровнях; четкое закрепление функций в должностных инструкциях, регламентах межведомственного взаимодействия; сроки по предоставлению необходимой информации, принятию решений, осуществлению предусмотренных стандартом действий и др.

Считаем также, что при оплате труда специалистов в этой области должна быть учтена специфика этой работы, а также приняты во внимание научно обоснованные нормы управления. Кроме того, при разработке системы оплаты труда специалистов, участвующих в работе, направленной на содействие социально-культурной адаптации, необходимо учитывать численность и национальный состав проживающих на территории муниципалитета (региона) иностранных граждан.

Судя по результатам опроса, о котором говорилось выше, требуется большая разъяснительная работа с представителями муниципальных органов власти, поскольку на них ложится основная нагрузка по социализации иностранных граждан. Считаем необходимым: организовать обучение субъектов реализации государственной национальной политики Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях с периодичностью 1 раз в 5 лет;

¹ Дефицит мигрантов в России привёл к росту цен на продукты и услуги. – <https://secretmag.ru/news/deficit-migrantov-v-rossii-privoyol-k-rostu-cen-na-produkty-i-uslugi-23-08-2021.htm>

² Число россиян, негативно относящихся к мигрантам, выросло на 7,5 процента // РИА Новости. 08.04.2021. – <https://ria.ru/20210408/migranty-1727310702.html>

³ Денисова Г.С. Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области // Регионология. 2021. – № 1. – С. 126–151. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.126-150

провести аттестацию государственных и муниципальных служащих, задействованных в работе по содействию социально-культурной социализации иностранных граждан, на соответствие требованиям профессионального стандарта «Специалист в области национальных и религиозных отношений» (утвержден приказом Минтруда России от 02.08.2018 г. № 514н).

Успех этой работы во многом будет зависеть от отношения общества к иностранным гражданам. В этом большую роль призваны сыграть общественные институты. Усилия гражданского общества должны быть направлены на изменение отношения россиян к иностранным гражданам, организацию систематической работы по убеждению коренного населения в необходимости иностранных мигрантов для устойчивого развития нашей страны и возможности бесконфликтного совместного проживания, установление надежных контактов с руководителями и авторитетными представителями национальных диаспор и др. Будучи вовлеченными в повседневную жизнь россиян, иностранные граждане лучше узнают традиции российского общества, что позволит быстрее понять и принять принятые правила поведения.

Особое внимание в этой работе должно быть уделено детям и подросткам. В силу пластичности детской личности они быстрее приспосабливаются к изменившимся условиям. Воздействуя на целевую аудиторию посредством этой возрастной категории, можно получить двойной эффект, поскольку дети, приходя домой, транслируют то, что узнали в школе и из общения с ровесниками, влияя таким образом и на поведение своих взрослых родственников.

Итак, международная миграция является важнейшим фактором демографического развития современной России. Пандемия выявила значительную зависимость ряда отраслей российской экономики от трудовых мигрантов. Это дает основания рассматривать международную миграцию как фактор экономической безопасности государства и требует совершенствования подходов к ее регулированию. Систематизировать и повысить эффективность такой работы поможет специальный стандарт, устанавливающий порядок действий принимающей стороны в отношении иностранных граждан в целях создания условий для их скорейшей социально-культурной адаптации в местном сообществе, что позволит предотвратить межнациональные конфликты.

Мамонова О.Н.

к.соц.н., с.н.с. сектора социологии профессий и профессиональных групп ФНИСЦ РАН
foxie@inbox.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКИХ ВРАЧЕЙ В ПОСТКОВИДНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ключевые слова: профессиональная самоидентификация; постковид; трансформация; качество жизни; врачебное сообщество; социально-профессиональная группа.

Пандемия коронавирусной инфекции кардинальным образом повлияла на изменение ценностного мира различных социально-демографических групп населения, усилив социальное неравенство, в т.ч., в доступности к врачебной помощи и ее качеству.

Современная мировая социология в последние десятилетия уделяла заметное внимание проблемам здорового образа жизни и здоровья населения, а профессиональная группа врачей, таким образом, становилась одним из наиболее значимых ретрансляторов данных социальных ценностей. При этом для всех общественных наук в настоящее время характерно понимание социальной, в широком смысле, обусловленности состояния здорового образа жизни и здоровья, как личности, так и общества в целом. Пандемия COVID-19 поставила под сомнение эффективность и соответствие современным требованиям и российского здравоохранения, и его мировых аналогов¹. Социальные, экономические и психологические последствия кризиса не могут быть проанализированы в ближайшие годы. Достаточно резко изменились представления и социально-профессиональной группы врачей о роли здорового образа жизни, дефиниций «здоровье» и «качество жизни».

Изменения в развитии российского здравоохранения, его анализ и особенности предоставления медицинских услуг в обществе постковида должны характеризоваться критериями доступности и справедливости². В итоговом документе первой Международной конференции по укреплению здоровья в Оттаве в 1986 году было сформулировано: «Основопологающие условия здоровья – это мир, жилье, образование, пища, доход, стабильная экосистема, надежный источник ресурсов, социальная справедливость и правосудие». В условиях пандемии и постпандемии помимо этих параметров на основной план выходит ментальное здоровье, в том числе и новые принципы взаимодействия врача и пациента, новые каналы коммуникации (развитие цифровизации) и осознание социально-профессиональной группой врачей новых акцентов в социальном взаимодействии с другими группами и госструктурами.

Трансформируется и экономическое положение врачей. Так, общий бюджет национального проекта «Здравоохранение» в 2021 году составил 280,8 млрд руб., из них 254,98 млрд руб. были выделены из средств федерального бюджета. На наш взгляд, все эти трансформации должны протекать в тесной увязке с национальным проектом «Экология», ведь врач-профессионал нового типа может быть специалистом более широкого профиля. Планируется аккредитация и допуск к профессиональной деятельности 750 тыс. специалистов, а обучение по программам профессиональной переподготовки по профилям первичной медико-санитарной помощи, детского здравоохранения, онкологии и сердечно-сосудистых заболеваний – еще 5 тыс. специалистов. В 2021 году обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами составило:

- плановое значение численности врачей – 572 тыс. специалистов;
- плановое значение численности средних медицинских работников – 1 млн 309 тыс. специалистов.

Таким образом, вопрос изучения профессиональной самоидентификации почти 2 млн свежих кадров – российских медицинских работников – актуализирует проведение новых исследований, ведь их практическая значимость состоит в обосновании не только актуальности мониторинга и последующего социологического исследования проблем самоидентификации профессиональной группы российских врачей, но и в создании образа «нового врача» в обществе постпандемии, в уточнении его социально-профессиональных ролей и функций, в поиске новых путей коммуникации между врачом и пациентом, врачом и администрацией ЛПУ, врачом – врачом.

Во время пандемии 2020 г. а также весной и осенью 2021 г. было проведено пилотажное исследование – экспертный опрос методом неформализованного интервью (комбинированным способом, онлайн и офлайн), в котором приняло участие 25 врачей и медицинских сестер Москвы (кардиологи, эндокринологи, невропатологи и окулисты, а

¹ Ревич Б.А. Ковид-19: смертность городского населения и городское пространство // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» / Отв.ред. д.г.н., проф. Н.В. Яковенко. – Воронеж: Цифровая полиграфия, 2021. – С. 63–68.

² Гареева И.А. Институциональные и социальные трансформации системы здравоохранения // Власть и управление на Востоке России. 2013. – № 3 (64). – С. 122–127.

также медицинский персонал, задействованный на взятии анализов на COVID методом ПЦР и определении антигенов на антитела). В ходе пилотажного исследования решались следующие исследовательские задачи:

1. Анализ и обобщение теоретико-методологических подходов к изучению проблемы самоидентификации врачебного сообщества (насколько фрагментировано сообщество – частные/государственные клиники, наличие определенных «цифровых» навыков и умений, готовность к новому обучению и курсам повышения квалификации, т.п.).

2. Выявление роли и значения определенных ценностей современных врачей во взаимосвязи с условиями пандемии и процессом формирования здорового образа жизни населения (отношение к диспансеризациям, павильонам «Здоровая Москва», «Московское долголетие» и т.п.)

3. Выявление отношения врачебного сообщества к новым цифровым способам оказания медицинской помощи – телемедицина, консультации по Zoom, собрания и «летучки», осознание новых возможностей в своей профессиональной деятельности без тактильности и личных бесед с пациентом.

Коренные социально-экономические и политические изменения, происходящие в России с начала 90-х гг. XX в., оказали сильнейшее влияние на все сферы жизни общества, породив «ценностный разлом», распад общества на отдельные социокультурные пространства, резкое снижение качества жизни отдельных социальных слоев и групп, неэффективность и невыполнимость социальных гарантий. Критически важной оказалась способность общества к обеспечению самосохранения, саморазвития и системной целостности. Уникальным потенциалом для решения данной задачи обладал такой многоплановый, комплексный и неоднозначный феномен как *самоидентификация профессиональных групп*. Она в значительной степени формировала мировоззрение, ценностные ориентации, взгляды, установки и транслировала идеи, социальные настроения, стереотипы поведения и т.п.

Понятие самоидентификации близко к понятию идентичности, но не тождественно ему.

Существует несколько ключевых значений идентичности:

1) идентичность как фундамент социальной или политической активности, определенная социальная локализация, позиция в многоярусном пространстве (раса, этнос, пол и др.);

2) идентичность как специфически коллективное явление, фундаментальное и последовательное тождество между членами одной группы или категории, проявляющееся в общности действий и переживаний;

3) идентичность как ядро коллективного или индивидуального «Я» (self), которое используется для указания на нечто глубинное, основательное, значительное или императивное;

4) идентичность как продукт социальной или политической активности, процессуальное развитие того вида коллективного самопонимания, которое делает возможным коллективное действие;

5) идентичность как случайный продукт многочисленных и соревнующихся дискурсов.

Очевидно, что разнообразие подходов объясняется сложностью, многомерностью самого феномена идентичности. На это обстоятельство указывает ряд ученых. К примеру, один из родоначальников концепции идентичности Э. Эриксон сознательно не дает окончательного определения идентичности: «Чем больше пишешь на эту тему, тем более широким и всеобъемлющим кажется содержание этого термина. Единственный путь определить его – попытаться понять, в каких контекстах без него нельзя обойтись»¹.

Самоидентификация же, как производное от идентичности, относится только к личности и означает принадлежность ее к той или иной социально-профессиональной группе. К настоящему времени профессия становится доминирующим критерием стратификации и одним из главных факторов, предопределяющих социальное положение человека. Среди многочисленных профессиональных групп врачи занимают специфическое положение, определяемое особой социальной значимостью врачебного труда, высочайшими требованиями к квалификации врача, обладанием полномочиями на самостоятельное принятие решений, от которых зависит сама жизнь пациента и т.д. В результате необходимым общепризнанным условием эффективной врачебной деятельности является наличие у врачей высоко-развитой позитивной ценностной системы, гуманистических социальных чувств, высоких человеческих качеств, обладание которыми тесно связано с выраженной самоидентификацией данной профессиональной группы.

Состояние самоидентификации профессиональной группы российских врачей сегодня по-прежнему противоречиво. С одной стороны, опасных значений достигли факторы, расшатывающие самоидентификацию, стимулирующие аномию, разрыв с профессиональной группой. В начале 2000-х, на заре начала исследований данной темы отмечались переход существенной массы врачебного сообщества в социальный слой «новых бедных», усиление внутрипрофессиональной стратификации, падение престижа профессии, недостатки в управлении отраслью и т.д. Многие исследователи отмечают, что в условиях пандемии опасных значений достигли факторы, расшатывающие самоидентификацию, стимулирующие аномию, приводящих к «эмоциональному» выгоранию, разрыву с профессиональной группой у некоторых врачей. С другой стороны, весь опыт развития отечественной науки свидетельствует о силе и жизнестойкости гуманистических традиций российского врачебного сообщества и его внутренней сплоченности, а социальная значимость труда врача в нынешний период, когда неудовлетворительное состояние здоровья населения превращается в важнейшую проблему национальной безопасности, резко возрастает. При этом очевидно, что развитие процесса самоидентификации не может рассматриваться вне контекста реформирования системы здравоохранения. В условиях системного кризиса российского общества самоидентификация становится одним из приоритетных факторов, стабилизирующих состав профессиональной группы российских врачей, распад которой тождественен гибели отечественной системы здравоохранения.

Представители профессии, разделяющие определенные принципы экологической морали, придерживающиеся социально-экологических ценностей и готовые сочетать возможности новых технологий для повышения качества

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996. – С. 20.

жизни пациентов, сохраняя лучшее из традиций медицины, всегда будут востребованы. В последние годы помимо специалистов в области IT, кардиохирурги и акушеры-репродуктологи постоянно возглавляют списки наиболее востребованных профессий у абитуриентов.

В управлении реформированием отечественного здравоохранения недостаточно представлена социальная компонента, в частности, методы социального планирования и прогнозирования, что порождает процессы размывания самоидентификации профессиональной группы российских врачей и препятствует целенаправленному использованию позитивной самоидентификации врачей в интересах разрешения актуальных проблем в сфере здоровья населения и демографической ситуации. Научно обоснованное управление реформами в условиях трансформаций предполагает постановку и достижение конкретных целей в сфере духовной жизни врачебного сообщества, необходимую координацию в процессе формирования самоидентификации и проведение соответствующего мониторинга его реального состояния.

В условиях постковида необходимо проанализировать и глубоко осмыслить динамику процессов, происходящих в сфере самоидентификации профессиональной группы российских врачей, т.к. у государства и общества есть запрос на научно обоснованные методы социального управления реформированием отечественной системы здравоохранения.

Выводы

1. Ценностный мир врачебного сообщества в условиях постковидной реальности и цифровизации общества претерпел определенные трансформации с ориентацией на социально-экологические приоритеты.

2. Социально-экологические ценности врачей формируются под влиянием значительного числа средовых факторов различной природы и, в свою очередь, существенно влияют на ход динамичных социальных процессов, сопровождающих цифровую трансформацию российского общества.

3. Влияние многих характерных значимых социально-экологических факторов противоречиво, направленность данного влияния по отношению к реализации эколого-ориентированного поведения определяется комплексом объективных и субъективных условий. Позиционирование городских врачей по отношению к элементам здорового образа жизни, вредным привычкам и т.д. имеет явную специфику.

4. Социально-экологические ценности врачей являются значимым фактором перехода к здоровому образу жизни, к эколого-ориентированному поведению, они особо важны при выборе действий в условиях риска (неопределенности).

5. Общее состояние здоровья самих врачей парадоксально уступает в процессах самосохранения и по соблюдению ЗОЖ.

6. Необходима детальная проработка и подготовка условий формирования ЗОЖ самих врачей для одновременного улучшения качества жизни.

Практическая значимость исследования состоит в пригодности результатов исследования для использования органами государственной власти, образовательными учреждениями, общественными организациями, причастными к воспитанию молодых врачей, охране здоровья, повышению культуры и улучшению качества жизни. Кроме того, теоретико-методологические и эмпирические материалы работы могут быть использованы в преподавании соответствующих учебных курсов в вузах.

Найден С.Н.

д.э.н., профессор РАН, зам. директора по науке, Институт экономических исследований ДВО РАН
nayden@ecrin.ru

Бравок П.С.

м.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН
bravok-p@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ключевые слова: население, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, здравоохранение, модернизация, регион, Дальний Восток.

Keywords: population, birth rate, mortality, life expectancy, healthcare, modernization, region, Far East.

Население Дальневосточного федерального округа (ДФО) к началу 2021 года составило 8124 тыс. чел. или на 200 тыс. человек меньше, чем было в 2013 году (при условии учёта всех 11 субъектов Федерации¹). В 2020 году, на который пришлось начало пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, впервые за тридцатилетний период наблюдений основные потери населения, составившие более чем 45 тыс. человек, были обусловлены характером естественного движения. Естественная убыль только за 2020 год в 2,6 раза превысила результат 2019 года и составила – 22 864 человек, что почти на 15% превысило годовое миграционное сальдо (–19 926 человек)².

На протяжении рассматриваемого периода динамика естественного движения населения носила нисходящий характер. Прирост населения вплоть до 2017 года сохранялся за счет более высокого уровня рождаемости, который превышал показатель смертности населения. Однако сокращение численности женщин репродуктивного возраста объективно снижало количество рожденных детей, уменьшая естественный прирост. С 2018 года естественная динамика перешла в отрицательную плоскость и наряду с отрицательным сальдо миграции привела к общему сокращению численности населения на Дальнем Востоке³. Только за 2020 год, в том числе в результате пандемии вируса COVID-19, абсолютное сокращение численности населения превысило аналогичный показатель 2019 года: в 2,5–2,6 раза в Приморском крае, Хабаровском крае, Амурской области; в 1,9–2,0 раза – в Сахалинской области и Республике Бурятия; на 12,3% – в Еврейской автономной области, на 2,8% – в Магаданской области, на 2,1% в Забайкальском крае. Положительный прирост численности населения в целом за 2013–2020 гг. был обеспечен в двух субъектах ДФО Республике Бурятия и Республике Саха (Якутия) (+1,4% и +2,8% соответственно), причем в Якутии, несмотря на эпидемиологические последствия, даже в 2020 году (в 2 раза больше, чем в 2019 год за счет и естественного, и миграционного прироста).

Особенности естественного движения населения, динамика которого формируется под влиянием рождаемости и смертности, на Дальнем Востоке также остаются неизменными длительное время⁴. По уровню рождаемости Дальний Восток в целом и входящие в его состав субъекты превышают среднероссийские показатели, несмотря на общий нисходящий тренд. Если в среднем по РФ коэффициент рождаемости⁵ снизился на 3,6 пункта (с 13,2 промилле в 2013 г. до 9,6 промилле в 2021 г.), то на Дальнем Востоке лишь на 3,3 пункта (с 13,9 до 10,6) и пока остается выше среднероссийского уровня. Однако другим фактором, отрицательно влияющим на естественную динамику населения Дальнего Востока, остается высокий уровень смертности⁶. Сопоставление данных в рамках анализируемого периода затруднено в силу объективных выбросов 2020–2021 годов, когда показатели смертности резко возросли в связи с ростом летальных случаев от вируса COVID-19, но и до 2018 года скорость ее снижения оставалась крайне низкой. Хотя совокупная

¹ Республика Бурятия и Забайкальский край вошли в состав ДФО в 2018 году на основании Указа Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 года № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года № 849».

² Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. – Т. 12, № 1. – С. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3

³ Мотрич Е.Л. Население Дальневосточного федерального округа: реалии и перспективы // Регионалистика. 2020. – Т. 7, № 2. – С. 64–71. <https://doi.org/10.14530/reg.2020.2.64>

⁴ Численность постоянного населения на 1 января. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). – <https://www.fedstat.ru/indicator/31557>

⁵ Число родившихся на 1000 человек за год / Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). – <https://fedstat.ru/indicator/31269>

⁶ Дальний Восток России: тенденции экономического развития (последствия пандемии) / Отв. ред. О.М. Прокапало; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. – С. 90–108 с. – <http://ecrin.ru/publications/books-2021/1653-DV-21>

смертность в рамках 2013–2019 годов не превышала среднероссийский показатель, по отдельным причинам макрорегион продолжает лидировать¹.

На всем протяжении исследуемого периода ни один из субъектов Дальнего Востока не достиг среднероссийского уровня по ожидаемой продолжительности жизни, хотя прирост в целом по макрорегиону за 2013–2019 гг. составил +2,41 года против +2,58 лет в среднем по стране. Безусловно, рост смертности населения в 2020 году прервал едва намечившуюся положительную динамику увеличения продолжительности жизни по всем субъектам РФ, включая и Дальний Восток². Если в целом по стране за два года пандемии показатель, достигнув в 2019 г. 73,34 года для обоих полов, снизился практически на –3,28 лет (70,06 в 2021 г.), то в ДФО, достигнув более низкого уровня 69,15 лет, снижение составило всего –2,16 лет (68,06). Примечательно, что в 2021 году дальневосточный показатель опустился примерно до уровня 2013–2014 гг., и понижение произошло впервые после 2005 года, а средний по стране – до уровня 2011–2012 гг., и ближайшее падение состоялось в 2003 г. Кроме того, сокращение продолжительности жизни в разрезе полов на Дальнем Востоке отличалось от общероссийской картины. Снижение показателя за 2020–2021 гг. было более глубоким у женщин, но в целом по стране оно составило –3,66 лет, а в ДФО только –2,67 года, аналогично и у мужчин –2,73 и –1,57 соответственно. В региональном разрезе наиболее значительный прирост ожидаемой продолжительности жизни (+5,98 лет за 2013–2019 гг.), равно как и самое сильное падение (–3,22 года в 2021 г. по отношению к 2019 г.) были отмечены в Чукотском автономном округе, где зафиксирована самая низкая ожидаемая продолжительность жизни – всего 64,87 лет, и в Республике Саха (Якутия) (+3,87 и –3,02). Самые мягкие изменения за 2020–2021 гг. произошли в Республике Бурятия и на Сахалине (–1,86 лет).

Одним из факторов, способствующим сохранению низкого уровня продолжительности жизни дальневосточников, является состояние системы здравоохранения на Дальнем Востоке. Несмотря на то, что система здравоохранения, по мнению различных специалистов, определяет состояние здоровья человека не более чем на 10%³, от уровня ее развития и доступности оказываемых медицинских услуг во многом зависит своевременная диагностика и профилактика различного рода заболеваний и, соответственно, уровень смертности населения. Для территорий Дальнего Востока одной из основных проблем является доступность услуг здравоохранения, поскольку низкая плотность и разреженность мест проживания обуславливает характер размещения объектов здравоохранения. При этом структурные реформы в здравоохранении, для которых была характерна привязка медицинских учреждений к численности обслуживаемого населения, привели к тому, что в малонаселенных пунктах медицинские учреждения были закрыты, а жители переведены на обслуживание в районные больницы. На этом фоне обострилась еще одна проблема, связанная с транспортной доступностью и своевременным получением медицинской помощи, поскольку Дальний Восток, несмотря на реализацию крупных проектов в области развития транспортной инфраструктуры остается территорией с самой низкой плотностью автомобильных дорог⁴.

Модернизация системы здравоохранения на Дальнем Востоке осуществляется в рамках реализации двух государственных программ – Государственной программы РФ «Развитие здравоохранения»⁵ и Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.⁶

В состав проектной части Госпрограммы включены⁷ Национальный проект «Здравоохранение», состоящий из 8 федеральных проектов: «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи»; «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями»; «Борьба с онкологическими заболеваниями»; «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям»; «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами»; «Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий»; «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)»; «Развитие экспорта медицинских услуг»; а также 2 федеральных проекта, реализующихся в рамках национального проекта «Демография»: «Укрепление общественного здоровья»; «Старшее поколение».

Ключевые цели национального проекта РФ «Здравоохранение»⁸ – снижение младенческой смертности, смертности населения трудоспособного возраста, смертности населения от сердечно-сосудистых и онкологических заболе-

¹ Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100000 населения за год / ЕМИСС. – <https://fedstat.ru/indicator/31270>

² Ожидаемая продолжительность жизни / ЕМИСС. – <https://www.fedstat.ru/indicator/31293>

³ В цифрах и фактах: здоровье лишь на 10% зависит от уровня здравоохранения // Аргументы и факты. 2017. – 7 июля. – https://aif.ru/health/life/v_cifrah_i_faktah_zdorove_lich_na_10_zavisit_ot_urovnya_zdravoohraneniya

⁴ Губернатор Магаданской области Сергей Носов, выступая на Восточном экономическом форуме-2021 в г. Владивостоке заявил, что в области «удаленность и транспортная недоступность влияет на оперативность оказания медицинской помощи. Около 69% населенных пунктов не имеют круглогодичной автодорожной доступности, и только 42% дорог соответствуют нормативным показателям» (Путин заявил о нехватке врачей на Дальнем Востоке // INTERFAX.RU. 2021. – 2 сентября. – <https://www.interfax.ru/russia/788189>)

⁵ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 (с изм. на 6 мая 2022 года). – <https://docs.cntd.ru/document/556183184>

⁶ Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р. – <https://docs.cntd.ru/document/565853199>

⁷ Национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография». – <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie>

⁸ Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). – <https://base.garant.ru/72185920/>

ваний, больничной летальности от инфаркта и инсульта, рост числа рентгенэндоваскулярных операций, достижение практически полной укомплектованности врачами и медсестрами подразделений, оказывающих амбулаторную помощь, внедрение «бережливых технологий» в медицинских организациях, обеспечение охвата граждан профилактическими медосмотрами не реже одного раза в год, рост объема экспорта медицинских услуг. В числе основных задач национального проекта РФ «Здравоохранение» – завершение формирования сети медицинских организаций первичного звена с использованием геоинформационной системы с учётом необходимости строительства врачебных амбулаторий и ФАП в малых населённых пунктах; оптимизация работы медицинских организаций, которые оказывают первичную медико-санитарную помощь; обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами; завершение формирования сети национальных медицинских исследовательских центров; внедрение инновационных медицинских технологий, включая систему ранней диагностики и дистанционный мониторинг здоровья пациента; создание механизмов взаимодействия медицинских организаций на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения.

Основная целевая направленность проекта – ликвидация кадрового дефицита в организациях, которые оказывают первичную медико-санитарную помощь, обеспечение охвата всех граждан профосмотрами не реже одного раза в год и повышение доступности и качества первичной медпомощи, в том числе в отдалённых местностях.

В числе основных целевых показателей проекта – снижение смертности населения трудоспособного возраста с 455 случаев на 100 тысяч населения в 2018 году до 350 в 2024 году; снижение смертности от болезней системы кровообращения с 565 случаев на 100 тысяч населения в 2018 году до 450 в 2024 году; снижение смертности от новообразований, в том числе от злокачественных с 199,9 случая на 100 тысяч населения до 185 в 2024 году; снижение младенческой смертности с 5,5 случая на 1 тысячу родившихся детей до 4,5 в 2024 году; охват всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами с 39,7% в 2018 году до 70% в 2024 году.

В Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.¹ предусмотрено в качестве одной из целей: «Повышение качества жизни на Дальнем Востоке до уровня выше среднероссийского, включая развитие человеческого капитала, кадрового потенциала и формирование комфортной среды для жизни». По данным опросов жителей Дальнего Востока, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2019 году, одним из ключевых факторов оттока населения из макрорегиона является низкое качество социальной и транспортной инфраструктуры, городской среды. Особенно это касается инфраструктуры здравоохранения, качества и доступности медицинских услуг, которыми не удовлетворено 64% жителей Дальнего Востока.

На Дальнем Востоке на 1 января 2021 года первичную медицинскую помощь оказывали 1358 амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ). Необходимо отметить, что наиболее активное развитие амбулаторно-поликлинического звена происходит в субъектах южной зоны Дальнего Востока. Так в Хабаровском крае² количество поликлиник увеличилось на 132 единицы или на 67%, что стало самым высоким показателем среди дальневосточных субъектов как в абсолютном, так и в относительном измерении. Положительные темпы роста числа амбулаторно-поликлинических учреждений также продемонстрировали Республика Бурятия³, Забайкальский и Приморский края, Магаданская и Еврейская автономная области. При этом мощность посещений этих учреждений за исследуемый период практически не изменилась, варьируя в пределах от сокращения на –15,4% в Республике Бурятия до расширения +11,7% в Хабаровском крае, тем самым подтверждая приверженность государственной политики курсу на «оптимизацию» здравоохранения. Как следствие удельная мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, приходящаяся на 10 тыс. населения в Республике Бурятия снизилась на –17,1%, а в Еврейской автономной области и Хабаровском крае повысилась до +16,2 и 15,1% соответственно.

Число больничных учреждений, напротив, сокращается и данная тенденция характерна как для России в целом, так и для Дальнего Востока. На начало 2021 года медицинскую помощь населению в условиях больничного стационара оказывало 443 организации, что на 44 единицы меньше, чем было в 2013 году. Значительное сокращение произошло в Забайкальском и Хабаровском краях – на 13 и 10 единиц соответственно, и только на Сахалине число больниц увеличилось на 2 единицы. В результате реформы здравоохранения и ориентации на сокращение времени госпитализации произошла повсеместная утрата значительного числа больничных коек, компенсировать которые предполагалось за счет ускорения оборота оставшихся. Как следствие, система здравоохранения Дальнего Востока потеряла 16%

¹ <https://docs.cntd.ru/document/565853199>

² По итогам 2021 года в Хабаровском крае программой было предусмотрено 1354,67 млн рублей. За счет этих средств уже обновлена материально-техническая база учреждений (приобретено 591 единица медицинского оборудования, 51 автотранспорт, 7 флюорографов, 9 маммографов), благодаря чему открылось 11 КТ-центров, 5 рентген-аппаратов. Началось строительство 6 объектов, 5 фельдшерско-акушерских пунктов и 1 врачебной амбулатории, на общую сумму 280,27 млн рублей. Проведен капитальный ремонт в амбулаториях, районных поликлиниках и больницах края (Планы модернизации первичного звена здравоохранения в Хабаровском крае в 2022 году / Министерство здравоохранения Хабаровского края. 11 февраля 2022 г. – <https://zdrav.khv.gov.ru/node/9955>).

³ За 2019–2020 годы в Бурятии построено 37 фельдшерско-акушерских пунктов, четыре врачебные амбулатории и площадка санавиации в Закаменском районе. За этот период 57 поликлиник перешли в бережливый режим (план выполнен на 100%), благодаря чему снизилось время ожидания в очередях на 70% из планируемых 80%. Закуплен и уже доставлен в районные больницы республики 81 автомобиль медицинской помощи. Из них 36 поставлены Минпромторгом России в рамках опережающей поставки. Территориальным центром медицины катастроф Бурятии приобретено 45 автомобилей (В Бурятии реализуется программа модернизации первичного звена здравоохранения / Министерство здравоохранения Республики Бурятия. 2021. – 25 августа. – https://egov-buryatia.ru/minzdrav/press_center/news/detail.php?ID=113307&sphrase_id=98223079).

кожного фонда, в том числе в Чукотском автономном округе и Магаданской области исчезла каждая четвертая койка, в Амурской области и Республике Саха (Якутия)¹ – каждая пятая, остальные – от 10 до 15% своего фонда². Это не преминуло сказаться в период стремительного развития пандемии коронавирусной инфекции, потребовавшей реанимировать значительное количество мест для госпитализации тяжелых больных.

Благополучная на первый взгляд ситуация с медицинскими учреждениями в регионах Дальнего Востока, свидетельствующая о повышенной обеспеченности населения в 6 регионах Дальнего Востока мощностями АПУ по сравнению со среднероссийскими показателями, с одной стороны, и низкой загруженности больничных коек у всех 11 регионов, с другой стороны, скрывает внутрирегиональную неоднородность распределения мощностей медицинских учреждений по территориям. В действительности, усредненные величины не позволяют увидеть полное отсутствие отдельных больниц и амбулаторий, а также небольших медицинских пунктов в малых поселениях, разбросанных по необъятным просторам макрорегиона.

Это касается фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов), основной целью которых является оказание первичной помощи населению мелких населенных пунктов, и число которые в результате оптимизации системы здравоохранения существенно изменилось. Во многих районах страны в результате проведенных организационных мероприятий из привычной цепочки фельдшерский пункт – участковая больница – районная больница – областной высокотехнологичный центр – исчезли первые звенья. Только треть сельских поселений располагает необходимыми для оказания первичной медицинской помощи объектами³. Да и состояние того, что имеется в наличии, оставляет желать лучшего. По данным Паспорта Национальной программы⁴ социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г., значительная часть ФАПов расположена в помещениях, которые не являются специализированными и не соответствуют всем медицинским стандартам, а лишь приспособлены под размещение самого необходимого оборудования для ведения приема пациентов медицинским персоналом. Особую тревогу вызывает износ имеющегося медицинского оборудования, который по всем дальневосточным регионам составляет от 64% на Сахалине до 80% на Чукотке.

Фактически оптимизация здравоохранения, начавшаяся в 2000-х годах на этапе подъема российской экономики, привела к тому, что население лишилось доступной медицинской помощи по месту жительства, получив взамен возможность обращения в крупный региональный высокотехнологический медицинский центр. Подобные преобразования, тем не менее, не привели к резкому улучшению состояния здоровья населения. По продолжительности жизни Россия занимает 96 строчку в рейтинге 183 стран мира, опубликованного Всемирной организацией здравоохранения, отставая от самой долгоживущей нации более чем на 10 лет⁵.

Количество ФАПов на Дальнем Востоке насчитывало в 2020 году 2067 единиц. По сравнению с 2013 годом их число возросло на 7 единиц, в том числе за счет активного прироста в Приморском крае (+38 ед.) и Сахалинской области (+22 ед.). Таким образом, несмотря на необходимость развития первичного звена здравоохранения в мелких населенных пунктах, в большинстве дальневосточных субъектов количество ФАПов продолжило сокращаться.

С начала 2021 года в России стартовала программа модернизации первичного звена здравоохранения, чему способствовала в том числе и пандемия, на фоне которой ярко проявились длительное время копившиеся проблемы в системе здравоохранения, в числе которых: «низкий уровень доступности качественной первичной медико-санитарной помощи (транспортная доступность и климатические условия осложняют оказание скорой помощи в отдаленных районах ДФО⁶); высокий уровень износа зданий и медицинского оборудования (состояние фельдшерско-акушерских пунктов и амбулаторий не соответствуют требованиям санитарного законодательства, а уровень износа медицинского оборудования по регионам ДФО составляет более 60%); нехватка медицинских специалистов; дефицит финансовых ресурсов для покрытия расходов на содержание медицинских организаций, особенно в сельских местностях и отдаленных поселениях»⁷. Именно здесь наблюдается наибольшее отставание показателей развития от среднероссийского уровня.

Реализация программы, в первую очередь, направлена на обеспечение доступности медицинской помощи для жителей малых населенных пунктов и отдаленных территорий страны. Программа рассчитана до 2025 года, в рамках

¹ Только благодаря программе модернизации в 2021 году в Якутии, впервые за долгие годы, началось строительство медицинских учреждений сразу в пяти районах Якутии. Среди них – первая очередь больничного комплекса в Вилуйске, поликлиника в с. Ытык-Кюель Таттинского улуса, больничный комплекс с поликлиникой в Усть-Майе Усть-Майского улуса, а также больничные комплексы в с. Хонуу Момского района и в с. Чурапча Чурапчинского улуса. (Медицинская помощь в шаговой доступности. // Министерство здравоохранения Республики Саха (Якутия). 2022. – 15 июня. – <https://minzdrav.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3318140>).

² Количество коек в учреждениях здравоохранения (в городской и сельской местностях, за год) // ЕМИСС. – <https://www.fedstat.ru/indicator/43878> и <https://www.fedstat.ru/indicator/43879>

³ Острая медицинская недостаточность // Коммерсант. – М., 2016. – 24 октября. – <https://www.kommersant.ru/doc/3118620>

⁴ Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.: Распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р.

⁵ Ожидаемая продолжительность жизни и ожидаемая продолжительность здоровой жизни / ВОЗ. – <https://apps.who.int/gho/data/node.main.688>

⁶ Курс лечения // Российская газета – Экономика Дальнего Востока. 2021. – 22 апреля, № 87. – <https://rg.ru/2021/04/22/reg-dfo/mediki-rasskazali-kak-uluchshit-sostoianie-zdravoohraneniia-v-dfo.html>

⁷ Найден С.Н., Бравок П.С. Реакция социальной системы ДФО на пандемические шоки // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 17: Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2022. – Ч. 1. – С. 1184.

ее реализации планируется приобретение новых автотранспортных средств, медицинского оборудования и строительство, а также капитальный ремонт и реконструкция объектов здравоохранения¹. При этом модернизация первичного звена предполагает не только обновление зданий и оборудования, но и внедрение бережливых технологий, а значит, создание среды комфортности в поликлиниках для детей и взрослых.

Не теряет своей остроты и вопрос кадрового обеспечения системы здравоохранения². Наиболее актуальна данная проблема именно для первичного звена и отдаленных населенных пунктов. Согласно опросу, проведенному сообществом «Врачи РФ», из 2855 опрошенных врачей 87% заявили о дефиците кадров в своих медицинских учреждениях, только 9% указали на отсутствие проблем с сотрудниками, а 4% затруднились ответить. Среди причин сохранения кадрового дефицита в отрасли практически половина опрошенных указали на низкий уровень оплаты труда, треть участников опроса в качестве негативной причины назвали проведенную оптимизацию здравоохранения³. Сокращение врачебного звена наблюдается и на Дальнем Востоке, причем происходит это в разрез со среднероссийской динамикой. Если в ДФО численность врачей в 2020 году относительно 2013 года сократилась на 2%, то в целом по стране выросла на 5%⁴. Сокращение численности врачебных кадров на Дальнем Востоке происходило практически повсеместно, за исключением трех регионов, где отметились положительная динамика: в Сахалинской области рост составил 122%, в Республике Саха (Якутия) +10% в Республике Бурятия чуть более +1% числа врачей по отношению к 2013 г. При этом основными факторами, определяющими желание работать в системе здравоохранения на Дальнем Востоке, сами медики называют достойную оплату труда, обеспечение жильем специалистов в районах по договору социального или служебного найма с последующей приватизацией; повсеместную цифровизацию отдаленных населенных пунктов для расширения возможностей телемедицины⁵.

Пандемия новой коронавирусной инфекции, начало которой пришлось на 2020 год, обострила множество проблем в разных отраслях экономики. Но, пожалуй, наиболее остро ситуация проявила себя именно в системе здравоохранения, выступающей основным звеном в борьбе с новой коронавирусной инфекцией⁶. Среди факторов, усугубивших ситуацию называют⁷ слабую организацию процесса, а именно, несвоевременное оказание (в силу задержки или отсрочки) медицинской помощи во время пандемии; обострение хронических заболеваний у пациентов как в период течения COVID-19, так и в постковидный период; позднюю обращаемость за медицинской помощью из-за опасения заражения коронавирусной инфекцией; низкий уровень благосостояния и качества социальной среды, недоступность квалифицированного медицинского обслуживания (дефицит врачебных кадров в центральных районных больницах и амбулаториях, закрытие фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности), а также низкую обращаемость населения в учреждения здравоохранения, что порой связано с объективной удаленностью последних от мест проживания, отсутствием развитой сети транспорта и автомобильных дорог. При этом материально-техническая база медицинских учреждений, во всяком случае, за пределами крупных городов, характеризуется высоким износом, граничащим с аварийным состоянием, отсутствием современной диагностической аппаратуры, включая квалифицированных специалистов по ее обслуживанию, изношенностью инженерных коммуникаций, что требует значительных ресурсов для ее развития и укрепления.

При этом развитие ситуации с коронавирусом показало, что инфекция продолжает наращивать мощность и амплитуду распространения своих волн. В настоящее время проходит уже четвертая по счету волна, и прогнозные оценки относительно окончания пандемии и ее последствий становятся все более осторожными. Однозначно провал демографической динамики и рост естественной убыли не ограничатся 2020-2021 гг., поэтому с высокой вероятностью можно предположить, что отрицательная динамика сохранится и в 2022 году. Столь тревожные тенденции лишней раз подтверждают своевременность и неотложность проведения крупномасштабного, повсеместного, максимально патронируемого со стороны государства процесса модернизации национальной и региональной систем здравоохранения, способных поддержать реализацию стратегии здоровьесбережения нации⁸.

¹ Региональные программы модернизации первичного звена здравоохранения одобрены проектным комитетом нацпроекта «Здравоохранение». – <https://minzdrav.gov.ru/news/2020/12/10/15617-regionalnye-programmy-modernizatsii-pervichnogo-zvena-zdravoohraneniya-odobreny-proektnym-komitetom-natsproekta-zdravoohranenie>

² Дефицит медиков в ДФО: впору вводить режим ЧС? // Информационное агентство Восток-Медиа. 2021. – 4 июня. – <https://vostok.today/39328-deficit-medikov-v-dfo-vporu-vvodit-rezhim-chs.html>

³ Кадромиопатия: почему в России не удается справиться с дефицитом врачей. – <https://iz.ru/1202652/sergei-gurianov/kadro-miopatiia-pochemu-v-rossii-ne-udaetsia-spravitsia-s-deficitom-vrachei>

⁴ Приложение к сборнику «Регионы России: социально-экономические показатели» ст. сб. 2021 / Росстат. 2021. – <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

⁵ Медики рассказали, как улучшить состояние здравоохранения в ДФО // Российская газета. – М., 2021. – 22 апреля. – <https://rg.ru/2021/04/22/reg-dfo/mediki-rasskazali-kak-uluchshit-sostoianie-zdravoohraneniia-v-dfo.html>

⁶ Пандемия 2020 года обнажила все проблемы здравоохранения. – <https://rg.ru/2020/12/27/pandemiia-2020-goda-obnazhila-vse-problemy-zdravoohraneniia-v-rossii.html>

⁷ Горошко Н.В., Пацала С.В. Избыточная смертность пожилого населения России в условиях пандемии COVID-19 // Социальное пространство. 2022. – Т. 8, № 1. – С. 1–19. DOI: 10.15838/sa.2022.1.33.1; Дружинин П.В., Молчанова Е.В. Смертность населения российских регионов в условиях пандемии COVID-19 // Регионология. 2021. – Т. 29, № 3. – С. 666–685. DOI 10.15507/2413-1407.116.029.202103.666-685

⁸ Путин назвал здоровье нации важнейшей задачей государства // РИА Новости. 2018. – 16 ноября. – <https://ria.ru/20181116/1532964524.html>

Павлов Б.С.

д. филос. н., профессор, в. н. с. Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Лоншакова Н.А.

д. соц. н., профессор Российской международной академии туризма, Москва
lonshakova_nadia@mail.ru

Бондарева Л.Н.

к. э. н., доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург
2136473@mail.ru

Пронина Е.И.

с. н. с. Федерального социологического центра РАН, г. Москва
pronina@isras.ru

ИНСТИТУТ СЕМЬИ СЕВЕРЯН КАК ОСНОВНАЯ СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА И ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ 90-х ГОДОВ XX в.)¹

Ключевые слова: *родительская семья, производство человека, социализация, отцы и дети, ценностные ориентации, человеческий потенциал, Уральский Север.*

*Природа, создав людей такими, каковы они есть,
даровала им великое утешение от многих зол,
наделив их семьёй и Родиной.*

У. Фосколо, итальянский поэт и филолог

«В широком смысле слова семья, – читаем мы в редакционной статье журнала «Курьер Юнеско», – «это источник жизни и прибежище для ее членов, это институт с определенными законами и иерархией, который, хотя иногда для кого-то может обернуться тяжким бременем, но вместе с тем, как правило, обеспечивает всеобщее благополучие. На протяжении тысячелетий семья являлась самым прочным звеном общества и наиболее эффективным средством, с помощью которого сохранялась и передавалась культура данного народа»². Семья была, есть и останется в будущем главным институтом воспроизводства населения, обеспечивающим государственное строительство. Семья также была, есть и останется важнейшей составляющей в строительстве жизненного пути каждого конкретного человека, каждой конкретной социальной группы. «Фундаментальное значение семьи заключается в ее функции посредника, в посреднической роли, – писал в своё время американский социолог У. Гуд. – Она связывает отдельного человека с социальной структурой. Общество не сможет существовать, если его потребности, такие как производство и распределение благ, обеспечение детей и стариков, больных и беременных, социализация подрастающих поколений и др., не будут удовлетворяться. Только если индивиды будут мотивироваться к действиям, отвечающим нуждам общества, оно само сможет выжить»³.

Наряду с этим нельзя не осознавать и другое. Каждая конкретная семья – это своеобразная живая клеточка общественного организма. Социально-экономические болезни, которые переживает сообщество в целом, не могут не сказываться на жизнедеятельности семей, составляющих это сообщество. Прежде всего, следует подчеркнуть, что жизнедеятельность каждой конкретной семьи в системе «общество – семья» опосредуется рядом социально-экономических образований. Наиболее значимыми из них являются *общество – регион – город (поселение) – трудовая ассоциация (предприятие) – семья*⁴.

Кризисные явления, которые мы наблюдаем за последние несколько десятилетий в институте российской семьи (да и не только в российской), детерминируют повышенное внимание общества, государства к решению его проблем. Это обусловило, в частности, выделение в общей системе государственной (региональной) политики специального направления «семейная политика»⁵.

¹ Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

² Семья: прошлое и настоящее // Курьер Юнеско. 1989. – Сентябрь.

³ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 34.

⁴ Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. – № 25.

⁵ Павлов Б.С. Институт семьи и социальные риски в жизнедеятельности индивида // Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. – С. 930–944.

1. Северная фамилистика в НИР регионального академического института

Как мы уже подчеркнули, обозначенная выше проблема носит в большей своей части региональный характер. Именно в регионах государственная социальная политика в отношении семьи (что по большей части синонимично семейной политике) формируется, приобретает конкретный, адресный характер. Степень эффективности семейной политики во многом зависит от информированности субъектов этой политики о социально-экономическом состоянии и самочувствии различных групп семей, их социальной готовности и возможностях к самозащите, к самореабилитации, от их конкретных потребностей в тех или иных формах социальной помощи и поддержки со стороны властных структур и общественных образований¹.

У Льва Николаевича Толстого есть мысль о семье, несущая, как нам представляется, не только художественный образ, но и имеющая несомненное методологическое значение для социолога. Откроем первую страницу «Анны Карениной». Роман начинается так: «Все счастливые семьи похожи друг на друга. Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Здесь видятся, по крайней мере, два аспекта. Прежде всего, писатель подчеркивает родовое социологическое качество семьи как автономной ячейки общества, ее «скрытость» от постороннего взгляда и недоступность для нежелательного постороннего вмешательства по типу: «Мой дом – моя крепость». Благополучная, счастливая семья охраняет от окружающих свой внутрисемейный мир отношений, свой суверенитет, свою «технологию» поддержания мира и согласия в малой социальной группе. Отсюда – кажущаяся безликость, одинаковость благополучных семей².

В противовес ей неблагополучная, несчастливая семья, как правило, открыта обществу. Информация о ее жизни, проблемах, отношениях в той или иной форме «просачивается вовне», становится достоянием обсуждения между соседями, сослуживцами, служителями Фемиды и особенно в СМИ. Отклонения в семейном поведении, особенно экстраординарные «подробности» семейной «клубнички» – наиболее привлекательны для журналистов, писателей. Кстати, подобные общественные откровения, «раздевания догола», «перетряхивания чужого белья» находят большой спрос у читающего и лицезреющего голубой экран обывателя³.

Важен и другой методологический аспект: «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Здесь верно подмечается уникальность каждой семьи, неповторимость личностей супругов в отдельности и семейных пар, своеобразие ситуаций, условий жизни, семейных судеб в целом. И это правомерно. В каждой семье, в каждой первичной ячейке общества мы находим сплав черт, характеристик *единичного, особенного и общего*⁴.

В данной статье речь пойдет о семьях северян. Вполне понятно, что для социолога каждая конкретная семья северянина представляет единичный и неповторимый мир. Одновременно в каждой конкретной семье проявляются особые черты, присущие семьям, проживающим в условиях Крайнего Севера. И, наконец, нельзя забывать о том, что каждая семья, скажем, в том же Салехарде, Надыме, Нижневартовске, является носителем общих черт, характерных для российской семьи. Другими словами, нами будут затрагиваться проблемы семей, живущих, работающих, рожаящих и воспитывающих детей в неординарных, а подчас и экстраординарных природно-географических и социально-экономических условиях Российского Крайнего Севера. Если говорить более адресно, то речь идет о Тюменском Севере, о семьях северян, в паспортах которых стоят прописки городов и поселений Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов⁵.

Выше мы уже писали об особенностях жизнедеятельности этих семей, обусловленных факторами природно-климатического, производственно-технологического и территориально-поселенческого характера. Общий социально-экономический кризис в стране по-особому преломляется и воздействует на жизнь северян: их повседневность и проективные жизненные планы. Несомненно, оптимизация жизнедеятельности семей в этих условиях, корректировка их миграционных планов во многом зависят от характера и направленности семейной политики, которая является по преимуществу прерогативой городских властных структур – мэрий городов⁶.

Предваряя наши дальнейшие рассуждения, считаем необходимым уточнить некоторые понятия. Семью, для которой малой родиной стал (становится), например, город Надым, мы можем назвать, по крайней мере, так: «северная семья»; «семья северян»; «семья на Севере». В принципе особых противопоставлений, особой терминологической погрешности в применении таких определений нет. Вместе с тем нам представляется, что наиболее удачным, отвечающим сути рассматриваемого феномена, является понятие «семья северян». В отличие от того же понятия «северная

¹ Регионализация государственной социальной (семейной) политики: концептуальные подходы и практические решения / Л.П. Бердник, Т.П. Бессонова, Л.Н. Власова, О.А. Заякина, В.Ф. Иванова, Е.Н. Икингрин, В.Н. Козлов, Э.Г. Колунина, Н.А. Лоншакова, Е.В. Невоструева, Б.С. Павлов, И.В. Сапожникова, А.И. Татаркин; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т экон. – Екатеринбург, 2004. – 111 с. (Деп. в ИНИОН РАН 6.07.2004; № 58764).

² Павлова В.И., Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Степанова А.Ю. Семья и семейная жизнь в сознании и жизненных планах студентов уральских вузов // Динамика и инерционность воспроизводства поколений в России и СНГ: сб. статей VII Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург, 2016. – С. 209–306.

³ Павлов Б.С. Семейное неблагополучие – базовая детерминанта внесемейного общественного воспитания детей в России: на материалах социологических исследований. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009.

⁴ Павлов Б.С., Колотыгина М.А., Сиражетдинова А.А. Социальный институт семьи: проблемы воспроизводства человеческого потенциала на Урале // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2012. – № 2. – С. 22–32.

⁵ Артохов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). – Екатеринбург; Салехард: Институт экономики УрО РАН, 1999. – 208 с.

⁶ Павлов Б.С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. – № 2. – С. 109–122.

семья» понятие «семья северян» наиболее точно акцентирует внимание не на особенностях семьи «в северном варианте», а на особенностях условий бытия *института семьи* на Крайнем Севере, бытия северян. Иначе, по аналогии можно говорить о «сибирской семье», «южной семье», «казанской семье» и т.д.

Неудачным представляется и понятие «семья на Севере». Здесь подчёркивается своеобразная индифферентность к сопричастности института семьи (конкретной группы семей) к условиям того же Севера, по типу: «семья на вокзале», «семья на лужайке», «семья на концерте» и т.п. Кстати, та или иная причастность жителей северных городов и поселений к Крайнему Северу фиксируется в понятии «*коренной северянин*». Применительно к предмету нашего исследования отнесение той или иной семьи к разряду «коренных» или «некоренных» связано с существенными, определяющими характеристиками. Статус «коренной житель Севера» детерминирует наличие или получение ряда дополнительных льгот в оплате труда, решении жилищного вопроса, пенсионного обеспечения¹.

С общесоциологических позиций понятие «коренной» можно ассоциировать с процессом образования социально-биологических черт у семей, мигрировавших с «материка» и адаптировавшихся в социально-экономической и природной среде Крайнего Севера. Прежде всего, появление таких «корней», на наш взгляд, следует отождествлять с появлением в семье мигрантов детей, рожденных и живущих в новых, неординарных условиях. Вполне понятно, что при определении критериев, условий, границ и признаков для присвоения статуса «коренной северянин» мы неминуемо сталкиваемся с целым рядом трудностей юридического характера, пытаюсь втиснуть в прокрустово ложе законов, предписаний, правил и исключений необъятное число конкретных вариантов сценариев развития семейного коллектива при переезде и проживании на Севере².

Особо необходимо оговориться о семьях малочисленных народов Севера. Понятийное описание этой семьи гораздо богаче, чем описание семей мигрантов-россиян «с материка». Конкретная семья, скажем, ненца-оленевода из того же Надымского района может быть квалифицирована как принадлежащая: а) к семьям аборигенов Крайнего Севера; б) к семьям россиян; в) к семьям коренных северян; г) к семьям ненцев (ненецким семьям); д) и, наконец, к *семьям северян*. Последнее понятие мы и положили в основу наших исследований процессов в уральской северной фамилистике.

В период 1991–2005 гг. социологи Института экономики УрО РАН, в содружестве с коллегами из ряда вузов Урала, Читы, Москвы реализовали около 50 проектов, связанных с анализом жизнедеятельности института семьи в условиях Крайнего Севера³. В их числе проекты, результаты которых будут использованы в этой статье:

«*Надым-1992* – г. Надым, Надымский район; 1992–1993 гг., по представительной выборке опрошены 485 *старшеклассников*, 376 *родителей* опрошенных подростков, 116 *экспертов*; основной лейтмотив исследовательской программы: проблемы социализации подростков в условиях перехода к рыночной экономике.

«*Семья северян-1994*» – г. Надым, Надымский район; 1993-1994 гг.; опрошены 300 *учащихся 5–7-х классов*, 360 *родителей* и 110 *экспертов*; основной лейтмотив исследовательской программы: проблемы социализации детей и подростков среднего школьного возраста.

«*Подросток-Тагил-1994*» – в Нижнем Тагиле опрошены 580 учащихся девяти школ и трёх СПТУ; 320 подростков, состоящих на учёте в ОПШПН; 123 эксперта.

«*Подросток-Девиянт-1996*» – в г. Надыме, Надымском районе опрошены 91 подросток-правонарушитель, 465 подростка-школьников, 105 экспертов; основной лейтмотив исследовательской программы – выявление основных причин, условий расширения феномена девиантного (противоправного) поведения подростков, поиск путей, средств повышения эффективности процесса социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей в условиях городов и поселков Крайнего Севера.

«*Надым-97 – педагоги*» – в г. Надым, Надымском районе в 1997 г. опрошены 316 педагогических работников и 46 экспертов; основной лейтмотив исследовательской программы: проблемы профессионально-педагогической и социально-бытовой деятельности городских учителей на Крайнем Севере.

«*Семья-Школа-1998*» – в г. Надым, Надымском районе в феврале-апреле 1998 г. по представительной выборке опрошены 770 *старшеклассников*, 690 *родителей* опрошенных подростков, 240 *учителей*, педагогов школ; основной лейтмотив исследовательской программы: проблемы сотрудничества школ и семей учащихся в процессе социализации и жизненного самоопределения учащихся старших классов в условиях перехода к рыночной экономике.

«*Семья РФ-1999*» – в апреле-июне 1999 г. по одной стандартизированной анкете был проведен опрос 1360 отцов и матерей, в семьях которых воспитывается подросток в возрасте 15–17 лет. Опрос проводился в шести регионах РФ, в том числе в Надыме – 155 чел., в Нижневартовске – 258 чел.

«*Молодой горожанин -2002*» – в г. Надым, Надымском районе в апреле-мае 2002 г. опрошены 1023 молодых надымчанина в возрасте 18–29 лет, в том числе учеников 6–8-х классов – 384 респондента, старшеклассников (9–11 классы) – 311, молодых горожан в возрасте 16–29 лет – 328 респондентов.

¹ Павлов Б.С., Стожаров А.В., Татаркин А.И. (рук-ли), Бердник Л.П., Иванова В.Ф., Ишутина Т.А. и др. Семья в северном городе: перспективы развития (на материалах социологического исследования в г. Надыме). – Екатеринбург; Надым: Ин-т экономики УрО РАН; Мэрия г. Надыма и Надымского района, 1994. – 118 с.

² Павлов Б.С. Становление социологических исследований на Ямале // СОЦИС. – М., 2011. – № 8. – С. 57–61.

³ Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.) / Российское общество социологов; Институт экономики УрО РАН; Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – 825 с.

2. Социально-экономическая база процесса воспроизводства человеческого потенциала в семьях северян

В свое время У. Черчилль достаточно образно и едко охарактеризовал сущность модели «распределительного» социализма, от которой мы пытались уйти при переходе на рыночные отношения: «капитализм – это неравенство в распределении богатства, социализм – равенство в распределении нищеты»¹. Человеческая история свидетельствует: все в мире взаимосвязано. Подобная истина, будучи в принципе неопровержимой, в реальной действительности порой игнорируется. Достижение каких-либо ближайших целей в жизни общества порою ставится во главу угла основной, коренной политики правящей элиты. Так называемые «побочные эффекты» нередко переводятся в ранг «второстепенных», «ждущих», «последующих». Наглядный пример несостоятельности подобной политики являют собой демографические процессы, идущие в российском обществе².

Вернёмся на Север в «лихие 90-е». Этот десятилетний этап являлся своеобразным новым «испытательным полигоном» для развития семейно-брачных отношений в РФ. Дадим слово специалистам-демографам тех лет: «Похоже, так называемый рынок еще только возникает, а вполне реальная «собачья рыночная жизнь» уже становится явью. Экономическая катастрофа еще не разверзлась, а демографическая уже налицо! По крайней мере, в Российском Нечерноземье. Третью за столетие демографическую катастрофу русский народ может просто не выдержать, «сломаться» как нация. Поймите это, граждане-реформаторы, желающие – на словах – будто бы лучшего, а на деле толкающие Россию в пропасть. Как говорит один наш знакомый: «несчастливая страна – то недород, то реформа»³.

В свое время Герберт Уэллс подметил: «История человечества все больше напоминает соревнование между образованием и катастрофой»⁴. Это изречение вполне может быть применено к ситуации, сложившейся в России к концу XX века. Достижения цивилизации, изобретения научно-технического прогресса без «сопровождения» их программой социальной ориентации (в том числе ориентации на прогрессивное развитие семейно-брачных отношений) привели наше общество по многим позициям на «финишную прямую» к катастрофам (экология, здоровье молодого поколения, алкоголизация, нравственно-этическое нездоровье и др.).

По довольно-таки мрачным прогнозам специалистов Комитета по делам семьи и демографической политики при Совмине РСФСР, выполненным ими в конце 1990 г., из 48 миллионов российских семей 42 миллиона должны были неминуемо стать жертвами перехода к рыночной экономике⁵. Практика последующих восьми лет показала, что специалисты этого Комитета были недалеки от истины.

Следует подчеркнуть, что само появление массовых социально незащищенных групп населения – следствие не только просчетов и прорех в экономике страны. Не менее важен и другой фактор, носящий во многом нравственный характер. «Не убоюсь получить ярлык ретрограда – их сейчас ничтоже сумняшеся раздают направо и налево, – отмечал еще на самом старте рыночных реформ Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, – и скажу: богопротивное дело творится ныне на Руси алчными до наживы людьми. Из драмы вскормившего их Отечества они норовят извлечь личную выгоду. Но безмерная эта алчба обернется против них же, ибо «кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову»⁶.

Одной из специфических причин развития кризисных явлений в российских семейно-брачных отношениях, как считали А.И. Антонов и В.М. Медков, являлось то, что «в нашей стране на протяжении весьма длительного периода фамилистика и демография могли развиваться лишь в рамках идеологии марксизма-ленинизма. Фактически существовала такая ситуация, когда во всех дисциплинах, так или иначе изучающих семью и демографические процессы, господствовал вульгарно-социологический подход, в рамках которого не было места не только для противоречия и антагонизма, но даже для каких-либо расхождений в интересах личности и общества»⁷. Отсюда вполне закономерно трансформация жизненных ценностей россиян. По данным ВЦИОМ, например, их ценностные ориентации за десятилетие 90-х существенно изменились.

Но только ли сценарий развития российской государственности в XX веке «виноват» в дестабилизационных процессах, проявляющихся в семейно-брачных отношениях? Как справедливо отмечали А.И. Антонов и В.М. Медков в своей монографии «Социология семьи», причины неблагоприятных тенденций семьи коренятся не в отдельных, подчас, может быть, значимых и важных материальных и других условиях жизни, а в том, что изменился (и при том радикально) сам образ жизни людей в современных обществах индустриального типа. Изменился образ жизни в наиболее существенных чертах современной цивилизации независимо от конкретно-исторических форм ее существования. Не случайно, подчеркивают авторы монографии, что те самые негативные явления и тенденции, которые характерны для российской семьи 90-х годов, наблюдаются и в странах с наиболее благоприятной экономической и социально-политической ситуацией – в США, в странах Западной и Северной Европы и т.д.

Как считали А.И. Антонов и В.М. Медков, специфика исторического пути России, ее «особость» состоит на самом деле лишь в том, «что продвигаясь по общему для всех пути, она оказалась полем гигантского эксперимента по

¹ Цит. по: Щербаков В.И. Свободу – сильным, гарантии – слабым // Правда. – М., 1990. – 28 августа.

² Талалаева Г.В., Павлов Б.С. Демографические аспекты самосохранительного поведения молодежи. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2008.

³ Хорев В., Хорева О. Отложенные намерения // Сов. Россия. – М., 1990. – 26 декабря.

⁴ Цит. по: Липский В. «...И выращу его в своего брата» // Комс. правда. – М., 1991. 5 января.

⁵ Козырева Ю. Женюсь, женюсь! // Комс. Правда. – М., 1991. 22 января.

⁶ Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. – <http://www.patriarchia.ru/db/text/54129.html>

⁷ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. 1996. – С. 241.

насильственной и ускоренной реализации социалистической идеи. Причем эта идея была истолкована к тому же в тоталитарном, казарменном, а потому целиком этатистском духе. Это определило и остроту общих для всей индустриальной цивилизации социальных проблем, в том числе и проблем семьи и воспроизводства населения, а также то, как и с какой эффективностью эти проблемы у нас пытались «решать». И как их пытаются решать до сих пор.

Важно усвоить и понять, – продолжают они, – что кризис семьи не является чем-то возникшим только в самые последние годы. Кризисные тенденции – не случайность, не отклонение с якобы «правильного» пути. Суть их – в резком обострении и обнажении фундаментальных процессов, на которые наше общество закрывало глаза, которые не признавались ни официальной пропагандой, ни общественным мнением (за редким исключением). Соответственно, когда социально-экономический спад закончится, когда произойдет «оздоровление» экономики, социальной и политической жизни, то результатом этого будет не «исправление» и не «излечение» семьи и семейной жизни, как многие думают, а лишь возврат (если он вообще возможен) к, так сказать, «нормальному» течению ценностного кризиса семьи»¹.

* * *

Наособицу стояли проблемы, обусловленные потребностью семей в приобретении более дорогой недвижимости, предметов обихода, например, автомобиля. Согласимся, что автомобиль в 90-е годы на Севере не являлся наипервейшей потребностью, без удовлетворения которой могла быть деформирована нормальная жизнедеятельность семей, выполнение ими основных социальных функций. Мы склонны рассматривать фактор неудовлетворенности в приобретении персонального семейного авто как признак повышения благосостояния части семей, признак зарождения в российском, а в нашем конкретном случае – на Уральском Севере т.н. «среднего класса».

Таблица 1

Социальное расслоение россиян

Категория населения	Доля населения, %	Уровень денежных доходов на душу населения, в долл.*
Богатые	3–5	свыше 2000 \$
Состоятельные	15	1000–2000 \$
«Середина» (аналог среднего класса)	20	100–1000 \$
Малообеспеченные	20	50–100 \$
«Социальное дно»	10–20	нет данных

* Курс доллара в России в этот период был равен примерно: 1\$ = 6 рублей (деноминированных).

В каких городах жил средний класс в конце XX в. (выборка по ряду крупных городов России); тыс. чел.:

Москва 3200 Санкт-Петербург 560 Тюмень 260 Екатеринбург 130 Красноярск 120	Самара 115 Новосибирск 110 Нижний Новгород 90 Омск 90 Ростов – на Дону 70
--	---

Если попытаться сравнить относительное число представителей среднего класса в общем населении различных городов, то мы могли зафиксировать весьма существенные различия. В Москве, например, каждый третий мог быть причислен в тот период к среднему классу, такое же примерно соотношение в Тюмени. В Екатеринбурге «средняки» встречаются гораздо реже – в каждой среднестатистической сотне жителей лишь 10–11 человек.

И еще один аспект, связанный с оценкой социального расслоения россиян. Вот некоторые показатели потребительской деятельности представителей полярных групп населения – «бедных» и «богатых»². В табл. 2 представлены индикаторы уровня жизни семей: в числителе – «бедные» семьи, в знаменателе – «богатые», отражающие социальное расслоение семей.

Таблица 2

Индикаторы уровня жизни семей:	Бедные/Богатые
Расходы в месяц на продукты питания, %	60,5 / 35,4
Доля семей со среднедушевым размером жилой площади более 15 кв. м в 1996 г.; %	15,4 / 47,5

Потребление продуктов питания в месяц:

Молочные продукты; кг	13,8 / 23,4
Мясо и мясопродукты; кг	2,9 / 5,8
Яйца; шт.	9 / 15
Рыба и рыбопродукты; кг	0,5 / 4,7
Фрукты, ягоды; кг	2 / 4,7

¹ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. 1996. – С. 238–239.

² Известия. – М., 1998. – 17 января.

Нетрудно представить и соответствующие различия меню в этих двух группах семей. Основным ключом к решению проблем подъема жизненного уровня россиян, решению вопросов социальной защиты наиболее уязвимых слоев и групп населения являлось повышение эффективности производства, эффективности экономики, которая зависит главным образом от преодоления спада производства, реализации (по возможности) социальных функций предприятий и организаций.

Данные наших опросов позволяют утверждать следующее.

Во-первых, по самооценкам надымских учащихся (опрос «*Семья северян-1994*»), уровень материального благосостояния городских семей на момент опроса можно было считать удовлетворительным: более половины из этих семей имели средний достаток, а каждая третья семья – полное материальное благополучие. Лишь каждый двадцатый молодой респондент считал свою семью бедной.

Во-вторых, самооценки уровня материального достатка семьи зависели от возраста учащихся: чем они старше, тем критичнее были в своих оценках. Если среди учащихся 7–8-х классов о полном достатке в своих семьях заявили 40% респондентов, то среди выпускников школы – лишь 15%. Большое число одиннадцатиклассников отнесли собственные семьи к разряду живущих в среднем достатке (соответственно, 53 и 73%), а также к живущим на грани бедности (0,8 и 11%). Такая же зависимость четко прослеживается и в ответах учащихся СПТУ.

В-третьих, уровень материального достатка надымских семей (в оценках подростков) коррелирует с уровнем сплоченности семей: только 3% подростков из «дружных» и 6% из «не очень дружных» семей отнесли свои семьи к бедным, а среди подростков из «совсем недружных» семей такую оценку дал каждый четвертый подросток.

В-четвертых, картина семейного благосостояния в корне меняется в оценках подростков-правонарушителей: в этой группе половина опрошенных считает, что их семьи живут на грани бедности и лишь 6% указали на полный материальный достаток.

И, наконец, *в-пятых*, зависимость оценок благосостояния семьи «трудных» подростков от уровня сплоченности семьи проявляется таким же образом, как и в группе учащихся «благополучных» подростков, а именно: чем разобщеннее семья, тем она беднее.

Сравнительный анализ жилищно-бытовых условий выделенных нами трех «поведенческих» групп подростков показывает, что корреляционная зависимость этих двух факторов есть. В частности, чем «труднее» подросток, тем ниже положительная статистика, то есть ниже уровень жизни¹.

Пытаясь найти взаимосвязь противоправного поведения подростков с их материально-бытовым обеспечением, нельзя абсолютизировать значение последнего. «Материальные условия жизни сами по себе могут обеспечить лишь «растительное существование» непосредственного производителя, исключаяющее практически интеллектуальное развитие человека», – читаем мы у классиков прошлого². В формировании личности подростка, в детерминации его поведенческой деятельности материально-бытовой фактор опосредуется, детерминируется воздействием целого ряда других факторов, в том числе тех, которые мы относим к сфере воспитательной деятельности.

* * *

Общеизвестно, что материальный достаток, которым располагает семья, как правило, в первую очередь идет на удовлетворение потребностей детей. Можно говорить и о такой особенности северян 90-х годов, как разрушение барьера обособленности северного сообщества. Средства массовой информации (включая Интернет), снятие определенных табу с режима посещения северных городов способствовали и способствуют интеграции северян в российское и европейское сообщество. Как известно, такому единению сопутствуют как положительные, так и отрицательные явления. Попытаемся выделить и систематизировать особенности процесса воспроизводства и социализации молодого поколения в условиях Крайнего Севера

Суровый климат:
– охрана здоровья матери в перинатальный период
– ослабленность здоровья новорожденных
– необходимость утепленной одежды и обуви
– поляризация «светлого» и «тёмного» времён года
– необходимость летних оздоровительных мер
– важность валеологического воспитания
Особенности производства:
– вахтовый характер работы отцов
– сложности с трудоустройством матерей
– давление на семью фактора сокращения рабочих мест
– сравнительно большие «северные» заработки
– приобщение к традиционным промыслам коренных народностей
– резкое разделение занятого населения на две группы: «газовики» и «негазовики»

¹ Семейная политика как проявление социальной рыночной экономики / Авт. кол.: Артюхов А.В., Бердник Л.П., Власова Л.Н., Заякина О.А., Иванова В.Ф., Икингрин Е.Н., Козлов В.Н., Колунина Э.Г., Невоструева Е.В., Нифантова Р.В., Павлов Б.С., Сапожникова И.В., Татаркин А.И.; РАН. Уральское отд-ние. Ин-т экономики. – Екатеринбург, 2003. – 148 с. (Деп. в ИНИОН РАН 28.02.2003 № 57816).

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. – Т. 2. – С. 244.

Социальная инфраструктура:
– ограниченность в экстенсивном развитии стационарных учреждений культуры, спорта
– сравнительно широкие материально-финансовые возможности учреждений, быта, культуры, спорта
– вынесение части социальных функций города «на материк»
– перенесение центра тяжести культурно-просветительной деятельности северян в их квартиры (жилища)
– отсутствие (убогость) социальной инфраструктуры в местах поселения малых народов Севера
Состав населения и удаленность от «материка»¹:
– повышенная миграционная подвижность населения
– удаленность (для многих северян) от малой родины «на материке»
– повышенная (по сравнению с «материком») доля северян в молодом и среднем возрастах
– наличие значительной части населения, не имеющей возможности уехать с Севера на «материк». Заложники рыночных реформ на Севере
– особый менталитет северянина
Социализационный потенциал города²:
– недостаток в обеспеченности детей северян школьными местами; «гигантизм школ», работа в 2–3 смены
– высокий профессионально-педагогический уровень корпуса учителей, их высокий инновационный потенциал
– значительная экспансия образовательных услуг в города и поселения Тюменского Севера из «материковых» городов (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Тюмень, Екатеринбург и др.)
– ограниченность детей северян в выборе учебного заведения для получения профессии, выборе самой профессии, выборе реального места приложения труда
Социально-педагогический потенциал родительской семьи³:
– отсутствие в большинстве семей поколения бабушек и дедушек
– повышенная материально-экономическая обеспеченность детей и подростков в северных поселениях
– ограниченность условий в проведении свободного времени (недостаток учреждений культуры, суровый климат, «загоняющий» досуг подростков в подъезды
– падение престижа феномена «северное братство»

* * *

Можно утверждать, что в каждой семье складываются неповторимые условия для рождения и воспитания потомства. Мы имеем в виду как количественные, так и качественные аспекты этого социально-биологического процесса. Нужно осознавать, что он обусловлен материально-валеологическими и педагогическими ситуациями, связанными как с уникальностью каждой семейной общности, так и с уникальностью социально-психологических черт и качеств детей, детских семейных коллективов. Это обстоятельство настоятельно требует постановки и реализации соответствующей тактики и стратегии в учебно-педагогической деятельности школы, семьи, городской общественности. «Что, на Ваш взгляд, мешает семейному воспитанию детей в настоящее время? (Укажите 3–4 самые главные причины)» – на этот вопрос в исследовании «*Семья-Школа-1998*» были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных родителей – 690 чел.):

– материальные (финансовые) затруднения в семьях	– 52
– отсутствие свободного от работы времени у родителей	– 41
– падение нравственных устоев в обществе	– 37
– отсутствие в городе необходимых условий для организации свободного времени ребенка	– 34
– плохие взаимоотношения между родителями	– 25
– недостаток навыков, должной культуры у родителей	– 22
– неблагоприятная обстановка в стране в целом	– 16
– неудовлетворительные жилищные условия	– 15
– обострение криминогенной обстановки в обществе	– 14
– плохое влияние улицы	– 13
– неполная семья (воспитывает ребенка одна (один))	– 3
– полный достаток в доме	– 3
– слабое требование школы	– 2,7
– мешает что-то другое	– 1,8

¹ Павлов Б.С., Стожаров А. В., Тарабрина Л.С. Молодежь Крайнего Севера на переломе российских реформ (опыт социологического мониторинга в северном регионе. 1992-2005 гг.). – Екатеринбург; Надым: Ин-т экон. УрО РАН, 2005. – 556 с.

² Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Социальное окружение как фактор социализации школьной молодежи (на примере городов и поселений Ямало-Ненецкого автономного округа). – Екатеринбург; Салехард: Ин-т экон. УрО РАН, 2000. – 174 с.

³ Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Молодежь на Крайнем Севере: проблемы социализации и жизненного самоопределения (на примере городов и поселений Ямало-Ненецкого автономного округа). – Екатеринбург; Салехард: Ин-т экон. УрО РАН, 2000. – 437 с.

3. О чадолубии родительских семей на Уральском Севере

Семья – это та сказочная пена морская, из которой рождается красота, и если нет таинственных сил, рождающих эту человеческую красоту, функция школы всегда будет сводиться к перевоспитанию.
В.А. Сухомлинский (1918–1970)

Согласно традиции, основанной О. Контом, семья как основная единица (клеточка) общества и его наиболее устойчивый институт подвергалась изучению, прежде всего, с точки зрения ее социализационной функции. Социологи изначально видели в ней ту основу, на которой формируются политические структуры, складываются и развиваются любые исторические общности (род, племя, народ). Этим утверждалось то важное положение, что семья как сфера и инструмент социализации индивидов служит хранительницей культурных традиций общества, что она есть та форма жизнедеятельности, в которой вырабатываются механизмы согласования взглядов индивидов, принадлежащих к разным поколениям. И, что особенно важно здесь подчеркнуть, поскольку это служит выражением одного из существенных признаков семьи как социального института, она есть та естественная среда, где постоянно встречаются старое и новое, и происходит соединение традиции и новаторства.

Семья, родители, родственники являются важнейшими (а во многих случаях практически безальтернативными) факторами социализации молодых людей на всех этапах их онтогенетического развития. В период раннего детства родители (в первую очередь, мать), родственники, осуществляющие уход за ребенком и его воспитание, являются, по существу, главными агентами социализации. При огромных потенциальных возможностях общества по организации общественного воспитания детей система учреждений по уходу за детьми ясельного возраста (до 3-х лет) уже в так называемый период застоя получила далеко не всеобщее развитие и имеет тенденцию на определенное свертывание, другими словами, тенденцию на перенос центра тяжести по уходу и воспитанию малолетних граждан в семью. Подтверждение тому – резкое снижение сети детских дошкольных учреждений и учреждений общественного воспитания и призерия школьников, в первую очередь младшего и среднего школьного возраста. Значительное влияние оказывают семья и другие неинституционализированные объединения (компании друзей, соседи, любительские объединения и т.п.), составляющие среду ближайшего окружения молодых людей и на последующих этапах их взросления. Показательным является хотя бы факт доминирования влияния семьи, родителей, друзей на формирование ценностно-ориентационного блока личности подростка, в частности на формирование жизненных планов и их реализацию на этапе профессионального обучения¹.

Общеизвестно, что каждая новая социально-экономическая трансформация в обществе неизбежно приводит к переменам во взаимосвязи социальных институтов, к деформации нравственно-этических норм, ломке сложившихся ценностных ориентаций, стереотипов поведения, оценок, ожиданий и т.п. Чем сложнее и ответственнее выполняемые социальным институтом общественные функции, тем болезненнее отражаются на нем последствия глобальных трансформаций. Симптоматично, что в числе приоритетных задач демографического развития населения Российской Федерации в «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года (одобрена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2001 г.)» названо всестороннее укрепление института семьи как формы гармоничной жизнедеятельности личности. Сегодня особого внимания требуют новые подходы к гигиеническому и нравственному воспитанию молодежи, особенно подростков, к подготовке их к семейной жизни, формированию системы общественных и личностных ценностей, ориентированных на семью с двумя детьми и более².

Кардинальные изменения в условиях жизни подавляющего большинства россиян в 90-е годы, деформация устоявшегося за многие десятилетия механизма преемственности и в целом процесса социализации молодых поколений, вхождения их в общественное производство, изменения в иерархии социальных ценностей и норм поведения привели к актуализации проблем устойчивого и безопасного развития государства. Более того, острой социальной проблемой становится обеспечение стабильности и безопасности формирования генотипа личности, вбирающей в себя приемлемые для современного этапа развития цивилизованного человеческого сообщества черты работника, гражданина, семьянина.

Можно утверждать, что характер течения всех социально-демографических процессов в обществе в большинстве своем обусловлен прямо или опосредованно состоянием семейно-брачных отношений, уровнем стабильности семьи как социального института, степенью совпадения интересов семьи, направленности ее деятельности в доминирующем векторе общественного развития. Незабывательны поэтому обращения демографов к семье как социальному фактору воспроизводства населения³.

Как свидетельствует государственная статистика, за 1992–2000 гг. численность населения сократилась в 65 из 89 субъектов Российской Федерации. Естественный прирост населения в 2000 году был отмечен лишь в 15 субъектах

¹ Артюхов А.В., Ванина О.Н., Иванова В.Ф., Икингрин Е.Н., Ишутина Т.А., Колунина Э.Г., Лоншакова Н.А., Заякина О.А., Павлов Б.С., Сапожникова И.В., Стожаров А.В., Татаркин А.И., Чеботарёв А.В., Юрпалов С.Ю. и др. Проблемы жизненного самоопределения подростков (на примере городов Тюменского Севера) / РАН, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург, 2000. – 307 с. (Деп. в ИНИОН РАН 14. 03.2000 г. № 55455).

² Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года (одобрена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2001 г. № 1270-р.) // Рос. газета. – М., 2001. – 16 октября.

³ Проблемы развития человеческого потенциала в регионе (на примере Урала) / Анисимов С.А., Бердник Л.П., Бессонова Т.П. и др.; под ред. Б.С. Павлова; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т экономики. – Екатеринбург, 2008. – 216 с. (Деп. в ИНИОН РАН, № 60617 27.08.2008).

Российской Федерации, в число которых входят некоторые субъекты РФ, расположенные в восточной части страны и Северном Кавказе, а также Республика Калмыкия. В 1999 году превышение числа умерших над числом родившихся составило в целом по стране 930 тыс. человек, в 2000 году – 958 тыс. человек. Депопуляция – устойчивое превышение числа умерших над числом родившихся – затронула в разной степени практически всю территорию Российской Федерации и почти все этнические группы¹:

А как обстояли дела на Уральском Крайнем Севере? Обратимся к данным статистики движения населения за период 1990–2003 гг. в шести субъектах России, входящих в УрФО. В те годы суммарная численность населения округа уменьшилась на 193,9 тыс. чел., или на 1,5% (см. табл. 3).

Таблица 3

Естественное движение населения в Уральском федеральном округе (1990–2003)

Субъект РФ	1990 г.	2001 г.	2002 г.*	2003 г.
Ямало-Ненецкий АО	503,7	505,4	507,0	513,4
Ханты-Мансийский АО	1315,2	1401,9	1432,8	1444,2
Курганская обл.	1107,2	1087,1	1019,5	1062,1
Свердловская обл.	4773,8	4572,8	4486,2	4511,2
Тюменская обл.	1332,6	1346,4	1325,1	1333,8
Челябинская обл.	3630,8	3651,0	3603,3	3604,7
ИТОГО:	12 663,3	12 564,6	12 373,9	12 469,4

* По итогам Всероссийской переписи 2002 г.

«Главный смысл и цель семейной жизни, – отмечал В.А. Сухомлинский, – воспитание детей. Главная школа воспитания детей – это взаимоотношения мужа и жены, отца и матери»². Основополагающая функция семьи как первичной социальной ячейки общества – воспроизводство и социализация потомства. Насколько адекватно отражают этот важный социальный заказ общества российские семьи?

В нашем исследовании «*Семья северян-1994*» была предпринята попытка проанализировать желаемое и реальное демографическое поведение семей северян. В результате опросов мы констатировали, что наиболее распространенными в Надыме в начале 90-х годов являлись семьи с одним (31%) и двумя (54%) детьми. Каждая седьмая-восьмая семья имела трех и более детей. По «планам» некоторой части опрошенных надымчан, репродуктивная деятельность в их семьях пока была «не завершена». Сравним два показателя: в тот период в каждых десяти среднестатистических семьях респондентов имелось 19 детей (жили вместе с родителями 17). Планка же проективной репродуктивной деятельности – 21 ребенок.

С позиций демографии эта «планка» соответствовала лишь простому воспроизводству населения (20–22 ребенка в десяти семьях). Проективные же настроения: «хотели бы иметь детей, если бы для этого были все условия» поднимали эту планку до общественно необходимого уровня расширенного детовоспроизводства (26–30 детей в расчете на 10 семей). Если подвести краткое резюме, то в части воспроизводства потомства семьи надымчан в тот период «не отставали» и «не опережали» среднестатистические семьи россиян, но при этом готовы воспитывать больше сыновей и дочерей при создании для них соответствующих условий жизни. И еще небезыңтересные данные: согласно опросу, у 47% надымчан все дети родились в г. Надыме, в 22% семей у братьев или сестер разная родина: старшие родились на «материке», а младшие – в Надыме, и лишь в 28% семей все дети родились на «материке».

В опросе «*Семья РФ-1999*» 1360 родителям в зрелых семьях задавался вопрос: «*Много ли детей нужно семье северян?*». Судя по ответам, подавляющее большинство родителей-россиян образ «нормальной семьи» ассоциируют с наличием в ней двух-трех детей (91%). При этом позиции северян практически не отличаются по степени чадолюбия от позиции родителей в семьях «с материка». Лишь четверо из каждой сотни родителей (4%) считают, что семье можно «обойтись» и одним ребенком. Таким родителям нелишне напомнить мысль А.С. Макаренко: «Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть переносятся такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия».

Выше мы приводили мнение по поводу необходимого числа детей, высказанное семейными родителями среднего возраста (35–50 лет). Вместе с тем не составляет секрета тот факт, что уровень рождаемости зависит в первую очередь от демографического поведения и matrimониальных устремлений молодых людей, вернее, молодых супружеских пар. В связи с этим обратимся к результатам одного из опросов, в котором участвовали 320 молодых надымчан, состоящих в официальном браке или живущих вместе без регистрации брака – опроса «*Молодой горожанин – 2002*». Большинство наших собеседников (79%) успели обзавестись детьми. Половина (56%) надымских молодых семей имели одного ребенка, каждая пятая семья – двух и совсем невелик процент (3%) многодетных молодых семей, имеющих трех детей и более. Молодым людям сегодня сложно принимать решение о возможном появлении в семье очередного ребенка, но хотелось бы иметь существенно большее количество детей. А сколько хотели бы иметь детей в своих семьях молодые надымчане? Вот их пожелания на этот счет (% от общего числа респондентов – 320 чел.):

¹ Проблемы развития человеческого потенциала в регионе (на примере Урала) / Анисимов С.А., Бердник Л.П., Бессонова Т.П. и др.; под ред. Б.С. Павлова; РАН. Урал. отд.-ние. Ин-т экономики. – Екатеринбург, 2008. – 216 с. (Деп. в ИНИОН РАН, № 60617 27.08.2008).

² Сухомлинский В.А. О воспитании. – М.: Политиздат, 1973. – С. 344.

	затруднились ответить	- 5	
	одного	- 11	
	двух	- 66	
	трех	- 15	
	четырёх и бо- лее	- 3	

Нельзя не согласиться с нашими коллегами, что решение проблемы сохранения репродуктивной потребности лежит не только в изменении экономической ситуации, а прежде всего в сфере ценностных ориентаций. Сегодня стремление к росту уровня жизни, потребительскому обогащению, повышению социального статуса зачастую исключают из представления о благополучии подлинные ценности человеческого бытия – семью с детьми. Только специальное воздействие способно возродить потребность молодой семьи в нескольких детях, поэтому на повестке дня – просемейная политика государства, что во многом синонимично молодежной политике в отношении молодой семьи, преобразования экономики в интересах семьи с детьми.

Особый аспект семейного воспитания – подготовка детей к будущей семейной жизни, к сфере взрослых половых отношений. Нужны ли молодым россиянам «уроки любви» в преддверии свадьбы? Один из вопросов в анкете «*Семья РФ-1999*» был сформулирован следующим образом: «*Как Вы относитесь к тому, что многие молодые люди вступают сегодня в свой первый брак, имея опыт сексуальной жизни?*». Респондентам предлагалось оценить эту ситуацию отдельно в отношении мужчин и отдельно – женщин.

Таблица 4

Мнение родителей о целесообразности введения «уроков любви» для своих взрослеющих детей-подростков (% от общего числа респондентов по каждой группе; в числителе мнение относительно юношей, в знаменателе – девушек)

Добрачный сексуальный опыт:	В целом	В т.ч. по регионам:			
		Надым	Нижневартовск	Челябинск	Самара
Он просто необходим до брака	32 / 14	25 / 11	46 / 23	37 / 18	19 / 9
В нём нет особой необходимости, но нет и ничего плохого	49 / 52	56 / 57	39 / 44	44 / 47	64 / 58
Этого нельзя допускать	4 / 14	4 / 13	3 / 13	3 / 8	4 / 16
Трудно сказать	13 / 18	10 / 15	12 / 20	14 / 23	9 / 12

Подавляющая часть отцов и матерей (около 70–80%) не видит ничего предосудительного в том, что их сыновья и дочери получают «первые уроки любви» до вступления в официальные брачные отношения. Лишь 4% родителей юношей и 14% родителей девушек считают добрачные половые отношения половой распущенностью, которую допускать нельзя «ни коем разе». Как показывает практика, подобные запретительные позиции этой части родителей, как правило, остаются благими пожеланиями на фоне самостоятельных решений и поступков их сыновей и дочерей. Семейно-брачная мораль северян в этом плане практически идентична морали родителей-россиян «с материка».

Приведем некоторые данные опроса молодежи Нижневартовска, проведенного в 1999 г. социологом-методистом ИМЦУО И.И. Поликарповой. Анонимно опрошено 1200 человек в возрасте 16–18 лет, в основном – учащихся старших классов общеобразовательных школ. Из них 777 девушек и 423 юноши. Из числа опрошенных 77% молодежи – русские по национальности и 23% молодежи – иной национальности. «*Имеете ли Вы сексуальный опыт?*» – на этот вопрос 66% молодых респондентов ответили положительно, до 15 лет сексуальный опыт получили 16%, в возрасте 16–17–18 лет – 35% молодежи. Первый сексуальный партнер, как показал опрос, был старше в 35% среди всех опрошенных юношей и в 51% опрошенных девушек; первый сексуальный партнер был моложе среди юношей в 6,5% случаев, у девушек в 2% случаев. Первый сексуальный партнер был ровесницей в 19% у юношей и ровесником у 6% девушек. Первые половые контакты были по взаимному желанию у 45% юношей и 47% девушек¹.

¹ Абдрахманов М.Ш., Артюхов А.В., Зиньковский А.В., Павлов Б.С., Рябцева Т.Е., Стожаров А.В. Семья в Надыме: непростое десятилетие реформ (на примере муниципального образования г. Надым и Надымский район). – Екатеринбург; Надым: Ин-т экономики УрО РАН, 2004. – 160 с.

В «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года (одобрена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2001 г.)» отмечается, что по сравнению с 1990 годом количество зарегистрированных браков в 2000 году снизилось почти на треть. Молодые пары все чаще отказываются от официальной регистрации брака, распространенность юридически неоформленных браков привела к тому, что в 2000 году каждый четвертый ребенок родился вне брака¹.

Насколько приемлют северяне-родители гражданский брак у своих детей? В исследовании «*Семья РФ-1999*» ответы родителей на вопрос: «*Как бы Вы отнеслись к гражданскому браку своих детей (брак без оформления в ЗАГСе)?*» представлены в табл. 5.

Таблица 5

Отношение родителей из шести городов РФ в 1999 г. к заключению гражданских браков своими взрослеющими детьми (% от общего числа опрошенных по каждому городу)

Регион	Не осуждаю	Допускаю по обстоятельствам	Осуждаю категорически
В целом	20	59	20
в том числе:			
Надым	15	60	23
Нижневартовск	27	56	17
Екатеринбург	21	69	18
Челябинск	10	68	20
Аша	13	55	29
Самара	21	58	19
Чита	23	58	16

И в ответах на этот вопрос мы зафиксировали существенные (если не сказать, кардинальные) подвижки общественного сознания россиян в сфере традиционной морали семейно-брачных отношений. Лишь каждый пятый опрошенный родитель категорически против добрачных половых отношений, тем более без оформления брачного союза. Подавляющая же часть родителей более рационально смотрит на эту сторону жизнедеятельности своих взрослеющих детей, большинство из них даже при остром желании не могут внести свои благонравные коррективы в предбрачное поведение своих детей и предпочитают «не плыть против течения».

Взять бы хотя бы следующий аспект взаимоотношений «отцов и детей». Как показывают опросы родителей-северян, матери и особенно отцы мало осведомлены в вопросах сексуально-психологического просвещения и тем более – поведения своих юных детей. На вопрос анкеты «*Семья-1998*»: «*Разговариваете ли вы со своими детьми об их будущей семейной жизни, материнстве, об отношениях между мужчинами и женщинами?*» родители дали следующие ответы (% от числа опрошенных по группам):

	отцы	матери
пока таких разговоров не было	37	25
беседы были	57	71
не ответили на вопрос	6	4

Почти в каждой третьей семье с подростком даже не говорили на такую важную для него тему. И это в том возрасте, когда у юношей и девушек появляется стремление к половым контактам! Не случайно немало подростков увлекается эротическими и порнографическими фильмами, при этом одна из учениц 9 класса пояснила: «нигде не узнаешь того, что в фильмах, если только – от подруги».

4. Воспитательный потенциал родительской семьи: о некоторых аспектах его «пробуксовки»

Уникальность воздействия семьи на ребенка обусловлена многообразием связей родителей и детей (эмоциональных, материально-бытовых, нравственно-правовых, психологических, коммуникативных). В семье происходит начальный этап социализации будущего гражданина – усвоение им норм, ценностей, установок и образцов поведения, принятых в данном обществе. «Семья есть микрокосм того общества, – отмечал Н.Г. Шелгунов, – которое ее создало, и потому между обществом и семьей существует самая тесная солидарность. Каждая семья настолько дурна или хороша, насколько дурно или хорошо создавшее ее общество. Созданная сама обществом, она в свою очередь воспитывает для него членов, и в этом заколдованном кругу вращается воспитание»².

Воспитательный потенциал семьи образуют следующие компоненты:

а) социально-культурный статус – интегрированный показатель материальной и духовной жизни семьи, отражающий такие индексы, как социальная принадлежность ее членов, уровень доходов, образование, характер профессии, принятая в семье система жизненных ценностей, норм, интересов, потребностей, установок и образцов поведения;

б) тип семьи: наличие родителей (полная, неполная); число детей в семье (однородная, двухдетная, многодетная); структура поколений (простая: родители + дети, сложная: прародители + родители + дети);

в) воспитательные установки и принципы, педагогическая просвещенность родителей;

¹ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года.

² Шелгунов Н.В. Письма о воспитании. Соч. Т. 1. – СПб.: Издание О.Н. Попова, 1889. – С. 217.

- г) ориентация на определенных членов семьи в качестве основных воспитателей – матери, отца, обоих родителей либо бабушки (дедушки) и других;
- д) способ повседневной жизнедеятельности семьи – культура быта, досуга, стиля взаимоотношений и поведения в семье как между супругами, так и между родителями и детьми;
- е) среда обитания ребенка – жилищно-бытовая обеспеченность семьи, предметно-вещественная обстановка, в частности детская предметная среда.

Компоненты воспитательного потенциала семьи можно отнести преимущественно к материальным и преимущественно духовным, но в большинстве случаев они тесно взаимосвязаны. Переход к рыночной экономике усилил роль дохода. Быстро идущий процесс социального расслоения общества, причем в сторону увеличения числа малоимущих, ведет к массовому снижению педагогического потенциала семей, поскольку коммерциализация образования и культуры делает этот вид деятельности для многих семей затруднительным.

«Трудный ребёнок, – отмечал В.А. Сухомлинский, – это дитя пороков родителей, зла семейной жизни, это цветок, расцветающий в атмосфере бессердечия, неправды, обмана, праздности, презрения к людям, пренебрежения своим общественным долгом»¹. Важнейшей составляющей процесса социализации молодежи является преемственность поколений. Слово сочетание «преемственность поколений» употребляется довольно часто. Что мы подразумеваем под этим? Преемственность обозначает связь между различными этапами развития в природе, обществе, мышлении, сущность которой состоит в сохранении определенных черт предыдущего этапа в последующем. Если мы говорим о преемственности поколений, то это обозначает восприятие из поколения в поколение социального опыта, социальных завоеваний в целом. Условно процесс преемственности поколений можно расчленить на три взаимосвязанных составляющих компонента: а) накопленный «багаж» социальных завоеваний (орудия труда, способы и формы производства, опыт, знания, отношения, мировоззрение, идеология и т.д.) предшествующих и ныне живущих поколений; б) деятельность старших поколений по передаче своего опыта новым, вступающим в жизнь «поколениям-наследникам»; в) деятельность «поколений-наследников» по восприятию передаваемого им социального опыта².

В условиях социалистического общества (т.е., до периода 90-х годов) процесс преемственности поколений рассматривался обществоведами по «облегченной», удобной для идеологов схеме. Раз в обществе, свершившем Октябрьскую революцию, нет антагонистических противоречий, следовательно, их нет и в отношениях между поколениями. Преемственность поколений представлялась практически как бесконфликтная, идиллическая церемония передачи и приемки «из рук в руки» социалистических ценностей и завоеваний.

Однако с приходом рыночных преобразований снятие пропагандистских шор выявило далеко не розовую картину в сфере воспитания молодежи и, в первую очередь, в восприятии ею ценностей образа жизни старших поколений. В не таком далеком прошлом был всеупотребителен термин «эстафета поколений». Однако процесс преемственности поколений предполагает сравнительно долгосрочное сотрудничество не только близких поколений – отцов и детей, но и более удаленных по возрасту друг от друга поколений – дедов и внуков. Сегодня, как правило, деда доживают до свадьбы своих внуков, до появления правнуков. При этом важно осознавать, что общая демократизация системы отношений все более утверждает тенденцию эмансипации молодежи в российском обществе: усиление ее социально-экономических позиций в обществе³.

Воздействие семьи на подрастающую личность тесно коррелирует с объективными характеристиками родителей, в частности, личностными качествами матери и отца. Каковы эти характеристики у родителей надымских подростков в глазах этих последних? С этой целью нашим респондентам – надымским подросткам задавался ряд вопросов, напрямую касающихся их матери и отца. При этом каждому подростку предлагалось, с одной стороны, выделить те качества и характеристики своих родителей, которыми они обладают сегодня, и с другой – качества и характеристики как бы идеальных, желаемых подростком, родителей: отдельно матери и отдельно отца. Еще раз подчеркнем, что нашу просьбу выполнили практически все опрошиваемые подростки северного города.

Как показал опрос («*Подросток-Девизит -1996*»), главное качество, которое больше всего ценят в своих мамах подростки, это чувство любви к детям и забота о них, его отметили 84% всех опрошенных. «Пусть женщины поймут свое высокое назначение в ветрограде человеческой жизни, – писал Н.И. Пирогов. – Пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать... делаются главными зодчими общества. Краугольный камень кладется их руками»⁴.

В оценке положительных черт и качеств своих отцов опрошенные подростки гораздо скупее, чем при оценке мам. Тем не менее, большая часть опрошенных подростков ценит в главе семейства их трудолюбие (58%), умение создавать в семье материальный достаток (55%); их справедливость, честность, совестливость, общительность. Таким образом, отцам отводится роль добытчиков и «третейских судей». Подростки считают отцов более щедрыми, чем матерей (соответственно 43 и 36%). Но отцы значительно уступают мамам в умении подходить к детям – 37% (у матерей – 48%), в любви и заботе о детях – 63% (у матерей – 84%), в тактичности и вежливости – 31% (у матерей – 39%). Уро-

¹ Тарковский Б. Повесть об учителе Сухомлинском. – М.: Мол. гвардия, 1972. – С. 152.

² Артюхов А.В., Ванина О.Н., Иванова В.Ф., Икингрин Е.Н., Ишутина Т.А., Колунина Э.Г., Лоншакова Н.А., Заякина О.А., Павлов Б.С., Сапожникова И.В., Стожаров А.В., Татаркин А.И., Чеботарёв А.В., Юрпалов С.Ю. и др. Проблемы жизненного самоопределения подростков (на примере городов Тюменского Севера) / РАН, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. – Екатеринбург, 2000. – 307 с. (Деп. в ИНИОН РАН 14. 03. 2000 г. № 55455).

³ Павлов Б.С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. 2013. – № 3. – С. 121–131.

⁴ Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. – М.: Изд-во АПН СССР, 1962. – С. 178.

вень же образованности и культуры своих отцов подростки оценивают тоже не так высоко, как у своих матерей. Особенно низок этот показатель в группе «трудных» подростков – всего 17%.

При сравнении оценок положительных качеств отцов, сделанных подростками с разным поведением, очень заметны сниженные показатели в группе «трудных» подростков. Здесь на 10–20 пунктов ниже, чем у благополучных подростков, оказываются такие мужские качества, как трудолюбие, хозяйственность, умение создавать в семье достаток, уважительные отношения к другим членам семьи, умение рукодельничать. Невысок здесь и уровень трезвости, ею обладает только один из трех отцов.

Проблема формирования (социализации) личности молодого человека – во многом проблема поиска среди окружающих его людей образцов для подражания. «С кого делать жизнь?» – этот вопрос подспудно или явно встает практически перед каждым молодым человеком. Его решение, очевидно, далеко небезразлично родителям, педагогам, всем организаторам общественного воспитания.

Прежде всего нельзя не заметить, как стремительно падает у школьников авторитет взрослых по мере перехода детей из средних в старшие классы. Мама отмечается в качестве авторитета и образца для подражания практически в каждой второй семье (46%) для своего сына или дочери – учащихся 5–7-х классов, отец – соответственно в каждой третьей семье (29%). В семьях же учащихся старших классов эти показатели значительно ниже – соответственно 15 и 13%.

Необходимо отметить, что наблюдается особенно сильное тяготение в семейных отношениях дочерей к матерям, а сыновей – к отцам. Эту тенденцию подтверждают и мнения детей об отсутствии среди окружающих их людей образца для подражания: среди учащихся 5–7-х классов – 17%, среди учащихся 8–11-х классов – 38%. В число этих детей и подростков входят и те, которые не имеют еще своего духовного кумира среди окружающих взрослых, и те, которые находятся в стадии разочарования в ком-либо из них. Сравнительно больше таких людей среди юношей (примерное соотношение в этом плане между юношами и девушками 2:1). Во многом это объясняется социально-психологическими особенностями юношеского возраста: большей самостоятельностью, категоричностью, стремлением к освобождению из-под власти взрослых, характерными прежде всего для мальчиков и юношей. Конформизм (приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т.п.) у большей части детей и подростков служит важным средством приобщения к миру взрослых, освоения их культуры, норм поведения.

Связь социально-демографического благополучия семейной ячейки и вероятности отклоняющегося поведения детей, подростков, воспитывающихся в них, выявлена и наших исследованиях на Среднем Урале. Путем анкетного опроса 580 учащихся школ и училищ, а также 320 подростков, состоящих на учете в ОПППН, были получены данные, характеризующие семью «трудного» подростка в г. Нижнем Тагиле (опрос «*Подросток–Тагил–1994*»). Социально-демографическая характеристика семей подростков-правонарушителей выделяется из общей картины. Здесь большая доля простых семей, то есть тех, где отсутствуют бабушки (дедушки) – 76%, у учащихся – 64%; больше неполных семей, т.е. с одним из родителей (как правило, матерью) – 34%, у учащихся – 19%; больше семей, имеющих 3-х и более детей, – 25%, у учащихся – 17%. Таким образом, в семьях подростков-правонарушителей наблюдается значительное число отклонений от типовой модели поведения семей этой категории.

Что же дает молодому надымчанину (надымчанке) семейная жизнь? Вопрос анкеты «*Молодой горожанин 2002*» звучал следующим образом: «*Что в семейной жизни приносит Вам истинное удовлетворение?*». Можно было выбрать любое количество вариантов ответа, но мнения наших респондентов опять-таки распределились в пользу факторов взаимопонимания и эмоциональной поддержки (% от общего числа опрошенных – 320 чел.):

– взаимопонимание	– 65	– возможность отдохнуть, расслабиться	– 29
– воспитание детей	– 53	– материальное благополучие	– 20
– эмоциональная поддержка	– 51	– возможность разделить обязанности	– 19
– регулярные сексуальные отношения	– 43	– другое, затруднились ответить	– 7
– бытовой комфорт	– 34	– ничто не приносит удовлетворения	– 2

Практически каждый опрошенный находит удовлетворение какими-либо аспектами семейной жизни, вариант же «*Ничто не приносит удовлетворения*» отметили менее двух процентов респондентов. Похоже, что в ответе на этот вопрос молодые надымчане руководствуются старинной истиной «не в деньгах счастье», вариант «материальное благополучие» практически замыкает список ценимых молодыми супругами факторов и обстоятельств достижения чувства удовлетворенности в брачном союзе и семейной жизни.

* * *

Если переложить известную народную мудрость «Яблоко от яблони падает недалеко» на процесс реализации семьей своей основной социальной функции – воспитания детей, то необходимо будет признать следующее: для воспитания «нормального» потомства обществу нужна, как минимум, «нормальная» семья. Встает вопрос: а каковы основания для подобной классификации семей? Вопрос далеко не так прост, как может показаться на первый взгляд. С позиций создания благоприятных отношений для воспитания, социализации детей в семье замечательный русский педагог XIX в. А.Н. Острогорский, например, ввел понятие «нормальная семья». По его мнению, «Нормальная семья представляется нам союзом, в котором, при всей индивидуальности ее членов, царят дружественные отношения, взаимная поддержка и помощь, неразделимость радостей и горестей, словом, совместный труд с целью сделать жизнь и

лучше и легче»¹. А вот существенная добавка к раскрытию «технологии» воспроизводства человеческой личности в условиях и средствами семьи. Главными условиями, необходимыми для нормального развития ребёнка со стороны матери, – отмечал в свое время П.Ф. Лесгафт, – являются «чистота, сдержанность, деятельная жизнь как в умственном, так и в физическом отношении»².

В декабре 1995 г. в Свято-Даниловском монастыре в Москве состоялся III Всемирный Русский Народный Собор под девизом «Россия и русские на пороге XXI столетия». В Соборном слове к россиянам его участниками записано:

«Мы обращаемся к Вам, русские женщины. Вашим словом, вашей любовью могут быть предотвращены худшие из бед – разрушение семьи, распад традиционной системы воспитания человека, нравственное разложение общества. Женщина – охранительница рода и семейного очага – должна стать оплотом и защитой здоровых общественных устоев России.

Мы взываем к сердцам и душам молодых россиян в надежде, что пример ваших сверстников – героев русской истории – напомнит вам о высоком предназначении жить не только ради удовлетворения сиюминутных желаний, честолюбивых соблазнов, но и во имя ваших близких, сограждан, братьев по православной вере и во имя высокого долга служения Отечеству. Само слово подвиг пусть руководит вашим сознанием в минуты исполнения воинского долга и в дни мирного труда»³.

¹ Острогорский А.Н. Об отношении семьи к школе // Семейное воспитание: хрестоматия. – М.: Академия, 2001. – С. 369–373.

² Умом и сердцем: мысли о воспитании. – М.: Политиздат, 1980. – С. 233.

³ Щербаков В.И. Свободу – сильным, гарантии – слабым // Правда. – М., 1990. – 28 августа.

Попова Л.А.

д.э.н., доцент, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
popova@iespn.komisc.ru

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Ключевые слова: *здоровье населения, ожидаемая продолжительность жизни, причины смерти, городское и сельское население, самооценка здоровья, самосохранительное поведение, пандемия, Республика Коми.*

Keywords: *public health, life expectancy, causes of death, urban and rural population, health self-assessment, self-preservation behavior, pandemic, the Komi Republic.*

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье человека, как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и физических дефектов. Актуальность исследований в области общественного здоровья обусловлена заметным сокращением ожидаемой продолжительности жизни россиян и усилением роли характеристик здоровья в его величине в условиях пандемии COVID-19. В 2019 г., после 16 лет устойчивого роста, уровень продолжительности жизни достиг в Российской Федерации исторического максимума, составив 73,3 года¹. В 2020 г. произошло снижение показателя почти на два года: до 71,5 лет. При этом ожидаемая продолжительность жизни – это не только индикатор уровня и качества жизни населения и важнейшая составляющая развития человеческого потенциала, сегодня это национальный приоритет развития России. В 2018 г. в стране была заявлена цель – достижение к 2030 г. продолжительности жизни россиян 80 лет². На фоне нарастания эпидемиологической ситуации к середине 2020 г. она была скорректирована: согласно Указу Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г., на 2030 г. определен целевой показатель 78 лет³, который предполагает увеличение продолжительности жизни россиян за ближайшее десятилетие на 6,5 лет. Это потребует максимального использования имеющихся резервов роста продолжительности жизни, в том числе и связанных со здоровьем населения.

Субъекты Российской Федерации существенно различаются по величине продолжительности жизни населения. Рост начала 2000-х годов сопровождался заметной региональной конвергенцией показателя: уплотнением регионов к среднему уровню и сверху, и снизу⁴. Тем не менее, дифференциация остается очень значительной: разница между лучшим и худшим показателями составляет в 2020 г. 15,7 лет (81,5 лет в Ингушетии и 65,8 года в Чукотском автономном округе). В 60 из 85 субъектов федерации продолжительность жизни ниже среднероссийского уровня, отставание варьирует от 0,1 до 5,7 года. Дальнейшее подтягивание регионов-аутсайдеров – значимый фактор перелома проявившейся в условиях пандемии негативной тенденции, поэтому региональные исследования в области здоровья и продолжительности жизни населения имеют большое значение. Целью статьи является оценка состояния здоровья и стратегий самосохранительного поведения населения Республики Коми как факторов повышения продолжительности жизни.

Тренды продолжительности жизни населения Республики Коми в основном повторяют общероссийские, но уровень стабильно ниже, чем в среднем по стране (рис. 1). В периоды уменьшения продолжительности жизни россиян отставание регионального показателя увеличивалось до 3,3–3,6 лет, в благоприятные периоды – сокращалось до одного года. В условиях роста 2003–2019 гг., после первых лет заметного сближения республиканского показателя со среднероссийским, наблюдалась стагнация разницы приблизительно на уровне двух лет. В 2020 г. снижение продолжительности жизни населения Республики Коми, отразившее рост повозрастной смертности в условиях пандемии COVID-19, оказалось не столь значительным как в целом по стране. Величина показателя сократилась на один год (с 71,3 до 70,3 лет) – отставание регионального показателя от общероссийского уровня уменьшилось до 1,2 лет.

В первый год пандемии в России произошло повышение уровня смертности от большинства из шести основных групп причин смерти⁵. При росте общего коэффициента смертности населения на 19% смертность от болезней органов дыхания, в состав которых входит смертность от пневмоний, увеличилась на 64%, сердечно-сосудистых заболеваний – на 12%, болезней органов пищеварения – на 9%, немножко выросла также смертность от внешних причин (не-

¹ Официальный сайт Росстата. – <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>

³ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». – <http://kremlin.ru/acts/news/63728>

⁴ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. – Т. 12, № 6. – С. 228–242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13

⁵ Официальный сайт Росстата. – <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

счастливых случаев, травм и прочих неестественных причин). Произошло незначительное снижение уровня смертности населения от новообразований и достаточно заметное (на 8%) от инфекционных и паразитарных болезней – хотя специалисты отмечают, что коронавирус приводит к обострению инфекционных заболеваний и усугубляет течение болезни¹.

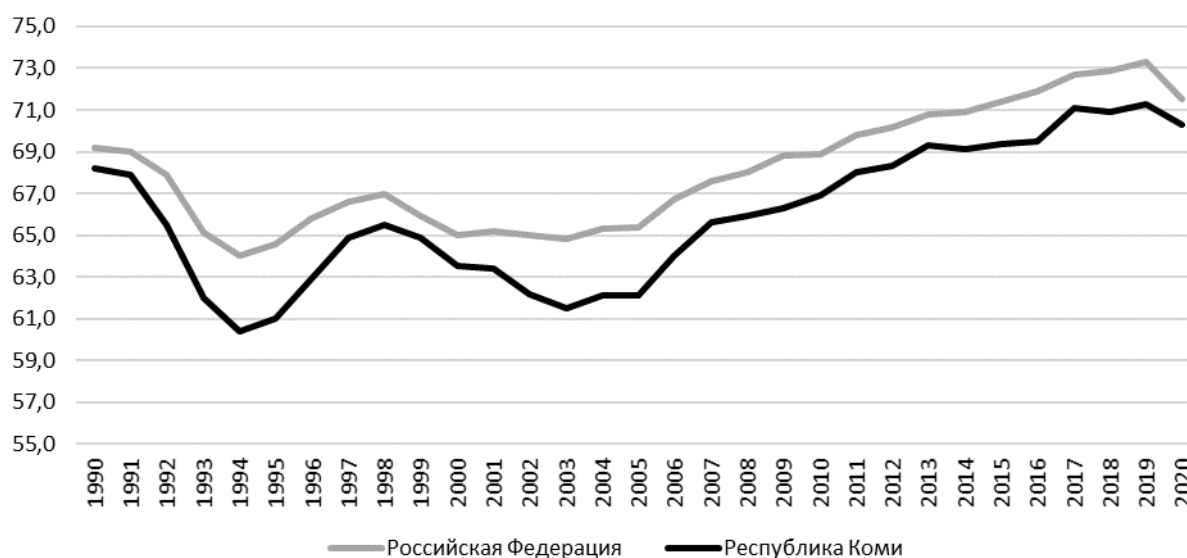

Рисунок 1.
Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения России и Республики Коми в 1990–2020 гг., лет

В Республике Коми общий коэффициент смертности увеличился в 2020 г. не столь существенно – на 13,0%². Как и по России в целом, наиболее значительно в условиях пандемии вырос уровень смертности от болезней органов дыхания – на 23,2%. На втором месте в регионе увеличение смертности от инфекционных и паразитарных болезней – на 14,7%. Однако следует отметить, что в последнее десятилетие смертность от этой группы причин в Коми заметно ниже, чем в среднем по стране, показатель характеризуется негладкой динамикой, и рост 2020 г. вполне может быть зеркальной реакцией на значительное снижение в предшествующем 2019 г. На 5,9% повысился уровень смертности от болезней органов пищеварения, на 5,4% – от болезней системы кровообращения, на 4,0% – от внешних причин. Снижился в республике в 2020 г. только уровень смертности от новообразований (на 2,8%).

Непосредственно от коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19, обозначенной в Краткой номенклатуре причин смерти³ под номером 320 и вошедшей в состав прочих причин смерти, в 2020 г. в России умер 144691 человек⁴, что составило 6,8% от общего числа смертей. В Республике Коми процент смертей от COVID-19 несколько ниже – 6,4% (707 из 11066)⁵. С одной стороны, позитивную роль, очевидно, сыграла разреженная система расселения с низкой плотностью населения. С другой, – ранняя фиксация в столице республики крупного очага заражения новой коронавирусной инфекцией со случаями тяжелого течения болезни и летальными исходами, имевшая политические последствия и получившая широкий общественный резонанс с бурным обсуждением на электронных информационных площадках и в социальных сетях, что, на наш взгляд, способствовало немногочисленности в регионе ковид-диссидентов и сравнительно большей ответственности населения в соблюдении ограничительных мер.

Если рассматривать смертность от коронавирусной инфекции как отдельную группу причин смерти, то в 2020 г. она попала бы в число основных причин смертности населения, характеризующихся статистически значимым уровнем. В Республике Коми оказалась бы на пятом месте, пропустив вперед болезни системы кровообращения, новообразования, внешние причины и болезни органов пищеварения. По России в целом уровень смертности от коронавируса в 2020 г. больше смертности от внешних причин. Т.е. коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19, в структуре основных причин смерти заняла бы в стране третье место после болезней системы кровообращения и новообразований – внешние причины, болезни органов пищеварения, болезни органов дыхания и инфекционные и паразитарные болезни следовали бы уже после нее.

Продолжительность жизни городского населения в России традиционно выше сельского показателя. В 2020 г. разница составляла 1,1 года. При этом более чем в половине российских регионов отставание сельского показателя

¹ https://news.rambler.ru/community/45771136-vrach-predupredil-rossiyan-o-rasprostraneni-strashnoy-bolezni/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

² Демографический ежегодник Республики Коми. 2021: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2021. – С. 81.

³ Краткая номенклатура причин смерти 2010 г., основанная на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра. – <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

⁴ Официальный сайт Росстата. – <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

⁵ Демографический ежегодник Республики Коми. 2021: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2021. – С. 76.

больше, чем в целом по стране, а в ряде субъектов, в том числе и Республике Коми, – значительно¹. Таким образом, возможности роста продолжительности жизни в регионах, и особенно в регионах-аутсайдерах, во многом связаны с преодолением отставания в сельской местности, обусловленного низким уровнем жизни сельского населения, более тяжелыми в среднем условиями труда, недостаточной комфортностью проживания на селе, доступностью коммунально-бытовых удобств и медицинской помощи и другими факторами².

Увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения России начала 2000-х годов сопровождалось неоднозначной динамикой межпоселенческих различий. До 2009 г. рост городского показателя был заметно существенней – разница между городом и селом за 2003–2009 гг. увеличилась с 2,0 до 2,9 лет (рис. 2).

В последние годы опережающими темпами повышалась продолжительность жизни сельского населения – за 2009–2019 гг. межпоселенческие различия уменьшились до 1,5 лет. В 2020 г. дифференциация сократилась до 1,1 года, поскольку в первый год пандемии было зафиксировано более значительное уменьшение продолжительности жизни в городской местности. Как известно, лидерами по скорости распространения коронавирусной инфекции, обусловленной COVID-19, были сверхкрупные и крупные города с прилегающими урбанизированными территориями с высокой плотностью населения, что сопровождалось соответствующим ростом смертности за счет новой причины. В структуре смертности городского населения по причинам смерти удельный вес смертей от COVID-19 составил в 2020 г. 7,6% по сравнению с 4,4% в сельской структуре причин смерти³.

В Республике Коми, как уже отмечалось, межпоселенческие различия в величине продолжительности жизни существенней, чем в целом по России, что хорошо видно на рис. 2. В первый период роста начала 2000-х годов отставание сельского уровня от городского в Коми также заметно увеличилось – до 6,2 лет в 2010 г. После этого в основном прослеживался тренд к уменьшению отставания – не вполне последовательный из-за негладкой траектории сельского показателя, рассчитываемого на малой совокупности и сильно подверженного влиянию случайных событий – тем не менее, к 2019 г. разница между городом и селом уменьшилась до 5,0 лет. В первый год пандемии межпоселенческая дифференциация также сократилась: до 4,4 года, – поскольку новая инфекция, как и в целом по стране, в большей степени способствовала росту смертности городского населения. В городской местности республики доля дополнительных смертей, вызванных непосредственно COVID-19, составила в 2020 г. 7,3% от общего числа смертных случаев, в сельской – 4,1%⁴.

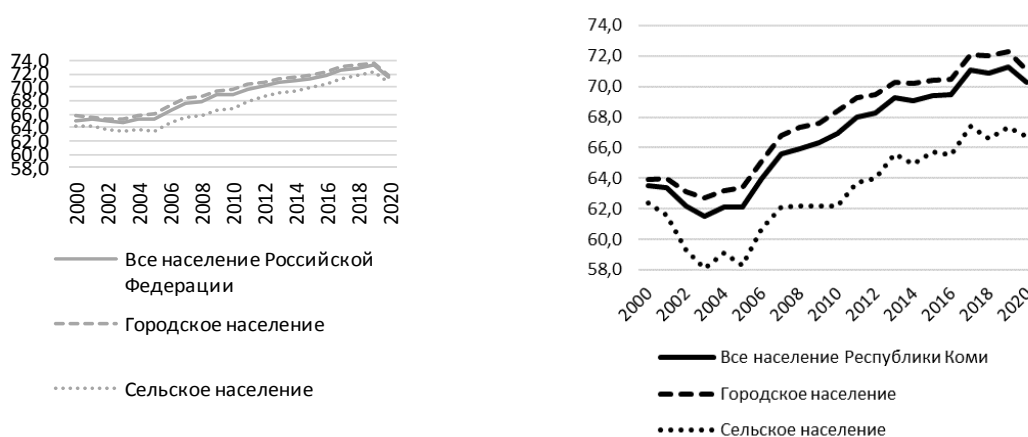

Рисунок 2.

Динамика ожидаемой продолжительности жизни городского и сельского населения России и Республики Коми в 2000–2020 гг., лет

Оценить уровень здоровья населения возможно на основе объективных показателей по заболеваемости из официальной статистики, и такие оценки часто делаются. Однако статистика заболеваемости прежде всего отражает статистику обращаемости населения в медицинские учреждения, т.е. сильно зависит как от особенностей поведения разных групп населения в сфере здоровьесбережения, так и от доступности учреждений здравоохранения. Поэтому уро-

¹ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. – Т. 12, № 6. – С. 228–242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13

² Денисенко М.Б. Вопросы изучения смертности и здоровья населения малых территорий // Смертность населения: тенденции, методы изучения, прогнозы. – М., 2007. – С. 148–175; Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. – М., 2009; Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. – М., 2012; Денисенко М.Б., Николаева У.Г. Сельские сообщества Ближнего Севера: экономические уклады, модели социальных отношений, демографические процессы // Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения. – М., 2014. – С. 73–122; Денисенко М.Б., Николаева У.Г. Что происходит с сельским населением на ближнем севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. – М., 2015. – № 12. – С. 70–81; Симагин Ю.А. Динамика смертности в муниципалитетах России в последние годы // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13. – М., 2018. – Ч. 1. – С. 792–796.

³ Официальный сайт Росстата. – <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

⁴ Демографический ежегодник Республики Коми. 2021: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2021. – С. 79–80.

вень заболеваемости женщин, которые не только более ответственно относятся к своему здоровью, но и достаточно регулярно обращаются в медицинские учреждения в ходе реализации репродуктивной функции, заметно выше заболеваемости мужчин, а в то же время женский показатель продолжительности жизни практически на 10 лет больше мужского. Заболеваемость населения в городской местности, где медицинские учреждения намного доступней, в полтора раза выше, чем в сельской, в то время как продолжительность жизни городского населения стабильно превышает сельский показатель.

На наш взгляд, для анализа здоровья населения больше подходят самооценки состояния здоровья, полученные в результате социологических обследований. Более того, такие самооценки в максимальной степени соответствуют определению здоровья, данному ВОЗ. Поэтому для сравнения здоровья населения в городской и сельской местности Республики Коми мы воспользовались результатами обследования «Здоровье и качество жизни населения», которое было проведено нами в декабре 2020 г., в конце второй волны пандемии, когда большинство населения с ней уже столкнулось и имело возможность лишней раз задуматься о ценности здоровья. Посредством раздаточного анкетирования по квотированной выборке, охватывающей все 20 муниципальных образований региона, было опрошено 1533 человека в возрасте 15 лет и старше. 76,3% опрошенных относятся к городскому населению, 23,7% к сельскому, что соответствует распределению населения указанного возраста по типам поселений. Возрастная структура выборочного массива несколько моложе генеральной совокупности. По полу массив опрошенных также отличается от генеральной совокупности: заметным превышением удельного веса женщин ввиду крайне неохотного участия мужчин в социологических опросах. Однако возрастные и гендерные отклонения городской и сельской выборок от соответствующих генеральных совокупностей в целом схожи, что дает возможность провести межпоселенческие сравнения.

Всего в анкете 51 вопрос, половина из которых в той или иной степени относится к здоровью опрашиваемых и их модели самосохранительного поведения. Участникам обследования было предложено оценить свое физическое здоровье и психологическое самочувствие по шкале от 1 до 9 (чем лучше, тем выше балл). И то, и другое получило оценку, далекую от максимума, но заметно выше среднего. В целом по выборке физическое здоровье было оценено в 6,6 баллов: 6,7 баллов в городской местности, 6,4 – в сельской. Самооценки психологического самочувствия чуть выше: 6,7 баллов в целом, 6,7 у городского населения, 6,6 баллов у сельского. Как видим, сельские жители свое физическое здоровье оценивают несколько ниже горожан, в то время как психологическое самочувствие практически не отличается от городского.

Респондентам были заданы вопросы о некоторых показателях, характеризующих состояние их здоровья: наличии хронических заболеваний, весе, уровне артериального давления, глюкозы в крови, холестерина. Распределение ответов, полученных в городской и сельской местности, приведено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы о некоторых показателях здоровья, по данным обследования «Здоровье и качество жизни населения», %

Показатели	Варианты ответов	Все население	Городское население	Сельское население
Наличие хронических заболеваний	Да	42,0	41,9	42,4
	Нет	44,4	43,8	46,0
	Не знаю	13,6	14,3	11,6
Вес	В пределах нормы	55,0	56,2	51,0
	Выше нормы	35,7	33,7	42,1
	Ниже нормы	5,0	5,5	3,3
	Не знаю	4,4	4,6	3,6
Артериальное давление	В пределах нормы	58,3	59,3	55,4
	Выше нормы	20,3	19,1	24,2
	Ниже нормы	9,9	9,7	10,5
	Не знаю	11,5	11,9	9,9
Уровень глюкозы в крови	В пределах нормы	67,9	67,6	68,9
	Выше нормы	4,6	4,4	5,2
	Ниже нормы	1,2	1,4	0,8
	Не знаю	26,2	26,6	25,1
Уровень холестерина	В пределах нормы	61,4	61,2	62,0
	Выше нормы	10,6	10,5	10,5
	Ниже нормы	0,4	0,4	0,3
	Не знаю	27,7	27,9	27,3

По данным табл. 1, в сельской местности заметно более значительный процент респондентов отметил отсутствие хронических заболеваний. Однако, на наш взгляд, в условиях новых вызовов в области здоровья, которые акцентировали внимание населения на вопросах здоровьесбережения, в вопросе о наличии хронических заболеваний вариант ответа «не знаю» можно объединить с отрицательным ответом: в таком случае, очевидно, нет симптомов, побуждающих обратиться в учреждение здравоохранения. С учетом этого допущения доля респондентов, не имеющих хронических заболеваний, в городской местности составляет 58,1%, в сельской – 57,6%. Как видим, различия статистически незначимы. Учитывая несколько более старую возрастную структуру опрошенных в сельской местности, можно сказать, что в распространенности хронических заболеваний среди городского и сельского населения различий практически нет.

В остальных вопросах о показателях здоровья вариант «не знаю», скорее, свидетельствует о неиспользовании возможностей диспансеризации. В 2013 г. в России стартовала новая кампания по всеобщей диспансеризации взрослого населения, которая направлена на выявление и профилактику заболеваний, обуславливающих основные причины смертности и инвалидности¹. Каждый гражданин, начиная с возраста 18 лет, раз в три года может по своему желанию бесплатно пройти медицинский осмотр врачами-специалистами и ряд медицинских обследований, некоторые группы граждан могут обследоваться ежегодно. Как видно из табл. 1, об уровне артериального давления, глюкозы в крови и холестерина, которые определяются при медицинском осмотре и сдаче анализов в рамках диспансеризации, оказались чаще не осведомлены горожане. При абсолютной доступности диспансеризации в городской местности это косвенно свидетельствует о несколько меньшей ответственности городского населения в области здоровьесбережения в плане отношений с системой здравоохранения.

По уровню глюкозы и холестерина различия в городской и сельской местности в целом незначительны. По холестерину показатели среди опрошенных в городе и селе практически не различаются. Повышенный уровень глюкозы в крови чаще встречается среди сельского населения, пониженный – среди городского. Главные отличия уровня здоровья населения в городской и сельской местности – это существенно более значительный на селе процент людей с избыточным весом (42,1% против 33,7% в городской местности) и давлением выше нормы (24,2% против 19,1% в городской местности), которое, как и повышенный уровень глюкозы в крови, зачастую имеет непосредственную связь с лишним весом.

Согласно классификации факторов обеспечения здоровья современного человека, разработанной экспертами ВОЗ еще в 1980-х годах, на 20% оно определяется условиями окружающей среды, на 10% – уровнем развития медицинской помощи, на 20% – наследственной предрасположенностью к болезням и на 50% – образом жизни человека. Иными словами, здоровье населения больше всего зависит от его образа жизни, отношения к своему здоровью, поведения в сфере сохранения здоровья, т.е. от распространенности в обществе моделей самосохранительного поведения, которое можно определить как сознательную деятельность индивида, направленную на поддержание оптимальных параметров биологического, психологического и социального здоровья и минимизацию субъективно осознаваемых рисков². В качестве синонимов самосохранительного поведения исследователями используются также термины «здоровьесберегающее поведение»³, «здоровьесберегающее поведение»⁴, «поведение, связанное со здоровьем»⁵, «витальное поведение»⁶, «жизнесохранительное поведение». Их общий смысл, несмотря на разброс в понятийном аппарате, сводится к приоритету для индивидов ценности здоровья, мотивации и активной деятельности по его сбережению⁷. В качестве структурных компонентов модели самосохранительного поведения можно рассматривать отношения с системой здравоохранения, активность образа жизни, характер питания и распространенность вредных привычек.

Выше на основе вопросов о характеристиках здоровья было сделано предположение о несколько меньшей ответственности горожан в отношениях с системой здравоохранения, однако прямой вопрос «Как часто Вы обращаетесь в учреждения здравоохранения?» его не подтвердил. Распределение ответов на этот вопрос показывает, что треть опрошенных и в городской, и в сельской местности обращаются в учреждения здравоохранения не только когда болеют, но и с профилактической целью. Это наиболее распространенный ответ. Вариант «Только когда болею», занимающий второе место, более распространен среди сельских жителей, в то время как регулярные профосмотры и прохождение плановой диспансеризации характернее для городского населения. Однако обследование показало, что к концу восьмого года новой кампании диспансеризации взрослого населения, которая концентрируется на четырех группах заболеваний, обуславливающих 75% смертей россиян: сердечно-сосудистых заболеваниях, хронических бронхолегочных патологиях, сахарном диабете и онкологии, – она еще не набрала необходимые темпы. Вариант ответа «Прохожу плановую диспансеризацию» встречается реже, чем ответ «Практически не обращаюсь к врачам»: его отметили лишь 11,5% респондентов в городской местности и 10,7% в сельской. Как видим, профилактическая модель самосохранительного поведения в отношениях с системой здравоохранения, при всей недостаточности ее развития, более характерна для городского населения республики.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения». – <https://base.garant.ru/70170948/>

² Вангородская С.А. Самосохранительное поведение: проблема содержания понятия в отечественной социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. – Т. 12, № 4. – С. 20–29. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-20-29

³ Волкова М.Б. Здоровьесберегающее поведение населения в условиях российских социально-экономических трансформаций: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2005. – 27 с.

⁴ Поздеева Т.В. Научное обоснование концепции и организационной модели формирования здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. – М., 2008. – 47 с.; Югова Е.А. Формирование здоровьесберегающей модели поведения у студентов высших учебных заведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2012. – № 2. – С. 29–34; Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. – № 3 (27). – С. 123–132; Зелионко А.В. Обоснование организационно-профилактических мероприятий по совершенствованию системы формирования здоровьесберегающего поведения и улучшения качества жизни населения: дис. ... канд. мед. наук. – СПб., 2016. – 193 с.

⁵ Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. – Т. 12, № 1. – С. 105–130.

⁶ Юмагузин В.В., Винник М.В. Смертность от внешних причин в России и странах ОЭСР: оценка преждевременных потерь и условия их снижения // Вестник Башкирского университета. 2015. – № 3 (20). – С. 896–902.

⁷ Вангородская С.А. Самосохранительное поведение: проблема содержания понятия в отечественной социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. – Т. 12, № 4. – С. 20–29. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-20-29

Два вопроса обследования «Здоровье и качество жизни населения» были посвящены активности образа жизни респондентов, их отношению к ЗОЖ. Они показывают, что городское население чаще, чем сельские жители (54,7% против 40,5%), придерживаются спортивного стиля жизни: регулярно или время от времени посещают бассейн, спортзал, ходят на лыжах, по меньшей мере, каждый день делают зарядку. Сельские жители гораздо чаще горожан (50,0 против 30,5%) склонны оценивать регулярный физический труд и работу на приусадебном или дачном участке лучшим средством для здоровья, т.е. адекватной заменой активному спортивному образу жизни. Однако следует признать, что это вовсе не равноценная замена, иначе ручной труд не приравнивался бы к тяжелым, вредным условиям занятости, а проблема сокращения удельного веса ручного труда не считалась бы не только крупной экономической задачей, необходимым условием роста производительности труда и эффективности экономики, но и значительной социальной задачей, необходимым условием повышения качества жизни населения. А труд на земле всегда тяжел. Он выполняется на открытом воздухе, при разных погодных условиях, далеко не всегда комфортных для человека и благоприятных для его здоровья: часто на жаре, в условиях интенсивной солнечной радиации, или под дождем, или уже после заморозков. Зачастую сопряжен с длительным положением человека внаклонку, когда кровь приливает к голове – что может не только приводить к повышению артериального давления, но и провоцировать инсульты. При этом работа на приусадебном или дачном участке осуществляется, как правило, вместо отдыха: в отпуске, в выходные, вечером после основной работы, которая в сельской местности сама по себе характеризуется более тяжелыми в среднем условиями, чем в городской. В результате сельские жители имеют не просто двойную занятость, но двойную тяжелую занятость, в основе которой лежит не столько любовь к огородничеству и повышение активности образа жизни, сколько чрезвычайно низкий уровень доходов сельского населения. При этом такая физически тяжелая занятость сопровождается значительным расходом калорий, которые требуют восполнения, и восполняются калорийной пищей (так называемое «здоровое питание» в большей степени характерно для горожан), приводя к избыточному весу. Все это, безусловно, не способствует поддержанию хорошего состояния здоровья сельских жителей.

И, наконец, рассмотрим, есть ли значимые межпоселенческие различия в распространенности так называемых вредных привычек: курения и употребления алкоголя и наркотиков, которые так же, как повышенный уровень артериального давления, высокий и очень высокий суммарный сердечно-сосудистый риск, нерациональное питание, избыточная масса тела, дислипидемия («плохой» холестерин), гипергликемия (повышенный уровень глюкозы в крови), низкая физическая активность и отягощенная наследственность по хроническим неинфекционным заболеваниям, являются модифицированными факторами риска хронических неинфекционных заболеваний, а употребление алкоголя является важнейшим фактором смертности взрослого населения от внешних причин (несчастных случаев, травм и прочих неестественных причин).

Конечно, на вопросы о вредных привычках даже в анонимных анкетах население отвечает очень произвольно, особенно на вопросы об употреблении алкоголя, но все же некоторые выводы на основе обследования «Здоровье и качество жизни населения» сделать можно. При этом сразу следует оговорить, что с учетом особенностей выборки обследования полученные цифры не отражают истинных масштабов уровня курения и употребления алкоголя и наркотиков среди взрослого населения региона, однако, как отмечалось, отклонения по возрасту и полу городской и сельской выборки от соответствующих генеральных совокупностей сходные, поэтому для сравнения степени распространенности этих факторов риска среди городского и сельского населения они вполне годятся.

Обследование показало, что курение в большей мере является городской привычкой (табл. 2). Доля курящих горожан, несмотря на достаточно заметный процент бросивших курить, намного больше, чем процент среди сельских жителей. Никогда не куривших среди сельских опрошенных оказалось более 70%, в то время как среди городских – менее 60%.

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы о вредных привычках, по данным обследования «Здоровье и качество жизни населения», %

Вопрос	Варианты ответов	Все население	Городское население	Сельское население
Курите ли Вы?	Да	17,5	19,0	12,7
	Курил раньше	20,4	21,5	16,5
	Никогда не курил	62,2	59,5	70,8
Употребляете ли Вы алкоголь?	Да	69,1	69,7	67,2
	Раньше употреблял	14,7	13,7	17,9
	Никогда не употреблял	16,2	16,7	14,9
Пробовали ли Вы когда-нибудь наркотики?	Да	4,0	4,0	3,9
	Нет	96,0	96,0	96,1

В уровне употребления наркотиков и алкогольной продукции значимых межпоселенческих различий обследование не выявило. В то же время доля населения, никогда не употреблявшего алкоголь, в сельской местности несколько ниже, чем в городской (14,9 против 16,7%), и сельские жители чаще предпочитают крепкие алкогольные напитки. Кроме того, статистика смертности по причинам смерти показывает, что доля смертности от внешних причин, которая в очень значительной степени связана с алкоголем, в сельской местности Республики Коми более чем на треть превышает аналогичную долю в городской¹, а коэффициент смертности от внешних причин – выше почти в два

¹ Демографический ежегодник Республики Коми. 2021: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2021. – С. 67–69.

раза, в некоторые годы более чем в два раза¹. Это свидетельствует о том, что уровень употребления алкогольной продукции так же, как и крепость употребляемых алкогольных напитков, в сельской местности выше, чем в городской. Соответственно, употребление алкоголя является фактором не только повышенной смертности сельских жителей от внешних причин, но и дополнительным фактором риска для здоровья, приводящим к высокой смертности сельского населения от других причин, прежде всего от сердечно-сосудистых заболеваний, уровень которой на селе на 25–40% превышает уровень в городской местности². Свою роль вносит также по-прежнему широкое распространение употребления дешевой некачественной и суррогатной алкогольной продукции вследствие чрезвычайно низкого уровня жизни сельского населения.

Таким образом, в первый год пандемии COVID-19 на фоне снижения ожидаемой продолжительности жизни россиян произошло сокращение отставания продолжительности жизни населения Республики Коми от общероссийского уровня и отставания сельского показателя от городского как по стране, так и в регионе. В основе этого лежат характер расселения и плотность населения и модели его поведения при введении ограничительных мероприятий, определившие скорость распространения новой инфекции в первые месяцы пандемии.

Снижение продолжительности жизни населения было обусловлено ростом в 2020 г. уровня смертности от большинства из основных классов причин смерти и смертностью непосредственно от коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19, которая составила в Республике Коми 6,4% (в городской местности 7,3%, в сельской – 4,1%) от общего числа смертей по сравнению с 6,8% (соответственно, 7,6 и 4,4%) в целом по стране. Если рассматривать смертность от коронавируса как отдельную группу причин смерти, то в Коми она оказалась бы на пятом месте в структуре основных причин смерти, пропустив вперед болезни системы кровообращения, новообразования, внешние причины и болезни органов пищеварения. По России в целом заняла бы третье место после болезней системы кровообращения и новообразований.

Сельские жители региона оценили свое физическое здоровье в условиях пандемии COVID-19 несколько ниже, чем горожане. В распространенности хронических заболеваний межпоселенческих различий обследование «Здоровье и качество жизни населения» практически не выявило. Но обращает на себя внимание заметно более значительный среди сельского населения процент людей с повышенным уровнем артериального давления и глюкозы в крови, что во многом связано с избыточным весом, который отметили более 42% сельских респондентов.

Анализ межпоселенческих особенностей самосохранительного поведения позволяет сделать вывод, что кроме недостаточной доступности медицинских услуг, особенно экстренных и высокотехнологичных, и менее распространенной среди сельского населения профилактической модели самосохранительного поведения в отношении с системой здравоохранения, существенно более низкий уровень продолжительности жизни в сельской местности обуславливает оказывающая негативное влияние на характеристики здоровья двойная тяжелая занятость, являющаяся следствием низкого уровня жизни жителей села. Свою роль играют также повышенный уровень употребления алкогольной продукции, крепость употребляемых алкогольных напитков и их плохое качество, которые являются не только причиной значительной смертности на селе от внешних причин, но и дополнительным фактором риска для здоровья, приводящим к высокой преждевременной смертности от болезней системы кровообращения.

¹ Демографический ежегодник Республики Коми. 2021: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2021. – С. 71–72.

² Там же, с. 71–72.

Пруель Н.А.

д.соц.н., доцент, зав. кафедрой социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ В РОССИИ В ПЕРВЫЙ ГОД ПАНДЕМИИ COVID-19 В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

Ключевые слова: население, регион, пандемия COVID-19, локдаун, здравоохранение, заболеваемость, смертность, избыточная смертность.

Keywords: population, region, COVID-19 pandemic, lockdown, healthcare, morbidity, mortality, excess mortality.

2020 год сильно изменил жизнь людей по всему миру. Большие потери понесла вся мировая экономика, но все это ничто в сравнении с невозполнимыми утратами человеческих жизней. Хотя следует принимать во внимание и упущенные вследствие ограничительных мер доходы, а значит, не построенные больницы и школы. Некоторые родители, особенно младших школьников, заметили снижение успеваемости детей в период продолжительного дистанционного обучения. А медики зафиксировали рост числа установленных диагнозов «наркомания»¹ и затруднения в борьбе с пагубными пристрастиями у людей, страдающих алкогольной зависимостью². Еще только предстоит изучить и отдаленные последствия пандемии (в медицинскую практику вошло понятие постковидный синдром) и действовавших продолжительный период ограничений.

Для такого анализа, в первую очередь, необходима максимально полная и точная статистическая информация, которой специалисты, надеемся, располагают, поскольку те данные, что опубликованы Росстатом, вызывают определенное недоверие. (Хотя понимаем, что эта служба только свела данные, полученные из других источников). Надеемся также, что специалисты располагают и более оперативной информацией, поскольку в открытых источниках доступны данные только за 2020 г., а информация за 2021 г., согласно графику публикаций Росстата, появится в конце 2022 г. Но все-таки и по тем данным, что опубликованы, можно сделать некоторые предварительные выводы о влиянии пандемии на демографическое развитие России и ее территорий, а также оценить эффективность мер, предпринятых в целях ограничения распространения опасной инфекции.

Довольно продолжительный период времени действовали очень жесткие ограничения, главной целью которых было разобщить людей, и таким образом замедлить распространение опасной инфекции. Казалось бы, в регионах с низкой плотностью населения, что характерно для сельских территорий, заболеваемость должна быть ниже. Однако статистика этого не подтверждает. В число регионов с наиболее высокой заболеваемостью новой коронавирусной инфекцией вошли не только мегаполисы. Среди 15 субъектов РФ с наиболее высоким уровнем заболеваемости по COVID-19 в 2020 г. вошли и регионы с преобладанием сельского населения (табл. 1).

Таблица 1

Заболеваемость по COVID-19 на 1000 человек населения в отдельных регионах Российской Федерации, 2020 г.³

Регион	Число зарегистрированных диагнозов	Справочно:
		Удельный вес сельского населения, процентов
Российская Федерация	33,9	25,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	112,2	16,1
Республика Северная Осетия – Алания	77,2	35,7
Карачаево-Черкесская Республика	74,3	57,1
Республика Алтай	65,5	70,8
г. Москва	61,9	1,0
г. Санкт-Петербург	58,6	–
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	57,8	7,4
Камчатский край	55,2	21,3
Республика Бурятия	54,0	40,9
Тюменская область	53,6	18,8

¹ Эксперт Минздрава сообщил о росте числа наркозависимых в пандемию // ТАСС. 22.06.2021. – https://tass.ru/obschestvo/11716699?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

² Влияние пандемии COVID-19 на алкоголизм // Psy.help. – <https://psy.help/2020/09/19/vliyanie-pandemii-covid-19-na-alkogolizm/>

³ Регионы России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 47–48, 408.

Республика Калмыкия	53,4	53,8
Московская область	52,9	18,3
Республика Адыгея	51,4	53,0
Республика Мордовия	51,1	36,0
Мурманская область	51,0	7,9
...		
Новосибирская область	18,2	20,7
Еврейская автономная область	17,6	31,7
Ставропольский край	17,4	40,8
Самарская область	17,2	20,3
Ненецкий автономный округ	17,1	25,8
Калужская область	16,4	24,2
Республика Дагестан	16,0	54,7
Саратовская область	15,1	24,3
Республика Татарстан	14,0	23,1
г. Севастополь	13,3	6,0
Кемеровская область	12,9	13,9
Республика Крым	11,6	49,2
Краснодарский край	11,5	44,4
Липецкая область	11,2	35,4
Чеченская Республика	6,6	62,0

Сельские территории, как правило, менее плотно заселены, и мобильность сельского населения по сравнению с горожанами значительно снижена, поскольку необходимости использовать общественный транспорт в большинстве сельских населенных пунктов нет, мест массового скопления населения не много, преобладает малоэтажная застройка и другим причинам. Но заболеваемость все-таки была очень высокой. Это позволяет предположить, что введенный локдаун не был эффективной мерой и/или контроль над соблюдением рекомендованных мер по социальному дистанцированию и использованию индивидуальных защитных средств был крайне слабым. В любом случае эффективным средством противостояния распространению инфекции локдаун в российском исполнении не назовешь. Специалистам необходимо установить причины очень высокой заболеваемости (в 2020 г. она была выше, чем в обеих столицах) в объективно сильно разобленном сообществе Республики Алтай и Карачаево-Черкесской Республики, удельный вес сельского населения в которых составляет 71 и 57% соответственно.

О том, что эффективность жестких ограничений 2020 г. не доказана, говорит и состав нижней части изучаемого ряда распределения, в который вошли несколько регионов, на территории которых расположены крупные городские агломерации: Новосибирская и Самарская области, Республика Татарстан, Краснодарский край.

Абсолютно точно определить уровень заболеваемости по COVID-19, как и по другим болезням, сложно по разным причинам, в числе которых могут быть как дефекты организации здравоохранения, так и нежелание людей обращаться в лечебное учреждение или отсутствие такой возможности. Влияние этих факторов в выше названных регионах можно считать не существенным, поскольку эти субъекты относятся к регионам с высоким уровнем развития медицины.

Показатели смертности по регионам России также сильно различались. Согласно официальным данным, COVID-19 стал причиной смерти 144,7 тыс. россиян в 2020 г. Кроме того, зафиксирован рост смертности от других заболеваний, не наблюдавшийся ранее в течение многих лет, в первую очередь, от болезней органов дыхания и системы кровообращения¹.

Наибольший рост смертности в 2020 г. зафиксирован в Чеченской Республике, Республике Дагестан, Ямало-Ненецком АО, Республике Ингушетия, Ханты-Мансийском АО – Югра, Республике Мордовия, Самарской области, Республике Татарстан, Оренбургской области, Чувашской Республике, Пензенской области, г. Москве, Липецкой области, Республике Башкортостан, Омской области, г. Санкт-Петербурге, наименьший – в г. Севастополе, Магаданской области, Республике Адыгея, Республике Бурятия, Сахалинской области, Забайкальском крае, Республике Алтай, Новгородской, Вологодской и Калининградской областях.

Как видим, регионы, вошедшие в состав той и другой групп, сильно различаются по условиям, которые большинство специалистов считают наиболее важными в процессах распространения вируса и утяжеления течения вызванного им заболевания. К числу таких факторов принято относить плотность и возрастную структуру населения, уровень развития медицины, качество организации медицинской помощи в период пандемии и др. Это значит, что определяющего воздействия на ход событий не имел ни один из перечисленных факторов, и необходимо детально проанализировать ситуацию в перечисленных регионах. Это позволит извлечь уроки и в будущем встретить подобную угрозу более подготовленными.

Вероятно, после тщательной оценки специалистами придется внести изменения в программы развития медицины, включая развитие сети учреждений, оснащенных современным оборудованием и необходимыми специалистами. Очевидно, что для этого потребуется немало времени, поэтому для достижения самой главной цели государства – сбережение населения – в числе приоритетных задач на современном этапе социально-экономического развития страны, принимая во внимание довольно тревожную эпидемиологическую ситуацию, должна рассматриваться реформа отечественной системы здравоохранения с учетом опыта и последствий пандемии COVID-19.

¹ Здравоохранение в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 21–22.

Пряжникова О.Н.

н.с. ИНИОН РАН

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Ключевые слова: медицинское обслуживание; мобильное здравоохранение; коммодификация здоровья; персонализированное здравоохранение; индекс персонализированного здоровья; Азиатско-Тихоокеанский регион.

Keywords: medical service; mobile healthcare; health commodification; personalised healthcare; personalised health index; Asia-Pacific countries.

В сфере медицинского обслуживания стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), как и в целом в мире, происходят значительные изменения, обусловленные инновациями в сфере медицинских технологий и диагностики. Активно развиваются процессы персонализации моделей лечения, профилактики заболеваний и ухода за пациентами. Это происходит за счет того, что при медицинском обслуживании начинают учитываться условия жизни, предпочтения, и генетические характеристики больного.

В качестве первой тенденции в здравоохранении региона можно отметить распространение так называемого *мобильного здравоохранения* – применение мобильных технических средств для контроля состояния пациентов, поддержки процессов лечения, фиксирования всплесков заболеваний и профилактики хронических болезней. Распространение среди широких слоев населения АТР практик мобильного здравоохранения приводит к изменению поведения людей, способствующего улучшению их состояния здоровья.

Почти повсеместное проникновение мобильной связи и всеобщее использование мобильных телефонов населением АТР позволили многим странам региона не проходить в развитии систем здравоохранения традиционные этапы организации медицинского обслуживания, которые прошли развитые страны, а сразу использовать инновационные подходы, связанные с совершенствованием технологий¹.

В рамках продвижения мобильного здравоохранения в регионе распространяются следующие практики:

– в сельских и труднодоступных для медиков районах с помощью мобильных телефонов собирается для дальнейшего анализа информация о здоровье пациентов и организуется дистанционное консультирование врачей-специалистов;

– медики создают групповые рассылки для пациентов, направленные на решение конкретных проблем со здоровьем, в том числе при хронических заболеваниях;

– растет популярность использования фитнес-приложений представителями среднего класса стран региона, как средства отслеживания состояния здоровья и его улучшения.

На фоне распространения мобильного здравоохранения проявляется тенденция перехода ответственности за сохранение здоровья населения от государственных органов к гражданам. Кроме того, пользование фитнес-приложениями способствует процессу коммодификации здоровья через придание ему свойств товара. Тенденция коммодификации здоровья приводит, в частности, к формированию новых видов сетей и Интернет-сообществ вокруг проблем, связанных со здоровьем².

Для поддержки процессов масштабирования проектов мобильного здравоохранения в АТР необходимо учитывать наличие таких факторов, как определенный уровень развития инфраструктуры и качества политической и институциональной среды, распространение инновационных технологий, подготовка квалифицированных кадров в сфере медицинского обслуживания, финансовая устойчивость запускаемых программных инициатив, научно обоснованный подход к развитию мобильного здравоохранения.

Кроме того, успешному распространению мобильного здравоохранения и выработке экономически эффективных решений на всех уровнях системы здравоохранения может способствовать системный мониторинг и анализ возникающих у пользователей мобильных телефонов потребностей, связанных с медицинским обслуживанием. Помимо прочего, быстрое распространение новых мобильных устройств и возникновение инновационных решений потребует на постоянной основе совершенствования моделей использования мобильных устройств и приложений в рамках мобильного здравоохранения. Также будет расти значимость обеспечения конфиденциальности личных данных пациентов на мобильных устройствах и совершенствования элементов коммуникации ориентированных на пользователя, учитывающих социальные и культурные особенности конкретных стран АТР.

¹ mHealth innovation in Asia: Grassroots challenges and practical interventions / Ed. by E. Baulch, J. Watkins, A. Tariq / Asian development bank. – Singapore: Springer, 2018. – 131 p.

² Ibid.

В АТР наблюдается еще одна определяющая будущее здравоохранения тенденция, а именно активно внедряются схемы *персонализированной (индивидуализированной) медицины*, представляющей собой совокупность методов профилактики, диагностики и лечения, основанных на индивидуальных особенностях пациента. Эти процессы проходят в странах АТР на фоне роста продолжительности жизни населения и адаптации к его последствиям в рамках семей, которые оказывают активную эмоциональную и финансовую поддержку людям старших возрастов¹.

В 2019 г. по инициативе организации «Future Proofing Healthcare» был создан Азиатско-тихоокеанский индекс персонализированного здоровья (Asia-Pacific Personalised Health Index), цель которого заключается в оценке готовности систем здравоохранения стран региона (Австралия, Китай, Япония, Индия, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Таиланд и Новая Зеландия) к внедрению персонализированного медицинского обслуживания².

Индекс рассчитывается по статистическим данным, предоставляемым органами здравоохранения стран АТР, и отражает уровень эффективности медицинского обслуживания по 27 индикаторам в четырех категориях: 1) политический контекст; 2) медицинская информация; 3) персонализированные технологии; 4) медицинские услуги. В соответствии со значением индекса страны ранжируются по уровням качества системы здравоохранения: высший (Сингапур, Тайвань, Япония), устойчивый (Австралия, Южная Корея, Новая Зеландия), удовлетворительный (Таиланд, Малайзия, Китай, Индия) и слабый (Индонезия).

Лидером среди стран региона по значению индекса является Сингапур. Наивысший результат достигнут благодаря передовому развитию цифровизации, эффективности национальной политики социально-экономического развития, высокого качества инфраструктуры и продвижению инноваций. Второе и третье места в рейтинге индекса занимают Тайвань и Япония. Наименьшие баллы получили системы здравоохранения Китая, Индии и Индонезии³.

В качестве передового опыта стран АТР по внедрению механизмов персонализированной медицины можно привести следующие примеры:

- разработка передовых мобильных приложений персонализированной медицины (Сингапур);
- составление базы для получения референсного генома (репрезентативного набора генов идеализированного населения) с целью развития передовых направлений персонализированной медицины (Индия);
- разработка информационной системы облачных технологий и блокчейна для анализа больших данных процесса лечения и его результатов, что способствует персонализации медицинского обслуживания и расширению практик использования искусственного интеллекта в здравоохранении (Южная Корея);
- разработка персональных устройств для мониторинга жизненно важных функций пожилых пациентов, отслеживания их местоположения, вызова экстренной помощи при падении или другой экстренной ситуации, связанной с необходимостью немедленной медицинской помощи (Таиланд);
- внедрение автоматизированных систем ухода за пациентами и пожилыми людьми с повышенным риском падения и низким уровнем подвижности (Малайзия);
- разработка системы искусственного интеллекта для обмена визуализированными данными о здоровье пациентов с целью диагностики заболеваний путем анализа изображений (Китай);
- расширение служб цифровых медицинских консультаций (Индонезия)⁴.

Важно отметить, что страны региона, где существует единая система базового здравоохранения (например, Китай, Япония, Южная Корея) скорее всего смогут быстро внедрить новые медицинские практики. Высока вероятность того, что правительства стран АТР с низкими доходами будут активнее налаживать обмен лучшими практиками и с частным сектором, и с близлежащими более развитыми странами региона, чтобы получать оптимальные решения для реформирования систем медицинского обслуживания.

Таким образом, страны АТР реализуют последовательную стратегию трансформации систем здравоохранения. В сфере медицинского обслуживания вместо «лечения больных» как главной цели системы приоритет смещается в сторону персонализированной медицины, делающей ставку на действенную профилактику заболеваний⁵.

Современные системы здравоохранения стран региона рассматривают диагностику в качестве ядра новой формирующейся экосистемы медицинских услуг. Использование анализа крупномасштабных данных о здоровье населения приведет к переходу от более объемной, но эпизодической медицинской помощи, к персонализированному медицинскому обслуживанию, а также будет стимулировать заинтересованные стороны к внедрению лучших пациенто-ориентированных практик. В конечном счете, формирование такой экосистемы позволяет преодолеть «разрозненность» медицинского обслуживания населения и создает большие возможности для сотрудничества государственных органов и частных предприятий в сфере продвижения инновационных технологий.

¹ Estrella T. A vision for Asia Pacific in 2050: At a glance / Future Proofing Healthcare. 2020. – 23 p. – https://futureproofinghealthcare.com/sites/default/files/inline-files/Roche%20A%20vision%20for%20Asia%20Pacific%20in%202050%20whitepaper%20FINAL%2019.06.20_0.pdf

² Getting to Personalised Healthcare in APAC: Findings, insights, and recommendations / Future Proofing Healthcare. 2020. – 33 p. – https://futureproofinghealthcare.com/sites/default/files/2021-01/FINAL_Getting%20to%20Personalised%20Healthcare%20in%20APAC%20whitepaper%20%28compressed%29.pdf

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Estrella T. A vision for Asia Pacific in 2050: At a glance / Future Proofing Healthcare. 2020. – 23 p. – https://futureproofinghealthcare.com/sites/default/files/inline-files/Roche%20A%20vision%20for%20Asia%20Pacific%20in%202050%20whitepaper%20FINAL%2019.06.20_0.pdf

Сафарова Г.Л.

д.б.н., к.э.н., зав. лабораторией, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург
gaia-s@mail.ru

Кипяткова В.А.

к.э.н., с.н.с. Института проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург
verakip@mail.ru

Сафарова А.А.

н.с. Института проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург
safarova.a@gmail.com

СМЕРТНОСТЬ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И ЕЕ СВЯЗЬ С СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ

Ключевые слова: смертность пожилого населения, стандартизованные коэффициенты, региональные различия, социально-экономические показатели благополучия населения, регрессионные модели.

Keywords: old-age mortality, standardized coefficients, socio-economic indicators of population well-being, regression models.

Работа посвящена оценке влияния социальных и экономических факторов на смертность пожилого населения (60 лет и старше) регионов России, выраженную стандартизованными коэффициентами смертности. Были рассмотрены факторы, характеризующие уровень дохода, семейное положение, образование, уровень медицинской помощи и другие. Отдельно для женского и мужского населения были разработаны эконометрические модели смертности пожилого населения, произведены оценки этих моделей с помощью методов регрессионного анализа, выделены группы значимых социально-экономических факторов. Основное внимание уделено регионам, входящим в Северо-западный федеральный округ (СЗФО). Расчеты основаны на данных переписей населения 2010 и 2002 годов, микропереписи 2015 года и Российской базы данных по рождаемости и смертности (РосБРС). Основным методом исследования является регрессионный анализ, в качестве единиц наблюдения выступают субъекты РФ.

Вначале рассмотрим смертность мужского (женского) населения, представленную в виде стандартизованных по структуре населения коэффициентов смертности мужского и женского населения старших (60+) возрастов в расчете на 100 000 населения за 2002, 2010 и 2015 годы. Затем проанализируем значимые социально-экономические факторы, характеризующие уровень дохода, семейное положение, образование, уровень медицинской помощи, обеспеченность жильем и другие, на примере регионов, входящих в СЗФО.

В состав СЗФО входят следующие регионы: Калининградская область, Мурманская область, Ленинградская область, Республика Карелия, Псковская область, г. Санкт-Петербург, Архангельская область, Ненецкий АО, Вологодская область, Республика Коми, Новгородская область. Формально Ненецкий АО является субъектом РФ, здесь он рассматривается в составе Архангельской области.

Ниже будут приведены рейтинги общих коэффициентов смертности (ОКС) населения старшего возраста (60+) для регионов СЗФО (для мужского и женского населения).

Общие коэффициенты смертности населения рассчитываются как отношение числа умерших в течение календарного года к среднегодовой численности населения. Сравнение общих коэффициентов смертности населения в различных населенных (в частности, в регионах СЗФО), равно как и в одном регионе в разные периоды времени, представляется некорректным, так как на эти показатели оказывает влияние структура населения, каковая для различных регионов и/или периодов времени может различаться (это хорошо видно ниже из табл. 1, 2). Для элиминирования влияния возрастной структуры была применена прямая стандартизация¹. В качестве населения, принятого за стандарт, была использована модель Европейского Стандартного Населения 2013 года².

В табл. 1, 2, рассчитанных по данным РосБРС, приведены рейтинги регионов СЗФО по коэффициентам смертности мужского и женского населения в старших возрастах (60+) в 2002, 2010 и 2015 гг. Для сравнения приведены также значения коэффициентов смертности для СЗФО и России в целом.

¹ Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. Демография: учебн. пособие. – М.: ИНФРА-М., 2007. – 424 с.

² Revision of the European Standard Population. Report of Eurostat's task force. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013. – 121 p.

**Рейтинг регионов СЗФО по коэффициентам смертности мужского населения в старших возрастах,
2002, 2010, 2015 гг. (на 100000 населения)**

Мужчины 2002					
Общий коэффициент смертности			Стандартизованный коэффициент смертности		
	<i>7416,08</i>	<i>Россия</i>		<i>9758,83</i>	<i>Россия</i>
	<i>7743,37</i>	<i>СЗФО</i>		<i>9857,49</i>	<i>СЗФО</i>
<i>1</i>	<i>6489,15</i>	<i>Санкт-Петербург</i>	<i>1</i>	<i>8094,56</i>	<i>Санкт-Петербург</i>
<i>2</i>	<i>7834,01</i>	<i>Калининградская обл.</i>	<i>2</i>	<i>10 159,91</i>	<i>Калининградская обл.</i>
<i>3</i>	<i>8201,58</i>	<i>Вологодская обл.</i>	<i>3</i>	<i>10 781,81</i>	<i>Ленинградская обл.</i>
<i>4</i>	<i>8208,06</i>	<i>Архангельская обл.</i>	<i>4</i>	<i>10 878,43</i>	<i>Архангельская обл.</i>
<i>5</i>	<i>8351,26</i>	<i>Ленинградская обл.</i>	<i>5</i>	<i>10 966,97</i>	<i>Вологодская обл.</i>
<i>6</i>	<i>8357,82</i>	<i>Мурманская обл.</i>	<i>6</i>	<i>11 556,29</i>	<i>Респ. Карелия</i>
<i>7</i>	<i>8731,43</i>	<i>Респ. Коми</i>	<i>7</i>	<i>11 687,25</i>	<i>Псковская обл.</i>
<i>8</i>	<i>8753,03</i>	<i>Респ. Карелия</i>	<i>8</i>	<i>11 788,96</i>	<i>Респ. Коми</i>
<i>9</i>	<i>9096,95</i>	<i>Новгородская обл.</i>	<i>9</i>	<i>11 889,87</i>	<i>Новгородская обл.</i>
<i>10</i>	<i>9151,24</i>	<i>Псковская обл.</i>	<i>10</i>	<i>12 255,05</i>	<i>Мурманская обл.</i>
Мужчины 2010					
Общий коэффициент смертности			Стандартизованный коэффициент смертности		
	<i>6674,03</i>	<i>Россия</i>		<i>8127,73</i>	<i>Россия</i>
	<i>6567,45</i>	<i>СЗФО</i>		<i>7970,44</i>	<i>СЗФО</i>
<i>1</i>	<i>5573,25</i>	<i>Санкт-Петербург</i>	<i>1</i>	<i>6651,64</i>	<i>Санкт-Петербург</i>
<i>2</i>	<i>6592,41</i>	<i>Мурманская обл.</i>	<i>2</i>	<i>8214,71</i>	<i>Ленинградская обл.</i>
<i>3</i>	<i>6607,88</i>	<i>Ленинградская обл.</i>	<i>3</i>	<i>8385,36</i>	<i>Калининградская обл.</i>
<i>4</i>	<i>6696,83</i>	<i>Калининградская обл.</i>	<i>4</i>	<i>8448,49</i>	<i>Архангельская обл.</i>
<i>5</i>	<i>6863,70</i>	<i>Архангельская обл.</i>	<i>5</i>	<i>9012,03</i>	<i>Респ. Карелия</i>
<i>6</i>	<i>7182,73</i>	<i>Респ. Коми</i>	<i>6</i>	<i>9379,70</i>	<i>Вологодская обл.</i>
<i>7</i>	<i>7364,41</i>	<i>Респ. Карелия</i>	<i>7</i>	<i>9385,80</i>	<i>Мурманская обл.</i>
<i>8</i>	<i>7750,75</i>	<i>Вологодская обл.</i>	<i>8</i>	<i>9477,24</i>	<i>Респ. Коми</i>
<i>9</i>	<i>8149,43</i>	<i>Новгородская обл.</i>	<i>9</i>	<i>9752,26</i>	<i>Новгородская обл.</i>
<i>10</i>	<i>8565,87</i>	<i>Псковская обл.</i>	<i>10</i>	<i>9896,38</i>	<i>Псковская обл.</i>
Мужчины 2015					
Общий коэффициент смертности			Стандартизованный коэффициент смертности		
	<i>5651,03</i>	<i>Россия</i>		<i>6977,72</i>	<i>Россия</i>
	<i>5488,21</i>	<i>СЗФО</i>		<i>6737,98</i>	<i>СЗФО</i>
<i>1</i>	<i>4717,83</i>	<i>Санкт-Петербург</i>	<i>1</i>	<i>5470,20</i>	<i>Санкт-Петербург</i>
<i>2</i>	<i>5448,64</i>	<i>Ленинградская обл.</i>	<i>2</i>	<i>6821,18</i>	<i>Ленинградская обл.</i>
<i>3</i>	<i>5483,22</i>	<i>Мурманская обл.</i>	<i>3</i>	<i>7236,78</i>	<i>Калининградская обл.</i>
<i>4</i>	<i>5578,62</i>	<i>Калининградская обл.</i>	<i>4</i>	<i>7625,36</i>	<i>Архангельская обл.</i>
<i>5</i>	<i>5786,51</i>	<i>Архангельская обл.</i>	<i>5</i>	<i>7926,78</i>	<i>Мурманская обл.</i>
<i>6</i>	<i>6075,51</i>	<i>Респ. Коми</i>	<i>6</i>	<i>8046,30</i>	<i>Новгородская обл.</i>
<i>7</i>	<i>6377,22</i>	<i>Респ. Карелия</i>	<i>7</i>	<i>8286,88</i>	<i>Вологодская обл.</i>
<i>8</i>	<i>6447,56</i>	<i>Вологодская обл.</i>	<i>8</i>	<i>8321,81</i>	<i>Респ. Карелия</i>
<i>9</i>	<i>6548,43</i>	<i>Новгородская обл.</i>	<i>9</i>	<i>8348,94</i>	<i>Респ. Коми</i>
<i>10</i>	<i>6931,85</i>	<i>Псковская обл.</i>	<i>10</i>	<i>8458,73</i>	<i>Псковская обл.</i>

**Рейтинг регионов СЗФО по коэффициентам смертности женского населения в старших возрастах,
2002, 2010, 2015 гг. (на 100 000 населения)**

Женщины 2002					
Общий коэффициент смертности			Стандартизованный коэффициент смертности		
	<i>5098,74</i>	<i>Россия</i>		<i>6245,70</i>	<i>Россия</i>
	<i>5300,90</i>	<i>СЗФО</i>		<i>6408,06</i>	<i>СЗФО</i>
<i>1</i>	<i>4943,75</i>	<i>Санкт-Петербург</i>	<i>1</i>	<i>5592,95</i>	<i>Санкт-Петербург</i>
<i>2</i>	<i>4960,51</i>	<i>Мурманская обл.</i>	<i>2</i>	<i>6712,52</i>	<i>Ленинградская обл.</i>
<i>3</i>	<i>5153,56</i>	<i>Калининградская обл.</i>	<i>3</i>	<i>6719,99</i>	<i>Вологодская обл.</i>
<i>4</i>	<i>5386,08</i>	<i>Ленинградская обл.</i>	<i>4</i>	<i>6820,42</i>	<i>Калининградская обл.</i>
<i>5</i>	<i>5450,51</i>	<i>Архангельская обл.</i>	<i>5</i>	<i>6913,60</i>	<i>Новгородская обл.</i>
<i>6</i>	<i>5528,46</i>	<i>Респ. Карелия</i>	<i>6</i>	<i>6965,35</i>	<i>Архангельская обл.</i>
<i>7</i>	<i>5538,60</i>	<i>Респ. Коми</i>	<i>7</i>	<i>7108,55</i>	<i>Псковская обл.</i>
<i>8</i>	<i>5543,70</i>	<i>Вологодская обл.</i>	<i>8</i>	<i>7333,35</i>	<i>Респ. Карелия</i>
<i>9</i>	<i>5803,73</i>	<i>Новгородская обл.</i>	<i>9</i>	<i>7457,81</i>	<i>Мурманская обл.</i>
<i>10</i>	<i>6108,71</i>	<i>Псковская обл.</i>	<i>10</i>	<i>7458,87</i>	<i>Респ. Коми</i>

Женщины 2010					
Общий коэффициент смертности			Стандартизованный коэффициент смертности		
	4730,82	Россия		5093,13	Россия
	4688,06	СЗФО		4951,69	СЗФО
1	4295,98	Мурманская обл.	1	4409,23	Санкт-Петербург
2	4302,80	Санкт-Петербург	2	5019,37	Ленинградская обл.
3	4638,32	Респ. Коми	3	5120,33	Респ. Карелия
4	4652,17	Респ. Карелия	4	5173,09	Архангельская обл.
5	4689,89	Архангельская обл.	5	5202,09	Калининградская обл.
6	4692,18	Ленинградская обл.	6	5381,35	Вологодская обл.
7	4720,64	Калининградская обл.	7	5455,99	Респ. Коми
8	5375,40	Вологодская обл.	8	5572,20	Мурманская обл.
9	5564,15	Новгородская обл.	9	5696,92	Новгородская обл.
10	5836,20	Псковская обл.	10	5784,72	Псковская обл.
Женщины 2015					
Общий коэффициент смертности			Стандартизованный коэффициент смертности		
	4156,93	Россия		4427,08	Россия
	4094,82	СЗФО		4298,93	СЗФО
1	3796,57	Мурманская обл.	1	3803,27	Санкт-Петербург
2	3812,20	Санкт-Петербург	2	4300,71	Ленинградская обл.
3	3983,57	Архангельская обл.	3	4444,82	Архангельская обл.
4	3993,78	Респ. Коми	4	4584,37	Калининградская обл.
5	4059,40	Ленинградская обл.	5	4746,73	Вологодская обл.
6	4105,09	Калининградская обл.	6	4774,73	Респ. Карелия
7	4305,94	Респ. Карелия	7	4821,30	Мурманская обл.
8	4632,60	Вологодская обл.	8	4859,44	Респ. Коми
9	4844,19	Новгородская обл.	9	4896,21	Новгородская обл.
10	5024,78	Псковская обл.	10	5050,37	Псковская обл.

Результаты расчетов, приведенные в табл. 1, 2, показывают, что в 2002 г. стандартизованный коэффициент смертности (СКС) в старших возрастах в СЗФО был несколько выше, чем в целом по РФ (и для мужчин, и для женщин). В 2010 г. и 2015 г. ситуация в СЗФО улучшилась и СКС опустился ниже, чем в целом по РФ.

Для всех приведенных регионов СКС убывал (и для мужчин, и для женщин). Для всех приведенных регионов СКС мужского населения был выше СКС женского населения (для 2002, 2010 и 2015 гг.).

Для мужского населения три наименьших значения СКС наблюдались в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Калининградской областях для 2002, 2010 и 2015 годов. Три наибольших – в Республике Коми (2002, 2010, 2015 гг.), Мурманской (2002 г.), Псковской (2010, 2015 гг.), Новгородской (2002, 2010 гг.) областях и Республике Карелии (2015 г.).

Для женского населения ситуация несколько иная. Если два первых места с наименьшими значениями СКС все годы, как и для мужского населения, занимали Санкт-Петербург и Ленинградская область, то третье место занимали Вологодская область (2002 г.), Республика Карелия (2010 г.) и Архангельская область (2015 г.), а Калининградская область находилась на 4-5 местах.

Три наибольших значения СКС для женского населения наблюдаются в тех же регионах, что и для мужского населения – в Республике Коми (2002, 2015 гг.), Псковской (2010, 2015 гг.), Новгородской (2010, 2015 гг.), Мурманской (2002 г., 2010 гг.) областях и Республике Карелии (2002 г.).

Перейдем к описанию связи СКС для женского и для мужского населения с рядом социально-экономических факторов, включающих экономические характеристики (долю безработных, отношение пенсии к доходу, долю бедных в населении, децильный коэффициент, коэффициент Джини), характеристики системы здравоохранения, состояние в браке, семейную структуру, образовательную структуру, и др.¹

В итоговый список показателей, включенных в регрессию, вошли: year2010, year2015, lonelyold (численность лиц в возрасте 55+, проживающих в домохозяйствах, состоящих из одного человека/численность населения 55+), unemployed (численность безработных/общая численность населения), pensioincome (средний размер пенсии/среднедушевые доходы), poor (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума), koiki (число человек на 1 койко-место), Mwid (доля вдовых мужчин в общей численности мужчин 60+), Fwid (доля вдовых женщин в общей численности женщин 60+), Mhigh (доля пожилых мужчин, имеющих послевузовское и высшее образование), Fhigh (доля пожилых женщин, имеющих послевузовское и высшее образование). Переменные year2010, year2015 — dummy-переменные, принимающие значение 1, если наблюдение относится к 2010 или 2015 г. соответственно; 2002 г. был выбран в качестве базового.

Отдельно для женского и мужского населения были разработаны эконометрические модели смертности пожилого населения, произведены оценки этих моделей с помощью методов регрессионного анализа, выделены группы значимых социально-экономических факторов, рассчитаны коэффициенты, *t*-статистики и коэффициенты детерминации. Практическая реализация моделей была выполнена при помощи эконометрического пакета Stata, версия 13.1.

¹ Список и описание показателей, используемых в моделях, приведены в работах: Кипяткова В.А., Сафарова Г.Л., Сафарова А.А. Смертность пожилого населения России: влияние социально-экономических факторов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы. 2019. – № 1–2 (58–59). – С. 131–140; Сафарова Г.Л., Кипяткова В.А., Сафарова А.А. Смертность в старших возрастах: влияние социально-экономических факторов // Успехи геронтологии. 2021. – Т. 34, № 6. – С. 910–918.

Установлено, что практически все показатели, включенные в модель, оказываются значимыми, при этом для всех показателей, кроме *koiki*, направление влияния согласуется с первоначальными предположениями. Так, показатели *lonelyold*, *unemployed*, *poor*, *Mwid*, *Fwid* положительно коррелируют со смертностью (для мужской смертности показатели *poor*, *pensiontoincome* имеют коэффициенты, не значимые на 5% уровне), а показатели *pensiontoincome*, *Mhigh*, *Fhigh* – отрицательно (для мужской смертности показатель *pensiontoincome* имеет отрицательный коэффициент, но не значимый на 10% уровне).

Следующие графики иллюстрируют зависимость показателей смертности регионов СЗФО от доли одиноких домохозяйств, *lonelyold* (рис. 1, 2), от доли вдовых, *Mwid* и *Fwid* (рис. 3, 4) и от доли пожилых, имеющих послевузовское и высшее образование, *Mhigh* и *Fhigh* (рис. 5, 6). На рис. 1, 2 (3, 4) видна положительная связь показателя смертности с долей одиноких домохозяйств (и с долей вдовых) для мужской и для женской смертности.

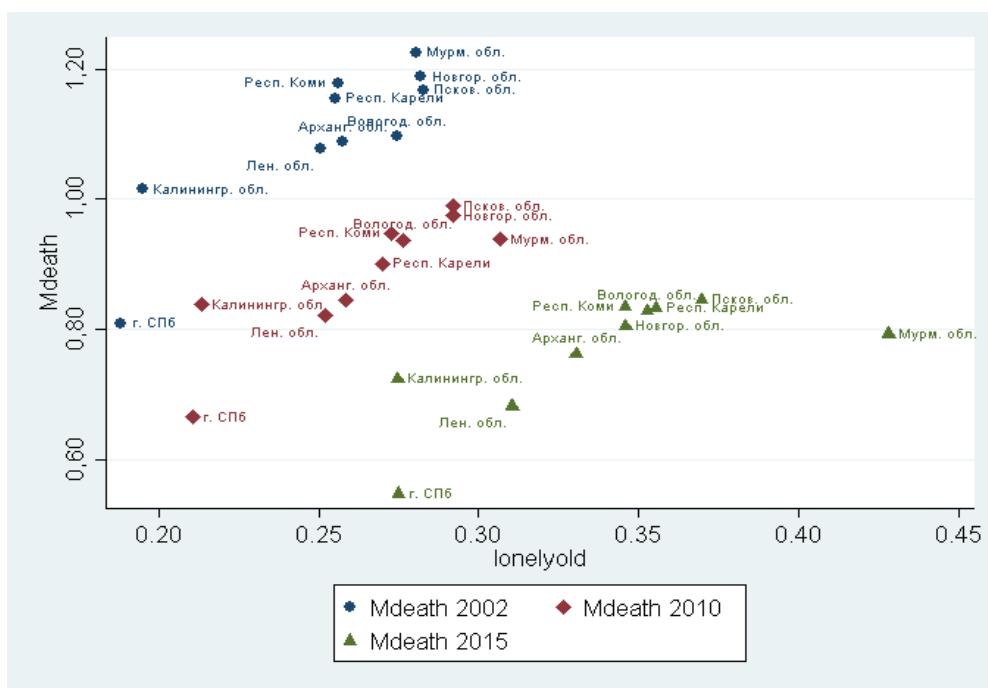

Рисунок 1.

Зависимость мужской смертности в возрасте 60+ от количества одиноких домохозяйств, регионы СЗФО, 2002, 2010, 2015 гг.

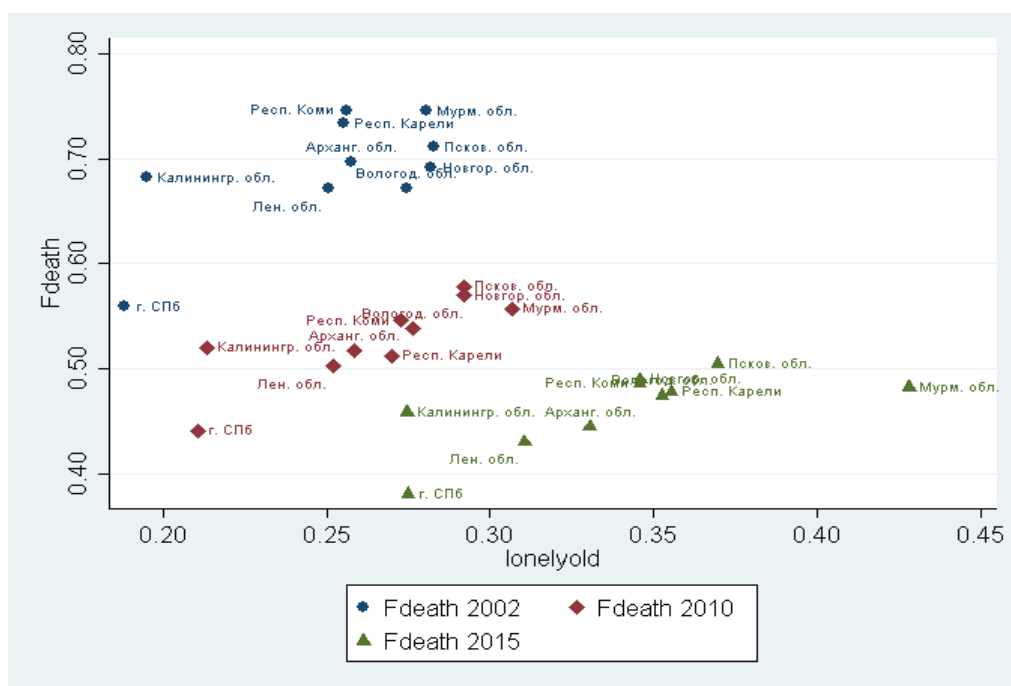

Рисунок 2.

Зависимость женской смертности в возрасте 60+ от количества одиноких домохозяйств, регионы СЗФО, 2002, 2010, 2015 гг.

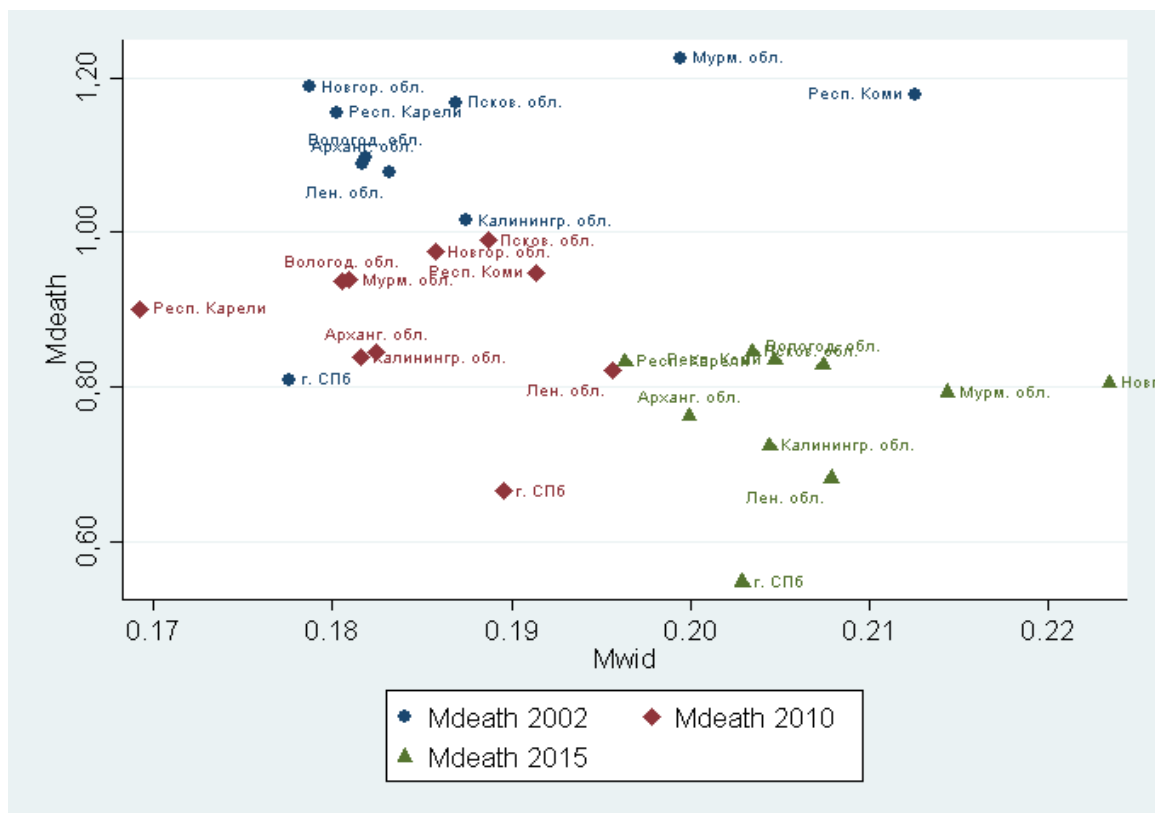

Рисунок 3.
Зависимость мужской смертности в возрасте 60+ от доли вдовых мужчин, регионы СЗФО, 2002, 2010, 2015 гг.

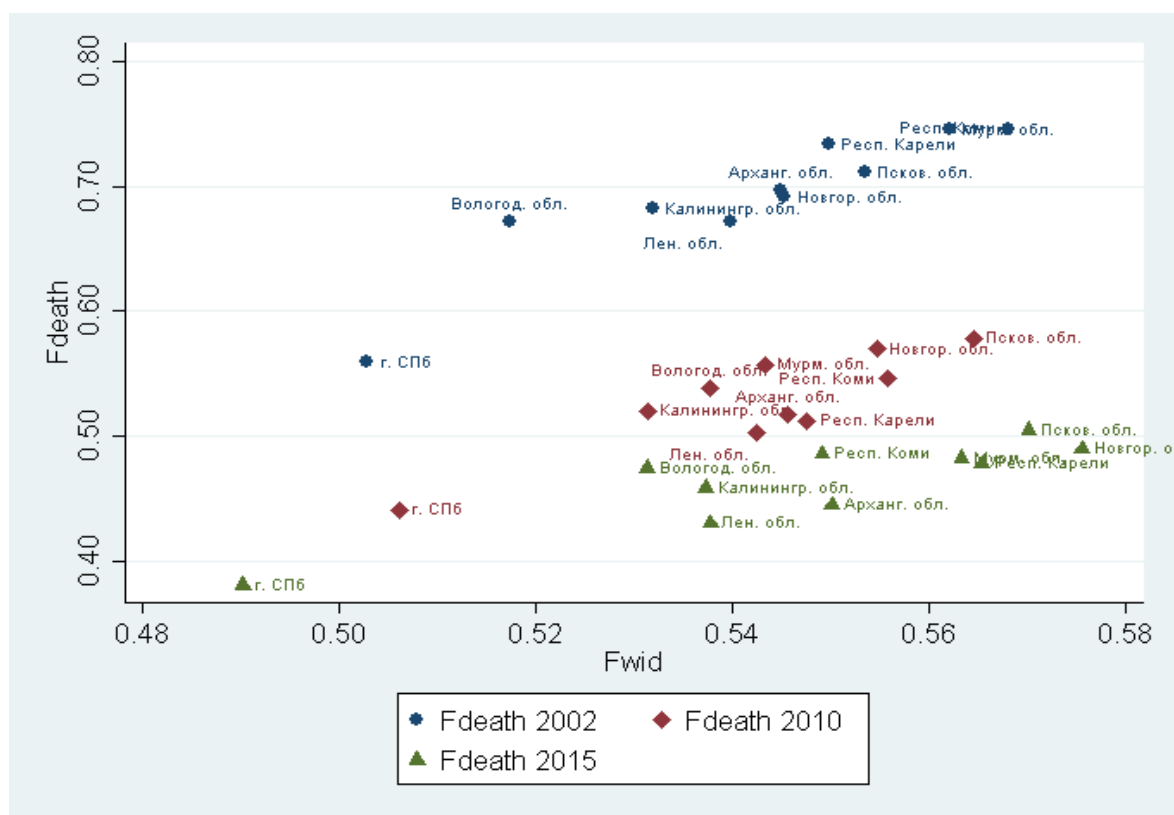

Рисунок 4.
Зависимость женской смертности в возрасте 60+ от доли вдовых женщин, регионы СЗФО, 2002, 2010, 2015 гг.

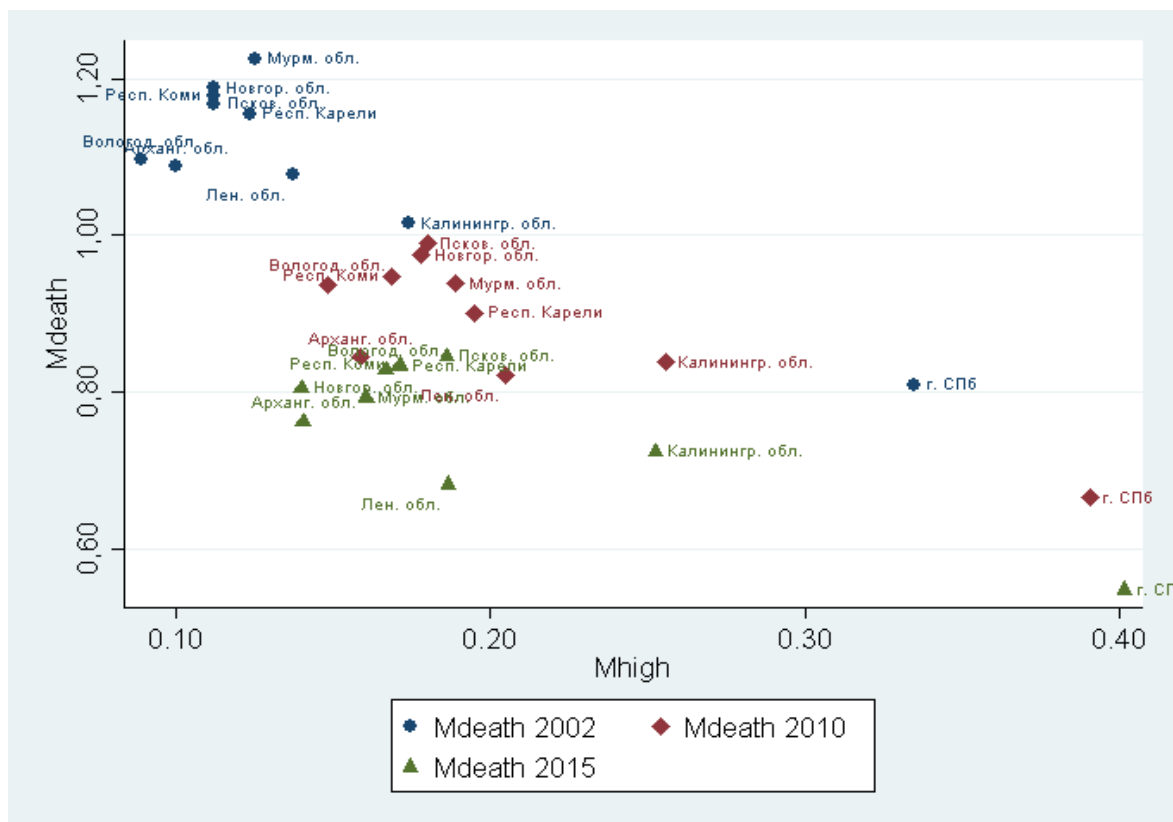

Рисунок 5.

Зависимость мужской смертности в возрасте 60+ от доли мужчин, имеющих послевузовское и высшее образование, регионы СЗФО, 2002, 2010, 2015 гг.

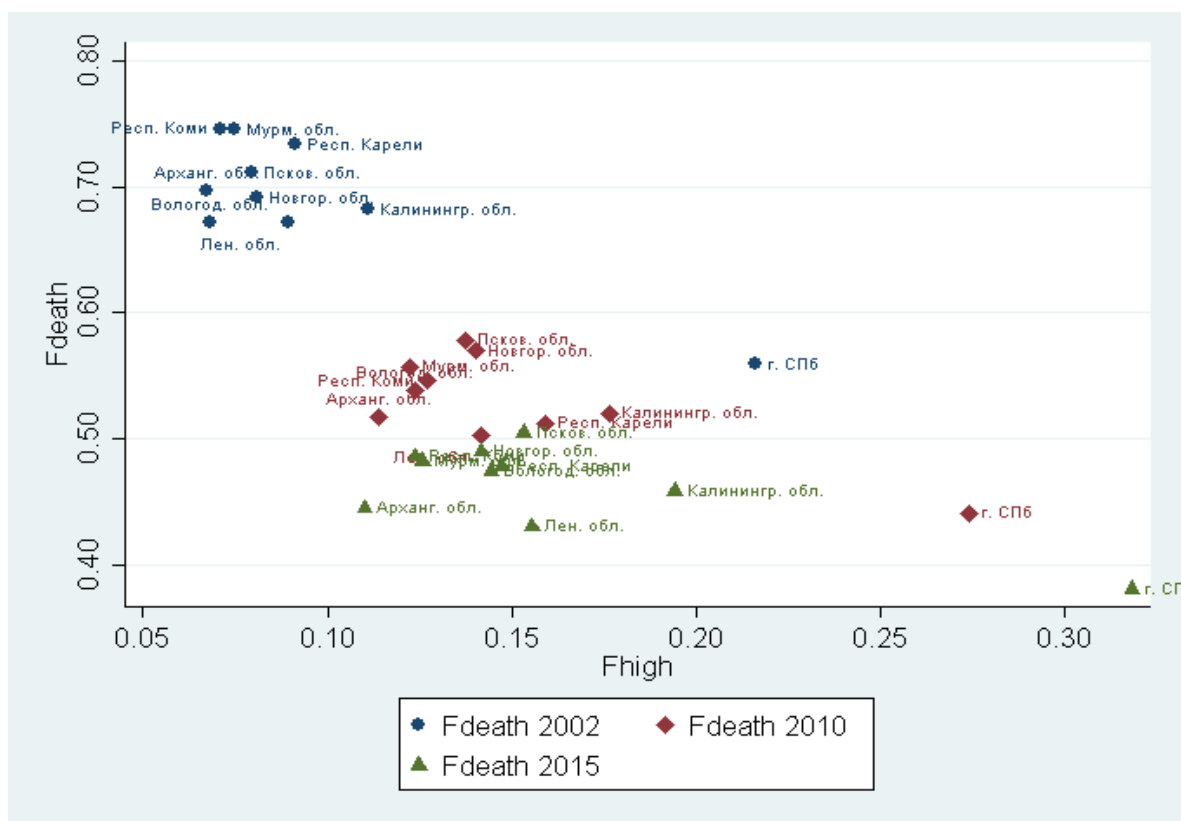

Рисунок 6.

Зависимость женской смертности в возрасте 60+ от доли женщин, имеющих послевузовское и высшее образование, регионы СЗФО, 2002, 2010, 2015 гг.

Рис. 5, 6 демонстрируют отрицательную зависимость показателей смертности мужчин (женщин) от доли пожилых мужчин (женщин) с высшим и послевузовским уровнем образования (Mhigh, Fhigh)¹.

Из ряда рассмотренных социально-экономических факторов, влияющих на уровень смертности населения старшего возраста, особого внимания для повышения эффективности социально-экономической политики в интересах пожилых граждан требуют проблемы одиноких домохозяйств (особенно для мужчин), трудности вдов и вдовцов. Меры социально-экономической политики, способствующие повышению уровня образования, окажут положительное влияние на снижение смертности пожилого населения.

Проведенное исследование смертности пожилого населения в региональном разрезе может быть полезно при разработке мероприятий по снижению смертности в старших возрастных группах и тем самым способствовать увеличению ожидаемой продолжительности жизни населения и повышению жизненного потенциала населения регионов и страны в целом.

¹ Источники для рис. 1–6: собственные расчеты, основанные на данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015; www.gks.ru

Снакин В.В.

д.б.н., профессор, гл.н.с. Музея земледелия МГУ; Институт фундаментальных проблем биологии РАН,
г. Пушкино

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: динамика численности биологических видов, стратегия размножения, демографический переход, депопуляция, демографическая политика.

Keywords: population dynamics of biological species, reproduction strategy, demographic transition, depopulation, demographic policy.

Введение. Важным фактором формирования стратегии развития региона является анализ динамики его народонаселения и формирование демографической политики, целью которой является регулирование процессов воспроизводства населения в желательном для региона направлении. Для формирования научно обоснованной эффективной демографической политики важно понять механизмы природной динамики численности биологических видов и, в частности, человеческой популяции. В изучении демографической ситуации в мире и в отдельно взятых регионах отмечаются существенные достижения, хотя сущность многих демографических процессов, как правило, имеющих глубокую природную составляющую, во многом остаётся не ясной, а, главное, не понимаемой широкими слоями населения. В данной работе предпринята попытка проанализировать имеющиеся данные о закономерностях динамики численности природных популяций и их приложения к динамике народонаселения.

Закономерности динамики популяций биологических видов. Целью развития любого биологического вида является более эффективное использование природных ресурсов и преобразование окружающей среды в благоприятном для вида направлении. При этом рост численности вида обусловлен наличием ресурсной базы и условиями выживания. В силу нестабильности указанных и иных факторов среды для всех видов характерны т.н. *популяционные волны* (по Н.Н. Тимофееву-Ресовскому) или *волны жизни* (по С.С. Четверикову), имеющие определённое эволюционное значение, поскольку при резком сокращении численности и дальнейшем её восстановлении изменяются частоты генов, а значит, и генофонд. При резких изменениях условий жизни некоторые виды испытывают т.н. *эффект бутылочного горлышка* – одну из форм популяционных волн, когда вследствие резкого уменьшения численности популяции происходит сокращение генофонда с последующим восстановлением.

На разных этапах развития *стратегии размножения видов* изменяются. При этом различают *r-стратегию* – высокую способность к репродукции при отсутствии заботы о потомстве и *K-стратегию* – низкую скорость репродукции при высокой степени заботы о потомстве¹. К-отбор благоприятствует более эффективному использованию ресурсов, например, пищевых, и характерен для развитых сообществ; г-отбор благоприятствует более высоким темпам роста популяции и высокой продуктивности; это ведущая форма при освоении новых территорий, у пионерных сообществ, при ухудшении условий окружающей среды. Между этими видами отбора имеется фундаментальное отличие. На самых ранних стадиях заселения территории доминирует г-отбор; большинство видов, занимающих стабильные биотопы, при достижении ими максимальных размеров популяции имеют тенденцию к снижению г-отбора. Одновременно существует тенденция к росту К-отбора благодаря более тонкой адаптации к локальным условиям, а также *ускорению передачи наследственной информации не столько на генетическом уровне, сколько на социальном* в силу большей длительности воспитания потомства. Относительное количество видов с г- и К-отбором будет определяться стабильностью локальной среды обитания. В периоды с неблагоприятными условиями преимущество вновь получает г-отбор.

Ещё одним важным фактором динамики численности популяции является её плотность. Замечательные опыты американского этолога и психолога Дж. Кэлхуна², называемые часто «мышиним раем», показали, что при полном обеспечении пищей и безопасных санитарно-гигиенических условиях высокая скученность мышиных и крысиных популяций приводила к т.н. «поведенческой клоаке» (*Behavioral sink* – агрессивность в отношении самок друг к другу и потомству, пансексуальность, гомосексуальность и асексуальность у самцов и т.п.), что при изначальном росте популяции вело к снижению численности, а в итоге к гибели популяции. Кэлхун описал распад популяции как «смерть в квадрате» («первую смерть», смерть духа, мыши переживали ещё при жизни) и считал, что не существует логических причин, по которым наблюдаемые в его экспериментах социальные эффекты не могут произойти в человеческом обществе.

¹ MacArthur R., Wilson E.O. The theory of island biogeography. – Princeton (New Jersey): Princeton Univ. Press, 1967. – 203 p.

² Calhoun J. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // Proc. roy. Soc. Med. 1973. – Vol. 66, N 2. – P. 80–88.

Закономерности численности человеческой популяции. На первых стадиях развития человека динамика популяции определялась теми же закономерностями, что и у других биологических видов, прежде всего у животных.

Однако человек смог пойти дальше других представителей животного мира в стремлении к независимости от природных условий и существенно расширил свою пищевую базу в эпоху позднейшего каменного века (неолита, около 10 тыс. лет назад), когда перешёл от присваивающего хозяйства (собирательство, охота, рыболовство) к новым формам получения продуктов путём их производства (скотоводство, земледелие – к так называемой производящей экономике). Эффект от этой неолитической революции был многократно превзойдён во времена научно-технической революции XX века – периода качественного преобразования производительных сил на основе превращения науки в ведущий фактор развития общества. Таким образом, человек практически освободился от фактора обеспеченности пищевыми и иными ресурсами как регулятора численности народонаселения (хотя ещё во многих регионах фактор недоедания имеет место, но это уже в силу, как правило, не экономических возможностей, а социально-политических причин).

Исторически проблема динамики народонаселения обострилась вместе с появлением государств, существование которых было напрямую связано с благополучием и ростом населения. При этом дискуссии по проблемам демографической политики государств ведутся с древних времён. Так, древнегреческий философ Платон (~428–347 до н.э.) утверждал, что рост населения государства не всегда позитивен, так как он заставляет людей мигрировать. Согласно теории английского священника, демографа и экономиста Томаса Р. Мальтуса (1766–1834) неконтролируемый рост народонаселения может приводить к снижению благосостояния и массовому голоду.

При неуклонном росте численности человеческой популяции на Земле с древних веков до нашего времени динамика народонаселения различных регионов была самой разнообразной. Огромную роль в регуляции численности регионов играли нехватка продуктов (голод, недоедание), эпидемии, войны, геноцид населения со стороны соседних или собственных государств, природные катаклизмы. Большинство из указанных факторов в силу развития человеческой цивилизации в настоящее время перестали играть решающую роль.

Согласно расчётам С.П. Капицы¹, до XXI века скорость роста народонаселения была обратно пропорциональна квадрату численности населения; причём эту закономерность нельзя применять к масштабам отдельных стран, что косвенно является свидетельством единства населения Земли как системы.

Начиная с XX века закономерности динамики народонаселения стали принципиально меняться. Стремительный рост народонаселения с ускорением (*демографический взрыв*: за XX век численность человечества возросла почти в 4 раза: с 1,65 до 6,06 млрд) сменился т.н. *демографическим переходом*, когда скорость прироста численности населения стала неуклонно снижаться. Первыми демографический переход во второй половине XX века пережили развитые государства (Швеция, Германия, Россия и др.), уровень населения которых к настоящему времени в значительной мере поддерживается за счёт миграции из других стран.

Развивающиеся государства показывают такую же тенденцию. Считается, что в среднем демографический переход для всего народонаселения приурочен к границе XX–XXI века. Причиной такого перехода можно считать в первую очередь отмеченную выше у животных закономерность в смене стратегий размножения видов, когда и в человеческом обществе высокую способность к репродукции при невысокой степени заботы о потомстве (r-стратегию) заменила K-стратегия – низкая скорость репродукции при принципиально возросшей степени заботы о потомстве. Существенно вырос период обучения профессии у молодёжи, а современные, как правило, малолетние родители проявляют заботу о потомках часто до солидного возраста последних.

С одной стороны, демографический переход ведёт к стабилизации и в последующем может даже привести к уменьшению численности народонаселения Земли, таким образом как бы способствуя снижению давления человека на биосферу, уменьшению экологической напряжённости.

С другой стороны, неравномерный рост населения в разных странах ведёт к ряду негативных последствий: нехватке рабочих рук, изменению соотношения населения разных стран, росту миграции, национальным, расовым и религиозным конфликтам, «старению населения» и др.

При сохранении в дальнейшем сокращения прироста населения речь может идти о *депопуляции* во многих ведущих странах мира.

Высокий уровень депопуляции отмечается в России и в целом ряде других государств: в Литве, Латвии, Эстонии, Украине, Белоруссии, Польше, Венгрии, Болгарии и мн. др. странах. Предположительно, к 2300 г. на Земле будет столько же людей, сколько было в середине XX века – 2,5 млрд человек.

В качестве одной из важных особенностей ситуации с современным народонаселением отмечают т.н. *демографическое «старение населения»*. Под этим термином понимают процесс увеличения доли пожилых людей в общей численности населения в результате роста продолжительности жизни и изменений в характере и соотношении рождаемости и смертности населения, а также эмиграции молодёжи. По оценкам ООН, население мира в возрасте 60 лет и старше насчитывало в 2000 г. 600 млн человек, что почти втрое превышало численность этой возрастной группы в 1950 г. (205 млн); в 2009 г. она превысила 737 млн, а к 2050 г. составит более 2 млрд человек. Если в 2009 г. удельный вес населения старше 60 лет в среднем по миру составлял 10,8% (минимальный в Катаре и ОАЭ – 1,9%, а максимальный в Японии – 29,7%), то по прогнозам в 2050 г. составит 22%. Первыми ощутили старение населения развитые страны; к настоящему времени этот процесс охватил весь мир и оценивается как серьёзная экономическая проблема. Но в то же время этот процесс имеет и положительные стороны: рост продолжительности жизни стабилизирует чис-

¹ Капица С.П. Общая теория роста человечества: Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. – М.: Наука, 1999. – 190 с.

ленность населения в условиях снижения рождаемости; фактически увеличивается доля работоспособного населения, поскольку этот рост происходит за счёт улучшения здоровья.

Еще одним важным демографическим аспектом является *миграция населения* – перемещение населения из одного региона в другой. Причины могут быть социальными, политическими, экологическими (например, вследствие изменения климата, засухи), этнокультурными и т.п. С одной стороны, миграция населения может возмещать естественную убыль населения страны (депопуляцию), с другой, – создаёт проблемы как для стран, переживающих массовый выезд, так и для тех мест, куда они направляются («утечка мозгов», проблемы ассимиляции с местным населением, изменение демографической структуры и др.). Миграция населения характеризуется неравномерностью и является яркой иллюстрацией *давления жизни*. Современные процессы *глобализации* облегчают и ускоряют миграцию населения, как впрочем и миграцию других биологических видов, особенно животных. Характерным современным примером в этом отношении является бегство населения с территории Украины вследствие многолетнего притеснения русскоязычных и военного конфликта (по некоторым оценкам, до трети граждан страны).

Социальные факторы в динамике народонаселения. Из всех представителей животного мира человек – самый социальный вид. Поэтому основной процесс в динамике народонаселения – деторождение – не столько биологическое, сколько социальное явление.

Материальные факторы при всей их важности оказываются не решающими при принятии решения о рождении ребёнка. Напротив, наши расчёты взаимосвязи рождаемости с различными факторами¹ показали, прежде всего, достоверную отрицательную связь с материальным положением (коэффициент корреляции с ВВП на душу населения – $-0,70$)². Действительно, отмечаемая в развитых странах депопуляция происходит на фоне растущего благосостояния населения.

При этом решение о деторождении в значительной степени принимается на *подсознательном уровне*. Так, связь показателей рождаемости и степени удовлетворения сексуальной жизнью показал явное наличие положительной связи (коэффициент корреляции – $+0,59$)³. В полном соответствии с изречением замечательного писателя М. Булгакова («разруха не в клозетах, а в головах»), решение о деторождении, прежде всего, принимается «головой». Но это решение может быть на уровне инстинкта, подсознания (некий природный элемент), а может быть на основании приобретённого опыта, прогноза изменения качества жизни, знаний, убеждений⁴, в т.ч. религиозных.

Подсознательный аспект обусловлен природными (генетическими, физиологическими) свойствами организма. В какой-то мере этот аспект сродни реакции некоторых грызунов, у беременных самок которых при нехватке питания происходит рассасывание плода. Как и в случае описанных выше опытов Д. Кэлхуна с животными, скученность населения в больших городах порождает отклонения в психосоциальном, включая половое, поведении. При этом также развиваются, а порой даже рекламируются разные формы девиантного поведения: асексуальность, пансексуальность, гомосексуальность. Всё более популярны термин метросексуал, борьба за равноправие полов и т.п. Все эти формы поведения отрицательно сказываются на показателе рождаемости.

Создаётся также впечатление, что негативные явления (скученность населения, загрязнение окружающей природной среды и т.п.), а порой просто негативная трактовка явлений окружающей жизни типа чрезмерного экологического алармизма о скором «конце света», исподволь воздействуют на психику людей и отрицательно влияют на решение о рождении ребёнка.

Особо следует выделить явление, известное как *чайлдфри* (от англ. *childfree* – свободный от детей), под которой понимают субкультуру и идеологию, характеризующуюся осознанным нежеланием иметь детей (в отличие от людей, не имеющих возможности иметь детей по медицинским или иным показателям) в пользу личной свободы. При этом утверждается, что отсутствие детей есть привилегия развитого социума. Это термин возник в США в 1970-е, где в настоящее время насчитывается более 40 организаций, объединяющих сторонников движения. В социальных сетях России также имеются открытые и закрытые группы, исповедующие чайлдфри в противовес людям с традиционными взглядами на семью. Проявляемый в условиях высокого уровня материального обеспечения феномен чайлдфри в эволюционном аспекте является одним из возможных способов снижения рождаемости.

В противовес чайлдфри позитивное влияние на рождаемость, несмотря на некоторую дискуссионность, приобретает развитие репродуктивных технологий (искусственного оплодотворения и т.п.), благодаря которым люди получают возможность иметь детей в ранее невозможных ситуациях.

Заметим ещё раз, что падение рождаемости связано не только с экономическим прогрессом, но с ростом образования и с борьбой за гендерное равенство. Активизировавшийся в последнее столетие феминизм связан не только с феминизацией, но и с маскулинизацией, то есть изменением некоторых функций мужских и женских особей, своего рода сближением мужского и женского начал. Ряд исследователей⁵ отмечает благодаря этому снижение уровня жес-

¹ Снакин В.В. Глобальные экологические процессы: реальности и теория // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. – М.: ФГП МГУ, 2008. – С. 242–264.

² Ряд социологических исследований (например, сообщение Е.А. Когай в настоящем сборнике) свидетельствует, что в ходе соцопросов подавляющее число респондентов отмечает низкие доходы в качестве основной (70%) причины низкой рождаемости. По всей видимости, это свидетельство субъективности оценки; реальные причины гораздо глубже.

³ Снакин В.В. Экология, глобальные природные процессы и эволюция биосферы: Энциклопедический словарь. – М.: МГУ, 2020. – 528 с.

⁴ В данном случае не рассматривается ситуация, связанная с отклонениями в здоровье.

⁵ Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence has Declined. – New York: Viking, 2011.

токости в человеческом обществе, обусловленное также усилиями власти и закона в этом направлении и снижением степени конкуренции в обществе.

Следует отметить тонкую грань и порой противоположное воздействие на репродуктивность между осознанной и подсознательной психикой. Так, сознание опасности, абсолютная неуверенность в завтрашнем дне во время войны ведёт, как известно, к повышению рождаемости (и именно мальчиков), а неуверенность в завтрашнем дне в мирное время, наоборот, ведёт к откладыванию деторождения.

Поскольку убыль прироста населения – вполне закономерный процесс современного периода, важной проблемой для государства становится *регулирование качества населения*, прежде всего его профессионального уровня. Россия последнюю сотню лет являлась поставщиком высокопрофессиональных кадров для стран Запада. Продолжается этот процесс и сейчас. Так, остродефицитные для страны специалисты в области IT-технологий предпочитают находить работу за рубежом. А от развития и внедрения технологий искусственного интеллекта зависит так важное в условиях дефицита населения высвобождение рабочих рук. И это только один пример. Необходимо предпринять комплекс мер для того, чтобы работа в родной стране стала все более привлекательной. И это касается не только уровня зарплаты, но в целом ситуации с комфортными условиями жизни как материальных, так и духовных, от степени качества жизни.

Динамика народонаселения в различных регионах мира. Если говорить о динамике народонаселения *в целом в мире*, то очевидно, что ситуация с депопуляцией ожидает весь мир (рис. 1). По оценкам ООН, в целом по миру суммарная рождаемость снизилась примерно с 5 детей на женщину в середине прошлого века до 2,4 в 2020 г. По прогнозным оценкам, суммарная рождаемость продолжит снижаться, но до начала 2060-х гг. будет превышать условный уровень простого замещения поколений – 2,1.

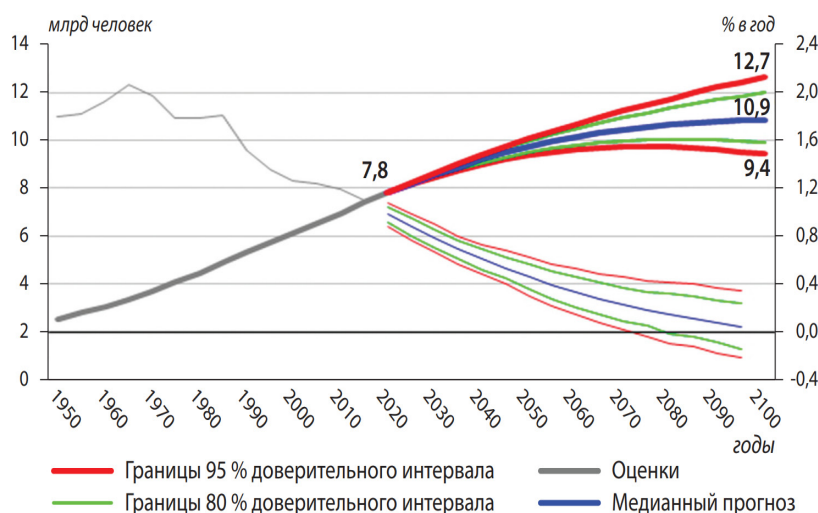

Рисунок 1.

Численность населения мира (млрд человек на середину года) и среднегодовые темпы прироста (% в год по пятилетиям) по оценкам и вероятностным прогнозам ООН 2019 года, 1950–2100 гг.¹

Национальные традиции и демографическая политика (там, где она есть) в разных регионах мира существенно различаются. Как правило, в развитых странах политика направлена на стимулирование рождаемости. Однако анализ имеющихся прогнозов изменения численности населения в разных странах (рис. 2) показывает принципиально различную картину. Большая часть стран (из приведенных на рис. 2 Россия, Китай, Индия, Польша, Германия) находится в стадии перехода к депопуляции, в то время как для большей части развивающихся стран (на рис. 2 – Нигерия, Центральная Азия), а также для США и Великобритании прогнозируется устойчивый рост численности населения. В чем причина такого различия? Очевидно, что ситуация в развивающихся странах (особенно в Африке) описывается пока закономерностями расточительной r-стратегии, характерной для начальных этапов эволюции. Но в чем причина феномена Великобритании и США? По всей вероятности, благодаря национальной традиции уважения семейных ценностей и значительной миграции населения из других регионов мира благодаря привлекательности высокого уровня жизни и стабильности.

Сложившаяся к настоящему времени в *России* драматическая ситуация с соотношением рождаемости и смертности (т.н. «*демографический крест*») даёт основание говорить о депопуляции в отношении народонаселения страны: если во время переписи населения 2002 г. насчитывалось 145,2 млн жителей, то на 01.01.2005 – 142,8 млн. По предварительным данным по состоянию на 01.10.2021, переписью населения учтено 147,2 млн человек, постоянно проживающих в России. По сравнению с переписью 2010 г. население России увеличилось на 2,05 миллиона человек (1,4%). Но это увеличение происходило из-за миграционного прироста на фоне естественной убыли населения (превышение числа умерших над числом родившихся) практически в течение всего межпереписного периода, а также в результате присоединения Крыма. По сравнению с переписью 2010 г. численность населения увеличилась в 28 субъектах Российской Федерации.

¹ Щербакова Е. Рост населения и устойчивое развитие // Демоскоп Weekly. – М., 2022. – № 935–936.

ской Федерации, в остальных регионах численность уменьшилась. За прошедшие с предыдущей переписи годы наиболее значительно выросло число жителей Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Краснодарского края. Сократилось население во многих регионах Дальневосточного, Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов. Продолжается урбанизация: 75 % населения живет в городских населенных пунктах, 25% – в сельских.

Ситуация в России существенно отличается, например, от динамики народонаселения США, не имевших больших потерь населения за последнее столетие, испытавшие большой приток мигрантов со всего мира и в своё время активно рекламирующих успех в жизни многодетных семей (см. рис. 2).

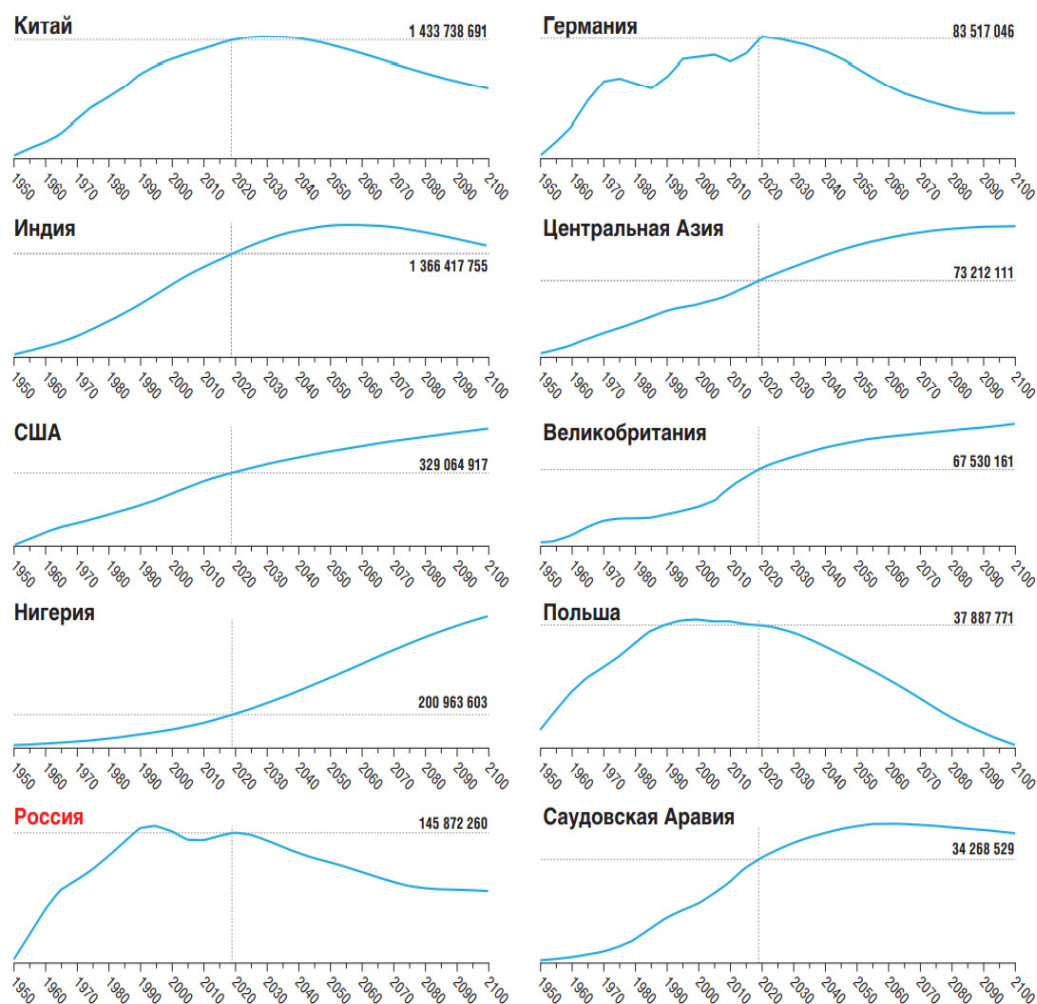

Рисунок 2.
Динамика и численность населения в 2019 г. для различных регионов мира¹

Анализ ситуации в различных регионах России с точки зрения воспроизводства населения показывает, что выше уровня простого воспроизводства (2,1 рождения на одну женщину) рождаемость наблюдается только в небольших по численности населения муниципалитетах (преимущественно слабо урбанизированные периферийные территории) (рис. 3).

Только 10,6% населения России проживает в муниципалитетах, где оценка коэффициента суммарной рождаемости выше уровня простого воспроизводства. Почти 2/3 населения проживает на территориях, где коэффициент суммарной рождаемости ниже среднего для России (1,58 рождения на одну женщину). Если на уровне регионов максимальное значение находится на уровне 2,7 рождения на одну женщину (Тува), то на муниципальном уровне обнаруживаются гораздо более полярные значения, сравнимые с некоторыми странами Африки южнее Сахары².

Возможности регулирования воспроизводства народонаселения. Демографическая политика, или политика в области народонаселения представляет собой целенаправленную деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения в желательном для себя направлении – достижении демографического оптимума.

¹ Population Pyramids of the World from 1950 to 2100. – <https://www.populationpyrami.net/>

² Там же.

Рисунок 3.

Оценка коэффициента суммарной рождаемости для групп муниципалитетов РФ по людности, рождений на 1 женщину в возрасте 15–49 лет, 2018¹

Среди демографических мер государственной политики в области народонаселения различаются как меры стимулирования рождаемости, так и, напротив, репрессивные, ограничивающие рождаемость², как было в Китае в 1979–2015 гг. в период реализации политики «одна семья – один ребёнок».

Среди направлений стимулирования рождаемости выделяют государственную помощь семьям с детьми, создание оптимальных условий для совмещения профессиональной деятельности с выполнением семейных обязанностей, улучшение качества жизни, регулирование миграции населения и др.

История демографической политики свидетельствует, что она была слабым инструментом и не влияла решающим образом на воспроизводство населения. Создаётся впечатление, что естественные эволюционные процессы, регулирующие рождаемость, эмоциональный, психологический настрой населения являются более действенными факторами в динамике населения Земли. Вклад усилий правительств отдельных стран по регулированию численности населения (стимулирование рождаемости или, напротив, мероприятия по её сокращению) оценивается всего лишь 8–15% в общем процессе изменения численности людей. При этом ряд мер (таких как запрет аборт или т.н. «материнский капитал») не меняют ситуацию кардинально, а лишь несколько изменяют динамику народонаселения, делают её неравномерной (ускоряют или откладывают рождение ребёнка).

Так, результаты упомянутой выше политики правительства Китая по ограничению рождаемости оцениваются неоднозначно. Динамика роста населения Китая и России имеют однонаправленный характер (см. рис. 2), хотя в России проводились меры по стимулированию рождаемости.

В 2015 г. в Китае было официально объявлено, что политика «одна семья – один ребёнок» будет отменена в будущем и количество допустимых для любых семей детей будет увеличено до 2; соответствующие поправки в Закон о населении и планировании семьи вступили в силу с 01.01.2016. В качестве результата этого решения ожидалось появление до 3 млн детей дополнительно каждый год. Однако практика показала обратное: в 2014 г. в Китае родилось около 17 млн детей; показатель рождаемости за 2021 г. составляет лишь около 18 млн новорождённых, а в 2019 г. в Китае зафиксирована самая низкая рождаемость за всю историю страны – менее 15 млн детей.

Заключение. Анализ динамики народонаселения на Земном шаре показывает сходство во многих чертах с динамикой численности популяций биологических видов, прежде всего животных. При этом более развитая социальность и всюдность человечества накладывает особенности на эту динамику, что сильнее всего отражается в региональном аспекте. Становится всё более очевидным, что развитие в ходе эволюции живого механизмы самозащиты проявляются в общемировой тенденции снижения рождаемости в силу приближающейся критической плотности населения и ограниченности ресурсов биосферы.

Важнейшим практическим вопросом рассматриваемой проблемы представляется вопрос о направлении и эффективности демографической политики в конкретных регионах и в мире в целом. В какой степени возможно антропогенное регулирование? Можно ли считать особенности мирового устройства такой регуляцией? Что показывает опыт мононациональности Польши, опыт полинациональности США, опыт китаизации Китая (единство языка, несмотря на языковые и иные различия)? При этом наличие различных моделей государственного (национального) развития – это как раз способ выработать лучший путь для будущего наиболее эффективного обустройства человечества.

При всей сложности и неоднозначности для разных регионов направлений успешной, в смысле поддержания оптимальной численности населения демографической политики, можно говорить о некоторых общих направлениях такой политики с учётом региональных особенностей населения.

Важно *поддерживать позитивный психологический настрой населения*, вселяя уверенность в завтрашнем дне. О проблемах в этой области говорит очень высокий показатель самоубийств среди мужского населения нашей страны.

¹ Петросян А. Рождаемость в муниципальных образованиях регионов России в 2011–2019 гг. // Демографическое обозрение. Электр. научн. журнал. 2021. – Т. 8, № 3. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>

² Здесь не рассматривается преступная политика государственного геноцида к собственному населению, или населению соседних стран, как было в Камбодже, в Уганде и ряде других стран.

Последнее обстоятельство – явное свидетельство важности психологического фактора в демографической проблематике, поскольку удовлетворение условиями и внешними (общественными), и внутренними (семейными, личностными) – существеннейший фактор продолжения и жизни и рода! Мировой опыт показывает эффективность внедрения в сознание граждан положительного образа большой крепкой семьи.

Необходимо *повышать экологическую грамотность населения*, лишённую необоснованного алармизма, на основе позитивного отношения к окружающей среде и современных научных знаний. Важно избегать пропаганды фейков о скором конце света, гибели человеческой цивилизации вследствие чрезвычайной нагрузки на окружающую среду, что вызывает состояния неуверенности в завтрашнем дне.

Необходимо развеивать «пророчества» о гибели наций, особенно европейских, включая Россию, на основе жонглирования коэффициентом размножения. Естественный процесс снижения рождаемости есть проявление природного (естественного) механизма регулирования нагрузки на биосферу.

Развитие медицины для обеспечения здоровья населения, включая развитие репродуктивной медицины. События, связанные с пандемией COVID-19, показали, что несмотря на имеющиеся успехи в профилактике (практически разработана первая вакцина в мире) и лечении этого заболевания, доля смертности заболевших в России оказалась выше, чем во многих других странах.

Привлечение трудовых мигрантов на территории с недостаточной плотностью населения. Несмотря на некоторые неудобные моменты для коренного населения (разница в уровне культуры, религии, поведенческие проблемы), это в целом положительное явление как для экономики, так и для будущего страны, как показывает опыт России и США. Мононациональные регионы в этом смысле менее перспективны.

Необходимо стремиться к стабильному *развитию человеческого потенциала* и экономики, *повышению качества жизни населения*. В этом смысле должны использоваться все возможные меры поощрения развития этого человеческого потенциала, даже при относительно невысокой их эффективности (материнский капитал, отпуск по уходу за детьми, пособия на воспитание детей, образовательные кредиты и т.п.).

Демографическая политика государства и его регионов должна выражаться в *утверждении веры граждан в справедливость целей развития страны*, уверенности в максимальной усилении правительства в достижение благополучия семьи и каждого отдельного гражданина, в уверенности благополучия завтрашнего дня. Поскольку именно психологический фактор является основным при всяких решениях в планировании семьи.

Тарандо Е.Е.

д.э.н., доцент, профессор кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Лазарева Е.Н.

старший преподаватель кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

ПИТАНИЕ РОССИЯН КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

Ключевые слова: рацион питания, здоровье населения, ожидаемая продолжительность жизни, продовольственная безопасность, качество жизни, экономические потери, трудовой потенциал.

Keywords: diet, population health, life expectancy, food security, quality of life, economic losses, labor potential.

В 2020 г. все государства и каждый человек в отдельности осознали, как дорого, в прямом и переносном смысле, стоит здоровье. Затраты на здравоохранение значительно возросли¹. Кроме пожилых людей, в зоне повышенного риска тяжелого течения COVID-19 оказались и граждане, страдающие некоторыми заболеваниями, развитие которых специалисты связывают с питанием. Это еще раз доказало, что питание граждан все более выходит за пределы личных интересов каждого из нас и становится важнейшей задачей государства. И не только потому, что общественное питание – огромный динамично растущий рынок, оказывающий существенное влияние на состояние всей экономической системы государства: число предприятий общественного питания в 2005–2019 гг. увеличилось с 44 тыс. до 62 тыс. ед., оборот этой отрасли в 2019 г. к уровню 2010 г. возрос в 1,4 раза в сопоставимых ценах, а падение этого рынка почти на четверть в пандемийный 2020 г. потребовало больших усилий со стороны государства для его поддержания.

Состояние этого рынка можно считать и своеобразным индикатором жизненного уровня в стране, что отражается на динамике душевого оборота общественного питания – в годы экономических кризисов этот показатель снижается (или повышается незначительно): 2010 г. – 103% к предыдущему году, 2020 г. – 78% к уровню 2019 г. в сопоставимых ценах, в стабильный период – заметно прирастает: 2018 г. – 115% к 2017 г. в сопоставимых ценах².

Сбалансированность и качество питания оказывают большое влияние на состояние здоровья людей, и это касается не только ныне неправильно питающихся людей, но и их будущих детей, поскольку предрасположенность ко многим заболеваниям генетически наследуется. Распространение алиментарно-зависимых заболеваний ведет к росту расходов на здравоохранение – это одна из важнейших статей государственного бюджета. Это требует рассматривать здоровье и определяющие его факторы как социально-экономические категории.

Одно из важнейших слагаемых здорового образа жизни – правильное питание. В докладе ВОЗ среди факторов, влияющих на здоровье современного поколения людей, особо выделено следующее: за последние десятилетия возросли темпы изменений рациона и образа жизни населения, обусловленных высокими темпами урбанизации, экономическим развитием и глобализацией рынка. Это оказало значительное влияние на здоровье населения и качество рациона, особенно в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. В докладе также подчеркивается, что хотя уровень жизни в государствах такого типа в целом повысился, продукты питания стали доступней и разнообразней, а также улучшился доступ к сфере услуг, тем не менее, это не исключило проблем, связанных с неправильным питанием... Все это неизбежно приводит к росту хронических заболеваний, связанных с неправильным питанием³.

По мнению ВОЗ и ЮНИСЕФ, высокая стоимость здоровых рационов питания в совокупности с сохраняющимся высоким уровнем неравенства доходов сделала правильное питание недоступным почти для 3 млрд чел. в разных странах мира (2019 г.). Специалисты опасаются усугубления ситуации в связи с пандемией COVID-19. Предварительные оценки за 2020 г. таковы: в мире 149,2 млн детей в возрасте до пяти лет (или 22%) отставали в росте, 45,4 млн детей (или 6,7%) страдали от истощения, 38,9 млн детей этого возраста (или 5,7%) имели избыточный вес⁴.

Доступность рационального питания зависит от места проживания (в сельской местности средней полосы и южных регионов, многие продукты питания жители, как правило, выращивают в личных подсобных хозяйствах),

¹ В России удвоились траты на здравоохранение в период пандемии коронавируса. – <https://lenta.ru/news/2020/09/15/two/>

² Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М, 2021. – С. 441.

³ Рацион, питание и предупреждение хронических заболеваний: доклад Совместного консультативного совещания экспертов ВОЗ/ФАО, Женева, 20 января – 1 февраля 2002 года. (Серия технических докладов ВОЗ; 916) / Всемирная организация здравоохранения. – <https://apps.who.int/iris/handle/10665/42665>

⁴ ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. 2021. Краткий обзор. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2021. Преобразование продовольственных систем в интересах обеспечения продовольственной безопасности, улучшения питания и экономической доступности здоровых рационов питания для всех. – Рим: ФАО. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. – <https://doi.org/10.4060/cb5409ru>

уровня доходов людей, их знаний о рациональных нормах потребления, сложившихся пищевых привычек, интереса к своему здоровью и др.

Воздействие на пищевое поведение – одна из самых сложных задач. Поэтому и подход к ней должен быть системным. Не достаточно призывов к ограничению потребления тех или иных продуктов. Например, известно, что потребление сахара в России в разы превышает медицинскую норму. Однако всякий раз при малейших колебаниях на рынке одним из лидеров роста цен остается именно этот товар. Кроме увещаний и запугиваний людям необходимо предложить альтернативу, показать, чем можно заместить эту потребность. В наибольшей степени для этого подходят фрукты и ягоды. Однако в нашей стране их производится очень мало. Сложно купить даже отечественные яблоки. А в условиях пандемии и множественных экономических санкций ассортимент фруктов и ягод в большинстве российских магазинов сильно оскудел. Для удовлетворения потребности населения в соответствии с рациональной нормой необходимо производить в 4 раза больше¹. Возможно, и потребление сахара снизится.

Другая проблема, выводящая питание в ранг важнейших государственных задач, – это организация детского питания. Хотя определенные шаги в этом направлении сделаны, однако этого не достаточно. Экономия на детском питании очень дорого обходится и семье, и государству. Поскольку в данном случае мы рассматриваем эту проблему как государственную, отметим, что российская статистика по детской заболеваемости неутешительна, а привычки питания, сформированные в детстве, как правило, влияют на пищевое поведение человека во взрослом возрасте.

Еще одна остро стоящая в России проблема – питание социально уязвимых категорий населения. По данным, опубликованным в докладе о продовольственной безопасности в мире Детского фонда ООН – ЮНИСЕФ, ссылающимся на данные официальной российской статистики 2018–2020 гг., хотя непосредственно голодающих в нашей стране нет, но более 9 млн россиян страдают от нехватки еды. Еще 400 тыс. граждан РФ находятся в состоянии «экстремальной уязвимости» – они пропускают приемы пищи или не едят вообще ввиду недостаточности денежных доходов. Около 8,8 млн наших сограждан (6% населения) образуют группу умеренной уязвимости: не пропускают приемы пищи, но экономят на питании и отдают предпочтение более дешевым и низкокачественным продуктам².

К числу государственных проблем, касающихся питания, следует отнести и большие потери продовольствия в торговой сети и быту. Конечно, в первую очередь это ударяет по карману потребителя и доходам продавца, однако государство, как участник процесса производства продовольствия (путем субсидирования производства, предоставления сельскохозяйственному производителю льгот, дотаций и т. п.), при этом тоже несет потери, поскольку приходится производить больше. Кроме того, сельскохозяйственное производство – один из источников угрозы устойчивому развитию, поскольку, как правило, этот вид экономической деятельности наносит значительный вред окружающей среде. Компенсация негативного воздействия на природу тоже в основном ложится на плечи государства.

Задачей государства является и организация подготовки специалистов в сфере питания. Большое число россиян с избыточным весом, желающих от него избавиться, не могут этого сделать без помощи специалистов. Услуги «звездных» диетологов для подавляющего большинства граждан не доступны, а в участковой поликлинике таких специалистов нет. Людей посылают от одного узкого специалиста к другому, который может (пытается) лечить свое заболевание, что, как правило, мало кому помогает, поскольку это системная проблема, требующая комплексного подхода и подбора индивидуального варианта лечения.

Таким образом, основаниями для рассмотрения питания в качестве одной из важнейших государственных задач Российской Федерации являются следующие обстоятельства: широкое распространение в нашей стране алиментарно-зависимых заболеваний, большая значимость пищевого поведения для здоровья, сохраняющаяся сниженная доступность продуктов питания для отдельных категорий граждан (прежде всего, нуждающихся семей и сельских жителей), существенная роль продовольственного рынка в формировании валового внутреннего продукта страны и улучшении ситуации на рынке труда, значительные потери продовольствия в торговой сети и быту и др.

¹ Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – <https://docs.cntd.ru/document/420374878>

² Алиева Ф. Более девяти миллионов россиян экономят на еде и недоедают, еще 400 тысяч – на грани голода. ООН опубликовала доклад о продовольственной безопасности в мире. – https://snob.ru/news/bole-devyati-millionov-rossiyan-ekonomyat-na-ede-i-nedoe-dayut-eshe-400-tysyach-na-grani-goloda-oon-opublikovala-doklad-o-prodovolstvennoj-bezopasnosti-v-mire/?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_content=news

Тарандо Е.Е.

д.э.н., доцент, профессор кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Румянцева С.Т.

старший преподаватель кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург

КАЧЕСТВО ПИТАНИЯ РОССИЯН: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: доступность продовольствия, аграрный центр, пищевое поведение, уровень потребления, рацион питания, сбалансированность питания, качество жизни, заболеваемость.

Keywords: food availability, agricultural center, eating behavior, consumption level, diet, nutrition balance, quality of life, disease rate.

Обеспечение населения продуктами питания в нужном объеме надлежащего качества рассматривается как один из факторов продовольственной безопасности страны. Более того, есть основания утверждать, что сбалансированность и качество питания россиян следует рассматривать как важнейшее условие экономической безопасности государства. И на это есть все основания, поскольку главный ресурс социально-экономического развития, закладывающего основы независимости страны – люди, создающие своим трудом ту самую добавленную стоимость, величина и динамика которой и характеризует уровень развития государства.

Специалисты установили, что питание оказывает значительное влияние на возникновение и развитие таких опасных заболеваний, как инфаркт и инсульт, некоторые виды рака и диабет. Российская статистика в части распространения этих заболеваний вызывает очень серьезную обеспокоенность. Так, только за 2010–2020 гг. число случаев заболевания сахарным диабетом в расчете на 100 тыс. человек населения возросло в 1,5 раза, ожирением – в 1,6 раза¹. Это требует всестороннего изучения питания россиян и поиска методов и средств воздействия на пищевое поведение людей. Особый интерес в этой связи вызывает питание населения регионов с высокоразвитым сельским хозяйством, поскольку доступность продовольствия в них, как правило, выше: товары местного производства представлены в наиболее широком ассортименте, из-за экономии на транспортных расходах цены тоже несколько ниже, процесс транспортировки и хранения не сильно влияет на качество товаров. Кроме того, в регионах с большой долей сельского населения даже многие горожане самостоятельно или с помощью своих деревенских родственников выращивают часть продуктов питания. На примере одного из аграрных центров страны – Республики Мордовия – рассмотрим, как более высокая доступность продовольствия отражается на качестве питания людей.

По данным Росстата, доля граждан, придерживающихся здорового образа жизни, в Мордовии в 2020 г. составляла 7,2% от его общей численности – это примерно столько же, сколько и в России в целом (7,3%)². одно из слагаемых здорового образа жизни – правильное питание. Анализ рациона питания жителей рассматриваемого региона позволяет говорить о его нездоровой структуре (табл. 1).

Таблица 1

Потребление продуктов питания в РМ (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на члена домохозяйства в год; килограммов)³

Наименование	2015 г.	2019 г.	2020 г.	Рациональная норма потребления пищевых продуктов	Соотношение фактического потребления с величиной рациональной нормы, 2020 г., %
Хлебные продукты	125	125	123	96	128,1
Картофель	104	106	103	90	114,4
Овощи и бахчевые	80	89	90	140	64,3
Мясо и мясопродукты	76	79	79	73	108,2
Яйца (штук)	269	285	281	260	108,1
Рыба и рыбопродукты	22	31	н / д	22	140,9 (2019 г.)
Сахар и кондитерские изделия	45	46	45	8	562,5
Масло растительное и другие жиры	10,6	11,1	10,6	7	151,4
Молоко и молочные продукты	252	246	255	340	75,0

¹ Здравоохранение в России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 30.

² Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 36, 38.

³ Составлена по: Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – С. 261, 263, 265, 267; Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – <https://docs.cntd.ru/document/420374878>

Потребление мяса и мясопродуктов немного превышает норму, по этому показателю Мордовия занимает 29 место в стране. Но молока жители региона потребляют мало – на четверть меньше рекомендованной нормы, хотя и занимают по потреблению этой группы продуктов питания довольно высокое место – 22. Картофель в рацион жителей Мордовии входит довольно часто – рациональная норма превышена на 14%, что соответствует 24 месту в РФ. Но овощей в питании населения РМ не хватает – уровень потребления этого неотъемлемого для оздоровления рациона продукта составляет 64% (60 место в стране).

Яйца входят в меню жителей региона чаще, чем это рекомендовано специалистами – норма потребления превышена на 8%, и по этому показателю РМ занимает 34 место в стране. А вот с сахаром совсем беда – Мордовия один из антилидеров в потреблении этого продукта (находится на 10 месте в РФ): медицинская норма превышена в регионе в 5,6 раза.

Потребление растительного масла в Мордовии тоже сильно завышено (в 1,5 раза больше рекомендованной специалистами нормы), однако меньше, чем в большинстве других российских регионов. Поэтому даже при таком сильном отклонении Республика Мордовия по душевому потреблению растительного масла находится только на 69 месте в стране.

Рыбы жители региона потребляют в 1,4 раза выше нормы. Однако эти данные вызывают сомнения в достоверности, поскольку этот продукт в регионе не добывается и не производится.

Как видим, повышенная физическая доступность продуктов не сильно отразилась на структуре питания жителей аграрного региона, и в первую очередь, это касается необходимых для здорового питания овощей и молочных продуктов.

Фиксируемая статистическим ведомством структура питания не может не настораживать, поскольку экономические, социальные и медицинские последствия неполноценного питания, а также его влияние на развитие популяции существенны и носят долгосрочный характер, причем как для отдельных индивидов и членов их семей, так и для обществ и стран в целом.

Неправильное питание и, как следствие, лишний вес приводят к многочисленным заболеваниям граждан. Это подтверждает и рейтинг регионов России по распространению сахарного диабета 2 типа, дебют и развитие которого во многом обусловлены неправильным образом жизни: Республика Мордовия в 2020 г. заняла 57 место¹.

Обеспокоенность ростом числа заболеваний сахарным диабетом выражают и мордовские ученые: «в 2018 и 2019 гг. выявлен значимый рост распространенности сахарного диабета среди лиц среднего возраста и старше 60 лет). При оценке факторов риска сахарного диабета за последние 5 лет ... сохраняется высокая распространенность нерационального питания»².

Власти Республики Мордовии предпринимают определенные усилия по приобщению населения к здоровому образу жизни путем создания условий для развития массового спорта: в регионе много Дворцов спорта, стадионов, круглогодичных катков, спортивных площадок и других объектов спортивной инфраструктуры.

Однако этого недостаточно. Для профилактики развития заболеваний, ассоциированных с неправильным питанием, а также в целях формирования правильного пищевого поведения считаем необходимым, в первую очередь, предпринять следующие меры:

- пересмотреть рацион питания в дошкольных и школьных учреждениях с учетом медицинских рекомендаций для этих возрастных категорий;
- установить порог, ниже которого не может опускаться стоимость суточного питания детей и подростков;
- ввести налоговые льготы для фермеров, занимающихся производством продуктов питания, потребление которых не достигает рациональной нормы;
- организовать закупку сельскохозяйственной продукции, произведенной в хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах;
- разработать и реализовать цикл образовательных программ, направленных на популяризацию здорового образа жизни.

Реализация этих мер позволит насытить региональный продовольственный рынок недорогими полезными продуктами питания и повлиять на пищевое поведение населения в целях его оздоровления.

¹ Федеральный регистр сахарного диабета. Профессиональный всероссийский ресурс по нозологиям диабета под эгидой Эндокринологического научного центра. – <http://sd.diaregistry.ru/content/o-proekte.html#content>

² Брыляева А.Е., Есина М.В., Ефремова О.Н., Ямашкина Е.И. Модифицированные факторы риска, заболеваемость и распространенность сахарного диабета у взрослого населения Республики Мордовии // Орапев-online. – <http://journal.mrsu.ru/arts/modificirovannye-factory-riska-zabolevaemost-i-rasprostranennost-saxarnogo-diabeta-u-vzroslogo-naseleniya-respubliki-mordovii>

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Бегалинова К.К.

д.филол.н., профессор Казахского национального университета, Алматы

kalima910@mail.ru

Ашилова М.С.

к.филол.н., PhD, ассоциированный профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков, Алматы

Бегалинов А.С.

к.филол.н., PhD, ассоциированный профессор Международного университета информационных технологий, Алматы

КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

Ключевые слова: культура, культура казахского народа, духовность, мыслители, история культуры, номадический образ жизни, жырау, акыны, человек и культура, мировоззрение, методологические аспекты культуры, феномен культуры.

Keywords: culture of the Kazakh people, spirituality, thinkers, cultural history, nomadic lifestyle, zhyrau, akyns, man and culture, worldview, methodological aspects of culture, cultural phenomenon.

Мерой человеческого в самом человеке, имплицитно содержащем духовность, является культура. Она является способом бытия человека. Можно условно разделить культуру на духовную и материальную, поскольку человек является духовно-практическим существом. Но бесспорным является примат духовного и в бытии человека, и в его культуре. В этом смысле культура есть место пребывания духовного, и чем большего расцвета она достигает, тем выше духовность в культуре. В историческом развитии были этапы наивысшего расцвета духовности, когда появлялись новые формы научного знания, высокохудожественные произведения, расцветала религиозная духовность. Упадок духовной культуры находится в тесной взаимосвязи с её расцветом, упадок и расцвет могут переходить друг в друга, порождать самые неожиданные проявления их взаимосвязи.

Культура – результат духовно-практической деятельности человека. И, тем не менее, она тесно связана с природой, поскольку сам человек есть часть этой природы, очеловеченная природа есть результат освоения первичной природы. И поэтому культура, безусловно, связана с природой, которая является её субстанцией, лоном, в недрах которой зарождаются, вызревают феномены культуры. Общество само по себе в определённом смысле является проявлением культуры, формой её бытия. Человеческий социум порождён трудом человека. Следовательно, труд является условием и средством возникновения и развития культуры. И чем больше культура, особенно духовная, пронизывает социальное развитие, тем более высоким, духовным оно является. Человек является субъектом и объектом культуры. Субъектом в том плане, что он создатель этой культуры. Объектом в том смысле, что он есть результат воздействия культуры на человека. Каждый человек ассимилирует культуру своей формой бытия, своим способом существования в мире. Поэтому можно сказать, что культура субъективна в этом плане, поскольку она есть продукт человеческой деятельности. Но, возникнув, культура дистанцируется от человека, является неким целым, объективированным, не зависимым от индивидуального сознания. Поэтому встаёт проблема о необходимом освоении каждым человеком культуры, её достижений. Тот факт, что человек является субъектом культуры, не означает, что он автоматически есть культурный человек. Для того, чтобы стать культурным человеком, чтобы культура стала внутренним миром каждого человека, требуются усилия духовного, психического, нравственного, физического характера. Наиболее адекватными способами такого освоения является культура конкретного народа, этноса.

Культура казахского народа является мировоззренческой и методологической основой его многогранной жизнедеятельности. К сожалению, в советский период исследования по этой проблематике не получили достаточного развития, возможно в силу номадического и созерцательного характера этой культуры. Но именно эти особенности делают её актуальной сегодня, мы оцениваем её как прообраз философии XXI века, III тысячелетия. И если на Западе к такому целостному мировоззрению пришли через трудный путь, методом проб и ошибок, то казахский народ сохранил это целостное мировосприятие через традиционную культуру, которая существовала автономно, сама по себе, проявляясь в устном народном творчестве. Мало того, подобное миропонимание прошло через творчество акынов, писателей, мыслителей. И даже в условиях XX столетия оно не исчезло, оно существовало параллельно с государственной идеологией, окрашивая её особым национальным колоритом.

Духовная ситуация нашей эпохи начала III тысячелетия такова, что необходим глобальный, планетарный анализ всех проблем человечества и даже, если это проводить на региональном уровне, данный анализ всё равно приоб-

ретёт глобальный масштаб. Человечество не разделено на отдельные фрагменты, оно единое целое, каждая часть, фрагмент которого несёт на себе черты этого целого. И от того, как решаются проблемы в той или иной части земного шара, в Центральной Азии или Европе, будет зависеть судьба всего человечества.

И как никогда, мы должны извлечь уроки из прошлого, как никогда мы должны учиться у прошлого. Мы не можем допустить такого обстоятельства, о котором Гегель говорил: «История учит тому, что ничему не учит». Это переломное время требует огромной мобилизации человеческих душевно-духовных сил. Вспомнить своё прошлое, сквозь призму которого обозреть будущее, найти сильные, слабые стороны нашей действительности и построить политику государства таким образом, чтобы она являлась оптимальным вариантом перехода в будущее. И если с этих позиций рассмотреть проблему формирования казахской культуры, то красной нитью через неё проходит мысль о важности данной проблемы для формирования и становления стабильного, независимого общества, которое сложным путём было приобретено многострадальными народами Казахстана.

Современная социально-политическая, духовно-культурная ситуация требует коренного пересмотра самого толкования духовности и ее места в системе ценностных ориентиров человека и общества. Тот факт, что бездуховность – это реальность нашего времени, не подвергается никакому сомнению. И если бездуховность станет доминировать, то это приведёт человечество к гибели... В этом плане стоит согласиться с А. Швейцером, который говорил, что «культура, развивающая лишь материальную сторону без соответствующего прогресса духовного, подобна кораблю, который, лишившись рулевого управления, теряет манёвренность и неудержимо мчится навстречу катастрофе»¹. Однако нерешённой проблемой до сих пор остаётся вопрос о том, какая духовность востребована современностью. Идёт ли речь о переходе к всеобщей религиозности, идёт ли речь о всеобщем обмирщении этого общества или о переходе к абсолютно светскому видению мира и человека.

Духовность – категория вечности и конкретной истории. Духовность – внутренний стержень человека. Ряд философов (В. Федотов, А.Г. Спиркин и др.) под духовностью понимают отношение человека к миру через Истину, Добро и Красоту. В этом плане человеческое общество невозможно без такого освоения мира. И в то же время содержание духовности будет меняться на протяжении истории, будет иметь исторический характер.

Именно в условиях мифологической культуры появилось подобное определение духовности, все ипостаси которого рассматривались в органическом единстве (это так называемый философский треугольник Сократа). Мы сегодня оцениваем такой подход к духовности как весьма высокий, основу которого составляет целостное мировоззрение.

Однако прогресс общества пошёл в сторону частичной, однобокой трактовки духовности, когда духовность сводилась к религии, теологической трактовке, далее – к науке, научному мировоззрению. И, наконец, в XX веке появилась органическая потребность возврата к целостному мировоззрению как потребность новой эпохи, новой духовности.

Теологическая трактовка духовности позволила глубоко проанализировать идею Бога как синтеза Истины, Добра и Красоты. Бог выступает творцом, абсолютном, которому присущи атрибуты вечности, бесконечности, высшего блага, абсолютной Красоты. Большой вклад в разработку подобной духовности внесла патристика Августина Блаженного. Бог, считает Августин, сотворил мир из ничего, он сотворил и время, хотя сам находится вне времени. Бог – это вечность. Во времени находится человек. И поскольку время сотворил Бог, оно существует только в человеке, субъективно. Такая трактовка времени опережала эпоху Августина, предвосхищала его трактовку в философии Р. Декарта и И. Канта. Действительно, время – сложная категория. Сам Августин не раз говорил, что пока никто не спрашивает его, что такое время, он знает, что оно есть, но когда кто-либо спрашивает об этом, он не знает, что ответить.

В центре внимания и мусульманской философии-суфизма находится трансцендентный Бог, одновременно имманентный феноменально-ноуменальному миру и в то же время выше этого мира как субъект творения.

Проблема Бога, понимания его природы, сущности, обоснования его существования являлась не только важной суфийской проблемой, но и высшей темой средневекового мышления и фундаментом её цивилизации. Эта проблема была источником бесконечных обсуждений и противоречий. Вокруг неё концентрировались многочисленные мистические школы, которые не отрицали божественную сущность и происхождение Корана, не обсуждали вопроса о его предвечности, что вполне объяснимо социально-историческими условиями развития философии того периода. Мусульманские теологи жестоко расправлялись с теми мыслителями, которые подвергали сомнению, а то и отрицанию саму идею существования Бога. И средневековым мыслителям приходилось сохранять место в своей системе для Бога, если они хотели, чтобы их философию терпели и допускали единоверцы. Они должны были быть, прежде всего, теологами, нежели философами. Это положение распространяется на всех без исключения философов средневекового Востока, в том числе и суфиев.

Коран требовал от всех мусульман веры и покорности, внушал им страх перед вездесущим Богом: «Поистине Аллах любит богобоязненных», «О вы, которые уверовали! Бойтесь Аллаха должным страхом к нему» и другие положения². Этой же покорности и послушания Коран требует и от представителей Аллаха на Земле – пророка, халифов, духовенства. Как видим, требование покорности не ограничивается лишь религиозной областью, а распространяется на всю область социальной жизни. Социальным смыслом наполнено учение Корана о Боге. Коранический Аллах – деятельен, всемогущ, мудр. Он – созидатель и разрушитель. Как пишет Коран: «Творец небес и земли, а когда Он решит какое-нибудь дело, то только говорит ему: «Будь!» [Коран, 2:111]. Коран наделяет Аллаха так же качеством предопределять все явления природы и поступки людей. Ему, Аллаху известно всё то, что происходит на воде и суше: Он слышит слабое движение чёрного муравья, скользящего по скрытому камню в тёмной ночи, т.е. он знает не только

¹ Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – С. 98.

² Коран, 31:32 / Перевод с арабского языка Г.С. Саблукова. – Казань. Центральная типография, 1907.

общности, но и единичные вещи. «Лист падает с Его ведома», «Корабль течёт по морю с Его веления» [Коран, 17:68, 30:45, 35:36].

Таким образом, по Корану все поступки человека предопределены Аллахом. Коран не оставляет место свободе человека, отрицает его волю и разум. Бог ислама Один и Единственный, у Него не может быть никаких «сотоварищей». «Он – Аллах един, Аллах вечный, не родил и не был рождён и не был Ему равным ни один» [Коран, 22:41, 46:12, 19:66, 20:7].

Учение Корана о Боге, который отдалён от мира и абсолютно недостижим (за исключением пророка Мухаммеда) не удовлетворяло мистически настроенных людей, бывших в оппозиции к официальной религии.

Суфизм пересматривает кораническое учение о Боге, внося существенные элементы новации, в частности, ставит и разрешает проблему «познаваемости» Абсолюта, Аллаха путём мистического озарения каждым отдельным человеком. Относительно сущности и атрибутов Бога суфийские школы в основном сводились к двум тенденциям – рационалистической, которая создавала очень простую идею и имела о нём чисто абстрактное представление, и натуралистической, которая создавала Бога из плоти и костей. Каждая из них проповедовала свою теорию, более или менее отличавшуюся от других относительно сущности и атрибутов Бога. Между этими двумя полюсами находились многочисленные варианты, которые не выходили за рамки коранических представлений о Едином. Коран наделяет Единого всеми характерными чертами могущества и величия. Аллах – Создатель Вселенной, Властитель неба и земли. Ему подчиняется и повинуетя всё в мире, ничто в Универсуме не может совершиться без его воли и знания о нём. Аллах является Первым и Последним, Видимым и Скрытым, Он является вечным бытием и целостной реальностью. Его сущность выше всякого мышления и всякого воображения. В Коране часто подчёркивается конкретность проявления единственности и величия Аллаха. Он – Единственный Творец, создавший всё, Он – Единственный Царь и Судья для людей. Бог так же является преимущественно знанием, но оно не нуждается в другом бытии, которое представляет ему свои знания, а также во внешнем объекте для познания. Он знает, потому что Он знает себя. Он является знанием своей сущности. Бог является Истиной, потому что Он существует, Его существование наиболее существенное и оно является источником для всех других существований. Бог является блаженным, его счастье бесконечно и вечно, потому что Он является следствием его совершенства. Бог любит и восхищается, но именно он любит свою сущность и восхищается ею. Эти и другие имена (ал-Асма ал-Хусна – прекрасные имена), качества Бога можно было бы продолжить. В Коране и других мусульманских религиозных источниках насчитывается 99 имён Аллаха. Список в 99 имён возводится к хадису от Абу Хурайры, в котором пророк называет цифру 99 и предрекает рай тем, кто повторяет имена Аллаха в молитвах. У Ибн Араби Прекрасные Имена в произведении «Изображении окружностей» даются в разграничении их на Божественную сущность, Божественные Атрибуты и Божественные Действия.

С самого начала эти имена, названия Аллаха имели ритуальное значение. «Наименования Бога самые красивые, – говорит Коран, – итак, совершайте вашу молитву ими», «У Аллаха прекрасные имена, зовите его по ним и оставьте тех, кто раскольничает о Его именах», «Призывайте Аллаха или призывайте Милосердного, как бы вы ни звали, у Него самые лучшие имена» [Коран, 17:110, 7:179, 20:7].

Как видим, проблема сущности и атрибутов Единого, как и другие проблемы суфизма, очень сложная и многоаспектная проблема.

Следует заметить, что в других монотеистических религиях запрещается приписывание Богу каких-либо положительных атрибутов. Бог в этих религиях – безымянная, единственная, невыразимая сущность. «Сказать о Боге, что он мудр, силён, добр, снова означало бы, что он – личность, – пишет Э. Фромм, – самое большое, что я могу сказать, чем Бог не является, найти отрицательные атрибуты, установить, что он не имеет границ, не добр, не несправедлив. Чем больше я знаю о том, какими качествами Бог не обладает, тем больше я познаю Бога»¹. Наиболее ярко эту мысль передаёт библейский рассказ о явлении Бога Моисею. «Когда Моисей говорит ему, что евреи не поверят, что Бог послал его, пока он не назовёт им имён Бога (как могли бы идолопоклонники постичь безымянного Бога, когда сама сущность идола состоит в том, что у него есть имя?), Бог делает уступку. Он говорит Моисею, что его имя «Я становлюсь тем, чем Я становлюсь».

Это «становлюсь» означает, что Бог не является личностью, «существом», что его имя «безымянно». Однако все теистические религии основаны на реальном существовании Духовной сферы, выходящей за пределы умпостигаемого мира, человека. Суфизм так же основывается на этом положении и придаёт особое значение духовным силам человека, его страстному стремлению к спасению и внутреннему возрождению.

Как видим, средневековый этап духовности формировал в обществе высокую нравственность, религиозную нравственно-эстетическую трактовку мира и человека. Вклад, значимость данной трактовки велика.

Но на смену религиозной духовности приходит наука (начиная с XVII века по XXI век включительно). Эту духовность можно обозначить как эпоху, парадигму которой составляет научное знание. Философский треугольник в ещё большей степени становится усечённым в своей интерпретации. Именно Истина (знание) становится доминантой, подчиняющей себе этическое и эстетическое. Научная истина становится самодовлеющей. Это свидетельствует о триумфе науки, о превращении её в духовный Абсолют, не имеющий никаких пространственно-временных границ. На эту ситуацию впервые в XVIII веке обратил внимание И. Кант, когда ограничил науку нравственным критерием и показал, что научное знание только тогда будет истинным, а, следовательно, человеческим, когда оно в то же время нравственно. Но в условиях XVIII–XIX веков этот голос не был услышан. Он оказался преждевременным, поскольку научные завоевания становились очень важной компонентой человеческого бытия. И только в XX веке обнаружилась недостаточность научной духовности как типа и эпохи духовности. В XX веке появляется неклассическая наука, ко-

¹ Фромм Э. Душа человека // Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 1998. – С. 146.

торая отказывается от очень многих принципов и постулатов классической науки, идёт на союз с ненаучным, паранаучным знанием. И этот феномен порождает такие направления в духовной жизни как сциентизм и антисциентизм.

И сегодня, в начале III тысячелетия вновь встаёт вопрос о поиске нового типа духовности в истории человечества. Этот тип духовности внешне, на первый взгляд, представляет собой простой синтез науки, религии, паранауки и других форм знаний. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что качественное своеобразие данной эпохи заключается в том, что альфой и омегой его является человек, и он рассматривается как органическое единство духовного и материального, духовного и космического, божественного и природного. Человеку присуща качественно иная духовность, качественно иной стиль жизни. Его можно обозначить как космический разум, наполненный светом высокой божественной духовности. И основным органом этого разума является не мозг, а сердце человека. Поэтому, новая духовность – это не простой синтез различных знаний. Это такой органический сплав, единство всех форм человеческого знания, которое представляет собой синкрет, целое, где части взаимосвязаны между собой, взаимодополняют друг друга и фундаментом подобного знания является философия как целостное, универсальное мировоззрение.

Подобная духовность требует становления общества высокой духовности, в котором все человеческие отношения сводятся к бытию человека в единстве с Космосом, Богом, Абсолютом.

Общеизвестно, что человек живёт не только в бытии, которое дано, но и в бытии, которое им самим же создано, которое определяют как духовное пространство или мир культуры. Культура – это реальность, в которую человек укоренён. «Будем... понимать под культурой совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и лелеемых ради этих ценностей, не придавая ему никакого более точного материального определения», – утверждал Г. Риккерт. Культура характеризует человека со стороны его качественного развития... В культуре человек создаёт свой образ (образ жизни, образ действительности) как нечто отдельное и отделяемое от его тела, как своё бытие вне себя, не в миру»¹. «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную ценность. Доминирующие черты изящных искусств и науки такой единой культуры, её философии и религии, этики и права, её основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части её нравов и обычаев, ее образа жизни и мышления (ментальности) – все они по-своему выражают её основополагающий принцип, её главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры»². Именно в феномене культуры содержится объяснение того, как конечные и конкретные, исторически ограниченные формы практики и её результаты приобретают для человека всеобщее значение, становятся для него миром жизни, а также служат тем социально-селекционным фильтром, который не каждое «новое» пропускает в наш мир.

Благодаря такой селекции до нас дошли источники, в которых утверждается, что история казахского народа уходит в седую глубь веков, во II-I тысячелетия до н.э., когда в Семиречье складываются основы первого государственного объединения во главе с племенем уйсунь или канглов, явившихся основным ядром Старшего жуза. Преемниками уйсуней становятся мощное государство – Тюркский каганат, просуществовавший несколько веков, и менее долговечное государство Карлуков, созданное накануне арабской экспансии казахских степей. Арабское иго в лице государства Караханидов способствовало духовному становлению казахского народа. Именно в это время создавалась та среда, которая породила такие личности, как Бухар-жырау, Калкаман-жырау, Шал-акын, аль-Фараби, Юсуф Баласагуни, Кожа Ахмет Йасауи, Исхак Вали и др.

И сегодня мы через творчество таких мыслителей, жырау и акынов познаём, как бы приоткрываем духовную кладовую народа. К таким личностям относятся аль-Фараби, Кожа Ахмет Йасауи, Абай и многие другие.

Абу-Наср Мухаммад ибн-Мухаммад ибн-Тархан ибн-Узлаг аль-Фараби (870–950 гг.) – великий казахский (тюркский) мыслитель. Он должен быть сегодня осмыслен как мыслитель казахского народа, который одним из первых на уровне интуиции, на уровне подсознания, на уровне своеобразной интеллектуальной интуиции, когда его разум являлся не простым рациональным постижением истины, а воплощением космического разума смог осмыслить путь духовного развития казахского народа, увидеть в нём то, что отсутствовало в настоящем, что зыбко представлено как будущее, но это то, что идёт от этой кладовой, от этой тайны, в которую он был посвящён. В «Жемчужинах премудрости» аль-Фараби пишет: «Ты обладаешь в себе вуалью тела без одеяний. Заставь себя, однако, удалить эту вуаль и очиститься. Тогда ты придёшь, но не обращай внимания на то, что ты встретишь. Если ты страдаешь, ты теряешь, если ты спасёшься, то это рай. И тогда всё замирает в твоём теле, ты кажешься отдалённым бытием и принадлежишь духовному миру, где ты видишь то, что не видит никто, слышишь то, что никто не слышит и испытываешь то, что никакое сердце не воображает»³. Это состояние аль-Фараби называет счастьем, суть которого выражается в приобретении особой, трансцендентной духовности.

Духовность народа он видел в особом отношении человека к миру, в особой роли, какую играет космос в его творчестве. И эта особая роль проявилась в том, что казахи понимают, осознают, имплицитно, изначально им присуще особая сверхоощущающая роль космоса в жизни человека, предчувствие, сохранение этой связи с окружающим миром как главной доминантой в развитии народа. Это понял, это осознал аль-Фараби. И доказательством этого является его предсмертное ощущение близости с тем народом, из недр которого он вышел. Он не мог дать себе отчёт в том, почему его влечёт зов предков, зов крови. А это такой момент в его осознании человека и мира, когда перед ним открывается, приподнимается эта завеса, он понимает, что всё то, что он сотворил, создал, оставил людям – это шаги к большому –

¹ Риккерт Г. Два пути познания // Новые идеи в философии. – СПб., 1913. – № 7. С. 127.

² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 429.

³ Аль-Фараби. Историко-философские трактаты. – Алма-Ата: Наука, 1985.

к познанию сущего. И эти шаги предусматривают признание божественного Абсолюта, органическую связь человека с миром, сохранение этого природного начала в социальной сущности человека. Все его мысли о мудром правителе, о мудрых гражданах будущего города – это стремление помочь человеку прийти в то будущее, в ту высокую духовность, которая изначально предназначена ему, человеку. Мы можем сегодня выразить сожаление, что обстоятельства сложились таким образом, что не позволили могучему разуму аль-Фараби завершить его духовные искания. Если бы это случилось, мы были бы читателями особого труда, сочинения нашего великого земляка.

Кожа Ахмет Йасауи – особая личность в становлении казахской духовности. На его долю выпала судьба пройти весь путь духовного становления человека, приобщившегося к исламу. Именно эта внутренняя установка подвигла его на то, что при достижении возраста пророка – 63 лет он уходит от мирской жизни, уединяется, ведёт образ жизни отшельника, что необходимо ему для прохождения всех ступеней нравственного возрождения суфизма от шариата до хакиката не в качестве автора, описывающего эти этапы духа, а личности, изнутри постигающей сущность духовного возрождения. Это необходимый этап становления духовности народа. Необходимо, чтобы были личности, которые собственной жизнью, собственным примером показали, доказали, продемонстрировали, что духовность это не только нечто трансцендентальное, существующее до человека, над человеком, но это и такой феномен, который существует через человека и только благодаря подобному существованию она может быть феноменом человеческого общества. Она может быть той субъективно-объективной реальностью, о которой можно говорить, которую можно исследовать, которой можно воспитывать. Свои переживания, своё собственное исследование трансформации своей души и духа он представил в своих сочинениях. Они превосходят сочинения многих философов, мыслителей, которые говорят о духовности несколько отстранённо, как об объекте своего исследования. Для него же эта духовность есть слияние объекта и субъекта. Он сам, его душа, его душевные изменения являются и объектом его внутреннего озарения и субъектом, познающим это озарение. В этом неопределимая, вечная значимость творчества Кожа Ахмета Йасауи. С позиции начала XXI века мы убеждены в том, что его творчество всегда будет востребовано, мы никогда его не исчерпаем, не скажем – всё, мы познали его до конца. Оно выступает таким самодостаточным, самодвижущимся феноменом, который каждый раз при соприкосновении с ним дарит субъекту познания энергию, зажигает в нём жажду дальнейшего погружения в суть этого самодвижущегося феномена, наполняет бесконечным восхищением и преклонением.

Другим ракурсом олицетворения духовности казахского народа является творчество Абая (1845–1904 гг.). Общими, объединяющими началами его учения со всеми учениями предыдущих мыслителей, о которых шла речь выше, является тональность тревоги, печали, озабоченности, что обусловлено грузом ответственности, который берёт на себя каждый из этих мыслителей. Этот груз ответственности в личности Абая обусловлен тем обстоятельством, что он живёт на рубеже двух веков, двух цивилизаций – номадической и оседлой. Духовность казахского народа избрала именно его в качестве того субъекта, который понесёт на себе всю тяжесть выбора народа, весь трагизм его существования, связанный с этим рубежным бытийственным моментом. Мы не можем представить себе Абая человеком весёлым, беспечным абсолютным оптимистом, который радуется лучу солнца, чашке с кумысом, самому факту своего существования как человека в этом подлунном мире. Вся его творческая биография, всё его творчество наполнены тревогой, пониманием сложных перипетий народных судеб, осознанием той глобально космической ответственности, которая выпала на его долю. И как конкретный человек, который сочетает в себе общее, единичное и особенное, он переживает судьбу каждого казаха, он глубоко понимает, как тяжело ему живётся сегодня, как нелегко будет жить ему в XX веке. Эта озабоченность связана с тем, что как никто другой он понимал душу казахского народа, его психологию и менталитет. И в то же время он осознавал, что этот менталитет и психология не впишутся, к сожалению, гармонично в будущую оседлую цивилизацию. Можно сказать, что одновременно с казахами подобную судьбу разделили многие народы Центральной Азии. Но особенность, «избранность» казахского народа в том и заключается, что он нашёл своего духовного пастыря, своего духовного пророка, который задолго до действительного становления нового цивилизационного развития народа это осмыслил и понял, помог народу пережить это трудное, трагическое время. Абай понимал объективную необходимость новой цивилизации, которая по своей сути является техногенной, и людям, жившим в эпоху непосредственных связей с природой, с космосом, трудно перейти в эту новую жизнь, перейти от сохи к трактору, и в то же время, его уверенность в том, что народ пройдёт этот сложный путь, выйдет достойно из него, покоилась на том, что космизм духовности казахского народа – открытость его души, трепетное отношение к миру, к природе помогут занять достойное место в новой цивилизации и в то же время послужат основой для новой планетарной космической цивилизации, которая уже грядёт и которая является своей, а не чужой для народа, духовность которого на протяжении тысячелетий сохранила этот космизм, который стал возможным благодаря номадическому образу жизни, который являлся на протяжении многих веков ведущей тенденцией жизнедеятельности казахского народа. Именно благодаря этой жизнедеятельности наши предки-номады осваивали в жестоких битвах необъятные широкие просторы степей, в которых, не меняя границ, живём мы и сегодня.

Одним из принципов развития нашего Отечества является принцип евразийства, сочетающего в себе черты европейского и азиатского в культуре. И в этом плане подобный анализ казахской культуры позволяет подчеркнуть, что духовность Казахстана – это такое целое, которое включает в себя целостность, универсальность человеческой истории, человеческой духовности.

К сожалению, в отечественной литературе казахская культура ещё недостаточно исследована и появляется настоятельная потребность провести тщательный глубокий анализ этой культуры. Данный анализ должен начинаться с рассмотрения проблем человека и мира, человека и общества на протяжении всей истории культуры, акцент должен делаться на специфике этого исследования по этапам становления казахской государственности. Подобный анализ, несомненно, обнаружит общее в трактовке главной мировоззренческой проблемы, что свидетельствует о духовном единстве человечества и в то же время специфику, обусловленную социальными, духовными, геополитическими осо-

бенностями казахского государства. В качестве такой специфики можно отметить особую открытость, благоговейное отношение человека к Космосу, органическую неразрывную связь человека с Космосом, которая становится сущностным моментом внутреннего мира человека. Всё это проходит через всю историю казахского народа, является основой философского мировоззрения всех веков, в том числе и XXI века. Это доказывает, что анализ истории казахского народа чрезвычайно актуален, он ждёт своих исследователей. Переосмысления требует оценка творчества многих жырау, акынов, мыслителей-философов, которое в условиях моноидеологии оценивались или как не имеющее никакого философско-мировоззренческого содержания. Думается, что духовность – это такое явление, которое вбирает в себя все формы мировоззрения, все формы знания, и на любом этапе исторического развития, в том числе и на этапе господства исламской религии духовность как феномен обязательно являлась органическим синтезом философского и религиозного знания, фундаментом формирования культуры народа. И не мог человек, занимаясь творчеством, отказаться от такой трактовки духовности, он неизбежно был в рамках подобного явления. И его критика была не на отказом от неё, от этой духовности, а анализом отдельных моментов, положений конкретной духовной культуры, конкретного исторического этапа. Хотелось бы также подчеркнуть, что подобная особенность казахской истории, сформировавшейся в глубокой древности, является одним из духовных источников стабильности современного казахского государства. И проводимый нами анализ, исследование, на наш взгляд, помогут раскрытию этого особенного феномена Казахстана, который является своеобразным талисманом, оберегающим наше общество от ненужных смут, распрей и вражды.

Берсенёв В.Л.

д.и.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
colbers@bk.ru

Логинов В.Г.

д.э.н., доцент, руководитель сектора Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
log-wg@rambler.ru

Павлов Б.С.

д.филос.н., профессор, в.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Стожаров А.В.

к.соц.н., к.филос.н., вице-президент РОС, Москва
gorizont-m@mail.ru

Трифонова П.С.

аспирант, м.н.с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pol.trifonova2018@yandex.ru

СЕМЬЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ОТ ТРАДИЦИОННОГО ЧУМА ДО УДОБСТВ ГОРОДСКИХ КВАРТИР В НЕФТЕГАЗОВЫХ ГОРОДАХ ХМАО И ЯНАО (1990–2020 гг.)¹

Ключевые слова: *Российский Север, малочисленные народы, манси, ненцы, ханты, обычаи, традиции, семья, родство, чум, культура, дети, традиционные занятия, адаптация в городе, ассимиляция молодёжи, Надым.*

Keywords: *Russian North, small peoples, Mansi, Nenets, Khanty, customs, traditions, family, kinship, chum, culture, children, traditional occupations, adaptation in the city, assimilation of youth, Nadym.*

*Дрожит от пурги перегула
Мой Север, свернувшийся в круг:
Куда ни пойдёшь я отсюда,
Любая дорога – на юг
Застыли Шекспир и Неруда,
Упрятали руки в золу:
Куда ни пойдёшь я отсюда,
Любая дорога – к теплу.*

В.Н. Фёдоров

народный писатель Якутии, российский поэт

Исторически одним из механизмов поступательного развития общества является *социально-поселенческая ассимиляция*, предполагающая сближение образа жизни различных больших и малых социальных групп, проживающих в различных типах поселений. В широком смысле под ассимиляцией (от лат. *assimilatio* – уподобление, слияние, усвоение) понимается процесс, в ходе которого две или более групп, ранее различавшихся внутренней организацией, ценностными ориентациями, культурой, создают новую общность, в которой происходит смена групповой самоидентификации, утрачивается ощущение своей самобытности, специфичности.

Наиболее рельефно имеющиеся социально-поселенческие различия в России отражены в дихотомии «село – город». Основные ассимиляционные изменения населения предопределяются, прежде всего, процессами, идущими в молодежной части социума, и проявляются в трансформации образа жизни поколений «отцов и детей». Эта трансформация может фиксироваться в изменениях структуры и характере формирующихся (сформированных) потребностей и ценностных ориентаций молодых людей по мере их взросления. Они отражаются в жизненных планах юношей и девушек, в выборе основных средств их достижения, в формах их повседневного поведения и поступках.

Один из основных исторических процессов, интенсивно идущих на Крайнем Севере России во второй половине XX века, – это процесс ассимиляции коренных народов этого региона с переселенцами из других регионов России. О масштабах этого процесса можно судить, прежде всего, по данным статистики. О соотносительных показателях численности коренных народов Севера и представителей других национальностей России, проживавших в этом регионе в 90-е годы прошедшего столетия, можно судить хотя бы по следующим цифрам: в северных регионах России, занимающих 68% ее территорий, проживали 12,2 млн человек. Одну треть их них (3,5 млн) составляли дети, в том

¹ Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

числе 62 тыс. – дети коренных народов Севера¹. По данным городской мэрии, в Надымском районе (конкретной территории, где проводился в 90-е годы комплекс наших исследований²) всего проживали 80 тыс. человек, коренное население составляло 2,5% общего состава.

Освоение северных территорий в 60-90-е годы прошлого столетия, сопровождаемое бурным ростом производительных сил, не способствовало соответствующему социально-экономическому развитию коренного населения, поскольку оно осуществлялось в интересах природоэксплуатирующих отраслей, значительного роста добычи нефти, газа, леса, минеральных и других природных ресурсов. Ресурсная направленность освоения Тюменского Севера во многом определяет те негативные моменты, которые в полной мере проявились в Ханты-Мансийском автономном округе, одной из крупнейших кладовых нефтегазовых районов мира.

Так, за период экономического развития ХМАО (с 1965 по 1985 гг.) здесь было освоено капитальных вложений на сумму 45 млрд рублей, из них в нефтегазодобычу, строительство предприятий этой отрасли и геологию – 38 млрд руб., или 85%, в рыбную промышленность – 65,3 млн рублей, или всего 0,14%. На 1986–1990 гг. по округу лимит капитальных вложений был запланирован в объеме 36 млрд руб., из них на строительство объектов производственного назначения предприятиями традиционных отраслей хозяйства – 18 млн рублей, или 0,05%, на строительство жилья и объектов соцкультбыта – 51,7 млн руб., или 0,14%³.

В особо затруднительном положении в этих условиях оказались коренные народы Севера. Не случайно в Декларации участников первого учредительного съезда народов Севера Ханты-Мансийского округа» (прошел 11 августа 1989 года) говорится, что они обеспокоены тем, что:

- варварское освоение нашей земли приводит к ее гибели, а вместе с ней гибнут и наши народы, живущие здесь тысячи лет, гибнут их вековой уклад, быт, культура;
- сокращается численность народов ханты и манси, средняя продолжительность их жизни не превышает 42–45 лет;
- пренебрежительное отношение к традиционным отраслям хозяйства, дискриминационные цены на товары народного промысла порождают нищенский уровень жизни;
- забываются язык, традиции; продолжается уничтожение и осквернение кладбищ, памятников югорской культуры⁴.

Говоря о подрыве основ жизнедеятельности коренных народов Российского Севера, Е.Д. Айпин, в прошлом член Верховного Совета СССР, народный депутат СССР с горечью констатировал: «Сегодня, увы, наша судьба не принадлежит нам... Мы не знаем, где нам завтра ловить рыбу, выслеживать зверя и птицу, пасти оленей. Мы не знаем, где завтра срубить избушку, поставить ловушку, похоронить последнего шамана. Мы не подозреваем о том, что без традиционно закрепленной пищи, без рыбы, без свежего мяса, без северных ягод и грибов нас ожидает физическая гибель. Ученые доказывают, что на консервированных продуктах через 2–3 поколения кончится род охотников, рыбаков, оленеводов. А еще раньше, с утратой традиционных отраслей хозяйства – охоты, рыболовства и оленеводства – погибнут наша душа и культура»⁵.

Трудозанятость коренных народностей Российского Севера: симбиоз традиционности и новаций

Анализ многочисленной литературы по проблемам народов Российского Севера в дореформенный период показывает, что изучение ретроспективы, современного состояния и перспективы жизнедеятельности коренных народностей Севера традиционно велось и ведется в двух аспектах. Первый из них – *этнический* подход – учитывал, прежде всего, уникальность и неповторимость этноса. *Социальный* же подход предметом исследования выделял, как правило, проблемы жизнеобеспечения социального взаимодействия малочисленных наций и народностей в процессе социального взаимодействия с другими нациями и народностями России. В первом случае при рассмотрении противоречивости развития народов Севера внимание акцентировалось на анализе противоположных сторон жизни этих народов – этнической и общесоциальной. Во втором – во главу угла ставилось изучение тенденций «расцвета и сближения» наций, включая малочисленные народности. Углубленные исследования, проведенные сотрудниками Института экономики УрО РАН в нескольких районах ХМАО (научные руководители В.П. Пахомов и В.Г. Логинов), позволили сделать ряд основополагающих выводов, связанных с решением проблем трудозанятости представителей коренных народов Севера. Приведем некоторые из этих выводов⁶:

¹ Север в экономике России: Материалы научно-практической конференции, 7–8 октября 1997 г. / Госкомсевера РФ, КЕПС при Главе Республики Коми, ИЭСРС Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1998. – С. 124.

² Берсенёв В.Л., Павлов Б.С. Экономическая альма-матер социологического крыла академического института на Урале (историко-социологический экскурс) // Современные проблемы науки и образования: Материалы международных научных конференций. – М., 2020. – С. 5–14.

³ Павлов Б.С., Анисимов С.А. Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – С. 415.

⁴ Обские угры (ханты и манси) на пороге Третьего тысячелетия: сборник документов I учредительного Съезда коренных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа / Сост. Е.Д. Айпин. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1999. – С. 22–23.

⁵ Там же, с. 10.

⁶ Пахомов В.П., Логинов В.Г., Литвинова А.А., Вайсман Г.З. Развитие природно-ресурсного потенциала восточного склона Урала в пределах границ Ханты-Мансийского автономного округа. Препринт. Ч. I. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2001. – С. 49–51.

а) в 1990-е годы в северо-западных районах округа благодаря естественному приросту населения наблюдалось увеличение численности представителей коренных народов Севера. В целом по территории прирост населения составил с 1989 по 1996 гг. 144%, в сельских районах – 129%. Темпы увеличения городского населения среди малочисленных народов Севера вследствие миграционного прироста были выше;

б) высоким уровнем занятости отличается кочевое население округа, составляющее более трети, а в сельской местности почти половину коренных жителей северо-западных районов. Работающими являются все трудоспособные в этой группе населения;

в) за счет традиционных отраслей кочевое население полностью обеспечивает себя такими жизненно необходимыми и наиболее ценными для коренных северян продуктами питания, как оленина и рыба, а также национальной одеждой;

г) будучи наиболее здоровым в физическом и нравственном отношениях, кочевое население лишь в незначительной степени подвержено алкоголизации и люмпенизации;

д) коренное население в сельской местности отличается низким процентом этнически смешанных браков. Сохранению моноэтнического состава способствовало создание препятствий искусственному увеличению смешанных браков за счет смены национальности;

е) сохранение традиционных отраслей природопользования в качестве основы исторически сложившегося образа жизни коренных малочисленных народов в условиях перехода к рынку важно не столько в экономическом, сколько в социальном плане;

ж) рост дотационности традиционных отраслей в северных регионах в условиях перехода к рыночным отношениям обусловлен в первую очередь отсутствием адекватного рынка сбыта, удорожанием транспортных услуг, ростом цен на топливо, промышленных товаров, услуг и продукции традиционных отраслей, изменениями конъюнктуры на мясо, пушнину, рыбу как на внешнем, так и на внутреннем рынках. Экономическое значение традиционных отраслей на современном этапе – самообеспечение национального населения продуктами питания, одеждой, транспортными средствами;

з) реформирование традиционных отраслей связано с решением задачи подготовки национальных кадров (менеджеров, специалистов по маркетингу, экономистов и др.), обеспечением их деятельности соответствующей нормативно-законодательной базой, адаптированной к условиям жизнедеятельности коренных северных народов в своих регионах.

В качестве особого аспекта проблемы трудоустройства представителей коренных народов Севера в условиях городского производства считаем необходимым обратить внимание на то, что переселение в город коренных жителей из национальных поселков и тем более из тундры в настоящее время сопровождается рядом нежелательных обстоятельств в связи с тем, что у них:

- утрачивается естественная среда обитания;
- утрачиваются, как правило, культура, язык, традиции;
- происходит ассимиляция нации;
- ухудшается психологическое здоровье;
- развивается пьянство;
- порождается социально-экономическое иждивенчество.

Последнее обстоятельство предопределяет негативное в целом отношение руководителей предприятий и организаций к трудоустройству представителей коренных народностей Севера. По мнению специалистов, проблема создания новых рабочих мест для представителей коренных малочисленных народов Севера связана не только с наличием излишков в северных регионах рабочей силы, но и с учетом соответствия имеющихся трудовых ресурсов требованиям вновь вводимых производств, т.е. с проблемой приведения в соответствие предложения и спроса. В этой связи на традиционных селитебных территориях целесообразно создание предприятий по переработке продукции традиционных отраслей, где, в свою очередь, требуется персонал с высоким уровнем подготовки (наладчики, инженеры по обслуживанию, технологи, экономисты и т.п.). Таким образом, проблема обеспечения высокой занятости населения в данном случае зависит не только от наличия достаточных финансовых ресурсов, но и подготовки высококвалифицированных рабочих кадров, что требует значительного временного лага. На практике выход из этого положения работодатели находят в привлечении рабочей силы со стороны, несмотря на общий избыток ее на местах.

За последние десятилетия изменения, происходящие в структуре занятого населения на Крайнем Севере, связаны со снижением общей численности работающих вследствие сокращения рабочих мест в сфере материального производства и повышением удельного веса и численности занятых северян в нематериальной сфере. В среднем по территории 57% работающих относится к сфере материального производства и 43% – к нематериальной сфере¹.

Следует признать, что ассимиляция молодежи из числа малочисленных народов Севера, связанная с переходом из традиционных отраслей в новые индустриальные отрасли, при невысоком образовательном, квалификационном, профессиональном статусе значительной части молодых аборигенов приводит к увеличению среди них доли занятых малоквалифицированным трудом со всеми вытекающими из этого последствиями.

Но есть и другая сторона этой проблемы. Активная государственная политика поддержки образования среди молодежи малочисленных народов Севера преимущественно с уклоном на социально-гуманитарные направления, не

¹ Павлов Б.С., Абдрахманов М.Ш., Артюхов А.В., Зиньковский А.В., Рябцева Т.Е., Стожаров А.В. Семья в Надыме: непростое десятилетие реформ (на примере муниципального образования г. Надым и Надымский район). – Екатеринбург; Надым: Институт экономики УрО РАН, 2004. – 260 с.

связанные, в большинстве своем, с промышленным освоением северных регионов региона, привела к значительному росту относительного числа управленцев и специалистов, занятых в сфере образования, культуры, медицинского обслуживания.

Иначе складывается ситуация в сфере промышленного освоения северных регионов. Инженерно-технические и управленческие кадры комплектуются преимущественно из выходцев народов «материковой» России. В то же время процесс индустриализации северных регионов, по оценке А.П. Гудымы, связан с ускорением темпов люмпенизации коренного населения, с обострением безработицы (в том числе – скрытой) и, соответственно, с увеличением социально-экономической (семейной) нагрузки на одного работающего и соответствующей дестабилизацией социального фона¹.

Для изменения сложившегося положения важно реализовать стратегию создания новых рабочих мест в сфере материального производства с целью сбалансирования соотношения между непроизводственной и производственной сферами в сторону повышения доли последней. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению экономической самостоятельности муниципальных (территориальных) образований.

Анализ структуры занятого населения в национальном разрезе свидетельствует о сравнительно невысокой удельной занятости малочисленных народов Севера и связанной с этим высокой нагрузкой в лице иждивенцев на одного работающего: у представителей малых народов Севера данный показатель в 2,2 раза выше, чем у остального населения. Выше у представителей малочисленных народов и уровень безработицы – 32–40%².

Перспективные разработки специалистов Института экономики УрО РАН свидетельствуют о достаточно широких и в то же время реальных возможностях организации новых производств и новых рабочих мест с привлечением на них представителей малочисленных народов Крайнего Севера. В данном случае речь идет о таких территориях, как Саранпаульская, Сосьвинская и Няксимвольская. Вот некоторые позиции этих перспективных проработок.

Реализация программы разработки минерально-сырьевых ресурсов позволит создать 665 новых рабочих мест, в том числе в Саранпауле – 390, в Няксимволе – 275, что гораздо выше необходимых потребностей в рабочих местах. Организация переработки продукции традиционных отраслей на базе родовой общины «Сыгва» (Саранпаульская СА) обеспечит создание 91 рабочего места, в том числе 55 мест для сезонных работ в традиционных отраслях (рыбаки, охотники, сборщики дикоросов).

При проведении в жизнь данных мероприятий на этой территории, по мнению уральских экономистов, будет решаться проблема занятости национального населения. При реализации бизнес-плана районной корпорации «Фактория» предполагается создать 38 новых рабочих мест только по обслуживанию фактории, в том числе на Сосьвинской территории – 21, в поселках Ломбовож, Кимкьясуй и Сартынья – по семь рабочих мест. Кроме того, в этих поселениях будут привлекаться на постоянной основе для работы в традиционных видах промыслов (охотничий промысел, рыболовство, сбор дикоросов) 42 чел., в том числе в д. Кимкьясуй – 16 чел., с. Ломбовож – 16 чел., пос. Сартынья – 10 чел. Дополнительно на период сооружения объектов строительными бригадами корпорации будут привлекаться по 3–4 чел. в каждом из этих населенных пунктов, которые не только будут трудоустроены, но и одновременно приобретут строительные профессии: плотника, каменщика (еще 10 рабочих мест). Всего по Сосьвинской территории – более 70 чел. Основные средства в размере 6238 тыс. руб. передаются общинам безвозмездно. В случае реализации данной программы решится проблема занятости на Сосьвинской территории.

Актуальность обозначенной социальной проблемы не вызывает сомнения и тем самым объясняет соответствующий интерес к ней со стороны социологов³. Один из наших исследовательских проектов, о результатах которого пойдет речь ниже, был посвящен проблемам социально-экономической (что во многом синонимично трудовой, профессионально-производственной) адаптации ненцев и, естественно, ненецких семей к городскому образу жизни в условиях Крайнего Севера. В Толковом словаре русского языка представители этой этнической общности поясняются как «народ, относящийся к коренному населению Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Таймырского округов (прежнее название – самоеды)».

Исследования социологов экономистов Института экономики УрО РАН показали, что в настоящее время в поселках, где совместно проживает коренное и пришлое население, удельный вес таких семей составляет до одной трети общего числа семей малочисленных народов Севера, проживающих в данном пункте. При этом дети, появившиеся в результате смешанных браков, только по паспорту являются манси или ханты. Еще недавно, по нашим данным, по коренной национальности записывался каждый четвертый ребенок, родившийся в этнически смешанной семье. Сейчас в связи с появившимися льготами родители записывают детей только по коренной национальности, а старших детей, если они были записаны по другой национальности, переписывают на коренную.

Развитие семейно-брачных отношений в традиционных местах расселения представителей коренных жителей Севера осложняется имеющейся существенной диспропорцией мужской и женской частей коренного населения, подерживающего традиционный образ жизни. Статистика свидетельствует, что самая высокая доля женщин – предста-

¹ Гудыма А.П. Социально-философские основы стратегии устойчивого развития малочисленных народов Севера. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 306–307.

² Павлов Б.С., Сычугова К.М., Стожаров А.В. (рук-ли), Агичева К.К., Белокопытова А., Чиркова М. И. Проблемы трудоустройства коренного населения (по материалам социологического исследования в Надымском районе). – Надым; Екатеринбург: Надымский центр занятости населения, Ин-т экон. УрО РАН, Научно-внедренч. предприятие «Горизонт», 1995. – 54 с.

³ Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.) / Российское общество социологов, Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – 825 с.

вительниц коренных народов в городских поселениях: в целом по ХМАО она составляла в 1979 г. 59,7%, в 1989 г. – 60,3% от общей численности проживающих здесь представителей малочисленных народов Севера. Это обусловлено, на наш взгляд, рядом причин:

- ростом числа городских и промышленных поселений в ареалах проживания коренных народов, где есть более широкие возможности использования женского труда в непромышленной сфере;
- меньшей вероятностью найти женщинам работу в традиционных отраслях, где преобладают мужские профессии, низкой престижностью их и в связи с этим большим стремлением женщин (в первую очередь молодых), чем мужчин, получить среднее образование и желанием продолжить учебу дальше;
- стремлением найти себе партнера для брака из представителей некоренной национальности, чему способствует структура населения в новых городах и поселках с высокой долей молодых холостых мужчин;
- структурой средних специальных заведений в округе, ориентированных на подготовку специалистов из числа женской молодежи коренных народов (медучилище, педучилище).

Главным и определяющим условием воспроизводства сообществ малочисленных народов, подчеркивает А.П. Гудыма, «является сама природа Севера, а именно его климат, флора и фауна. Эти обстоятельства привязывают коренное население Севера к территории их обитания самым непосредственным образом. Традиционное природопользование остается на необозримую перспективу материальной основой сохранения северными народами традиционного образа жизни»¹.

Традиционная близость малочисленных народов Севера к природе, практически полная зависимость от нее детерминировали и определенные ограничения на развитие культуры хозяйственной деятельности, ее существенные отличия от культуры хозяйствования народов Центральной России. Последние, в силу сравнительно высокой плотности, относительно благоприятных природно-климатических условий и исторически растущих потребностей своего жизнеобеспечения стремились и добивались решения своих проблем посредством совершенствования орудий труда, развития технических средств, противопоставляя, тем самым, свою хозяйственную деятельность стихийным силам природы. В отличие от этого, «малочисленные северные народы шли по пути максимального соответствия природной среде в местах своего проживания, полностью адаптировались к ней и вне этого природного комплекса не могут существовать»².

Действующая практика показывает, что в противовес стремлениям сохранить традиционный уклад жизни на Российском Севере он стремительно деградирует под натиском техногенных факторов. Так, по данным федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие малочисленных народов Севера до 2000 года» на 1 января 1996 г. по сравнению с 1 январем 1991 года стадо оленей сократилось на 600 тыс. голов, на 50% уменьшились добыча рыбы, пушнины и морского зверя, продуктивность охотничьих угодий, в семь раз снизился улов рыбы. Интенсивное промышленное развитие территории Севера по существу разрушило среду обитания и сложившуюся практику развития традиционных отраслей хозяйствования как основной формы деятельности коренных малочисленных народов Севера. Продолжаются отчуждение и промышленное освоение земель – вывод их из природного оборота. Так, площадь выведенных из природного оборота земель на территории Ханты-Мансийского автономного округа превысила в настоящее время 80 тыс. га, из них 56 тыс. га – последствия нефтедобычи. В природные водоемы сливаются миллионы кубических метров сточных вод, только нефтяники забирают на нужды отрасли более 500 млн м³ свежей воды ежегодно³.

История распорядилась так, что значительная часть представителей этой национальности оказалась в поле социально-экономического тяготения (давления) сравнительно крупного для Крайнего Севера промышленного города Надыма и поселков Надымского района. Вполне естественно, что с началом промышленного освоения Севера начался и процесс миграции из мест традиционного обитания ненцев в места проживания с иной системой хозяйственно-бытового и культурного уклада, с более высоким порядком бытового комфорта. Так, за годы интенсивного промышленного развития Обского Севера, связанного в первую очередь с нефте- и газодобычей, количество населенных пунктов сельского типа сократилось с 700 до 326, хотя численность жителей при этом увеличилась на 81 тысячу человек.

Важно отметить еще одно обстоятельство. Специалисты в области градостроительной политики считают, что структура экономической базы поселений Севера малоэффективна. Основными причинами этого являются ведомственность предприятий производственной инфраструктуры, слабое разделение функций между поселениями. Доля кадров, занятых в отраслях специализации, всего лишь 10–15%. В результате в северных городах, особенно крупных, по оценкам исследователей, проживает много «лишних» людей. В целом «перенаселенность» Севера России составляет 2–5 млн чел.⁴

¹ Гудыма А.П. Социально-философские основы стратегии устойчивого развития малочисленных народов Севера: автореф. дис.... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 31.

² Гудыма А.П. Социально-философские основы стратегии устойчивого развития малочисленных народов Севера. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 306.

³ Программа обеспечения занятости населения из числа коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 1996. – С. 28.

⁴ Павлов Б.С., Сычугова К.М., Стожаров А.В. и др. Указ. соч.

II. Адаптация жизнедеятельности тундровых ненцев в условиях малых северных газодобывающих городов Урала (на примере г. Надыма)

Город Надым вместе с поселком Пангоды является одним из притягательных населенных пунктов для миграционного перемещения ненцев. За последний десяток лет¹ сюда переехали сотни семей и одиноких представителей ненцев. Помимо прочих причин, однонаправленному потоку ненцев-мигрантов способствовали достаточно существенные государственные и муниципальные социально-экономические приоритеты и льготы. Возникает вполне закономерный вопрос: можно ли однозначно оценивать переселение представителей коренных национальностей Севера как несомненно прогрессивный социально-этнический процесс? Опрос 105 экспертов («Аборигены-1995») по оценке национальной политики в отношении малочисленных народов Севера за годы советской власти показал неоднозначность мнений. Большинство экспертов положительно оценивает создание национальных округов и письменности, но отрицательно – развитие северных регионов, перевод коренных народов на оседлый образ жизни, искоренение религиозных традиций. Оценивались также варианты развития малочисленных народов Севера и меры, необходимые для нормализации условий их образа жизни. Экспертный опрос показал, что народы Севера находятся в тяжелом положении, реальным выходом из которого является возрождение традиционных для этих народов форм жизни и деятельности.

Необходимо отметить, что процесс такого переселения изначально нес в себе зачатки многочисленных проблем, встававших, с одной стороны, перед самими переселенцами, а с другой – перед теми властными структурами, в обязанности которых входило обеспечение этого процесса. К началу 1995 г. в Надыме и Пангодах проживало более трехсот семей ненцев. Вполне понятно, что городская общественность и в первую очередь Надымский городской центр занятости не могут относить вопросы адаптации представителей коренных народов Севере в г. Надыме и Надымском районе к числу второстепенных. Это и явилось объективной предпосылкой реализации социологического исследования, о котором пойдет речь в этой статье.

Прежде всего, о некоторых концептуальных основах трудовой адаптации коренных жителей Севера в городах и рабочих поселках. Труд был, есть и останется основной сферой жизнедеятельности человека, его основным источником жизни, условием развития личности. Современный совокупный общественный труд глубоко дифференцирован как по видам и специфике занятости населения, так и по условиям труда отдельных профессий и специальностей. При этом всю сферу общественного труда можно подразделить на две части:

а) труд, связанный с современными технологиями, орудиями, предметами труда, видами услуг. В современном обществе таким видом труда занята большая часть населения планеты, в том числе и России, и он носит как бы «сквозной» общественно-производственный характер;

б) труд, связанный с натуральным ведением хозяйства, традиционными занятиями и промыслами (земледелие, охота, рыболовство и т.п.). Этим трудом занята незначительная часть населения нашей страны. Он характеризуется следующими основными позициями:

– во многом традиционными орудиями труда;

– непосредственной близостью с природной средой, «поставляющей» предметы труда;

– дифференциацией различных видов занятий и промыслов как по территориально-поселенческому, так и национально-этническому признаку.

К российскому населению, сохранившему традиционные занятия, промыслы и во многом традиционный образ жизни, относятся народности Крайнего Севера – ненцы, ханты, манси, коми, чукчи, эвенки и др.

Основная тенденция изменений в сфере общественного труда в промышленно развитых странах – это постоянное увеличение доли населения, занятого современными видами труда, и уменьшение доли населения, приобщенного к традиционным занятиям. Особенно наглядно этот процесс прослеживается в условиях Крайнего Севера. Он, как известно, проявляется в массовой миграции представителей коренных народов с традиционных мест проживания, в частности, из мелких поселений в более крупные рабочие поселки, в молодые нефте- и газовые города.

Миграционный процесс сопровождается, как правило, отчуждением представителей коренных национальностей Крайнего Севера от прежних занятий (оленоводства, охоты, рыболовства, выделки шкур, сбора дикоросов и др.) и попыткой освоения непривычных городских профессий. Выход мигрантов на городской рынок труда создает многие трудности не только для них самих. Трудовая адаптация жителей Крайнего Севера в городе ставит целый ряд сложных задач перед руководителями города, центрами занятости, руководителями предприятий, организаций, службами социальной защиты.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу полученных данных, отметим, что проведение такого, во многом пионерного, исследования было связано с рядом трудностей как методологического, так и методического характера. Укажем на некоторые из них:

– во-первых, объект и предмет предпринятого исследования представляют для социологов во многом *terra incognita*;

– во-вторых, адаптация представителей коренных народностей в русскоязычном городе связана с особенностями этнического характера, не учитывать которые означало бы терять солидный блок информации о мотивах и стимулах поведения этой категории северян;

– в-третьих, существенным препятствием служили языковые барьеры в переводе смысловой нагрузки вопросов «русской» анкеты на родной национальный язык;

¹ Здесь и далее по тексту временные координаты описания событий и фактов корреспондируют со временем проведения данного исследования – 1995 г.

– *в-четвертых*, в качестве побочного эффекта сказывалась на некоторых респондентах своеобразная социально-психологическая установка своего обитания в русскоязычном городе (поселке).

Считаем также необходимым несколько подробнее остановиться на характеристике выборочной совокупности нашего опроса «*Аборигены-1995*». По проблемам трудозанятости коренного населения Севера и его адаптации к городскому образу жизни в г. Надыме и Надымском районе были опрошены 173 представителя коренных национальностей Севера и 105 экспертов.

Прежде всего, о наших экспертах. В числе 105 экспертов были представлены:

специалисты мэрии г. Надыма и администрации п. Пангоды	12 чел.
представители Надымского ГОВД и ОМ п. Пангоды	17 чел.
руководители треста «Севергазстрой»	11 чел.
руководители системы народного образования	19 чел.
представители других организаций и учреждений г. Надыма и п. Пангоды	28 чел.

Проведенный опрос 173 представителей национальностей Севера позволяет судить не только о социально-демографических характеристиках наших респондентов, но и об их семьях:

а) распределение по полу (здесь и далее в процентах от общего числа опрошенных – 173 чел.) мужчины – 38, женщины – 72;

б) по возрасту: до 29 лет – 33 чел., 30–39 лет – 42 чел., 40–49 лет – 17 чел., 50 лет и старше – 8;

в) по образованию: до 6 классов – нет, 7–8 классов – 6 чел., 9–10 классов – 38 чел., техникум – 48, вуз – 8;

г) по национальности: *ненец* – 80 чел., *другие* – 20;

д) языки, которыми владеют респонденты:

только русским	34
русским и ненецким	49
только национальным	1 чел.
другой вариант	16

е) состав семьи:

– не имеют собственных детей, живут: один (одна) – 7 чел., с родителями – 4 чел., с супругой (супругом) – 6;

– имеют собственных детей, живут: с детьми одна (один) – 25 чел., с мужем (женой) и детьми – 54, с мужем, детьми и родителями – 4.

Представленные данные позволяют сделать ряд выводов:

а) в числе переселенцев коренных народов в г. Надым и пос. Пангоды явно преобладали женщины (72% опрошенных);

б) в основном это люди молодого и среднего возраста (до 29 лет – 33%, от 30 до 39 лет – 42%);

в) большая часть респондентов имела среднее и среднее специальное образование: окончили 9-10 кл. – 38%, техникум – 48%, вуз – 8%;

г) подавляющая часть прибывших в г. Надым и пос. Пангоды аборигенов – *ненцы* (80%);

д) более 80% *ненцев* и представителей других коренных национальностей Севера владели русским языком, при этом каждый третий мигрант (34%) не владел языком своей народности и общался с окружающими только на русском языке;

е) основной тип семей *ненцев*, живших на момент опроса в г. Надыме и пос. Пангоды, – полная семья, состоящая из двух поколений кровных родственников – «родители – дети» (54%);

ж) не могла не обратить на себя внимание и значительная доля неполных семей (как правило, мать-одиночка) – 25%. Этот показатель примерно в 1,5-2 раза превышал среднестатистический по РФ.

В ходе социологического опроса выяснялось, из каких поселений приехали коренные жители искать свое счастье на новом месте. Список мест прежнего проживания переселенцев оказался очень обширным, однако проявилась некоторая закономерность. Все опрошенные мигранты (170 чел.) до переезда в г. Надым и пос. Пангоды жили в небольших городках и поселках. Непосредственно из тундры приехал лишь один респондент. Большинство переселившихся оказалось из того же Надымского района, а именно из поселков: Кутопьюган – 33 чел., Ныда – 30, Нори – 26, Шуга – 1, Пангоды (в Надыме) – 2 чел. Всего – 92 чел., или 54% опрошенных. Значительная группа мигрантов прибыла из поселков Ямальского района: Панаевска – 12 чел., Яр-Сале – 4, Сеяхи – 2, Сюнай-Сале – 2, Салемала – 1, из района – 1 чел.

Гораздо меньше переселенцев из Приуральяского района (поселка Аскарка – 5 чел., Белоярок – 6, Харсаим – 1, Зеленый Яр – 1 чел.), из Салехарда – 3 чел., Лабитнанги – 3 чел.; из Пуровского района (поселков Самбург – 3 чел., Тарко-Сале – 1 чел.); из Красноселькупского района (поселков Толька – 4 чел., Красноселькуп – 1 чел.); из Тазовского района (поселков Антипаюта – 3 чел., Тазовский – 2 чел.). По одному человеку прибыло из Сургута (Ханты-Мансийский национальный округ), Белодольска, Юрги, Логъюгана. Таким образом, мигранты-аборигены прибывают в г. Надым в основном из близлежащих территорий.

Вследствие свертывания объемов производства в традиционных отраслях трудозанятости коренного населения (рыбный и пушной промыслы, оленеводство и др.) сокращаются рабочие места, высвобождаются занятые там коренные жители, люди теряют источники доходов, вынуждены искать работу в близлежащих промышленных городах и

поселках. Однако в цивилизованном городе мигрантов ждала, как правило, низкоквалифицированная и, соответственно, малооплачиваемая (по северным меркам) работа.

По мнению экспертов, для ненцев-мигрантов наиболее привлекательными обстоятельствами при принятии решения переехать в город являлись (% от числа опрошенных экспертов – 105 чел.):

возможность получения благоустроенного жилья	39
возможности трудоустройства	27
высокие заработки	22
условия для получения другой профессии	11
другие причины	11

Не секрет, что подобная миграция ложилась дополнительным бременем на местный (муниципальный) бюджет. Возникало противоречие: чем лучше поставлена в городе работа по социальной защите населения (в нашем конкретном случае – в г. Надыме), тем большим стимулом она служила для притока в город под различными предлогами коренных жителей из соседних районов округа¹. Отсюда правомерна реакция местных властных структур. «Администрация была вынуждена принять ряд мер для ограничения притока мигрантов как представителей северных народов, так и приезжающих из стран ближнего зарубежья, – отмечал зам. мэра г. Надыма и Надымского района А.Д. Белокопытов. – Ограничения в прописке некоторым образом сдерживали приток мигрантов, но к коренному населению это относится в меньшей мере. К тому же более благоприятные условия проживания в Надыме (экономические, социально-бытовые) способствовали стремлению сюда переселенцев из числа малочисленных народов Севера из других районов округа. В основном это матери-одиночки, молодые семьи, зачастую без жизненного опыта, выпускники школ и училищ. Прописавшись в городе, они имеют право на получение различных социальных выплат, на которые *как-то можно существовать*. Данная тенденция нежелательна, так как это создавало дополнительную нагрузку на бюджет, порождало избыток рабочей силы. К тому же для мигрантов, как уже говорилось выше, нет необходимого количества мест для проживания в общежитиях, а тем более благоустроенного жилья.

Рассматривать проблему адаптации коренных жителей к жизни и работе в условиях промышленных населенных пунктов, считает А.Д. Белокопытов, необходимо в двух плоскостях. Это, во-первых, желание самого аборигена адаптироваться к новым условиям и, во-вторых, желание руководителей организаций и предприятий причислить данную категорию работников к полноценной рабочей силе, что весьма проблематично, в особенности в областях, требующих высококвалифицированных знаний и подготовки.

Однако такие стимулы переселения характерны не для всех групп мигрантов. Как показало исследование, среди причин, побудивших переселиться в г. Надым представителей коренных народов, выделяются мотивы, связанные с учебой: это или приезд из районного поселка на учебу и поселение здесь после нее – 22%, или приезд в город после окончания учебного заведения по распределению – 22%.

Судя по тому, что большинство наших респондентов-ненцев имеет среднее и среднее специальное образование, как было указано выше, такой мотив переселения выходцев из местных жителей в крупный город представляется вполне обоснованным. Очевидно, коренные жители, а это на 70% женщины, получив специальное образование, не имели возможности применить его в своем родном поселке и стремятся в промышленный центр в надежде иметь большой выбор места работы, устроить свою личную жизнь. На вопрос: «*Имеете ли Вы какую-либо «городскую» профессию?*» лишь 8% респондентов подчеркнули вариант ответа «*Не обучался (-лась) «городской» профессии и не имею навыков работы*» (в нашей выборке эта группа составила 14 чел.).

Мы провели анализ перечня профессий (специальностей), которые освоили наши респонденты. Вот некоторый комментарий к этому анализу. Среди рабочих профессий ненцев примерно 60–70% (а в большинстве, как уже отмечалось, это женщины) составляют маляры, штукатуры. Среди других рабочих профессий отмечены следующие:

повар	парикмахер
кассир	медсестра
фельдшер-лаборант	механизатор
электрогазосварщик	продавец
тракторист-водитель	оператор ДГ
электрик	арматурщик

Среди специалистов со среднетехническим и высшим образованием в нашей выборке присутствовали:

механик	статистик
учитель	воспитатель детского сада
клубный работник	культурработник

Вместе с тем наличие той или иной городской профессии у переселенцев не исключало варианта ее невостребованности на городском рынке труда. Актуализируется необходимость переквалификации, переобучения, получения

¹ Абдрахманов М.Ш., Грамотин Д.В., Ерченко В.А., Зверьянская Л.Г., Козенюк В.Н., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Надымская молодежь: социологические очерки. – Надым: Упр. социальной защиты мэрии муниципального образования г. Надым и Надымский район; НИЦ «Горизонт-М», 2002. – 97 с.

новой профессии, специальности. Вот почему в нашей анкете был задан вопрос: «Согласны ли Вы обучаться какой-то «городской» профессии?». Такую готовность выразил каждый третий респондент (35%). При этом из 65 потенциальных учащихся профессиональных курсов 55 человек (85%) желали бы его осуществлять «без отрыва от своей работы», а 15% – «с отрывом от работы, на которую устроен (а) сейчас».

Более углубленный анализ данных опроса показывал особенности восприятия коренными жителями Крайнего Севера непривычного для них городского образа жизни и городской среды жизнедеятельности. Так, факторы, воспринимаемые жителями «Большой земли» как само собой разумеющееся, представители «вольного образа жизни и труда в тундре» находят обременительными. Вот мнение респондентов по этому поводу (% от общего числа опрошенных – 173 чел.):

а) неудовлетворенность в сфере труда:	
зависимость в работе от начальства	38
жесткий распорядок в работе	29
целый день в закрытом помещении	24
делаешь одну и ту же работу весь день, каждый день	15
работа с машинами, техникой, маслом, мазутом и т.п.	3
б) неудовлетворенность в сфере быта:	
дорогие продукты питания	68
лишние расходы на оплату благоустроенного жилья	50
лишние расходы на питание в столовой	15
дорогой проезд на транспорте	16
много «лишнего» народа на улицах	33
не нравится жить в многоэтажном доме, много жильцов	23
необходимость разговаривать на русском языке	5

Обобщение приведенных данных показывает, что в трудовом процессе мигрантов-ненцев особенно угнетают следующие условия:

а) зависимость от начальства (особенно для мужчин – 42%, у женщин – 36%);

б) жесткий распорядок рабочего времени – 29% (одинаково у мужчин и женщин); особенно недовольны регламентированностью работы люди в возрасте 40–49 лет;

в) пребывание во время работы целый день в закрытом помещении (тоже выделяется группа сорокалетних респондентов – 38%);

г) монотонность работы, больше других недовольна ею тоже группа сорокалетних – 41%.

В процессе обеспечения трудоустройства мигрантов-аборигенов, включая молодых мигрантов, в северном городе или рабочем поселке можно выделить основные противоречия между:

во-первых, характером и направленностью спроса на городском рынке труда и несоответствием ему уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки многих мигрантов;

во-вторых, уровнем и характером профпригодности мигрантов и уровнем их запросов и потребностей в получении «хорошего» (высокооплачиваемого) рабочего места;

в-третьих, процессом нарастания безработицы в городе, с одной стороны, и необходимостью «обязательного» предоставления рабочих мест представителям коренных национальностей, с другой;

в-четвертых, интересами предприятий в сокращении рабочих мест и сохранении кадрового состава и задачами (интересами) Центра занятости по трудоустройству мигрантов;

в-пятых, стремлением многих представителей коренных народностей поселиться и жить в городе, с одной стороны, и с другой – желанием заниматься традиционными промыслами¹.

Наряду со стремлением городских властных и общественных структур адаптировать мигрантов на общегородском рынке труда важно стремиться к созданию необходимых благоприятных условий сохранения и развития традиционных промыслов и улучшению социально-бытовых условий в местах традиционного расселения представителей коренных народов². При этом реабилитационная политика в национальных поселках не должна строиться лишь на принципе простой реставрации традиционных промыслов и образа жизни. Она должна учитывать и реализовывать новые рыночные механизмы хозяйствования.

Приобщение и адаптация мигрантов-аборигенов на рынке городских профессий не должны исключать развития в условиях города и пригородной зоны традиционных промыслов и занятий коренных народов³. Политика занятости

¹ Абдрахманов М.Ш., Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Молодежная политика на Крайнем Севере (на примере муниципального образования г. Надым и Надымский район) / Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район. – Екатеринбург; Надым, Ин-т экономики УрО РАН, 2003. – 180 с.

² Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. – № 25. – С. 2–11.

³ Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала 2013. – № 12. – С. 90–94

представителей малых народностей Севера должна учитывать и органически сочетать мероприятия по обеспечению рабочими местами лиц различного уровня и характера общеобразовательной и профессиональной подготовки¹.

Стратегия национальной политики в отношении трудовой реабилитации коренных народов должна строиться на органическом сочетании мер социальной защиты со стороны государства и самозащиты, самоорганизации со стороны представителей коренных народов Севера²:

- эффективная организация трудоустройства и занятости может основываться только на соответствующей правовой базе федерального законодательства;
- органическое сочетание в сфере трудоустройства коренного населения мер (мероприятий) стратегического и тактического («экстремально-спасательного») характера;
- обеспечение приоритетов для представителей коренных национальностей в получении общеобразовательной и профессиональной подготовки (переподготовки), доступе к ценностям культуры и создание необходимых условий в сфере досуговой деятельности³;
- предотвращение возникновения межнациональных и межэтнических конфликтов в городе и поселках на основе производственных и социально-бытовых отношений;
- максимальное использование индустриального (городского) социально-экономического потенциала в реабилитации поселений народов Крайнего Севера⁴;
- соблюдение принципа приоритетности коренных народов Севера в обеспечении им условий для трудовой, социально-бытовой и культурной деятельности;
- развитие и реабилитация традиционных поселений коренных народов предполагает в качестве необходимого условия первоначальные инвестиционные вложения;
- в реализации политики по отношению к коренным народам Российского Севера необходим учет положительного, цивилизованного опыта зарубежных приполярных стран.

Среди хозяйственников и управленцев бытует мнение, что у коренных жителей Севера в связи с существующей политикой по отношению к ним и объективными социально-экономическими обстоятельствами распространено иждивенчество. По этому поводу мы задали довольно щекотливый вопрос мигрантам: «Что для Вас сегодня предпочтительнее, что бы Вы выбрали для себя?», назвав при этом три альтернативных источника дохода. Выбор респондентов оказался таков (в % от числа опрошенных аборигенов – 173 чел.):

получать пособие по безработице и нигде официально не работать	4
много работать и получать высокий заработок	84
жить своими доходами (оленьями, охотой, рыбной ловлей и т.д.), ни от кого не зависеть	9
не ответили на вопрос	3

Как видим, подавляющее большинство переселенцев (93%) хотели бы (на момент опроса) жить своим трудом, а не рассчитывать на благотворительность общества. Мы уже говорили о том, что переселенцы-аборигены в связи с переездом в крупный город из своего родного поселка ощущают много потерь, связанных с утратой возможности осуществлять жизнедеятельность в природной среде. Земля, тундра, лес, река, озера давали жителю Севера пищу и кров, которые в городских условиях приходится приобретать совсем другим путем. Нам было интересно узнать, какой способ существования для них легче. Вопрос звучал так: «Где, на Ваш взгляд, «дешевле» прожить представителю коренной национальности Севера?». Ответы на этот вопрос были получены следующие (% от числа опрошенных – 173 чел.):

В тундровом поселке (на стойбище)	42
здесь, в городе, райцентре	24
не важно, где поселился, важно другое:	
не лениться работать	24
уметь экономно, по-хозяйски использовать заработанное	11
другое мнение	9

Однозначного мнения не выявлено: с одной стороны, почти половина респондентов находит, что в тундре жизнь дешевле, а с другой стороны, каждый четвертый мигрант считает, что дешевле, легче прожить в городе. Каждый третий мигрант придерживается мудрого мнения, что «не важно, где поселиться, важно другое: не лениться работать и уметь экономно, по-хозяйски использовать заработанное» – 35%.

¹ Павлов Б.С., Стожаров А. В. Тарабрина Л.С. Молодежь Крайнего Севера на переломе российских реформ (опыт социологического мониторинга в северном регионе. 1992–2005 гг.). – Екатеринбург; Надым: Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район; Ин-т экономики УрО РАН; Научн.-исслед. центр «Горизонт-М», 2005. – 556 с.

² Логинов В.Г. Коренные малочисленные народы Севера: динамика и особенности воспроизводства // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. – № 12019, № 1. – С. 136–149.

³ Павлов Б.С., Багин В.В., Лоншакова Н.А. Рынки труда и образовательных услуг в контексте социальной безопасности региона (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург; Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 93 с.

⁴ Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Институт экономики УрО РАН; УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 575 с.

При оценке бытовых факторов городского образа жизни мигранты выделяют в качестве отрицательных:

- а) дороговизну продуктов питания, это обстоятельство особенно угнетает людей среднего и старшего возрастов, видимо, имеющих небольшие доходы (отметили 90 и 77% респондентов в этих группах);
- б) расходы на оплату благоустроенного жилья – опять выделяются респонденты в возрасте 40–50 лет (72 и 77%);
- в) жизнь в многоэтажном, многонаселенном доме – данное обстоятельство труднее переносить тоже старшему поколению мигрантов (35% сорокалетних, 31% пятидесятилетних);
- г) многолюдность – ее хуже других переносят пятидесятилетние переселенцы (39%, а в группе мигрантов до 29 лет – 28%);
- д) обитание в окружении «чужих» людей труднее других переносят все те же мигранты старшего возраста (39%).

И еще одно замечание: необременительна для переселенцев необходимость общения на русском языке, в качестве отрицательного фактора ее отметили только 5%, что говорит о значительной степени языковой адаптированности коренных жителей к русскоязычной среде.

Весьма обширный перечень негативных для мигрантов условий и факторов городской жизни предполагает значительные утраты, которые понесли коренные жители, покинув свои родные места. В анкете был задан вопрос: «Если Вы вынужденно выехали из своего поселка в Надым (Пангоды), то чего лишились при переезде?». На данный вопрос ответили 104 человека из 173-х, т.е. 60% опрошенных. Вот что потеряли мигранты при переезде в промышленный город (% от числа ответивших на вопрос – 104 чел.).

Потерял возможность регулярно заниматься:	%
сбором «даров природы»	63
рыболовством	59
охотой	54
Потерял независимость, свободу в работе	50
Потерял свои угодья: землю, пастбища, зимовья в лесу и т.д.	41
своих оленей	25
свой собственный дом	12
свою домашнюю звероферму	2

Для сопоставления положительных и отрицательных моментов переезда коренных жителей в г. Надым (Пангоды) социологам было интересно узнать, при каких условиях переселенцы вернулись бы на прежнее место жительства (в свой национальный поселок). Анкетный опрос дал следующий разброс ответов (в % от общего числа опрошенных):

Уехали бы при условии, если:	%
создадут там (в поселке) бытовые условия такие, как в городе (газ, водопровод, горячая вода, больница, транспорт в город и т.д.)	51
оставят, сохранят за мной жилье в г. Надыме (Пангоды)	12
дадут на прежнем месте хорошую работу	8
ни при каких условиях уезжать отсюда не намерены	23

Итак, каждый четвертый переселенец (23%) ни при каких условиях не согласился бы вернуться в родной поселок, несмотря на то, что его многое не устраивает в городской жизни. Однако половина мигрантов могла бы вернуться в прежние места, если бы там были резко улучшены условия быта и труда¹.

В процессе реализации исследовательской программы, помимо массового опроса экспертов, было проведено фокусированное интервью, в котором приняли участие ведущие специалисты и работники социальной сферы г. Надыма. Общий лейтмотив интервью был сформулирован следующим образом: «Каковы, на Ваш взгляд, основные проблемы трудоустройства коренных жителей Севера в г. Надыме?». Изложим основные мнения и выводы участников развернутого интервью:

1. Непривычка к регламентированному трудовому процессу, отсюда – слабая трудовая дисциплина. Происходит это потому, что все работы в традиционных отраслях хозяйства коренных народов Севера не имеют жесткого порядка: нужно – работают сутками, затем – период более слабой занятости.

2. Психологические причины – коренное население очень остро реагирует на замечания по выполнению трудовых обязанностей, которые бывают неизбежны ввиду более низкой квалификации и непривычки к новым условиям.

3. Слабый профессиональный рост, сложности с повышением разряда, квалификации. Складывается определенный негативный имидж работника. Это еще более его угнетает и вовлекает в порочный круг.

4. Сложности с обучением и переобучением. Многие курсы платные – кто будет платить? Нужно подбирать для коренного населения такие специальности, по которым можно устроиться на работу без проблем.

5. Влияют и национальные черты характера – замкнутость, стеснительность, сложившийся комплекс неполноценности.

¹ Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). – Екатеринбург; Салехард: Институт экономики УрО РАН, 1999. – 208 с.

6. Прослойка коренных жителей в городе чувствует себя изолированной, не входящей в систему городских трудовых и общественных связей¹.

7. Корень зла – в семейном и школьном трудовом воспитании: длительное пребывание в школе-интернате, в отрыве от семьи, традиционного образа жизни выражается в слабой подготовке к предстоящей трудовой жизни, вырабатываются привычка к иждивенчеству, слабая ответственность за свою личную судьбу. Сейчас в Кутопьюгане и Ныде переходят на семейный принцип расселения, там трудовое воспитание может идти более успешно².

8. Иждивенческая политика в школах-интернатах приводит к большим сложностям в учебе в других учебных заведениях – техникумах и вузах, тем более что сейчас меньше льгот для коренных жителей, отсюда большой отсев.

9. Возможно, стоит вернуться к резервированию рабочих мест на предприятиях, применяя экономические санкции и налоговые льготы. Предприятие, имеющее такие льготы, должно держать определенную квоту рабочих мест для коренного населения.

Приводя мнения наших уважаемых экспертов, мы бы не хотели их представить как истину в последней инстанции. Кардинальные пертурбации в образе жизни представителей коренных народов Крайнего Севера вызвали многие социальные последствия, может быть, еще не осознанные до конца. Социологи Новосибирска небезосновательно отмечают одну важную особенность процесса освоения Крайнего Севера. Главное внимание здесь уделялось технологическим проблемам – добыче природных ресурсов. На Севере столкнулись две культуры: аборигенного и пришлого населения. Первое за многовековую историю создало оригинальную культуру в своеобразных природных условиях. Второе стало вторгаться в этническую среду, игнорируя сложившийся уклад жизни и культурные традиции, на этой почве возникают межнациональные конфликты. На данном этапе освоения Арктической зоны России необходимо на базе этики коренных северных народов создать банк знаний об арктической этике, выявить базовые ценности и на их основе выработать принципы гуманитарной политики в отношении этих народов.

¹ Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. 2010. – № 3. – С. 58–69.

² Абдрахманов М.Ш., Ерченко В.А., Зверьянская Л.Г., Зиньковский А.В., Иванова В.Ф., Павлов Б.С., Рябцева Т.Е., Стожаров А.В. Многодетная семья в северном городе. – Надым: Упр. социальной защиты мэрии муниципального образования г. Надым и Надымский район; НИЦ «Горизонт-М», 2002. – 64 с.; Стожаров А.В. Социализация детей и подростков в условиях Крайнего Севера (на примере поселений Тюменского Севера). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 1998. – 96 с.

Василенко И.В.

д. филос. н., профессор, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета
vasilenko@volsu.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛИТАРНОЙ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ МЕДИЙНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Ключевые слова: информационное общество, развитие системы коммуникаций, конвергенция медиа, трансформации культуры, социально-сетевая медиакультура, интеллектуализация элитарной культуры, фрагментарность знаний в массовой культуре.

Keywords: information society, development of the communication system, convergence of media, transformation of culture, social network media culture, intellectualization of elite culture, fragmentation of knowledge in popular culture

Введение

Сейчас мы живем в эпоху, которую можно назвать информационным обществом¹, она характеризуется переходом от бумажных носителей информации к цифровым. В результате изменения способов производства и доставки информации и появления новых каналов ее распространения изменилась система коммуникации, которая стала строиться на двух основных сущностях – информации и медиа. Не могла остаться неизменной в таких условиях и культура. Переход от индустриального общества к информационному сопровождается целым рядом трансформаций как в социальной структуре грядущего общества, так и в построениях нового типа культуры, которую можно по праву считать цифровой культурой, медиакulturой. В условиях доминирования информации культура начала развиваться по «законам медиа», сформулированным Г.М. Маклюэном². Медиакультура начала характеризоваться доминантой получения и передачи информации (соответственно, посредством медиа), вследствие чего происходит трансформация системы ценностей. Индивиды стали воспринимать социальную повседневность не только непосредственно, но и через виртуальные образы, перенимая модели поведения и формируя свой выбор, стиль и вкус с помощью виртуальных сетей и цифровых (информационных) технологий.

Социальные процессы и культура в современном обществе приобретают усложненную медиатизированную форму, которая наполняется продуктами процессов конвергенции различных способов коммуникации и передачи информации. В результате происходит взаимопроникновение и взаимообогащение различных форм социума и культуры, к примеру, реальной и цифровой, в результате которых сглаживаются противоречия и различия между ними, происходит синтез реальной и виртуальной культуры, происходит трансформация культуры в целом и отдельных видов культуры, в частности.

В этих условиях происходящая трансформация, естественно, не обошла и основные формы-антиподы культуры – элитарную и массовую, поскольку носители и той, и другой культуры активно включаются в процессы коммуникации, особенно в медийной форме.

Принято считать, что элитарная культура свойственна людям одаренным, интеллектуалам, творцам, с высоким уровнем духовности. Массовая же культура характерна для обывателя, обычного человека, как правило, довольно благополучного, стремящегося к комфорту и спокойствию, удовлетворенного своим невежеством³. Эти два вида культуры постоянно взаимодействуют при частом доминировании массовой культуры. В современной ситуации массовая культура приобрела в качестве сильного и устойчивого основания для передачи своих ценностей систему современных, основанных на цифровых технологиях коммуникациях, ведь элитарная культура доступна лишь незначительному числу «особых» людей. Как же происходят трансформации элитарной и массовой культуры и как изменяется итог их взаимодействия?

Начнем с основных понятий, которые были затронуты в рамках темы во введении. Под медиа понимаются любые каналы или средства передачи информации, которые образуют медиасреду. Эта среда создана человеком и является частью глобальной медиасистемы, пронизывающей весь общественный организм, все сферы нашей жизни, интегрирующей их в единое целое. Медиасреда является неотъемлемой частью жизни человека и общества как произво-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

² Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2007. – 462 с.

³ Ортега – и – Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2008. – 348 с. Канетти Э. Масса и власть. – М.: AD Margenem, 1997. – 528 с.; Лебон Г. Психология народов и масс // Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. – С. 15–257.

дителей информации. Более того, сам человек, пропуская через себя потоки информации, преобразуя их, создавая новые информационные потоки, образует различные средства коммуникации как массовой, так и немассовой: внутриличностной, межличностной, групповой, смешанной. В условиях информационного общества обычные каналы распространения информации (общение, контакт с аудиторией, с коммуникатором и т.д.) сочетаются с коммуникациями в виртуальных сетях Интернета. В результате такого медиаобразования появляются различные варианты конвергенции медиакультуры: экранная культура, цифровая культура, видеокультура, визуальная культура, фотографическая культура, синтезированные с культурой, действующей в реальной жизни. Термин «конвергенция» возник в середине XX века в биологии и объяснял процессы эволюции, а затем постепенно распространился в социальных, политических и экономических теориях. Поскольку термин «конвергенция» происходит от латинского слова «converge» – сближаюсь, схожусь, то под процессами конвергенции стали понимать взаимопроникновение и взаимообогащение общественных систем, возникновение в их результате схождения, сглаживания различий и противоречий между. В нашем случае процессы конвергенции будут рассматриваться между различными медиа. Можно выделить три этапа этих процессов.

Первый этап конвергенции касался синтеза двух форм коммуникации: это почта, газеты, журналы и книги, т.е. средства, которые печатались на бумаге, хранились в библиотеках и распространялись методами обычной транспортировки, и это – телеграф, телефон, радио и телевидение, в которых закодированные сообщения или речь передавались средствами радиосигналов или по кабельной связи от человека к человеку. В процессе конвергенции этих видов медиа произошли изменения, стирающие эти различия, в итоге потребители информации получают в свое распоряжение множество альтернативных синтетических медиасредств¹.

Второй этап конвергенции в медиаиндустрии – это процесс интеграции традиционных и новых медиа, построенных на основе современных информационных технологий. В результате синтеза этих форм медиа возникает Интернет-текст как конвергентная конфигурация, созданная с помощью интегрированных технологий на основе массовых сообщений. Этот текст в результате, с одной стороны, является результатом компромисса, объединения, стабилизации, равновесия, а, с другой, включает преимущества Интернет-коммуникации: интерактивность, ускорение времени и сжатие пространства, нелинейность, использование нарративных стратегий, расширение физического пространства возможных контактов². Подобный уровень сложности коммуникационных процессов делает вопрос о трансформации элитарной и массовой культуры в медиасреде одним из самых важных.

На современном этапе развития общества мы становимся свидетелями новых конвергентных форм социокультурных практик, отношений, а также социальных норм, регламентирующих деятельность в сфере создания и потребления культурных продуктов, происходящих на третьем этапе процесса взаимопроникновения реального социокультурного пространства и социокультурного пространства, сформировавшегося в условиях распространения информационно-коммуникативных технологий, наметивших контуры этого пространства в социальных сетях Интернета. Социальные сети обладают большим потенциалом для осуществления разнообразных видов деятельности. Культурное пространство социальных сетей становится особой средой бытия современного человека, детерминирующей характер его самоидентификации и самореализации. Следствием этого этапа процесса конвергенции становится формирование определённой социально-сетевой медиакультуры, которая являясь культурой повседневных сетевых взаимодействий, в то же время проявляется и за пределами собственно Интернет-пространства в различных синтезированных формах: например, в проникновении сетевого дискурса в реальные повседневные языковые практики, в формировании новых форм идентичности, социокультурных паттернов, росте популярности конкретных продуктов художественного творчества и многом другом.

Следовательно, социально-сетевая медиакультура представляет собой совокупность устойчивых норм, ценностей, практик, паттернов социально-сетевой коммуникации и конкретных продуктов художественного творчества. При этом она является культурой повседневности для миллионов пользователей социальных сетей поскольку обладает свойствами доступности и удобства восприятия. Массовое распространение и повышение социальной значимости артефактов социально-сетевой культуры приводит к их закреплению в социокультурных практиках пользователей и общественном сознании в ритуальной и мифологической формах, а значит, способствует развитию новых модификаций массовой культуры.

Социально-сетевая культура как интегрально-дискурсивный результат процессов конвергенции реального и сетевого (виртуального) культурных пространств, реальных практик и информационно-коммуникативных продуктов³ характеризуется свойствами перформативности, то есть содействует производству социальной реальности и воздействию на участников коммуникации с помощью технологий, информации, культурных артефактов, и репрезентативности – отражения реальности в научном знании и частном мнении⁴.

Социально-сетевая медиакультура обладает следующими конвергентными характеристиками:

1. Она образует особое культурное пространство.

¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс. 1986. – С. 330–342.

² Мельник Г.С. Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник. 2012. – № 1. – С. 27–29.

³ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

⁴ Гримов О. А. Социально-сетевая культура: к постановке проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – Курск, 2019. – Т. 9, № 1 (30). – С. 177–182.

Это пространство наполнено разнообразными продуктами социально-сетевой медиаккультуры: ценностно-нормативные структуры, культурные паттерны, сетевые комиксы, эдвайсы, образующие более сложные материально-идеальные культурные объекты. Данные культурные продукты формируют особое культурное пространство социальных сетей, в котором стирается грань между массовой и элитарной культурой, происходит конвергенция жанров и форматов, и как следствие, осуществляется трансформация культуры.

2. Она формирует сетевые сообщества как новые формы социальности.

Все артефакты социально-сетевой медиаккультуры, определяющие преобладающий сетевой дискурс обладают значительным потенциалом формирования сообществ. Можно отметить два основных фактора их формирования: знакомство с культурным кодом как условие вхождения в сеть, а также общность разделяемых пользователями ценностей и паттернов on-line и off-line практик.

При этом данные ценности, во-первых, формируют некоторые культурные пространства в пределах общего социально- сетевого дискурса, а во-вторых, фиксируют границу между теми сетевыми сообществами, чьи ценности и паттерны различаются.

3. Она формирует пространство особенного дискурса, который взаимодействуя с реальным дискурсом, создает в качестве результата определенное общественное мнение, социальные установки и систему жизненных смыслов.

Как уже отмечалось выше, в таком социокультурном пространстве социально-сетевой медиаккультуры происходят трансформации элитарной и массовой культуры. Расширенные возможности коммуникаций и быстрое распространение больших объемов информации чаще всего способствуют распространению массовой культуры. А что же происходит с элитарной культурой, ведь ее представители также включены в пространство этой конвергентной медиаккультуры?

Научно-технические достижения, распространение информационных технологий, разнообразие каналов передачи информации и ее быстрый рост, генерация старых и новых знаний, интеллектуализация труда, применение конвергентных технологий создало условия для появления нового класса интеллектуалов, которые должны обладать высокими профессиональными качествами, знаниями в области информационных технологий, творческими способностями, готовностью к творчеству, инновациям и постоянному совершенствованию. В свою очередь этот класс интеллектуалов развивает свою интеллектуальную культуру¹.

С одной стороны, интеллектуальная культура по своей природе является элитарной культурой, так как присуща определенной группе людей с высокими позициями в статусной иерархии общественной системы. С другой стороны, если определять элитарную культуру как единственно способную к сохранению и воспроизводству основных смыслов культуры и обладающую рядом принципиально важных духовно-нравственных особенностей, созданную для раздумий и самосовершенствования, то однозначное утверждение, что интеллектуальная культура – это элитарная культура, дать сложно. Тем более, что по мнению испанского социолога Хосе Ортега-и-Гассет, элита – это не родовая аристократия и не привилегированные слои общества, а та его часть, которая обладает «особым органом восприятия»². Имеет ли такой орган восприятия интеллектуальная элита?

Считается, что подлинная элитарность проявляется у тех индивидов, которые ориентируются на идеалы добра, справедливости и истины. В научной литературе выделяется ряд путей к элитарности³. Они включают как эгоцентрические в своей основе пути, так и социцентрические. К первой группе можно отнести: совершенствование себя в избранном деле; построение успешной карьеры; организация жизни по собственным правилам. Ко второй группе – попытки изменить существующий порядок; поиск единомышленников близких по духу и по общему пониманию смысла жизни, совместное позитивное переживание радости от полученных достижений и завоеванных достоинств. Анализ смыслов этих стремлений позволяет сделать вывод о том, что среди ценностей, определяющих мысли и действия интеллектуалов, больше индивидуалистических ценностей, которые, на наш взгляд, противоречат нравственно-духовным основаниям элитарной культуры.

Элитарная культура в обществе, в котором интеллектуалы будут занимать лидирующую позицию в социальной структуре и образовывать особый класс, а стремления будут ограничиваться только достижением определенных идеалов своего собственного развития, ощущением своей значимости и совершенства, будет носить глубоко индивидуалистический характер, что не свойственно нашему российскому обществу. Таким образом, элитарная культура, приобретающая интеллектуальный характер в условиях конвергенции медиа, хотя и сохраняет творческое начало, но становится слишком индивидуализированной и своими смыслами профанирует классические ценности элитарной культуры, закрепленные в заповедях христианства, в этике и этикете западной культуры. Решить эту задачу могут представители класса интеллектуалов, появившихся вместе с информационным обществом, и способствующих техническому и социальному развитию, но только в условиях роста своей индивидуальной и групповой нравственности и духовности.

Элитарная культура в большинстве случаев упоминается вместе с массовой культурой. Первая характеризуется нравственностью, творчеством, другая является шаблонным материалом, легко воспринимаемым сознанием масс. Практически во всех работах о массовом обществе начиная от Х. Ортега-и-Гассета и Г. Лебона и заканчивая трудами Х. Арендт, анализировавших современное им массовое общество, говорится о проблеме качества общественных связей, негативно влияющих на человека, о потере ответственности, умения отличить добро от зла, правильное от непра-

¹ Салова Т.Л. Элитарность и элитарная культура // Вестник Майкопского государственного университета. 2019. – №4/43. – С. 184.

² Ортега – и – Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2008. – 348 с.

³ Салова Т.Л. Элитарность и элитарная культура // Вестник Майкопского государственного университета. 2019. – №4/43. – С. 184.

вильного и сделать свой выбор¹. Ведь в случае утраты этого умения люди превращаются либо в агрессивную, либо покорную толпу, в людей, не сумевших осознать и занять свою позицию. Не делая акцент только на положительной стороне элитарной культуры и только на отрицательной массовой, мы вынуждены констатировать, что массовая культура становится приоритетной в отношении других культур, так как она, во-первых, соответствует массовому шаблону мышления, во-вторых, понятна большинству населения, в-третьих, соответствует системе коммуникаций информационного общества, в том числе и конвергентным формам медиа. Возросшая потребность в массовой культуре заставляет и культурные центры отдавать предпочтения работе с массовой культурой, воспроизводить и транслировать ее ценности и паттерны в силу их простоты, стандартности и доступности. Представлять искусство в рамках массовой культуры становится проще, так как список коммуникативных источников для передачи информации существенно расширяется. Следствием является распространение модели пассивного восприятия продуктов массовой культуры. Сейчас мы наблюдаем всё больше театральных постановок, выставок музеев и галерей, экспозиции которых создаются с учетом массовой культуры, не несут серьезной смысловой нагрузки, а всего лишь дают поверхностное восприятие и ускользающие впечатления. В современных условиях стал возможен переход из сферы элитарной культуры в массовую с целью усилить коммуникативную связь между взаимодействующими или включиться в такую коммуникацию. Можно ли воспользоваться социально-сетевым пространством культуры для распространения элитарной культуры? Естественно, это возможно, в Интернете есть библиотеки видео- экспозиций мировых музеев, оперных спектаклей, концертов и т.д. однако, востребованность этого контента невелика, так как в результате просмотров формируется желание думать, размышлять, понимать и видеть скрытые значения, которые, на первый взгляд, не наблюдаются. А это доступно не всем по причине как внутреннего мира человека, так и внешних сверхдинамичных обстоятельств, не дающих ему достаточного времени на эти размышления.

Как трансформируется массовая культура под воздействием средств массовых коммуникаций, в частности, сети Интернет? Она начинает носить так называемый мозаичный характер, поскольку из огромного потока информации и разрозненных сообщений можно выхватить лишь фрагменты информации, знаний, которые никак не упорядочены, не систематизированы и не объединены логично в единую картину мира. Совокупность знаний, построенная не на полноценной структуре информации, а «слеппенная» из кусочков знаний, не позволяет носителям современной массовой культуры обладать знанием как таковым, характеризующимся системной логикой и достаточной плотностью информации.

Мозаичная массовая культура создает именно пассивную модель восприятия реальности, о которой писалось выше. В результате в массовом сознании создаются устойчивые стереотипы, а идеи и взгляды человека массы формируются властью и другими заинтересованными структурами, которые манипулируют людьми, используя созданные взгляды. Противостоять распространению мозаичных знаний возможно лишь путем возрастания роли классической гуманитарной культуры, в основе которой лежат методы познания, использующие приемы формальных рассуждений и логики, способствующих объединению знаний в кластеры и пониманию взаимосвязи одного кластера знаний с другим.

Изменяется в условиях социально-сетевой массовой культуры и язык².

Первое направление трансформации языка – распространение письменной речи в противовес устной. Общение в сетях Интернета изменило доли времени, используемого на письменную и устную речь в пользу первой.

Второе направление трансформации языка – конвергенция письменной и устной речи в новую форму. С формальной точки зрения речь письменная, а структурно – это устная речь.

Третье направление изменений связано с визуализацией эмоций, поскольку речь, используемая в сетевом пространстве лишена интонации и мимики, в связи с чем в нее включаются значки, смайлики, отражающие какую-то эмоцию³. В таком виде речь становится более короткой, а внутренние смыслы передаются упрощенно с помощью азбуки смайликов. Как можно оценить эти изменения языка? Очень противоречиво. С одной стороны, такая речь позволяет быстро передавать самую необходимую информацию, экономя время на ее написание и передачу, с другой стороны, такой упрощенный язык как элемент культуры формирует такое же сознание и такую же упрощенную форму культуры, массовую культуру. Не случайно в последнее время все чаще встречаются люди, которые не умеют выразить свою мысль. Что-то говорят на том же языке, что и окружающие, но не понятно, о чем.

В любом обществе массовая и элитарная культуры вступают во взаимодействие. Американский философ Д. Макдональд, противопоставляя массовую культуру элитарной, говорил о негативном взаимодействии массовой с другими формами культуры, и утверждал, что массовая культура – это средство для контроля за обществом⁴. В условиях медийной конвергенции массовая культура, к сожалению, получает больше возможностей для своего развития, чем элитарная. Более того, представители элитарной культуры могут переходить в массовую культуру с целью использования потенциала новых сетевых медиа.

¹ Арендт Х. Ответственность и суждение / Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 352 с.

² Ремизов В.А., Садовская В.С. Синусоидность трансформаций в коммуникативной культуре: эпизодность или тенденция // Вестник МГУКИ. – М., 2017. – № 5 (79), сентябрь-октябрь. – С. 62–68.

³ Там же, с. 65.

⁴ MacDonald D. A Theory of Mass Culture. // Excerpts from «A Theory of Mass Culture» by Dwight MacDonald // Diogenes. 1953. – N 3, Summer. – P. 1–17. – https://is.muni.cz/el/1421/jaro2008/ESB032/um/5136660/MacDonald_-_A_Theory_of_Mass_Culture.pdf

Заключение

В результате перехода цивилизации в информационную эпоху усложнились за счет процессов конвергенции медиа содержание и формы коммуникации людей в современном обществе, а также способы её реализации. Наиболее важная сторона – это взаимосвязь трансформации социокультурных процессов с образом мыслей, образом жизнедеятельности и межчеловеческого общения. Сегодня возникли системы виртуальных взаимодействий людей. Казалось бы, изменения во многом носят внешний характер: новые технические и технологические достижения сделали коммуникации и распространение информации более быстрыми, сократили расстояние между пользователями, хотя по-прежнему для решения вопросов используются и онлайн, и офлайн-коммуникации. В то же время природа взаимодействий становится иной, что приводит к изменению принципов онлайн-коммуникаций. Изменяется природа коммуникаций в элитарной и массовой культуре. Массовая культура продолжает доминировать в современном обществе, что воплощается, во-первых, в стереотипизации сознания, во-вторых, в переориентации ценностной системы аудитории в сторону комфорта, достатка и отсутствия проблем, в-третьих, в пассивности восприятия происходящего, в-четвертых, в оценке произведений искусства как некоего поп-продукта.

Гусейнова А.Б.

доктор философии по искусствоведению, с.н.с. Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку
afag_h@yahoo.com

МИНИАТЮРЫ К «КУЛЛИЯТ» АМИР ХОСРОВА ДЕХЛЕВИ КАК ИСТОЧНИК ТРАДИЦИОННЫХ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ И АТТРИБУТИКИ ВОСТОЧНОГО ТАНЦА

Ключевые слова: рукопись «Куллият» Амир Хосрова Дехлеви; миниатюры; танцовщицы; танцевальная пластика; костюм; атрибутика; современное азербайджанское танцевальное искусство.

Keywords: manuscript «Kulliyat» by Amir Khosrov Dehlavi; miniatures; dancers; dance plastic; costume; paraphernalia; modern Azerbaijani dance art.

Рукопись «Куллият» Амир Хосрова Дехлеви, хранящаяся в Ленинградской государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге) (инв. ПНС67, 60–70 гг. XVI в., каллиграф Шах Мухамад ал-Катиб, Шираз) является одной из ярчайшей жемчужин восточной рукописной книги. Она обрамлена в кожаный черный декорированный переплет, имеет роскошный фронтиспис, переписана классическим почерком насталик, включает в себя 24 прекрасно сохранившиеся миниатюры (размеры 26,5+40см). Представляя собой блистательное искусство средневековой миниатюры, эта рукопись прячет в себе еще один клад: среди оформляющих эту рукопись миниатюр хотя бы 9 из них (судя по представленным в прекрасном издании «Миниатюры к произведениям Амира Хосрова Дехлеви» Хамид Сулеймана и Фазила Сулеймановой)¹ изображают роскошные дворцовые сцены с танцовщицами в центре миниатюр. Эти миниатюры являются иллюстрациями к таким произведениям Дехлеви, как «Ширин и Хосров» («Пиршество у Ширин в честь Хосрова», л.62 а); «Хашт бехишт» («Бахрам в мускусном дворце», л.144 а); («Бахрам в базиликовом дворце», л.152 б); («Бахрам во дворце красной розы», л.156 б); («Бахрам в сандаловом дворце», л.169 а); «Айнаи Искандари» («Пиршество у Искандара», л.200 б); («Шахзаде развлекается», л.210 б); «Киран ас-саьдайн» («Пир у султана Кайкубада и Буграхана», л.284 а); «Довалрани и Хызрхан» («Любовная сцена», л.345 б). Эти танцовщицы, прекрасно исполненные, в выразительных позах и движениях, с атрибутами в ладошках и в изысканных одеждах, являются четким пособием по классификации средневекового дворцового женского танца, элементы которого сегодня мы наблюдаем в танцевальном искусстве Азербайджана, Узбекистана, Ирана, Турции и др.

Средневековые восточные миниатюристы, иллюстрируя произведения великих поэтов прошлых эпох, не придерживались исторических реалий тех лет. Принимая за основу сюжет, описываемый автором, они привносили в изображения своих миниатюр современные им детали одежды, архитектуры, окружения, присутствующих персонажей и т.д. Но, конечно, первоисточником их вдохновения являлись стихи великих поэтов, вдохновляясь которыми, они создавали свои шедевры. Каким же был мир Амир Хосрова Дехлеви? Средневековье Ближнего Востока, отличавшееся бесконечными войнами, нашествиями, новыми государственными образованиями, является единым культурным котлом, где наука, поэзия, искусство соседствующих стран взаимовлияли друг на друга, обогащая и формируя их культурную среду. Поэтому, средневековые восточные поэты, являются достоянием всего восточного ареала, но чтобы понять тонкости формирования их, необходимо окунуться в среду их жизни и духовного формирования. Великий индийский и узбекский персоязычный поэт Яминуддин Абул Хасан Амир Хосров Дехлеви родился в 1253 году в г. Патъяли (Индия). Его отец – Амир Сайфиддин Махмуд, турок по происхождению, уроженец среднеазиатского города Кеш (Шахристан) переселился туда во время монгольского нашествия. В то время правление государством в Индии возглавляли выходцы из Средней Азии, которые сделали персидский язык государственным и светским. Дворцовая среда тюркских династий была насыщена творчеством талантливых ученых, поэтов, музыкантов, художников. Юность Поэта пришлось на правление Гияссадина Балбана и его сына принца Мухаммад Султана. Он получил прекрасное по тем временам образование и при делийском дворе стал выдающимся поэтом, получив звание «амира» и «хосрова» – царя поэтов. Несмотря на бесконечные войны, междоусобицы и т.д. при дворе, в котором он вынужден был служить, его произведения полны гуманистических идей, веры в разум и величие человека, философии суфизма (идеи Низамуддина Авлия). Автор 5 диванов, содержащих касыды, газели, рубаи, эпические поэмы и др. отличается мелодичностью бейтов, тонкими философскими метафорами и аллегориями, фольклорными образами. Его «Хамсэ» явилось первым достойным назире (ответ-подражание) на «Хамсе» Низами Гянджеви. Литературное творчество Амир Хосрова Дехлеви явилось гениальным литературным мостом между «Хамсэ» гениального азербайджанского поэта и

¹ Миниатюры к произведениям Амира Хосрова Дехлеви / Составители и авторы предисловия Хамид Сулейман и Фазила Сулейманова. – Ташкент: Фан, 1983. – 132 с.

мыслителя Низами Гянджеви и эпическим творчеством Абдаррахмана Джамии, Алишера Навои и др. Амир Хосрова Дехлеви умер 1325 году в Дели.

Обратимся к миниатюрам вышеназванной рукописи Амир Хосрова Дехлеви. «Ширин и Хосров: «Пиршество у Ширин в честь Хосрова», л.62 а. Сцена миниатюры представляет собой раскинутые в саду шатры с восседающим в них шаха и его возлюбленной. Яркими пунцовыми, желтыми, лиловыми пятнами одеяний распределены силуэты композиции, разбросанные по васильковому фону шатров. Три диагональные группировки, тянущие к центру с двух сторон, где располагаются возлюбленные, распределены прислужницы, предлагающие питье и яства и музыканты. И только танцовщица расположена впереди в центре композиции, тем самым выражая важность ее роли в данной миниатюре. Одежда танцовщицы, как и одежда прислужниц, состоит из накинутаго поверх темного платья пунцового длинного до пола халата, опоясанного кушаком. Волосы танцовщицы покрыты белым аракингом и белым треугольным платочком, а косы укутаны в красную ленту. И только прядь шаловливых волос выбилась у щек девушки. Движения танцовщицы ассиметричны: ноги и руки с зажатými в ладошках платочками танцовщицы повернуты влево, а склоненная голова вправо. Мы предполагаем, что смысл танцевальной позы танцовщицы отражает настроение героев произведения в данной сцене. Аналогичное движение – припадание ног в одном направлении, а взмахи, как бы прощаясь, рук в другом встречается и сегодня в азербайджанском танце.

«Хашт бешишт»: «Бахрам в мускусном дворце», л.144 а; Миниатюра изображает дворцовое пиршество возлюбленных, окруженных девушками-прислужницами, предлагающими им яства и питье и трио музыкантов. Окруженные яркими пятнами одежд прислужниц со всех сторон, вплоть до крыши дворца, одетые в темные одежды мускусного цвета возлюбленные утопают в глубине миниатюры. Перед ними в центре миниатюры танцовщица в традиционном одеянии пурпурного цвета. Направление движения ног, головы и рук гармонично в одном направлении – влево. В ладошках зажаты платочки, левая рука согнута перед грудью, правая поднята выше головы. Кончик длинной косы, укутанной в темную ленту, заткан за кушак. Гармоничная поза танцовщицы выражает также настроение влюбленных. Это движение также часто мы наблюдаем в современных азербайджанских танцах.

«Хашт бешишт»: «Бахрам в базиликовом дворце», л.152 б. Миниатюра изображает роскошный дворец, члененный различными изразцами на мозаику плоскостей. Темным цветным пятном восседают на троне шах и его возлюбленная посредине композиции. Девушки-прислужницы желтыми, пунцовыми, васильковыми пятнами одежд обрамляют их кругом, располагаясь даже на крыше дворца, предлагая возлюбленным питье и кушанья и задвигая их темные силуэты вглубь миниатюры. И только две танцовщицы помещены впереди в центре композиции перед шахом и его возлюбленной. Две танцовщицы в традиционном одеянии пурпурного цвета с закрученными за кушак кончиками кос двигаются друг к другу в центр, только у левой танцовщицы движение ног и головы, поднятой руки с платочком гармонично, а у правой танцовщицы ассиметрично. Мы видим сложный дуэтный танцевальный рисунок, где танцовщицы взаимодействуют в красивой пластической композиции. Интересно, что они повторяют силуэты сидящих за ними шаха и его возлюбленной, как бы выражая их чувства. Такую комбинацию движений можно наблюдать и в современных азербайджанских дуэтных танцах.

Рисунок 1.
«Хаштбешишт» «Бахрам во дворце красной розы»

«Хашт бешишт»: «Бахрам во дворце красной розы», л.156 б. Миниатюра изображает дворцовую сцену пира возлюбленных. Одежда возлюбленных, девушек, купол дворца – все – утопает в пурпуре цвета, слегка расчерченного орнаментами. Трехступенчатый ряд прислужниц аркой обрамляет поглощенных друг другом возлюбленных. Две танцовщицы на переднем плане миниатюры смотрят друг на друга, но движение их ног – друг от друга в разные стороны. У левой танцовщицы ноги двигаются влево, а голова, руки с платочками повернуты к партнерше. Правая танцовщица смотрит влево на партнершу, но ноги, руки направлены вправо. Можно предположить, что их движения – диссонансы с чувствами возлюбленных. Опять-таки, такая танцевальная фигура встречается в современных азербайджанских танцах.

«Хашт бешишт»: «Бахрам в сандаловом дворце», л.169 а. Сцена в данной миниатюре происходит во дворце, сдвинутым по композиции вправо изображением сада. Россыпи орнаментальных и растительных ритмов утопают в теплых сандаловых, охристых тонах убранства дворца, сада. Четыре ряда прислужниц с подносами и кувшинами обрамляют возлюбленных, гармонично восседающих в центре сандалового дворца в нежных охристых тонах одежды. Две танцовщицы, в традиционных одеждах танцующие перед ними, повернуты друг от друга движением ног, головы. Только руки обеих танцовщиц имеют синхронное параллельное движение: у обеих левые руки с платочками подняты выше головы, а правые у левой танцовщицы – внизу сзади корпуса, у правой рука согнута к груди. Такая редкая комбинация движений также встречается в современном азербайджанском танце.

«Айнаи Искандари»: «Пиршество у Искандара», л.200 б. Миниатюра изображает сцену пиршества во дворце, покрытого розового, василькового цвета изразцами. Изображение дворца сдвинуто влево из-за изображения фрагмента сада справа. Композиция миниатюры обычна, шах окружен плотными рядами девушек- прислужниц с яствами, фруктами и трио музыкантш. Черный халат на пурпурном платье танцовщица эффектно подчеркивает изгиб ее тела вправо, в то время как движение ног ее – влево. Голова, руки с платочками танцовщицы также повернуты вправо, сохраняя классическую комбинацию: левая рука у головы, правая повернута к бедру. Этот вариант традиционных движений танца также встречается в современном азербайджанском танце.

«Айнаи Искандари»: «Шахзаде развлекается», л.210 б. Миниатюра изображает пир в шатре среди розовых гор и розового поля цветов. На кобальтового цвета фоне шатра эффектно выделяется силуэт шахзаде в золотом и пунцовом одеянии. По обе стороны его изображены прислужницы, предлагающие яства. От вершины шатра двумя диагоналями спускаются ряды прислужниц с фруктами, напитками. Трио музыкантш расположены слева. Две танцовщицы смотрят вправо на них. Их движения ассиметричны: движение их ног – влево, а поворот головы и рук – вправо. У левой танцовщицы наверх поднята правая рука, левая спущена вниз, у правой – левая рука поднята к голове, правая спущена вниз. Интересно, что в этой миниатюре у танцовщиц рукава спущены так, что кисти рук не видны.

Рисунок 2.
«Довалрани и Хызрхан» («Любовная сцена»)

«Киран ас-саъдайн»: «Пир у султана Кайкубада и Буграхана», л.284 а. Сцена миниатюры происходит во дворце, композиционно сдвинутого вправо изображением фрагмента сада. Теплый колорит миниатюры (малиновый, охри-

стый) исчерчен василькового цвета столбами-изразцами, пятнами одежд и др. Боковое расположение прислужниц завершается справа изображением трио арфистки и впервые двух юношей, играющих на флейте и на дядфе. Танцовщица в традиционном лилового цвета халате поверх черного платья изображена в изгибе тела налево назад, в то время как ноги ее движутся влево. Голова ее наклонена вправо, верхняя левая рука с платочком – выше головы, правая изогнута вниз. Головы шаха и танцовщицы склонены в противоположные стороны, создавая игру центра композиции.

«Довалрани и Хызрхан»: «Любовная сцена», л.345 б. Роскошная миниатюра пира принца во дворце. Три ряда девушек-прислужниц трапециевидно спускаются по обе стороны от центра, тем самым подчеркивая важность образов Хызрхана и Довалрани. Вся миниатюра разбита на ритмические яркие декорированные лилово-охристые плоскости архитектуры дворца, заполненного яркими пунцовыми, желтыми, голубыми пятнами силуэтов главных героев, прислужниц и танцовщиц. Трио музыкантш – арфистка и две с дядфем (может быть, одна из них ханенде – певица, так как на востоке певцы в руках с дядфем аккомпанируют свое пение) расположились справа внизу композиции. Две танцовщицы в центре композиции: обе направлены влево, тогда как их головы направлены вправо: у левой танцовщицы – вверх, у правой – вниз. У левой танцовщицы в голубом халате левая рука с платочком поднята выше головы, а правая опущена вниз. У правой танцовщицы в пунцовом халате обе руки подняты вверх и они без платочков. Обе эти позы также встречаются в современных азербайджанских танцах. Звонкая, насыщенная ритмом цвета и плоскостей, эта миниатюра поражает богатством красок.

Завершая анализ миниатюр с изображением танцовщиц рукописи «Куллият» Амир Хосрова Дехлеви, хранящейся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, мы видим, как много закономерностей в области танца присутствует в них. Парами или в одиночку они исполняют шажочки ногами влево или направо, обогащая ход ног игрой комбинаций движения рук с платочками, поднимая их вверх, складывая у груди или опуская вниз. Головы танцовщиц также аккомпанируют ногам или повернуты в противоположную сторону, создавая разные эмоции танца. Необходимо отметить грандиозность информационного, эстетического и технического богатства в миниатюрах, иллюстрирующих сюжеты, описанные в восточных рукописях. Автор статьи в 2012 году на Международном научном симпозиуме, посвященном 90-летию действительному члену Национальной академии наук Азербайджана, Герою Советского Союза Зию Муса оглы Буниятову, после тщательного изучения материала, сделала доклад на тему: «Танец в изображении средневековой восточной миниатюры» и продемонстрировала поставленный ею экспериментальный «средневековый» азербайджанский дворцовый танец на основе поз, жестов, мимики, костюмов по азербайджанской средневековой миниатюре на музыку азербайджанского ученого музыковеда XIV века Абдулгадира Марагаи «Нахышбести». Опыт был с интересом принят участниками симпозиума.

Восточная средневековая миниатюра является информационным кладезем, неисчерпаемым источником познания не только в области танца, но и быта, порядков, архитектуры, одежды, музыкальных инструментов, садов и т.д. той эпохи. Но для нас средневековая восточная миниатюра – неисчерпаемый источник познания средневекового восточного танца, костюма, атрибутики и его места в дворцовом укладе.

Гусейнова А.Б.

доктор философии по искусствоведению, с.н.с. Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку
afag_h@yahoo.com

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАДЖАРСКОЙ ЭПОХИ КАК ИСТОЧНИК ТРАДИЦИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ТАНЦЕВАЛЬНОГО ИСКУССТВА И ЕГО АТТРИБУТИКИ

Ключевые слова: *Каджарская эпоха, изображение танцовщиц, атрибутика танца.*

Keywords: *Qajar era, pictures of dancers, attributes of dance.*

Азербайджан на протяжении веков территориально и политически входил в состав различных империй, сам делится на сменяющие друг друга государства, подвергался нашествиям, захватам, военным действиям, впитывая в себя разные культуры, верования, религии. Поэтому азербайджанский народ вообрал в себя такое тесно сплетенное наслоение культур, искусств, обычаев, ритуалов, которое, с одной стороны, создало ярко выраженную индивидуальность народа, с другой стороны, естественную связь, общность со смежными восточными культурами и искусствами. С древнейших времен Азербайджан является духовным и физическим носителем многих культур, впитав в себе различные духовные и материальные наслоения восточных империй.

Блистательное развитие азербайджанского и иранского изобразительного искусства эпохи Каджаров – тюркской династии, правившей Иранским государством с 1795 по 1925 год, является полноправным наследием, следствием многовекового развития искусства дворцовых настенных росписей, средневекового миниатюрного искусства, прикладных видов искусств, философии и генетической установки восточного изобразительного искусства. Основатель династии Каджар Ага Мухаммед Каджар, родом из астерабдских каджаров, одного из основных кызылбашских племен, основавших тюркоязычное Сефевидское государство, считал себя их преемником. Выражая свою тюркскую идентичность, Ага Мухаммед-шах именовался «тем, чей род от Афрасияба, слава от Чингиза, твердость от Сельджука, могущество от Тимура».¹ Объединив Иран под свою властью, Ага Мухаммед-шах перенес столицу в Тегеран, тогда как Тебриз оставался духовным центром. Престол наследных принцев династии находился в Тебризе, где принцы росли в окружении азербайджанцев, ещё сильнее привязываясь к азербайджанскому языку, культуре и обычаям. В дальнейшем, становясь шахами, они окружали себя выходцами из Азербайджана. Также, как и при Сефевидах, при Каджарах азербайджанский язык был значимым средством коммуникации и настолько преобладал, что, например, Мохаммед-шах Каджар и российский дипломат князь Алексей Дмитриевич Салтыков при переговорах общались на тюркском (азербайджанском) языке. О приоритете азербайджанского языка при Каджарах говорит также и то, что первые студенты, отправленные за границу в начале XIX века для обучения в Европе (в том числе и художники, отправленные в Рим и во Флоренцию при Фатали шахе), были азербайджанцами.

Имперские устремления Каджаров вернуть себе территории Сефевидских и Афшаридских империй выразились в покровительстве шиитскому духовенству, в ведении придворных церемоний по принципу Сефевидов, в желании отвоевать у афганцев Герат, где провели свою юность шах Тахмасиб, шах Аббас и другие Сефевидские принцы и др. Именно имперские устремления каджарских принцев, их роскошь ярко демонстрируют дворцовые парадные портреты Каджарской династии, ее приближенных, тогда как рафинированная изнеженность превалирует в изображении влюбленных пар, девушек, музыкантш, танцовщиц, акробатов и т.д.

Сам художественный стиль Каджарской династии складывался постепенно. Если при Ага Мухаммед Каджаре велись постоянные войны, и было не до искусства, то при Фатали шахе Каджаре (1797–1834) создались благоприятные условия для развития изобразительного искусства: роскошные интерьеры дворцовых залов в сводчатых углублениях стен дворцов – михрабах заполнялись парадными портретами Фатали шаха на троне, его сыновей и приближенных, а также влюбленных пар, музыкантов, танцовщиц и т.п. Что же из себя представляет Каджарское изобразительное искусство? Парадные сложные композиции шахского престола во главе с Фатали шахом, роскошные фрески дворцов, отдельные портреты шахов и его свиты, по энергетике напоминают фаюмские портреты. Изысканные по силуэту и насыщенные по колориту и орнаментике портреты танцовщиц, акробатов, музыкантш и др. погружают нас в потрясающий мир звенящей тишины немой роскоши и изнеженности, кричащей о значимости изображаемого мира Каджар. Россыпи жемчугов, при застывшей кукольной красоте лиц, почти лишенных индивидуальной шероховатости, изощренные изгибы линий силуэтов и избыток декоративной орнаментики в одежде, интерьера притягивают, гипнотизируют, требуют к себе пристального внимания и проникновения. Это искусство поражает величиим и значимостью

¹ Namiq Musalı. Kaçarlar döneminde türk kimliği ve türk çenin konumu meseleleri üzerine (тип.) / Amasya Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2018. – С. 2. – S. 131–171.

образов. Как уже говорилось, Каджарское изобразительное искусство восходит к восточным традициям настенных росписей и средневекового искусства миниатюры. В поздней Казвинской школе миниатюр из роскошной сюжетной иллюстрации рукописи миниатюры стали преобразовываться в самостоятельный отдельный лист, в крупном плане изображающий влюбленные пары или мечтательного юноши-шаха. Они стали преобладать над философскими многофигурными сюжетными композициями расцвета средневекового искусства миниатюры Тебризской школы сефевидской эпохи и плавно перешли в изобразительный мир эпохи Каджар. Переехавшие вместе с шахом Аббасом в 1598 году из Казвина в новую столицу Сефевидского государства Исфахан, азербайджанские художники-миниатюристы привнесли свой художественный стиль в местную изобразительную школу. Так, выдающиеся азербайджанские миниатюристы Мухаммеди и Садиг бек Афшар оказали большое влияние на творчество художников Каджарского стиля Муина Мусавира, Риза-йи-Аббаси и др. Тематика и стиль Казвинской школы миниатюры стали основой для стиля Каджарского изобразительного искусства. Таким образом, наследие изображаемых образов искусства Тебризской школы миниатюры присутствует также в образах Каджарского изобразительного искусства. Но Каджарское изобразительное искусство под влиянием веяний европейского (особенно, фламандского, с его реалистичной подачей деталей, и флорентийского) изобразительного искусства, проникшего во дворцы Каджар вместе с дипломатами, купцами и др. в конце XVIII века, преобразило традиции средневекового искусства восточной миниатюрной живописи и вылилось в Каджарском живописном стиле в совершенно новое видение мира. Такой реализм декоративности мир познал впервые! При полном декоративном представлении одежды, фона, избытка деталей, светотеневой тонировки лица и рук изображаемых – это стало возможным благодаря освоению художниками новой техники – рисования маслом по холсту. Блистательными представителями этого искусства являются сохранившиеся после уничтожения дворца Сардаров в Ереване и сегодня хранящиеся в восточной коллекции Грузинского национального музея в Тбилиси, в музее Эрмитаж в Санкт-Петербурге, в Национальном музее искусств Азербайджана в Баку портреты Фатали хана и его окружения, принцев, танцовщиц и др. Необходимо отметить, что в свою очередь, образцы искусства восточной миниатюры и портреты эпохи Каджаров, появившиеся в Европе, повлияли на творчество европейских художников, например, таких как Рембрандт, а затем и на Матисса, В. Кандинского и др.

Средневековый танец Азербайджана сформировался как дворцовый, так и народный, фольклорный. Дворцовые девушки, как мы видим в изображениях средневековых миниатюр, в описаниях исторических хроник, в поэтических произведениях средневековья часто с атрибутикой – кастаньетами, бронзовыми тарелочками, цимбалами или нелбеки-дэсти (набором блюдец), или палочками и платками в руках и бубенцами на ногах грациозно-утонченно танцевали под изумительную музыку азербайджанских ученых музыковедов XIII века Сафи ад-Дина Урмави, XIV века Абдулгандира Марагаи и др. В своей парной миниатюре «Танец дервишей» знаменитый представитель миниатюрной школы Азербайджана Мухаммеди (? – 1580) изображает народное представление «Тэке оюну», участники которого – дервиши – танцуют, ударяют в дэф и вприпрыжку озвучивают гашыгек. А. Марагаи изобрел музыкальный инструмент, состоящий из чаш, издающих звуки разных высот (Каса дэсти). Он исполнял на нем множество песен, мугамов и танцев своего времени. В недалеком прошлом мы были свидетелями исполнения на чашах азербайджанским фольклорным ансамблем «Ирс».

Вот таких же танцовщиц с кастаньетами-санджамами, нелбеки-дэсти, платочками или розой в руках и бубенцами на ногах, в тех же изгибах тела и рук и зачарованным взглядом прекрасного кукольного лица, только в изменившемся костюме и головном уборе мы видим на портретах Каджарской эпохи. И это также является преемственностью танцевальных традиций азербайджанского танцевального искусства.

Совершенная в своем стиле «Танцовщица с кастаньетами» хранящаяся в Эрмитаже, выполнена неизвестным придворным художником приблизительно в первой половине XIX века. Фигура танцовщицы расположена крупно на переднем плане, а пространство картины увеличено за счет открытого окна на заднем фоне – признаки влияния европейского композиционного приема. Руки танцовщицы с кастаньетами-косточками от фруктов, прикрепленных на шнурочках к большому и среднему пальцу, при ударе, создающих звонкий щелчок, подняты в левую сторону. Танцовщица, как это принято в каджарской живописи, бесстрастными, широко раскрытыми глазами, смотрит на зрителя. Эти движения мы наблюдаем и в современном азербайджанском танце, когда голова и тело отвернуты в противоположную сторону от рук, и ноги припадают в ту же сторону. Руки танцовщицы не покрыты хной – признак профессиональной танцовщицы. Фисташкового цвета дон – верхняя одежда танцовщицы густо обшита жемчугом. Роскошная юбка цвета шафрана – нарындж завершает ее силуэт. Интересно, что танцовщица изображена босой (рис. 1).

Прекрасная, само совершенство в своей грациозной изощренной позе танцовщица-акробатка из частной коллекции Ольги Дэвидсон (холст, масло, 26×50, I четверть XX века). Богатство ее крапачно-изумрудного наряда, обшитого парчовой каймой, обрамление жемчугами, драгоценными камнями ее изумительного кукольного личика, несмотря на безумно трудную позу – все это в совершенстве представляет эстетику каджарского изобразительного искусства. Как нам представляется, эта часто встречающаяся поза танцовщиц на руках вниз головой, является кульминацией прогиба тела танцовщиц назад, с последующим перекидом ее ног через мостик в кувырок назад (сальто), опираясь на руки. Как известно, восточные танцы, в том числе и азербайджанские, полны глубоких прогибов тела танцовщицы в разные стороны. Демонстрируя виртуозную технику придворных танцовщиц, художники изображали их в самых трудных, но выразительных позах, при этом даже подол платья танцовщиц не выворачивался. Интересно, что на ножках танцовщицы – туфельки на каблучке, что говорит в пользу танца, а не акробатики. В этих изображениях есть что-то от театра марионеток (рис. 2.)

Рисунок 1.
Танцовщица с кашаньетами

Рисунок 2.
Танцовщица-акробатка

Примечателен редко встречающийся рисунок с танцовщицей, сложившей пальцы обеих рук в щелчок пальцами – чиртма. Это танцевальное движение, щелчком подчеркивающее ритм танца и музыки часто используется и сегодня в азербайджанских танцах «Гыд-гыды», «Терекеме» и др. Голова танцовщицы повернута в противоположную сторону движения рук и тела. Полупрозрачная кофта ее скрывается под полосатым верхним доном, широкая красная юбка, туфельки с задернутым вверх носиком и увенчанная пером чалма завершают ее одеяние (рис. 3.)

Рисунок 3.
Танцовщица с чиртмой

Очень интересна многофигурная композиция с музыкантами и танцовщицами (Национальный музей, Варшава, XVIII век), размещенными как бы перед шахом во дворцовом зале с великолепным видом на сад на заднем плане (европейское влияние). Такое ощущение, что мы их лицезрим глазами шаха и его приближенных. На переднем плане разместились на ковре вокруг подноса с чашей певец с дэфом и две музыкантши, играющие на гоша-нагаре и таре. На втором плане в центре мы видим танцовщицу-акробатку и по сторонам от нее двух танцовщиц, аккомпанирующих ей кашаньетами. Левая танцовщица протянула руки к акробатке, а голова у нее повернута от нее. Правая танцовщица правую руку подняла к акробатке, левую она отвела назад, а голова у нее повернута к зрителю. Акробатка одета в роскошный зелено-вишневый костюм, расшитый жемчугами. Ее подруги одеты более скромно, но празднично. Костюм акробатки подчеркивает, что главная роль в этом ансамбле отводится ей. Как мы уже отмечали, по нашему мне-

нию, эта поза – кульминация сложного перехода от глубокого прогиба назад акробатки через сальто на ноги. Она танцует босая, но роскошное, тяжелое одеяние ее не располагает к насыщенной акробатике (рис. 4.)

Рисунок 4.
Ансамбль

Игрива «Танцовщица», изображенная блистательным азербайджанским художником, основоположником азербайджанского станкового живописного портрета, гармонично сочетавшего восточную декоративность (одежда, фон) с европейским реализмом (лицо-светотень) Мирзой Гадимом Иревани (Национальный музей искусств Азербайджана). Очень интересны и редко встречающиеся в истории изображения Танцовщицы, танцующей с ножами и Танцовщицы, танцующей на лезвии кинжала¹. Прекрасные портреты музыкантов, певцов и танцовщиц создавал выдающийся художник Каджарской эпохи Абуль Гасим Тебризи (псевдоним Ширин Нигар). Известен портрет танцовщицы Мазда кисти художника Мехди Ширази (1819–1820 гг.), созданный им под влиянием флорентийской и фламандской школ и др.

Итак, мы рассмотрели некоторые изображения танцовщиц в искусстве Каджарской эпохи и увидели их стилизованную уникальность и совершенство преподнесения – при яркой декоративной насыщенности костюмов, фона, реалистичное представление лица и рук персонажей, изящные позы, движения рук с атрибутикой – кастаньетами-санджамами, или нелбеки-дэсти (набор блюдец), или платочками в руках и бубенцами на ногах, их удивительную пластику и технические приемы, и даже акробатику.

Каджарское изобразительное искусство является удивительным информационным кладом уклада жизни, обрядов, архитектуры, костюмов, танца, жестов, музыкальных инструментов и т.д. Богатство пластических жестов, не только в смысловом отношении связывает персонажей, обыгрывает сюжет, но и эстетически и эмоционально обогащает их, композиционно создает плавность ритмических переходов, венков, сплетая вязь силуэтов в причудливый абрис. Широко раскрытые глаза и изящество кисти рук изображаемых привораживает зрителей. Поражает пластичность образов, поз, жестов, плавучесть композиционного решения художников Каджарской эпохи. Кажется, что их персонажи не ходили, а ступали, обладали совершенной гибкостью, грацией, артистичной выразительностью, совершенством пропорций. Мы в 2012 году на Международном научном симпозиуме, посвященном 90-летию действительному члену Национальной академии наук Азербайджана, Герою Советского Союза Зии Муса оглы Буниятову, после тщательного изучения материала (поз, жестов, мимики, костюмов восточных дворцовых танцовщиц), сделали доклад и продемонстрировали поставленный нами азербайджанский дворцовый танец на музыку азербайджанского ученого музыковеда XIV века Абдулгасира Марагаи «Нахышбести». Этот опыт показал, что претворяя в жизнь изображения танцовщиц, материализуя на сцене их танец, открываешь восхитительный мир прекрасного исполнительского искусства. И, безусловно, сегодня мы наблюдаем танцевальные позы знаменитых танцовщиц Каджарского изобразительного искусства на профессиональной балетной сцене, в танцах фольклорных ансамблей Азербайджана.

Каджарское изобразительное искусство заняло достойное место в многовековой истории восточного изобразительного искусства, вобрав в себя все лучшее, что в нем есть, и гармонично синтезировав его с европейским реализмом, тем самым став еще одной выдающейся ступенью мирового искусства. Жемчужинами этого искусства являются многочисленные изображения танцовщиц, совершенство и грациозность которых не только своей эстетикой, но и информативностью вызывает восхищение, вдохновение и признательность их создателям и выявляет преемственность танцевальной пластики до сегодняшнего дня.

¹ Ибрагимов Т. Живопись Каджарского периода. – Баку: Издательский дом «Şərq- Qərб», 2013. – С. 71.

Карнишина Н.Г.

д.и.н., профессор Пензенского государственного университета
karnishins@mail.ru

ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова: религиозная идентичность, институты социальной памяти, историческая память, национальная идентичность, культурные символы.

Keywords: religious identity, institutions of social memory, historical memory, national identity, cultural symbols.

Социальный контекст лежит в основе коллективной памяти, действуя не только через призму коллективного опыта, так называемых «образов прошлого», но и через институты семьи, школы и т.д. Историческая память, на наш взгляд, играет одну из ключевых ролей в переходе от «я» к «мы». Память рассматривается более как социальный, а не индивидуальный феномен. Следует согласиться с трактовкой Я. Ассманом исторической памяти как «непрерывного процесса, в котором идентичность социума поддерживается путем реконструкции версий прошлого, а смена схем организации исторического опыта происходит тогда, когда социум сталкивается с действительностью, не укладывающейся в рамки привычных представлений, и потому требуется пересоздание целостного образа прошлого»¹. Иными словами, это те коллективные образы прошлого, происходящие не из собственного опыта человека, которые он как бы встраивает в свое восприятие настоящего.

Социальный аспект формирования идентичности базируется на восприятии индивидом самого себя как обладателя социально признанной идентичности. Институты и механизмы социальной памяти оказывают существенное влияние на формирование идентичности индивида как продукта общества.

Подход к трактовке социальной памяти в контексте идентификации представлен в работе французского социолога М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти», полагавшего, что «необходимо создать историю памяти, в ходе которой человек научится или разучится что-либо помнить, привязываясь к хронологическим ориентирам, но и сам факт запоминания имеет пространственно-временную и социально-классовую датировку, т.е. является историчным»²

Социальная память представляет собой сложноструктурированный, многоуровневый и многоаспектный феномен. Мы исходим из трактовки социальной памяти как важнейшего элемента культуры, который является транслятором ценностно-смысловых социокультурных характеристик от поколения к поколению.

Историческая память в этой связи играет важную роль именно в поддержании идентичности. Институты памяти в виде памятников духовной и материальной культуры оказывают свое влияние на формирование индивидуальной идентичности. По мнению П. Рикера, тесная связь памяти и идентичности выражена в формуле: память – нарратив, а идентичность по своей сути нарративна³.

Коллективная память формирует символический универсум, очерчивающий границы общности. Эти знаки становятся отправными точками идентификации.

Памятники историко-культурного наследия играют важную роль в формировании образов коллективного прошлого, что служит основой идентификации группы. Примером «погружения» в историю может служить опыт исторической реконструкции тех или иных событий на таких культурных объектах, как археологические местности, музеи, места сражений, особенно в переходные периоды истории. Так, по результатам опроса студентов, принявших участие в реконструкции событий Отечественной войны 1812 года, более 60% опрошенных ответили, что именно участие в данном мероприятии способствовало приобщению их к героическому прошлому предков, формированию у них чувства гордости за дела и труды их предков, складыванию коллективного образа исторического события.

Функционирование во времени коллективной памяти социума представляет собой репрезентацию установленной парадигмы пережитого предками опыта с помощью всех имеющихся в распоряжении сообщества знаковых средств.

Ощущение общего происхождения, общих предков формирует чувство единства, «коллективной биографии». В этом смысле показателен, например, анализ календарей памятных дат разных стран.

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004. – С. 169.

² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр.; вступительная статья С.Н. Зенкина. – М., 2007. – С. 36.

³ Ricoeur P. Memory. History. Forgetting / University of Chicago Press. 2004. – P. 112.

Э Зерубавель пишет: «Я полагаю, что историческое значение событий существенным образом связано со способом их расположения в наших умах vis-a-vis по отношению к другим событиям с их структурной позицией в рамках таких исторических сценариев, как водоразделы, катализаторы»¹

Для любой национальной культуры характерно преобладание нарративов определенного типа. В американской социологии антрополог Дж. Мид занимался анализом социальной роли прошлого. Он подчеркивал, что прошлое придает значение настоящему, что оно используется как инструмент для поддержания современных верований и ценностей («прошлое в настоящем»). Реконструкция прошлого происходит тогда, когда люди ощущают неадекватность прежних исторических представлений. Дж. Мид трактует память как инструмент поддержания и нормализации социальной идентичности. Коллективная память формирует символический универсум, очерчивающий границы общности, коллективной биографии. Изменение степени отдаленности исторического прошлого, как объекта идентификации определенной группы, может повлечь за собой и изменение самой идентичности².

Религиозная идентичность конструируется религиозным сознанием и отражается в религиозном поведении. Формирование религиозной идентичности осуществляется в зависимости от социокультурных, этноконфессиональных характеристик, от положения официальной церкви в государстве. В то же время, религиозная идентичность в отличие от национальной имеет более четкий личностно-индивидуальный уровень как индивидуальное переживание своей веры, осмысление собственного опыта. Определенную роль здесь играет и институт семьи. Социальный уровень характеризуется чувством принадлежности к каким-либо религиозным организациям или социальным группам.

Возьмем для примера модель русского общества конца XIX века. Применительно к позднеимперской России, христианская религиозность рассматривалась в аспекте единства двух взаимосвязанных сторон: внешней (система догматов, Священное Писание и Предания, определенные священнодействия, составляющие культ), которые были очевидны для стороннего наблюдателя, и внутренней, представляющей реальное содержание определенного религиозного опыта (жизнь в вере).

Критикуя официальную церковь, К. Аксаков отмечал, что церковь, раболепствуя перед самодержавием, в угоду ему выхолостила первоначальный смысл православия, т.к. христианство действительно учит подчиняться власти, и народ выполняет этот завет, но церковь искажает евангельское учение и учит народ видеть в царе земного бога³. Попытки понять характер и меру религиозности народа на фоне происходивших реформ, приводила многих авторов к схожим наблюдениям о выставляемой напоказ внешней обрядовой религиозности, базирующейся часто на невежестве, недостатке образования и в то же время на неуважительном отношении к епархиальным представителям официальной церкви, являвшихся предметом многочисленных пересудов в разных слоях русского общества.

В этот переходный период российской истории мы видим явную попытку правительства и официальной церкви эксплуатировать мессианскую идею и социоцентризм религиозного самосознания всех слоев русского народа. В официальных печатных изданиях наблюдалось стремление подчеркнуть сакральный смысл царской власти⁴. Внешняя, обрядовая религиозность отмечалась как распространенное явление в русском обществе. Как правило, обрядоверие не распространяет благочестие за пределы церковного храма, не пронизывает весь жизненный уклад и строй мысли верующего человека.

Достаточно точно, на наш взгляд, причины обостренного внимания общественности к проблеме религиозности русского народа вскрыл Г. Флоровский, который писал: «С петровских времен благочестие было, как-то отодвинуто туда, в социальные низы. Разрыв между интеллигенцией и народом прошел ведь именно в область веры. Верхи очень рано заразились и отравились неверием и вольнодумством. Веру сохранили на низах, чаще в суеверно-бытовом обрамлении. Православие осталось верою только «простого народа», купцов, мещан и крестьян. И многим стало казаться, что вновь войти в церковь можно только через опрощение, через слияние с народом, через национально-историческую оседлость, через возвращение к земле. Этот опасный предрассудок одинаково распространяли и ревнители, и кающиеся интеллигенты, и снобы. Уже славянофилы были в этом повинны. Ибо в славянофильском истолковании самая народная жизнь есть некая естественная соборность, и община или мир есть точно зародышевая церковь»⁵.

Православие как официальная религия несло в себе ценность в плане сохранения бытия и единства социальной общности. Церковно-политическая идеология, соприкасавшаяся с идеологией самодержавия, с идеей божественного происхождения власти порождала религиозность особого рода, опиравшуюся на сакрализацию социальных объектов, что, в свою очередь, обеспечивало реальную эффективность христианского ритуала.

На данном этапе истории дореволюционной России мы можем проследить типы религиозной идентичности. Прежде всего – это воцерковленно-верующие, для которых характерно сформированное религиозное сознание и религиозное поведение. Далее – это внешнерелигиозный, обрядовоповеденческий тип религиозной идентичности и последний – внутреннерелигиозный тип, базирующийся на твердом убеждении, что между богом и человеком посредники не нужны. Официальная религия рассматривается как фактор социального конструирования, как один из путей, ведущих к возрождению традиции.

¹ Zerubavel E. Time maps: collective memory and the social shape of the past. – Chicago, 2003. – P. 12.

² Harrison identity as a scarce resource // Social Anthropology. 1999. –Vol. 7, N 3. – P. 240.

³ Сочинения исторические К.С. Аксакова / Под ред. И.С. Аксакова. Т. 1. – М., 1889. – С. 26.

⁴ Карнишина Н.Г. Реформы просвещенной бюрократии в России на примере работы Редакционных комиссий 1850-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. – № 3 (39). – С. 15–25.

⁵ Флоровский Г.В. Христианство и цивилизация: Избранные труды по богословию и философии. – СПб., 2005. – С. 257–258.

Религиозная идентичность является частью единой системы идентификации человека в социуме и, следовательно, религиозная идентичность имеет два уровня – индивидуальный и социальный. Применительно к России на всем протяжении развития русского государства складывалась модель единства религиозной и национальной идентичности, что вполне закономерно для полиэтнического, поликонфессионального государства.

В то же время следует отметить тот факт, что ретрансляция традиционной культуры поддерживает не только религиозную, но и национальную идентичность, как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях.

Коровникова Н.А.¹

к.полит.н., с.н.с. ИНИОН РАН, доцент МИЭПП
natalia.kor@list.ru

ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: виртуальный (цифровой) музей, цифровизация, интеграция, регионы, Россия.

Keywords: virtual (digital) museum, digitalization, integration, regions, Russia.

На фоне тотальной цифровизации всех аспектов жизнедеятельности современных социумов (в т.ч. в области культуры), неизбежной представляется виртуализация объектов культурно-исторического наследия, а также сопряженных процессов их хранения, реставрации, учета и экспозиции. Другими словами, особую актуальность приобретают вопросы дигитализации различных видов музейной деятельности, в первую очередь, создания нового формата «виртуального (цифрового) музея»², что открывает дополнительные возможности и перспективы не только развития музейного дела, но и более широкого спектра культурных индустрий на всех уровнях – международном, национальном, локально-региональном.

В ракурсе регионального развития Российской Федерации в сегодняшних крайне сложных эпидемиологических и геополитических условиях проблематика цифровой трансформации музеев в качестве современных инструментов культурно-аксиологической коммеморации представляется особенно важной с точки зрения выполнения ими социально значимых функций идентификации, социализации, инкультурации и, как следствие, интеграции всех субъектов РФ.

Основываясь на результатах исследований цифровых форматов музейной деятельности отечественных специалистов из различных регионов³, для дальнейшей разработки и оптимизации интегративной виртуальной системы региональных музеев РФ представляется целесообразным выделить ключевые характеристики виртуального музея как потенциального интегратора такого полисоставного государственного образования как РФ в сложившихся крайне нестабильных геоэкономических и геополитических условиях.

Во-первых, современный цифровой музей как наиболее инновационная форма музейного пространства аккумулирует характеристики всех ранее появившихся концептуальных и организационных форматов музейной деятельности: традиционный («классический» или «истинный» музей как «единство действия, места, поколений»); «воображаемый» (результат пространственной трансляции образов искусства, культуры, просвещения и истории); постмодернистский (музеефицированное «пространство смыслов»)⁴.

Во-вторых, в контексте крупномасштабной дигитализации культурных индустрий, в частности, в музейной сфере в отечественном дискурсе последних лет появились различные подходы и дефиниции такого многоаспектного феномена как виртуальный музей, под которым подразумевается⁵: а) социокультурный институт, предоставляющий доступ к культурному и духовно-аксиологическому наследию мировой, отечественной и локально-региональной истории; б) «место памяти» (фр. lieu de mémoire, термин П. Нора), которое является воплощением образов коллективной «социальной памяти, символов и воображения» социума и его составляющих; в) медиасреда или «контактная зона» коммуникации с применением новейших цифровых технологий между официальными данными профессионального музейного сообщества и информацией социально-этнических «сообществ-источников»; г) гуманитарный сервис по удовлетворению культурно-досуговых, «рекреационных, интеллектуальных, психофизиологических потребностей» музейной аудитории; е) и, наконец, «пространство знаний», в рамках которого субъекты музейного сообщества получают не только информацию о том или ином музейном объекте, но и осваивают технологии реставрации, хранения и виртуальной демонстрации экспонатов.

¹ Сфера научных интересов: экономическая история, история экономической мысли, экономика культуры; идеологии в современной политике; роль «идеальных» факторов в социально-экономических процессах; идентичность; социальная психология; патриотизм: патриотическое воспитание как основа ментальной безопасности; лидерство: современные инструменты диагностики, развития и коррекции лидерских качеств, моделей и стилей; информационное обеспечение управленческой деятельности.

² В выбранном ракурсе понятия «цифрового» и «виртуального» музея тождественны.

³ В частности, при подготовке доклада были использованы материалы концепции развития музейной сферы в Свердловской области до 2020 г., а также наработки Омского государственного историко-краеведческого музея в сфере продвижения Интернет-проектов, посвященных истории и культуре населения Сибири, например, попытка создания портала «Музеи Сибири» по аналогии с «Музеями России».

⁴ Вязинкин А.Ю., Двухжилова И.В. Философско-педагогический потенциал виртуальных музеев «мест памяти» // Манускрипт. 2020. – Т. 13, вып. 5. – С. 134–137.

⁵ Коровникова Н.А. Цифровой музей: особенности и перспективы развития // Социальные новации и социальные науки. – М., 2021. – № 1. – С. 147–148. – <http://sns-journal.ru/ru/archive/tcifrovizatsiia-i-chelovecheskii-kapital/chelovek-v-tcifrovom-mire/tcifroi-muzei-osobnosti-i-perspektivy-razvitiia-obzor/>

В-третьих, к числу наиболее социально и культурно значимых функциональных направлений виртуальной музейной деятельности с точки зрения интеграционного потенциала региональных цифровых музеев РФ специалисты относят¹: повышение качества человеческого капитала за счет реализации концепции непрерывного образования как на индивидуальном, так и на групповом уровнях; совершенствование социальной среды через доступ к региональным, национальным и мировым культурным ценностям; формирование национальной, региональной и локальной идентичности на основе становления исторического самосознания; внедрение аксиологических стандартов экологически ответственного поведения; развитие туризма за счет ресурсов культурного наследия; культурная адаптация мигрантов и укрепление кросскультурного диалога; развитие межрегионального и международного сотрудничества субъектов музейной сферы.

В четвертых, для обеспечения функциональности виртуальной региональной музейной системы РФ целесообразно решить ряд приоритетных задач как на микролокальном, мезорегиональном, так и на макросоциальном уровнях, в их числе²: создание и внедрение единой информационной системы общероссийского мониторинга объектов культурно-исторического наследия; формирование и согласование учетных баз данных, их поддержание в актуальном и целостном состоянии; разработка и внедрение современных систем обеспечения сохранности (контроль температурно-влажностного и светового режимов, микробиологической и энтомологической безопасности), противодействия террористическим и криминальным действиям, а также профилактики и предотвращения кибератак.

Вышеназванные характеристики виртуального музея позволяют выделить три его взаимодополняющих пространства (составляющих)³, наиболее значимых с точки зрения сотрудничества и взаимодействия региональных российских музеев:

– материальное: весь спектр объектов культурно-исторического наследия (художественно-изобразительных, пластических, архитектурных, природно-ландшафтных и др.), а также система музейных учреждений различного уровня и направленности деятельности;

– интеллектуальное: система образовательных и научно-исследовательских организаций, деятельность которых сопряжена с музеефикацией, реставрацией и виртуализацией объектов культурно-исторического наследия;

– коммуникационное, ключевыми субъектами которого являются СМИ и МК, представители профессионального музейного сообщества и музейной аудитории.

В разрезе регионального информационно-коммуникационного взаимодействия российских музеев отечественные эксперты выделяют пять моделей, а именно⁴: партнерская (сотрудничество со специализированными организациями, занимающимися накоплением, хранением, передачей музейной информации, СМИ, учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами для совместного создания и продвижения разнообразных информационных музейных ресурсов); коммуникационная (создание новых форм внутримузеевских и внешних коммуникаций, формирование позитивного образа музея, привлечение новых партнеров, распространение и продвижение информационных потоков о музейной деятельности и экспонатах по внешним и внутренним каналам); ресурсная (наращивание ресурсов музея в информационном пространстве и перевод традиционного музейного ресурса (фондов, архивов), а также музейной деятельности в цифровой формат, путем создания инновационных технических форм просветительской работы (онлайн лекции, курсы и т.п.); образовательная (подготовка специалистов, проведение обучающих программ, участие в соответствующих мероприятиях (конференции, симпозиумы, круглые столы и др.); управленческая (переход от управления информацией к управлению музейным пространством с помощью информации). Очевидно, что в условиях экспоненциальных темпов цифровых трансформаций культурной сферы наиболее жизнеспособной представляется «гибридная» модель, включающая характеристики всех вышеперечисленных музейных форматов.

Наконец, в числе практических шагов по формированию и внедрению интегративной региональной виртуальной системы российских музеев следует упомянуть:

– портал «Музеи России»⁵, который был создан в 1996 г. при участии АНО «Российская сеть культурного наследия»; на данный момент один из наиболее популярных Интернет-ресурсов в музейной сфере (по некоторым данным, ежемесячная посещаемость портала составляет более 70 тыс. пользователей), который объединяет сайты более 3 тыс. музеев, выставочных залов и галерей во всех регионах России; портал содержит информационные ресурсы как для музейной аудитории (информация о музеях, экспозициях, их официальные сайты, на некоторых из которых предоставлена возможность совершить виртуальную экскурсию), так и для профессиональных музейщиков; такая обширная база данных служит образцом для интенсификации коммуникации и сотрудничества всех субъектов культурно-музейного пространства РФ.

– Федеральный проект «Цифровая культура»⁶, в рамках которого планируется создание около 450 ед. мультимедийных гидов по наиболее популярным и интересным музейным экспозициям в различных регионах РФ (предпола-

¹ Проект Концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2020 г. – С. 3–4. – <https://uksmp-plast74.ru/uchrezhdeniya-kultury/rayon/normativno-pravovye-akty/Konceptiya%20razvitiya%20muzeinoi%20deyatelnosti%20v%20RF%20na%20period%20do%202020%20goda.pdf>

² Там же, с. 10–11.

³ Шелегина О.Н. Коммуникационное пространство региональных музеев // Культурологический журнал. 2012. – № 4 (10). – С. 2. – http://cr-journal.ru/rus/journals/171.html&j_id=12

⁴ Там же, с. 4.

⁵ Официальный Интернет-адрес портала «Музеи России». – <http://www.museum.ru>

⁶ Официальная Интернет-страница Федерального проекта «Цифровая культура» / Министерство культуры Российской Федерации. – <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/>

гается ежегодная разработка примерно 75 ед. цифровых музейных ресурсов в течение 5 лет с 2019 по 2024 г.); важным шагом в направлении региональной интеграции музеев России может стать инициатива по интродукции региональных музеев в национальный проект «Культура», которая позволит поддерживать инфраструктуру, проводить реконструкцию и цифровую обработку региональных музейных учреждений и их экспонатов¹;

– пример сайта «Виртуального Русского музея», на котором в доступной для широкой аудитории форме виртуализированы экспозиции его филиалов на территории различных регионов Российской Федерации (Санкт-Петербург, Европейская часть России, Сибирь, Урал, Дальний Восток), предоставлена виртуальная возможность онлайн посещения наиболее интересных экспозиций.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что современный цифровой музей с помощью инновационных технологических методик демонстрации и трансляции культурно-исторических ресурсов, несмотря на экзогенные ограничения и риски, может рассматриваться как фактор региональной интеграции, которая является обязательным условием обеспечения политической стабильности, социально-экономического развития и безопасности (в т.ч. кибербезопасности) всех регионов России.

¹ Региональные музеи могут включить в нацпроект «Культура» в части их реновации // ИНТЕРФАКС. – 13.04.2022. – <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/86904/>

Крюкова О.С.

д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств, Факультет искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: областная литература, литература региона, литературный регион, региональные литературные центры, региональный текст русской литературы.

Keywords: regional literature, literature of the region, literary region, regional literary centers, regional text of Russian literature.

Исторически литературные центры русской литературы были сосредоточены вокруг столиц. Появление новых литературных центров и регионального летописания в древнерусской литературе уже в XII в. знаменовало отход от «столичноцентрического» принципа. В XII в. летописание появилось во Владимире, а после 1237 г., когда Владимир Залесский был разгромлен войсками Батгя, великокняжеское летописание переместилось в Ростов. К концу XIII – первой половине XIV в. относится возникновение новых летописных центров в Твери и Пскове, а в 1320-х гг. зарождается московское летописание.

Литературовед Н.К. Пиксанов, рассматривавший русскую литературу как совокупность областных литератур, употреблял термин «областная литература». Однако впервые «о «провинциальном элементе» русской жизни и литературы заговорил немецкий критик Г. Кёниг, книга которого, названная в русском переводе «Очерки русской литературы», вышла в 1862 году, – отмечает М.Ч. Ларионова. – Н.К. Пиксанов в работах «Два века русской литературы» и «Областные культурные гнезда (историко-краеведный семинар)», преодолел традиционное для русской культуры и общественной жизни противопоставление «центра» и «периферии», сформулировав идею «культурных гнезд» – региональных культурных центров. Эти «культурные гнезда» хоть и тяготеют к столицам – Москве или Петербургу, – но имеют свое развитие, традиции, историю. Они, по мнению Пиксанова, определяют стилевые, тематические особенности, социальные функции писателей, принадлежащих «гнезду»¹.

Впоследствии, в середине XX в., термин «областная литература» был оспорен, т.к. применение этого термина ограничивается древнерусским периодом. Был предложен другой термин – «литература области», который в настоящее время также малоупотребителен. Видимо, понятия «литература региона», «региональный литературный центр» более объективно отражают современные реалии, причем под регионом имеется в виду не административно-территориальная единица, а скорее так называемый литературный регион. Некоторое противоречие между географическими границами и границами литературного региона осознавалось еще в конце XX в. Так, составители двухтомника «Очерки русской литературы Сибири» (1982) признавали это несоответствие, заявляя в предисловии: «Географические границы литературы Сибири, определяемые в данном исследовании, не вполне соответствуют современному административному делению края: авторы двухтомника относят к ней литературные явления, возникшие в Зауралье, на территории нынешней Тюменской области, частично – на самом Урале (например, сибирская тема у Мамина-Сибиряка). На юге эти границы захватывают границы Северного Казахстана. На востоке они распространяются на всю территорию Восточной Сибири вплоть до Камчатки и Чукотки включительно. Под литературой Сибири, таким образом, подразумевается и литература Дальнего Востока»². Понятно, что подобное территориальное разграничение, пусть и литературное, в наше время вызвало бы еще больше вопросов.

Однако в части определения предмета исследования авторы двухтомного труда более последовательны, включив: «местную печать и журналистику, рукописную и краеведческую литературу, произведения писателей-сибиряков, созданные в Сибири, а также за ее пределами (в последнем случае – лишь произведения о Сибири); произведения, созданные на материале сибирских впечатлений литераторами – политическими ссыльными; произведения общерусских художников, написанные ими на основе пребывания в Сибири». При таком подходе речь идет все-таки не столько о региональном литературном центре, сколько о сибирском тексте русской литературы. Аналогичный подход в настоящее время применяется при имагологическом анализе «нижегородского», «тульского», «уральского», «алтайского» «крымского» и других локальных текстов русской литературы. Предполагается, что авторы-создатели этого текста не всегда биографически связаны с тем или иным регионом.

Роль региональных литературных центров в XIX в. и начале XX в. определяется степенью вовлеченности местных авторов в общерусский литературный процесс, местными литературными изданиями, частично – различными

¹ Ларионова М.Ч. Уральский текст русской литературы // Журнал фронтальных исследований. 2021. – № 2. – С. 132.

² Очерки русской литературы Сибири: В 2 тт. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. – С. 13.

литературными объединениями. Так, еще в 1910-х гг. в Сибири начали выходить два литературных журнала – «Сибирские записки» (1916) и «Сибирский рассвет» (1919).

В 1930-х гг., с созданием Союза писателей, происходит институализация литературы: в крупных городах создаются отделения Союза писателей, выпускаются авторитетные столичные и региональные журналы, функционируют литературные объединения, пришедшие на смену литературным салонам, кружкам и литературно-художественным объединениям, которые не имели официально-государственного статуса.

До распада СССР Союз писателей (созданный в 1936 г.) был очень влиятельной, фактически государственной организацией. В 1958 г. из Союза писателей СССР был выделен Союз писателей РСФСР. Первым его председателем был избран Леонид Соболев, которого в 1970 г. сменил С.В. Михалков. В декабре 1990 г. председателем СП РСФСР был избран Юрий Бондарев.

В постсоветский период образовались два федеральных писательских союза – Союз писателей России и Союз российских писателей, которые в настоящее время имеют многочисленные региональные отделения. Существуют также иные творческие объединения, например МОО «Многонациональное содружество писателей» (Санкт-Петербург).

Одним из наиболее проблематичных вопросов для писателей, живущих в новых, постсоветских условиях, является вопрос с книжными и журнальными публикациями, а также другими путями к читателю. В советское время произведения региональных авторов зачастую печатались миллионными тиражами, сегодня тираж ограничивается количеством 100–200 экземпляров, которые распространяются в основном среди родственников и знакомых автора. Для того чтобы выйти на широкого читателя, региональному автору необходимо напечататься в крупном столичном издательстве, которое предъявляет определенные требования к произведениям, и не всегда речь идет об их высоком художественном уровне – это, скорее, запрос на потенциальный коммерческий успех. Картину региональной литературной жизни несколько улучшает поддержка региональных авторов на уровне городских или областных администраций, но и она незначительна. «Городские власти, практически забывшие в 1990-е гг. о существовании местной литературы, в начале XXI в. во многих российских центрах стали прилагать определенные усилия для усиления региональной компоненты в курсах школьной литературы. Появились оплачиваемые городским и региональным бюджетами издательские программы по выпуску современных местных авторов. Данная книжная продукция в дальнейшем централизованным образом распространялась по городским и сельским библиотекам. Однако тиражи таких изданий нередко были неотличимы от самиздата (те же 100–200 экземпляров, изредка вырастая до 500–1000), что сводило к минимуму их способность кардинально решить поставленную задачу – ознакомить широкую читательскую аудиторию центра (региона) с современными писателями-земляками. Тем самым общественная презентация своего творчества по-прежнему оставалась личной проблемой каждого регионального автора», – констатирует С.Я. Суций¹.

Интернет-пространство и так называемая сетература, которая принципиально отличается от «печатной» литературы², частично решает проблему с публикациями региональных авторов, но и это пространство оказывается разделенным на множество литературных ниш, ячеек. Сетевая структура литературы не способствует ее авторитету в обществе.

В то же время существовали и существуют «нестоличные» писатели, чье творчество может питаться именно региональной тематикой, но не ограничивается исключительно ей. Примером подобного рода служит творчество сибиряка Валентина Распутина (1937–2015).

Одним из способов найти своего читателя для писателя является также система литературных премий, но и она преимущественно ориентируется на Москву и Санкт-Петербург. Как исключения можно отметить Всероссийскую литературную премию «Василий Теркин», среди учредителей которой – администрация Смоленской области, Всероссийскую литературную премию «Сталинград» (1995–2013 гг.), в числе учредителей которой была Волгоградская областная администрация, и немногие другие.

Таким образом, региональные литературные центры, представленные преимущественно творческими союзами и литературными объединениями, выполняя важную культуuroобразующую функцию, в то же время сегодня довольно разобщены, малочисленны и зачастую не имеют какого-либо внешнего финансирования, помимо членских взносов. Противопоставление центра периферии в литературном мире складывается не в пользу последней, т.к. региональные литераторы ориентируются в первую очередь на столичные издательства, журналы и другие СМИ. В то же время наличие солидной писательской организации (а в идеале и региональной литературной школы) служит своеобразной визитной карточкой культуры того или иного региона.

¹ Суций С.Я. Современные тенденции развития литературных сообществ крупных региональных центров России // Социально-культурная деятельность: векторы исследований и практических перспектив. Материалы Международной электронной научно-практической конференции. 2017. – С. 117.

² Гаджиев А.А. Сетература: история, типология и поэтика русской сетевой литературы. Тезисы лекций в Бакинском славянском университете. – Баку: Мутарджим, 2012. – 76 с.

Ланина Е.Е.

к. филос. н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, первый проректор Университета при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург

РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ТУРИЗМА И СОХРАНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: туризм, евразийская интеграция, социум, традиционные ценности, наука, ЕАЭС.

Keywords: tourism, Eurasian integration, society, traditional values, science, the EAEU.

Обрушившаяся на мир пандемия коронавирусной инфекции оказала негативное воздействие практически на все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и на туристическую отрасль. В XXI в. туризм превратился в одну из самых доходных отраслей в экономике большинства государств мира. М.В. Соколова определила туризм как жизнь во всем её многообразии, которая сконцентрирована на коротком временном отрезке, характеризуется определённым целеполаганием и способом осуществления¹. Его развитие стало приоритетным для государств, появившихся на евразийском пространстве после распада СССР. Создание Содружества независимых государств стимулировало развитие внутреннего и внешнего туризма в новых независимых государствах Евразии. Значительную роль в развитии такого туризма сыграло образование Постоянной комиссии Межпарламентской Ассамблеи СНГ по культуре, информации, туризму и спорту. На территории стран Содружества регулирование международного туризма рассматривалось в рамках сотрудничества в гуманитарной плоскости, что нашло отражение в Уставе СНГ. В нём туризм указан в качестве одной из основных целей гуманитарного сотрудничества.

Туризм в современных условиях оценивают как политику глобального уровня. Среди исследователей всё большее распространение получает оценка его развития как возможности разрешать некоторые международные проблемы с помощью «народной дипломатии». Туристические поездки способствуют преодолению устаревших или ложных стереотипов, дают путешественникам возможность получить новые знания и сформировать новые мировоззренческие ориентиры. Социокультурное значение туризма состоит, в частности, в том, что благодаря развитию индустрии туризма в современном мире становится возможной расширение межкультурных коммуникаций уже в планетарном масштабе. Несмотря на то, что этот вид предпринимательской деятельности молод, он динамично развивался в третьем тысячелетии, пока не возникла пандемия COVID-19. Одним из наиболее заметных следствий пандемии стало ограничение возможности перемещаться из страны в страну, что сильно затормозило развитие туристической деятельности. Она оказалась в числе наиболее пострадавших отраслей нематериального производства. Итогом пандемии стало то, что в её завершении туристическая сфера в странах ЕАЭС зафиксировала крупнейшие убытки за всю историю существования соответствующих компаний. Ещё большие трудности испытал малый бизнес в лице небольших турагентств, часть которых вынуждена была и вовсе прекратить свою деятельность².

При изучении туризма учёные выделяют его самые разнообразные функции, а именно: а) восстановительную (освобождение человека от чувства усталости путём контрастной смены обстановки и вида деятельности); б) развивающую (предоставление возможностей для развития личности — расширение кругозора, творческой и организаторской деятельности); в) развлекательную (предоставление возможности развлечься; ознакомиться с местностью, её жителями; организацию концертов, спортивных и других мероприятий); г) экономическую (проявляется через спрос и потребление туристов; эта функция обеспечивает восстановление трудоспособности, занятость населения, прибыль); д) социальную (рост уровня жизни населения, распределение бюджета и рациональное использование свободного времени)³. Представляется необходимым уточнить функции туристических поездок, подчеркнув особое значение познавательной, образовательной и охранительной (уважительное отношение к Природе и следование традиционным ценностям евро-азиатских народов, т.е. социокультурную память).

Сегодня организаторы туристских поездок используют крайне незначительно формы традиционной культуры. Обычно они ограничиваются привлечением туристов к некоторым обрядам (например, свадебному), устройству выступлений народных ансамблей (песни и танца), проведению ярмарок, на которых предлагаются изделия народных мастеров, образцы традиционной кухни (отмечено развитие т.н. гастрономического туризма) и т.п. Часто имеет место проведение мастер-классов по изготовлению различных поделок, но не традиционных изделий местных промыслов.

¹ Соколова М.В. Туризм как культурно-исторический феномен: автореф. ... дисс. ... д. культурологии. М., 2007. С. 2.

² Чекрыжов А. Будет ли внутренний туризм ЕАЭС востребован после пандемии? – <https://ia-centr.ru/publications/budet-li-vnutrenniy-turizm-eaes-vostrebovan-posle-pandemii/?ysclid=151f9373zz231263758>

³ См., например, Киреева Е.А. Основы туризма: учебно-практическое пособие. – М.: Советский спорт, 2010. – 108 с.; Долженко Г.П. Основы туризма: уч. пос. (Серия «Туризм и сервис»). – Москва; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2008. – 320 с.; Рындач М.А. Основы туризма: уч. пос. [для студентов вузов, обучающихся по специальности «Туризм»] / Под ред. С.Н. Смоленского. Москва; Ростов-н/Д: Дашков и К°, Наука-Спектр, 2012. – 204 с.

Отдельную отрасль составляет производство сувениров, в ходе изготовления которых, к сожалению, чуть ли не повсеместно, изделия народных мастеров теряют свой оригинальный характер, превращаясь в китчевый ширпотреб. Здесь должна сыграть свою роль наука. В результате включения научных изысканий в практическую туристическую деятельность будет достигнута одна из основных целей туризма — познавательно-образовательная, а человек получит ещё одну возможность творческого самосовершенствования, что так необходимо современному социуму¹.

Если мы обратимся к истории вопроса, то в Договоре о ЕАЭС найдём лишь косвенное упоминание о туризме в одной из статей о создании и функционировании свободных экономических зон. Затем участились выступления о необходимости придания процессу евразийской интеграции «гуманитарного измерения». Учёные и практические работники сочли, что отсутствие социально-гуманитарной компоненты ослабляет ЕАЭС, делает его более восприимчивым к негативному внешнему воздействию, нарушает принцип преемственности социокультурной памяти. По этой причине уже в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС (2018) определили новые направления социально-гуманитарного сотрудничества государств, входящих в Союз. Далее (через два года) эти новые направления, в том числе и туризм, были включены в Стратегию ЕАЭС – 2025.

Для обеспечения успешного функционирования ЕАЭС было решено дополнить интеграционные процессы новыми направлениями. Потенциал евразийского туризма определил его вовлечение в «орбиту» интеграции. В Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утверждённые в конце 2020 года, включили туризм как новое направление деятельности Союза, наряду с образованием, здравоохранением и спортом. Предусматривалось расширение экономического сотрудничества в этой области. На появление новых направлений откликнулись исследователи и эксперты. К примеру, экспертный клуб «Мир Евразии» (Казахстан) темой своего очередного заседания избрал «Туризм и спорт как факторы интеграции: состояние, проблемы, перспективы».

Поскольку пандемия способствовала развитию внутреннего туризма практически во всех евразийских государствах, в публикациях всё чаще стали применять термин «евразийский туризм». Проявилась идея формирования новых туристических направлений. Казахстан предложил интегрировать туристические отрасли постсоветских стран, пострадавших в результате пандемии COVID-19. Премьер-министр Республики Казахстан А. Мамин отметил, что в новых условиях ряд стран уже активно занимается адаптацией национальных туристических секторов к конкуренции в новых реалиях. В республике это, в частности, проявилось в организации Национальной палатой предпринимателей «Атамекен» обсуждения с работниками сферы туризма в РК, какие совместные маршруты и проекты можно запустить с коллегами из стран-участниц ЕАЭС.

В 2021 г. государства-члены Евразийского экономического союза приступили к разработке совместных туристических маршрутов с учётом их конкурентоспособности. Было объявлено о будущей «проработке» возможности создания единого информационного ресурса о туристических маршрутах и объектах, а также утверждении рекомендаций по стандартам качества предоставления туристических услуг². Обращалось внимание и на трудности, в частности, на необходимость урегулирования пересечения государственных границ и открытия межгосударственного автомобильного и железнодорожного сообщения между странами-участницами ЕАЭС.

Туризм в целом, и евразийский в том числе, способствует ознакомлению, выявлению, изучению и сопоставлению национальных характеров, ментальности, архетипов. Социокультурная память в форме традиций, традиционных ценностей, новаций и культурных норм во многом может быть актуализирована и раскрыта с помощью индустрии туризма. Науке важно то, что туризм выявляет проблемы культурной антропологии: взаимоотношения индивида и культуры, различного типа культур, значение традиционных ценностей и пр.

Всестороннее изучение феномена туризма, и в частности его культурно-исторической составляющей, необходимо вследствие открытия большого числа учебных заведений (или направлений в образовательной деятельности уже существующих вузов), предусматривающих профессиональную подготовку специалистов в сфере туризма. Для осуществления образовательной деятельности следует внедрять новые образовательные программы. В них необходимо сочетать приобретение научных знаний и практических умений. В Университете при МПА ЕврАзЭС в условиях пандемии COVID-19 обучающимся по направлению «Туризм» предложили разработать инновационный маршрут под названием «Жемчужное ожерелье Евразии». Целями определили изучение священных для народов Евразии мест континента и формирование общеконтинентального туристического маршрута по сакральным точкам евразийского социокультурного пространства. Разработка этого проекта продолжается и в настоящее время. Социокультурная память евро-азиатских народов (и русского, в том числе) должна сохраняться и жить.

¹ Спирина М.Ю. Наука и туризм: реальности и новые направления // Туризм в евразийском пространстве: реальности и новые тенденции: сб. ст. из материалов Евразийского научного форума 04–05 декабря 2014 г. Ч. 3. – СПб., 2015. – С. 151–159.

² Полетаев Э. Придёт ли туризм на подмогу интеграции? – <https://www.ritneurasia.org/news--2021-04-09--pridet-li-turizm-na-podmogu-integracii-54109?ysclid=l5lfe0q6sn141708922>

Лойко Л.Е.

к. филос. н., доцент, Академия МВД Республики Беларусь, Минск
larisa.loiko@tut.by.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О СОБЫТИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Ключевые слова: историческая память, Брестская крепость, личность, регион, Беларусь, Россия, культура.

Keywords: historical memory, Brest Fortress, personality, region, Belarus, Russia, culture.

Историческая память способствует аксиологической идентификации определенной социальной группы с культурно-национальными духовными приоритетами. Сохранение в общественном сознании и культурных памятниках воспоминаний о наиболее значимых явлениях и событиях прошлого обеспечивает непрерывность функционирования и содержательную полноту исторического сознания.

В глобализирующемся техногенном мире существуют опасности разрушения культурных традиций, искажения духовного мира личности, вульгаризации и вестернизации языка, отступления от традиционных норм межличностной коммуникации. Это связано, во-первых, с чрезмерно высокой динамикой инноваций в сфере образования. Изменения опережают возможности их практического закрепления. Под угрозой оказываются предметность учебных дисциплин, мировоззренческая функция содержания социально-гуманитарных наук, воспитательная роль преподавателя. Во-вторых, свободный доступ в Интернет формирует кибернетическое пространство жизненного мира и помещает виртуальную реальность между социальным субъектом и государством. Технизация структур повседневности в молодежной среде создает иллюзию современности, на ее фоне теряют привлекательность апробированные временем культурные традиции.

В воспитании и образовании необходимым элементом является формирование духовности, основанной на базовых ценностях культуры с учетом современных социальных реалий. Философия располагает необходимым потенциалом в реализации этой цели, осмыслении и решении определенных трудностей, возникающих на этом пути.

Во-первых, в последние десятилетия на постсоветском пространстве происходит активная переоценка сравнительно недавнего прошлого. В этих условиях механизмы функционирования общественного сознания подвергаются воздействию нигилистических тенденций.

На этом фоне эффективность интеграционных процессов зависит не только от желания, но и от умения координировать усилия и предлагаемые программы. Диалог между заинтересованными сторонами возможен на основе не столько эмоционально-чувственных аргументов об особом дружественном настрое славянской души, сколько на основе прагматического и научно-рационального подходов, как наиболее убедительных в современную эпоху. Механизмы преемственности между этапами культурного развития содержатся в исторической памяти.

Во-вторых, актуальным направлением является информационная безопасность. Ее обеспечение предполагает определенную концептуальную основу, которую формируют такие понятия как информация, коммуникация, сознание. Информация – совокупность сигналов, отражающих существенные характеристики реальности и обеспечивающих принятие субъектом деятельности адекватных целевых и мотивационных решений. Коммуникация – процесс передачи и потребления информации посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях.

Коммуникация удовлетворяет потребность человека в общении и должна быть нацелена на утверждение социально значимых ценностей, идеалов, норм; моральных, религиозных, эстетических предписаний. Формами коммуникации могут быть монолог, диалог, герменевтическое переживание символических форм культуры. Информационный диалог между различными культурами требует умения понимать свои и уважать чужие ценности.

Одним из форпостов исторической памяти российского и белорусского народов является Брестская крепость. Она расположена там, где 22 июня 1941 г. войска фашистской Германии перешли государственную границу СССР и начали самую антигуманную войну в истории человечества не столько против регулярной армии, сколько против мирных жителей Беларуси и России. Этой войне попытался препятствовать гарнизон Брестской крепости. Он сражался в полном окружении и развеял миф о непобедимости германских войск. Это было важно для отступавшей Красной Армии, которая повторила подвиг Брестской крепости на Буйничском поле под Могилевом. В конечном итоге наступление войск фашистской Германии было остановлено под Москвой. План молниеносной войны Германии против СССР был сорван.

О подвиге защитников Брестской крепости стало известно только в 1942 г. когда в распоряжении советских войск оказались документы немецкой армии. В их числе было «Боевое донесение о взятии Брест-Литовска». Ознакомившийся с этим документом М. Толченев написал статью «Год тому назад в Бресте». Она была опубликована в газете «Красная звезда». После некоторого перерыва уже в послевоенный период Брестская крепость опять оказалась в центре внимания. Этому вниманию способствовал общий поворот советской литературы к тематике Великой Отече-

ственной войны. В 1948 г. М. Златогоров в журнале «Огонек» опубликовал статью под названием «Брестская крепость».

Но особую роль в актуализации подвига защитников Брестской крепости сыграли произведения С.С. Смирнова, в частности, документальная повесть «Брестская крепость»¹. Военную тематику подвига и первых месяцев Великой Отечественной войны активно развивал К. Симонов. Достаточно вспомнить его роман «Живые и мертвые»². Свидетельством особой значимости этой тематики для К. Симонова является его посмертное желание развеять его прах над Буйничском полем под Могилевом, где шли ожесточенные оборонительные бои Красной Армии против немецких войск армии «Центр».

К. Симонов поддержал исследования С.С. Смирнова. Он написал сценарий для художественного фильма о защитниках Брестской крепости под названием «Бессмертный гарнизон». Снятый по его сценарию художественный фильм был удостоен почетного диплома на кинофестивале в Венеции. С началом эпохи Л.И. Брежнева тема Великой Отечественной войны стала одной из центральных в литературе и кинематографе. Она получила институциональное выражение в почетных званиях городов-героев. В числе городов-героев оказалась и Брестская крепость. Звание крепости-героя ей было присвоено 8 мая 1965 г.

С 1971 г. действует мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Его инфраструктура создана по проекту А.П. Кибальникова. Она включает Музей обороны Брестской крепости, руины Белого дворца, монумент «Мужество», руины бывшего инженерного управления, Вечный огонь Славы, а также руины казарм. Территорию Мемориала фиксируют Тернопольские и Холмские ворота, которые приняли в 1941 г. на себя удар фашистской артиллерии. Они находятся на западном направлении. В трехъярусном некрополе захоронены останки 1038 солдат и офицеров Красной Армии. Большинство этих солдат и офицеров остались неизвестными защитниками. На памятной плите 277 фамилий солдат и офицеров Красной Армии. Важно учитывать то, что кроме солдат и офицеров в 1941 г. на территории Брестской крепости находились их жены и дети, а также мирное население.

Дети одними из первых столкнулись с войной. Особой проблемой в Брестской крепости был дефицит воды. Под обстрелами дети старались добыть хотя бы немного питьевой воды. 9 мая 1972 г. советские школьники стали на вахту памяти у Вечного огня Брестской крепости. Спустя двенадцать лет был открыт музей Поста № 1 «Мальчишки бессмертного Бреста».

После распада СССР Республика Беларусь вместе с Российской Федерацией сохранила исторический статус мемориала Брестской крепости. В рамках бюджета Союзного государства стали выделяться финансовые средства на модернизацию комплекса исторической памяти, поскольку сооружения мемориала требуют ухода. Модернизация заключается также в придании комплексу туристической специализации. Эта специализация обусловлена фундаментальным аспектом истории военной российской архитектуры. Ведь замысел создания Брестской крепости принадлежал инженерам Российской империи. Феномен Брестской крепости стал в постсоветский период предметом монографического исследования Р. Алиева³.

После раздела Речи Посполитой территория Бреста оказалась в составе Российской империи. Она стала пограничной и требовала укрепления. В конце XVIII столетия Ф.П. Воллан предложил создать систему инженерных фортификаций для защиты западных рубежей Российской империи. Но идея откладывалась из-за имевших место военных кампаний. Инженерные строительные работы начались в 1836 г. по проекту К.И. Оппермана. Крепость была рассчитана на 12 тысяч солдат. Она имела восемь ворот. Строительство было завершено в 1842 г. Затем последовал период ее модернизации. Он занял двадцать четыре года. По проекту Д.И. Гримма был построен Свято-Николаевский православный храм.

В развитии Брестской крепости важную роль играл И.Ф. Паскевич. Этот выдающийся фельдмаршал имел огромный опыт участия в военных кампаниях. Его советы были актуальными в процессе модернизации крепости.

Второй этап модернизации Брестской крепости начался в 1911 г. при участии выдающегося военного инженера Д.М. Карбышева. Начало первой мировой войны несло перемены. Они были связаны с тем, что в 1915 г. крепость была сдана немецким войскам. По итогам Рижского мира 1921 г. Брестская крепость оказалась в пределах Польши. В пределы СССР она перешла в 1939 г.

Важным этапом в развитии экспозиционной деятельности Мемориала «Брестская крепость» стало использование новых технологий в музейной сфере, которые базируются на концепции «живого музея»⁴. В этой концепции важная роль отводится цифровым технологиям. Их внедрению способствует Форум «Интермузей». Он стал площадкой для обмена опытом и демонстрации возможностей цифровых технологий в развитии туризма исторической направленности с важными компонентами патриотической и воспитательной тематики. Благодаря новым интерактивным цифровым технологиям стали возможными виртуальные экскурсии по основным залам музея. Традиция музейных экспозиций Брестской крепости берет начало в 1952 г. Одна из таких экспозиций была представлена и в Центральном музее Советской Армии.

¹ Смирнов С.С. Брестская крепость. – М., 2000.

² Симонов К.М. Живые и мертвые. Трилогия. – М., 1989.

³ Алиев Р. Брестская крепость. – М., 2010.

⁴ Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: монография / Т.П. Поляков, Т.А. Зотова, Ю.В. Пустовойт, О.Ю. Нельзина, А.А. Корнеева; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. – М., 2021.

Москалевич Г.Н.

к.ю.н., доцент, Минский инновационный университет
moskalevich74@gmail.com

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ТУРИЗМА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: семейный туризм, специфика семейного туризма, культурно-познавательный туризм, культурно-познавательная программа, классификация культурно-познавательных программ, организация досуга, активный отдых, формирование нравственных качеств.

Keywords: family tourism, the specifics of family tourism, cultural and educational tourism, cultural and educational program, classification of cultural and educational programs, leisure activities, active recreation, the formation of moral qualities.

Актуальность темы статьи обусловлена огромной ролью культурно-познавательного туризма в современном обществе, поскольку он связан практически со всеми сферами жизни общества – культурой, экономикой, социальной сферой и т.д. Развитие культурно-познавательного туризма способствует сохранению ценностей культурного и природного потенциала страны, ее наследия.

Культурно-познавательный туризм занимает одно из центральных мест в современной туриндустрии. Благодаря данному виду туризма потребители туристских услуг развивают свой духовный потенциал, сохраняют и повышают культурный уровень, знакомятся с традициями, обычаями и образом жизни коренных народов того или иного региона своей страны (внутренний туризм), зарубежных стран (международный туризм), знакомятся с историческими и природными достопримечательностями регионов и стран.

Сегодня условия семейной жизни таковы, что приходится выбирать между работой и домом, которые чаще всего разделены. Семейные заботы, трудовые и нравственные традиции семьи, как правило, существуют отдельно от детей, которых эти заботы и традиции как будто бы и не касаются. В результате дети и родители теряют духовную близость между собой, нарушается главная линия общения внутри семейного коллектива – «старшее поколение – родители – дети». Причем дети обычно лишаются образца активного труда родителей, примера для подражания, но при получают множество наглядных примеров пассивного потребления.

В современных условиях особое значение имеет грамотная организация досуга, наполненного активными и содержательными мероприятиями, в которых принимают участие члены семейного коллектива¹. Участие в совместных полезных и интересных для каждого члена семьи досуговых мероприятиях способствует укреплению семейных отношений², формированию многих нравственных качеств у детей.

Сформировать досуговыми средствами многие нравственные качества у детей семье может помочь реализация культурно-познавательных программ в семейном туризме, которые разрабатываются на основе учета специфики, присущей каждой возрастной группе, включая интересы и ценности взрослых и детей.

Выбирая туристские программы, семьи обычно отдают предпочтение наиболее благоприятным в экологическом отношении объектам. Туристы с семьями также предпочитают посещать города, где организован детский отдых, предлагаются развлечения для детей. Программы для семейного туризма, как правило, связаны с самыми различными направлениями – экскурсионными, культурно-познавательными, лечебно-оздоровительными, развлекательными поездками, путешествиями, включающими пляжный отдых, разнообразными формами активного отдыха.

Сегодня культурно-познавательные программы являются одним из наиболее популярных видов туристских программ, пользуются наибольшей популярностью на рынке туристских услуг, в том числе и в семейном туризме, обогащая духовный мир человека³.

Ежегодный рост числа туристов, использующих культурно-познавательные программы, является стимулом для туроператоров к расширению ассортимента познавательных семейных туров, разработке более интересных культурно-познавательных программ для семейного туризма.

Культурно-развлекательные программы для семейного туризма предъявляют особые требования к их разработке. Например, если в содержание культурно-познавательной программы включены ознакомительные экскурсии, то она не должна быть слишком сложной и академичной, напротив, должна быть понятной каждой возрастной группе. В случае если культурно-познавательная программа предполагает проведение экскурсии только для родителей, то на

¹ Семейный туризм. – <https://svastour.ru/articles/puteshestviya/vidy-turov/semeynyy-turizm.html>

² Киселева Т.Г. Социально-культурная деятельность. – М.: МГУКИ, 2014. – 539 с.

³ Балабанов И.Т. Экономика туризма: учебное пособие / И.Т. Балабанов, А.И. Балабанов. – М.: Финансы и статистика, 2008. –

это время должен быть организован присмотр за детьми профессиональными воспитателями, и не только присмотр, но и организация полноценного детского досуга в игровой форме.

В связи с тем, что культурно-познавательные программы для семейного туризма предусматривают участие в турах детей, предполагается специфический подход к их разработке, что выражается в выборе предоставляемых услуг (размещение в гостинице, располагающей номерами для семьи с детьми, организация питания, развлечения как для взрослых, так и для детей). При разработке культурно-познавательных программ для семейного туризма необходимо предусмотреть, чтобы в отелях было возможно объединять номера, чтобы семья была вместе, чтобы в наличии имелись детские площадки и игровые комнаты. В случае отдыха в пансионате туристами востребована организация четырехразового детского питания или хотя бы наличие двойного меню – для взрослых и детей.

Разрабатывая культурно-познавательные программы для семейного туризма, следует предусмотреть доступность в месте отдыха экскурсий и развлечений, предназначенных детям. Здесь имеются в виду прогулки на открытом воздухе, наличие аттракционов, зоопарков, аквапарков, проведение разнообразных карнавалов, кукольных шоу и т.п. Было бы неплохо, если бы пансионат имел действующие кружки по интересам и разнообразные программы творческого развития детей.

Актуальность культурно-познавательных программ для семейного туризма заключается в значимости используемых в программах сведений о героических событиях отечественной истории на примерах известных земляков, трудовых достижений местных жителей, как основы для патриотического воспитания участников программ как взрослых, так и подрастающего поколения. Воспитывая в детях любовь к малой родине, можно воспитывать в них нравственность, ответственность перед обществом за сохранение и преумножение богатств своей Родины. Полученные в процессе реализации программы знания позволят сделать любовь туристов к родному краю деятельной, сохранить и развить лучшие ее традиции. Воспитание любви к малой родине является одной из основных задач культурно-познавательных программ¹.

Культурно-познавательные программы в семейном туризме призваны помочь семьям расширить знания своих детей о родном крае, осознать его роль в общем ходе истории, ощутить свою связь с прошлыми событиями и настоящим страны. В результате у подрастающего поколения происходит формирование таких нравственных качеств, как патриотизм, гражданственность, ответственность за судьбу своего города, воспитание общей культуры. Что особенно ценно, формирование данных качеств происходит на национальном, региональном материале – конкретной семьи, малой родины, истории посещаемого туристами города, края, сведения о которых становятся для посетителей общечеловеческими ценностями².

Культурно-познавательные программы для семейного туризма должны быть направлены на формирование и развитие нравственных качеств средствами туризма, они предполагают создание условий для самореализации, для разностороннего развития личности и развития индивидуальных особенностей каждого туриста в процессе его участия в программе, развитие самостоятельности, инициативы детей в семейном туризме.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- углубление и расширение знаний туристов;
- развитие познавательной активности туристов;
- привитие основных эколого-туристических навыков и умений;
- укрепление психического и физического здоровья туристов;
- воспитание у туристов патриотизма, бережного отношения к историческому, культурному и природному наследию;
- развитие чувства коллективизма (в том числе семейного) и воспитание морально-этических качеств;
- привитие здорового образа жизни и профилактика асоциального поведения.

Программу тура следует строить в зависимости от его вида. Специфика разрабатываемых культурно-познавательных программ для семейного туризма позволила нам классифицировать их по следующим видам:

1. Этнографическая культурно-познавательная программа для семейного туризма, предполагающая посещение мест традиционного проживания коренных жителей региона, знакомство с их национальными обычаями и традициями, предметами быта, национальными костюмами, языком и фольклором. В основе данной программы лежит интерес к определенной культуре или этносу, народности. Участие туристов в данной программе воспитывает у людей чувство патриотизма – уважение к собственному народу, своей культуре и истории. Знакомство с культурно-историческими достопримечательностями, народным творчеством, красотами природы – все это способствует эстетическому воспитанию туристов.

2. Экологическая культурно-познавательная программа. Целью экологической культурно-познавательной программы для семейного туризма является изучение природно-культурных ансамблей, интересных природных объектов, редких явлений природы (пещер, лесов с обитанием редких животных, залежей полезных ископаемых и т.д.). Желательно включить в программу знакомство с такими природными объектами, название которых связано с интригую-

¹ О туризме: Закон Республики Беларусь № 129-3 от 11.11.2021: Принят Палатой представителей 4 окт. 2021 г.; Одобрен Советом Респ. 28 окт. 2021 г. // Нац. правовой портал Республики Беларусь. 11 ноября 2021 г.; Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 03.05.2012). – <http://www.consultant.ru>

² О туризме: Закон Республики Беларусь № 129-3 от 11.11.2021: Принят Палатой представителей 4 окт. 2021 г.; Одобрен Советом Респ. 28 окт. 2021 г. // Нац. правовой портал Республики Беларусь. 11 ноября 2021 г.; ГОСТ Р 54604-2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Экскурсионные услуги. Общие требования (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 8 декабря 2011 г. № 738-ст). – <https://docs.cntd.ru/document/1200083215>

щими мифами, с захватывающей историей их происхождения. В основе данной программы лежит интерес к взаимодействию человека и природы, внимание к экологическим проблемам, к природно-культурным памятникам.

Идейной основой экологической культурно-познавательной программы для семейного туризма является забота об окружающей среде, бережное отношение к природе¹. К основной цели данной программы Е.С. Шестакова, А.Н. Рудык, Т.Г. Бутова относят познание окружающего мира, формирование моральных, нравственных, этических и эстетических качеств, привитие любви к окружающему миру формирование ценностей, связанных с сохранением и защитой природы и т.д.²

3. Историческая культурно-познавательная программа для семейного туризма. Она предполагает изучение истории региона, посещение культовых мест и памятников, проведение с туристами бесед на историческую тематику. Данная программа планирует туры по местам, имеющим значимую историческую ценность. Программа исторического тура должна быть насыщенной, освещающей историческое развитие конкретной местности с помощью осмотра достопримечательностей.

В основу разрабатываемой культурно-познавательной программы для семейного туризма должен быть положен историко-культурный и социокультурный потенциал посещаемой местности, позволяющий туристам ознакомиться с национальными традициями и обычаями, бытовыми особенностями жизнедеятельности местного населения. Программа может одновременно иметь как познавательную, так и рекреационную цель³.

Наряду с развлекательными мероприятиями в программу культурно-познавательного семейного тура может быть включено посещение одного или нескольких городов, чтобы познакомить туристов с историей, культурой, достопримечательностями, местными обычаями и традициями посещаемых городов. В результате реализации данной программы приятные впечатления сочетаются с познавательными и образовательными. Открываемый туристами «новый мир» должен служить не только средством приобретения ярких впечатлений, но и способом познания окружающего мира. В процессе поиска новых впечатлений расширяется кругозор туриста⁴.

4. Археологическая культурно-познавательная программа для семейного туризма. Она включает посещение памятников древности.

5. Архитектурная культурно-познавательная программа. Программа данного типа ставит целью изучение архитектурных особенностей городов. В культурно-познавательную программу для семейного туризма можно включать знакомство с археологическими объектами, культурно-историческими памятниками, архитектурными ансамблями, этнографическими объектами, хозяйствами местных жителей⁵.

6. Художественная культурно-познавательная программа для семейного туризма. Она предусматривает литературные и художественные туры по местам жизни известных поэтов и писателей, художников, посещение мест и музеев их творчества, сопровождающиеся беседами о творчестве знаменитых поэтов и писателей, известных художников, посещением посвященных им выставок, картинных галерей, творческими встречами.

7. Культурно-событийная культурно-познавательная программа для семейного туризма. В ее основе лежит интерес к событиям, праздникам, фестивалям, желание участвовать в старинных традиционных или современных постановочных культурных мероприятиях.

Любая программа должна учитывать потребности потребителей.

А.Ж. Тулепбергенова полагает, что каждый вид разрабатываемой культурно-познавательной туристской программы должен ориентироваться на определенную возрастную категорию туристов или группу туристов, объединенных общими интересами. При этом следует предусмотреть различные варианты, отражающие определенные познавательные интересы разных групп туристов. Разрабатывая такие программы для семейного туризма, агентства и операторы должны исходить из круга интересов потенциальных туристов (взрослых и детей) и представлять различные тематики⁶.

В свою очередь, И.Н. Трофимова придает большое значение разнообразию мероприятий в содержании культурно-познавательных программ: событийных, развлекательных, творческих, спортивно-оздоровительных, образовательных, востребованных разными группами населения⁷.

Кроме предложенной нами классификации культурно-познавательных программ для семейного туризма, разработанной исходя из специфики видов туризма, можно отметить существование двух разновидностей культурно-познавательных программ:

¹ Пробин П.С. О духовных и научных основах современного экологического туризма // Гуманитарные научные исследования. 2017. – № 3 – <https://human.snauka.ru/2017/03/21978>

² Шестакова Е.С. Функции экологического туризма / Е.С. Шестакова, А.Н. Рудык, Т.Г. Бутова // Сервис в России и за рубежом. 2016. – № 2 (63). – С. 239.

³ О туризме: Закон Республики Беларусь № 129-3 от 11.11.2021: Принят Палатой представителей 4 окт. 2021 г.; Одобрен Советом Респ. 28 окт. 2021 г. // Нац. правовой портал Республики Беларусь. 11 ноября 2021 г.; ГОСТ Р 50681-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Проектирование туристских услуг. Дата введения 2011-07-01. – <https://docs.cntd.ru/document/1200083215>

⁴ Познавательный туризм. – https://spravochnick.ru/turizm/poznavatelnyy_turizm/

⁵ Там же.

⁶ Тулепбергенова А.Ж. Подходы к определению культурно-познавательного туризма // Актуальные исследования. 2020. – № 24 (27), декабрь. – С. 72.

⁷ Трофимова И.Н. Познавательный туризм как направление деятельности культурно-досуговых учреждений // Политика и общество. 2019. – № 3. – С. 19.

– предназначенные туристам, участвующим в стационарных турах (туристы не выезжают за пределы одного города, туристского центра);

– содержащие маршрутные туры (туристы посещают несколько туристских центров и городов – согласно разработанному маршруту).

При разработке культурно-познавательных программ для семейного туризма широко распространен «кустовой» принцип планирования, предусматривающий наряду с главным объектом маршрута дополнительные объекты посещения, находящиеся неподалеку от главного объекта посещения. К ним могут относиться музейные экспозиции, мастерские природных промыслов, организуемые культурные акции, зрелищные мероприятия. Расширение списка посещаемых объектов способствует увеличению числа желающих участвовать в туре туристов, а также увеличивает продолжительность тура, повышается эффективность разработанной культурно-познавательной программы. Однако к дополнительным объектам посещения предъявляются определенные требования: функциональное соответствие основному объекту посещения, доступность для туристской группы, не приводящая к нарушению характера исторической среды¹.

Культурно-познавательные программы для семейного туризма обладают большим гуманитарным потенциалом, поскольку знакомство с культурой и обычаями (а также с отдельными их проявлениями) разных регионов собственной страны, а также зарубежных стран обогащает духовный мир человека², позволяет использовать предоставленные возможности для расширения своего кругозора, знакомства с жизнью других стран и народов, с их достижениями в сферах науки, искусства, техники и быта. Познание здесь выступает в качестве основного способа развития духовного мира, приобретения нравственных качеств и формирования умения взаимодействовать с природой и окружающим миром.

Участие в культурно-познавательных программах для семейного туризма способствует повышению просветительного и образовательного уровня личности туриста, формированию толерантного отношения к представителям других народов и к их культуре³. В процессе познания окружающего мира турист получает возможность сравнить культуру своего народа и культуру другого народа, чтобы в итоге осознать значимость своих культурных традиций и гордость за свой народ и свои культурные традиции. В результате у него укрепляются чувства патриотизма, любви к своей Родине и гордости за то, что он является представителем своей страны. Познавая мировую культуру, турист ощущает себя частью глобального человечества. Получая новые впечатления, турист вместе с ними приобретает новые стимулы для творческого самовыражения⁴. Культура познания является фундаментальной основой процесса развития личности.

Наиболее действенным способом знакомства с другой культурой, образом жизни, с традициями и обычаями другого народа, способом расширения знаний, развития личности и творческого потенциала является культурно-познавательный туризм. Туристы всегда отличались стремлением к поиску нового, неизведанного, предпочитали совмещать отдых с познавательным процессом, что способствует обогащению духовного мира человека и является характерным признаком познавательного туризма.

Культура познания – это фундаментальная основа процесса развития личности, которое невозможно без процесса познания окружающего мира, без приобретения знаний. Программы для семейного туризма предполагают использование разнообразных видов деятельности туристов, обеспечивающих полноценное усвоение знаний в процессе туристической деятельности и последующее их применение в игровой, трудовой, познавательной, учебной и творческой деятельности.

В программах для семейного туризма предусматривается применение различных форм деятельности: коллективных (экскурсий, наблюдений, целенаправленных туров, посещения художественных выставок с целью ознакомления с творчеством известных художников, поэтов, посещения концертов для прослушивания музыкальных произведений, в том числе с просмотром видеозаписей, туристических походов и т.д.); использование форм контроля с целью выявления результатов влияния программы на ее участников, таких как анкетирование, тестирование, беседы, опрос, интервью и т.д.⁵

Программа культурно-познавательной направленности для семейного туризма ориентирована на познание истории нашей Родины, семейных родословных, является источником социально, личностного и духовного развития туристов, принимающих в ней участие. Познание в программе должно выступать как форма информационно-познавательной деятельности туристов в походах, путешествиях и экскурсиях под руководством туроператора. Программа должна раскрывать специфику многообразия природных условий и богатейшей истории местности, посещаемой туристами⁶.

¹ Научный туризм. – <https://svastour.ru/articles/puteshestviya/vidy-turov/nauchnyy-turizm.html>

² Балабанов И.Т. Экономика туризма: учебное пособие / И.Т. Балабанов, А.И. Балабанов. – М.: Финансы и статистика, 2008. – С. 56.

³ Беляков О.И., Мещерякова И.В. Семейный туризм как форма досуговой деятельности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Общественные науки. 2012. – Вып. № 28. – С. 690–693.

⁴ Smith M.K. Issues in Cultural Tourism Studies. 3rd ed. – London: Routledge, 2016. – 288 p.

⁵ Ильина Е.Н. Туроперейтинг: организация деятельности: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 240 с.

⁶ Москалевич Г.Н. Особенности и специфика культурно-познавательного туризма // Материалы VI международной научно-практической конференции «Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма». – Ялта, 2021. – С. 394.

Реализация культурно-познавательных программ для семейного туризма должна осуществляться таким образом, чтобы развивать гражданские навыки у туристов – участников программы – посредством вовлечения их в познавательные, досуговые, исследовательские и т.п. мероприятия согласно плану программы, а также через участие в походах.

Немаловажными факторами, влияющими на успех реализации программы для семейного туризма, являются следующие принципы:

- принцип сочетания групповых и коллективных форм проведения запланированных мероприятий;
- принцип смены видов туристской деятельности;
- принцип социокультурного соответствия мероприятий целям познавательных туристско-краеведческих программ;
- принцип наглядности;
- принцип систематичности и последовательности;
- принцип добровольности;
- принцип сознательности и активности, учета возрастных особенностей потребителей;
- принцип психологической комфортности в туристском коллективе¹.

В качестве основного принципа, на котором должны быть построены культурно-познавательные программы для семейного туризма, выступает комплексность. В основе данного принципа лежат цикличность и системность туристской деятельности.

Таким образом, разрабатывая культурно-познавательную программу для семейного туризма, туроператоры, прежде всего, должны решить следующие задачи:

- культурно-познавательная программа должна обладать культурно-познавательной направленностью, быть интересной и востребованной;
- в нее должен быть включен весь необходимый комплекс услуг (обслуживание в рамках познавательного тура, связанные с услугами перевозки, проживанием, питанием, программными мероприятиями). Весь этот набор услуг включается в стоимость тура, формирует основу его стоимости;
- в программу должны входить уникальные культурные комплексы, творчески представленные.

Рисунок 1.
Бобруйская крепость – старейший исторический и архитектурный памятник города

¹ Туристско-рекреационное проектирование: учебное пособие / Ю.А. Колесова. – М.: КУРС: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 352 с.

Сегодня уже никого не удивишь предложением по проведению обычных экскурсий, несущих познавательный характер, во время которых можно посмотреть на достопримечательности и о чем-то новом узнать. Более востребованными туристскими предложениями являются семейные туристско-экскурсионные маршруты, где в полной мере и взрослые, и дети смогут воспользоваться своим активным потенциалом. Каждый из природных элементов туристического потенциала в любом регионе сам по себе может являться самостоятельным ресурсом при организации семейных туров. Например, можно провести экскурсию по одному из городов Республики Беларусь.

В Бобруйске, белорусском городе, впервые упомянутом в исторических документах в 1387 году, как и в любом другом городе, есть своя история, свои природные ресурсы, главные достопримечательности, которые могут служить объектами для туризма. Прежде всего, интерес для туристов (не только жителей города, области, республики, но и зарубежных гостей) представляет Бобруйская крепость. Она расположена на берегу реки Березина, которая вошла в учебники по истории как место одного из крупных сражений во время Отечественной войны с Наполеоном 1812 года.

Крепостное сооружение начала XIX века возвели по указанию императора Александра I на основе проекта, разработанного Карлом Опперманом. Крепость строили в 1810 и 1812 гг. и завершили как раз перед нашествием Наполеона. Сегодня Бобруйская крепость напоминает туристам о событиях Отечественной войны с Наполеоном, а экскурсовод рассказывает, какую важную роль сыграла крепость в той войне. О значении битвы на реке Березине и о роли крепости в ней можно прочитать в книге «Герои Отечественной войны» (автор А.И. Михайловский-Данилевский, генерал-майор императорской армии)¹.

Конструкции Бобруйской крепости и самой легендарной Брестской фортификации являются сходными: это цитадель в виде многоугольника, состоящая из восьми бастионов. Других похожих на эти две крепости – Бобруйскую и Брестскую – в Республике Беларусь нет.

Благодаря забавному водоплавающему зверьку – бобру – в давние времена город Бобруйск получил свое название. В те далекие времена (городу уже более 600 лет) в этих местах был широко распространен бобровый промысел. Воспоминание об этом событии запечатлено в памятнике Бобру, облаченному в дореволюционное одеяние, который появился лишь в XXI веке, и сегодня уже стал одним из символов Бобруйска. Памятник Бобру находится в самом начале улицы Социалистической, неподалеку от рынка².

Рисунок 2.
Памятник Бобру – символ города Бобруйска

Интерес для семейного туризма представляет и развлекательный комплекс «Немо», где для детей предусмотрен поиск приключений в запутанном и интригующем трехъярусном лабиринте и множество других интересных развлечений (например, катание на горках и прыжки на батуте, участие в творческих программах и конкурсах, в детских праздничных мероприятиях и т.д.).

¹ 25 достопримечательностей Бобруйска: фотографии и описания. – <https://tur-ray.ru/bobruysk-dostoprimechatelnosti.html>

² Там же.

Нами разработана культурно-познавательная программа для семейного тура «Экскурсия по городу Бобруйск». Предусмотренные в ней мероприятия не только носят познавательный характер, но и предоставляют взрослому и юному поколению возможность проявить свою активность.

Содержание культурно-познавательной программы для семейного тура «Экскурсия по городу Бобруйск» представлено в табл. 1.

Таблица 1

Экскурсия по городу Бобруйск

Время	Мероприятия по программе	Выполняемая функция
9.00	Завтрак в отеле «Бобруйск»	
9.30	Обзорная экскурсия по городу, объекты: здание гостиницы «Бобруйск» (архитектурный памятник и «визитная» карточка города), пешеходная ул. Социалистическая (где находятся многие достопримечательности), памятник Бобру, театр, дом купчихи Кацнельсон, «дом-скворечник» («дом-тетрис»), памятник Шуре Балаганову – персонажу книги Ильфа и Петрова «Золотой теленок», который восхвалял Бобруйск, храмы, церкви и святыни (православные, католическая церковь, синагога) и другие достопримечательности.	Познавательная, историческая, патриотическая
10.30	Посещение Бобруйской крепости – архитектурный памятник, напоминание о войне с Наполеоном	Познавательная, патриотическая
11.00	Посещение Ледового Дворца «Бобруйск Арена»: участие взрослых в спортивных соревнованиях; обучение детей игре в хоккей, детские соревнования по футболу и т.д.	Спортивная
13.30	Обед в отеле «Бобруйск»	
14.20	Посещение Бобруйского краеведческого музея, знакомство с экспозициями по истории города, с археологическими находками, предметами быта, оружием разных эпох, этнографической информацией.	Познавательная, патриотическая, этнографическая
15.00	Посещение Центрального парка культуры и отдыха	Развлекательная
16.30	Посещение развлекательного комплекса «Немо» для детей и подростков. Взрослые могут в это время посидеть в кафе «Амстердам» (напротив «Немо»).	Познавательная, развлекательная
19.00	Ужин в кафе «Амстердам». Прощание с туристами.	

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. В современных условиях особое значение имеет грамотная организация досуга, наполненного активными и содержательными мероприятиями, в которых принимают участие члены семейного коллектива. Участие в совместных полезных и интересных для каждого члена семьи досуговых мероприятиях способствует укреплению семейных отношений. Сформировать досуговыми средствами многие нравственные качества у детей семье может помочь реализация культурно-познавательных программ в семейном туризме, которые разрабатываются на основе учета специфики, присущей каждой возрастной группе, включая интересы и ценности взрослых и детей.

2. В семейном туризме существуют самые различные направления – экскурсионные, культурно-познавательные, лечебно-оздоровительные, развлекательные поездки, пляжный отдых и т.д. В программах для семейного туризма следует предусмотреть доступность в месте отдыха экскурсий и развлечений, предназначенных детям.

3. Под семейным туризмом понимается совместное участие членов семьи в туристских программах. Это не только форма семейного отдыха, но и инструмент воспитания. В качестве главной цели семейного туризма выступает восстановление и поддержание здоровья, удовлетворение различных духовных и морально-нравственных потребностей семьи, развитие и образование детей, в том числе формирование у них морально-нравственных качеств. Главная черта семейного туризма – взаимодействие всех членов семьи.

4. Благодаря гуманитарной функции культурно-познавательных программ для семейного туризма формируются и развиваются у взрослых, подростков и детей духовно-нравственные качества личности. Культурно-познавательные программы в семейном туризме обладают большим гуманитарным потенциалом. Они призваны помочь семьям расширить знания своих детей о родном крае, осознать его роль в общем ходе истории, ощутить свою связь с прошлыми событиями и настоящим страны. В результате у подрастающего поколения происходит формирование таких нравственных качеств, как патриотизм, гражданственность, ответственность за судьбу своего города, воспитание общей культуры. Программу туристского тура следует строить в зависимости от его вида.

5. Разрабатывая культурно-познавательную программу, туроператоры, прежде всего, должны решить следующие задачи:

- туристский проект должен обладать культурно-познавательной направленностью, быть интересным и востребованным;
- в него должен быть включен весь необходимый комплекс услуг (обслуживание в рамках познавательного тура, связанные с услугами перевозки, проживанием, питанием, программными мероприятиями). Весь этот набор услуг включается в стоимость тура, формирует основу его стоимости;
- в туристский проект должны входить уникальные культурные комплексы, творчески представленные разработчиком.

Некрасов С.Н.

д. филос. н., гл. н. с. Уральского государственного аграрного университета; профессор Уральского федерального университета, г. Екатеринбург
Nekrasov-ural@yandex.ru

ДИАЛЕКТИКА И НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛОГА ЭЛИТАРНОЙ И МАССОВОЙ КУЛЬТУР

Ключевые слова: *массовая культура; здравый смысл; диалектика; метафизика; культура; предыстория; диалог культур; философия; ошибка; интеллигенция; чувства; практика; бытие; постправда.*

Keywords: *mass culture; common sense; dialectics; metaphysics; culture; prehistory; dialogue of cultures; philosophy; error; intelligentsia; feelings; practice; being; post-truth.*

Если представление о диалектике как универсальном методе познания у того или иного философа, философской школы или целого философского направления отсутствует или представляется в превращенной и далекой от истины форме, то какова эта философия? Какая философия вытекает из незнания диалектики, и как выглядит система взглядов мыслителей и тех, кого они обучают и дают общую мировоззренческую, то есть общекультурную подготовку? Знают ли эти люди о великом основном вопросе философии, его аспектах, или они отвергают его по умолчанию как устаревшую метафизику прошлых веков? Не все люди – философы, большинство не догадывается о существовании диалектического метода и пользуется обыденным метафизическим методом познания в повседневном мышлении и своем обыденном сознании. Продукты метафизического понимания мира насыщают массовую культуру и попадают через СМИ и социальные сети в сознание обывателей. Метафизики и ее продуктов вполне достаточно для существования обособленных индивидов в сфере массовой культуры. Диалектика представляется как метод мышления, и в этом смысле это субъективная диалектика понятий и категорий и диалектика объективная – диалектика природы и истории. Достаточно ли для познания объективной диалектики метафизического мышления? Как мыслит метафизик и как работает здравый человеческий рассудок?

Ф. Энгельс писал: «Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями; речь его состоит из: “да – да, нет – нет; что сверх того, то от лукавого”. Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд вполне приемлемым потому, что он присущ так называемому здоровому человеческому рассудку»¹.

Поскольку метафизик мыслит противоположностями и живет в этой сфере домашнего обихода, пользуясь здравым смыслом, легко было попасть в ситуацию советского колхозника, который прослушав лекцию лектора-популяризатора общества «Знание» по философии в сельском ДК, сообщил дома жене, что от лектора он узнал – дело серьезное, поскольку какой-то Маркс у Гегеля «зерно украл», «значит, судить будут». 30 лет в нашей стране нет колхозов, и нет колхозников с их массовым сознанием, которым для общего развития читали лекции присланные «из центра» лекторы с элитарным специализированным сознанием. Советская модель диалога элитарной и массовой культур была очень удачной и полезной для целостности классов и социальных групп социалистического общества вплоть до раздвоения мышления в эпоху «перестройки».

Разделение социальных групп и культур напрямую зависит от типа общества. В.Б. Пастухов в статье «Проект «Перестройка»: инсталляция мелкобуржуазной мечты» пишет: «Русская интеллигенция возникла как “культурная альтернатива” в обществе, где существовал культурный антагонизм патриархальной, неолитической культуры масс и европеизированной, рациональной и индивидуальной культуры элиты. Советская интеллигенция появилась в обществе, где все значимые, массовые культурные различия были уничтожены, где колхозника зачастую нельзя было отличить от академика, где все группы говорили на одном языке (точнее – “новоязе”), исповедовали один стиль, разделяли одни ценности, верили в общие мифы. Для этого однообразного советского общества и для организующей его власти советская интеллигенция несла в себе фатальную угрозу. Но она подготовила этому обществу не революцию, а эволюцию, не взрыв, а медленную смерть в муках перерождения. *Буржуазное перерождение коммунизма нашло наибо-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 20. – М.: ГИПЛ, 1961. – С. 21.

лее полное воплощение в постепенном восстановлении приоритета частного над публичным, частной жизни над общественной»¹.

Между тем и сегодня диалектика мышления осталась не в массовой культуре, а сохранилась в части подлинно элитарной культуры: здесь она выполняет роль метода для рассмотрения окружающих нас вещей, свойств, отношений, связей и систем связей. От верного диалектического мышления зависит не только оптимистически-уверенный настрой на правильное понимание окружающей действительности, но и формирование научного мировоззрения.

Разрушение целостного и прогрессивного общества привело к разрушению диалога элитарной и массовой культуры советских людей, когда прежние носители передового мировоззрения отказались от своих взглядов и стали учить обычных людей – носителей массовой культуры – странному и непотребному. Так, отрицая диалектику и понятие материи, некоторые авторы популярных многотиражных учебников по философии попали в путы метафизики и все плоды мысли стали рассматривать как бытие: «Плоды самой буйной фантазии, сказки, мифы, даже бред больного воображения – все это тоже существует как разновидность духовной реальности, как часть бытия»². Так, сам А.Г. Спиркин пришел к убеждению, что нет такой вещи «материя», поскольку материя – это нечто самое общее, а самое общее существует только в понятиях, только в уме, но не в окружающем нас чувственном мире. Он убедил себя и читателей, что существует бытие форм материи, но не бытие самой материи, поскольку материя – это самое общее в вещах, а самое общее не дано в ощущениях, ибо в ощущениях дано только единичное, а общее существует только в мыслях.

Получается, что мысль невозможно воспринять органами чувств, равно как духовный мир человека, то есть его душу. Ее нельзя ни осязать, ни обнаружить физическими приборами или химическими реактивами. Значит, материя принципиально неосязаема, а то, что мир есть движущаяся материя, данная нам в ощущениях, – этого никто никогда не доказал и доказать не сможет. Но это полный распад мышления, науки, логики, философии. Значит, важно вернуться к диалектическому методу, к материализму в понимании общества, к фундаментальному философскому подходу, основанному на признании основного вопроса философии. Это и есть основы научной элитарной культуры и тут выход там же, где был вход: вернуться к диалектическому мышлению и реализовать диалог культур.

Если старая идеалистическая философия утверждала, что в историко-философском процессе нет прогресса, и философские проблемы существуют столетия и тысячелетия без изменений, то новая философия третьего тысячелетия уверяет, что решение философских проблем не имеет никакого значения, поскольку решения вообще не существует, и нет смысла биться над этими проблемами. Нас уверяют, что главное – не найти решение, но искать его по принципу как безнадежный больной ищет удобное положение тела, чтобы у него не болело.

Декан философского факультета Уральского университета М.Н. Руткевич в 60 гг. называл в лекциях серию книг, издаваемых Политиздатом «Над чем работают, о чем спорят философы», «на чем свихнулись философы». В учебнике «Диалектический материализм» он выражался мягче – «на чем споткнулись философы». Они тогда споткнулись на диалектике общего и единичного и сегодня это выросло в проблему разрыва диалога культур и разрушение разума.

Превращенной формой научной философии в новой России демократического выбора стала культурология, возникшая после 1991 г. как наука и учебная дисциплина. Однако за прошедшее время на фоне краха либеральных реформ культурология выпала из списка обязательных дисциплин, стала предметом по выбору ученых советов, возникли трудности с ассоциациями и культурологическими обществами, с проведением конгрессов. Поскольку автор настоящей статьи сформировал (вторую открытую через месяц после первой на Урале) кафедру теории и истории культуры, открытую в мае 1991 г. в Уральском политехническом институте им. С.М. Кирова, то он видит положение культурологии на профильных кафедрах, где от культурологии осталась только первая часть названия – кафедра культурологии и дизайна, кафедра культурологии и социально-культурной деятельности и т.п. Об этом автор написал обзорную статью, в которой выразил надежды на второе рождение и новое дыхание культурологии в борьбе за традиционные цивилизационные ценности³.

Пока же практики и теоретики дизайна, многообразные прагматики от культуры под предлогом коммерциализации образования оттеснили теорию и историю культуры на второй план. Однако ситуация на глазах будет меняться, поскольку любые военные победы без победы в сфере культурных смыслов и культурного наследия будут обнулены.

Культурология в новых условиях глобального противостояния способствует практическому объединению людей в направлении социального прогресса в условиях завершения предыстории. Философские тезисы не способны выполнить эту историческую миссию: час философии бьет позже, когда «вылетает сова Минервы» – после завершения предыстории. Люди вне исторической необходимости выживания получают возможность заниматься теоретическим преодолением собственного невежества с помощью культуры, научной культуры и философской методологии. В самом начале этого развития человек, живущий в жалких условиях полу-животного состояния, создавал целый ряд ложных представлений, населял природу и общество духами и сверхъестественными силами, приютом которых становилось даже его собственное еще не познанное тело.

Ф. Энгельс описывал это следующим образом в письме К. Шмидту в конце своей жизни, говоря уже о конце предыстории и предысторическом содержании религии и философии: «Что же касается тех идеологических областей,

¹ Пастухов В.Б. Проект «Перестройка»: инсталляция мелкобуржуазной мечты // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 3. – С. 53–54.

² Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. – С. 223.

³ Некрасов С.Н. Культурология в России и на просторах Евразии: второе дыхание и его исторический импульс // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. – № 2 (55). – С. 36–52.

которые еще выше парят в воздухе – религия, философия и т.д., – то у них имеется предысторическое содержание, находимое и перенимаемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эти различные ложные представления о природе, о существовании самого человека, о духах, волшебных силах и т.д. имеют по большей части экономическую основу лишь в отрицательном смысле; низкое экономическое развитие предысторического периода имеет в качестве дополнения, а порой и в качестве условия и даже в качестве причины ложные представления о природе»¹. Закат предыстории человечества предполагает полное социальное испарение предысторического содержания культуры.

А что дает нам культура, что дано нам в культуре? Аристотель считал, что в ощущениях всегда дано только единичное, а в мышлении дано только общее. Но в классическую философию пришел Г. Гегель и внес новую струю – струю диалектического миропонимания: смотреть надо на то и другое как на противоположности в развитии. **Общее может развиваться и стать единичным**, это единичное, возникшее на базе общего. А единичное, если оно размножается в природе или на заводе, может стать общим. Парадоксально, но массовая культура видит только единичное, подлинно элитарная культура видит общее в единичном.

В ОБЩЕСТВЕННОМ производстве всякое новое изделие **может** стать серийным и **превратиться в одинаковое для целого класса** одинаковых изделий. Г. Гегель отмечал: «Животное видит лишь единичное»². Аристотель, по мнению Г. Гегеля, смотрел на вещи только по-животному. Получается, что обыватель в массовой культуре смотрит на мир по-животному. Но человек как мыслящее существо понимает, что единичное может развиваться и стать общим, ибо всё переходит в свою противоположность. Поэтому человек в отличие от животных должен понимать, что можно найти «в воспринятом единичном... всеобщее и пребывающее» [там же, с. 150]. Поскольку Г. Гегель ясно понимал, что Аристотель отрывал единичное от общего, когда говорил о познании, то и К. Маркс как преобразователь гегелевской идеалистической диалектики этот его пункт диалектики заострил: нельзя отрывать единичное от общего и общее от единичного никогда, ни в каком естественном процессе. Лишь в мыслях их можно разорвать и противопоставить.

И В.И. Ленин полагал, что надо исходить из Г. Гегеля. В статье «К вопросу о диалектике» он писал простые слова, которые были не понятны конспектирующим их советским студентам: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т.д. и т.д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т.д.»³. Ранее он пишет о методе изложения и понимания диалектики и завершает свою мысль: «Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т.д., мы отбрасываем ряд признаков как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому» [там же, с. 318–319]. Такова правда жизни, которую через много лет осознали бывшие ССО-строители колхозных коровников, которые легко попались на мелкобуржуазный проект «перестройки»⁴.

Понятно теперь, что в человеческом познании и культуре все начинается от чувств. Ошибка в начале познания ведет к ошибкам и в середине, и в конце хода мысли, и в научном поиске. Люди в практическом познании исходят из коллективной человеческой практики. Они каждый день видят процессы, описанные основателем индуктивного метода Ф. Бэконом: «вода горячая превращается в воду холодную», «земля, не удобренная, превращается в землю удобренную», «папирус, не исписанный, превращается в папирус исписанный», «инструмент, не сломанный, превращается в инструмент сломанный». В 1605 г. Ф. Бэкон выступил против средневековой и рабовладельческой теории познания, он выступил за восстановление наук и единую культуру на основании эмпирического метода.

Наука и техника сами по себе не решают вопросы изменения общественных производственных отношений. И эти общественные отношения не сражаются ни в каких битвах – в них участвуют живые люди с их сознанием, потребностями и иллюзиями. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» в главе «Естествознание в мире духов» пишет, как Ф. Бэкон надеялся на чудеса науки: «прославленный Фрэнсис Бэкон, жаждет применения своего нового эмпирического, индуктивного метода прежде всего для достижения следующих целей: продление жизни, омоложение в известной степени, изменение телосложения и черт лица, превращение одних тел в другие, создание новых видов, владычество над воздухом и вызывание гроз; он жалуется на то, что такого рода исследования были заброшены, и дает в своей естественной истории форменные рецепты для изготовления золота и совершения разных чудес»⁵. Известно, что Ф. Бэкон умер от простуды, которую получил во время опытов: набивал снегом тушку курицы, чтобы проверить влияние холода на сохранность мясных продуктов, и научиться искусственно применять природные явления для человеческих надобностей. Это опережение идеи Г. Гегеля о «хитрости разума», использующего в интересах свободы природные явления.

В жизненных процессах можно ощущать и воспринимать и общее, и существенное, и необходимое: все зависит от культуры. Нельзя видеть сходное и говорить «не вижу сходного» – это иллюзия массовой культуры, которая питается расхожими стереотипами и соцсети и СМИ разносят их по миру. Нельзя так входить в противоречие с истиной и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 37. – М.: Политиздат, 1965. – С. 419.

² Гегель Г. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / [Вступ. статья Е. Ситковского, с. 5–50]. – М.: Мысль, 1974–1977. (Философское наследие / АН СССР. Ин-т философии). Т. 1: Наука логики. – М., 1974. – С. 122.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: ИПЛ, 1963. – Т. 29. – С. 318.

⁴ Пастухов В.Б. Проект «Перестройка»: инсталляция мелкобуржуазной мечты // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 3. – С. 48.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 20. – М.: ГИПЛ, 1961. – С. 373.

называть получающееся знание словечком «постправда», фейк-ньюс, поскольку это ложные сведения. Нельзя утверждать, что Украина не осуществляет геноцид на Донбассе, и что утверждать так – смешно. Но канцлер Германии О. Шольц говорит, что на Донбассе нет геноцида и что Россия лжет, а расчлененные народы Югославии сами выбрали путь в Европу.

Нельзя быть аморальным обывателем как ответственное за мир официальное лицо – бывший Госсекретарь США К. Пауэлл, который на заседании ассамблеи ООН показал пробирку с белым порошком и сказал, что это химическое оружие С. Хуссейна, после чего началось массированное вторжение американской армии и коалиции в Ирак. На самом деле пробирка была риторическим приемом для демонстрации того, что якобы в Ираке таких пробирок десятки тысяч. Он требовал своей речью разоружения Ирака, но люди в массе услышали то, что хотели услышать – что это прямое доказательство наличия такого оружия, хотя на самом деле из кармана Госсекретаря США была извлечена пробирка со стиральным порошком, который он насыпал в собственной ванной комнате.

Мы в России более полувека жили в англосаксонском смысловом поле, пользовались чужой культурной повесткой и не замечали этого. Атака на традиционные ценности, которые Россия использует как инструмент влияния, строится на шизофреническом разведении чувств и разума, что в либерально-демократическом контексте именуется глобалистскими ценностями. Стратегический консерватизм, при котором традиционные ценности проецируются на политику, основывается на принципе тождества бытия и мышления, на принципе познаваемости мира и единства чувств и разума. Это именно то, что было сильным моментом молодой прогрессивной буржуазии в борьбе за установление нового мира социальной справедливости, демократии, индустриального производства и человеческой креативности. На XIX съезде КПСС в докладе И.В. Сталина было сказано: «Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше никому его поднимать»¹. Это значит, что передовые классы и цивилизации берут все лучшее и прогрессивное, что было накоплено человечеством, они обращаются к диалектическому миропониманию.

В этом заключается диалог культур – стратегический консерватизм прогрессивных сил, а либеральный консерватизм невозможен и бесперспективен в условиях провала попыток реставрации капитализма в России. Попытки создания либерального консерватизма в сфере философии мы наблюдаем в концепциях непознаваемости общего органами чувств, в отказе от научного мировоззрения, в агностическом возвышении постправды. Такое положение возможно только в эпоху завершения предыстории человечества и в начале подлинной истории, как полагал К. Маркс, философия утратит свое значение, и место ее займет интегральная наука истории. Мы обращаем внимание на изменение статуса социальной философии в нашей монографии «Социальная диалектика предыстории»². В этой книге показано, что философия окончательно перестанет быть особой наукой, поглощающей другие науки, статус научности которых зависит от степени приближения к философии, как это было у Г. Гегеля.

Дух свободно витает, но свободен он только в культуре – в разных формах культуры и их диалоге. В обществе, в сфере социальной материи как объективных общественных отношений, от которых зависит сознание и культура, действуют общественные законы. Общественное развитие в тотальной гибридной войне цивилизаций влияет на потребности, но не в смысле расстановки их иерархии в пирамиде А. Маслоу. Речь идет в первую очередь о коллективных общественных потребностях, которые формируются и удовлетворяются в процессе материального потребления материальных предметов для получения материальных изменений. Так, открытие Нового Света изменило вкусовые предпочтения европейцев, поменяло логистику продуктов и рынки продовольствия. Когда первооткрыватели Америки попробовали помидоры и картофель, то сразу возникла потребность в выращивании этих овощей. Попробовали наркотики, и возникла потребность к производству наркотиков. В этом смысле потребности можно считать одним из факторов производства. Однако надо иметь в виду связь категории «общественные потребности» с философскими категориями «возможность» и «действительность». Историки целых школ работают в направлении объяснения обратного влияния потребностей на экономический обмен и социальную динамику. Мы имеем в виду прежде всего знаменитую школу французских историков «Анналы»³.

У людей есть потребности: возможные и действительные, абстрактные и конкретные, реальные и не реальные. Еще в XIX в. Н.Г. Чернышевский заметил, что у него есть потребность помещать пищу не на железный поднос, а на золотой. Но у него нет золотого подноса и не будет. Потому его потребность брать пищу с золотого подноса не может вести к адекватным действиям и даже не может побуждать к реальным действиям. Действительность сословной царской монархии во времена Н.Г. Чернышевского также обладала ярко выраженным классовым характером. Потребности помещика не были равны потребностям крестьянина. Первому поколению советских людей было ясно, что нельзя из понятия «потребность человеческая» творить культ и ждать получения того, что требуется. В истории СССР люди понимали – требуется одно, а получаешь другое. Люди, жившие в крошечных комнатках коммуналок, с энтузиазмом возводили новый мир, воевали, восстанавливали народное хозяйство.

В советской культуре диалог уровней культуры часто выступал как разрыв между потребностями и возможностями, он ярко выражался в юмористической, а затем в сатирической форме: в форме миниатюр А.И. Райкина «Дефицит», в тостах из «Кавказской пленницы»: «имею возможность купить козу, но не имею желаний» и т.п. Смысл, этих

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. – М.: Писатель, 1997. – С. 229.

² Некрасов С.Н. Социальная диалектика предыстории. – М.: ИНФРА-М, 2021. – С. 16.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: в 3 т. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1986-1992. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М., 1986. – 622 с.

регулирующих жизнь бытовых максим, следующий: «Хочешь одного, а можешь иметь и получить только что-то другое». Отсюда у наших людей возникла идея, что жизнь по потребностям – это дело весьма отдаленного будущего. Да и будет ли она обеспечиваться в полной мере как из «рога изобилия»? Это еще надо доказать, в каком смысле и что потечет из закровов Родины – то, что мы в ходе ударного труда туда заложим.

История показывает, что опережающий рост потребностей – одна из закономерностей материальной жизни общества на стадии его прогрессивного развития. Появление сбивающих с толку рекламных лозунгов «Есть идея – есть Икеа» создавало иллюзию изобилия и доступности без упорного труда и верности своей Родине. Уход «Икеа» из России эту иллюзию разрушил и ознаменовал завершение тридцатилетия долгих 90 годов. Правда, у людей возникла новая иллюзия, что сама Россия убежала от «Икеа» и либералов. Предстоит еще долгий процесс самоочищения нашей Родины.

Сами общие потребности в истории не меняются. Известно из современных сериалов российского телевидения, что потребность хорошо питаться может вызвать желание воровать, а не трудиться, не развивать экономику и двигать социальный прогресс, и даже стать «вором в законе» – человеком без семьи, которому запрещено трудиться и запрещено сотрудничать с правоохранительными органами. Вспомним высказывания Антибиотика, Виктора Павловича – симпатичного персонажа в исполнении Л. Борисова, главаря организованной преступной группировки из «Бандитско-го Петербурга». Он говорил не раз: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда».

Сами элементарные потребности людей вовсе не являются духовными и не могут отменять формулу К. Маркса «бытие – первично, а сознание – вторично». Преодоление основного вопроса философии и опровержение основного принципа материализма может дать новое определение человека, и получается дефиниция: «Не претендуя на статус определения, суммируем кратко сущностные черты человека. Человек есть воплощенный дух и одухотворенная телесность, духовно-материальное существо, обладающее разумом. И в то же время это субъект труда, социальных отношений и общения с помощью членораздельной речи»¹. В этом определении нет конкретно-исторической социальной сущности человека, нет диалога культур.

Если проектировать радикальные изменения в экономике и социальной структуре общества, то можно обратиться к образному фантастическому и сказочному изображению последствий резких общественных мутаций. Так, в сказке Дж. Родари «Приключения Чиполлино» сюжет завершается революцией. И в борьбе с несправедливостью и произволом участвуют Чиполлино и его друзья, после восстания принц Лимон и графини Вишни уехали из владений, барон Апельсин стал работать грузчиком, а герцог Мандарин жил за его счёт. Мы видим, что родовая аристократия легко пережила изменение своего социального статуса. Недаром И. Ильф и Е. Петров легко составили жизненную формулу «бывший князь, а ныне трудящийся Востока, гражданин Гигиенишвили», в раннем СССР так и было, бывший шах мог работать дворником.

А вот у Н.Н. Носова в «Незнайке на Луне» завершение лунного капитализма выглядит по-иному: «Многие богачи, которые вместе с фабриками потеряли также свои доходы, вынуждены были поступить на работу и в конце концов поняли, что это даже лучше, чем по целым дням и ночам трястись над своими капиталами, теряя сон и аппетит и думая лишь о том, как бы облапошить кого-нибудь и не дать другим облапошить себя. Были, однако же, богачи, которые хотя и потеряли заводы и фабрики, но зато сохранили свои капиталы... Пришлось богачам сдавать свои капиталы в общую кассу. Некоторые из них, однако, схитрили и часть своих денег припрятали для себя. Среди подобного рода хитрецов оказался и всемирно известный мануфактурщик Спрутс. Никто не знал в точности, сколько у него денег. Поэтому половину своего капитала он сдал, а другую половину оставил себе. Он рассчитывал, что, имея денежки, ему можно будет жить по-прежнему, не трудясь».

Напротив, Скуперфильд, растеряв свои капиталы, поступил работать на собственную макаронную фабрику и это ему понравилось: «Теперь, когда работать приходилось ему самому, Скуперфильд хорошо понял, как важно облегчать труд рабочего. В общем, работать ему понравилось, тем более что вокруг всегда были коротышки, с которыми можно было поговорить, перекинуться шуткой, посоветоваться о каком-нибудь деле».

И тут бытие вновь определяет сознание Скуперфильда и делает его культурным: «Сначала он ходил обедать к своим знакомым, но потом убедился, что знакомым это особенного удовольствия не доставляет, и кончил тем, что поступил работать на свою бывшую макаронную фабрику. Никто не препятствовал ему в этом. Все знали, что макаронное дело он любит, и надеялись, что работать он станет исправно и добросовестно»². Гуляя по парку новый энтузиаст и передовик производства, бывший капиталист и владелец предприятия, восклицал: «Зато теперь я знаю, что настоящие ценности – это не деньги, а вся эта красота, что вокруг нас, которую, однако, в карман не спрячешь, не съешь и в сундук не запрешь!» [там же, с. 231]. Но выскочка Спрутс, то есть парвеню, этого вынести не мог: «Я ведь им не какой-нибудь замухрышка! Я Спрутс! Пусть бы они попались мне раньше. Я б их скрутил! А теперь я кто? Кто, я вас спрашиваю! ... Я не потерплю этого! Я им покажу! Я их за это в клочки! Вдребезги! Где динамит? Дайте мне динамиту! Завтра же едем за динамитом!» [там же, с. 235].

По сути, аристократы, владельцы «старых денег» могли приспособиться к новым условиям жизни и изменить свои взгляды. Так было в истории после Октябрьской революции, когда графиня мыла посуду, не переставая быть графиней, а князь водил такси. А вот носители «новых денег» – выскочки не способны согласиться с резким поворотом в своей судьбе и социальным прогрессом, который перешагнул через них. В качестве уникальных выскочек нескольких месяцев российского капитализма 1917 г. и гражданской войны И. Ильф и Е. Петров выдвинули образы

¹ Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. – С. 314.

² Носов Н.Н. Незнайка на Луне. – М.: Недра, 1993. – С. 230.

«подпольного советского миллионера» А.И. Корейко и «великого комбинатора» О. Бендера с его мечтой о блюдечке с голубой каемочкой и жизни в Рио.

Г. Иванкина в статье «Беспомощность. Авен с его жалобами напомнил Спрутса из “Незнайки на Луне”» пишет: «Все российские капиталисты – это именно Спрутсы, искренне и долго презиравшие бедноту да “интеллигентщину, едущую в маршрутке”, а потому для них вернуться в своё начальное состояние (с разогреванием обеда и протиранием пыли) – сие некомилфо и грандиозный зашквар. Нереальная ломка. И вот теперь я задам перефразированный вопрос, который мне задавали в течение многих лет: “Если ты такой умный, почему ты такой беспомощный?”»¹.

Советская научная фантастика, исключая братьев Стругацких, давала иной образ будущего мира глобальных трансформаций и революций, и человек будущего с ужасом смотрел на бескультурное рыночное прошлое. У И.А. Ефремова в романе-антиутопии «Час Быка» это звучит так: «Фай Родис вспоминала странное чувство ужаса и отвращения, приходившее к ней, по мере того как она углублялась в избранную эпоху. В сосредоточенных размышлениях она как бы перевоплощалась в некоего среднего человека тех времен, односторонне образованного, убого информированного, отягощенного предрассудками и наивной, происходившей от незнания верой в чудо. Ученый тех времен казался глухим эмоционально; обогащенный эмоциями художник – невежественным до слепоты. И между этими крайностями обыкновенный человек... предоставленный самому себе, не дисциплинированный воспитанием, болезненный, теряющий веру в себя и людей и находящийся на грани нервного надлома, метался от одной нелепости к другой в своей короткой жизни, зависевшей от множества случайностей. Самым ужасным казалось отсутствие ясной цели и жажды познания мира у очень многих людей, без интереса глядевших в темное, не обещающее никаких существенных изменений будущее с его неизбежным концом – смертью»².

После просмотра фильмов о прошлом планеты начальник экспедиции Фай Родис и товарищи по экипажу звездолета «Темное пламя», обсудив истории Земли и Торманса, пришли к выводу об исторической роли России: «Опять Россия — первая страна социализма. Именно она пошла великим путем по лезвию бритвы между гангстеризующимся капитализмом, лжесоциализмом и всеми их разновидностями. Русские решили, что лучше быть беднее, но подготовить общество с большей заботой о людях и с большей справедливостью, искоренить условия и самое понятие капиталистического успеха, искоренить всяческих владык, больших и малых, в политике, науке, искусстве. Вот ключ, который привел наших предков к Эре Мирового Воссоединения» [там же, с. 117].

Сегодня капиталистическая Россия без всяких поворотов к инклюзивному капитализму или посредством левого поворота высшего политического руководства решает вопрос о цивилизационном повороте в направлении Великой Евразии, которая будет включать государственные образования разного типа и исторического происхождения. Шоко-терапия, проведенная «вуду-экономистами» либерализма в бывших социалистических странах и в большинстве стран третьего мира, привела к резкому росту антизападных настроений населения. Мы стали свидетелями конца предыстории, завершения идеологической и политической эволюции либерализма — инволюции западнизма в виде возврата в первоначальное состояние буржуазной диктатуры. Крах западнизма в сфере идей и сознания означает неизбежный его крах в материальном мире.

Отвечая на второй русский вопрос «что делать?», В.Б. Пастухов пишет в завершение своей статьи: «Быть может, в этом и состоит “особость” русского пути: сначала создавать исторические формы, а потом в авральном порядке наполнять их соответствующим культурным содержанием?»³. Наше исследование показало, что культурное содержание следует за социальными историческими формами не только при движении по русскому пути – это общая закономерность диалектики непрерывности и скачков человечества в его предыстории.

¹ Иванкина Г. Беспомощность. Авен с его жалобами напомнил Спрутса из «Незнайки на Луне». – https://zavtra.ru/blogs/bespomoshnost_

² Ефремов И.А. Час Быка. Научно-фантастический роман. – М.: Правда, 1991. – С. 29.

³ Пастухов В.Б. Проект «Перестройка»: инсталляция мелкобуржуазной мечты // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 3. – С. 55.

Овчинникова Т.М.

к. филос. н., доцент кафедры философии, Омский государственный педагогический университет

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: конфликт, конфликтный потенциал, идентичность, региональная идентичность, структура региональной идентичности.

Keywords: conflict, conflict potential, identity, regional identity, structure of regional identity.

Сегодня все чаще мы говорим о необходимости обратить серьезное внимание на поколение россиян, которое находится в активной фазе социализации. В условиях новых вызовов, в которых уже несколько десятилетий находится российское общество, решающее значение для сохранения его стабильности имеют ценностные ориентации молодого поколения, активная жизненная позиция как альтернатива пессимистической антиципации, чувство сопричастности к происходящему в стране и регионе. Таким образом, проблема формирования позитивной социальной идентичности у молодых людей, родившихся после 2004 года (поколения Z), – сегодняшних студентов и старшеклассников, не теряет своей актуальности, несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных данной проблеме. Рассуждая о конфликтном потенциале региональной идентичности, в рамках данной статьи попытаемся дать ответы на следующие вопросы. О какой конфликтности в контексте рассматриваемой проблемы идет речь: о личностной или коллективной? Что мы будем понимать под конфликтным потенциалом идентичности, и существует ли необходимость в его измерении? Нужно ли корректировать конфликтный потенциал? И последнее: какова реальная возможность сделать это не в теории, а на практике?

Отвечая на вопрос о субъектности, отметим, что можно говорить об индивидуальной и коллективной идентичности, региональной в том числе. Первая формируется на основе как личного опыта, так и опыта, переданного или навязанного кем-то в результате убеждающего воздействия. Заметим, что в эпоху информационных войн второй сценарий реализуется чаще всего. Коллективная идентичность не является простой суммой индивидуальных идентичностей. Однако коллективные ощущения принадлежности к определенной территории, привязанности к этой территории, гордости за ее достижения невозможно определить, не обращаясь к отдельным ее представителям. Аналогичным образом можно говорить о конфликтности индивидуальной или коллективной, понимая под коллективной конфликтностью такое качество социума, как его предрасположенность к конфликтным аттитюдам, когда «конфликтные» причины неизбежно приводят к конфликтам.

Понятие конфликтного потенциала встречается преимущественно в организационном конфликт-менеджменте и понимается как имманентно присущее человеку и обществу наличие противоречивых ценностей, интересов и потребностей, лежащих в основе социальной жизни¹. Однако, по нашему мнению, конфликтный потенциал не есть простой набор противоречий, должна присутствовать еще и готовность личности или группы к переходу от бесконфликтного состояния к конфликтным позициям и, далее, к конфликтному поведению. По аналогии с идентичностью, конфликтный потенциал может формироваться как на личностном, так и на коллективном уровне.

По мнению Ф. Глазла, «мы несем в себе образ «лучшего человека», который целиком и полностью индивидуален и является образом нас самих»². Этот образ, включающий стремления, ценности, цели, установки, есть наша «светлая сторона»³, наша идеальная идентичность. Конфликтный потенциал идентичности на индивидуальном уровне формируется, когда личность пытается приблизиться к «светлому» опыту, транслируемому обществом, ценности, лежащие в основе идеальной идентичности, привнести в свою повседневную практику, но сталкивается со своим двойником, – «теневой личностью»⁴, вобравшей в себя все слабости, сомнения, устремления, не соответствующие идеальной идентичности. При этом существует внутренняя готовность как изменить «теневую сторону», так и переформатировать «световую» на основе переоценки системы ценностей. Внутренние разногласия по поводу представлений о прошлом, настоящем и будущем своей «малой родины», чувства принадлежности и сопричастности к ней в совокупности с установкой на то, чтобы что-то в этом плане изменить, преобразовать, развить, и есть в нашем понимании конфликтный потенциал региональной идентичности на личностном уровне. Аналогично, конфликтный потенциал коллективной региональной идентичности можно понимать как дисбаланс между ценностями, интересами, потребностями субъектов, лежащими в основе социальной жизни региона в совокупности с готовностью к реальным действиям, в том числе, и конфликтным.

¹ Дятлова Е.Г. К вопросу о феномене конфликтного потенциала коллектива // Science Time. 2015. – № 5 (17). – <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-fenomene-konfliktного-potentsiala-kollektiva>

² Глазл Ф. Конфликт-менеджмент. – Калуга: Духовное познание, 2002. – С. 35.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 36.

На формирование конфликтного потенциала оказывают влияние интеллектуальные, эмоциональные, волевые факторы и фактор личностного (коллективного) опыта. Отметим, что те же факторы влияют и на протекание социализационных процессов в целом, и на формирование всех видов идентичности как на личностном, так и на коллективном уровне. Но, в отличие от процессов социализации, в отношении конфликтного потенциала можно говорить о его актуализации, то есть о переходе от состояния готовности к действиям к самим конфликтным действиям. Отметим несколько важных моментов. Во-первых, актуализация конфликтного потенциала не является неким негативным фактором, разрушающим систему. Второй момент: факт наличия агрессии в человеке (социуме) не является показателем того, что его конфликтный потенциал опасен для окружающих и для него самого. Перманентно агрессивный человек является носителем большего конфликтного потенциала, чем спокойный, однако его проявления мы можем обнаружить только в конфликте. Агрессия интеллектуально и психически развитого человека и агрессия интеллектуально и эмоционально неразвитого человека будет выражена в разных формах. Те же рассуждения можно отнести и к социуму.

Актуализации конфликтного потенциала способствуют: иррациональные, спонтанные решения, стереотипные реакции на происходящие события, неконтролируемые действия, высокая степень эмоционального напряжения в обществе, нарушение устоявшихся связей и отношений, рост девиаций в молодежной среде. Очевидно, что спрогнозировать с высокой степенью вероятности, к конфликтам какой направленности (конструктивным / деструктивным) приведет актуализация потенциала, невозможно. Однако мониторинг его динамики необходим, поскольку он может быть отправной точкой для дальнейших диагностических исследований, а также поможет спланировать управление конфликтными процессами, зарождающимися или уже существующими.

Какой-либо методики количественного измерения конфликтного потенциала на сегодняшний день нет ни для организаций, ни, тем более, для социальных явлений. При попытке создать такую методику мы взяли за основу структуру любой идентичности, в том числе, региональной, выделив в качестве ее компонентов когнитивный, ценностный, эмоциональный и поведенческий (регулятивный). В основу измерения конфликтного потенциала мы закладываем результаты социологических опросов населения региона, итог измерения предлагаем визуализировать в виде «колеса конфликтного потенциала» (рис. 1).

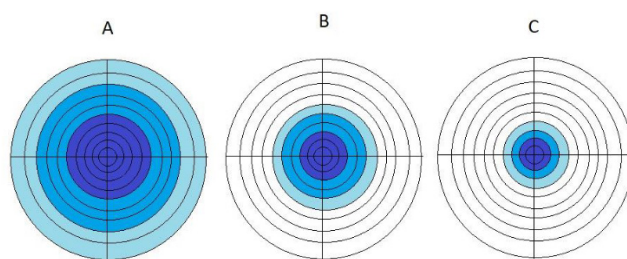

Рисунок 1.
«Колесо» конфликтного потенциала

Чем больше заштрихованная часть круга, тем выше конфликтный потенциал (далее – КП). Таким, образом: А – высокий КП, В – КП на среднем уровне, С – низкий КП. Число секторов может быть различным, оно зависит от того, сколько диагностических методик использовалось в эмпирическом исследовании. Для апробации измерения КП мы разделили круг на три сектора, которые соответствовали когнитивному, ценностному и эмоциональному компоненту региональной идентичности. Поскольку наша методика находится еще на стадии разработки и не претендует на завершенность, в рамках данной статьи мы проиллюстрируем, как «в первом приближении» нами было создано «колесо КП региональной идентичности» на основе результатов опроса, проведенного в мае 2022 года. В нем приняли участие 170 «не школьников» и 116 школьников-старшеклассников, т.е. всего 286 респондентов. Выборка для города-миллионника, безусловно, нерепрезентативная, но даже она позволили сделать некоторые важные выводы. Для создания сектора когнитивного компонента вполне ожидаемым был вопрос о том, знают ли омичи историю своего города. Около 72% респондентов ответили на этот вопрос утвердительно. При этом цели установить, так это или нет, у нас не было. Для описания идентичности важно, как респонденты ощущают свое знание или незнание. Вторым вопросом был вопрос о брендах, и он не случаен. Здесь возникает момент и качественного исследования, поскольку практически все известные нашим респондентам бренды Омска оказались связанными с едой. И мы задаемся риторическими вопросами: А как же знаменитые Омские шины? Каждый дальнбойщик СССР мечтал, чтобы на его тягаче стояли именно они. А Федор Михайлович Достоевский и «Записки из Мертвого дома», созданные им после пребывания в омском остроге?

Для описания ценностного компонента мы задавали следующие вопросы: «Довольны ли Вы состоянием исторических сооружений и памятных мест в нашем городе?»; «Можно ли назвать Омск «городом-садом» сегодня?» и «Можно ли считать Омск городом, в котором успешно развивается спорт?». Почему именно эти вопросы отражают осознание принадлежности к региону? В Омске не так много исторических сооружений. При этом за последние два десятилетия отреставрированы все объекты «Старой крепости», многие центральные улицы, исторические здания на Аллее Литераторов. В центре города восстановлен Свято-Успенский кафедральный собор, разрушенный в период Октябрьской революции. О реставрации исторических мест знает, наверное, каждый, кто хоть раз был в центре города, так как замаскировать строительные работы невозможно. Однако около половины респондентов не довольны состоянием исторических сооружений и памятных мест в нашем городе. Мы не спрашивали, чем именно они не довольны, поскольку для исследования ценностного компонента важно, в каком ключе конструируется когнитивный компонент, –

позитивном, негативном или нейтральном. «Городом-садом» сегодня не готовы назвать Омск почти 72% опрошенных (а это один из брендов Омска 60-х годов XX столетия). В 1956 году Омск занял первое место по озеленению городов, а в 1958 за успехи в озеленении был награжден большой серебряной медалью ВДНХ¹. И сегодня в Омске ведется активная работа по благоустройству, реставрации уже имеющихся парков и созданию новых, но, к огромному сожалению, отрицательные нарративы, такие как «уже не город-сад», «пустырь», «пыль» и прочие, все еще преобладают у жителей нашего региона.

На вопрос: «Можно ли считать Омск городом, в котором успешно развивается спорт?» 35,3% респондентов дали отрицательный ответ (ответили: «Да» приблизительно столько же, – 34,1%). Первая ассоциация, возникающая в связи с развитием спорта в нашем городе, – это «Авангард». Действительно, в Омске существует культ хоккейной команды, десятки тысяч фанатов и сотни тысяч болельщиков по всей стране поддерживают любимый хоккейный клуб и не без оснований гордятся им. В Омске созданы детско-юношеские клубы спортивных единоборств, художественной гимнастики. Имена замечательных спортсменов и талантливых тренеров известны на всю Россию: Александр Пушница, Александр Шлеменко, Алексей Тищенко, Галина Горенкова, Галима Шугурова и многие другие. Если открыть новостную ленту портала «Мой Омск», то в ней примерно 2/3 всех новостей новости о спорте: велопробег, новые спортивные площадки. Если площадки видны не всем, то наши марафоны нельзя не заметить в силу их массовости. Тем не менее, каждый третий омич, принявший участие в нашем исследовании, не видит позитивных достижений региона и в спортивной сфере при всей их очевидности.

Для оценки эмоционального компонента мы предлагали респондентам выбрать, с каким цветом из четырех ассоциируется Омск. Ответы распределились следующим образом: 52% – серый, 12% – коричневый, 20% – зеленый, 16 – синий. Также в этот блок были включены вопросы с выбором ответа о возможности переезда в другой город (для оценки эмоциональной составляющей идентичности мы учитывали ответ: «Да, с большим удовольствием»); про рекомендации посетить наш город (учитывали ответ: «Нет»). Завершающим вопросом в этом блоке был следующий: «Чем, по Вашему мнению, жители Омска отличаются от жителей других городов Сибири?». Ответ предполагался в свободной форме, подсчитывались маркеры отрицательной окрашенности образа Омича.

Определив по каждому компоненту региональной идентичности среднее арифметическое показателей негативных маркеров, выраженных в процентном отношении, мы получили такие результаты: когнитивный компонент – 39,7%; ценностный – 52,2%, эмоциональный – 34%. «Колесо конфликтного потенциала» показывает наличие дисбаланса между когнитивным и ценностным компонентом, конфликтный потенциал находится на среднем уровне.

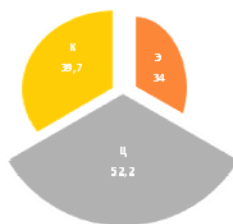

Рисунок 2.
«Колесо» конфликтного потенциала региональной идентичности

Итак, конфликтный потенциал поддается количественному измерению. В нашем случае можно сделать вывод о необходимости выравнивания его контура. Так как ценностный компонент региональной идентичности отражает осознание принадлежности к региону, то важно формировать у молодых людей чувство гордости по отношению к своему краю через активное его познание, через включенность в процессы, в нем происходящие. Необходимо решать проблему действенного информационного обеспечения позитивных событий, происходящих в регионе, затрагивающего чувства и эмоции граждан, проживающих на его территории.

Каким образом можно корректировать имеющийся конфликтный потенциал? Во-первых, его желательно распознать на ранней стадии возникновения. Во-вторых, следует разграничить конструктивные и деструктивные процессы формирования идентичности с последующей локализацией деструктивных. Для сохранения конструктивных процессов необходимо создать такую среду, в которой каждый житель региона мог бы открыто защищать и согласовывать свои ценности в рамках правового поля.

В заключение отметим, что проблема конфликтного потенциала региональной идентичности нуждается в дополнительном осмыслении, а представленная в работе версия «Колеса КП», – в усовершенствовании, что предполагается сделать целью нашего дальнейшего исследования. В частности, необходимо добавить сектор, иллюстрирующий регулятивный (поведенческий) компонент, отсутствие которого в нашей пробной модели нарушает само понимание конфликтного потенциала, представленного в данной работе. Необходим также инструмент, позволяющий исследовать регулятивный компонент. Представляется, что простой опрос не даст в этом случае объективных результатов.

¹ Энциклопедия города Омска: в 3 т. / Под ред. Г.А. Павлова, Л.В. Новоселовой, С.Г. Сизова. Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). – Омск: Изд. дом «ЛЕО», 2009. – С. 446.

Павильч А.А.

доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВОСПРИЯТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ МИРА В РОССИИ

Ключевые слова: культурное разнообразие, межкультурные различия, компаративные исследования культуры, исторический опыт изучения в России.

Keywords: cultural diversity, intercultural differences, comparative cultural studies, historical experience of studying in Russia.

Компаративные исследования культур обращены прежде всего к изучению онтологической сущности культурного разнообразия и анализу его проявлений, способов существования, особенностей функционирования и взаимодействия. Определения *культурное многообразие* и *культурное разнообразие*, как правило, употребляются параллельно и подразумевают культурный плюрализм в целом. В то же время эти понятия обладают собственными семантическими оттенками, поскольку *многообразие* указывает на существование культуры во многих ее видах и формах, а *разнообразие* делает акцент на своеобразии внешних проявлений, качественных содержательно-смысловых различиях и индивидуальных признаках культур¹.

Оформлению научных основ сравнительного изучения культур и утверждению компаративного подхода в гуманитарной науке предшествовало развитие нерелексивного компаративного знания, отражавшего теоретически невыраженные (имплицитные) представления о культурном разнообразии мира. Опыт нерелексивного восприятия культурного разнообразия в наследии книжной культуры России реконструируется на основе текстологического анализа памятников религиозной и светской письменности, исторических и философских сочинений, произведений литературно-художественного творчества. Основными объектами сравнения в традиционном обществе являлись этнографические реалии, социальная, политическая и религиозная организация древних племен и народов. Компаративные наблюдения на этом этапе развития отличались случайностью и непоследовательностью, отсутствием целевых установок и четких критериев соотношения культурных реалий².

В контексте религиозно-просветительского содержания восточнославянской письменности XI–XIII вв. прослеживается основное предметное поле компаративного осмысления различий религиозного и мировоззренческого характера в поликультурной реальности. Оно формировалось вокруг двух типичных сторон социокультурной действительности – праведного христианского образа жизни и языческого восприятия мира. Следовательно, народные традиции, забавы, приметы и суеверия, оккультные действия, увлечения спиритизмом и астрологией считались пагубными для духовного развития христианина, противоречащими истинной вере. Ошибочному языческому мировосприятию и праздной жизни людей противопоставлялись книжное знание и культовая деятельность³. В древнерусских письменных источниках обнаруживается недостаточность фактических сведений о славянской культуре языческих времен, поскольку «русские авторы XI–XIII вв. в отличие от западных миссионеров, пребывавших на славянских землях, не описывали язычество, а бичевали его, не перечисляли элементы языческого культа, а осуждали все бесовские действия»⁴. Во многих памятниках древнерусской письменности межкультурные различия осмысляются в контексте идеологической полемики христианства с иудаизмом, а также апологетики православия и критики католицизма («Слово о законе и благодати», «Киево-Печерский патерик», послания Феодосия Печерского, митрополита Никифора, Максима Грека и др.).

Описательная краеведческая и аналитическая информация оценочного характера, отражающая взгляд на собственную и чужую культуры, содержится в дневниках и мемуарах средневековых путешественников и паломников. Путешествия, мотивированные религиозными миссиями, паломничеством, дипломатическими, торговыми, военно-политическими целями, являлись практически безальтернативным способом постижения культуры чужеземных народов. Они предоставляли возможность для непосредственных этнографических наблюдений, сбора и критической оценки фактического материала. Разнообразная краеведческая информация, описания этнокультурных традиций и религиозных представлений содержатся в древнерусских *хождениях* в Святую землю, которые отличаются синкрети-

¹ Павильч А.А. Компаративные исследования культурного разнообразия: методологический опыт и коммуникативная проекция. – Минск: МГЛУ, 2017. – С. 41.

² Павильч, А.А. Становление и трансформация статуса культурологической компаративистики / А.А. Павильч. – Минск: МГЛУ, 2011. – С. 59.

³ Павильч А.А. Христианская письменность в культуре и педагогической действительности восточных славян в эпоху Средневековья. – Минск: Стринко, 2005. – С. 37.

⁴ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – С. 4.

ческим характером, интегрируя в себе элементы церковной и светской письменности («Хождение» игумена Даниила, «Хождение в Царьград» смоленского священника Игнатия). Восприятие чужеземной среды глазами православного христианина представлено в «Хождении за три моря», созданном в XV в. на основе путешествия тверского купца Афанасия Никитина в Индию. Наряду с подробной характеристикой культурных реалий Индии как конечного государства пребывания автора в произведении содержатся некоторые сведения о персидских и турецких землях, через которые ему пришлось попутно проходить. Предметом компаративных наблюдений стали особенности коммуникативного поведения, этикета, ритуально-обрядовой жизни, предрассудков, семейных отношений, запретов в ином социальном измерении. К компаративному осмыслению реалий экстернальной культуры на фоне своей родной склоняла сама ситуация отчуждения, в которой оказывался путешественник. В обществе иноверцев православный человек испытывал одиночество, вызванное глубоким душевным потрясением «среди окружающей его нехристианской религиозной стихии»¹.

С момента Великих географических открытий в осмыслении и оценке культурного разнообразия мира доминировали европоцентристские подходы, которые не искоренились и в эпоху Просвещения. Пропагандируя культ знаний, европейские мыслители прямо или косвенно позиционировали западный мир как достигший цивилизованного состояния в противовес племенам и народам, пребывающим на стадии первобытной дикости, варварства, суеверий и невежества. Такая концептуальная линия прослеживалась в содержании «Большой французской энциклопедии» («Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел», 1751–1780), в сочинениях В. де Мирабо, хотя и принципиально не принималась Ж.Ж. Руссо, критически осмыслялась Вольтером, И.Г. Гердером и др. В значительной степени миссия европейской культуры связывалась с культивированием своего наследия и опыта среди необузданных язычников, обитавших в отдаленных от цивилизации регионах и провинциях. Российский историограф немецкого происхождения Г.Ф. Миллер (XVIII в.), неоднократно совершавший научные экспедиции на имперские окраины, связывал степень цивилизованности и уровень развития умственной культуры всех языческих племен (и в особенности Сибири) с их предрасположением к межкультурному взаимодействию и продуктивному общению с другими народами². В материалах полевых наблюдений Г.Ф. Миллера народы Сибири представлены морально распущенными и неуправляемыми, а многие авторские описания языческих нравов и обычаев слишком гротескны и неправдоподобны.

«Письма русского путешественника» утвердили их автора, известного российского историка конца XVIII – начала XIX в. Н.М. Карамзина, одновременно и как писателя, и исследователя-компаративиста. Он хотел познакомить русских читателей с западной цивилизацией, стремился осмыслить место России в европейском пространстве и трезво оценить ее духовный потенциал. Автор дал характеристику культуры Германии, Пруссии, Швейцарии, Франции, Англии. Его научный вклад в становление сравнительного знания выражается в развернутом сопоставлении хозяйственно-бытового уклада, государственно-политической жизни, религиозной организации многих европейских народов, в определении специфических черт национальных темпераментов и патриотических настроений, в поиске аналогий и различий в языках. В «Истории государства Российского» на основе многочисленных источников Н.М. Карамзин проследил этногенез славянских народов, обнаружил антропологические совпадения и расхождения между ними, выявил факторы, обусловившие образ жизни, характер, стереотипы поведения, традиции, нравы и обычаи восточных славян. Он не разделял строгих принципов изоляционизма и консервативности, определявших долгое время бытие России, и считал, что невозможно ограничивать русскую социальную действительность архетипами традиционной культуры, поскольку «путь образования или просвещения один для народов»³. Он отметил роль заимствований в обогащении и формировании многогранного облика русской культуры на протяжении всей истории ее развития. Исследования Н.М. Карамзина имеют интегративный характер и отражают попытку целостного анализа культуры, поскольку сочетают в себе элементы исторических, лингвокультурологических, этнологических, философских изысканий.

Осмысление межкультурных различий в той или иной степени репрезентировано в контексте полемики западников и славянофилов о перспективах социокультурного развития России, ставшей знаковым моментом в философской и культурологической мысли XIX в. (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, А.С. Хомяков, П.Я. Чаадаев и др.). В результате сравнения многочисленных фактов историко-культурной динамики европейских народов Н.Я. Данилевский установил ряд содержательных несоответствий между культурными основаниями Западной Европы и России, которые определяют их морфологическую несовместимость, исключают возможность единения и конструктивного взаимодействия, обосновывают важность всеславянского союза: разные генетические истоки русской и европейской культуры; духовная чуждость католических традиций ментальному складу православных народов; значительное этнографическое расстояние, разделяющее Россию и Европу; евразийская идентичность русской культуры⁴.

Разнообразные факторы межкультурных различий рассматривались представителями русской религиозной философии (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский) в контексте соотношения моделей духовной организации, стандартов коммуникативных отношений и анализа процессов межкультурного взаимодействия народов. Выявление различий между религиозными основаниями культур позволило В.С. Соловьеву объяснить укоренившиеся сложности межкультурного диалога православного и католического миров, а также исторически сложившуюся и не до конца преодоленную неприязнь Польши и России – одну из исторических форм «великого» и в то же время «пагубного»

¹ Трубецкой Н. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика: антология; сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2001. – С. 512.

² Миллер, Г.Ф. Описание сибирских народов / Ред. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А.Х. Элерт. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – С. 150.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 4 кн. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – Кн. 1. – С. 6.

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа // Византизм и славянство. Великий спор: сб. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 325–477.

«спора Востока и Запада», развернувшегося внутри славянского мира. По его определению, поляки представляются братским для россиян народом лишь по крови, но враждебным по духу («дух сильнее крови»), а соответственно полякам-католикам ближе по духу западный европеец, даже протестант, чем православный русский¹.

Труды А.Н. Афанасьева («Поэтические воззрения славян на природу»), А.А. Потебни («Мысль и язык», «Теоретическая поэтика», «О некоторых символах в славянской народной поэзии»), Ф.И. Буслаева («Исторические очерки русской народной словесности и искусства») содержат богатейший опыт сравнительной интерпретации архаических верований, мифологических представлений, поверий, обрядов на основе глубокого изучения разных фольклорных текстов. Однако по своему содержанию и методологическим подходам перечисленные исследования в большей степени соответствуют сфере поэтического анализа народного словесного творчества.

Роль компаративной методологии в историко-культурных и этнографических исследованиях обоснована в работе «Очерки сравнительной этнографии и культуры» российского ученого конца XIX – начала XX в. М.И. Кулишера. Автор рассматривал сравнительный метод в качестве основного инструмента исследования истории мировой культуры в многообразии ее цивилизаций, эпох, этнокультурных целостностей. Значимость сравнения определяется его способностью преодоления односторонних представлений об истории развития локальных культур, возможностью дополнения и разъяснения отдельных фактов из жизни отдельного народа соответствующими явлениями социокультурной жизни других общностей. Сопоставление историко-культурных реалий рассматривается в качестве условия их объективного понимания и способа установления содержательных изменений в процессе развития и взаимодействия социокультурных явлений². Сравнительный анализ позволил автору установить антропологические, коммуникативные, этические различия между первобытными племенами и современными народами на разных этапах социальной эволюции, а также определить изменения в расовых генотипах и окружающей среде вследствие влияния культурных факторов.

Целостное исследование этнической среды, охватывающее опыт жизнеобеспечения, социальной организации, коммуникации, познания мира и самовыражения, символического творчества, эстетической деятельности и др., российский этнограф первой половины XX в. С.М. Широкогоров считал возможным только при условии комплексного привлечения методов и фактического материала языкознания, истории, археологии, палеонтологии, антропологии, социологии, психологии («Место этнографии среди наук и классификация этносов»). Компаративная методология при этом обеспечивает установление оригинальных особенностей этнокультурной общности на основе выявления межэтнических различий в материальных, духовных, социальных проявлениях разных этнографических культур. К проблемным направлениям сравнительных этнографических исследований С.М. Широкогоров также отнес изучение динамики отношений между разными этническими средами («Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений»). Подобные отношения могут развиваться в форме сотрудничества, взаимных выгод, паразитизма, поглощения, слияния, вытеснения, полного уничтожения культур, что соответственно зависит от способностей каждого этноса к самосохранению и противостоянию. При этом мощностю этноса автор определял не его численным превосходством, а прежде всего высокоразвитой материальной базой и устойчивостью духовных оснований культуры³.

Преобладающей формой прямого или косвенного соотношения культурных реалий в художественной литературе являются компаративные интенции, представляющие собой способ осмысления культурного разнообразия в контексте описания, сравнения и сопоставления феноменов культуры разных эпох, исторических типов общества, цивилизаций, этносов, наций, религий, социальных слоев и т.д. Компаративные интенции, обнаруживающиеся в текстах разных эпох и литературных жанров, обуславливались историко-культурными, социальными, идеологическими, религиозными контекстами, подчинялись идейно-поэтической концепции любого художественного произведения. Начиная с конца XIX в., компаративные интенции стали неотъемлемым компонентом идейного содержания многих произведений мировой художественной литературы. Например, в романе В. Крестовского «Петербургские тайны» многопланово изображена социальная неоднородность Российской империи. В его другом произведении «Кровавый пух» представлена полифония идеологий и показано столкновение двух культурных традиций. Произведение отражает антироссийские настроения и русофобию, католические провокации в российских провинциях в период нового смутного времени, совпавшего с восстанием 1863 г. Финальный пафос романа «Кровавый пух» преисполнен в духе славянофильской концепции Н.Я. Данилевского, составляющей основу его сочинения «Россия и Европа»: «Суждено ли длиться еще и еще этой борьбе за существование между двумя силами? Сознает ли, наконец, одна из них неизбежную дилемму, которая с беспощадной логикой говорит ей: либо исчезай с лица земли, бесследно растворяясь в культурном германском начале, либо сливайся с русским народом, чтобы возродиться как народ в могучем славянстве»⁴.

Душевные потрясения, возникающие в результате столкновения человека с иной культурной стихией, отражены во впечатлениях поэта И. Бродского о его пребывании в Стамбуле («Путешествие в Стамбул»). Путевые заметки И. Бродского отражают сугубо личное видение чужой ему культурной среды и одновременно представляют неудачную попытку создания обобщенного образа мусульманской культуры на основе личных впечатлений поэта о реалиях крупнейшего центра турецкой культуры. Выдавая частности стамбульской повседневности за закономерности му-

¹ Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика / В.С. Соловьев // Византизм и славянство. Великий спор: сб. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – С. 198–210.

² Кулишер М. И. Очерки сравнительной этнографии и культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – С. 1.

³ Широкогоров С.М. Этнографические исследования: этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений: в 2 кн. / Отв. ред. А.М. Кузнецов, А.М. Решетов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2002. – Кн. 2. – 148 с.

⁴ Крестовский, В.В. Кровавый пух: роман в 2 кн. – М.: Современный писатель, 1995. – Кн. 2. – 574 с.

сульманской жизни, И. Бродский оказался чрезмерно пристрастным в выражении своих антипатий к исламской культуре в целом. Он назвал Стамбул «бредом и ужасом Востока», «пыльной катастрофой Азии», а стамбульские же мечети, воплощающие торжествующий ислам, считал проявлением безвкусицы и сравнил их с гигантскими, застывшими на земле «каменными жабами». Благоприятность почвы для ислама в Византии он объяснил полиэтничным составом населения, не обладавшего «памятью о какой-либо внятной традиции индивидуализма»¹. Действительно, ареал распространения ислама значительно расширился в результате воинствующей политики Османской империи, претендовавшей на роль абсолютного лидера исламского мира. Но мусульманскую культуру неправомерно сводить к реалиям турецкой социокультурной действительности, что собственно и пытался сделать И. Бродский.

Приоритетным направлением развития гуманитарной науки советского периода являлась разработка концептуальных оснований и принципов исследования разных аспектов многонациональной социалистической культуры, что подтверждается Программой КПСС и Материалами XXVII съезда КПСС. Идеологическая ангажированность научных проектов государства, закреплявшаяся Программой КПСС, обусловила первостепенный интерес к многообразной по национальным формам, но единой по своему социалистическому содержанию культуре народов СССР. Соответственно государственная идеология предполагала в первую очередь развитие гуманитарной науки, ориентированной на исследование культурного многообразия в рамках поликультурной страны Советов. В то же время первоочередной задачей являлось обеспечение внешних соотношений реалий советской культуры с социокультурной действительностью западного общества, чтобы подчеркнуть все преимущества социалистического строя. Прикладная значимость компаративных исследований культуры определялась необходимостью моделирования отношений, которые в соответствии с идеологией советского общества должны были строиться на основе согласия, устранения противоречий и достижения высокой культуры взаимодействия прежде всего между нациями и народностями СССР.

Анализ современного историографического опыта сравнительного изучения культур обнаруживает преобладание сравнительных исследований отдельных проявлений культурного разнообразия (историко-культурного, этнонационального, религиозного, социального). При этом теоретические аспекты компаративистики остаются в меньшей степени освещенными, что, в свою очередь, обуславливает одномерное и слишком узкое понимание ее статуса в разных научных сферах. Несмотря на расширение методологических возможностей компаративистики современные исследования по степени эмпирического обеспечения сравнительного анализа социокультурных реалий значительно уступают компаративным поискам в классической гуманитарной науке. В современной историографии также заметна тенденция сведения сравнительной интерпретации реалий социокультурного пространства к их философскому осмыслению, в результате чего компаративные интенции проявляются в формате своего рода культурологической эссеистики, занимающей промежуточное положение между художественной, научной и массовой публицистикой. Хотя подобные варианты реализации компаративного подхода в осмыслении культурного разнообразия не исчерпывают собой все содержание и способы организации сравнительных исследований культурных феноменов, они свидетельствуют о современных жанровых возможностях и альтернативах репрезентации результатов познавательной деятельности в сфере компаративистики.

¹ Бродский И. Сочинения. – СПб.: Пушкинский фонд, 1999. – Т. 5. – 376 с.

Павлов Б.С.

д. филос. н., профессор, в. н. с. Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
pavlov_boris@mail.ru

Стожаров А.В.

к. соц. н., региональный вице-президент РОС, Москва
gorizont-m@mail.ru

Захарчук Е.А.

к. э. н., доцент, руководитель центра Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
zakhartchouk@mail.ru

Икингрин Е.Н.

к. соц. н., доцент, профессор РАЕ, первый федеральный вице-президент РОС, Москва
ikingrinen@mail.ru

«РОССИЙСКИЕ СЕВЕРЯНЕ – ЭТО РОССИЯНЕ НАОСОБИЦУ»: ТАК СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ СОЦПРОСЫ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКОГО СЕВЕРА – 1992–2010 гг.)¹

Ключевые слова: Уральский Север, «кладовые» газа и нефти, семья северян, менталитет, коренные народы Севера, Надым, экономическая социология, НВП «Горизонт», ЯМАЛ.

Keywords: Ural North, «pantries» of gas and oil, family of northerners, mentality, indigenous peoples of the North, Nadym, economic sociology, NVP «Horizont», YAMAL.

Север крошит металл, но щадит стекло.

Учит гортань проговаривать «впусти».

*Холод меня воспитал и вложил перо
в пальцы, чтоб их согреть в горсти.*

И.А. Бродский

Особенности жизнедеятельности северного социума детерминированы, прежде всего, наличием в недрах Севера богатейших сырьевых запасов природного характера, разработка которых привлекла в эту зону пришлое население со всех территорий бывшего Советского Союза. Специфика занятости в регионе определяла и определяет в настоящее время особенности социально-демографической структуры пришлого населения, а именно – доминирование когорты молодежного рабочего возраста, в первую очередь молодых мужчин, и деформированная структура населения во вне-рабочем возрасте (пенсионеры и инвалиды). В отличие от коренных народов Севера, тяготеющих к сохранению своих этнических традиций, население новых городов и поселков, являясь выходцами преимущественно из европейской части СССР и впервые обживая суровые северные территории, практически с чистого листа создает свою субкультуру, свою социальную среду обитания. Жизнедеятельность этих семей, составляющих 90% всего населения северных регионов, определяется своеобразным социальным фоном, не типичным для нормативной европейской популяции населения, что само по себе представляет научный интерес для исследования.

Участники научно-практической конференции «Север в экономике России» (1997, 7–8 окт.) так охарактеризовали основные особенности российского Севера²:

«Север – планетарная геосистема, имеющая мировое значение в решении фундаментальных проблем развития Земли.

Север – родина специфических этнокультурных образований (язык, культура, хозяйство северных народов – самоценны).

Север – территория с особыми производственными и социальными технологиями, энерго-экономическими и медико-физиологическими параметрами жизнедеятельности.

Север – основной источник природных ресурсов и валютных поступлений страны.

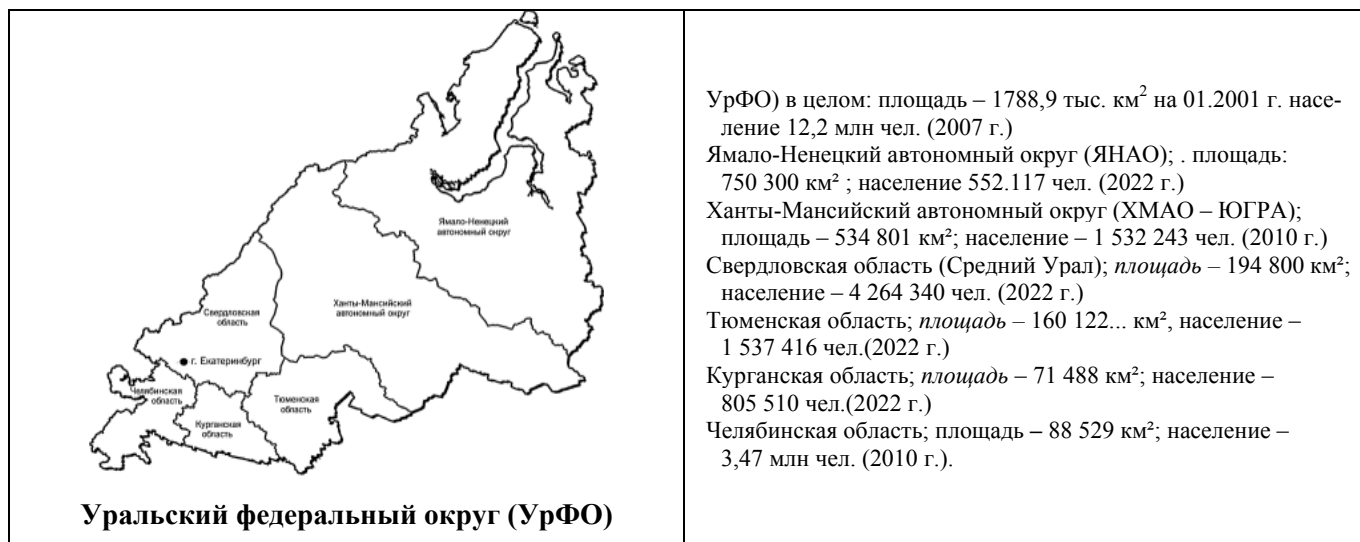
Север – сфера геополитических отношений; он как «обруч» скрепляет Российскую Федерацию и обуславливает ее особые международные отношения с другими северными странами. Россия в целом является преимущественно северной страной».

¹ Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием для Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

² Север в экономике России: Материалы научно-практической конференции, 7–8 октября 1997 г. / Госкомсевера РФ, КЕПС при Главе Республики Коми, ИЭСРС Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1998. – С. 176.

1. Российский Север – богатая кладовая остро востребованных ископаемых, флоры и фауны

На переломе XX–XXI столетий экономику Урала отличал устойчивый экономический рост. В то же время дальнейшее поступательное развитие этого важнейшего региона России было серьезно затруднено истощением собственной сырьевой базы. Поскольку «самочувствие» экономики Урала непосредственно сказывалось на состоянии экономики всей России, то переоценка ресурсной базы Полярного и Приполярного Урала, эффективное включение новых запасов сырья в промышленное производство через интенсивное развитие инфраструктуры (транспортной, энергетической) разрабатываемой территории, значительное привлечение частных инвестиций в стратегические проекты имеют огромное экономическое и политическое значение.

Уральский федеральный округ обеспечивал в те десятилетия 90% производства российского природного газа, 68% нефти, 42% продукции металлургического комплекса. Ежегодные объемы добычи газа в последние годы стабильно удерживаются на уровне 560-570 млрд кубометров, нефти и конденсата – 300–320 млн тонн. На территории УрФО находятся почти все запасы российского природного газа, ресурсы которого составляют 26% мировых запасов, а также почти треть всех разведанных запасов нефти России.

В УрФО также производилось около 40% общероссийского объема стали и проката черных металлов, 45% рафинированной меди и 40% алюминия, почти 10% всей отечественной машиностроительной продукции. Производство промышленной продукции, в расчете на число занятых в экономике, в 2,5 раза превышало среднероссийский уровень. За 10 месяцев 2006 года доля УрФО в общем объеме налогов и сборов, мобилизованных в федеральный бюджет России, составила 42%. Основным источником их формирования являлась именно промышленность. В ее структуре доля топливной отрасли составляла 53%, металлургии – 24%, машиностроения и металлообработки – 8,8%.

Экономику Уральского федерального округа отличает устойчивый экономический рост. В 2006 г. темпы роста промышленного производства в УрФО были выше среднероссийских. Индекс физического объема промышленного производства в Уральском федеральном округе по итогам 2006 г. составил 105,4% по отношению к 2005 году (по России – 103,9%). Среди благоприятных особенностей 2006 года отмечены опережающие темпы роста в обрабатывающих производствах. Так, рост производства машин и оборудования в 2006 г. достиг 121%, после стагнации в 2005 г.¹

16 мая 2005 года на совещании по вопросам социально-экономического развития Уральского федерального округа Главе государства был представлен проект «Урал промышленный – Урал Полярный», который значим сегодня прежде всего потому, что:

во-первых, разработка и реализация проекта может стать примером того, как в условиях современной экономики надо осваивать северные территории;

во-вторых, данный проект позволит отработать новые для России экономические институты и инструменты рыночного хозяйствования, в основе которых лежит становление и развитие партнерства власти и бизнеса на уровне страны, региона, муниципального образования;

в-третьих, грамотное, инициативное, наступательное имиджевое и информационное сопровождение программы создаст благоприятную среду для ее эффективной реализации, послужит инструментом формирования доверия к программе со стороны населения, бизнеса, власти, а также будет способствовать восстановлению доверия в экономике в целом;

в-четвертых, реализация проекта могла служить формированию позитивного имиджа и положительной репутации территорий и персоналий, задействованных в программе, дать дополнительный импульс продвижению региона в конкурентной экономике.

¹ Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). – М.: Экономика, 2009. – 436 с.

Повышение инвестиционной привлекательности Уральского федерального округа явилось фактором ускорения динамики иностранных инвестиций, направляемых в его экономику (см. рис. 1¹).

Рисунок 1.
Конкурентные преимущества территорий Урала

* * *

Не снижается стратегическая значимость северных территорий РФ в ближайшей и более далёкой перспективе развития России. В целом перманентное значение Арктической зоны в социально-экономическом развитии Российской Федерации и обеспечении ее национальной безопасности в настоящее время обусловлено следующим²:

а) Арктическая зона обеспечивает добычу более 80 процентов горючего природного газа и 17 процентов нефти (включая газовый конденсат) в Российской Федерации;

б) реализация в Арктической зоне крупнейших экономических (инвестиционных) проектов обеспечивает формирование спроса на высокотехнологичную и наукоемкую продукцию, а также стимулирует производство такой продукции в различных субъектах Российской Федерации;

в) континентальный шельф Российской Федерации в Арктике (далее – континентальный шельф), по оценкам экспертов, содержит более 85,1 трлн куб. метров горючего природного газа, 17,3 млрд тонн нефти (включая газовый конденсат) и является стратегическим резервом развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации;

г) значение Северного морского пути как транспортного коридора мирового значения, используемого для перевозки национальных и международных грузов, будет возрастать в результате климатических изменений;

д) вероятность наступления в результате антропогенного воздействия и (или) климатических изменений в Арктической зоне событий, имеющих неблагоприятные экологические последствия, создает глобальные риски для хозяйственной системы, окружающей среды и безопасности Российской Федерации и мира в целом;

е) в Арктической зоне проживает 19 малочисленных народов, располагаются объекты их историко-культурного наследия, имеющие историческую и культурную ценность общемирового значения;

ж) в Арктической зоне располагаются объекты стратегических сил сдерживания в целях недопущения агрессии против Российской Федерации и ее союзников.

«Все, что происходит на северах, представляет для нас особый интерес и особую ценность. Я даже не говорю сейчас об освоении Северного морского пути. В целом в этом будущее наше, в том числе и с точки зрения добычи природных ископаемых в перспективе. Когда-то Ломоносов говорил, что Россия будет прирастать Сибирью. В следующие десятилетия Россия будет прирастать Арктикой и северными территориями. Это совершенно очевидные вещи. Но природа Арктики в то же время крайне, в высшей степени уязвима», – сказал В.В. Путин во время встречи с волонтерами и финалистами конкурса «Доброволец России-2020»³.

¹ См.: Татаркин А.И., Важенин С.Г., Важенина И.С., Пузанов С.А., Муратов С.Н. «Урал промышленный – Урал Полярный»: экономические институты и инструменты достижения стратегических целей. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. – 63 с.

² Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 6450 Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972/page/1>

³ Путин: Россия в следующие десятилетия будет прирастать Арктикой и Севером. – <https://www.kommersant.ru/doc/4602866>

Значительную часть российских северных территорий составляет Уральский Север, основной предмет нашего внимания в этой статье.

В качестве небольшой экскурсии. Уральские горы делят нашу страну на Европейскую часть и Азиатскую, причем это деление не только условное. Горы являются своеобразным разделительным барьером, препятствующим проникновению воздушных течений с запада на восток. Во всей Европе климат сильно зависит от воздушных масс, формируемых в Атлантике, и теплого течения Гольфстрим.

На восток от Уральских гор климат совершенно другой, так как формируется арктическими воздушными течениями и тихоокеанскими циклонами.

Территория Урала формируется Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами и разделяющими их Уральскими горами. На востоке Урал граничит с Сибирью, с западной стороны с Поволжьем и Северо-Западом России. На севере берега Ямало-Ненецкого АО омываются водами Северного Ледовитого океана, а Курганская и Челябинская области на юге имеют федеральную границу с Казахстаном.

С севера на юг можно разделить Урал на Полярный, Приполярный, Северный, Средний и Южный, с запада на восток можно выделить следующие территории без явных границ: Приуралье, непосредственно Урал – Уральские горы и Зауралье. Полярный Урал разделяет территорию Коми на западе и территории ХМАО и ЯМАО на востоке.

Край богат на соленые и пресные озера и множество рек, питающих воды Оби, Печоры и Каспийского моря. Природа Урала – типичная для средней полосы России. Тайга на севере региона сменяется южнее лиственными лесами, которые в свою очередь переходят в лесостепи и степи. Высочайшие вершины Урала достигают 1500–1700 м¹.

2. Образ жизни северян – детерминанта геоэкологических трансформаций и геополитических реформ

«Если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, – писал В.И. Ленин, – то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»². Далее в этой статье мы попытаемся вернуться мысленно на Уральский Север в 90-е годы прошедшего века.

В преддверии чтения этой статьи важно учитывать следующее обстоятельство. На XIII Международную научно-практическую конференцию «Регионы России: стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных и региональных проектов и программ» (г. Курск, 3–4 июня 2022 г.) социологами Института экономики УрО РАН была заявлена и представлена серия статей, связанных с анализом проблем Крайнего Севера России. В каждой из семи, взаимосвязанных общей проблематикой, статей анализируется тот или иной актуальный автономный аспект жизнедеятельности семей северян. Эмпирической и фактологической базой анализа являются результаты более полусотни социологических проектов, реализованных в городах и поселениях ЯНАО и ХМАО в 1991–2010 гг.³ Помимо этой статьи в сборнике (который вы читаете) помещены шесть статей уральских социологов по северной проблематике:

Благополучное эколого-валеологическое самочувствие северян как залог воспроизводства дееспособного территориального социума (*ретроспектива в 90-е годы*);

Семья северян как основная база производства и воспроизводства человеческого потенциала региона (по материалам опросов 90-х годов XX в.);

«Трудные» подростки на Уральском Севере: особенности поведения и реабилитации (*из практики социологического анализа в 90-е годы*);

Школьный учитель на Севере: подспорье и препоны в профессиональной самореализации (на материалах соц-опроса 90-х годов);

Семья коренных народов: от традиционного чума до удобств городских квартир в нефтегазовых городах ХМАО и ЯНАО (на материалах Уральского Севера – 1992–2010 гг.)

Социальное партнерство на региональных рынках труда Крайнего Севера: традиции и новации (*по материалам исследований 1991–2021 гг.*)

* * *

К числу наиболее осязаемых и наглядных опосредованных проявлений отношения населения к идущим переменам в экономике и социальной сфере можно отнести те реальные жизненные проблемы, которые стоят сегодня и будут стоять в ближайшей перспективе перед семьями (в нашем случае – перед семьями северян). Один из наиболее плодотворных социологических способов их выявления – обращение непосредственно к жителям региона с просьбой оценить остроту тех или иных проблем, которые стоят перед их семьями, перед ними лично. При этом желательным является лонгитюдный (повторный через определенный промежуток времени) метод съема информации, дающий возможность зафиксировать тенденции в изменении иерархии и степени остроты социально-экономических проблем по истечении какого-то временного лага, что в свою очередь отражает качественные и количественные «подвижки» в воздействии рынка на население.

Социологический (социально-экономический) метод изучения проблем социально-экономических последствий рыночных реформ базируется, как правило, на получении двух основных видов информации: объективного и субъективного характера. Получаемая государственными органами объективная информация, как правило, отражает и ха-

¹ Урал. – <https://ru.wikivoyage.org/wiki/Урал>

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. – Т. 1. – С. 181.

³ Павлов Б.С. Социологические исследования в Институте экономики УрО РАН (полувековой экскурс по итогам 1968–2018 гг.) / Российское общество социологов; Институт экономики УрО РАН; Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – С. 720–807.

рактирует среднестатистические процессы на государственном и региональном уровнях. Получаемые органами статистики данные в регионах позволяют судить о социально-психологическом и экономическом самочувствии населения в разрезе отдельных производственно-профессиональных и территориально-поселенческих групп. Кстати, и здесь мы имеем дело в настоящее время с разной степенью воздействия (влияния, причастности) социально-экономической политики в регионе на разные группы населения в рамках одной и той же региональной, производственной, поселенческой и другой общности.

«Мороз и вялость несовместимы, – писал более сотни лет тому назад американский писатель Джек Лондон. – Север вызывает в человеке ту смелость и решительность, которые никак не проявляются в более теплом климате. Все, кто с Севера, с детства научаются понимать тщету слов и безмерную ценность действий». Российский Крайний Север – это ступок острейших взаимосвязанных проблем. Одни из них являются следствием суровых климатических условий, другие – политики государства, ведомственных интересов. При переходе к рынку (особенно в 90-е годы) северяне оказались во многих отношениях более ущемленными по сравнению с жителями других регионов России. Прежде всего, это ограниченные возможности найти работу, недостаточно комфортные жилищно-коммунальные и бытовые условия, недостаточная обеспеченность населения необходимыми продуктами питания, утраченная во многом возможность провести отпуск на «Большой земле» (на «материке») и организовать детский отдых в местах с благоприятным климатом и экологией.

Одной из главных особенностей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, отмечалось в Обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Председателю Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину 26 апреля 1996 г., является «высокая степень зависимости хозяйственного комплекса от поставок продукции (товаров) из других районов страны для жизнеобеспечения населения и нормального производственного процесса»¹. С начала 90-х годов в результате разрушения действовавшей много лет системы централизованного снабжения продукцией (товарами) северных регионов ситуация с ее поставками стала критической...

Из-за финансовых и организационных трудностей 90-х гг. объемы поставок продукции (товаров) постоянно сокращаются: 1992 год – 56 миллионов тонн, 1993 год – 53 миллиона тонн, 1994 год – менее 37 миллионов тонн, 1995 год – 31 миллион тонн. Неоднократно из-за нехватки топлива районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности сталкивались с замораживанием и экстренной эвакуацией поселков с населением в несколько тысяч жителей, голодными бунтами, беспрецедентными по своей стоимости чрезвычайными мерами, когда топливо приходилось доставлять дорогостоящим авиационным транспортом.

Но такой критической ситуации, как в 1996 г., не было. «На конец апреля – начало мая 1996 года так и не начато финансирование завоза продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, определенное Федеральным законом «О федеральном бюджете на 1996 год». Вновь не учитываются ограниченный срок навигации, необходимость доставки и накопления грузов в отдаленных портах, вновь северяне живут в страхе перед будущей зимой»².

Условия для развития территориальной общности формируются не только под воздействием производственно-экономических, но и социально-психологических, социально-биологических факторов, политико-юридической надстройки и др. Вполне понятно, что в совокупности факторов, влияющих на социально-экономическое поведение, устанавливаются взаимосвязанная соподчиненность и взаимозависимость различных социальных групп и образований. При этом отношении и роль каждого фактора может быть различной в разных регионах страны, отличающихся своеобразием социально-экономической обстановки, особенностями течения тех или иных социальных процессов.

Определенную корреляцию уровня претензий горожан к деятельности муниципальных властных структур в различных сферах жизнеобеспечения мы фиксируем в различных возрастных группах: молодые – 20–29 лет, средний возраст – 40–49 лет и пожилые – 69 лет и старше. Результаты исследований показывают, что население ощущает огромный разрыв между реальными возможностями развития социокультурной сферы очень богатого по полезным ископаемым региона и реальным уровнем ее развития. Существует все усиливающаяся разнонаправленность развития производственной и бытовой, досуговой культуры горожан. На производстве требуются современные знания, умения, а в быту господствует прежняя рутинная борьба за элементарный комфорт³.

В качестве основных условий решения проблем обеспечения успешного процесса воспроизводства северного социума в современных условиях глобальных социально-экономических трансформаций в РФ, очевидно, должны быть выдвинуты следующие:

1. Необходимость учета соотношения темпов, масштабов и территориальной дислокации точек расширения и активизации промышленного освоения Крайнего Севера России, его отдельных субъектов, территорий экономического роста, в сравнении с «устоявшимися» производствами и селитебными зонами страны.

2. Необходимость учета потребностей, интересов, социально-экономического положения и эколого-валеологического состояния основных социальных групп северян. В частности, это: а) работающее население на основных гра-

¹ Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Председателю Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину...» от 26 апреля 1996 г. – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102041022&page0#10

² Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания.

³ Павлов Б.С., Иванова В.Ф., Ишутина Т.А., Татаркин А.И. и др. Социально-экономическое самочувствие населения Урала (социологический мониторинг) / РАН, Урал. отд-ние, Ин-т. экономики. Екатеринбург, 2000. – 122 с. (Деп. в ИНИОН РАН 21. 03. 2000 г. № 55478).

дообразующих производствах; б) население, занятое в сфере вспомогательных производств и социальной сфере; в) дети и учащаяся молодежь; г) пенсионеры; д) представители коренных народностей Крайнего Севера. В качестве особой категории должны быть выделены потенциальные мигранты с «материка».

3. Необходимость учета соотношения и тенденций развития жизненного комплекса в регионах Крайнего Севера по сравнению с другими «материковыми» регионами РФ (в первую очередь с прилегающими и «тяготеющими» субъектами РФ и ближнего зарубежья к регионам Крайнего Севера РФ), способными стать социально-экономическими донорами промышленного развития регионов и производств Крайнего Севера.

Социально-экономическую адаптацию северян необходимо рассматривать как процесс активного приспособления социальной группы или индивида к изменяющейся среде с помощью различных экономических или социальных средств, в ходе которого постепенно согласуются требования и ожидания обеих сторон, обеспечивающих сам факт жизнестойкости индивида, группы, их способность к выживанию. В данной работе этот методологический посыл интерпретируется во взаимосвязи двух важнейших детерминант жизнеобеспечения человека – уровня его материально-экономического благополучия и состояния его здоровья¹.

Основным критерием завершенности процесса адаптации является характеристика внутреннего состояния адаптанта – его социальное самочувствие. Критерии социального самочувствия могут внести серьезные коррективы в представление о реальных границах адаптации субъекта, масштабах. Социальное самочувствие выступает как такое жизненное образование, которое концентрирует ведущие элементы (доминанту) сознания и поведения человека, актуализирует их и превращает в важнейшую, а иногда и главную основу, базу общественной и личной жизни. Эмпирические показатели социального самочувствия связаны с эмоциональным и чувственным восприятием информации, что, во-первых, выражается в общественном (групповом, индивидуальном) мнении, во-вторых, в степени удовлетворенности или неудовлетворенности тем событием, явлением, процессом, с которыми сталкиваются люди в реальной жизни. В период социально-экономических или валеологических изменений социальное самочувствие становится ведущим индикатором социально-экологической адаптации².

3. «Горизонт-М» – первопроходец развития социологической службы на Ямале (1992–2015 гг.)

В 2014 г. Российское общество социологов отметило двадцатипятилетний юбилей. Эта четверть века, собственно, и есть история активизации развития российской практической (прикладной) социологии. Самым интересным, видимо, следует считать период конца восьмидесятых – начала 90-х годов, когда в России начинала формироваться система структур (организаций, предприятий, лабораторий, институтов), профессионально занимающихся практической социологией. К середине 90-х годов в большинстве субъектов РФ подобные структуры сформировались. О периферийных территориях говорить сложно – и по сегодняшний день серьезная социология обычно кончается на уровне областного центра. Следующий фрагмент статьи посвящён краткой истории становления и развития **Ямало-Ненецкого регионального отделения РОС**, организационная база которого располагалась в г. Надыме³

	<p><i>Просто факт, статистика, событие, люди</i></p>
<p>Город Надым. В 1929 г. был создан оленеводческий совхоз «Надымский», на правом берегу реки Надым появился посёлок. Однако в 1934 г. совхоз был расформирован и превращен в факторию. Осенью 1966 г. барачный поселок был выбран в качестве опорной базы для разработки газового месторождения Медвежье.</p> <p>Окруженный многочисленными озерами, поселок располагался на сухом возвышенном месте, что позволяло построить взлётно-посадочную полосу для авиатранспорта. Относительно небольшое 12-километровое расстояние до реки Надым, давшей имя поселку, также послужило одним из аргументов в его пользу. В 1950–1960 гг. посёлок назывался Новым Надымом. Параллельно с ускоренными темпами освоения Медвежьего газовики осваивали рабочий поселок Новый Надым, которому суждено было стать общественным и культурным центром Тюменского Севера, городом Надым. В августе 1971 года в нем состоялась торжественная церемония закладки первого капитального здания, а 9 марта 1972 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Надым получил статус города окружного подчинения.</p> <p>В 2004 г. старый Надым был присоединен к городу Надым, а в 2008 году переименован в микрорайон Правобережный⁴.</p>	

Начало социологии на Ямале совпало с кардинальными трансформациями в социально-экономической жизни в России в целом и в этом северном регионе в частности. Учет, своевременная корректировка и использование всей совокупности факторов, формирующих человеческий потенциал страны, в том числе на Крайнем Севере, на современном, т.н. постсоциалистическом этапе развития российского общества, приобретают всё более актуальное значение для успешной реализации рыночных преобразований как в производственной, так и социально-политической сфере

¹ Павлов Б.С., Абдрахманов М.Ш., Артюхов А.В., Зиньковский А.В., Рябцева Т.Е., Стожаров А.В. Семья в Надыме: непростое десятилетие реформ (на примере муниципального образования г. Надым и Надымский район). – Екатеринбург; Надым: Институт экономики УрО РАН, 2004. – 260 с.

² Абдрахманов М.Ш., Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Молодежная политика на Крайнем Севере (на примере муниципального образования г. Надым и Надымский район). – Екатеринбург; Надым, Ин-т экон. УрО РАН, 2003. – 180 с.

³ Павлов Б.С. Становление социологических исследований на Ямале // СОЦИС. – М., 2011. – № 8. – С. 57–61.

⁴ Татаркин А.И., Павлов Б.С. Социально-экономические оценки и жизненные планы населения в условиях промышленного освоения северных территорий России. – М.: Экономика, 2007. – 272 с.

жизнедеятельности региональных сообществ. Сегодня практически ни у кого не вызывает сомнения, что учет и корректировка невозможны без применения социологии.

Ямал в этом смысле представляет собой уникальный феномен. В 1989 году группа выпускников философского факультета Уральского государственного университета (Анатолий Стожаров, Вениамин Кострикин, Геннадий Морозов) осуществила первый на Ямале масштабный социологический проект. Заказчик – крупнейшее на территории объединение «Арктиктрансгазстрой» (трудовой коллектив в пять тысяч человек). Проблема – работа в новых условиях хозяйствования. Был проведен опрос работающих (восемь автоколонн от Пангоды и Лабытнанги до Тюмени, 700 респондентов), экономический анализ деятельности, разработка рекомендаций. Это была проба сил.

В 1990 г. было образовано Надымское представительство Свердловского бюро социально-экономических исследований (руководитель Анатолий Стожаров). Следующей работой была «Разработка пакета нормативных документов, регулирующих экологические отношения администрации территории и хозяйствующих субъектов». Заказчик – исполнительный комитет Надымского районного Совета народных депутатов. Для уникальной полярной территории, в условиях полной неразберихи экологического законодательства, это было более чем насущно.

В 1991 г. было образовано самостоятельное научно-внедренческое предприятие «Горизонт». Началась активнейшая работа по проведению конкретных социологических исследований по актуальным проблемам территории. В 1997 г. НВП «Горизонт» было преобразовано в ООО «Научно-исследовательский центр «Горизонт-М». Работа продолжилась не только в Надыме, но и по всей территории округа.

С 2005 г. начал действовать Центр независимых исследований «Горизонт», который продолжал деятельность своих предшественников. Научно-исследовательский центр «Горизонт – М» в 2008 г. прекратил свою деятельность по решению учредителя и основной исследовательской структурой стал ЦНИ «Горизонт», базирующийся в Санкт-Петербурге.

Таким образом, г. Надым послужил базой, основой для становления системы практических социологических исследований на Ямале. За это время проведено несколько сотен конкретных исследовательских проектов, подготовлено более сотни научных публикаций (статей, препринтов, брошюр, сборников, монографий).

Неоценимую помощь в первые, самые сложные годы становления практической социологии на Ямале оказал Лев Наумович Коган (1923-1997), доктор философских наук, профессор Уральского государственного университета, один из организаторов Уральского отделения Советской социологической ассоциации. Практические советы, экспертные заключения по конкретным проектам, научная редакция первых публикаций – в течение семи лет основатель уральской социологической школы всегда был рядом со своими северными учениками¹. Подчеркнем, что речь идет о системе профессиональной прикладной социологии. Параллельно в округе формировалась система, если так можно выразиться, «муниципальной» ведомственной социологии. В 1994 г. в Ноябрьске, в 1995 г. в Новом Уренгое, в 1996 г. в Муравленко практической социологией начали заниматься информационно-аналитические управления муниципалитетов².

Объединяющим центром в Салехарде стало окружное управление (затем департамент) информации и социально-политических исследований. Окружная система постановки социологических исследований имела главную особенность – она строилась по административному принципу. Это имело поначалу несомненные преимущества: налаженная связь, возможное решение кадровых проблем, финансирование, единый план действий. Катастрофически не хватало специалистов.

Окружная система получения социологической информации, построенная по административному признаку (и никак иначе), дает в принципе смещенную информацию. Согласно постулату Геделя, наблюдатель не может со всей полнотой описать систему, находясь внутри нее, являясь ее частью. И дело здесь не в недостатке профессионализма или недобросовестности сотрудников, участвующих в процессе. Так устроена сама система, и полную и независимую картину может дать только внешний наблюдатель.

Главная задача профильного административного управления (департамента) – аналитика, а информацию, в том числе и социологическую, оно должно получать от соответствующих служб, подразделений, профессиональных групп.

Подобная практика широко применяется во многих субъектах Федерации. Примером такого успешного сотрудничества могли бы стать все субъекты Российской Федерации, в которых в областных (окружных, республиканских) центрах каким-либо образом представлены социологические организации. Подразделение в составе администрации субъекта, которое отвечает за сбор и анализ информации, выступает в этом случае в роли заказчика социологических работ.

Именно в роли поставщика социологической информации и выступал НИЦ «Горизонт-М» (с 2005 года ЦНИ «Горизонт») в системе договорных взаимоотношений не только с профильным департаментом информации, но и с ГК «Ямал-Информ», ОГТРК «Ямал-Регион», ГТРК «Ямал», департаментами образования, труда и социальной защиты, молодежи, Счетной палаты, Государственной Думы ЯНАО, практически со всеми муниципалитетами округа.

¹ См., например: Проблемы социализации детей и подростков (на материалах исследований в поселениях Крайнего Севера) 1992–1994 гг. / Л.Н. Коган, Б.С. Павлов, Л.С. Тарабрина, А.И. Татаркин (рук-ли), В.С. Акулов, С.А. Анисимов, Павлова В.И., Павлова Е.И. и др.; под общей ред. Л.Н. Когана, Б.С. Павлова, Т.А. Ишутиной. – Екатеринбург; Надым: Институт экономики УрО РАН; Надымское управл. народн. образов., 1994. – 269 с.

² См., например: Артохов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). – Екатеринбург; Салехард: Институт экономики УрО РАН, 1999. – 208 с.

Обращаясь к результатам деятельности социологического центра «Горизонт» и ЯмалРОС, можно отметить, что впервые в округе была создана система взаимодействия муниципальной власти с профессиональной социологической организацией – Центр «Горизонт» более 20 лет практически работал как городская социологическая служба малого города Надыма. Аналогов подобному феномену в России просто нет. Многолетнюю историю насчитывает практическое сотрудничество социологического центра «Горизонт» с другими муниципальными образованиями ЯНАО – это Ноябрьск, Новый Уренгой, Салехард, Муравленко, Тазовский, Яр-Сале, Красноселькуп. Вот некоторая хронология событий:

– в 1990–1993 гг. в Надыме была создана система полевого сбора и анализа социологической информации, работала Школа интервьюера;

– в 1990 г. началось сотрудничество надымских социологов с Институтом экономики Уральского отделения РАН (Отдел экономической социологии). Этот же год положил начало серии научных публикаций по результатам проводимых работ (препринт «Деликтология и регион», по итогам исследования социально-психологических факторов формирования криминогенной обстановки на территории Лабытнангского ГОВД), серия продолжалась вплоть до середины 2010-х годов;

– с 1991 по 2011 гг. был реализован цикл социологических исследований по проблемам образования, основным итогом стало издание в 2005 году монографии «Молодежь Крайнего Севера на переломе российских реформ» .

– с 1991 по 1997 г. совместно с ГЭПИцентром (город Омск) реализован цикл этносоциологических исследований (включая этнографические экспедиции в национальные поселки Ныда, Нори, Кутопьюган, тундровые стойбища) по проблемам национальной школы и коренного населения¹;

– с 1993 г. началось сотрудничество НВП «Горизонт» с ведущими федеральными и региональными исследовательскими центрами. Полевые работы по ЯНАО, ХМАО, Тюмени проводились для ВЦИОМа, ФОМа, ЦИРКОНа, ГФК Русь, АСИ, РОМИР, Института социологии РАН, Российского общества социологов. Сотрудничество продолжается до сих пор;

– с 1992 по 2014 гг. осуществлялся мониторинг средств массовой информации территории;

– с конца 90-х годов началась разработка методик и практическое применение телефонных опросов населения, в Надыме работал Центр социологических телефонных опросов (в 2008–2009 гг. – до 20 тысяч телефонных интервью в год);

– с 1999 г. (совместно с сектором девиантного поведения Института социологии РАН, руководитель – ведущий научный сотрудник, кандидат философских наук Маргарита Позднякова) были начаты работы по изучению проблем наркомании, в Надыме они имели мониторинговый характер, на территории ЯНАО они велись до 2013 г.²;

– в 1999 г. в Салехарде (в рамках общероссийского исследования) был проведен социологический эксперимент по оценке предвыборной политической рекламы;

– в 2000 г. в Надыме на базе социологического центра «Горизонт» образовано Ямало-Ненецкое региональное отделение Российского общества социологов. Нужно отметить что организационное собрание проходило в рамках очередного семинара департамента информации ЯНАО в Салехарде. Таким образом, в состав вновь образуемого отделения вошли специалисты информационно-аналитических комитетов практически из всех муниципалитетов округа, и в дальнейшем много лет частью подобных семинаров всегда было очередное собрание членов ЯмалРОС;

– в 2003–2004 гг. в Надыме ежеквартально проводился «молодежный» мониторинг (проблемы старшеклассников, студенчества, работающей молодежи);

– в 2004 г. было проведено общероссийское исследование «Население и социологи», по результатам которого Надым был назван «самым социологическим городом России» – в опросах участвовал 41% жителей, каждый десятый знал Центр «Горизонт»³;

– в 2005 г. в Надыме (впервые не только в ЯНАО, но и в регионах России) была сформирована панель респондентов (330 человек) для осуществления онлайн-опросов;

– в 2005 г. в Надыме прошла межрегиональная (Москва, Казань, Вологда, Калининград, Воронеж, Салехард, Ноябрьск, Муравленко) научно-практическая конференция «Экстремальная социология»;

– в 2006–2010 гг. в Надыме и Надымском районе проводился мониторинг (ежемесячно тысяча респондентов) социальной сферы муниципального образования;

– в 2010 г. с департаментом образования создана «Электронная библиотека», включающая около 50 научных публикаций соответствующей тематики. Сегодня эта библиотека дополнена, существует практически в полном объеме и включает около сотни публикаций.

Руководство и члены ЯмалРОС постоянно принимали участие в очередных заседаниях Президиума РОС, в Русских социологических чтениях, Всероссийских социологических конгрессах. По сегодняшний день самое активное участие в работе отделения принимают д.филос.н., профессор Павлов Б.С. (Екатеринбург), к.филос.н. Давыдов С.Г.

¹ Павлов Б.С., Сычугова К.М., Стожаров А.В. (рук-ли), Агичева К.К., Белокопытова А., Чиркова М.И. Проблемы трудозанятости коренного населения (по материалам социологического исследования в Надымском районе). – Надым; Екатеринбург: Надымский центр занятости населения; Ин-т экон. УрО РАН; Научно-внедренч. предприятие «Горизонт», 1995. – 54 с.

² Абдрахманов М.Ш., Артюхов А.В., Ерченко В.А., Зверьянская Л.Г., Павлов Б.С., Рузанов В.И., Стожаров А.В., Тершин В.П. Наркомания и регион. – Надым: Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район; Научно-исследовательский центр «Горизонт-М». – Екатеринбург: Чароит, 2003. – 200 с.

³ См.: Павлов Б.С., Стожаров А. В. Тарабрина Л.С. Молодежь Крайнего Севера на переломе российских реформ (опыт социологического мониторинга в северном регионе. 1992–2005 гг.). – Екатеринбург; Надым: Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район; Ин-т экономики УрО РАН; Научн.-исслед. центр «Горизонт-М», 2005. – 556 с.

(Москва), Стожарова Д.А., Хайдарова С.Ф. (Санкт-Петербург), Перчик Г.П., Князев А.В., Масальская Н.П. (Надым), Манохина С.Н. (Ноябрьск).

На базе результатов многолетних исследований ЯмалРОС и осуществленных научных публикаций были подготовлены и успешно защищены диссертации: член ЯмалРОС Валентин Стожаров и Марат Абдрахманов – кандидаты социологических наук, член ЯмалРОС Андрей Артюхов – доктор социологических наук (руководитель и консультант – д.филол.н., профессор Павлов Б.С.).

По итогам деятельности более десяти членов ЯмалРОС награждены Серебряной медалью имени Питирима Сорокина, Знаками «Почетный член ССА\РОС, медалью «Заслуженный деятель РОС», медалями «25 лет РОС». В октябре 2016 г. Председатель ЯмалРОС Анатолий Стожаров за многолетнюю активную работу на территории ЯНАО и в связи с семидесятилетием награжден медалью «За сохранение Арктики».

Подобный объем работ для небольшой научно-практической организации представляется, очевидно, невозможным, если не учитывать того факта, что во всех реализованных проектах принимали участие многие десятки специалистов муниципальных и окружных органов власти, сотни интервьюеров, десятки высококвалифицированных научных работников Института социологии РАН, Института экономики УрО РАН, Уральского и Тюменского университетов, Российского общества социологов, Ассоциации региональных исследовательских центров (группа 7/89)¹.

* * *

Особый период академической науки в «бурные девяностые» – время псевдонаучных спекуляций, квазиэкономических экспериментов и рыночного инфантилизма диссидентствующих интеллектуалов. Однако Институт экономики УрО РАН сохранял свое лицо и продолжал работу².

Основные направления научной деятельности института в 1990-е годы включали в себя:

- разработку теоретических и методологических основ управления территориями (на уровне субъектов РФ и местного самоуправления);
- прогнозирование и стратегическое планирование социально-экономического развития областей и республик Урала;
- анализ структурных, институциональных и инновационных преобразований в отраслях регионального народнохозяйственного комплекса;
- обоснование механизма обеспечения экономической безопасности и социальной стабильности в различных территориальных системах;
- исследование экономических проблем природопользования и природоохранной деятельности;
- мониторинг социального самочувствия населения Урала в условиях современной экономической реформы.

Одним из важных направлений в научно-производственной деятельности Института было сохранение и эффективное использование научно-производственного потенциала социологических подразделений. Если заглянуть в общий «послужной список» деятельности социологических подразделений с начала 70-х годов прошлого столетия, то на их счету мы обнаружим несколько сотен реализованных проектов. С началом кардинальных социально-экономических реформ в стране (в частности, на Урале), естественно, существенно менялись задачи, условия, характер и содержание деятельности социологических подразделений Института. Такую трансформацию можно проследить, анализируя проблематику, географию и целеполагания проводимых с начала 90-х годов социологических опросов. Одно из сравнительно самостоятельных направлений исследований, проведенных в Институте с начала 90-х годов, – *«Оптимизация социально-экономических процессов воспроизводства трудового потенциала населения в городах и поселениях Уральского Севера»*. Ниже представлен далеко не полный список опросов, проведенных с участием социологов ИЭ УрО РАН, в городах и прочих поселениях ЯНАО и ХМАО за десятилетие (1993–2003 гг.):

«Школа-Надым-1993» – по представительной выборке были опрошены 485 старшеклассников, 376 родителей опрошенных подростков и 116 экспертов; основной лейтмотив исследовательской программы – проблемы социализации подростков в условиях перехода к рыночной экономике.

«Надым-1993» – в г. Надыме, Надымском районе по представительной выборке опрошены (по специально адаптированным к младшему школьному возрасту анкетам) 250 учащихся 2–4-х классов и 240 отцов и матерей этих детей. Анализировались проблемы учебно-познавательного и воспитательного сотрудничества ребенка и его родителей с педагогическим коллективом школы в первые годы школьного обучения детей.

«Школа-Надым-1994» – по представительной выборке с помощью специальных анкет в г. Надыме и поселках Пангоды, Ныда, Правая Хита в 1993–1994 гг. были опрошены: а) школьники 5–7-х классов – 300 чел.; родители этих школьников – 360 чел. и, в качестве экспертов, представители властных и педагогических структур – 110 чел.

«Подросток-1994» – по проблемам социализации школьной молодежи в г. Надым и Надымском районе были опрошены 300 учащихся 5-7-х классов, 360 родителей и 110 экспертов.

«Семья северян-1994» – по проблемам городской семьи и семейной политики в г. Надыме и Надымском районе были опрошены 520 семейных горожан.

¹. С публикациями ЯмалРОС и другой информацией Вы можете более подробно ознакомиться на сайте <http://e.fondgorizont.ru/>

². В феврале 1991 г. его возглавил доктор экономических наук, профессор Александр Иванович Татаркин, с 1997 г. – член-корреспондент РАН, с 2006 г. – академик РАН.

«**Аборигены-1995**» – по проблемы трудоузанятости коренного населения Севера и его адаптации к городскому образу жизни в г. Надыме и Надымском районе были опрошены 173 представителя коренных национальностей Севера и 105 экспертов.

«**Семья северян-1995**» – в мониторинговом режиме по проблемам городской семьи и семейной политики в г. Надыме и Надымском районе были опрошены 575 семейных горожан.

«**Девиант-1996**» – в г. Надыме, Надымском районе опрошены 91 подросток-правонарушитель, 465 подростков-школьников, 105 экспертов; основной лейтмотив исследовательской программы – выявление основных причин, условий расширения феномена девиантного (противоправного) поведения подростков, поиск путей, средств повышения эффективности процесса социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей в условиях городов и поселков Крайнего Севера.

«**Житель Надыма-1998**» – опрошены 670 взрослых жителей в г. Надыме и Надымском районе, в том числе: в Надыме – 370 чел., в Пангодах – 200 чел., в пос. Ягельный – 100 чел. Целью исследования являлся анализ уровня социальной напряженности в северных поселениях, а также исследование отношения северян к проблемам местного управления и самоуправления.

«**Подросток-1998**» – в г. Надыме и Надымском районе по представительной выборке опрошены 770 старшеклассников, 690 родителей опрошенных подростков, 240 учителей, педагогов школ; основной лейтмотив исследовательской программы – проблемы сотрудничества школ и семей учащихся в процессе социализации и жизненного самоопределения учащихся старших классов в условиях перехода к рыночной экономике.

«**Наркомания-1999**» – в рамках мониторинга по программе «Наркомания и молодежь» опрос 553 подросток-учащихся общеобразовательных школ в возрасте 15–17 лет в г. Новый Уренгой.

«**МолСемья северян-1999**» – в Новом Уренгое были опрошены 434 горожанина из числа молодых супругов (в рамках проекта «Молодая семья в г. Новый Уренгой»).

«**Семья РФ-1999**» – в апреле-июне 1999 г. по одной стандартизированной анкете был проведен опрос 1360 отцов и матерей, в семьях которых воспитывается подросток в возрасте 15–17 лет (см. табл.). Опрос проводился в следующих регионах и городах России:

Регионы, города	Опрошено, чел.	% к общему массиву
Крайний Север, всего	413	30
В том числе: г. Надым	155	11
г. Нижневартовск	258	19
Средний Урал, всего	408	30
В том числе: г. Екатеринбург	267	20
г. Полевской	141	10
Южный Урал, всего	269	19
В том числе: г. Челябинск	115	8
г. Аша	154	11
Среднее Поволжье (г. Самара)	117	9
Забайкалье (г. Чита)	146	11

«**Молодежь-2000**» – в г. Надыме были опрошены 645 учащихся школ и ПТУ, 175 студентов филиалов вузов, расположенных в г. Надыме, и 370 молодых надымчан – представителей работающей молодежи. Предмет опроса – жизненные планы молодых северян.

«**Наркомания-2000**» – по проблемам наркотизации молодежи на Крайнем Севере в г. Надыме были опрошены 1190 молодых горожан, в том числе: а) 645 учащихся школ и ПТУ; б) 175 студентов филиалов вузов и 370 молодых работников ряда предприятий и организаций северного города.

«**Миграция-2000**» – по проблемам миграционных планов молодежи в г. Надыме были опрошены 645 учащихся школ и ПТУ, 175 студентов филиалов вузов, 370 молодых надымчан – представителей работающей молодежи.

«**Салехард-2000**» – опрос 603 молодых работниц-северянок на предприятиях и в учреждениях городов Салехард, Новый Уренгой, Тазовский с целью изучения социально-психологического самочувствия молодых женщин-работниц.

«**ХМАО-Культура-2001**» – по проблемам развития социальной инфраструктуры северных городов в Нижневартовске было опрошено 800 жителей и 50 экспертов – работников учреждений культуры.

«**Миграция-2002**» – по проблемам жизненного самоопределения молодых северян в Надыме и Надымском районе опрошены 1023 молодых надымчанина в возрасте 18–29 лет, в том числе учеников 6–8-х классов – 380 респондентов и 310 молодых горожан в возрасте 16–29 лет.

«**Гражданский брак-2002**» – по проблемам демографического поведения молодых северян в г. Надыме опрошены 320 молодых горожан, состоящих в официальном браке (80%) или живущих вместе без регистрации (20%).

«**ХМАО-Культура-2002**» – в городах ХМАО Нижневартовск, Сургут, Радужный, Мегион, Ханты-Мансийск, поселках Излучинск, Новоаганск, Аган, Варьеган и деревне Вата по проблемам социально-экономического самочувствия северян опрошены 1100 городских жителей и 115 экспертов по проблемам формирования социально-культурной инфраструктуры «нефтяных» городов Западной Сибири.

«**Труд-ХМАО-2003**» – в городах Лангепас, Когалым, Мегион, Ханты-Мансийск, Югорск, Радужный, Покачи по проблемам социального партнерства на региональных рынках труда и самочувствия семей северян опрошены: а) 580 посетителей

служб занятости; б) 60 работников (специалистов) городских служб занятости и в) 110 работодателей, руководителей предприятий.

«*Подросток-2003*» – в г. Надыме и Надымском районе был реализован опрос по многоступенчатой квотной выборке 483 старшеклассников – выпускников трех школ г. Надыма (№ 1, 4, 6) и ПУ-4; основной лейтмотив – выявление профессиональных и жизненных планов северян-тинейджеров.

«*Семья северян-2003*» – в г. Надыме и Надымском районе был проведен опрос 590 семей, в том числе в Надыме – 357 чел., в районе – 233 чел. (в их числе: в Пангодах – 150 чел., в Старом Надыме – 40 чел., в п. Ягельный – 43 чел.). Выборка районированная, маршрут с пошаговым отбором, с учетом половозрастной квоты респондентов. Цель опроса – выявление социально-экономического самочувствия семей северян.

«*Предбрачие-2003*» – в г. Надыме и Надымском районе по проблемам предбрачного поведения молодежи были опрошены 590 молодых супругов.

«*Семья-Развод на Севере-2004*» – в г. Надыме были опрошены супруги из 270 молодых семей в рамках социологического проекта «Изучение проблемы разводов в северном городе».

«*Соц-Инфраструктура-2004*» – по проблемам социального обустройства северного города опрошено 1000 жителей г. Нижневартовска.

* * *

Научно-практическое сотрудничество социологов и экономистов уральского академического Института с руководителями и организаторами уникальных производств по добыче нефти и газа и сопутствующим инфраструктурам северных поселений не могло ограничиваться лишь решением сугубо меркантильных производственно-бытовых задач. Интеллектуальный потенциал кадров руководителей производств и особенно разветвлённой сети социокультурных институтов (в сферах репродуктивного поведения и потребительской бытовой деятельности населения, общего и профессионального образования, духовной и физической культуры, межнациональных отношений и т.д.) требовал более эффективного применения. Речь идёт, прежде всего, о стремлении северян-руководителей к научному осмыслению своей богатой практики.

«Развитие и образование ни одному человеку не могут быть даны или сообщены, – писал замечательный немецкий педагог А. Дистервег (1790–1866). – Всякий, кто желает к ним приобщиться, должен достигнуть этого собственной деятельностью, собственными силами, собственным напряжением. Извне он может получить только возбуждение»¹. Итоги сотрудничества социологов академического Института в настоящее время представлены (и войдут, несомненно, в историю развития северных территорий России) целым рядом выполненных и защищенных диссертационных работ научно-практической направленности. Вот некоторые из них:

Стожаров А.В. Социализация школьной молодёжи в условиях Крайнего Севера (На примере городов Тюменского Севера): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 1998. (*В виде доклада*).

Тарабрина Л.С. Педагогические условия реализации принципа природосообразности воспитания в образовательной практике северного города: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1998.

Икингрин Е.Н. Особенности социальной защиты населения северных городов в условиях трансформации общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Уфа, 2000.

Гудыма А.П. Социально-философские основы стратегии устойчивого развития малочисленных народов Севера: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2001.

Артюхов А.В. Функционирование и развитие северной семьи в системе регионального управления (опыт социологического управления): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Тюмень, 2002.

Лоншакова Н.А. Регионализация высшего образования: теоретико-методологический и социологический анализ (на материалах Восточной Сибири). – Улан-Удэ, 2003.

Александрова Ж.П. Социальное партнерство на региональном рынке труда в условиях российского Севера): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2004.

Колунина Э.Г. Культура демографического поведения семьи как социологическая проблема): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2004.

Скульмовская Л.Г. Противоречия разнонаправленного развития культуры региона в современных условиях: социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Гимади И.Э. Экономико-математическое моделирование развития и размещения региональных производственных систем: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Екатеринбург, 2005.

Пасынков А.Ф. Долгосрочное прогнозирование социально-экономического развития монопрофильных городов сырьевого типа: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2006.

Абдрахманов М.Ш. Формирование трудового потенциала молодежи северного региона (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2008.

Зверева Г.Л. Социализация городских трудных подростков в условиях неформального института улицы): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2008.

Гущин О.В. Региональная модель государственной молодежной политики: опыт социологического анализа: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2008.

* * *

¹ Дистервег А. Избр. педагог. сочинения. – М., 1956. – С. 118.

Более четырёх столетий тому назад английский философ, историк, публицист и государственный деятель Фрэнсис Бэкон (1561–1626 гг.) прозорливо предрекал, что «должно стремиться к знанию не ради споров, не для презрения других, не ради выгоды, славы, власти или других низменных целей, а ради того, чтобы быть полезным в жизни». Особо актуальна эта мысль сегодня по отношению к обществоведческим наукам, выбирающим предметом своего исследования непростую жизнедеятельность россиян в условиях сурового Крайнего Севера.

Попов М.Е.

д. филос. н., доцент, профессор кафедры социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет
maximus.popov@gmail.com

ПОЛИТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: Северный Кавказ, социокультурная интеграция, социальная справедливость, региональные конфликты, конфликт идентичностей, конфликтологический анализ.

Эскалация в современных сложносоставных сообществах культурных конфликтов, к числу которых относятся трудноразрешимые конфликты идентичностей, обуславливает необходимость реализации демократической интеграционной политики, исключая сегрегационные, ассимиляционные и изоляционистские стратегии, уменьшающей вероятность этнорелигиозного насилия и обеспечивающей высокий уровень гражданской солидарности. Драматические события последних лет и текущие этно- и геополитические столкновения продемонстрировали тот факт, что современные культурные конфликты выходят за рамки внутрисударственных и региональных, приобретая деструктивные черты международных прокси-войн. Миротворческий контроль становится атрибутом глобальной безопасности: регионы этнической и конфессиональной нестабильности ассоциируются с потенциальными субъектами международного терроризма, что усиливает стремление к поиску конструктивных инклюзивных моделей и стратегий интернационального разрешения локальных политических и культурных противоречий¹. «Образом культурно разделенного и, следовательно, не до конца интегрированного мира, – отмечает Ю. Хабермас, – затеняется тот факт, что интерпретативные конфликты на уровне политики культурной идентичности не могут быть отделены от политических и военных противоречий. Изначально неприязненное столкновение цивилизаций слишком часто представляет собой просто слабую ретушь на социальном дарвинизме, который движим интересами и преобладает в глобальной политике как следствие неравного глобального распределения богатства и власти... По мере того как возрастает системная взаимозависимость, а расширяющиеся функциональные системы порождают неконтролируемые внешние восприятия, на глобальном уровне возникла необходимость в интеграции, ответом на которую, в лучшем случае неполным и асимметричным, является в текущий момент возрастающая густая сеть международных организаций и режимов»².

Исследования антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции и анализ механизмов адаптации этнорегиональных сообществ к изменяющимся условиям российской модернизации являются актуальными в теоретическом и практическом аспектах. Это обусловлено фундаментальной значимостью проблемы интеграции в социальной науке, а также поиском новых ресурсов макросоциальной солидарности и способов преодоления региональных конфликтов в полиэтнических сообществах. Необходимость государственного стимулирования социокультурной интеграции обусловлена ценностными и структурными факторами: с этической точки зрения, создание интегрированного «гражданского общества для всех» является самоочевидной нормативной целью; структурные факторы интеграции связаны с необходимостью уменьшения поляризации социокультурных различий, ведущей к эскалации региональных конфликтов.

Региональные конфликты опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие установок к экстремизму и насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать агрессивный потенциал в точке культурной интолерантности и этноконфессиональной нетерпимости. Величина насилия в региональных конфликтах детерминирована интенсивностью этнической напряженности и социальной неудовлетворенности, а также масштабами институциональной поддержки и политической мобилизации, являющимися условиями открытого противостояния. Конфликтотенность мобилизованной этничности обусловлена негативной стереотипизацией «других» в процессе конструирования этнических «границ». Культурные различия не приводят к неизбежным ценностным конфликтам, формируя предпосылки к интеграции и межэтническому диалогу; однако, когда этноконфессиональные различия политизируются и интерпретируются как угрозы групповой безопасности, возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей³.

¹ Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // ПОЛИС. – М., 2017. – № 1. – С. 99–115.

² Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе // ПОЛИС. – М., 2010. – № 2. – С. 7–21.

³ Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // ПОЛИС. – М., 2017. – № 1. – С. 99–115

Специфика этнорегиональных конфликтов как угроз и вызовов интеграции северокавказского социума заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих идентичностей и ценностей. В структурном отношении региональные конфликты являются следствием эскалации социальных неравенств и фрагментаций, угрожающих интеграционным процессам в полиэтническом регионе. Структурный источник конфликтов на Северном Кавказе – острое противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией, проявляющееся в культурном изоляционизме и этнополитической регионализации. Очевидно, в северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах гражданской солидарности.

Этнический конфликт на Северном Кавказе включает в себя широкий спектр социальных противоречий и зачастую маскирует неравное распределение экономической или политической власти, религиозную идентификацию сторон конфликта, языковой и культурный конфликт, контроль над территорией. Исторически этнополитические и этнотерриториальные конфликты в северокавказском регионе можно разделить на две основные категории, которые «перетекают» друг в друга: первый тип застарелых (*deep-rooted conflicts*) деструктивных этнических конфликтов – это внутрирегиональные этнополитические конфликты; второй тип – этносепаратистские конфликты между локальными этническими сообществами и федеральной властью. Пять фундаментально неразрешенных этнических противоречий на Северном Кавказе остаются потенциальными угрозами безопасности: 1) этносепаратизм в Чечне (включая территориальный конфликт с Ингушетией); 2) осетино-ингушская проблема; 3) множественные этнотерриториальные конфликты в Дагестане; 4) противоречия карачаевского и черкесского народов; 5) «адыгский» и «ногайский» вопросы¹.

Сегодня ситуация на Северном Кавказе отличается от ситуации этнического сопротивления «дудаевской эры». Открытый этносепаратизм сменился религиозным фундаментализмом, поддержкой радикального исламизма и так называемым «оборонительным джихадом», который стремится изгнать «неверных» из «исконно мусульманских земель». Социальная дезинтеграция и крах гражданского общества в северокавказском регионе становятся серьезной проблемой для России, переживающей новую эру политического транзита. Реализация политики интеграции на региональном уровне направлена на обеспечение правовой консолидации мультиэтнических и мультикультурных сообществ. Стабильность и модернизационная активность российских регионов напрямую зависят от масштабов и эффективности интеграционной политики. Северный Кавказ, входящий в группу наиболее нестабильных российских регионов, стал одним из главных объектов интеграционных процессов. Выявление стабилизационных ресурсов социокультурной интеграции связано с необходимостью выработки светской надэтнической модели макросоциальной солидарности. Политика интеграции как регулируемого процесса конструирования и продвижения гражданских идентичностей, демократических ценностей и институтов, позволяющего этносоциальным субъектам бесконфликтно взаимодействовать на основе принципов правовой защищенности, толерантности, справедливости и равноправия, становится основным методом разрешения региональных конфликтов.

Теория интеграции стремится к сочетанию концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как «контр-нарративов» насильственной ассимиляции, что можно рассматривать в качестве движения к плюрализму и уважению к культурным различиям на индивидуальном и коллективном уровнях. В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов равенства и справедливости. Социальная справедливость, создание «общества для всех», является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют каждому человеку получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое, если права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это интегрированное стабильное общество, в котором все люди могут принимать участие в социальной и политической жизни на основе равенства прав, возможностей и достоинства².

Задача комплексного исследования интеграции связана с анализом ее ценностно-инклюзивной модели как актуального способа конструктивного разрешения конфликтов в региональном измерении. Политика интеграции предполагает императивное участие граждан в политической жизни, которое занимает центральное место в демократическом управлении по следующим причинам: во-первых, гражданское участие в политической жизни предоставляет возможность влиять на результаты процессов принятия решений; во-вторых, политическое участие имеет системную функцию «политической социализации» с точки зрения усиления чувства гражданской принадлежности и формирования общей идентичности. Оба аспекта имеют решающее значение для урегулирования региональных конфликтов, социокультурной сплоченности и динамичного развития демократических государств, характеризующихся этнорелигиозным разнообразием³.

Анализируя статус этничности в динамике региональных конфликтов, необходимо указать на связь этнорелигиозных идентичностей с примордиальными ценностями закрытых традиционных обществ, в которых гражданская

¹ Попов М.Е. Социокультурная интеграция как способ разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. – Т. 23, № 4. – С. 186–196.

² Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // ПОЛИС. – М., 2017. – № 1. – С. 99–115.

³ Попов М.Е. Социокультурная интеграция как способ разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. – Т. 23, № 4. – С. 186–196.

идентичность и индивидуализм не играют заметной идеологической роли. Сегодня такие общества могут функционировать в глобализованном мире посредством сохранения собственной культуры на основе коллективных ценностей; в пределах этих коллективов групповая идентификация может соотноситься с этническими ценностями и религиозными традициями. По мнению Дж. Ротмана и М. Альберштейна, когда в процессе медиации конфликтологи имеют дело с этногрупповым столкновением, обращение к индивидуальным интересам не в состоянии заглазить трещину, возникшую в результате конфликта; попытки манипулировать ценностями групп могут привести к интенсификации конфликта идентичностей¹.

Конфликт идентичностей имеет уникальные характеристики, и в разных контекстах некоторые из этих элементов будут более заметны, чем другие, но все они являются общими знаменателями генезиса конфликта. Примордиалистский подход помогает объяснить конфликтный потенциал этничности; концепция этнополитических антрепренеров объясняет, как взаимодействуют институциональные факторы и этнические стереотипы. Этничность, отмечает Д. Горовиц, воплощает в себе элемент эмоциональной напряженности, которая может быть быстро реактивирована, если группами осознается угроза идентичности и ценностям, что приводит к этнификации, этнической интолерантности и насильственному конфликту².

Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается, осознается и вербализируется участниками конфликтов. Эскалация этнической напряженности происходит в том случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «других» групп. «Если мы хотим добиться успеха в исследовании причин конфликтов идентичностей, – отмечает Дж. Ротман, – мы должны начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам разрешения. Мы рассматриваем идентичность как самовосприятие, наполненное культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях»³.

Политика социокультурной интеграции стремится к формированию оптимальных условий для гармоничного и бесконфликтного взаимодействия, баланса между различными этническими субъектами. На групповом уровне социальная дезинтеграция, вызванная региональными конфликтами, может быть преодолена посредством культивирования демократических принципов этнического мира и толерантности. В мультикультурном социуме политика интеграции должна строиться не на ассимиляционной стратегии и подавлении этнических различий, но на реализации моделей гражданской солидарности и межэтнического сотрудничества⁴.

При обсуждении антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее. Во-первых, социокультурная интеграция – это политический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения безопасности полиэтничного российского общества. Во-вторых, развитие Северокавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость ориентации на этнополитический изоляционизм и культурную исключительность той или иной этносоциальной системы. Интеграционные задачи обеспечения социальной безопасности и разрешения региональных конфликтов в их наиболее деструктивной форме – конфликтов идентичностей – носят системный характер. Социокультурная интеграция должна выступать в качестве инструмента конфликтного предупреждения – упреждающего воздействия на конфликтную среду путем структурных изменений и рационализации противоречий.

¹ Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. – Vol. 28, N 3. – P. 631–658.

² Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. – Los Angeles: University of California Press, 1985. – P. 15.

³ Op. cit., p. 631–658.

⁴ Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // ПОЛИС. – М., 2017. – № 1. – С. 99–115.

Ребенко Е.П.

магистр, Российский экономический университет

Дьякова В.В.

к.соц.н., доцент кафедры «Гуманитарные науки и психология», Астраханский государственный технический университет

Каргаполова Е.В.

д.соц.н., доцент, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет

Давыдова Ю.А.

к.и.н., доцент, Российский экономический университет

КАНСЕЛ-КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ РОССИИ)

Ключевые слова: культуры отмены, культура удаления, cancel культура, студенты.

Keywords: cancellation culture, deletion culture, cancel culture, students.

Одним из последствий расширения онлайн-пространства (появления новых социальных сетей, роста количества пользователей и увеличения возможностей, предоставленных социальными сетями) является то, что люди становятся социально более уязвимыми. Кроме того, функционал социальных сетей (текстовые, видео посты, репосты и прочее) иногда используется в качестве метода наказания, слежки и контроля над другими пользователями сети, в Интернете появляется информации о людях, совершивших какие-либо аморальные поступки (вопрос о правдивости этой информации стоит обособленно). В последние несколько лет в социальных сетях очень распространен феномен «cancel culture» – культуры удаления (или отмены). Этот феномен часто представляется как охота на неугодных обществу знаменитостей и как метод, с помощью которого можно заставить их замолчать; принять другую, угодную обществу, точку зрения. На самом деле, культура удаления представляет собой прекращение поддержки той или иной медийной личности (будь то политик, актер, спортсмен, писатель или кто-либо другой). Концепт культуры удаления можно рассматривать как «практику отказа от поддержки (или отмены) общественных деятелей и компаний после того, как они сделали или сказали что-либо, считающееся предосудительным или оскорбительным»¹.

Культура удаления – как один из множества видов онлайн-шейминга – нацелена на пристыжение и наказание человека за его поступки. Только, в отличие от других видов онлайн-шейминга, кансел-культура нацелена только на медийных личностей и компании. Удаление (cancelling) – «является выбором человека лишить внимания кого-либо, чьи ценности, действия, или слова настолько оскорбительны, что никто больше не желает почтить их своим присутствием, временем и деньгами»². Главный смысл удаления заключается в том, чтобы получить поддержку в бойкотировании той или иной медийной личности, организации или мероприятия, чтобы лишить их площадки, влияния и силы в медиа-пространстве³.

На сегодняшний день феномен культуры удаления не обходит стороной медийных личностей из какой-либо сферы – нет такой сферы деятельности, которая была бы неприкосновенна. Cancel-culture коснулась как политиков (Дональд Трамп), писателей (Джоан Роулинг), актеров (Джонни Депп), бизнесменов (Джеф Безос). Если знаменитый человек сказал что-то, что расходится с мнением большинства обитателей Интернета – он будет «отменен», кем бы этот человек ни был.

Сегодня культура отмены – феномен, который находится в предметном поле междисциплинарного научного анализа. В социологии – это мало разработанное, но очень актуальное направление исследований (Киселева А.Э., Муромская А.В.⁴, Субботина М.В.⁵). Особое место в рамках анализируемого в данной статье предметного поля занимает студенческая молодежь в силу своего особого социально-демографического статуса, уникальности роли в процессе преемственности поколений, а также почти тотальной вовлеченности в виртуальные социальные коммуникации. Некоторые ученые убеждены, что культура отмены – наиболее актуальная проблема именно для молодого поколения по сравнению с другими гендерными группами⁶. В данной публикации будут представлены результаты опроса студентов российских вузов (опрошено 200 чел., метод – анкетирование, исследование носило зондажный характер).

¹ Americans tune in to 'cancel culture' – and don't like what they see // Politico LLC. – <https://www.politico.com/news/2020/07/22/americans-cancel-culture-377412>

² Clark M.D. Drag them: A brief etymology of so-called «cancel culture» // Communication and the Public. 2020. – N 5. – P. 88–92.

³ Nakamura L. The unwanted labour of social media: Women of color call out culture as venture community management // New Formations: A Journal of Culture/Theory/Politics. 2015. – N 86. – P. 106–112.

⁴ Киселева А.Э., Муромская А.В. Институт репутации и культура отмены в России: фактор развития или регрессии // Парадигма. 2021. – № 1. – С. 136–144.

⁵ Субботина М.В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. – № 3. – С. 34–37.

⁶ Yar S., Bromwich J.E. Tales From the teenage cancel culture // The New York Times. – <https://oglethorpe.edu/wp-content/uploads/2020/01/teenage-cancel-culture.pdf>

Cancel culture так же определяют как «новые моральные установки и политические обязательства, которые имеют тенденцию ослаблять наши нормы открытых дебатов и терпимого отношения к различиям в пользу идеологического соответствия»¹. С данным высказыванием можно согласиться, так как культура удаления буквально заставляет медийных личностей отказываться от их взглядов на различные социальные явления и проблемы из-за того, что их могут лишиться работы и заработка. С одной стороны, стоит отметить, что любой человек вправе иметь любые взгляды на различные проблемы, но с другой стороны, медийные личности как лидеры мнений, несут ответственность за людей, на чей разум и мысли они влияют, и должны нести ответственность за слова, которые могут задеть социально уязвимые группы².

Cancel culture воспринимается как форма активизма, отстаивание прав и места той или иной группы людей в обществе³. Cancel culture – феномен многогранный. Социальные сети дают людям возможность привлекать знаменитостей к ответственности путем публичного порицания – онлайн-шейминга, а также чтобы повысить осведомленность окружающих людей о данном происшествии. Люди, которые поддерживают культуру удаления говорят, что этот феномен родственен активизму⁴. Если вы участвуете в процессе «удаления» медийного человека из социального поля, вы пытаетесь бороться против аморальной системы взглядов, которой данная личность обладает. На данный момент самыми частыми аргументами для удаления являются: расизм, сексизм, гомо- и трансфобия, насилие любого характера (эмоциональное, физическое, сексуальное), педофилия, культурная апроприация⁵. Социальные сети и их доступность позволяет активистам действовать не только физически, собираясь на улицах городов, но и виртуально, создавая движения в онлайн-пространстве⁶. Любой человек может стать активистом, не выходя из дома, путем участия в удалении медийной личности, которая, по его мнению, нарушила общественные нормы.

Согласно результатам опроса, большинство (73,2%) респондентов не обращают внимания на пользователей, которые аморально высказываются в социальных сетях. На вопрос «Если Вы увидите, что кого-то унижают за его аморальные высказывания в социальных сетях, Вы с наибольшей вероятностью...» 66,4% студентов выбрали ответ «останусь равнодушным», 15,9% согласятся с обвинителем, а 13,6% – «вступлюсь за человека».

47,7% признали, что боятся услышать негативную оценку от других пользователей, выкладывая в социальные сети посты непопулярного содержания (это могут быть посты на политические, социальные темы, экологические и т.д.), что несомненно подтверждает осведомленность и обеспокоенность о возможности онлайн-шейминга в данной ситуации.

Интересным является распределение ответов на вопросы о ценностях, которые разделяют респонденты, и пониманием онлайн-шейминга как формы активизма (рис. 1). Студенты, для которых важными являются ценности свободы слова, доброты и порядочности, не склонны рассматривать публичное порицание пользователей социальных сетей за их аморальные посты как форму активизма. В то же время, те, для которых ключевыми добродетелями являются законопослушность, справедливость и равенство, воспринимают онлайн-шейминг (и культуру отмены в том числе) как форму активного социального участия.

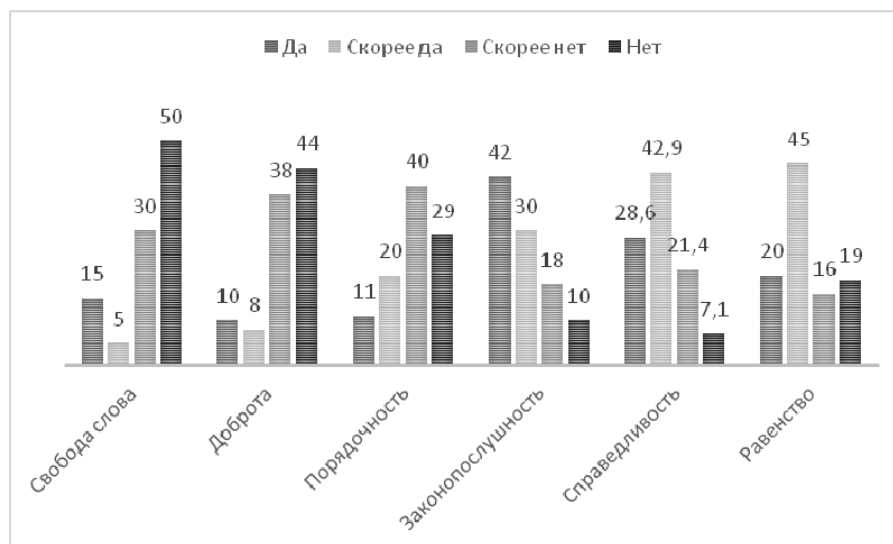

Рисунок 1.

Распределение ответов на вопросы «Укажите, пожалуйста, социальные ценности, которые наиболее важны для Вас (выберите не более трех вариантов)» и «Считаете ли Вы, что публичное порицание пользователей социальных сетей за их аморальные посты – это форма активизма?», %

¹ A Letter on Justice and Open Debate / Harper's Magazine Foundation. – <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/>

² Лазуткина Е.В. Лидеры мнений в информационном пространстве блогосферы Рунета // Вестник Новосибирского государственного университета. 2016. – Т. 15, № 6. – С. 25–38.

³ Nakamura L. The unwanted labour of social media: Women of color call out culture as venture community management // New Formations: A Journal of Culture/Theory/Politics. 2015. – N 86. – P. 106–112.

⁴ Chiou R. We Need Deeper Understanding about the Neurocognitive Mechanisms of Moral Righteousness in an Era of Online Vigilantism and Cancel Culture // Ajob neuroscience. 2020. – N 11. – P. 297–299.

⁵ Biggest Celebrity 'Cancellations' of 2020 (So Far) // The Things. – <https://www.thethings.com/cancelled-celebrities-2020/>

⁶ Матвеева А.В. Особенности гражданского участия в условиях современного цифрового пространства // Форум молодых ученых. – Саратов: Институт управления и социально-экономического развития, 2018. – № 21. – С. 620–625.

Двумерное распределение ответов, представленное на рис. 2, свидетельствует о том, что студенты, которые рассматривают онлайн-шейминг как форму активизма, склонны проецировать свое негативное отношение к конкретной персоне (объект виртуального порицания) за рамки онлайн коммуникации, то есть на его реальную социальную деятельность.

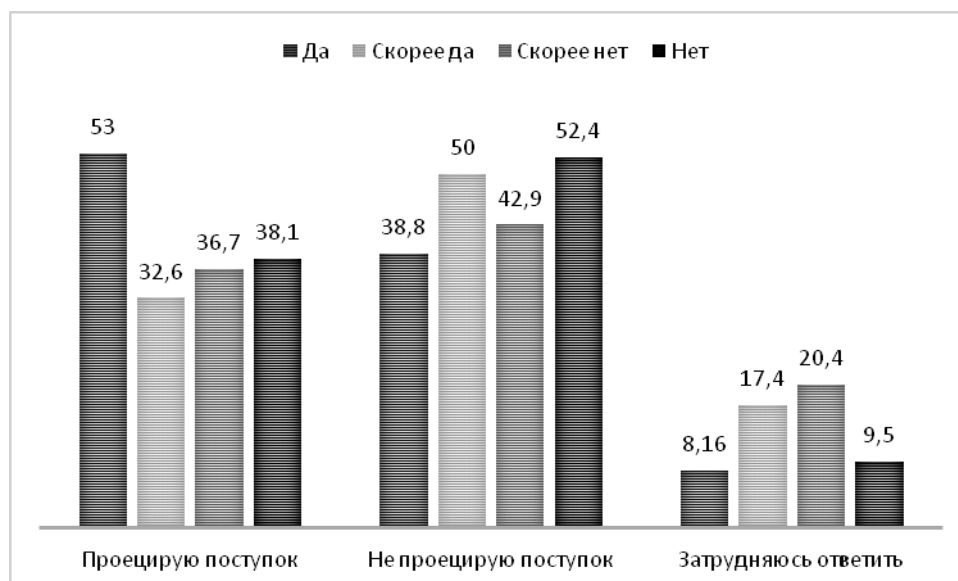

Рисунок 2.

Распределение ответов на вопросы «Если человек совершил аморальный поступок, проецируете ли Вы этот поступок на его деятельность (особенно, если этот человек – медийная личность: актер, музыкант, писатель и т.д.)?» и «Считаете ли Вы, что публичное порицание пользователей социальных сетей за их аморальные посты – это форма активизма?», %

Таким образом, можно выделить несколько плюсов и минусов cancel culture как механизма регуляции социального поведения. Среди плюсов можно назвать: 1) возможность социально уязвимых групп общества добиться правосудия, когда государственные силы ничего не делают; 2) cancel culture делает эти социально уязвимые группы видимыми. К минусам культуры удаления можно отнести следующее: 1) культура удаления не содействует изменению поведения. Как сказал Барак Обама: «это не активизм, это не про изменение. Если все, что вы делаете, бросаете камни, вы не дойдете до изменений»¹; 2) культура удаления может спровоцировать кибербуллинг, который приведет к более серьезным последствиям, чем то, за что человека решили удалить, а иногда (и это происходит все чаще), выходит за рамки виртуальной реальности и влияет на реальную действительность (семейные отношения, трудовая деятельность, репутация и другое). Студенты, вовлеченность которых в виртуальное социальное пространство очень высока, знакомые с феноменом культуры отмены указывают, что у них есть обеспокоенность по этому поводу. Часть молодых людей склонна воспринимать cancel culture и онлайн-шейминг в целом как форму активизма. Стоит отметить, что культура удаления – актуальная и перспективная тема междисциплинарного анализа, влияние этого феномена на виртуальную и реальную жизнь отдельных личностей, социальных групп и общностей, несомненно, требует всестороннего изучения.

¹ Obama on Call-Out Culture: ‘That’s Not Activism’. – <https://www.nytimes.com/2019/10/31/us/politics/obama-woke-cancel-culture.html>

Сгибнева О.И.

д. филос. н., профессор, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета
olga.sgibneva@volsu.ru

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДА КАК ПОЛЕ ДИАЛОГА МАССОВОЙ И ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУР: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: культурная среда; культурные смыслы; социальная реальность; качество жизни; культурное наследие; традиции; культурная политика.

Keywords: cultural environment; cultural meanings; social reality; quality of life; cultural heritage; traditions; cultural policy.

Трансформационные процессы в России на рубеже XX–XXI вв. развивались без учета культурного фактора, что определило их ограниченность и слабую результативность. Эффективные стратегии развития общества требуют опоры на все сферы жизнедеятельности социума. Вне учета культурной специфики общества невозможна реализация той или иной модели развития, вне культурной самоидентификации не может быть оценена и осмыслена позиция человеческого сообщества. Особую роль здесь играет культурное наследие, которое формирует культурную среду, определяет ментальность, задает ценностные ориентиры, позволяет осмыслить значение преемственных связей в историко-культурном развитии. Отсутствие такой системы ценностей, которая признавалась бы большинством населения в качестве нравственной опоры жизнедеятельности, может стать дезинтегрирующим началом, привести к распаду механизмов социального контроля и регуляции.

Первое десятилетие нового века показало, что без четко выверенной культурной политики невозможно решать вопросы экономического роста и обеспечения социальной устойчивости общества. Принятие в 2014 г. «Основ государственной культурной политики» стало свидетельством культурного поворота в политике государства. Впервые культура возведена в ранг национальных приоритетов, признана важным фактором социально-экономического развития страны, а главной задачей культурной политики определено «приоритетное культурное и гуманитарное развитие» в качестве базы «экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны»¹.

Разработанный в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» национальный проект «Культура»² ориентирован на укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов России.

В Национальном проекте особое место занимает Федеральный проект «Культурная среда», ориентированный на улучшение качества жизни людей, обеспечение доступа всех жителей страны к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры, создание условий для развития детского и молодежного творчества. Вплоть до 2024 г. в соответствии с этим проектом планируется создать и реконструировать, отреставрировать и переоснастить культурные объекты многих регионов, создать культурно-образовательные и музейные комплексы, включающие концертные залы, театральные, музыкальные, хореографические, художественные школы, выставочные пространства, сеть виртуальных концертных залов, обновить библиотеки и кинозалы, капитально отремонтировать 40 детских театров, обеспечить развитие библиотек. Таким образом, проект направлен на развитие культурного разнообразия, но на первом месте стоят те объекты, которые связаны с пониманием и освоением элитарной культуры, традиций и достижений отечественной культуры как важной части мирового культурного пространства.

И это не случайно. Ведь культурная среда как часть социальной реальности наделяется смыслом только человеком, только человек способен вносить смысл в окружающее его бытие и действовать на основе смысла³. Таким образом, культурная среда – это не просто совокупность продуктов человеческой деятельности, артефактов, а это мир смыслов, которые человек вкладывает в свои творения и действия и на основе которых формируются будущие поколения, осваивая эти смыслы и создавая новые. Поэтому оценка человеком культурной среды, возможности участия в ее развитии становятся важным аспектом социокультурных практик. Американский социолог Д. Белл отмечал, что

¹ Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной политики». – http://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_172706

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

³ Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век. Антология (Лики культуры). – М.: Юрист, 1995. – С. 557.

культура является главным фактором социальных изменений, а экономика вынуждена следовать за новыми культурными веяниями, удовлетворять все новые порождаемые культурой потребности людей¹. Являясь компонентом социальной реальности, культурная среда включает в себя объективную сторону (традицию), когда социум представляет собой уже сложившуюся реальность, и личности приходится считаться с его ценностями, и субъективную сторону (инновацию), когда каждый человек дополняет существующую реальность своим социальным опытом, внося собственный вклад в её развитие². По мнению А.Я. Флиера, культурная среда представляет собой совокупность культурных предпочтений населения, которые локализуются в границах определенного пространства, выражаясь в нормах социального поведения, символической деятельности, социальных взаимодействиях и их регуляции³. Поэтому обращение культурной политики к развитию культурной среды населенных пунктов является важным показателем современной культурной динамики.

Социологические исследования, проведенные в последние годы в Волгограде, показывают, что состояние культурной среды города во многом определяет культурные потребности и социальное настроение горожан, их отношение к своему городу, а также влияет на устойчивость социально-экономической жизни и миграционные процессы. Результаты исследований дают эмпирический материал для корректировки культурной политики, позволяют осуществлять общественный мониторинг реализации национального проекта «Культура» в регионе.

Так, в 2016 году социологами и культурологами Волгоградского социально-педагогического университета (ВГСПУ) в рамках проекта «Антропология вещи в культуре Волгограда: среда, объекты, практики» было проведено интервьюирование студентов вузов (N=70, глубинное интервью). Цель исследования – выявить оценку уровня развития культуры в Волгограде. Анализ результатов показал, что культурно-образовательными и общественными учреждениями города удовлетворены 45% информантов, культурно-историческим наследием – 32%, культурными мероприятиями – 28%, благоустроенной средой с чистыми улицами, парками, скверами – 23%; но только 12% отметили высокий уровень культуры населения города и политику органов власти и управления по сохранению и использованию культурного наследия. Тем не менее, более половины информантов считают, что Волгоград является городом культуры, что подтверждается, по их мнению, наличием официальных культурных институций, объектов культурного наследия, в первую очередь уникальных военных мемориалов⁴.

В 2017 году Финансовый университет при Правительстве РФ провел количественное исследование с целью выявления уровня удовлетворенности жителей российских городов состоянием культурной среды. В каждом городе было опрошено не менее 600 человек по выборке, репрезентативно отражающей структуру населения города.

Исследование показало, что 83% жителей крупных и средних городов согласны с тем, что у них достаточно учреждений культуры (театров, кинотеатров, музеев, галерей, концертных залов, библиотек и др.). В Волгограде уровень удовлетворенности значительно ниже – 54%. В свою очередь доля жителей, довольных количеством учреждений культуры, например, в Казани и Новосибирске (городах-миллионниках, как и Волгоград) составила 93 и 90% соответственно.

В 2018 году социологами ВГСПУ с использованием качественных и количественных методов исследования были проведены пилотажный анкетный опрос и экспертные интервью с целью определения взаимосвязи современной региональной идентичности и молодежной миграции в Волгоградской области. Было опрошено 169 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет – студентов, обучающихся на 1-4 курсах различных специальностей Волгоградского государственного социально-педагогического университета. В ходе экспертных интервью опрошено восемь специалистов, проживающих и работающих в Волгограде, среди которых преподаватели вузов, менеджеры в сфере культуры, урбанист.

По итогам исследования было выявлено, что две трети опрошенных студентов назвали себя волгоградцами, а 76 % уверенно связывают свое будущее с Волгоградской областью.

В то же время с точки зрения молодежи регион относится скорее к деградирующим, нежели к активно развивающимся субъектам РФ. Более трех четвертей опрошенных (78%) оценивают современные темпы развития города как низкие. О высокой или средней оценке уровня развития города высказались менее пятой части респондентов. При этом культурный уровень оценивается более позитивно, чем уровень социально-экономического развития. К числу существенных недостатков респонденты относят плохие дороги, отсутствие транспортной логистики, низкое качество услуг в сфере ЖКХ, коррупцию, плохую экологическую ситуацию, малое число парков, скверов, спортивных комплексов.

Более трети респондентов (37%) убеждены в том, что благоприятные условия для самореализации молодежи в нашем городе отсутствуют. Еще больше респондентов затруднились ответить на этот вопрос (42%). Позитивно оценивает возможности самореализации молодежи только пятая часть опрошенных (21%). В целом можно утверждать, что Волгоград в глазах студентов Волгоградского социально-педагогического университета – умеренно негативный город. Среди часто используемых респондентами отрицательных характеристик при описании города преобладали (по

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. 2 изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – С. 650–651.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – С. 41.

³ Флиер А.Я. Культурная среда и ее социальные черты // Избранные работы по теории культуры. – М.: Согласие, 2014. – http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu/

⁴ Шипицин А.И., Щеглова Л.В. Культурный брендинг Волгограда: условия и проблемы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. – № 4 (53). – С. 11.

убыванию): «депрессивный», «серый», «бедный», «неперспективный», «криминальный», «грязный». Самые распространенные положительные качества: «город-герой», «культурный», «спортивный», «красивый»¹.

По мнению экспертов, неудовлетворенность культурной средой города, динамикой его социально-экономического развития способствует формированию у молодежи миграционных установок, связанных с желанием уехать из Волгограда. Избыточным считают многие эксперты использование символов и лозунгов военных побед в повседневной практике, что снижает значимость героического подвига участников Сталинградской битвы, порождает равнодушие и потребительство по отношению к военному прошлому, искаженное понимание патриотизма. Один из экспертов, в частности, отметил: «Это хороший ресурс – регион-победитель. Но его можно использовать не только как символ военных побед. Могут быть победы спортивные, трудовые, творческие. Экстраполировать нужно на другие области» [там же, с. 116].

В 2019–2020 г. социологами Волгоградского государственного университета проведено социологическое исследование методом анкетного вопроса (N=600), целью которого было выявление отношения горожан к культурной среде Волгограда. В исследовании приняли участие респонденты в возрасте от 18 лет, каждый второй – коренной житель города.

Исследование показало, что более половины респондентов (52%, две трети из них – коренные жители) удовлетворены условиями проживания в Волгограде, считают Волгоград скорее привлекательным и комфортным городом. В то же время 44% опрошенных считают Волгоград непривлекательным и некомфортным, более половины из них – молодежь в возрасте от 18 до 25 лет.

Все респонденты отметили, что культурной доминантой города являются военные мемориалы и исторические объекты, связанные с событиями Великой Отечественной войны. Но только каждый четвертый хорошо знает и положительно оценивает музеи Волгограда, более 40% положительно оценивают театры. А вот зоны массового отдыха положительно оценили только 17%. Таким образом, исследование показало, что значительное число респондентов не находят в городе места как для интеллектуального, развивающего отдыха, так и для массового.

Архитектурный облик города положительно оценивают 47% респондентов. Скорее неудовлетворительное состояние современного внешнего облика города отметили 30% участников исследования, 13% считают архитектуру города некрасивой и запущенной. Каждый пятый считает, что в городе не хватает учреждений культуры и спорта; каждый второй не удовлетворен количеством и состоянием мест для отдыха (парков, скверов, пляжей и др.). Это подтвердило одну из гипотез исследования: горожане обеспокоены проблемами, которые снижают привлекательность города, они готовы участвовать в обсуждении перспектив культурного развития Волгограда.

Исследование показало, что чаще всего горожане отдыхают в парках и скверах (65,2%), посещают кинотеатры (56,5%). В то же время более половины опрошенных хотели бы, чтобы в городе было больше современных музеев (52,2%), выставочных (26%) и концертных (17,4%) залов. Каждый третий респондент занимается в спортивных секциях, творческих коллективах; в то же время каждый второй опрошенный считает, что в городе не хватает спортивных сооружений для занятий массовым спортом, домов/дворцов культуры и детского творчества.

Оснащенность учреждений культуры устраивает 39% респондентов, почти такое же количество опрошенных (38%) не удовлетворены состоянием этих объектов. Большинство из них считают, что многие учреждения культуры нуждаются в капитальном ремонте (62%), оснащении современным оборудованием (43%), новой мебелью (32%). Более половины опрошенных отметили, что учреждения культуры имеют непривлекательный вид, в них старая мебель, устаревшее техническое оборудование, не хватает музыкальных инструментов.

Особо в исследовании был поставлен вопрос о детской железной дороге в Волгограде, которая когда-то была одним из самых привлекательных мест отдыха и профориентационной работы с детьми и подростками. Сталинградская, потом Малая Приволжская детская железная дорога была открыта в мае 1948 г., когда город еще не был полностью восстановлен после войны. Поезда детской дороги ходили вдоль набережной Волги, она была любимым детским аттракционом в послевоенном городе. Водили поезда, обслуживали вагоны юные железнодорожники под руководством опытных профессиональных наставников. В 80-е годы дорога была перенесена в пойму реки Царицы – фактически в овраг, и постепенно и детвора, и взрослые утратили интерес к ней. В последнее десятилетие XX века уникальная детская железная дорога была фактически разрушена, пути и вагоны ржавели... Только с 2005 г. под эгидой РЖД началось ее постепенное возрождение, с 2015 г. осуществляется движение поездов – но по тому же неудобному и неинтересному маршруту вдоль оврага. Поэтому не удивительно, что среди участников нашего исследования только 5% знают, что в Волгограде есть детская железная дорога. В настоящее время в рамках комплексного благоустройства поймы реки Царицы, где уже появились первые культурные объекты, в том числе музейный парк «Россия – моя история», стоит вопрос и о возрождении этого интереснейшего объекта культурной среды города, изменении маршрута движения прогулочных поездов и восстановлении его популярности среди волгоградцев. В его поддержку высказались 83% опрошенных.

История детской железной дороги показывает, что культурная среда Волгограда может быть более насыщенной и разнообразной, резервов для этого много. Их и старались учесть при разработке региональной программы реализации федерального проекта «Культура». Позиция федеральной власти способствовала активизации деятельности региональных структур, которые, к сожалению, в последние годы утратили инициативу в развитии культурного комплекса города.

¹ Шипицин А.И., Марченко А.Ю. Актуальный имидж Волгограда глазами студенческой молодежи // Logos et Praxis. 2019. – Т. 18, № 2. – С. 114.

Мониторинговые исследования реализации Национального проекта «Культура» в Волгограде показали, что, с одной стороны, культурная среда города-героя нуждается в структурно-содержательном расширении, и эта работа уже начата: открыты виртуальные концертные залы в Волгоградской филармонии, театре «Царицынская опера», планируется открытие такого зала в областной научной библиотеке им. М. Горького; передано краеведческому музею историческое здание Царицынской пожарной каланчи, где в перспективе откроется музей Царицына-Сталинграда-Волгограда; реконструируется историческое здание в центре города для расширения площадей музея изобразительных искусств им. И. Машкова, создается новая парковая зона у строящегося храма св. блгв. Александра Невского, парк «Царицынский» в пойме реки Царицы с комплексом детских, спортивных, рекреационных площадок, кафе и фудкортов, цветников и фонтанов; восстанавливается детская железная дорога, строятся новые спортивные объекты, пешеходные зоны.

С другой стороны, многие объекты культурной среды нуждаются в реставрации и реконструкции: в 2020 г. завершилась реконструкция главной скульптуры мемориального комплекса на Мамаевом кургане – «Родина-мать зовёт!», реставрируются военные памятники и мемориалы, продолжается восстановление и реставрация зданий историко-архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта», созданного на базе единственной сохранившейся в России колонии христианских братьев-гернгутеров (XVIII в.); восстанавливаются исторические здания дворцов культуры.

Но пока еще не решается вопрос создания новых концертных залов, театров, которых в городе, протяженность которого почти 100 км вдоль Волги, сегодня явно не хватает, как не хватает и современных музейных комплексов, раскрывающих многогранную археологическую, историко-политическую, этнографическую историю региона, нет пока ни одного естественнонаучного музея уникальной территории междуречья Волги и Дона.

Нет еще в городе и музеев наших выдающихся земляков, вошедших в историю страны (З. Ермольева, В. Мигуля, М. Агашина, И. Машкова и др.). Культурно-историческое наследие региона во всем его многообразии может служить хорошей основой развития городской культурной среды, чтобы каждое новое поколение в полной мере могло ощущать себя частью большой истории одного из крупнейших исторических городов страны и имело возможности для широкого культурного развития. Исследование показало, что жители города заинтересованы в развитии структурной базы как элитарной культуры, так и массовой.

В настоящее время в культурной политике региона все больше учитывается общественное мнение горожан, проводятся общественные слушания; мониторинговые исследования социологов становятся важным фактором оценки и корректировки программ культурного развития города и региона в целом. И это еще раз подтверждает, что без учета общественных интересов, без внедрения новых моделей взаимодействия с гражданским обществом¹ культурная политика не может быть эффективной, не может рассчитывать на результаты, которые будут востребованы и положительно оценены горожанами. Остается надеяться, что былая слава красивого, чистого, благоустроенного города, в котором интересно жить и работать, вернется в Волгоград...

¹ Астафьева О.Н. Актуализация принципов гражданского общества в культурной политике государства // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: сборник материалов Культурного форума регионов России / Сост., общ. ред. Астафьевой О.Н., Коротеевой О.В. – М.: ИП Лядов К.В., 2015. – С. 29.

Спирина М.Ю.

к.и.н., проректор по научной работе Университета при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Ключевые слова: человек, Отчизна, патриотизм, воспитание, социум, традиционные ценности.

Keywords: man, fatherland, patriotism, education, society, traditional values.

Культурные связи являются постоянным и существенным компонентом общения между народами и государствами, в результате чего создаются, сохраняются и накапливаются ценности, нормы, знания, происходит взаимное обогащение разных культур. Сегодняшний день характеризуется значительным расширением культурного взаимодействия евро-азиатских народов. В связи с этим феномен их традиционных культур приобрёл судьбоносное значение. Напомним мнение В.С. Стёпина: «Встреча разных культур всегда приводит к инновационным всплескам и великим творениям»¹.

Великими творениями можно назвать и традиционные ценности, которые сформировали народы Евразии в процессе исторического развития и которые сегодня всё чаще упоминаются политологами и политиками. При обращении к государственным документам, не говоря о разного рода публикациях, выясняется, что в настоящее время отсутствует адекватное представление о том, что же следует называть традиционными ценностями. Глубокий научный анализ данного феномена мировой культуры не проводился, в результате возобладали ложные представления и оценки традиционной культуры и традиционных ценностей. В сети Интернет их называют «манипулятивной конструкцией». Подобная точка зрения, например, пропагандируется представителями Высшей школы экономики². Традиция трактуется как застойное явление, сохранение негативных тенденций прошлого, что можно охарактеризовать как не научное, ложное представление.

В Послании Президента РФ Федеральному собранию от 12 декабря 2013 года говорится о «защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира». А.Г. Лукашенко, Президент Республики Беларусь, неоднократно в своих выступлениях заявлял, что белорусы остаются самобытным и независимым народом благодаря истокам национальных традиций. Он подчёркивал, что жизнеспособность нации напрямую зависит от глубины и богатства духовного наследия, которое «мы приумножим и передадим грядущим поколениям», и назвал традиционные ценности кодом нации³. Африканская хартия прав человека и народов гласит, что «развитие и охрана моральных и традиционных ценностей, признанных обществом, являются обязанностью государства»⁴.

В рамках статьи придётся ограничиться лишь несколькими аспектами сохранения и защиты традиционных ценностей, поскольку с ними связано воспитание у детей и юношества чувства любви к своему Отечеству, своей культуре, своему народу и гордости за исторические достижения того народа, которому они принадлежат. С XVIII столетия все эти качества человека назывались патриотизмом. Его чаще всего определяют как социальное чувство, содержанием которого является «любовь, привязанность к родине, преданность ей и готовность к жертвам ради неё». Французский философ Ж.-Ж. Руссо в своей работе «Очерк национального воспитания, или План образования для молодежи» писал: «Дитя, раскрывая глаза, должно видеть отечество и до смерти не должно ничего видеть, кроме отечества». Отечественное понимание патриотизма разнится от западного, поскольку на Западе сильная либеральная традиция ставила превыше всего личность с её правами и прежде всего правом выбора. В России же идея служения своему государству, подчинение личных интересов общественным имеют глубокие корни, уходящие в историю Древней Руси⁵, они включались в национальный этический идеал. Нельзя не отметить, что некоторые западные исследователи (Г.Р. Джонсон, например) придерживались мнения, что «Патриотизм является результатом взаимодействия между

¹ Стёпин В.С. Цивилизация и культура. — СПб.: СПбГУП, 2011. (Классика гуманитарной мысли; вып. 3). — С. 262.

² Руднев М. Традиционные ценности и реальность. — <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionnye-tsennosti?ysclid=l4gzhd7hzw877497585>

³ Послание Президента Беларуси к белорусскому народу и Национальному собранию. — <https://www.postkomsg.com/culture/230893/?ysclid=l59dmax110108578205>

⁴ Традиционные ценности человечества. — https://studref.com/604518/pravo/traditsionnye_tsennosti_chelovechestva?ysclid=l4gzukx822154943766

⁵ Львов В.С. Патриотизм как архетип. — http://samlib.ru/l/lxwow_w_s/patriotismkakarhetip.shtml

генетически основанными предрасположениями и процессами социализации, которые культивировали и направляли эти предрасположения...»¹.

Защита традиционных ценностей и опора на них в жизнедеятельности современного социума должны сыграть ведущую роль в сохранении национального, в том числе и регионального, культурного наследия, обеспечении социально-исторической и духовно-генетической преемственности поколений. С их помощью подрастающие поколения получают возможность удовлетворить свои духовно-культурные, экономические и иные запросы и потребности. На их основе молодые люди впитают в себя потребность служения человеку, семье, обществу, государству. Выдающийся отечественный мыслитель И.А. Ильин подчёркивал обязательность передачи традиционных ценностей в формах «возрастающей одухотворённости, национального благородства и международной справедливости». Он считал, что только на этом пути человечеству удастся «собрести священное начало родины и в то же время одолеть соблазны — как больного национализма, так и всёразлагающего интернационализма»². В условиях антропологического кризиса традиционные ценности помогают человеку сохранять себя в современном процессе динамических социальных перемен. Они обязательно включают в себя ценностное отношение к Родине, семье, родному языку, народу, его истории, вере.

После распада СССР в деятельности и общеобразовательной, и высшей школы произошли существенные изменения, в результате которых радикально трансформировалось содержание учебно-воспитательного процесса, а развал семьи привёл к тому, что воспитание детей большинство родителей предпочло переложить на плечи школьного учителя. Таким образом, в последние десятилетия воспитание как-то незаметно ушло из образовательной деятельности и семейной жизни. А ведь ещё Д.И. Менделеев подчёркивал: «Образование без воспитания – меч в руках сумасшедшего». Воспитать человека, указывал А.С. Макаренко, значит воспитать перспективные пути его развития, способность жить не только сегодняшним днём, но и уметь находить завтрашнюю радость.

В последние годы поняли, что воспитание является важнейшим элементом подготовки растущего человека к последующей счастливой и успешной жизнедеятельности. Назовём лишь несколько составляющих традиционной культуры, которые не утратили своей значимости, своей ценности в современном мире. Прежде всего, упомянем высокую ценность самого человека. В традиционной культуре сформировался народный идеал совершенного человека (об этом писал академик Г.Н. Волков). Совершенному человеку были присущи такие качества, как трудолюбие, ответственность, человечность, самостоятельность, добродетельность, ум, здоровье, любовь к Отчизне, осознание себя как части Природы, нацеленность на сотворение Добра, уважительное отношение к представителям других культур и др.

Труд в народном представлении считался высшим предназначением человека, причём труд разумный, добросовестный, творческий, осуществляемый на благо всего общества. Высоко ценилась самодеятельность (в первоначальном смысле этого слова), инициативность, умение осуществлять совместную работу (всем миром). В нынешней общеобразовательной школе и в семейной жизни ребёнка учат пользоваться всяческими приспособлениями, формируют у него умение «нажимать на кнопки», совершенно забыв о значении мелкой моторики пальцев рук, которая развивается в процессе ручного труда (к примеру, при овладении тем или иным видом народного ремесла, народного художественного труда).

Важным фактором воспитания человека и его лучших качеств являлась Природа. Она является естественным воспитателем человека, ибо он – её важная составная часть, способная разумно (или бездумно) воздействовать на неё. В связи с этим встаёт вопрос о духовном здоровье человека, т.е. о его внутреннем состоянии, определяющемся чистотой мыслей, совести, взаимоотношениями с окружающим миром и самим собой. Оно проявляется чаще всего в поступках человека, ведь именно мысли предшествуют поступкам и образу действия. Духовно здоровый человек находится в гармонии с окружающими людьми, природой, своей совестью. Общение с природой играет значимую роль в сохранении духовного здоровья человека и человечества в целом.

Активное включение подрастающего поколения в сферу традиционной культуры позволяет укрепить у детей и юношества национальный иммунитет, воспитать чувства добропорядочности, ответственности, любви к Родине, бережное отношение к окружающей среде, стремление сохранить себя как часть Природы. Эта культура тем самым способствует развитию творческого отношения к миру, поддержанию определённого уровня духовной активности и духовного богатства на основе опыта, приобретённого человечеством и конкретным народом в ходе его эволюции³. Воспитание на основе традиционных ценностей является одновременно и наиболее простым, и эффективным средством духовного развития подрастающих поколений. Приобщение ребенка с раннего возраста к культуре своего народа способствует возрождению генетической и культурной памяти детей, развитию их духовного потенциала. Нельзя также забывать о принципе здоровьесбережения и жизнерадостности традиционной культуры.

В статье повторяются многие положения, разработанные автором в предыдущих публикациях. Но, как говорится, «повторение – мать учения», а современная молодёжь практически утратила объективное представление о своей стране и народе, обманутая пропагандой т.н. «общечеловеческих ценностей», осуществляемой разными СМИ. Однако положение пока ещё не самое трагичное. Институт социальных технологий не один год проводил исследование про-

¹ Johnson G. R. Kin Selection, Socialization, and Patriotism: An Integrating Theory // *Politics and the Life Sciences*. 1986. – Vol. 4, N 2. – P. 121. – <https://philipperushton.net/wp-content/uploads/2015/02/race-genetic-similarity-kin-selection-nazis-rushton-johnson-politics-the-life-sciences-2-1986.pdf>

² Ильин И. А. Путь духовного обновления. О национальном воспитании / Собр. соч. в 10 тт. Т. 1. / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1993. – С. 36–37.

³ Спирина М.Ю. Древние гуманитарные технологии в современном образовании // *Инновационные подходы в системе высшего профессионального образования в структуре сетевого обучения: материалы итоговой научно-практической конференции преподавателей и аспирантов (с международным участием) (28–29 ноября 2014 г.)* / Под ред. Ф.Г. Мухаметзяновой. – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2014. – С. 302–306.

блем духовно-нравственного воспитания граждан России. По результатам этого изучения был сделан следующий вывод: граждане России считают патриотизм важнейшим положительным духовным, социально-политическим качеством, необходимым для возрождения величия России, консолидации всего общества. Для большинства быть «патриотом» означает любить свою Родину, гордиться ею, уважать другие народы и их представителей и т.д.¹

Закончить статью хочется словами русского философа Н.А. Бердяева: «Любовь к своей Родине – естественное, органическое чувство для людей любой ментальности. Земля, на которой рождались и жили предки, окружающий их мир, их культура, язык, обычаи – не ценить это, а тем более отвергать, значит не принимать свой этнос, отречься от корней своих»².

¹ Лебедев А.А., Коханова Л.А. Понятие «патриотизм» в современном прочтении // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics. 2015. – Vol. 12, N 1. – P. 31.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С. 29.

Suleymanov G.

PhD in philosophy, senior researcher of the department «Philosophy and sociology of sustainable development»,
Institute of Philosophy and Sociology, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku
gunduzxs@yahoo.com

AZERBAIJANI MODEL OF MULTICULTURALISM IN CAUCASUS

Keywords: *Caucasus, multiculturalism, national minority, religion.*

Ключевые слова: *Кавказ, мультикультурализм, национальные меньшинства, религия.*

The political events of the end of XX century led to the formation of new models of multiculturalism in the post-Soviet space, including the republics of the South Caucasus. However, a number of military-political and economic conditions upset the established balance of international relations in these regions.

First of all, multiculturalism is a democratic state strategy aimed at achieving a certain «quality» in the interaction of cultures in one region or country. It is a generally recognized principle of peaceful coexistence based on a tolerant attitude towards different cultures. Of course, it is natural for Azerbaijan to be tolerant of different views, customs and habits. The mentality of Azerbaijanis is characterized by a tolerant attitude towards the peculiarities of different peoples, nations and religions.

Azerbaijan is a multi-ethnic republic in Caucasus. Azerbaijanis and autochthonous national minorities such as talishs, lezgins, tats, udins, ingiloyes, kryz, khinalugs, budukhs and other ethnic groups forms people of Azerbaijan. These peoples had no other homeland than Azerbaijan, and therefore, together with the Azerbaijanis, they have the right to be considered representatives of a single Azerbaijani nation. Besides them, russians, belarusians, ukrainians, kurds, jews, greeks, germans and tatars live in the republic. Each of these national minorities has a historical homeland, respectively, and belongs to the allochthonous peoples living in Azerbaijan. Only in Baku there are more than twenty different cultural societies. Among them are communities of russians, ukrainians, kurds, laks, lezgins, slavs, tats, tatars, georgians, ingiloyes, talish, avars, European and Mountain (Caucasus) Jews, etc.

Representatives of different ethnic groups live compactly in the Republic of Azerbaijan, each of which has unique features that preserve its cultural values, language, history, mentality, ethnic self-consciousness and ethnopsychology. These settlements of Mountain Jews in Azerbaijan are Krasnaya Sloboda, the molokan village of Ivanovka, the udi village of Nij, the village of Khinalig, known for its language, unique customs and traditions, and dozens of other settlements inhabited by other national minorities. All of them are an integral part of the Azerbaijani society, in the right to use the cultural heritage in the country.

In areas densely populated by national minorities, the native language is taught in the primary school: curricula and textbooks, folklore and poetry collections, and fiction are published in these languages; newspapers and magazines are published, folk theaters and other cultural amateur groups operate.

Cultural symbiosis (coexistence) and various traditions existing in Azerbaijan are captured in the historical monuments of material and spiritual culture. Thus, as part of the protection of material cultural monuments, expositions reflecting the heritage and traditions of national minorities living in these regions are organized in the local history museums of Astara, Gakh, Guba, Zagatala and other regions.

The historical memory of the Azerbaijani people, who have gone through three religious periods – Zoroastrianism, Christianity and Islam, and imprinted them in their minds, plays an important role in building a balanced intercultural communication both within the country and in the international arena. Azerbaijan has created a special model of inter-religious dialogue and tolerance, which is an example for many multi-ethnic various regions of the world. Within the framework of the modern Azerbaijani model of state-religious relations, all religions received equal status before the law. In addition to ensuring the rights of Muslims, who make up the vast majority of the population, the state takes care of all the traditional religions that are widespread in the country.

Here is an example of various cultural and religious rights: after the break of communist ideology, the Church of St. Mary was opened in Baku. It should be noted that this church was built at the beginning of the XX century with the active support of the famous Baku philanthropist Haji Zeynalabdin Tagiyev and restored at the beginning of the XXI century as a result of the efforts of another Azerbaijani philanthropist. During the 2002 visit of Pope John Paul II to Azerbaijan, there was a grand opening of a new Catholic church in Baku instead of the destroyed church in the 1930s. In Baku, back in Soviet times, a synagogue was restored and expanded, which survived the same destruction.

The main provisions of the national policy, which ensures the equality of all citizens, regardless of nationality and religion, are reflected in the Constitution of Azerbaijan. The concept of the national policy of the Republic of Azerbaijan is also based on the following international documents: The Universal Declaration of Human Rights of the UN, The European Convention on Human Rights, the UN International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the Convention on the Rights of National Minorities adopted by the CIS countries, etc. Also, the state document on the national policy of the Repub-

lic of Azerbaijan is the Decree of the President «Protection of the rights and freedoms of national minorities and ethnic groups living in Azerbaijan Republic, state concern for the development of language and culture». In other words, the protection of national minorities is one of the main directions of the policy pursued by Azerbaijan. Also, a special structure has been created in the Presidential Administration, headed by a state adviser on national policy. A similar structure exists in the Milli Majlis (Parliament). Using equal rights and opportunities provided by the Constitution and laws, representatives of different nationalities make a worthy contribution to the development of the country, working productively in various spheres of society. Thus, national minorities are represented in the government of the Republic of Azerbaijan and other state structures. During the 2010 parliamentary elections, the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights and the Monitoring Commission showed that there were no problems with the participation of ethnic minorities living in Azerbaijan.

Thus, all possible conditions for the coexistence of different cultures have been created in the country. However, it should be noted once again that cultural diversity in the country is understood not only as a simple multi-ethnic situation, Azerbaijan is a favorable environment for the development of national solidarity. In other words, every citizen, regardless of ethnic, religious or other affiliation, is a multicultural asset of Azerbaijan.

Сун Цзисинь

аспирант Белорусского государственного университета, Факультет социокультурных коммуникаций

ТИПЫ И СУБЪЕКТЫ ГОРОДСКИХ СУБКУЛЬТУР КИТАЯ

Ключевые слова: культурология, городская культура, городские субкультуры, типы городских субкультур, субъекты субкультур, Китай.

Keywords: cultural studies, urban culture, urban subcultures, types of urban subcultures, subjects of subcultures, China.

В развитии городов акцент постепенно смещается от крупномасштабных и модернизированных физических преобразований к разнообразию, устойчивости, равенству и пригодности города для жизни населения. В связи с замедлением крупномасштабного разрастания городов местные органы власти Китая все активнее занимаются возрождением городов на основе культуры¹. Возможно, ничто так не иллюстрирует эти новые политические ориентиры, как так называемая «политика возрождения на основе культуры», которая делает упор на участие и переговоры местного сообщества и его местную культуру в воспроизведении городского ландшафта в партнерстве с правительством, застройщиками и другими заинтересованными сторонами².

Ожидается, что в Китае возрождение городов на основе культуры будет иметь все большее значение, это также критически важно для изучения культурных чувств и стремлений, культурной гегемонии, культурного управления и других форм культурной политики в различных городских контекстах. В то время как возрождение городов было движущей силой урбанизации и модернизации в Китае³, возрождение городов на основе культуры на современном этапе привлекает повышенное внимание в рамках недавнего перехода от «урбанизации, ориентированной на количество» к «урбанизации, ориентированной на качество», «управляемой урбанизации», особенно с учетом того, что с замедлением крупномасштабного разрастания городов в Китае в центре внимания городского развития в обозримом будущем будет перепланировка существующих городских территорий и сохранение культурного наследия⁴.

Согласно доминирующей политической риторике в евро-американском контексте возрождение городов на основе культуры способствует развитию культурной и творческой индустрии и рекреационных зон, которые потенциально могут стимулировать городскую экономику. Например, доминирующая ориентация и политическая риторика в планировании возрождения городов в Великобритании отошла от функционализма, ориентированного на стоимость земли, качество жилья и т.д., к гуманизму, ориентированному на культурное наследие, культурную яркость и разнообразие, устойчивое развитие и т.д.⁵.

Создавая культурные достопримечательности, городские власти могут изменить облик города, переформатировать городские бренды, привлечь инвестиции и создать новые каналы для общественного взаимодействия⁶. Более того, считается, что культура может генерировать определенные формы символического капитала, которые укрепляют социальную сплоченность, чувство принадлежности к сообществу и, таким образом, противодействуют социальной изоляции и общественным конфликтам⁷.

Возрастающая роль, которую культура играет в возрождении городов, побудила исследователей и политиков интегрировать культуру в качестве фактора в измерение конкурентоспособности городов и в практическое решение различных социальных проблем (например, социальной иммобильности, износа инфраструктуры, пространственной и психологической сегрегации) и др.⁸

Другая доктрина критикует оптимистический взгляд на возрождение городов на основе культуры. Критика, в частности, сосредоточена на риске чрезмерной коммерциализации местной культуры, росте напряженности между «новым» и «старым», росте джентрификации и социальной стратификации и др.⁹

¹ Henneberry J. Development cultures and urban regeneration // *Urban Studies*. 2002. – Vol. 39, N 7. – P. 1184.

² Bailey C. Culture-led urban regeneration and the revitalisation of identities in Newcastle, Gateshead and the North East of England // C. Bailey, S. Miles, P. Stark // *International Journal of Cultural Policy*. 2004. – Vol 10, N 1. – P. 48.

³ Wang J. «Art in capital»: Shaping distinctiveness in a culture-led urban regeneration project in Red Town // *Shanghai Cities*. 2009. – Vol. 26, N 6. – P. 321.

⁴ Ding F. The evolution of the concept of urban regeneration and the practical connotation in today's society // *Urban Planning Forum*. 2017. – N 6. – P. 88.

⁵ Ponzini D. Becoming a creative city: The entrepreneurial mayor, network politics and the promise of an urban renaissance // *Urban Studies*. 2010. – Vol 47, N 5. – P. 1039.

⁶ Paddison R. City marketing, image-reconstruction and urban regeneration // *Urban Studies*. 1993. – Vol. 30, N 2. – P. 341.

⁷ Hansen C. Rethinking and rebuilding urban development: New challenges and directions for urban research and practice // *Danish Journal of Geoinformatics and Land Management*. 2011. – Vol. 46, N 1. – P. 2.

⁸ Paddison R. City marketing, image-reconstruction and urban regeneration // *Urban Studies*. 1993. – Vol. 30, N 2. – P. 341.

⁹ Storper M. Rethinking human capital, creativity and urban growth // *Journal of Economic Geography*. 2009. – N 9. – P. 149.

А. Скотт утверждает, что возрождение городов на основе культуры – это процесс повторного открытия и воссоздания городской культуры. Процесс культурного воспроизводства может не только изменить материальную основу и ландшафт коллективной памяти и эмоциональную привязанность местных жителей, но и еще больше усложнить отношения между вовлеченными акторами, что приведет к межгрупповым конфликтам и даже к социальным волнениям¹.

Целью настоящей статьи является представление того, как формируются и развиваются отдельные субкультуры в городах Китая.

В мегаполисах Китая, в которых внутри городских ландшафтов разворачиваются конфликтные отношения между «старым» и «новым», «традиционным» и «современным», «местным» и «глобальным» и т.д., можно наблюдать, что небольшое количество исторических зданий выбрано для сохранения, в то время как другие подлежат сносу или реконструкции. Культурная логика и политика, лежащие в основе таких проектов, до сих пор представляются неопределенными².

Более того, в то время как напряженность между правительством и местным сообществом подчеркивается в большей части культурологической литературы, мало внимания уделяется роли городских субкультур в процессе возрождения городов.

На основе анализа отдельных городских субкультур Китая можем утверждать, что позиции акторов (в данном случае, в основном, местных муниципальных властей и местных жителей) являются гибкими и подвижными, а не фиксированными и жесткими. Местное самоуправление – это не просто структурная сила, неотъемлемая часть процесса накопления капитала, местное правительство внимательно следит за тем, чтобы интегрировать местные субкультуры в планы и практику культурных проектов возрождения городов³. Однако среди местных жителей нет согласия по вопросам культурного представительства. В то время как некоторые из них строго придерживаются старых способов и прошлых практик возрождения местной культуры, другие придерживаются «прогрессивного» взгляда на местную культуру, в том смысле, что местная культура может вновь обрести свою жизнеспособность посредством проектов по возрождению городов. В то же время некоторые придерживаются «прагматичного» взгляда, считая, что воспроизведение городской культуры приемлемо до тех пор, пока проекты возрождения приносят им лучшее качество жизни. На наш взгляд, регенерация городов – это область, насыщенная конкурирующими культурными идеями, сложными отношениями жителей и власти, коммуникациями и переговорами.

В Китае городская молодежь уже давно имеет право говорить о производстве собственных субкультур. Город является основным местом производства культуры, а городское пространство – сценой для выступлений молодежи, местом, где молодежь развивается и устанавливает свою социальную идентичность, а также пространством, которое питает и увековечивает молодежную субкультуру⁴. Европейские и американские молодежные субкультуры зародились в городском пространстве. Общественные пространства, такие как улицы и площади в западных городах, всегда были местом сбора горожан, что имело существенную политическую значимость, и происходящие от них субкультуры естественным образом несут в себе культурные гены сопротивления.

В первые дни реформ и открытости городские молодежные группы в развитых районах Китая столкнулись с европейскими и американскими субкультурами и усвоили их, поэтому китайские молодежные субкультуры сначала пустили корни в городском пространстве. Ян Цзин провел резкое разграничение китайской молодежи на группы городской молодежи с символами потребления и группы молодых рабочих-мигрантов в городах⁵. В дуалистической структуре города и деревни Китая городская молодежная субкультура и городская молодежная группа доминируют над эстетикой субкультуры в построении субъективности. Сельская культура связана с ортодоксальностью городской культуры.

Однако с популяризацией мобильных Интернет-технологий короткие видеоролики стали новой областью культурного производства, предоставляя молодежным онлайн-субкультурам возможности создания виртуальных сцен. Физическое пространство и открытое пространство могут существовать в виртуальных онлайн-сценах⁶. Медиатехнологии обеспечивают диверсифицированное пространство существования человека, а виртуальные сцены реализуют возможность существования человека в киберпространстве. Когда исполнители используют медиатехнологии для превращения сцен из реальной жизни в видеотексты и представления их аудитории, благодаря распространению Интернет-технологий мобильные сцены преодолевают ограничения локализации и становятся виртуальными сценами в Интернет-пространстве.

В развлекательных коротких видеороликах и прямых веб-трансляциях актер находится на переднем плане, городской пейзаж или сцена повседневной жизни выступают в качестве фона сцены, исполнитель интегрирован с фо-

¹ Scott A. The cultural economy of cities // International Journal of Urban and Regional Research. 1997. – Vol. 22, N 2. – P. 326.

² Гун Г.Е. Молодежные субкультуры в контексте городской художественной культуры // Гуманитарные и социальные науки. 2014. – № 3. – С. 261.

³ Shang D. Urban Informatics in China: Exploring the Emergence of the Chinese City 2.0. // Handbook of Research on Urban Informatics: The Practice and Promise of the Real-time City. – Hershey (PA): IGI Global, 2012. – P. 386.

⁴ Wallis C. Gender and China's online censorship protest culture // Feminist Media Stud. 2014. – Vol. 15, N 2. – P. 227.

⁵ 杨晶. 青年文化研究的现状与反思 // 中国青年研究 [Ян Цзин Текущая ситуация и отражение исследований молодежной культуры // Китайские молодежные исследования. 2018. – № 3. – С. 87].

⁶ 田林楠. 从朝圣者到游牧民: 流动时代的新部落主义——定位社交媒体的发生环境与接受背景 // 山东社会科学. [Тянь Линан. От паломников к кочевникам: новый трайбализм в эпоху мобильности — выявление обстоятельств и предыстории принятия социальных сетей // Shandong Social Sciences. 2018. – N 5. – P. 188].

ном, хип-хоп, скейтборд, рэп-музыка и другие субкультурные перформансы, представляют визуальную картину повседневной жизни и выстраивают сцены как в офлайн, так и в онлайн-пространствах¹.

Таким образом, с подъемом экономики Китая поколения китайцев попали в разные типы городских субкультур, упорядоченные хронологически; начиная от «вэньбао» (в основном зажиточные), «сяокан» (средний класс), «сяоцзы» (городской буржуа) до «сяоцинсинь» (городские хипстеры) с 1970-х по 1990-е годы, что представляет собой переход к индивидуалистическому, но коллективному выражению личности молодежи. От «вэньбао» до «сяоцинсинь» – это пример подъема общества среднего класса в Китае, возникновение новой и оригинальной китайской буржуазной культуры, сосредоточенной на внешнем и внутреннем убранстве нового Китая в последние десятилетия.

Саморазвитие перешло от традиционного нравственного воспитания к индивидуальному обращению к популярной культуре, в которой человек ищет хорошей жизни, основанной на материализме.

Молодежь в субкультуре сяоцинсинь привлекает возможность стать частью коллектива, где они формируют коллективную молодежную идентичность, в то же время признавая себя личностями. Эстетические предпочтения, а также литературные и художественные произведения, сяоцинсинь (городские хипстеры) буквально означает «немного свежести». Этот термин символизирует ряд противоречащих друг другу взглядов на стремление китайской молодежи к простому и экологичному образу жизни.

Молодежное поколение отражает быстро меняющуюся жизнь современного Китая. Интернет-платформы, такие как Douban, создают новые типы социальных сетей, привлекая молодежь со схожими увлечениями для формирования новых сообществ, тем самым эффективно участвуя в привлечении молодежи к городской деятельности. Как поколение без братьев и сестер и отсутствия общения, это поколение ищет возможности для общения в городской среде. Городская молодежь использовала Интернет для развития индивидуальных социальных сетей с интересом к музыке и фандому, для формирования сети межличностных отношений в киберпространстве. С развитием коммуникативных технологий формируются новые модели социальности городской молодежи.

«Маленькие миры», основанные на сообществе, понравились городской молодежи. «Маленький мир сети» определяется как «коллективная деятельность с использованием общей идентичности; иногда они состоят из друзей, семьи или людей, которые разделяют общие интересы или занятия»².

В этом случае ритуал субкультуры сяоцинсинь (городские хипстеры) заключается в обмене интересующей музыкой и в организации групп для участия в офлайн музыкальных мероприятиях. Например, как указано на веб-сайте Douban, в 2012 году на веб-сайте было зарегистрировано 270 000 молодежных онлайн-сообществ, в основном характеризующихся тем, что их члены страстно заинтересованы в определенной деятельности или культурном продукте. Эти сообщества продолжают использовать и офлайн-мероприятия, например, для обмена компакт-дисками или совместного посещения концертов на выходных. Таким образом, Интернет-сообщество является ресурсом, с помощью которого люди могут находить друзей. Douban проиллюстрировал формирование музыкального сообщества и продвижение субкультуры в Китае, что в значительной степени является результатом того, что люди предпочитают общаться с другими людьми, которые разделяют схожие потребительские ценности и идеи³.

Таким образом, Интернет-технологии сформировали новые типы идентичности, создающие новую молодежную культуру и обеспечивающие общественное признание. Цифровые социальные сети предлагают новые инструменты и формы для распространения субкультур. Например, сяоцинсинь распространяется через молодежные онлайн-новые социальные сети. Новая технология позволяет субкультуре процветать в альтернативных музыкальных жанрах, которые привлекают определенные сегменты аудитории и организуют мероприятия. Это склеивает фрагментарность идентичности молодого поколения и становится атрибутом их творческой деятельности, что позволяет субкультуре быть конкурентоспособной по отношению к основной массовой культуре и формировать свою символическую идентичность на основе исключительности.

В Китае шамате – это субкультура, для которой характерны наряды в стиле глэм-рок и замысловатые прически. Большинство участников этой культуры – молодые, непокорные рабочие-мигранты, приехавшие в китайские мегаполисы из сельской местности.

Шамате относится к субкультуре, возникшей в Китае среди молодого, в основном сельского населения, в конце прошлого десятилетия. Ключ к шамате – грубая, бессмысленная мешанина китайских иероглифов, отдаленно напоминающих английское слово «умный». Визуальная эстетика включала возмутительные прически, одежду и макияж, вдохновленные глэм-роком, хейр-металом и панком.

Шамате – это транслитерация слова «умный», которая символизирует бунт энтузиастов шамате против общества – их не заботят ни академические достижения, ни внешний вид. Термин на китайском языке был придуман Май Рокс в Гонконге в 1999 году, которая начала размещать в Интернете свои фотографии с эксцентричными прическами и платьем. На ее стиль повлияли визуальные и глэм-рок группы 1980-х, культура косплея из Японии и корейская популярная культура.

¹ 吴志远. 离散的认同: 网络社会中现代认同重构的技术逻辑 // 国际新闻界. [У Чжюань, Дискретная идентичность: технологическая логика реконструкции современной идентичности в сетевом обществе // Журнал международной журналистики. 2018. – Т. 40, № 11. – С. 114].

² Yang G. The networked practice of online political satire in China: between ritual and resistance // Int. Commun. Gazette. 2015. – Vol. 77, N 3. – P. 216.

³ Ibid. – P. 218.

Примерно в 2000 году культура шамате начала распространяться в индустрии развлечений Китая после того, как приобрела огромную популярность в Корее, Японии и Гонконге. Первая в Китае юношеская рок-группа «Цветы», основанная в 1998 году, была сформирована в стиле шаматэ.

Однако в течение следующего десятилетия этот стиль превратился в субкультуру низшего класса, поскольку его начали подхватывать молодые рабочие-мигранты, которые пытались обрести собственную уникальную идентичность и пытались занять свои ниши в среде города. В апреле 2011 года Вауки Чжан, первый солист группы «Цветы», разместил фотографию мальчика, одетого в одежду из шамате, на платформе микроблогов Weibo, высмеивая его за то, что он отказался от своих деревенских корней и обратился к субкультуре.

Высмеивание некогда модной культуры продолжилось. В ноябре 2013 года китайский пользователь сети опубликовал фотографии молодого человека в афро с подписью «шамате, пойманный на улице» и отметив, что прическа похожа на «молекулярную структуру вируса»¹.

В апреле 2014 года на энциклопедическом видеосайте feidieshuo.com был опубликован видеоролик «Печаль шамате – юноши», в котором объяснялось, как распознать шамате-энтузиаста: они родились в сельской местности в 1990-е годы, в лучшем случае закончили среднюю школу или профессионально-техническое училище, как правило, работают в тяжелой промышленности в городах или пригородах больших городов, пытаются воссоздать городскую моду с помощью дешевых подделок, слушают мейнстримную музыку, проводят много времени в Интернет-барах и используют «марсианский язык» – сложный онлайн-китайский язык.

Qzone – это платформа социальной сети, популярная среди подростков, которая в значительной степени ответственна за популяризацию субкультуры шамате среди низших классов. Интернет-сообщества шамате быстро расширились, и когда-то городская модная субкультура была наводнена представителями низших классов. Сильное чувство общности сформировалось в сети и укрепилось благодаря офлайн-встречам с другими энтузиастами шамате.

Популярная субкультура Эгао, которая деконструирует серьезные темы, чтобы развлекать людей комедийными эффектами. Два символа «è», означающие «зло», и «gǎo», означающие «работа», объединяются, чтобы описать явление, которое характеризуется юмором, весельем, подрывной деятельностью, неповиновением авторитету, массовым участием и спорной медийностью высоких технологий.

Эгао – это разновидность пародии, сатиры и юмора, в которой часто используется разнообразие доступных омофонов в китайском языке. Это современное явление получило известность в виде мультимедийных мэшапов, в которых китайские пользователи сети смешивают аудио, визуальные и игровые материалы в сатирическом духе. Это сложное и многогранное определение отражает изменчивый по своей природе характер эгао.

Тем не менее, ученые по-прежнему сильно расходятся во мнениях относительно того, следует ли рассматривать эгао как безобидное развлечение, форму сопротивления и/или платформу для критики. Ранние исследования эгао в первую очередь интересовались политическим значением эгао, рассматривая его с точки зрения сопротивления или контроля². Эти исследования особое внимание уделяли роли Интернета как потенциального средства демократизации – площадки для создания «социальных и культурных основ демократической политической системы»³, или, в более широком смысле, как «предохранительного клапана» в вопросах, повестку дня которых определяют основные средства массовой информации.

Такие исследования до сих пор концептуализировали эгао в рамках власти и сопротивления и пытались определить, является ли этот феномен «альтернативным форматом политического выражения» и «оружием слабых» или «довольно слабым выражением среди аполитичной молодежи»⁴. Эти противоречивые подходы разделили ученых на тех, кто как З. Пэн и П. Хуэй ссылаются на оруэлловскую традицию, согласно которой каждая шутка – это «маленькая революция», и тех, кто как Ли утверждают, что эгао имеет «ограниченную эффективность», поскольку это «смягчающая критика» государства, действующая как предохранительный клапан, ослабляющий политическую напряженность, которая в противном случае могла бы стать дестабилизирующим фактором⁵.

Интервью и опросы производителей и потребителей эгао привели различных ученых к выводу, что игра слов «может восприниматься как форма деполитизации»; то есть эгао «не представлялась и не воспринималась как угроза партии-государству». Тот факт, что дебаты зашли в такой тупик или, говоря словами Дж. Лейбоolda, стали настолько «устарелыми», предполагает, что необходим иной подход к пониманию функций субкультуры эгао⁶.

Эгао следует анализировать как социокультурную практику посредством эмпирических исследований, а не только через политическую призму, которая доминировала в анализе. Учитывая присущий шуткам и юмору потенциал для создания сообществ, существует настоятельная необходимость в создании и тестировании структуры, которая

¹ 吴志远. 离散的认同: 网络社会中现代认同重构的技术逻辑 // 国际新闻界. [У Чжюань, Дискретная идентичность: технологическая логика реконструкции современной идентичности в сетевом обществе // Журнал международной журналистики. 2018. – Т. 40, № 11. – С. 128.

² Wang J. «Art in capital»: Shaping distinctiveness in a culture-led urban regeneration project in Red Town // Shanghai Cities. 2009. – Vol. 26, N 6. – P. 318.

³ Yang G. The networked practice of online political satire in China: between ritual and resistance // Int. Commun. Gazette. 2015. – Vol. 77, N 3. – P. 215.

⁴ Meng B. From steamed bun to grass mud horse: egao as alternative political discourse on the Chinese Internet // Global Media Commun. 2011. – Vol. 7, N 1. – P. 36.

⁵ Peng Z. Street art as a way to enhance the vitality of urban public spaces: Taipei's experience and enlightenment // Urban Res. 2019. – N 3. – P. 109.

⁶ Leibold J. Blogging alone: China, the Internet, and the democratic illusion? // Asian Stud. 2011. – Vol. 70, N 4. – P. 1038.

лучше всего концептуализирует, как различные функции или аспекты эгао связаны друг с другом и дают возможность проанализировать модели связей, которые связывают различные аспекты вместе.

Следовательно, не содержание эгао придает ему значение, поскольку пользователи могут встраивать в него свое собственное значение из новых контекстов. Очевидно, что эгао может быть создано с определенной политической целью, но позже может использоваться онлайн-пользователями с аполитичными мотивами. Было бы ошибочным полагать, что только потому, что эгао может связывать пользователей сети и может противостоять официальным политическим и социальным дискурсам, эти возможности реализуются на практике.

Эгао – это прежде всего сетевая социальная практика, объединяющая пользователей сети на индивидуальном уровне. В конечном итоге это дает возможность для личного самовыражения и социального взаимодействия.

Субкультура граффити

С середины 1990-х годов растущая урбанизация привела к появлению новых форм, потребностей и площадок для визуального самовыражения в городском общественном пространстве Китая.

В то время как Чжан Дали 张大力, которого обычно называют первым писателем-граффити в Пекине, известен своим подрывным ярлыком «АК-47», который начал появляться на стенах Пекина в начале 1990-х годов в качестве критики материализма и насилия в стране, большинство нынешних активных граффити-райтеров города редко бывают откровенно политическими, а коммерческие проекты, похоже, являются обычной практикой. Хотя это частично связано с политикой Китая, прошлое представление о художнике-граффити, выступающем против истеблишмента, является своего рода клише. По своей сути граффити всегда было для молодежи способом развлечься. Свобода самовыражения и волнение, испытываемое от общения с массовой аудиторией, которые дает граффити, образуют общие нити, соединяющие в остальном разнообразное множество художников.

Тем не менее, некоторые используют художественную форму как средство передачи более критических сообщений. Граффити – это «способ ведения войны против того, как Пекин меняется сверху», тема, которая находит отражение в работе писателя Бискита, в которой он выражает сожаление по поводу потери нескольких культурно значимых кварталов Пекина¹.

Эта форма искусства изменилась с момента ее первоначального появления в городе: некоторые художники теперь предпочитают использовать китайские иероглифы, а не латинский алфавит, и отмечают, как эстетические традиции Китая и разница в местных материалах со временем сформировали их собственные стили.

Музыкальная субкультура техно (Techno 音乐文化)

Техно-сцена в Китае – это субкультура, которая становится все более популярной благодаря увеличению числа техно-фестивалей в крупных китайских городах, таких как Шанхай и Пекин. Вот уже 20 лет на Великой китайской стене проводится один из самых знаковых техно-фестивалей Китая. Технокультура определяется как «подвальная культура», подвалы – это места, в которых обычно проходят эти вечеринки. Идея состоит в том, чтобы способствовать творчеству и личному самовыражению. Область распространения этой субкультуры расширяется с каждым днем, и техно-музыка также становится популярной в таких городах, как Чэнду, Шэньчжэнь и Гонконг. Ян Бин, популярная китайская знаменитость, считается пионером андеграундной техно-музыки в Китае.

Летом 2019 года субкультура андеграундного рока стала сенсацией в Китае благодаря шоу талантов под названием «Лето групп» (乐队的夏天). Что примечательно в этом, так это роль, которую сыграла в нем партия Китая. Стремление китайских властей к мягкой силе и культурной легитимности, направленное на «завоевание сердец и умов подавляющего большинства», привело к спонсируемому государством проекту «укрепления культурного доверия» (建立文化自信) и принятию стратегии мобилизации андеграундной культуры через средства массовой информации и воздействия на рынок².

К сожалению, еще слишком рано праздновать признание субкультуры в Китае. Хотя доктрина «культурного доверия» Председателя КПК Си Цзиньпина, предложенная в 2012 году, обозначила усиление связи между политической мобилизацией народной культуры и творчеством на низовом уровне, эти отношения по-прежнему полны проблем и противоречий.

Субкультура траура и буддийский образ жизни (丧文化、佛系青年)

«Культура траура» и «буддистская молодежь», которые, как говорят, пришли из Японии, привлекают внимание молодого поколения в Китае.

«Культура траура» (Sangwenhua 丧文化) имеет множество различных интерпретаций, но чаще всего ассоциируется с самоуничтожением и чувством усталости от повседневной рутины. Эти молодые люди не видят позитивного будущего из-за роста стоимости жизни и усиливающегося давления со стороны общества. Эта субкультура живет за счет использования социальных сетей и известна созданием вирусных мемов и модных словечек. Их мемы визуализи-

¹ Wang J. «Art in capital»: Shaping distinctiveness in a culture-led urban regeneration project in Red Town // Shanghai Cities. 2009. – Vol. 26, N 6. – P. 324.

² Zhao Yuezhi. China's Quest for «Soft Power»: Imperatives, Impediments and Irreconcilable Tensions? // Javnost – The Public 20. 2013. – N 4. – P. 27.

руют их угасающую веру в достижение успеха во все более конкурентном обществе. Они довольны тем, что живут скромно, а в качестве облегчения делятся своими насмешками над собой с другими. Во многом эта культура напоминает послевоенный экзистенциализм в Европе, только она вызвана не политическими размышлениями, а экономическим застоєм в жизни молодых людей.

«Буддийский образ жизни» очень похож на «культуру траура» в том смысле, что он проистекает из беспокойства современного общества. Это, опять же, усиливается социальным сравнением на платформах социальных сетей, где люди более открыты. Они часто сравнивают себя с людьми, которые более успешны и имеют больше возможностей вести комфортную жизнь. В этом смысле онлайн-платформы усугубили это чувство, которое возникает из-за этих сравнений и теперь широко распространено среди молодежи.

Буддийский образ жизни характеризуется образом жизни, который стремится к покою и безразличию, в том числе и в отношении сентиментальных отношений. Он в основном фокусируется на индивидуализме и внутренней духовной стороне человека с чувством разобщенности и минимализма. Люди сокращают свое взаимодействие в сети, отключаются от технологий и благодарны природе и людям вокруг них.

Субкультура ханьфу (汉服文化)

Культура ханьфу относится к одежде, которую люди носили во времена династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Этот традиционный стиль отличается длинными халатами с большими рукавами и поясом на талии светлых и нежных цветов. Эта субкультура направлена на возрождение традиционной китайской культуры. Фактически, с быстрым экономическим и технологическим развитием люди начали оглядываться на традиции, пытались сохранить и защитить их. В настоящее время многие молодые девушки перенимают этот стиль в Китае, их можно увидеть в традиционных платьях на публике, они фотографируются и участвуют в культурных фестивалях ханьфу.

Субкультура «двух измерений» (二次元文化) и косплей

Культура «двух измерений» связана с японской мангой и гонконгскими мультфильмами, которые доминировали в жизни китайской молодежи на протяжении 90-х и начала 2000-х годов. Бывшие почитатели этих двух жанров теперь составляют большинство китайских Интернет-пользователей. Эта культура возвращается и формирует новые цифровые взаимодействия с предполагаемым трехмерным миром.

«Буллетскрин» (弹幕) относится к живым комментариям, когда зрители манги вводят комментарии в выбранное время в видео. Когда другие зрители достигают этой точки, они могут увидеть комментарий, и это изменило то, как представители этой субкультуры могут взаимодействовать друг с другом. Этот метод также используется для спортивных трансляций, реалити-шоу и даже для различных видов офлайн-мероприятий.

Косплей – это переодевание известного персонажа, который часто является героем манги или мультфильма. Он уже популярен на Западе и сейчас набирает обороты в Китае, где в течение года проводится множество косплей-фестивалей и мероприятий. Его популярность можно объяснить тем фактом, что, маскируя себя, китайская молодежь чувствует, что может сбежать от реальности и от давления реальной жизни. Эта культура в Китае имеет другой стиль и аудиторию, чем в Японии и на Западе, и предназначена не только для молодежи, но и для старшего поколения.

Субкультура готы (哥特亚文化)

Готическая субкультура характеризуется готической музыкой и характерным темным стилем одежды и макияжа. В Китае на это повлияла субкультура косплея и мода Лолита, зародившаяся в Японии. Совсем недавно в Гуанчжоу представитель данной субкультуры была остановлена на посту охраны метро, потому что охранники сочли ее макияж чрезмерным и потенциально неприятным для попутчиков. С тех пор инцидент широко освещался на Weibo и получил множество откликов со всего мира, и люди в поддержку опубликовали свой готический макияж. Субкультура готы становится все популярнее, особенно после названного случая.

Свинка Пеппа и «люди общества» (社会人)

Свинка Пеппа (小猪佩奇) – известный во всем мире детский мультфильм – в последние годы стал чрезвычайно популярным в Китае. Его слава привлекла внимание китайской молодежной субкультуры под названием «Шехуйрен» (社会人), что дословно переводится как «Люди общества».

Свинка Пеппа стала их символом после того, как в одном из эпизодов друг спросил, не стали ли они толстыми, и Пеппа сказала, что им следует пойти в спортзал, а не давать вежливый ответ, который диктует китайское общество. Как показывает вышеупомянутая культура траура, китайская молодежь иногда отчаивается из-за жестких социальных норм и структур и хотела бы иметь свободу высказывать свое мнение как Свинка Пеппа.

Молодые китайцы, участвующие в этой субкультуре, определяют себя как антипод обычного китайского молодого поколения. Как правило, они происходят из низших слоев общества, имеют временную работу и не так хорошо образованы. У Шехуйрен есть особый стиль, и они пытаются отличиться с помощью мерчендайзинга, такого как часы и поддельные татуировки свинки Пеппы. Используя эти «детские» объекты, они хотят высмеять господствующую культуру «гангста». Такой контраст рисует комическую картину мятежной натуры китайской молодежи. Это показывает, что китайская молодежь действительно обладает чем-то другим, помимо негатива, и в первую очередь юмором,

хотя и использует его в самоуничижительной манере. Движение приобрело популярность благодаря мемам и на платформах для коротких видео, таких как Douyin, где позже оно было запрещено.

Культура низшего класса (土味文化)

«Культуру низшего класса» (тувэйвэньхуа) можно сравнить с культурой шаматэ 杀马特, которая была популярна среди бросивших школу несколько лет назад. Это стало важной культурной тенденцией в Интернете благодаря обмену видео и изображениями. Их контент часто становится вирусным в социальных сетях из-за его развлекательного характера, который отражает образ жизни жителей городов уровня 3–4. Представители этой субкультуры обычно преувеличивают свой местный колорит возмутительной одеждой и движениями.

Субкультура уличной одежды (街头服饰文化)

Культура уличной одежды растет в Китае в основном благодаря телевизионным программам, таким как «Уличные танцы Китая» и «Рэп Китая», запущенным в 2017 году. Китайская молодежь находится под влиянием знаменитостей, которые принимают этот новый стиль, чтобы стать более уникальными, оригинальными и отличающимися от масс. В частности, китайские исполнители хип-хопа, такие как «Higher Brothers», популярная группа из Чэнду, проливают свет на эту субкультуру. Тем не менее, у уличной культуры есть свой набор проблем из-за неблагоприятных правительственных постановлений и традиционной китайской культуры, а это означает, что она может столкнуться с препятствиями в будущем, прежде чем стать мейнстримом. Тем не менее, наблюдается устойчивый рост в основном на платформах электронной коммерции, на которых такие бренды уличной одежды, как Supreme, Off White и Yeezy, привлекают большое внимание китайских потребителей.

Традиционные субкультурные группы объединяют некоторые типы представителей субкультур в определенные сообщества посредством дифференциации. Внутри городской субкультуры Китая сформировались отдельные субкультурные группы с богатыми, разнообразными типами и четкими границами, и в каждой группе дифференцированы малые круги.

Городские субкультуры и тенденции лучше всего отражают ключевые проблемы современного общества, такие как высокая напряженность, отсутствие удовлетворения, увеличивающийся разрыв в уровне благосостояния и высокий уровень беспокойства. Однако чрезмерное использование субкультуры может привести к необратимому ущербу основной культуре общества. Кроме того, трудно сказать, как долго просуществуют эти культуры и не являются ли они просто причудой, поэтому бренды, стремящиеся ориентироваться на молодых китайских потребителей, должны с осторожностью ориентироваться на субкультуры. Тем не менее, любому, кто пытается понять поведение китайской молодежи, важно знать об этих тенденциях.

Тулузакова М.В.

д.соц.н., доцент, профессор филиала РАНХиГС, г. Балаково

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: провинциальный город, провинциальная культура, социокультурный потенциал города.

В отечественной социальной науке существует традиция анализировать социокультурное пространство в контексте «столица – провинция». Она начала складываться в первой четверти XX века, когда русские философы, анализирувавшие особенности отечественной истории и географического положения страны, выделили указанную дихотомию. Так, Н.А. Бердяев писал: «Незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра – вот полюсы русской жизни. В России произошла централизация культуры, опасная для будущего такой огромной страны. Русская культурная энергия не хочет распространяться по необъятным пространствам России, боится потонуть во тьме глухих провинций, старается охранить себя в центрах. Есть какой-то испуг перед темными и поглощающими недрами России. Явление это – болезненное и угрожающее. Одинаково должны быть преодолены и ложный столичный централизм, духовный бюрократизм, и ложное народничество, духовный провинциализм»¹.

В последние годы интерес к изучению провинциальных городов России значительно активизировался. При этом, по нашему мнению, выделяется несколько подходов². Часть современных авторов ориентируется на утилитарный подход, что связано с выявлением способов повышения туристической привлекательности провинциальных городов и формировании соответствующего туристического кластера³. В ряде исследований доминирует культурологический подход⁴. При желании список можно продолжить.

В контексте сказанного предлагаем рассматривать социально-культурный потенциал провинциального города не столько в связке «столица – провинция», а в большей мере опираясь на понимание «глобальное – локальное».

И опять позволим себе процитировать Н.А. Бердяева: «Большая часть наших политических и культурных идеологий страдает централизмом. Всегда чувствуется какая-то несоизмеримость между этими идеологиями и необъятной русской жизнью. Недра народной жизни огромной России все еще остаются неразгаданными, таинственными. Сам народ все еще как будто бы безмолвствует, и волю его с трудом разгадывают люди центров»⁵. Таким образом, Н.А. Бердяев одним из первых обозначил проблему русской духовной жизни в факте существования центра и периферии. А ведь вся территория современной России – это периферия, одна большая провинция, понимаемая нами как особая цивилизация, сложившаяся под влиянием исторически обусловленных экономических, социальных и культурных потребностей жителей. Происходящая трансформация российского общества в целом усложняет понимание провинциального города как объект изучения, более того, многообразие российской территории не позволяет создать некую общую модель провинциального города, ибо многообразны факторы его формирования. Вместе с тем, каждый провинциальный город способен отразить процессы, происходящие в российском социуме.

Провинциальный город во многом олицетворяет не географическое месторасположение, а определенную совокупность людей, образующих местное сообщество и участвующих в социально-экономических, политических и культурных процессах. Более того, современный провинциальный город в корне отличается от подобных городов конца

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности (сборник статей 1914–1917). – М., 1990. – С. 64.

² Отдельным направлением можно считать региональный подход, но это находится вне пределов указанной статьи. См. подробнее: Социально-культурные аспекты современного развития регионов России: монография; [под ред. И.А. Купцовой]. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016; Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012; Социально-культурная среда регионов глазами молодежи: материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, г. Улан-Удэ, 22 мая 2020 г. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГИК, 2020; Лапин Н.И., Беляева Л.А.. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М.: ИФ РАН, 2010 и др.

³ См.: Климанова О.А., Тельнова Н.О. Природный и историко-культурный потенциал региона как основа формирования туристского образа территории // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. – № 4. – С. 49–55; Оборин М.С. Проблемы и перспективы развития туристско-рекреационного потенциала малых городов / М.С. Оборин, М.Ю. Шерешева, Н.А. Иванов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. – Т. 3, № 3. – С. 169–192; Снегирева Т.И. Культурный регионализм – возрождение культурной жизни // Россия и современный мир. Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. – М., 1998. – № 3 (20). – С. 62. и др.

⁴ См.: Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004; Дзякович Е.В. Подходы к исследованию провинции как социокультурного, ментального и кроссрегионального феномена // Теория и практика общественного развития. 2010. – №4. – С. 47-50 и др.

⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч.

XIX – начала XX веков. Он уже не является в полной мере хранителем традиций, символом покоя и патриархальности. «Постсоветское пространство хранит множественность форм провинциальных городов: от сохранивших дореволюционный облик до запустения моногородов – бывших строек коммунизма»¹.

Возникает вопрос: чем определяются основные тенденции развития городов. Можно согласиться с авторами, которые подчеркивают, что «тенденции городского развития в современном российском обществе определяются, прежде всего, интересами и потребностями государства и бизнеса»². А потому город рассматривается сквозь призму двух подходов – политико-административного и экономико-менеджерского. Чем это опасно?

В рамках политико-административного подхода город оценивается как некая совокупность обезличенных структурных элементов вне культурного контекста городской жизни, менеджерский подход рассматривает город как место концентрации процессов производства и потребления, а городское пространство коммерциализируется. Плотная жилищная застройка приводит не только к утрате исторического материального наследия, но и к игнорированию потребностей горожан в рекреационных зонах, парках.

Реакцией на подобные подходы может считаться создание отечественной Ярославской научной провинциологической школы «с ее социокультурными, культурфилософскими, историко-культурными и культурно-образовательными гранями – это продукт деятельности, прежде всего, собственно жителей провинции»³.

В обобщенном виде социокультурный потенциал провинциального города может быть представлен в нескольких направлениях. Мы же предлагаем сделать акцент на актуализации идентичности через процессы сохранения и актуализации материального и нематериального наследия;

Материальное и нематериальное историческое наследие может оцениваться как мощный ресурс развития городов. Культурное наследие, как справедливо отмечает Н.Н. Габдулова, – «это совокупность ценностей, формирующихся на базе устойчивых культурных предпочтений общества, таких как привлекательность природной и историкокультурной среды, ее удобство и благотворное воздействие на человека, культурная и историческая преемственность, поддержание традиций и обрядов, ценность идей, реликвии, символы времени, сохранение памяти, раритеты древности и т.д.»⁴ Любой провинциальный город сам по себе уже представляет собой уникальную историческую ценность, независимо от возраста или наличия имеющихся культурно-исторических памятников.

Рассмотрим это на конкретном примере города Балаково Саратовской области. Балаково возникло и развивалось как старообрядческое поселение. Об историческом контексте формирования социально-культурного пространства указанного провинциального города мы уже писали в одной из публикаций⁵.

Начиная с конца 1950-х годов, город столкнулся с двумя дискурсами – коренного населения и приезжих, которые впоследствии оставались ради получения квартир и высокооплачиваемой работы, но не всегда интегрировались в городское пространство. Именно поэтому до сих пор сохраняется четкое деление Балаково на «старый город» и «новый город».

Но именно старый город как историческая его часть несет в себе значительный социально-культурный потенциал и именно над ним нависает угроза уничтожения потому что старинные здания – купеческие дома, городские усадьбы – находятся в плачевном состоянии или вообще разрушаются. В Балаково есть что сохранять – целые кварталы старинных купеческих домов, которые директор музея архитектуры им. А.В. Щусева назвала уникальным ансамблем. Архитектурные памятники Балаково безжалостно сносятся ради строительства элитных многоэтажек, что наносит непоправимый ущерб архитектурному облику Старого города, уничтожая его неповторимый колорит.

В настоящее время идут разговоры о передаче в муниципальную собственность трех объектов культурного наследия регионального значения. Но у местной власти нет никаких полномочий по его сохранению и контролю – ни у администрации, ни у отдела архитектуры администрации БМО. А ведь после восстановления исторических зданий в Балаково можно организовать туристический маршрут, чтобы показывать их гостям города. После активных действий общественности начата реконструкция ряда исторических зданий – торгового дома Шмидта и здания бывшего коммерческого училища. Проект восстановления курирует лично председатель Государственной думы РФ Вячеслав Володин.

Особую роль в сохранении социально-культурного потенциала города играют местные музеи, которые выступают как центры коммуникации горожан и как системы социального служения. Благодаря музейным экспозициям, апеллирующим к истории и культуре местных сообществ, провинциальный город обретает свое уникальное лицо. В Балаковской художественной галерее – филиале Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева – регулярно проходят тематические встречи клуба «Балаково и балаковцы», на которых участники делятся воспоминаниями о людях, памятных местах, событиях, демонстрируют фотографии и документы.

¹ Тулузакова М.В. «Городские деревенские»: опыт создания соцгорода и стратегии формирования городской идентичности (на примере города Балаково Саратовской области) // Проблемы российской истории. – Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2015. – Вып. 13. – С. 127–128.

² Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – С. 48.

³ Груздев М.В. Мир российской провинции: научная проблема и жизненная среда // Философские науки. – М., 2019. – Т. 62, № 11. – С. 8.

⁴ Габдулова Н.Н. Культурное пространство провинциального города // Труды ПГУ. Гуманитарные науки. 2007. – № 11.1. – С. 43.

⁵ Тулузакова М.В. «Городские деревенские»: опыт создания соцгорода и стратегии формирования городской идентичности (на примере города Балаково Саратовской области) // Проблемы российской истории. – Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2015. – Вып. 13. – С. 127–128.

Музей истории города Балаково как филиал Саратовского областного музея краеведения проводит не только традиционные лекции и экскурсии. Это уроки и встречи в экспозиции (интерактивные мероприятия), краеведческие чтения для учащихся и студентов, фольклорные праздники, семинары для преподавателей школ.

Городская библиотечная сеть – важный центр любого местного сообщества, куда люди разного возраста, разных поколений и увлечений стремятся не только за информацией, но и за новыми знаниями и человеческим общением, участвуя в разнообразных культурных, просветительских и образовательных событиях. Так, например, в Центральной городской библиотеке г. Балаково Саратовской области уже без малого 15 лет работает краеведческий клуб «Люди. Судьбы. Времена». В библиотеке существует краеведческий фонд, где хранятся ценные издания МЦБ БМР. Среди них все фильмы, снятые студией документальных фильмов «Отечество» (руководитель Е.Э. Бруславцева), цикл фильмов «Дорогами войны» (60 фильмов о ветеранах Балакова, автор Ю.Ю. Каргин), сборники докладов по результатам Всероссийских краеведческих Мальцевских чтений (г. Балаково) и др. Краеведческому фонду педагогом-историком, краеведом Т.П. Тельновой был подарен «Схематичный план г. Балаково, Самарской губернии, Николаевского уезда. Застройка периода до 1922года». Познакомившись с ним, можно открыть заново места, забытые даже старожилами. Это озера Садок и Травное, где находился сад «Отрада» Овсянникова, это пароходные пристани обществ «Американский пароход», «Самолёт», «Дружба», Кавказ и Меркурий» и др.¹

Также на сайте библиотеки работает краеведческий блог «Балаковская земля. История. Традиции. Современность», где можно ознакомиться с музейными экспозициями, знаменательными памятными датами в истории города, поучаствовать в видео экскурсиях, проверить свои знания по истории города.

На базе Балаковского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации регулярно проходят Всероссийские Мальцевские краеведческие чтения. Названы они по фамилии братьев Паисия и Анисима Мальцевых, которые были не просто купцами-хлебопромышленниками. Они были меценатами, и коллекционерами, оставившими после себя огромное культурное наследие. Библиотека старопечатных и рукописных книг Паисия вошла в ценное книжное собрание научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, его же коллекция документов и вещей известных дворянских фамилий России хранится в Государственном историческом музее. Оставили после себя братья и самые знаменитые в Балакове здания, построенные на их средства и ставшие впоследствии памятниками архитектуры федерального значения: храм Святой Троицы, построенный по проекту Федора Шехтеля и усадьбу.

В апреле текущего года вышел из печати сборник докладов участников Восьмых чтений, посвящённых 110-летию преобразования села Балаково в город. Среди тем – «Новые подходы к изучению истории и культуры малого города», «Культурное пространство города: тенденции социокультурного и экономического развития», «Проблемы сохранения историко-культурного наследия в российской провинции» и «Роль личности в формировании культурного пространства города». Следующая конференция будет посвящена 100-летию образования СССР.

Командой RAISE Балаковского филиала РАНХиГС 4 марта 2015 года был запущен социальный проект «Прогулки по городу», который развивался по нескольким направлениям – коллективные прогулки (пешие и автобусные экскурсии) и интеллектуальные квест-игры². Данный проект реализуется совместно с отделением Союза краеведов РФ, при поддержке администрации Балаковского муниципального района.

Достаточно противоречиво происходит процесс развития местного сообщества через содействие решению социальных проблем средствами культуры. На наш взгляд, акцент опять-таки делается на сохранении и рациональном использовании природно-ресурсного и «культурно-исторического потенциала для создания условий развития предпринимательства в сфере туризма и привлечения внутренних и внешних инвестиций в развитие туристской отрасли. Речь опять идет об утилитарном подходе к использованию и приумножению природного, исторического, культурного потенциала муниципального образования город Балаково для развития разнообразных видов туризма»³. Этот подход может быть интересен в рамках проекта «Круизная мозаика – малые города Поволжья».

Для местных жителей город – это не просто набор отвлеченных красот и местных достопримечательностей. Это реальная среда обитания, которая формирует городскую идентичность. Да, есть проблемы, есть риски, но есть и возможности для решения существующих проблем. Значительную роль в этом процессе играют следующие ресурсы:

– библиотечное краеведение, обеспечивающее доступ к краеведческим материалам и формирующее единое культурное пространство с учреждениями образования, музеями;

– музейная деятельность как наиболее доступная и эффективная форма патриотического воспитания.

Практически все названные проекты, за небольшим исключением, реализуются общественниками-энтузиастами. Кооперация их деятельности совместно с органами власти может дать более значимый результат в сохранении культурного наследия. Это позволит вернуть в систему школьного образования дисциплину краеведение, которое позволит сформировать то, что можно назвать чувством «малой родины». Через это и должно происходить освоение городского пространства, понимание места, в котором мы живем для того, чтобы способствовать его преобразованию на основе конкретного знания региональных условий и возможностей. И переходить надо уже к освоению относи-

¹ balakovo24.ru/v-biblioteke-proshlo-yubilejnoe-zasedanie-kraevedcheskogo-kluba

² По итогам сезона 2014-2015 конкурса студенческих социальных проектов RAISE (г. Москва) команда Балаковского филиала РАНХиГС признана лучшей и получила возможность отправиться на зарубежную стажировку для изучения лучших практик социального предпринимательства.

³ См.: Паспорт муниципальной целевой программы «Развитие туризма на территории муниципального образования город Балаково».

тельно современных пластов прошлого, связанных с индустриальными городами – эпоха индустриализации, коллективизации, период Великой Отечественной войны и послевоенный период.

На практике это позволит перенести акцент с традиционного взгляда на социокультурное пространство с точки зрения архитектурного дизайна к социальной истории города. Так, рассматриваемый нами город Балаково – это единственный в Советском Союзе город пяти комсомольских ударных строек. Казалось бы, недавнее прошлое, но оно забывается. И уже выросло поколение, которое перечислить эти стройки затрудняется, хотя и воздвигнут памятник участникам пяти Всесоюзных ударных комсомольских строек.

И в заключение хотелось бы остановиться еще на одной проблеме. Речь идет о доступности и качестве краеведческого материала, выкладываемого в сети Интернет. Материалы, с одной стороны, доступны, а с другой – полны фактических ошибок, основанных на мифах. Налицо – конфликт профессиональных историков и любителей краеведов. Но, возможно, именно этот интерес любителей показывает, что есть реальный интерес локальному прошлому. Указанная активность людей и есть еще один реальный ресурс социального развития гражданского общества и сохранения социально-культурного потенциала провинциальных городов.

Флиер А.Я.

д. филос. н., профессор, гл. н. с. Российского НИИ культурного и природного наследия
andrey.flier@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ТИПОВ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУР

Ключевые слова: культура, социальные функции культуры, элитарный, народный и массовый типы культур, производство, обмен и потребление культурного продукта.

Keywords: culture, social functions of culture, elite, folk and mass types of cultures, production, exchange and consumption of a cultural product.

Как известно, существует множество признаков, на основании которых можно различать и классифицировать разные культуры. Например, различия культур по этническим, конфессиональным и сословным признакам очевидны любому; чтобы увидеть их специфику не нужно быть большим специалистом. Дифференцирование и типологизация культур по технологическим, археологическим, хозяйственно-культурным и некоторым иным признакам уже не столь очевидны, и их могут системно осуществить лишь подготовленные люди. Среди таких, не сразу бросающихся в глаза, но очень важных по существу различий представляется очень важной дифференциация культур по их социально-функциональным признакам.

Всем хорошо известны и постоянно подвергаются научному исследованию (в том числе сравнительному) такие явления как элитарная, народная и массовая культуры¹. Элитарная и народная культуры чаще всего противопоставляются по сословным и художественно-стилевым признакам, а массовая культура определяется просто как отброс цивилизации². А, между тем, функциональное различие их гораздо сложнее и обладает гораздо большей значимостью и важностью.

Элитарная культура (было бы правильнее называть ее креативной городской) по своей социальной функции ориентирована преимущественно на специализированное производство. Ее реализуют люди, в той или иной мере специально обученные своему ремеслу, а качество изготавливаемого ими продукта является главным критерием оценки их работы. Поэтому креативная культура ярче всего проявляет себя в эксклюзивных заказах и называется «элитарной» скорее по своим заказчикам и потребителям, нежели производителям. Но следует сказать, что и социальная элита сама охотно участвует в производстве этой культуры, особенно в гуманитарно-художественных ее сегментах (например, Пушкин, лорд Байрон, граф Толстой и др.). Креативная культура – это культура качества и она обеспечивает прежде всего социальную дифференциацию общества – по профессиям, сословиям, корпорациям. Представителей этой культуры объединяет общность профессиональной деятельности и ее качественные показатели. Самыми высокими оценками для этих людей являются слова «мастер», «профессионал».

Народная культура (правильнее называть ее традиционной) по своей социальной функции ориентирована на неспециализированное производство (для семьи) и на простейший обмен (преимущественно с соседями) – материальный, информационный, социальный, культурный и т.п. Это культура бытовой соседской коммуникации, и в ней решающую роль играет обычай. Традиционную культуру реализуют в основном крестьяне – универсальные работники, способные осуществлять все хозяйственные работы и символические действия, потребные в данных условиях проживания, и основным критерием оценки того, что они делают, является соответствие традиции. Это культура обычая и она обеспечивает в первую очередь этническое единство общества (фактически его коммуникационное единство). Представителей традиционной культуры объединяет прежде всего общность места проживания и она же, как правило, является основой их идентичности. Самой важной оценкой для представителя этой культуры является понятие «местный».

И, наконец, массовая культура, которая по своей социальной функции ориентирована преимущественно на потребление – материальное, информационное, художественное и пр. Это культура толпы – зрителей в кинозале, болельщиков на стадионе, посетителей ресторана или магазина, участников туристической экскурсии, т.е. людей объединенных случайно, обстоятельствами ситуативно возникшего краткого общего интереса. Такая культура сама ничего не производит, а только нанимает специализированных производителей для своих нужд. Это культура потребителей и

¹ Костина А.В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. – М.: УРСС, 2009. – 216 с.; Gans H. Popular Culture and High Culture: an Analysis and Evaluation of Taste. – N.Y.: Basic Books, 1974. – 352 p. и др.

² Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б. Социология контркультуры. Критический анализ. – М.: Наука, 1980. – 264 с.; Адорно Г., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения / Перевод с немецкого М. Кузнецова. – Москва; Санкт Петербург: Медиум, Ювента, 1997. – 314 с.; Голицын Г.А. Искусство «высокое» и «низкое»: системная роль элитарной субкультуры // Творчество в искусстве и искусство творчества. – М.: Наука, 2000. – С. 259–264; Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. – М., 2004. – № 7. – С. 105–115 и др.

регуляции их потребительских устремлений. А регуляция потребления – это задача политики. Внутренняя политика и занимается распределением различных благ и приоритетов в их потреблении. Отсюда массовая культура по своим функциям является преимущественно политической, поддерживающей порядок в ситуативных процессах массового потребления. Это *культура конъюнктуры*, сиюминутно возникающей на потребительском рынке, и она объединяет людей коллективным характером какого-либо потребления или получения удовольствия. Здесь главными идентифицирующими ярлыками являются названия предмета увлечения – панк, рокер, байкер, фанат какого-либо артиста, болельщик «Спартака» или «Зенита» и т.п. Самой важной оценкой для представителя этой культуры является понятие «модный», поскольку именно мода является основным регулятором этой культуры.

Итак, мы имеем дело с культурами, обеспечивающими производство, обмен и потребление (разумеется, не абсолютно, а по преимуществу). Но если с признанием исторической глубины креативной и традиционной культур вопросов не возникает, то требуется установить, что же можно считать историческим предшественником массовой культуры, в своем нынешнем виде появившейся только во второй половине XIX века. Мне представляется, что предшественниками были культуры закрытых мужских коллективов, изолированных от широких социальных контактов, участников которых объединяло только общее потребление (или приобретение каких-то благ) – криминальные банды, заключенные, военнопленные, военные наемники и т.п. Это были сообщества, по существу объединенные только «вокруг общего котла», собственно как и посетители современных «Макдоналдсов». Другие такие чисто потребительские сообщества в истории нам неизвестны.

Следует отметить, что в предшествующей истории эти три типа культуры существовали совершенно автономно. Они были необычайно далеки друг от друга как по людям, производившим продукцию, так и по людям, потреблявшим ее, а главное – столь специфичны по своим ценностным установкам, что между ними не возникало не только соперничества, но даже о каком-либо их серьезном взаимовлиянии говорить не приходилось.

Но вот наступила вторая половина XIX века. В Европе (включая Россию) и в Северной Америке начался промышленный бум, повлекший за собой невероятный размах урбанизации, сорвавший с насиженных мест сначала сотни тысяч, потом миллионы, а позднее и десятки миллионов крестьян и жителей малых городов, миллионы и десятки миллионов этнических и политических мигрантов. А ведь такое перемещение человеческих масс является не только физическим. Это в такой же мере и культурное перемещение – в среду иной культуры, иных ценностей, иных параметров и норм социальной справедливости, иных символических систем и т.п.¹ Но главное – это перемещение миллионов людей в социальную ситуацию, где совершенно отсутствуют веками складывавшиеся обычаи крестьян, всегда игравшие такую значимую роль в процессах их социальной стабилизации, делавшие людей совершенно предсказуемыми и социально комфортными в глазах соседей. В процессе этих миграций началось фактическое размывание социальных оснований традиционной культуры.

В новых условиях на замену традиционной культуре начала формироваться массовая культура, упорядочивающая социальное поведение людей не на основе исторической традиции, а на основе общих потребительских интересов. Здесь не место спорить о том, сколь удачной оказалась эта замена. Свою социальную стабилизирующую функцию массовая культура выполняет весьма успешно, ну а то, что старшему поколению не нравится рок-н-рол, фаст фуд и реклама по телевидению – это еще не самое страшное.

Проблема видится совершенно не в этом. Основная социальная новация заключается в том, что массовая культура оказалась настолько успешной в своих стабилизационных функциях, настолько универсальной и настолько удобной в практической жизни для всех социальных слоев, что она начала постепенно вытеснять все иные культуры из социальной практики, по крайней мере, на уровне повседневного быта. И тогда заработала «культурная гильотина», отсекающая сегменты элитарной и традиционной культур, теряющие свою социальную актуальность и продуктивность.

Все мы хорошо помним то явление, которое мы до сих пор называем «интеллигентской бытовой культурой», имевшей распространение в жизни отечественной городской интеллигенции еще несколько десятилетий назад. Что осталось от нее в наши дни? Судя по всему, интеллигентская культура во все большей мере начинает превращаться исключительно в культуру профессиональной деятельности и профессионального потребления. Мы уже интеллигенты лишь по профессии, а не по социальному и культурному состоянию. На работе и в выходах в «свет» мы еще в состоянии соблюсти наш интеллектуальный лоск; на уровне же дома, быта, телевизора, повседневного потребления и т.п. современная российская интеллигенция практически полностью перешла на стандарты массовой культуры, поскольку это технически удобнее, отнимает меньше времени, что в гонке нашей сумасшедшей жизни является немаловажным фактором, требует меньше интеллектуальных усилий, столь важных в нашей профессиональной работе. Что же касается самой высокой культуры (преимущественно художественной), здесь важно подчеркнуть то, что не только ее производителями, но и основными потребителями ее продукта становятся профессионалы соответствующего профиля. Постоянно приходится слышать от музыкантов, что на концертах классической музыки уже основную часть публики составляют сами же музыканты, при неуклонном сокращении иных слушателей. Это практическое наблюдение над нашей действительностью. Но, судя по книгам западных исследователей современной культуры, и там происходит то

¹ Флиер А.Я. Очерки теории исторической динамики культуры. – М.: Согласие, 2014. – 528 с.; Флиер А.Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. – № 1. – <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/>

же самое¹. Таким образом, то, что мы называем элитарной (креативной) культурой все больше и больше замыкается в сфере сугубо профессиональной деятельности и потребления, фактически вытесняется в эту сферу. На уровне же приватной жизни массовая культура становится всеобщей и всеобщей.

Еще сложнее ситуация с традиционной народной культурой. На протяжении всего XX века эта культура неуклонно теряла свои социальные позиции, поскольку фактически размывалась ее социальная база – крестьянство. По существу к концу XX века в промышленно развитых странах Европы и Северной Америки крестьянство сохранилось только в районах со сложными природными условиями, где современные механизированные формы сельского хозяйства неэффективны (например, у горцев). Там еще мы находим очаги традиционной народной культуры в ее «живом», естественном проявлении. Но этой культуры мы уже практически не знаем. Нам она представлена главным образом в виде сценических имитаций, в исполнении профессиональных артистов. Фактически в современном обществе традиционная культура превращается в исторический реликт, музейный экспонат, сохраняемый главным образом на потребу туристам – иностранным и внутренним.

Но ведь носители традиционной культуры отличаются не только особыми навыками трудовой деятельности, но и специфической психологией. Это люди с «коллективным лицом», выражающим нормы и интересы всего сельского сообщества² и высоко конкурентоспособные именно в коллективных условиях жизни и деятельности. Однако люди с такой психологией и таким типом социальной конкурентоспособности ныне живут не только в деревнях. Они уже живут повсюду, и в современных городских условиях воплощаются в характерном типе «деревенщины», т.е. социальных аутсайдеров. Они не могут успешно конкурировать с более образованными и психологически более пластичными горожанами, которые в своей деятельности опираются не столько на порядок согласования между соисполнителями как в деревне, а на служебные инструкции и – главное – на личную инициативу и выраженную личную индивидуальность.

Именно для таких социальных аутсайдеров традиционная культура становится определенной «культурной резервацией», в границах которой они получают необходимую психологическую компенсацию, а нередко и социальную поддержку. Сейчас многие авторы пишут о заметных тенденциях неорархаизации в современной культуре³. Разумеется, причин этого явления много. Но одной из важнейших причин, как представляется, является потребность в психологической компенсации для социальных аутсайдеров, что достигается их обращением к формам традиционной культуры.

Но это обращение выражается не только в участии в фольклорных коллективах. 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, взрывы в московском метро, деятельность талибана в Афганистане и ИГИЛ в Сирии и Ираке – это тоже проявления традиционной культуры, «огрызающейся» перед натиском социального прогресса⁴. Это борьба даже не за возвращение достойного социального статуса для традиционной культуры – его отстоять уже не удастся, – сколько акции возмездия победителю со стороны проигравшего. Что называется, «умирать так с музыкой». Сегодня эти акции совершаются преимущественно исламскими экстремистами, завтра в это могут включиться самые неожиданные силы. В одной из своих статей по аналогии с «восстанием масс» Х. Ортеги-и-Гассета я назвал этот феномен «восстанием традиционалистов»⁵.

Итак, подведем итоги. Мирное сосуществование трех социально-функциональных культур закончилось. Начался процесс радикальных перемен в социокультурном устройстве человечества, по крайней мере, в обществах, находящихся на переходе от индустриальной стадии развития к постиндустриальной. Общие параметры этого нового устройства видятся такими.

Центральное место в современном социокультурном комплексе решительно занимает массовая культура, принимающая на себя роль универсальной культуры повседневности и тотально (глобально) регулирующая бытовое жизнеустройство и досуг всех социальных слоев. Ее абсолютная победа на этой площадке социального бытия определяется такими качествами, как чрезвычайная пластичность, алгоритмическое удобство, интеллектуальная и символическая простота. Представители высокой культуры охотно пользуются ее услугами, поскольку массовая культура является наиболее экономной по временным, техническим и интеллектуальным затратам на свое использование. Это культура «быстрой еды» во всех прямых и аллегорических смыслах. Крупный чиновник или ученый лишь в своем офисе является апологетом элитарной культуры; а придя домой, он ест примерно то же самое, смотрит по телевизору те же передачи, болеет за ту же футбольную команду и пр., что и уборщица в его офисе. Для малообразованных слоев массовая культура хороша простотой своих символических кодов, понятностью культурных смыслов и социальных установок. Эта культура становится основной и фактически бесконкурентной на рынке потребления и развлечения.

Элитарная (креативная) культура в настоящих условиях локализуется в зоне преимущественно специализированной профессиональной деятельности и потребления. Ее художественная часть проходит процесс откровенной му-

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей / Перевод с французского Н. Зенкина. – М.: Рудомино, 2001. – 96 с.; Бауман З. Индивидуализированное общество / Перевод с английского под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 324 с.; Эко У. Полный назад / Перевод с итальянского Е. Костюкович. – М.: Эксмо, 2007. – 592 с.

² Костина А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. – М.: УРСС, 2009. – 144 с.

³ Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. – М.: Academia, 2009. – 290 с.

⁴ Флиер А.А. Культура как репрессия // Фундаментальные проблемы культурологии. В 4 т. Т. 1. Теория культуры. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 242–250.

⁵ Флиер А.А. Культурные основания насилия (памяти Усамы бен-Ладена) // Культурология 20–11. – М.: Согласие, 2011. – С. 513–526.

зеефикации, локализуется в качестве только экспоната эксклюзивного потребления. Но при этом существенно возрастает социальная значимость ее познавательной составляющей. Элитарная культура превращается в специализированную индустрию производства новых знаний и смыслов, что собственно и является главной целью постиндустриального развития. Креативная культура и раньше успешно выполняла такую функцию, но никогда прежде она не была настолько сконцентрирована на ней. Теперь же все не основные, функционально второстепенные сегменты этой культуры, например, сословно-бытовые, последовательно отсекаются жесткой функциональной специализацией.

Весьма сложными и размытыми представляются исторические перспективы традиционной культуры (разумеется, речь идет о промышленно развитых странах, где крестьянства в классическом виде уже практически не осталось). Ее художественная часть уже полностью поглощена сценической имитацией; ее материально-бытовая практика уже фактически подавлена более доступными товарами массового промышленного производства (когда это крестьянин пользовался магазином?). Традиционная культура стремительно теряет свои утилитарные, жизнеобеспечивающие функции и превращается в культуру преимущественно символическую. Для политической власти традиционная культура давно уже является чисто идеологическим явлением, манифестируемым в пропагандистских целях. В своих же социальных параметрах эта культура становится специализированной культурой социальных аутсайдеров, их «культурной резервацией», где она сохраняет сильные позиции как «прибежище людей, не задействованных в социальном прогрессе», и, возможно, это и станет ее основной социальной функцией.

Дальнейшее развитие событий, как представляется, будет зависеть от того, как быстро в рамках массовой культуры станут возникать новые обычаи, т.е. сколь скоро она станет превращаться в новую традиционную культуру теперь уже городского населения. Новейшие исследования показывают, что такие процессы уже начались¹. Но очень трудно представить себе, каких своих сегментов еще лишатся элитарная и старая традиционная культуры в векторе развивающегося социокультурного тренда усиления функциональной специализации культур.

¹ Сулова Е.Э. Иконические традиции современности // Новые традиции. – СПб.: Петрополис, 2009. – С. 58–79.

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Барбашова Е.В.

к.э.н., Среднерусский институт управления – Орловский филиал РАНХиГС
work.67@mail.ru

Лясковская О.В.

к.социол.н., доцент, ООО «Технолоджи Лайн», Москва
olga0873@list.ru

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Ключевые слова: социальное настроение, социологические измерения, ежемесячные опросы, удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, материальное положение, экономическое положение страны, политическая обстановка, общий вектор развития страны, динамические ряды, автокорреляционные модели тренда, кусочно-линейные модели.

В предисловии к коллективной монографии² академик РАН Г.В. Осипов отмечал, что «в данном исследовании понимание современной социальной реальности представлено как переход не к новому обществу, а как переход к качественно иной – от индустриальной к электронно-цифровой стадии в развитии современной цивилизации». При этом актуализируется «расширение спектра управленческих задач, где принимаемые решения должны быть научно обоснованы и просчитаны, а использование в системе государственного управления метода «проб и ошибок» характерного для индустриальной стадии развития социума становится преступным и превращает простую ошибку в системную и разрушительную для общества»³. Особое значение для реализации поставленных задач приобретает в целом научное знание и социально-научное знание в частности, обладающее набором необходимого и востребованного научно-практического инструментария обеспечения мониторинга и контроля за состоянием основных сфер жизнедеятельности современного российского общества.

Необходимым элементом социального конструирования, направленного на предупреждение негативных и создание желательных последствий, является выявление тенденций общественного развития, измеряемых социальными показателями объективной и субъективной природы. Общеизвестно, что «социальные показатели должны давать представление не только об объективных условиях жизни людей, но также указывать на отношение людей к этим условиям (удовлетворенность, соответствие ожиданиям, желание изменений и т.д.) [там же, с. 80]. Именно на эту сторону измерения социальной реальности направлены мониторинговые замеры общественных настроений, проводимые такими социологическими центрами страны, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), фонд общественного мнения (ФОМ), «Левада-Центр»⁴, назначение которых – выявление позитивных и негативных настроений в обществе. В основном эти замеры отражают общественные настроения населения страны «в целом», региональные социологические исследования проводятся лишь ограниченно (примером являются исследования Института социально-экономического развития территорий РАН, проводимые на территории Северо-Западного федерального округа⁵).

Наряду с качественным анализом результатов измерения общественного настроения, важную роль играет математическое моделирование информативных показателей, отражающих соотношение позитивных и негативных настроений. При этом широкое распространение приобрел индексный метод в интерпретации результатов массовых опросов. В работе И.Н. Дементьевой⁶ отмечается, что «основной мотив построения индексов как частного, так и комплексного характера состоит в выявлении соотношения позитивных и негативных настроений в обществе. Возмож-

¹ Авторы выражают глубокую благодарность профессору Орловского государственного аграрного университета им. Н.В. Парахина Шуметову В.Г. за постановку задачи и участие в обсуждении результатов статистического исследования.

² Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (коллективная монография). – М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

³ Там же, с. 193.

⁴ В 2016 г. «Левада-Центр» внесен в список иноагентов.

⁵ Дементьева И.Н. Общественные настроения населения в условиях новой социальной реальности // Вестник университета. 2021. – № 10. – С. 161–169.

⁶ Дементьева И.Н. Использование индексного метода в социологических исследованиях ИСЭРТ РАН // Вопросы территориального развития. 2014. – Вып. 9 (19). – С. 3.

ность получения при этом (в случае преобладания негативных настроений над позитивными) отрицательных величин позволяет зафиксировать некие «критические точки» в общественном мнении, а главное – в реальном положении дел».

Из многочисленных работ по изучению социального самочувствия выделяются социологические исследования ВЦИОМ, широко использующего индексный метод в интерпретации их результатов. Эмпирической базой расчета индексов, в основе которых лежат динамические ряды, служат данные ежемесячных экспресс-опросов по репрезентативной общероссийской выборке (с учетом квот по полу, возрасту, образованию и территориальному расположению). Индексы строятся на основе ответов на следующие вопросы: 1) удовлетворенность жизнью; 2) социальный оптимизм; 3) материальное положение; 4) экономическое положение страны; 5) политическая обстановка; 6) общий вектор развития страны. В работе¹ первые три индекса предлагается рассматривать в качестве компонентов интегрального индекса социального самочувствия, а оставшиеся три в качестве интегрального индекса оценок положения дел в стране.

Ежемесячные замеры социальных настроений россиян, проводимые ВЦИОМ, дают эмпирическую базу для эконометрического моделирования индикаторов данного феномена, с целью выявления закономерностей и прогноза. Так, в работе², посвященной автокорреляционному анализу динамических рядов указанных выше шести индексов на протяжении трехлетнего временного интервала (май 2004 г. – май 2007 г.), отмечается наличие эффекта инерции в формировании социальных настроений. Отсутствие сезонной составляющей в автокорреляционных моделях дало авторам основание заключить, что «индексы социальных настроений имеют под собой довольно прочную психологическую основу, позволяющую говорить об относительно высокой объективности населения при оценке происходящих в стране событий»³. Можно согласиться с авторами, что полученные ими автокорреляционные модели пригодны для прогнозирования индексов социального настроения на срок длительностью до модельного временного лага (три-четыре месяца), однако точность такого прогноза желает лучшего; так, для индекса социального оптимизма (индекса надежд) коэффициент детерминации автокорреляционной модели меньше 0,5 и «хороший прогноз вообще невозможен» [там же, с. 93].

Следует согласиться и с предложением авторов в прогнозировании социальных настроений использовать событийный подход, «когда осуществляется поиск политических или экономических событий, которые могли спровоцировать те или иные сдвиги в величине индексов» [там же]. Но и здесь сказывается эффект инерции. Так, в публикации, посвященной анализу социальных настроений россиян накануне мирового кризиса 2008 года⁴, отмечается, что «индексы социального самочувствия на начальную фазу мирового кризиса отреагировали довольно вяло» [там же, с. 10]. Авторы объяснили этот факт эффектом «застоя социального самочувствия». В то же время, событийный подход оказался продуктивным в анализе результатов мониторинга социальных настроений ВЦИОМ в период с сентября 2017 г. по декабрь 2020 г., выполненном нами⁵: статистически значимый эффект резкого снижения индексов социального оптимизма и оценки общего вектора развития страны в мае-июне 2018 г. во времени совпадает с подготовкой закона о повышении пенсионного возраста, принятого несколькими месяцами позднее. Данная публикация продолжает эти исследования.

1. Результаты исследования

В нашей предыдущей публикации⁶ с помощью одномерных и многомерных методов статистического анализа изучена динамика изменения трех компонентов интегрального индекса социального самочувствия. Эти компоненты – индексы удовлетворенности жизнью, социального оптимизма и материального положения – отражают оценки респондентами различных сторон индивидуального самочувствия. Помимо основной цели (выявить, в какой мере можно через субъективные оценки раскрыть латентные объективно существующие связи между показателями мониторинга социального настроения россиян) ставилась задача анализа изменений, вызванных социально значимыми событиями.

В настоящей работе рамки анализа динамики составляющих индекса социального настроения расширены – к упомянутым трем компонентам добавлены индексы экономического положения страны, политической обстановки и общего вектора развития страны, а горизонт анализа составляет от сентября 2017 г. до апреля 2022 г. Ниже приводятся результаты статистических исследований, выполненных графическими и аналитическими средствами пакета анализа данных общественных наук *SPSS* версии 22.

На рис. 1 представлены графики динамических рядов, отражающие изменение субъективных оценок различных сторон социального настроения населения РФ в период с сентября 2017 г. по апрель 2022 г.

¹ Ермолаева П.О., Носкова Е.П. Социальные настроения россиян: методология интегральных оценок и эмпирические исследования // Россия и современный мир. – М., 2013. – № 3 (80). – С. 58–71.

² Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Эффект инерции в формировании социальных настроений // Мониторинг общественных мнений. 2007. – № 3 (83). – С. 85–94.

³ Там же. – С. 87.

⁴ Балацкий Е.В. Экономические проблемы и ожидания населения // Мониторинг общественных мнений. 2008. – № 4 (88). – С. 5–13.

⁵ Барбашова Е.В., Лясковская О.В., Шуметов В.Г. Индексный подход к субъективной оценке качества жизни (по материалам мониторинга социальных настроений ВЦИОМ) // Human Progress. 2021. – Т. 7, вып. 3. – С. 3.

⁶ Барбашова Е.В., Лясковская О.В. Статистический анализ социологических измерений социального самочувствия населения РФ (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Социологический альманах. Вып. 13. Трансформация социальной структуры современного российского общества: состояние, динамика, тенденции. Материалы XII Орловских социологических чтений 4 декабря 2020 г. / Под общ. ред. П.А. Меркулова, А.А. Алексеенко. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2020. – С. 255–268.

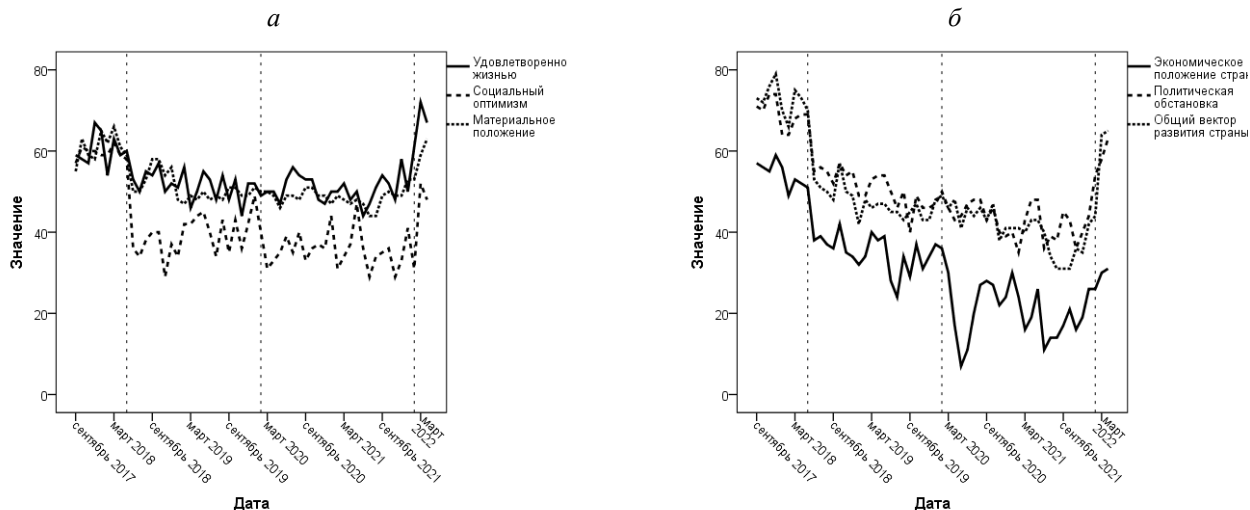

Рисунок 1.
Динамика социальных настроений населения РФ в период сентябрь 2017 г. – апрель 2022 г.:
а – индексы удовлетворенности жизнью, социального оптимизма и материального положения;
б – индексы экономического положения страны, политической обстановки и общего вектора развития страны

На рис. 1 обращает на себя внимание значительная величина случайной компоненты всех без исключения временных рядов частных индексов, что вряд ли можно объяснить декларируемой ВЦИОМ ошибкой выборки, составляющей всего 2,5%: в оценке возможной ошибки необходимо исходить не столько из объема выборки (1600 россиян), сколько из смещения данных, которые, по словам самих же сотрудников этого социологического центра, «могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ»¹. В то же время, наблюдаются резкие спады и подъемы графиков, что позволяет выделить следующие этапы их анализа (разграничены вертикальными пунктирными линиями):

- этап 0 (до пенсионной реформы) – сентябрь 2017 г. – май 2018 г.;
- этап 1 (пенсионная реформа) – июнь 2018 г. – февраль 2020 г.;
- этап 2 (пандемия) – март 2020 г. – февраль 2022 г.;
- этап 3 (специальная военная операция) – март 2022 г. – апрель 2022 г.

Наиболее заметный спад всех составляющих интегрального индекса социального настроения отвечает временным меткам «май – июнь 2018 г.». В нашей предыдущей публикации² отмечается, что этот спад совпадает с подготовкой закона о повышении пенсионного возраста, принятого в октябре 2018 г. и коррелирует с падением рейтинга властных структур – прежде всего, Президента В. Путина и правящей партии «Единая Россия» в этот период. В этой публикации предложено тренд динамики частных индексов социального настроения аппроксимировать двухфакторными кусочно-линейными моделями с предикторами «время» и «интервенция», параметры которых оцениваются с помощью процедуры «обобщенной линейной модели» (ОЛМ); так, показано, что модели двух индексов социального настроения, динамика которых весьма схожа – индекса социального оптимизма и общего вектора развития страны, адекватны эмпирическим данным и объясняют 84,0 и 93,3% общей дисперсии соответственно.

С математической точки зрения, применение процедуры ОЛМ для моделирования индексов социального настроения основано на принятии гипотезы их нормального распределения, что не всегда возможно. В этой связи предлагается применить непараметрические методы моделирования, в последнее время все чаще используемые исследователями в различных отраслях науки, включая инновационный менеджмент³. В частности, перспективным представляется обращение к непараметрическим методам сравнения выборок. К их преимуществам, помимо отказа от гипотезы нормального распределения анализируемого показателя, относится возможность сравнения малых выборок. В монографии одного из энтузиастов непараметрических методов моделирования А.Н. Мардаса отмечается, что решение задачи оценки сдвига исследуемого признака реально даже по двум замерам на одной и той же выборке⁴.

Для сравнения распределения показателей трех или более независимых выборок чаще всего применяют ранговый критерий Краскела-Уоллиса, являющийся непараметрической альтернативой одномерному (межгрупповому) дисперсионному анализу. С его помощью проверяют нулевую гипотезу о том, что медианные значения признака в популяциях, из которых были извлечены исследуемые выборки, не различаются. При обнаружении статистически значимых различий между группами с помощью критерия Краскела-Уоллиса далее следует проводить апостериорные

¹ ВЦИОМ Новости Индексы социальных оценок. Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnykh-ocenok>.

² Барбашова Е.В., Ляковская О.В., Шуметов В.Г. Индексный подход к субъективной оценке качества жизни (по материалам мониторинга социальных настроений ВЦИОМ) // Human Progress. 2021. – Т. 7, вып. 3. – С. 3.

³ Мардас А.Н., Гуляева О.А., Мардас Д.А. О возможностях непараметрической эконометрики в прогнозной оценке результативности преобразующей деятельности // Устойчивое развитие: общество и экономика. 2016. – С. 581–582; Кукс А.В. Использование непараметрических критериев при прогнозировании коротких временных рядов // Символ науки. 2019. – № 7. – С. 37–41.

⁴ Стратегический менеджмент: учебник и практикум для академического бакалавриата / А.Н. Мардас, О.А. Гуляева, И.Г. Кадиев. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 203 с.

сравнения с помощью критерия Манна-Уитни, при этом необходимо принимать во внимание проблему множественных сравнений и рассчитывать новые критические уровни значимости¹.

Указанные процедуры предусмотрены в пакете статистических программ анализа данных общественных наук SPSS версии 22, при этом имеется также возможность преобразования рассматриваемых показателей – частных индексов социального настроения – в ранги, что позволяет наглядно проиллюстрировать содержание предусмотренных этими процедурами действий.

2. Обсуждение результатов

Наиболее наглядным графическим представлением различия распределения частных индексов социального настроения являются ящичковые диаграммы. На рис. 2 представлены ящичковые диаграммы для двух индексов – социального оптимизма и общего вектора развития страны, иллюстрирующие распределения исходных показателей и их рангов (для наглядности сравнения на диаграммах принят одинаковый масштаб). По этим диаграммам можно отметить следующие особенности распределения рангов:

1) в отличие от исходных индексов, распределения рангов свободны от «выбросов» (экстремальных, повышенных и пониженных значений);

2) распределения рангов демонстрируют лишь сдвиги социального настроения по периодам анализа, тогда как распределения индексов отражают также и происходящие при этом изменения субъективных оценок респондентами различных сторон этих настроений.

Из сказанного следует, что непараметрические методы сравнения выделенных временных выборок не могут рассматриваться как полноценная замена параметрических методов моделирования, и их необходимо рассматривать исключительно как инструмент корректного анализа временных сдвигов в социальном настроении населения. Что касается количественной характеристики уровня индексов социального настроения, то в качестве валидных индикаторов их значений по этапам следует рассматривать соответствующие меры центральной тенденции – средние или медианные значения, рассчитываемые с помощью стандартных процедур описательной статистики.

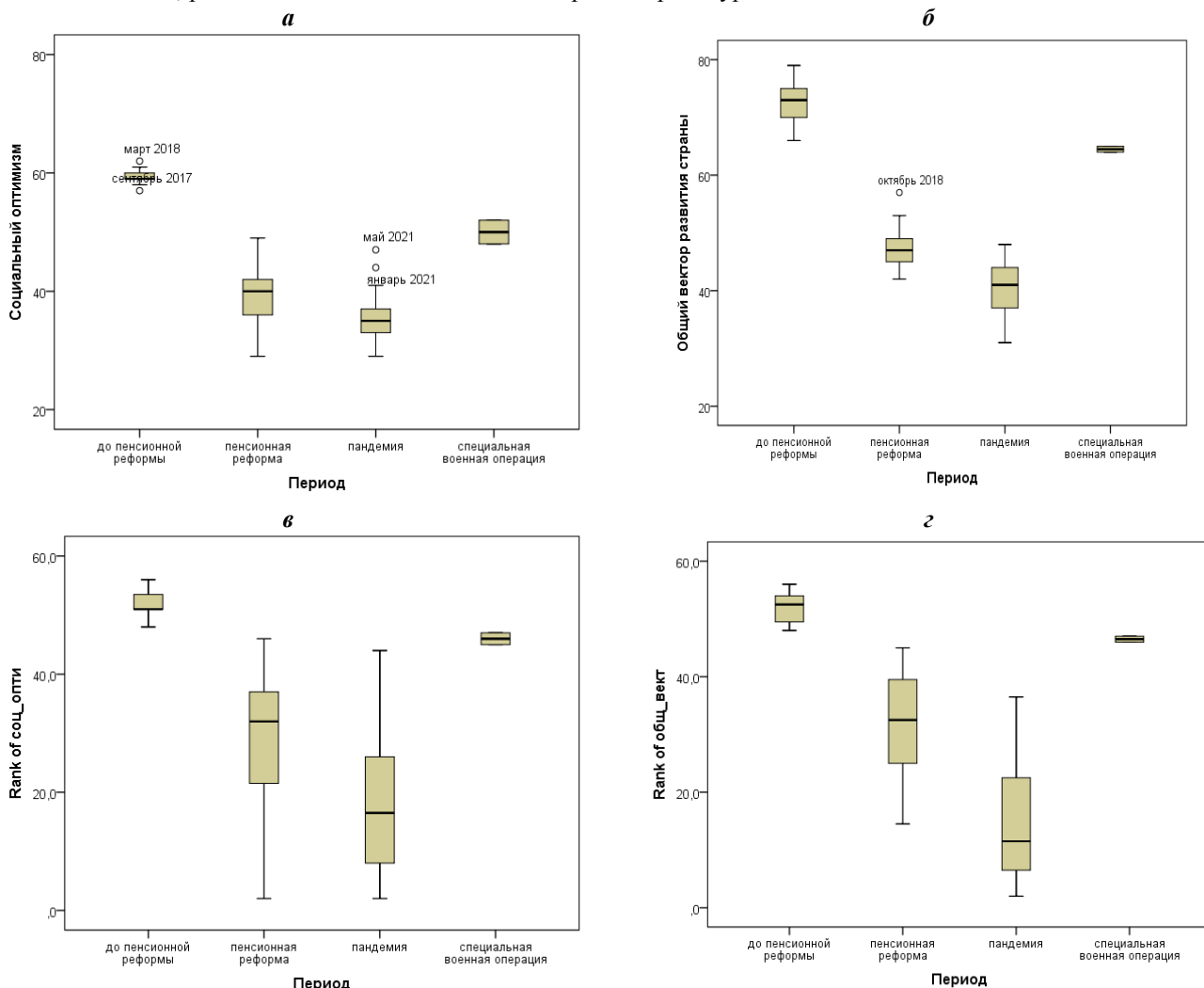

Рисунок 2.

Сравнение распределений индексов социального оптимизма и общего вектора развития страны по временным этапам анализа: а, б – эмпирические данные; в, г – распределения рангов показателей

¹ Гржибовский А.М. Анализ количественных данных для двух независимых групп // Экология человека. 2008. – № 2. – С. 54–61.

Рассмотрим теперь результаты применения критерия Краскела-Уоллиса к социологическим данным по индексам социального оптимизма и общего вектора развития страны. В пакете SPSS версии 22 такими результатами являются ряды средних рангов и статистические критерии (табл. 1 и 2 соответственно).

Таблица 1

Ряды средних рангов

Индекс	Период	Длина ряда	Средний ранг	Медиана индекса
1	2	3	4	5
Социальный оптимизм	до пенсионной реформы	9	52,00	59,00
	пенсионная реформа	21	28,57	40,00
	пандемия	24	18,17	35,00
	специальная военная операция	2	46,00	50,00
	Всего	56		
Общий вектор развития страны	до пенсионной реформы	9	52,00	73,00
	пенсионная реформа	21	32,12	47,00
	пандемия	24	15,02	41,00
	специальная военная операция	2	46,50	64,50
	Всего	56		

В табл. 1, помимо средних рангов периодов временных рядов, приведены медианные значения индексов, отражающие количественную сторону динамики субъективных мнений респондентов.

Мерой различия средних рангов периодов временных рядов является величина критерия хи-квадрат, значения которых приведены в табл. 2.

Таблица 2

Статистические критерии

Критерии	Социальный оптимизм	Общий вектор развития страны
Хи-квадрат	30,740	38,667
Ст. св.	3	3
Асимптотическая значимость	,000	,000

Согласно табл. 2, величина критерия хи-квадрат 38,667, рассчитанная для индекса общего вектора развития страны, превышает соответствующий показатель для индекса социального оптимизма ($\chi^2=30,740$), что интерпретируется как большее влияние социально значимых событий на изменение субъективных суждений респондентов по общим вопросам политики в рассматриваемый период.

Асимптотическая значимость критерия хи-квадрат высокая (не хуже 0,0005), и нулевая гипотеза о равенстве медиан рангов рассматриваемых индексов отвергается в пользу альтернативной – «по крайней мере, две медианы различаются», т.е. наблюдаются сдвиги субъективных суждений респондентов по этим двум аспектам социального настроения населения РФ.

В пакете SPSS версии 22 возможности дальнейшего (*post hoc*) анализа после принятия альтернативной гипотезы по критерию Краскела-Уоллиса не предусмотрены, и для выявления статистически значимых сдвигов необходимо выполнить попарные сравнения выборок по методу Манна-Уитни. Четырем выделенным этапам временных рядов индексов отвечает шесть попарных сравнений, подобная процедура является весьма трудоемкой, и в этой связи мы обратились к критерию Данна, рекомендуемому в работе¹ для сравнения выборок разного объема. Согласно этой работе, значение критерия Данна рассчитывается по формуле

$$Q = \frac{\bar{R}_A - \bar{R}_B}{\sqrt{\frac{N(N+1)}{12} \left(\frac{1}{n_A} + \frac{1}{n_B} \right)}}$$

где \bar{R}_A и \bar{R}_B — средние ранги двух сравниваемых выборок, n_A и n_B — их объемы, а N — общий объем всех сравниваемых выборок.

Результаты расчета критерия Данна сведены в табл. 3.

Таблица 3

Расчетные значения критерия Данна

Индекс	Сравниваемые периоды	Разность средних рангов	Критерий Данна
Социальный оптимизм	до пенсионной реформы – пенсионная реформа	23,43	3,61**
	до пенсионной реформы – пандемия	33,83	5,31**
	до пенсионной реформы – специальная военная операция	6,00	0,47
	пенсионная реформа – пандемия	10,40	2,13
	пенсионная реформа – специальная военная операция	-17,43	-1,44
	пандемия – специальная военная операция	-27,83	-2,32

¹ Гланц С. Медико-биологическая статистика / Пер. с англ. – М.: Практика, 1998. – 459 с.

Общий вектор развития страны	до пенсионной реформы – пенсионная реформа	19,88	3,06*
	до пенсионной реформы – пандемия	36,98	5,80**
	до пенсионной реформы – специальная военная операция	5,50	0,43
	пенсионная реформа – пандемия	17,10	3,51**
	пенсионная реформа – специальная военная операция	-14,38	-1,19
	пандемия – специальная военная операция	-31,48	-2,62

* значим на уровне не хуже 0,05

** значим на уровне не хуже 0,01

Сравнивая расчетные значения критерия Данна с критическими $Q_{крит}=2,639$ и $3,144$ для четырех сравниваемых выборок на уровне значимости 0,05 и 0,01 соответственно, заключаем, что статистически значимыми для составляющей социального настроения «социальный оптимизм» являются различия этапов «до пенсионной реформы – пенсионная реформа» и «до пенсионной реформы – пандемия», а для составляющей «общий вектор развития страны» к этом сравнениям добавляется пара этапов «пенсионная реформа – пандемия».

Близки к статистически значимым также различия этапов «пандемия – специальная военная операция»: критерий Данна для составляющей социального настроения «социальный оптимизм» составляет -2,32, а для составляющей «общий вектор развития страны» -2,62. Но эти значения по абсолютной величине меньше $Q_{крит}=2,639$ на уровне значимости 0,05 не по причине малости разности средних рангов (-27,83 и -31,48 соответственно), а из-за малой длины ряда последнего периода наблюдений – всего 2 измерения. По данным ВЦИОМ, тенденция увеличения поддержки Президента после начала специальной военной операции сохраняется, поэтому следует рассчитывать на сохранении тенденции роста рассматриваемых составляющих социального настроения россиян, соответственно, на статистическую значимость различия этапов «пандемия – специальная военная операция».

Более полный анализ изменений социального настроения россиян, вызванных социально значимыми событиями, можно выполнить по рис. 3, на котором представлены значения разностей средних рангов индексов социального настроения по всем шести парам сравниваемых временных этапов. Для удобства анализа на этом рисунке индексы сгруппированы по «индивидуальному» и «общественному» самочувствию: в первую группу включены индексы удовлетворенности жизнью, социального оптимизма и материального положения, во вторую – индексы экономического положения страны, политической обстановки и общего вектора развития страны.

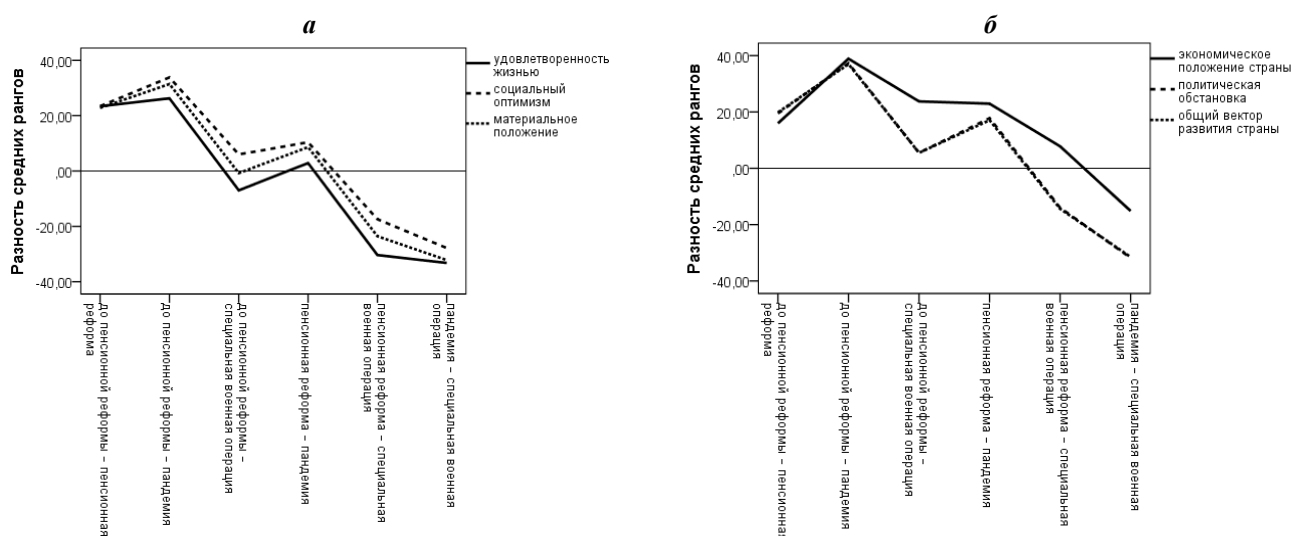

Рисунок 3.

Сравнение средних рангов индексов социального настроения по временным этапам анализа: а – сдвиги «индивидуальных» суждений; б – сдвиги «общественных» суждений

Как следует из диаграмм рис. 3 а, максимум негативных сдвигов «индивидуальных» суждений россиян проявляется в отношении социального оптимизма, позитивных сдвигов – по удовлетворенности жизнью. Сдвиги «общественных» суждений россиян в отношении общего вектора развития страны и политической обстановки идентичны, на диаграммах рисунка 3 б им отвечают и негативные, и позитивные максимумы: негативный – для этапов «до пенсионной реформы – пандемия», позитивный – для этапов «пандемия – специальная военная операция».

Абсолютные значения указанных максимумов негативных и позитивных сдвигов средних рангов достаточно велики и могут быть признаны статистически значимыми, тогда как сдвиги средних рангов частных индексов при переходе от этапа «пенсионная реформа» к этапу «пандемия» малы и не являются статистически значимыми.

3. Заключение

Выполненный анализ данных ежемесячных экспресс-опросов населения ВЦИОМ по репрезентативной общероссийской выборке в период 2017–2022 гг. статистическими методами позволяет сформулировать ряд выводов, от-

носящихся как непосредственно к мониторингу социальных настроений россиян, так и методологического плана – о возможности применения непараметрических методов к моделированию субъективных оценок зашумленных социологических данных.

Основной вывод из статистического анализа данных мониторинга социальных настроений россиян в исследуемый период – наличие в динамических рядах индексов, сформированных на базе ежемесячных социологических опросов, значительной случайной компоненты, сравнимой с трендовыми изменениями. Сильная волатильность индексов социальных настроений населения, сопровождаемая несоблюдением закона нормального распределения, вызывает значительные трудности в построении адекватных моделей их динамики. Невозможность корректного использования традиционных методов аппроксимации трендовых изменений индексов обуславливает необходимость обращения к процедуре обобщенной линейной модели, не столь критичной к нормальности их распределения, а наличие «интервенций», вызывающих резкую смену социального настроения респондентов (например, подготовка закона о повышении пенсионного возраста) – переход от «плавных» моделей тренда к кусочно-линейным моделям с фиктивными переменными.

Наряду с параметрическими методами моделирования динамики социальных процессов, в анализе временных сдвигов полезными оказываются непараметрические методы, среди которых омбусный метод выявления различия медиан выборок по критерию Краскела-Уоллиса с последующими попарными сравнениями по критерию Данна. На примере динамики индексов социального оптимизма и общего вектора развития страны показано, что такой подход позволяет сравнивать отрезки временных рядов, включающие «сверхкороткие» участки длиной всего 2–3 измерения.

На основании выполненных исследований можно утверждать, что непараметрические методы анализа сдвигов в зашумленных временных рядах, наряду с дисперсионным анализом с использованием процедуры обобщенной линейной модели, являются эффективными инструментами выявления тенденций общественного развития, изучаемых социологическими методами.

Бондарь Т.Е.

к.э.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: *распределительная концепция финансов; переосмысление теории финансов, финансовые ресурсы, финансовое обеспечение деятельности коммерческих организаций.*

Keywords: *distributive concept of finance; rethinking the theory of finance, financial resources, financial support for the activities of commercial organizations.*

Основная масса проблем финансового обеспечения деятельности коммерческих организаций имеет выраженное практическое происхождение – является прямым или косвенным результатом неэффективного менеджмента. В то же время в последние годы все чаще заявляют о себе негативы, порожденные устаревшими теоретическими воззрениями на финансы. При этом теоретическая неопределенность достигла таких масштабов, что вполне справедливо рассматривается многими учеными и практиками в роли обстоятельства, реально сдерживающего социально-экономическое развитие общества. Она приводит к обезличиванию финансовых ресурсов, к их уводу из зоны активного внимания финансового менеджмента. А вытекает это обезличивание из «размытости» толкования самих терминов «финансы» и «финансовые ресурсы» в рамках распределительной концепции сущности финансов, на которой построена белорусская финансовая школа.

Следует признать, что к настоящему времени положения этой концепции финансов стали противоречить финансовой практике, а эти противоречия превратили финансы коммерческих организаций в абстрактную научную категорию не понятную даже специалистам. А все мы стали свидетелями недопустимого прецедента – отрыва провозглашенных ею теоретических постулатов от сложившейся практики функционирования финансов организаций¹.

Разберемся в проблемах распределительной концепции финансов. Напомним, она основана на особых отношениях, позволяющих часть созданной стоимости доводить до потребителя не через «куплю-продажу», а путем распределения – «выделения ему определенной доли»².

Предметом распределения была определена прибавочная стоимость. Считалось, что только она, без ущерба для простого воспроизводства, могла получать особый распределительный формат движения к потребителю. Она могла обособляться от нужд процесса простого воспроизводства, направляться в целевые фонды (централизованные и децентрализованные), из которых финансировались нужды государства и нужды расширенного производства в организациях.

Для обозначения этого особого распределительного формата движения созданной стоимости к потребителю в деловой оборот были введены термины «финансы», «финансовые отношения». Они стали использоваться параллельно, с такими привычными терминами как «деньги», «денежные отношения». Финансовые отношения признавались специфической частью денежных отношений. Деньгам предписывалось опосредовать акты купли-продажи при покрытии затрат простого производства. Финансовые ресурсы опосредовали «выделение доли» и предназначались для покрытия нужд расширенного производства. Под денежными средствами организации понимались все средства, поступившие в ее кассу или на расчетный счет. Под финансовыми ресурсами организации понималась только та часть денежных средств, «которая остается в распоряжении предприятия после финансирования текущих расходов»³.

При таком раскладе, парадигма распределительной концепции финансов базировалась исключительно на разграничении терминов «деньги» и «финансы», «денежные и финансовые отношения». В ее постулатах четко прописывались разграничительные признаки этих категорий. Так, сферу финансовых (распределительных) отношений характеризовало 1) одностороннее, 2) безэквивалентное, 3) фондовое движение стоимости, 4) финансирование расширенного воспроизводства. В отличие от двустороннего, эквивалентного, нефондового ее денежного движения в обменных сделках, опосредующих простое воспроизводство.

Разграничительные постулаты распределительной концепции финансов долгие годы исправно стояли на страже распознавания близких, родственных, но не тождественных категорий «деньги» и «финансы». Они идеально вписывались в каноны административно-командной плановой экономики, где государством распределялась большая часть доходов общества, его ресурсов. Однако с переходом отечественной экономики к рыночной модели хозяйствования, постулаты распределительной концепции финансов на уровне микроэкономики постепенно прекратили свою разгра-

¹ Ковалев В.В. Эволюция категории финансы // Вестник ВЭГУ. 2011. – № 1. – С. 40; Рожков Ю.В. Анализ состояния науки о финансах: теоретико-методологический аспект / Ю.В. Рожков, В.В. Глухов // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 9 (99). – С. 10.

² Энциклопедический словарь экономики и права. – <http://dic.academic.ru/searchall.php>

³ Павлова Л.Н. Финансовый менеджмент на предприятиях и коммерческих организациях. Управление денежным оборотом. – М.: Финансы и статистика, 2003. – С. 18.

нительную миссию, перестали объяснять распределительную сущность финансов организаций. Аргументируем это наше наблюдение.

Так, эквивалентность сделок в обменной сфере была нарушена прекращением работы классической теории денег, полноценные деньги потеряли связь с (золотым обеспечением), автоматическое действие закона стоимости осталось в прошлом¹. Разграничение «финансов» и «денег» по этому признаку стало невозможным. Возьмем, к примеру, заработную плату как цену рабочей силы. В идеале она призвана зафиксировать строго эквивалентный обмен между работником и работодателем, между объемом вложенного труда и его стоимостью. Однако сегодня такая эквивалентность нарушается необходимостью установления: во-первых, нижнего предела заработной платы, ориентированного на обеспечение прожиточного минимума и, во-вторых, верхнего ее предела как способа борьбы с инфляционными тенденциями. Является совершенно очевидным – объем заработной платы, получаемый сегодня работниками, уже не является результатом чистой обменной (эквивалентной) сделки – его формируют и распределительные процессы.

Фондовое существование финансовых потоков не вошло в практику ведения бизнеса в рыночной экономике и, в итоге, обязательность формирования децентрализованных фондов была отменена, а самый «капиталоемкий» из этих фондов (амортизационный фонд) полностью перестал формироваться в Беларуси с 2011 года. Разграничение категорий «финансы» и «деньги» по этому признаку тоже прекратило свою работу.

Возникли серьезные претензии к теоретическому обоснованию и предмета распределения – прибавочной стоимости. Многие отечественные организации являются сегодня низкорентабельными (практически не производят прибавочную стоимость) или убыточными (не в полной мере воспроизводят и необходимую стоимость). В такой ситуации категоричность позиции по рассмотрению прибавочной стоимости в роли объекта распределения, по меньшей мере, неуместна. Фактически распределительные отношения начинаются с использования выручки – уплаты из нее косвенных налогов, возмещения затрат производства и т.п.

Постулат распределительной концепции об ограничении сферы использования термина «финансы» нуждами только расширенного воспроизводства не поддерживается практикой. Финансовый менеджмент организаций в одинаковой мере отвечает за простое и расширенное производство. И в первую очередь – за простое производство. Оно, кстати, может осуществляться и без расширенного воспроизводства. А вот расширенное производство без эффективного простого воспроизводства – невозможно. Если финансовая служба предприятия не может обеспечить его всем необходимым для производства продукции, ее реализации и получения выручки, то прибыльное функционирование предприятия и его виды на расширенное производство будут всегда оставаться под большим вопросом. Именно качество финансового менеджмента в сфере простого воспроизводства (денежной сфере) обеспечивает организации определенный уровень ее финансового состояния, финансовой независимости, финансовой устойчивости.

Все приведенные аргументы свидетельствуют об одном: отличительные признаки финансов коммерческих организаций на практике более не работают. Они не могут однозначно дифференцировать категории «деньги» и «финансы», финансовые и денежные отношения, что в границах распределительной концепции (и мы это особо подчеркиваем) требуется постоянно. Компенсация этого недостатка потребовала введения в теорию финансов отдельной линии разговоров, дополняющих, поясняющих некорректную работу разграничительных признаков этих категорий. Однако следует признать, что все это является лишь подтасовкой реалий под неработающие постулаты распределительной концепции финансов.

Сегодня уже более чем очевидно, что сфера практического использования финансовых ресурсов коммерческих организаций вышла за границы, предписанные им когда-то распределительной концепцией финансов, плановой экономикой с их базовой установкой на получение прибавочной стоимости и ее непременно фондовое использование. По инерции финансовая наука и сегодня продолжает упорно смотреть на финансы через разграничительную призму денег. Однако очевидно, что произошло и продолжает происходить стирание границ между деньгами и финансами, и уже «практически невозможно выделить чисто денежный нефинансовый контингент в общей денежной массе»².

Теоретическая неопределенность распределительной концепции финансов создала предпосылки для неудобства, связанного с контролем за адекватным применением этих терминов. Пожалуй, каждый из нас был свидетелем использования практиками таких фраз: 1) организация испытывает финансовые трудности и не может своевременно оплатить, к примеру, счета за электроэнергию; 2) у организации есть деньги, чтобы оплатить учебу работника. В обоих этих случаях, с точки зрения теории финансов, допускается лексическая некорректность: электроэнергию мы оплачиваем деньгами (простое воспроизводство), а оплату учебы финансируем (расширенное воспроизводство). В этой связи, возникают вопросы: зачем поддерживать такую сложную (некогда работающую и совсем не работающую сегодня) схему разграничения терминов «деньги» и «финансы». Ведь прагматизм практиков уже все прояснил – денежные средства, которыми оперирует организация, вкладывает их в дело и есть ее финансовые ресурсы, предназначенные как для простого, так и для расширенного воспроизводства.

Изучив проблемы распределительной концепции финансов, в своих прежних работах³ мы неоднократно инициировали переход к ресурсной концепции финансов, к их пониманию как потоков, отвечающих за ресурсообеспе-

¹ Тарасов В.В. Генезис основных теорий денег // Банковский вестник. 2007. – № 22 (387). – С. 12-18.

² Самаруха В.И. К вопросу о сущности и функциях денег и финансов: дискуссионный аспект / В.И. Самаруха, И.В. Самаруха // Сибирская финн. школа. 2018. – № 1. – С. 6.

³ Бондарь Т.Е. Теория финансов и необходимость ее развития // Научные труды БГЭУ. – Минск, 2016. – № 9. – С. 35–42; Бондарь Т.Е. Финансовые ресурсы организации в контексте развития распределительной концепции финансов // Научные труды БГЭУ. – Минск, 2017. – № 10. – С. 44–50; Бондарь Т.Е. Дискуссионность финансовой науки и качество финансового образования // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2020. – № 13. – С. 37–43; Бондарь Т.Е. Гносеологические причины дискуссионности сущности финансов: современный взгляд // Вестник БГЭУ. – Минск, 2021. – № 1. – С. 89–95; Бондарь Т. Дискуссионность современной финансовой науки / Lambert Academic Publishing. 2020. – 90 с.; Бондарь Т.Е. Системный взгляд на дискуссионность финансовой науки как способ ее преодоления // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2021. – № 5. – С. 15–20.

ченность государства и субъектов хозяйствования. По нашим оценкам, ресурсное толкование финансов значительно упростит их понимание. Ведь в границах такой парадигмы отпадет необходимость деления средств коммерческой организации на денежные и финансовые потоки. В основу ресурсной концепции мы закладываем понимание финансов как работающих денег организации. На расчетный счет или в кассу коммерческой организации поступают денежные средства в виде выручки от реализации продукции, работ, услуг; доходов от инвестиционной и финансовой деятельности. Но как только организация начинает распоряжаться ими, вкладывает их в деловой оборот – денежные средства становятся ее финансовыми ресурсами. Под финансовыми ресурсами организации мы предлагаем понимать совокупность всех без исключения ее денежных средств (собственных и привлеченных, фондовых и безфондовых, эквивалентных и неэквивалентных), находящихся в ее распоряжении, предназначенных как для простого, так и для расширенного воспроизводства.

Предлагаемый нами взгляд на финансы прост, лишен теоретической неопределенности, он востребован практикой. Ведь важнейшей положительной характеристикой любой науки является безупречность ее теоретических основ, ее парадигмы и постулатов, прозрачность путей превращения научных гипотез в научную истину и возможность постановки последних на службу социально-экономическому развитию общества. Финансовые ресурсы организации, их количественные и качественные характеристики всецело определяют ее финансовое благополучие, финансовую устойчивость, платежеспособность, потенциальные возможности и конкурентоспособность. Разночтения в понимании финансовых ресурсов приводят к тому, что на практике «размывается» предмет финансового менеджмента в этой сфере. А управление объемами, структурой финансовых ресурсов в условиях их перманентного дефицита – это задача номер один в организации успешного финансового обеспечения бизнеса.

Бунь А.В.

к.э.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет

Емельяненко С.М.

студент, Белорусский государственный экономический университет

Самосюк А.С.

студент, Белорусский государственный экономический университет

ОРГАНИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ СМЕТЫ

Ключевые слова: *внутренний аудит, отчет об исполнении бюджетной сметы, аудит, форма документа.*

Действующий закон Республики Беларусь «Об аудиторской деятельности» от 12.07.2013г., №56-3 регулирует лишь внешний аудит, внутренний аудит проигнорирован, так как он производится внутри субъекта хозяйствования, подотчетен собственникам или руководству организации и не преследует цели получения прибыли от оказания услуг и консультирования. Данное обстоятельство негативно влияет на развитие внутреннего аудита в Республике Беларусь.

Ряд нормативных правовых актов Республики Беларусь требует создания службы внутреннего аудита в финансовых организациях и организациях, претендующих на допуск к обращению и размещению на бирже ценных бумаг. Таким образом, сложившиеся экономические условия обуславливают развитие правовой платформы для внутреннего аудита.

Странами-участниками СНГ наряду с модельным законом «Об аудиторской деятельности» принят модельный закон «О внутреннем аудите в государственном секторе», в котором содержатся принципы и правовые основы осуществления внутреннего аудита в организациях государственного сектора, а также порядок регулирования отношений, возникающих в процессе формирования, планирования, проведения внутреннего аудита и составления аудиторского отчета. Указание на область применения – государственный сектор сужает сферу использования внутреннего аудита.

Основное назначение внутреннего аудита в организациях государственного сектора – совершенствование системы управления, предотвращение фактов незаконного, неэффективного и нерезультативного использования бюджетных средств, возникновения ошибок или других недостатков в деятельности бюджетного учреждения и подведомственных ему учреждений, а также выявление и оценки рисков в организациях государственного сектора, оценки адекватности и эффективности систем финансового управления и контроля.

Исходя из основных задач и целей модельного закона «О внутреннем аудите в организациях государственного сектора», можно выделить следующие основные подготовительные этапы для последующего внутреннего аудита:

- 1) Анализ рисков и значимости отдельных показателей
- 2) Информирование вышестоящих органов о возможных рисках
- 3) Ранжирование рисков по степени существенности
- 4) Непосредственная проверка и оценка актуальности процесса управления рисками.

Наиболее значимым документом для проверки и оценки рисков в бюджетных организациях является отчетность об исполнении бюджетной сметы, т.к. данный документ наиболее полно отражает эффективность и целевое использование бюджетных ассигнований.

В целях систематизации и контроля за составление отчета об исполнении бюджетной сметы следует регламентировать форму документа, в котором будет отражаться внутренняя увязка показателей.

Таблица 1

Внутренняя увязка показателей отчета об исполнении бюджетной сметы

Результирующий показатель (строка)	Показатели, увязываемые с итоговыми показателями (строка и наименование)
090	001 «Текущие расходы» + 060 «Капитальные расходы» + 081 «Финансовый резерв»
001	002 «Закупки товаров и оплата услуг» + 045 «Текущие бюджетные трансферты»
002	003 «Заработная плата рабочих и служащих» + 004 «Взносы на социальное страхование» + 010 «Приобретение предметов снабжения и расходных материалов» + 016 «Командировки и служебные разъезды» + 020 «Оплата транспортных услуг» + 021 «Оплата услуг связи» + 022 «Оплата коммунальных услуг» + 028 «Оплата геологоразведочных услуг» + 029 «Оплата услуг по типовому проектированию» + 030 «Прочие текущие расходы на закупки товаров и оплату услуг»
045	046 «Субсидии» + 052 «Текущие бюджетные трансферты населению» + 057 «Текущие бюджетные трансферты за границу»
060	061 «Капитальные вложения в основные фонды» + 064 «Создание государственных запасов и резервов» + 067 «Приобретение земли и нематериальных активов» + 070 «Капитальные бюджетные трансферты»

Данный документ позволяет оптимизировать работу проверяющего органа, а также приводит к недопущению ошибок в учете кассовых и фактических расходов по подстатьям, элементам экономической классификации расходов.

Помимо внутренней увязки показателей отчета об исполнении бюджетной сметы, существует взаимосвязь показателей отчета с другими формами отчетности, что также помогает проверить правильность и корректность расчетных показателей.

Для проверки кассовых и фактических расходов необходимо к сумме фактических расходов за отчетный период, представленных в отчете об исполнении бюджетной сметы, прибавить кредиторскую задолженность на начало года и вычесть кредиторскую задолженность на конец отчетного периода, прибавить остатки материалов, дебиторскую задолженность на конец отчетного периода и вычесть остатки материалов, дебиторскую задолженность на начало года. Полученный результат должен равняться сумме кассовых расходов по соответствующему элементу расходов. Для наглядности данные можно представить в виде формулы (1):

$$P_f - OM_n + OM_k - DZ_n + DZ_k + KZ_n - KZ_k = P_k \quad (1),$$

где P_f – сумма фактических расходов за отчетный период;

OM_n – остаток материалов на начало отчетного периода;

OM_k – остаток материалов на конец отчетного периода;

DZ_n – дебиторская задолженность на начало отчетного периода;

DZ_k – дебиторская задолженность на конец отчетного периода;

KZ_n – кредиторская задолженность на начало отчетного периода;

KZ_k – кредиторская задолженность на конец отчетного периода;

P_k – сумма кассовых расходов по соответствующему элементу расходов.

В заключение стоит отметить необходимость проведения внутреннего аудита отчета об исполнении бюджетной сметы, так как исполнение бюджета является неотъемлемой частью бюджетного процесса, которая отражает эффективность работы бюджетных организаций, а также целенаправленность расходовемых ими средств.

Бунь А.В.

к.э.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск
anna_bun@tut.by

Недведь Д.М.

студент, Белорусский государственный экономический университет, Минск
daryanedved02@gmail.com

Шумик И.С.

студент, Белорусский государственный экономический университет, Минск
irashumik31@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ АУДИТОРСКОЙ ВЫБОРКИ

Ключевые слова: аудиторская выборка; этапы тестирования; методы; проблемы и недостатки методов; аудиторские программы.

Keywords: audit sample; testing stages; methods; problems and shortcomings of methods; audit programs.

Изучение проблем аудита занимает важное место в экономической науке, но некоторые вопросы применения аудиторской выборки остаются нерешенными.

Аудиторская выборка заключается в том, что выбирается несколько элементов для изучения и на основе данных сведений делается вывод обо всей проверяемой совокупности.

Преимуществом аудиторской выборки перед аудиторской проверкой является то, что выборка требует гораздо меньше сил и времени.

На этапе планирования тестирования при анализе проверяемой совокупности аудиторской организации необходимо:

- проанализировать конкретные цели теста, которые должны быть достигнуты, и определить то сочетание аудиторских процедур, которое в наибольшей мере будет способствовать достижению этих целей;
- проанализировать надлежащий характер и достаточность аудиторских доказательств, необходимых для достижения целей теста, а также критерии, определяющие ошибки и характеристики проверяемой совокупности;
- провести предварительную оценку величины ожидаемой ошибки, которую предполагается обнаружить применительно к проверяемой совокупности, а также предварительную оценку уровня риска средств контроля¹.

Аудиторской организации на этапе планирования тестирования необходимо определить проверяемую совокупность, которая будет подвергнута тестированию; элементы наибольшей стоимости и ключевые элементы; количество элементов, подлежащих отбору для проверки; метод отбора элементов выборки.

Выборка может быть статистической и нестатистической (или произвольной). Статистическая выборка применяется в случаях, когда обнаружены повторяющиеся ошибки, которые проявляются с определенной частотой и в определенном количестве, а также когда оценивается масштаб распространения данных ошибок.

Основными методами *статистической выборки* являются:

- возвратная выборка (не исключаются из отбора элементы, которые ранее подвергались проверке);
- безвозвратная выборка (исключаются из отбора элементы, которые ранее подвергались проверке);
- механическая выборка (предполагает предварительное ранжирование единиц проверяемой совокупности);
- серийная выборка (отбор элементов для проверки осуществляется не единицами, а сериями) и другие методы².

Произвольная выборка проводится тогда, когда проведение статистической выборки невозможно. Например, если совокупность изучаемых элементов неоднородна. Основными методами произвольной выборки являются беспорядочный отбор и оценочные методы.

Также существует требование о том, что выборка должна быть представительной или репрезентативной.

Для обеспечения данного требования используются такие методы, как случайный, систематический и комбинированный отборы. Суть случайного отбора проста: элементы выбираются случайным образом. Систематический отбор заключается в том, выбор элементов производится через определенный интервал. Комбинированный метод может сочетать оба метода.

Но в аудиторской выборке, а точнее, в выборе метода ее проведения наблюдаются проблемы в отношении достоверности, так как в зависимости от исследуемой организации и интересующего аудитора объекта изучения, аудитор

¹ Национальные правила аудиторской деятельности «Выборочный способ и другие способы тестирования в аудите»: постановление Министерства финансов Респ. Беларусь, 9 июля 2001 г., № 77 // Эталон Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2022.

² Лемеш В.Н. Контроль и аудит: учебное пособие. 4 изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2022. – 316 с.

должен выбрать наиболее подходящий метод, который не будет искажать информацию и сможет предоставить наиболее точные результаты.

Рассмотрим возможные проблемы в каждом методе аудиторской выборки.

Недостатком в *возвратной выборке* является то, что если один и тот же элемент, попадающий в выборку несколько раз, значительно влияет на результат проверки, либо практически не влияет на него, то это приведет к завышенным либо к заниженным результатам проведения данного обследования.

В *безвозвратной выборке* из-за того, что в выборку не попадают те элементы, которые ранее подвергались отбору, результаты обследования могут быть более достоверными. Но это имеет место только в том случае, если данный метод применялся и ранее, чтобы можно было проанализировать всю совокупность и получить достоверный результат.

Недостатком *механической выборки* является то, что если проверке подвергается некая большая совокупность объектов исследования и из нее выбираются лишь единицы, то достоверность результатов будет достигнута только при условии, что будут взяты максимально возможное число единиц данной совокупности.

При работе с большим объемом совокупности *серийная выборка* усложнит работу аудитора, т.к. объем проверки достаточно большой.

Недостаток *оценочного метода* заключается в том, что здесь не существует каких-то ограниченных критериев для оценки элементов совокупности, и из-за этого результат может оказаться как завышенным, так и заниженным.

Беспорядочный отбор не практичен для дальнейшего структурирования информации. *Случайный отбор* схож с беспорядочным отбором.

Системный метод подразумевает выбор элементов через определенный интервал, что также имеет свои недостатки, так как может быть пропущен важный аспект, влияющий на результаты выборки. *Комбинированный метод* также не практичен для структурирования информации.

На этапе оценки результатов аудитор обязан проверить и проанализировать результаты проверки. При выявлении ошибок следует пояснить ее характер, причину возникновения и оценить ее влияние на полученный результат.

По итогам данного анализа необходимо сделать выводы о том, можно ли назвать полученные результаты достоверными и использовать их в качестве аудиторских доказательств и выявить необходимость дополнительной проверки. Все этапы организации и проведения проверки аудитор должен отражать в рабочей документации¹.

Аудиторские организации используют специальные программы для того, чтобы более эффективно, быстро, точно и с минимальными ошибками проводить проверку. В настоящее время существует большое количество аудиторских программ, благодаря которым аудиторские процедуры проходят быстро и удобно. В качестве примеров можем привести такие программы, как:

- Экспресс-аудит ПРОФ – это программа, предназначенная для полного перечня задач по проведению аудиторской проверки финансово-хозяйственной деятельности коммерческого малого или среднего предприятия;

- Аудит ХР «Комплекс Аудит» – преимуществом данной программы является то, что она автоматизирует практически все рутинные операции, которые выполняются аудиторами во время проверки. Еще одним преимуществом данной программы является то, что она существенно снижает трудоемкость и вероятность совершения ошибки, что сокращает сроки и повышает качество проведения аудиторской проверки. Программа работает в точном соответствии с действующими Международными стандартами аудита (далее МСА).

МСА призваны регулировать единство организации, порядка и оформления процедур, а также результатов аудиторской деятельности. Система стандартов позволяет регулировать аудиторскую деятельность с учетом тенденций ее развития в международном масштабе, специфики нормативного правового регулирования хозяйственной деятельности и аудита на уровне отдельного государства, а также методик, применяемых аудиторскими организациями. МСА не отменяют национальных нормативных актов, регулирующих аудит финансовой отчетности в каждой отдельной стране, они призваны способствовать развитию и совершенствованию регулирования аудиторской профессии, а также унификации подходов к аудиту².

Более подробно хотелось бы рассказать о программном обеспечении “документация аудита” так как эта программа разработана в нашей стране.

Документирование аудита – это программный пакет, предназначенный для проведения качественного аудита на предприятии, он разработан в соответствии с Правилами аудиторской деятельности Республики Беларусь.

Документирование аудита является первым и пока единственным программным обеспечением для проведения аудита в Республике Беларусь.

Основные возможности программного пакета Документирование аудита:

- включает в себя основные аудиторские процедуры, предназначенные для проведения аудиторской проверки;
- включает в себя основные аналитические процедуры, а именно расчет аудиторских рисков, уровня существенности, 15 типов выборки, отклонений по результатам выборок;
- позволяет применять различные методологии проверки сегментов учета в зависимости от видов деятельности, финансовых показателей и специфических особенностей деятельности аудируемого лица;

¹ Национальные правила аудиторской деятельности «Выборочный способ и другие способы тестирования в аудите»: постановление Министерства финансов Респ. Беларусь, 9 июля 2001 г., № 77 // Эталон Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2022.

² Там же.

- функционирует в совместном режиме, т.е. позволяет аудиторской группе объединять и совместно корректировать свои данные, что значительно уменьшает риск необнаружения ошибок в смежных сегментах бухгалтерской отчетности аудируемого лица;

- позволяет осуществить загрузку/выгрузку необходимых данных во внешние файлы (например, договор на оказание аудиторских услуг, отчет по результатам аудита, аудиторское заключение).

Гулямов С.С.

д.э.н., академик АН Узбекистана, профессор Института по переподготовке кадров и статистических исследований, Ташкент

Шермухамедов А.Т.

д.ф.-м.н, профессор кафедры «Цифровая экономика и математические дисциплины» Ташкентского филиала Российского экономического университета

Abbas_sh@inbox.ru

Хайитматов У.Т.

к.т.н., доцент Института по переподготовке кадров и статистических исследований

Родионов А.А.

соискатель, Институт по переподготовке кадров и статистических исследований

Джуманиязов Ш.Р.

соискатель, Институт по переподготовке кадров и статистических исследований

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: цифровая экономика, критерии оценки, эффективность, риски и отрасли цифровой экономики, система индикаторов, цифровые ресурсы.

Keywords: digital economy, evaluation criteria, efficiency, risks and industries of the digital economy, system of indicators, digital resources.

Цифровая экономика – это деятельность, непосредственно связанная с электронной коммерцией и способствующая формированию новых моделей бизнеса. Она оказывает влияние на развитие инноваций, инвестиций, поиска и обучения сотрудников, обмена знаниями, реализации инновационных идей, в том числе и в социальной сфере. Цифровая экономика является базой развития всего общества в целом и оказывает воздействие на разнообразные отрасли. Поэтому одной из важнейших задач является оценка её эффективности.

В современном мире вопрос о формировании цифровой экономики все чаще выходит на первый план, поскольку данный тип экономики является новым. В нем заметны вопросы, связанные с обработкой, хранением, передачей и использованием увеличивающегося объема данных. Как утверждает ряд экспертов, в настоящее время для экономического агента становится важным не сам факт обладания каким-либо ресурсом, а наличие данных об этом ресурсе и возможность их использования с целью планирования своей деятельности.

Процесс формирования цифровой экономики как новой экономической системы в современных условиях сохраняет свою актуальность. Многие страны связывают свое дальнейшее развитие с внедрением информационных технологий в процесс производства и повседневную жизнь общества. Следовательно, под «цифровой экономикой» следует понимать современный тип хозяйствования, который характеризуется ключевой ролью данных, а также методов управления ими как главного ресурса в сфере производства, распределения, потребления и обмена.

Цифровая экономика оказывает большое влияние на такие отрасли как банковская деятельность, розничная торговля, транспорт, государственное управление, кибербезопасность, энергетика, маркетинг, реклама, образование, здравоохранение, медиа и развлечения.

Центром цифровой экономики является сектор производства цифровых товаров и оказания услуг, которые, в первую очередь, связаны с цифровыми технологиями. Статистика стран ОЭСР указывает на увеличение расходов предприятия на исследования, связанные с цифровыми технологиями, что свидетельствует о том, что сектор цифровых технологий играет важнейшую роль в инновациях.

В настоящее время в Узбекистане развивается и становится доступней цифровая инфраструктура, повышается качество коммуникационных сетей по мере внедрения технологий 4G и оптоволоконных средств передачи данных, при этом снижаются цены, в частности, на услуги мобильной связи, увеличиваются возможности по использованию мобильных устройств для доступа в Интернет.

Можно выделить следующий перечень мер, осуществляемых нашим государством и направленных на формирование цифровой экономики: совершенствование инфраструктуры, представляющей основу для формирования новых моделей ведения бизнеса и построения научных и социальных сетей; снижение барьеров в отраслях цифровой экономики; повышение уровня владения цифровыми технологиями, обучение и переквалификация специалистов; развитие цифрового сектора экономики.

Для определения уровня развития цифровой экономики странами ОЭСР создана система индикаторов, характеризующая следующие направления: совершенствование высокотехнологичного сектора экономики, его удельный вес в продукции обрабатывающей промышленности и услугах; инвестиции в научные разработки, разработку программного обеспечения, расходы на образование и дополнительную переподготовку; разработка и выпуск информационно-коммуникационного оборудования; создание рабочих мест в сфере науки и высоких технологий; показатели кооперации между корпорациями, венчурными фирмами, университетами и научно-исследовательскими организациями; ме-

ждународные потоки знаний, международное сотрудничество в области науки и инноваций; мобильность ученых, инженеров, студентов; динамика распространения Интернета; доля высокотехнологичной продукции в международной торговле.

В целом, согласно методике ОЭСР, можно выделить четыре критерия анализа цифровой экономики: параметр, связанный со сферой занятости, пространственный критерий, технологический и экономический. Изменение социально-экономических отношений осуществляется в результате того, что все большая часть занятых работает в цифровой сфере экономики. Уменьшение доли занятых в сфере производства и увеличение в сфере услуг расценивается как замещение физического труда информационным. Так как основным ресурсом в данном случае являются данные, существенное увеличение доли труда в сфере их обработки может рассматриваться как переход к цифровой экономике.

Статистические наблюдения свидетельствуют об увеличении доли людей, работающих в сфере услуг, большая часть из них тем или иным образом связана с деятельностью по обработке каких-либо данных, исходя из этого, представляется обоснованным говорить о развитии цифровой экономики. Главная проблема данного критерия состоит в сложности оценки сотрудников, занимающихся обработкой данных.

В пространственном критерии большое внимание уделяется сетям передачи данных, связывающим различные места и содействующим формированию глобального экономического пространства. Сети передачи данных представляют собой важную отличительную черту современного общества. Важным моментом является то, какой аспект, связанный с сетями передачи данных рассматривать при изучении цифровой экономики. Будет ли это чисто технологический аспект, либо же необходимо рассматривать и другие аспекты, такие как количество данных, передаваемых по этим сетям, качество этих данных и т.д.

Экономический критерий предполагает учет роста экономической ценности в области деятельности по созданию, передаче, обработке и хранению данных. Если в экономической сфере такого рода активность преобладает над деятельностью в области сельского хозяйства и промышленности, то можно говорить о переходе к цифровой экономике. Помимо этого, сами данные в таких условиях становятся объектом экономических отношений. Специализированные компании, научно-исследовательские организации предоставляют услуги по сбору, анализу данных для целей заказчика и, соответственно, такие данные обретают определенную стоимость. Основная проблема экономического критерия состоит в том, что за большим статистическим материалом, свидетельствующем о повышении роли данных в экономической деятельности, их действительное влияние на деятельность компаний рассматривается достаточно поверхностно, а методики оценки эффективности деятельности сотрудников, связанной с обработкой данных и их интерпретацией, недостаточно совершенны.

Основной технологический критерий является большое количество технологических инноваций в области информационно-коммуникационных технологий, ставших доступными широкому кругу пользователей. Новые технологии являются самым явным признаком изменения экономических систем.

Главная идея таких рассуждений заключается в том, что увеличившийся объем технологических инноваций в области обработки и передачи данных служит толчком к переустройству социально-экономических отношений, так как их воздействия достаточно важны. Многие учёные в своих работах отмечают важность влияния технологических инноваций. Такие рассуждения подкреплены возможностью компьютерных технологий трансформировать сферу телекоммуникаций и объединить эти технологии, результатом чего стало развитие таких сервисов, как электронная почта, передача данных в виде текста, аудио и видео файлов, социальных сетей, мессенджеров и т.д.

Распространение цифровых технологий дает повод к рассуждению о формировании новых социально-экономических отношений, цифровой экономики. На текущий момент существует достаточно большое количество методик формирования рейтинговых показателей для оценки эффективности цифровой экономики: индекс готовности к сетевой экономике, индекс готовности к электронной коммерции, индекс информатизации общества, индекс цифровых возможностей, индекс готовности стран к электронному правительству.

Среди данных параметров наиболее емко оценивает эффективность развития цифровой экономики индекс готовности к сетевой экономике. Он разработан Центром международного развития Гарвардского университета при поддержке Всемирного банка в рамках проекта INFODEV и рассчитывается с 2002 г. Данный индекс показывает, во-первых, степень, в которой каждая страна участвует в цифровой экономике, и, во-вторых, потенциал участия страны в цифровой экономике в будущем. Для построения индекса используются данные официальных организаций, таких как Всемирный банк, Международный телекоммуникационный союз, Альянс в области коммерческого программного обеспечения.

Индекс готовности к сетевой экономике состоит из двух основных составляющих – уровень использования информационно-коммуникационных технологий и группа способствующих факторов. Уровень использования информационных технологий рассчитывается как степень распространения информационно-коммуникационных технологий в каждой конкретной стране. Первые четыре показателя этого компонента являются официальными данными, а последний (возможность доступа к Интернету) – экспертный показатель, который определяется в результате опроса. Способствующие факторы оценивают условия, необходимые для качественного использования сетевых технологий, а также отражают потенциал страны в области информационно-коммуникационных технологий в будущем. Эти факторы включают сетевой доступ, сетевую политику, сетевое общество, сетевую экономику и сетевое обучение.

Индекс готовности к электронной коммерции фиксирует возможности разных стран участвовать в цифровой экономике. В данном индексе для оценки эффективности цифровой экономики используются следующие пять взаимосвязанных показателей: доступ к Интернету; руководство переходом к информационной экономике; информационная безопасность; человеческий капитал; условия для ведения электронной коммерции.

Показатель «доступ к Интернету» включает в себя несколько составляющих компонентов. Это наличие служб проводной и беспроводной связи, платных и бесплатных центров доступа к Интернету в сообществах; компьютеров, подключенных к Интернету в коммерческих организациях, школах и домохозяйствах. Кроме того, в данном показате-

ле учитывается доступность и надежность подключения к Интернету. Второй показатель данной методики характеризуется оценкой процесса автоматизации государственных служб, и, в целом, оценкой деятельности государства и коммерческих организаций по созданию единого информационного пространства внутри страны. Третий показатель – информационная безопасность отражает уровень правовой защиты интеллектуальной собственности в стране, в частности, программного обеспечения. Четвертый показатель показывает качество системы образования в стране, в особенности технического, качество квалификации и эффективности рабочей силы. Последний показатель данной методики отражает наличие благоприятных и способствующих условий для развития электронной коммерции.

Следует упомянуть еще об одном показателе, который позволяет оценить уровень развития информационной экономики в стране – это индекс информатизации общества. Он рассчитывается совместно WorldTimes и Корпорацией международных данных, начиная с 1996 г. и основывается на 22 показателях, определяющих способность граждан страны обмениваться информацией внутри страны и с внешним миром. Показатели агрегируются в четыре фактора: компьютерная инфраструктура, информационная инфраструктура, инфраструктура Интернет, социальная инфраструктура. Проведем сравнительный анализ рассмотренных выше методик (табл. 1).

Таблица 1

Наименование методики		Основные особенности	Преимущества	Недостатки
Методика разработанная странами ОЭСР	Критерий связанный со сферой занятости	Замещение физического труда информационным, основным ресурсом являются данные	Увеличение доли людей, работающих в сфере услуг	Сложность оценки сотрудников связанных с работой с данными
	Пространственный критерий	Большое внимание уделяется сетям передачи данных, связывающим различные места	Основывается на географическом принципе	Рассматриваются в большей степени технологические аспекты
	Экономический критерий	Рост экономической ценности в области деятельности по созданию, передаче, обработке, хранению данных	Данные – объект экономических отношений	Влияние данных на деятельность компаний учитывается поверхностно
	Технологический критерий	Увеличившийся объем технологических инноваций в области обработки и передачи данных служит толчком к переустройству социально-экономических отношений	Развитие таких сервисов, как электронная почта, передача данных в виде текста, социальных сетей и т.д.	Рассматривается в большей степени технологические аспекты
Индекс готовности к сетевой экономике		Показывает степень, в которой каждая страна участвует в цифровой экономике и потенциал страны для участия в цифровой экономике в будущем	Наиболее емко оценивает эффективность развития цифровой экономики	Рассматриваются в большей степени технологические аспекты
Индекс готовности к электронной коммерции		Используются пять взаимосвязанных показателей	Фиксирует возможности разных стран участвовать в цифровой экономике	Рассматриваются в большей степени технологические аспекты
Индекс информатизации общества		Основывается на 22 показателях, определяющих способность граждан страны обмениваться информацией внутри страны и с внешним миром	Рассматриваются не только технические аспекты, но и информационные, инфраструктурные	Больше внимания уделяется технологическим аспектам

Проведенный анализ существующих методик оценки эффективности цифровой экономики показывает, что посредством этих методик оценивается по большей части техническая сторона формирования и развития цифровой экономики, хотя под цифровой экономикой понимается сложное комплексное явление, связанное с процессом информатизации социально-экономических институтов общества и их трансформацией на макроуровне¹. То есть в качестве дополняющих критериев оценки эффективности цифровой экономики необходимо учитывать такие показатели, как рост компьютеризации общества, увеличение числа пользователей сетевых технологий, рост образовательного уровня населения, инновационный характер экономики. Кроме того, возможно определенным образом учитывать и менталитет каждой страны.

Цифровая экономика развивается стремительными темпами. Она является базой для будущего развития всего общества. Следовательно, необходимо постоянно проводить мониторинг ее эффективности. Для этого на сегодняшний день используются различные методики, которые имеют как преимущества, так и недостатки. Поэтому для корректной и достоверной оценки эффективности цифровой экономики в той или иной стране нужно усовершенствовать существующие методики оценки или разработать новую интегральную методику, учитывающую особенности и компоненты существующих методик, а также особенности социально-экономического развития конкретных стран.

¹ Джулий Л.В. Информационные системы и их роль в деятельности современных предприятий // Экономика и финансы. 2015. – № 5 (124). – С. 130–134.

Давиденко Л.М.

к.э.н., ассоциированный профессор (доцент), Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар; Омский государственный университет
davidenkolm@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ¹

Ключевые слова: технологическое развитие, стратегическое управление, технологическая интеграция.
Keywords: technological development, strategic management, technological integration.

Введение

Проблемные аспекты стратегического управления технологическим развитием на региональном уровне можно рассматривать с трех сторон:

– во-первых, в процессе взаимодействия технологических «интеллектуальных» центров промышленных субъектов с научно-исследовательскими подразделениями вузов, технологических парков;

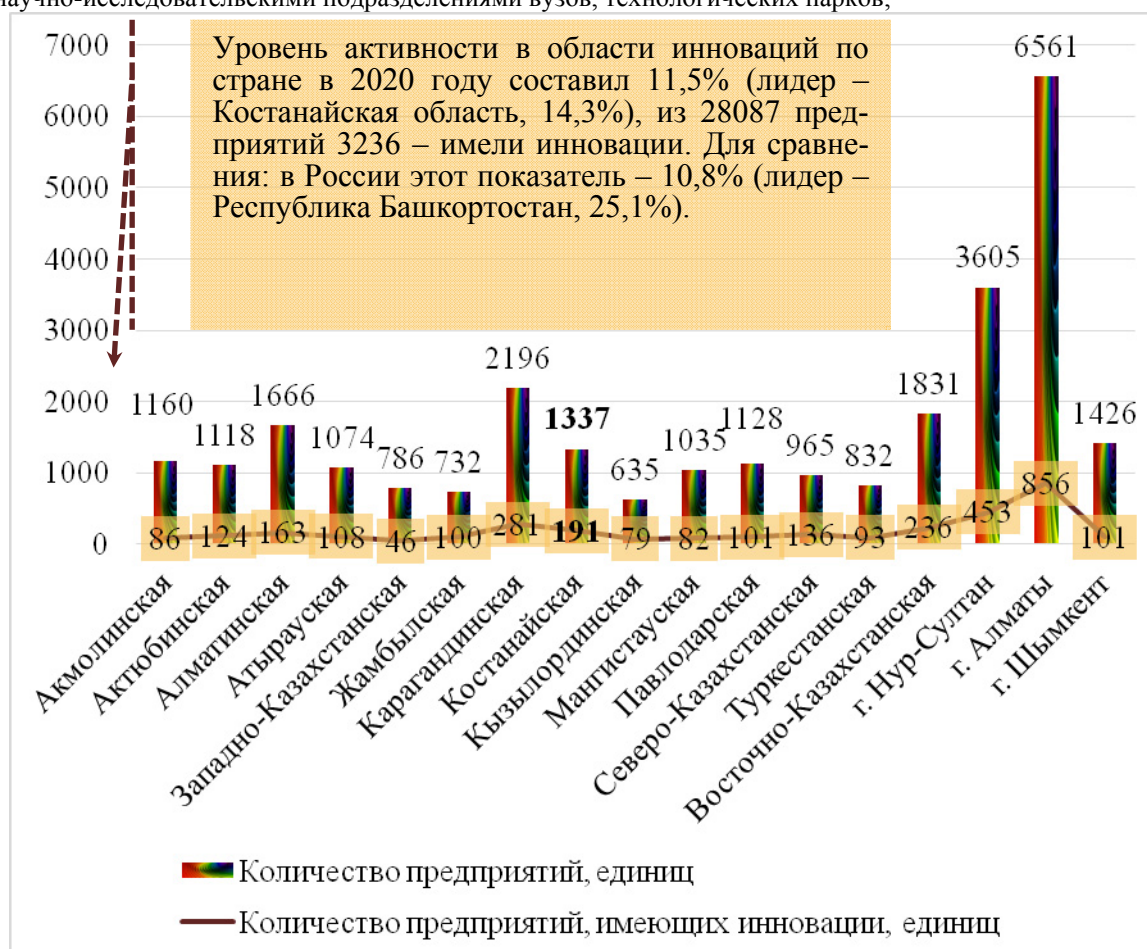

Рисунок 1.

Основные показатели инновационной деятельности в областях Республики Казахстан за 2020 год²

¹ НИР № 0119РКИ0283 «Исследование потенциала инновационно-технологического развития экономики регионов Республики Казахстан и разработка возможных сценариев их экономического роста», 2019–2022 гг.; Научный проект № 19-010-00081 «Технологическая интеграция в обрабатывающей промышленности в рамках приоритетов научно-технологического развития России» при финансовой поддержке РФФИ, 2019–2022 гг.

² Источники: Статистика инноваций. Официальный сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. –<https://stat.gov.kz/official/industry/23/statistic/7>; Уровень инновационной активности организаций. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. –<https://rosstat.gov.ru/folder/14477>

- во-вторых, в процессе формирования и распределения ресурсов для технологического роста;
- в-третьих, в процессе реализации стратегии регионального экономического роста.

В любом из перечисленных направлений возникает предметная область исследования субъектно-объектного обмена информацией и обновления научно-методологической базы, на которых основана инновационная экономика. Важно подчеркнуть, что экспертно-аналитическое и информационное обеспечение являются механизмами так называемого организационного моделирования технологического развития путем разработки системообразующих элементов.

Инновационная активность: региональный аспект технологических инноваций

Реалии мировой обстановки показывают, что инновационная активность отечественных компаний ставится во главу устойчивости национальной экономики; согласно статистике только десятая часть казахстанских хозяйственных субъектов может быть отнесена к типу инновационно активных предприятий (рис. 1).

Оценка современных подходов к организационному моделированию технологического развития свидетельствует о том, что в коммерческих компаниях малого и среднего предпринимательства чаще всего практикуются линейный, функциональный или линейно-функциональный типы организационной структуры. Компании с государственным участием, крупные коммерческие структуры концентрируют рычаги управления согласно дивизионам, группируя департаменты по основным продуктам и рынкам. Для транснациональных гигантов актуальна разбивка организационной структуры на подразделения по географическому признаку, одновременно с этим представители крупного бизнеса прибегают к комбинированным моделям, в частности, процесс управления инновационными проектами и ресурсами все чаще стал входить в сферу совместного влияния руководителей функциональных подразделений и проектных менеджеров.

Говоря об отраслевой специализации малых инновационных компаний – российских лидеров, целесообразно выделить производство лекарственных средств, компьютеров, электронных изделий, оптики, а также химических веществ (рис. 2).

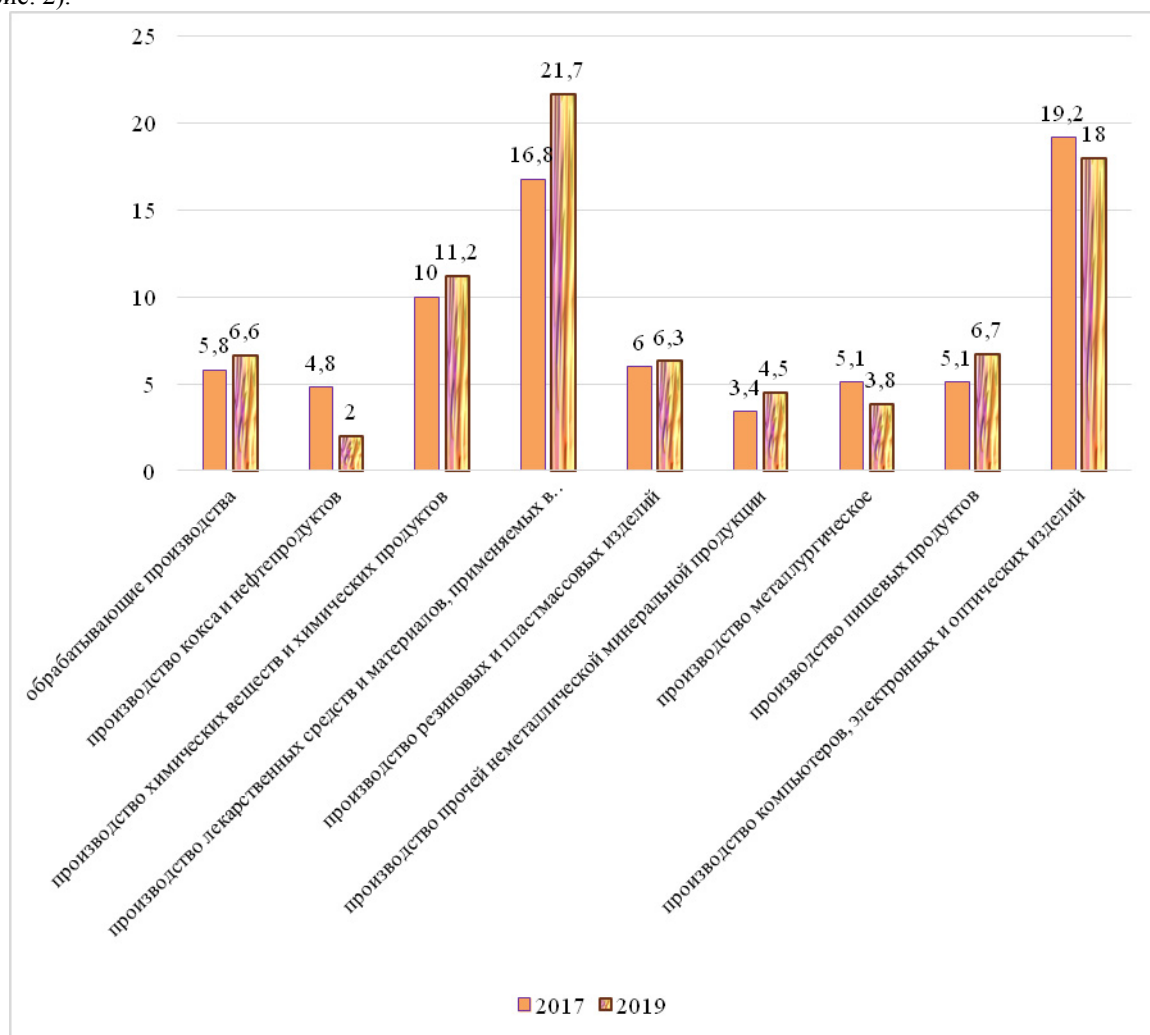

Рисунок 2.

Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации в Российской Федерации, в процентах от общего числа обследованных малых предприятий по видам экономической деятельности¹

¹ Наука и инновации. Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных малых предприятий / Федеральная служба государственной статистики России. – <https://rosstat.gov.ru/folder/14477>

Наравне с рассмотренными выше факторами, на экспертно-аналитическое и информационное обеспечение влияют мировые тренды, в частности экологическая составляющая стратегии развития передовых компаний. За последние пять лет экологические инновации стали определять функциональные зоны системы управления производственным процессом (рис. 3).

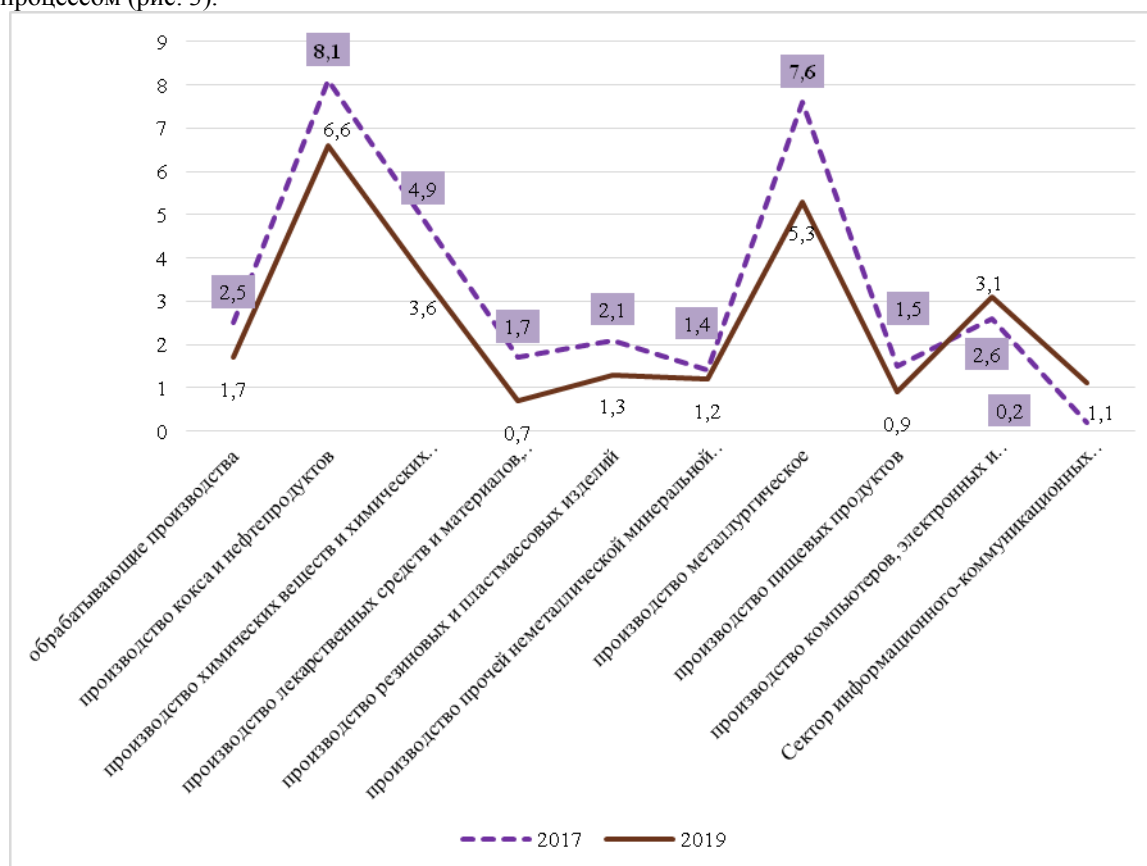

Рисунок 3.

Удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации в Российской Федерации, в процентах от общего числа обследованных организаций, по видам экономической деятельности¹

Компании, которые в ходе осуществления операционной деятельности ставят целью технологическое развитие, могут отличаться друг от друга формой собственности, размером бизнеса, среднесписочной численностью, тем не менее, общность решения технологических задач позволяет им оперировать категориями построения эффективных научно-методической и информационной баз, которые напрямую связаны с продуктовыми и / или процессными инновациями.

Построение технологических сетей для информационного обеспечения стратегического управления технологическим развитием

Технологические сети предназначены для обеспечения нормального хода операционной деятельности, управления технологическими процессами инновационных компаний. При этом на практике технологии и средства связи, применяемые для создания технологических сетей, а также принципы их построения устанавливаются собственниками или иными владельцами бизнес-процессов (табл. 1).

Проводя оценку устойчивой функциональности на первом уровне технологических сетей, необходимо отразить связь должностных инструкций и документооборота в рамках бизнес-процессов инновационной компании. Связующие системные элементы целесообразно представить логической цепью: наименование работы / задачи – периодичность – источник информации / отправитель / adressant – результат работы / выполнения задачи – «документ на выходе» / результирующий документ – получатель информации / adressat. По аналогичному принципу можно создать информационную базу данных, автоматизировать процесс контроля над отдельными бизнес-процессами компании и деятельностью целиком с целью выявления отклонений каждого из заданных параметров от установленных сроков и форм отчетности.

Стратегические управленческие инициативы в области операционной и инновационной деятельности исходят, как правило, от первого руководителя, но находятся в двухсторонней связи с его заместителями, регулирующими основные бизнес-процессы; для небольших компаний, совещательный орган может быть представлен начальниками производства и финансовой службы. В данной зоне ответственности на постоянной основе формируется пакет хозяй-

¹ Наука и инновации. Удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций / Федеральная служба государственной статистики России. – <https://rosstat.gov.ru/folder/14477>

ственных договоров и происходит контроль над их своевременным и точным исполнением. В качестве основного жизнеобеспечивающего направления важно отметить разработку долгосрочных программ по расширению хозяйственных связей компании и ее контрагентов. В условиях активизации института государственной поддержки технологических инициатив в качестве первоочередных задач ставятся обсуждение условий, подготовка сопроводительной документации в рамках договоров по государственным закупкам и финансированию прикладных научных исследований.

Таблица 1

Цифровые параметры универсальной модели организационной структуры региональной инновационной компании

Элементы универсальности структуры с целью масштабирования / экспертная оценка	Узкая специализация по профессиональным компетенциям	Высокая скорость принятия управленческих решений	Отсутствие дисциплинарных нарушений на рабочем месте	Высокая производительность и оптимизация процессов за счет специализации по направлениям	Продуктовая направленность стратегии управления и организации бизнес-процессов
Соответствие требованиям цифровизации и автоматизации основных бизнес-процессов	Кластеризация данных	Серверо-ориентированная промышленная операционная система	Оперативное дистанционное сопровождение специалистов по вопросам настройки, возможностям и развитию	Восстановление работоспособности при появлении сбоев, аварий и отказов	Возможность создания резервных копий конфигурации и данных с использованием внешних средств резервного копирования

Базовой концепцией управления инновационной компанией является результативность бизнес-процессов, каждый из которых имеет приток/отток ресурсов из/во внешнюю среду, за исключением промежуточного производства внутри предприятий. Если рассматривать внешние сетевые отношения с позиции успешности, то для инновационных компаний одним из главных результатов эффективной организации будет заключение взаимовыгодных договоров с поставщиками и заказчиками высокотехнологичной продукции. При этом инновационные процессы компании целесообразно привязывать к бизнес-процессам (рис. 4).

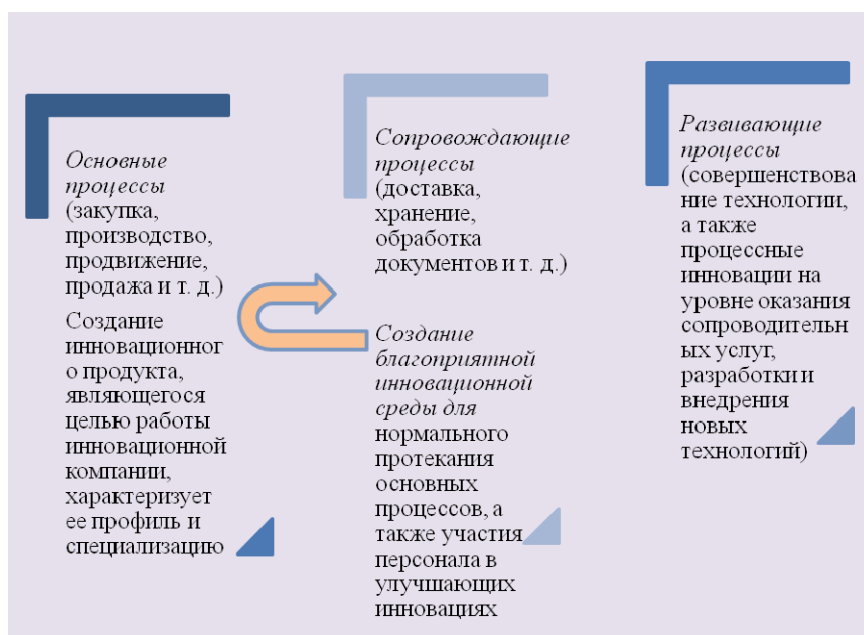

Рисунок 4.

Связь инновационных процессов с бизнес-процессами в рамках стратегического управления технологическим развитием

Ресурсное обеспечение действующих и рекомендуемых бизнес-процессов инновационных компаний зависит от имущественного потенциала, финансовых ресурсов, эффективности связей организационной структуры; при этом информационное обеспечение особых функциональных зон и необходимые ресурсы непрерывно сопровождают поступательный инновационный процесс.

Заключение

Прогрессивный опыт организации инновационных исследований целесообразно адаптировать к национальной экономике. В частности, классифицируя технологические сети по характеру связей на региональные и межрегиональ-

ные, важно усиливать информационно-коммуникационную роль корпоративных, торгово-посреднических платформ, на базе которых инициаторы инновационного партнерства могут произвести отбор участников для разработки и реализации собственных замыслов либо присоединиться к уже начатым исследованиям. Партнерская поведенческая модель в области инноваций имеет под собой теоретические и практические основания. Дело в том, что если у компаний одной или родственных отраслей имеется общая идея, направленная на улучшение качественных характеристик производимой продукции/услуг или бизнес-процессов, то именно совместные научно-исследовательские разработки могут принести синергетический эффект всем участникам исследований.

Практика показывает, что регулярно оценивая научно-технологические риски, лидеры в области инновационных синтетических материалов, электронной коммерции, информационных технологий объединяют капитал и успешно функционируют на общих инструментально-испытательных полигонах. Ресурсным обеспечением по данному процессу является полный цикл, включая сбор необходимой информации, технической, конструкторской и технологической документации, а также поставка комплектующих и подготовка оборудования, транспортных средств, складов к производственному процессу, сбыту инновационной продукции. Поэтому объективность экспертно-аналитического и информационного обеспечения стратегического управления технологическим развитием на региональном уровне может быть отнесена к первоочередным целям устойчивого экономического роста в условиях современных вызовов.

Домнич Е.Л.

к.и.н., с.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН

ORCID: 0000-0002-1379-8053

chaosraven@yandex.ru

ОБ АДЕКВАТНОСТИ РОССИЙСКОЙ СТАТИСТИКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Ключевые слова: технологические инновации, статистика инноваций, регионы России, Дальний Восток.

Keywords: technological innovations, innovation statistics, regions of Russia, Russian Far East.

Большинство экономико-статистических исследований об инновациях в России (РИНЦ) можно свести в два направления: анализ пространственного распределения индикаторов инноваций¹ и анализ факторов, способствующих (препятствующих) инновационному развитию отраслей и регионов². Уязвимым местом в этой классификации является анализ вклада инноваций в экономику как таковую – в терминах душевого ВРП, уровня инфляции и безработицы, налогов и сборов. Более того, поиск по базам РИНЦ и Google Scholar выявил отсутствие самой дискуссии о методологических подходах по оценке такого вклада или связи на базе существующей российской статистики (не в заголовке публикации, а в результатах исследования).

Во-вторых, макроэкономическая статистика по форме №4-инновации считается недостоверной. Сама концепция статистики инноваций, базирующаяся на Руководстве Осло, не предполагает достоверности. Статистика инноваций основывается на доверительном опросе предпринимателей, которые выступают экспертами, и исходит из концепции добросовестности³. Она развивается вместе со страной и включает периоды, в рамках которых методика сбора данных значительно различалась. Поэтому в рамках накопленного с 1995 г. «старого» массива данных существуют пространственно-временные лакуны, где динамика инновационных индикаторов плохо соотносится как с предшествующей историей развития, так и с общеэкономической ситуацией в регионе⁴. Некоторые исследователи идут ещё дальше и отказывают статистике по форме № 4-инновации не только в достоверности, но и в добросовестности, часто не различая эти понятия⁵.

Следует разобраться, насколько достоверно и добросовестно этот срез производится. На основании сопоставления результатов обследований по форме № 4-инновации и форме № П-1 «Сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг» мы можем рассчитать экономический вес крупных и средних предприятий, охваченных статистикой инноваций, занимаемый ими в своём размерном сегменте (табл. 1). Уточним, что здесь идёт речь обо всей продукции (не только инновационной), отгруженной крупными и средними предприятиями отраслей, по которым собирается статистика инноваций, заполняющими как форму № 4-инновации, так и форму № П-1. Цель построения табл. 1 – понять, насколько совпадают между собой эти два множества предприятий. В целом по России (все отрасли) удельный вес

¹ Айрапетян Д.Д., Рогов О.Ю., Федорова Е.А. Оценка инновационного потенциала регионов России: кластерный подход // Инновации. – СПб., 2018. – № 3. – С. 56–62; Бельченко О.А., Кожевникова Т.М., Саяпин А.В. Подходы к оценке инновационного уровня развития регионов // Социально-экономические явления и процессы. 2012. – № 4. – С. 10–14; Бортник И.М., Зинов В.Г., Коцюбинский В.А., Сорокина А.В. Индикаторы инновационного развития регионов России для целей мониторинга и управления // Инновации. – СПб., 2013. – № 11. – С. 21–32; Киселёв В.Н. Сравнительный анализ инновационной активности субъектов Российской Федерации // Инновации. – СПб., 2010. – № 4. – С. 44–55; Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А. Инновационное развитие регионов России: методика рейтингования // Инновации. – СПб., 2017. – № 9. – С. 97–104; Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А. Инновационное развитие регионов России: ранжирование регионов // Инновации. – СПб., 2018. – № 1. – С. 36–42; Унтура Г.А., Есикова Т.Н., Зайцев И.Д., Морошкина О.Н. Проблемы и инструменты аналитики инновационного развития субъектов РФ // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. – Т. 14, вып. 1. – С. 81–100.

² Баринаева В.А., Земцов С.П. Рейтинги инновационного развития: зачем нужна новая методика России? // Вестник Поволжского института управления. 2016. – № 6. – С. 110–115; Земцов С.П., Бабуринов В.Л., Баринаева В.А. Как измерить неизмеримое? Оценка инновационного потенциала регионов России // Креативная экономика. 2015. – № 1 (97). – С. 35–52; Ильина И.Е., Жарова Е.Н., Агамирова Е.В., Каменский А.С. Инновационное развитие регионов России // Регионология. 2018. – Т. 26, № 2. – С. 230–255.

³ Елисеева И.И., Макарова П.А. Корректна или нет статистика инноваций в России? // Социология науки и технологий. 2010. – № 1. – С. 162–173.

⁴ Домнич Е.Л. Об экономической интерпретации российской статистики технологических инноваций // Инновации. – СПб., 2018. – № 7. – С. 43–49.

⁵ Ср.: «Компании не заинтересованы в заполнении сложной и трудоемкой статистической формы № 4-инновация, значительно проще проставить нулевые значения во всех графах. Крупным компаниям выгоднее не заполнять форму ввиду низких штрафных санкций, в частности, форма не заполняется большинством иностранных компаний в России. В этой связи как объем инновационной продукции, так и инновационная активность компаний в регионах сильно занижаются» (Земцов С.П., Баринаева В.А., Мурашов А.К. Факторы региональной инновационной активности: анализ теоретических и эмпирических исследований // Инновации. – СПб., 2016. – № 5. – С. 69).

предприятий, заполняющих форму № 4-инновации, в совокупной отгрузке из года в год составляет около 90%. В экономике Дальнего Востока в 2015 г. он составлял 90,8%, а к 2020 г. увеличился до 92,2%. То есть статистика, собранная исходя из принципа добросовестности, в среднем по крупным макрорегионам, на 90% тождественна статистике, достоверность которой предписывается нормативными актами.

Однако уже на уровне крупного макрорегиона начинают проявляться очевидные аномалии. Так, в 2018 г. отгрузка крупных и средних предприятий Дальнего Востока, заполнивших форму № 4-инновации, на 0,8% превысила (!) совокупную отгрузку всех крупных и средних предприятий. Это произошло благодаря пяти наименее развитым субъектам Федерации, входящим в макрорегион: Камчатскому краю, где превышение составило 27,5%, Амурской области (24,3%), Еврейской автономной области (16,2%), Сахалинской области (3,4%) и Чукотскому автономному округу (0,7%). В том числе в Камчатском крае и Амурской области такое превышение воспроизводится из года в год.

Таблица 1

Удельный вес отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами организаций, обследованных по форме № 4-инновации, в совокупной отгрузке (форма П-1) по отраслям и регионам в 2015–2020 гг., %

Регионы	2015 г.		2018 г.				2019 г.			2020 г.		
	(1)	(2)	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(5)	(6)	(7)
Российская Федерация	93.2	86.8	96.4	88.4	112.5	88.8	92.0	74.2	72.3	92.0	74.8	69.9
Дальний Восток, в т. ч.:	90.6	94.4	99.2	127.4	91.0	94.5	96.4	80.5	64.2	92.2	86.1	68.0
Республика Саха (Якутия)	70.6	81.4	97.6	89.0	–	42.4	93.6	75.9	43.3	97.0	73.9	61.4
Камчатский край	110.5	282.1	114.1	276.3	–	90.4	78.9	110.0	72.7	101.6	111.6	65.5
Приморский край	95.4	86.7	98.2	93.3	–	93.1	86.3	62.8	40.4	88.3	65.6	52.1
Хабаровский край	91.5	101.5	100.6	93.7	100.0	100.7	82.7	69.2	97.2	86.7	82.3	80.5
Амурская область	158.4	119.7	131.0	98.7	100.0	98.0	143.0	107.8	84.8	81.7	163.2	75.1
Магаданская область	97.1	112.3	78.7	108.4	–	100.0	95.2	123.0	1.2	93.1	85.7	1.7
Сахалинская область	91.3	78.8	97.2	207.7	168.7	96.5	105.1	92.0	80.9	91.3	87.8	89.1
Еврейская автономная область	83.2	102.2	119.2	103.0	–	111.8	69.5	84.0	23.0	72.4	82.0	36.5
Чукотский автономный округ	98.8	76.7	100.9	88.2	–	104.0	97.6	89.1	108.0	102.4	79.3	125.1

Источник: рассчитано по Итоги федеральных статистических наблюдений по форме № 4-инновации «Сведения об инновационной деятельности организации» / Федеральная служба государственной статистики. – <https://www.gks.ru/folder/14477>; Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) по «хозяйственным» видам деятельности по 2016 г. / Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) Федеральной службы государственной статистики. – <https://www.fedstat.ru/indicator/31279>; Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (по хозяйственным видам деятельности) с 2017 г. / Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) Федеральной службы государственной статистики. – <https://www.fedstat.ru/indicator/57711>

(1) добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды;

(2) связь, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, научных исследований и разработок, предоставление прочих видов услуг;

(3) монтаж зданий и сооружений из сборных конструкций, устройство покрытий зданий и сооружений, производство прочих строительных работ;

(4) растениеводство, животноводство, растениеводство в сочетании с животноводством (смешанное сельское хозяйство), предоставление услуг в области растениеводства, декоративного садоводства и животноводства, кроме ветеринарных услуг;

(5) добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений;

(6) деятельность в издательской сфере, в сфере телекоммуникаций; разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги; деятельность в области информационных технологий; деятельность в области права и бухгалтерского учета; деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления; деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа; научные исследования и разработки; деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка; деятельность профессиональная научная и техническая прочая;

(7) выращивание однолетних культур; выращивание многолетних культур; выращивание рассады; животноводство; смешанное сельское хозяйство; деятельность вспомогательная в области производства сельскохозяйственных культур и послеуборочной обработки сельхозпродукции.

Как следует из табл. 1, в рамках отдельных регионально-отраслевых ниш ситуация может быть ещё более парадоксальной. Так, в 2015 г. отгрузка предприятий, заполнивших форму № 4-инновации, в сфере услуг Камчатского края, на 181,1% превысила совокупную отгрузку, а в 2018 г. – на 176,3%. Характерно, что с переходом российской статистики на ОКВЭД-2 в 2019 г. степень проявления данной регионально-отраслевой аномалии существенно снижается. В 2017 г. камчатские предприятия сферы услуг, заполнивших форму № 4-инновации, отгрузили лишь на 10% больше потенциально возможного, а в 2018 г. – на 11,6%. Сходная картина наблюдается в сервисном секторе Сахалинской области. Если в 2018 г. предприятия сферы услуг региона отгрузили на 107,7% больше возможного, то в 2019 г. – уже на 8% меньше (92% от потенциально возможного), т. е. это уже экономически осмысленная цифра.

Закономерно поэтому, что наиболее осмысленную статистику ТИ даёт российская промышленность, где традиция заполнения формы №4 – инновации существует с середины 1990-х гг. Однако и здесь обнаруживаются регионально-отраслевые нюансы в виде, например, промышленности Амурской области. В 2015 г. промышленные пред-

приятия области, заполнившие форму № 4-инновации, обеспечивали 158,4% промышленной отгрузки региона, в 2016 г. – 131%, а в 2017 г. – 143%. Таким образом, повышение адекватности российской статистики ТИ в сфере услуг начиная с 2019 г., зафиксированное выше, по-видимому, не распространяется на другие отрасли, либо имеет исключения.

Наименее адекватна, конечно, статистика ТИ в отраслях позднего статистического «освоения», и прежде всего, в сельском хозяйстве, где хозяйствующие субъекты предоставляют данные с 2018 г. Здесь наблюдается обратная ситуация – относительно низкий экономический вес предприятий, охваченных формой № 4-инновации. Так, в 2016 г. сельхозпредприятия Республики Саха (Якутия), охваченные наблюдением, обеспечили лишь 42,4% продукции предприятий своего размерного класса, в 2019 г. – 43,3%, а в 2018 г. – 61,4%. Для Камчатского края соответствующие индикаторы составили, соответственно, 90,4%, 72,7 и 65,5%; для Амурской области – 98%, 84,8 и 75,1%; для Магаданской области – 100%, 1,2 и 1,7%; для Еврейской автономной области – 111,8%, 23 и 36,5%. Таким образом, охват, а значит, и адекватность сельскохозяйственной статистики ТИ начиная с 2019 г. существенно снизились, что также контрастирует с ситуацией в сервисном секторе.

В целом же из противоречивого массива данных табл. 1, резонно сделать четыре обобщающих вывода. Во-первых, в среднем по крупным регионально-отраслевым комплексам ситуация с достоверностью и добросовестностью статистики ТИ не настолько плоха, как это часто можно услышать из уст отдельных исследователей. Статистика по форме № 4-инновации сегодня «накрывает» не менее 90% российской экономики. Во-вторых, корни проблемы адекватности российской статистики ТИ следует искать в общей организации статистического дела в стране, а не в конкретной форме статистического наблюдения или мотивации менеджмента предприятий. В-третьих, адекватность российской статистики ТИ в большей степени зависит от отрасли, а не региона наблюдения. Заметим, что и стоимостные параметры ТИ, в том числе удельные, также в большей степени демонстрируют отраслевую, а не региональную специфику¹. В-четвертых, доступная сегодня степень раскрытия данных по форме № 4-инновации позволяет отбраковывать регионально-отраслевые сегменты ТИ, в рамках которых экономический вес предприятий, заполнивших форму № 4-инновации, сильно меньше или сильно больше 100%.

¹ Домнич Е.Л. О добросовестности и достоверности статистики инноваций в промышленности России // Регионалистика. 2017. – Т. 4, № 5. – С. 76–91.

Дорошенко С.В.

д.э.н., доцент, зав. сектором исследований адаптации региональных систем Института экономики УрО РАН, профессор кафедры бизнеса и экономики, Югорский государственный университет

Санаева О.В.

м.н.с. Института экономики УрО РАН

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ И АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ ТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ¹

Ключевые слова: институциональные механизмы, адаптация, население, регионы России, структурное тематическое моделирование.

Keywords: institutional mechanisms, adaptation, population, Russian regions, structural topic modeling.

Определение социально-экономической адаптации населения как «характеристики процесса осознанной деятельности человека или социальной группы людей, обусловленной трансформацией социального и экономического пространства их жизнедеятельности и возникновением новых элементов и структур, характеризующих изменения среды, а также появления ситуации, когда новые средовые требования не отвечают аксиологическому контексту жизнедеятельности индивидов или социальной группы (в условиях данной среды), тем самым способствуя необходимости поэтапного преобразования ситуации субъектами в их пользу или поэтапного приспособления к нему»², подводит нас к пониманию того, что поскольку в обществе в основном преобладает вынужденная адаптация, то существует и потребность в механизмах и инструментах, обеспечивающих ее более плавное и эффективное (и позитивное) протекание.

Часть таких механизмов, возникая спонтанно, из «новых условий жизни», со временем институционализируется, превращаясь в правила, традиции, нормы, законы. Другая часть сразу имеет институциональный характер, поскольку, возникает из какого-то более раннего или параллельного опыта (например, мирового) прохождения похожей жизненной ситуации, другими словами, заимствуется. Но заимствование, как правило, сопровождается трансформацией институциональных механизмов, их адаптацией к условиям конкретной страны, региона. И это имеет стратегическую значимость для социально-экономического развития.

Исследователи отмечают отсутствие какого-то единого определения институционального механизма вообще, рассматривая его при этом как с более широких позиций, так и предметно. Достаточно сложно найти определение институциональных механизмов адаптации населения, тем более, что изучение самой адаптации всегда контекстно.

В рамках нашего исследования была поставлена цель – выявить контекстную взаимосвязь институциональных механизмов и адаптации населения в современных публикациях. Для этого мы обратились к современным методам обработки и анализа текстов.

В целом обработка естественного языка имеет широкую область реализации, одна из которых – тематическая модель, представляющая собой тип статистической модели для обнаружения абстрактных «тем», которые встречаются в коллекции документов.

Тематическое моделирование – это инструмент анализа текста для обнаружения скрытых семантических структур в его теле. «Темы», созданные методами тематического моделирования, представляют собой кластеры похожих слов. Тематическая модель фиксирует эту интуитивную связь в математической структуре, которая позволяет изучить набор документов и определить на основе статистики использования слов в каждом документе, какие могут быть темы, и каково соотношение тем в каждом документе.

Таким образом, тематическое моделирование представляет собой алгоритм, отражающий то, как машина собирает группу слов в документе для создания «темы», содержащей группу слов с похожими зависимостями. С помощью методов тематического моделирования можно обобщить большие коллекции текстовой информации. Это помогает, во-первых, при выявлении скрытых тематических паттернов, присутствующих в наборе документов; во-вторых, при аннотировании документов по этим темам; в-третьих, при использовании аннотаций для организации, поиска и обобщения текстов.

Существует множество методов, которые используются для построения тематических моделей – скрытое распределение Дирихле (LDA), латентный семантический анализ (LSA), коррелированные тематические модели (CTM) и TextRank и др.

¹ Исследование проводится в рамках темы плана НИР Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг. «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

² Дорошенко С.В., Трушкова Е.А. Макромодель адаптации населения в изменяющейся экономике: подходы и решения // Журнал экономической теории. 2019. – Т. 16, №4. – С. 617–629. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.2

В своем исследовании мы использовали структурное тематическое моделирование (Structural Topic Modeling), которое позволяет эффективно анализировать небольшие тексты, например, аннотации статей, но в большом количестве и в относительно короткие сроки.

Информационной базой для исследования послужили научные публикации в Scopus. Моделирование проводилось в программной среде RStudio.

Первоначально для поисковых запросов были использованы слова «institutional AND mechanisms, AND adaptation, AND population». Это позволило выявить только 63 документа за период 1988 г. – март 2022 г.

На рис. 1 представлен график, отражающий временную зависимость словесного объема аннотаций анализируемых статей.

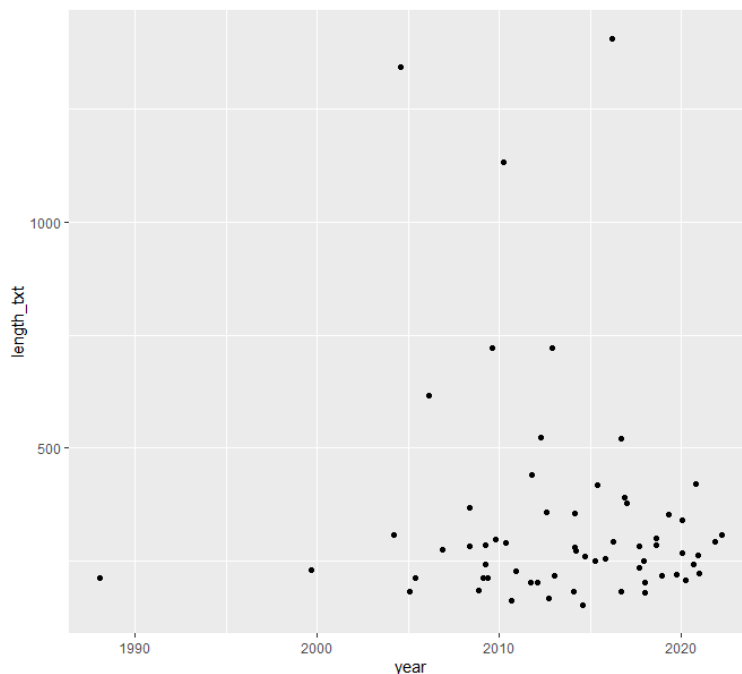

Рисунок 1.
Временная зависимость 63 публикаций

Из графика видно, что основной объем публикаций приходится на период, начинающийся примерно с 2008 года, при этом средний объем аннотаций составляет около 200 слов. Эти параметры учитываются при формировании корпуса модели.

На рис 2 представлено распределение публикаций уже с ограничением временного периода (2008-2021 гг.). Очевидно, что наибольшее количество публикаций, где прослеживается взаимосвязь между институциональными механизмами и адаптацией населения, приходится на 2008 г.

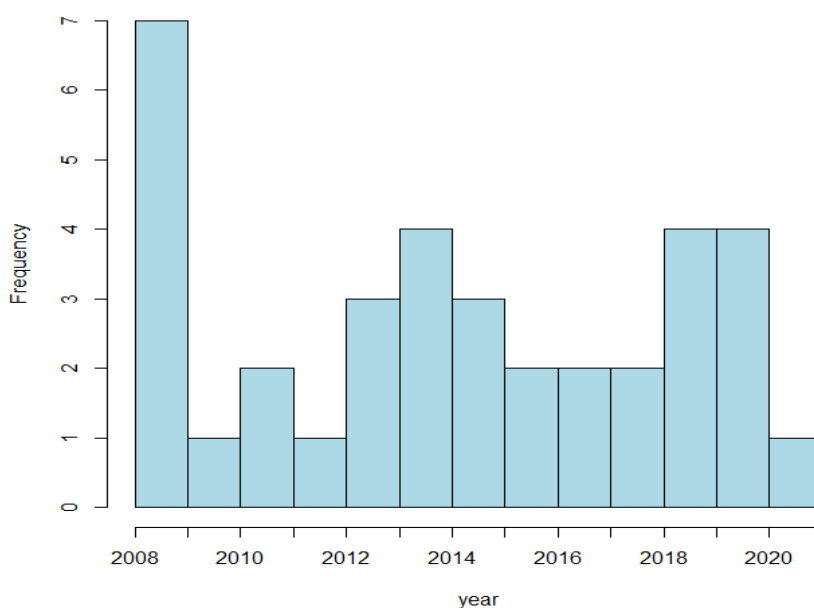

Рисунок 2.
Распределение публикаций за период 2008–2021 гг.

После лемматизации и необходимой «очистки» всех текстовых данных было получено 142 уникальных слова из общего числа 1607, 1465 терминов были удалены по причине частоты упоминания. В корпусе модели оставлено 36 документов.

В основу выбора оптимального количества тем положены три критерия – качество прогнозирования модели, эксклюзивность и семантическая когерентность. В итоге было выбрано 5 тем, что говорит о наличии определенного интереса к выбранной проблематике и разнообразия контекста исследования.

Десять наиболее эксклюзивных слов с переводом для каждой из выбранных тем представлены в табл. 1. Каждой теме с учетом эксклюзивных слов мы дали условное название. В таблице также приведено процентное соотношение каждой темы от общего объема тем. Наибольшую долю имеет тема 2, связанная с изменением климата. Примерно одинаково распределились темы 3, 1 и 5, имеющие от 19 до 22% удельного веса в модели. Тема 3 получила условное название «Иммиграция и сельское хозяйство». Темы 1 и 5 связаны с управленческими и отношенческими аспектами. Наименьшую долю (12%) имеет тема 4, связанная со здоровьем населения. В целом, тематика, отражающая взаимосвязь институциональных механизмов и адаптации населения, достаточно разнообразна, но каждая тема по-своему уникальна.

Таблица 1

Выделенные темы и их процентное соотношение в модели 1

Название темы	Доля темы, %	Эксклюзивные слова темы
Topic 1: Управление	20	governance, institution, tool, good, local, resource, nationally, distribute, design, contribute \ управление, учреждение, инструмент, благо, местный, ресурс, национальный, распространять, разрабатывать, вносить свой вклад
Topic 2: Изменение климата	27	climate, plan, impact, change, mitigation, knowledge, resilience, framework, policy, people \ климат, план, воздействие, изменение, смягчение последствий, знания, устойчивость, структура, политика, люди
Topic 3 Иммиграция и сельское хозяйство	22	vulnerability, immigrant, community, food, potential, capacity, business, agriculture, economics, springer \ уязвимость, иммигрант, сообщество, продовольствие, потенциал, способность, бизнес, сельское хозяйство, экономика (хозяйство), пружина
Topic 4: Здоровье	12	service, health, effect, involve, access, evidence, good, establish, care, area \ услуга, здоровье, эффект, вовлечение, доступ, доказательства, польза, установить, уход, область
Topic 5: Отношения	19	copy, stress, experience, participant, relate, state, improve, strategy, support, face \ копирование, стресс, опыт, участник, отношение, состояние, улучшение, стратегия, поддержка, столкновение

Distribution of MAP Estimates of Document-Topic Proportions

Topic 1: good, institution, governan Topic 2: climate, change, adaptatiopic 3: community, system, vulnerat

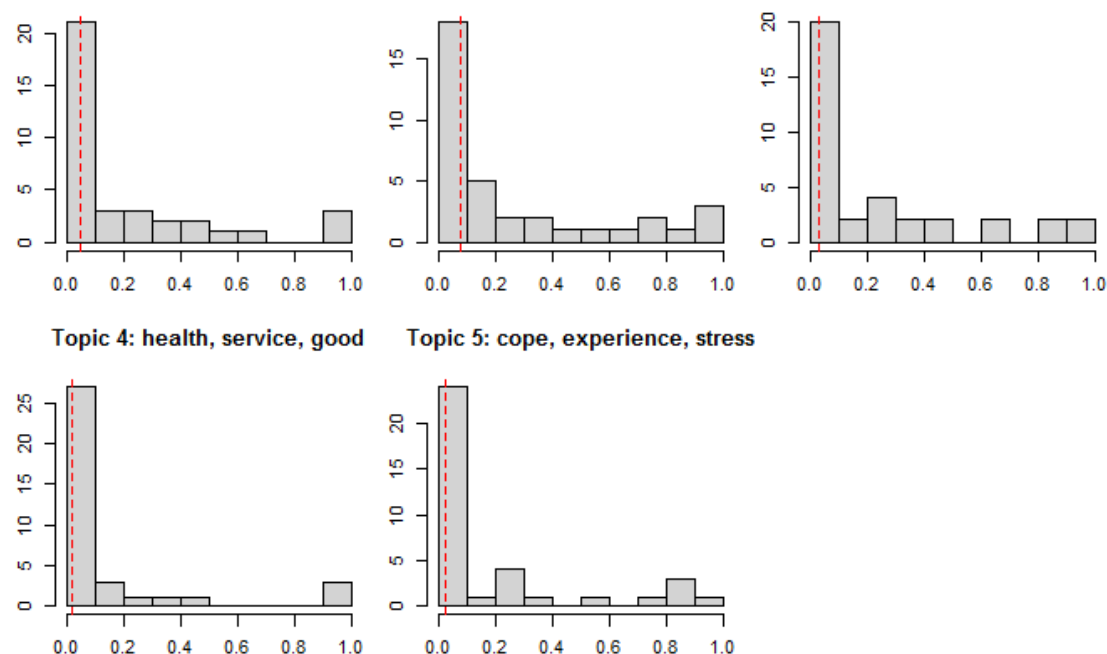

Рисунок 3.

Распределение оценок максимальной апостериорной вероятности (MAP) пропорций тем документа

На рис. 3 представлены результаты распределения MAP-оценок пропорций тем документа. Графики показывают хорошую разбивку тем – во всех документах доля соответствующей темы близка к нулю.

Результаты тематического моделирования

Исходя из эксклюзивных слов темы 1 (governance, institution, tool, good, local, resource, nationally, distribute, design, contribute \ управление, учреждение, инструмент, благо, местный, ресурс, национальный, распространять, разрабатывать, вносить свой вклад), мы предполагаем, что взаимосвязь институциональных механизмов и адаптации населения в ней исследуется непосредственно через призму государственного управления, на которое возлагается разработка и реализация институциональных механизмов, направленных на обеспечение успешной адаптации населения к вызовам внешней и внутренней среды на региональном или локальном уровне.

Тема 2 охватывает одну из самых популярных проблематик сегодня – изменение климата, о чем свидетельствуют эксклюзивные слова темы (climate, plan, impact, change, mitigation, knowledge, resilience, framework, policy, people / климат, план, воздействие, изменение, смягчение последствий, знания, устойчивость, структура, политика, люди). Вопросы адаптации населения различных регионов мира к климатическим изменениям требуют вариативного подхода, поскольку проявляются это будет по-разному, как в географическом, так и во временном пространстве. И, безусловно, это потребует разработки как единых, так и специфичных институциональных механизмов, направленных на смягчение последствий, в рамках соответствующей политики.

Тема 3 и ее эксклюзивные слова (vulnerability, immigrant, community, food, potential, capacity, business, agriculture, economics, springer / уязвимость, иммигрант, сообщество, продовольствие, потенциал, способность, бизнес, сельское хозяйство, экономика (хозяйство), пружина) отражают взаимосвязь институциональных механизмов и адаптации населения через проблемы иммиграции и развития сельского хозяйства. С одной стороны, в исследованиях достаточно часто поднимается вопрос о механизмах адаптации мигрантов, в том числе через трудоустройство. При этом учитывая относительно низкую квалификацию, отсутствие образования у большинства из них работа в агросфере могла бы стать одним из решений проблемы трудоустройства, поскольку увеличение численности населения в странах Европы вынуждает наращивать сельскохозяйственное производство. Но актуальна и другая сторона исследований, а именно – причины самой иммиграции. И таковыми, прежде всего, в европейских странах являются продовольственный кризис, нехватка и высокая стоимость продуктов питания в странах Африки и Азии.

Следует отметить, что темы 2 и 3 достаточно сильно обратно коррелируют друг с другом, что подтверждается матрицей корреляций. Это очевидно, поскольку проблемы иммиграции, продовольственного рынка, развития сельского хозяйства являются ключевыми и при исследовании адаптации населения к климатическим изменениям, которые весьма существенно и негативно отразятся на странах Африки и Азии. К сожалению, черно-белый формат печати не позволяет продемонстрировать цветную матрицу корреляций тем. Но следует заметить, что в целом корреляции отдельных тем умеренные, что подтверждает удовлетворительное качество распределения тем в целом.

Тема 4 с набором эксклюзивных слов (service, health, effect, involve, access, evidence, good, establish, care, area / услуга, здоровье, эффект, вовлечение, доступ, доказательства, польза, установить, уход, область) отражает взаимосвязь институциональных механизмов и адаптации населения через проблемы здоровья, предоставления эффективных медицинских услуг. У этой темы прослеживается небольшая корреляция с темами 1 и 3, а также слабая с темой 5. Связь с темами 1 и 3 можно объяснить тем, что вопросы сохранения здоровья и обеспечения населения качественными медицинскими услугами тесно связаны с вопросами миграции, развития сельских сообществ, где решение имеющихся проблем возможно только через государственную политику, решения местного самоуправления. Связь с темой 5, возможно, определяется фактором человеческих отношений, влияющих на здоровье.

Тема 5 и ее эксклюзивные слова (copy, stress, experience, participant, relate, state, improve, strategy, support, face \ копирование, стресс, опыт, участник, отношение, состояние, улучшение, стратегия, поддержка, столкновение) отражают взаимосвязь институциональных механизмов, необходимость в которых возникает при взаимодействии человека и социума, попадания индивидуума в новую среду. Помимо корреляции темы 5 и темы 4 прослеживается слабая корреляция с темой 3, что, вероятнее всего, определяется связью адаптации иммигрантов в новом для них социуме.

В целом, проведенный анализ тем с использованием метода STM показал, что в исследованиях последних 10–15 лет взаимосвязь институциональных механизмов и адаптации населения исследуется в рамках государственной и местной политики смягчения различных последствий изменения климата, нейтрализации угроз продовольственной безопасности, миграционных процессов.

На следующем этапе исследования мы расширили рамки поиска научных публикаций. Второй поисковый запрос с использованием слов «institutional AND mechanisms, AND adaptation», но с одновременным ограничением количества научных отраслей выявил 565 публикаций за период 1974 г. – март 2022 г. На этом количестве публикаций и было проведено машинное моделирование, результаты которого представлены далее.

На рис. 4 представлен график, отражающий временную зависимость словесного объема аннотаций анализируемых статей. Из графика видно, что основной объем публикаций приходится на период, начинающийся примерно с 2000 года, при этом средний объем аннотаций составляет около 400 слов. Эти параметры учитываются при формировании более однородного корпуса модели.

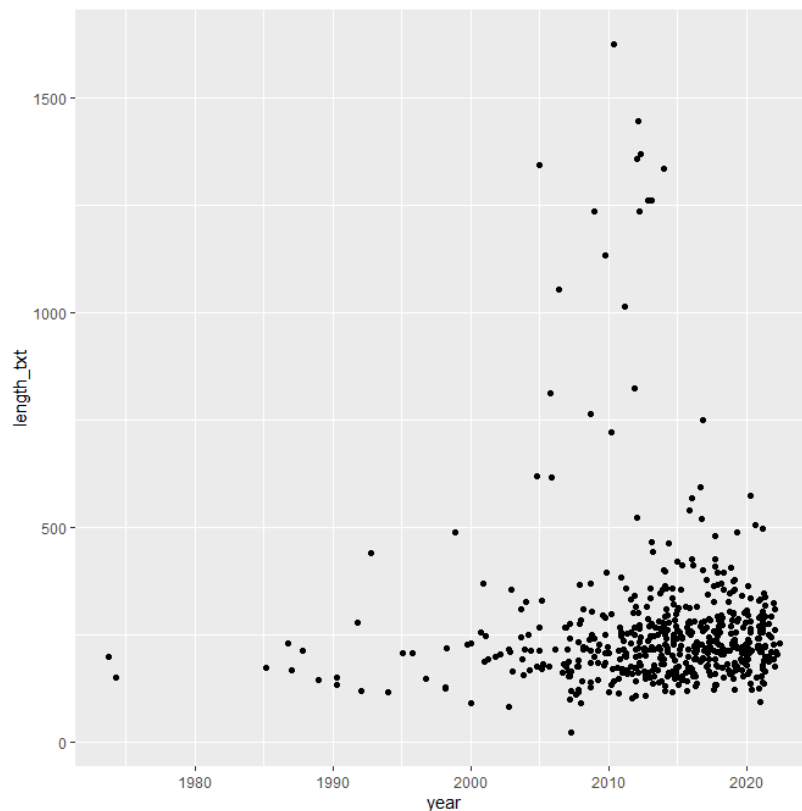

Рисунок 4.
Временная зависимость публикаций за 1974–2022 гг.

На рис 5 представлено распределение публикаций уже с ограничением временного периода (2000–2021 гг.). Очевидно, что наибольшее количество публикаций, где прослеживается взаимосвязь между институциональными механизмами и адаптацией, приходится на 2013–2015 гг. и 2017 г.

В результате процесса лемматизации и необходимой «очистки» всех текстовых данных было получено 1385 уникальных слов из общего числа 5933, 4548 терминов были удалены по причине частоты упоминания.

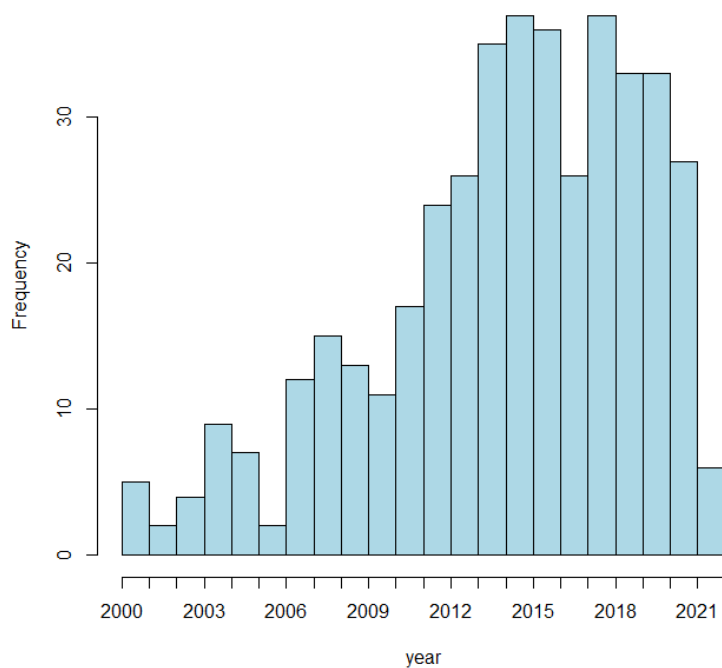

Рисунок 5.
Распределение публикаций за 2000–2021 гг.

В основу выбора оптимального количества тем положены три критерия – качество прогнозирования модели, эксклюзивность и семантическая когерентность. В итоге было выбрано 6 тем, что говорит о наличии определенного интереса к выбранной проблематике.

Десять наиболее эксклюзивных слов с переводом для каждой из выбранных тем представлены в табл. 2. В таблице также приведено процентное соотношение каждой темы от общего объема тем. Каждой теме мы дали условное название. Наибольшую долю, и это аналогично первой модели, 21% имеет тема 4, связанная с климатической политикой и различными ее инструментами. Чуть меньшую долю (20%) имеет тема 1, связанная корпоративным управлением, функционированием предприятий на рынке. Примерно равны доли (17,5%) имеют темы 3 и 5. Тема 3 отражает вопросы развития государственной системы, прежде всего, в европейских странах. Тема 5 связана с вопросами устранения последствий стихийных бедствий. Тема 4, отражающая вопросы экосистемного развития, имеет долю 12,5%. Наименьшую долю имеет тема 2 (11,5%), которая затрагивает вопросы образования.

Таблица 2

Выделенные темы и их процентное соотношение в модели 2

Название темы	Доля темы, %	Эксклюзивные слова темы
Topic 1: Корпоративное управление	20	firm, organization, identity, enterprise, chain, performance, market, formation, advantage, corporate \ фирма, организация, идентичность, предприятие, цепочка, производительность, рынок, формирование, преимущество, корпоративный
Topic 2: Образование	11,5	city, urban, train, education, creativity, student, migration, creative, school, evaluation \ город, городской, учить, образование, творчество, студент, миграция, креатив, школа, оценка
Topic 3: Государственная система	17,5	european, parliamentary, crisis, constitutional, state, historical, interest, politics, foreign, central \ европейский, парламентский, кризис, конституционный, государственный, исторический, интерес, политика, иностранный, центральный
Topic 4: Климатическая политика	21	plan, mitigation, climate, cca (Corporate Climate Alliance), policy, barrier, synergy, mainstream, fund, cdm (The Clean Development Mechanism) \ план, смягчение последствий, климат, Корпоративный Климатический Альянс, политика, барьер, синергия, мейнстрим, фонд, механизм чистого развития
Topic 5: Стихийные бедствия	17,5	drought, water, basin, adaptive, disaster, resilience, river, flood, variability, climatic \ засуха, вода, бассейн, адаптация, стихийное бедствие, устойчивость, река, наводнение, изменчивость, климатические
Topic 6: Сохранение экосистем	12,5	ecosystem, farmer, investment, service, cost, landscape, land, conservation, technology, forest \ экосистема, фермер, инвестиции, услуга, стоимость, ландшафт, земля, сохранение, технология, лес

На рис. 6 представлены результаты распределения MAP-оценок пропорций тем документа. Графики показывают хорошую разбивку всех шести тем – во всех документах вероятность соответствующей темы близка к нулю.

Результаты тематического моделирования

В процессе моделирования было выделено шесть тем, три из которых, а именно тема 4 «Климатическая политика», тема 5 «Стихийные бедствия» и тема 6 «Сохранение экосистем», достаточно тесно связаны между собой. Однако выделение их в самостоятельные темы говорит о важности каждого из этих вопросов при исследовании взаимосвязи институциональных механизмов и адаптации в широком смысле этого слова.

Distribution of MAP Estimates of Document-Topic Proportions

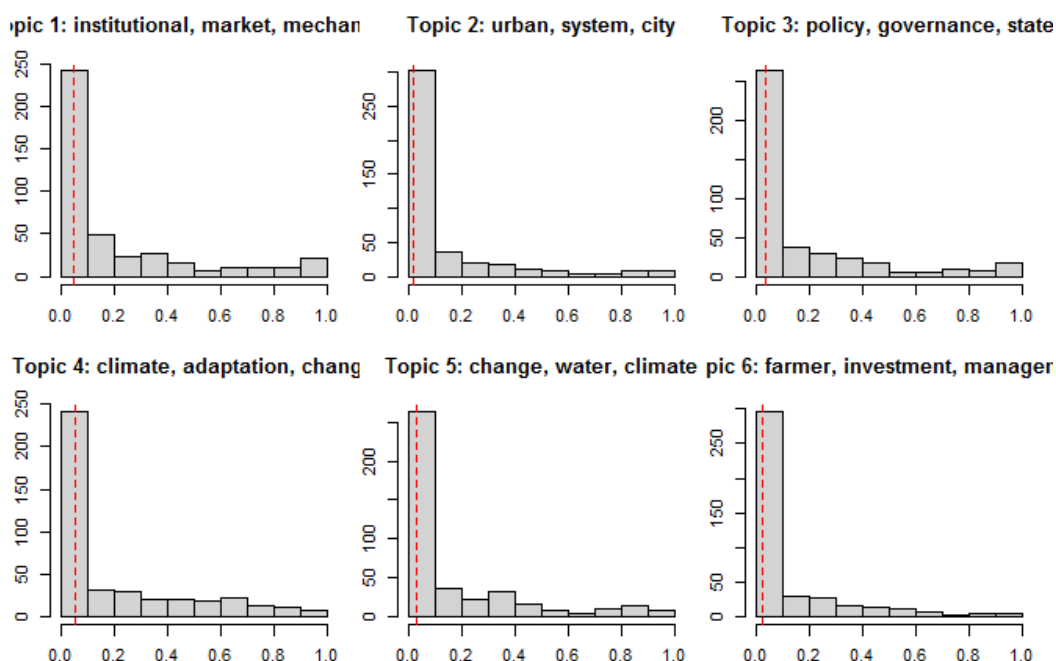

Рисунок 6.

Распределение оценок максимальной апостериорной вероятности (MAP) пропорций тем документа в модели 2

Тема 4 с выделенными эксклюзивными словами (plan, mitigation, climate, cca (Corporate Climate Alliance), policy, barrier, synergy, mainstream, fund, cdm (The Clean Development Mechanism) \ план, смягчение последствий, климат, Корпоративный Климатический Альянс, политика, барьер, синергия, мейнстрим, фонд, механизм чистого развития) отражает взаимосвязь формирования институциональных механизмов и адаптации в условиях изменения климата. Как и в модели 1, эта тема имеет наибольший удельный вес. Но в модели 2 затрагиваются именно вопросы выработки единой политики, преодоления барьеров, функционирования конкретных инструментов и механизмов смягчения последствий климатических изменений (фондов, некоммерческих организаций). В частности, упоминается Корпоративный климатический альянс (ССА), представляющего собой некоммерческую организацию, объединяющую коммерческие корпорации, руководители которых обеспокоены финансовыми рисками, возникающими при изменении климата для бизнеса, сотрудников и сообществ¹. Также выделен Механизм чистого развития (CDM), определенный в статье 12 Киотского протокола, который позволяет стране, взявшей на себя обязательство по сокращению или ограничению выбросов, реализовать проект по сокращению выбросов в развивающихся странах. Такие проекты могут зарабатывать коммерческие кредиты сертифицированного сокращения выбросов, каждый из которых эквивалентен одной тонне CO₂, что может быть засчитано для достижения целей Киотского протокола. Механизм многими рассматривается как первая в своем роде глобальная схема экологических инвестиций и кредитования, предоставляющая стандартизированный инструмент компенсации выбросов. Деятельность по проекту МЧР может включать, например, проект электрификации сельских районов с использованием солнечных батарей или установку более энергоэффективных котлов. Считается, что этот механизм направлен на стимулирование устойчивого развития и сокращение выбросов, предоставляя при этом промышленно развитым странам некоторую гибкость в том, как они достигают своих целей по сокращению или ограничению выбросов².

Все это в некотором роде определяет эффективность институциональных механизмов в условиях адаптации мирового сообщества к климатическим изменениям.

Тема 5 и ее эксклюзивные слова (drought, water, basin, adaptive, disaster, resilience, river, flood, variability, climatic / засуха, вода, бассейн, адаптация, стихийное бедствие, устойчивость, река, наводнение, изменчивость, климатические) отражают связи институциональных механизмов и адаптации через устранение последствий стихийных бедствий, часть из которых обусловлена и изменениями климата.

Тема 6 с эксклюзивными словами (ecosystem, farmer, investment, service, cost, landscape, land, conservation, technology, forest / экосистема, фермер, инвестиции, услуга, стоимость, ландшафт, земля, сохранение, технология, лес) подчеркивает взаимосвязь адаптации и институциональных механизмов в условиях сохранения экосистем, выделяя при этом как финансовые вопросы (инвестиций, затрат, стоимости), так и технологические аспекты.

Контекст корпоративного управления отражен в теме 1, о чем свидетельствуют эксклюзивные слова (firm, organization, identity, enterprise, chain, performance, market, formation, advantage, corporate / фирма, организация, идентичность, предприятие, цепочка, производительность, рынок, формирование, преимущество, корпоративный). Мы вложили достаточно широкий смысл в словосочетание «корпоративное управление», включая и вопросы внутрифирменного развития, и функционирования предприятий во внешней среде, где, безусловно, возникает вопрос адаптации и ее механизмов.

Тема 2 и ее эксклюзивные слова (city, urban, train, education, creativity, student, migration, creative, school, evaluation / город, городской, учить, образование, творчество, студент, миграция, креатив, школа, оценка), на наш взгляд, затрагивают два аспекта механизмов адаптации, но охватывающих одну сферу – образование. Во-первых, это институциональные механизмы адаптации при во время обучения в школе, а во-вторых, адаптация студентов, но не только к самому образовательному процессу в колледжах или университетах, но и к городской среде, поскольку многие из них представляют собой учебных мигрантов.

Наконец, тема 3 и ее эксклюзивные слова (european, parliamentary, crisis, constitutional, state, historical, interest, politics, foreign, central / европейский, парламентский, кризис, конституционный, государственный, исторический, интерес, политика, иностранный, центральный) отражает контекст государственного управления или государственного устройства в условиях кризисов, в том числе европейского парламентаризма, проявления внешних политических интересов.

Таким образом, на основе структурного тематического моделирования мы установили, что наиболее распространенным контекстом современного изучения институциональных механизмов и адаптации как населения, так и в более широком субъектном смысле, является изменение климата, а также прямо или косвенно с этим связанные аспекты – развитие сельского хозяйства, стихийные бедствия, сохранение экосистем. Существенная роль в решении этих вопросов отводится государственным структурам, призванным разрабатывать политику, направленную на смягчение последствий климатических изменений, проявляющихся в том числе и в увеличении числа различных природных катаклизмов, в рисках снижения продовольственной безопасности, миграционных кризисах, росте заболеваемости населения, что требует дополнительных усилий по адаптации системы здравоохранения, а также решений в сфере внешней миграции. Не менее важным контекстом исследования институциональных механизмов адаптации является корпоративное и внутрифирменное развитие, функционирование предприятий во внешней среде. Особенно это актуально в условиях современных антиросийских санкций. Еще одним значимым контекстом является система образования как высшего, так и среднего.

¹ <https://www.corporateclimatealliance.com/>

² <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-kyoto-protocol/mechanisms-under-the-kyoto-protocol/the-clean-development-mechanism>

В целом, учитывая все выше изложенное, предлагаем *институциональные механизмы адаптации населения* в широком смысле рассматривать как совокупность элементов и их связей, обеспечивающую результативное взаимодействие между различными сообществами, направленное на сокращение рисков и угроз, обусловленных изменениями экzogенной и эндогенной среды.

Кутышкин А.В.

д.т.н., профессор, гл.н.с. научно-исследовательской лаборатории имитационного моделирования,
Нижевартовский государственный университет
avk_200761@mail.ru

Шульгин О.В.

к.э.н., доцент, Нижевартовский государственный университет
shul.oleg.val@mail.ru

Сторчак Т.В.

к.б.н., доцент, зав. кафедрой экологии, Нижевартовский государственный университет
tatyastorchak@yandex.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ПРИ РАЗВИТИИ РЕГИОНА МЕТОДОМ АНАЛИЗА СРЕДЫ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Ключевые слова: регион, социально-экономическая система, экология, экономическая эффективность, метод анализа среды функционирования объекта, DEA.

Keywords: region, socio-economic system, ecology, economic efficiency, method of analyzing the environment for the operation of an object.

Введение. В настоящее время актуальны задачи оценки эффективности функционирования сложных организационно-технических систем, в том числе и региональных социально-экономических систем (РСЭС), в части потребления достаточно широкого спектра ресурсов. Наряду с хорошо известными и апробированными методами аппарата производственных функций¹, балансовых моделей², методологии «затраты – выпуск»³ расширяется использование методов непараметрической оптимизации⁴, основанные на построении границы эффективности функционирования рассматриваемой системы⁵ и известные как методы анализа среды функционирования (Data Envelopment Analysis, DEA). Построение в рамках DEA такой границы обуславливает формирование для некоторой выборки (набора) систем (объектов – decision making units, DMU) виртуальной идеальной системы-аналога, функционирование которой характеризуется наилучшими соотношениями значений выбранных для этих систем показателей «выход» и «вход». Эффективность же непосредственно систем выборки определяется мерой их близости к построенной границе. Наряду с этим оцениваются и потенциальные изменения значений показателей «выход» и «вход». Реализация таких изменений обеспечит максимально возможное повышение эффективности функционирования систем выборки. К недостаткам упомянутых работ следует отнести недостаточное обоснование формирования выборки РСЭС, т.к. на структуру их ВРП существенное влияние оказывает, например, природно-климатические особенности региона. Поэтому параметры сформированной идеальной системы-аналога могут быть либо не достижимы в принципе, либо требуют чрезвычайно больших затрат. Целью данной работы является оценка эколого-экономической эффективности развития региональных ресурсодобывающих социально-экономических систем севера Российской Федерации на основе использования метода анализа среды их функционирования (DEA). В работе представлены результаты использования метода DEA для группы РСЭС, включающей Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО-Югра), Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Ненецкий автономный округ (НАО) за период с 2010 по 2020 г.г. Группировка этих автономных округов, по мнению авторов, возможна по следующим причинам. Во-первых, значительная часть их ВРП определяется добычей и частичной переработкой углеводородного сырья. Во-вторых, природно-климатические условия этих регионов практически одинаковы, И, в-третьих, взаимодействие этих округов с федеральным центром, Тюменской и Архангельской областями, составными частями которых они являются, осуществляется с использованием схожих институциональных механизмов. Для нивелирования имеющихся же различий между рассматриваемыми региональными СЭС предлагается формулировать и решать задачу оценки эффективности использования ими типовых ре-

¹ Кутышкин А.В., Шульгин О.В. Краткосрочное прогнозирование величины валового регионального продукта на основе использования аппарата производственных функций // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. – № 3 (63). – С. 23.

² Ершов Э. Б. Развитие и реализация идей модели межотраслевых взаимодействий для российской экономики // Экономический журнал ВШЭ. – М., 2008. – № 1. – С. 3–27.

³ Широков А.А. Использование таблиц «затраты-выпуск» для обоснования решений в области экономической политики // Проблемы прогнозирования. – М., 2018. – № 6 (171). – С. 12–25.

⁴ Ратнер С.В. Динамические задачи оценки эколого-экономической эффективности регионов на основе базовых моделей анализа среды функционирования // Управление большими системами. 2017. – Вып. 67. – С. 81–106.

⁵ Сальникова А.А. Оптимизация регионального эколого-экономического планирования с использованием анализа среды функционирования // Экономический анализ: теория и практика. 2017. – Т. 16, № 12. – С. 2332–2346.

сурсов не единичным временным срезом или «методом временного окна» для трех объектов, а формировать индивидуальную выборку состояний этих объектов за период с 2010 по 2019 г.г. Такой подход при использовании метода DEA, по мнению авторов, позволит сформировать персонифицированный виртуальную систему-аналог, в значительной степени учитывающую специфику каждого объекта исследования.

Методы исследования. Для оценки эколого-экономической эффективности рассматриваемых систем используется величина θ , определяемая из типовой радиальной «вход» – ориентированной DEA – модели (CCR – модель) следующего вида¹:

$$\max_{v,u} \theta = \frac{\sum_{k=1}^m u_k y_{k0} + u_0}{\sum_{i=1}^r v_i x_{i0}}. \quad (1)$$

При ограничениях следующего вида:

$$\begin{cases} \frac{\sum_{k=1}^m u_k y_{kj} + u_0}{\sum_{i=1}^r v_i x_{ij}} \leq 1, & j = 1, \dots, n, \\ u_k \geq 0, \quad k = 1, \dots, m, \quad v_i \geq 0, \quad i = 1, \dots, r. \end{cases} \quad (2)$$

Здесь x_{ij} , y_{kj} – наблюдаемые параметры входных величин $k = 1, \dots, m$ и выходных величин $i = 1, \dots, r$ наблюдаемых систем $j = 1, \dots, n$; u_k , v_i – неизвестные определяемые весовые коэффициенты при переменных «входа» и «выхода» соответственно; u_0 – коэффициент, характеризующий эффект масштаба в рассматриваемых системах: $u_0 < 0$ – убывающая отдача масштаба; $u_0 > 0$ – возрастающая отдача масштаба; $u_0 = 0$ – постоянная отдача масштаба.

Оценка величины θ нормирована: если $\theta = 1$, то считается, что наблюдаемая система функционирует эффективно, если $\theta = 0$, то данная система соответственно неэффективна. В том случае, если расчетные значения θ лежат в обозначенном диапазоне, то рассматриваемая система функционирует недостаточно эффективно и для ее «входов» и «выходов» рассчитываются целевые значения, при достижении которых система станет эффективной. В качестве выходных параметров для DEA-моделей рассматриваемых РСЭС выступали величины: y_{1j} – валовой региональный продукт (ВРП), млрд руб. в ценах текущего года; y_{2j} – численность населения региона (тыс. человек) на конец года. В свою очередь, в качестве входных параметров этих моделей выступали следующие показатели: x_{1j} – суммарный годовой объем пресной воды, забираемой из поверхностных и подземных источников для нужд региональной экономики и населения региона, млн м³; x_{2j} – суммарный годовой объем сброса в поверхностные водоемы неочищенных и недостаточно очищенных сточных вод, млн м³; x_{3j} – суммарный годовой объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, млн т; x_{4j} – общий объем переработанных и неиспользуемых промышленных и бытовых отходов (захороненные и размещенные на хранение) на конец года, млн т.

Показатели, отражающие динамику площади загрязненных промышленными отходами земельных ресурсов, не использовались, т.к. для НАО за указанный период эти данные в открытой печати не приводятся. Следует также отметить, что не использовался показатель суммарного годового объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от передвижных источников. Это обусловлено тем, что даже величина x_{3j} существенно меньше, нежели общий ежегодный объем загрязняющих веществ поступающих в атмосферу, что объясняется особенностью природно-климатических условий данных регионов. Значения показателей y_{1j} , y_{2j} , x_{1j} , ..., x_{4j} были преобразованы к базисным индексам относительно 2010 г.

В качестве исходных данных были использованы официальные сборники Федеральной службы государственной статистики (Росстат) «Регионы России: Социально-экономические показатели», «Охрана окружающей среды в России», ежегодные доклады Министерства природных ресурсов и экологии РФ «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации». Расчет показателей эколого-экономической эффективности θ РСЭС осуществлялся в пакете прикладных программ MaxDEA 8 Basic. При этом принималось, что используемая типовая радиальная «вход»-ориентированная DEA-модель характеризуется постоянным показателем масштаба. Такое допущение было сделано на основании результатов исследований авторов², в рамках которых было установлено, что неоклассические производственные функции типа CES-функция достаточно корректно описывают динамику валового регионального продукта РСЭС ХМАО-Югра и ЯНАО.

¹ Алмастьян Н.А. Разработка стратегий природоохранной деятельности в регионе на основе моделей непараметрической оптимизации // Modern Economy Success. 2017. – № 6. – С. 107–117.

² Кутышкин А.В., Шульгин О.В. Краткосрочное прогнозирование величины валового регионального продукта на основе использования аппарата производственных функций // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. – № 3 (63); Кутышкин А.В. Моделирование динамики валового регионального продукта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2021. – Т. 21, № 2. – С. 104–113.

Результаты и обсуждение. Расчетные значения θ для указанных РСЭС приведены в табл. 1. Согласно данным табл. 1 развитие рассмотренных РСЭС за период с 2010 г. по 2019 г. в целом характеризуются высокой эколого-экономической эффективностью.

Таблица 1

Расчетные показатели эколого-экономической эффективности θ функционирования экономик регионов ХМАО-Югра, ЯНАО и НАО

Год	Значения θ		
	ХМАО-Югра	ЯНАО	НАО
2010	1,000	0,773	0,655
2011	0,965	1,000	1,000
2012	0,865	1,000	1,000
2013	1,000	1,000	0,923
2014	1,000	1,000	1,000
2015	1,000	0,964	1,000
2016	1,000	0,889	1,000
2017	1,000	0,939	1,000
2018	1,000	1,000	1,000
2019	1,000	1,000	1,000

Это, по мнению авторов, обусловлено следующими основными причинами.

1. Рост населения этих регионов во многом обусловлен наличием пригодных для проживания территорий и находится в пределах прогнозов, обозначенных в документе «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года»¹. Это в целом нивелирует непосредственно антропогенное влияние населения на окружающую среду.

2. Динамика ВРП рассматриваемых РСЭС, в основе которого лежит добыча и частичная переработка углеводородов, во многом зависит от конъюнктуры внешнего рынка. Для ЯНАО периоды «неэффективности» обусловлены пересмотром внешними потребителями газа долгосрочных договоров в сторону договоров спотовой торговли, что требовало согласования непосредственно объемов его добычи и транспортировки. Основные нефтедобывающие компании, работающие в ХМАО-Югра и НАО, начиная с 2014 года работают под негативным воздействием внешнеполитических факторов, что обуславливает весьма незначительный рост добычи углеводородного сырья. Это положительно сказывается на снижении негативного влияния с их стороны на экологическое состояние региона. Наряду с этим, следует отметить, что, начиная с 2016 года, переработка сопутствующего нефтяного газа всеми операторами достигла почти 90%, что также положительно сказывается на состоянии природной системы региона.

3. Добыча углеводородного сырья в обозначенных регионах осуществляется «классическими» технологиями, что обусловлено текущим балансом его источников. Вследствие этого значительная доля инвестиций в основной капитал нефтедобывающих компаний направлена на поддержание эксплуатационных параметров основных производственных фондов, которые работают в крайне сложных природно-климатических условиях. Такая инвестиционная политика также обеспечивает снижение негативного влияния экономики регионов на окружающую среду.

Наряду со значениями θ определялись «целевые» значения как y_{1j}, y_{2j} , так и x_{1j}, \dots, x_{4j} (табл. 2) при достижении, которых эколого-экономическая эффективность рассматриваемых систем будет максимальной.

Таблица 2

Целевые значения «входов» и «выходов» «обеспечивающих» повышение эколого-экономической эффективности функционирования региональных экономик ХМАО-Югра, ЯНАО и НАО

Год	y_1	y_2	x_1	x_2	x_3	x_4
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра						
2011	1,0090	1,0245	1,22	1,14	0,98	0,99
	1,0090	1,0156	1,27	1,19	1,11	1,02
2012	1,0197	1,0305	1,06	1,05	0,99	1,11
	0,9898	1,0305	1,22	1,21	1,14	1,28
Ямало-Ненецкий автономный округ						
2010	1,365	1,00	0,773	0,656	0,283	0,773
	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
2015	1,144	1,0175	0,98	0,503	0,309	1,01
	1,13	1,0175	0,94	0,52	0,37	1,19
2016	1,349	1,0211	0,93	0,614	0,279	0,89
	1,19	1,0211	0,82	0,69	0,32	1,04
2017	1,348	1,0259	0,88	0,659	0,271	0,775
	1,29	1,0259	0,82	0,70	0,36	0,83
Ненецкий автономный округ						
2010	1,00	1,115	0,655	0,656	0,46	0,655
	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
2013	0,877	1,017	0,782	0,421	0,251	0,976
	0,837	1,017	1,088	0,481	0,272	1,058

¹ http://www.arcticandnorth.ru/institut_arctic/strategy_AZRF_2010.pdf

Рассмотрение целевых значений позволяет оценить чувствительность показателя θ к изменениям значений входных показателей x_{1j}, \dots, x_{4j} для каждого из исследуемых объектов. Это возможно, с одной стороны, из-за того, что θ описывается линейной моделью, а, с другой стороны, для наблюдаемых случаев из двух выходных показателей y_{1j} и y_{2j} изменяется только один, т.е. динамика θ определяется изменением именно этого показателя. Наряду с этим использование единой шкалы значений $y_{1j}, y_{2j}, x_{1j}, \dots, x_{4j}$ также упрощает оценку чувствительности θ .

Чувствительность $\Delta\theta(x_{ij})_k$ оценивается следующей зависимостью:

$$\Delta\theta(x_{ij})_k = (y_{kj,\delta} - y_{kj,o}) \frac{(x_{ij,\delta} - x_{ij,o})}{\sum_{i=1}^4 (x_{ij,\delta} - x_{ij,o})} \quad (3),$$

где $y_{kj,\delta}, y_{kj,o}, x_{ij,\delta}, x_{ij,o}$ – значения входных y_{kj} ($k = 1, 2$) и входных показателей x_{ij} ($i=1, \dots, 4, j = 1, \dots, 3$) в базисном и отчетном году.

В табл. 3 приведены расчетные значения $\Delta\theta(x_{ij})$ для данных табл. 2. Данные табл. 3 для периодов недостаточной эколого-экономической эффективности указывают на то, что для ХМАО-Югра и НАО на повышение значения θ влияют целевые значения x_3 и x_1 . Причем в обоих случаях целевые показатели y_{1j} целесообразно было повысить. Для ЯНАО целевые значения y_{2j} оптимальны в соответствующие периоды и их динамика не оказывает влияния на значения θ . Наибольшее снижение значений актуально для показателей входа модели x_4 и x_3 несмотря на то, что динамика их значений сопровождается ростом показателя выхода y_{1j} . Т.е. рост ВРП РСЭС ЯНАО не в полной мере оправдывается уровнем негативного влияния экономики на окружающую среду региона.

Таблица 3

Значения чувствительности $\Delta\theta(x_{ij})_k$ для периодов недостаточной эколого-экономической эффективности функционирования региональных экономик ХМАО-Югра, ЯНАО и НАО

Год	x_1	x_2	x_3	x_4
Ханты-Мансийский автономный округ ($j = 1$)				
2011	0,192	0,192	0,500	0,115
2012	0,250	0,250	0,234	0,266
Ямало-Ненецкий автономный округ ($j = 2$)				
2010	0,150	0,227	0,473	0,150
2015	-0,183	0,078	0,280	0,826
2016	-0,701	0,484	0,261	0,955
2017	-0,480	0,328	0,712	0,440
Ненецкий автономный округ ($j = 3$)				
2010	0,219	0,219	0,343	0,219
2013	0,652	0,128	0,045	0,175

Заключение и выводы. Полученные оценки θ (табл. 1) характеризуют достаточно высокий и в целом устойчивый уровень эколого-экономической эффективности развития рассмотренных региональных социально-экономических систем в течение достаточно длительного интервала времени, который характеризовался не вполне благоприятной конъюнктурой рынка сбыта углеводородного сырья. Это, по мнению авторов, обусловлено следующими основными причинами. Во-первых, производственные системы этих регионов характеризуются использованием хорошо зарекомендовавших и отлаженных технологических процессов добычи углеводородов. Во-вторых, отсутствие в рассматриваемый период времени существенных внешних вызовов, которые бы требовали интенсификации технологической трансформации производственных систем, что, как правило, приводит, пусть и к кратковременному, но чувствительному негативному воздействию на окружающую среду. И, в-третьих, обеспечение со стороны ключевых региональных операторов недропользования высокого уровня как производственных, так и экологических характеристик основных производственных фондов, эксплуатируемых в сложных природно-климатических условиях. Наряду с этим, высокий уровень эколого-экономической эффективности рассмотренных РСЭС также обусловлен и умеренным ростом численности населения регионов, что в целом снижает непосредственно антропогенное воздействие на их экологические системы.

Анализ кратковременного снижения уровня эколого-экономической эффективности (табл. 2, 3) исследуемых РСЭС косвенно подтверждает предположение авторов о том, что на результаты оценки этого показателя влияет корректность формирования выборки обследуемых объектов. Так, для РСЭС ЯНАО, где добыча и реализация природного газа является основой формирования валового продукта, основным фактором, определяющим динамику уровня эколого-экономической эффективности, является динамика величины ВРП и связанные с добычей природного газа показатели использования природных ресурсов. Влияние же динамики численности населения региона на значение θ минимально. Для регионов ХМАО-Югра и НАО, где превалирует добыча и транспортировка нефти, имеет место комбинированное влияние обоих выходных показателей модели без ярко выраженного доминирования. Следует также отметить, что длительность периодов снижения уровня эколого-экономической эффективности развития этих регионов ниже по отношению к ЯНАО, что обусловлено накопленным положительным опытом эксплуатации нефтяных месторождений и имеющейся достаточно развитой технологической инфраструктурой.

Авторы считают, что полученные в рамках исследования результаты использования метода DEA для оценки эколого-экономической эффективности развития РСЭС имеют достаточно ограниченное практическое применение.

Это обусловлено тем, что администрации регионов не располагает возможностями оказания существенного влияния на производственную и инвестиционную политику основных субъектов региональной экономики. Вместе с тем, динамику расчетных значений θ можно рассматривать как дополнительный индикатор развития региона. Оценки же целевых значений потребления основных видов природных ресурсов («входов» модели DEA) целесообразно рассматривать как дополнительную научно-обоснованную аргументацию при выработке совместной политики администрации региона и субъектов его экономики в экологической сфере.

Сливицкий А.Б.

начальник сектора ГосНИИАС

Дьячкова Т.А.

инженер-конструктор НИИ «Восход»

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Ключевые слова: анализ, блок-схема, государство, деятельность, инновация, интеллект, информация, компетенция, коэволюция, модель, общество, подход, проблема, развитие, решение, система, технология, управление, эффективность.

Keywords: analysis, flowchart, state, activity, innovation, intelligence, information, competence, co-evolution, model, society, approach, problem, development, solution, system, technology, management, efficiency.

С момента своего возникновения и экспоненциального, коэволюционного развития информационные технологии, под которыми в настоящее время понимается совокупность процессов и методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, привлекались для поддержки принятия решений (ППР) с целью обеспечения роста их оперативности, качества, надежности и эффективности. В результате развития системной методологии, аналитических методов обработки статистических данных и комплекса информационно-аналитических технологий поддержки принятия решений (ИАТ ППР) сформировался отдельный класс информационных систем – системы поддержки принятия решений (СППР). СППР предназначены для помощи и поддержки лиц, принимающих решение (ЛПР) в сложной информационной обстановке, в условиях неполноты и противоречивости знаний об объектно-предметной области, интересующей ЛПР. Сегодня без этих инновационных комплексов автоматизации экспертной деятельности с их системотехническим, инженерно-физическим, блок-схемным, логико-аналитическим, оптимизационно-имитационным, когнитивно-эвристическим, формально-математическим и программно-алгоритмическим междисциплинарным инструментарием уже нельзя представить деятельность государственного и корпоративного менеджмента, менеджмента некоммерческой сферы.

Современный этап развития науки и техники общепризнан в качестве научно-технической революции, открывающей человечеству дорогу в век информации, в век следящих систем, в век принятия решений на основе больших данных, собираемых в цифровом виде по самым разным информационным каналам от самых разных объектов и устройств наблюдения. Однако «информационное пространство нельзя более рассматривать как нечто относящееся исключительно к миру техники, поскольку оно настолько глубоко проникло в саму ткань повседневности, что вычленив его из общего контекста деятельности человека уже не представляется возможным»¹. Сейчас именно информационные технологии, включая ИАТ ППР, формируют облик современного информационного общества, способствуя информатизации государства и бизнеса во всех его ипостасях, стратах и измерениях, проторяют путь к цифровой экономике и к экономике знаний. В качестве примера можно привести функционирование государственных автоматизированных систем: ГАС «Выборы», ГАС «Правосудие» и других информационных продуктов, разрабатываемых НИИ «Восход».

С течением времени системные аналитики перешли от теоретико-экспериментальных исследований по разработке ИАТ ППР к практической реализации СППР, к масштабированию и тиражированию аналитического контента. СППР получили развитую базу постепенно миниатюризируемых аппаратных средств. Быстрая смена поколений (версий, редакций) «коробочных» решений привела к снижению стоимости пользовательских систем. С конца прошлого века все рабочие места ЛПР, а затем и рядовых пользователей оснащены компьютерной техникой, объединённой с локальными и глобальной информационными сетями. Теперь количество данных, ежедневно циркулирующих в этих сетях, поистине грандиозно. Например, каждый клик на рекламный баннер в сети Интернет генерирует данные – океаны и вселенные данных.

Тактико-технические характеристики автоматизированных рабочих мест (АРМ) постоянно наращиваются, подчиняясь закону Мура (с некоторым запаздыванием по экономическим причинам). СППР позволяют ЛПР привлекать себе в помощь непрерывно совершенствуемый информационно-аналитический аппарат мониторинга и анализа эмпирических данных, эвристические методы, концептуальное, прогнозное и имитационное моделирование, предиктивную аналитику, методы машинного обучения. Сейчас, благодаря развитому программно-алгоритмическому обеспечению и ресурсам сети Интернет, каждое АРМ – это СППР, автоматизированная информационная система управления, а не объект электронно-вычислительной техники зари компьютеризации человечества. Теперь АРМ – это целый ситуаци-

¹ Алексеев П.Н. Проблемы и перспективы применения информационных технологий в деятельности органов военного управления // Военная мысль. 2021. – № 11. – С. 69.

онный или информационно-аналитический центр, сочетающий в себе функции сбора исходных данных, интеграции и анализа информации, визуализации результатов моделирования и синтеза альтернативных сценариев (стратегий) поведения.

В настоящее время на фоне зафиксированной нами тенденции всеобщей информатизации и цифровизации жизнедеятельности международная обстановка вновь обострилась. Против России развязана гибридная война, несущая глобальные изменения и долговременные последствия всему мировому сообществу, всей техносфере. Война ведётся сразу в нескольких средах. В киберпространстве – с применением информационных технологий различного целевого назначения и в сфере экономики – путем ограничения оборота информационных технологий, программно-аппаратных средств, инфраструктуры, интеллектуальной собственности. Необходимы симметрично-ассиметричные меры реагирования.

Целью настоящего исследования является концептуальный анализ процессов информатизации управления с помощью современных информационно-аналитических технологий поддержки принятия решений в интересах вскрытия, а в последующем мониторинга изменений, происходящих как в содержании управленческой деятельности, так и в сознании людей, ее осуществляющих.

Представляется, что результативным ответом на недружественные действия стран Запада должно стать радикальное повышение эффективности российского государства и общества и их институтов, выступающих в качестве взаимодействующе-противодействующих элементов сложной организационной системы «государство». В частности, необходимо кардинальное повышение эффективности государственного и корпоративного управления. Технически это возможно за счёт усиления цифровизации¹, информатизации² и интеллектуализации³ менеджмента, за счёт широкого развития и внедрения в управленческую практику современных ИТ-технологий⁴.

К информационным технологиям, ускоряющим ситуационный анализ и принятие управленческих решений, специалисты относят АРМы, базы данных, информационные модели, цифровые двойники реальных объектов – продуктов и процессов⁵, виртуальные предприятия⁶, информационно-аналитические центры⁷, ситуационные центры⁸, интегрированную информационную среду⁹, распределенные (сетевые) программно-аппаратные среды¹⁰, единое информационное пространство, технологии искусственного интеллекта (ИИ), а также большой спектр методов аналитической математики, предиктивной, прогнозной аналитики. Причём современные ИАТ ППР должны базироваться на до-

¹ Сливичкий А.Б. Цифровые технологии поддержки принятия решений в контуре государственного управления авиационной деятельностью // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации. Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию Республики Башкортостан). 2019. – С. 506–511; Сливичкий А.Б. Цифровые инструменты поддержки принятия решений в области авиационной деятельности // Идеи К.Э. Циолковского в контексте современного развития науки и техники. Материалы 53 Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. 2018. – С. 329–330.

² Сливичкий А.Б. Информатизация производственно-научной корпорации как фактор её инновационного развития // Молодежная научно-практическая конференция «Инновации в авиастроении», Казань, ОАК, 10–12 ноября 2010 г.

³ Сливичкий А.Б. Интеллектуализация научно-производственной корпорации как фактор инновационного развития // XXIII Киевский международный симпозиум по науковедению и научно-техническому прогнозированию «Актуальные проблемы научно-технологической и инновационной политики в контексте формирования общеевропейского научного пространства: опыт и перспективы», Киев, 16–17 июня 2010 г. – Киев: Феникс, 2010. – С. 293–295.

⁴ Сливичкий А.Б. ИТ-инструменты поддержки принятия решений в области инновационного и технологического развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН; отв. ред. В.И. Герасимов. 2018. – С. 903–908.

⁵ Боровков А.И., Рябов Ю.А., Кукушкин К.В., Марусева В.М., Кулмин В.Ю. Цифровые двойники и цифровая трансформация предприятий ОПК // Оборонная техника. 2018. – № 1. – С. 6–33.

⁶ Сливичкий А.Б. Технология виртуальных предприятий как перспективное направление информационно-аналитического обеспечения инновационного развития в рамках отраслевого центра системных исследований // Регионы России: Стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития. Труды восьмой междунар. науч.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Ч. 1. – С. 497–501.

⁷ Сливичкий А.Б. Инструменты анализа политики в области авиационной деятельности с использованием средств информационно-аналитического центра // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 414–420.

⁸ Сливичкий А.Б. Перспективы развития информационных систем ситуационного анализа и поддержки принятия решения в государственном управлении // Вопросы становления электронной демократии в России: сборник статей / Под ред. Е.А. Казьминой. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2016. – С. 246–254; Сливичкий А.Б. Ситуационный центр как технология проведения системных исследований и внешнего проектирования авиационной техники // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. 1. – С. 339–344.

⁹ Сливичкий А.Б. Интегрированная информационная среда системы поддержки комплексных исследований и разработок в авиационной промышленности // Ситуационные центры 2010. Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: материалы научно-практической конференции, Москва, РАГС, 27–28 апреля 2010 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. – М.: РАГС, 2011. – С. 244–250; Сливичкий А.Б. Принципы и особенности технологии реализации интегрированной информационной среды в научных организациях авиационной отрасли // Сборник докладов Всероссийской научно-технической конференции «Моделирование авиационных систем», ФГУП «ГосНИИАС». Т. 1. – М.: ФГУП «ГосНИИАС», 2011. – С. 282–289.

¹⁰ Сливичкий А.Б. Концептуальные модели информационного взаимодействия субъектов инновационного процесса // Межотраслевая информационная служба. 2016. – № 1. – С. 43–54; Сливичкий А.Б. Механизмы сетевого взаимодействия при решении проблем инновационно-технологического развития России. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 10. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 292–299.

веренной элементной базе и сетевой инфраструктуре отечественной разработки, системной интеграции и производства, обеспечивающих российский технологический суверенитет¹ в частности и государственный суверенитет в целом.

Характеризуя сферу приложения усилий менеджмента, нуждающегося в поддержке экспертов-людей и экспертных программ, следует отметить, что любая управленческая деятельность – это процесс переработки информации о состоянии объекта управления (ОУ) и выработки решений о его сохранении и поступательном развитии во времени и в пространстве в условиях всевозможных ограничений и сдерживающих факторов. На рис. 1 представлена концептуальная модель влияния управленческих решений (краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного периода действия) на траекторию общественного развития в координатах «вектор характеристик общественного развития – время». Отмечены, в частности, этап мониторинга и анализа общественно-политико-экономической ситуации и последующий этап синтеза управленческого решения. Показаны амплитуда изменения некоего управляющего параметра и время его действия. Отмечен интервал значений вектора характеристик общественного развития, предпочтительных с точки зрения ЛППР.

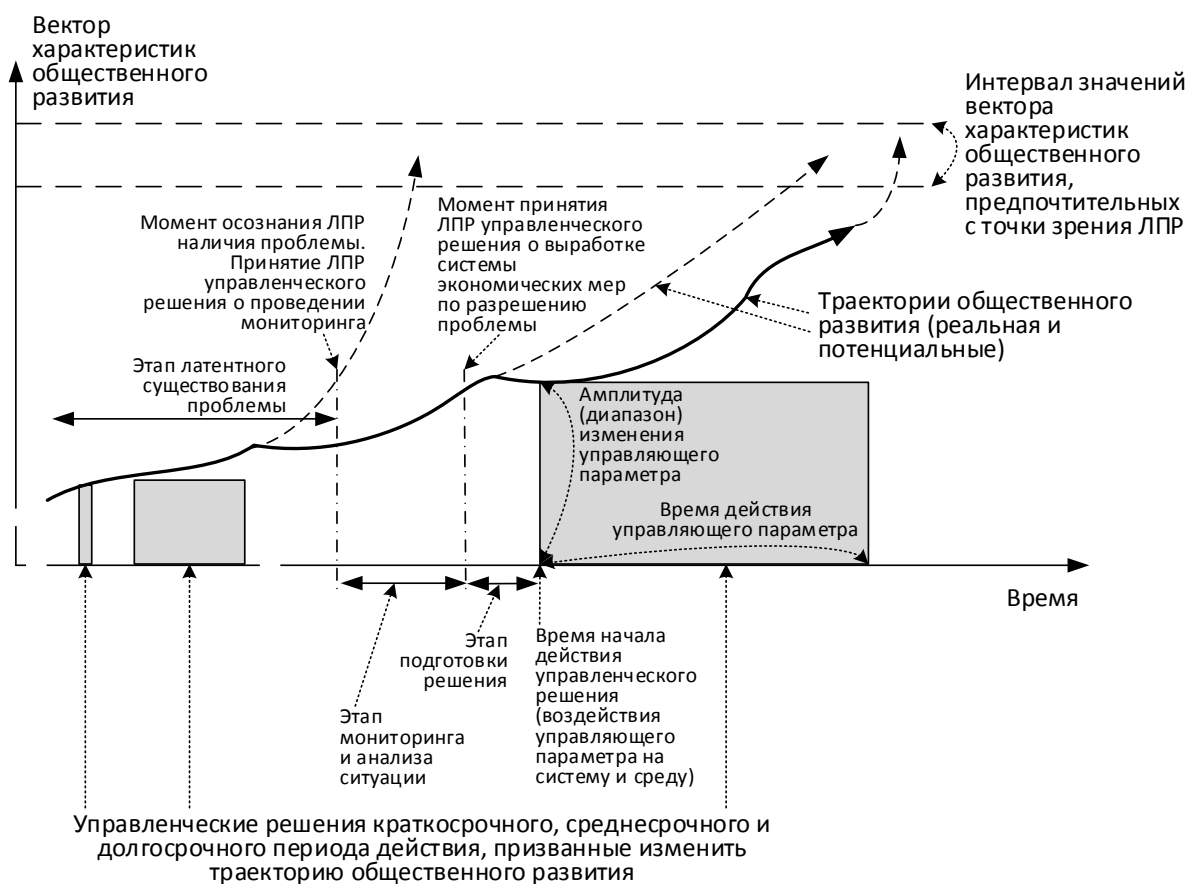

Рисунок 1.

Концептуальная модель влияния управленческих решений на траекторию общественного развития

Теоретической целью управляющих воздействий является минимизация рассогласования между реальным и желаемым ЛППР состоянием ОУ при объективных ограничениях, то есть скорейшее устранение рассогласования без потери устойчивости ОУ и его управляемости в условиях воздействия внешних и внутренних негативно-позитивных факторов. На практике управленческая деятельность реализуется с помощью двух сопряжённых методов – метода последовательных приближений, заключающегося в последовательном принятии «пробных» мер и мероприятий (социально-экономической, политико-правовой, фискально-налоговой направленности, например), устраняющих рассогласование, с непрерывным мониторингом и оценкой их эффективности в интересах своевременной коррекции регулирования процесса развития, а также метода базовых (опорных) вариантов, задающего начальную и конечную реперные точки информационной модели состояния ОУ.

Управленческая деятельность объективно нуждается в регулярном повышении своей эффективности в интересах соответствия государственным интересам и стратегическим целям, устанавливаемым ЛППР. Процесс осмысления тенденций общественного развития, научного поиска потенциалов, генерации управленческих новаций и совершенствования оснований, методов и технологий организационного управления диалектичен и как один из важных аспектов коэволюционного соразвития науки, техники и общества имеет непреходящую значимость и актуальность.

¹ Сливицкий А.Б. Некоторые вопросы научно-технического и производственно-технологического суверенитета России // Проблема суверенности современной России. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции / Центр научной политической мысли и идеологии. 2014. – С. 571–579.

Это закономерно, ведь истари одним из наиболее сложных кибернетических ОУ является организационная (организационно-экономическая, социально-экономическая, политико-правовая, геополитическая, военно-стратегическая, организационно-техническая) система¹ (см. рис. 2). Система, в которой главным объектом управления (управляемым субъектом) и субъектом управления (управляющим субъектом, СУ) является человек, группа людей, экономико-политический институт общества. Система, обладающая качествами функциональности, цельности, эмерджентности, автономности, объективности границ, интегрированности и гомеостазиса. Эти качества различимы и у предприятия (организации) и его структурных бизнес единиц, и у отрасли хозяйствования, и у государства в целом. Система, которая на основании системных представлений может быть классифицирована как искусственная, детерминированно-стохастическая, открытая, сложная, хорошо организованная, иерархическая, прогрессирующая, гетерогенная, самоорганизующаяся, организационная. Система, которая при анализе должна рассматриваться с исторической, морфологической, функциональной и информационной точек зрения.

Регулятор общественных отношений (см. рис. 2) имеет в качестве линии обратной связи системно организованные государственное управление, государственную политику (ГП), право и законодательство². «Регулирование общественных отношений осуществляется с помощью системы общеобязательных, формально-определённых, принимаемых в установленном порядке и гарантированных государством императивных правил поведения. В совокупности с диспозитивными нормами и правовыми обычаями, эти правила формируют управляющие воздействия и задают рамки, направляющие косинусы обобщённого вектора общественного развития»³.

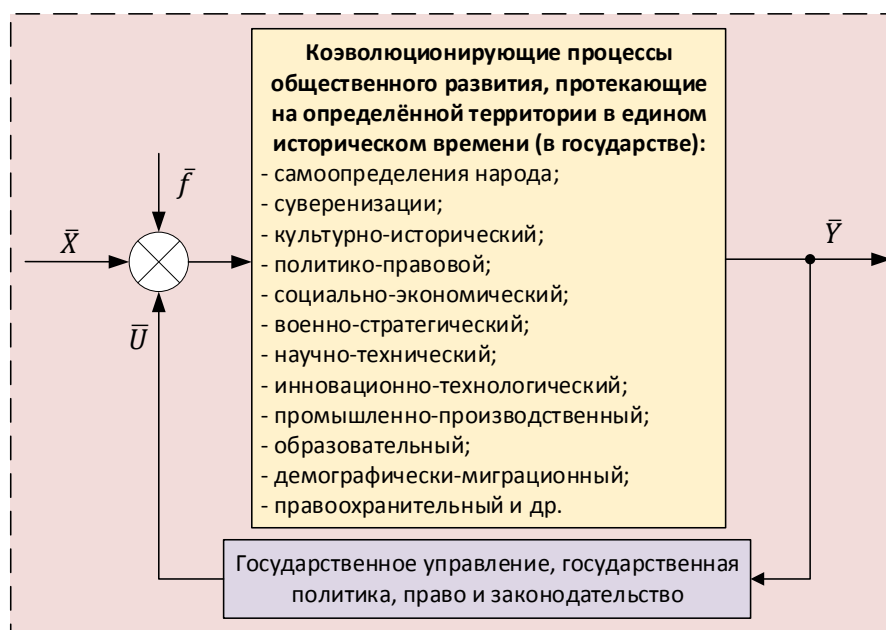

Рисунок 2.

Концептуальная кибернетическая модель сверхсложной организационной системы «государство»

Как системный объект, ГП представляет собой элемент (блок, механизм) управления системой «технологии и техника – общество и государство» (см. рис. 3). Причём в соответствии с принципом управления У.Р. Эшби, уровень разнообразия управляющей системы должен соответствовать уровню разнообразия управляемой системы. Современные задачи управления, отражая специфику ОУ – больших стратифицированных целенаправленных организационных систем, отличаются особой структурно-функциональной сложностью, многоаспектностью, многокритериальностью, продуцируемой, в том числе, множеством перекрёстных прямых и обратных связей, требующих учета при синтезе управляющего воздействия (государственной политики).

Системы, имеющие характеристики, подобные описанным нами, по сложившемуся в теории и практике подходу, могут управляться ЛПР (единоличного или коллективного типа) только с опорой, в частности, на политэкономический опыт предшествующих поколений. Носителями такого специфического для обывателя опыта являются либо само ЛПР, либо специалисты-профессионалы (экспертные организации и сообщества). В своих рекомендациях ЛПР они опираются на научный подход и научный метод, задающие методологическую схему междисциплинарных сис-

¹ Сливцкий Б.А., Сливцкий А.Б. Теоретико-методологические основания анализа социально-экономических систем // Материалы Афанасьевских чтений. 2022. – № 1 (38). – С. 67–76.

² Сливцкий А.Б. Анализ проблематики формирования системы обратной связи в контуре государственного управления научно-технологическим развитием // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации. Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию Республики Башкортостан). 2019. – С. 452–457; Сливцкий А.Б. Система обратной связи в контуре управления научно-технологическим развитием // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – С. 544–552.

³ Сливцкий А.Б. Козволюция техники и общества в цифровую эпоху: проблемные вопросы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М., 2022. – Ч. 1. – С. 279–287.

темных исследований ОУ, зиждущихся на глубоком комплексном понимании мировых общественных процессов и научно-технического развития.

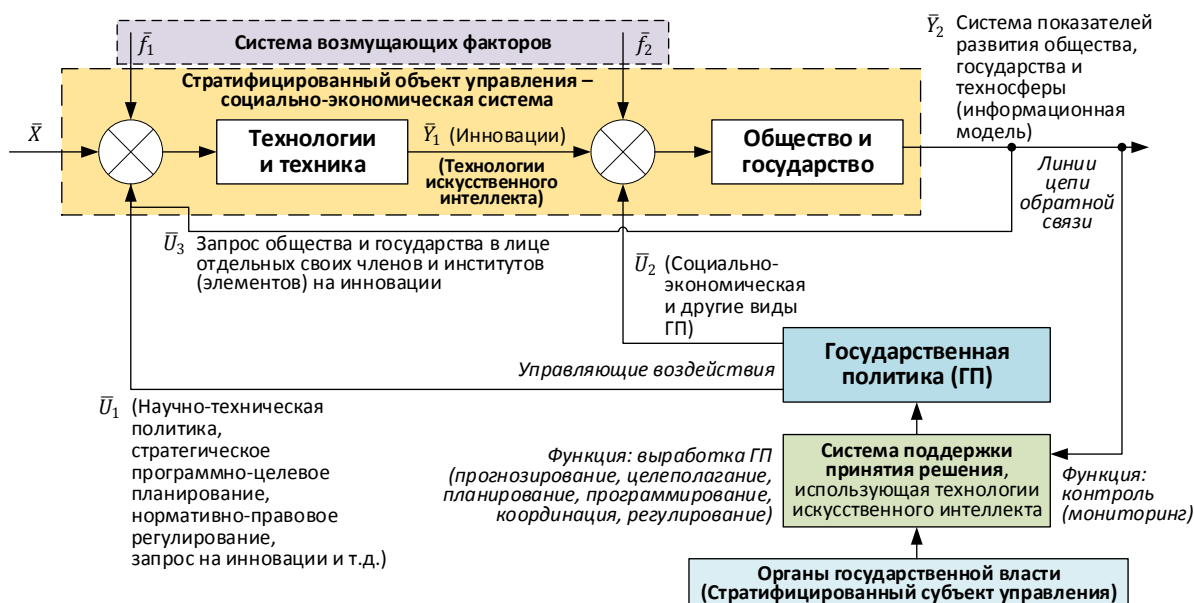

Рисунок 3.

Роль и место системы поддержки принятия решений в линии цепи обратной связи в открытой концептуальной системе «технологии и техника – общество и государство» кибернетического типа

В нынешний век информатизации профессиональное экспертное мнение, основанное на знании диалектики общественного развития, абсорбируется знаниеёмкими технологиями. Именно такими технологиями и являются современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений, использующие интеллект создающих их коллективов профессионалов, а в последнее время – искусственный интеллект с функцией самообучения. То есть ИАТ ППР – это «высокотехнологичный инструмент управленческой деятельности, который позволяет наиболее полно и оперативно представлять информацию о сложившейся ситуации органам управления, прогнозировать возможные сценарии ее развития, подготавливать возможные альтернативные варианты управленческих решений и оценивать их последствия»¹.

Рисунок 4.

Хроноструктура процесса реагирования ЛПР на проблемную ситуацию

СППР, разрабатываемые путём системной интеграции ИАТ ППР, оказывают существенное (во многом революционное) влияние на хроноструктуру процесса реагирования на проблемную ситуацию. На рис. 4 выполнено качественно-количественное сопоставление двух временных диаграмм цикла реагирования: «принятие ЛПР решения без помощи СППР» и «принятие ЛПР решения с привлечением СППР». Углубляясь в количественные оценки, следует

¹ Данчул А. Ключ e-Government – ситуационные центры // Государственная служба. – М., 2010. – № 6. – С. 61.

отметить, что этап латентного существования проблемы объективно долговременен и имеет свой уникальный генезис. Этапы мониторинга и анализа ситуации и подготовки решения могут исчисляться месяцами и даже годами, когда для отграничения проблемы и нахождения путей её решения требуется проведение отдельной научно-исследовательской работы, обычно привязанной к срокам бюджетного планирования и опосредуемой принципами осуществления госзакупок. Этап принятия решения, например, может представлять из себя нормативно-определённую процедуру принятия федерального закона.

Из графического построения (базирующегося на экспертном опыте) очевидно, что СППР существенно сокращают длительность управленческого цикла, «сжимая» этап мониторинга и анализа проблемной ситуации и этап подготовки управленческого решения (см. рис. 4). При этом в рамках формируемого вокруг ЛПР защищенного информационного пространства ситуационного (информационно-аналитического) центра повышается не только оперативность реагирования, но и качество, надежность и эффективность процессов управления. То есть оценка эффективности применения СППР очевидна: СППР – полезный и эффективный инструмент ППР.

За последние десятилетия ИАТ ППР глубоко эволюционировали. Сейчас СППР применяются при решении функциональных задач управления социально-экономическим развитием, общественно-политической ситуацией, национальной безопасностью и реализацией национальных и региональных проектов. Концептуальная (качественно-количественная) модель развития информационно-аналитических СППР (модифицированная в сравнении с подходом Г. Кокинза¹) представлена на рис. 5. Повышение эффективности использования информации в СППР влечет за собой и рост эффективности управления. Это, в частности, достигается увеличением размерности информационной модели ОУ, ростом числа учитываемых, а следовательно, и мониторящихся на регулярной основе параметров и информационных связей между ними, а также «глубины» и информативности анализа.

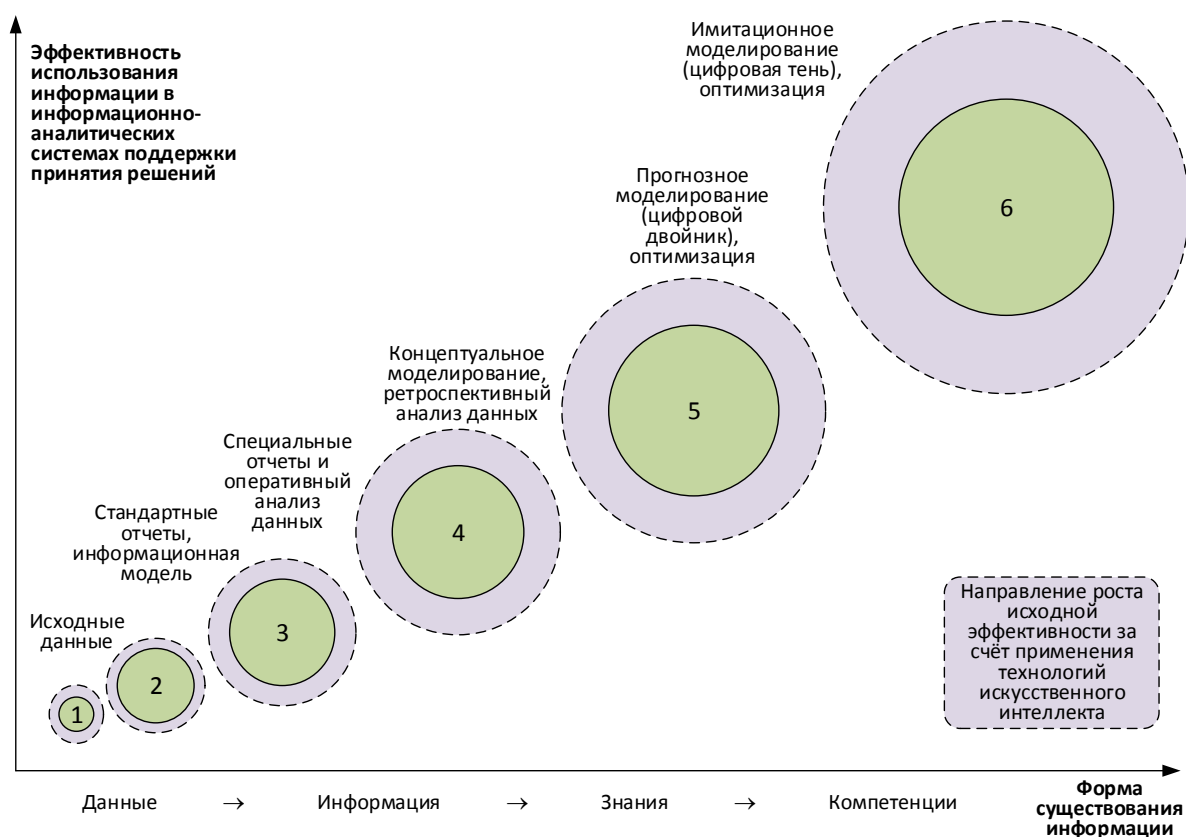

Рисунок 5.
Концептуальная (качественно-количественная) модель развития информационно-аналитических систем поддержки принятия решений

На рис. 5 по оси абсцисс отложена шкала, характеризующая форму существования информации по её значимости и полезности. Коренным отличием «информации» от «данных» здесь является её не потенциальная, а реальная, актуальная полезность для пользователя. «Знания» отличаются от «информации» тем, что они будут полезны не только сейчас, но и в будущем. Категория «компетенции» предполагает наличие устойчивого практического навыка применения «знаний», коим владеет компетентный специалист – эксперт или центр компетенций – специализированная научно-организационная структура². В центре компетенций накапливаются, обобщаются и применяются знания для

¹ Кокинз Г. Управление результативностью: как преодолеть разрыв между объявленной стратегией и реальными процессами. – М., 2007. – С. 34.

² Жеребин А.М., Попов В.А., Сливицкий А.Б. Центр компетенций как система // Авиационные системы в XXI веке. Тезисы докладов юбилейной Всероссийской научно-технической конференции. Москва, 2022. – С. 64–66.

решения практических задач¹, а также происходит подготовка кадров на основе портфолио кейсов. Следует отметить, что с течением времени любой из четырёх обозначенных нами видов информационных продуктов устаревает и поэтому нуждается в регулярном обновлении, актуализации.

По оси ординат (см. рис. 5) отложена шкала эффективности использования информации в СППР. Площадь кругов отражает сложность, подробность математической (информационной, концептуальной, имитационной) модели, количество учитываемых системных факторов и связей между ними. Кольцевые расширения областей символизируют потенциальный рост исходной эффективности за счёт внедрения технологий искусственного интеллекта и синергии базисных информационных технологий с надстройкой-добавкой в виде модуля ИИ.

Будучи развернутыми в рамках такого системного интегратора информации как ситуационный или информационно-аналитический центр, СППР дополняются мощным инструментом комплексной полиэкранной визуализации, дополненной и виртуальной реальности, составляющих, в совокупности, единое информационно-аналитическое пространство. Пространство, обеспечивающее ЛПР в режиме 24/7 мониторинговыми, аналитическими и синтетическими средствами ППР.

На рис. 6 представлена концептуальная модель взаимодействия ЛПР с СППР. Для построения образа СППР использована гидротехническая аналогия – модель «воронки инноваций», получающая в рассматриваемом нами случае новое идеологическое наполнение. В нашей модели системно интегрируются не технологии, переходящие в стадию инноваций, а упорядочиваются, синергетически «растут» знания, переходя из состояния «исходные данные» в состояние «компетенции». Процесс сопровождается применением методологии анализа и синтеза для решения конкретных кейсов, системной методологии формирования управленческого решения² (см. рис. 7).

Рисунок 6.
Концептуальная модель взаимодействия ЛПР с СППР

¹ Сливацкий А.Б. О применении компетентностного подхода и методов больших данных при оценке эффективности деятельности отраслевого НИИ // Моделирование авиационных систем. Сборник тезисов докладов IV Всероссийской научно-технической конференции. Москва, 2020. – С. 15–17; Сливацкий А.Б. О применении компетентностного подхода при оценке эффективности отраслевых научных организаций // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – С. 598–600.

² Сливацкий А.Б. Методология концептуального анализа и синтеза нормативно-правовых актов. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2021. – Ч. 2. – С. 1010–1018; Жеребин А.М., Попов В.А., Сливацкий А.Б. Роль моделирования при реализации государственной политики в области авиационной деятельности // Авиационные системы в XXI веке. Тезисы докладов юбилейной Всероссийской научно-технической конференции. – М., 2022. – С. 21–25.

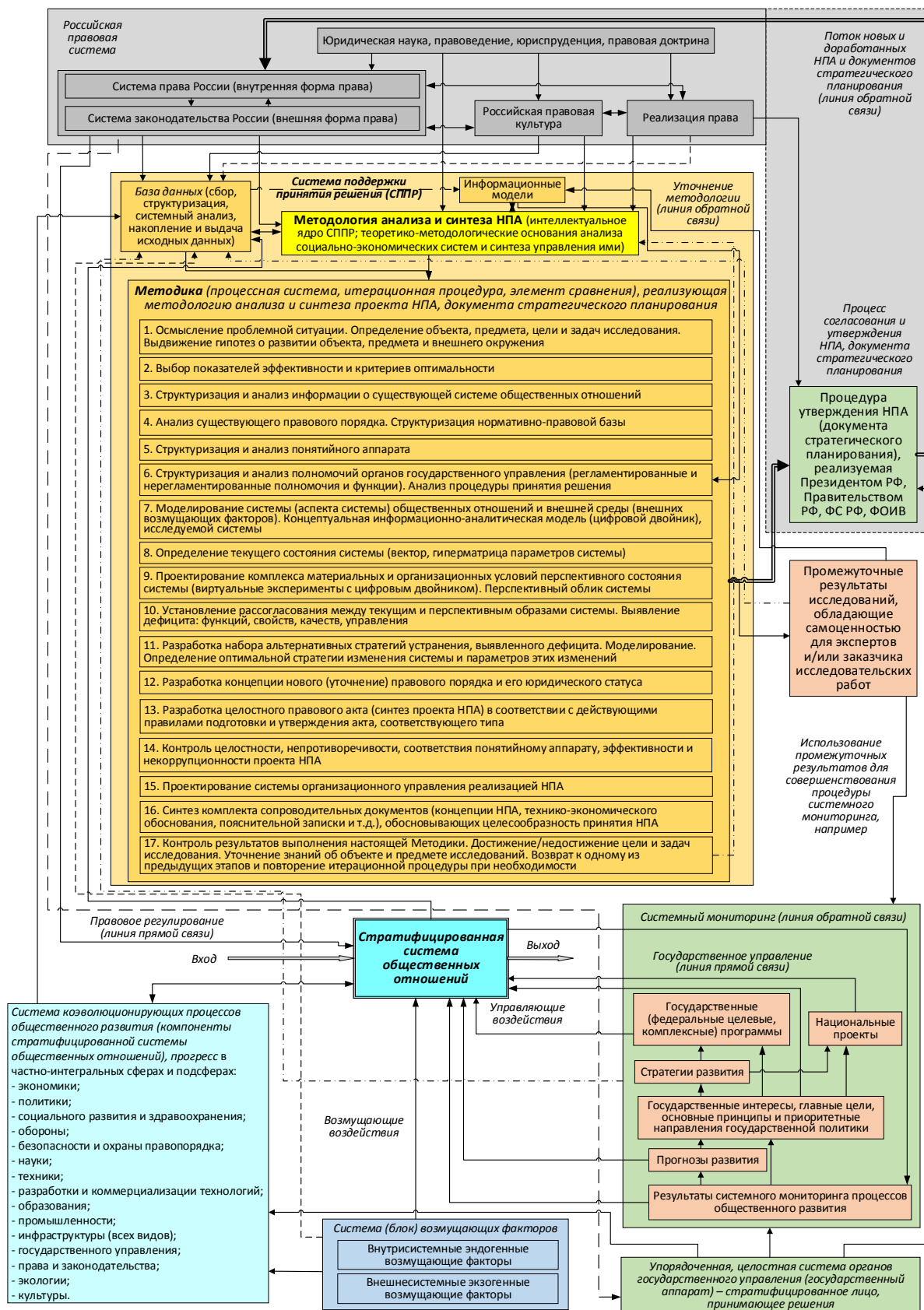

Рисунок 7.

Концептуальная модель применения системной методологии при исследовании системы общественных отношений для формирования управляющего воздействия в виде нормативного правового акта

Представленная на рис. 7 методологическая схема используется специалистами ГосНИИАС при исследовании системы общественных отношений, формирующейся, например, в области авиационной деятельности. Так, в рамках формирования потребного управляющего воздействия, облачаемого в форму нормативного правового акта или доку-

мента системы стратегического планирования¹, разработаны Основы государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года (утверждены Президентом РФ поручением от 1 апреля 2012 года № Пр-804) и обосновано создание Авиационной коллегии при Правительстве России (учреждена Постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2016 года № 1408).

Таково внешнее – сугубо положительное – видение места СППР и роли составляющих их ИАТ ППР в информационной системе государства и общества. Другим характерным примером – не рассматриваемым нами, но нуждающемся хотя бы в упоминании – является активное развитие такого направления магистрального процесса информатизации и цифровизации государства и общества, как электронные госуслуги. Москва традиционно лидирует в рейтинге информационного развития. Всего в режиме онлайн москвичам доступно более 380 услуг и сервисов.

Продолжая системный анализ современных ИАТ ППР и, опосредующих их, СППР, следует отметить, что у этих полезных для лица, принимающего решения, систем существуют и негативные черты, «узкие» места, нуждающиеся в постоянном внимании специалистов по информатизации и самих ЛПР. В экспертном сообществе называются самые разные недостатки СППР, ИАТ ППР и информационных технологий вообще. Это и неразвитость электронного документооборота, и избыточность визуализации результатов работы². Но это частности. Представляется, что основными проблемными аспектами СППР являются данные, собственно модели и само лицо, принимающее решения, как субъект управления, элемент управляющей системы. Дадим этим технико-организационным аспектам краткую характеристику.

1. Данные (исходные данные) – это базис, основа, «сырьё» и одновременно «продукт» любого управленческого процесса: знаки и символы правят Миром. Теоретически, данные могут быть классифицированы по множеству оснований. Для ППР важны такие их качества, как достоверность, определённость, полнота и релевантность. Именно сочетание этих качеств со знаком «плюс» (теоретически предельными 100%) придаёт вырабатываемому решению максимальную объективность. Однако на практике так не бывает. Исходя из неточных, нечётких исходных данных невозможно получить точное решение. Решения всегда носят стохастический, случайный, вероятностный характер, их последствия сложно прогнозируемы. Необходимы целенаправленные действия всех субъектов информационного процесса по обеспечению качества данных, по снижению информационной неопределённости.

Далеко не тривиальны такие процессы, как преобразование данных в цепи «данные, информация, знания, компетенции» и приобретение знаний. Например, касаясь вопроса приобретения знаний, следует отметить, что всё большую популярность в этом процессе приобретают такие современные ИАТ ППР, как нейронные сети – базисная, опорная технология ИИ. Критичность при применении нейронных сетей в СППР заключается в том, что они формируют закономерности, которые не вербализуются, то есть непонятно, почему предлагается то или иное решение. В процессе своего генезиса СППР постепенно утрачивают «прозрачность» для пользователя. Их рекомендации не объяснимы, не понятны и даже парадоксальны. Уже сейчас алгоритмы формирования предлагаемых СППР решений опосредуются кибернетической концепцией «чёрного ящика», требующей специальных мер по «обелению ящика».

2. Говоря о моделях и моделировании, следует отметить, что «такой сложный, стратифицированный, стохастический, динамический объект, как современное государство, может быть исследован только с помощью «мощного» научного аппарата, позволяющего проводить разнокритериальную оптимизацию параметров государства-системы в интересах синтеза государственного управления. ... Управления, осуществляемого «иерархическим» лицом, принимающим решение в пределах своей компетенции в условиях наличия факторов неопределённости, связанных с неточностью исходных данных и неполнотой знаний об объекте. Управления, выбор которого должен быть основан на результатах социально-экономического моделирования. При этом следует решительно отказаться от управленческого «метода проб и ошибок», который до недавнего времени был распространён в отечественной и мировой практике социального управления, но сейчас отвергается из-за высокой стоимости масштабных опытов и катастрофических последствий ошибок социальных экспериментов. В противовес ему надо опираться на научные методы социального моделирования, прогнозирования и управления общественными процессами. Опираясь на системные исследования, которые лежат в основе формирования государственной политики»³.

В процессе моделирования результаты применения эмпирических методов наблюдения и измерения – исходные данные, должны перманентно уточнять и подкреплять прогнозно-аналитическую модель ОУ, закладываемую в СППР, а не являться самоцелью процесса познания.

3. Каждый человек обладает индивидуальными психологическими особенностями, интеллектуальной спецификой, ценностно-идеологическими предпочтениями, а также ограниченными физиологическими возможностями. ЛПР,

¹ Сливичкий А.Б. Вопросы формирования государственной политики в области искусственного интеллекта // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Москва, 2021. – С. 396–402; Сливичкий А.Б. Совершенствование основ политики государственного строительства: нормативно-правовой анализ // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – С. 408–414; Сливичкий А.Б. Концептуальные подходы к формированию национальной технологической инициативы // Межотраслевая информационная служба. 2015. – № 3. – С. 29–38; Сливичкий А.Б. О координации взаимодействия органов государственного управления авиационной деятельностью // Транспортное право. 2010. – № 2. – С. 19–23.

² Алексеев П.Н. Проблемы и перспективы применения информационных технологий в деятельности органов военного управления. // Военная мысль. 2021. – № 11. – С. 73.

³ Сливичкий Б.А., Сливичкий А.Б. Теоретико-методологические основания анализа социально-экономических систем // Материалы Афанасьевских чтений. 2022. – № 1 (38). – С. 72.

как человек, является ключевым элементом любой автоматизированной системы управления¹ и, в том числе, СППР. В этой роли он нуждается в адекватном учёте своих антропных качеств при моделировании в составе управляющей системы.

Подытоживая следует отметить, что воля и прагматический учёт перечисленных системных факторов должны дать новый импульс развитию процессов информатизации управления с помощью современных информационно-аналитических технологий поддержки принятия решений.

¹ Сливицкий Б.А., Сливицкий А.Б. Вопросы моделирования актора и акцептора новых научных идей (личностно-психологический аспект) // Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи. Сборник докладов. Под общ. ред. А.Л. Андреева, З.К. Селивановой, В.И. Герасимова. – М., 2020. – С. 259–263.

Черняков М.К.

д.э.н., профессор кафедры аудита, учета и финансов Новосибирского государственного технического университета
mkacadem@mail.ru

Чернякова М.М.

к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск
mariamix@mail.ru

Чернякова И.А.

аспирант Новосибирского государственного технического университета; Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск
airon1986@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ МОЛОЧНОЙ ОТРАСЛИ¹

Ключевые слова: цифровизация; молочная отрасль; методика; оценка; эффективность.

Keywords: digitalization, dairy industry, methodology, evaluation, efficiency.

Введение

Главной проблемой, сформированной экономическими преобразованиями, является резкое расслоение производителей сырого молока на незначительную часть крупного бизнеса, который пользуется основной долей государственной поддержки, и значительную долю микро-бизнеса (личных подсобных и семейных фермерских хозяйств), часть которого вообще не получает никакой поддержки, не имеет условий для цивилизованного сбыта своей продукции, часто становясь сырьевым донором крупных компаний, и в силу этого ведущего низкодоходный бизнес, основанный на устаревших технологиях.

Основной причиной перечисленных выше проблем является отсутствие цифровых технологий, позволяющих решать эти задачи. В развитых странах цифровые технологии доступны любому фермеру. В России же программы цифровизации АПК, направленные на освоение новых технологий производства, носят декларативный характер и не учитывают специфики молочной отрасли.

Методика оценки уровня цифровизации молочного скотоводства

Цель – определить критерии оценки уровня цифровизации² отдельных хозяйствующих субъектов молочного скотоводства и их совокупности в сельском муниципальном районе.

Гипотетически уровень цифровизации хозяйствующих субъектов зависит от их финансового состояния, и возможностей доходной части районных бюджетов по осуществлению инвестиций в цифровизацию. Общий алгоритм должен состоять из шести последовательных шагов:

Шаг 1. Необходимо ввести критерии, по оценке уровня информатизации хозяйствующих субъектов молочного скотоводства. В применяемой методологии для оценки индекса молочного скотоводства использовались рекомендованные Европейской комиссией принципы построения композитных информационных индикаторов, отраженных в «Руководстве OECD/JRC 2008 года»³. Для обоснования гипотезы использованы методы корреляционно-регрессионного анализа.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-310-90002.

² Assessment of the state of digitalization of the agro-industrial complex / M.K. Chernyakov, M.M. Chernyakova, I.A. Chernyakova [et al.] // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. – Vol. 723: Ensuring sustainable development in the context of agriculture, green energy, ecology and earth science: international scientific and practical conference, Smolensk, 25 Jan. 2021. – Art. 032009 (6 p.). – DOI: 10.1088/1755-1315/723/3/032009.

³ EU Science Hub. The European Commission's science and knowledge service / European Commission. 2008. – <https://ec.europa.eu/jrc/en/coin/10-step-guide/overview>; OECD Digital Economy Outlook 2015 / OECD Publishing. – Paris, 2015. – 284 p. – <http://dx.doi.org/10.1787/9789264232440-en>

Принципы построения композитных информационных индикаторов используются для разработки индексов цифровизации (табл. 1) стран¹, бизнеса², в обобщенном виде это может быть выражено следующей формулой:

$$I_d = (I_1 + I_2 + \dots + I_i + \dots + I_n) / n = \Sigma(I_i) / n \quad (1),$$

где

I_d – интегральный индекс цифровизации;

I_i – субиндексы интегрального индекса цифровизации;

i – порядковый номер субиндекса;

n – число субиндексов (табл. 1), входящих в интегральный, измеряемые в долях или процентах.

Таблица 1

Содержание термина «Индекс цифровизации»

Методики	Индексы
BCG (Бостонская консалтинговая группа) ³	I_1 – субиндекс «Развитие инфраструктуры» I_2 – субиндекс «Онлайн-расходы» I_3 – субиндекс «Активность пользователей»
Индекс цифровизации стран (E-Government Development Index) ⁴	I_1 – субиндекс «Веб-присутствие органов государственной власти» I_2 – субиндекс «Телекоммуникационная инфраструктура» I_3 – субиндекс «Человеческий капитал»
Digital Spillover («Бесплатные блага цифровой экономики») ⁵	I_1 – субиндекс «Готовность к сетевой экономике» I_2 – субиндекс «Готовность к электронной торговле» I_3 – субиндекс «Готовность к электронному правительству» I_4 – субиндекс «Готовность к информатизации общества»
Оценка эффективности цифровой экономики ⁶	I_1 – субиндекс «Готовность к сетевой экономике» I_2 – субиндекс «Готовность к электронной торговле» I_3 – субиндекс «Готовность к электронному правительству» I_4 – субиндекс «Готовность к информатизации общества»
Индекс цифровизации малого и среднего бизнеса (Business Digitalization Index, BDI) ⁷	I_1 – субиндекс «Каналы передачи информации» I_2 – субиндекс «Каналы хранения информации» I_3 – субиндекс «Использование Интернета в продажах» I_4 – субиндекс «Информационная безопасность» I_5 – субиндекс «Цифровое обучение»
Индекс цифровизации бизнеса (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ ⁸	I_1 – субиндекс «Широкополосный Интернет» I_2 – субиндекс «Облачные сервисы» I_3 – субиндекс «RFID-технологий» I_4 – субиндекс «ERP-системы» I_5 – субиндекс «Электронные продажи с использованием специальных форм, размещенных на веб-сайте / в экстранете, EDI-систем»

В качестве одного из «аналогов можно рассмотреть, индекс цифровизации малого и среднего бизнеса (Business Digitization Index, BDI), который исследователи из «Открытия», Google, Mail.Ru Group, Московской школы управления «Сколково», РАЭК (Российская ассоциация электронных коммуникаций) и НАФИ (национальное агентство финансовых исследований) рассчитывали исходя из четырех субиндексов⁹:

1. Каналы передачи и хранения информации.
2. Использование Интернета в продажах.
3. Информационная безопасность.
4. Цифровое обучение.

¹ Erzhenin R.V. Russian E-Government: review of scientific publications and research // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya-public administration issues. 2018. – № 3. – P. 205–228.

² Самсонова А. Индекс цифровизации российского бизнеса ниже среднего // COMNEWS. 2019. – 18.10. – https://www.comnews.ru/content/202433/2019-10-18/2019-w42/indeks-cifrovizacii-rossiyskogo-biznesa-nizhe-srednego?utm_; Кевеш М.А., Филатова Д.А. Индекс цифровизации бизнеса // Цифровая экономика / НИУ ВШЭ, 2019. – 27.02. – 3 с. – https://issek.hse.ru/data/2019/10/03/1543029709/NTI_N_121_27022019.pdf

³ Whitmore A. A statistical analysis of the construction of the United Nations E-Government Development Index // Government Information Quarterly. 2012. – Vol. 29, N 1. – P. 68–75. – DOI: 10.1016/j.giq.2011.06.003.

⁴ Erzhenin R.V. Russian E-Government: review of scientific publications and research // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya-public administration issues. 2018. – № 3. – P. 205–228.

⁵ Digital Spillover. Measuring the true impact of the digital economy / Huawei Technologies. 2017. – 56 p. – https://www.huawei.com/minisite/gci/en/digital-spillover/files/gci_digital_spillover.pdf

⁶ Стефанова Н.А., Рахманова Т.Э. Оценка эффективности цифровой экономики // КНЖ. 2017. – № 4 (21). – С. 301–304. – <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-tsifrovoy-ekonomiki>

⁷ Самсонова А. Индекс цифровизации российского бизнеса ниже среднего // COMNEWS. 2019. – 18.10. – https://www.comnews.ru/content/202433/2019-10-18/2019-w42/indeks-cifrovizacii-rossiyskogo-biznesa-nizhe-srednego?utm_

⁸ Кевеш М.А., Филатова Д.А. Индекс цифровизации бизнеса // Цифровая экономика / НИУ ВШЭ, 2019. – 27.02. – 3 с. – https://issek.hse.ru/data/2019/10/03/1543029709/NTI_N_121_27022019.pdf

⁹ Самсонова А. Индекс цифровизации российского бизнеса ниже среднего // COMNEWS. 2019. – 18.10. – https://www.comnews.ru/content/202433/2019-10-18/2019-w42/indeks-cifrovizacii-rossiyskogo-biznesa-nizhe-srednego?utm_

«Для интегральной оценки уровня распространения цифровых технологий в предпринимательском секторе Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ разработан другой аналог – индекс цифровизации бизнеса. Он характеризует скорость адаптации к цифровой трансформации, уровень использования широкополосного интернета, облачных сервисов, RFID-технологий, ERP-систем, включенность в электронную торговлю организаций предпринимательского сектора»¹. Содержание термина «индекс цифровизации» приведено в табл. 1.

Названные индексы проблематично применить ко всем хозяйствующим субъектам молочной отрасли, так как при их оценке в скотоводстве используются другие критерии цифровизации (табл. 2), данная методика предусматривает RFID-технологии в животноводстве, которые позволяют автоматизировать комплекс задач, включая учет поголовья скота и контроль его перемещения, сбор точных данных и показателей, в том числе время кормления, вакцинации и оптимизацию селекционной работы.

Поэтому авторами предложено использовать субиндексы цифровизации, учитывающие специфику молочного скотоводства представленные в табл. 2.

Таблица 2

Элементы прецизионного (точного) животноводства, используемые для оценки уровня цифровизации хозяйствующих субъектов молочного скотоводства

Индекс	Название субиндекса
I ₁	Мониторинг качества продукции животноводства
I ₂	Электронная база данных производственного процесса
I ₃	Идентификация и мониторинг отдельных особей животных с использованием современных информационных технологий (рацион кормления, удой, привес, температура тела, активность), удовлетворение их индивидуальных потребностей
I ₄	Мониторинг состояния здоровья стада

Составлено авторами по источнику: Новосибирская область продолжает наращивать темпы производства молока. В помощь животноводам – цифровые технологии / Министерство сельского хозяйства Новосибирской области. 2019. – 18.07. – <http://mcx.nso.ru/news/3548>

Шаг 2. С учетом отраслевых особенностей авторами предложена интегральная оценка уровня распространения цифровых технологий в молочном скотоводстве с использованием двух параметров: доли (I_{s_dcb}) и индекса (I_{d_dcb}) цифровизации. Первый показатель характеризует долю хозяйствующего субъекта среди всех субъектов, участвующих в процессе цифровизации молочного стада, а второй характеризует четыре показателя скорости адаптации к цифровой трансформации по уровню использования субиндексов молочного скотоводства. Расчет показателей цифровизации для районов и хозяйствующих субъектов региона² осуществляется по формуле:

$$I_{d_dcb} = (I_1 + I_2 + I_3 + I_4) / 4 \quad (1),$$

где

I_{d_dcb} – интегральный индекс цифровизации молочного скотоводства;

I₁ – субиндекс мониторинга качества продукции животноводства;

I₂ – субиндекс электронной базы данных производственного процесса;

I₃ – субиндекс идентификации и мониторинга отдельных особей животных с использованием современных информационных технологий (рацион кормления, удой, привес, температура тела, активность), удовлетворение их индивидуальных потребностей;

I₄ – субиндекс мониторинга состояния здоровья стада.

Шаг 3 Установление связи между 16 финансовыми параметрами с долей и индексом цифровизации (табл. 3).

В качестве исходных данных (табл. 3) должны быть использованы статистические данные, приведенные в открытых источниках³ [Финансовые показатели ... , 2020 **Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Для выявления закономерностей взаимовлияния критериев цифровизации с параметрами финансового состояния хозяйствующих субъектов молочного скотоводства необходимо использовать методики корреляционного и регрессионного анализа.

Таблица 3

Финансовые параметры

Y	Название параметра
Y1	Выручка
Y2	Себестоимость продаж
Y3	Прибыль от продаж
Y4	Чистая прибыль
Y5	Собственный капитал
Y6	Коэффициент автономии

¹ Кевеш М.А., Филатова Д.А. Индекс цифровизации бизнеса // Цифровая экономика / НИУ ВШЭ, 2019. – 27.02. – 3 с. – https://issek.hse.ru/data/2019/10/03/1543029709/NTI_N_121_27022019.pdf

² Индекс цифровизации организаций пищевой промышленности / Гриценко Г.М., Черняков М.К., Чернякова М.М., Чернякова И.А., Громов С.С. // Пищевая промышленность. 2021. – № 3. – С. 31–35. – DOI: 10.24412/0235-2486-2021-3-0025.

³ Финансовые показатели за 2020 год / Вид деятельности: Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях // TESTFIRM. – <https://www.testfirm.ru/otrasli/01/>

Y7	Коэффициент финансового левериджа
Y8	Внеоборотные активы
Y9	Доля внеоборотных активов, %
Y10	Оборотные активы
Y11	Доля оборотных активов, %
Y12	Итого стоимость активов
Y13	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами
Y14	Рентабельность продаж по чистой прибыли
Y15	Рентабельность собственного капитала
Y16	Рентабельность активов
Y17	Доля цифровизации, %
Y18	Объем цифровизации, гол.
Y19	Индекс цифровизации молочного скотоводства, %

Составлено авторами по источнику: Финансовые показатели за 2020 год / Вид деятельности: Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях // TESTFIRM. – <https://www.testfirm.ru/otrasli/01/>

Корреляционный анализ исходных данных должен показать степень взаимосвязи финансовых показателей с долей и индексом цифровизации. Гипотетически можно предположить тесную взаимосвязь индекса цифровизации молочного скотоводства с рентабельностью собственного капитала (ROE) и отсутствие взаимосвязи с долей цифровизации, что будет означать, что предлагаемые параметры цифровизации не дублируют друг друга, а дополняют. В случае если результаты подтверждают гипотезу, можно говорить об имеющейся зависимости эффективности использования активов и финансового риска от индекса цифровизации в молочном скотоводстве.

После корреляционного анализа проводится регрессионный анализ, по результатам которого устанавливается взаимосвязь индекса цифровизации молочного скотоводства с рентабельностью собственного капитала и построение соответствующей математической модели.

Анализ полученной математической модели должен показать наиболее вероятный уровень индекса цифровизации и то, как хозяйствующие субъекты молочного скотоводства осуществляют процесс чипизации молочного стада, что позволит выявить коэффициент пропорциональности, который находится в зависимости от рентабельности собственного капитала. Это, в свою очередь, связано со скоростью обращения активов и финансовым левериджем. Следовательно, хозяйствующие субъекты, планирующие чипизацию своего молочного стада, могут спрогнозировать рациональный для себя индекс цифровизации молочного скотоводства.

Методика определения зависимости экономической эффективности инвестиций от уровня цифровизации

Гипотетически технологический прорыв в молочном скотоводстве за счет внедрения цифровых технологий позволит к 2024 году повысить производительность труда в два раза. При разработке методов исследования авторами изучен опыт анализа аналогичных ситуаций, проводимых за рубежом и в России в иных отраслях экономики.

Авторы цифрового распространения (Digital Spillover) «эмпирически доказали, что инвестиции в цифровой актив значительно выгоднее, чем в нецифровой. Каждый доллар США, инвестированный в цифровые технологии, за последние 30 лет дает в среднем 20 долл. США к ВВП. Это огромная отдача по сравнению с нецифровыми вложениями, которые приносят средний доход в размере от 3 до 1 долл. США¹. Отсюда следует, что инвестиции в цифровые технологии в 6,7 раза выгоднее, чем в нецифровые. Это позволило авторам допустить, что коэффициент эффективности инвестиций (K_e) можно принять равным 6,7 для индекса цифровизации $I_d = 1(100\%)$. Ожидаемый экономический эффект (E_x) от объема инвестиций (X_i) в цифровизацию с учетом индекса цифровизации может быть рассчитан по формуле:

$$E_x = X_i \times I_d \times K_e = 6,7 \times I_d \times X_i \quad (3),$$

где

E_x – ожидаемый экономический эффект, 1 руб./1 руб. инвестиций;

X_i – объем инвестиций, руб.;

I_d – интегральный индекс цифровизации;

K_e – коэффициент эффективности инвестиций в цифровые активы (6,7).

Анализ формулы (3) показывает, что наибольший эффект (6,7 руб. на один рубль инвестиций) может быть достигнут при полной (100%) цифровизации. Частичная цифровизация желаемого эффекта не даст. Так, цифровизация на 50% и менее будет сопоставима с вложением в нецифровой актив, а при цифровизации менее чем на 15% может принести хозяйствующему субъекту даже убытки. Поэтому цифровизацию хозяйствующих субъектов целесообразно проводить комплексно, а при недостатке средств – точно, не размазывая финансовый актив по множеству хозяйствующих субъектов.

¹ Истомина Е.А. Оценка трендов цифровизации в промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. – № 12 (422). – С. 108–116. – DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11212.

Предлагаемая формула расчета ожидаемого экономического эффекта от инвестиций (3) может корректироваться путем добавления в нее поправочных коэффициентов, учитывающих специфические условия функционирования хозяйствующих субъектов (уровня, региона и т.д.).

Методика ранжирования хозяйствующих субъектов по уровням рентабельности собственного капитала

Расчеты необходимо провести на основе финансовых показателей табл. 3. Финансовый показатель Y4 (чистая прибыль) необходим для расчета его доли в показателе Y5 (собственный капитал).

Чтобы получить результат, предлагается использовать формулы (2) и (3). Приведенные по формулам (2) и (3) расчеты должны показать место хозяйствующего субъекта в рейтинге их готовности к цифровизации. Поскольку хозяйствующие субъекты имеют разные технические и финансовые возможности, как и уровни имеющейся цифровизации, то на данном этапе необходимо:

Шаг 1. Определение уровня рентабельности собственного капитала (ROE), обозначенный как Y10 (табл. 3).

Рассчитывать его предлагается как отношение чистой прибыли, получаемой хозяйствующим субъектом, к собственному капиталу:

$$Y10 = Y4/Y5 \quad (4),$$

где

Y10 – уровень рентабельности собственного капитала (ROE);

Y4 – чистая прибыль, получаемая хозяйствующим субъектом, руб.;

Y5 – собственный капитал хозяйствующего субъекта, руб.

Шаг 2. Определение доли чистой прибыли (Y5), содержащейся в собственном капитале. В зависимости от ее размеров, целей и планов, какая ее часть может быть направлена на цифровизацию хозяйствующего субъекта.

Шаг 3. Ранжирование хозяйствующих субъектов по уровню чистой прибыли, по доле чистой прибыли, которая может быть выделена на цифровизацию хозяйствующих субъектов молочного скотоводства:

1-й уровень – платежеспособные (более 50% чистой прибыли может быть направлено из бюджета хозяйствующих субъектов на цифровизацию);

2-й уровень – частично платежеспособные (доля чистой прибыли, которая может быть выделена на цифровизацию 0–50%).

3-й уровень – неплатежеспособные, убыточные хозяйствующие субъекты (с отсутствием чистой прибыли и средств на цифровизацию – 0%).

Предлагаемая методика позволяет получить обобщенную оценку степени цифровизации молочного скотоводства, молочной отрасли и молочного подкомплекса региона в целом, контролировать изменения в области цифровизации, выявлять и развивать точки роста, определять ближайшие перспективы цифровизации от отдельной организации до молочного подкомплекса региона. Полученные результаты предлагается брать за основу при разработке целевых программ и государственных проектов по цифровизации и ее государственной поддержке хозяйствующих субъектов молочной отрасли. Предлагаемая методика является универсальной и одинаково применимой к хозяйствующим субъектам любой сферы деятельности и организационно-правовой формы, любого масштаба. «Для оценки текущего состояния молочного скотоводства предлагаем использовать индекс цифровизации как инструмент мониторинга системы»¹.

Для повышения эффективности государственного регулирования в области цифровизации молочного скотоводства предлагается ряд рекомендаций:

- ввести критерии оценки уровня цифровизации хозяйствующих субъектов молочного скотоводства, используя алгоритм, разработанный в разделе «Методика оценки уровня цифровизации молочного скотоводства»;
- создать негосударственные центры компетенций программы регулирования цифровой трансформации федерального, регионального и других уровней;
- определить направления и этапы цифровизации молочного скотоводства;
- использовать методику оценки эффекта от инвестиций в цифровизацию.

Результаты исследований

Оценка уровня цифровизации молочного скотоводства проведена по методике, предложенной в разделе «Методика оценки уровня цифровизации молочного скотоводства». С целью определения критериев цифровизации молочного скотоводства необходимо проанализировать существующие решения других сфер деятельности и исследовать термин «индекс цифровизации».

Так как, согласно предварительным результатам (табл. 1), предложенные индексы цифровизации имеют различия как по числу субиндексов, так и по их наименованию, их невозможно применить без модификации к хозяйствующим субъектам молочного скотоводства. Однако все они имеют общую формулу интегральной оценки, представляющую собой среднее арифметическое значение входящих в нее субиндексов, которая представлена формулой (1). Следует также отметить, что несмотря на различия, все субиндексы по своей сущности базируются на RFID-технологиях.

¹ Индекс цифровизации организаций пищевой промышленности / Гриценко Г.М., Черняков М.К., Чернякова М.М., Чернякова И.А., Громов С.С. // Пищевая промышленность. 2021. – № 3. – С. 31–35. – DOI: 10.24412/0235-2486-2021-3-0025.

В молочном скотоводстве используются специфические RFID-технологии, которые позволяют автоматизировать комплекс задач, включая учет поголовья скота и контроль его перемещения, сбор точных данных и показателей, в том числе время кормления и вакцинации и оптимизацию селекционной работы.

В табл. 2 приведены RFID-технологии, которые целесообразно использовать в качестве субиндексов для молочного скотоводства как комплексно, так и частично. Они могут численно отличаться или совпадать. В качестве примера, подтверждающего выдвинутые утверждения, в табл. 4 приведены характеристики четырех хозяйствующих субъектов Маслянинского района Новосибирской области по критериям, сформулированным в методических основах.

Таблица 4

Характеристики прецизионного (точного) животноводства в Маслянинском районе Новосибирской области, голов

Организация	Мониторинг качества продукции животноводства (I ₁)	Электронная база данных производственного процесса (I ₂)	Идентификация и мониторинг отдельных особей животных (I ₃)	Мониторинг состояния здоровья стада (I ₄)
ООО «Сибирская Нива»	8391	18 699	17 025	17 025
ООО «Сибирский пахарь»	423	нет	нет	нет
ИП Глава КФХ Герасимов А.И.	160	нет	нет	нет
ИП Гасымов Ч.Р.О.	20	нет	нет	нет

Источник: составлено авторами.

Для анализа уровня цифровизации районов Новосибирской области рассчитаны индексы цифровизации молочного скотоводства по формуле (2). Приведенные на рис. 1 результаты расчетов свидетельствуют о низкой скорости адаптации молочной отрасли Новосибирской области к цифровой трансформации. Так, из 30 районов НСО цифровизацией охвачены только 12. Индекс, представленный на рис. 1, показывает, что в целом по Новосибирской области цифровизировано 15,6% молочного стада региона. Причем лидером в этом направлении является Маслянинский район – 82,5%, а аутсайдером – Татарский район, индекс цифровизации в котором менее 1%. Большой разброс полученных значений индекса (82%) свидетельствует о значительной дифференциации уровня цифровизации даже в районах, где она проводится. На рис. 2 показана десятка лидеров хозяйствующих субъектов, в которой цифровизовано более 70% молочного стада хозяйства.

Рисунок 1.
Индекс цифровизации молочного скотоводства районов Новосибирской области

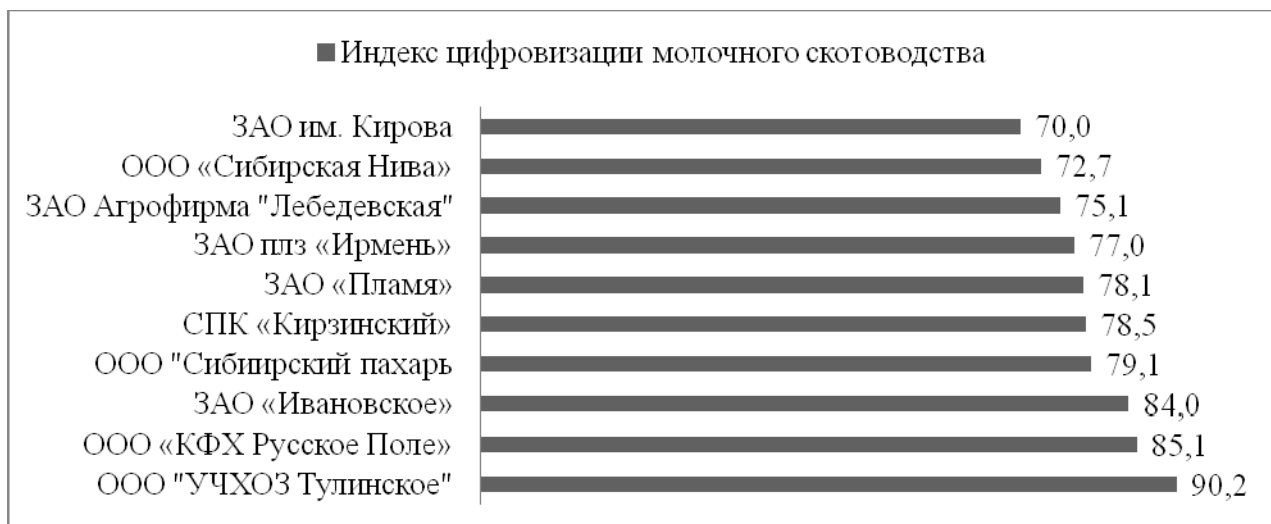

Рисунок 2.

Индекс цифровизации молочного скотоводства хозяйствующих субъектов Новосибирской области

Второй показатель интегральной оценки, характеризующий долю хозяйствующего субъекта среди всех субъектов участвующих в процессе цифровизации молочного стада, показан и в табл. 5. Приведенные в ней данные подтверждают выводы, полученные ранее. Так, по доле цифровизации в пятерку лидеров входят те же районы Новосибирской области, доля цифровизации в которых превышает 65%.

Таблица 5

Доля в цифровизации молочного скотоводства районов Новосибирской области в 2019 г.

Район	Мониторинг качества продукции животноводства	Электронная база данных производственного процесса	Идентификация и мониторинг отдельных особей животных	Мониторинг состояния здоровья стада	Сумма	Доля цифровизации
Маслянинский	8994	18 699	17 025	17 025	61 743	21,768
Баганский	13 570	13 570	13 570	13 570	54 280	19,137
Ордынский	12555	12 555	12 555	12 555	50 220	17,706
Сузунский	8520	8520	8520	8520	34 080	12,015
Каргатский	8302	8302	8302	8302	33 208	11,708
Искитимский	3275	3275	3275	3275	13 100	4,619
Новосибирский	2926	2926	2926	2926	11 704	4,126
Карасукский	–	2425	2425	2425	7275	2,565
Краснозерский	1631	1881	1881	1881	7274	2,565
Черепановский	1441	1441	1441	1441	5764	2,032
Куйбышевский	1467	1467	1467	–	4401	1,552
Татарский	–	294	294	–	588	0,207
Общий итог	62 681	75 355	73 681	71 920	283 637	100,000

Источник: составлено авторами.

Только в пяти из 12 районов области цифровизировано более половины молочного скотоводства. В остальных семи доля цифровизации не достигает и 40%, причем в четырех из этих семи доля ниже 10%, что свидетельствует о неготовности хозяйствующих субъектов этих районов к цифровой трансформации. Цифровизацию молочного скотоводства ведут 30 экономических субъектов, включая двух индивидуальных предпринимателей, в 12 районах. Причем тройка лидеров занимает почти половину доли в области цифровизации молочного скотоводства.

Особый интерес представляет возможность установления связей между 16 финансовыми показателями (табл. 6) и индексом цифровизации, предложенным авторами. Сравнительные характеристики финансовых показателей десяти хозяйствующих субъектов Новосибирской области, наиболее успешно осуществивших цифровизацию, с параметрами цифровизации приведены в табл. 6.

Таблица 6

Сравнительные характеристики финансовых показателей 10 хозяйствующих субъектов Новосибирской области с параметрами цифровизации

У	Параметр	ЗАО Племзавод «Ирмень»	ООО «Сибирская Нива» («ЭкоНива»)	ООО КФХ «Русское поле»	ЗАО Агрофирма «Лебедевская»	ЗАО «Ивановское»	ЗАО им. Кирова	СПК «Кирзинский»	ЗАО «Пламя»	ООО «УЧХОЗ Тулинское»	ООО «Сибирский пахарь»
У1	Выручка	2495091	2023843	1463589	736546	318942	262026	214501	214151	131625	50641
У2	Себестоимость продаж	2071171	1732180	1353470	714861	301978	261485	206056	207748	118680	45464

Y3	Прибыль от продаж	406496	289214	-1969	21685	16964	541	2759	1764	12945	5177
Y4	Чистая прибыль	486133	62982	26975	1426	43194	24015	18529	16139	18502	11185
Y5	Собственный капитал	3286493	445131	43654,5	166726	498340	317857	218268	318205	17044	82064
Y6	Коэффициент автономии	0,95	0,04	0,01	0,1	0,72	0,88	0,78	0,83	0,34	0,97
Y7	Коэффициент финансового левериджа, коэф.	0,06	21,68	172,01	9,07	0,4	0,14	0,29	0,2	1,96	0,03
Y8	Внеоборотные активы	1754369	6214146,5	5531414,5	1105065	392536	160567	143958	129053	785	33812
Y9	Доля внеоборотных активов %	50,55	61,55	73,24	65,79	56,44	44,24	51,24	33,73	1,55	39,97
Y10	Оборотные активы	1716231	3882333	2021256	574566	302914	202355	137011	253563	49702,5	50786
Y11	Доля оборотных активов, %	49,45	38,45	26,76	34,21	43,56	55,76	48,76	66,27	98,45	60,03
Y12	Итого стоимость активов	3470650,55	10096541,05	7552743,7	1679696	695505	362966	281020	382649	50489,1	84637,97
Y13	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,89	-1,49	-2,72	-1,63	0,35	0,78	0,54	0,75	0,33	0,95
Y14	Рентабельность продаж по чистой прибыли	19,48	3,11	1,84	0,19	13,54	9,17	8,64	7,54	14,06	22,09
Y15	Рентабельность собственного капитала	14,79	14,15	61,79	0,86	8,67	7,56	8,49	5,07	108,55	13,63
Y16	Рентабельность активов	14,01	0,62	0,36	0,08	6,21	6,62	6,59	4,22	36,65	13,22
Y17	Доля цифровизации, %	12,252	21,556	11,708	4,619	5,521	4,933	2,369	3,575	2,113	0,149
Y18	Объем цифровизации, гол.	34752	61140	33208	13100	15660	13992	6720	10140	5992	423
Y19	Индекс цифровизации молочного скотоводства, %	77,0	72,7	85,1	75,1	84,0	70,0	78,5	78,1	90,2	79,1

Табл. 6 представляет собой информационную базу данных, необходимых для сравнительного анализа финансовых показателей десяти хозяйствующих субъектов Новосибирской области с параметрами цифровизации. Хозяйствующие субъекты расположены в порядке убывания их выручки. Информационная база данных необходима для проведения корреляционного и регрессионного анализов с целью установления функциональных связей между финансовыми показателями и критериями цифровизации.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что финансовые показатели, за исключением чистой прибыли, собственного капитала и рентабельности, имеют тесную взаимосвязь (коэффициент корреляции: $R > 0,7$) с долей цифровизации, особенно параметр «оборотные активы» ($R = 0,98$).

Индекс цифровизации молочного скотоводства показал тесную взаимосвязь только с рентабельностью собственного капитала – ROE ($R = 0,77$) и отсутствие взаимосвязи даже с долей цифровизации ($R = -0,29$), это значит, что предлагаемые параметры цифровизации не дублируют друг друга, а дополняют.

Следует также отметить отсутствие взаимосвязи индекса цифровизации молочного скотоводства с составляющими ROE: с чистой прибылью ($R = -0,13$) и собственным капиталом ($R = -0,19$). Отсутствие прямой связи между индексом цифровизации и либо прибылью, либо собственным капиталом, можно объяснить тем, что большое значение собственного капитала без его эффективного применения (получения прибыли) не гарантирует успешной цифровизации в хозяйствующих субъектах. Как показала практика, только оптимальное сочетание собственного капитала и прибыли организации способствует успешной цифровизации хозяйствующего субъекта. Зависимость индекса цифровизации от рентабельности собственного капитала в текущем периоде можно объяснить тем, что цифровизацию успешно осуществляют организации, имеющие высокие уровни этого показателя.

Взаимосвязь индекса цифровизации молочного скотоводства с рентабельностью собственного капитала была получена в результате регрессионного анализа.

Так как расчетное значение погрешности меньше допустимой по критерию Гаусса–Маркова в 15%, то можно утверждать, что математическая модель может быть представлена в виде следующего регрессионного уравнения:

$$Y19 = 0,17 \times Y15 + 74,258 \text{ или } I_{d_dcb} = 0,17 \times ROE + 74,258 \quad (6),$$

где

Y19 или I_{d_dcb} – индекс цифровизации молочного скотоводства, %;

Y15 или ROE – рентабельность собственного капитала, %.

Проверка адекватности математической модели (6) показала относительную погрешность для всех возможных значений менее 10%. Анализ математической модели (6) показывает, что хозяйствующие субъекты Новосибирской области, осуществляющие процесс чипизации своего молочного стада, имеют средний индекс цифровизации молочного скотоводства на уровне 74%, отклонения которого с коэффициентом 0,17 находятся в зависимости от рентабельности собственного капитала.

Следовательно, хозяйствующие субъекты, планирующие чипизацию своего молочного стада, могут спрогнозировать рациональный для себя индекс цифровизации молочного скотоводства. В ходе проведенного исследования выбраны и проанализированы хозяйствующие субъекты нуждающиеся в цифровизации.

Результаты расчета ожидаемой экономической эффективности от инвестиций в цифровизацию хозяйствующих субъектов молочного скотоводства у ТОП-10 передовых хозяйствующих субъектов Новосибирской области показали диапазон колебаний от 4,69 до 6,04 руб. на рубль инвестиций в цифровизацию (табл. 7), что делает инвестирование в цифровизацию хозяйствующих субъектов молочного скотоводства, имеющих положительную величину чистой прибыли, достаточную для софинансирования, привлекательным как для государства, так и для частного бизнеса.

**Прогноз ожидаемого экономического эффекта для ТОП-10 хозяйствующих субъектов
молочного скотоводства Новосибирской области**

Наименование хозяйствующего субъекта	Рентабельность собственного капитала	Индекс цифровизации (прогноз), %	Эффект на 1 руб. инвестиций, руб.
ЗАО Племязавод	14,79	76,77	5,16
ООО «Сибирская Нива» (ГК «ЭкоНива-АПК Холдинг»)	14,15	76,67	4,87
ООО КФХ «Русское поле»	61,79	84,77	5,7
ЗАО Агрофирма «Лебедевская»	0,86	74,4	5,03
ЗАО «Ивановское»	8,67	75,73	5,63
ЗАО им. Кирова	7,56	75,54	4,69
СПК «Кирзинский»	8,49	75,7	5,26
ЗАО «Пламя»	5,07	75,12	5,23
ООО «УЧХОЗ Тулинское»	108,55	92,73	6,04
ООО «Сибирский пахарь»	13,63	76,58	5,3

Источник: составлено авторами.

Алгоритм прогнозирования влияния государственной поддержки цифровизации на развитие молочного скотоводства включает 3 этапа:

1 этап – мониторинг системы (региона) по уровню цифровизации хозяйствующих субъектов молочного скотоводства. Включает: обоснование методики расчета индекса цифровизации и подиндексов, учитывающих применение конкретных цифровых технологий в производственном процессе отрасли; регрессионный анализ для установления связей между уровнем цифровизации и финансовыми показателями деятельности хозяйствующих субъектов отрасли; корреляционный анализ для определения влияния подиндексов (конкретных цифровых технологий) на индекс цифровизации хозяйствующих субъектов молочного скотоводства региона в целом.

2 этап – отбор хозяйствующих субъектов для оказания государственной поддержки их цифровизации. Включает: ранжирование хозяйствующих субъектов по уровню рентабельности и исключение субъектов, неспособных участвовать в софинансировании проектов; расчет эффективности хозяйственной деятельности участников государственной программы поддержки цифровизации от инвестиций в цифровые технологии.

3 этап – математическая модель по расчету экономического эффекта от инвестирования в цифровые активы хозяйствующих субъектов показала эффективность инвестирования в цифровые активы в 6,7 раза выше чем в нецифровые. Модели позволяют прогнозировать результаты как для организаций, осуществляющих процесс цифровизации молочного скотоводства, так и выявлять хозяйствующие субъекты, имеющие к нему потенциал, и рассчитывать для них ожидаемый экономический эффект от инвестиций.

Обсуждение результатов исследования

Российский опыт цифровизации хозяйствующих субъектов молочного скотоводства показал значительное влияние поголовья скота на окупаемость затрат при их цифровизации. Прогнозы развития отрасли сделаны на основе инновационного подхода к прогнозированию, разработанного автором¹**Ошибка! Источник ссылки не найден.** Для эффективного использования цифровых технологий на молочных фермах рекомендуется держать не менее 25 голов. Но даже строительство цифровой молочной фермы на 50 голов с общими затратами 2,3 млн руб. имеет срок окупаемости 10 лет². Увеличение молочного стада до 100 голов с общими затратами 3,9 млн руб. сокращает срок окупаемости до двух лет³**Ошибка! Источник ссылки не найден.**

Анализ хозяйствующих субъектов, успешно осуществивших цифровизацию, показал: рост поголовья скота на 10%⁴ ($K_1=1,1$), молочной продуктивности на 15%⁵ ($K_2=1,15$) и снижение себестоимости производства молока на 20%⁶ ($K_3=0,8$). Учитывая эти изменения, рассчитанные при помощи коэффициентов эффективности цифровизации (K) и перечисленных параметров молочного скотоводства, рассчитаны и другие показатели (табл. 8). Проведенные расчеты

¹ Чернякова М.М. Инновационный подход к регулированию процесса трансформации молочной отрасли в цифровую экономику – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. технического ун-та, 2020. – 380 с.

² Риски трансформации сельского хозяйства в цифровую экономику: коллектив. моногр. / Черняков М.К., Баранова И.В., Чернякова М.М., Усачева О.В., Громов С.С. ; под ред. М.К. Чернякова. – Новосибирск: НГТУ, 2021. – 292 с. – https://www.researchgate.net/publication/355927552_Riski_transformacii_selskogo_hozajstva_v_cifrovuu_ekonomiku

³ Как сделать смету на строительство фермы / ООО «Строй-комплект». – <https://smetconsult.ru/raznoe/smeta-na-stroitelstvo-fermy.html>

⁴ Конец ручного управления. Какие цифровые технологии внедряются на животноводческих предприятиях // ACDAMATE. 2020. – 03.03. – <https://acdamate.com/press-center/press/konets-ruchnogo-upravleniya-kakie-tsifrovye-tehnologii-vnedryayutsya-na-zhivotnovodcheskikh-predpri/>

⁵ Петрова О.Г., Барашкин М.И., Мильштейн И.М. Значение цифровизации отечественного животноводства // Аграрное образование и наука. 2019. – № 4. – http://aon.urgau.ru/uploads/article/pdf_attachment/906/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf

⁶ Пять причин использовать облачные технологии в молочной отрасли // Milknews 2021. – 02.03. – <https://milknews.ru/longridy/5-prichin-ispolzovat-oblachnye-tehnologii-v-molochnoj-otrasli.html>

для сельскохозяйственных организаций в 2022 году с поголовьем молочного стада в 100 голов до и после цифровизации показали снижение себестоимости производства на 20%.

Таблица 8

Технико-экономические показатели молочного скотоводства до и после цифровизации на 2022 год по Сибирскому федеральному округу

Показатели	2022 г.		Отклонение		
	До	После	Абс.	Отн., %	Кратно
Поголовье коров, гол	100	110	100	10,00	1,10
Молочная продуктивность коров в СХО, кг/год	5782	6649,3	867,3	15,00	1,15
Производство молока, т/год	5782	7314,23	1532,23	26,50	1,27
Цена на молоко сырье, руб/кг	21,12	21,12	0,00	0,00	1,00
Себестоимость молока, руб/кг	17,88	14,31	-3,58	-20,00	0,80
Выручка, млн руб.	12,21	15,45	3,24	26,50	1,27
Затраты, млн руб.	10,34	10,46	0,12	1,20	1,01
Прибыль, млн руб.	1,87	4,98	3,11	166,22	2,66
Чистая прибыль, млн руб.	1,50	3,99	2,49	166,22	2,66

Источник: составлено авторами.

Кроме того, расчеты показали (табл. 8), что ожидается рост поголовья скота – на 10%, продуктивности коров – на 15%, и как следствие производства молока – на 26,5%, что снижение себестоимости производства молока позволит хозяйствующему субъекту увеличить ожидаемую прибыль на 3,11 млн руб., которая в 2,66 раза выше, чем без цифровизации. Полученная прибыль позволит компенсировать 80% инвестиций в цифровизацию и окупить затраты на цифровизацию за 1 год 7 месяцев. Аналогичные расчеты, проведенные по Новосибирской области, показали, что эффективность от цифровизации для хозяйствующего субъекта еще выше, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу, и срок окупаемости в результате внедрения цифровизации в молочное скотоводство составит 1 год 4 месяца, что обусловлено большими объемами государственной поддержки (табл. 9).

Таблица 9

Технико-экономические показатели производства молока до и после цифровизации на 2022 год по Новосибирской области

Показатели	2022 г.		Отклонение		
	До	После	Абс.	Отн., %	Кратно
Поголовье коров, гол	100	110	10	10,00	1,10
Молочная продуктивность коров в СХО, кг/год	5369	6174,35	805,35	15,00	1,15
Производство молока, т/год	536,9	679,18	142,28	26,50	1,27
Цена на молоко сырье, руб/кг	27,90	27,90	0,00	0,00	1,00
Себестоимость молока, руб/кг	23,50	18,80	-4,70	-20,00	0,80
Выручка, млн руб.	14,98	18,95	3,97	26,50	1,27
Затраты, млн руб.	12,62	12,77	0,15	1,20	1,01
Прибыль, млн руб.	2,36	6,18	3,82	161,63	2,62
Чистая прибыль, млн руб.	1,89	4,94	3,05	161,63	2,62

Источник: составлено авторами.

Анализируя вышеизложенное, для упрощения расчета динамики роста чистой прибыли хозяйствующего субъекта за счет цифровизации предлагается вычислять ее по формуле:

$$Y4_e = I_{d_dcb} * X4 * X8 * (0,212 * X24 - 0,0096 * X26) / 1000000 \quad (7),$$

где

$Y4_e$ – величина увеличения чистой прибыли за счет цифровизации, млн руб.;

$Y19$ или I_{d_dcb} – индекс цифровизации молочного скотоводства, %;

$X4$ – поголовье коров в хозяйствующем субъекте, гол.;

$X8$ – молочная продуктивность коров в хозяйствующем субъекте, кг/год;

$X24$ – цена на молоко сырье в регионе, руб./кг;

$X26$ – себестоимость молока в хозяйствующем субъекте, руб./кг.

Подставив, в формулу (7), исходные данные из колонки до цифровизации (табл. 8) и предполагая 100% цифровизацию в хозяйствующем субъекте ($I_{d_dcb} = 1$) получаем:

$$Y4 = 1 * 100 * 5782 * (0,212 * 21,12 - 0,0096 * 17,88) / 1000000 = 2,49, \text{ млн руб.}$$

Результаты расчета по формуле (7) полностью соответствуют абсолютному отклонению чистой прибыли, приведенной в табл. 8, что свидетельствует об ее адекватности. Использование формулы не только ускоряет процесс оценки эффективности цифровизации хозяйствующих субъектов, но и позволяет корректировать ее с учетом критерия цифровизации (I_{d_dcb}) и она легко встраивается в цифровые технологии.

Инвестиции в цифровизацию производственных процессов позволят как минимум на 10% сократить численность персонала, а значит, главную статью затрат предпринимателей – затрат на заработную плату, что делает процесс

цифровизации привлекательным для государственных органов исполнительной власти и частных инвесторов и рекомендуются к внедрению (табл. 10).

Прогнозная оценка экономических и производственных показателей данной работы показывает возможность увеличения продуктивности молочных коров на 10–15%, снижения издержек производства сырого молока на 15–20%, повышения эффективности модернизированного инновационного производства экологически безопасных молочных продуктов на 25–35%.

Таблица 10

Достигнутый эффект от внедрения цифровых решений в молочном скотоводстве

Текущие расходы (снижение)		Достигнутый эффект (снижение)	
Корма для животных	~ 40%	Эффективное использование кормов и снижение производственного цикла	~ 15%
Оплата труда	~ 30%	Сокращение обслуживающего персонала	10–20%
Транспортные расходы	~ 7%	Эффективное использование, автоматизация учета	5–15%
Коммунальные услуги	~ 7%		
Ветеринарное обслуживание	5–10%	За счет своевременного сфокусированного применения лекарств и выявления заболеваний на ранних стадиях-	10–20%
Другое	5–10%		

Источник: составлено авторами.

Таким образом, при использовании автоматической системы выпаивания наблюдается повышение сохранности телят с 93 до 98%, что дает формальный прирост всего на 5%, но в структуре всех производственных затрат на выращивание «одного теленка, его ветеринарное сопровождение, откорм и последующее создание им добавленной стоимости в виде конечного продукта – молока суммарный эффект может составлять 15–20%». Прогнозируется улучшение результатов по воспроизводству: повысится «процент плодотворного осеменения по стаду с 32 до 37%», а также «снизится процент выбытия новотельных животных в первые 60 дней после отела с 7 до 3,5%». Внедрение цифровых решений в животноводстве, уменьшит процент гибели скота на 15% и в перспективе позволяет нарастить поголовье на «10% в год»¹.

Развитие автоматизированных систем управления в молочном скотоводстве позволит повысить интенсивность использования оборудования, добиться снижения трудовых и материальных затрат, а также технологического эффекта, заключающегося в создании наиболее благоприятных условий для животных. В результате удой увеличиваются на 25%, воспроизводство – на 20%, снижается уровень заболеваемости животных.

Все это позволит изменить подход органов государственного управления к выбору форм государственной поддержки молочного скотоводства. Для этого рекомендуется использовать такую форму поддержки, как субсидия на внедрение цифровых технологий, которая должна включать компенсирующую часть, то есть возмещение затрат на технологии, приобретенные предпринимателем самостоятельно, и стимулирующую часть – возврат части затрат на приобретение конкретных программно-аппаратных систем (рис. 3). Предприниматель должен иметь право на одновременное использование обоих видов субсидий.

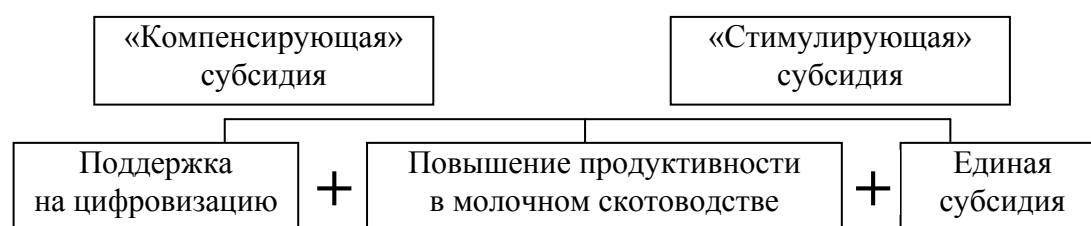

Рисунок 3.

Изменение в подходах предоставления субсидий (составлено авторами)

Сегодня в производственные процессы внедряется большое количество сложнейших цифровых решений, совмещенных с технологическим оборудованием, многофункциональные инструменты, основанные на электронике и сенсорных датчиках. То есть цифровизация – сложный организационный процесс, требующий практических действий: довести до потребителя информацию об имеющихся на рынке технологиях, научить пользоваться программным обеспечением и оборудованием, установить и оборудование, и программное обеспечение к нему, помочь на первых порах с его эксплуатацией и т.п.). Для реализации этих функций необходимо развивать региональные консультационные центры, создавать службы риск-менеджмента в районах или определить специалистов по управлению аграрными рисками², которые смогут правильно определить и оценить риски, дадут рекомендации организациям молочного скотоводства найти оптимальные методики и ИКТ влияния на них, позволят снизить величину потерь и повысить степень устойчивости развития хозяйств отрасли.

¹ Конец ручного управления. Какие цифровые технологии внедряются на животноводческих предприятиях // ACDAMATE. 2020. – 03.03. – <https://acdamate.com/press-center/press/konets-ruchnogo-upravleniya-kakie-tsifrovye-tehnologii-vnedryayutsya-na-zhivotnovodcheskikh-predpri/>

² Риски трансформации сельского хозяйства в цифровую экономику: коллектив. моногр. / Черняков М.К., Баранова И.В., Чернякова М.М., Усачева О.В., Громов С.С. ; под ред. М. К. Чернякова. – Новосибирск: НГТУ, 2021. – 292 с. – https://www.researchgate.net/publication/355927552_Riski_transformacii_selskogo_hozajstva_v_cifrovuu_ekonomiku

Выводы

Методические основы определения влияния государственного регулирования на уровень цифровизации молочного скотоводства региона предполагают алгоритм оценки уровня цифровизации молочного скотоводства, включающий 7 этапов:

Этап 1. Выбор методов и показателей для получения математического обеспечения, основанный на статистическом анализе и оценке состояния и перспектив развития молочного скотоводства.

Этап 2. Обоснование показателей, характеризующих молочное скотоводство, необходимых для построения формальной модели прогнозирования для товарной цепочки «производство» – «переработка» – «сбыт», их логическая структуризация и наиболее эффективные инструменты анализа – статистического и морфологического.

Этап 3. Построение моделей прогнозирования параметров молочного скотоводства (основано на инновационном подходе, корреляционном анализе, ранжировании, выборе косвенного регулятора), параметров для разработки математических моделей возможных прямых связей с косвенным регулятором и их проверке на адекватность.

Этап 4. Прогнозирование параметров развития молочного скотоводства под влиянием средств государственной поддержки, выделяемых на инновации, в том числе на цифровизацию. Представляет собой многоуровневую модель прогнозирования параметров молочного скотоводства для федерального округа в целом или отдельного региона. Применяется метод обратного прогнозирования.

Этап 5. Оценка уровня цифровизации молочного скотоводства. В качестве критериев оценки уровня информатизации хозяйствующих субъектов молочного скотоводства предложено два основных критерия – доля (I_{s_dcb}) и индекс (I_{d_dcb}) цифровизации и методика выявления возможных связей между 16 финансовыми параметрами хозяйствующих субъектов с долей и индексом цифровизации.

Этап 6. Определение зависимости экономической эффективности инвестиций от уровня цифровизации, корректирующийся путем добавления в формулу поправочных коэффициентов, учитывающих специфические условия функционирования хозяйствующих субъектов (района, региона и т.д.).

Этап 7. Ранжирование хозяйствующих субъектов по уровням рентабельности собственного капитала. Основано на отборе хозяйствующих субъектов, имеющих чистую прибыль, расчете доли чистой прибыли в собственном капитале для инвестиций и ранжировании их списка и обосновании уровней их цифровизации.

Яковлева С.И.

д.э.н., доцент, профессор кафедры туризма и природопользования, Тверской государственной университет
Sv_Yakowleva@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОВ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПЛАНИРОВАНИЯ

Ключевые слова: региональная стратегия, методы стратегического анализа и планирования, новые факторы регионального развития, тренинговые системы обучения региональному стратегированию.

Keywords: regional strategy, methods of strategic analysis and planning, new factors of regional development, training systems for teaching regional strategy.

В данной работе обоснована необходимость обновления методики разработки стратегий социально-экономического развития регионов. Актуальность данного исследования определяется тем, что в теории и практике регионального стратегирования используются классические и новые методы, при использовании которых важно учитывать *новые факторы*. Считаем важным обратить внимание на основные *формы актуализации методов* регионального стратегического анализа и планирования: диверсификация методов, расширение системы анализируемых факторов, поиск новых форм систематизации результатов (параметров) оценки влияния внутренних и внешних факторов, дифференцированный подход к разным типам регионов.

Состав комплексных методов стратегического анализа расширен: наряду с использованием SWOT-анализа с разными вариантами матриц, активно внедряется универсальный метод LC-AV¹. Методика четко структурирована по направлениям конкуренции (их 7) и ориентирована на формирование *территориальной структуры* экономики региона (экономические зоны, базовые экономические комплексы, межотраслевые кластеры, меры и проекты, обеспечивающие реализацию поставленных экономических и социальных целей). Методика открыта для использования и уже имеет опыт внедрения в стратегиях ряда регионов РФ² (Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Краснодарский край, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Адыгея и др.).

Новые проблемные *типы регионов*: конфликтные и постконфликтные³, в том числе пострадавшие от военных действий. Последнюю категорию в 1996 г. предложил для пространственного планирования (бывшей районной планировки) профессор МГУ, д.геогр.н. Е.Н. Перцик в ходе научного руководства диссертацией иранского аспиранта⁴. Категория военно-конфликтных стран⁵ и регионов, в том числе пострадавших от военных действий, требует особого внимания в период восстановления тотально или частично разрушенных территорий, а для управления – разработки специальных стратегий и программ восстановления (как для Чеченской Республики⁶).

Новый системный *фактор* – международные санкции и импортозамещение. Требуется актуализация промышленных стратегий России⁷ и её регионов. В исследованиях, посвященных промышленной стратегии⁸ и промышленной

¹ AV Galaxy – «живая» система управления будущим. – <https://stratplan.ru/UserFiles/Files/AVGalaxy%20system180723.pdf>

² Консорциум Леонтьевский центр – AV Group: Реализованные проекты и методика. – <http://lc-av.ru/projects/>

³ Терминология ООН с 2005 г. для «неблагополучных» стран и регионов. См.: Проект решения, рекомендованный Специальным комитетом. Конференция: ЮНЕСКО. Исполнительный совет, 172, 2005 [433]. Раздел G. Конфликтные и постконфликтные районы. – С. 5–6. – https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000140961_gus

⁴ Мошири Ф. Экономико-географические аспекты районной планировки районов Ирана, пострадавших от военных действий: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 21 с. – <http://earthpapers.net/preview/424029/a/#?page=1>

⁵ Неправительственная организация – Совет по международным отношениям (CFR) на своем сайте постоянно обновляет информацию о глобальных конфликтах (см. карту): Global Conflict Tracker. Council on Foreign Relations. – <https://www.cfr.org/interactive/global-conflict-tracker>

⁶ Постановление от 21 декабря 2001 года № 889 О федеральной целевой программе «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы)» (с изменениями на 29 декабря 2007 года). Фактически утратило силу в связи с истечением срока действия. – <https://docs.cntd.ru/document/901808852>

⁷ Яковлева С.И. Стратегия развития промышленности: проекты Германии и России // Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения: Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием. 16–17 декабря 2021 г. М.: МИРЭА – Российский технологический университет. – <http://inion.ru/ru/about/news/21-nauchnaia-konferentsiia-modernizatsiia-rossii-prioritety-problemy-resheniia/>; <http://ukros.ru/archives/29073>; <https://www.youtube.com/watch?v=Ci7asRaCZSk>

⁸ Масютин С.А., Животовская А.Г. Реиндустриализация экономики как основа промышленной политики России // Экономика в промышленности. 2019. – Т. 12, № 4. – С. 416–425. DOI: 10.17073/2072-1633-2019-4-416-425. – <https://ecoprom.misis.ru/jour/issue/viewFile/47/46>; Чекова Е. М. Анализ стратегии развития промышленности Российской Федерации // Вестник СамГУ. 2010. – № 79. – <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz>.

политике¹ России, авторы критически оценивают роль промышленности в экономике страны. Отмечают главное – промышленное производство в настоящее время не служит источником роста российской экономики. Роль и место промышленности, особенно обрабатывающей, не соответствуют стандартам развитых и динамично развивающихся стран. Вместо постиндустриальной экономики, основанной на знаниях, в стране складывается постиндустриальная экономика, основанная на обслуживающих (сервисных) видах деятельности. Поэтому нашей стране нужна новая стратегия развития для сохранения и усиления ключевой роли промышленности в экономике. С появлением новых факторов актуализация требуется и для всех региональных стратегий на базе обновленных национальных стратегий России.

Стратегическое планирование позволяет заблаговременно *анализировать возможности и угрозы внешней среды* и делает возможным создание нескольких вариантов сценариев развития региона, которые при необходимости корректируются и адаптируются к изменениям, происходящим в обществе². Сценарный метод³ регионального стратегического планирования даёт возможность выбора и оперативного стратегического «маневрирования». Типичной для региональных стратегий России является оценка рисков основных сценариев развития (см. пример стратегии Тверской области⁴).

При разработке региональных стратегий необходимо использовать систему сопряженных понятий, отражающих разную *степень опасности*: проблемы, риски, вызовы и угрозы⁵ для оценки внутренних и внешних факторов, сценариев развития региона. Эти понятия редко используются в действующих региональных стратегиях вместе, обычно выявляются ключевые проблемы, называются угрозы как внешние факторы развития, а сценарии развития региона сравниваются по степени риска. В алгоритме разработки стратегии социально-экономического региона факторы «опасности» должны помогать выстраивать стратегию развития региона, вписывая его в систему и условия мирового и национального развития. Примером оценки всей системы понятий опасностей может служить стратегия Республики Татарстан⁶. В современном оценочном обзоре региональных стратегий Жихаревич Б.С. (2020) отметил, «что в большинстве стратегий российских регионов уделяется внимание рискам и угрозам, однако лишь в трети случаев это делается относительно качественно, а мероприятия по противодействию рискам прорабатываются не более чем в 10% стратегий»⁷.

В библиографическом списке публикаций по стратегическому планированию на сайте Ресурсного центра стратегического планирования⁸ представлено значительное количество публикаций (более 200), много сборников статей и монографий, в том числе по методике стратегического планирования. Особый интерес представляет дифференцированный подход к разработке стратегий регионов разных типов (городские агломерации, депрессивные регионы). Открыты для ознакомления обзоры практики стратегического планирования регионов и городов.

В заключение обращаем внимание на важный методический аспект: в практике высшего образования нужно уточнить и дополнить тренинговые задания, с помощью которых формируются современные компетенции специалистов стратегического планирования, в том числе экспертов. Актуальным продолжает оставаться разработка современного учебного пособия для дисциплины «Стратегическое планирование регионов и городов», особенно для магистров-географов. Эксперт-географ, географ-специалист по стратегическому планированию – одна из новых профессий, связанных с географией⁹. Например, в Тверском государственном университете «Стратегическое планирование регионов и городов» изучают магистры-географы с 2012 г. Авторское учебное пособие¹⁰ ежегодно актуализируется, практические задания оформлены и представлены в открытом доступе (<https://lms.tversu.ru/>) для каждого студента (с 2017 г.), что позволяет работать в компьютерном классе и в онлайн-режиме.

¹ Осьмаков В.С., Калинин А.М. О стратегии развития промышленности России // Экономический портал. – <https://institutions.com/strategies/3017-o-strategii-razvitiya-promyshlennosti-rossii.html>

² Свиридова Т.А., Кузнецова У.В. Актуализация стратегического планирования на уровне региона: основные проблемы и способы решения // Проектное управление в строительстве / Воронежский государственный технический университет. 2019. – № 4 (17). – С. 110–118. – https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42457731_26014993.pdf

³ Линдгрэн М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией. – М.: Олимп-Бизнес, 2018. – <https://www.cfin.ru/management/strategy/plan/scenario.shtml>

⁴ Стратегия социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 года (2013). – <https://docs.cntd.ru/document/430628871>

⁵ Яковлева С.И. Угрозы, вызовы, риски и проблемы как важные категории стратегического планирования регионов // Псковский региональный журнал. 2017. – № 31 (3). – С. 3–18. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=30281224>

⁶ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года (2015). – http://tatarstan2030.ru/UserFiles/Strategy%20RT_zakon.pdf

⁷ Жихаревич Б. С. Риски и угрозы в стратегиях российских регионов // Региональная экономика. Юг России. 2020. – Т. 8, № 4. – С. 19–29. – https://stratplan.ru/UserFiles/Files/Zhikharevich_risks.pdf

⁸ См. библиографический список публикаций на русском языке по теме стратегического планирования на сайте Ресурсного центра стратегического планирования. – <https://stratplan.ru/adv2read/index.php?page=7>

⁹ Профстандарт «Географ» создаст прецедент. 14 апреля 2022. – https://www.rgo.ru/ru/article/profstandart-geograf-sozdast-precedent?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

¹⁰ Яковлева С.И. Стратегическое планирование регионов и городов: учеб. пособие. 3-изд. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – http://texts.lib.tversu.ru/texts/EOR/ucheb/12747d/01_start.html

РОССИЯ:

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных и региональных проектов и программ»

Ежегодник

Выпуск 17

Часть 3

Компьютерная верстка
и техническое редактирование –
В.Б. Сумерова

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Подписано на выход в свет – 5/IX – 2022 г.
Формат 60×90/8 Уч.-изд.л. 62,0